Полное собрание сочинений

ВИКТОРА ГЮГО

ННП

ВИКТОРЪ ГЮГО
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ТОМЪ II.
Книга 7.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

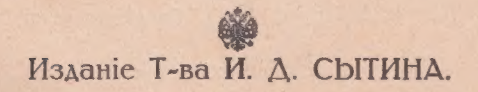
ВИКТОРА ГЮГО

Томъ II.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ профессора

А. И. Кирпичникова.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1915.

Предисловіе автора къ роману „Отверженные".

Пока общественные законы и нравы будутъ допускать лишеніе человѣка, хотя бы и по суду, принадлежащихъ ему гражданскихъ правъ, создающее для человѣка цѣпи неволи и осложняющіе его судьбу,—которая исходитъ отъ Бога,—роковою случайностью,—которая исходитъ отъ человѣка; пока не будутъ удовлетворительно разрѣшены три великія проблемы вѣка: вопросъ объ унижающемъ человѣчество пролетаріатѣ, вопросъ о паденіи женщины изъ-за голода и вопросъ о воспитаніи ребенка; пока въ нѣкоторыхъ странахъ не расчистится нестерпимо удушливая соціальная атмосфера; другими словами, пока съ лица земли не исчезнутъ невѣжество и нищета,—до тѣхъ поръ книги въ родѣ этой безполезными не будутъ.

Отвиль-гаузъ, 1862.

ОТВЕРЖЕННЫЕ.

Романъ въ пяти частяхъ. ═ Переводъ подъ редакціей Е. Н. Киселева.

Часть первая.—ФАНТИНА.

Книга первая.—ПРАВЕДНИКЪ.

I.

Миріель.

Епископомъ въ городѣ Динѣ въ 1815 году былъ Шарль-Франсуа-Біенвеню Миріель, семидесятипятилѣтній старецъ, занимавшій мѣстную епископскую каѳедру съ 1806 года.

Эта подробность не имѣетъ значенія, но о ней слѣдуетъ упомянуть для большей точности и для того, чтобы указать на всѣ тѣ толки и пересуды, которые возбудилъ въ епархіи пріѣздъ епископа.

Монсиньоръ Миріель принадлежалъ по рожденію къ судебной аристократіи. Разсказывали, что его отецъ, членъ судебной палаты, желая обезпечить за потомствомъ сына свою выгодную должность, переходившую по обычаю того времени отъ отца къ сыну, женилъ его очень рано; но, несмотря на свою женитьбу, Шарль Миріель очень много заставлялъ о себѣ говорить. Онъ былъ красивъ собой, хотя довольно малъ ростомъ, изященъ, пріятенъ, остроуменъ и всю первую часть своей жизни посвятилъ свѣту и ухаживанію за женщинами.

Наступила революція. Событія быстро смѣняли другъ друга. Многія парламентскія семьи были разорены и изгнаны изъ Франціи. Съ первыхъ же дней революціи Шарль Миріель эмигрировалъ въ Италію, гдѣ его жена умерла отъ грудной болѣзни, которой мучилась уже давно. Дѣтей у нихъ не было. Что такое вызвало перемѣну, происшедшую въ жизни Миріеля? Что натолкнуло его на мысль объ отреченіи отъ міра, объ удаленіи отъ него? Бѣгство ли французской аристократіи, исчезновеніе ли его собственной семьи, трагическія ли происшествія 93 года, казавшіяся, быть-можетъ, издалека гораздо ужаснѣе? Или, можетъ-быть, во время его бурной жизни съ нимъ случился одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ и ужасныхъ ударовъ судьбы, которые иногда переворачиваютъ сердце человѣка, способнаго хладнокровно устоять среди общественныхъ потрясеній, и которые ломаютъ потомъ все его существованіе? Никто не могъ этого сказать; извѣстно было только то, что изъ

Италіи онъ возвратился уже священникомъ. Въ 1804 г. Миріель былъ приходскимъ кюрэ гдѣ-то въ Бриньолѣ, былъ уже старъ и жилъ въ глубокомъ уединеніи.

Во время коронаціи Наполеона I одно незначительное приходское дѣло, неизвѣстно какое именно, заставило Миріеля пріѣхать въ Парижъ и обратиться къ кардиналу Фешу съ ходатайствомъ за своихъ прихожанъ. Разъ, когда императоръ пріѣхалъ съ визитомъ къ своему дядѣ, почтенный кюрэ, дожидавшійся въ пріемной, увидалъ его величество. Наполеонъ, замѣтивъ, съ какимъ любопытствомъ разсматриваетъ его старикъ, обернулся и спросилъ рѣзко: «Кто этотъ маленькій старичокъ, который на меня такъ смотритъ?»—«Ваше величество,—отвѣчалъ Миріель,—вы смотрите на маленькаго старичка, а я смотрю на великаго человѣка. Каждый изъ насъ можетъ извлечь себѣ изъ этого пользу».

Императоръ въ тотъ же вечеръ спросилъ у кардинала имя этого кюрэ, а спустя немного времени Миріель совершенно неожиданно для себя узналъ, что его назначили епископомъ въ Динь. Насколько достовѣренъ разсказъ о первой части жизни Миріеля, никто не можетъ сказать. Очень немногіе знали его семейство до революціи.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Динь, Миріель подвергся участи всякаго новопріѣзжаго въ маленькій городъ, гдѣ много говорящихъ ртовъ и мало думающихъ головъ; онъ подвергся этой участи, несмотря на то и даже именно потому, что былъ епископомъ. Но, въ концѣ-концовъ, злословіе, къ которому примѣшивалось его имя, слухи и толки стали понемногу затихать и, послѣ девятилѣтняго пребыванія епископа въ Динѣ, всѣ эти сплетни, занимавшія въ первое время маленькій городокъ и маленькихъ людей, исчезли сами собой. Никто не осмѣлился бы теперь даже вспоминать о нихъ.

Миріель пріѣхалъ въ Динь въ сопровожденіи своей старой сестры, дѣвицы Батистины, которая была на десять лѣтъ моложе его, и мадамъ Маглуаръ, ровесницы m-lle Батистины. Маглуаръ, раньше бывшая служанкой кюрэ, получила теперь двойное званіе горничной барышни и экономки его преосвященства. M-lle Батистина была высокая, блѣдная, худая, тихая особа; она олицетворяла идеалъ, выражаемый словомъ «почтенная», несмотря на то, что, казалось бы, одно только материнство должно давать женщинѣ на это право. Она никогда не была красива, но вся ея жизнь, полная добрыхъ дѣлъ, наложила на нее печать чистоты и ясности, а подъ старость она пріобрѣла то, что можно было назвать красотой доброты. То, что въ молодости было худощавостью, въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлалось прозрачностью, сквозь которую просвѣчивала ангельская душа; вообще она казалась скорѣе духомъ, чѣмъ земнымъ существомъ. Она была какъ бы соткана изъ тѣни, у нея какъ будто вовсе не было тѣла; въ этой легкой оболочкѣ какъ бы заключался какой-то свѣтъ; ея большіе глаза были всегда опущены внизъ, какъ будто духъ ея искалъ предлога для своего пребыванія на землѣ.

M-me Маглуаръ была маленькая старушка, бѣленькая, полненькая, не сидѣвшая ни минуты на мѣстѣ, вѣчно задыхавшаяся вслѣдствіе постояннаго движенія и мучившей ее астмы. Согласно императорскому декрету, поставившему епископа непосредственно послѣ маршала, Миріель былъ съ большими почестями водворенъ въ своемъ дворцѣ. Первыми сдѣлали ему визиты мэръ и предсѣдатель совѣта, къ генералу же и префекту города первымъ поѣхалъ самъ епископъ.

Весь городъ сталъ ждать, какъ выкажетъ себя епископъ на дѣлѣ.

II.

Г. Миріель превращается въ преосвященнаго Біенвеню.

Епископскій дворецъ въ Динѣ прилегалъ къ больницѣ. Это былъ прекрасный, обширный, каменный особнякъ, выстроенный въ началѣ прошлаго вѣка докторомъ богословія парижскаго факультета, преосвященнымъ Анри-Пюже, аббатомъ симорскимъ, бывшимъ въ 1712 году, епископомъ въ Динѣ. То было настоящее зданіе феодальной эпохи: все въ немъ было грандіозно,—и личные покои епископа, и пріемныя, и залы, и парадный дворъ, очень обширный, со сводчатыми галлереями въ старинномъ флорентійскомъ вкусѣ, и сады съ великолѣпными деревьями. Въ столовой—длинной и превосходной галлереѣ, находившейся въ первомъ этажѣ и выходившей въ садъ—преосвященный Анри-Пюжэ давалъ парадный обѣдъ 29 іюля 1714 года ихъ преосвященствамъ: Шарлю Брюларъ де-Жанлису, князю-архіепископу анбрёнскому; Антуану Медриньи, капуцину, епископу грасскому; Филиппу Вандомскому, настоятелю мальтійскаго ордена во Франціи; аббату монастыря Сентъ-Онорэ въ Леренѣ; Франсуа-де-Бертонъ-Грильону, епископу—барону вэнскому; Цезарю де-Сабранъ-де-Форкальньэ, владѣтельному епископу гландевскому, и Жану Соанену, пресвитеру Ораторіи, придворному королевскому проповѣднику, владѣтельному епископу сендускому. Портреты этихъ семи князей церкви были развѣшаны по стѣнамъ залы, а достопамятное число 29 іюля 1714 года было начертано золотыми буквами на бѣлой мраморной доскѣ.

Больница помѣщалась въ небольшомъ одноэтажномъ низенькомъ домѣ съ маленькимъ садомъ. Черезъ три дня по пріѣздѣ, епископъ посѣтилъ больницу и послѣ осмотра покорнѣйше попросилъ директора прійти къ нему.

— Господинъ директоръ, сколько у васъ въ настоящее время больныхъ?—спросилъ онъ.

— Двадцать шесть, ваше преосвященство.

— По моему счету столько же,—сказалъ епископъ.

— Кровати,—началъ директоръ,—слишкомъ близко стоятъ одна къ другой.

— Это я тоже замѣтилъ.

— Палаты—простыя комнаты, и въ нихъ плохая вентиляція.

— Это и мнѣ также показалось!

— И притомъ въ саду мало мѣста для выздоравливающихъ, чтобы имъ погулять въ хорошую погоду.

— То же самое и я подумалъ.

— Во время эпидемій,—въ нынѣшнемъ году, у насъ былъ тифъ, а два года тому назадъ горячка,—больныхъ иногда было человѣкъ до ста, и мы не знали, куда ихъ размѣстить.

— Это тоже мнѣ приходило въ голову!

— Что дѣлать, ваше преосвященство,—отвѣчалъ директоръ,— нужно покоряться!

Этотъ разговоръ происходилъ въ галлереѣ-столовой епископскаго дворца.

Помолчавъ немного, епископъ быстро обернулся къ директору:

— Какъ вы думаете, сколько можно уставить кроватей въ одной этой комнатѣ?

— Въ столовой вашего преосвященства?—съ изумленіемъ воскликнулъ директоръ.

Епископъ обвелъ взглядомъ всю залу, желая, кажется, на глазомѣръ измѣрить и вычислить ее.

— Въ ней легко можно уставить двадцать кроватей,—сказалъ онъ какъ бы про себя, потомъ продолжалъ громко:—Послушайте, господинъ директоръ, что я хочу вамъ сказать. Здѣсь, очевидно, произошла ошибка: вы двадцать шесть человѣкъ помѣщаете въ пяти-шести маленькихъ комнаткахъ, насъ же всего трое, а помѣщеніе у насъ на шестьдесятъ человѣкъ. Здѣсь очевидное недоразумѣніе: вы помѣстились въ моемъ, а я въ вашемъ домѣ. Отдайте мнѣ мой домъ и возьмите вашъ.

На слѣдующій же день двадцать шесть бѣдныхъ больныхъ были водворены во дворецъ епископа, а епископъ перешелъ въ больницу.

У епископа Миріеля не было своего состоянія, его семья была разорена во время революціи. Сестра его пользовалась пожизненной рентой въ пятьсотъ франковъ, которую она употребляла на свои личные расходы. Епископъ Миріель получалъ отъ государства по штату, какъ епископъ, окладъ въ пятнацать тысячъ франковъ. Въ тотъ же день, когда епископъ Миріель перебрался въ больницу, онъ разъ навсегда распредѣлилъ расходованіе этой суммы. Мы переписываемъ здѣсь смѣту, написанную имъ самимъ.

Распредѣленіе расходовъ моего дома:

На семинарію для малолѣтнихъ	1.500 фр.
Въ миссіонерскую конгрегацію	100 »
Лазаристамъ въ Мондидье	100 »
Семинаріи иностранныхъ миссій въ Парижѣ	200 »
Конгрегаціи Св. Духа.	150 »
Духовнымъ заведеніямъ въ святыхъ мѣстахъ Палестины.	100 »
Благотворительнымъ дѣтскимъ пріютамъ.	300 »
Сверхъ того для нихъ же въ Арлѣ.	50 »
Обществу улучшенія тюремнаго быта	400 »
Обществу вспомоществованія и освобожденія арестантовъ.	500 »

На выкупъ изъ долговой тюрьмы отцовъ семействъ . . 1.000 фр.
Дополнительные оклады недостаточнымъ сельскимъ учителямъ въ епархiи. . . . . 2.000 »
Хлѣбозапаснымъ магазинамъ въ департаментѣ Верхнихъ Альпъ. . . . . 100 »
Дамской конгрегацiи городовъ Диня, Моноска и Систерона для дарового обученiя недостаточныхъ дѣвочекъ . 1.500 »
Бѣднымъ . . . . 6.000 »
Мои личные расходы . . . . 1.000 »

Всего . . 15.000 фр.

За все время своего пребыванiя на епископской каѳедрѣ въ Динѣ преосвященный Мирiель не измѣнялъ этого распредѣленiя, которое онъ называлъ *урегулированiемъ разъ навсегда своихъ домашнихъ расходовъ*.

Это распредѣленiе было принято m-lle Батистиной безъ возраженiя. Для этой святой дѣвушки епископъ былъ въ одно и то же время братомъ и епископомъ, другомъ по плоти и начальникомъ по уставу церкви. Она простодушно любила его и благоговѣла передъ нимъ, преклонялась передъ его словами и была согласна со всѣми его дѣйствiями. Только одна служанка, m-me Маглуаръ, иногда ворчала немного. Какъ видно, епископъ на свои расходы оставилъ тысячу франковъ, которые вмѣстѣ съ пенсiей m-lle Батистины составляли полторы тысячи франковъ въ годъ. На эти-то полторы тысячи жили двѣ старухи и старикъ.

И когда какой-нибудь сельскiй священникъ прiѣзжалъ въ Динь, епископъ находилъ еще возможность угощать его обѣдомъ благодаря строгой экономiи m-lle Маглуаръ и разумной распорядительности m-lle Батистины. Разъ, пробывши въ Динѣ мѣсяца три, епископъ сказалъ:

— Однако я очень стѣсненъ въ средствахъ!

— Я думаю!—воскликнула m-me Маглуаръ.—Ваше преосвященство не потребовали даже ренты, которую департаментъ обязанъ вамъ выдавать на содержанiе городского экипажа и на разъѣзды по епархiи; прежнiе епископы всегда пользовались этимъ правомъ.

— Послушайте, это вѣрно, m-me Маглуаръ,—сказалъ епископъ и подалъ заявленiе.

Спустя немного времени генеральный совѣтъ, принимая во вниманiе требованiе епископа, постановилъ выдавать ему ежегодную сумму въ три тысячи франковъ подъ слѣдующей рубрикой: «Епископу на содержанiе экипажа, на почтовые расходы и на разъѣзды по епархiи».

Это надѣлало много шума среди мѣстной буржуазiи, и одинъ сенаторъ имперiи, бывшiй членъ совѣта пятисотъ, высказавшiйся въ пользу восемнадцатаго брюмера и получившiй около города прекрасное сенаторское помѣстье, написалъ министру духовныхъ дѣлъ Биго-де-Преоменю секретную записку, полную негодованiя, изъ которой мы приводимъ слѣдующiя подлинныя слова:

«Издержки на содержанiе экипажа? Зачѣмъ онъ нуженъ въ городѣ, въ которомъ нѣтъ и четырехъ тысячъ жителей? Издержки

на разъѣзды? Къ чему нужны эти разъѣзды? Затѣмъ, какіе же могутъ быть почтовые расходы въ этихъ гористыхъ мѣстностяхъ? Здѣсь нѣтъ даже дорогъ, и ѣздить можно только верхомъ. Даже мостъ на Дюрансѣ въ Шато-Арну съ трудомъ выдерживаетъ двухколесную телѣжку, запряженную волами. Всѣ попы на одинъ фасонъ—алчные, жадные. Этотъ, по пріѣздѣ, первое время притворялся апостоломъ. Теперь онъ поступаетъ такъ же, какъ и всѣ прежніе: ему понадобилась карета для города и двухмѣстная коляска для почтовыхъ лошадей! Ему нужна роскошь, какъ и всѣмъ предшествующимъ епископамъ. Охъ, ужъ эта поповщина! Только тогда, господинъ графъ, дѣла пойдутъ хорошо, когда императоръ освободитъ насъ отъ этихъ сумасбродовъ. Долой папу! (Въ то время какъ разъ дѣла съ Римомъ запутывались). Что касается меня, то я стою за одного императора и т. д.».

Зато кто обрадовался новой прибавкѣ, такъ это m-me Маглуаръ.

— Какъ хорошо,—сказала она m-lle Батистинѣ,—его преосвященство началъ съ другихъ, но пришлось вспомнить и о себѣ. Онъ распредѣлилъ всѣ свои пожертвованія и эти три тысячи останутся намъ. Наконецъ-то!

Въ тотъ же вечеръ епископъ подалъ сестрѣ слѣдующую выписку:

Изъ суммы на экипажъ и разъѣзды:

На мясной бульонъ для больныхъ въ больницѣ . . .	1.500 фр.
Обществу призрѣнія сиротъ въ Эксѣ	250 »
Обществу призрѣнія сиротъ въ Драгиньянѣ	250 »
Воспитательному дому.	500 »
Сиротамъ	500 »
Итого . . .	3.000 фр.

Таковъ былъ бюджетъ епископа Миріеля. Что касается случайныхъ епископскихъ доходовъ съ церковныхъ оглашеній, разрѣшеній, соборованій, проповѣдей, освященія церквей или часовенъ, свадьбъ и т. д., то епископъ бралъ съ богатыхъ насколько можно было больше, чтобы все полученное отдавать бѣднымъ. Спустя немного времени, къ нему отовсюду начали стекаться пожертвованія. Какъ имущіе, такъ и неимущіе одинаково стучались въ дверь епископа Миріеля. Одни приходили за милостыней, другіе приносили ее.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ епископъ сдѣлался казначеемъ всѣхъ благотворителей и кассиромъ всѣхъ нуждающихся.

Значительныя суммы проходили черезъ его руки, но ничто не могло повліять на то, чтобъ онъ измѣнилъ свой образъ жизни и прибавилъ хотя бы малѣйшій излишекъ къ необходимому.

Напротивъ. Такъ какъ всегда больше нищеты внизу, чѣмъ братской щедрости наверху, все раздавалось, такъ сказать, раньше, чѣмъ получалось; деньги поглощались, какъ вода, пролитая на сухую землю; сколько бы онъ ни получалъ, ихъ ему никогда не хватало, и онъ опять урѣзывалъ себя.

Существовалъ обычай, чтобы епископы въ заголовкахъ пастырскихъ посланій и указахъ по епархіи выставляли всѣ свои имена, полученныя при крещеніи. Мѣстная бѣднота, со свойственнымъ ей инстинктомъ, выбрала изъ этихъ именъ то, которое, по ихъ мнѣнію, больше всего подходило къ ихъ епископу, и называла его не иначе, какъ преосвященный Біенвеню [1]). Мы съ своей стороны будемъ также называть его этимъ именемъ, тѣмъ болѣе, что оно очень нравилось и ему самому. «Я люблю это имя,—говорилъ онъ:—Біенвеню служитъ поправкой къ преосвященному».

Мы не претендуемъ, что нарисовали безусловно вѣрный портретъ епископа,—но мы все-таки можемъ сказать, что онъ въ достаточной степени похожъ.

III.

Доброму епископу тяжелая епархія.

Епископъ не прекращалъ своихъ пастырскихъ разъѣздовъ, несмотря на то, что весь окладъ, получаемый имъ на это, раздавалъ бѣднымъ. Диньская епархія представляла мало удобствъ для путешествія: въ этой гористой мѣстности, было мало равнинъ и почти не было дорогъ; въ ней было тридцать два прихода, сорокъ одинъ викаріатъ и двѣсти восемьдесятъ пять церквей безъ причта. Объѣхать все это было не легко, епископъ, однако, справлялся со своей тяжелой обязанностью: въ сосѣднія мѣстности онъ ходилъ пѣшкомъ, по равнинѣ ѣздилъ въ одноколкѣ, по горамъ—верхомъ. Съ нимъ обыкновенно ѣздили обѣ старушки, и только ужъ туда, гдѣ дороги были черезчуръ плохи, онъ отправлялся одинъ.

Разъ онъ пріѣхалъ верхомъ на ослѣ въ старинную епископскую резиденцію Сенэ. Его кошелекъ былъ почти пустъ и не дозволялъ ему другого способа передвиженія.Мэръ города вышелъ встрѣчать его къ подъѣзду епископскаго дома и, увидя сходящаго съ осла епископа, съ негодованіемъ посмотрѣлъ на него. Нѣсколько человѣкъ горожанъ стояли подлѣ и хихикали.

— Господинъ мэръ и господа горожане,—сказалъ епископъ,—я понимаю, что приводитъ васъ въ негодованіе: вы находите, что со стороны такого смиреннаго служителя, каковъ я, большое высокомѣріе ѣздить на томъ животномъ, на которомъ возсѣдалъ Іисусъ Христосъ. Увѣряю васъ, что я поступаю такъ по необходимости, а не изъ тщеславія.

Во время пастырскихъ объѣздовъ онъ былъ снисходителенъ и кротокъ, больше бесѣдовалъ, чѣмъ проповѣдывалъ. Бесѣду свою онъ велъ всегда образно: жителямъ одной мѣстности ставилъ въ примѣръ другую, сосѣднюю. Въ округахъ, гдѣ сурово обращались съ бѣдными, онъ говорилъ: «Посмотрите на жителей Безансона: они разрѣшили бѣднякамъ, вдовамъ и сиротамъ косить луга на три дня раньше остальныхъ и безплатно строятъ имъ дома, когда старые разрушаются. Зато эта страна благословлена Богомъ: въ продолженіе цѣлаго столѣтія тамъ не было ни одного убійства».

---

[1]) Bienvenu означаетъ *желанный гость*.

Въ деревняхъ, алчныхъ къ наживѣ, онъ говорилъ: «Посмотрите на жителей Анбрёна: когда отецъ семейства, сыновья котораго служатъ въ арміи, а дочери въ городѣ, захвораетъ во время жатвы и не въ состояніи работать, священникъ въ своей проповѣди уговариваетъ прихожанъ помочь ему, и въ воскресенье, послѣ обѣдни, всѣ жители: мужчины, женщины, дѣти, идутъ на поле бѣдняка, дожинаютъ за него жатву, приносятъ ему въ амбаръ солому и зерно съ его поля».

Семьямъ, ссорившимся изъ-за денежныхъ вопросовъ и наслѣдства, онъ говорилъ: «Посмотрите на горцевъ Девольни, живущихъ въ такой дикой мѣстности, что тамъ не услышишь соловья въ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. И вотъ, когда умираетъ отецъ семейства, сыновья уходятъ на заработки, оставляя все имущество сестрамъ на приданое, чтобъ онѣ могли выйти замужъ». Въ округахъ, гдѣ любили тяжебныя дѣла и гдѣ фермеры разорялись на гербовую бумагу, онъ говорилъ: «Посмотрите на этихъ добрыхъ крестьянъ долины Квейраса. Ихъ тамъ три тысячи душъ. Боже мой! это словно большая семья. Тамъ не знаютъ ни судей, ни судебныхъ приставовъ. Все исполняетъ мэръ. Онъ раскладываетъ налоги, оцѣниваетъ по совѣсти, безплатно разбираетъ ссоры, дѣлитъ наслѣдство безъ вознагражденія, постановляетъ приговоры безъ судебныхъ издержекъ; и его слушаютъ, потому что онъ правдивый человѣкъ посреди людей простодушныхъ». Въ селеніяхъ, гдѣ не было школьныхъ учителей, онъ опять ссылался на Квейрасъ: «Знаете ли вы, какъ они поступаютъ?—говорилъ онъ.—Такъ какъ маленькая деревушка въ двѣнадцать или пятнадцать дворовъ не всегда въ состояніи пригласить учителя, то они на весь околотокъ приглашаютъ одного преподавателя, который и учитъ, переходя изъ деревни въ деревню, оставаясь восемь дней въ одной, десять въ другой. Эти учителя ходятъ по ярмаркамъ, и тамъ-то я ихъ и видѣлъ. Ихъ можно узнать по гусинымъ перьямъ, воткнутымъ въ петличный шнурокъ шляпы. Тѣ, которые учатъ только читать, носятъ одно перо, тѣ, которые учатъ читать и писать,—два, тѣ, которые, кромѣ того, учатъ еще и латыни,—три пера. Эти послѣдніе—великіе ученые. Но какой срамъ быть безграмотнымъ. Поступайте такъ, какъ жители Квейраса».

Такъ поучалъ онъ ихъ. Когда не было подходящихъ примѣровъ, онъ говорилъ притчами. Въ нихъ было мало фразъ и много образовъ. Таково было и краснорѣчіе Іисуса Христа, — краснорѣчіе убѣжденное, а потому и убѣдительное.

IV.

Дѣла соотвѣтствуютъ словамъ.

Онъ говорилъ привѣтливо, ласково и приноравливаясь къ понятіямъ двухъ старушекъ, съ которыми жилъ. Смѣялся же онъ всегда отъ души, какъ школьникъ.

M-me Маглуаръ любила называть его *«отче великій»*.

Разъ епископъ, поднявшись съ кресла, прошелъ въ библіотеку за одной книгой, стоявшей на верхней полкѣ. Будучи малъ ростомъ, онъ не смогъ ее достать. *М-те Маглуаръ*, сказалъ онъ, *принесите мнѣ стулъ. «Великій отче» слишкомъ малъ для этой полки— не можетъ до нея достать.*

Одна изъ его дальнихъ родственницъ, графиня Ло, рѣдко упускала случай упомянуть въ его присутствіи про то, что она называла «надеждами» своихъ трехъ сыновей. У нея было нѣсколько престарѣлыхъ родственниковъ, вѣроятно, уже близкихъ къ смерти, прямыми наслѣдниками которыхъ были ея сыновья. Самый младшій долженъ былъ получить послѣ двоюродной бабушки ренту въ сто тысячъ франковъ, второй долженъ былъ наслѣдовать герцогскій титулъ своего дяди, старшій предназначался въ пэры послѣ смерти дѣда. Епископъ обыкновенно молча слушалъ это простодушное и простительное материнское хвастовство. Разъ онъ казался болѣе задумчивымъ, чѣмъ обыкновенно, въ то время, какъ мадамъ де-Ло начала со всѣми подробностями разсказывать о своихъ «надеждахъ» и наслѣдствахъ. Она съ досадой прервала свою болтовню: «Боже мой! о чемъ вы задумались, кузенъ?»—«Я думаю,— отвѣчалъ епископъ,—объ одной странной вещи, прочитанной мною, кажется, въ сочиненіи св. Августина: *Возлагайте надежды ваши на Того, послѣ Котораго нѣтъ наслѣдства.*

Въ другой разъ онъ получилъ письмо, извѣщавшее о кончинѣ одного мѣстнаго дворянина, гдѣ послѣ титуловъ покойнаго подробно были изложены всѣ феодальныя и аристократическія званія его родственниковъ. «Какая здоровая спина у смерти!—воскликнулъ онъ.—Какой страшный грузъ титуловъ заставили ее нести, и какъ остроумно для своего тщеславія люди воспользовались могилой». При случаѣ епископъ кротко насмѣхался, но насмѣшка его всегда скрывала серьезную мысль. Однажды во время поста пріѣхалъ въ Динь молодой викарій и произнесъ проповѣдь въ соборѣ. Онъ былъ довольно краснорѣчивъ. Темой проповѣди была милостыня. Онъ уговаривалъ богатыхъ помогать бѣднымъ, чтобъ избѣжать ада, который описалъ въ самыхъ ужасныхъ краскахъ, и заслужить рай, блаженство котораго онъ не менѣе ярко обрисовалъ. Въ числѣ слушателей находился г. Жеборанъ, богатый купецъ, удалившійся отъ дѣлъ. Онъ занимался ростовщичествомъ и получалъ два милліона франковъ дохода. Во всю свою жизнь г. Жеборанъ не подавалъ милостыни бѣднымъ, со времени же проповѣди всѣ начали замѣчать, что онъ каждое воскресенье подаетъ одинъ су шести нищимъ-старушкамъ у паперти собора, которыя потомъ дѣлятъ между собою эту подачку. Увидя однажды, какъ онъ подаетъ милостыню, епископъ съ улыбкой сказалъ сестрѣ: «Посмотри, г. Жеборанъ покупаетъ себѣ рая на одну копеечку».

Когда дѣло шло о милостынѣ, епископъ не падалъ духомъ даже передъ отказомъ. Разъ онъ собиралъ милостыню для бѣдныхъ въ одной изъ гостиныхъ города; въ числѣ гостей находился маркизъ де-Шантерсье, богатый, скупой старикъ, бывшій одновременно и крайнимъ роялистомъ и крайнимъ вольтеріанцемъ. Такая разно-

видность существовала. Дойдя до него, епископъ тронулъ его за руку: *Господинъ маркизъ, вы должны мнѣ что-нибудь пожертвовать.* Маркизъ оглянулся и сухо возразилъ: «Ваше преосвященство, у меня есть свои бѣдные».—*Отдайте ихъ мнѣ*,—сказалъ епископъ.

Однажды онъ говорилъ проповѣдь въ соборѣ.

«Драгоцѣннѣйшіе мои братья, добрые мои друзья! Во Франціи милліонъ триста двадцать тысячъ крестьянскихъ домовъ съ тремя отверстіями, милліонъ восемь сотъ семнадцать тысячъ домовъ съ двумя отверстіями: дверь и окно, и, наконецъ, триста сорокъ шесть тысячъ хижинъ съ однимъ отверстіемъ—дверью. Это происходитъ по той причинѣ, что существуетъ налогъ на окна и двери. Помѣстите въ эти дома бѣдныя семьи, старыхъ женщинъ, малолѣтнихъ дѣтей и посмотрите, какія тамъ будутъ лихорадки и болѣзни. Увы! Богъ далъ людямъ воздухъ, а законъ беретъ за него деньги. Я не осуждаю законъ, но воздаю хвалу Богу. Въ Изерѣ, въ Варѣ, въ двухъ альпійскихъ департаментахъ, Нижнемъ и Верхнемъ, у крестьянъ нѣтъ даже тачекъ, они удобреніе носятъ въ поле на спинѣ; вмѣсто свѣчей они зажигаютъ смоляныя палки, и фитили, опущенные въ смолу. Такъ водится на всемъ пространствѣ верхняго Дофинэ. Они пекутъ хлѣбъ разъ въ шесть мѣсяцевъ и пекутъ его на сушеномъ коровьемъ пометѣ. Зимой они разрубаютъ этотъ хлѣбъ топоромъ и передъ тѣмъ какъ ѣсть мочатъ его цѣлыя сутки въ водѣ. Сжальтесь, братья мои, посмотрите, сколько страданій вокругъ васъ».

Какъ уроженецъ Прованса, онъ быстро усвоилъ всѣ мѣстныя южныя нарѣчія. Это очень нравилось народу и не мало способствовало его вліянію на умы. Въ хижинахъ и горахъ онъ былъ какъ у себя дома. Онъ умѣлъ говорить о самыхъ возвышенныхъ предметахъ на самомъ простонародномъ нарѣчіи. Ко всему сказанному нужно еще прибавить, что онъ обращался совершенно одинаково, какъ съ людьми знатными, такъ и съ простолюдинами.

Онъ не осуждалъ никого поспѣшно, не принявъ въ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, говоря, что надо прежде обозрѣть дорогу, по которой прошла вина. Будучи самъ, какъ онъ, улыбаясь, называлъ себя, *старымъ грѣшникомъ*, онъ не держался неприступной строгости и довольно громко, не хмуря бровей, какъ неумолимые праведники, проповѣдывалъ ученіе, которое можно приблизительно выразить слѣдующимъ образомъ:

«Человѣкъ облеченъ въ плоть, составляющую для него одновременно и тяжелый грузъ и искушеніе. Онъ влачитъ ее и покоряется ей.

«Онъ обязанъ наблюдать за нею, обуздывать, укрощать ее и уступать ей только въ крайнемъ случаѣ. Въ этой уступкѣ можетъ быть еще вина,—но вина, совершонная такимъ образомъ, простительна. Это—паденіе, но паденіе на колѣняхъ, которое можетъ окончиться молитвой.

«Быть святымъ — исключеніе; быть справедливымъ — общее правило. Заблуждайтесь, падайте, грѣшите, но будьте справедливы.

«Какъ можно меньше грѣха—вотъ законъ для человѣка. Вотъ что ему доступно. Безгрѣшность—мечта ангеловъ. Все земное грѣшно. Грѣхъ—путь въ гору».

Когда всѣ возмущались чѣмъ-нибудь и поспѣшно осуждали чей-нибудь поступокъ, епископъ говорилъ:

— Э! Э! Да это, повидимому, одинъ изъ тѣхъ крупныхъ грѣховъ, которыми грѣшны всѣ. Испуганные лицемѣры спѣшатъ протестовать и укрыться отъ подозрѣнія!

Онъ былъ снисходителенъ къ женщинамъ и бѣднымъ, несущимъ всѣ тяготы человѣческаго общежитія. Онъ говорилъ: «Въ ошибкахъ женщинъ, дѣтей, слугъ, слабыхъ, неимущихъ и невѣждъ виноваты: мужья, отцы, господа, сильные, богатые и ученые».

Онъ прибавлялъ еще: «Какъ можно больше учите тѣхъ, кто лишенъ знанія. Общество само виновато, что не даетъ безплатнаго образованія, за это оно несетъ соотвѣтствующую кару: въ темной душѣ зарождается грѣхъ. Преступникъ не тотъ, кто грѣшитъ, а тотъ, кто создаетъ мракъ».

Какъ видно, у него были странныя и своеобразныя сужденія. Я предполагаю, что онъ заимствовалъ ихъ изъ Евангелія.

Однажды онъ услыхалъ объ одномъ уголовномъ дѣлѣ, по которому шло слѣдствіе и въ скоромъ времени предстоялъ судъ. Одинъ несчастный, изъ любви къ женщинѣ и къ своему ребенку, родившемуся отъ нея, будучи доведенъ нищетой до крайности, занялся поддѣлкой фальшивыхъ денегъ. Въ то время за поддѣлку фальшивыхъ денегъ назначалась еще смертная казнь. Женщину задержали при сбытѣ первой же фальшивой монеты, сфабрикованной ея любовникомъ; ее арестовали, но прямыхъ уликъ противъ нея не было. Только одна она могла выдать и погубить своимъ признаніемъ любовника. Она запиралась, ее допрашивали, она продолжала упорствовать. Королевскому прокурору пришла тогда на умъ слѣдующая уловка: онъ оклеветалъ любовника въ невѣрности и искусно подобранными обрывками ловко поддѣланныхъ писемъ убѣдилъ несчастную, что этотъ человѣкъ ее обманулъ и что у нея есть соперница. Въ припадкѣ ревности бѣдная женщина выдала своего любовника, призналась во всемъ, доказала все. Несчастный погибъ, и ихъ вмѣстѣ должны были судить въ Эксѣ. Много было по этому поводу разговоровъ, и всѣ восхищались ловкостью прокурора. Сыгравши на стрункѣ ревности, онъ изъ гнѣва выудилъ правду, а изъ мести—правосудіе. Епископъ молча выслушалъ разсказъ, потомъ спросилъ:

— Гдѣ же будутъ судить этого человѣка и эту женщину?

— Судомъ присяжныхъ.

— А какимъ судомъ будутъ судить г. королевскаго прокурора?

Въ Динѣ случилось трагическое событіе. Одного человѣка приговорили за убійство къ смертной казни. Этотъ человѣкъ былъ полуинтеллигентъ: не совсѣмъ невѣжда, но и не Богъ вѣсть съ какимъ образованіемъ. Онъ былъ ярмарочнымъ фокусникомъ и народнымъ писаремъ. Процессъ надѣлалъ много шуму въ городѣ.

Наканунѣ самой казни заболѣлъ тюремный священникъ. Нужно было отыскать другого священника, который могъ бы напутствовать заключеннаго въ послѣднія минуты его жизни. Пошли за приходскимъ батюшкой. Онъ отказался, говоря: «Это меня не касается, мнѣ нѣтъ дѣла до этой требы и до этого «паяца», да я же и боленъ. Тамъ вовсе не мое мѣсто». Объ этомъ отвѣтѣ доложили епископу. *Священникъ правъ*, сказалъ онъ, *тамъ не его, а мое мѣсто*. Онъ тотчасъ пошелъ въ тюрьму, вошелъ въ камеру «паяца», назвалъ его по имени, взялъ его за руку и началъ съ нимъ бесѣдовать. Онъ провелъ съ нимъ весь день, забывъ пищу, сонъ, молясь Богу за душу осужденнаго и прося его молиться за собственную душу. Онъ говорилъ ему о высокихъ истинахъ, которыя въ то же время такъ просты. Онъ былъ ему отцомъ, братомъ, другомъ и, только для того, чтобы благословить его, епископомъ. Онъ его просвѣтилъ, утѣшилъ и ободрилъ. Этотъ человѣкъ умиралъ въ отчаяніи: смерь представлялась ему бездонной пучиной. Трепещущій, стоя у края этой пучины, онъ съ ужасомъ отступалъ передъ нею. Онъ не былъ настолько невѣжественнымъ, чтобы быть совершенно индиферентнымъ. Приговоръ, глубоко потрясшій его, разрушилъ нѣкоторымъ образомъ тамъ и сямъ перегородку, отдѣляющую насъ отъ тайны того, что мы называемъ жизнью. Онъ постоянно вглядывался черезъ эту роковую брешь въ то, что происходитъ за предѣлами этого мира, и видѣлъ тамъ только тьму. Епископъ показалъ ему свѣтъ.

На другой день, когда пришли за несчастнымъ, епископъ былъ возлѣ него. Онъ пошелъ его провожать и явился передъ толпой въ своей фіолетовой мантіи, съ епископскимъ крестомъ на шеѣ и рядомъ со связаннымъ осужденнымъ. Они вмѣстѣ вошли на двухколесную телѣгу и вмѣстѣ поднялись на эшафотъ. Приговоренный къ смерти, наканунѣ бывшій такимъ угрюмымъ и удрученнымъ, теперь сіялъ. Онъ чувствовалъ примиреніе въ душѣ и уповалъ на Бога. Епископъ поцѣловалъ его и въ тотъ моментъ, когда ножъ готовился опуститься, сказалъ: «Убитаго людьми Богъ воскрешаетъ, изгнаннаго братьями пріемлетъ Отецъ. Молись, вѣрь, иди въ вѣчную жизнь! Отецъ нашъ тамъ». Когда епископъ сходилъ съ эшафота, у него во взглядѣ было что-то необыкновенное, заставившее толпу разступиться. Трудно сказать, въ чемъ было больше красоты: въ его блѣдности или въ его ясности. Возвратившись въ свое скромное жилище, называемое имъ въ шутку *дворцомъ*, онъ сказалъ сестрѣ: *Я возвращаюсь съ архіерейскаго служенія*.

Часто великіе поступки менѣе всего понимаются,—нашлись въ городѣ люди, осуждавшіе епископа. *Это—желаніе порисоваться*. Впрочемъ, это говорилось только въ салонахъ, народъ же, умѣющій цѣнить святость подвиговъ, былъ тронутъ и удивленъ. Что касается епископа, то видъ гильотины произвелъ на него ужасное впечатлѣніе, и долгое время онъ не могъ притти въ себя.

Видъ воздвигнутаго и стоящаго на-готовѣ эшафота наводитъ ужасъ, похожій на галлюцинацію. Можно равнодушно относиться

къ смертной казни, не отдавать себѣ отчета, полезна она или нѣтъ, но это только до тѣхъ поръ, пока не увидишь гильотину своими глазами. Ея видъ производитъ потрясающее впечатлѣніе и заставляетъ рѣшительно высказаться за или противъ нея. Одни восхищаются ею, какъ де-Местръ, другіе проклинаютъ ее, какъ Беккарія. Гильотина—спайка закона; она называется *преслѣдованіемъ преступленія*. Она сама не нейтральна и не позволяетъ вамъ сохранять нейтралитетъ. При видѣ ея всякій дрожитъ таинственной дрожью. Всѣ общественные вопросы ставятъ около этого ножа вопросительный знакъ. Эшафотъ—видѣніе. Эшафотъ не подмостки, эшафотъ не бездушная машина, сдѣланная изъ дерева, желѣза и веревокъ. Это какъ будто какое-то особенное существо, обладающее какою-то мрачной иниціативой; такъ и кажется, что этотъ срубъ видитъ, что эта машина слышитъ, что этотъ механизмъ понимаетъ, что это дерево, это желѣзо и эти веревки наблюдаютъ. Въ тяжеломъ кошмарѣ, охватывающемъ душу, эшафотъ кажется какимъ-то ужаснымъ дѣйствующимъ лицомъ. Эшафотъ—сообщникъ палача; онъ пожираетъ человѣка, ѣстъ его мясо, пьетъ его кровь. Эшафотъ — родъ чудовища, выдуманный судьей и плотникомъ, родъ призрака, живущій какой-то особенной, страшной жизнью, сложившейся изъ всѣхъ его убійствъ. Впечатлѣніе, произведенное эшафотомъ на епископа, было глубокое и потрясающее; на другой день казни и много времени спустя онъ казался удрученнымъ. Насильственное спокойствіе рокового момента исчезло; призракъ общественнаго правосудія преслѣдовалъ его. Возвращавшійся обыкновенно съ исполненія своихъ обязанностей всегда такимъ удовлетвореннымъ, сіяющимъ, епископъ казался теперь недовольнымъ самимъ собою. Временами онъ говорилъ самъ съ собою и бормоталъ вполголоса мрачные монологи. Вотъ одинъ изъ нихъ, слышанный разъ вечеромъ его сестрой, который она и запомнила:

«Я никогда не думалъ, что это такъ ужасно. Несправедливо настолько углубиться въ человѣческіе законы, чтобы не видать законовъ Божескихъ. Въ смерти властенъ одинъ только Богъ. По какому праву люди касаются этой невѣдомой вещи?»

Это впечатлѣніе со временемъ ослабло и, вѣроятно, изгладилось. Однако всѣ замѣтили, что съ этихъ поръ епископъ избѣгалъ проходить мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершались казни.

Епископа Миріеля можно было во всякое время приглашать къ изголовью больныхъ или умирающихъ. Онъ сознавалъ, что это и есть его главная обязанность и трудъ. Вдовамъ и сиротамъ не нужно было даже его звать,—онъ самъ являлся къ нимъ. Онъ умѣлъ молча долгіе часы просиживать возлѣ мужа, схоронившаго свою любимую жену, возлѣ матери, потерявшей своего ребенка. Онъ зналъ, когда нужно молчать, когда говорить. О, дивный утѣшитель! Онъ не старался усыплять горе забвеніемъ, но старался возвысить и облагородить его надеждой. Онъ говорилъ: «Къ покойнику нужно относиться совсѣмъ не такъ, какъ это обыкновенно дѣлается. Смотрятъ обыкновенно не туда. Не ду-

майте о томъ, что тлѣетъ. Вглядитесь пристально. Вы увидите свѣтлый обликъ вашего драгоцѣннаго усопшаго на небѣ». Онъ зналъ, что вѣра исцѣляетъ. Онъ старался утѣшить и успокоить человѣка въ отчаяніи, указывая ему на волю Божію и силясь превратить печаль, устремляющую взоръ въ могилу, въ печаль, устремляющую взоръ къ звѣздамъ.

V.

Преосвященный Біенвеню слишкомъ подолгу носитъ свои подрясники.

Въ своей домашней жизни епископъ Миріель руководился тѣми же идеями, какъ и въ общественной. Добровольная бѣдность, въ которой жилъ динскій преосвященный, представила бы поучительное и привлекательное зрѣлище, если бы взглянуть на нее вблизи.

Какъ всѣ старики и какъ большинство мыслителей, онъ спалъ мало. Его непродолжительный сонъ былъ крѣпокъ. Утромъ въ продолженіе часа онъ предавался размышленію, потомъ служилъ обѣдню или въ соборѣ, или у себя на дому. Послѣ обѣдни онъ завтракалъ молокомъ отъ своихъ коровъ съ чернымъ хлѣбомъ, а потомъ работалъ. Епископъ—человѣкъ занятой: онъ долженъ каждый день принимать секретаря епархіи, обыкновенно каноника, и почти каждый день своихъ викаріевъ. На немъ лежитъ контроль духовныхъ обществъ, раздача привилегій, разборъ всѣхъ духовныхъ книгъ, назначенныхъ въ продажу: требниковъ, приходскихъ катихизисовъ, молитвенниковъ и проч.; онъ долженъ писать пастырскія посланія, просматривать проповѣди, разбирать ссоры священниковъ съ мэрами, вести клерикальную и административную переписку съ государствомъ и съ папскимъ престоломъ,—у него тысячи разныхъ дѣлъ.

Свободное время отъ этихъ тысячъ дѣлъ и своихъ службъ и требъ онъ посвящалъ нуждающимся, больнымъ и скорбящимъ; оставшееся время отъ скорбящихъ, больныхъ и нуждающихся онъ посвящалъ работѣ: или копалъ въ саду, или читалъ, или писалъ. Всѣ эти занятія онъ называлъ однимъ словомъ *садовничать*. «Умъ—садъ», говорилъ онъ.

Въ хорошую погоду около полудня епископъ отправлялся гулять пѣшкомъ по городу или въ деревню, заходя часто въ лачуги. Онъ ходилъ одинъ, погруженный въ свои мысли, съ опущенными глазами, опираясь на высокую трость, въ фіолетовой, довольно теплой, ватной рясѣ, обутый въ фіолетовые чулки и толстые башмаки, въ треугольной плоской шляпѣ съ золотыми кистями.

Его появленіе было для всѣхъ праздникомъ. Говорили, что въ его присутствіи есть что-то согрѣвающее и свѣтлое. Дѣти и старики выходили изъ двери посмотрѣть на епископа, какъ на солнце. Онъ благословлялъ и его благословляли. Всѣмъ, въ чемъ-либо нуждающимся, указывали на его домъ.

Тамъ и сямъ епископъ останавливался, разговаривалъ съ маленькими мальчиками и дѣвочками и улыбался матерямъ. Когда

у него были деньги, онъ навѣщалъ бѣдныхъ, когда денегъ не было—богатыхъ.

Такъ какъ онъ изнашивалъ свои подрясники до полной ветхости, то, не желая, чтобъ это замѣчали, выходилъ въ городъ не иначе, какъ въ фіолетовой рясѣ. Это его отчасти тяготило.

По возвращеніи съ прогулки онъ обѣдалъ. Обѣдъ былъ похожъ на завтракъ.

Вечеромъ, въ половинѣ девятаго, онъ ужиналъ вмѣстѣ съ сестрою; m-me Маглуаръ прислуживала имъ, стоя за ихъ стульями.

Проще этихъ ужиновъ трудно себѣ что-нибудь представить; и только тогда, когда у епископа ужиналъ кто-нибудь изъ священниковъ, m-me Маглуаръ, пользуясь случаемъ, угощала преосвященнаго какой-нибудь вкусной озерной рыбой или лучшей горной дичью. Каждый священникъ являлся предлогомъ для хорошаго ужина, и епископъ мирился съ этимъ. Обыкновенно же его ѣда состояла изъ овощей, отваренныхъ въ водѣ, и изъ супа на постномъ маслѣ. Въ городѣ такъ говорили: *Когда епископъ ѣстъ, не какъ приходскій попъ, то онъ ѣстъ, какъ траппистъ.* Послѣ ужина онъ съ полчаса разговаривалъ съ m-lle Батистиной и m-me Маглуаръ; потомъ уходилъ къ себѣ и садился писать то на отдѣльныхъ листахъ, то на поляхъ какой-нибудь книги. Онъ былъ хорошо образованъ и даже ученъ.

Послѣ его смерти осталось пять или шесть рукописей довольно интересныхъ и, между прочимъ, одно разсужденіе на стихъ изъ книги Бытія: *Въ началѣ Духъ Божій носился надъ водами.*

Онъ сопоставилъ этотъ стихъ съ тремя текстами: съ арабскимъ стихомъ: *Дулъ Божій вѣтеръ*; съ словами Іосифа Флавія: *Вѣтеръ съ горнихъ дулъ на землю;* и, наконецъ, съ халдейскимъ истолкованіемъ Анклеоса: *Вѣтеръ, исходящій отъ Бога, дулъ надъ лономъ водъ.* Въ другомъ разсужденіи онъ разобралъ богословскія сочиненія Гюго, епископа птолемаидскаго, двоюроднаго прадѣда автора этой книги, и доказалъ, что различныя рѣчи, изданныя въ прошломъ столѣтіи подъ псевдонимомъ Барлейкура, написаны этимъ епископомъ.

Иногда, во время чтенія какой-нибудь книги, онъ внезапно впадалъ въ глубокое раздумье, разрѣшавшееся обыкновенно тѣмъ, что онъ вставалъ и набрасывалъ нѣсколько строкъ на поляхъ этой книги. Часто подобныя замѣтки не имѣютъ ничего общаго съ содержаніемъ книги, въ которой онѣ написаны. У насъ есть написанная имъ самимъ замѣтка на поляхъ тома, озаглавленнаго: *Переписка лорда Джермена съ генералами: Клинтономъ, Корнвалисомъ и адмиралами американской станціи. Продается въ Версалѣ у книгопродавца Поансо, въ Парижѣ у книгопродавца Писсо на Августинской набережной.*

Вотъ эта замѣтка:

«О, Ты, Вездѣсущій!

«Экклезіастъ называетъ Тебя Всемогущимъ; книга Маккавеевъ называетъ Тебя Творцомъ; Посланіе къ Ефесянамъ — Свободой; Барухъ—Пространствомъ, Псалмы именуютъ Мудростью и Истиной;

Іоаннъ именуетъ Свѣтомъ; Книга Царствъ зоветъ Тебя Господомъ, Исходъ—Провидѣніемъ, Левитъ—Святостью, Ездра—Правосудіемъ, вселенная называетъ Тебя Богомъ, человѣкъ — Отцомъ, но Соломонъ назвалъ Тебя Милосердіемъ—и это лучшее изъ наименованій Твоихъ».

Около девяти часовъ обѣ женщины уходили къ себѣ наверхъ, и до утра епископъ оставался одинъ въ нижнемъ этажѣ.

Здѣсь намъ необходимо подробно описать расположеніе дома, въ которомъ жилъ динскій преосвященный.

VI.

Кто стережетъ домъ епископа.

Домъ, въ которомъ онъ жилъ, какъ мы говорили, былъ одноэтажный съ мезаниномъ: три комнаты внизу, три въ мезанинѣ и чердакъ. Позади дома былъ садъ въ четверть десятины. Обѣ женщины помѣщались въ мезанинѣ, епископъ внизу. Первая комната, окнами на улицу, служила столовой, вторая—спальней, третья—молельней. Изъ молельни ходъ былъ только въ спальню и оттуда прямо въ залу. Въ молельнѣ былъ отгороженъ альковъ. Тамъ стояла кровать для гостей. Епископъ предлагалъ эту кровать деревенскимъ священникамъ, пріѣзжавшимъ по дѣламъ и нуждамъ своихъ приходовъ въ городъ Динь.

Небольшая больничная аптека, прилегавшая къ дому и выходившая въ садъ, была перестроена въ кухню, а прежняя больничная кухня, стоявшая въ саду, въ коровникъ, гдѣ помѣщались двѣ коровы епископа. Какое бы количество молока ни давали коровы, епископъ ежедневно половину отсылалъ больнымъ. *Я плачу десятину*, говорилъ онъ.

Комната епископа была довольно большая и въ холодную погоду трудно было ее натопить. Такъ какъ дрова въ Динѣ были очень дороги, то онъ придумалъ отдѣлить дощатой перегородкой себѣ комнату въ коровникѣ, которую и называлъ своей *зимней гостиной*.

Какъ въ зимней гостиной, такъ и въ столовой вся мебель состояла изъ четырехугольнаго некрашенаго деревяннаго стола и четырехъ соломенныхъ стульевъ; въ столовой, кромѣ того, стоялъ еще старый, выкрашенный розовой клеевой краской, буфетъ. Изъ другого такого же буфета епископъ устроилъ кіотъ съ налоемъ, покрывъ его бѣлой пеленой, обшитой поддѣльными кружевами, и поставилъ у себя въ молельнѣ.

Богатыя духовныя дочери его и богомольныя женщины города Диня нѣсколько разъ дѣлали между собою складчину на устройство новаго налоя въ архіерейской молельнѣ. Деньги онъ бралъ каждый разъ и каждый разъ неизмѣнно отдавалъ ихъ бѣднымъ. «Лучшій алтарь,—говорилъ онъ,—это—утѣшенная душа неимущаго, благодарящаго Бога».

Въ его молельнѣ стояли два соломенныхъ стула съ откидной спинкой—для молитвы, а въ спальнѣ одно соломенное кресло.

Когда случайно къ нему пріѣзжало семь или восемь человѣкъ гостей: префектъ, или генералъ, или гарнизонный штабъ, или нѣсколько учениковъ семинаріи, то приходилось приносить стулья изъ «зимней гостиной», изъ молельни и кресло изъ спальни. Для каждаго новаго гостя опустошалась какая-нибудь комната и такимъ образомъ набиралось штукъ до одиннадцати сидѣній для гостей.

Иногда гостей собиралось человѣкъ двѣнадцать. Тогда епископъ, во избѣжаніе затрудненія, становился у камина, если это было зимой, или предлагалъ пройтись по саду, если это случалось лѣтомъ. Правда, былъ еще одинъ стулъ въ альковѣ, но всего о трехъ ножкахъ, да и солома на половину истерлась, такъ что онъ могъ служить только стоя около стѣны. Въ комнатѣ m-lle Батистины была, правда, очень большая кушетка, когда-то позолоченная и обитая китайской цвѣтной тафтой, но ее можно было пронести только черезъ окно, лѣстница же была слишкомъ узка, слѣдовательно, кушетка не могла итти въ счетъ запасной мебели.

Завѣтной мечтой m-lle Батистины было пріобрѣсти гостиную мебель—диванъ и кресла — изъ краснаго дерева, обитую желтымъ утрехтскимъ бархатомъ, съ розетками, съ рѣзными лебедиными шеями, но все это стоило по меньшей мѣрѣ пятьсотъ франковъ, а она смогла за пять лѣтъ отложить на этотъ предметъ только сорокъ два франка и десять су. Принявши во вниманіе наличныя условія, m-lle Батистина бросила свою мечту. Впрочемъ, кто же когда достигаетъ своего идеала?

Нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ спальню епископа. Балконная дверь, выходившая въ садъ; у стѣны, напротивъ нея, желѣзная больничная койка съ зеленымъ саржевымъ пологомъ, подлѣ кровати, за занавѣской, туалетныя принадлежности, обличавшія прежнія щегольскія привычки свѣтскаго человѣка; двѣ двери: одна возлѣ камина,—въ молельню, другая возлѣ библіотечнаго шкапа—въ столовую; большой библіотечный шкапъ съ стеклянными дверцами, наполненный книгами; деревянный каминъ, выкрашенный подъ мраморъ, обыкновенно нетопившійся; въ каминѣ пара желѣзныхъ таганчиковъ, украшенныхъ двумя вазами съ гирляндами и ручками когда-то посеребренными, что составляло своего рода роскошь; надъ каминомъ посеребренное распятіе, изъ-подъ котораго проглядывала мѣдь, на черномъ потертомъ бархатѣ, въ деревянной, со стертой позолотой, рамкѣ; около балконной двери стоялъ большой столъ съ чернильницей, кипой бумагъ и толстыми книгами, передъ столомъ соломенное кресло; возлѣ кровати аналой, принесенный изъ молельни.

По обѣимъ сторонамъ кровати висѣли на стѣнѣ два портрета въ овальныхъ рамахъ. Маленькія золотыя надписи на темномъ фонѣ полотна указывали, кто изображенъ на портретахъ: на одномъ—аббатъ Шалю, епископъ сенъ-клодскій, на другомъ — аббатъ Турто, первый викарій агдскій, аббатъ гранъ - шанскій, ордена Сито въ Шартрской епархіи.

Занявъ послѣ переѣзда въ больницу эту комнату, епископъ нашелъ тамъ эти портреты и оставилъ ихъ у себя. То были, по

всей вѣроятности, священники - жертвователи, и достаточно было этихъ двухъ причинъ, чтобъ онъ отнесся съ уваженіемъ къ портретамъ. Онъ зналъ о нихъ только то, что оба были одновременно назначены — одинъ епископомъ, другой первымъ викаріемъ 27 апрѣля 1785 года. На маленькой четырехугольной бумажкѣ, пожелтѣвшей отъ времени, прикрѣпленной четырьмя облатками къ задней сторонѣ портрета аббата гранъ - шанскаго, бѣлесоватыми чернилами была написана объ этомъ замѣтка, которую и прочелъ епископъ, когда m-me Маглуаръ сняла портреты, чтобъ стереть съ нихъ пыль.

На окнѣ висѣла шерстяная занавѣсь, пришедшая въ такую ветхость, что m-me Маглуаръ, избѣгая расходовъ на новую, принуждена была сдѣлать поперекъ ея большой шовъ. Изъ шва образовался крестъ. Епископъ часто обращалъ на него вниманіе.

«Какъ это красиво!» говорилъ онъ.

Всѣ комнаты безъ исключенія, какъ верхнія, такъ и нижнія, были оштукатурены и выбѣлены, какъ это принято въ казармахъ и больницахъ.

Въ послѣдніе годы, однако, m-me Маглуаръ, какъ увидимъ дальше, открыла подъ штукатуркой въ комнатѣ m-lle Батистины на стѣнахъ живопись. Раньше помѣщеніе больницы служило мѣстомъ собраній горожанъ, а потому его стѣны и были украшены живописью. Несмотря на то, что полы были красные кирпичные, ихъ мыли каждую недѣлю. У каждой кровати была постлана соломенная цыновка. Ко всему сказанному нужно прибавить, что обѣ женщины содержали весь домъ въ образцовой чистотѣ. Чистота была единственная роскошь, допускавшаяся епископомъ: *Это ничего не отнимаетъ у бѣдныхъ*, говорилъ онъ. Отъ всего прежняго богатства у епископа осталось только шесть серебряныхъ столовыхъ приборовъ и разливательная ложка. M-me Маглуаръ ежедневно любовалась ими и съ гордостью раскладывала ихъ на бѣлую скатерть обѣденнаго стола, и такъ какъ мы описываемъ епископа города Диня такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, то мы должны прибавить, что онъ часто говорилъ: «Мнѣ трудно отказаться ѣсть иначе, какъ серебряной ложкой и вилкой».

Кромѣ этого серебра, у него было еще два массивныхъ серебряныхъ подсвѣчника, доставшіеся ему по наслѣдству отъ двоюродной бабушки. Эти подсвѣчники съ восковыми свѣчами стояли обыкновенно на каминѣ въ комнатѣ епископа; при гостяхъ за обѣдомъ m-me Маглуаръ, зажигая свѣчи, приносила ихъ на столъ.

У изголовья кровати епископа былъ маленькій стѣнной шкапчикъ, въ которой m-me Маглуаръ каждый день убирала эти шесть серебряныхъ приборовъ и суповую ложку. Надо замѣтить, что ключъ никогда не вынимался изъ замка.

Садъ, немного обезображенный некрасивыми постройками, упомянутыми нами выше, состоялъ изъ четырехъ аллей, расходившихся лучами отъ колодца; вокругъ дощатаго забора, огораживавшаго весь садъ, шла еще одна аллея. Между аллеями было четыре грядки, обсаженныя буксомъ. На трехъ изъ нихъ m-me Маглуаръ

разводила овощи, на четвертой епископъ посадилъ цвѣты. Кое-гдѣ въ саду росли плодовыя деревья. Разъ m-me Маглуаръ съ шутливой насмѣшкой сказала ему: «Владыка, вы вотъ извлекаете изъ всего пользу, а между тѣмъ эта клумба пропадаетъ безполезно. Лучше бы посадить здѣсь салатъ, чѣмъ цвѣты».

— Вы ошибаетесь, m-me Маглуаръ, — возразилъ епископъ, — прекрасное такъ же нужно, какъ и полезное.—Потомъ, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:—Быть-можетъ, даже нужнѣе.

Грядки эти, раздѣленныя на три или четыре клумбы, занимали епископа не меньше, чѣмъ книги.

Онъ съ удовольствіемъ проводилъ ежедневно у грядокъ часъ или два, подрѣзая сучья, выпалывая траву, копая землю, роя тамъ и сямъ ямки, въ которыя зарывалъ сѣмена. Онъ не преслѣдовалъ насѣкомыхъ, подобно истымъ садовникамъ.

Онъ не былъ ботаникомъ, не зналъ ни группъ, ни классификацій, не думалъ о выборѣ между Турнефоромъ и естественнымъ методомъ, не бралъ сторону тычинокъ противъ сѣменодолей, ни сторону Жюссье противъ Линнея. Онъ не изучалъ растенія, а любилъ цвѣты. Онъ глубоко уважалъ ученыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уважалъ и незнающихъ, и никогда не давалъ перевѣса одному уваженію надъ другимъ.

Лѣтомъ епископъ каждый вечеръ поливалъ свой цвѣтникъ изъ жестяной лейки, выкрашенной въ зеленый цвѣтъ.

Въ домѣ ни одна дверь не запиралась на ключъ. Дверь столовой, выходившая, какъ мы уже говорили, прямо на соборную площадь, раньше запиралась на замокъ и на засовъ, какъ запираются двери тюремъ. Епископъ велѣлъ снять всѣ эти запоры, и дверь какъ днемъ, такъ и ночью запиралась только на задвижку, такъ что всякій прохожій въ любое время могъ ее отворить. Въ первое время это страшно пугало обѣихъ женщинъ, но епископъ сказалъ имъ: «Если вамъ хочется, то велите придѣлать замки къ вашимъ дверямъ». Онѣ, въ концѣ-концовъ, примирились или, можетъ-быть, показывали видъ, что примирились съ этимъ. Только по временамъ на m-me Маглуаръ нападалъ страхъ. Что касается епископа, то его взглядъ и его образъ мыслей по этому поводу могутъ объяснить три строки, написанныя имъ самимъ на поляхъ Библіи: «Вотъ маленькій оттѣнокъ: дверь доктора не должна никогда запираться, дверь священника должна быть всегда отворена». Въ другой книгѣ, озаглавленной *Философія медицинской науки*, онъ написалъ другую замѣтку: «Развѣ я не такой же докторъ, какъ они? У меня тоже свои больные. Кромѣ тѣхъ, которыхъ они называютъ больными, у меня есть еще мои собственные, которыхъ я называю несчастными». Въ другомъ мѣстѣ онъ еще написалъ: «Не спрашивайте, какъ зовутъ того, кто у васъ проситъ ночлега. Тотъ въ особенности и нуждается въ гостепріимствѣ, кто скрываетъ свое имя».

Разъ одинъ почтенный священникъ, — я не знаю навѣрно, былъ ли это священникъ изъ Кулубру или изъ Помпіери, — по просьбѣ m-me Маглуаръ, спросилъ, увѣренъ ли его преосвящен-

ство, что онъ въ безопасности, оставляя днемъ и ночью отпертую дверь, и не можетъ ли случиться какого-нибудь несчастія въ домѣ, такъ плохо охраняемомъ? Епископъ съ ласковой серьезностью потрепалъ его по плечу и сказалъ: «Nisi Dominus custodierit domum, in vanum vigilant qui custodiunt eam» [1]), и тотчасъ перевелъ разговоръ на другой предметъ.

Онъ часто говаривалъ: «Священникъ долженъ быть храбръ по-своему, а драгунскій полковникъ по-своему». «Разница только та, — прибавлялъ онъ, — что наша храбрость должна отличаться особымъ спокойствіемъ».

VII.

Разбойникъ Краваттъ.

Здѣсь намъ необходимо разсказать объ одномъ случаѣ, который лучше всего обрисуетъ характеръ динскаго епископа и покажетъ намъ, что̀ онъ былъ за человѣкъ.

Послѣ уничтоженія шайки Гаспара Бэ, разбойничавшаго въ Олліульскихъ ущельяхъ, одинъ изъ его товарищей, Краваттъ, бѣжалъ въ горы. Нѣкоторое время онъ съ остатками шайки Гаспара Бэ скрывался въ Ниццскомъ графствѣ, затѣмъ перебрался въ Піемонтъ и вдругъ снова появился во Франціи около Барселонетты. Сперва его видѣли въ Жоэзье, а потомъ въ Тюилѣ. Онъ укрывался въ пещерахъ Орлинаго ущелья и оттуда, черезъ оврагъ, перебрался къ селамъ и деревушкамъ Убаи и Убаетты. Краваттъ дошелъ разъ даже до Анбрёна, забрался ночью въ соборъ и обокралъ ризницу. Разбои его наводили ужасъ на страну. Посылали жандармовъ изловить его, но все было напрасно: онъ постоянно ускользалъ, а иногда оказывалъ вооруженное сопротивленіе. Это былъ храбрый злодѣй. Какъ разъ во время общаго террора пріѣхалъ епископъ; онъ совершалъ объѣздъ Шастеларской области. Мэръ встрѣтилъ его и уговаривалъ вернуться назадъ. Краваттъ хозяйничаетъ въ горахъ до Арша и даже дальше. Небезопасно ѣхать даже съ конвоемъ. Это значитъ только безъ всякой пользы подвергать опасности жизнь трехъ или четырехъ несчастныхъ жандармовъ.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду безъ конвоя.

— Развѣ это возможно, ваше преосвященство! — воскликнулъ мэръ.

— Это возможно. Я ни за что не возьму жандармовъ и черезъ часъ уѣду.

— Уѣдете?

— Уѣду.

— Одни?

— Одинъ.

— Ваше преосвященство, не дѣлайте этого.

---

[1]) «Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи; аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій» (Пс. 126), *Прим. ред.*

— Тамъ, въ горахъ, — возразилъ епископъ, — есть маленькій сельскій приходъ, котораго я не видалъ уже три года. Это мои лучшіе друзья, тихіе и честные пастухи. У нихъ одна коза на тринадцать человѣкъ; они плетутъ очень красивыя разноцвѣтныя тесемки; они играютъ горныя пѣсни на свирѣляхъ о шести отверстіяхъ. Имъ необходимо время отъ времени слышать слово Божіе. Что же они должны будутъ подумать о епископѣ, который боится? Что же скажутъ они, если я къ нимъ не пріѣду?

— Но вѣдь ваше преосвященство можете встрѣтиться съ разбойниками.

— Да, это правда, вы меня надоумили, я могу ихъ встрѣтить; но и они также нуждаются въ словѣ Божіемъ.

— Но, ваше преосвященство, это вѣдь цѣлая шайка, стадо волковъ.

— Господинъ мэръ, можетъ-быть, Господь и назначилъ меня именно пастыремъ надъ этимъ стадомъ. Пути Провидѣнія неисповѣдимы!

— Ваше преосвященство, они васъ ограбятъ.

— У меня ничего нѣтъ.

— Они васъ убьютъ.

— Стараго священника, который идетъ, бормоча свои молитвы? Вотъ еще! Да зачѣмъ я имъ нуженъ?

— Охъ, Боже мой! Ну, если вы ихъ встрѣтите!

— Я у нихъ попрошу милостыни для моихъ бѣдныхъ.

— Ваше преосвященство, не ѣздите, ради Бога! Вы рискуете вашей жизнью.

— Господинъ мэръ, если вы опасаетесь только за мою жизнь, то я живу на свѣтѣ не для того, чтобъ охранять свою жизнь, но для того, чтобъ охранять души людей.

Наконецъ его оставили въ покоѣ, и онъ поѣхалъ, сопровождаемый однимъ только мальчикомъ, который долженъ былъ указывать ему дорогу.

Его настойчивость надѣлала много шуму и удивила всѣхъ.

Епископъ отправился одинъ, не взявъ съ собой ни сестры, ни m-me Маглуаръ. Онъ проѣхалъ на мулѣ черезъ горы, не встрѣтивъ никого, и цѣлъ и невредимъ добрался до своихъ «добрыхъ друзей», пастуховъ. Онъ прожилъ у нихъ четырнадцать дней, говоря проповѣди и совершая требы, поучая и наставляя. Передъ отъѣздомъ епископъ захотѣлъ отслужить торжественное молебствіе. Онъ сказалъ объ этомъ священнику. Но какъ быть? — не было епископскаго облаченія. Въ его распоряженіи была только бѣдная деревенская ризница съ нѣсколькими старыми ризами, обшитыми поддѣльными галунами.

— Ничего,—сказалъ епископъ,—объявите все-таки съ каѳедры о предстоящемъ молебствіи, дѣло какъ-нибудь уладится.

Начались поиски въ сосѣднихъ церквахъ, но всѣ сокровища этихъ скромныхъ приходовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, не могли бы доставить приличной одежды даже соборному пѣвчему. Во время этихъ хлопотъ двое незнакомцевъ принесли и поставили въ домъ

священника большой ящикъ, предназначенный епископу. Незнакомцы немедленно скрылись. Открыли ящикъ. Въ немъ оказалась золотая парчевая мантія, митра, украшенная брильянтами, архіепископскій крестъ, великолѣпный епископскій посохъ,—все полное облаченіе, украденное мѣсяцъ тому назадъ изъ Анбрёнскаго собора во имя Богоматери. Въ ящикѣ лежала бумажка со слѣдующими написанными словами: «Преосвященному Біенвеню отъ Краватта».

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что все уладится. — Потомъ епископъ, улыбаясь, прибавилъ: — Тому, кто готовъ довольствоваться священническимъ стихаремъ, Богъ посылаетъ архіепископскую мантію.

— Ваше преосвященство, — пробормоталъ съ усмѣшкой священникъ, качая головой,—это какъ считать — отъ Бога или отъ дьявола?

Епископъ пристально посмотрѣлъ на священника и сказалъ увѣренно и авторитетно:

— Отъ Бога!

По возвращеніи его въ Шастеларъ и въ продолженіе всего пути стекалось много народу и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на своего епископа. Въ домѣ священника его ожидали m-lle Батистина и m-me Маглуаръ. Онъ сказалъ сестрѣ:

— Не правда ли, что я разсудилъ правильно? Бѣдный священникъ отправился съ пустыми руками къ бѣднымъ горцамъ, а возвращается богачомъ. Я уѣхалъ только съ упованіемъ на Бога, а возвратился съ сокровищами собора.

Вечеромъ, передъ сномъ, онъ прибавилъ:

— Не бойтесь никогда ни воровъ, ни убійцъ. Это внѣшняя незначительная опасность. Бойтесь самихъ себя. Предубѣжденія—вотъ настоящіе воры, пороки—вотъ настоящіе убійцы. Самая большая опасность заключается въ насъ самихъ. Страшно не то, что угрожаетъ нашей жизни и кошельку, а то, что угрожаетъ нашей душѣ.

Обратившись къ сестрѣ, онъ сказалъ:

— Сестра моя, священникъ никогда не долженъ принимать предосторожностей противъ ближняго. То, что дѣлаетъ ближній, допускаетъ Богъ. Будемъ ограждать себя молитвой, когда предполагаемъ, что на насъ надвигается опасность. Будемъ молиться не за себя, а за нашего брата, чтобы намъ не ввести его въ грѣхъ.

Впрочемъ, въ жизни епископа было мало приключеній. Мы описываемъ только тѣ, о которыхъ знаемъ. Вообще же его жизнь текла очень однообразно, мѣсяцы въ его году были похожи на часы его дня. Мы затрудняемся дать вѣрный отвѣтъ, какая дальнѣйшая судьба постигла «сокровища» Анбрёнскаго собора. Это были великолѣпныя, драгоцѣнныя вещи и очень было выгодно удержать ихъ для бѣдныхъ, къ тому же онѣ были краденыя, слѣдовательно, половина дѣла была уже сдѣлана, оставалось только дать другое назначеніе кражѣ и направить ее въ пользу бѣдныхъ. Въ бумагахъ епископа попалась одна замѣтка, довольно

неясная и, быть-можетъ, относящаяся къ этому дѣлу; она слѣдующаго содержанія: *Вопросъ заключается въ томъ, куда возвратить,—въ соборъ или въ больницу?*

VIII.

Философія послѣ выпивки.

Сенаторъ, о которомъ мы уже упоминали выше, былъ человѣкъ себѣ на умѣ, шедшій всегда прямо къ цѣли, не сбившійся ни разу съ пути отличій и наживы, никогда не стѣснявшійся такими пустяками, какъ совѣсть, присяга, справедливость и долгъ. Онъ былъ когда-то прокуроромъ. Удачная карьера сдѣлала его добродушнымъ. Вообще онъ былъ совсѣмъ не злой человѣкъ, готовый при случаѣ, чѣмъ могъ, быть полезнымъ своимъ сыновьямъ, зятьямъ, родственникамъ и даже друзьямъ. Бралъ отъ жизни только ея хорошія стороны, счастливыя случайности, неожиданные успѣхи. Все остальное казалось ему вздоромъ. Онъ былъ остроуменъ, довольно образованъ и считалъ себя послѣдователемъ Эпикура, хотя на самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, былъ только произведеніемъ Пиго-Лебрена. Онъ охотно и пріятно насмѣхался надъ всѣми отвлеченностями, и «надъ нелѣпыми чудачествами простака епископа», дѣлая это иногда, хотя и съ любезной улыбкой, даже въ присутствіи самого епископа Миріеля.

Не помню, на какомъ-то полуофиціальномъ торжествѣ графъ *** (этотъ самый сенаторъ) и епископъ Миріель обѣдали вмѣстѣ у префекта. За десертомъ сенаторъ, бывшій немного навеселѣ, воскликнулъ:

— Ей-Богу, ваше преосвященство, давайте поболтаемъ! Сенатору и епископу трудно глядѣть другъ другу въ глаза, не подмигивая. Мы съ вами, какъ два авгура. У меня, скажу вамъ по душѣ, своя собственная философія.

— И вы вполнѣ правы,—отвѣчалъ епископъ.—Какъ постелешь, такъ и выспишься. Какую выберешь себѣ философію, такъ и устроишь свою жизнь. Ваша философія довела васъ до курульнаго кресла, г. сенаторъ.

Обрадованный сенаторъ продолжалъ:

— Будемте съ вами добрыми друзьями.

— И даже добрыми товарищами,—согласился епископъ.

— Я вамъ скажу,—началъ сенаторъ,—что маркизъ д'Арманъ, Пирронъ, Гоббсъ и Нежонъ не были негодяями. Въ моей библіотекѣ всѣ сочиненія моихъ любимыхъ философовъ переплетены въ золотообрѣзные переплеты.

— Какъ и вы сами, ваше сіятельство,—прервалъ епископъ.

Сенаторъ продолжалъ:

— Я ненавижу Дидро; онъ идеологъ, фразеръ и революціонеръ, въ сущности вѣрующій въ Бога и ханжа больше чѣмъ Вольтеръ, Вольтеръ напрасно смѣется надъ Нидгэмомъ, потому что угри Нидгэма доказываютъ, что Богъ не нуженъ. Капля уксуса въ ложкѣ тѣста замѣняетъ fiat-lux[1]). Предположите каплю покрупнѣе и ложку

---

[1]) Изъ книги Бытія: «Да будетъ Свѣтъ». *Прим. ред.*

побольше, и вы получите міръ. Ваше преосвященство, гипотеза Іеговы меня утомляетъ. Она порождаетъ постныхъ людей, съ пустыми, несбыточными мечтами. Долой великое вѣчное, оно мнѣ надоѣло! Да здравствуетъ нуль, оставляющій меня въ покоѣ. Между нами будь сказано,—исповѣдуюсь вамъ, какъ моему пастырю, а потому и признаюсь, что я человѣкъ съ здравымъ умомъ. Я не увлекаюсь ученіемъ Христа, проповѣдующаго на каждомъ шагу самоотверженіе и самопожертвованіе. Это—совѣтъ скряги нищимъ. Самоотверженіе—зачѣмъ это? Самопожертвованіе—для кого оно? Я ни разу не видалъ, чтобы волкъ жертвовалъ своимъ счастіемъ для другого волка. Останемся же вѣрны природѣ. Мы стоимъ на вершинѣ, такъ проникнемся же высшей философіей. Для чего стоять на вершинѣ, если не видишь дальше кончика носа своего ближняго? Будемъ жить весело. Жизнь—все. Будто человѣка ждетъ тамъ, вверху, какая-то другая загробная жизнь, я въ это не вѣрю. А мнѣ проповѣдуютъ жертву и самоотреченіе, я долженъ слѣдить за собой, ломать голову, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо. Зачѣмъ? Потому что я долженъ будто бы дать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Когда? Послѣ смерти. Какіе пустяки! Меня на эту удочку не поймаешь! Заставьте-ка тѣнь взять въ руки горсть пепла! Будемте откровенны, какъ посвященные, поднявшіе завѣсу Изиды: ни добра, ни зла не существуетъ, а есть только растительные процессы. Поищемте сущности. Углубимтесь. Проникнемте въ самую суть, чортъ возьми! Нужно, хотя бы изъ-подъ земли, добыть истину, докопаться до нея, угадать ее. Тогда она вамъ дастъ истинное счастіе. Вы будете сильны и будете смѣяться надъ всѣмъ. Я все это понялъ. Господинъ епископъ, безсмертіе человѣка—пустыя розсказни. О! прекрасное обѣщаніе. Ввѣрьтесь только ему. Имѣть душу, сдѣлаться ангеломъ, голубыя крылья вырастутъ у тебя на лопаткахъ. Помогите же мнѣ! Кажется, Тертулліанъ сказалъ, что блаженные будутъ перелетать съ одного небеснаго свѣтила на другое? Хорошо! Сдѣлаемся стрекозами звѣздъ. Все это одна нелѣпость. Я, конечно, не напечатаю этого въ *Монитерѣ*, но почему же не сказать потихоньку пріятелю? Inter pocula [1]). Жертвовать земными благами изъ-за рая, это все равно, что бросать добычу изъ-за призрака. Я не такъ глупъ, чтобы позволить обмануть себя безсмертіемъ. Я—ничто. Я называюсь графомъ и сенаторомъ. Ничто. Существовалъ ли я до моего рожденія? Нѣтъ. Буду ли я существовать послѣ моей смерти? Нѣтъ. Что же я такое? Прахъ, превращенный въ организмъ. Что же мнѣ дѣлать на этой землѣ? Отъ меня зависитъ выборъ. Страдать или наслаждаться. Куда меня приведетъ страданіе? Къ праху. Но зато я настрадался. Куда меня приведетъ наслажденіе? Къ праху. Но зато я насладился. Мой выборъ сдѣланъ. Надо или ѣсть или быть съѣденнымъ. Я ѣмъ. Лучше быть зубомъ, чѣмъ травой. Такова моя мудрость. А затѣмъ иди своей дорогой: могильщикъ ждетъ насъ всѣхъ, всѣмъ будетъ своя яма въ землѣ; избранныхъ положатъ въ Пантеонъ. И тогда

---

[1]) За стаканомъ вина.

конецъ. Finis. Полный расчетъ. Полное исчезновеніе. Повѣрьте мнѣ, что смерть есть мертвость и больше ничего. Такое разсужденіе, что меня будутъ тамъ еще разспрашивать, мнѣ просто смѣшно. Это пустая выдумка. Нѣтъ, насъ ждетъ тьма. За могилой всѣ люди равны, всѣ обращаются въ ничто. Будь вы Сарданапаломъ или святымъ Викентіемъ Павскимъ, въ сущности, останется отъ васъ тотъ же прахъ. Вотъ истина. Живите прежде всего, пользуйтесь своимъ и пока оно ваше. Вѣрно говорю вамъ, владыка, у меня своя философія. Я не поддаюсь пустымъ мечтамъ. Разумѣется, надо же дать какое-нибудь утѣшеніе и для низшихъ, для босяковъ, для уличныхъ точильщиковъ, для бѣдняковъ. Имъ предлагаютъ легенды, химеры, душу, безсмертіе, рай, звѣзды. Они пережевываютъ ихъ вмѣстѣ со своимъ черствымъ хлѣбомъ. У кого ничего нѣтъ,—пусть у тѣхъ будетъ добрый Боженька. Это не мѣшаетъ. Я противъ этого не возражаю, но для себя оставлю Нежона. Добрый Боженька хорошъ для народа.

Епископъ захлопалъ въ ладоши.

— Вотъ это я понимаю!—воскликнулъ онъ.—Какая прекрасная вещь этотъ матеріализмъ! Не всякому только онъ доступенъ. Тотъ, кто его пойметъ, не будетъ уже простофилей; не позволитъ такъ глупо изгнать себя, какъ Катонъ, побить камнями, какъ святой Стефанъ, или сжечь, какъ Іоанна д'Аркъ. Кто усвоилъ себѣ этотъ превосходный матеріализмъ, тотъ обладаетъ счастіемъ не чувствовать за собою отвѣтственности и думать, что онъ можетъ спокойно пожирать все,—мѣста, синекуры, почести, нечестно нажитое богатство, извлекать выгоду изъ измѣнъ и изъ сладостныхъ сдѣлокъ съ собственной совѣстью, въ полной увѣренности, что съ уходомъ въ могилу всѣ расчеты будутъ покончены. Какъ это пріятно! Я не васъ лично имѣю въ виду, господинъ сенаторъ, но не могу васъ не поздравить. Вы, большіе сановники, имѣете для себя лично вашу собственную философію, изящную, усовершенствованную, пригодную только для счастливцевъ, незамѣнимую приправу ко всѣмъ благамъ жизни, удивительнымъ образомъ возвышающую жизненныя наслажденія. Эта философія добыта изъ глубины глубинъ спеціальными изслѣдованіями. Но вы люди добрые и великодушные и не имѣете ничего противъ того, чтобы вѣра въ Бога оставалась философіей народа, въ родѣ того, какъ гусь съ каштанами замѣняетъ для бѣдняка индѣйку съ трюфелями.

IX.

Братъ, описанный сестрой.

Чтобы понять домашнюю жизнь динскаго епископа, и какъ обѣ благочестивыя женщины слѣдовали и добровольно подчинялись всѣмъ привычкамъ, мыслямъ и взглядамъ епископа, пренебрегая даже женской трусливостью, все это лучше всего мы поймемъ изъ письма m-lle Батистины къ виконтессѣ де-Буашевронъ, другу ея дѣтства. Письмо это сохранилось у насъ.

«Динь, 16 декабря 18...

«Дорогая виконтесса! Не проходитъ дня, чтобы мы о васъ не говорили. Это вошло у насъ въ привычку, но есть еще и другая тому причина. Представьте себѣ, что, обмывая и обметая потолокъ и стѣны, m-me Маглуаръ сдѣлала открытіе: наши двѣ комнаты, прежде оклеенныя старой бумагой и выбѣленныя известкой, теперь не обезобразили бы даже дворца въ родѣ вашего. M-me Маглуаръ оборвала всю бумагу и подъ ней оказались сокровища. Мой салонъ, въ которомъ нѣтъ мебели, такъ что мы сушимъ въ немъ бѣлье послѣ стирки (его высота—пятнадцать футовъ, а окружность—восемнадцать квадратныхъ футовъ) теперь оказывается съ потолкомъ, украшеннымъ старинной живописью и позолотой, съ лѣпнымъ карнизомъ, какъ у васъ. Все это было прикрыто холстиной, когда здѣсь помѣщалась больница. Да, это — рѣзьба временъ нашихъ бабушекъ. Но надо посмотрѣть на мою комнату. Подъ десятью, по меньшей мѣрѣ, слоями бумагъ m-me Маглуаръ отыскала живопись не особенно хорошую, но сносную: посвященіе въ рыцари Телемака Минервой; потомъ онъ же въ садахъ, названія которыхъ забыла,—однимъ словомъ, куда римскія матроны ходили разъ въ годъ ночью. Что же мнѣ вамъ сказать еще? Вокругъ меня римляне, римлянки *(дальше слово, которое не разберешь)* и вся свита.

«M-me Маглуаръ все это обмыла; этимъ лѣтомъ она хочетъ исправить кое-какія поврежденія, все возстановить, и моя комната будетъ настоящимъ музеемъ. Она также нашла на чердакѣ въ углу два деревянныхъ стола съ полками въ старинномъ вкусѣ. Позолотить ихъ заново просятъ два шестифунтовыхъ экю, но лучше эти деньги отдать бѣднымъ, притомъ столы очень некрасивы, и мнѣ лучше хотѣлось бы пріобрѣсти круглый столъ изъ краснаго дерева.

«Я попрежнему очень счастлива. Мой братъ такъ добръ. Онъ отдаетъ все, что у него есть, неимущимъ и больнымъ. Мы очень стѣснены. Зима въ этомъ краю очень сурова, и нужно хотя чѣмъ-нибудь помогать бѣднымъ. У насъ почти совсѣмъ тепло и свѣтло. Вы видите, это много значитъ.

«У моего брата свои привычки. Онъ говоритъ, что епископъ долженъ такъ поступать. Представьте себѣ, что дверь нашего дома никогда не заперта. Входи кто хочетъ и сейчасъ же очутится у брата. Онъ ничего не боится даже ночью. Въ этомъ его личная храбрость, какъ онъ говоритъ. Онъ не желаетъ, чтобы я или m-me Маглуаръ боялись за него. Онъ подвергается всякимъ опасностямъ и не желаетъ даже, чтобы мы это замѣчали. Нужно умѣть его понимать.

«Онъ выходитъ въ дождикъ, въ слякоть, выѣзжаетъ зимой. Онъ не боится ночью ни плохихъ дорогъ, ни опасныхъ встрѣчъ. Въ прошломъ году, не захотѣвъ взять насъ съ собою, онъ отправился совершенно одинъ въ разбойничью страну. Жилъ тамъ двѣ недѣли. Благополучно возвратился. Всѣ думали, что его тамъ убили, а онъ былъ здравъ и невредимъ и сказалъ: «Видите, какъ меня обокрали». Онъ открылъ ящикъ, наполненный драгоцѣнностями изъ Анбрёнскаго собора, которыя ему доставили воры.

«На этотъ разъ, когда онъ вернулся, я не вытерпѣла, чтобы не побранить его, стараясь говорить только въ то время, когда колеса стучали, чтобы никто не услыхалъ.

«Сначала я говорила себѣ: никакія опасности не могутъ остановить его, онъ неисправимъ. Теперь я уже привыкла. Я знаками удерживаю m-me Маглуаръ, чтобъ она оставляла его въ покоѣ. Пусть рискуетъ сколько хочетъ. Я увожу m-me Маглуаръ, я ухожу къ себѣ въ комнату, молюсь за него и засыпаю. Я спокойна, потому что сознаю, что случись съ нимъ несчастіе, я не переживу этого. Я уйду къ милосердному Богу вмѣстѣ съ моимъ братомъ и моимъ епископомъ. M-me Маглуаръ труднѣе было свыкнуться съ тѣмъ, что она называетъ его неосторожностями. Но теперь привычка усвоена. Мы вмѣстѣ молимся и вмѣстѣ засыпаемъ. Если бы дьяволъ вошелъ въ домъ, онъ могъ бы дѣлать у насъ, что ему угодно. Въ концѣ-концовъ, чего же намъ бояться въ этомъ домѣ, когда Тотъ, Кто сильнѣе всѣхъ, всегда съ нами? Дьяволъ можетъ только притти, а Господь Богъ постоянно съ нами. Этого съ меня довольно. Теперь моему брату не нужно говорить мнѣ ни слова. Я понимаю его безъ словъ, и мы отдались на волю Провидѣнія.

«Вотъ какъ слѣдуетъ держать себя съ человѣкомъ великаго ума.

«Я спрашивала брата про тѣ свѣдѣнія, которыя вамъ нужно получить въ семействѣ Фо. Вы знаете, какъ онъ все знаетъ и сколько у него воспоминаній. Онъ и до сихъ поръ еще искренній роялистъ. Это, на самомъ дѣлѣ, очень старинное нормандское семейство Канскаго округа. Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ существовали Рауль де-Фо, Жанъ де-Фо и Тома де-Фо, всѣ они были дворянами и одинъ изъ нихъ владѣльцемъ Рошфора. Послѣдній въ ихъ родѣ Гюи-Этіенъ-Александръ былъ полковникомъ и еще чѣмъ-то въ легкой кавалеріи въ Бретани. Его дочь Марія-Луиза вышла замужъ за Адріена-Шарля-де-Грамона, сына герцога Луи-де-Грамона, пэра Франціи, полковника французской гвардіи и генералъ-лейтенанта арміи. Пишутъ разно—Faux, Faug и Faoug.

«Добрая виконтесса! Попросите вашего родственника, преподобнаго кардинала, молиться за насъ. Что касается вашей дорогой Сильваніи, то она хорошо сдѣлала, что не стала тратить времени изъ своего короткаго пребыванія у васъ на письмо ко мнѣ. Она здорова, работаетъ согласно вашимъ желаніямъ, думаетъ обо мнѣ. Съ меня этого достаточно. Я счастлива, что получила отъ нея поклонъ въ вашемъ письмѣ. Я чувствую себя хорошо, а между тѣмъ съ каждымъ днемъ худѣю. Прощайте, у меня нѣтъ больше бумаги, а потому я принуждена кончить. Тысячу лучшихъ пожеланій.

«Батистина».

«P. S. Вашъ внукъ прелестенъ. Знаете ли вы, ему скоро минетъ пять лѣтъ. Вчера онъ увидалъ проходившую лошадь съ надѣтыми наколѣнниками и спросилъ: Что у нея на колѣнкахъ? Этотъ ребенокъ такъ милъ. Его младшій братъ таскаетъ по комнатѣ старую метлу, воображая, что это карета, и кричитъ: «Но!»

Какъ видно изъ письма, обѣ женщины умѣли примѣняться къ привычкамъ епископа съ чисто-женскимъ инстинктомъ, благодаря которому женщина понимаетъ мужчину лучше, чѣмъ онъ самъ себя.

Динскій епископъ, несмотря на свой скромный и простой видъ, дѣлалъ иногда великія, отважныя и прекрасныя вещи, самъ, повидимому, не замѣчая этого. Женщины дрожали за него, но не вмѣшивались. Иногда m-me Маглуаръ рѣшалась предостеречь его заранѣе, но только никогда ничего не говорила во время самаго совершенія или послѣ того; ему не мѣшали ни словомъ, ни даже жестомъ въ начатомъ имъ дѣлѣ. Бывали извѣстныя минуты, когда безъ всякихъ словъ съ его стороны, можетъ-быть, по своему простодушію и сами того не сознавая, они смутно чувствовали, что онъ дѣйствуетъ, какъ епископъ, и совершенно стушевывались. Онѣ пассивно служили ему и, если отъ нихъ требовалось, чтобъ онѣ исчезли, онѣ повиновались. Онѣ инстинктивно чувствовали, что въ извѣстное время всякая заботливость можетъ только стѣсня[illegible] человѣка; порою сознавая даже, что ему грозитъ опасность, о[illegible] понимали, не скажу—его мысли, но его натуру до такой степе[illegible] что не заботились о немъ сами, а поручали его Богу. Къ тому же, какъ видно изъ письма, m-lle Батистина говорила, что смерть брата будетъ также и ея смертью. M-me Маглуаръ не говорила этого, но знала это про себя.

X.

Новое знакомство епископа.

Спустя немного времени послѣ упомянутаго выше письма, если вѣрить городскимъ слухамъ, епископъ совершилъ еще болѣе смѣлый поступокъ, чѣмъ посѣщеніе горъ, занятыхъ разбойниками.

Въ окрестностяхъ Диня жилъ въ совершенномъ уединеніи одинъ человѣкъ. Онъ, — но лучше уже сразу сказать ужасную вещь,—былъ когда-то членомъ Конвента. Звали его Ж. Это имя со страхомъ упоминалось жителями маленькаго провинціальнаго городка.

Вообразите себѣ, вѣдь онъ принадлежалъ къ тѣмъ временамъ, когда всѣ называли другъ друга «гражданинъ» и говорили другъ другу ты!!

Вѣдь этотъ человѣкъ—чудовище: если онъ и не подавалъ голоса противъ короля, то все-таки судилъ его. Этотъ страшный человѣкъ былъ почти что цареубійцей. Какъ это случилось, что его не отдали подъ судъ при возстановленіи на престолѣ законныхъ королей? Казнить его хотя и не стоило, но было бы не лишнимъ выгнать вонъ изъ отечества! Надо же подавать хорошій примѣръ и т. д.! Притомъ онъ былъ безбожникъ, какъ и всѣ люди его пошиба. Утки судачили коршуна!

Но былъ ли на самомъ дѣлѣ Ж. коршуномъ?

Пожалуй, если судить по суровой обстановкѣ его жизни. Версты за три отъ города, вдали отъ всѣхъ дорогъ, въ глухомъ углу оди-

чавшей долины, у него былъ клочокъ земли, а мѣстомъ его жилища служила какая-то нора: ни сосѣдей, ни прохожихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ этой долинѣ, тропинка, ведшая къ ней, заросла травою. Про это мѣсто говорили, какъ про жилище убійцы. Однако время отъ времени епископъ посматривалъ въ ту сторону, которая обозначалась на горизонтѣ группой деревьевъ. Онъ говорилъ: тамъ въ одиночествѣ страдаетъ душа. Совѣсть же подсказывала ему: я долженъ навѣстить этого человѣка. Но казавшаяся такою естественною въ началѣ эта мысль, послѣ минутнаго размышленія, представлялась ему невозможной, невыполнимой, почти отталкивающей. На самомъ же дѣлѣ епископъ держался того же мнѣнія о Ж., какъ и всѣ, и если онъ и не ненавидѣлъ его, то питалъ къ нему чувство близкое къ ненависти—чувство отчужденія, можетъ-быть, не сознавая даже этого ясно.

Всегда ли пастырь долженъ удаляться отъ зараженной овцы? Нѣтъ. Смотря по тому, какая овца.

Добрый епископъ былъ смущенъ. Нѣсколько разъ онъ направлялъ свои стопы къ долинѣ, но съ полдороги возвращался обратно. Однажды по городу разнесся слухъ, что пастухъ, прислуживавшій г. Ж., прибѣжалъ въ городъ за докторомъ: старый негодяй умиралъ отъ паралича и не переживетъ, навѣрное, этой ночи. «Слава Богу!» прибавляли при этомъ нѣкоторые.

Епископъ взялъ свой посохъ, надѣлъ рясу, чтобы прикрыть подрясникъ, который, какъ мы уже упоминали раньше, онъ всегда изнашивалъ до ветхости и еще потому, что вечеромъ могъ подняться холодный вѣтеръ, и вышелъ.

Солнце почти уже сѣло, когда епископъ дошелъ до цѣли своей ходьбы. Съ замираніемъ сердца увидалъ онъ, что подходитъ къ логовищу. Перепрыгнувъ черезъ канаву, онъ перешагнулъ черезъ низенькую изгородь, вошелъ на дворъ и вдругъ, позади сорныхъ травъ и кустарниковъ, увидалъ самое жилище. Это была маленькая, низенькая, чистенькая хижинка съ вьющимися вокругъ фасада растеніями.

Передъ дверью, на старомъ крестьянскомъ съ колесами креслѣ, сидѣлъ сѣдой старикъ и улыбался солнцу.

Возлѣ него стоялъ мальчикъ - пастушонокъ и протягивалъ ему чашку съ молокомъ.

Въ то время, какъ епископъ разглядывалъ его, старикъ проговорилъ:

— Благодарю тебя, мнѣ больше ничего не нужно,—и съ улыбкой сталъ глядѣть на ребенка.

Епископъ приблизился. Услыхавъ шумъ шаговъ, старикъ съ удивленіемъ обернулся.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, это еще первое посѣщеніе. Кто вы, сударь?

— Меня зовутъ Біенвеню Миріель.

— Біенвеню Миріель!—я слышалъ это имя.—Не васъ ли народъ называетъ преосвященнымъ Біенвеню?

— Да, меня.

Старикъ съ полуусмѣшкой продолжалъ:

— Въ такомъ случаѣ, вы мой епископъ?

— Отчасти!

— Войдите, сударь!

Господинъ Ж. протянулъ ему руку, но епископъ, не подавая своей, сказалъ:

— Я радъ, что меня обманули; на мой взглядъ, вы совсѣмъ не такъ больны.

— Я скоро поправлюсь совсѣмъ.—Онъ помолчалъ и прибавилъ:— Я умру черезъ три часа, самое большее. Я вѣдь немного знакомъ съ медициной и знаю признаки смерти,—началъ говорить Ж.— Вчера у меня похолодѣли только ноги, сегодня уже колѣни, а сейчасъ я чувствую, что весь похолодѣлъ до пояса; когда дойдетъ до сердца—всему будетъ конецъ. Какъ прекрасно солнце, не правда ли? Я попросилъ вывезти меня сюда, чтобъ послѣднiй разъ полюбоваться природой. Вы можете говорить со мною, это меня не утомляетъ. Вы хорошо сдѣлали, что пришли посмотрѣть на умирающаго человѣка. Хорошо, когда въ эту минуту есть свидѣтель. У каждаго своя манія: мнѣ хотѣлось бы дожить до разсвѣта, но я знаю, что не проживу и трехъ часовъ. Наступитъ ночь. А впрочемъ, не все ли равно? Кончать—простое дѣло!—Для этого не нужно ждать утра. Я умру при свѣтѣ звѣздъ!

Старикъ обернулся къ пастушонку.

— Ступай спать. Ты уже не спишь другую ночь и усталъ.

Мальчикъ ушелъ въ хижину

Старикъ, проводивъ его глазами, сказалъ какъ бы про себя:

— Пока онъ будетъ спать, я умру. Сонъ и смерть добрые сосѣди.

Все это не такъ тронуло епископа, какъ можно было бы ожидать. Онъ не чувствовалъ присутствія Бога при смерти такого невѣрующаго человѣка. И у великихъ людей есть свои слабости. Епископъ, вообще не любившій, когда его называли ваше преосвященство, былъ непріятно задѣтъ тѣмъ, что старикъ не назвалъ его такъ, и у епископа вдругъ явилось желаніе обратиться къ больному съ той грубой безцеремонностью, которая такъ обычна докторамъ и священникамъ, но которой онъ никогда себѣ не позволялъ. Этотъ человѣкъ—представитель народа, когда-то имѣвшій власть. И можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни епископъ почувствовалъ приливъ суровости. Между тѣмъ бывшій членъ конвента всматривался въ него съ ласковой привѣтливостью и смиреніемъ умирающаго человѣка.

Епископъ, съ своей стороны, смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, сознавая, что любопытство безъ симпатій — оскорбленіе; онъ навѣрно бы почувствовалъ упрекъ совѣсти, будь на мѣстѣ Ж. другой человѣкъ, но господинъ Ж. казался ему внѣ закона, даже внѣ закона милосердія.

Начинавшій уже холодѣть Ж. держался прямо и говорилъ еще громко; это былъ одинъ изъ тѣхъ восьмидесятилѣтнихъ старцевъ, которые возбуждаютъ удивленіе у физіологовъ. Въ эпоху револю-

ціи встрѣчалось много такихъ людей. Видно было, что этотъ старикъ много пережилъ на своемъ вѣку. Почти уже умирающій, онъ сохранилъ всѣ движенія здороваго человѣка: его взглядъ былъ ясенъ, рѣчь тверда, даже по движенію плечъ нельзя было предполагать скорой кончины. Азраилъ, ангелъ смерти магометанъ, увидѣвъ его, навѣрно ушелъ бы обратно, подумавъ, что онъ ошибся дверью. Казалось Ж. умираетъ только потому, что самъ того хочетъ. Агонія его была добровольная. Только ноги были неподвижны. Смерть держала ихъ въ своихъ рукахъ. Ноги были холодны и мертвы, а голова жила всѣми фибрами жизни и работала съ полною ясностью. Ж. въ эту торжественную минуту былъ похожъ на царя изъ восточной сказки съ живымъ туловищемъ и мраморными ногами.

Епископъ сѣлъ на лежавшій поблизости камень и сразу приступилъ къ дѣлу.

— Я за васъ очень радъ,—сказалъ онъ тономъ упрека.—Вы вѣдь все-таки не подали своего голоса за смерть короля?

Казалось, господинъ Ж. не замѣтилъ скрытой горечи въ словѣ: «все-таки». Улыбка исчезла съ его лица, когда онъ отвѣчалъ:

— Не очень-то радуйтесь за меня, сударь: я во всякомъ случаѣ вотировалъ противъ тирана.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что у человѣка есть тиранъ,—невѣжество. Я вотировалъ противъ этого тирана. Людьми должна руководить только наука.

— А совѣсть?—перебилъ епископъ.

— Это одно и то же. Совѣсть, это—та прирожденная сумма знаній, которою мы обладаемъ.

Преосвященный Біенвеню слушалъ слегка удивленный,—въ этой рѣчи было много новаго для него.

— Что касается Людовика XVI, то я сказалъ «нѣтъ». Я не считаю себя въ правѣ убивать человѣка. Но я признаю долгомъ искоренять зло. Я вотировалъ за уничтоженіе тираніи, то-есть за уничтоженіе проституціи для женщинъ, рабства для мужчинъ и невѣжества для дѣтей. Вотируя за республику, я вотировалъ именно за это. Я вотировалъ за братство, за согласіе, за зарю новой жизни. Я помогалъ низверженію предразсудковъ и заблужденій. Гибель ихъ порождаетъ свѣтъ. Мы уничтожили старый строй; падая, эта старая чаша опрокинулась на человѣчество и превратилась въ источникъ радости.

— Радости смѣшанной,—сказалъ епископъ.

— Вы можете сказать, радости тревожной, а теперь, послѣ возврата къ прошлому, совершившагося въ 1814 г., радость испарилась.—Увы!—признаю, что созиданіе было неполное: мы разрушили старый порядокъ фактически; но не могли уничтожить идей, вкоренившихся въ понятія людей. Мало уничтожить злоупотребленіе, надо исправить нравы. Мельница сломана, но вѣтеръ остался.

— Вы многое разрушили. Можетъ-быть, это и было полезно, но я возстаю противъ разрушенія, соединеннаго со злобой.

— У справедливости есть своя злоба, господинъ епископъ, но ея злоба—элементъ прогресса. Чтобы тамъ ни говорили, но французская революція—движеніе въ высшей степени гуманитарное. Можетъ-быть, несовершенное, но высокое. Она указала на всѣ общественныя язвы, она прояснила умы, она влила въ цивилизацію новую, живую струю. Она была прекрасна.

Епископъ не могъ удержаться и пробормоталъ:

— Да? А 93 годъ?

Господинъ Ж. приподнялся со стула и съ торжественностью умирающаго воскликнулъ:

— А! Вотъ что! 93 годъ! Я такъ и ждалъ. Но гроза собиралась въ теченіе пятнадцати столѣтій. Къ концу столѣтія она разразилась. Вы преслѣдуете судомъ ударъ грома!

Епископъ почувствовалъ нѣкоторое смущеніе, но не показалъ этого.

— Судья говоритъ во имя справедливости, священникъ—во имя состраданія,—замѣтилъ онъ,—оно-то и есть высшая справедливость. Громовой ударъ не долженъ ошибаться.

И пристально взглянувъ на Ж., онъ прибавилъ:

— А Людовикъ XVII?

— Людовикъ XVII? Кого вы оплакиваете?—спросилъ Ж., дотрогиваясь до руки епископа.—Невиннаго ребенка? Тогда я буду плакать вмѣстѣ съ вами. Но если вы оплакиваете сына Людовика XVI, то это еще требуетъ размышленія. Мнѣ не менѣе жаль брата Картуша, невиннаго ребенка, который былъ повѣшенъ только за то, что онъ былъ братомъ Картуша. Повторяю, мнѣ этого ребенка не меньше жаль, чѣмъ и маленькаго внука Людовика XV, тоже невиннаго ребенка, замученнаго въ тюрьмѣ только за то, что онъ имѣлъ несчастье быть внукомъ Людовика XV.

— Мнѣ не нравится, — сказалъ епископъ, — сближеніе этихъ именъ.

— Картуша и Людовика XVII?

Оба замолкли. Епископъ жалѣлъ, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ какое-то особенное волненіе.

— Ахъ! господинъ священникъ, вы не любите грубой правды,—опять началъ Ж.,—а между тѣмъ Христосъ любилъ ее. Онъ веревкой выгналъ торгашей изъ храма. Когда онъ воскликнулъ: «Sinite parvulos» [1])... онъ не дѣлалъ различія между дѣтьми. Сударь, простота сама по себѣ—лучшее украшеніе, она царственна и такъ же величественна въ лохмотьяхъ, какъ и въ гербовыхъ лиліяхъ.

— Вы правы,—замѣтилъ вполголоса епископъ.

— Я настаиваю на своей мысли, — продолжалъ членъ конвента. — Вы вотъ мнѣ упомянули о Людовикѣ XVII. Постараемся понять другъ друга. Будете ли вы вмѣстѣ со мною плакать о всѣхъ несчастныхъ, обо всѣхъ замученныхъ, обо всѣхъ погибшихъ дѣтяхъ, кто бы они ни были? Въ такомъ случаѣ я согласенъ. Но тогда нужно взять время раньше 93 года. Я готовъ плакать съ

---

[1]) Пустите дѣтей приходить ко мнѣ. *Прим. ред.*

вами о дѣтяхъ сильныхъ міра сего, если вы будете плакать со мною о дѣтяхъ изъ народа!

— Я оплакиваю всѣхъ,—отвѣтилъ епископъ.

Наступило молчаніе. Членъ конвента первый нарушилъ его; приподнявшись на локтяхъ и машинально подперевъ голову, онъ пристально уставился на епископа и порывисто заговорилъ:

— Да, сударь, народъ давно страдаетъ. Я васъ не знаю. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь поселился, я живу здѣсь одинъ за этой оградой, никуда не выходя и никого не видя, кромѣ этого ребенка, который мнѣ прислуживаетъ. Ваше имя доходило и до меня; правда, надо признаться, васъ хвалили, но это ничего не доказываетъ: ловкіе люди умѣютъ на разные лады втираться въ довѣріе къ простому народу. Кстати, я не слыхалъ стука вашей кареты, вы, навѣрно, оставили ее за лѣсомъ, на поворотѣ дороги. Повторяю, я не знаю васъ. Вы мнѣ сказали, что вы епископъ, но это не даетъ мнѣ никакого понятія о вашей нравственной личности. Я опять повторяю вамъ мой вопросъ: Кто вы? Вы—епископъ, другими словами—вы одинъ изъ тѣхъ князей церкви, которые покрыты золотомъ, имѣютъ гербы, крупные доходы,—диньское епископство даетъ пятнадцать тысячъ франковъ въ годъ, да на десять тысячъ случайныхъ поступленій, итого двадцать пять тысячъ. Вы одинъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ хорошій обѣдъ, лакеевъ съ ливреями, которые много проживаютъ, по пятницамъ ѣдятъ вареныхъ куръ, разъѣзжаютъ въ парадныхъ каретахъ съ лакеями, живутъ во дворцахъ и—все во имя Христа, Который ходилъ босикомъ. Вы—прелатъ. Вы пользуетесь рентой, дворцами, лошадьми, лакеями, хорошимъ столомъ, всѣми чувственными радостями жизни, какъ и другіе, но все это не объясняетъ мнѣ вашей личности, и вы, навѣрное, пришли ко мнѣ съ намѣреніемъ поучать меня премудрости: Съ кѣмъ имѣю я честь говорить? Кто вы?

Епископъ, опустивъ голову, сказалъ:

— Vermis sum[1]).

— Земляной червь, разъѣзжающій въ каретѣ!—проворчалъ умирающій.

Теперь старикъ сдѣлался высокомѣренъ, а епископъ понизилъ тонъ и кротко сказалъ:

— Хорошо, сударь, но объясните мнѣ: развѣ моя карета, стоящая тамъ за деревьями, мой хорошій столъ и куры, которыя я ѣмъ по пятницамъ, мои двадцать пять тысячъ франковъ годового дохода, мой дворецъ, мои лакеи,—развѣ все это доказываетъ, что милосердіе не добродѣтель, что великодушіе не обязанность, что 93 годъ не ужасенъ?

Старикъ провелъ рукой по лбу.

— Прежде чѣмъ отвѣчать, я прошу васъ извинить меня. Я поступилъ нехорошо. Вы—мой гость. Я долженъ быть съ вами учтивъ. Вы оспариваете мои идеи, я обязанъ ограничиваться только возраженіями на ваши разсужденія. Ваше богатство и ваши жизнен-

---

[1]) Азъ есмь червь.

ныя блага, правда, хорошіе аргументы противъ васъ въ нашемъ спорѣ, но я не долженъ ими пользоваться. Обѣщаю вамъ больше ихъ не касаться.

— Благодарю васъ,—сказалъ епископъ.

— Вернемся къ нашему вопросу,—продолжалъ Ж.—О чемъ шла рѣчь? Вы, кажется, мнѣ сказали, что 93 годъ былъ ужасенъ?

— Да, ужасенъ. Безжалостенъ. Какого вы мнѣнія о Маратѣ, рукоплескавшемъ гильотинѣ?

— А что вы думаете о Боссюэ, пѣвшемъ молебны по поводу драгонадъ?

Отвѣтъ былъ рѣзокъ и достигъ цѣли. Епископъ вздрогнулъ и не нашелся, что отвѣтить. Онъ обидѣлся на такое непочтительное отношеніе къ Боссюэ. Самые высокіе умы имѣютъ свои кумиры и иногда чувствуютъ страшную обиду, если другіе непочтительно относятся къ нимъ. Умирающій сталъ, между тѣмъ, задыхаться, удушье прерывало его рѣчь, но его глаза попрежнему были ясны.

— Мнѣ очень хочется еще поговорить немного о томъ, о семъ,— снова началъ онъ.—Въ общемъ, французская революція—великое гуманитарное движеніе. Вы находите 93 годъ ужаснымъ, но что вы скажете, сударь, о монархіи? Каріеръ разбойникъ, но какъ вы назовете Монтревеля? Фукье-Тенвиль бездѣльникъ, но каковъ вашъ взглядъ на Ламуаньонъ-Бавилля? Мальяръ ужасенъ, но какъ вамъ нравится Со-Тованнъ? Отецъ Дюшенъ кровожаденъ, но какой эпитетъ приложите вы къ отцу Летельеру? Журданъ-Головорѣзъ—чудовище, но въ меньшей степени, чѣмъ маркизъ Лувуа. Я жалѣю, сударь, Марію Антуанетту, эрцгерцогиню и королеву, но мнѣ жаль также и ту женщину-гугенотку, которую въ 1685 г., во время царствованія Людовика Великаго, привязали обнаженною до пояса къ столбу; на извѣстномъ разстояніи отъ нея держали ея грудного голоднаго ребенка; проголодавшійся малютка, видя грудь матери, пронзительно кричалъ, а палачъ говорилъ: «Отрекайся!» Женщинѣ-матери-кормилицѣ было предоставлено одно изъ двухъ: или голодная смерть ребенка или смерть совѣсти. Что вы скажете объ этихъ мукахъ Тантала, примѣненныхъ къ матери? Сударь, запомните это: для французской революціи было много причинъ. Ея результатъ—улучшеніе жизни. Я останавливаюсь. Къ тому же я умираю.— Взглянувъ на епископа, умирающій прибавилъ нѣсколько спокойнѣе.—Да, грубыя проявленія прогресса называются переворотами. Когда они окончены, можно бываетъ разглядѣть, что человѣчество получило жестокій урокъ, но двинулось впередъ.

Умирающій не подозрѣвалъ, какое впечатлѣніе производила его рѣчь на душу епископа, но у преосвященнаго Біенвеню оставался еще одинъ послѣдній, самый крѣпкій доводъ.

— Прогрессъ долженъ вѣрить въ Бога. У добра не можетъ быть невѣрующихъ слугъ. Безбожникъ плохой руководитель народа.

Старый представитель народа ничего не отвѣтилъ. Онъ вздрогнулъ. Застывшая на глазахъ слеза затуманила его взоръ; слеза медленно скатилась по посинѣвшему лицу; устремляя взглядъ свой вдаль, онъ сказалъ какъ бы про себя:

— О ты! О идеалъ! Ты одинъ существуешь!

Епископъ почувствовалъ необъяснимое волненіе.

Немного погодя, старикъ, указавъ пальцемъ на небо, сказалъ:

— Безконечность существуетъ. Она тамъ. Если бы у нея не было своего *я*, то у нея былъ бы предѣлъ. Слѣдовательно, она существуетъ и имѣетъ свое *я*. Это *я* безконечности и есть Богъ.

Умирающій произнесъ эти послѣднія слова громко и въ экстазѣ, какъ будто передъ нимъ стояло видѣніе.

Это напряженіе подорвало его послѣднія силы: въ нѣсколько минутъ онъ прожилъ тѣ немногіе, оставшіеся, какъ онъ говорилъ раньше, часы. Наступала роковая минута. Епископъ понялъ это,— вѣдь онъ пришелъ какъ священникъ. Съ волненіемъ взялъ онъ старую, морщинистую и похолодѣвшую руку, взглянулъ на закрытые глаза и наклонился къ умирающему.

— Насталъ часъ, принадлежащій Богу. Было бы жаль, если бы мы встрѣтились напрасно.

Умирающій открылъ глаза. Лицо его было серьезно и ужъ какъ бы подернулось тѣнью.

— Господинъ епископъ,—сказалъ онъ медленно,—я провелъ жизнь въ размышленіи, въ изученіи наукъ и въ созерцаніи. Мнѣ было шестьдесятъ лѣтъ, когда родина призвала меня и приказала мнѣ принять участіе въ ея дѣлахъ. Я повиновался. Встрѣчая злоупотребленія, я боролся съ ними; встрѣчая тиранію, я разрушалъ ее. Были права и принципы, которые я исповѣдывалъ и проповѣдывалъ. Территорія была захвачена, я защищалъ ее; Франція была въ опасности, я подставлялъ свою грудь. Я никогда не былъ богатъ, теперь я нищій. Я былъ однимъ изъ властителей государства: погреба ломились отъ сокровищъ, такъ что пришлось раздвинуть стѣны,—до того много было серебра и золота, а я обѣдалъ за двадцать два су на улицѣ Арбръ-Секъ. Я поддерживалъ угнетенныхъ и облегчалъ страждущихъ. Правда, я разорвалъ покровъ на алтарѣ, но сдѣлалъ это для того, чтобы перевязать раны отечества. Я всегда помогалъ человѣчеству итти по дорогѣ къ свѣту; иногда, ради прогресса, я бывалъ, быть-можетъ, жестокъ, но при случаѣ помогалъ и своимъ противникамъ—вашимъ друзьямъ. Существуетъ въ Петегемѣ, во Фландріи, гдѣ раньше была лѣтняя резиденція меровинговъ, монастырь — аббатство св. Клары въ Больё, который я спасъ въ 1793 году. Я исполнялъ свой долгъ по мѣрѣ моихъ силъ и дѣлалъ добро, насколько могъ. Послѣ всего этого меня прогнали, преслѣдовали, очернили, насмѣялись надо мною, надругались, прокляли и выселили. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, съ посѣдѣвшими уже волосами, я зналъ, что есть люди, которые считаютъ себя въ правѣ презирать меня, что и для бѣдной невѣжественной толпы лицо проклятое и живущее въ одиночествѣ, созданномъ ненавистью. Я не осуждаю никого. Теперь мнѣ уже восемьдесятъ шесть лѣтъ. Я умираю. Что вамъ отъ меня нужно?

— Чтобы вы меня благословили,—проговорилъ, опускаясь на колѣни, епископъ.

Когда епископъ поднялъ голову, на лицѣ старика лежала печать величія. Онъ скончался.

Съ тяжелыми думами возвратился епископъ къ себѣ домой. Онъ всю ночь молился Богу. На другой день нѣсколько любопытныхъ попробовали заговорить съ епископомъ о членѣ конвента Ж. Вмѣсто отвѣта онъ указалъ имъ на небо.

Съ тѣхъ поръ епископъ еще усилилъ свою любовь къ меньшей братіи и къ страждущимъ.

Когда при епископѣ намекали на «стараго злодѣя Ж.», онъ всегда задумывался. Трудно опредѣлить, насколько повліялъ великій умъ и благородная душа этого «стараго злодѣя» на епископа. Про его «пасторское посѣщеніе», конечно, много говорили: «Развѣ мѣсто епископа у изголовья такого умирающаго? Онъ, вѣроятно, даже не слушалъ его напутствованій. Всѣ эти революціонеры — безбожники. Къ чему было туда ходить? Чего тамъ искать? Неужели ужъ такъ любопытно присутствовать при зрѣлищѣ, какъ чортъ уноситъ человѣческую душу?»

Разъ одна вдовица, изъ безцеремонныхъ, но съ претензіей на остроуміе, задала ему вопросъ.

— Ваше преосвященство, всѣхъ очень интересуетъ вопросъ, скоро ли вамъ дадутъ, наконецъ, красный колпакъ на голову? [1])

— Какая странная штука этотъ красный цвѣтъ,—отвѣчалъ епископъ,—на шляпахъ его почитаютъ, а на колпакахъ презираютъ.

XI.

Оговорка.

Можно легко ошибиться, если заключить изъ встрѣчи епископа съ господиномъ Ж., что преосвященный Біенвеню былъ «епископъ-философъ» или «священникъ-патріотъ». Встрѣча эта была совершенно случайная.

Хотя преосвященный Біенвеню менѣе всего былъ политическимъ дѣятелемъ, здѣсь, однако, необходимо указать на его воззрѣнія и его отношенія къ совершавшимся тогда событіямъ. Возвратимся за нѣсколько лѣтъ назадъ

Вскорѣ послѣ назначенія Миріеля епископомъ, императоръ далъ ему и нѣсколькимъ другимъ епископамъ титулъ бароновъ имперіи. Какъ извѣстно, въ ночь съ 5 на 6 іюня 1809 года былъ арестованъ папа; по этому поводу Наполеонъ вытребовалъ и Миріеля въ синодъ, составленный изъ всѣхъ епископовъ Франціи и Италіи. Синодъ этотъ засѣдалъ въ соборѣ Парижской Богоматери, и первое засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ кардинала Феша происходило 15 іюня 1811 года. Преосвященный Миріель былъ въ числѣ девяноста пяти собравшихся епископовъ. Но онъ присутствовалъ всего на одномъ засѣданіи и на двухъ или трехъ частныхъ совѣ-

---

[1]) То-есть сдѣлаютъ кардиналомъ. Кардиналы носятъ пурпуровыя мантіи и такія же шапки. У католическихъ епископовъ не кардиналовъ мантіи фіолетовыя. *Прим. ред.*

щаніяхъ. Будучи епископомъ горной епархіи и живя такъ близко къ природѣ, среди простоты и бѣдности, онъ, кажется, высказалъ среди этихъ напыщенныхъ людей идеи, раздражившія почтенный соборъ. Онъ очень скоро вернулся въ Динь. На вопросъ, почему онъ такъ быстро вернулся, онъ отвѣчалъ: *Я ихъ стѣснялъ, внося имъ свѣжій воздухъ, и производилъ на нихъ впечатлѣніе сквозняка черезъ отворенную дверь.* Въ другой разъ онъ сказалъ: *Чего вы хотите? Всѣ они высокопреосвященные вельможи, а я бѣдный деревенскій епископъ.*

Дѣло въ томъ, что онъ тамъ не понравился. Разъ, вечеромъ, у одного изъ знатнѣйшихъ своихъ коллегъ онъ невольно высказался:

— Какіе прекрасные часы, ковры, ливреи. Какъ все это стѣснительно. Я не желалъ бы подобной роскоши. Мнѣ постоянно бы слышалось: «Есть голодающіе люди! Есть люди, которымъ холодно! Есть бѣдные! Есть нищіе!»

Замѣтимъ, между прочимъ, что ненависть къ роскоши—ненависть, по существу неинтеллигентная. Въ такомъ случаѣ пришлось бы ненавидѣть и искусство. Но роскошь у лицъ духовнаго званія, помимо церковныхъ церемоній и представительства—порокъ. Она обнаруживаетъ привычки, далекія отъ милосердія. Богатый пастырь, это безсмыслица; пастырь долженъ стоять близко къ бѣднымъ. Имѣя постоянно и днемъ и ночью дѣло съ бѣдными, съ нищими, съ несчастными, можетъ ли онъ устоять, не принявъ на себя хоть отчасти лишеній, не запылившись, если можно такъ выразиться, трудовой пылью? Можно ли вообразить себѣ человѣка, стоявшаго у жаровни и не согрѣвшагося? Мыслимъ ли работникъ, постоянно работающій у горящаго очага кузнеца безъ того, чтобы онъ не спалилъ себѣ ни единаго волоса, не закоптилъ ногтей, не вспотѣлъ бы и не было бы никакого слѣда сажи на его лицѣ? Первѣйшее доказательство благотворительности въ священникѣ и въ особенности въ епископѣ, это—бѣдность. Вѣроятно, такого взгляда держался и динскій епископъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ дѣлать вывода, что онъ раздѣлялъ по поводу нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ такъ называемыя «идеи вѣка». Онъ не вмѣшивался въ богословскіе споры и не высказывался по вопросамъ, компрометирующимъ церковь и государство; вѣроятнѣе всего онъ былъ скорѣе приверженцемъ ультрамонтанскихъ, чѣмъ галликанскихъ убѣжденій. Такъ какъ мы описываемъ его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, и не хотимъ ничего скрывать, то должны сказать, что онъ довольно холодно отнесся къ паденію Наполеона. Начиная съ 1813 года, онъ сочувственно относился ко всѣмъ враждебнымъ послѣднему демонстраціямъ. Онъ не пожелалъ видѣться съ Наполеономъ, когда тотъ проѣзжалъ мимо, возвращаясь съ острова Эльбы, и во время «ста дней» не сдѣлалъ распоряженія по епархіи о возглашеніяхъ въ церквахъ молитвъ объ императорѣ.

Кромѣ сестры, m-lle Батистины, у него было еще два брата: одинъ генералъ, другой префектъ. Онъ часто писалъ имъ обоимъ.

Одно время отношенія его къ первому брату обострились, потому что тотъ, командуя войсками въ Провансѣ, во время Каннской высадки, стоя во главѣ отряда тысячи двухсотъ человѣкъ, только для виду преслѣдовалъ императора, давая ему возможность уйти. Переписка его съ другимъ братомъ носитъ болѣе задушевный характеръ; этотъ префектъ въ отставкѣ былъ хорошій, честный человѣкъ, жившій въ Парижѣ на улицѣ Кассетъ.

Какъ видно, и преосвященный Біенвеню не избѣгъ партійной борьбы, у него былъ также свой часъ сомнѣнія, и облако страстей коснулось и его кроткой, великой души, занятой вопросами вѣчности. Казалось бы, что такой человѣкъ не долженъ бы былъ оставаться равнодушнымъ ко всѣмъ политическимъ мнѣніямъ. Боюсь, что невѣрно перетолкуютъ нашу послѣднюю фразу: мы не смѣшиваемъ понятіе «политическія мнѣнія» съ тѣмъ, что необходимо должно существовать въ душѣ каждаго интеллигента, а именно: высокое стремленіе къ прогрессу, вѣра въ свое отечество, демократическіе и человѣколюбивые принципы. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, да это и не касается содержанія нашей книги, скажемъ просто: было бы лучше, если бъ преосвященный Біенвеню не былъ роялистомъ и если бъ взоръ его не отрывался отъ трехъ великихъ истинъ: правды, справедливости и милосердія. Вполнѣ признавая, что преосвященный Біенвеню не былъ созданъ Богомъ для политической дѣятельности, тѣмъ не менѣе мы поняли бы и вполнѣ оцѣнили бы его протестъ во имя правды и свободы и его смѣлую и вполнѣ справедливую оппозицію противъ Наполена, если бъ онъ такъ поступилъ во время могущества Наполеона, а не послѣ того, какъ онъ палъ. Борьба только тогда похвальна, когда въ ней есть опасность и, разумѣется, только тѣ имѣютъ право преслѣдовать врага во время упадка, кто возставалъ противъ него во дни его славы. Тотъ, кто не обвинялъ восходящее свѣтило, обязанъ молчать при его паденіи. Что касается насъ, то мы замолкаемъ, когда вмѣшивается и наказуетъ Провидѣніе. 1812 годъ начинаетъ насъ обезоруживать. Въ 1813 году заговорилъ до тѣхъ поръ молчавшій законодательный корпусъ, но нельзя же рукоплескать ему за это: вѣдь онъ осмѣлился протестовать только послѣ того, какъ обрушилась бѣда. Въ 1814 году маршалы измѣнили, сенатъ, потерявъ свое достоинство, втопталъ въ грязь того, передъ кѣмъ прежде преклонялся, и въ недавняго идола полетѣли плевки. Конечно, порядочный человѣкъ считалъ своимъ долгомъ отвернуться отъ всей этой мерзости; въ 1815 году, когда бѣда носилась въ воздухѣ, когда Францiя содрогалась отъ приближающейся опасности, когда можно было предвидѣть для Наполеона Ватерло,—болѣзненные крики народа и арміи, встрѣтившіе осужденнаго судьбой, не имѣли въ себѣ ничего смѣшного. Человѣкъ, подобный динскому епископу, долженъ бы былъ, не входя въ оцѣнку самого Наполеона, чувствовать величіе и трогательность въ этомъ тѣсномъ общеніи, на краю гибели, великой націи и великаго человѣка.

За этимъ исключеніемъ епископъ былъ и оставался во всемъ справедливъ, искрененъ, разуменъ, кротокъ, честенъ, добродѣтеленъ

и доброжелателенъ, что тоже своего рода добродѣтель. Это былъ пастырь, мудрецъ и человѣкъ. Слѣдуетъ прибавить, что и въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, поставленныхъ нами ему въ упрекъ, онъ, быть-можетъ, былъ уступчивѣе и снисходительнѣе, чѣмъ мы сами.

Швейцаръ при мѣстной ратушѣ былъ назначенъ самимъ императоромъ на это мѣсто; то былъ старый унтеръ-офицеръ старой гвардіи, получившій крестъ за Аустерлицъ,—словомъ, настоящій бонапартовскій орелъ. Порою у него прорывалось смѣлое сужденіе, называвшееся по тогдашнимъ законамъ «мятежною рѣчью». Съ тѣхъ поръ, какъ императорскій профиль исчезъ съ ордена Почетнаго Легіона, старикъ не надѣвалъ никогда, какъ онъ выражался, *мундира*, чтобы не быть вынужденнымъ надѣвать и креста. Онъ собственноручно съ благоговѣніемъ снялъ императорское изображеніе съ креста, врученнаго ему самимъ Наполеономъ. Тамъ образовалась дыра, но онъ не хотѣлъ прикрыть ее другимъ укашеніемъ. *Лучше умереть*,—говорилъ онъ,—*чѣмъ носить на своемъ сердцѣ эти три жабы.* Онъ охотно, во всеуслышаніе, насмѣхался надъ Людовикомъ XVIII. *Старый подагрикъ въ англійскихъ штиблетахъ, пускай идетъ себѣ въ Пруссію со своимъ козельцомъ!*—говорилъ онъ, счастливый тѣмъ, что могъ соединить въ одномъ ругательствѣ двѣ вещи наиболѣе непріятныя—Пруссію и Англію. За все это онъ лишился мѣста и очутился вмѣстѣ съ женою и дѣтьми на улицѣ. Епископъ позвалъ его къ себѣ, слегка побранилъ и далъ ему мѣсто соборнаго швейцара.

Въ теченіе девяти лѣтъ преосвященный Біенвеню своими добрыми дѣлами и кроткимъ обращеніемъ пріобрѣлъ въ городѣ Динѣ всеобщую сердечную любовь. Народъ не осуждалъ его даже за его отношеніе къ Наполеону—добрая, простая паства боготворила своего императора, но любила также и своего епископа.

XII.

Одиночество преосвященнаго Біенвеню.

Почти всегда вокругъ всякаго епископа толпится цѣлая стая подначальныхъ аббатовъ, какъ и около генерала тѣснится свита молодыхъ офицеровъ. Ихъ-то святой Францискъ Салическій называетъ гдѣ-то «священниками-молокососами». Всякая власть имѣетъ своихъ кандидатовъ, составляющихъ ея свиту; всякое богатство—своихъ прихлебателей; всякій дворъ—своихъ придворныхъ. Всякій мало-мальски вліятельный епископъ окруженъ стражей семинарскихъ херувимовъ, совершающихъ обходъ, слѣдящихъ за порядкомъ епископскаго дворца и караулящихъ улыбку преосвященнаго. Понравиться епископу—первая ступень, ведущая къ должности иподіакона. Надо же проложить себѣ дорогу! Какъ въ административномъ, такъ и въ церковномъ мірѣ есть свои тузы: это епископы, имѣющіе протекцію при дворѣ, богатые, съ хорошими доходами, ловкіе, знающіе свѣтъ, умѣющіе, безъ сомнѣнія, молиться, но умѣющіе и просить, не стѣсняясь выжидать въ перед-

ней, являющіеся соединительнымъ звеномъ между духовенствомъ и дипломатіей, болѣе аббаты, чѣмъ священники, болѣе прелаты, чѣмъ епископы. Счастливы тѣ, которые сумѣютъ имъ понравиться! Люди они вліятельные, имъ ничего не стоитъ облагодѣтельствовать всю эту назойливую молодежь, умѣющую поддѣлаться, польстить, угодить; они охотно раздаютъ всѣмъ своимъ любимцамъ богатые приходы, соборные доходы, архидіаконскія мѣста и каѳедральныя должности, что, въ сущности, составляетъ шагъ къ тому же епископству. Подвигаясь сами по пути повышенія, они двигаютъ и своихъ приверженцевъ; это цѣлая солнечная система. Сіяніе ихъ бросаетъ отблескъ и на свиту. Понятно, чѣмъ епархія патрона больше, тѣмъ богаче приходъ его фаворита. А Римъ такъ близко! Епископъ, сумѣвшій добраться до званія архіепископа, архіепископъ, достигнувшій званія кардинала, увезетъ васъ на конклавъ, вы получите омофоръ, потомъ титулъ высокопреподобія, а затѣмъ преосвященства и званіе кардинала, и отъ святѣйшества васъ будетъ тогда отдѣлять только дымокъ избирательнаго билета. Нѣтъ такой скуфьи, которая бы не мечтала стать тіарой. Въ наше время священникъ является единственнымъ человѣкомъ, который вполнѣ законно можетъ мечтать о достиженіи самодержавной власти. И сколько объ этомъ мечтаетъ каждый семинаристъ! И сколько предположеній строитъ румяный пѣвчій и краснѣющій аббатъ, и чаще всего они изображаютъ собою басню о Переттѣ съ кувшиномъ молока.

Бѣдный, скромный, жившій по своимъ убѣжденіямъ, преосвященный Біенвеню не принадлежалъ къ числу этихъ тузовъ, а потому около него не увивались молодые священники. Всѣ поняли, что въ Парижѣ ему «не повезло», и не было никакого расчета заискивать у этого старика. Его каноники и старшіе викаріи были добрые старики, немного омужичившіеся, какъ и онъ самъ, не заглядывавшіе за предѣлы своей епархіи, безъ всякихъ помысловъ о кардинальской шапкѣ и похожіе на своего епископа, съ той только разницей, что они были люди отжившіе, а онъ человѣкъ законченный. Всѣ чувствовали, что нельзя получить черезъ него повышенія, и молодые люди, рукоположенные имъ въ санъ священника, спѣшили уѣхать и обращались съ просьбами къ епископамъ въ Эксѣ и Ошѣ. Еще разъ повторяемъ, каждому хочется получить повышеніе. Человѣкъ, живущій въ добровольномъ самоотверженіи,—опасное сосѣдство: отъ него легко заразиться неизлѣчимой бѣдностью, неподвижностью къ повышеніямъ и въ концѣ-концовъ можно привить себѣ больше самоотреченія, чѣмъ нужно въ жизни,—всѣ сторонятся отъ такой заразной добродѣтели. Отсюда и вытекало одиночество преосвященнаго Біенвеню.

Мы живемъ въ мрачномъ обществѣ. Удачи—вотъ высшая премудрость, которая, капля по каплѣ, растлѣваетъ человѣчество. Надо правду сказать, какая это гадкая вещь—успѣхъ. Его мнимое сходство съ достоинствомъ обманываетъ людей. Для толпы успѣхъ равносиленъ превосходству. Успѣхъ похожъ на талантъ и вводитъ въ обманъ даже историка. Ювеналъ и Тацитъ одни ворчатъ на это. Въ наши дни философія почти офиціально поступила въ услу-

женіе къ успѣху, надѣла его ливрею и прислуживаетъ въ его передней. Разъ человѣкъ благоденствуетъ, всѣ считаютъ его способнымъ. Выиграйте въ лотереѣ—и вы способный человѣкъ. Кто побѣдилъ, тому и поклоняются. Родиться въ сорочкѣ,—въ этомъ и заключается все! Имѣйте только успѣхъ, остальное вамъ приложится; будьте удачникомъ, васъ будутъ считать за великаго человѣка. Не считая пяти, шести великихъ исключеній, составляющихъ гордость столѣтія, современная оцѣнка людей очень близорука. Позолоту считаютъ за золото. Пошлость — вѣдь это престарѣлый Нарциссъ, любующійся самъ собою и аплодирующій пошлости. Великая сила, вдохновлявшая Моисея, Эсхила, Данта, Микель-Анджело или Наполеона, признается толпой въ каждомъ человѣкѣ, достигнувшемъ своей цѣли,—на качество же этой цѣли не обращаютъ вниманія. Переодѣнется ли нотаріусъ въ депутата, напишетъ ли ложный Корнель Тиридата, пріобрѣтетъ ли себѣ евнухъ гаремъ, одержитъ ли случайно бездарный главнокомандующій рѣшительную побѣду, изобрѣтетъ ли аптекарь картонныя подошвы для арміи, продавая ихъ за кожаныя и наживая отъ нихъ себѣ четыреста тысячъ франковъ дохода; сочетается ли брачными узами разносчикъ съ ростовщицей и народятъ ли они вмѣсто дѣтей семь или восемь милліоновъ; получитъ ли проповѣдникъ за свою болтовню санъ епископа, получитъ ли мѣсто министра финансовъ разбогатѣвшій управляющій домами, — люди назовутъ все это геніальностью, а равно признаютъ красоту въ фигурѣ Мускетона и величіе въ шеѣ Клавдія. Они путаютъ звѣзды со звѣздообразными слѣдами, оставляемыми утиными лапками на мягкой грязи.

XIII.

Во что онъ вѣрилъ.

Мы не станемъ касаться вѣрованій динскаго епископа съ церковной точки зрѣнія. Мы можемъ только благоговѣть предъ такой душой. Нужно на слово вѣрить совѣсти праведника. Кромѣ того, въ извѣстныхъ личностяхъ мы допускаемъ возможность развитія всѣхъ красотъ человѣческой добродѣтели, несмотря на противоположность религіозныхъ воззрѣній. Какъ онъ думаетъ о такомъ-то таинствѣ или о такомъ-то догматѣ? Эту тайну знаетъ лишь одна могила, куда уходятъ души, оставляя свою оболочку. Въ одномъ мы совершенно увѣрены, что въ вопросахъ вѣры онъ никогда не лицемѣрилъ. Брилліантъ не подверженъ гніенію. Онъ вѣрилъ, насколько могъ: «Credo in Patrem!» [1]) восклицалъ онъ. Въ добрыхъ дѣлахъ онъ получалъ то удовлетвореніе, которое успокаиваетъ совѣсть и которое позволяетъ человѣку шептать: «Съ тобою Богъ». Считаемъ своимъ долгомъ сказать, что, кромѣ вѣры, а можетъ-быть, если можно такъ выразиться, выше вѣры, въ немъ былъ избытокъ любви. Черезъ это-то, quia multum amavit, [2])

---

[1]) Вѣрую въ Бога—Отца

[2]) Потому что много возлюбилъ.

онъ и былъ уязвимъ для «людей серьезныхъ», «людей благоразумныхъ» и «разсудительныхъ». Въ чемъ выражался этотъ избытокъ любви? Въ спокойномъ доброжелательствѣ, изливавшемся на людей, какъ мы уже раньше указали, и переходившемъ при случаѣ даже на вещи. Онъ не презиралъ никого. Онъ былъ снисходителенъ къ Господней твари. Въ каждомъ человѣкѣ, даже въ самомъ хорошемъ живетъ безсознательная жесткость къ животнымъ; у динскаго епископа не было этой жесткости, свойственной, однако, многимъ священникамъ. Онъ не былъ похожъ на брамина, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ задумывался надъ изреченіемъ Экклезіаста: «Кто знаетъ, куда идетъ душа животныхъ?» Внѣшнія безобразія, извращеніе инстинкта не смущали его, не вызывали въ немъ чувства гадливости. Напротивъ, онъ смягчался и соболѣзновалъ, задумывался, старался отыскать корень зла, понять и оправдать. Казалось, временами онъ точно спрашивалъ у Бога объясненія. Безъ злобы, подобно лингвисту, разбирающему старый пергаментъ, онъ изучалъ много невѣдомыхъ еще вещей въ природѣ. Въ задумчивости онъ иногда высказывалъ странныя вещи. Однажды утромъ, гуляя въ саду и не замѣчая шедшей позади его сестры, онъ вдругъ остановился, увидя что-то на землѣ; то былъ большой, черный, лохматый, страшный паукъ. Сестра услыхала, какъ онъ сказалъ: «Несчастное насѣкомое! Оно въ этомъ не виновато».

Почему не пересказать этой дѣтской, почти божественной доброты? Пожалуй, это ребячество, но то же высокое ребячество было и у св. Франциска Ассизскаго и у Марка Аврелія. Разъ епископъ вывихнулъ себѣ ногу, избѣгая раздавить муравья. Такъ жилъ этотъ праведникъ. Иногда онъ засыпалъ въ саду, и ничего не могло быть почтеннѣе вида этого спящаго старца.

Если вѣрить разсказамъ, то преосвященный Біенвеню въ молодости и даже въ возмужаломъ возрастѣ былъ характера страстнаго и даже бурнаго. Его всепрощеніе и всеобъемлющая любовь были не инстинктивнымъ порывомъ, а слѣдствіемъ глубокихъ размышленій, высокихъ убѣжденій, великихъ мыслей, мало-по-малу озарившихъ и направившихъ его умъ. Въ характерѣ, какъ и въ скалѣ, вода можетъ пробить борозды. Подобныя борозды неизгладимы.

Въ 1815 году епископу, какъ мы уже раньше говорили, исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ, но на видъ ему нельзя было дать больше шестидесяти. Онъ былъ невысокаго роста, склоненъ къ тучности; чтобы побороть ее, онъ старался больше ходить пѣшкомъ; походка его была твердая, станъ прямой. Изъ этихъ подробностей мы вовсе не хотимъ дѣлать никакихъ выводовъ.

Григорій XVI и въ восемьдесятъ лѣтъ держался прямо и улыбался, что, однако, не мѣшало ему быть плохимъ епископомъ. Преосвященный Біенвеню имѣлъ, по выраженію народа, «красивую голову», но лицо его было такъ привѣтливо, что затмевало красоту.

Когда онъ съ пріятною дѣтскою веселостью, о которой мы уже упоминали, велъ простую бесѣду, то окружающіе чувствовали себя съ нимъ очень хорошо и легко. Прекрасный цвѣтъ лица, хорошо сохранившіеся бѣлые зубы, открывавшіеся при улыбкѣ, придавали

его лицу открытый и привѣтливый видъ. Про такихъ людей говорятъ: «Вотъ добрый малый», а про стариковъ: «Онъ добрякъ». Такое же впечатлѣніе, если мы припомнимъ, онъ произвелъ и на Наполеона. На человѣка, встрѣтившаго его въ первый разъ, онъ производилъ впечатлѣніе только добряка, но когда тотъ, бывало, поговоритъ съ нимъ или увидитъ его задумчивымъ, добрякъ мало-по-малу преображался въ величественнаго человѣка: его высокій и широкій лобъ, украшенный почтенной сѣдиной, становился величественнымъ отъ размышленія; отъ его доброты исходило величіе, но доброта не переставала испускать свои лучи; васъ охватывало волненіе, похожее на то, какъ если бъ явился предъ вами улыбающійся ангелъ съ распущенными крыльями. Благоговѣніе, безконечное благоговѣніе постепенно охватывало все ваше существо и вы сознавали, что видите предъ собою одну изъ тѣхъ сильныхъ, много выстрадавшихъ и снисходительныхъ душъ, въ которой мысль достигла такой глубины, что тутъ уже не можетъ не быть всепрощенія.

Какъ мы уже видѣли раньше, молитва, исполненіе церковныхъ службъ, милостыня, утѣшеніе страждущихъ, обрабатываніе маленькаго клочка земли, братство, самоотреченіе, гостепріимство, воздержаніе, довѣріе, занятіе науками и работа наполняли всѣ дни его жизни. Слово *наполняли* вполнѣ подходящее выраженіе, потому что день епископа былъ полонъ до самыхъ краевъ добрыми мыслями, словами и дѣлами. Однако онъ не считалъ день свой полнымъ, если, по случаю холода или дождя, ему не удавалось провести вечеромъ, передъ сномъ, два или три часа въ саду, когда обѣ женщины уходили уже въ свои комнаты. Казалось, ему было необходимо передъ сномъ предаваться размышленію, въ присутствіи величественнаго зрѣлища ночного неба. Иногда, когда обѣ старушки не спали, онѣ слышали поздно ночью, какъ онъ прохаживался по аллеямъ. Онъ былъ тамъ одинъ, наединѣ съ самимъ собою, углубляясь въ себя, сосредоточенный, любуясь окружающимъ, сравнивая ясность своей души съ ясностью небеснаго эѳира, охваченный трепетомъ предъ видимымъ величіемъ созвѣздій и невидимымъ величіемъ Бога, открывая свою душу мыслямъ, которыя навѣвало ему невѣдомое. Онъ и самъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не могъ бы объяснить, что происходило тогда въ его душѣ: что-то возносилось въ немъ и что-то нисходило на него. Онъ думалъ о величіи и о присутствіи Бога, о вѣчномъ будущемъ и о невѣдомой его тайнѣ; о вѣчности безконечнаго, убѣгавшаго изъ глазъ въ разныя стороны; и не стараясь понять необъяснимое, онъ только любовался имъ, онъ не изучалъ Бога, а поражался Имъ. Встрѣчаясь, атомы соединяются воедино и разсыпаются въ безконечности; въ этомъ и заключается жизнь и смерть. Онъ садился на деревянную скамейку, прислоненную къ полуразрушенному забору, и смотрѣлъ на звѣзды сквозь тонкіе сучковатые силуэты плодовыхъ деревьевъ. Эта четвертушка десятины, съ плохой растительностью, застроенная амбарами и сараями, была ему дорога и вполнѣ удовлетворяла его.

Чего же больше нужно было этому старику, распредѣлившему свой досугъ, котораго у него было такъ мало, между работой въ саду днемъ и созерцаніемъ по ночамъ? Этого узкаго, огороженнаго мѣста, гдѣ небо замѣняло потолокъ, развѣ не было достаточно для того, чтобы поклоняться Богу и восхищаться величіемъ Его твореній? Не заключало ли оно всего, чего онъ могъ только желать?—Маленькій садъ для прогулки и безпредѣльный міръ для грезъ. У ногъ его все то, что можно воздѣлывать и собирать; надъ головой все то, надъ чѣмъ можно размышлять и что можно изучать. Нѣсколько цвѣтовъ на землѣ и всѣ звѣзды на небѣ.

XIV.

О чемъ онъ думалъ.

Послѣднее слово.

Всѣ эти подробности, переданныя нами, могли, особенно въ настоящій моментъ, привести читателя къ мысли, что динскій епископъ, выражаясь моднымъ слогомъ, былъ «пантеистомъ» и что такому великому, уединенному мыслителю философія замѣняла религію. Однако всѣмъ, кто близко зналъ преосвященнаго Біенвеню, не пришла бы на умъ подобная мысль. Просвѣщало этого человѣка его сердце. Его мудрость освѣщалась свѣтомъ, исходившимъ изъ его сердца.

Отсутствіе системъ и большое количество дѣлъ. Отвлеченныя умозрѣнія вызываютъ головокруженіе; ничто не указываетъ на то, чтобъ онъ пытался постичь умомъ Апокалипсисъ. Апостолу можно быть смѣлымъ, но епископъ долженъ быть робокъ. Онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не вдавался въ вопросы, разрѣшить которые могутъ только исключительно геніальные умы. Обыкновенные люди испытываютъ священный трепетъ предъ таинственными загадками. Эти зіяющія бездны внушаютъ страхъ, и лучше въ нихъ не забираться. Горе тому, кто туда проникаетъ! Геній, углубляющійся въ необъятную глубину чистой абстракціи и отвлеченныхъ умозрѣній, ставитъ форму, такъ сказать, выше догмата и приписываетъ свою мысль Богу. Его молитва походитъ на вызовъ къ спору. Его поклоненіе задаетъ вопросы. Это уже религія не непосредственная,—она исполнена душевныхъ волненій и отвѣтственности для того, кто рѣшается подниматься по этимъ крутизнамъ.

Размышленія человѣка безграничны. Человѣкъ, углубившійся въ анализъ, ослѣпленный имъ, рискуетъ забраться въ опасныя дебри. Можно почти сказать, что, благодаря блестящей реакціи, они помрачаютъ природу; таинственный міръ, насъ окружающій, отдаетъ то, что получаетъ и, возможно, что созерцающіе, въ свою очередь, созерцаются другими. Какъ бы то ни было, вѣдь есть на землѣ люди—люди ли это?—которымъ въ ихъ созерцаніи ясно представляется высота абсолютнаго въ видѣ безгранично огромной недосягаемой горы. Преосвященный Біенвеню не принадлежалъ къ такимъ людямъ, онъ не былъ геніемъ; онъ испугался бы умствованій, отъ которыхъ такіе великіе умы, какъ Сведен-

боргъ и Паскаль, впали въ слабоуміе. Безспорно, что такія могущественныя грезы приносятъ свою долю нравственной пользы, и эти трудные пути ведутъ къ идеальному совершенству. Но епископъ выбралъ кратчайшій путь—Евангеліе.

Онъ не стремился придавать своей ризѣ складокъ милоти пророка Ильи, онъ не пытался освѣщать туманное будущее совершающихся событій, не силился соединить въ горящее пламя отблески существующихъ огней; въ немъ не было ничего, напоминающаго пророка или ясновидца; эта скромная душа любила,—вотъ и все.

Можетъ-быть, молитва его и достигала иногда сверхъестественнаго общенія, недоступнаго простому человѣку, но ни молитва ни любовь никогда не могутъ быть чрезмѣрны; и если бы молиться своими словами было ересью, то св. Тереза и св. Іеронимъ были бы еретиками. Онъ склонялся къ горюющимъ и кающимся. Вселенная ему казалась громаднымъ недугомъ, ему всюду чуялась лихорадка, слышалось страданіе и, не вдаваясь въ разгадываніе болѣзни, онъ спѣшилъ врачевать раны. Страшное зрѣлище созданнаго вызывало въ немъ умиленіе; онъ былъ занятъ лишь отыскиваніемъ для себя и для другихъ лучшаго способа соболѣзнованія и помощи. Все существующее было для этого добраго и рѣдкаго священника постояннымъ источникомъ печали и предлогомъ для утѣшенія.

Есть люди, работающіе надъ добываніемъ золота; онъ же работалъ надъ уменьшеніемъ людскихъ страданій. Міровое горе было его рудой. Нищета, встрѣчающаяся всюду, служила ему предлогомъ проявлять повсюду свою доброту. *Любите другъ друга;* эту заповѣдь онъ считалъ выше всего, ничего не желалъ большаго, и въ ней заключалось все его ученіе.

Однажды сенаторъ, о которомъ мы уже упоминали, считавшій себя философомъ, сказалъ епископу:

— Посмотрите, что дѣлается въ мірѣ: война всѣхъ противъ каждаго. Кто сильнѣе, тотъ и умнѣе. Ваше *любите другъ друга*—глупость.

— *Что жъ, если это глупость, то душа должна замкнуться въ ней, какъ жемчужина въ раковинѣ*,—отвѣчалъ спокойно епископъ, и онъ замкнулся въ этой глупости, жилъ совершенно удовлетворенный ею, устраняясь отъ ужасныхъ вопросовъ, которые привлекаютъ и пугаютъ, оставляя въ сторонѣ неизвѣданныя дали отвлеченнаго, бездны метафизики, ведущія апостола къ Богу, атеиста — къ небытію. Судьба, добро и зло, взаимная война, человѣческая совѣсть, сомнамбулизмъ животныхъ, преображеніе путемъ смерти, обновленіе жизни могилой, сущность, матерія, свобода, необходимость; всѣ острыя проблемы, надъ которыми склонялись гигантскіе умы; всѣ громадныя пропасти, въ которыя заглядывали Лукрецій, Ману, св. Павелъ и Дантъ, — всѣ эти вопросы не существовали для епископа Біенвеню.

Преосвященный Біенвеню былъ просто человѣкъ, который часто внѣшнимъ образомъ смотрѣлъ на таинственные вопросы, не изслѣдуя ихъ, не волнуясь и не безпокоя ими своего ума, но преклоняясь въ душѣ предъ невѣдомой тайной.

Книга вторая.—ПАДЕНІЕ.

I.

Вечеръ послѣ цѣлаго дня ходьбы.

Въ первыхъ числахъ октября 1815 года, почти за часъ до заката солнца, въ городокъ Динь вошелъ пѣшеходъ. Находившіеся въ это время у оконъ или стоявшіе на порогѣ своихъ домовъ немногочисленные обыватели съ безпокойствомъ смотрѣли на незнакомца. Это былъ человѣкъ средняго роста, широкоплечій, коренастый, въ полной силѣ. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ шесть или сорокъ восемь. Нахлобученная фуражка съ кожанымъ козырькомъ закрывала отчасти его потное и загорѣлое отъ солнца лицо. Его рубашка изъ толстаго небѣленаго холста, застегнутая у ворота серебрянымъ якоремъ, не закрывала его волосатой груди; на немъ былъ надѣтъ галстукъ, скрутившійся въ веревку, синіе поношенные и истертые тиковые штаны съ побѣлѣвшимъ однимъ и дырявымъ другимъ колѣномъ, сѣрая, вся въ лохмотьяхъ, блуза съ заплатами изъ зеленаго сукна на локтяхъ, пришитыхъ толстыми нитками; на спинѣ висѣлъ новый солдатскій ранецъ, биткомъ набитый и крѣпко застегнутый ремнемъ; въ рукахъ онъ держалъ громадную сучковатую палку; на босыя ноги надѣты были башмаки, подбитые гвоздями; голова у него была острижена, а борода отпущена. Его короткіе волосы, видимо, недавно остриженные и начинавшіе немного отрастать, стояли щетиной.

Никто его не зналъ здѣсь; повидимому, это былъ только прохожій.

Откуда шелъ онъ? Можетъ-быть, съ берега моря, потому что онъ вошелъ въ Динь по той самой улицѣ, по которой семь мѣсяцевъ тому назадъ въѣхалъ Наполеонъ, проѣзжая изъ Каннъ въ Парижъ. Повидимому, незнакомецъ весь день провелъ въ ходьбѣ. Онъ казался усталымъ. Мѣстныя женщины, живущія въ старинной части города, видѣли, какъ онъ остановился подъ тѣнью деревьевъ бульвара Гассенди, чтобы напиться воды изъ фонтана, находившагося въ концѣ аллеи. Повидимому, его страшно мучила жажда, потому что бѣжавшія за нимъ ребятишки видѣли, какъ, пройдя шаговъ сто, онъ остановился опять у другого фонтана, находившагося на базарной площади.

Дойдя до улицы Пуашверъ, онъ повернулъ налѣво и направился къ городской ратушѣ. Онъ вошелъ въ нее, а спустя четверть часа опять вышелъ. Онъ снялъ свою фуражку и униженно поклонился сидѣвшему у дверей на каменной скамейкѣ жандарму. 4-го марта генералъ Друо, взобравшись на эту самую скамейку, прочелъ изступленной толпѣ города Диня прокламацію, написанную въ бухтѣ Жуана.

Жандармъ, не отвѣчая на поклонъ, пристально посмотрѣлъ на прохожаго и, проводивъ его нѣкоторое время глазами, ушелъ въ ратушу. Въ то время въ Динѣ былъ превосходный трактиръ подъ вывѣской *Кольбасскій Крестъ*. Трактирщика звали Жакенъ Лабарръ; онъ былъ уважаемъ всѣми жителями города за его родство съ другимъ Лабарромъ, содержавшимъ также трактиръ на улицѣ Гренобль, подъ вывѣской *Три Дофина*, и служившаго въ развѣдчикахъ. Во время высадки Наполеона много шуму надѣлалъ этотъ трактиръ *Три Дофина*. Разсказываютъ, что генералъ Бертранъ, переодѣтый извозчикомъ, пріѣзжалъ туда нѣсколько разъ въ январѣ и раздавалъ пригоршнями кресты солдатамъ и наполеондоры горожанамъ. Достовѣрно извѣстно, что императоръ при въѣздѣ въ Гренобль отказался остановиться въ домѣ префектуры; онъ поблагодарилъ мэра, сказавъ: *Я остановлюсь у одного честнаго малаго, котораго я знаю*, и отправился въ трактиръ *Три Дофина*.

Эта слава Лабарра, хозяина *Трехъ Дофиновъ*, отразилась на разстояніи двадцати пяти лье: она достигла и Лабарра—трактирщика *Кольбасскаго Креста*. Незнакомецъ направился къ этому трактиру, лучшему въ городѣ. Онъ вошелъ въ кухню, дверь которой выходила прямо на улицу. Всѣ очаги были растоплены, сильный огонь пылалъ въ каминѣ. Трактирщикъ, бывшій одновременно и поваромъ, переходилъ отъ очага къ кастрюлямъ, внимательно наблюдая за приготовленіемъ превосходнаго обѣда, заказаннаго извозчиками, громкій говоръ и смѣхъ которыхъ доносились изъ сосѣдней комнаты.

Всякій путешественникъ знаетъ, что никто не ѣстъ лучше извозчиковъ. Жирный сурокъ, обложенный бѣлыми куропатками и тетеревами, кружился на длинномъ вертелѣ передъ огнемъ; на плитѣ варились два жирныхъ карпа изъ озера Лозе и форель изъ озера Аллозъ.

Хозяинъ, услыхавъ, что дверь отворилась, и что вошелъ новый посѣтитель, сказалъ, не поднимая глазъ отъ плиты:

— Что вамъ угодно, господинъ?

— Поѣсть и выспаться.

— Нѣтъ ничего легче,—отвѣчалъ хозяинъ. Въ это время онъ обернулся и, быстро окинувъ взглядомъ всю фигуру новоприбывшаго, прибавилъ:—За плату?

Незнакомецъ вытащилъ изъ кармана своей блузы большой кожаный кошелекъ и отвѣчалъ:

— У меня есть деньги.

— Въ такомъ случаѣ—къ вашимъ услугамъ,—сказалъ трактирщикъ.

Незнакомецъ положилъ обратно свой кошелекъ въ карманъ, снялъ свой ранецъ, поставилъ его около двери на полу и, оставивъ палку въ рукахъ, сѣлъ на низенькую скамейку противъ огня.

Динь лежитъ въ гористой мѣстности. Октябрьскіе вечера тамъ холодные.

Между тѣмъ трактирщикъ, прохаживаясь взадъ и впередъ, разсматривалъ путешественника

— Скоро ли будетъ готовъ обѣдъ?—спросилъ незнакомецъ.

— Сейчасъ,—отвѣтилъ хозяинъ.

Пока тотъ, отвернувшись, грѣлся, почтенный трактирщикъ Жакенъ Лабарръ вынулъ карандашъ изъ своего кармана и оторвалъ уголокъ отъ старой газеты, валявшейся на маленькомъ столикѣ у окна. На этомъ клочкѣ онъ написалъ строчку или двѣ, сложилъ его, не запечатавъ, и отдалъ мальчику, который, повидимому, служилъ ему въ одно и то же время поваренкомъ и разсыльнымъ. Трактирщикъ шепнулъ что-то мальчику на ухо, и тотъ стремглавъ побѣжалъ по направленію ратуши.

Путникъ ничего этого не замѣтилъ. Онъ еще разъ спросилъ:

— Скоро ли будетъ готовъ обѣдъ?

— Сейчасъ,—успокоилъ его хозяинъ.

Мальчикъ возвратился. Онъ принесъ обратно записку.

Трактирщикъ быстро развернулъ ее, какъ человѣкъ, ожидающій отвѣта. Онъ, казалось, внимательно прочелъ ее и, покачавъ головой, на минуту задумался. Наконецъ онъ сдѣлалъ шагъ въ сторону путешественника, который, повидимому, углубился въ далеко невеселое раздумье.

— Сударь,—сказалъ онъ,—я не могу васъ принять.

Незнакомецъ немного приподнялся съ своего сидѣнія.

— Отчего? вы боитесь, что я вамъ не заплачу? Хотите я заплачу впередъ? У меня есть деньги, я же вамъ говорю!

— Не въ томъ дѣло.

— Въ чемъ же?

— У васъ есть деньги..

— Да,—сказалъ незнакомецъ.

— А у меня,—отвѣтилъ трактирщикъ,—нѣтъ комнаты.

Незнакомецъ спокойно продолжалъ:

— Помѣстите меня въ конюшню.

— Я не могу

— Почему?

— Лошади занимаютъ все помѣщеніе

— Хорошо, дайте мнѣ уголъ на чердакѣ и охапку соломы. Мы устроимся какъ-нибудь послѣ обѣда

— Я не могу дать вамъ обѣда.

Это заявленіе, сдѣланное спокойнымъ, но твердымъ тономъ и, видимо, хорошо обдуманное, показалось незнакомцу заслуживающимъ вниманія.

Онъ всталъ.

— Вотъ что: я умираю съ голоду! Я иду съ самаго восхода солнца и прошелъ двѣнадцать лье. Я вамъ заплачу. Мнѣ ѣсть страшно хочется.

— У меня ничего нѣтъ.

Незнакомецъ разразился смѣхомъ, показывая на очагъ и плиту.

— Ничего! А все это?

— За все это мнѣ уже заплачено.

— Кѣмъ?

— Господами извозчиками.

— Сколько же ихъ?

— Двѣнадцать человѣкъ.

— А здѣсь ѣды хватитъ на двадцать.

— Они все это заказали для себя и заплатили впередъ.

Незнакомецъ опять сѣлъ и сказалъ, не возвышая голоса:

— Я въ трактирѣ, я голоденъ и остаюсь тутъ.

Тогда трактирщикъ, нагнувшись, шепнулъ ему на ухо тономъ, заставившимъ незнакомца вздрогнуть:

— Убирайтесь вонъ.

Путешественникъ, который сидѣлъ наклонившись и подталкивая горѣвшіе въ огонь уголья желѣзнымъ наконечникомъ своей палки, быстро обернулся и въ то время, какъ онъ открылъ ротъ, чтобы возразить хозяину, тотъ, взглянувъ на него въ упоръ, проговорилъ тѣмъ же шопотомъ:

— Послушайте, не разговаривайте больше. Хотите, чтобъ я сказалъ вамъ, какъ васъ зовутъ? Васъ зовутъ Жанъ Вальжанъ. Теперь хотите, чтобъ я вамъ сказалъ кто вы? Увидя васъ входящимъ, я догадался, въ чемъ дѣло и послалъ въ ратушу, и вотъ что мнѣ отвѣтили. Умѣете вы читать?

Говоря все это, онъ протянулъ незнакомцу развернутую бумажку, пропутешествовавшую изъ трактира въ ратушу и изъ ратуши обратно въ трактиръ. Незнакомецъ взглянулъ на нее. Послѣ минутнаго молчанія трактирщикъ продолжалъ:

— У меня привычка,—быть со всѣми вѣжливымъ. Уходите.

Путникъ, опустивъ голову, поднялъ съ пола ранецъ и вышелъ.

Онъ пошелъ вдоль большой улицы. Онъ шелъ наудачу, держась ближе къ домамъ, какъ человѣкъ униженный и опечаленный. Онъ ни разу не обернулся. Если бъ онъ обернулся, то увидалъ бы, что трактирщикъ *Кольбасскаго Креста* стоитъ у себя на порогѣ, окруженный всѣми наличными посѣтителями и прохожими, оживленно что-то говоритъ и указываетъ на него пальцемъ, а по испуганнымъ и подозрительнымъ взглядамъ толпы онъ могъ бы догадаться, что его появленіе не замедлитъ сдѣлаться выдающимся событіемъ въ городѣ. Онъ ничего этого не видалъ. Люди удрученные не оглядываются. Они только сознаютъ, что злая судьба преслѣдуетъ ихъ.

Такъ нѣкоторое время шелъ онъ все впередъ, выбирая наудачу улицы, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ, забывая объ усталости, какъ это бываетъ подъ вліяніемъ горя. Вдругъ онъ почувствовалъ сильный приступъ голода. Приближалась ночь. Онъ оглянулся кругомъ, ища пристанища.

Хорошій трактиръ закрылся передъ нимъ; онъ искалъ теперь какого-нибудь бѣднаго кабачка, какой-нибудь убогой конуры.

Какъ разъ въ концѣ улицы засвѣтился огонекъ; сосновая вѣтка, привѣшенная къ желѣзному костылю, вырисовывалась на блѣдномъ небѣ наступившихъ сумерекъ. Онъ направился туда.

Это, дѣйствительно, былъ кабачокъ, помѣщавшійся на улицѣ Шаффо.

Путникъ остановился на минуту и, заглянувъ въ окно, увидалъ залу кабака, освѣщенную маленькой лампочкой, стоявшей на столѣ, и ярко пылавшій очагъ. Нѣсколько человѣкъ сидѣли и пили. Хозяинъ грѣлся. Надъ огнемъ шипѣлъ желѣзный котелокъ, висѣвшій на крючкѣ.

Было два входа въ этотъ кабачокъ, представлявшій подобіе трактира: одинъ съ улицы, другой со двора; небольшой дворикъ былъ заваленъ навозомъ.

Путникъ не рѣшился войти съ улицы. Онъ проскользнулъ во дворъ, остановился еще разъ, потомъ боязливо взялся за скобку и толкнулъ дверь

— Кто тамъ?—спросилъ хозяинъ.

— Тотъ, кто ищетъ ужина и ночлега.

— Хорошо. Здѣсь есть и ужинъ и ночлегъ.

Онъ вошелъ. Всѣ посѣтители обернулись. Лампа освѣщала его съ одной стороны, огонь очага—съ другой. Его внимательно разглядывали, пока онъ снималъ со спины ранецъ

Хозяинъ сказалъ:

— Вотъ огонь. Супъ варится въ этомъ котлѣ. Подите, погрѣйтесь, товарищъ.

Жанъ Вальжанъ сѣлъ у очага, протянулъ къ огню онѣмѣвшія отъ усталости ноги; изъ котелка шелъ такой вкусный запахъ. Вся та часть лица путника, которая была видна изъ-подъ козырька, выражала удовольствіе, смѣшанное, однако, съ тѣмъ скорбнымъ выраженіемъ, которое такъ присуще людямъ, привыкшимъ страдать.

Впрочемъ, профиль у него былъ смѣлый, энергичный и печальный. Что-то было странное въ выраженіи его лица: сначала оно казалось покорнымъ, но, когда вглядишься въ него, оно производило впечатлѣніе суровости. Глаза сверкали изъ-подъ рѣсницъ, какъ огонь изъ-подъ хвороста.

Между тѣмъ одинъ изъ присутствовавшихъ, рыбный торговецъ, раньше, чѣмъ прійти въ кабачокъ на улицѣ Шаффо, заходилъ въ трактиръ Лабарра, чтобы поставить свою лошадь у него въ конюшнѣ. Случайно торговецъ встрѣтилъ этого незнакомца подозрительной наружности, шагавшаго по дорогѣ между Бра-д'Ассомъ и... (я забылъ названіе, кажется—Эскублономъ). Поравнявшись съ нимъ, незнакомецъ, казавшійся очень усталымъ, попросилъ подвезти его, на что рыбный торговецъ, вмѣсто отвѣта, еще сильнѣе погналъ лошадь. Къ тому же, этотъ торговецъ полчаса тому назадъ находился въ группѣ, окружавшей Жакена Лабарра, и притомъ самъ же разсказывалъ о непріятной утренней встрѣчѣ посѣтителямъ *Кольбасскаго Креста*. Не вставая съ мѣста, онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ кабатчика; тотъ подошелъ къ нему. Онъ тихо прошепталъ ему нѣсколько словъ. Путникъ сидѣлъ, снова погруженный въ свои думы.

Кабатчикъ подошелъ къ очагу, грубо положилъ руку на плечо незнакомца и сказалъ:

— Уходи отсюда.

Незнакомецъ обернулся и кротко отвѣтилъ:

— Ахъ! такъ вы ужъ знаете?..

— Да.

— Меня прогнали изъ того трактира.

— Тебя выгоняютъ и отсюда.

— Куда же мнѣ итти?

— Куда угодно.

Путешественникъ взялъ свою палку, ранецъ и вышелъ...

Когда онъ вышелъ, нѣсколько ребятишекъ, провожавшихъ его по дорогѣ изъ *Кольбсскаго Креста* и, видимо, поджидавшихъ его, начали бросать въ него камнями. Незнакомецъ, разсердившись, прошелъ нѣсколько шаговъ имъ навстрѣчу и погрозилъ палкой; ребятишки разсыпались, какъ стая птицъ.

Проходя мимо тюрьмы, онъ увидалъ у воротъ висѣвшій на желѣзной цѣпи колоколъ. Онъ позвонилъ.

Отворилась форточка.

— Господинъ привратникъ,—сказалъ онъ, почтительно снимая фуражку,—будьте такъ добры, пустите меня переночевать одну ночь.

Послышался голосъ:

— Тюрьма не трактиръ. Пусть васъ арестуютъ, тогда мы васъ пустимъ.

Форточка захлопнулась.

Незнакомецъ вышелъ на узкую улицу, гдѣ было много садовъ; нѣкоторые изъ нихъ отдѣлялись отъ нея только изгородями, что придавало улицѣ очень веселый видъ. Между садами и изгородями онъ увидалъ маленькій одноэтажный домикъ съ освѣщеннымъ окномъ. Онъ посмотрѣлъ въ это окно. Это была большая комната съ выбѣленными стѣнами, съ кроватью подъ пестрымъ ситцевымъ пологомъ и колыбелью въ углу: нѣсколько деревянныхъ стульевъ и двуствольное ружье на стѣнѣ. Посреди комнаты былъ накрытъ столъ. Мѣдная лампа освѣщала бѣлую грубую холщевую скатерть, оловянную кружку, блестѣвшую какъ серебро, налитую виномъ, и глиняную дымившуюся миску. За столомъ сидѣлъ мужчина лѣтъ сорока, съ веселымъ и открытымъ лицомъ; у него на колѣняхъ прыгалъ маленькій ребенокъ. Около него сидѣла совсѣмъ еще молодая женщина и кормила грудью другого ребенка. Отецъ смѣялся, ребенокъ смѣялся, мать улыбалась.

Незнакомецъ на минуту залюбовался этимъ тихимъ и успокаивающимъ зрѣлищемъ. Что происходило въ его душѣ? Онъ одинъ могъ бы только объяснить это. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ думалъ, что этотъ веселый домъ будетъ гостепріименъ, и что тамъ, гдѣ онъ видѣлъ столько счастья, онъ найдетъ немного и состраданія. Онъ тихо постучался въ окно. Его никто не слыхалъ. Онъ постучался еще разъ. Онъ услыхалъ, какъ женщина сказала:

— Послушай, мнѣ кажется, къ намъ стучатся!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ мужъ.

Жанъ Вальжанъ постучался въ третій разъ. Мужъ всталъ, взялъ лампу, подошелъ и отворилъ дверь.

Это былъ человѣкъ высокаго роста, полукрестьянинъ, полуремесленникъ. На немъ былъ надѣтъ большой кожаный фартукъ, доходившій до лѣваго плеча, который оттопыривался на груди, потому что тамъ были запрятаны молотокъ, красный платокъ, пороховница, разныя вещи, поддерживаемыя кушакомъ. Онъ запрокинулъ голову назадъ; широкій открытый воротъ рубашки обнажалъ его бѣлую и голую шею, похожую на шею быка. У него были густыя брови, большія черныя бакенбарды, глаза на-выкатѣ надъ выступающею впередъ нижней челюстью и на всемъ лицѣ невыразимый отпечатокъ сознанія, что онъ хозяинъ въ своемъ домѣ.

— Извините меня, сударь,—сказалъ путешественникъ,—не можете ли вы мнѣ дать, конечно, за плату, тарелку супу и уголъ для ночевки въ томъ сараѣ, который стоитъ тамъ въ саду?

— Кто вы такой?—спросилъ хозяинъ.

Незнакомецъ отвѣчалъ.

— Я иду изъ Пюи-Муассона. Я шелъ цѣлый день. Я прошелъ двѣнадцать лье. Пустите меня за плату.

— Я не отказалъ бы,—сказалъ крестьянинъ, — въ пріютѣ хорошему человѣку, который согласенъ заплатить. Но почему вы не идете въ трактиръ?

— Тамъ нѣтъ мѣста.

— Какъ такъ? Не можетъ быть! Сегодня не ярмарочный и не базарный день. Были ли вы у Лабарра?

— Да.

— И что же?

Путникъ съ смущеніемъ отвѣтилъ:

— Я не знаю, только онъ меня не пустилъ.

— А заходили вы къ тому, что на улицѣ Шаффо?

Смущеніе незнакомца увеличилось. Онъ пробормоталъ:

— Онъ меня тоже не пустилъ.

На лицѣ крестьянина появилось недовѣрчивое выраженіе, онъ съ ногъ до головы осмотрѣлъ путника и вдругъ съ волненіемъ закричалъ:

— Неужели вы тотъ человѣкъ?..

И онъ, вновь взглянувъ на незнакомца, сдѣлалъ шага три назадъ, поставилъ лампу на столъ и снялъ со стѣны ружье.

При словахъ крестьянина: *Неужели вы тотъ человѣкъ?..* женщина встала, взяла обоихъ дѣтей на руки и спряталась за мужа, съ ужасомъ глядя на незнакомца; съ обнаженной грудью, съ испуганными глазами, она тихо бормотала «воръ, грабитель». Все это произошло скорѣе, чѣмъ можно себѣ представить. Нѣсколько минутъ хозяинъ смотрѣлъ на незнакомца, какъ будто бы передъ нимъ находилась гадина, потомъ направился къ двери и сказалъ:

— Убирайся!

— Ради Бога, дайте хоть стаканъ воды.

— Не хочешь ли ружейнаго выстрѣла?

Затѣмъ онъ ушелъ, сердито захлопнувъ дверь, и незнакомецъ слышалъ, какъ заскрипѣли два тяжелыхъ засова. Минуту спустя

закрылось и окно ставнемъ, и послышался шумъ желѣзныхъ болтовъ. Ночь становилась все темнѣе. Съ Альпъ дулъ холодный вѣтеръ. При слабомъ свѣтѣ кончающагося дня незнакомецъ увидалъ въ одномъ изъ садовъ, окружавшихъ улицу, что-то въ родѣ лачуги, покрытой, какъ ему показалось, дерномъ. Онъ рѣшительно перепрыгнулъ черезъ деревянный заборъ и очутился въ саду. Онъ подошелъ къ землянкѣ; узкое очень невысокое отверстіе служило ей вмѣсто двери, и она походила на тѣ строенія, которыя шоссейные рабочіе строятъ себѣ около дорогъ. Незнакомецъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, подумалъ, что это шалашъ рабочаго; онъ страдалъ отъ голода и холода, и примирившись съ голодомъ, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ найти здѣсь защиту отъ холода. Такого рода помѣщенія обыкновенно пустуютъ по ночамъ. Онъ легъ на животъ и проползъ въ шалашъ. Тамъ было тепло и была постлана солома. Онъ нѣкоторое время лежалъ безъ движенія, растянувшись на этой соломѣ, до того онъ усталъ. Потомъ, чувствуя, что ранецъ на спинѣ ему мѣшаетъ, и притомъ онъ могъ бы служить подушкой, путникъ началъ разстегивать одинъ изъ его ремней. Въ это время раздалось дикое рычаніе, и въ отверстіи шалаша появилась голова огромнаго дога.

Онъ попалъ въ собачью конуру!

Незнакомецъ самъ былъ силенъ и ловокъ; вооружившись палкой, онъ употребилъ свой ранецъ вмѣсто щита и началъ выбираться, какъ могъ, изъ конуры! Отъ этого усилія его рубище украсилось еще новыми прорѣхами... Для того, чтобъ удержать собаку на извѣстномъ разстояніи, ему приходилось пятиться назадъ и дѣлать движенія палкой, какъ бы для отраженія ударовъ.

Когда путникъ не безъ труда перепрыгнулъ черезъ заборъ и очутился опять на улицѣ, одинокій, безъ пристанища, безъ крова, безъ пріюта, изгнанный даже съ этой соломенной подстилки и изъ жалкой конуры, онъ скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ на камень, и возможно, что какой-нибудь прохожій слышалъ, какъ онъ закричалъ:

— Я оказываюсь хуже собаки!

Вскорѣ онъ приподнялся и снова пошелъ. Онъ вышелъ изъ города, надѣясь найти какое-нибудь дерево или скирдъ въ полѣ, чтобы укрыться. Такъ онъ шелъ нѣкоторое время съ опущенной головой. Когда онъ почувствовалъ, что далеко удалился отъ человѣческаго жилья, онъ оглянулся, какъ бы разыскивая что-то вокругъ себя. Онъ былъ въ полѣ, передъ нимъ возвышался небольшой холмъ, покрытый срѣзаннымъ жнивьемъ, похожимъ на гладко выстриженную голову. Горизонтъ былъ совсѣмъ черный,— не только отъ ночного мрака, но и отъ низко нависшихъ облаковъ, спустившихся на холмъ и разстилавшихся по небу. Однако, такъ какъ луна должна была взойти и на зенитѣ еще колебались отблески сумеречнаго свѣта, эти облака образовали на высотѣ неба родъ бѣлесоватаго свода, съ котораго падалъ на землю свѣтъ.

Земля, однако, была больше освѣщена, чѣмъ небо, что вызывало особенно мрачное впечатлѣніе, и бѣдное и жалкое очертаніе

холма смутно и тускло вырисовывалось на мрачномъ горизонтѣ. Вся окружающая картина была отвратительна, мизерна, плачевна и ограничена. На всемъ полѣ и на холмѣ не росло ничего, кромѣ одного уродливаго дерева, размахивавшаго дрожащими вѣтвями въ нѣсколькихъ шагахъ отъ путника.

Человѣкъ этотъ, очевидно, былъ очень далекъ отъ утонченныхъ привычекъ интеллигентнаго человѣка, умъ котораго такъ чувствителенъ къ таинственнымъ зрѣлищамъ природы, между тѣмъ на этомъ небѣ, холмѣ, равнинѣ и на этомъ деревѣ лежала печать такого глубокаго разоренія, что путникъ послѣ минутнаго размышленія круто повернулъ назадъ. Бываютъ минуты, когда природа кажется непріязненной.

Онъ пошелъ обратно. Городскія ворота были заперты. Динь выдержавшій осаду во время религіозныхъ войнъ, былъ еще окруженъ въ 1815 году старыми стѣнами съ четырехугольными башнями, которыя были впослѣдствіи разобраны. Путникъ прошелъ въ городъ черезъ обвалившееся отверстіе въ стѣнѣ.

Было около восьми часовъ вечера. Не зная улицъ, онъ шелъ наобумъ. Такимъ образомъ онъ дошелъ до префектуры, потомъ до семинаріи. На углу площади находилась типографія. Въ ней впервые были напечатаны прокламаціи императора къ императорской гвардіи и къ арміи, привезенныя съ острова Эльбы и продиктованныя самимъ Наполеономъ. Изнемогая отъ усталости и не надѣясь больше ни на что, онъ легъ на каменную скамейку, стоявшую у дверей типографіи.

Въ это время вышла изъ церкви старая женщина. Она замѣтила человѣка, лежавшаго въ темнотѣ.

— Что вы тутъ дѣлаете, мой другъ?—спросила она.

Онъ отвѣтилъ грубо и со злостью:

— Вы видите, добрая женщина: ложусь спать.

Добрая женщина, достойная на самомъ дѣлѣ этого имени, была маркиза Р.

— На этой скамейкѣ?

— Въ продолженіе девятнадцати лѣтъ я спалъ на голыхъ доскахъ, а сегодня посплю на камняхъ.

— Вы были солдатомъ?

— Да, добрая женщина, солдатомъ.

— Почему вы не идете въ трактиръ?

— Потому, что у меня нѣтъ денегъ.

— Увы! — сказала мадамъ Р.,—въ моемъ кошелькѣ только и есть четыре су.

— Давайте, все равно.

Незнакомецъ взялъ четыре су. Мадамъ Р. продолжала:

— Съ этими грошами васъ не примутъ въ трактирѣ. Пытались ли вы найти гдѣ-нибудь себѣ ночлегъ? Немыслимо, чтобы вы провели такъ всю ночь. Вамъ, навѣрно, холодно и голодно. Васъ могли бы пріютить изъ жалости.

— Я стучался во всѣ двери.

— И что же?

— Отовсюду меня выгоняли.

«Добрая женщина» дотронулась до плеча прохожаго и указала ему по ту сторону площади на маленькій низенькій домикъ, стоявшій на углу рядомъ съ епископскимъ дворцомъ.

— Вы стучались во всѣ двери, вы говорите?

— Да.

— А стучались ли вы вотъ въ ту дверь?

— Нѣтъ.

— Постучитесь въ нее.

II.

Мудрому совѣтуютъ быть благоразумнымъ.

Въ этотъ вечеръ динскій епископъ, послѣ прогулки по городу, сидѣлъ довольно долго, затворившись въ своей комнатѣ. Онъ работалъ надъ большимъ сочиненіемъ объ *обязанностяхъ*, которое, къ сожалѣнію, осталось неоконченнымъ. Онъ усердно выписывалъ все написанное святыми отцами и учителями Церкви объ этомъ важномъ предметѣ. Его книга дѣлилась на двѣ части; въ первомъ отдѣлѣ говорилось объ обязанностяхъ всѣхъ вообще, во второмъ— объ обязанностяхъ каждаго, сообразно положенію, занимаемому имъ въ обществѣ. Обязанности всѣхъ, это—большія обязанности: ихъ четыре. Евангелистъ Матѳей ихъ указываетъ: обязанности по отношенію къ Богу (Матѳ. VI), обязанности къ самому себѣ (Матѳ. V, 29, 30), обязанности къ ближнимъ (Матѳ. VII, 12), обязанности ко всѣмъ твореньямъ вообще (Матѳ. VI, 20, 25). Что касается другихъ обязанностей, то изложеніе и опредѣленіе ихъ епископъ нашелъ въ другихъ мѣстахъ: ученіе объ обязанностяхъ государей и подданныхъ—въ посланіи ап. Павла къ римлянамъ; объ обязанностяхъ чиновниковъ, женъ, матерей и молодыхъ людей—въ посланіяхъ апостола Петра; мужей, отцовъ, дѣтей и служителей—въ посланіи ап. Павла къ ефесянамъ; вѣрныхъ—въ его же посланіи къ іудеямъ; дѣвственницъ — въ посланіи къ коринѳянамъ. Онъ трудолюбиво собиралъ всѣ эти предписанія въ гармоническое цѣлое, которое желалъ представить благочестивымъ душамъ.

Онъ еще работалъ до восьми часовъ, устроившись довольно неудобно, дѣлая выписки на маленькихъ клочкахъ бумаги и положивъ большую открытую книгу къ себѣ на колѣни, когда m-me Маглуаръ вошла по привычкѣ, чтобы взять серебро изъ шкапчика, висѣвшаго у кровати. Спустя немного времени епископъ услыхалъ, что столъ накрытъ и, не желая заставлять сестру ждать себя, закрылъ книгу, всталъ изъ-за стола и вошелъ въ столовую. Столовая была продолговатая комната съ каминомъ, съ дверью, выходившей на улицу (какъ мы уже упоминали), и съ окномъ, выходившимъ въ садъ.

M-me Маглуаръ, дѣйствительно, уже кончала накрывать на столъ; разставляя приборы, она разговаривала съ m-lle Батистиной. На стоявшемъ у камина столѣ горѣла лампа, въ каминѣ пылалъ довольно сильный огонь.

Легко себѣ представить этихъ двухъ женщинъ, которымъ обѣимъ было за шестьдесятъ лѣтъ: m-me Маглуаръ—низенькая, толстенькая, живая; m-lle Батистина—кроткая, тонкая, хрупкая, ростомъ не много выше своего брата, одѣтая въ шелковое платье пюсоваго цвѣта, вошедшаго въ моду въ 1806 году. Въ этомъ самомъ году оно было куплено въ Парижѣ и служило m-lle Батистинѣ до сихъ поръ. Употребляя простонародныя выраженія, достоинство которыхъ состоитъ въ томъ, что они однимъ словомъ даютъ понятіе объ идеѣ, на изложеніе которой потребовалась бы цѣлая страница, можно сказать, что m-me Маглуаръ имѣла видъ *крестьянки*, а m-lle Батистина—*барыни*. На головѣ m-me Маглуаръ былъ надѣтъ бѣлый чепецъ съ оборкой, на шеѣ—золотой крестикъ, единственное золотое женское украшеніе во всемъ домѣ; поверхъ чернаго, сшитаго изъ грубой матеріи платья, съ короткими, широкими рукавами, была надѣта бѣлая косынка, фартукъ изъ бумажной холстины съ красными и зелеными клѣтками, подвязанный у пояса зеленой шелковой лентой, съ нагрудникомъ, пришпиленнымъ по угламъ двумя булавками къ лифу, на ногахъ грубые башмаки и желтые чулки, какія носятъ марсельскія мѣщанки. Платье m-lle Батистины было сшито также по модѣ 1806 г.: короткій лифъ, узкая юбка, рукава съ наплечниками, нашивками и пуговками. Она закрывала свои сѣдые волосы завитымъ парикомъ, какъ завиваютъ дѣтей. M-me Маглуаръ была подвижна и добродушна, съ умными глазами; неровно поднятые углы рта и верхняя губа толще нижней придавали ея лицу выраженіе властности и угрюмости. Пока епископъ молчалъ, она говорила съ нимъ смѣло съ оттѣнкомъ уваженія и вольности, но разъ епископъ начиналъ говорить, она пассивно поповиновалась ему такъ же, какъ и m-lle Батистина, которая всегда была покорна и старалась во всемъ угождать ему. Даже въ молодости m-lle Батистина никогда не была красива, у нея были голубые навыкатѣ глаза и длинный горбатый носъ, но все ея лицо, все ея существо (мы уже упоминали объ этомъ вначалѣ) дышали невыразимой добротой. Въ ней была врожденная кротость, а вѣра, милосердіе и надежда,—эти три добродѣтели, согрѣвающія душу, возвысили кротость ея души до святости. Природа создала ея овечкой, религія сдѣлала изъ нея ангела. Бѣдная святая дѣвушка! Нѣжное исчезнувшее воспоминаніе!

M-lle Батистина столько разъ разсказывала о томъ, что произошло въ этотъ вечеръ въ епископскомъ домѣ, что многія лица, которыя до сихъ поръ находятся въ живыхъ, помнятъ самыя мельчайшія подробности этого разсказа.

Въ ту минуту, когда вошелъ епископъ, m-me Маглуаръ говорила о чемъ-то съ увлеченіемъ. Она говорила m-lle Батистинѣ о знакомомъ и привычномъ епископу предметѣ — дѣло касалось запора наружной двери.

Ходивши, кажется, за кое-какими покупками для ужина, m-me Маглуаръ собрала отъ разныхъ лицъ различныя свѣдѣнія. Говорили о бродягѣ подозрительной наружности; разсказывали, что пришелъ подозрительный бродяга, что онъ шляется по улицамъ города и что

тотъ, кто поздно будетъ возвращаться сегодня ночью домой, можетъ, пожалуй, наткнуться на очень непріятную встрѣчу. Говорили, что полиція очень плохо организована, потому что префектъ и мэръ не въ ладахъ между собой и, стараясь вредить другъ другу, допускаютъ поразительныя приключенія. Поэтому благоразумные люди дожны охранять себя сами, надлежащимъ образомъ позаботиться о запорахъ, загородить внутри всѣ входы и *накрѣпко запереть двери*.

M-me Маглуаръ особенно подчеркнула эти послѣднія слова, но епископъ придя изъ своей комнаты, гдѣ было довольно холодно, сѣлъ погрѣться къ камину и думалъ совсѣмъ о другомъ. Онъ не обратилъ вниманія на слова m-me Маглуаръ. Она ихъ повторила. Тогда m-lle Батистина, желая доставить удовольствіе m-me Маглуаръ и въ то же время не разсердить брата, робко сказала:

— Братецъ, слышали ли вы, что сказала m-me Маглуаръ?

— Да, я кое-что слышалъ, — отвѣчалъ епископъ. Потомъ, передвинувъ на полоборота свой стулъ и опершись обѣими руками на колѣни, онъ повернулъ свое радушное и ласковое лицо, освѣщенное снизу огнемъ камина, къ старой служанкѣ.

— Посмотримъ. Что такое? Что такое случилось? Мы, кажется, въ большой опасности?

Тогда m-me Маглуаръ начала снова разсказывать всю исторію, немного преувеличивая, незамѣтно для себя самой. Явился какой-то цыганъ, оборванецъ; какой-то опасный нищій ходитъ по городу. Онъ заходилъ къ Жакену Лабарру, чтобы переночевать, но тотъ не пустилъ его. Его видѣли проходившимъ по бульвару Гассенди, а въ сумеркахъ онъ бродилъ по улицамъ. Человѣкъ этотъ ужаснаго вида, точно сорвался съ висѣлицы.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ епископъ.

Снисходительный вопросъ ободрилъ m-me Маглуаръ; ей показалось, что ей удалось слегка встревожить епископа, а потому она торжественно продолжала:

— Да, ваше преосвященство, вотъ какія дѣла дѣлаются. Сегодня ночью въ городѣ непремѣнно случится несчастье. Всѣ такъ говорятъ. Вѣдь у насъ полиція такъ плохо организована (безполезное повтореніе). Жить въ горной мѣстности и не имѣть даже ночью фонарей! Выйдешь—и тьма кромѣшная! Я говорю, ваше преосвященство, и барышня со мною согласна..

— Я ничего не говорю, — прервала ее m-lle Батистина. — Все, что дѣлаетъ мой братъ, все хорошо.

M-me Маглуаръ продолжала, какъ будто не замѣчая этого возраженія:

— Мы говоримъ, что нашъ домъ не въ безопасности, и, если ваше преосвященство позволите, я схожу къ слесарю Полю Мизбуа и позову его придѣлать прежніе запоры къ двери: они спрятаны здѣсь близко, и я говорю, что запоръ необходимъ, хотя бы на одну эту ночь. Да, я утверждаю, что дверь на задвижкѣ, которую можетъ отворить всякій прохожій,—ужасная вещь, да при-

томъ у вашего преосвященства есть привычка говорить всякому «войдите», будь это хоть ночью. О Господи!—не нужно даже и спрашиваться...

Въ эту минуту кто-то сильно постучалъ въ дверь.

— Войдите,—сказалъ епископъ.

III.

Героизмъ слѣпого повиновенія.

Дверь отворилась.

Она быстро распахнулась настежь, какъ будто кто-то сильно и энергично ее толкнулъ.

Вошелъ человѣкъ.

Этотъ человѣкъ, мы его уже знаемъ, былъ тотъ самый путешественникъ, который только что искалъ повсюду себѣ ночлега.

Онъ вошелъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился. Въ рукахъ у него была палка, на плечѣ висѣлъ мѣшокъ, выраженіе его глазъ было суровое, дерзкое, усталое и свирѣпое. Его освѣщалъ огонь камина. Видъ у него былъ отталкивающій. Появленіе его, въ самомъ дѣлѣ, могло напугать кого угодно.

У m-me Маглуаръ не хватило даже силы крикнуть, она вздрогнула и такъ осталась съ разинутымъ ртомъ.

M-lle Батистина обернулась: увидавъ вошедшаго, она испуганно приподнялась, затѣмъ, медленно повернувъ голову къ камину, посмотрѣла на брата, и лицо ея приняло опять прежнее спокойное и свѣтлое выраженіе.

Епископъ спокойно смотрѣлъ на вошедшаго.

Не успѣлъ епископъ открыть рта, чтобы спросить незнакомца, чего онъ желаетъ, какъ тотъ, опершись руками на свою палку, обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ и, не дожидаясь вопроса епископа, заговорилъ громкимъ голосомъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло. Меня зовутъ Жанъ Вальжанъ. Я—каторжникъ. Я провелъ девятнадцать лѣтъ на каторгѣ. Меня освободили четыре дня тому назадъ и все это время я иду въ Понтарлье — мѣсто моего назначенія. Я иду изъ Тулона уже четыре дня. Сегодня я прошелъ двѣнадцать лье. Придя сегодня вечеромъ въ этотъ городъ, я зашелъ въ трактиръ, но меня выгнали изъ-за желтаго паспорта, который я показалъ въ ратушѣ. Такъ нужно было. Я пошелъ въ другой трактиръ. Мнѣ сказали: «Убирайся вонъ!» Что̀ сказалъ одинъ, — сказалъ и другой. Никто не хотѣлъ принять меня. Былъ я и въ тюрьмѣ,—привратникъ не пустилъ меня. Былъ я и въ конурѣ у собаки. Собака укусила меня и прогнала, какъ будто и она была человѣкомъ. Можно было подумать, что она знала, кто я. Я пошелъ въ поле ночевать при свѣтѣ звѣздъ подъ открытымъ небомъ, но звѣздъ не было. Я подумалъ, что пойдетъ дождь, и возвратился въ городъ, чтобы ночевать подъ какимъ-нибудь навѣсомъ. Здѣсь на площади, когда я легъ на каменную скамью, одна добрая женщина указала мнѣ на вашъ домъ и сказала: «Постучитесь туда». Я постучался. Что здѣсь такое?

Трактиръ? У меня есть деньги. Мой заработокъ. Сто девять франковъ пятнадцать су, которые я заработалъ на каторгѣ въ теченіе девятнадцати лѣтъ. Я заплачу. Мнѣ это ничего не значитъ, у меня есть деньги. Я очень усталъ, пройдя двѣнадцать лье, и очень голоденъ. Позволите вы мнѣ остаться у васъ?

— М-me Маглуаръ,—сказалъ епископъ,—поставьте еще приборъ.

Путникъ сдѣлалъ три шага впередъ и приблизился къ лампѣ, стоявшей на столѣ.

— Послушайте,—продолжалъ онъ, какъ бы не понимая, въ чемъ дѣло,—это что-то не то. Слышали ли вы?—я каторжникъ, прямо съ каторги.

Онъ вынулъ изъ кармана большой желтый листъ бумаги и развернулъ его.

— Вотъ мой паспортъ. Желтый, какъ видите. Онъ служитъ для того, чтобы меня отовсюду выгоняли. Хотите прочесть? Я и самъ умѣю читать. Я выучился на каторгѣ, тамъ есть школа для желающихъ. Посмотрите, что написали мнѣ въ паспортѣ: «Жанъ Вальжанъ, освобожденный каторжникъ, родился въ...—это вамъ все равно.—Пробылъ на каторгѣ девятнадцать лѣтъ: пять лѣтъ за кражу со взломомъ, четырнадцать лѣтъ за четыре попытки къ побѣгу. Человѣкъ этотъ очень опасенъ». Вотъ видите! Всѣ меня гонятъ. Согласны ли вы меня оставить? Что это у васъ, трактиръ, что ли? Согласны ли вы накормить меня и дать мнѣ ночлегъ? Есть у васъ конюшня?

— М-me Маглуаръ, постелите чистыя простыни на кровать въ альковѣ.

Мы уже раньше выяснили всю степень послушанія обѣихъ женщинъ.

М-me Маглуаръ вышла исполнить приказаніе.

Епископъ обратился къ путнику:

— Сядьте, сударь, и погрѣйтесь. Мы сейчасъ будемъ ужинать, а пока вамъ приготовятъ постель.

Теперь только путникъ понялъ. Выраженіе его лица, бывшее до сихъ поръ мрачнымъ и суровымъ, перемѣнилось. Оно сдѣлалось необычайно радостнымъ и изумленнымъ, и онъ заговорилъ, какъ въ безуміи:

— Правда? неужели? вы меня оставите у себя? вы меня не прогоните? каторжника? Вы меня называете *сударь?* вы не говорите мнѣ ты? вы мнѣ не говорите: «убирайся прочь, собака», какъ мнѣ говорятъ всегда всѣ? Я былъ увѣренъ, что вы меня выгоните, потому-то я и поспѣшилъ сказать, кто я такой. О! добрая та была женщина, которая меня сюда направила. Я буду ужинать! Мнѣ дадутъ кровать съ матрацемъ, съ простынями, какъ у всѣхъ! Постель! Уже девятнадцать лѣтъ я не спалъ на постели! Вы, въ самомъ дѣлѣ, не прогоните, меня? Какіе вы добрые люди! Впрочемъ, у меня есть деньги, и я хорошо заплачу. Извините, господинъ трактирщикъ, какъ васъ зовутъ? Я заплачу сколько бы вы ни спросили. Вы честный человѣкъ. Не правда ли, вы—трактирщикъ?

— Я священникъ, живущій здѣсь, — отвѣтилъ епископъ.

— Священникъ! — воскликнулъ путникъ.—О! честный вы священникъ. Въ такомъ случаѣ вы не возьмете съ меня денегъ? Не правда ли, вы—священникъ? Священникъ этой большой церкви? Въ самомъ дѣлѣ, какъ я глупъ, я не замѣтилъ вашей скуфьи.

Говоря все это, онъ снялъ ранецъ, поставилъ его вмѣстѣ съ палкой въ уголъ, спряталъ свой паспортъ въ карманъ и сѣлъ. M-lle Батистина кротко смотрѣла на него. Онъ продолжалъ:

— Вы человѣколюбивы, господинъ священникъ, вамъ незнакомо презрѣніе. Это очень хорошо, добрый священникъ. Значитъ, вамъ не нужна моя плата?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ епископъ,—оставьте деньги у себя. Сколько ихъ у васъ! Кажется, вы сказали—сто девять франковъ?

— И пятнадцать су, — прибавилъ путникъ.

— Сто девять франковъ и пятнадцать су. А во сколько времени вы ихъ заработали?

— Въ девятнадцать лѣтъ.

— Въ девятнадцать лѣтъ!

Епископъ глубоко вздохнулъ.

Путникъ продолжалъ:

— У меня цѣлы еще всѣ мои деньги. Въ продолженіе четырехъ дней я истратилъ только двадцать пять су, которые я заработалъ, помогая разгружать телѣги въ Грассѣ. Такъ какъ вы священникъ, то я хочу вамъ разсказать, что у насъ на каторгѣ былъ также священникъ и разъ я видѣлъ даже епископа, преосвященнаго, какъ его называютъ! Онъ былъ епископомъ въ Марселѣ. Священникъ надъ всѣми священниками. Извините, я, кажется, плохо объясняю. Но это такъ мало мнѣ знакомо. Вы понимаете, все это мы мало знаемъ. Онъ служилъ обѣдню среди каторжныхъ, тамъ устроили престолъ, на головѣ у него была надѣта какая-то остроконечная золотая вещь. Подъ жаркими лучами южнаго солнца она ярко блестѣла. Мы стояли съ трехъ сторонъ, выстроенные рядами, а напротивъ насъ пушки, съ зажженными фитилями. Мы почти-что его не видали. Онъ что-то говорилъ, но онъ стоялъ слишкомъ далеко, такъ что мы ничего не слыхали. Такъ вотъ это-то и есть епископъ.

Пока онъ говорилъ, епископъ всталъ и затворилъ дверь, все еще стоявшую отворенной настежь.

Вошла m-me Маглуаръ, принесла еще приборъ и поставила его на столъ.

— Мадамъ Маглуаръ,—сказалъ епископъ,—поставьте этотъ приборъ какъ можно ближе къ огню,—и, обращаясь къ своему гостю, онъ прибавилъ:—Въ Альпахъ по ночамъ очень холодный вѣтеръ. Вы, навѣрно, очень озябли, сударь?

Всякій разъ, какъ епископъ говорилъ *сударь* своимъ пріятнымъ голосомъ и тономъ человѣка хорошаго общества, лицо путника сіяло. Сказать каторжнику *сударь*, это все равно, что подать стаканъ воды погибающему на кораблѣ *Медуза*. Опозоренный человѣкъ особенно чувствуетъ нужду въ уваженіи.

— Однако, лампа что-то тускло горитъ,—сказалъ епископъ.

M-me Маглуаръ поняла. Она пошла въ спальню епископа, взяла съ камина два серебряныхъ подсвѣчника и поставила ихъ съ зажженными свѣчами на столъ.

— Господинъ священникъ,—сказалъ путникъ,—вы очень добры. Вы меня не презираете. Вы меня оставляете у себя. Вы зажигаете для меня свѣчи. И это несмотря на то, что я не скрылъ отъ васъ, откуда я пришелъ и что я опозоренный человѣкъ!

Епископъ, сидѣвшій около него, ласково взялъ его за руку.

— Вы могли бы мнѣ и не говорить, кто вы такой. Это не мой домъ, а Іисуса Христа. Входящаго въ эту дверь спрашиваютъ не о томъ, какъ его зовутъ, а нѣтъ ли у него какого-нибудь горя. Вы страдаете, васъ мучаетъ голодъ и жажда,—будьте желаннымъ гостемъ. Не благодарите меня и не говорите мнѣ, что я оставляю васъ у себя. Каждый, нуждающійся въ пріютѣ, здѣсь хозяинъ. Да, я говорю вамъ все это, вамъ, прохожему человѣку. Вы здѣсь больше хозяинъ, чѣмъ я. Все, что здѣсь есть—ваше. Зачѣмъ мнѣ знать ваше имя? Впрочемъ, раньше чѣмъ вы сказали мнѣ его, я зналъ другое ваше имя.

Путникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Правда, вы знали, какъ меня зовутъ?

— Да,—отвѣтилъ епископъ,—ваше имя—мой братъ.

— Послушайте, господинъ священникъ!—воскликнулъ путникъ.—Входя сюда, я былъ очень голоденъ, но вы такой добрый, я, право, не знаю—я какъ будто не голоденъ.

Епископъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Вы очень сильно страдали?

— Охъ! красная куртка, ядро, привязанное къ ногѣ, голыя доски вмѣсто постели, жара, холодъ, работа, каторга, палочные побои. Двойные кандалы за каждый пустякъ, карцеръ за каждое слово и кандалы, кандалы, даже въ больницѣ, на койкѣ. Собаки, собаки и тѣ счастливѣе! Девятнадцать лѣтъ! Теперь мнѣ сорокъ шесть лѣтъ. Мнѣ выдали желтый паспортъ. Вотъ и все.

— Да,—возразилъ епископъ,—вы вышли изъ очень печальнаго мѣста. Послушайте. На небѣ больше радуются одному раскаявшемуся грѣшнику, чѣмъ ста праведникамъ. Если вы оставили мѣсто печали съ чувствомъ ненависти и злобы къ людямъ, то вы достойны сожалѣнія, если же, напротивъ, вы сохранили къ людямъ чувство доброжелательства, кротости и примиренія, то вы теперь лучше каждаго изъ насъ.

Тѣмъ временемъ m-me Маглуаръ подала ужинъ. Онъ состоялъ изъ супа, свареннаго на постномъ маслѣ, хлѣба, соли, небольшого количества свиного шпика, кусочка баранины, фигъ, творога и большого ржаного коровая. Отъ себя она прибавила къ этому обычному ужину своего архіерея еще бутылку стараго мовскаго вина. Лицо епископа приняло вдругъ веселое выраженіе гостепріимнаго хозяина.

— Пожалуйте къ столу!—съ живостью сказалъ онъ.

По обыкновенію, онъ посадилъ гостя направо отъ себя. M-lle Батистина, всегда кроткая и спокойная, сѣла по лѣвую его руку.

Епископъ прочелъ молитву, разлилъ самъ супъ, согласно своей привычкѣ. Путникъ принялся съ жадностью ѣсть. Вдругъ епископъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, что чего-то недостаетъ на этомъ столѣ.

M-me Маглуаръ, дѣйствительно, поставила только три необходимыхъ прибора. Между тѣмъ, у нихъ былъ заведенъ такой порядокъ, чтобы, когда у епископа ужиналъ гость, на столъ ставились всѣ шесть серебряныхъ приборовъ. Невинное хвастовство! Прелестная претензія на роскошь! Ребячество, полное изящества, въ этомъ скромномъ и суровомъ домѣ, гдѣ бѣдность была возведена въ достоинство.

M-me Маглуаръ поняла намекъ, вышла, не говоря ни слова, и черезъ минуту три прибора, вытребованные епископомъ, блистали на скатерти, симметрично разложенные передъ каждымъ изъ присутствующихъ.

IV.

Подробности о сыроварняхъ въ Понтарлье.

Чтобы лучше понять, что происходило за этимъ столомъ, мы читаемъ за лучшее привести отрывокъ изъ письма m-lle Батистины къ m-me Буашевронъ, въ которомъ переданъ, съ наивною обстоятельностью, весь разговоръ, происходившій между каторжникомъ и епископомъ.

«Этотъ человѣкъ не обращалъ ни на кого вниманія. Онъ ѣлъ съ жадностью голоднаго. Однако, послѣ ужина онъ сказалъ:

«— Господинъ священникъ добраго Бога, все это для меня еще слишкомъ хорошо, но я долженъ сказать, что извозчики, не хотѣвшіе меня пустить поѣсть съ собой, ѣдятъ гораздо лучше вашего.

«Откровенно говоря, это замѣчаніе меня немного покоробило. Мой братъ отвѣтилъ:

«— Они больше меня устаютъ физически.

«— Нѣтъ, не потому,—возразилъ этотъ человѣкъ,—а у нихъ больше денегъ. Вы бѣдны, я это вижу. Вы, можетъ-быть, даже не священникъ. Скажите, въ самомъ дѣлѣ, вы священникъ? Если Богъ справедливъ, то вамъ слѣдуетъ быть священникомъ.

«— Милосердный Богъ болѣе чѣмъ справедливъ,—сказалъ братъ.

«Минуту спустя, онъ прибавилъ:

«— Господинъ Жанъ Вальжанъ, вы идете въ Понтарлье?

«— По проходному свидѣтельству.

«Кажется, этотъ человѣкъ выразился именно такъ. Потомъ онъ продолжалъ:

«— Я долженъ выйти завтра на разсвѣтѣ. Тяжело теперь путешествовать. Ночи холодныя, днемъ очень жарко...

«Вы идете въ прекрасную страну,—добавилъ мой братъ.—Во время революціи моя семья была разорена, я укрывался одно время въ Франшъ-Конте и жилъ тамъ трудами своихъ рукъ. У меня не было недостатка въ доброй волѣ. Я нашелъ тамъ себѣ занятіе.

Тамъ есть изъ чего выбирать. Есть бумажное производство, кожевни, винокурни, маслобойни, большія фабрики часовъ, стальныя, мѣдныя фабрики, не меньше двадцати желѣзодѣлательныхъ заводовъ, изъ нихъ четыре очень значительныхъ въ Ло, Шатильонѣ, Оденкурѣ и Бёрѣ.

«Мнѣ кажется, я не ошибаюсь, братъ упомянулъ именно эти мѣстности. Затѣмъ, прервавъ свою рѣчь, онъ обратился ко мнѣ со словами:

«— Сестра, нѣтъ ли у насъ кого-нибудь родныхъ въ этой мѣстности?

«Я отвѣчала:

«— У насъ тамъ были родные, между прочимъ, г. Люсенъ, капитанъ городской стражи въ Понтарлье, но это было еще при старомъ режимѣ.

«—Да,—началъ мой братъ,—послѣ 93 года всякое родство кончилось, у каждаго остались только собственныя руки. Я сталъ работать. Въ окрестностяхъ Понтарлье, куда вы идете, господинъ Вальжанъ, существуетъ патріархальное и прелестное производство: сыроваренье. Тамъ существуютъ, между прочимъ, такъ называемыя артельныя сыроварни.

«Тогда мой братъ, угощая этого человѣка, далъ ему подробное объясненіе сыроваренныхъ предпріятій въ Понтарлье. Они бываютъ двухъ родовъ: *большіе заводы*, принадлежащіе богачамъ, коровъ на сорокъ, на пятьдесятъ, и производящіе отъ семи до восьми тысячъ сыровъ въ лѣто; *и мелкія артельныя сыроварни*, принадлежащія бѣднымъ. Горные крестьяне содержатъ сообща своихъ коровъ и дѣлятъ барыши. Они сообща нанимаютъ сыровара, который три раза въ день принимаетъ общественное молоко и отмѣчаетъ его количество на двухъ биркахъ. Только къ концу апрѣля начинается сыровареніе, а въ половинѣ іюня хозяева выгоняютъ своихъ коровъ на пастбище въ горы.

«Нашъ гость очень оживлялся по мѣрѣ насыщенія. Мой братъ все подливалъ ему мовскаго вина, котораго онъ самъ не пьетъ, находя его для себя слишкомъ дорогимъ. Братъ разсказывалъ ему всѣ эти подробности съ той непринужденной веселостью, которая такъ свойственна ему, перемѣшивая свой разсказъ разными ласковыми обращеніями ко мнѣ. Онъ нѣсколько разъ возвращался къ восхваленію ремесла сыровара; не совѣтуя этому человѣку прямо и грубо, онъ какъ бы желалъ ему указать то, что было бы хорошимъ для него занятіемъ. Одно меня поразило. Вы знаете, кто былъ этотъ человѣкъ. И что же, мой братъ въ продолженіе всего ужина и всего вечера, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ объ Іисусѣ, когда вошелъ незнакомецъ, ни разу, ни единымъ словомъ не намекнулъ этому человѣку ни на свое ни на его положеніе. Между тѣмъ, онъ могъ бы сказать небольшую проповѣдь и воздѣйствовать на каторжника, какъ епископъ, чтобы запечатлѣть эту встрѣчу. Можетъ-быть, всякій другой на его мѣстѣ воспользовался бы встрѣчей съ этимъ несчастнымъ, чтобы, питая его тѣло, напитать кстати и его душу нравственными ука-

заніями и совѣтами, или высказалъ бы ему сожалѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и назиданіе вести впредь лучшую жизнь. Мой братъ не спросилъ его даже, ни откуда онъ родомъ, ни какъ онъ жилъ, потому что, разсказывая свою жизнь, онъ былъ бы вынужденъ упомянуть и о своемъ проступкѣ, а братъ, казалось, избѣгалъ всего, что могло бы навести гостя на такое воспоминаніе. Онъ до того остерегался всего этого, что, упоминая о горцахъ Понтарлье, *что они мирно трудятся подъ открытымъ небомъ и счастливы, потому что невинны*, онъ вдругъ остановился, какъ бы испугавшись, чтобы эти слова не оскорбили гостя. Послѣ долгаго размышленія, я думаю, что я поняла то, что происходило въ душѣ брата. Безъ сомнѣнія, онъ думалъ, что этотъ человѣкъ, котораго зовутъ Жаномъ Вальжаномъ, настолько огорченъ своимъ позоромъ, что лучше всего развлечь его и хотя на минуту увѣрить его въ томъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всякій другой, поэтому-то братъ и избѣгалъ всякаго намека. Не въ этомъ ли деликатномъ, истинно евангельскомъ воздержаніи отъ проповѣди, нравоученій и намековъ заключается истинное милосердіе, — когда человѣкъ страдаетъ, не касаться его больного мѣста? Мнѣ казалось, что это и была тайная мысль моего брата. Во всякомъ случаѣ, я могу сказать, что если у него и были всѣ эти мысли, то онъ ихъ ничѣмъ не выразилъ, такъ что даже я не замѣтила ничего; съ начала и до конца вечера онъ былъ такимъ же, какъ и всегда; онъ ужиналъ съ Жаномъ Вальжаномъ съ такимъ видомъ и также непринужденно, какъ сталъ бы ужинать съ г. Жедеѳномъ Прево, или съ приходскимъ священникомъ. Въ концѣ ужина, когда мы ѣли фиги, кто-то постучался въ дверь. Это была тетка Жербо, съ ребенкомъ на рукахъ. Мой братъ поцѣловалъ ребенка въ лобъ и занялъ у меня пятнадцать су, которые были при мнѣ, чтобы дать ихъ теткѣ Жербо.

«Путникъ не обращалъ въ это время ни на кого вниманія. Онъ больше не говорилъ и казался очень утомленнымъ. Когда старушка Жербо ушла, братъ прочелъ молитву, потомъ обратился къ гостю и сказалъ:

«— Вамъ, навѣрное, хочется отдохнуть.

«M-me Маглуаръ быстро убрала со стола. Я поняла, что намъ нужно поскорѣе уйти и дать возможность путнику улечься спать. Мы обѣ ушли къ себѣ наверхъ. Однако черезъ минуту я послала m-me Маглуаръ отнести на постель этого человѣка шварцвальдскій козій мѣхъ, который былъ въ моей комнатѣ. Ночи теперь холодныя, а мѣхъ хорошо грѣетъ. Жаль, что этотъ мѣхъ старъ и шерсть лѣзетъ. Мой братъ купилъ его въ Германіи въ Тотлингенѣ, около истоковъ Дуная, вмѣстѣ съ маленькимъ ножомъ съ ручкой изъ слоновой кости, который я употребляю за столомъ.

«M-me Маглуаръ тотчасъ же возвратилась наверхъ, мы помолились Богу въ гостиной, гдѣ развѣшиваемъ бѣлье, а затѣмъ молча разошлись по своимъ комнатамъ».

V.

Тишина и спокойствіе.

Простившись съ сестрой, епископъ взялъ со стола одинъ изъ серебряныхъ подсвѣчниковъ, а другой передалъ своему гостю и сказалъ:

— Сударь, я провожу васъ въ вашу комнату.

Путникъ послѣдовалъ за нимъ.

Какъ мы уже знаемъ, комнаты были расположены слѣдующимъ образомъ: чтобы попасть въ молельню, гдѣ былъ альковъ, сперва нужно было пройти черезъ спальню епископа. Въ ту минуту, какъ они проходили черезъ спальню, m-me Маглуаръ прятала серебро въ стѣнной шкапчикъ, висѣвшій надъ изголовьемъ кровати. Она дѣлала это всегда передъ отходомъ ко сну.

Епископъ проводилъ своего гостя въ альковъ. Тамъ была приготовлена чистая и свѣжая постель. Путникъ поставилъ подсвѣчникъ на маленькій столикъ.

— Ну,—сказалъ епископъ,—желаю вамъ покойной ночи. Завтра утромъ, передъ дорогой, вы выпьете чашку парного молока отъ нашихъ коровъ.

— Благодарю васъ, господинъ аббатъ,—сказалъ путникъ.

Едва онъ произнесъ эти миролюбивыя слова, какъ, вдругъ, безъ всякаго перехода сдѣлалъ странное движеніе, которое привело бы въ ужасъ двухъ святыхъ женщинъ, если бы онѣ присутствовали здѣсь. Даже теперь намъ трудно объяснить, что случилось съ нимъ. Было ли то предостереженіе или угроза, или, просто, онъ подчинился инстинктивному и необъяснимому для него самого побужденію? Онъ быстро обернулся къ старику, скрестилъ руки и, устремивъ дикій взглядъ на гостепріимнаго хозяина, воскликнулъ хриплымъ голосомъ:

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ положите меня спать рядомъ съ собою?!

Онъ остановился и прибавилъ со смѣхомъ, въ которомъ звучало что-то ужасное:

— Все ли вы приняли въ соображеніе? Вѣдь я, быть-можетъ, убійца, а вы и не знаете?

Епископъ отвѣчалъ:

— Это ужъ какъ Богу угодно.

Потомъ, шевеля губами, какъ человѣкъ молящійся или говорящій шопотомъ, онъ сложилъ правую руку для крестнаго знаменія и благословилъ путника, который при этомъ даже не наклонилъ головы. Послѣ того епископъ, не оглядываясь, ушелъ въ свою комнату.

Когда въ альковѣ кто-нибудь ночевалъ, алтарь въ молельнѣ задергивался большой саржевой занавѣской. Епископъ сталъ на колѣни и прочиталъ краткую молитву. Минуту спустя, онъ былъ уже въ саду, гулялъ, размышлялъ, созерцалъ, отдаваясь душой и мыслями тому таинственному величію, которое Богъ открываетъ ночью передъ бодрствующими очами.

Что касается путника, то онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ усталъ, что даже не воспользовался прекрасными бѣлыми простынями. Онъ задулъ носомъ свѣчку, какъ дѣлаютъ это каторжники, легъ, не раздѣваясь, на постель и сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ полночь епископъ вернулся изъ сада въ свою спальню. Нѣсколько времени спустя, все спало въ маленькомъ домикѣ.

VI.

Жанъ Вальжанъ.

Среди ночи Жанъ Вальжанъ проснулся.

Онъ происходилъ изъ бѣдной крестьянской семьи, жившей въ провинціи Бри. Въ дѣтствѣ его не выучили грамотѣ. Взрослымъ онъ занимался подрѣзываніемъ деревьевъ въ Фавроллѣ. Его мать звали Жанной Матье, отца—Жаномъ Вальжаномъ, или Влажаномъ; по всей вѣроятности, это было насмѣшливое прозвище, составленное изъ словъ Voilà Jean (Вотъ Жанъ). Жанъ Вальжанъ былъ задумчиваго, но не грустнаго характера, что составляетъ отличительный признакъ любящихъ натуръ. Впрочемъ, Жанъ Вальжанъ представлялъ изъ себя въ общемъ какое-то сонное и—съ виду, по крайней мѣрѣ, безличное существо. Онъ потерялъ отца и мать, когда былъ еще ребенкомъ. Мать его умерла отъ молочной горячки, которую не позаботились даже лѣчить. Отецъ его, занимавшійся, какъ впослѣдствіи и онъ самъ, также подрѣзываніемъ деревьевъ, убился на-смерть, свалившись однажды съ дерева. У Жана Вальжана осталась только одна сестра, гораздо старше его, вдова съ семью дѣтьми—мальчиками и дѣвочками. Эта сестра вырастила Жана Вальжана и, пока живъ былъ ея мужъ, давала даромъ брату столъ и квартиру. Мужъ умеръ. Старшему изъ семерыхъ дѣтей было восемь лѣтъ, младшему — одинъ годъ. Жану Вальжану минуло въ это время двадцать пять лѣтъ. Онъ замѣнилъ дѣтямъ отца и такимъ образомъ, въ свою очередь, сталъ помогать сестрѣ. Это дѣлалось просто, какъ долгъ, даже съ нѣкоторою грубоватостью, которую выказывалъ при этомъ Жанъ Вальжанъ. Такъ проходила его молодость, полная тяжкаго и плохо оплачиваемаго труда. Никто не замѣчалъ, чтобы у него гдѣ-нибудь по сосѣдству была «подруга жизни». У него не было времени для любви.

Вечеромъ онъ возвращался домой усталый и молча съѣдалъ свой супъ. Часто сестра его Жанна, въ то время, какъ онъ ѣлъ, выбирала изъ его миски лучшій кусочекъ, ломтикъ шпика, кусочекъ говядины, сердцевину капусты, чтобы отдать ихъ кому-нибудь изъ своихъ дѣтей; онъ же продолжалъ ѣсть, склонившись надъ столомъ и опустивъ голову чуть не въ самую миску, вокругъ которой разсыпались его длинные волосы, закрывавшіе ему глаза, и, повидимому, или ничего не замѣчая, или покоряясь тому, что дѣлала сестра. Въ Фавроллѣ, недалеко отъ хижины Вальжана, по другую сторону переулка, жила фермерша, по имени Мари-Клодъ; пле-

мянники Вальжана, обыкновенно голодные, бѣгали иногда занимать у Мари-Клодъ отъ имени матери кружку молока, которое они выпивали позади забора, или въ уголкѣ аллеи, вырывая кружку другъ у друга съ такой жадностью, что дѣвочки проливали себѣ молоко на фартукъ и за пазуху. Если бы мать узнала объ этомъ плутовствѣ, она строго наказала бы виновныхъ, но Жанъ Вальжанъ, рѣзкій и ворчливый, платилъ тайкомъ отъ сестры за молоко фермершѣ, и дѣти оставались не наказанными.

Въ сезонъ подрѣзыванія деревьевъ Жанъ Вальжанъ зарабатывалъ восемнадцать су въ день, потомъ, когда кончалась эта работа, нанимался жнецомъ, поденщикомъ, пастухомъ, чернорабочимъ. Онъ дѣлалъ все, что могъ. Сестра, съ своей стороны, тоже работала; но много ли можно выработать, имѣя семерыхъ дѣтей? Это была несчастная семья, которую нищета окружала со всѣхъ сторонъ и мало-по-малу забирала въ свои тиски. Однажды выдалась очень суровая зима, а у Жана не случилось работы. Семья осталась безъ хлѣба, въ полномъ смыслѣ этого слова. Семеро малышей были безъ хлѣба!

Въ одинъ воскресный вечеръ Моберъ Изабо, булочникъ съ церковной площади въ Фавроллѣ, собирался ложиться спать, когда услыхалъ сильный стукъ въ заставленное желѣзной рѣшеткой стеклянное окно своей лавочки. Онъ прибѣжалъ какъ разъ во-время и увидалъ просунутую руку сквозь разбитое стекло и проломленную рѣшетку. Рука схватила хлѣбъ и унесла. Изабо бросился за воромъ, который бѣжалъ во всю мочь. Изабо погнался за нимъ и догналъ. Воръ бросилъ хлѣбъ, но окровавленная рука обличила его. Это былъ Жанъ Вальжанъ.

Все это случилось въ 1795 г. Жанъ Вальжанъ былъ преданъ суду «за кражу со взломомъ ночью, въ жиломъ домѣ». У него нашли ружье, изъ котораго онъ отлично стрѣлялъ и охотился на чужихъ земляхъ; это ему повредило. Противъ такихъ незаконныхъ охотниковъ существуетъ законное предубѣжденіе. Такіе охотники, такъ же, какъ и контрабандисты, недалеко жили отъ разбойниковъ. Впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, что цѣлая пропасть отдѣляетъ этотъ сортъ людей отъ отвратительныхъ городскихъ убійцъ. Охотникъ, крадущій дичь, живетъ въ лѣсу; контрабандистъ живетъ въ горахъ или на морѣ. Только города создаютъ жестокихъ людей, потому, что они развращаютъ ихъ. Горы, моря, лѣса дѣлаютъ людей дикими, они развиваютъ суровую сторону души, не разрушая часто въ ней человѣческой стороны.

Жана Вальжана признали виновнымъ. Статьи закона ясны. Въ нашей цивилизаціи бываютъ страшные часы, когда уголовные законы высказываются за гибель человѣка. Что можетъ быть печальнѣе той минуты, когда общество удаляетъ и безповоротно отталкиваетъ отъ себя мыслящее существо? Жанъ Вальжанъ былъ приговоренъ къ пятилѣтней каторгѣ.

22 апрѣля 1796 г. въ Парижѣ провозгласили побѣду подъ Монтеноттомъ, одержанную главнокомандующимъ итальянской арміей, названнымъ въ посланіи директоріи къ Пятистамъ отъ 2

флореала IV года Буона-Парте; въ тотъ же самый день въ Бисетрѣ заковали въ цѣпи большую партію арестантовъ. Въ числѣ этой партіи находился и Жанъ Вальжанъ. Одинъ старый тюремщикъ, которому теперь около девяноста лѣтъ, хорошо еще помнитъ этого несчастнаго, который былъ прикованъ въ концѣ четвертой цѣпи, въ сѣверномъ углу двора. Онъ сидѣлъ, какъ и всѣ остальные, на землѣ. Казалось, онъ сознавалъ изъ своего положенія только то, что оно ужасно. Весьма вѣроятно, что въ головѣ этого несчастнаго человѣка бродили неясныя мысли о томъ, что съ нимъ дѣлаютъ что-то слишкомъ жестокое. Въ то время, какъ сильными ударами молота заклепывали желѣзный ошейникъ на его затылкѣ, онъ плакалъ, слезы душили его, онѣ мѣшали ему говорить, и только время отъ времени онъ могъ проговорить: *Я былъ подрѣзальщикомъ деревьевъ въ Фавроллѣ.* Потомъ, продолжая рыдать, онъ поднялъ свою правую руку и постепенно опускалъ ее семь разъ все ниже и ниже, какъ будто онъ послѣдовательно прикасался къ семи неравнымъ головкамъ, и по его жестамъ можно было заключить, что онъ совершилъ свой проступокъ для того, чтобы накормить и одѣть семерыхъ малютокъ.

Его отправили въ Тулонъ. Черезъ двадцать семь дней онъ прибылъ туда въ телѣгѣ съ цѣпью на шеѣ. Въ Тулонѣ на него надѣли красную куртку. Все прошлое его исчезло вплоть до имени: теперь уже не было Жана Вальжана, а былъ № 24601.

Что сталось съ его сестрой? Что сталось съ ея семерыми дѣтьми? Кому до этого какое дѣло? Куда дѣвается горсть листьевъ съ молодого деревца, подрубленнаго подъ корень? Это старая исторія! Эти бѣдныя существа, созданія Божіи, лишенныя поддержки, руководителя, убѣжища, разошлись сами, не зная куда, каждый въ свою сторону и мало-по-малу потонули въ холодномъ густомъ туманѣ, поглощающемъ столько несчастныхъ жертвъ на темномъ пути человѣческаго общества. Они покинули родимый край. Колокольня церкви ихъ маленькаго сельца забыла ихъ; забыли ихъ и межи, окружавшія когда-то ихъ поле; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни на каторгѣ забылъ о нихъ и самъ Жанъ Вальжанъ. Въ его сердцѣ, гдѣ была рана, образовался теперь рубецъ. И только.

Во все время, проведенное имъ въ Тулонѣ, онъ одинъ только разъ получилъ вѣсть о сестрѣ. Это, кажется, было въ концѣ четвертаго года его заключенія. Право, не знаю, черезъ кого получилъ онъ это извѣстіе. Кто-то, знавшій ихъ еще въ деревнѣ, встрѣтилъ его сестру. Она жила въ Парижѣ, въ бѣдной глухой улицѣ Жендръ, около Сенъ-Сюльписа. При ней былъ только одинъ ребенокъ—младшій мальчикъ. Гдѣ были другіе шестеро? Можетъ-быть, она и сама этого не знала

Каждое утро она ходила въ типографію, помѣщавшуюся на улицѣ Сабо, № 3, гдѣ она складывала листы и брошюровала ихъ. Ей нужно было являться на работу къ шести часамъ утра; зимой въ это время еще темно. Въ одномъ домѣ съ типографіей была школа. Въ нее она водила своего маленькаго семилѣтняго мальчика. Но такъ

какъ ей нужно было являться въ типографію къ шести часамъ, а школа отпиралась только въ семь, то мальчику приходилось ждать цѣлый часъ на улицѣ; зимой, ночью, цѣлый часъ на холодѣ! Въ типографію его не пускали, потому что думали, что онъ будетъ тамъ мѣшать. Работники, проходя по утрамъ, видѣли этого бѣднаго малютку, сидѣвшаго и дремавшаго на мостовой, а иногда и спавшаго въ полумракѣ, свернувшись комочкомъ надъ своей корзинкой. Въ дождикъ старушка привратница сжаливалась надъ нимъ и брала его въ свою коморку, гдѣ стояли только плохонькая кровать, прялка да два деревянныхъ стула, и мальчуганъ спалъ тамъ въ углу, прижавшись къ кошкѣ, чтобъ хоть немного отогрѣться. Въ семь часовъ отпиралась школа. Тогда онъ входилъ въ нее. Вотъ и все, что сообщили Жану Вальжану. Этотъ разсказъ былъ мимолетнымъ просвѣтомъ, подобно растворенному окну, въ которое онъ увидалъ дальнѣйшую судьбу этихъ существъ, которыхъ онъ раньше такъ любилъ, а затѣмъ все скрылось во мракѣ; онъ больше никогда ничего не слыхалъ о нихъ, никогда больше не видалъ, не встрѣчалъ ихъ, и во все продолженіе этой печальной исторіи о нихъ не будетъ больше рѣчи.

Къ концу четвертаго года пришла очередь Жана Вальжана бѣжать изъ острога. Ему помогли товарищи, какъ всегда водится въ этомъ печальномъ убѣжищѣ. Онъ бѣжалъ. Онъ скитался на свободѣ два дня по полямъ, если только можно назвать свободой положеніе затравленнаго звѣря; ежеминутныя оглядки, вздрагиваніе отъ каждаго шороха, страхъ предъ всѣмъ: предъ дымомъ жилого дома, предъ прохожимъ, предъ собачьимъ лаемъ, предъ быстро скачущей лошадью, предъ боемъ часовъ, предъ наступающимъ днемъ, потому что свѣтло, предъ наступающей ночью, потому что темно; боязнь дороги, тропинки, каждаго куста, даже сна. Онъ не пилъ, не спалъ въ теченіе тридцати шести часовъ. Военно-морской судъ приговорилъ его за этотъ проступокъ къ прибавкѣ трехъ лѣтъ каторги, что въ общемъ составляло восемь лѣтъ. На шестомъ году снова пришла его очередь къ побѣгу; онъ воспользовался ею, но опять неудачно. Его хватились на перекличкѣ. Раздался пушечный выстрѣлъ, и ночью стража, дѣлавшая обходъ, нашла его спрятаннымъ подъ килемъ строившагося корабля; онъ оказалъ сопротивленіе стражѣ. Это—бѣгство и бунтъ. Такіе случаи, предусмотрѣнные закономъ, увеличиваютъ наказаніе продленіемъ срока на пять лѣтъ, изъ нихъ два года осужденный долженъ носить двойные кандалы. Всего тринадцать лѣтъ. На десятомъ году опять пришла его очередь къ побѣгу. Ему опять не удалось. Три года за этотъ новый побѣгъ Всего шестнадцать лѣтъ. Наконецъ, кажется, на тринадцатомъ году онъ совершилъ послѣднюю попытку и былъ схваченъ послѣ четырехчасовой отлучки. Ему прибавили три года за эти четыре часа. Въ октябрѣ 1815 г. его освободили, а вступилъ онъ на каторгу въ 1796 г. только за то, что разбилъ окно и стащилъ хлѣбъ.

Позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ отъ себя. Авторъ этой книги, въ своихъ изслѣдованіяхъ уложенія о наказаніяхъ и

карахъ во имя закона, встрѣчается со вторымъ случаемъ кражи хлѣба, какъ исходнаго пункта погибели человѣческаго существа. Клодъ Ге укралъ хлѣбъ, Жанъ Вальжанъ укралъ хлѣбъ.

Одинъ англійскій статистикъ доказываетъ, что въ Лондонѣ изъ пяти кражъ четыре имѣютъ непосредственной причиной—голодъ.

Жанъ Вальжанъ поступилъ на каторгу съ рыданіемъ и трепетомъ, а вышелъ оттуда равнодушнымъ. Онъ вошелъ туда въ отчаяніи, а вышелъ мрачнымъ.

Что же произошло въ этой душѣ?

VII.

Внутренняя сторона отчаянія.

Попытаемся это объяснить.

Необходимо, чтобы общество внимательно вглядывалось въ подобные случаи, потому что оно само создаетъ ихъ.

Какъ мы уже говорили, человѣкъ этотъ былъ невѣжественъ, но не тупоуменъ. Въ немъ свѣтился природный умъ. Несчастіе, своего рода просвѣтленіе, усилило пламя, теплившееся въ его душѣ. Подъ палкой, въ кандалахъ, на цѣпи, въ тюрьмѣ, изнемогая отъ усталости, подъ палящимъ солнцемъ ссылки, лежа на койкѣ изъ голыхъ досокъ, онъ ушелъ въ самого себя и размышлялъ.

Онъ сдѣлался своимъ собственнымъ судьей. Онъ началъ разбирать свои поступки. Онъ признавалъ, что наказанъ не безъ вины. Онъ сознавалъ, что совершилъ проступокъ очень нехорошій и достойный порицанія; что, можетъ-быть, ему не отказали бы въ этомъ хлѣбѣ, если бы онъ попросилъ его, что, во всякомъ случаѣ, лучше было бы подождать, чтобы ему дали этотъ хлѣбъ, какъ милостыню или какъ плату за трудъ что вовсе ужъ не такъ безспорно его утвержденіе: развѣ можетъ человѣкъ ждать, когда онъ голоденъ? Во-первыхъ, очень рѣдко встрѣчается, чтобы люди буквально умирали съ голоду; во-вторыхъ, къ счастью или несчастью, человѣкъ такъ созданъ, что можетъ страдать долго и много физически и нравственно, не умирая, и что, слѣдовательно, лучше было бы подождать; терпѣть было бы даже полезнѣе и для маленькихъ дѣтей; вообразивъ себя жалкимъ и несчастнымъ, онъ сдѣлалъ безумный поступокъ, схвативъ за воротъ все общество, думая избавиться отъ нищеты посредствомъ воровства; во всякомъ случаѣ, плохой выходъ изъ нищеты, когда человѣкъ ради этого вступаетъ на путь позора; словомъ, онъ созналъ, что былъ неправъ.

Затѣмъ онъ спросилъ себя: одинъ ли онъ виноватъ во всей этой роковой исторіи? Развѣ не важно то обстоятельство, что онъ, рабочій, не имѣлъ работы; что онъ, такой трудолюбивый, нуждался въ насущномъ хлѣбѣ? Далѣе, если проступокъ совершонъ, и онъ во всемъ признался, не было ли наказаніе слишкомъ жестокимъ, не превышало ли оно, какъ выражаются юристы, «мѣру содѣяннаго», не было ли въ данномъ случаѣ больше насилія со стороны нака-

зующаго закона, чѣмъ со стороны совершившаго преступленіе? И если бы все положить на вѣсы правосудія, то не перевѣсило ли бы искупленіе самый проступокъ? Не уменьшаетъ ли этотъ перевѣсъ значенія самой вины, и не сильнѣе ли преступленіе тѣхъ, которые наказываютъ, чѣмъ проступокъ подсудимаго? Не обращаетъ ли онъ, этотъ перевѣсъ, виновнаго въ жертву, должника въ кредитора, перемѣщая правду на сторону того, кто ее нарушилъ? Не превратилось ли наказаніе, увеличенное за нѣсколько побѣговъ, путемъ насилія сильнаго надъ слабымъ, въ длящееся преступленіе, повторявшееся ежедневно въ продолженіе девятнадцати лѣтъ?

Онъ спрашивалъ себя: въ правѣ ли человѣческое общество предъявлять своимъ членамъ безумную безпечность, съ одной стороны, безжалостную предусмотрительность—съ другой, и справедливо ли ставить несчастнаго человѣка въ тиски между недостаткомъ и чрезмѣрностью, то-есть между недостаткомъ работы и чрезмѣрностью наказанія?

Развѣ это не чрезмѣрная несправедливость со стороны общества—такое отношеніе къ тѣмъ изъ ея членовъ, которые хуже всѣхъ одѣлены, а потому достойны болѣе другихъ сочувственнаго снисхожденія къ нимъ?

Поставивъ и разрѣшивъ эти вопросы, онъ принялся судить общество и осудилъ его.

Осудивъ общество, онъ его возненавидѣлъ.

Онъ призналъ, что общество отвѣтственно за его судьбу и что, можетъ-быть, онъ не задумается потребовать когда-нибудь у него отчета. Онъ уяснилъ себѣ, что нѣтъ равновѣсія между вредомъ, сдѣланнымъ имъ, и вредомъ, сдѣланнымъ ему; онъ пришелъ къ выводу, что его наказаніе, если и не было несправедливостью, то все-таки заключало въ себѣ извѣстную долю беззаконія.

Гнѣвъ можетъ быть безумнымъ и безразсуднымъ, можно раздражаться несправедливо, но возмущаются только тогда, когда чувствуютъ себя правымъ. Жанъ Вальжанъ возмущался.

Притомъ человѣческое общество причиняло ему одно только зло. Онъ видѣлъ только одно его суровое лицо. Людское прикосновеніе причиняло ему лишь боль. Всякое его сношеніе съ людьми доставляло ему только лишнее страданіе. Съ самаго своего дѣтства ни со стороны матери, ни со стороны сестры онъ не слыхалъ никогда ласковаго слова, не видалъ привѣтливаго взгляда. Переходя отъ страданія къ страданію, онъ пришелъ мало-по-малу къ тому заключенію, что жизнь—война и что въ этой войнѣ онъ былъ изъ числа побѣжденныхъ. У него не было другого орудія, кромѣ ненависти. Онъ рѣшилъ отточить его на каторгѣ и унести его съ собою, когда будетъ свободенъ

Въ Тулонѣ для каторжниковъ имѣлась школа, устроенная невѣжественными монахами, гдѣ преподавалось желающимъ самое необходимое. Жанъ былъ изъ числа желающихъ. Онъ пошелъ въ школу сорока лѣтъ, выучился читать, писать, считать. Онъ чувствовалъ, что, укрѣпляя свой умъ, онъ укрѣпляетъ и свою ненависть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ знаніе и просвѣщеніе могутъ служить орудіемъ зла.

Грустно признаться, что, осудивъ общество, создавшее его несчастіе, онъ осудилъ Провидѣніе, создавшее общество. Итакъ, въ продолженіе девятнадцатилѣтней пытки и рабства, душа его одновременно поднялась и пала. Съ одной стороны, въ нее вошелъ свѣтъ, съ другой—мракъ.

По природѣ Жанъ Вальжанъ, какъ мы видѣли, не былъ плохимъ человѣкомъ. Онъ былъ еще добрымъ, когда пришелъ на каторгу, но, осудивъ общество, онъ почувствовалъ, что сдѣлался злымъ; осудивъ Провидѣніе, онъ почувствовалъ, что сталъ безбожникомъ.

Трудно не остановиться на этомъ вопросѣ и не поразмыслить: можетъ ли человѣческая природа измѣниться такимъ кореннымъ образомъ? Можетъ ли человѣкъ, котораго Богъ создалъ добрымъ, сдѣлаться по винѣ людей злымъ? Можетъ ли пересоздаться душа подъ гнетомъ судьбы и сдѣлаться злой потому только, что судьба была зла? Можетъ ли сердце исказиться и пріобрѣсти неизлѣчимыя уродства подъ гнетомъ непосильнаго страданія, какъ горбится позвоночный столбъ въ черезчуръ низкомъ помѣщеніи? Не существуетъ ли вообще въ человѣческой душѣ, и не существовало ли въ частности въ душѣ Жана Вальжана той искры Божіей, несокрушимой въ этомъ мірѣ, безсмертной въ будущей жизни, которая подъ вліяніемъ добра развивается, разгорается и свѣтитъ яркими лучами, и которую зло никогда не можетъ окончательно погасить?—Вопросы важные и темные.

На послѣдній изъ этихъ вопросовъ всякій физіологъ отвѣтилъ бы, вѣроятно, безъ запинки *нѣтъ*, если бъ ему только пришлось видѣть въ Тулонѣ Жана Вальжана въ часы отдыха, бывшіе для него часами размышленія, какъ онъ сидѣлъ, скрестивъ руки, на поперечникѣ какого-нибудь ворота, спрятавъ конецъ цѣпи въ карманъ, чтобъ онъ не волочился. Этотъ каторжникъ сидѣлъ угрюмый, серьезный, молчаливый, задумчивый, какъ отверженецъ законовъ, смотрѣвшій со злобой на человѣка и взиравшій съ суровостью на небо. Безъ сомнѣнія, и мы не скроемъ этого, что физіологъ-наблюдатель призналъ бы въ данномъ случаѣ неизлѣчимый недугъ; можетъ-быть, онъ и пожалѣлъ бы этого человѣка, искалѣченнаго жизнью, но не сталъ бы лѣчить его; онъ отвернулся бы отъ язвъ, зіявшихъ въ этой душѣ, и какъ Дантъ съ воротъ ада, стеръ бы съ нея то слово, которое Богъ, однако, начерталъ на челѣ каждаго человѣка: — *Надежда!*

Это состояніе его души, которое мы пытались проанализировать, было ли оно такъ ясно для Жана Вальжана, какъ мы представили читателямъ этой книги? Могъ ли ясно разобраться Жанъ Вальжанъ въ тѣхъ элементахъ, которые мало-по-малу наслаивались и образовали его нравственное убожество? Могъ ли этотъ грубый и невѣжественный человѣкъ разобраться въ той послѣдовательности идей, черезъ которыя онъ шелъ шагъ за шагомъ, поднимаясь и спускаясь до мрачныхъ выводовъ, составлявшихъ въ теченіе столькихъ лѣтъ внутренній горизонтъ его ума? Сознавалъ ли онъ все то, что произошло съ нимъ, и все то, что волновало его душу?—Этого мы не рѣшимся утверждать; мы даже не вѣримъ этому.

Жанъ Вальжанъ былъ слишкомъ невѣжественъ, и даже послѣ столькихъ несчастій въ душѣ его оставалось много неопредѣленнаго. Минутами онъ даже ясно не сознавалъ того, что испытывалъ. Жанъ Вальжанъ ходилъ во тьмѣ, страдалъ во тьмѣ, ненавидѣлъ во тьмѣ, можно было бы даже сказать, что онъ ненавидѣлъ все ощупью. Онъ жилъ въ этой тьмѣ, бродилъ, какъ слѣпецъ и какъ мечтатель. Иногда только подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, въ немъ внезапно пробуждался порывъ злобы, припадокъ страданія, освѣщавшій, подобно блѣдной и быстрой молніи, всю его душу и наводившій страшный свѣтъ на все вокругъ него: впереди и позади, при свѣтѣ зловѣщаго свѣта, онъ видѣлъ безобразныя пропасти и мрачныя извилины своей души.

Молнія промелькнула и отсверкала, спустилась снова ночь, и онъ самъ не зналъ, гдѣ онъ находится.

Особенность тѣхъ наказаній, въ которыхъ преобладаетъ ожесточеніе, состоитъ въ томъ, что они вызываютъ отупѣніе и, умерщвляя въ человѣкѣ его духовныя стороны, превращаютъ его въ дикаго, а иногда даже и въ кровожаднаго звѣря. Настойчивыя и постоянныя попытки къ бѣгству Жана Вальжана служатъ достаточнымъ доказательствомъ этой внутренней переработки, совершаемой закономъ надъ человѣческой душой. Жанъ Вальжанъ готовъ былъ возобновлять эти попытки, вполнѣ безполезныя и безумныя, столько же разъ, сколько представлялось къ нимъ случаевъ, не размышляя ни минуты надъ результатомъ и надъ сдѣланными уже опытами. Онъ бѣжалъ стремительно, какъ бѣжитъ волкъ, который видитъ, что клѣтка открыта. Инстинктъ говорилъ ему: «Спасайся!» Разумъ сказалъ бы ему: «Останься!» Но передъ такимъ сильнымъ искушеніемъ разумъ молчалъ, оставался одинъ лишь инстинктъ. Дѣйствовалъ исключительно звѣрь. Когда его ловили и налагали на него новыя наказанія, они только усиливали его одичаніе.

Не нужно упускать изъ виду, что Жанъ Вальжанъ обладалъ огромной физической силой, которой не было равной среди обитателей каторги. За работой—приходилось ли опускать канатъ, чтобы вертѣть шпиль,—Жанъ Вальжанъ замѣнялъ собою четырехъ человѣкъ. Онъ поднималъ и носилъ иногда на спинѣ громадныя тяжести и замѣнялъ при случаѣ инструментъ, называемый домкратомъ, который въ старину называли orgueil, отчего, скажемъ въ скобкахъ, произошло названіе улицы Montorgueil, лежащей близъ парижскихъ рынковъ. Его товарищи прозвали его Жаномъ-Домкратомъ. Разъ, когда исправляли балконъ тулонской ратуши, одна изъ восхитительныхъ каріатидъ знаменитаго Пюжэ, поддерживающая балконъ, отдѣлилась отъ стѣны и чуть не упала. Жанъ Вальжанъ, находившійся поблизости, поддержалъ плечомъ статую, пока не подбѣжали рабочіе.

Проворство было въ немъ развито еще больше, чѣмъ сила. Нѣкоторые каторожники, мечтавшіе постоянно о побѣгахъ, создаютъ изъ силы, соединенной съ проворствомъ, настоящую на-

уку. Это — наука мускуловъ. Цѣлая таинственная статика практикуется всякій день арестантами, вѣчно завидующими мухамъ и птицамъ. Подняться по отвѣсной стѣнѣ и найти точку опоры въ незамѣтныхъ выступахъ было игрушкой для Жана Вальжана. По данному углу стѣны одной силой мускуловъ спины и икръ, цѣпляясь локтями и пятками за неровности каменной постройки, онъ, какъ бы волшебствомъ, вскарабкивался до третьяго этажа. Иногда онъ поднимался, такимъ образомъ, до крыши тюрьмы.

Жанъ Вальжанъ мало говорилъ и совсѣмъ не смѣялся. Только какое-нибудь необычайное возбужденіе могло вызвать въ немъ разъ или два въ годъ взрывъ каторжнаго хохота, похожаго на отзвукъ демонскаго смѣха. Казалось, глядя на него, что онъ занятъ постояннымъ созерцаніемъ чего-то ужаснаго.

Онъ, на самомъ дѣлѣ, былъ весь поглощенъ своими мыслями. Сквозь болѣзненное умозрѣніе недоразвитой индивидуальности онъ неясно чувствовалъ тяготѣніе надъ собою чего-то чудовищнаго. Въ той полутьмѣ, въ которой онъ пресмыкался, задыхаясь отъ злобы и ужаса, онъ видѣлъ всякій разъ, когда старался вглядѣться въ происходящее вокругъ него, какой-то страшный хаосъ событій, законовъ, предразсудковъ, людей и фактовъ, очертанія которыхъ онъ не могъ уловить, но которые угнетали его своей массой, бывшей не чѣмъ инымъ, какъ чудовищной пирамидой, которая внушала ему ужасъ, а у насъ называется цивилизаціей. Онъ различалъ въ этой движущейся и перепутанной массѣ то здѣсь, то тамъ, то вдали, то на недосягаемой высотѣ какую-нибудь ярко освѣщенную группу: то смотрителя съ палкой, то жандарма съ саблей, то епископа въ митрѣ и на самомъ верху—Наполеона, окруженнаго лучами солнца и съ сіяющей короной на головѣ. Ему казалось, что всѣ эти недосягаемыя великолѣпія не только не разсѣиваютъ, а, напротивъ, сгущаютъ мракъ окружающей его ночи. Все это: законы, предразсудки, факты, люди, предметы проходили надъ нимъ взадъ и впередъ, подчиняясь сложному и таинственному движенію цивилизаціи, и все это топтало и давило его съ какой-то спокойною жестокостью и безжалостнымъ равнодушіемъ. Души, опустившіяся до самаго дна крайняго горя, всѣ несчастные, потерянные люди, пресмыкающіеся въ такихъ безднахъ, куда боится заглянуть глазъ человѣческій, всѣ отверженцы закона, чувствуютъ на себѣ гнетъ человѣческаго общества, столь страшнаго для находящихся внѣ его и столь ужаснаго для находящагося внизу.

Въ такомъ-то настроеніи размышлялъ Жанъ; каковъ же строй мысли долженъ былъ у него быть?

Если бы пшеничное зерно, лежащее подъ жерновомъ, могло мыслить, то оно, безъ сомнѣнія, мыслило бы точно такъ, какъ мыслилъ Жанъ Вальжанъ.

Всѣ эти вещи, вся эта дѣйствительность, полная призраковъ, вся эта фантасмогорія, полная дѣйствительности, создали ему почти необъяснимую внутреннюю жизнь. Иногда онъ останавливался посреди работы на каторгѣ. Онъ начиналъ думать. Его разумъ, болѣе зрѣлый, чѣмъ прежде, но еще смутный, возмущался. Все

случившееся съ нимъ казалось ему нелѣпостью; все окружавшее его казалось ему чѣмъ-то невозможнымъ. Онъ говорилъ себѣ: «Это—сонъ». Онъ видѣлъ острожнаго надзирателя, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него,—надзиратель казался ему призракомъ; и вдругъ этотъ призракъ бьетъ его палкой!

Внѣшняя природа, повидимому, для него не существовала. Почти можно было сказать, что для Жана Вальжана не существовало ни солнца, ни прекрасныхъ лѣтнихъ дней, ни яснаго неба, ни свѣжихъ апрѣльскихъ зорь. Душа его вѣчно витала въ какомъ-то полумракѣ могильнаго склепа.

Чтобы сдѣлать заключительный выводъ изъ всего переданнаго нами читателю, мы ограничимся указаніемъ, что въ продолженіе девятнадцати лѣтъ Жанъ Вальжанъ изъ смирнаго подрѣзальщика деревьевъ въ Фавероллѣ превратился въ грознаго каторжника и сталъ способенъ на дурные поступки двухъ родовъ: во-первыхъ, на внезапный дурной поступокъ, быстрый, необдуманный, чисто инстинктивный, подъ смутнымъ вліяніемъ мести за испытанныя мученія; во-вторыхъ, на обдуманный дурной поступокъ, серьезный, преднамѣренный, провѣренный совѣстью и основанный на ложномъ размышленіи, которое вырабатывается подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго горя. Его размышленія проходили черезъ три послѣдовательные фазиса развитія, свойственнаго только натурамъ извѣстнаго закала: эти три фазиса—разсужденіе, воля, упрямство. Двигателями его поступковъ являлись: крайнее раздраженіе, душевная горечь, глубокое сознаніе перенесенныхъ несправедливостей и злоба даже противъ добрыхъ, невинныхъ и справедливыхъ людей, если только такіе существуютъ на свѣтѣ. Исходной точкой его мыслей была ненависть къ человѣческимъ законамъ. Если такая ненависть не встрѣтитъ на своемъ пути случайно какой-нибудь благодѣтельной преграды, то можетъ постепенно развиться въ ненависть къ обществу, къ человѣческому роду, даже ко всему существующему, которая будетъ выражаться въ постоянномъ и неутомимомъ желаніи вредить базразлично всякому живому существу. Какъ видно, на паспортѣ Жана Вальжана не безъ основанія было отмѣчено, что онъ *человѣкъ очень опасный*.

Съ годами эта душа, мало-по-малу, медленно черствѣла. При сухомъ сердцѣ и глаза сохнутъ. Когда его освободили съ каторги, прошло девятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ не пролилъ ни единой слезы.

VIII.

Волна и мракъ.

Человѣкъ упалъ въ море!

Что за дѣло! Корабль не останавливается. Вѣтеръ дуетъ, слѣдовательно, этотъ темный корабль долженъ продолжать свой путь. Онъ плыветъ дальше. Человѣкъ исчезаетъ и опять показывается, то погружается, то снова выплываетъ на поверхность. Онъ зоветъ, простираетъ руки, никто его не слышитъ. Корабль, вздрагивая подъ напоромъ урагана, весь поглощенъ маневромъ. Матро-

сы и пассажиры уже не видятъ утопающаго человѣка; его жалкая голова—не болѣе точки въ безконечномъ пространствѣ волнъ.

Отчаянные крики его теряются въ пространствѣ. Парусъ исчезаетъ, какъ привидѣніе. Утопающій глядитъ на него, глядитъ безумно. Парусъ удаляется, блѣднѣетъ, уменьшается. Нѣсколько минутъ тому назадъ несчастный былъ еще на кораблѣ, былъ членомъ экипажа, ходилъ по палубѣ вмѣстѣ съ другими, имѣлъ свою долю воздуха и солнца, жилъ. Что же случилось съ нимъ? Онъ поскользнулся, упалъ,—и все кончено. Онъ въ чудовищной массѣ воды. Подъ его ногами все уплываетъ, все рушится. Его окружаютъ громадныя волны, разсѣкаемыя вѣтромъ, его крутитъ пучина, морская пѣна обдаетъ его голову, волны брызгаютъ на него, страшныя бездны стараются его поглотить. При каждомъ погруженіи онъ видитъ темныя пропасти. Ужасныя неизвѣстныя растенія хватаютъ его, окутываютъ его ноги, тянутъ къ себѣ. Онъ чувствуетъ, что самъ становится частью бездны, превращается въ пѣну. Волны перебрасываются имъ между собою, онъ глотаетъ горечь, гнусный океанъ желаетъ его утопить, громадина играетъ его агоніей. Кажется, что вся эта вода—одна сплошная ненависть. Однако онъ еще борется.

Онъ старается оборониться, удержаться, напрягаетъ послѣднія силы, плыветъ. Онъ—эта ничтожная сила, такъ быстро истощающаяся, хочетъ побороть непобѣдимое.

Но гдѣ же корабль? Вонъ тамъ. Едва видимый на блѣдномъ, темномъ горизонтѣ. Кругомъ бушуетъ буря; ураганъ одолѣваетъ его. Онъ поднимаетъ глаза и видитъ только багровыя тучи. Умирая, онъ присутствуетъ при бѣснованіи моря. Его мучитъ это бѣснованіе! Ему чудятся незнакомые человѣку звуки, какіе-то неземные звуки, выходящіе изъ какихъ-то страшныхъ, невѣдомыхъ мѣстъ.

Въ облакахъ рѣютъ птицы, но чѣмъ онѣ могутъ ему помочь? Все это летаетъ, поетъ, рѣетъ, а онъ уже хрипитъ.

Онъ чувствуетъ себя погребеннымъ между двумя безконечностями, между океаномъ и небомъ; первый—его могила, второе—саванъ.

Наступила ночь, прошло нѣсколько часовъ, какъ онъ плаваетъ, онъ выбился уже изъ силъ. Корабль, этотъ далекій предметъ, на которомъ были люди, скрылся. Онъ одинъ посреди страшной бездонной пропасти; онъ тонетъ, корчится, но чувствуетъ надъ собою лишь чудовищныя волны. Онъ зоветъ.

Онъ зоветъ: «Помогите хотя кто-нибудь!» Онъ продолжаетъ звать.

Ничего не видать ни на горизонтѣ, ни на небѣ.

Онъ умоляетъ пространство, волны, водоросли, утесы, но все глухо!

Онъ молитъ бурю, но равнодушная буря послушна лишь міровымъ законамъ.

Вокругъ него мракъ, туманъ, одиночество, безсознательный бурный шумъ, безконечный плескъ грозныхъ волнъ. Въ немъ са-

момъ ужасъ и утомленіе. Подъ нимъ бездна. Нигдѣ нѣтъ точки опоры. Ему чудится то, что долженъ чувствовать трупъ въ безграничномъ міракѣ неизвѣстнаго. Холодъ парализуетъ его. Руки его судорожно ловятъ пустоту. Бѣжитъ вѣтеръ, мчатся тучи, свѣтятъ безполезныя звѣзды... Что дѣлать?

Онъ пересталъ надѣяться, онъ готовъ умереть, онъ перестаетъ бороться, онъ плыветъ по теченію, отдается на волю стихіи и погружается навсегда въ мрачную пропасть забвенія.

О, неумолимый ходъ человѣческаго общества! На своемъ пути оно губитъ людей и души! Океанъ поглощаетъ все, что выбрасываетъ законъ! Полное отсутствіе помощи! О, нравственная смерть!

Море, это—неумолимая соціальная ночь, куда уголовные законы бросаютъ приговоренныхъ. Море, это—безграничное отчаяніе.

Душа, погруженная въ эту бездну, можетъ превратиться въ трупъ. Кто ее воскреситъ?

IX.

Новыя обиды.

Когда пришелъ часъ покинуть каторгу, когда Жанъ Вальжанъ услыхалъ непривычныя слова: *Ты свободенъ!*—эта минута показалась ему невѣроятной и необычайной. Лучъ яркаго свѣта, истиннаго свѣта живого міра внезапно проникъ въ его душу. Но этотъ лучъ не замедлилъ поблѣднѣть. Жанъ Вальжанъ былъ ослѣпленъ мыслью о свободѣ. Онъ повѣрилъ, что для него возможна новая жизнь. Онъ скоро увидалъ, какова эта свобода съ желтымъ паспортомъ.

Ему пришлось испытать и другія разочарованія. Онъ разсчитывалъ, что его заработокъ, за время его пребыванія на каторгѣ, долженъ былъ достичь до ста семидесяти одного франка. Надо прибавить, что онъ забылъ поставить въ эти расчеты вынужденный воскресный и праздничный отдыхъ, который въ общемъ за девятнадцать лѣтъ уменьшилъ его заработокъ, приблизительно, на двадцать четыре франка. Какъ бы то ни было, благодаря разнымъ мѣстнымъ вычетамъ, этотъ заработокъ уменьшился до ста девяти франковъ, которые ему и вручили при выходѣ съ каторги. Онъ ничего не понялъ и считалъ себя обиженнымъ, или, попросту, обворованнымъ.

На другой день послѣ освобожденія въ Грассѣ онъ увидалъ передъ воротами завода для перегонки померанцевой воды людей, разгружавшихъ тюки.

Онъ предложилъ свои услуги. Работа была спѣшная, его приняли... Онъ принялся за работу. Онъ былъ способный, сильный, ловкій, и трудился изъ всѣхъ силъ. Хозяинъ, казалось, былъ доволенъ. Въ то время, какъ онъ работалъ, проходившій мимо жандармъ замѣтилъ его и спросилъ у него документы. Поневолѣ пришлось показать свой желтый паспортъ. Затѣмъ Жанъ Вальжанъ снова принялся за работу. Передъ этимъ онъ спросилъ у одного зиъ рабочихъ, сколько они получаютъ за эту поденную работу;

ему отвѣтили: *Тридцать су*. Когда пришелъ вечеръ, въ виду того, что ему нужно было рано утромъ продолжать свой путь, онъ подошелъ къ хозяину завода и просилъ разсчитать его. Хозяинъ, не сказавъ ни слова, далъ ему пятнадцать су. Онъ началъ спорить. Ему отвѣчали: *Будетъ съ тебя и этого*. Онъ настаивалъ. Хозяинъ пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ ему: «А въ тюрьму хочешь?»

Онъ еще разъ счелъ, что его обокрали.

Общество, государство, уменьшивъ его заработокъ, обокрало его оптомъ. Теперь наступила очередь частнаго лица, которое обокрало его въ розницу.

Освобожденіе не всегда равносильно оправданію. Освобождаются отъ каторги, но не отъ преслѣдованія.

Вотъ что съ нимъ случилось въ Грассѣ. Намъ уже извѣстно, какъ его приняли въ Динѣ.

X.

Пробужденіе человѣка.

Однако, когда на соборной колокольнѣ пробило два часа пополуночи, Жанъ Вальжанъ проснулся.

Проснулся онъ потому, что постель его была слишкомъ мягка.

Прошло почти двадцать лѣтъ, какъ онъ не спалъ на мягкой постели и, хотя онъ не раздѣвался, все же ощущеніе было настолько непривычное, что нарушило его сонъ.

Онъ спалъ болѣе четырехъ часовъ. Усталость его прошла. Онъ не привыкъ много спать.

Открывъ глаза и всматриваясь нѣсколько минутъ въ темноту, онъ снова закрылъ ихъ, силясь заснуть.

Человѣкъ, пережившій въ теченіе дня много впечатлѣній, озабоченный разными вопросами, легко засыпаетъ съ вечера, но разъ онъ проснется, ему ужъ больше не спится. Сонъ приходитъ легче, чѣмъ возвращается. То же случилось и съ Жаномъ Вальжаномъ. Онъ не могъ больше заснуть и принялся размышлять.

Въ это время онъ былъ въ томъ состояніи духа, когда мысли какъ-то путаются въ головѣ. Въ мозгу его происходила сумятица. Старыя воспоминанія и непосредственныя впечатлѣнія перемѣшивались и путались, то теряли свою форму, то преувеличенно разрастались, потомъ внезапно исчезали, точно падая въ мутную и взбаломученную воду. Разныя мысли приходили ему въ голову, но лишь одна настойчиво преслѣдовала его, отгоняя всѣ остальныя. Эта мысль, мы ее сейчасъ объяснимъ: онъ замѣтилъ шесть серебряныхъ приборовъ и одну большую суповую ложку, которые m-me Маглуаръ раскладывала на столѣ

Эти шесть серебряныхъ приборовъ не давали ему покоя. Они были здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ. Въ то время, какъ онъ проходилъ черезъ комнату рядомъ, чтобы попасть въ ту, въ которой онъ сейчасъ находится, старая служанка убирала ихъ въ небольшой шкапчикъ у изголовія кровати. Онъ хорошо замѣтилъ этотъ шкап-

чикъ. По выходѣ изъ столовой онъ будетъ справа. Приборы были массивные, изъ стариннаго серебра. За нихъ, вмѣстѣ съ суповой ложкой, можно было выручить, по крайней мѣрѣ, франковъ двѣсти: вдвое больше, чѣмъ онъ заработалъ въ девятнадцать лѣтъ. Правда, онъ заработалъ бы больше, если бъ *администрація его не обокрала*.

Онъ провелъ около часа въ колебаніяхъ. Въ нихъ выражалась вся его душевная борьба. Пробило три часа. Онъ снова открылъ глаза, быстро приподнялся на своей постели, протянулъ руки и ощупалъ свой мѣшокъ, который онъ бросилъ въ уголъ алькова, потомъ свѣсилъ ноги и безсознательно сѣлъ на кровати. Онъ просидѣлъ въ раздумьи нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи. Невольный ужасъ напалъ бы на того, кто увидалъ бы этого человѣка въ такомъ состояніи, сидящаго въ потемкахъ въ домѣ, въ которомъ все кругомъ спало. Вдругъ онъ нагнулся, снялъ свои башмаки и поставилъ ихъ на коврикъ около кровати, потомъ какъ бы замеръ и глубоко задумался.

Среди этихъ мерзкихъ размышленій, мысль, на которую мы указали, постоянно бродила въ его головѣ. Она то являлась, то исчезала, то снова появлялась, не давала ему покоя, и въ то же время, самъ не зная почему, среди этой мысли, онъ машинально вспомнилъ объ одномъ знакомомъ каторжникѣ Бреве, у котораго панталоны держались только на одной вязаной подтяжкѣ. Рисунокъ шашками у этой подтяжки назойливо преслѣдовалъ его.

Онъ продолжалъ все сидѣть не двигаясь, и просидѣлъ бы, вѣроятно, такъ до утра, если бы часы не пробили одинъ ударъ— четверть, или половину. Этотъ ударъ какъ будто сказалъ ему: «Иди!» Онъ всталъ на ноги, поколебался еще нѣсколько минутъ и прислушался. Все было тихо въ домѣ: тогда онъ небольшими шажками подошелъ къ окошку, которое неясно вырисовывалось въ темнотѣ. Ночь была не темная. На небѣ была полная луна, затемнявшаяся набѣгавшими по временамъ облаками, гонимыми вѣтромъ, почему на дворѣ и происходила смѣна тѣни и свѣта, а въ комнатѣ царствовалъ колеблющійся полумракъ, напоминавшій свѣтъ скрытаго въ какомъ-нибудь подземельѣ фонаря, мимо котораго проходили взадъ и впередъ случайные прохожіе. Подойдя къ окну, Жанъ Вальжанъ началъ его разсматривать; оно было безъ рѣшетки, выходило въ садъ и было заперто, по мѣстному обычаю, изнутри задвижкой. Онъ открылъ его, но пахнувшая рѣзкая и холодная струя воздуха заставила его снова затворить окно. Онъ всматривался въ садъ испытующимъ внимательнымъ взглядомъ. Садъ былъ окруженъ бѣлой стѣной, довольно низкой, черезъ которую легко было перелѣзть. Вдали онъ различалъ верхушки деревьевъ, посаженныхъ на равномъ разстояніи одно отъ другого. Это указывало, что за стѣной находится или другой садъ, или улица, обсаженная деревьями.

Покончивъ съ этимъ осмотромъ, онъ, повидимому, рѣшившись на что-то, прямо направился къ алькову, взялъ свою котомку, открылъ ее, вынулъ изъ нея какую-то вещь и положилъ ее на

кровать, потомъ сунулъ свои башмаки въ одинъ изъ кармановъ, завязалъ котомку, взвалилъ ее на плечи, надѣлъ фуражку и, надвинувъ козырекъ на глаза, ощупью отыскалъ свою палку. Поставивъ ее на окно въ уголъ, онъ вернулся къ кровати и рѣшительно схватилъ вещь, лежавшую на ней. Она была похожа на небольшую, заостренную съ одного конца, палку.

Трудно было опредѣлить въ темнотѣ назначеніе этой вещи. Можетъ-быть, это былъ слесарный инструментъ, можетъ-быть,—палица? Днемъ всякій бы узналъ, что это былъ просто подсвѣчникъ рудокоповъ. Въ то время заставляли иногда каторжниковъ добывать гранитъ изъ холмистой возвышенности Тулона и нерѣдко имъ выдавали орудія рудокоповъ. Подсвѣчники рудокоповъ сдѣланы изъ массивнаго желѣза и оканчиваются остреемъ, вонзаемымъ въ утесъ.

Взявъ подсвѣчникъ въ правую руку и сдерживая дыханіе, онъ на цыпочкахъ направился въ сосѣднюю комнату, служившую, какъ извѣстно, епископу спальней. Дойдя до двери, онъ нашелъ ее полуотворенной. Епископъ даже не затворилъ ея какъ слѣдуетъ

XI.

Что онъ дѣлаетъ.

Жанъ Вальжанъ прислушался. Кругомъ царила тишина

Онъ толкнулъ дверь

Онъ толкнулъ ее кончикомъ пальца, съ осторожностью крадущейся въ комнату кошки.

Дверь поддалась толчку и пріотворилась немного больше. Онъ подождалъ съ минуту, потомъ толкнулъ дверь въ другой разъ, но уже смѣлѣе. Она продолжала поддаваться безъ шуму. Отверстіе стало настолько велико, что онъ могъ теперь пройти въ него, но у самой двери стоялъ маленькій столикъ, загораживавшій входъ.

Жанъ Вальжанъ замѣтилъ это препятствіе. Нужно было во что бы то ни стало расширить отверстіе.

Онъ рѣшился въ третій разъ толкнуть дверь, но уже сильнѣе. Дверь поддалась, но заржавленныя петли рѣзко и продолжительно заскрипѣли. Жанъ Вальжанъ затрясся. Скрипъ этотъ, раздавшійся въ его ушахъ, показался ему чѣмъ-то потрясающимъ, зловѣщимъ, похожимъ на трубные звуки Страшнаго суда.

Въ фантастическомъ преувеличеніи перваго испуга ему почти представилось, что этотъ скрипъ оживился сверхъестественной жизнью и залаялъ, какъ собака, чтобы разбудить спящихъ людей.

Онъ остановился, дрожа отъ страха, взволнованный, и ступилъ съ цыпочекъ на всю ногу. Артеріи стучали въ его вискахъ, подобно кузнечнымъ молотамъ, самое дыханіе казалось ему похожимъ на свистъ вѣтра, вырывающагося изъ какого-нибудь подземелья. Ему казалось невозможнымъ, чтобы этотъ ужасный скрипъ петель не потрясъ всего дома, какъ землетрясеніе. Дверь отъ его толчка подняла тревогу: проснется старикъ, закричатъ обѣ ста-

рухи, къ нимъ придутъ на помощь; не пройдетъ и четверти часа, какъ весь городъ будетъ въ волненіи, и явятся жандармы. Одно мгновеніе онъ считалъ себя погибшимъ.

Онъ стоялъ неподвижно, подобно соляному столбу, боясь сдвинуться съ мѣста.

Прошло нѣсколько минутъ. Дверь была отворена настежь. Онъ рѣшился заглянуть въ комнату. Никто не шевелился. Онъ прислушался. Во всемъ домѣ была страшная тишина. Скрипъ ржавой петли никого не разбудилъ.

Когда опасность миновала, онъ все еще дрожалъ отъ страха, но, однако, не отступилъ даже въ то время, когда считалъ себя погибшимъ. Желая лишь поскорѣе покончить задуманное, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и вошелъ въ комнату.

Въ комнатѣ царила тишина. Кое-гдѣ, въ полумракѣ, виднѣлись неясныя очертанія предметовъ; то были разбросанныя бумаги на столѣ, открытые фоліанты, нагроможденныя книги на табуретѣ, кресло, на которомъ была сложена одежда, молитвенный налой,—все это въ полумракѣ представлялось темными фигурами съ бѣлыми пятнами. Жанъ Вальжанъ осторожно пробирался, боясь задѣть мебель. Изъ глубины комнаты доносилось равномѣрное, спокойное дыханіе спящаго епископа.

Вдругъ онъ остановился. Онъ былъ около кровати и подошелъ къ ней скорѣе, чѣмъ ожидалъ.

Сама природа своими эффектами и картинами, являющимися иногда очень кстати, наводитъ человѣка на размышленія. Около получаса большая туча заволакивала все небо, но въ ту минуту, когда Жанъ Вальжанъ остановился передъ кроватью, туча какъ бы нарочно разорвалась, и лунный свѣтъ, проникнувъ черезъ окно, внезапно освѣтилъ блѣдное лицо епископа. Онъ спалъ спокойнымъ сномъ. Такъ какъ ночи въ Альпахъ холодны, то епископъ ложился спать почти одѣтымъ, темно-коричневые рукава шерстяного подрясника закрывали до кистей его руки. Съ запрокинутой на подушку головой, онъ лежалъ въ положеніи полнѣйшаго покоя; рука его, украшенная епископскимъ перстнемъ, свѣсилась съ кровати,—рука, сдѣлавшая столько добра и столько святыхъ дѣлъ. Все лицо его какъ бы дышало выраженіемъ довольства, надежды и блаженства. Оно больше чѣмъ улыбалось—оно сіяло. На его челѣ видно было отраженіе внутренняго скрытаго просвѣтлѣнія. Душа праведника во время сна созерцаетъ таинственное небо.

На лицѣ епископа отражалось это небо.

Но въ то же время это сіяніе свѣтилось изнутри, потому что это небо жило внутри его. Это небо было его совѣстью.

Въ ту минуту, когда свѣтъ луны слился, такъ сказать, съ этимъ внутреннимъ свѣтомъ, спящій епископъ явился какъ бы окруженный сіяніемъ. Впрочемъ, сіяніе это рисовалось въ какомъ-то нѣжномъ и привѣтливомъ полумракѣ. Эта луна на небѣ, эта дремлющая природа, этотъ уснувшій садъ, этотъ домъ, полный покоя, поздній часъ и тишина—придавали какую-то невыразимую торжествен-

ность отдыху этого человѣка и окружали величественнымъ и свѣтлымъ ореоломъ эти сѣдые волосы, эти закрытые глаза, весь этотъ обликъ, въ которомъ сливались надежда и вѣра,—эту голову старца и этотъ сонъ младенца.

Было что-то почти божественное въ этомъ человѣкѣ, который былъ такъ величественъ въ своемъ покоѣ.

Жанъ Вальжанъ стоялъ въ тѣни, держа въ рукахъ желѣзный подсвѣчникъ, и смотрѣлъ смущенный, неподвижный, испуганный на сіяющее лицо старца. Ничего подобнаго онъ никогда не видалъ. Эта довѣрчивость страшила его. Въ нравственномъ мірѣ нѣтъ ничего величественнѣе зрѣлища нечистой и смущенной совѣсти, стоящей на краю дурного поступка и созерцающей сонъ праведника.

Этотъ сонъ въ такомъ уединеніи и съ такимъ ужаснымъ сосѣдомъ заключалъ въ себѣ что-то величественное, которое Жанъ Вальжанъ неопредѣленно, но настойчиво чувствовалъ.

Никто не могъ бы сказать, что происходило въ немъ, даже онъ самъ. Для того, чтобы попытаться дать себѣ отчетъ въ его ощущеніяхъ, надо сопоставить все самое грубое и все самое нѣжное. Даже на его лицѣ нельзя было уловить какого-нибудь опредѣленнаго выраженія. Оно выражало только угрюмое изумленіе. Онъ только смотрѣлъ. Вотъ и все. Но что онъ думалъ? Невозможно было отгадать. Очевидно, было только то, что онъ былъ взволнованъ и потрясенъ. Но какой характеръ носило это волненіе?

Онъ не отрывалъ взгляда отъ старика. Единственно, что выражалось ясно на его лицѣ и въ его позѣ, это—страшная нерѣшительность. Можно было сказать, что онъ колебался между двумя безднами: между той, гдѣ гибнутъ, и той, гдѣ спасаются. Казалось, онъ былъ готовъ размозжить этотъ черепъ или поцѣловать эту руку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ медленно поднесъ лѣвую руку ко лбу, снялъ фуражку, потомъ руки его такъ же медленно опустились, и Жанъ Вальжанъ снова впалъ въ созерцаніе, держа въ лѣвой рукѣ свою фуражку, въ правой—палицу, между тѣмъ, какъ волосы щетинились вокругъ его угрюмаго лица.

Епископъ продолжалъ спать тихимъ сномъ подъ этимъ ужаснымъ взоромъ. Лунный свѣтъ ясно очерчивалъ висѣвшіе надъ каминомъ Распятіе, которое какъ бы простирало руки надъ обоими благословляя одного и прощая другого.

Внезапно Жанъ Вальжанъ надѣлъ фуражку на голову, потомъ быстро, не глядя на епископа, прошелъ вдоль кровати прямо къ шкапчику, виднѣвшемуся у изголовья, и поднялъ желѣзный подсвѣчникъ, чтобы взломать имъ замокъ, но ключь оказался въ замкѣ. Онъ отперъ замокъ. Первая вещь, бросившаяся ему на глаза, была корзинка съ серебромъ. Онъ взялъ ее, прошелъ быстро, безъ всякой предосторожности, черезъ всю комнату, подошелъ къ двери, вернулся въ молельню, открылъ окно, взялъ свою палку, перешагнулъ черезъ подоконникъ, уложилъ серебро въ свой мѣшокъ, бросилъ корзинку, быстро перебѣжалъ черезъ садъ, тигромъ перемахнулъ черезъ заборъ и убѣжалъ.

XII.

Епископъ за работой.

На другой день, рано утромъ, когда преосвященный Біенвеню прогуливался по саду, къ нему подбѣжала сильно встревоженная m-me Маглуаръ.

— Ваше преосвященство, ваше преосвященство,—кричала она,— не знаете ли вы, куда дѣвалась корзинка, въ которой у насъ хранистя серебро?

— Знаю,—отвѣчалъ епископъ.

— Слава Тебѣ, Господи!—сказала она.—А то я никакъ понять не могла куда она дѣвалась.

Епископъ только что нашелъ корзинку, валявшуюся на клумбѣ.

— Вотъ она,—объяснилъ онъ, передавая ее m-me Маглуаръ.

— Какъ же такъ, вѣдь она пустая, а гдѣ же серебро?

— А!—проговорилъ епископъ.—Васъ безпокоитъ, куда дѣвалось серебро?—Вотъ ужъ, право, не знаю, гдѣ оно.

Въ мгновеніе ока подвижная старушка бросилась въ молельню, осмотрѣла альковъ и вернулась къ епископу. Епископъ наклонился надъ клумбой и разсматривалъ, вздыхая, кустъ кохлеаріи «Гилліонъ», сломанный паденіемъ корзины. Услыхавъ крики m-me Маглуаръ, онъ поднялъ голову.

— Ваше преосвященство, этотъ человѣкъ убѣжалъ! серебро украдено!—При этомъ восклицаніи она глядѣла по сторонамъ и вдругъ замѣтила въ углу сада слѣды бѣглеца. Верхняя обшивка стѣны была оторвана.

— Смотрите! вотъ гдѣ онъ перелѣзъ! Онъ перескочилъ въ переулокъ Кашфилэ! Ахъ! Какая мерзость! Онъ укралъ у насъ наше серебро!

Епископъ помолчалъ съ минуту, потомъ, поднявъ свой серьезный взглядъ на мадамъ Маглуаръ, кротко сказалъ:

— Прежде всего, наше ли было это серебро?

M-me Маглуаръ была поражена. Помолчавъ еще немного, епископъ снова продолжалъ:

— M-me Маглуаръ, я давно виноватъ въ томъ, что неправильно держалъ это серебро у себя. Оно принадлежало бѣднымъ. Кто этотъ человѣкъ? Очевидно, бѣднякъ.

— Господи Іисусе!—возразила мадамъ Маглуаръ.—Да вѣдь я не думаю ни о себѣ, ни о барышнѣ. Для насъ это рѣшительно все равно. Я безпокоюсь о вашемъ преосвященствѣ. Чѣмъ же вы, ваше преосвященство, будете теперь кушать?

Епископъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— А развѣ нѣтъ оловянныхъ приборовъ?

M-me Маглуаръ пожала плечами.

— У олова непріятный запахъ.

— Въ такомъ случаѣ есть желѣзные.

M-me Маглуаръ сдѣлала выразительную гримасу.

— У желѣза тоже особенный вкусъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ епископъ,—обзаведемся деревянными приборами.

Нѣсколько минутъ спустя онъ завтракалъ за тѣмъ же столомъ, за которымъ наканунѣ сидѣлъ Жанъ Вальжанъ. Во время завтрака преосвященный Біенвеню весело доказывалъ своей сестрѣ, которая ничего не говорила, и m-me Маглуаръ, которая ворчала себѣ подъ носъ, что можно обойтись безъ ложекъ и вилокъ, даже деревянныхъ, чтобы макать кусокъ хлѣба въ чашку съ молокомъ.

— Вѣдь придетъ же въ голову такая фантазія!—ворчала себѣ подъ носъ, ходя взадъ и впередъ, m-me Маглуаръ.—Принимать такого человѣка и класть его спать рядомъ съ собою! Счастье еще, что онъ только обокралъ! Ахъ, Боже мой! при одной мысли объ этомъ я вся дрожу!

Братъ и сестра только что собирались встать изъ-за стола, какъ вдругъ во входную дверь постучались.

— Войдите,—сказалъ епископъ.

Дверь растворилась. Странная и дикая группа появилась на порогѣ. Три человѣка держали за воротъ четвертаго. Три человѣка были жандармы, четвертый—Жанъ Вальжанъ

Въ дверяхъ стоялъ жандармскій унтеръ-офицеръ, бывшій, повидимому, старшимъ въ этой группѣ. Онъ вошелъ и, подойдя къ епископу, отдалъ честь

— Ваше преосвященство...—началъ онъ.

При этихъ словахъ Жанъ Вальжанъ, казавшійся очень подавленнымъ и угрюмымъ, съ изумленіемъ поднялъ голову.

— Его преосвященство!—пробормоталъ онъ.—Такъ, значитъ, онъ не священникъ...

— Молчи, — сказалъ жандармъ. — Это самъ преосвященный епископъ.

Между тѣмъ преосвященный Біенвеню быстро приблизился, насколько позволяли ему его годы.

— Ахъ, это вы!—воскликнулъ онъ, глядя на Жана Вальжана.—Я очень радъ васъ видѣть. Послушайте, вѣдь я вамъ далъ еще и подсвѣчники, которые также серебряные, какъ и остальное, и за нихъ легко можно выручить франковъ двѣсти. Отчего же вы не взяли ихъ вмѣстѣ съ приборами?

Жанъ Вальжанъ широко раскрылъ глаза и съ такимъ выраженіемъ посмотрѣлъ на почтеннаго епископа, которое не поддается описанію.

— Ваше преосвященство, значитъ этотъ человѣкъ сказалъ правду?—спросилъ бригадиръ.—Мы его встрѣтили. У него былъ видъ бѣглеца. Мы его задержали, обыскали и нашли у него это серебро.

— И онъ вамъ сказалъ,—перебилъ его епископъ улыбаясь,—что его подарилъ ему добрый старенькій попикъ, у котораго онъ ночевалъ? Я это теперь вижу. И вы его привели сюда? Это просто недоразумѣніе...

— Слѣдовательно,—спросилъ бригадиръ,—мы можемъ его отпустить?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ епископъ.

Жандармы выпустили Жана Вальжана, который попятился назадъ.

— Развѣ меня, въ самомъ дѣлѣ, освобождаютъ?—проговорилъ онъ невнятнымъ голосомъ, точно во снѣ.

— Да, тебя отпустили, развѣ ты не слышишь?—сказалъ одинъ изъ жандармовъ.

— Мой другъ,—сказалъ епископъ,—прежде чѣмъ уйти, возьмите ваши подсвѣчники. Вотъ они.

Онъ подошелъ къ камину, взялъ оба серебряныхъ подсвѣчника и подалъ ихъ Жану Вальжану. Обѣ женщины безмолвно и неподвижно глядѣли на епископа и не мѣшали ему ни словомъ ни жестомъ.

Жанъ Вальжанъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ машинально съ растеряннымъ видомъ взялъ оба подсвѣчника

— Теперь идите съ миромъ,—сказалъ епископъ.—Кстати, мой другъ, если вы еще разъ сюда придете, то вамъ не къ чему итти черезъ садъ. Вы всегда можете входить и уходить черезъ входную дверь. Она запирается какъ днемъ, такъ и ночью только на задвижку.

Потомъ онъ обратился къ жандармамъ:

— Господа, вы можете итти!

Жандармы удалились

Жанъ Вальжанъ былъ близокъ къ обмороку. Епископъ подошелъ къ нему и сказалъ шопотомъ:

— Не забывайте, не забывайте никогда, что вы мнѣ обѣщали употребить эти деньги на то, чтобы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ.

Жанъ Вальжанъ, не помнившій никакихъ обѣщаній, стоялъ изумленный. Епископъ съ особеннымъ удареніемъ произносилъ эти слова. И продолжалъ торжественно:

— Жанъ Вальжанъ, братъ мой, вы не принадлежите больше злу. Вы принадлежите добру. Я покупаю вашу душу; я отнимаю ее у злыхъ помысловъ, у духа погибели, и отдаю ее Богу. Знайте это.

XIII.

Малютка Жервэ.

Жанъ Вальжанъ вышелъ изъ города, какъ будто спасаясь отъ преслѣдованія. Онъ торопливо шелъ по полямъ, по попадавшимся ему по пути дорогамъ и тропинкамъ, не разбирая ихъ и не замѣчая того, что часто возвращался опять къ тому же мѣсту, откуда вышелъ. Такъ проблуждалъ онъ все утро, безъ ѣды и не чувствуя голода. На него нахлынулъ теперь цѣлый рой совершенно новыхъ ему ощущеній. Онъ чувствовалъ какую-то скрытую злобу; но онъ не зналъ противъ кого. Онъ самъ не могъ бы сказать былъ ли онъ тронутъ, или оскорбленъ. Минутами на него нападало странное умиленіе, противъ котораго онъ боролся и противоставлялъ ожесточеніе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Это со-

стояніе утомляло его. Онъ съ безпокойствомъ замѣчалъ, что въ немъ поколебалось то страшное спокойствіе его души, которое въ ней утвердилось вслѣдствіе сознанія, что онъ страдаетъ безвинно. Онъ спрашивалъ себя, чѣмъ бы это спокойствіе замѣнить. Иногда ему казалось, что лучше было бы, если бы жандармы отвели его въ тюрьму, лишь бы не произошло того, что случилось; тогда онъ былъ бы покойнѣе.

Несмотря на то, что была почти уже поздняя осень, на изгородяхъ попадались еще тамъ и сямъ запоздалые цвѣты, благоуханіе которыхъ напоминало ему дѣтство. Эти воспоминанія были ему почти невыносимы: ужъ такъ давно не испытывалъ онъ ничего подобнаго.

Такія неясныя мысли накоплялись у него цѣлый день. Когда солнце склонилось къ закату, удлиняя тѣнь самаго маленькаго камешка, Жанъ Вальжанъ сидѣлъ за кустомъ въ широкой побурѣвшей и безлюдной равнинѣ. На горизонтѣ виднѣлись только Альпы. Нигдѣ въ отдаленіи не видно даже было колокольни деревенской церкви. Жанъ Вальжанъ находился приблизительно въ трехъ лье отъ Диня. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ куста тянулась тропинка, пересѣкавшая равнину.

Посреди своихъ размышленій, которыя придавали еще болѣе грозный видъ его рубищу и, навѣрное, привели бы въ ужасъ всякаго, кто бы его встрѣтилъ, онъ услыхалъ вдругъ веселый голосъ.

Повернувъ голову, онъ увидалъ маленькаго савояра—лѣтъ десяти, съ волынкой за плечами и съ суркомъ въ коробкѣ за спиной. Мальчикъ шелъ по тропинкѣ и пѣлъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ кроткихъ и веселыхъ дѣтей, которыя странствуютъ изъ края въ край въ порванныхъ штанишкахъ, и сквозь штанишки виднѣются голыя колѣнки.

Мальчикъ шелъ и пѣлъ. По временамъ онъ останавливался поиграть монетами, зажатыми у него въ рукѣ, составлявшими, вѣроятно, все его состояніе. Одна изъ этихъ монетъ была въ сорокъ су.

Остановившись у куста, не замѣчая Жана Вальжана, мальчикъ подбросилъ вверхъ всѣ су, которыя онъ до сихъ поръ ловко схватывалъ ладонью руки.

Вдругъ монета въ сорокъ су выскользнула и покатилась къ кустарнику по направленію къ Жану Вальжану, который быстро наступилъ на нее ногой.

Между тѣмъ ребенокъ слѣдилъ глазами за монетой и увидалъ человѣка.

Онъ нисколько не удивился и прямо пошелъ къ нему.

Мѣсто было совершенно пустынное. Никого не было видно ни на равнинѣ, ни на тропинкѣ, только слышны были слабые крики цѣлой стаи перелетныхъ птицъ, летѣвшихъ по небу на необъятной высотѣ. Малютка стоялъ спиной къ заходившему солнцу, которое золотило ему волосы и заливало багровымъ свѣтомъ дикое лицо Жана Вальжана.

— Сударь,—сказалъ маленькій савояръ, съ дѣтской довѣрчивостью, которая обыкновенно составляется изъ невѣдѣнія и невинности,—позвольте мнѣ мою монету.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Жанъ Вальжанъ.

— Малютка Жервэ, сударь.

— Убирайся,—сказалъ Жанъ Вальжанъ.

— Сударь, отдайте мнѣ мою монету,—настаивалъ мальчикъ.

Жанъ Вальжанъ опустилъ голову и молчалъ.

Ребенокъ снова началъ:

— Мою монету, сударь.

Глаза Жана Вальжана попрежнему устремлены были въ землю.

— Мою монету! Мою бѣленькую монетку! Мою денежку!—кричалъ ребенокъ.

Жанъ Вальжанъ какъ будто ничего не слыхалъ. Ребенокъ вдругъ схватилъ его за воротъ блузы и началъ трясти и въ то же время силился сдвинуть прочь толстый башмакъ съ подкованной гвоздями подошвой, стоявшій на его сокровищѣ.

— Отдайте мнѣ мою монету, мою монету въ сорокъ су!

Ребенокъ плакалъ. Жанъ Вальжанъ поднялъ голову, но продолжалъ все сидѣть. Глаза его были мутны. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ на ребенка, потомъ протянулъ свою руку къ палкѣ и закричалъ дикимъ голосомъ:

— Кто тамъ?

— Это я, сударь,—отвѣчалъ ребенокъ.—Малютка Жервэ! это я! это я! Отдайте, пожалуйста, мои сорокъ су. Сдвиньте, пожалуйста, вашу ногу, сударь.

Затѣмъ, разозлившись, несмотря на то, что онъ былъ еще совсѣмъ маленькій, и принявъ почти угрожающій видъ, онъ закричалъ:

— Ну что же, сдвинете ли вы вашу ногу! Послушайте, пустите вашу ногу!

— Ахъ, ты все еще здѣсь!—проговорилъ Жанъ Вальжанъ и, поднявшись вдругъ во весь ростъ, не сдвигая ноги съ монеты, прибавилъ:—Уберешься ли ты отсюда?

Испуганный малютка посмотрѣлъ на него, потомъ задрожалъ съ головы до ногъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ оцѣпенѣнія, бросился бѣжать прочь со всѣхъ ногъ, не смѣя ни оглянуться назадъ ни крикнуть.

Но, запыхавшись, онъ остановился на нѣкоторомъ разстояніи перевести духъ, и Жанъ Вальжанъ, погруженный въ свои размышленія, слышалъ его рыданія.

Черезъ нѣсколько минутъ ребенокъ исчезъ.

Солнце сѣло.

Все потемнѣло вокругъ Жана Вальжана. Онъ не ѣлъ съ самаго утра; весьма вѣроятно, что у него была лихорадка. Онъ все стоялъ, не мѣняя своего положенія послѣ ухода мальчика. Неровное и отрывистое дыханіе подымало его грудь. Его взглядъ, устремленный на десять или на двѣнадцать шаговъ впередъ, каза-

лось, изучалъ съ глубочайшимъ вниманіемъ какой-то старый синій фаянсовый осколокъ, валявшійся въ травѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ вечерній холодъ и вздрогнулъ. Надвинувъ фуражку на лобъ, онъ машинально старался застегнуть пуговицы своей блузы, сдѣлалъ шагъ впередъ и нагнулся поднять свою палку.

Въ эту минуту онъ увидалъ монету въ сорокъ су, наполовину вдавленную въ землю его ногой и блестѣвшую среди булыжниковъ. Видъ монеты произвелъ на него дѣйствіе гальваническаго тока. «Что это такое?» процѣдилъ онъ сквозь зубы. Онъ попятился шага три назадъ, потомъ остановился, не будучи въ силахъ оторвать своего взгляда съ этой точки, на которую минуту назадъ упиралась его нога, точно этотъ блестѣвшій въ темнотѣ предметъ былъ открытый глазъ, пристально на него устремленный. Черезъ нѣсколько минутъ онъ судорожно нагнулся къ серебряной монетѣ, схватилъ ее, выпрямился и началъ вглядываться въ пространство, пристально всматриваясь во всѣ точки горизонта и дрожа, какъ дикій испуганный звѣрь, ищущій убѣжища. Онъ ничего не видѣлъ. Наступила ночь, въ равнинѣ было холодно и пустынно, синеватая мгла поднималась въ прозрачномъ свѣтѣ сумерекъ.

— А!—пробормоталъ онъ и быстро пошелъ по тому направленію, въ которомъ исчезъ ребенокъ.

Пройдя шаговъ тринадцать, онъ остановился, посмотрѣлъ,—ничего не было видно. Тогда онъ закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Малютка Жервэ! Малютка Жервэ!

Онъ замолчалъ и прислушался.

Никто не отвѣчалъ.

Поле было пустынно и мрачно. Его окружало одно пустое пространство. Кругомъ царилъ мракъ, гдѣ терялся его взглядъ, и безмолвіе, въ которомъ замиралъ его голосъ.

Дулъ холодный вѣтеръ, придавая окружающимъ предметамъ какую-то зловѣщую жизнь. Кустики потрясали тощими вѣтвями въ какомъ-то невѣроятномъ бѣшенствѣ. Они словно угрожали кому-то, кого-то преслѣдовали.

Жанъ Вальжанъ снова пошелъ, потомъ побѣжалъ. Иногда онъ останавливался и кричалъ въ этой пустынѣ самымъ ужаснымъ и отчаяннымъ голосомъ, какой только можно себѣ вообразить:

— Малютка Жервэ! Малютка Жервэ!

Навѣрное, если бы ребенокъ и услыхалъ его, онъ испугался бы и постарался бы отъ него спрятаться. Но ребенокъ, безъ сомнѣнія, былъ уже далеко.

Вдругъ Жанъ Вальжанъ увидалъ священника, ѣхавшаго верхомъ. Онъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Господинъ священникъ, не встрѣтили ли вы тутъ маленькаго мальчика?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ священникъ.

— Его зовутъ малютка Жервэ.

— Я никого не видалъ.

Жанъ Вальжанъ вынулъ изъ своего кожанаго кошелька двѣ монеты по пяти франковъ и передалъ ихъ священнику

— Господинъ священникъ, это для вашихъ бѣдныхъ. Господинъ священникъ, этотъ мальчикъ, приблизительно, лѣтъ десяти, онъ, кажется, съ суркомъ и съ волынкой. Онъ шелъ здѣсь. Знаете, одинъ изъ савояровъ.

— Я не видалъ его.

— Малютка Жервэ! Не изъ здѣшнихъ ли онъ деревень? Не можете ли вы мнѣ сказать этого?

— По вашимъ словамъ, мой другъ, этотъ ребенокъ не изъ здѣшнихъ, а чужестранецъ. Они иногда проходятъ черезъ наши мѣста, но никто ихъ не знаетъ.

Жанъ Вальжанъ быстро вынулъ еще двѣ пятифранковыхъ монеты и передалъ ихъ священнику

— Для вашихъ бѣдныхъ,—сказалъ онъ.

Потомъ прибавилъ растерянно:

— Господинъ аббатъ, арестуйте меня. Я воръ.

Священникъ погналъ лошадь и быстро ускакалъ впередъ.

Жанъ Вальжанъ побѣжалъ опять. Онъ бѣжалъ очень долго, смотрѣлъ, звалъ, кричалъ, но больше никого не встрѣтилъ.

Два или три раза онъ подбѣгалъ къ какому-нибудь предмету, казавшемуся ему издали присѣвшимъ или скорчившимся ребенкомъ, но это оказывался или кустарникъ, или камень, покрытый мохомъ. Наконецъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкались три тропинки, онъ остановился. Луна взошла. Онъ еще разъ оглянулся вокругъ и въ послѣднiй разъ закричалъ: «Малютка Жервэ! Малютка Жервэ! Малютка Жервэ!» Крикъ его замеръ въ туманѣ, не пробудивъ даже эхо. Онъ пробормоталъ еще: «Малютка Жервэ», но слабымъ, почти беззвучнымъ голосомъ. Это было его послѣднимъ усилiемъ; у него вдругъ подкосились ноги, словно невидимая сила придавила его всей тяжестью его дурной совѣсти; истощенный, упалъ онъ на большой камень, схвативъ себя руками за волосы, и, спрятавъ лицо въ колѣняхъ, закричалъ: «Я негодяй!» Сердце его истерзалось, и онъ заплакалъ въ первый разъ за эти деятнадцать лѣтъ.

Когда Жанъ Вальжанъ выходилъ отъ епископа, то, какъ мы видѣли, его воззрѣнiя, которыя онъ себѣ выработалъ, были поколеблены. Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, что такое въ немъ происходило. Онъ возмущался противъ ангельскаго поступка и кроткихъ словъ старика: «Вы мнѣ обѣщали сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. Я покупаю вашу душу. Я отнимаю ее у злыхъ помысловъ, у духа погибели и отдаю ее Богу». Онъ постоянно вспоминалъ эти слова. Онъ противопоставлялъ небесному снисхожденiю гордость, которая живетъ въ насъ, какъ твердыня зла.

Онъ смутно сознавалъ, что прощенiе этого священника было самымъ сильнымъ натискомъ и самымъ сильнымъ нападенiемъ, поколебавшимъ его; что ожесточенiе его будетъ окончательнымъ, если онъ воспротивится этому милосердiю, если же онъ уступитъ, то придется отказаться отъ ненависти, пробужденной въ немъ не-

справедливыми поступками людей, наполнявшей его душу въ продолженіе столькихъ лѣтъ и такъ сроднившейся съ нимъ; что на этотъ разъ онъ долженъ быть или побѣдителемъ или побѣжденнымъ, и вотъ борьба, борьба колоссальная и рѣшительная, началась между его личнымъ озлобленіемъ и добротой этого человѣка.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ размышленій онъ шелъ, какъ пьяный, шелъ съ блуждающими глазами, едва ли ясно сознавая послѣдствія, которыя могли произойти теперь, послѣ его приключенія въ Динѣ. Слышалъ ли онъ тотъ таинственный шопотъ, который извѣщаетъ и преслѣдуетъ душу въ извѣстные моменты жизни? Можетъ-быть, ему шепталъ голосъ, что онъ переживаетъ рѣшительный часъ въ своей жизни и что для него уже нѣтъ середины; что если онъ не сдѣлается лучшимъ изъ людей, то будетъ самымъ худшимъ, что ему слѣдуетъ, такъ сказать, или подняться выше епископа или упасть ниже каторжника; что, если онъ желаетъ сдѣлаться добрымъ, то онъ долженъ стать ангеломъ, что если онъ желаетъ остаться злымъ, то долженъ сдѣлаться чудовищемъ.

Здѣсь мы снова должны еще разъ поставить вопросъ, какъ мы дѣлали уже раньше: сознавалъ ли онъ, хотя отчасти, что происходило въ его душѣ? Конечно, несчастіе, какъ мы сказали, воспитываетъ умъ, однакоже сомнительно, чтобы Жанъ Вальжанъ былъ въ состояніи разобрать все, что мы здѣсь намѣтили. Если эти мысли и приходили ему на умъ, то онъ скорѣе угадывалъ, чѣмъ понималъ ихъ, и онѣ вызывали въ немъ только непріятную, почти болѣзненную тревогу. По выходѣ его изъ ужаснаго мрачнаго жилища, именуемаго каторгой, епископъ произвелъ на его душу такое же болѣзненное ощущеніе, какое производитъ слишкомъ яркій свѣтъ на глаза человѣка, вышедшаго изъ темноты. Будущая честная и безупречная жизнь, казавшаяся ему уже возможной, все же пугала его и наводила на него трепетъ и ужасъ. Въ дѣйствительности, онъ совершенно не могъ сообразить, куда попалъ. Подобно филину, внезапно застигнутому восходомъ солнца, каторжникъ былъ ослѣпленъ и отуманенъ видомъ добродѣтели.

Одно было несомнѣнно, въ чемъ и самъ онъ не сомнѣвался, это то, что онъ сталъ другимъ человѣкомъ, что все въ немъ перемѣнилось и что не въ его власти было уничтожить слова епископа и изгладить произведенное ими на него впечатлѣніе.

Въ такомъ именно состояніи духа онъ встрѣтилъ малютку Жервэ и отнялъ у него сорокъ су. Зачѣмъ? Онъ самъ, навѣрное, не могъ бы объяснить этого. Было ли это послѣднимъ дѣйствіемъ и какъ бы послѣднимъ усиліемъ преступныхъ помысловъ, вынесенныхъ имъ съ каторги, былъ ли то остатокъ импульса, или результатъ того, что называется въ статикѣ *пріобрѣтенной силой?* Можетъ-быть, это было такъ, а можетъ-быть, и не такъ. Скажемъ проще, укралъ не онъ, не человѣкъ, а звѣрь, который по привычкѣ и по инстинкту безтолково поставилъ ногу на эту монету,

между тѣмъ, какъ разумъ боролся съ необычайными и новыми впечатлѣніями. Когда разсудокъ проснулся и увидалъ поступокъ животнаго, Жанъ Вальжанъ отшатнулся въ ужасѣ, и у него вырвался крикъ отчаянія.

Это странное явленіе возможно лишь въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился. Укравъ деньги у этого ребенка, онъ сдѣлалъ проступокъ, на который онъ, въ сущности, уже не былъ больше способенъ. Какъ бы то ни было, но этотъ послѣдній дурной поступокъ имѣлъ на него рѣшающее вліяніе. Онъ внезаппо пересѣкъ и разсѣялъ хаосъ, терзавшій его умъ, отдѣлилъ въ одну сторону сгустившійся мракъ, въ другую—свѣтъ и подѣйствовалъ на его душу въ томъ состояніи, въ какомъ она находилась, какъ нѣкоторые химическіе реактивы вліяютъ на мутную смѣсь, осаждая одинъ элементъ и освобождая другой.

Прежде всего, раньше даже чѣмъ провѣрить и размыслить, растерянный, ищущій спасенія, онъ старался отыскать ребенка, чтобы отдать ему деньги, потомъ, когда убѣдился, что это невозможно и безполезно, онъ остановился въ отчаяніи. Въ эту минуту, когда онъ вскрикнулъ: «Я негодяй!», онъ увидалъ себя такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, но въ то же время онъ настолько отрѣшился отъ самого себя, что ему казалось, будто самъ онъ только призракъ, а передъ нимъ стоитъ, изъ мяса и костей, съ палкой въ рукахъ, одѣтый въ блузу, съ мѣшкомъ, наполненнымъ краденымъ добромъ, за спиной, съ мрачнымъ и рѣшительнымъ лицомъ, съ мерзкими мыслями отвратительный каторжникъ Жанъ Вальжанъ.

Избытокъ страданія, какъ мы уже замѣтили, сдѣлалъ его въ нѣкоторомъ смыслѣ ясновидящимъ. Это было какъ бы видѣніемъ. Онъ, дѣйствительно, видѣлъ этого Жана Вальжана, стоявшаго передъ нимъ съ страшнымъ лицомъ. Была минута, когда онъ почти готовъ былъ спросить, кто этотъ человѣкъ, внушающій ему такой ужасъ

Его мозгъ находился въ одномъ изъ тѣхъ неистовыхъ моментовъ, но въ то же время страшнымъ по своему спокойствію состояній, когда бредъ воображенія настолько силенъ, что заслоняетъ собою дѣйствительность: не видишь больше окружающихъ предметовъ, а видишь только въ опредѣленныхъ образахъ то, что происходитъ въ душѣ

Онъ разсматривалъ себя, такъ сказать, лицомъ къ лицу и въ то же время, сквозь эту галлюцинацію, онъ видѣлъ въ таинственной глубинѣ мерцающій огонекъ, который онъ принялъ сначала за свѣточъ. Всматриваясь пристальнѣе въ этотъ свѣточъ, вспыхнувшій въ его совѣсти, онъ узналъ въ немъ человѣческій образъ и увидѣлъ, что этотъ свѣточъ—епископъ.

Совѣсть его созерцала поперемѣнно этихъ двухъ людей, стоявшихъ передъ ней,—епископа и Жана Вальжана. Нужно было все могущество перваго, чтобы вывести изъ заблужденія второго. Въ силу одного изъ странныхъ свойствъ такого рода галлюцинацій, по мѣрѣ ея продолженія, епископъ выросталъ и становился все

лучезарнѣе въ его глазахъ, между тѣмъ, какъ Жанъ Вальжанъ становился все меньше и уничтожался. Была минута, когда онъ явился лишь тѣнью. Вдругъ онъ исчезъ. Остался только одинъ епископъ.

Онъ наполнилъ душу отверженца лучезарнымъ сіяніемъ. Жанъ Вальжанъ плакалъ долго. Онъ плакалъ горячими слезами, плакалъ навзрыдъ, съ большей слабостью, чѣмъ женщина, съ бо̀льшимъ страхомъ, чѣмъ ребенокъ

Пока онъ плакалъ, мозгъ его все болѣе и болѣе просвѣтлялся. Просвѣтлѣніе это было необычайное, радостное и въ то же время страшное. Его прошедшая жизнь, первая ошибка, продолжительное искупленіе, внѣшнее огрубѣніе, внутренняя закоренѣлость, его освобожденіе, сопровождавшееся съ его стороны всевозможными планами мести, то, что произошло съ нимъ у епископа, послѣдній проступокъ, сдѣланный имъ, эта кража сорока су у ребенка, преступленіе тѣмъ болѣе мерзкое и чудовищное, что оно случилось послѣ прощенія епископа,—все это вспомнилось и представилось ему совершенно ясно и въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ оглянулся на свою жизнь, и она представилась ему ужасной; онъ заглянулъ въ свою душу, и она показалась ему отвратительной. Между тѣмъ эту жизнь и эту душу освѣщалъ какой-то мягкій свѣтъ. Ему казалось, что онъ видитъ сатану при райскомъ освѣщеніи.

Сколько часовъ онъ такъ плакалъ? Что сдѣлалъ онъ, когда пересталъ плакать? Куда онъ пошелъ?—никто никогда не узналъ этого. Кажется, достовѣрно только то, что въ эту самую ночь кучеръ дилижанса, ходившаго тогда между Греноблемъ и Динемъ и приходившаго въ этотъ послѣдній городъ въ исходѣ третьяго часа утра, видѣлъ у епископскаго дома молящагося человѣка, стоявшаго на колѣняхъ, на мостовой, въ тѣни, передъ дверью преосвященнаго Біенвеню.

Книга третья.—ВЪ 1817 ГОДУ.

I.

1817 годъ.

1817 г. былъ годомъ, который Людовикъ XVIII съ величественнымъ апломбомъ, не лишеннымъ своего рода гордости, считалъ двадцать вторымъ своего царствованія. Это былъ годъ славы г-на Брюгьера де-Сорсомъ. Всѣ парикмахерскія заведенія, надѣясь на возвращеніе моды на пудру и на королевскаго орла, выкрасили свои вывѣски въ лазурный цвѣтъ и украсили ихъ лиліями. То было наивное время, когда графъ Линчъ каждое воскресенье, въ одеждѣ пэра Франціи, съ красной лентой черезъ плечо, съ своимъ длиннымъ носомъ и съ той особенной величавой физіономіей, какая бываетъ у человѣка, совершившаго славный подвигъ усаживался въ церкви Сенъ-Жерменъ-де-Пре на скамью церковнаго старосты. Славный подвигъ графа Линча былъ слѣдующій: когда онъ былъ мэромъ города Бордо, то 12 марта 1814 г. сдалъ этотъ городъ немного раньше, чѣмъ слѣдовало, герцогу Ангулемскому. За это онъ получилъ пэрство. Въ 1817 г. мода захватила даже 4 и 6-лѣтнихъ мальчиковъ: ихъ наряжали въ объемистыя кожаныя фуражки съ наушниками, очень похожими на шапки эскимосовъ. Французскую армію одѣли въ бѣлый цвѣтъ, по образцу австрійской; полки назывались легіонами; ихъ обозначали не цифрами, а по названіямъ департаментовъ. Наполеонъ находился на островѣ св. Елены, и такъ какъ Англія отказывала ему въ зеленомъ сукнѣ, то онъ переворачивалъ наизнанку свои старые мундиры.

Въ 1817 г. пѣлъ Пеллегрини, а m-lle Биготтини танцовала; царилъ Потье; Одри еще не было на свѣтѣ. Г-жа Саки явилась преемницей Форіозо. Во Франціи еще стояли пруссаки. Господинъ Делало былъ важной особой. Легитимизмъ вступилъ во всѣ свои права, отрубивъ руки, а затѣмъ головы Пленье, Карбонно и Толлерону. Оберъ-камергеръ князь Талейранъ и аббатъ Луи, министръ финансовъ, смотрѣли другъ на друга со смѣхомъ, точно два авгура. Оба служили 14 марта 1790 г. молебенъ на Марсовомъ полѣ въ честь федераціи; Талейранъ служилъ въ качествѣ епископа, Луи—въ качествѣ дьякона.

Въ 1817 г. въ боковыхъ аллеяхъ того же Марсова поля лежали подъ дождемъ и гнили въ травѣ громадные деревянные цилиндры, выкрашенные въ голубой цвѣтъ съ полуслинявшими орлами и пчелами, съ которыхъ сошла позолота. Это были колонны, поддерживавшія два года тому назадъ императорскую эстраду на майскомъ парадѣ. Мѣстами онѣ почернѣли отъ бивачныхъ огней австрійцевъ, построившихъ себѣ бараки около Гро-Калью. Двѣ или три изъ

этихъ колоннъ были сожжены въ кострахъ и солдаты грѣли надъ ними свои широкія руки. Майскій парадъ въ этомъ году былъ замѣчателенъ тѣмъ, что его назначили на іюнь мѣсяцъ и на Марсовомъ полѣ. Въ 1817 г. двѣ вещи были особенно популярны: вольтеровскія кресла и табакерки съ хартіями. Парижане волновались по поводу новаго преступленія Дотёна, бросившаго голову своего брата въ бассейнъ Цвѣточнаго Рынка. Морское министерство начало слѣдствіе по поводу гибели фрегата *Медузы*, что должно было покрыть Шомарекса позоромъ, а Жерико—славой. Полковникъ Сельвъ отправился въ Египетъ, чтобы превратиться въ Солимана-пашу. Дворецъ Термъ на улицѣ Ла-Гарпъ превратился въ лавку, въ которой продавались бочки. На платформѣ восьмиугольной башни отеля Клюни оставались еще слѣды маленькой дощатой будочки, служившей обсерваторіей Мессіеру, морскому астроному въ царствованіе Людовика XVI. Герцогиня Дюра читала неизданную *Урику* тремъ или четыремъ друзьямъ въ своемъ будуарѣ, меблированномъ складными табуретами въ формѣ X, крытыми свѣтло-голубымъ атласомъ. Въ Луврѣ выскабливали со стѣнъ букву N. Аустерлицкій мостъ переименовали въ Садовый, что представляло двойную загадку, подразумѣвавшую въ одно и то же время и Аустерлицкій мостъ и Ботаническій садъ. Людовикъ XVIII, отмѣчая ногтемъ у Горація героевъ, превращавшихся въ императоровъ, и башмачниковъ, превращавшихся въ дофиновъ, терзался двумя заботами: Наполеономъ и Матюреномъ Брюно. Французская академія назначила темой для конкурса: *Счастье, доставляемое занятіями наукой*. Господинъ Белларъ былъ представителемъ офиціальнаго казеннаго краснорѣчія. Подъ его сѣнью развивался будущій генеральный прокуроръ де-Броэ, которому здѣсь предопредѣлили сдѣлаться мишенью для сарказмовъ Поля-Луи-Курье. Существовалъ лже-Шатобріанъ по фамиліи Маршанжи, подготовлялся лже-Маршанжи, подъ фамиліей д'Арленкура. *Клара д'Альба* и *Малекъ-Адель* считались шедеврами, госпожа Коттенъ была объявлена первымъ писателемъ своего времени. Французскій Институтъ вычеркнулъ изъ своего списка академика Наполеона Бонапарта. Въ Ангулемѣ было построено по королевскому декрету морское училище, на томъ основаніи, что герцогъ Ангулемскій былъ генералъ-адмираломъ, а слѣдовательно, было несомнѣнно, что городъ Ангулемъ долженъ былъ пользоваться всѣми правами морского порта, иначе могъ бы пострадать самый принципъ монархизма. Въ совѣтѣ министровъ обсуждался вопросъ—можно ли разрѣшить печатаніе на афишахъ изображенія кувыркающихся клоуновъ, которыми г. Франкони украшалъ свои объявленія, собиравшія вокругъ себя всѣхъ уличныхъ мальчишекъ. Господинъ Паэръ, авторъ *Агнесы*, старичокъ съ квадратнымъ лицомъ и бородавкой на щекѣ, дирижировалъ маленькими домашними концертами маркизы де-Сассенъ, на улицѣ Вилль-Эвекъ. Всѣ молодыя дѣвушки распѣвали романсъ *Сентъ-Авельскій Отшельникъ*, на слова Эдмонда Жеро. Газета *Желтый Карликъ* превратилась въ *Зеркало*. Кофейня Ламблэнъ была на сторонѣ императора противъ кофейни

Валуа, стоявшей за Бурбоновъ. Герцога Беррійскаго, котораго уже дожидался Лувель, женили на принцессѣ Обѣихъ Сицилій. Прошелъ годъ со смерти г-жи Сталь. Гвардейцы освистали m-lle Марсъ. Большія газеты превратились въ маленькія. Форматъ былъ ограниченъ, зато свобода была велика. *Конституціонная газета* была конституціонною. Газета *Минерва* печатала фамилію Шатобріана такъ: Chateaubriant (вмѣсто Chateaubriand). Эта буква t на концѣ дѣлала великаго писателя смѣшнымъ въ глазахъ буржуазіи. Въ продажныхъ газетахъ продажные журналисты оскорбляли изгнанниковъ 1815 года: у Давида не было таланта, у Арно не было ума, у Карно не было чести, Сультъ не выигралъ ни одного сраженія. Правда и то, что и у Наполеона не было генія. Всѣмъ извѣстно, что письма, адресованныя изгнанникамъ, рѣдко достигаютъ своего назначенія, потому что полиція считаетъ своимъ священнымъ долгомъ ихъ перехватывать. Фактъ не новый; еще Декартъ жаловался на этотъ порядокъ, когда находился въ изгнаніи. Когда Давидъ опубликовалъ въ одной бельгійской газетѣ свое неудовольствіе на то, что онъ не получаетъ писемъ, то роялистскія газеты подняли его на смѣхъ и всячески издѣвались надъ изгнанникомъ. Люди спорили и расходились заклятыми врагами изъ-за выраженій: какъ нужно говорить, *враги* или *союзники*, *Наполеонъ* или *Бонапартъ*?—Всѣ здравомыслящіе люди соглашались, что эра революціи окончилась навѣки послѣ воцаренія Людовика XVIII, прозваннаго «безсмертнымъ творцомъ хартіи». На площади Новаго моста на пьедесталѣ, ожидавшемъ статую Генриха IV, вырѣзывали слово Redivivus [1]). Господинъ Піе, жившій на улицѣ Терэзъ, въ домѣ № 4, писалъ проектъ объ упроченіи монархіи. Представители правой говорили въ важныхъ случаяхъ: «нужно написать Бако». Гг. Канюель, О' Магони и Шаппделэнъ набрасывали при нѣкоторомъ поощреніи королевскаго брата проектъ того, что нѣсколько позднѣе называлось «заговоромъ у берега». Общество «Черной Булавки» тоже со своей стороны составляло заговоръ. Делавердери соединился съ Троговымъ. Г. Деказъ, человѣкъ до нѣкоторой степени либеральный, первенствовалъ передъ всѣми. Шатобріанъ стоялъ каждое утро у окна въ домѣ № 27 улицы Сенъ-Доминикъ въ панталонахъ со штрипками и въ туфляхъ, повязавъ сѣдые волосы шелковымъ платкомъ, смотрѣлъ въ зеркало, разложивъ передъ собою цѣлый приборъ зубоврачебныхъ инструментовъ, и чистилъ свои прекрасные зубы, въ то же время диктуя своему секретарю г. Пилоржу варіанты своей *Монархіи на точномъ основаніи хартіи*. Авторитетная критика отдавала предпочтеніе Лафону передъ Тальмой. Г. Фелецъ писалъ подъ псевдонимомъ А., г. Гофманнъ подъ псевдонимомъ Z. Шарль Нодье писалъ *Терезу Оберъ*. Разводъ былъ уничтоженъ. Лицеи были переименованы въ коллегіи. Воспитанники коллегій носили на воротничкахъ вышитую золотую лилію и острили надъ римскимъ королемъ. Дворцовая тайная полиція доносила ея королевскому высочеству, герцогинѣ Беррійской, о повсемѣстной выставкѣ портрета герцога Орлеанскаго въ

---

[1]) Воскресшій, оживщій.

генеральскомъ мундирѣ гусарскаго полка. На этомъ портретѣ герцогъ Орлеанскій былъ гораздо красивѣе герцога Беррійскаго въ генеральской драгунской формѣ: фактъ предосудительный. Городъ Парижъ позолотилъ на свои средства куполъ Инвалиднаго Дома. Серьезные люди спрашивали другъ друга, какъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ г. де-Тренклагъ. Г. Клозель де-Монталь во многомъ былъ не согласенъ съ Клозелемъ де-Куссергъ. Г-нъ Салаберри былъ недоволенъ. Актеръ Пикаръ—членъ академіи, въ которую не попалъ актеръ Мольеръ, ставилъ на сценѣ Одеона пьесу *Два Филибера*, а на фронтонѣ этого театра ясно можно было прочесть по слѣдамъ сорванныхъ буквъ надпись «Театръ Императрицы». Нѣкоторые были за, другіе противъ Кюнье де-Монтарло. Фабвіе былъ заговорщикомъ, Баву—революціонеромъ. Свободомыслящій Пелисье издалъ сочиненіе Вольтера, подъ заголовкомъ: *Сочиненія Вольтера*, члена французской академіи. «Это привлечетъ покупателей», говорилъ наивный издатель. Общественное мнѣніе признавало г-на Шарля Луазона геніемъ вѣка; ему начали завидовать, что всегда служитъ признакомъ славы. Про него сложились стихи:

Même quand Loyson vole, on sent qu'il a des pattes [1]).

Кардиналъ Фешъ отказывался подать въ отставку, монсеньеръ, де-Пенъ, архіепископъ амазійскій, управлялъ ліонской епархіей. Началась ссора изъ-за Даппской долины между Швейцаріей и Франціей, благодаря запискѣ капитана Дюфура, произведеннаго позднѣе въ генералы. Сенъ-Симонъ, никѣмъ не замѣченный, уже созидалъ свои чудныя фантазіи. Въ академіи наукъ засѣдалъ знаменитый Фурье, забытый потомствомъ, а между тѣмъ на какомъ-то чердакѣ жилъ другой неизвѣстный Фурье, память о которомъ сохранится навсегда. Начиналъ сіять лордъ Байронъ; въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ поэмъ Мильвуа извѣщаетъ французовъ, что появился *нѣкій лордъ Баронъ*. Давидъ Анжерскій пробовалъ высѣкать статую изъ мрамора. Аббатъ Каронъ очень хвалилъ въ небольшомъ кружкѣ семинаристовъ въ тупомъ переулкѣ Фейлантинъ безвѣстнаго священника Фелисите-Робера, превратившагося впослѣдствіи въ Ламеннэ. На рѣкѣ Сенѣ плескалась и пыхтѣла какая-то дымящаяся странная штука, плавая взадъ и впередъ подъ окнами Тюильрійскаго дворца, разъѣзжая между мостами Рояль и Людовика XV; это была механическая игрушка, никуда негодная затѣя пустоголоваго мечтателя, вымыселъ утописта: пароходъ. Парижане равнодушно смотрѣли на эту ненужную затѣю. Г-нъ де-Вобланъ, преобразовавшій институтъ съ помощью государственнаго переворота, приказовъ и ссылокъ и проведшій туда много знаменитыхъ академиковъ, самъ не могъ добиться попасть въ ихъ число. Обитатели Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и Марсанскаго павильона желали назначенія въ префекты полиціи Делаво, ради его набожности. Дюпюитренъ и Рекамье ссорились въ аудиторіи медицинскаго института и показывали другъ другу кулаки, не

---

[1]) Даже когда Луазонъ (гусь) летаетъ (синонимъ—крадетъ), чувствуется, что у него есть лапки.

сходясь во мнѣніяхъ по поводу религіозныхъ вопросовъ. Кювье. глядя однимъ глазомъ въ книгу Бытія, другимъ на природу, старался угодить реакціоннымъ ханжамъ, пытаясь примирить ископаемыхъ животныхъ съ текстами и заставляя мастодонтовъ прославлять Моисея. Г. Франсуа де-Невшато, достойный почитатель памяти Пармантье, употреблялъ всѣ усилія, чтобы слово pomme de-terre—*помъ-де-теръ*, т.-е. картошка, выговаривалось parmentière *пармантіеръ*, но потерпѣлъ неудачу. Аббатъ Грегуаръ, бывшій епископъ, бывшій членъ Конвента и Сената, былъ перекрещенъ роялистской полемикой въ «гнуснаго Грегуара». Оборотъ рѣчи, который мы только что употребили: *быть перекрещеннымъ* былъ объявленъ неологизмомъ устами г-на Роайе-Колара. Подъ третьей аркой Іенскаго моста можно было еще различить по бѣлизнѣ новый камень, которымъ два года тому назадъ задѣлали дыру пороховой мины, просверленной Блюхеромъ, посредствомъ которой онъ хотѣлъ взорвать этотъ мостъ. Правосудіе привлекало къ суду человѣка, который при входѣ графа д'Артуа въ соборъ Богоматери громогласно сказалъ: Sapristi! *Какъ я жалѣю о томъ времени, когда я видалъ Бонапарта и Тальму, входившихъ подъ руку на общественный балъ.* Такое выраженіе признавалось крамольнымъ, за него приговаривали къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Измѣнники ходили нараспашку; люди, перешедшіе наканунѣ сраженія на сторону врага, не скрывали наградъ и цинично разгуливали среди бѣлаго дня въ позолотѣ и почетѣ. Дезертиры изъ-подъ Линьи и Катръ-Бра, которымъ было заплачено за ихъ нахальство, откровенно щеголяли своею новоиспеченной преданностью монархизму. Потерянъ былъ въ этомъ отношеніи всякій стыдъ. Забыли правило, которое въ Англіи пишется на внутреннихъ стѣнахъ всѣхъ публичныхъ уборныхъ: *Просятъ передъ обратнымъ выходомъ не забывать поправлять свой костюмъ.*

Вотъ что безпорядочно и смутно всплывало на поверхности 1817 года, нынѣ совершенно забытаго. Исторія почти пренебрегаетъ такими мелочами, да иначе она и поступать не можетъ: невозможно объять необъятное. Однако эти подробности, напрасно называемыя мелочами, очень полезны, потому что въ жизни человѣчества нѣтъ мелкихъ фактовъ, какъ въ природѣ нѣтъ мелкихъ листьевъ. Изъ физіономіи отдѣльныхъ годовъ составляется обликъ вѣковъ.

Въ этомъ 1817 г. четверо молодыхъ парижанъ сыграли «веселую штуку».

II.

Двойной квартетъ.

Эти парижане были: одинъ изъ Тулузы, другой изъ Лиможа, третій изъ Кагора и четвертый изъ Монтобана; но они были студенты, а всякій студентъ—парижанинъ: учиться въ Парижѣ то же самое, что въ Парижѣ родиться.

Ничего замѣчательнаго не было въ этихъ молодыхъ людяхъ, такіе встрѣчались на каждомъ шагу,—это были типичные дюжин-

ные люди: не добрые и не злые, не ученые и не невѣжды, не геніи и не дураки, красивые апрѣльской красотой, называемой двадцатилѣтнимъ возрастомъ. Это были какіе-нибудь четыре Оскара, потому что въ эту пору еще не было Артуровъ. *Воскурите аравійскія благовонія*, пѣлось въ новомъ романсѣ *Оскаръ идетъ, Оскаръ, его я вижу*. Оссіанъ имѣлъ тогда большое вліяніе, въ модѣ было все скандинавское и каледонское, чистокровный англійскій жанръ появился гораздо позднѣе, и первый изъ Артуровъ, Веллингтонъ, только что одержалъ побѣду при Ватерло.

Эти Оскары были: одинъ—Феликсъ Толоміесъ, изъ Тулузы, другой—Листолье, изъ Кагора, третій—Фамейль, изъ Лиможа, и послѣдній—Блашвелль, изъ Монтобана. Естественно, что у каждаго изъ нихъ была своя возлюбленная. Блашвелль любилъ Фавориту, получившую это прозвище потому, что она ѣздила въ Англію. Листолье обожалъ Далію, это прозвище обозначало цвѣтокъ (георгинъ); Фамейль страстно любилъ Зефину, уменьшительное отъ Жозефины; Толоміесъ владѣлъ Фантиной, которую звали Блондинкой за ея золотистые волосы, напоминавшіе солнечный свѣтъ.

Фаворита, Далія, Зефина и Фантина были четыре очаровательныя дѣвушки, раздушенныя и веселыя; онѣ были швеи, не покинувшія окончательно своей иголки, хотя любовь и мѣшала ихъ труду, и сохранившія еще на лицѣ слѣды трудовой чистоты, а въ душѣ лучъ порядочности, обыкновенно переживающій въ женщинѣ ея первое паденіе. Одну изъ четырехъ называли молодой, потому что она была самая младшая, а другую—старухой. Старухѣ было всего двадцать три года. Не скрывая ничего, слѣдуетъ прибавить, что первыя три были опытнѣе, безпечнѣе и болѣе увлечены вихремъ жизни, чѣмъ блондинка Фантина, переживавшая свою первую иллюзію.

Далія, Зефина и въ особенности Фаворита не могли этимъ похвастаться. У нихъ былъ уже не одинъ эпизодъ въ ихъ только что начинавшейся романической жизни, и любовникъ, котораго въ первой главѣ звали Адольфомъ, являлся во второй Альфонсомъ, а въ третьей Густавомъ. Бѣдность и кокетство — плохіе совѣтчики: бѣдность — ворчитъ, кокетство — льститъ; а красивымъ дочерямъ изъ народа эти два совѣтчика шепчутъ одна въ одно ухо, другая въ другое. Плохо охраняемыя души охотно слушаются ихъ. Слѣдствіемъ всего этого является паденіе дѣвушекъ и бросаніе въ нихъ камнями. Ихъ попрекаютъ блескомъ всего чистаго, непорочнаго. Увы! что бы сталось съ альпійской вершиной Юнгфрау, если бы она могла чувствовать голодъ?

Зефина и Далія восхищались побывавшей когда-то въ Англіи Фаворитой. Отецъ ея, учитель математики, старый грубый гасконецъ. не былъ женатъ и, несмотря на свой преклонный возрастъ, бѣгалъ постоянно по урокамъ. Въ молодости этотъ учитель увидалъ однажды, какъ горничная зацѣпилась платьемъ за каминную рѣшетку; случай этотъ заставилъ его влюбиться. Послѣдствіемъ этого обстоятельства явилась Фаворита. Она время отъ времени встрѣчалась съ отцомъ, который съ ней раскланивался. Однажды утромъ къ ней вошла старушка, съ виду ханжа, и сказала:

— Вы меня не знаете, m-lle?

— Нѣтъ.

— Я твоя мать.

Старуха открыла шкапъ, напилась, наѣлась, приказала принести свой тюфякъ и поселилась у дочери. Эта мать, ворчунья и ханжа, никогда не разговаривала съ Фаворитой, молча просиживала, по цѣлымъ часамъ, на одномъ мѣстѣ, завтракала, обѣдала и ужинала за четверыхъ, а затѣмъ спускалась къ привратнику, чтобы посудачить о своей дочери.

Причина, почему Далія сошлась съ Листолье, а можетъ-быть, и съ другими, и предалась праздности, заключалась въ томъ, что у нея были очень красивые розовые ногти. Какъ работать съ такими ногтями? Кто хочетъ остаться добродѣтельнымъ, тотъ не долженъ жалѣть своихъ рукъ. Что касается Зефины, то она покорила сердце Фамейля своей ласковой и плутовской манерой произносить: «Да, сударь».

Молодые люди были товарищи, молодыя дѣвушки — пріятельницы. Такія дружественныя отношенія всегда имѣютъ любовную подкладку. Добродѣтельная любовь и дружба философовъ! Оставляя въ сторонѣ подробности этихъ незаконныхъ сожительствъ, мы можемъ утвердительно сказать, что Фаворита, Зефина и Далія были женщины-философы, а Фантина—скромная дѣвушка. Скромная?—спросятъ насъ,—а Толоміесъ? Соломонъ отвѣтилъ бы намъ, что любовь есть часть цѣломудрія. Мы же ограничимся тѣмъ, что скажемъ: любовь Фантины была первая, единственная и вѣрная. Ей одной, изъ всѣхъ четырехъ, всѣ мужчины, за исключеніемъ одного, говорили «вы».

Фантина была однимъ изъ тѣхъ существъ, которыя порою расцвѣтаютъ, такъ сказать, въ нѣдрахъ народа. Вышедшая изъ глубокихъ, мрачныхъ общественныхъ слоевъ, она была отмѣчена печатью неизвѣстности и тайны. Родилась она въ городѣ Монтрейлѣ-на-морѣ. Кто были ея родители? Кто могъ сказать это? Никто никогда не зналъ ни ея отца, ни ея матери. Она называла себя Фантиной. Почему Фантиной? Другого имени у нея не было. Она родилась во времена Директоріи. У нея не было фамиліи, потому что не было семьи; крещенаго имени тоже не было, потому что въ то время не существовало церкви. Она называлась именемъ, которое ей далъ прохожій, увидавшій ее на улицѣ босоногой дѣвчонкой. Она получила прозвище, какъ получала цѣлые потоки воды, лившіеся во время ливней ей на голову. Ее всѣ звали Фантинкой, и больше никто ничего о ней не зналъ. При такихъ условіяхъ это человѣческое существо вступило въ жизнь. Десяти лѣтъ Фантина покинула родной городъ и поступила въ услуженіе къ сосѣднему фермеру. Пятнадцати лѣтъ она явилась въ Парижъ «искать счастія». Фантина была очень хороша собой и оставалась невинной такъ долго, какъ только могла. Это была восхитительная блондинка съ превосходными зубами. Приданое ея состояло изъ золота и жемчуга, но золото ея было на головѣ, а жемчугъ во рту.

Она работала, чтобы было чѣмъ жить. Потомъ, и тоже для того, чтобы жить,—потому что и у сердца есть свой голодъ,—она полюбила. Полюбила она Толоміеса.

Для него эта любовь была забавой, для нея — жизнью. Улицы Латинскаго квартала, гдѣ, подобно муравейнику, кишитъ жизнь студентовъ и гризетокъ, были свидѣтелями начала этой любви. Фантина долго противилась страсти. Избѣгая встрѣчи съ Толоміесомъ, она скрывалась отъ него по закоулкамъ холма Пантеона, гдѣ завязываются и развязываются столько любовныхъ приключеній, но, избѣгая его, она вѣчно съ нимъ встрѣчалась. Существуетъ такого рода бѣгство, похожее скорѣе на исканіе встрѣчъ. Въ концѣ-концовъ, бѣдная дѣвушка была побѣждена.

Блашвелль, Листолье и Фамейль составляли группу, во главѣ которой стоялъ Толоміесъ. Онъ былъ умнѣе ихъ. Толоміесъ принадлежалъ къ студентамъ стараго типа; онъ былъ богатъ, получалъ четыре тысячи франковъ въ годъ. Четыре тысячи франковъ дохода! Скандальная роскошь для жителя Сенъ-Женевьевской горы. Толоміесъ былъ тридцатилѣтнимъ кутилой, плохо сохранившійся, въ морщинахъ, беззубый, съ начинающейся лысиной на головѣ, о которой онъ самъ весело говорилъ: *Въ тридцать лѣтъ черепъ, въ сорокъ — колѣнка*. У него было плохое пищевареніе, и одинъ глазъ началъ слезиться. По мѣрѣ того, какъ уходила его молодость, онъ разжигалъ свою веселость; зубы свои онъ замѣнялъ шутками, волосы—оживленіемъ, здоровье — ироніей, а слезящійся глазъ смѣялся безъ-устали. Онъ разрушался, но украшенный цвѣтами. Его молодость уходила раньше времени, но, покоряясь этому, сохраняла игривость, смѣялась и сверкала огнями. Его пьесу не приняли на сцену театра «Водевиль». Иногда онъ писалъ стихи. Вдобавокъ онъ во всемъ высокомѣрно сомнѣвался, а это придаетъ человѣку большую силу въ глазахъ слабыхъ. Итакъ, обладая иронiей и лысиной, онъ сдѣлался главой компаніи. Iron — англійское слово и значитъ желѣзо; не отъ него ли произошло слово «иронія»? Однажды Толоміесъ отвелъ въ сторону трехъ своихъ товарищей, сдѣлалъ жестъ оракула и сказалъ имъ:

— Скоро будетъ годъ, какъ Фантина, Далія, Зефина и Фаворита просятъ насъ сдѣлать имъ сюрпризъ. Мы торжествено обѣщали исполнить ихъ желаніе. Онѣ безпрестанно объ этомъ говорятъ, въ особенности со мною. Подобно тому, какъ въ Неаполѣ старыя бабы кричатъ св. Януарію: «Faccia gialluta, fa o miracolo—Желтое личико, сотвори чудо!» —такъ точно наши красавицы постоянно повторяютъ мнѣ: «Толоміесъ, когда же ты разрѣшишься твоимъ сюрпризомъ?» Въ то же время намъ пишутъ наши родители. Пилятъ съ двухъ сторонъ. Мнѣ кажется, что теперь какъ разъ время исполнить обѣщаніе. Потолкуемъ-ка.

На этомъ Толоміесъ понизилъ голосъ и сталъ таинственно говорить о чемъ-то такомъ веселомъ, что восторженный взрывъ хохота вырвался изъ четырехъ глотокъ, и Блашвелль закричалъ:

— Вотъ это идея!

По дорогѣ имъ попался дымный и чадный трактиръ. Они вошли въ него, и конецъ ихъ разговора и совѣщанія затерялся въ туманѣ.

Результатомъ этого таинственнаго совѣщанія была блистательная прогулка, назначенная на слѣдующее воскресенье, и четверо молодыхъ людей пригласили на нее четырехъ молодыхъ дѣвушекъ.

III.

Четыре пары.

Трудно себѣ представить въ наше время загородную поѣздку студентовъ и гризетокъ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Окрестности Парижа измѣнились; за полстолѣтія измѣнилась, такъ сказать, и физіономія пригородной жизни столицы: гдѣ ѣздили двухколесныя повозки, ходятъ теперь вагоны, гдѣ ѣздили на баркахъ, ходятъ пароходы; нынче такъ же легко добраться до Фекана, какъ прежде до Сенъ-Клу. Парижъ въ 1862 г. былъ городомъ, для котораго вся Францiя была окрестностью.

Четыре парочки, отправившіяся на прогулку, добросовѣстно продѣлали всѣ дурачества, какія были возможны въ то время.

Было жаркое ясное утро, каникулы только начались. Наканунѣ Фаворита, единственная изъ четырехъ подругъ, умѣвшая писать, безграмотно написала: «Съ частье ѣхать· гулять вчасъ ранній». Въ этотъ день они встали въ пять часовъ утра. Затѣмъ отправились въ дилижансѣ въ Сенъ-Клу, осмотрѣли сухіе фонтаны, восклицая: «должно-быть, очень красиво, когда пущена вода», завтракали въ трактирѣ *Черная голова* (Tête-Noire), куда не заходилъ еще Кастенъ, угостили себя партіей въ серсо въ рощѣ у большого бассейна, лазили въ Діогеновскій фонарь, играли на миндальное пирожное въ рулетку у Севрскаго моста, нарвали себѣ букетовъ въ Пюто, накупили дудокъ въ Нейльи, ѣли вездѣ яблочныя оладьи и были безконечно счастливы.

Молодыя дѣвушки болтали и щебетали, точно малиновки, улетѣвшія изъ клѣтокъ. Онѣ были въ восторгѣ. Иногда онѣ, шутя, толкали молодыхъ людей. Опьянѣніе молодости! Чудные годы! Трепетаніе крыльевъ стрекозъ! О, кто бы вы ни были, читатель, вспоминаете ли вы это время? Раздвигали ли вы вѣтки, бродя по чащѣ, для милой головки, шедшей за вами? Скользили ли вы по какой-нибудь кручѣ послѣ дождя, заливаясь смѣхомъ, держа за руку любимую женщину, восклицающую: «Ахъ, мои новые ботинки, на что они теперь похожи!» Замѣтимъ кстати, что погода была чу́дная и что маленькая непріятность ливня миновала веселую компанію, хотя при отъѣздѣ заботливая Фаворита и предсказывала материнскимъ тономъ:

— Дѣти мои, улитки ползаютъ по тропинкамъ — примѣта къ дождю.

Всѣ четыре дѣвушки были безумно хороши. Одинъ старый классическій поэтъ, бывшій тогда въ славѣ, старичокъ, имѣвшій свою Элеонору, кавалеръ Лабуисъ, прогуливаясь въ каштановой рощѣ въ Сенъ-Клу, встрѣтилъ ихъ въ то утро и, вспомнивъ грацій, воскликнулъ: *Одна между ними лишняя!* Фаворита, подруга Блашвелля, двадцатитрехлѣтняя старуха, предводительствуя веселымъ

шествіемъ, бѣжала впереди подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей и, точно лѣсная богиня, перепрыгивала черезъ канавки, пробиралась черезъ кусты. Зефина и Далія, красота которыхъ случайно дополняла одна другую, совсѣмъ не разставались другъ съ другомъ, но больше изъ кокетства, чѣмъ изъ дружбы, и, опираясь другъ на друга, принимали позы англійскихъ леди. Только что появившіеся первые *кипсэки* начали вводить въ моду меланхолію для женщинъ, какъ впослѣдствіи мужчины ударились въ байронизмъ, и прически прекраснаго пола начали уже слегка принимать видъ мечтательнаго безпорядка. Зефина и Далія были причесаны гладкими жгутами. Листолье и Фамейль, увлеченные споромъ о своихъ профессорахъ, объясняли Фантинѣ разницу между г-номъ Дельвенкуромъ и г. Блондо. Казалось, Блашвелль былъ созданъ исключительно для того, чтобы по воскресеньямъ носить въ рукахъ старенькую мериносовую шаль Фавориты.

Толоміесъ шелъ позади всѣхъ, управляя всей группой. Онъ былъ очень веселъ, но въ немъ чувствовался предводитель, въ его веселости было что-то диктаторское; главное украшеніе его составляли нанковыя панталоны цвѣта слоновыхъ ногъ, со штрипками изъ мѣдныхъ проволокъ, въ рукахъ у него была толстая палка изъ индійскаго тростника, стоившая двѣсти франковъ, и такъ какъ онъ не стѣснялъ себя, то во рту у него торчалъ странный предметъ, называемый сигарой. Ничего не было запретнаго для него, — онъ курилъ. «Знаменитый человѣкъ этотъ Толоміесъ, — говорили съ подобострастіемъ другіе. — Какія панталоны! Какая энергія!»

Что касается Фантины, то она была олицетворенная радость, зубки ея ослѣпительно блестѣли и, казалось, были созданы Богомъ только для смѣха. Она охотнѣе носила въ рукахъ, чѣмъ на головѣ, свою простенькую шляпку съ бѣлыми ленточками. Бѣлокурые волосы едва сдерживались шпильками, готовые каждую минуту распуститься, ихъ приходилось часто подшпиливать и они напоминали волосы Галатеи подъ ивами. Розовыя губки въ восторгѣ что-то лепетали. Углы рта, сладострастно приподнятые, какъ на античной маскѣ Эригоны, казалось, подстрекали быть смѣлѣе, но длинныя густыя рѣсницы, скромно опущенныя, набрасывали стыдливую тѣнь на веселую улыбку нижней части лица и остановили бы любого смѣльчака. Во всемъ ея нарядѣ было что-то лучезарное и ликующее. На ней было барежевое платье мальвоваго цвѣта, а сверху длинный кисейный спенсеръ,—изобрѣтеніе Марселя, и называется оно канзу — искаженіе канебьерскаго произношенія словъ «quinze aôut» [1]); это названіе должно выражать тепло, югъ, хорошую погоду; темно-красные башмачки съ ленточками, крестообразно обвивавшимися вокругъ бѣлаго ажурнаго чулка. Другія три дѣвушки, менѣе скромныя, какъ мы уже упоминали, были очень открыто декольтированы, что лѣтомъ при шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами, очень граціозно и пикантно; но рядомъ съ

---

[1]) Пятнадцатое августа.

этими откровенными платьями скромный прозрачный канзу бѣлокурой Фантины, что-то скрывавшій и въ то же время намекавшій на что-то, казался вызывающей находкой для приличнаго кокетства, и, можетъ-быть, на пресловутомъ «судѣ любви» виконтесы де-Сеттъ, обладавшей такими чудными глазами цвѣта морской волны, этому скромному канзу, именно благодаря его наивному цѣломудрію, присудили бы призъ за кокетливость, а не за скромность. Наивность иногда оказывается величайшей опытностью. Да, это бываетъ.

Съ тонкимъ профилемъ, съ темно-голубыми глазами и длинными густыми рѣсницами, съ маленькими, высокими въ подъемѣ, ножками, съ прекрасными сгибами рукъ и ногъ, съ бѣлой кожей, сквозь которую тамъ и сямъ просвѣчивали синія жилки, съ розовыми молодыми щечками, съ красивой шеей египетскихъ Юнонъ, съ упругимъ и сильнымъ затылкомъ, съ плечами, выточенными какъ бы рѣзцомъ Кусту, и съ сладострастной ямочкой посрединѣ, просвѣчивающейся изъ-подъ кисеи, веселая, стройная и изящная—такова была Фантина; подъ тканями и лентами чувствовалась статуя, въ статуѣ чувствовалась душа.

Фантина была красавица, но сама этого не сознавала. Рѣдкіе мечтатели, поклонники таинственной красоты, проводящіе втайнѣ сравненіе между дѣйствительностью и идеаломъ совершенства, подмѣтили бы въ этой ничтожной швеѣ, подъ прозрачнымъ покровомъ парижской граціи, гармонію античныхъ формъ.

Мы уже сказали, что Фантина была олицетворенная радость, прибавимъ еще, что она была также олицетворенная скромность.

Наблюдатель, который сталъ бы внимательно изучать ее, увидалъ бы, что въ ней просвѣчивало сквозь опьянѣніе любви, молодости и веселости какое-то непобѣдимое выраженіе сдержанности и скромности. Она точно постоянно недоумѣвала. Это цѣломудренное недоумѣваніе и составляетъ оттѣнокъ, отличающій Психею отъ Венеры. У Фантины были длинные, тонкіе пальцы весталки, мѣшающей длинною золотою булавкой пепелъ священнаго огня. Хотя она не отказывала въ своихъ ласкахъ, какъ мы увидимъ дальше, любимому ею Толоміесу, но ея лицо въ спокойныя минуты выражало цѣломудренную чистоту. Временами въ немъ замѣчалась даже суровость, чрезвычайно странные были эти рѣзкіе переходы отъ строгаго достоинства къ порывамъ рѣзвой веселости—и обратно. Въ эти строгія минуты Фантина почти казалась надменною богиней. Ея лобъ, носъ и подбородокъ отличались соразмѣрностью линій, что составляетъ, такъ сказать, гармонію лица. Въ характерномъ промежуткѣ между окончаніемъ носа и верхней губой у нея была та едва замѣтная и обольстительная складочка, которая служитъ признакомъ цѣломудрія и благодаря которой Барберусъ влюбился въ статую Діаны, найденную при раскопкахъ въ Иконіи. Пусть любовь—грѣхъ, но у Фантины невинность преобладала надъ грѣхомъ.

IV.

Толоміесъ до того развеселился, что поетъ испанскую пѣсню.

Весь этотъ день былъ ясенъ, какъ утренняя заря. Казалось, что вся природа ликовала и смѣялась. Цвѣтники въ Сенъ-Клу расточали благовоніе; легкій вѣтерокъ, дувшій съ Сены, шелестилъ листьями деревьевъ; вѣтки мягко колебались; пчелы грабили жасмины; цѣлый рой бабочекъ носился въ прозрачномъ воздухѣ и садился на ахилеи, клеверъ и метелку; въ священномъ паркѣ короля Франціи оглушительно чирикали цѣлыя стаи веселыхъ бродячихъ птичекъ.

Четыре веселыя пары смѣшались съ солнечнымъ свѣтомъ, съ полями, цвѣтами, деревьями—и блаженствовали.

И въ этомъ общемъ раю, болтая, распѣвая, бѣгая, танцуя, гоняясь за бабочками, срывая колокольчики, промачивая свои розовые ажурные чулки въ высокой травѣ, свѣжія, веселыя, добродушныя, молодыя дѣвушки попутно получали поцѣлуи то отъ одного, то отъ другого, за исключеніемъ Фантины, которая замкнулась въ какое-то неясное, почти суровое отчужденіе,—она любила.

— Ты всегда, точно недотрога какая,—говорила ей Фаворита.

Такъ умѣетъ наслаждаться молодость. Присутствіе счастливыхъ парочекъ таинственно вліяетъ на жизнь и природу, оно изъ всего извлекаетъ радость и свѣтъ. Жила когда-то фея, создавшая луга и деревья нарочно для влюбленныхъ. Благодаря ей создалась та школа, которую проходятъ всѣ влюбленные, и, пока будутъ существовать на свѣтѣ деревья и молодость, до тѣхъ поръ влюбленные вѣчно будутъ бѣгать по лѣсамъ. Оттого-то и весна пользуется такою популярностью у поэтовъ. Патрицій и поденщикъ, герцогъ-пэръ и ничтожный приказный, придворный и крестьянинъ, выражаясь по-старинному, — всѣ они подвластны этой феѣ. Смѣются, ищутъ другъ друга, въ воздухѣ носится какой-то особенный свѣтъ, все измѣняется подъ вліяніемъ любви! Жалкій писецъ нотаріуса преображается въ полубога. Визгъ, пискъ, погоня другъ за другомъ по травѣ, объятія на бѣгу, лепетъ, похожій на мелодію, признанія, выражаемыя какимъ-нибудь восклицаніемъ, вишни, вырываемыя изъ губъ губами,—все сливается въ одно небесное ликованіе. Красивыя дѣвушки щедро расточаютъ свои ласки. Подумаешь, и конца этому не будетъ. Философы, поэты, художники смотрятъ на этотъ экстазъ и не знаютъ, что съ нимъ дѣлать, настолько онъ ослѣпителенъ. «Отъѣздъ на островъ Цитеру!» восклицаетъ Ватто. Ланкре, простонародный художникъ, созерцаетъ этихъ обывателей, улетающихъ на седьмое небо. Дидро раскрываетъ объятія всѣмъ этимъ влюбленнымъ, а д'Юрфе примѣшиваетъ къ нимъ друидовъ.

Послѣ завтрака четыре парочки отправились взглянуть въ такъ называвшемся тогда королевскомъ цвѣтникѣ на новое, только что привезенное изъ Индіи, растеніе (не могу сейчасъ припомнить его названіе), привлекавшее въ то время въ Сенъ-Клу весь Парижъ. Это было необыкновенное и красивое деревцо, на высокомъ ство-

лѣ, съ безчисленными тоненькими, какъ ниточки, перепутанными вѣточками безъ листьевъ, унизанными безчисленнымъ количествомъ бѣленькихъ розанчиковъ, что придавало деревцу видъ растрепанной прически, посыпанной цвѣтами. Вокругъ него всегда стояла толпа любопытныхъ.

Осмотрѣвъ деревцо, Толоміесъ воскликнулъ:

— Я предлагаю покататься на ослахъ! — и, сторговавшись съ погонщикомъ, они вернулись на ослахъ черезъ Ванвъ и Исси.

Въ Исси произошелъ инцидентъ. Паркъ, національная собственность, находившійся въ то время во владѣніи нѣкоего Бургена, былъ случайно не запертъ. Они вошли черезъ ворота рѣшетки, посѣтили гротъ, гдѣ былъ манекенъ въ одеждѣ анахорета, позабавились разными таинственными впечатлѣніями кабинета съ зеркалами—прихотливая выдумка, достойная сатира, сдѣлавшагося милліонеромъ, или Тюркарэ, превращеннаго въ Пріапа. Молодые люди усердно раскачали сѣтку, повѣшенную въ видѣ качелей на двухъ каштановыхъ деревьяхъ, воспѣтыхъ аббатомъ де-Берни. Среди общаго смѣха, они поочередно качали своихъ красавицъ. Во время качанья у тѣхъ развѣвались ихъ легкія юбки, образуя граціозныя складки, которыя были бы находкой для Грёза. Толоміесъ, уроженецъ Тулузы, и слѣдовательно немного испанецъ,—Тулуза двоюродная сестра Толозы,—спѣлъ меланхолическую старую испанскую пѣсню, вѣроятно, вдохновленную какой-нибудь красавицей, качавшейся между двумя деревьями:

Soy de Badajos.
Amor me llama.
Toda mi alma
Es en mi ojos,
Porque ensenas
A tus piernas.

Фантина одна отказалась качаться.

— Вотъ ужъ не люблю, когда такъ ломаются,—проворчала по этому поводу не безъ ядовитости Фаворита.

Послѣ катанія на ослахъ придумали новое удовольствіе: переправились черезъ Сену на лодкѣ и черезъ Пасси пошли пѣшкомъ до заставы Этуаль. Не надо забывать, что они были на ногахъ съ пяти часовъ утра.

— Что за бѣда! *По воскресеньямъ не устаютъ,*—говорила Фаворита:—*воскресенье день не рабочій, не съ чего устать.*

Около трехъ часовъ всѣ четыре парочки, счастливыя до самозабвенія, катались на русскихъ горахъ, довольно странной постройки, сооруженныхъ въ то время на Божонскихъ холмахъ, извилистая линія которыхъ виднѣлась надъ верхушками деревьевъ Елисейскихъ Полей.

Время отъ времени Фаворита восклицала:

— А сюрпризъ? Требую сюрприза!

— Имѣйте терпѣніе,—отвѣчалъ Толоміесъ.

V.

У Бомбарды.

Накатавшись досыта съ русскихъ горъ, стали подумывать и объ обѣдѣ. Вся веселая восьмерка гуляющихъ, немного притомившись, осѣла, наконецъ, въ кабачкѣ Бомбарды, основанномъ въ Елисейскихъ Поляхъ знаменитымъ трактирщикомъ съ улицы Риволи, вывѣска котораго виднѣлась рядомъ съ пассажемъ Делормъ.

Они заняли большую, но некрасивую комнату съ альковомъ и кроватью въ глубинѣ (въ виду страшнаго переполненія кабачка воскресной публикой, пришлось примириться и съ этимъ помѣщеніемъ). Изъ двухъ выходившихъ на рѣку оконъ можно было любоваться прибрежными ивами и набережной. Прекрасное августовское солнце освѣщало окна; въ комнатѣ было два стола: на одномъ громоздилась гора букетовъ вперемежку съ женскими и мужскими шляпами; четыре веселыя пары сидѣли у второго стола, заставленнаго блюдами, тарелками, бутылками, стаканами и кружками пива, стоявшими рядомъ съ бутылками вина; мало порядка было на столѣ, но подъ столомъ безпорядка было еще больше.

Ils faisaient sous la table [1],
Un bruit, un trique-trac de pieds épouvantable,

какъ говоритъ Мольеръ.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась въ половинѣ пятаго пастушеская идиллія. Солнце клонилось къ закату, аппетитъ былъ утоленъ.

На Елисейскихъ Поляхъ, залитыхъ солнцемъ и толпой, виднѣлись только свѣтъ и пыль,—двѣ вещи, изъ которыхъ состоитъ слава. Мраморные кони Марли, взвившіеся на дыбы, вырисовывались среди золотистаго облака пыли. Экипажи сновали взадъ и впередъ. Эскадронъ блестящихъ лейбъ-гвардейцевъ, съ горнистомъ во главѣ, спускался по авеню Нейльи; бѣлое знамя, слегка порозовѣвшее подъ лучами заката, развѣвалось надъ куполомъ Тюильрійскаго дворца. Площадь Согласія, переименованная по-старому въ площадь Людовика XV, кишѣла веселой публикой. На многихъ были надѣты бѣлыя муаровыя ленты съ серебряными лиліями, которыя въ 1817 г. нѣкоторые носили еще и въ бутоньеркахъ. Тамъ и сямъ среди прохожихъ маленькія дѣвочки, окруженныя толпою аплодирующихъ зрителей, водили хороводы, плясали и пѣли бурбонскую пѣсню, громившую Сто-Дней, съ извѣстнымъ припѣвомъ:

Rendez-nous notre père de Gand,
Rendez-nous notre père. [2])

Большая площадь Мариньи была наполнена гуляющими изъ предмѣстій Парижа, одѣтыми въ праздничные наряды. Нѣкоторые

---

[1]) Они страшно возились и стучали подъ столомъ ногами.

[2]) Отдайте намъ нашего папашу изъ Гента, отдайте намъ нашего папашу.

украсили себя лиліями. Всѣ веселились: кто игралъ въ кольца, кто ѣздилъ верхомъ на деревянныхъ лошадкахъ карусели, нѣкоторые пили; мальчики, преимущественно типографскіе ученики, были въ бумажныхъ колпакахъ; всюду раздавался веселый хохотъ. Всѣ были въ какомъ-то радужномъ настроеніи духа. Это было время мирнаго настроенія и полнѣйшей обезпеченности королевской власти; какъ разъ въ эту эпоху префектъ полиціи Англесъ въ тайной докладной запискѣ, составленной для короля, писалъ слѣдующій отзывъ о предмѣстьяхъ: «Принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, вашему величеству нечего опасаться этихъ людей. Они беззаботны и лѣнивы, какъ кошки. Провинціальная чернь буйна, но парижская совсѣмъ не такова. Здѣсь все народъ малорослый. Ваше величество, надо было бы поставить двухъ рабочихъ одного на другого, чтобы вышелъ одинъ изъ вашихъ гренадеровъ. Не предвидится никакой опасности со стороны столичнаго простонародья. Замѣчательно, что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ оно стало еще ниже ростомъ. Населеніе предмѣстья Парижа значительно измельчало, сравнительно съ тѣмъ, что было до революціи. Оно совершенно не опасно. Въ сущности это—народъ очень добродушный».

Префекту полиціи, конечно, и въ умъ не приходило, что кошка иногда можетъ превратиться въ льва, а между тѣмъ это бываетъ. Это-то и есть одно изъ чудесъ Парижа. Впрочемъ, кошка, о которой упоминаетъ съ такимъ презрѣніемъ графъ Англесъ, уважалась древними республиканцами,—это животное въ ихъ глазахъ было символомъ свободы, и въ Коринѳѣ на общественной площади стояла колоссальная бронзовая статуя кошки, наподобіе того, какъ статуя Минервы украшала площадь въ Пиреѣ. Наивная полиція Реставраціи смотрѣла на парижскую чернь съ излишне оптимистической точки зрѣнія. Парижанинъ былъ въ то время въ глазахъ французовъ тѣмъ же, чѣмъ аѳинянинъ для грековъ. Никто не спитъ лучше парижанина, никто не выставляетъ такъ откровенно на показъ свою лѣнь и легкомысліе, никто, какъ кажется, не умѣетъ лучше его все забывать, но всему этому не слѣдуетъ особенно довѣрять. Онъ беззаботенъ, но стоитъ славѣ его поманить, и онъ способенъ проявить необыкновенную ярость, лишь бы добиться цѣли. Дайте ему пику,—и онъ сдѣлаетъ 10-е августа; дайте ружье,—и будетъ Аустерлицъ. Онъ—орудіе Наполеона и Дантона. Идетъ рѣчь объ отечествѣ—онъ записывается въ солдаты; идетъ дѣло о свободѣ—онъ строитъ баррикады. Остерегайтесь! Его всклоченные волосы выражаютъ эпическій гнѣвъ; блуза его превращается въ хламиду. Изъ первой попавшейся какой-нибудь Гренетской улицы онъ способенъ создать Кавдинское ущелье. Когда пробьетъ часъ, предмѣстье сразу выростаетъ, низенькій блузникъ выпрямляется, взглядъ его становится грознымъ, дыханіе обращается въ бурю, изъ его жалкой, узкой груди, вырывается ураганъ, способный потрясти вершины Альпъ. Именно благодаря парижскому предмѣстью, революція, соединившись съ арміей, завоевала Европу. Блузникъ поетъ—это его веселье. Согла-

суйте его пѣсню съ его природой, и вы увидите, на что онъ способенъ!

Сдѣлавъ эту замѣтку, которую можно было бы написать на поляхъ доклада Англеса, мы снова возвращаемся къ нашимъ четыремъ парочкамъ.

Обѣдъ, какъ мы уже сказали, близился къ концу.

VI.

Глава, въ которой другъ друга боготворятъ.

Застольныя рѣчи и любовная болтовня, тѣ и другія одинаково неуловимы; любовныя рѣчи—это легкая дымка, застольныя рѣчи—дымъ.

Фамейль и Далія напѣвали, Толоміесъ пилъ, Зефина смѣялась, Фантина улыбалась. Листолье дулъ въ деревянную дудку, купленную имъ въ Сенъ-Клу. Фаворита, нѣжно глядя на Блашвелля, сказала:

— Блашвелль, я тебя обожаю.

Это вызвало вопросъ со стороны Блашвелля:

— Что бы ты сдѣлала, Фаворита, если бъ я разлюбилъ тебя?

— Что бы я сдѣлала!—воскликнула Фаворита.—Ахъ, не говори этого даже въ шутку! Если бъ ты разлюбилъ меня, я бы кинулась на тебя, расцарапала бы тебѣ лицо, изорвала бы всего, бросила бы въ воду, устроила бы такъ, чтобы тебя арестовали.

Блашвелль улыбался съ пошлымъ самодовольствомъ человѣка, самолюбіе котораго пріятно пощекотали. Фаворита продолжала:

— Да, я закричала бы караулъ! Ахъ! я бы не стала церемониться...

Блашвелль въ восторгѣ опрокинулся на спинку стула и самодовольно зажмурилъ глаза.

Далія продолжала усердно кушать, и, среди общаго шума, шопотомъ спросила Фавориту:

— Ты очень любишь своего Блашвелля?

— Я? Да я его ненавижу,—отвѣчала тѣмъ же тономъ Фаворита, хватаясь за вилку.—Онъ очень скупъ. Я влюблена въ моего сосѣда. Это очень красивый молодой человѣкъ; ты его не знаешь? Видно, что у него призваніе быть актеромъ, а я очень люблю актеровъ. Какъ только онъ приходитъ домой, мать говоритъ: «Ахъ, Боже мой, теперь онъ мнѣ не дастъ больше покоя, онъ опять начнетъ кричать. Мой другъ, ты способенъ совсѣмъ оглушить меня!» Онъ ходитъ по всему дому, заходитъ въ подвалы, на чердаки, взбирается такъ высоко, какъ только можетъ, поетъ, декламируетъ, ужъ я не знаю что, такъ громко, что его слышно внизу. Онъ зарабатываетъ уже теперь двадцать су въ день, переписывая бумаги у какого-то адвоката. Онъ сынъ бывшаго пѣвчаго изъ церкви св. Якова. Ахъ, какъ онъ хорошъ! Онъ до того меня обожаетъ, что разъ, заставъ меня, когда я мѣшала тѣсто

для пышекъ, онъ сказалъ мнѣ: M-lle, *состряпайте оладьи изъ вашихъ перчатокъ, я ихъ съѣмъ.* Только артисты способны говорить такія вещи. Ахъ, какъ онъ милъ. Я, право, готова влюбиться въ него. Но все равно, я продолжаю говорить Блашвеллю, что боготворю его. Какъ я лгу! Охъ! какъ лгу!

Фаворита, помолчавъ немного, продолжала:

— Видишь ли, Далія, въ какомъ я грустномъ настроеніи: все лѣто шелъ дождикъ, вѣтеръ меня раздражаетъ, а между тѣмъ онъ дуетъ почти каждый день. Блашвелль скаредъ; на рынкѣ ничего нѣтъ, насилу достанешь зеленаго горошку, не знаешь, что и ѣсть; у меня сплинъ, какъ говорятъ англичане; масло страшно вздорожало! Посмотри, какая гадость: мы обѣдаемъ въ комнатѣ, гдѣ стоитъ кровать. Черезъ это все мнѣ просто жизнь опостылѣла.

VII.

Мудрость Толоміеса.

Тѣмъ временемъ одни пѣли, другіе говорили всѣ разомъ, никто никого не слушалъ,—въ комнатѣ стоялъ страшный шумъ.

Наконецъ Толоміесъ возвысилъ голосъ:

— Не будемъ говорить случайно или спѣшно!—воскликнулъ онъ.—Кто хочетъ быть краснорѣчивымъ, тотъ долженъ хорошо обдумывать свои слова. Избытокъ импровизаціи туманитъ умъ. Откупоренное пиво перестаетъ пѣниться. Господа, не спѣшите. Давайте ѣсть съ толкомъ, пировать медленно. Не надо торопиться. Вспомните весну: когда она поспѣшитъ, то непремѣнно дастъ осѣчку и явятся заморозки. Избытокъ усердія губитъ персиковыя и абрикосовыя деревья. Избытокъ усердія портитъ удовольствіе хорошаго обѣда. Не усердствуйте, господа! Гримо де-ла-Реніеръ сходится въ этомъ случаѣ съ Талейраномъ.

Легкій ропотъ послышался между присутствующими.

— Оставь насъ въ покоѣ,—сказалъ Блашвелль.

— Долой тирана!—крикнулъ Фамейль.

— Бомбарда, Бомбансъ и Бамбошъ!—воскликнулъ Листолье.

— На то и существуетъ воскресенье,—сказалъ Фамейль.

— Мы вовсе не пьяны,—прибавилъ Листолье.

— Толоміесъ,—сказалъ Блашвелль,—полюбуйся на мое спокойствіе.

— Ну еще бы! Ты настоящій маркизъ Монкальмъ (mon calme—мое спокойствіе),—отвѣчалъ Толоміесъ.

Дешевый каламбуръ подѣйствовалъ, какъ камень, брошенный въ прудъ. Всѣ лягушки разомъ присмирѣли. Маркизъ Монкальмъ былъ въ то время знаменитый роялистъ.

— Друзья,—воскликнулъ Толоміесъ тономъ человѣка, вновь овладѣвшаго вниманіемъ общества,—придите въ себя. Не восхищайтесь слишкомъ остротой, свалившейся съ неба, она не всегда заслуживаетъ удивленія и уваженія. Каламбуръ—изощреніе ума. Шутка падаетъ куда ни попало, а умъ, выдумавшій глупость, взвивается въ лазурную высь. Бѣлое пятно, ложащееся на утесъ, не

мѣшаетъ орлу парить. Но я не отрицаю каламбура! Все самое величественное, почтенное и самое привлекательное въ человѣчествѣ, а можетъ-быть, даже выше человѣчества, забавлялось игрой словъ. Эсхилъ острилъ надъ Полиникой, Клеопатра—надъ Октавіемъ. Замѣтьте, что остроты Клеопатры были до битвы при Акціумѣ, и безъ этой игры словъ никто бы не вспомнилъ о городкѣ Торинѣ,—греческое слово, обозначающее разливательную ложку. Ограничившись этимъ, я возвращаюсь къ своей рѣчи. Братья мои, повторяю вамъ, умѣрьте ваше усердіе, не суетитесь и не излишествуйте даже въ остротахъ, шуткахъ и прибауткахъ. Послушайте меня, я обладаю осторожностью Амфіарая и лысиной Цезаря. Всему должна быть граница. Est modus in rebus. Нуженъ предѣлъ всему, даже и обѣду. Вы любите яблочныя оладьи, сударыни? Кушайте ихъ, но не объѣдайтесь ими. Даже къ оладьямъ надо относиться съ здравымъ смысломъ и чувствомъ мѣры. Обжорство наказываетъ обжору. Господь послалъ намъ для назиданія—несвареніе желудка. Запомните слѣдующее: каждая изъ нашихъ страстей, даже любовь, имѣетъ свой желудокъ, обременять который не годится. Во всякомъ случаѣ нужно во-время написать finis (конецъ); надо умѣть обуздать себя, когда этого требуетъ необходимость; запереть на замокъ свой аппетитъ, посадить въ кутузку свое воображеніе и отвести самого себя на гауптвахту. Мудрецъ тотъ, кто умѣетъ во-время посадить себя подъ арестъ. Имѣйте ко мнѣ нѣкоторое довѣріе. Если я имѣю нѣкоторое понятіе о правѣ, какъ свидѣтельствуютъ мои экзамены, если я знаю разницу между вопросомъ обсуждаемымъ и вопросомъ, стоящимъ на очереди, если я защищалъ докторскую диссертацію на латинскомъ языкѣ о пыткахъ, производившихся въ Римѣ въ то время, когда Мунатій Демесъ былъ квесторомъ по дѣламъ отцеубійства, если я буду, кажется, скоро докторомъ правъ,—то изъ всего этого еще не слѣдуетъ, что я дуракъ. Я совѣтую вамъ умѣренность въ вашихъ желаніяхъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Феликсъ Толоміесъ. Счастливъ тотъ, кто во-время умѣетъ отречься отъ власти, какъ Сулла и Оригенъ!

Фаворита внимательно слушала.

— Феликсъ—какое красивое имя! Какъ я люблю это имя,—сказала она.—Это латинское слово. Оно означаетъ «счастливый».

Толоміесъ продолжалъ:

— Квириты, джентльмены, кабалеросы, друзья мои! Желаете вы знать, какъ можно обойтись безъ любви и безъ брачнаго ложа? Нѣтъ ничего проще. Вотъ рецептъ: пейте лимонадъ, работайте до изнеможенія, таскайте камни, не спите, бодрствуйте, напивайтесь азотистыми жидкостями и настоемъ изъ нимфея, кушайте эмульсіи изъ мака и изъ агнусъ-кастуса, придерживайтесь строгой діэты, морите себя голодомъ и принимайте холодныя ванны, носите поясъ изъ сушеныхъ травъ и свинца, употребляйте примочки изъ эссенціи Сатурна и прохладительные напитки съ уксусомъ.

— Я предпочитаю женщину,—сказалъ Листолье.

— Женщину! — возразилъ Толоміесъ. — Не довѣряйтесь ей. Горе тому, кто положится на измѣнчивое женское сердце! Женщина коварна и изворотлива. Она ненавидитъ змѣя, потому что соперничаетъ съ нимъ. Змѣй, это—ея, такъ сказать, конкурентъ.

— Толоміесъ,—закричалъ Блашвелль,—ты пьянъ!

— Вотъ еще!—сказалъ Толоміесъ.

— Ну, такъ будь повеселѣй,—посовѣтовалъ Блашвелль.

— Согласенъ,—возразилъ Толоміесъ и, наполнивъ стаканъ виномъ, онъ всталъ.—Слава вину! Nunc te, Bacche, canam![1]) Извините, сударыни, это по-испански. Въ доказательство того, сеньоры, я скажу вамъ, что каковъ народъ, такова и бочка. Въ кастильскій «арродъ», входитъ шестнадцать литровъ, въ аликантское «кантаро»—двѣнадцать, въ «альмудъ» Канарскихъ острововъ—двадцать пять, въ «квартинъ» Балеарскихъ острововъ—двадцать шесть, въ сапогъ Петра Великаго—тридцать. Да здравствуетъ великій царь и его высокій сапогъ! Сударыни, примите мой дружескій совѣтъ: принимайте чужихъ любовниковъ, сколько душѣ угодно. Любви свойственны ошибки. Любовь не создана для того, чтобъ ползать и пресмыкаться, какъ англійская служанка, натирающая себѣ мозоли на колѣняхъ отъ вѣчнаго мытья половъ. Она создана не для того, она весело заблуждается, любовь нѣжна и пріятна! Говорятъ, человѣчеству свойственно ошибаться, я же говорю: страшитесь любви. Сударыня, я васъ всѣхъ обожаю. О Зефина, о Жозефина, вы были бы болѣе, чѣмъ прелестны, если бъ лицо ваше не было нѣсколько помято и немного криво. Вы похожи на хорошенькую рожицу, на которую кто-то нечаянно сѣлъ. Что касается Фавориты, о нимфы и музы!... Однажды Блашвелль увидалъ прелестную дѣвицу въ бѣлыхъ и хорошо натянутыхъ чулкахъ, показывавшую прохожимъ свои ножки. Этотъ прологъ понравился ему, и Блашвелль влюбился. Та, въ кого онъ влюбился, была Фаворита. О Фаворита, у тебя іоническія губы. Былъ одинъ греческій живописецъ, по имени Эфоріонъ, прозванный живописцемъ губъ. Только одинъ этотъ грекъ сумѣлъ бы нарисовать твой ротъ. Послушай! До тебя не было женщины, достойной этого имени. Ты создана для того, чтобы получить яблоко, какъ Венера, и съѣсть его, какъ Ева. Въ тебѣ начало всякой красоты. Я только что упомянулъ Еву, ты создала ее. Ты заслуживаешь медали, какъ изобрѣтательница хорошенькой женщины. О Фаворита, я перестаю говорить вамъ ты, потому что перехожу отъ поэзіи къ прозѣ. Вы только что говорили о моемъ имени, это тронуло меня, но кто бы мы ни были, не будемъ довѣрчивы къ именамъ. Они обманчивы. Меня зовутъ Феликсомъ, а между тѣмъ я далеко не счастливъ. Слова—лжецы. Не будемъ же слѣпо вѣрить тому, на что они указываютъ. Было бы ошибочно выписывать пробки изъ Льежа и перчатки изъ По. Миссъ Далія[2]), на

---

[1]) Теперь воспою тебя, Вакхъ!
[2]) Dahlia значитъ георгинъ.

вашемъ мѣстѣ я назвалъ бы себя Розой. Цвѣтокъ долженъ хорошо пахнуть, а женщина должна быть умной. Я ничего не говорю о Фантинѣ. Она—мечтательница, она впечатлительна, она нѣжная «не тронь меня», призракъ, принявшій образъ нимфы и облекшійся въ цѣломудріе монахини; ошибкой попала она въ гризетки, увлекается въ то же время своими иллюзіями, поетъ и молится, и любуется небомъ, не сознавая хорошенько того, что она видитъ и дѣлаетъ, и, устремивъ глаза на небо, бродитъ въ саду, гдѣ ея воображенію рисуется больше птицъ, чѣмъ ихъ существуетъ во всей вселенной. О, Фантина, узнай слѣдующее: я, Толоміесъ, тоже иллюзія. Но она меня даже не слушаетъ, свѣтлокудрая дочь химеръ! Впрочемъ, въ ней есть все: свѣжесть, нѣжность, молодость, нѣжная утренняя заря. О, Фантина—дѣва, достойная называться маргариткой или жемчужиной, вы настоящая дочь Востока и даже одна изъ самыхъ красивыхъ. Сударыни, и дамъ вамъ еще другой совѣтъ: не выходите замужъ. Бракъ—прививка; прививка можетъ удаться, можетъ и не удаться; избѣгайте этой опасности. Но—увы!—зачѣмъ я все это говорю? Я беру свои слова назадъ. Дѣвушки неизлѣчимы, когда дѣло касается брака, и, что бы ни говорили мы, умудренные жизнью, все это не помѣшаетъ жилетницамъ и башмачницамъ мечтать о мужьяхъ, осыпанныхъ брильянтами. Пусть будетъ такъ, красавицы, но запомните еще одинъ совѣтъ: вы слишкомъ много кушаете сахару. У васъ, о женщины, одинъ недостатокъ, это вѣчно грызть сахаръ. О грызуньи, ваши бѣленькіе зубки обожаютъ сахаръ. Но помните: сахаръ—это та же соль. Всякая соль сушитъ. А сахаръ сушитъ больше всякой другой соли. Онъ высасываетъ кровь изъ жилъ; отсюда происходитъ сгущенье, а потомъ застой крови; далѣе въ легкихъ появляются туберкулы и затѣмъ смерть. Сахарная болѣзнь часто оканчивается чахоткой. Итакъ, не ѣшьте много сахару и проживете долго. Обращаюсь къ мужчинамъ. Господа, старайтесь одерживать какъ можно больше побѣдъ. Отбивайте безъ всякаго зазрѣнія совѣсти другъ у друга своихъ возлюбленныхъ. Мѣняйтесь ими. Дѣлайте шассэ-круазэ. Въ любви нѣтъ дружбы. Всюду хорошенькая женщина поселяетъ вражду между мужчинами. Не знайте пощады, ведите открыто войну. Хорошенькая женщина составляетъ casus belli; хорошенькая женщина—это всегда поимка съ поличнымъ Всѣ историческія завоеванія опредѣляются женщиной. Женщина—право мужчины. Ромулъ похитилъ сабинокъ, Вильгельмъ—саксонокъ, Цезарь—римлянокъ. Человѣкъ, не имѣющій возлюбленной, кружится, подобно ворону, надъ чужими любовницами; что касается меня, то я приведу этимъ несчастнымъ вдовцамъ великолѣпное воззваніе Бонапарта къ итальянской арміи: «Солдаты, вы нуждаетесь во всемъ. У непріятеля есть все».

Толоміесъ остановился.

— Переведи духъ, Толоміесъ,—сказалъ Блашвелль.

Въ это время Блашвелль вмѣстѣ съ Листолье и Фамейлемъ затянули пѣсню рабочихъ съ жалобнымъ напѣвомъ, составленную

изъ набора словъ, то риѳмованную, то безъ риѳмъ, лишенную смысла, какъ движеніе древесныхъ вѣтокъ при вѣтрѣ,—пѣсню, рожденную въ дыму трубокъ и исчезающую вмѣстѣ съ нимъ.

Но пѣнье не остановило импровизацію Толоміеса; онъ допилъ свой стаканъ, снова его налилъ и снова началъ:

— Долой разсудокъ! Забудьте все, что я говорилъ. Не будемъ щепетильны, не будемъ осторожны, не будемъ предусмотрительны. Предлагаю тостъ за веселье; будемъ веселы! Дополнимъ наше ученіе о правѣ всякими глупостями и ѣдой. Да здравствуетъ несвареніе и свареніе желудка! Да будетъ Юстиніанъ мужемъ, а Рипайль женой. Да возрадуется все живущее на свѣтѣ. Да живетъ и да пользуется жизнью всякая тварь! Міръ—громадный брильянтъ. Я счастливъ. Летаютъ удивительныя птицы. Всѣ ликуютъ. Соловьи поютъ. Привѣтствую тебя, лѣто. О Люксембургъ! О георгины улицы Мадамъ и аллеи Обсерваторіи! О мечтательные воины! О добродушныя няни, охраняющія малютокъ и сами готовыя ихъ рожать! Американскіе пампасы привлекали бы меня, если бъ у меня не было сводовъ Одеона. Моя душа улетаетъ въ дѣвственные лѣса и саванны. Все прекрасно. Въ сіяніи лучей жужжатъ мухи. Солнце чихнуло, и на свѣтѣ появилось колибри. Поцѣлуй меня, Фантина.

Онъ ошибся и поцѣловалъ Фавориту.

VIII.

Смерть лошади.

— У Эдона обѣды лучше, чѣмъ у Бомбарды!—воскликнула Зефина.

— А по-моему, у Бомбарды гораздо лучше чѣмъ у Эдона,—объявилъ Блашвелль.—У него больше роскоши. Больше напоминаетъ Востокъ. Возьмите хоть залу внизу. Всѣ стѣны въ зеркалахъ.

— Мороженое гораздо лучше, когда оно не на стѣнѣ, а на тарелкѣ [1]),—сказала Фаворита.

Блашвелль настаивалъ:

— Взгляните на ножи. У Бомбарды ручки серебряныя, а у Эдона костяныя. А серебро цѣннѣе кости.

— За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда у кого-нибудь серебряный подбородокъ,—замѣтилъ Толоміесъ.

Въ это время онъ смотрѣлъ на куполъ Инвалиднаго Дома, виднѣвшійся изъ оконъ Бомбарды.

Наступила пауза.

— Толоміесъ,—закричалъ Фамейль,—мы только что спорили съ Листолье...

— Споръ—дѣло хорошее,—отвѣтилъ Толоміесъ,—но ссора еще лучше.

— Мы спорили о философіи.

— Прекрасно.

---

[1]) Игра словъ: glaces—зеркала и мороженое.

— Кто, по-твоему лучше, Декартъ или Спиноза?

— По-моему,—Дезожье,—сказалъ Толоміесъ.

Послѣ такого приговора онъ выпилъ вина и продолжалъ:

— Я согласенъ жить. Еще не все кончено на землѣ, пока можно дѣлать безразсудныя вещи. За это я приношу благодарность безсмертнымъ богамъ. Лжешь, но смѣешься. Утверждаешь, но сомнѣваешься. Силлогизмъ проявляетъ неожиданное. Это великолѣпно. Существуютъ еще на землѣ люди, умѣющіе открывать и закрывать ящикъ съ парадоксами. Вино, которое вы пьете, сударыни, съ такимъ спокойнымъ видомъ, называется мадерой. Знайте, что оно изъ виноградниковъ Кураль дасъ-Фрейрасъ, находящихся на высотѣ трехсотъ семнадцати футовъ надъ уровнемъ моря! Пейте со вниманіемъ! Триста семнадцать футовъ! А господинъ Бомбарда—прекрасный трактирщикъ, угощаетъ насъ тремястами семнадцатью футами, за четыре франка пятьдесятъ сантимовъ.

Фамейль снова прервалъ его:

— Толоміесъ, твое мнѣніе — законъ. Кто твой любимый авторъ?

— Бер...

— Кенъ?

— Нѣтъ, Шу

И Толоміесъ продолжалъ:

— Да здравствуетъ Бомбарда! Онъ уподобился бы Мунофису Элефантскому, если бы могъ мнѣ достать алмею, и Тигеліону Херонейскому, если бы могъ принести мнѣ гетеру, потому что, сударыни, въ Греціи и Египтѣ были свои Бомбарды. Апулей сообщаетъ намъ объ этомъ. Увы! ничто не ново подъ луною. Nil sub sole novum[1],—говоритъ Соломонъ; amor omnibus idem[2],—говоритъ Виргилій. Карабина садится съ Карабиномъ въ лодку въ Сенъ-Клу, какъ Аспазія вмѣстѣ съ Перикломъ ѣхала во главѣ флота изъ Самоса. Послѣднее слово. Знаете ли вы, сударыни, кто была Аспазія? Хотя она жила въ то время, когда въ женщинѣ не признавали еще души, въ ней, однако, была душа; душа съ розовымъ и пурпуровымъ оттѣнкомъ, ярче огня, свѣжѣе зари. Аспазія совмѣщала въ себѣ два противоположныхъ женскихъ типа: проститутки и богини. Мудрость Сократа и страсть Манонъ Леско. Аспазія была создана на случай, если бы Прометею понадобилась любовница.

Казалось, рѣчамъ Толоміеса не будетъ конца, но тутъ вдругъ его остановилъ неожиданный случай. Какъ разъ въ эту минуту на набережной упала лошадь. Толчокъ разомъ осадилъ телѣгу и оратора. То была старая худая кобыла-першеронка, достойная своего хозяина живодера, тащившая тяжело нагруженную телѣгу. Дотащившись до трактира Бомбарды, выбившееся изъ силъ животное остановилось. Происшествіе это привлекло толпу. И только что извозчикъ началъ энергично ругаться и немилосердно при

---

[1]) Ничто не ново подъ солнцемъ.

[2]) Любовь у всѣхъ одна.

этомъ стегнулъ ее кнутомъ, какъ кляча повалилась на землю, чтобъ ужъ больше не подниматься никогда. На шумъ, поднявшійся на улицѣ, веселые собесѣдники Толоміеса подбѣжали къ окну, а Толоміесъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заключить свои разглагольствованія меланхолическими стихами:

Elle était de ce monde où coucous et carrosses
Ont le même destin,
Et, rosse, elle a vécu ce que vivent les rosses,
L'espace d'un matin! [1])

— Бѣдная лошадь,—вздохнула Фантина.

А Далія воскликнула:

— Ну вотъ, Фантина примется теперь оплакивать лошадей. Можно ли быть глупѣе тебя!

Въ эту минуту Фаворита, скрестивъ руки, откинувъ голову назадъ, рѣшительно посмотрѣла на Толоміеса и сказала:

— Ну, когда же, наконецъ, сюрпризъ?

— Вотъ сейчасъ. Время какъ разъ наступило,—отвѣчалъ Толоміесъ.—Господа, насталъ часъ потѣшить нашихъ дамъ. Сударыни, подождите насъ минутку.

— Сюрпризъ начинается съ поцѣлуя,—сказалъ Блашвелль.

— Въ лобъ,—прибавилъ Толоміесъ.

Каждый изъ молодыхъ людей съ серьезнымъ видомъ напечатлѣлъ поцѣлуй на лбу своей возлюбленной; затѣмъ они гуськомъ направились къ двери, приложивъ палецъ къ губамъ.

Фаворита отъ удовольствія захлопала въ ладоши.

— Какъ это весело,—сказала она.

— Не оставайтесь тамъ долго,—прошептала Фантина.—Мы васъ ждемъ.

IX.

Веселый конецъ веселья.

Оставшись однѣ, молодыя дѣвушки помѣстились попарно у оконъ, высунувъ головы изъ окна, и перекликались другъ съ другомъ.

Онѣ видѣли, какъ молодые люди вышли подъ руку изъ трактира и какъ они, обернувшись, со смѣхомъ послали имъ прощальные привѣты, а затѣмъ исчезли въ пыльной воскресной сутолокѣ Елисейскихъ Полей.

— Не оставайтесь долго!—закричала Фантина.

— Что-то они намъ принесутъ?—сказала Зефина.

— Навѣрное, что-нибудь хорошее,—замѣтила Далія.

— Я бы желала, чтобъ это было что-нибудь золотое,—прибавила Фаворита.

Вскорѣ вниманіе ихъ привлекло движеніе на берегу рѣки, видное сквозь вѣтви большихъ деревьевъ и очень забавлявшее ихъ.

---

[1]) Она жила въ томъ мірѣ, гдѣ кукушки и кареты имѣютъ одинаковую судьбу, и будучи клячей, прожила столько, сколько живутъ клячи: одно утро.

Это былъ часъ отправленія мальпостовъ и дилижансовъ. Въ то время почти всѣ почтовыя кареты, отправлявшіяся на югъ и востокъ, проѣзжали черезъ Елисейскія Поля. Большею частью онѣ ѣхали вдоль набережной и въѣзжали въ заставу Пасси. То и дѣло мимо проѣзжала какая-нибудь тяжелая колымага, окрашенная въ черное съ желтымъ, съ цѣлымъ безобразнымъ ворохомъ багажа, состоящимъ изъ разныхъ чемодановъ, сундуковъ, и биткомъ набитая людьми, съ мелькавшими изъ оконъ головами; тяжело громыхая и врѣзываясь въ шоссе, дробя камни и высѣкая искры изъ мостовой, мчалась она сквозь толпу, обдавая прохожихъ густой пылью и наводя ужасъ своимъ грохотомъ. Весь этотъ гамъ забавлялъ молодыхъ дѣвушекъ.

Фаворита воскликнула:

— Вотъ такъ трескъ! Словно тащатъ цѣлый ворохъ цѣпей.

Одна изъ такихъ каретъ остановилась у группы вязовъ, отчасти скрывавшихъ ее, потомъ черезъ минуту помчалась вскачь. Это удивило Фантину.

— Какъ это странно,—замѣтила она:—я думала, что дилижансы никогда не останавливаются.

Фаворита пожала плечами.

— Эта Фантина замѣчательна въ своемъ родѣ. На нее можно ходить смотрѣть какъ на рѣдкость. Она удивляется самымъ простымъ вещамъ. Предположимъ, я пассажиръ и говорю дилижансу: «Я пойду впередъ, а вы меня посадите мимоходомъ на набережной». Дилижансъ меня догоняетъ, останавливается, и я занимаю свое мѣсто. Это случается каждый день. Ты совсѣмъ не знаешь жизни, моя милая.

Прошло еще немного времени. Вдругъ Фаворита сдѣлала движеніе, точно только что проснулась.

— Однако, что же сюрпризъ?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, что же знаменитый сюрпризъ?—повторила Далія.

— Какъ они долго,—прибавила Фантина.

Едва Фантина успѣла проговорить свою жалобу, какъ вошелъ лакей, прислуживавшій имъ за столомъ. Въ рукахъ онъ держалъ что-то похожее на письмо.

— Что это такое?—спросила Фаворита.

— Это бумага, которую вамъ, сударыни, оставили тѣ господа,—отвѣчалъ лакей.

— Почему же вы не сразу ее принесли?

— Потому что эти господа приказали,—отвѣтилъ лакей,—передать ее вамъ, сударыни, только черезъ часъ.

Фаворита вырвала бумагу изъ рукъ лакея. Это было, дѣйствительно, письмо.

— Да оно даже безъ адреса! — воскликнула она, но вотъ что написано:

Это и есть сюрпризъ.

Она быстро распечатала конвертъ, вынула письмо и стала его читать (она была грамотная):

«О наши возлюбленныя!

«Узнайте, что у насъ есть родители. Родители—вы объ этомъ не имѣете яснаго представленія. Такъ по гражданскимъ, пошлымъ и честнымъ законамъ называютъ отцовъ и матерей. Итакъ, эти родители стонутъ, эти старички взываютъ къ намъ, эти добрые мужья и добрыя жены желаютъ нашего возвращенія и обѣщаютъ заклать въ нашу честь тельцовъ. Мы повинуемся имъ. Мы повинуемся, потому что мы добродѣтельны. Въ тотъ часъ, когда вы будете читать эти строки, пять ретивыхъ лошадей будутъ уносить насъ къ нашимъ папашамъ и мамашамъ. Мы удираемъ, какъ говоритъ Боссюэ. Мы ѣдемъ, мы уѣхали. Мы уносимся въ объятіяхъ Лаффита и на крыльяхъ Кальяра. Тулузскій дилижансъ спасаетъ насъ изъ пропасти, а пропасть, это — вы, о наши прекрасныя крошки! Мы возвращаемся въ общество, къ долгу и порядку вскачь, со скоростью, по крайней мѣрѣ, трехъ лье въ часъ. Отечество требуетъ отъ насъ, чтобы мы, подобно всѣмъ прочимъ, сдѣлались префектами, отцами семействъ, полевыми сторожами и государственными совѣтниками. Уважайте насъ. Мы приносимъ себя въ жертву. Оплакивайте насъ какъ можно меньше и замѣстите насъ поскорѣе другими. Если это письмо разрываетъ ваши сердца, отплатите ему тѣмъ же: разорвите его. Прощайте. Почти два года мы дѣлали васъ счастливыми. Ради всего этого просимъ вашего снисхожденія. Подписались: Блашвелль, Фамейль, Листолье, Феликсъ Толоміесъ. *Постъ-скриптумъ:* «За обѣдъ заплачено».

Четыре молодыя дѣвушки переглянулись.

Фаворита первая прервала молчаніе.

— Во всякомъ случаѣ эта шутка недурна! — воскликнула она.

— Это очень смѣшно,—сказала Зефина.

— Это, навѣрное, выдумка Блашвелля,—замѣтила Фаворита.— Я готова за это въ него влюбиться. Кто уѣхалъ, того всегда любятъ. Вотъ такъ исторія!

— Нѣтъ, — сказала Далія, — это идея Толоміеса. Это сейчасъ видно.

— Въ такомъ случаѣ,—возразила Фаворита,—смерть Блашвеллю и да здравствуетъ Толоміесъ!

— Да здравствуетъ Толоміесъ!—закричали Далія и Зефина.

И всѣ громко расхохотались.

Фантина смѣялась вмѣстѣ съ другими.

Но часъ спустя, когда она очутилась въ своей комнатѣ, она горько плакала. Это была, какъ мы уже говорили, ея первая любовь. Она сошлась съ этимъ Толоміесомъ, какъ съ мужемъ, и у бѣдной дѣвушки былъ уже ребенокъ.

Книга четвертая.—ДОВѢРИТЬ ИНОГДА ЗНАЧИТЪ ПРЕДАТЬ.

I.

Встрѣча двухъ матерей.

Въ первой четверти нашего столѣтія въ Монфермейлѣ, близъ Парижа, стояло нѣчто въ родѣ трактира, отъ котораго теперь не осталось и слѣда. Трактиръ этотъ, находившійся на улицѣ Буланже, держали мужъ и жена Тенардье. Надъ дверью дома была приколочена огромная доска, а на ней было нарисовано что-то, похожее на человѣка, несущаго на своей спинѣ другого, съ огромными, густыми золочеными генеральскими эполетами, украшенными большими серебряными звѣздами. Красныя пятна обозначали кровь, всю же остальную часть рисунка наполнялъ дымъ, представлявшій, вѣроятно, сраженіе. Внизу можно было прочесть надпись: «Сержантъ изъ-подъ Ватерлоо».

Дѣло весьма обыкновенное увидѣть какую-нибудь повозку или телѣгу у дверей трактира. Однако колымага, или, лучше сказать, остатки колымаги, загромождавшіе улицу передъ трактиромъ «Сержантъ изъ-подъ Ватерлоо» вечеромъ весною 1818 г., навѣрное, привлекли бы своимъ видомъ вниманіе художника, если бы онъ случайно проходилъ мимо. Это былъ передокъ ломовыхъ роспусковъ, употребляющихся въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ для перевозки бревенъ и толстыхъ досокъ. Передокъ этотъ состоялъ изъ массивной оси со стерженемъ, въ который вкладывалось тяжелое дышло, а на оси надѣты были два огромнѣйшихъ колеса. Въ общемъ все это представляло что-то неуклюжее, безобразное и уродливое, похожее на лафетъ гигантской пушки. Густой слой илистой грязи покрылъ колеса, ступицу, ось и дышло желтоватымъ оттѣнкомъ, довольно похожимъ на ту штукатурку, которой у насъ такъ любятъ штукатурить церкви. Дерево исчезло подъ грязью, а желѣзо—подъ ржавчиной. Подъ осью висѣла тяжелая цѣпь, достойная плѣннаго Голіаѳа. Цѣпь эта заставляла помышлять не о тѣхъ бревнахъ, которыя она имѣла назначеніе перевозить, но о тѣхъ мастодонтахъ и мамонтахъ, которые въ нее впрягались; она была похожа на цѣпь каторжника, на цѣпь циклопа, а не на человѣческую и казалась оторванной отъ какого-нибудь чудовища. Гомеръ приковалъ бы такою цѣпью Полифема, а Шекспиръ—Калибана.

Зачѣмъ передокъ роспусковъ стоялъ на этомъ мѣстѣ на улицѣ? Прежде всего, чтобы загромоздить улицу, затѣмъ, чтобы окончательно покрыться ржавчиной; подобно ему въ обветшаломъ соціальномъ строѣ есть множество учрежденій, встрѣчаемыхъ нами среди бѣлаго дня на своемъ пути и не имѣющихъ иного смысла для своего существованія. Средина цѣпи, висѣвшая подъ осью,

почти касалась земли въ видѣ веревки простыхъ качелей; въ этотъ вечеръ на ней сидѣли двѣ маленькія дѣвочки, изъ которыхъ одной было приблизительно два съ половиной года, другой—года полтора. Старшая держала на рукахъ младшую. Чтобы не упасть, онѣ были искусно привязаны платкомъ. Вѣроятно, какая-нибудь мать, увидазъ эту цѣпь, подумала: «Это хорошая игрушка для моихъ дѣтей». Обѣ дѣвочки, одѣтыя довольно мило и даже изысканно, сіяли отъ счастія: можно было бы сказать, что это были двѣ розы среди ржаваго желѣза; глазки ихъ выражали полное торжество; свѣжія щечки смѣялись. У одной были каштановые волосы, другая была совсѣмъ брюнетка. Ихъ наивныя личики выражали радостное удивленіе. Неподалеку отъ нихъ росъ кустарникъ съ благоухающими цвѣтами, но казалось, что это благоуханіе исходило не отъ цвѣтовъ, а отъ прелестныхъ дѣтей; младшая, поднявъ рубашку, показывала свой голенькій животикъ съ цѣломудренной невинностью младенчества. Въ заходящихъ лучахъ солнца эти двѣ дѣтскія головки сіяли счастьемъ, окруженныя уродливымъ силуэтомъ гигантскихъ роспусковъ, черныхъ, ржавыхъ и грязныхъ; казалось, что дѣти сидѣли у входа въ какую-то пещеру. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ на порогѣ трактира сидѣла, согнувшись, женщина—ихъ мать, вида не особенно привлекательнаго, но трогательнаго въ эту минуту. Она качала съ помощью веревки, привязанной къ цѣпи, сидѣвшихъ на качеляхъ дѣвочекъ и слѣдила за ними тревожнымъ взглядомъ, съ тѣмъ животнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ небеснымъ выраженіемъ, столь свойственнымъ материнству. При каждомъ движеніи звенья уродливой цѣпи издавали рѣзкій звукъ, похожій на крикъ гнѣва, дѣвочки приходили въ восторгъ. Заходящее солнце какъ бы ласкало ихъ, и трудно было вообразить что-нибудь прелестнѣе этой случайной картины, превратившей цѣпи для титановъ въ качели для херувимовъ. Качая этихъ двухъ малютокъ, мать напѣвала фальшивымъ голосомъ очень модную въ то время пѣсню:

Il le faut, disait un guerrier [1]...

Она была очень занята своимъ пѣніемъ и созерцаніемъ двухъ малютокъ и не замѣчала, что дѣлается на улицѣ, а между тѣмъ къ ней сзади подошелъ кто-то и, когда она начала пѣть первый куплетъ романса, сказалъ почти надъ самымъ ея ухомъ:

— Какія у васъ прелестныя дѣти, сударыня.

— A la belle et tendre Imogène [2],—отвѣтила мать, продолжая пѣть свой романсъ, а затѣмъ повернула голову. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стояла женщина. У этой женщины былъ тоже ребенокъ, котораго она держала на рукахъ. Кромѣ того, она несла еще туго набитый мѣшокъ. Ребенокъ этой женщины было прекрасное созданьице. Это была дѣвочка лѣтъ двухъ-трехъ. Изяществомъ наряда она могла бы поспорить съ другими двумя дѣвочками: ея чепчикъ

---

[1]) Такъ нужно, говорилъ воинъ.

[2]) Прекрасной и нѣжной Имогенѣ.

былъ изъ тончайшаго полотна и обшитъ валансьенскими кружевами, а фартучекъ украшенъ лентами. Приподнятая юбочка обнажала бѣлую, плотную, точеную ножку. Дѣвочка была замѣчательно розовая и здоровая. Такъ и хотѣлось укусить пухленькія щечки этой прелестной малютки. О глазахъ ея, украшенныхъ чудными рѣсницами, ничего нельзя было сказать, но, должно-быть, они были большіе. Она спала глубокимъ, спокойнымъ сномъ, свойственнымъ ея возрасту. Руки матерей сотканы изъ нѣжности — дѣти спятъ на нихъ спокойнымъ сномъ.

Что касается матери, то видъ у нея былъ жалкій и грустный. Она была одѣта какъ городская работница, желающая опять стать крестьянкой. Она была молодая. Была ли она красива? Можетъ-быть; но въ такомъ нарядѣ это было незамѣтно. Волосы ея, отъ которыхъ отдѣлилась бѣлокурая прядь, можетъ-быть, были очень хороши, но ихъ не было видно, потому что они были собраны подъ узкій безобразный чепчикъ, завязанный у подбородка. У кого хорошіе зубы, тотъ показываетъ ихъ, когда смѣется; но она не смѣялась. Глаза ея, повидимому, не высыхали отъ слезъ. Она была блѣдна и имѣла утомленный и болѣзненный видъ. Она смотрѣла на спавшую у нея на рукахъ дочку взглядомъ, свойственнымъ только матерямъ, выкормившимъ ребенка собственной грудью. Большой синій платокъ, въ родѣ тѣхъ, въ которые сморкаются инвалиды, сложенный косынкой, неуклюже закрывалъ ея станъ. Руки у нея были загорѣлыя и покрыты веснушками, указательный палецъ былъ въ мозоляхъ и весь исколотъ иглой; на плечахъ у нея былъ надѣтъ грубый коричневый шерстяной плащъ, холстинковая юбка и толстые башмаки. Это была Фантина.

Да, Фантина, но ее было трудно узнать. Между тѣмъ, внимательно вглядѣвшись въ нее, можно было увидать, что ея красота еще не совсѣмъ пропала. Какая-то грустная ироническая складка прорѣзывала ея правую щеку. Что касается наряда, то ея прелестный воздушный туалетъ изъ кисеи и лентъ, казавшійся сотканнымъ изъ веселья, безумія и музыки, полный погремушекъ и благоухающей сирени, испарился, какъ тотъ блестящій иней, который на солнцѣ можно принять за брильянты: иней испаряется, а нѣжный стебель, на которомъ онъ осѣлъ, чернѣетъ.

Десять мѣсяцевъ прошло со дня «веселой шутки». Что произошло въ эти десять мѣсяцевъ—легко догадаться. Послѣ того, какъ *онъ* ее бросилъ, наступили лишенія. Фантина тотчасъ же потеряла изъ вида Фавориту, Зефину и Далію. Какъ только ихъ бросили мужчины, дружба ихъ оборвалась почти сразу: онѣ очень бы удивились, если бы недѣли двѣ спустя имъ напомнили, что онѣ были подругами,—причина, связывавшая ихъ, исчезла. Фантина осталась одна. Отецъ ея ребенка, уѣхалъ,—увы!—такіе разрывы совершаются безповоротно—она осталась совершенно одинокой, потерявъ привычку къ труду и полюбивъ веселье. Увлекшись связью съ Толоміесомъ, она забросила свое мелкое ремесло, которое знала, и потеряла заказчиковъ. Средствъ не было никакихъ. Фантина съ трудомъ читала и не умѣла писать, въ дѣтствѣ ее только выучили

подписывать свое имя; она попросила писца написать письмо къ Толоміесу, потомъ послала ему второе и третье. Толоміесъ ни на одно не отвѣтилъ. Разъ Фантина услыхала, какъ двѣ кумушки, указывая на ея дочь, сказали: «Развѣ къ такимъ дѣтямъ относятся серьезно? Глядя на нихъ, можно пожать плечами!» Тогда она представила себѣ Толоміеса, который пожимаетъ плечами, вспоминая своего ребенка, и который не относится серьезно къ этому невинному существу, и сердце ея ожесточилось противъ этого человѣка. Что дѣлать? Она больше не знала къ кому обратиться. Вѣрно, что она совершила проступокъ, но въ основѣ своей натуры, какъ мы уже говорили, осталась скромной и добродѣтельной. Смутно сознавала она, что находится наканунѣ гибели и что легко соскользнуть въ еще болѣе ужасный порокъ. Необходимо было собрать все свое мужество, и она нашла въ себѣ для этого силу. Ей пришла мысль вернуться въ родной городъ Монтрейль. Можетъ-быть, тамъ ее кто-нибудь узнаетъ и дастъ ей работу.

Да, но въ такомъ случаѣ нужно скрыть прошлое. Она предугадывала неизбѣжность разлуки еще болѣе тяжелой, нежели первая. Сердце ея сжалось, но рѣшеніе было безповоротно. Въ Фантинѣ, какъ мы увидимъ дальше, было много жизненной силы. Она уже смѣло отказалась отъ нарядовъ и одѣлась въ холстинку, отдавъ всѣ шелка, всѣ эти тряпки, всѣ ленты и всѣ кружева своей дочкѣ; единственное, что у нея оставалось, это тщеславіе, но тщеславіе святое. Она распродала все, что имѣла, и выручила двѣсти франковъ. За уплатой мелкихъ долговъ, у нея осталось около восьмидесяти франковъ. Въ одно прекрасное весеннее утро, двадцати двухъ лѣтъ, она покинула Парижъ, унося на спинѣ своего ребенка. Всякій, кто увидалъ бы ихъ, сжалился бы надъ обѣими. Вся жизнь этой женщины заключалась въ этомъ ребенкѣ, а у ребенка никого не было на свѣтѣ, кромѣ матери. Фантина сама выкормила ребенка, это надорвало ей грудь, и она слегка кашляла.

У насъ не будетъ больше случая говорить о г. Феликсѣ Толоміесѣ. Скажемъ только, что черезъ двадцать лѣтъ, въ царствованіе короля Луи-Филиппа, онъ былъ толстымъ провинціальнымъ адвокатомъ, вліятельнымъ и богатымъ, сверхъ того благонамѣреннымъ избирателемъ и строгимъ судьей, но все тѣмъ же жуиромъ.

Около полудня, проѣхавъ ради отдыха за три-четыре су съ каждой мили въ одной изъ маленькихъ каретокъ, ходившихъ въ то время по окрестностямъ Парижа, Фантина очутилась въ Монфермейлѣ, на улицѣ Буланже.

Когда она проходила мимо трактира Тенардье, видъ этихъ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, качавшихся на чудовищныхъ качеляхъ, привелъ ее въ восторгъ, и она остановилась, какъ вкопанная, передъ этимъ прелестнымъ зрѣлищемъ. Эти дѣвочки просто очаровали ее. Она глядѣла на нихъ съ бьющимся сердцемъ. Присутствіе этихъ двухъ ангеловъ предвѣщало ей рай въ этомъ мѣстѣ. Ей казалось, что

надъ этимъ трактиромъ Провидѣніе начертало таинственное слово «здѣсь». Безъ сомнѣнія, эти малютки счастливы! Она глядѣла на нихъ, любовалась ими и настолько была разстроена, что во время перерыва между двумя стихми пѣсни, которую пѣла женщина, сидѣвшая на порогѣ, Фантина не могла удержаться, чтобы не сказать:

— Какія у васъ хорошенькія дѣтки, сударыня.

Самые жестокіе люди иногда смягчаются, когда хвалятъ ихъ дѣтей. Мать подняла голову, поблагодарила и пригласила прохожую присѣсть на скамейку у дверей, сама же осталась сидѣть на порогѣ. Обѣ женщины разговорились:

— Меня зовутъ г-жа Тенардье, — сказала мать обѣихъ малютокъ.—Мы держимъ этотъ трактиръ.

И все еще занятая своей пѣснью, она замурлыкала сквозь зубы:

Il le faut, je suis chevalier
Et je pars pour la Palestine.[1])

Эта г-жа Тенардье, или просто Тенардьериха, какъ ее звали, была коренастая, рыжая и сильная женщина,—-настоящій солдатъ. Странно, но при всемъ томъ у нея были жеманныя гримасы, благодаря усердному чтенію романовъ. Старые романы, начиняя мозги трактирщицъ, иногда производятъ такіе странные эффекты. Она была молода; ей не было еще тридцати лѣтъ. Когда подошла Фантина, она сидѣла на корточкахъ, и, быть-можетъ, если бы она встала на ноги и выпрямилась во весь ростъ, то видъ ея испугалъ бы пришедшую, смутилъ бы ея довѣрчивость, и не случилось бы того, что мы сейчасъ разскажемъ. И подумаешь, отчего иногда зависитъ судьба — отъ того, увидишь ли человѣка въ стоячемъ или сидячемъ положеніи.

Путешественница разсказала свою исторію въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Она была работницей, мужъ ея умеръ, работы въ Парижѣ не стало, и она пошла искать ее въ другомъ мѣстѣ, на свою родину. Вышла она изъ Парижа въ этотъ самый день утромъ пѣшкомъ. Такъ какъ она почти все время несла ребенка на рукахъ, то ужасно устала и сѣла въ карету, идущую въ Вильмомбль, откуда прошла въ Монфермейль пѣшкомъ; правда, дѣвочка шла также немного пѣшкомъ, но очень мало, вѣдь она была такая еще крошка, такъ что опять пришлось взять ее на руки, и сокровище уснуло.

Съ этими словами она такъ страстно поцѣловала свою дочку, что та проснулась. Ребенокъ раскрылъ глазки, такіе же большіе и голубые, какъ у матери, и началъ смотрѣть... на что? На все и ни на что, съ тѣмъ серьезнымъ, а иногда даже строгимъ видомъ маленькихъ дѣтей, который составляетъ тайну ихъ свѣтлой невинности среди потемокъ нашей добродѣтели. Можно сказать, что они чувствуютъ себя ангелами, а ихъ считаютъ только людьми. Потомъ дѣвочка разсмѣялась и, хотя мать удерживала

---

[1]) Такъ нужно, вѣдь я рыцарь и ѣду въ Палестину.

ее, она соскользнула на землю съ непобѣдимой энергіей маленькаго существа, которому захотѣлось побѣгать. Вдругъ она замѣтила двухъ другихъ дѣтей на качеляхъ, подбѣжала къ нимъ и остановилась, высунувъ отъ восторга язычокъ. Г-жа Тенардье отвязала своихъ дочекъ, сняла ихъ съ качелей и сказала:

— Играйте всѣ втроемъ.

Въ эти годы знакомство заводится быстро, и черезъ нѣсколько минутъ обѣ дѣвочки Тенардье играли съ новой товаркой, копая ямки въ землѣ, что доставляло имъ громадное наслажденіе. Маленькая гостья оказалась очень веселой; чѣмъ добрѣе мать, тѣмъ веселѣе ребенокъ. Малютка взяла щепочку и съ серьезной энергіей рыла яму величиной съ наперстокъ. Дѣло могильщика становится веселымъ, когда за него принимается ребенокъ.

Обѣ женщины продолжали разговаривать.

— Какъ зовутъ вашу крошку?

— Козеттой.

Козетта—читай Эфрази. Малютку звали Эфрази. Изъ Эфрази мать создала уменьшительное Козетта, благодаря нѣжному и граціозному инстинкту матерей изъ народа, которыя переименовываютъ Жозефу въ Пепиту, Франсуазу въ Силетту. Этотъ родъ производныхъ словъ смущаетъ и ставитъ втупикъ самыхъ ученыхъ этимологовъ. Мы знали одну бабушку, которой удалось изъ имени Ѳедоры сдѣлать Ньонъ.

— Сколько ей лѣтъ?

— Скоро три.

— Ровесница моей старшей.

Между тѣмъ, дѣвочки весело играли. Ихъ головки почти соприкасались другъ съ другомъ, и волосы смѣшивались. Онѣ что-то съ удивленіемъ внимательно разсматривали на землѣ; случилось необыкновенное происшествіе: изъ земли выползалъ громадный червякъ; имъ было страшно и въ то же время онѣ были въ восторгѣ.

— Посмотрите,—сказала Тенардьериха,—какъ дѣти скоро знакомятся; со стороны можно подумать, что это три сестры.

Это замѣчаніе было искрой, которую ждала, вѣроятно, другая мать. Она схватила руку Тенардьерихи, пристально посмотрѣла на нее и сказала:

— Хотите оставить у себя моего ребенка?

Собесѣдница сдѣлала удивленное движеніе, которое одинаково можно было принять и за отказъ и за согласіе.

Мать Козетты продолжала:

— Видите ли, я не могу взять свою дѣвочку съ собой. Работа не позволяетъ этого. Ну, кто захочетъ меня взять на мѣсто съ ребенкомъ? Они такіе странные тамъ, на нашей сторонѣ. Самъ Богъ послалъ меня къ вашему постоялому двору. Когда я увидала вашихъ малютокъ такими прелестными, чистенькими, веселыми, меня такъ всю и перевернуло. Я сказала себѣ: «Вотъ прекрасная мать!» Онѣ и вправду будутъ тремя сестрами. Къ тому

же я скоро за ней вернусь. Хотите ли вы на время оставить моего ребенка?

— Надо будетъ объ этомъ подумать,—отвѣчала трактирщица.

— Я буду платить шесть франковъ въ мѣсяцъ.

Въ эту минуту раздался изъ глубины трактира голосъ мужчины:

— Не менѣе семи франковъ въ мѣсяцъ. И за полгода впередъ.

— Шесть разъ семь—сорокъ два,—сказала г-жа Тенардье.

— Я согласна,—отвѣчала мать.

— И, кромѣ того, пятнадцать франковъ на первоначальные расходы,—прибавилъ мужской голосъ.

— Итого пятьдесятъ семь франковъ,—сказала трактирщица. Считая она напѣвала: «Такъ нужно, говорилъ воинъ».

— Я ихъ вамъ уплачу,—согласилась Фантина,—у меня восемьдесятъ франковъ, останется еще и на дорогу. Конечно, придется итти пѣшкомъ. Тамъ я заработаю денегъ и тотчасъ приду за своимъ сокровищемъ.

Мужской голосъ продолжалъ:

— А есть ли у дѣвочки приданое?

— Это мой мужъ,—объяснила Тенардьериха.

— Конечно, у нея есть приданое, у дорогой моей крошки. Я догадалась, что это, должно-быть, вашъ мужъ. И какое еще прекрасное приданое! Роскошь! Всего по дюжинѣ и даже есть шелковыя платьица, какъ у важной дамы. Все это въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ.

— Его надо будетъ оставить здѣсь,—снова раздался голосъ мужчины.

— Конечно, оставлю,—согласилась мать,—неужели я оставила бы ее вамъ чуть ли не голенькой!

Показалось лицо трактирщика:

— Ладно,—произнесъ онъ.

Сдѣлка состоялась. Мать переночевала въ трактирѣ, отдала свои деньги и оставила ребенка, опорожнивъ дорожный мѣшокъ, теперь значительно облегченный, а на другой день утромъ ушла, разсчитывая скоро вернуться. Такія разлуки легко устраиваются, но зато какое отчаяніе!

Одна изъ сосѣдокъ супруговъ Тенардье встрѣтила эту мать, когда та ушла изъ трактира; придя къ Тенардье, она разсказывала:

— Я только что видѣла женщину, которая плачетъ среди улицы, такъ и надрывается.

Когда мать Козетты ушла, мужъ обратился къ женѣ:

— Вотъ теперь я заплачу сто десять франковъ по векселю, которому завтра срокъ. Мнѣ какъ разъ не хватало пятидесяти франковъ. Знаешь ли ты, что вексель былъ протестованъ, и у насъ бы все описали? Ты устроила славную мышеловку со своими ребятишками.

— Мнѣ бы самой-то и невдомекъ,—отвѣтила жена,—это вышло случайно.

II.

Первая зарисовка двухъ подозрительныхъ личностей.

Пойманная мышка была не особенно жирна, но кошка радуется и тощей добычѣ.

Кто такіе были эти Тенардье?

Разскажемъ пока вкратцѣ. Подробности приведемъ позднѣе.

Принадлежали они къ той категоріи людей, которая состоитъ изъ грубыхъ выскочекъ низшаго класса и отбросовъ высшаго, къ тому промежуточному разряду, который находится между такъ называемымъ среднимъ классомъ и низшимъ, соединяя въ себѣ нѣкоторые недостатки второго и почти всѣ пороки перваго, не обладая въ то же время ни благородными порывами рабочаго, ни честной порядочностью буржуа. Это были натуры мелкія, которыя при благопріятныхъ условіяхъ легко становятся чудовищными. Въ женѣ были задатки животнаго, въ мужѣ—задатки мерзавца. Они были въ высочайшей степени одарены способностью развиваться въ дурную сторону. Существуютъ души, инстинктивно движущіяся, какъ раки, постоянно къ мраку, идущія въ жизни не впередъ, а назадъ, для которыхъ опытъ служитъ только къ ухудшенію и которые непрестанно погрязаютъ все глубже и глубже во злѣ. У этой супружеской четы были именно такія души.

Въ особенности Тенардье-мужъ затруднилъ бы физіономиста. На нѣкоторыхъ людей достаточно только разъ взглянуть, чтобы почувствовать къ нимъ страшное недовѣріе, точно сразу видишь, что все существо ихъ проникнуто мракомъ. Прошлое ихъ подозрительно, будущее сомнительно. Въ нихъ содержится что-то неизвѣстное. Нельзя поручиться ни за то, что они сдѣлали, ни за то, что они сдѣлаютъ. Ихъ выдаетъ мрачность взгляда. Въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ жестѣ угадываются темные тайники прошлаго и страшныя случайности будущаго.

Этотъ Тенардье, если только можно ему вѣрить, былъ солдатомъ, даже унтеръ-офицеромъ, какъ онъ говорилъ. Въ 1815 г. онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, участвовалъ въ походѣ и даже, судя по его разсказамъ, отличился на войнѣ. Позднѣе мы увидимъ, въ чемъ было дѣло. Вывѣска надъ его кабакомъ была иллюстраціей и рекламой его храбрости. Онъ самъ рисовалъ ее, потому что умѣлъ дѣлать все понемногу и все дѣлалъ плохо.

То было время, когда старый французскій классическій романъ отъ «Клеліи» спустился до «Лодоиски», оставаясь попрежнему благороднымъ, но дѣлаясь все вульгарнѣе и вульгарнѣе, и переходилъ изъ рукъ m-lle Скюдери къ m-me Бурнонъ-Малярмъ и отъ m-me де-Лафайеттъ къ m-me Бартелеми-Гадо. Романы эти воспламеняли сердца парижскихъ привратницъ и слегка развращали столичныя окраины. M-me Тенардье была какъ разъ настолько образована, чтобы читать подобныя книги. Она зачитывалась ими. Чтеніе это отуманило ея мозгъ. Въ ранней молодости и даже нѣсколько позднѣе эта начитанность придала ей оттѣнокъ мечта-

тельности рядомъ съ ея мужемъ, глубокомысленнымъ плутомъ, безграмотнымъ начетчикомъ, грубымъ и хитрымъ негодяемъ, почерпнувшимъ свою сентиментальность изъ Пиго Лебрена, а по части «прекраснаго пола», какъ онъ выражался на своемъ жаргонѣ, придерживавшимся самыхъ безнравственныхъ правилъ. Жена была моложе его, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двѣнадцать или на пятнадцать. Позднѣе, когда ея романическіе кудри начали сѣдѣть и изъ Памелы стала образовываться Мегера, Тенардьериха превратилась въ толстую злую бабу, начитавшуюся пошлыхъ романовъ. Нельзя читать безнаказанно пошлости. Результатомъ этого чтенія было то, что старшую ея дочь звали Эпониной, а младшую чуть-чуть не назвали Гюльнарой и только благодаря счастливой случайности, вызванной однимъ изъ новыхъ романовъ Дюкрэ-Дюмениля, ее назвали Азельмой.

Впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, что не все было смѣшно и поверхностно въ эту курьезную эпоху, на которую мы намекаемъ и которую можно было бы назвать анархіей собственныхъ именъ. Рядомъ съ романическимъ элементомъ, на который мы указали, нарождался и общественный симптомъ. Въ настоящее время не рѣдкость встрѣтить, что сына мясника зовутъ Артуромъ, Альфредомъ и Альфонсомъ, а виконта,—если еще только уцѣлѣли виконты,—зовутъ Ѳомой, Петромъ или Яковомъ. Перемѣщеніе элегантныхъ именъ на плебейскую почву, а деревенскихъ именъ въ аристократію явилось благодаря вліянію равенства. Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, сказывается неотразимый наплывъ новыхъ идей. Подъ этой мнимой дисгармоніей скрывается возвышенное вліяніе французской революціи—дѣла великаго и глубокаго.

III.

Жаворонокъ.

Недостаточно быть злымъ, чтобы пользоваться успѣхомъ. Дѣла трактира шли плохо.

Благодаря пятидесяти семи франкамъ прохожей женщины, Тенардье смогли уплатить по векселю и оправдать свою подпись. На слѣдующій мѣсяцъ имъ опять понадобились деньги. Жена отправилась въ Парижъ и заложила приданое Козетты за шестьдесятъ франковъ. Когда деньги эти были израсходованы, супруги Тенардье стали смотрѣть на Козетту, какъ на живущую у нихъ изъ милости, и обращались съ ней соотвѣтственно этому. Такъ какъ у нея не было больше приданаго, то ее стали одѣвать въ старыя юбки и рубашки маленькихъ Тенардье, т.-е. въ лохмотья. Кормили ее объѣдками отъ стола, немного лучше собаки и хуже кошки. Впрочемъ, кошка и собака были ея привычными сотрапезниками. Козетта ѣла вмѣстѣ съ ними подъ столомъ, въ такой же деревянной чашкѣ, какъ и онѣ.

Мать, какъ увидимъ дальше, поселилась въ Монтрейлѣ, писала или, говоря точнѣе, просила писать за себя, каждый мѣсяцъ спрашивая у Тенардье, какъ поживаетъ ея ребенокъ, на что тотъ

всегда отвѣчалъ одно и то же: «Козетта поживаетъ отлично». По прошествіи первыхъ шести мѣсяцевъ мать послала впередъ за слѣдующій мѣсяцъ семь франковъ и продолжала аккуратно высылать эту сумму каждый мѣсяцъ. Еще не кончился годъ, какъ Тенардье сказалъ: «Подумаешь, какое она дѣлаетъ намъ благодѣяніе! На ея семь франковъ не очень-то распрыгаешься». И онъ написалъ ей, что желаетъ получать двѣнадцать. Мать, которую онъ увѣрилъ, что ея ребенокъ «счастливъ и здоровъ», согласилась и стала высылать ему двѣнадцать франковъ.

Бываютъ натуры, которыя не способны любить одного, чтобы въ то же время не ненавидѣть другого. Тенардье-мать страстно любила своихъ двухъ дѣвочекъ, зато ненавидѣла чужую. Грустно думать, что материнская любовь можетъ сопровождаться такими отвратительными явленіями. Какъ ни мало мѣста занимала Козетта, Тенардьерихѣ все казалось, что она лишаетъ ея дѣтей воздуха и простора. Эта женщина, какъ и многія ей подобныя, обладала извѣстнымъ запасомъ ласкъ и бранныхъ словъ, примѣняемыхъ ею каждый день. Очень возможно, что, не будь у нея Козетты, ея обожаемыя дочки получали бы и то и другое, но воспитанница услужила имъ тѣмъ, что колотушки и брань достались на ея долю, а дочерямъ остались однѣ только ласки. Козетта не могла сдѣлать ни малѣйшаго движенія безъ того, чтобы градъ наказаній, болѣе или менѣе жестокихъ, не посыпался на ея голову. Бѣдное невинное созданьице, не имѣвшее никакого понятія о томъ, что творится на свѣтѣ Божьемъ, постоянно получало побои, упреки, брань и видѣла, какъ рядомъ такія же крошки, какъ она, жили окруженныя материнской лаской и любовью. Глядя на мать, Эпонина и Азельма обращались съ Козеттой тоже дурно. Дѣти въ этомъ возрастѣ не болѣе, какъ копіи матерей. Форматъ только меньше, въ этомъ вся разница. Прошелъ годъ, потомъ другой.

Въ деревнѣ говорили:

— Какіе добрые люди эти Тенардье! Сами небогатые, а вотъ растятъ прикинутаго имъ ребенка!

Всѣ думали, что мать бросила Козетту.

Между тѣмъ Тенардье какими-то темными путями узналъ, что ребенокъ незаконный и что поэтому мать не можетъ взять его къ себѣ. Тогда онъ потребовалъ пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ, говоря, что «тварь» растетъ и «жретъ», грозилъ отослать ее къ матери: «Пусть она не доводитъ меня до крайности, а то я раскрою всѣ ея шашни и всучу ей ребенка. Я требую прибавки къ содержанію». Мать стала платить пятнадцать франковъ,

Съ каждымъ годомъ ребенокъ росъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и его несчастіе. Пока Козетта былъ маленькая, ее мучили двое другихъ дѣтей, но когда она немного стала подрастать, т.-е. раньше даже, чѣмъ ей минуло пять лѣтъ, она стала прислугой всего дома.

Въ пять лѣтъ, скажутъ намъ, да вѣдь это невѣроятно. Увы! но это правда. Общественныя страданія начинаются во всякомъ возрастѣ. Давно ли мы слушали процессъ нѣкоего Дюмолара, сироты,

сдѣлавшагося разбойникомъ; офиціальные документы гласятъ, что, оставшись одинокимъ съ пяти лѣтъ, «онъ работалъ, чтобы не умереть съ голода, и кралъ». Козетта обязана былъ бѣгать на побѣгушкахъ, мести комнаты, дворъ, улицу, мыть посуду, даже таскать тяжести. Тенардье чувствовали себя тѣмъ болѣе въ правѣ поступать съ ней такимъ образомъ, что мать дѣвочки, находившаяся попрежнему въ Монтрейлѣ, стала платить крайне неисправно.

Если бы эта мать по прошествіи трехъ лѣтъ пріѣхала въ Монфермейль, она бы не узнала своего ребенка. Козетта, поступившая въ этотъ домъ такой свѣженькой и хорошенькой, была теперь худа и блѣдна. У нея былъ какой-то забитый видъ. «Угрюмка!» говорили про нее Тенардье.

Отъ несправедливаго отношенія съ ней она сдѣлалась раздражительной, а отъ постояннаго голоданія—некрасивой. У нея остались только большіе чудные глаза, въ которыхъ таилось такъ много горя, что она невольно возбуждала въ каждомъ сострадание.

Сердце сжималось, глядя на бѣдную крошку, которой не было и шести лѣтъ, какъ она, зимой, вся дрожа отъ холода подъ жалкимъ рубищемъ, съ огромной метлой въ посинѣвшихъ маленькихъ рученкахъ, съ застывшими слезинками на глазахъ, подметала чѣмъ свѣтъ улицу передъ домомъ.

Въ околоткѣ ее звали жаворонкомъ. Народу, любящему образныя выраженія, нравилось называть такъ эту крошечную дѣвочку, ростомъ немного больше птички, вѣчно запуганную, дрожащую, поднимавшуюся въ домѣ и въ деревнѣ раньше всѣхъ и до зари уже бѣгавшую по улицѣ и по полю.

Только этотъ бѣдный жаворонокъ никогда не пѣлъ.

Книга пятая.—ПОДЪ ГОРУ.

I.

Исторія развитія производства чернаго стекляруса.

Что же, однако, сталось съ этой матерью, подкинувшей, по мнѣнію обывателей Монфермейля, своего ребенка? Гдѣ она была и что дѣлала?

Оставивъ малютку Козетту у Тенардье, она продолжала свой путь и пришла въ Монтрейль.

Все это происходило, если припомнитъ читатель, въ 1818 г. Прошло уже лѣтъ десять, какъ Фантина покинула свою родину. За это время Монтрейль совершенно измѣнился. Въ то время, какъ Фантина все болѣе и болѣе впадала въ нищету, ея родной городъ съ каждымъ годомъ процвѣталъ. Приблизительно года два тому назадъ въ его промышленной жизни произошелъ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые служатъ великими событіями для жизни цѣлаго края. Эта подробность заслуживаетъ вниманія, и мы считаемъ полезнымъ не только упомянуть о ней, но и подчеркнуть ее.

Съ незапамятныхъ временъ спеціальнымъ промысломъ города Монтрейля было подражаніе каменноугольнымъ издѣліямъ Англіи и черному стеклярусному производству Германіи. Вслѣдствіе дороговизны матеріала, промышленность эта плохо развивалась, что понижало и заработную плату. Но въ то время, когда Фантина возвратилась въ Монтрейль, произошелъ неожиданный переворотъ въ отрасли производства «чернаго стекла». Въ концѣ 1815 г. въ городѣ поселился какой-то неизвѣстный человѣкъ, и ему пришла мысль замѣнить камедь гуммилакомъ и скрѣплять отдѣльныя части браслетъ проволоками, вмѣсто прежнихъ спаекъ, которыя были очень хрупки. Это незначительное нововведеніе произвело цѣлый переворотъ. Во-первыхъ, оно сразу удешевило матеріалъ, а послѣдствіемъ этого удешевленія былъ подъемъ заработной платы, что явилось благодѣяніемъ для цѣлаго края; во-вторыхъ, улучшеніе самаго производства было очень выгодно для потребителей и, въ-третьихъ, пониженіе стоимости продаваемыхъ издѣлій увеличило почти втрое барышъ, что значительно повысило доходъ фабриканта. Итакъ, одна удачная мысль имѣла своимъ послѣдствіемъ три счастливыхъ результата. Менѣе чѣмъ въ три года изобрѣтатель этого способа разбогатѣлъ, что очень хорошо, и поднялъ уровень благосостоянія всего края, что еще лучше. Онъ былъ чужой въ департаментѣ. Ни его происхожденіе, ни его прошлое никому не были извѣстны. Разсказывали только, что онъ пришелъ въ городъ съ небольшими деньгами, всего съ нѣсколькими сотнями франковъ. Этотъ-то ничтожный капиталъ при строгомъ порядкѣ и здравомысліи, употребленный на осуществленіе полезной мысли,

легъ въ основаніе собственнаго богатства пришельца и обогатилъ весь округъ.

Когда неизвѣстный пришелъ въ Монтрейль, онъ по виду, по одеждѣ и по языку былъ похожъ на простого рабочаго.

Кажется, что въ тотъ темный декабрьскій вечеръ, когда вошелъ въ Монтрейль этотъ незнакомецъ съ мѣшкомъ за спиной и съ палкой въ рукахъ, въ городѣ вспыхнулъ страшный пожаръ, истребившій ратушу. Этотъ человѣкъ бросился въ огонь, съ опасностью для своей собственной жизни, и спасъ двухъ дѣтей, которыя оказались дѣтьми жандармскаго полковника. Послѣдствіемъ этого случая было то, что у него не спросили паспорта. Уже спустя нѣсколько времени узнали его фамилію. Его звали дядя Мадленъ.

II.

Мадленъ.

Это былъ человѣкъ приблизительно лѣтъ пятидесяти, съ задумчивымъ и добрымъ лицомъ. Вотъ и все, что можно было сказать о немъ. Благодаря быстрому успѣху производства, такъ блистательно имъ преобразованнаго, Монтрейль вскорѣ сдѣлался центромъ значительной торговли. Испанія, употребляющая черный стеклярусъ въ большомъ количествѣ, дѣлала каждый годъ громадные заказы. Монтрейль въ этой области производства сталъ почти конкурентомъ Лондона и Берлина. Барыши дяди Мадлена были настолько велики, что на слѣдующій годъ онъ былъ въ состояніи выстроить большую фабрику, съ двумя обширными мастерскими, одной для мужчинъ, другой для женщинъ. Всякій нуждающійся могъ прямо являться туда, въ полной увѣренности, что получитъ работу и хлѣбъ. Дядя Мадленъ требовалъ отъ мужчинъ старательности, отъ женщинъ — порядочности, отъ всѣхъ — честности. Онъ раздѣлилъ мастерскія, чтобы такимъ отдѣленіемъ половъ дать возможность дѣвушкамъ и женщинамъ сохранить свою нравственность. Въ отношеніи нравственности онъ былъ неумолимъ. Его строгость тѣмъ болѣе имѣла основанія, что Монтрейль былъ гарнизонный городъ и случаи къ разврату были нерѣдки. Впрочемъ, пріѣздъ его былъ благодѣяніемъ, присутствіе его—источникомъ всеобщаго благоденствія. До пріѣзда дяди Мадлена жизнь края текла медленно, теперь же все оживилось здоровой, трудовой жизнью. Повсюду кипѣла дѣятельность, и всюду чувствовался сильный подъемъ духа. Безработица и нищета исчезли. Не было ни одного кармана, куда не перепало бы хоть нѣсколько грошей; не было такого бѣднаго жилища, куда не заглянулъ бы лучъ радости.

Дядя Мадленъ давалъ всѣмъ работу. Онъ требовалъ только одного: «Будь честнымъ человѣкомъ! Будь честной дѣвушкой!»

Какъ мы уже сказали, посреди этой дѣятельности, источникомъ и рычагомъ которой былъ онъ, дядя Мадленъ нажилъ большое состояніе, но—явленіе странное въ простомъ коммерческомъ человѣкѣ,—повидимому, это не составляло его главной цѣли. Казалось, онъ много заботился о другихъ и мало о самомъ себѣ. Въ

1820 г. было извѣстно, что у Лаффита положенъ на его имя капиталъ въ шестьсотъ тридцать тысячъ франковъ, но прежде чѣмъ отложить себѣ эти шестьсотъ тысячъ франковъ, онъ истратилъ больше милліона на городскія нужды и на бѣдныхъ.

Городская больница была въ плохомъ состояніи. Онъ на свой счетъ устроилъ въ ней десять кроватей. Монтрейль раздѣлялся на верхній и нижній городъ. Въ нижнемъ городѣ, гдѣ онъ жилъ, была только одна школа, помѣщавшаяся въ какой-то жалкой, полуразвалившейся лачугѣ. Онъ выстроилъ двѣ школы: одну для дѣвочекъ, другую—для мальчиковъ. Учителямъ онъ платилъ двойное жалованье, противъ отпускаемаго скуднаго казеннаго оклада, и, когда однажды кто-то выразилъ удивленіе по этому поводу, онъ отвѣтилъ: «Самые важнѣйшіе слуги государства, это—кормилица и школьный учитель». Онъ устроилъ за свой счетъ пріютъ—вещь почти еще неизвѣстную въ тѣ времена во Франціи,—и вспомогательную кассу для престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ. Фабрика его служила центромъ, около котораго образовался новый кварталъ, заселенный бѣднымъ рабочимъ людомъ. Дядя Мадленъ устроилъ для бѣдныхъ даровую аптеку. Въ первое время, когда онъ только начиналъ свою дѣятельность, добрые люди говорили: «Это человѣкъ, желающій разбогатѣть». Когда же увидали, что онъ обогатилъ край, прежде чѣмъ обогатиться самому, тѣ же добрые люди говорили: «Это честолюбецъ». Все это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ былъ религіозенъ и даже до нѣкоторой степени набоженъ, что въ ту эпоху создавало человѣку репутацію благонамѣреннаго. Онъ аккуратно ходилъ каждое воскресенье къ обѣднѣ. Мѣстный депутатъ, видѣвшій всюду конкурентовъ, не замедлилъ встревожиться такой набожностью. Этотъ депутатъ, бывшій когда-то членомъ законодательнаго собранія, во времена Имперіи раздѣлялъ религіозныя убѣжденія нѣкоего патера, извѣстнаго подъ именемъ Фуше, герцога Отрантскаго, креатурой и другомъ котораго онъ былъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ онъ подшучивалъ надъ религіей. Но когда онъ увидалъ, что богатый фабрикантъ Мадленъ ходитъ каждое воскресенье къ обѣднѣ, онъ обезпокоился, что можетъ встрѣтить въ немъ опаснаго конкурента, и рѣшилъ его превзойти. Онъ взялъ себѣ въ духовники іезуита и началъ посѣщать обѣдню и вечерню. Въ тѣ времена честолюбіе охотно подчинялось колокольному звону. Бѣдные тоже, какъ и религія, получили свой барышъ отъ честолюбія почтеннаго депутата, такъ какъ онъ учредилъ еще двѣ кровати въ больницѣ, вслѣдствіе чего получилось тамъ всѣхъ двѣнадцать кроватей.

Разъ утромъ 1819 года по городу разнесся слухъ, что король, по представленію г-на префекта и въ виду услугъ, оказанныхъ г. Мадленомъ краю, хочетъ его назначить мэромъ города Монтрейля. Всѣ тѣ, которые обнаружили въ пришельцѣ «честолюбца», торжествовали, обрадовавшись этому случаю, отъ котораго, замѣтимъ, между прочимъ, никто изъ кричавшихъ не отказался бы самъ. Но теперь кричали на всѣхъ перекресткахъ: «А! что? мы

вѣдь говорили». Весь Монтрейль былъ въ волненіи. Слухъ имѣлъ основаніе. Нѣсколько дней спустя назначеніе появилось въ офиціальной газетѣ. На другой день дядя Мадленъ послалъ отказъ.

Въ томъ же 1819 г. стеклярусныя издѣлія, изготовленныя по новому способу Мадленомъ, фигурировали на промышленной выставкѣ. По приговору комиссіи экспертовъ, король пожаловалъ изобрѣтателю орденъ Почетнаго Легіона. Городъ опять взволновался. «Ага! такъ онъ добивался ордена!» Дядя Мадленъ отказался и отъ ордена.

Положительно, человѣкъ этотъ былъ для всѣхъ настоящей загадкой. Благочестивыя души разрѣшили и это затрудненіе, провозгласивъ: «Въ концѣ-концовъ, это, навѣрно, какой-нибудь авантюристъ». Мы видѣли, что край былъ обязанъ ему многимъ, бѣдные же были ему обязаны всѣмъ. Онъ былъ настолько полезенъ, что невольно внушалъ къ себѣ уваженіе, и такъ добръ, что его нельзя было не любить; особенно его боготворили рабочіе, и онъ принималъ ихъ обожаніе съ какою-то печальной грустью. Когда богатство его стало несомнѣннымъ фактомъ, «люди хорошаго общества» стали раскланиваться съ нимъ, и въ городѣ стали называть его «господинъ Мадленъ». Рабочіе же и дѣти продолжали попрежнему звать его *дядя Мадленъ*, и обращеніе это вызывало у него самую привѣтливую улыбку. По мѣрѣ его возвышенія, приглашенія сыпались на него дождемъ. «Общество» требовало его къ себѣ. Жеманныя гостиныя города Монтрейля, несомнѣнно, захлопнувшія бы свои двери передъ простымъ рабочимъ, теперь распахивались настежь передъ милліонеромъ. Ему оказывали всевозможныя любезности. Онъ уклонялся.

Но и на этотъ разъ добрыя души не смутились. «Это человѣкъ безъ всякаго образованія и воспитанія. Кто его знаетъ, откуда онъ явился. Можетъ-быть, онъ и не сумѣлъ бы даже держать себя въ обществѣ. Врядъ ли онъ даже умѣетъ читать».

Когда увидали, что онъ наживаетъ деньги, то сказали: «Это скупецъ». Когда увидали, что онъ соритъ деньгами, сказали: «Это честолюбецъ». Когда увидали, что онъ отказывается отъ всѣхъ почестей, сказали: «Это авантюристъ». Когда увидали, что онъ уклоняется отъ общества, то порѣшили, что онъ человѣкъ неотесанный.

Въ 1820 г., пять лѣтъ спустя по его пріѣздѣ въ Монтрейль, услуги, оказанныя имъ краю, были настолько уже очевидны, желаніе всего населенія до того единодушно, что король снова назначилъ его мэромъ города. Онъ опять отказался, но префектъ не принялъ его отказа, всѣ почетныя лица города явились его просить, народъ, запрудившій улицу, упрашивалъ его согласиться; просьбы были такъ настойчивы, что онъ, наконецъ, уступилъ. Замѣтили, что на него сильнѣе всего подѣйствовали слова одной старухи изъ простонародья, которая сердито крикнула ему съ порога своего дома: *Хорошій мэръ полезенъ. Развѣ хорошо уклоняться отъ того добра, которое можно сдѣлать?*

Это былъ третій періодъ его возвышенія: «дядя Мадленъ» превратился сначала въ «господина Мадлена», а потомъ господинъ Мадленъ превратился въ «господина мэра».

III.

Капиталъ, положенный у Лаффита.

Впрочемъ, онъ продолжалъ жить все такъ же просто, какъ и первое время. У него былъ загорѣлый цвѣтъ лица работника, серьезные глаза, сѣдые волосы, задумчивое выраженіе лица, какъ у философа; онъ обыкновенно носилъ шляпу съ широкими полями и длинный сюртукъ изъ толстаго сукна, застегнутый до подбородка. Онъ исполнялъ обязанности мэра, но не измѣнялъ своего образа жизни и мало съ кѣмъ разговаривалъ. Уклоняясь отъ любезностей, онъ ограничивался поклонами по сторонамъ, спѣша поскорѣе ускользнуть, улыбался во избѣжаніе разговора и давалъ денегъ, чтобы можно было даже и не улыбаться. Женщины говорили о немъ: «Какой добрый медвѣдь!»

Любимымъ его удовольствіемъ были прогулки по полямъ. Обѣдалъ онъ всегда одинъ, съ раскрытой на столѣ книгой, которую онъ читалъ во время ѣды. У него была небольшая, но хорошо составленная библіотека. Онъ любилъ книги. Книги—вѣрные, хотя и холодные друзья. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось его состояніе, увеличивался и досугъ, который онъ, повидимому, употреблялъ на развитіе своего ума. Замѣтили, что со времени пребыванія его въ Монтрейлѣ рѣчь его становилась годъ отъ году все вѣжливѣе, изысканнѣе и пріятнѣе.

Отправляясь на прогулку, онъ бралъ охотно съ собою ружье, но рѣдко употреблялъ его. Когда же случалось ему стрѣлять, то у него оказывался удивительно вѣрный прицѣлъ, наводившій невольный страхъ на всѣхъ присутствующихъ. Онъ никогда не убивалъ безвредныхъ животныхъ, не стрѣлялъ въ пташекъ.

Несмотря на то, что онъ былъ уже не молодъ, его считали за страшнаго силача. Онъ подавалъ руку помощи всѣмъ нуждающимся: подымалъ упавшую лошадь, сдвигалъ завязшее колесо, схватывалъ за рога вырвавшагося быка; когда онъ выходилъ изъ дому, карманы его были всегда наполнены мелкой монетой и пусты при возвращеніи домой. Когда онъ проходилъ черезъ деревню, къ нему навстрѣчу выбѣгали оборванные ребятишки и, подобно рою мухъ, сопровождали его веселой толпой.

Явилось предположеніе, что онъ нѣкогда живалъ въ деревнѣ, потому что у него былъ большой запасъ полезныхъ свѣдѣній, которыя онъ передавалъ крестьянамъ. Онъ училъ ихъ истреблять хлѣбную моль, спрыскивая стѣны и поливая полъ амбара растворомъ поваренной соли, и совѣтовалъ, чтобъ удалить долгоносиковъ, всюду развѣшивать на домахъ, крышахъ и даже втыкать въ гряды пучки полевого шалфея въ цвѣту. У него были «рецепты», какъ выводить съ полей чернуху, журавлиный горохъ, хвостатый амарантъ и вообще всѣ сорныя травы, мѣшающія росту

хлѣба. Онъ отваживалъ крысъ отъ кроличьяго садка однимъ запахомъ морской свинки, которую сажалъ въ него. Разъ онъ увидалъ крестьянъ, выпалывавшихъ крапиву. Посмотрѣвъ на груду вырванной и завядшей травы, онъ сказалъ:

— Все это теперь мертво, но эта кропива была бы полезна, если бы только сумѣть примѣнить ее къ дѣлу. Когда кропива молода, ея листья—вкусный овощъ. Старая кропива, подобно коноплѣ и льну, содержитъ волокна, изъ которыхъ можно ткать полотно. Кропивное полотно не хуже полотна изъ конопли. Рубленая кропива полезна, какъ пища для птицъ, толченая—хорошій кормъ для рогатаго скота. Сѣмена кропивы, подмѣшанныя къ корму, дѣлаютъ шерсть животныхъ блестящей и гладкой; корень кропивы, смѣшанный съ солью, даетъ прекрасную желтую краску. Къ тому же, кропива отличное сѣно, которое можно косить два раза въ лѣто. А что нужно кропивѣ? Никакого ухода, никакой обработки и лишь немного земли. Только сѣмена кропивы трудно собирать, потому что они падаютъ на землю по мѣрѣ созрѣванія. Вотъ и все. При небольшомъ трудѣ можно извлечь изъ кропивы не мало пользы, но ею пренебрегаютъ, и она становится вредной. Тогда ее уничтожаютъ. Многіе люди похожи на кропиву!

Немного помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Друзья мои, постарайтесь запомнить одно: нѣтъ ни дурной травы, ни дурныхъ людей. Есть только плохіе земледѣльцы и плохіе воспитатели.

Дѣти любили его еще и потому, что онъ умѣлъ дѣлать различныя хорошенькія вещицы изъ соломы и изъ скорлупы кокосовыхъ орѣховъ.

Онъ входилъ всегда въ церковь, когда видѣлъ черную драпировку на ея дверяхъ, чтобы присутствовать на похоронахъ, и отыскивалъ похороны, какъ другіе отыскиваютъ крестины. Чужое горе привлекало его своею трогательностью, и онъ присоединялся къ друзьямъ и родственникамъ, одѣтымъ въ трауръ, къ священникамъ, пѣвшимъ похоронныя молитвы вокругъ гроба. Ему, повидимому, нравилось размышлять на тему похоронныхъ молитвъ, полныхъ напоминаній о другой жизни. Поднявъ глаза къ небу, онъ слушалъ, какъ бы самъ порываясь къ таинственному загробному міру, прислушиваясь къ грустнымъ напѣвамъ на рубежѣ перехода отъ жизни къ смерти.

Онъ дѣлалъ массу добрыхъ дѣлъ украдкой, какъ другіе украдкой совершаютъ свои дурные поступки; потихоньку, въ сумерки, онъ прокрадывался по лѣстницѣ въ дома бѣдныхъ.

Возвращаясь, бѣднякъ находилъ дверь открытой, иногда даже со взломомъ. Бѣднякъ восклицалъ: «Здѣсь были воры!» Онъ входилъ, и первое, что ему попадалось на глаза, была золотая монета, забытая на столѣ. «Преступникъ», заходившій сюда, былъ не кто иной, какъ дядя Мадленъ.

Мадленъ былъ привѣтливъ и грустенъ. Народъ говорилъ о немъ·

— Вотъ человѣкъ богатый, но не гордый. Вотъ человѣкъ счастливый, но не имѣющій довольнаго вида.

Нѣкоторые считали его за таинственную личность, увѣряли, что онъ никого не пускаетъ въ свою комнату, представляющую изъ себя настоящій скитъ отшельника, съ песочными часами, убранную мертвыми головами и сложенными накрестъ костями. Объ этомъ такъ много говорили, что нѣсколько мѣстныхъ вѣтряныхъ модницъ однажды явились къ нему съ просьбой:

— Господинъ мэръ, покажите намъ вашу комнату. Говорятъ, что она похожа на скитъ.

Онъ улыбнулся и повелъ ихъ въ этотъ скитъ.

Дамы были достаточно наказаны за свое любопытство. Въ комнатѣ стояла простая краснаго дерева мебель, очень некрасиваго фасона, какой почти всегда бываетъ у подобной мебели, а стѣны были оклеены дешевыми обоями су по 12 за кусокъ. Онѣ замѣтили только, что на каминѣ стояло два старинныхъ подсвѣчника, повидимому, серебряныхъ, «потому что на нихъ была проба»—замѣчаніе, характеризующее наблюдательность обывателей провинціальныхъ городковъ.

Тѣмъ не менѣе въ городѣ продолжали говорить, что въ эту комнату никто не можетъ проникнуть и что она похожа на скитъ отшельника, на берлогу, на склепъ.

Шушукались также о томъ, что у него были «громадныя» суммы денегъ, отданныя на храненія Лаффиту, съ условіемъ, чтобъ онѣ всегда находились налицо. Такимъ образомъ, прибавляли они, господинъ Мадленъ могъ въ любое утро явиться къ Лаффиту, предъявить ему чекъ и получить свои два-три милліона въ десять минутъ. Въ дѣйствительности эти два-три милліона, какъ мы уже говорили, сводились къ шестистамъ тридцати или шестистамъ сорока тысячамъ франковъ.

IV.

Господинъ Мадленъ въ траурѣ.

Въ началѣ 1821 года въ газетахъ появилось извѣстіе о кончинѣ монсиньора Миріеля, динскаго епископа, прозваннаго *преосвященнымъ Біенвеню* и скончавшагося смертью праведника на восемьдесятъ второмъ году отъ рожденія.

Прибавимъ одну подробность, не упомянутую въ газетахъ, что динскій епископъ ослѣпъ за нѣсколько лѣтъ до смерти и радовался своей слѣпотѣ, потому что сестра его была неотлучно при немъ.

Скажемъ мимоходомъ, что быть слѣпымъ и любимымъ является въ земной жизни, гдѣ нѣтъ ничего совершеннаго, одной изъ самыхъ необычайныхъ и прекраснѣйшихъ формъ счастія. Имѣть постоянно около себя жену, дочь, сестру, одну изъ этихъ чудесныхъ женщинъ, не покидающихъ васъ, потому что вы нуждаетесь въ нихъ, и потому что онѣ сами не могутъ обойтись безъ васъ, чувствовать свою необходимость для дорогого существа, имѣть

возможность постоянно измѣрять сумму внушаемой привязанности количествомъ посвящаемаго вамъ времени и говорить себѣ: «Такъ какъ она отдаетъ мнѣ все свое время то, слѣдовательно, я безраздѣльно владѣю ея сердцемъ»; читать всѣ мысли существа, чьего лица не можешь видѣть, чувствовать преданность этого существа, когда весь міръ ушелъ отъ тебя во мракъ, прислушиваться къ шелесту платья, похожему на взмахъ крыльевъ; слышать шаги, голосъ, пѣніе и сознавать, что ты центръ этихъ шаговъ, словъ и пѣнія, сознавать ежеминутно собственное значеніе для этого существа, сознавать свое могущество, по мѣрѣ усиленія своей немощи; благодаря лишенію свѣта и вслѣдствіе погруженія во мракъ сдѣлаться яркимъ свѣтиломъ, къ которому тяготѣетъ этотъ ангелъ, — едва ли что можетъ сравниться съ подобнымъ блаженствомъ.

Высшее счастіе въ жизни—сознаніе, что ты любимъ; любимъ изъ-за собственнаго «я» или, лучше сказать, несмотря на это собственное «я». Это сознаніе достается на долю слѣпыхъ. При подобномъ несчастіи всякая услуга равняется ласкѣ. Нуждается ли слѣпой еще въ чемъ-нибудь? Нѣтъ. Слѣпота не имѣетъ значенія, когда пользуешься такою любовью. И еще какой любовью!—любовью, всецѣло проникнутой добродѣтелью. Не можетъ быть никакой слѣпоты тамъ, гдѣ есть увѣренность. Душа ищетъ ощупью другую душу и находитъ ее. И эта найденная и испытанная душа—душа женщины. Васъ поддерживаетъ рука—это ея рука; вашего лба касаются уста—это ея уста; вы слышите около себя дыханіе—это ея дыханіе. Получать отъ нея все, начиная съ поклоненія и кончая состраданіемъ, никогда не быть покинутымъ, имѣть защиту въ этой кроткой слабости, опираться на этотъ непоколебимый тростникъ, прикасаться руками къ этому провидѣнію и имѣть возможность обнять его,—Боже мой, какой это восторгъ! Сердце, этотъ небесный загадочный цвѣтокъ, распускается въ своей таинственной красѣ. Подобный мракъ не уступишь и за весь свѣтъ. Ангельская душа постоянно около васъ; если она и удаляется, такъ только для того, чтобъ опять возвратиться, она исчезаетъ, какъ сонъ, и возвращается, какъ дѣйствительность. Чувствуется какое-то теплое вѣяніе—это приближается она. На васъ нахлынуло счастіе, веселье, экстазъ; вы сіяете среди ночи. И тысячи мелкихъ проявленій вниманія. Мелочи принимаютъ огромные размѣры въ пустынѣ. Сколько невыразимыхъ оттѣнковъ въ женскомъ голосѣ ласкаютъ васъ и замѣняютъ вамъ затмившійся міръ! Васъ ласкаютъ душой. Вы ничего не видите, но чувствуете, что васъ боготворятъ. Это рай потемокъ.

Изъ этого рая преосвященный Біенвеню переселился въ другой.

Извѣстіе объ его кончинѣ было напечатано въ мѣстной газетѣ, издаваемой въ Монтрейлѣ.

На слѣдующій же день господинъ Мадленъ появился весь въ черномъ и съ траурнымъ крепомъ на шляпѣ. Трауръ этотъ замѣтили въ городѣ, и пошли опять толки на всѣ лады. Казалось, это

пролило лучъ свѣта на происхожденіе господина Мадлена. Рѣшили что онъ былъ въ родствѣ съ достопочтеннымъ епископомъ. *Онъ носитъ трауръ по динскомъ епископѣ*, говорили въ гостиныхъ; это страшно подняло господина Мадлена въ глазахъ аристократическаго мірка города Монтрейля и доставило ему извѣстную долю уваженія. Микроскопическій кружокъ мѣстнаго Сенъ-Жерменскаго предмѣстья позаботился о снятіи всякаго карантина съ господина Мадлена, какъ архіерейскаго родственника. Господинъ Мадленъ догадался, что его еще повысили въ чинѣ по болѣе привѣтливымъ поклонамъ старыхъ дамъ и по улыбкамъ молодыхъ. Какъ-то вечеромъ одна изъ старѣйшихъ дамъ этого микроскопическаго большого свѣта полюбопытствовала, по праву старшинства, спросить у него:

— Господинъ мэръ, вы, вѣроятно, приходились двоюроднымъ братомъ покойному динскому епископу?

— Нѣтъ, сударыня,—отвѣчалъ онъ.

— Почему же вы носите по немъ трауръ?

— Потому, что въ молодости я служилъ лакеемъ въ его семействѣ,—отвѣтилъ онъ.

Еще слѣдующій фактъ бросался въ глаза: каждый разъ, когда черезъ городъ проходилъ молодой савояръ, предлагая свои услуги чистить трубы, господинъ мэръ звалъ его къ себѣ, спрашивалъ какъ его зовутъ, и давалъ ему денегъ. Маленькіе савояры передавали объ этомъ другъ другу, а потому ихъ проходило тутъ очень много.

V.

Смутныя догадки.

Съ теченіемъ времени всякая оппозиція противъ мэра, мало-помалу, заглохла сама собою. По общему закону, господинъ Мадленъ испыталъ на себѣ то, что приходится переживать всякому человѣку, неожиданно достигшему высшей ступени жизни: сначала распространялись различныя клеветы и гнусности, потомъ—пошло злословіе, наконецъ—посыпались насмѣшки, а затѣмъ все смолкло; общее уваженіе къ нему было полное, искреннее и единодушное, и въ 1821 году былъ такой моментъ, когда самыя слова «господинъ мэръ» произносились въ Монтрейлѣ съ почти такимъ же благоговѣніемъ, какъ имя преосвященнаго Біенвеню въ 1815 году въ Динѣ. Изъ-за десятковъ миль въ окружности приходили къ господину Мадлену за совѣтами. Онъ рѣшалъ споры, устранялъ тяжбы, мирилъ враговъ. Каждый выбиралъ его своимъ судьей, чтобы добиться справедливости. Можно было подумать, что въ его душѣ былъ начертанъ законъ естественнаго права.

Это была какая-то зараза почтенія, въ теченіе шести-семи лѣтъ передававшаяся отъ одного къ другому и охватившая, наконецъ, всю страну. Одинъ только человѣкъ въ городѣ и во всемъ округѣ не поддавался этой заразѣ и, несмотря на всѣ поступки дяди Мадлена, противился общему увлеченію, будто въ немъ жилъ какой-то неподкупный, непостижимый инстинктъ. Можно предположить дѣйствительно, что существуютъ такіе субъекты, одаренные чисто

животнымъ инстинктомъ, чистымъ и неподкупнымъ, какъ все инстинктивное; инстинктъ этотъ создаетъ антипатію и симпатію, роковымъ образомъ отталкивая одного человѣка отъ другого, безъ колебанія, не смущаясь, никогда не умолкая и не усыпляясь; онъ дѣйствуетъ съ какою-то ясностью и неумолимостью, упорно противясь голосу разсудка и всѣмъ доводамъ мышленія; это инстинктъ, который, какъ бы ни слагались обстоятельства, тайно предупреждаетъ человѣка-собаку о присутствіи человѣка-кошки и человѣка-лисицу о близости человѣка-льва.

Часто случалось, что когда господинъ Мадленъ, сопровождаемый общими благословеніями, спокойный и привѣтливый, проходилъ по улицѣ, одинъ человѣкъ высокаго роста, одѣтый въ сюртукъ сѣро-желѣзнаго цвѣта, съ толстой палкой въ рукѣ и съ нахлобученной на лобъ шляпой, останавливался за его спиной и провожалъ его глазами, пока мэръ не исчезалъ изъ вида. Скрестивъ руки, медленно покачивая головою и подбирая верхнюю губу къ самому носу, онъ дѣлалъ выразительную гримасу, которую можно было бы перевести слѣдующими словами:

— Что это за человѣкъ?—Я увѣренъ, что видѣлъ его гдѣ-то раньше. Во всякомъ случаѣ, меня-то онъ не одурачитъ.

Этотъ суровый, почти грозный, человѣкъ былъ изъ тѣхъ людей, которые внушаютъ къ себѣ предубѣжденіе даже при бѣглой встрѣчѣ.

Его звали Жаверъ, и служилъ онъ въ полиціи.

Въ Монтрейлѣ онъ исполнялъ трудныя, но полезныя обязанности полицейскаго инспектора. Онъ не засталъ начала дѣятельности Мадлена. Жаверъ получилъ занимаемый имъ постъ, благодаря протекціи господина Шабулье, секретаря при министрѣ, графѣ д'Англэ, который, впрочемъ, былъ тогда еще только префектомъ полиціи въ Парижѣ. Когда Жаверъ пріѣхалъ въ Монтрейль, фабрикантъ успѣлъ разбогатѣть, и «дядя Мадленъ» превратился уже въ «господина Мадлена».

Нѣкоторые полицейскіе имѣютъ спеціальную физіономію, отмѣченную одновременно какою-то низменностью и властностью. Жаверъ обладалъ такою физіономіей за исключеніемъ низменности.

Мы убѣждены, что если бы людскія души были доступны зрѣнію, то всѣ увидѣли бы ясно ту странность, что каждый экземпляръ человѣческаго рода находитъ себѣ представителя въ одномъ изъ какихъ-нибудь видовъ животнаго царства; и всѣ убѣдились бы въ той истинѣ, о которой лишь отчасти догадываются мыслители, что, начиная отъ устрицы и кончая орломъ, начиная отъ свиньи и кончая тигромъ, всѣ животныя совмѣщаются въ человѣкѣ. Иногда же случается, что въ одномъ человѣкѣ заключаются представители нѣсколькихъ животныхъ.

Животныя не что иное, какъ олицетвореніе нашихъ добродѣтелей и пороковъ, мелькающихъ предъ нашими глазами, видимое изображеніе нашихъ душъ. Господь показываетъ ихъ намъ съ цѣлью нашего вразумленія. Но такъ какъ животныя суть лишь

наше подобіе, то Господь не одарилъ ихъ воспріимчивостью къ воспитанію въ полномъ значеніи этого слова. Да и къ чему? Напротивъ, такъ какъ наши души—реальности, имѣющія свою конечную цѣль, то Богъ наградилъ ихъ умомъ, т.-е. сотворилъ ихъ воспріимчивыми для воспитанія. Правильное общественное воспитаніе можетъ изъ каждой души извлечь всю пользу, къ какой она способна.

Все это говорится, конечно, только относительно видимой земной жизни и не предрѣшаетъ важнаго вопроса о будущей жизни существъ, переставшихъ быть людьми. Видимое «я» не обязываетъ мыслителя отрицать «я» сокрытое. Сдѣлавъ эту оговорку, вернемся къ нашему разсказу.

Теперь, принявъ наше положеніе, что въ каждомъ человѣкѣ заключается одна изъ особенностей представителей животнаго царства, намъ легко будетъ опредѣлить характеръ полицейскаго агента Жавера.

Астурійскіе крестьяне убѣждены, что среди дѣтенышей волчицы всегда бываетъ одинъ щенокъ, убиваемый матерью, безъ чего этотъ щенокъ, выросши, съѣлъ бы всѣхъ волчатъ.

Придайте человѣческій образъ этому щенку, сыну волчицы, и вы получите представленіе о Жаверѣ.

Жаверъ родился въ тюрьмѣ отъ гадалки, мужъ которой былъ сосланъ на каторгу. Онъ росъ съ мыслью, что онъ выброшенъ изъ общества, и никогда не надѣялся снова вступить въ него. Онъ замѣчалъ, что общество безпощадно отталкиваетъ отъ себя два класса людей: тѣхъ, которые на него нападаютъ, и тѣхъ, которые его охраняютъ; онъ могъ выбирать только между этими двумя классами; въ то же время въ душѣ его жило что-то строгое, аккуратное и честное, заставлявшее его чувствовать непреоборимую ненависть къ той цыганской средѣ, изъ которой онъ вышелъ. Онъ поступилъ въ полицію. Ему повезло. Въ сорокъ лѣтъ онъ былъ инспекторомъ.

Въ молодости онъ былъ надсмотрщикомъ на галерахъ.

Прежде, чѣмъ продолжать, выяснимъ сперва то, что мы сейчасъ только назвали человѣческимъ образомъ Жавера.

Человѣческій образъ Жавера состоялъ изъ вздернутаго носа, съ двумя глубоко врѣзанными ноздрями, къ которымъ съ обѣихъ сторонъ подымались густыя бакенбарды. Кто встрѣчалъ его въ первый разъ, тотъ чувствовалъ себя очень неловко при видѣ этихъ двухъ рощъ и этихъ двухъ пещеръ. Когда Жаверъ смѣялся, что случалось рѣдко, то это было что-то ужасное: его тонкія губы раскрывались, обнажая не только зубы, но и десны, а вокругъ носа собирались глубокія складки, какъ на мордѣ какого-нибудь дикаго звѣря. Жаверъ въ серьезномъ видѣ походилъ на дога, когда же смѣялся, то становился тигромъ. Въ общемъ это былъ субъектъ съ мало развитымъ черепомъ, съ сильно развитыми челюстями, съ волосами, покрывавшими лобъ и ниспадавшими до бровей; между глазами была складка, точно клеймо гнѣва, при этомъ мрачный взглядъ, ротъ сжатый и злой, а все лицо страшное, повелитель-

ное и жестокое. Этотъ человѣкъ состоялъ изъ двухъ чрезвычайно простыхъ и въ сущности очень хорошихъ чувствъ; но они становились почти плохими отъ чрезмѣрнаго преувеличенія; то были уваженіе къ власти и ненависть къ мятежу. Въ его глазахъ воровство, убійство, всѣ преступленія вообще, были не что иное, какъ различныя проявленія мятежа. Онъ питалъ слѣпое и глубокое довѣріе ко всѣмъ офиціальнымъ лицамъ въ государствѣ, начиная отъ министра и кончая лѣснымъ сторожемъ, и брезговалъ, ненавидѣлъ и презиралъ всякаго, переступившаго черту законности, не допуская при этомъ ни ограниченій, ни исключеній. О первыхъ онъ говорилъ: «Власть не можетъ ошибаться. Должностное лицо всегда право». О вторыхъ же онъ говорилъ: «Эти люди совершенно погибшіе. Изъ нихъ не можетъ выйти ничего хорошаго». Онъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе крайнихъ умовъ, приписывающихъ человѣческимъ законамъ какую-то власть создавать или, если хотите, отмѣчать демоновъ, и подлагающихъ подъ общество какой-то Стиксъ. Онъ былъ стоикъ, серьезный и суровый; грустный мечтатель; покорный и надменный, какъ всѣ фанатики. Взглядъ его, подобно шилу, былъ остръ и холоденъ. Вся его жизнь заключалась въ двухъ словахъ: «бодрствовать и наблюдать». Онъ начертилъ прямую линію для всѣхъ самыхъ сложныхъ комбинацій человѣческой жизни. Вѣря въ несомнѣнную пользу своей дѣятельности, онъ относился съ религіознымъ почтеніемъ къ своимъ обязанностямъ и шпіонилъ, какъ другіе священнодѣйствуютъ. Горе тому, кто попадался въ его руки! Онъ арестовалъ бы своего отца, если бы тотъ бѣжалъ съ каторги, и донесъ бы на родную мать, если бы поймалъ ее съ поличнымъ. Сдѣлалъ бы онъ все это съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія, какое даетъ сознаніе собственной добродѣтели. При всемъ этомъ онъ велъ жизнь полную лишеній, уединенную, цѣломудренную, не позволяя себѣ ни малѣйшаго развлеченія. Вся цѣль его жизни заключалась въ исполненіи долга, при чемъ онъ смотрѣлъ на полицію тѣми же глазами, какими спартанецъ глядѣлъ на Спарту: это былъ недремлющій охранитель, безсердечный и грубо честный, точно сердце этого шпіона было высѣчено изъ мрамора,—Брутъ, воплотившійся въ Видока.

Все существо Жавера изображало подслушиваніе и желаніе не быть замѣченнымъ. Мистическая школа Жозефа де-Мэстра, украшавшая въ то время такъ называемые, ультрамонтанскіе журналы высшими космогоническими теоріями, не замедлила бы представить Жавера символомъ. Лобъ его скрывался подъ шляпой, глаза—подъ густо нависшими бровями, подбородокъ уходилъ въ галстукъ, руки прятались въ длинные рукава, а палка—подъ сюртукъ. Но когда наступалъ рѣшительный моментъ, внезапно, какъ изъ засады, изъ этой тѣни появлялся разомъ узкій угловатый лобъ, угрожающій взглядъ, грозный подбородокъ, громадныя руки и чудовищная дубина.

Въ рѣдкія свободныя минуты онъ читалъ, хотя ненавидѣлъ книги, благодаря чему его нельзя было назвать совершеннымъ

неучемъ Это было также замѣтно по нѣкоторымъ напыщеннымъ словамъ, встрѣчавшимся въ его рѣчи.

Мы уже говорили, что у него не было пороковъ. Когда онъ былъ доволенъ собою, то разрѣшалъ себѣ понюшку табаку. Только въ одной этой слабостисказывалась въ немъ общечеловѣческая черта.

Само собою понятно, что Жаверъ былъ грозой всего того класса людей, который въ ежегодномъ статистическомъ отчетѣ министра юстиціи значится подъ рубрикой *бродягъ*. При одномъ имени Жавера они обращались въ бѣгство, появленіе же его приводило ихъ въ оцѣпенѣніе.

Таковъ былъ этотъ страшный человѣкъ.

Жаверъ былъ недремлющимъ окомъ, постоянно слѣдившимъ за господиномъ Мадленомъ. Взглядъ его былъ полонъ недовѣрія и выжиданія. Господинъ Мадленъ, наконецъ, это замѣтилъ, но, казалось, не обращалъ на это никакого вниманія. Онъ даже ни разу не обратился къ Жаверу съ вопросомъ по этому поводу, онъ не искалъ, но и не избѣгалъ его, а выносилъ этотъ тяжелый и назойливый взглядъ съ видимымъ равнодушіемъ. Обращался же онъ съ Жаверомъ, какъ и со всѣми: привѣтливо и спокойно.

По нѣсколькимъ случайно вырвавшимся словамъ можно было догадаться, что Жаверъ производитъ тайные розыски, побуждаемый любопытствомъ, свойственнымъ этой породѣ людей и столько же вытекающимъ изъ инстинкта, какъ изъ воли. Онъ выслѣживалъ все, что можно было узнать о прошломъ дяди Мадлена. Повидимому, ему удалось напасть на слѣдъ, о чемъ онъ иногда очень смутно намекалъ, что кто-то де разыскиваетъ въ одной мѣстности одну исчезнувшую семью. Однажды ему случилось сказать вслухъ самому себѣ: «Кажется, онъ теперь въ моихъ рукахъ!» Послѣ этого онъ три дня ходилъ задумавшись и не произнесъ ни слова. Повидимому, нить, найденная имъ, порвалась.

Впрочемъ, необходимо сдѣлать оговорку, чтобы выяснить истинное значеніе нѣкоторыхъ словъ, которымъ можно придать черезчуръ абсолютный смыслъ, и напомнить, что люди всѣ вообще далеки отъ совершенства и что, главнымъ образомъ, инстинкту свойственно сбиваться съ толку, направляться на ложный путь и запутываться. Иначе инстинктъ надо было бы поставить выше разума, и животное оказалось бы съ присущимъ ему инстинктомъ выше и просвѣщеннѣе человѣка.

Жавера, безъ сомнѣнія, смущало это полное спокойствіе и невозмутимость господина Мадлена. Но одинъ разъ его странное обращеніе произвело, повидимому, нѣкоторое впечатлѣніе на мэра. И вотъ по какому случаю.

VI.

Дядя Фошлеванъ.

Разъ утромъ господинъ Мадленъ, проходя по немощеной улицѣ Монтрейля, услыхалъ шумъ и увидалъ невдалекѣ собравшуюся кучку людей. Онъ пошелъ туда. Оказалось, что старикъ

Фошлеванъ упалъ подъ телѣгу, стараясь поднять упавшую лошадь.

Этотъ Фошлеванъ принадлежалъ еще къ тѣмъ немногимъ врагамъ, которыхъ въ то время уже мало оставалось у господина Мадлена въ городѣ. Когда Мадленъ прибылъ въ Монтрейль, Фошлеванъ, грамотный крестьянинъ и сельскій нотаріусъ, занимался торговлей, но дѣла его шли плохо. Онъ видѣлъ, какъ постепенно богатѣлъ этотъ простой рабочій, тогда какъ онъ разорялся; онъ началъ ему завидовать и старался при каждомъ удобномъ случаѣ вредить Мадлену. Наступило банкротство, и у старика, не имѣвшаго ни семьи ни дѣтей, остались только отъ прежняго хозяйства одна телѣга да лошадь, и онъ вынужденъ былъ на старости лѣтъ сдѣлаться извозчикомъ.

При паденіи лошадь сломала себѣ обѣ ноги и не могла встать. Старикъ застрялъ между колесъ опрокинувшейся на него телѣги. Телѣга опрокинулась такъ неудачно, что придавила ему грудь; она была довольно тяжело нагружена. Дядя Фошлеванъ жалобно стоналъ. Всѣ старанія его высвободиться изъ-подъ телѣги были напрасны, одно неловкое движеніе, неправильный толчокъ или неловкое усиліе,—и его бы раздавило. Единственно, что можно было сдѣлать, это поднять телѣгу снизу. Жаверъ, пришедшій въ моментъ несчастія, послалъ за домкратомъ.

Когда подошелъ господинъ Мадленъ, всѣ съ почтеніемъ разступились.

— Помогите! — молилъ старый Фошлеванъ.—Неужели между вами не найдется добраго человѣка, который бы спасъ несчастнаго старика!

Господинъ Мадленъ обратился къ присутствующимъ:

— Есть ли домкратъ?

— За нимъ послали,—отвѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— А скоро ли его доставятъ?

— Побѣжали въ ближайшее мѣсто, въ поселокъ Флашо, гдѣ есть кузница; но все равно, раньше какъ черезъ четверть часа его не доставятъ.

— Четверть часа!—воскликнулъ Мадленъ.

Наканунѣ шелъ дождь, земля совсѣмъ размокла, телѣга съ каждой минутой все глубже и глубже уходила въ грунтъ и все сильнѣе надавливала на грудь стараго извозчика. Было очевидно, что черезъ какихъ-нибудь пять минутъ ребра его будутъ сломаны.

— Невозможно ждать четверть часа,—сказалъ Мадленъ, окружавшимъ его крестьянамъ.

— Что же дѣлать?

— Но вѣдь тогда будетъ уже поздно! Развѣ вы не видите, что телѣга осѣдаетъ все глубже?

— Ничего не подѣлаешь!

— Послушайте,—началъ опять Мадленъ,—подъ телѣгой есть пока еще мѣсто, чтобы подлѣзть подъ нее одному человѣку и приподнять ее спиной. Только полминуты усилія, и несчастный

будетъ спасенъ. Нѣтъ ли между вами силача съ отважнымъ сердцемъ? Пять золотыхъ въ награду.

Никто не двинулся.

— Десять золотыхъ,—сказалъ Мадленъ.

Присутствующіе опустили глаза. Нѣкоторые пробормотали:

— Для этого надо имѣть чертовскую силу. Еще, пожалуй, и самого задавитъ.

— Ну, ребята, двадцать золотыхъ,—продолжалъ Мадленъ.

Тоже молчаніе.

— Здѣсь дѣло вовсе не въ недостаткѣ доброй воли,—замѣтилъ чей-то голосъ.

Господинъ Мадленъ обернулся и узналъ Жавера. Онъ не замѣтилъ его раньше, когда подходилъ.

Жаверъ продолжалъ:

— Здѣсь нужна сила. Нужно быть страшнымъ силачомъ, чтобы смочь приподнять на спинѣ тяжело нагруженную телѣгу.— Потомъ, пристально глядя на Мадлена, онъ продолжалъ, напирая на каждое произносимое имъ слово:—Господинъ Мадленъ, я зналъ только одного человѣка, который былъ бы въ силахъ сдѣлать то, чего вы требуете.

Мадленъ вздрогнулъ.

Жаверъ, не спуская глазъ съ господина Мадлена, прибавилъ равнодушнымъ голосомъ:

— То былъ каторжникъ.

— А!—произнесъ Мадленъ.

— Каторжникъ изъ Тулонскаго острога.

Мадленъ поблѣднѣлъ.

Телѣга между тѣмъ все глубже и глубже опускалась въ грязь. Старикъ Фошлеванъ захрипѣлъ и простоналъ:

— Задыхаюсь! Ребра трещатъ! Домкратъ! Спасите, ради Бога, помогите! Ахъ!

Мадленъ оглянулся на присутствующихъ:

— Двадцать золотыхъ! Неужели никто не хочетъ заработать двадцать золотыхъ и спасти жизнь этому старику?

Никто не двинулся съ мѣста. Жаверъ продолжалъ:

— Я знаю одного только человѣка, могущаго замѣнить домкратъ. Это одинъ бывшій каторжникъ.

— Ахъ, меня совсѣмъ придавило!—кричалъ старикъ.

Мадленъ поднялъ голову, встрѣтилъ попрежнему пристально устремленный на него взглядъ Жавера, посмотрѣлъ на столпившихся крестьянъ и грустно улыбнулся. Потомъ, не говоря ни слова, онъ упалъ на колѣни и, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ вскрикнуть, очутился подъ телѣгой.

Наступила минута страшной тишины и тревожнаго ожиданія.

Всѣ видѣли, какъ Мадленъ, лежа плашмя на животѣ, напрасно раза два старался приблизить локти къ колѣнамъ. Ему кричали:

— Дядя Мадленъ, вылѣзайте поскорѣе назадъ!

Старикъ Фошлеванъ самъ проговорилъ:

— Господинъ Мадленъ, оставьте, видно мнѣ суждено умереть! Оставьте меня! Васъ самого убьетъ.

Мадленъ ничего не отвѣчалъ.

У всѣхъ присутствующихъ замерло дыханіе. Колеса все глубже и глубже увязали, и Мадлену становилось почти невозможнымъ вылѣзти изъ-подъ телѣги. Вдругъ вся масса заколыхалась. Телѣга медленно стала приподниматься, и колеса наполовину вылѣзли изъ грязи. Послышался хриплый крикъ: «Скорѣе, помогайте!» Это Мадленъ дѣлалъ послѣднія усилія.

Всѣ бросились разомъ. Самоотверженіе одного придало силу и смѣлость всѣмъ другимъ. Двадцать рукъ подняли телѣгу. Старикъ Фошлеванъ былъ спасенъ.

Мадленъ поднялся на ноги. Онъ былъ страшно блѣденъ, и потъ градомъ катился съ него. Одежда на немъ изорвалась и была вся въ грязи. Всѣ плакали. Старикъ обнималъ его колѣни и называлъ своимъ спасителемъ. Лицо Мадлена выражало блаженство и какое-то неземное страданіе. Онъ спокойно устремилъ свой взглядъ на Жавера, продолжавшаго попрежнему не сводить съ него глазъ.

VII.

Фошлеванъ становится садовникомъ въ Парижѣ.

Фошлеванъ при паденіи вывихнулъ себѣ ногу въ колѣнкѣ. Дядя Мадленъ распорядился перевезти его въ лазаретъ, устроенный имъ для своихъ рабочихъ въ самомъ зданіи фабрики, гдѣ за больными ухаживали двѣ сестры милосердія. На другое утро старикъ Фошлеванъ нашелъ на своемъ ночномъ столикѣ билетъ въ тысячу франковъ и при немъ записку, написанную самимъ дядей Мадленомъ. *Я покупаю у васъ вашу телѣгу и лошадь.* Телѣга была вся изломана, а лошадь околѣла. Фошлеванъ выздоровѣлъ, но его колѣнка осталась сведенной. Господинъ Мадленъ, по протекціи сестеръ милосердія и священника, устроилъ старика садовникомъ въ женскомъ монастырѣ, помѣщавшемся въ Парижѣ кварталѣ Сентъ-Антуанъ.

Немного спустя господинъ Мадленъ былъ назначенъ мэромъ. Когда Жаверъ въ первый разъ увидалъ господина Мадлена въ шарфѣ, дававшемъ ему власть надъ всѣмъ городомъ, онъ почувствовалъ тотъ трепетъ, какой должна чувствовать собака, разнюхавшая волка, наряженнаго въ платье ея хозяина. Съ этой минуты Жаверъ всѣми силами избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, когда же по дѣламъ службы онъ долженъ былъ являться къ господину мэру, то всегда говорилъ съ нимъ съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Благосостояніе, созданное дядей Мадленомъ въ Монтрейлѣ, кромѣ видимыхъ признаковъ, на которые мы указали, имѣло еще другой симптомъ, не такой замѣтный, но тѣмъ не менѣе значительный. Неоспоримая истина: когда населеніе нуждается, когда является безработица, когда торговля падаетъ, тогда плательщики

податей уклоняются по бѣдности отъ платы налоговъ, пропускаютъ всѣ льготные сроки, и государство тратитъ много денегъ на взысканія и понудительныя мѣры; наоборотъ, когда въ работѣ нѣтъ недостатка, когда край богатъ и счастливъ, то налоги уплачиваются легко и на взысканіе ихъ государство ничего не тратитъ. Можно прямо сказать, что у общественной бѣдности и богатства есть свой вѣрный показатель,—это расходы по взиманію податей. Въ этотъ періодъ расходы по сбору налоговъ въ Монтрейскомъ округѣ сократились на три четверти, и господинъ де-Виллель, бывшій въ то время министромъ финансовъ, указывалъ на этотъ округъ, какъ на самый благополучный, и ставилъ его въ примѣръ другимъ.

Таково было положеніе края, когда Фантина возвратилась на родину. Ея никто не помнилъ. Къ счастію, фабрика господина Мадлена привѣтливо отворила ей свои двери. Она явилась туда и была принята въ женскую мастерскую. Такъ какъ производство это было совершенно незнакомо Фантинѣ, то она зарабатывала очень немного, но во всякомъ случаѣ ей хватало на жизнь; задача была рѣшена, она имѣла возможность не умереть съ голода.

VIII.

Госпожа Виктюрніенъ тратитъ тридцать пять франковъ на нравственность.

Когда Фантина увидала, что можетъ жить самостоятельно, она на минуту просіяла. Жить честно своимъ трудомъ,—какое блаженство! Она купила себѣ зеркало, чтобы любоваться своей молодостью, своими роскошными волосами и прекрасными зубами, почти забыла все прошлое, мечтала только о Козеттѣ и о возможномъ будущемъ, и была почти счастлива. Она наняла маленькую комнатку, меблировала ее въ кредитъ, въ расчетѣ на будущій заработокъ; въ этомъ сказался еще отголосокъ привычекъ прежней безпорядочной жизни.

Не имѣя возможности выдавать себя за замужнюю женщину, она тщательно скрывала, какъ мы раньше уже говорили, что у нея есть маленькая дочка.

Какъ мы уже видѣли, она въ началѣ платила Тенардье очень аккуратно. И такъ какъ она сама не умѣла писать, то принуждена была всякій разъ обращаться къ писарю.

Замѣтили, что она часто пишетъ. По этому поводу въ женской мастерской начали шушукаться, что Фантина «писала письма», и что у нея «странныя манеры». Никто такъ не слѣдитъ за поступками другихъ, какъ тѣ люди, которыхъ они менѣе всего касаются. Почему этотъ господинъ выходитъ только въ сумерки? Почему тотъ господинъ никогда не вѣшаетъ своего ключа на гвоздь по четвергамъ? Почему онъ всегда ходитъ по переулкамъ? Почему такая-то женщина разсчитывается съ извозчикомъ, не доѣзжая до дому? Почему она послала купить тетрадку почтовой бумаги, когда дома у нея полный ящикъ съ письменными принадлежностями и т. д. и т. д.

Существуютъ люди, которые, чтобы разъяснить эту загадку, въ сущности совсѣмъ ихъ не касающуюся, тратятъ, безо всякой для себя пользы, больше времени и денегъ, чѣмъ ихъ потребовалось бы на десять добрыхъ дѣлъ. И все это изъ одного удовольствія, изъ удовольствія простого любопытства. Они готовы по цѣлымъ днямъ слѣдить за тѣмъ-то или за той-то, готовы простаивать часами на углахъ улицъ, подъ воротами, ночью, на холоду, подъ дождемъ, подкупать комиссіонеровъ, напаивать извозчиковъ и лакеевъ, подкупить горничную и привратника. Зачѣмъ? Да просто такъ, не изъ-за чего, только ради пустого любопытства узнать, вывѣдать и проникнуть въ чужую тайну. Изъ одного желанія поболтать. А разоблаченія этихъ тайнъ, сообщенныхъ во всеуслышаніе, ведутъ къ катастрофамъ, къ дуэли, разоренію, къ распаденію семьи, разбиваютъ жизнь къ великому удовольствію тѣхъ «разоблачителей», которые открыли все это безъ всякой цѣли, по какому-то слѣпому инстинкту. Это очень грустное явленіе.

Существуютъ люди, любящіе злословить только потому, что имъ нужно о чемъ-нибудь поговорить. Ихъ разговоръ—будь это салонная болтовня или лакейское судаченіе—похожъ на каминъ, сжигающій много дровъ; имъ нужно много матеріала, и матеріаломъ этимъ служатъ ихъ ближніе.

Итакъ, за Фантиной учредили надзоръ.

Къ тому же, многіе завидовали ея бѣлокурымъ волосамъ и ея бѣлымъ зубамъ.

Замѣтили, что въ мастерской она часто отвертывается, чтобъ украдкой утереть слезу. Это именно и были тѣ минуты, когда Фантина вспоминала о своемъ ребенкѣ, а можетъ-быть, и о томъ, кого она когда-то любила. Порывать съ прошлымъ всегда очень мучительно.

Замѣтили также, что она пишетъ письма по меньшей мѣрѣ раза два въ мѣсяцъ, все по одному и тому же адресу, и что она посылаетъ ихъ заказными. Удалось узнать и адресъ: *господину Тенардье, трактирщику въ Монфермейлѣ*. Разыскали старика-писаря, угостили его въ кабачкѣ, и болтунъ, не могшій наполнить краснымъ виномъ свой желудокъ безъ того, чтобы не разболтать всѣхъ секретовъ, разсказалъ содержаніе писемъ. Словомъ, узналось, что у Фантины есть ребенокъ. «Очевидно, она дѣвица извѣстнаго сорта.

Нашлась и кумушка, съѣздившая въ Монфермейль, повидавшаяся съ Тенардье и сообщившая по пріѣздѣ: «Я не даромъ истратила свои тридцать пять франковъ, теперь сердце у меня спокойно. Я видѣла ребенка!»

Кумушка, совершившая это великое дѣло, блюстительница и охранительница всеобщей добродѣтели, была госпожа Виктюрніенъ—настоящій змѣй-горынычъ въ юбкѣ. Госпожѣ Виктюрніенъ было пятьдесятъ шесть лѣтъ, и подъ старость ея физіономія стала еще безобразнѣе, чѣмъ была въ молодости. Голосъ ея дребезжалъ, умъ фальшивилъ. Удивительно только, что и эта старуха была когда-то тоже молодой. Во времена своей молодости она вышла замужъ

за монаха, бѣжавшаго изъ монастыря въ красномъ колпакѣ и перешедшаго изъ бернардинцевъ въ якобинцы. Женщина она была сухая, злая, придирчивая, угловатая и почти что ядовитая, однако все еще вспоминавшая своего покойнаго монаха, державшаго ее при жизни въ подчиненіи и страхѣ. Во время реставраціи она сдѣлалась ревностной ханжой, такъ что попы простили ей монаха. У нея было небольшое состояніе, и она вездѣ кричала, что завѣщаетъ его какой-нибудь духовной общинѣ. Въ Арраской епархіи относились къ ней очень благосклонно. Такъ вотъ эта-то самая госпожа Виктюрніенъ съѣздила въ Монфермейль и возвратилась со словами: «Я видѣла ребенка».

Всѣ эти хлопоты заняли не мало времени. Фантина прожила уже на фабрикѣ больше года, когда однажды надзирательница мастерской передала ей отъ имени господина мэра пятьдесятъ франковъ и объявила ей при этомъ, что она больше не нужна и что господинъ мэръ совѣтуетъ ей переселиться въ другое мѣсто.

Все это случилось какъ разъ въ тотъ мѣсяцъ, когда Тенардье, увеличивъ плату съ шести франковъ на двѣнадцать, вторично потребовалъ прибавки съ двѣнадцати на пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ.

Фантина была ошеломлена. Она не могла покинуть городъ, задолжавъ за квартиру и мебель. Пятидесяти франковъ, выданныхъ ей при отказѣ, не хватило даже на уплату долговъ. Она пробормотала невнятную просьбу о снисхожденіи, но надзирательница строго приказала ей тотчасъ же оставить мастерскую. Ко всему этому нужно прибавить, что Фантина была неважная работница. Подавленная стыдомъ даже больше, чѣмъ отчаяніемъ, она оставила мастерскую и вернулась въ свою комнату. Теперь всѣ уже знали про ея проступокъ.

Она была больше не въ силахъ говорить. Ей совѣтовали повидаться съ господиномъ мэромъ, но она не посмѣла. Господинъ мэръ далъ ей пятьдесятъ франковъ, потому что онъ былъ добръ, и выгналъ ее, потому что онъ былъ справедливъ. И она склонилась предъ этимъ рѣшеніемъ.

IX.

Успѣхи госпожи Виктюрніенъ.

Вдова монаха все-таки сдѣлала свое дѣло.

Впрочемъ, господинъ Мадленъ ничего не зналъ о всей этой исторіи.

Такими сплетеніями обстоятельствъ переполнена вся наша жизнь.

Самъ господинъ Мадленъ очень рѣдко посѣщалъ женскую мастерскую, поставивъ во главѣ этой мастерской одну старую дѣву, рекомендованную ему священникомъ; онъ вполнѣ довѣрилъ ей мастерскую; это была, на самомъ дѣлѣ, особа справедливая, честная, великодушная, рѣшительная, дѣятельная, щедрая на милостыню, но, къ сожалѣнію, не умѣвшая понимать и прощать людскія слабости.

Господинъ Мадленъ во всемъ на нее положился и вѣрилъ ей безусловно. Самые лучшіе люди принуждены иногда дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей властью. На основаніи этихъ полномочій и вполнѣ убѣжденная въ правильности своего образа дѣйствія, надзирательница рѣшила Фантину судить и, осудивъ, прогнала ее съ мѣста.

Что касается пятидесяти франковъ, то она ихъ выдала изъ суммы, которая была ей предоставлена господиномъ Мадленомъ для пособій и наградъ работницамъ и въ которой онъ никогда не спрашивалъ у нея отчета. Фантина принялась искать мѣста служанки въ городѣ, заходила изъ одного дома въ другой, но никто не пожелалъ ее взять къ себѣ. Уйти же изъ города она не могла; мелкій торговецъ, у котораго она взяла мебель,—надо было видѣть, что это только была за мебель,—сказалъ ей: «Если вы уѣдете изъ города, я арестую васъ, какъ воровку». Домохозяинъ, которому она должна была за комнату, сказалъ ей: «Вы молоды и красивы, слѣдовательно, вы можете заплатить». Она раздѣлила эти пятьдесятъ франковъ между домохозяиномъ и торговцемъ, при чемъ отдала торговцу три четверти своей мебели, оставивъ только самую необходимую, и очутилась безъ работы, безъ всякой поддержки, имѣя лишь одну кровать и около ста франковъ долга.

Фантина принялась шить толстыя рубашки на гарнизонныхъ солдатъ и зарабатывала двѣнадцать су въ день; дочь же ей стоила десять. Въ это-то время она и стала неаккуратно высылать деньги Тенардье. Между тѣмъ старуха-сосѣдка, у которой она зажигала свѣчу, возвращаясь вечеромъ домой, научила ее искусству жить въ бѣдности. Вслѣдъ за умѣніемъ жить малымъ есть еще наука жить ничѣмъ. Это какъ бы двѣ комнаты: первая темная, вторая черная, какъ ночь.

Фантина научилась зимой обходиться безъ огня; научилась лишать себя удовольствія содержать даже птичку, съѣдавшую въ два дня на одинъ ліардъ; научилась превращать юбку въ одѣяло и одѣяло въ юбку; научилась беречь свѣчку, обѣдая при свѣтѣ окна противоположнаго дома. Трудно вообразить себѣ, что умѣютъ извлечь изъ одного су нѣкоторыя слабыя созданія, состарившіяся въ нищетѣ и честности. Это умѣніе становится настоящимъ талантомъ. Фантина пріобрѣла этотъ величайшій талантъ и снова пріободрилась.

Разъ она сказала одной изъ своихъ сосѣдокъ:

— Вотъ видите ли, я говорю самой себѣ, что если я буду спать въ сутки только пять часовъ, а остальное время буду работать, я все же заработаю себѣ на хлѣбъ. И притомъ, когда на душѣ такъ тяжело, то меньше ѣшь. Ну, что жъ! Съ одной стороны страданія, тревоги, немного хлѣба, съ другой стороны горе,—все это, взятое вмѣстѣ, меня прокормитъ.

Имѣть ребенка при себѣ въ минуты такой грустной жизни было бы величайшимъ счастьемъ. Фантина и мечтала выписать его къ себѣ. Но куда же! Заставить ребенка дѣлить съ собою голодъ и нищету! Да къ тому же она задолжала Тенардье! Какъ уплатить этотъ долгъ? А дорога! Откуда взять на нее денегъ?

Старушка, научившая ее жить нищенской жизнью, была святая женщина; звали ее Маргаритой, она была очень набожна и вѣрила настоящей истинной вѣрой; неимущая сама, она въ то же время была милосердна къ бѣднымъ и даже къ богатымъ. Она умѣла только подписывать свое имя *Маргарита* и вѣрила въ Бога, т.-е. обладала истиннымъ знаніемъ.

Такой добродѣтели много внизу; наступитъ день, когда она будетъ и наверху. Вѣдь у земной жизни есть завтрашній день.

Въ первое время Фантина стыдилась даже выходить изъ дома. На улицѣ она чувствовала, что всѣ оглядываются на нее и указываютъ пальцами; всѣ смотрѣли на нее, но никто съ ней не кланялся; это холодное, жестокое презрѣніе прохожихъ пронизывало ея душу и тѣло, какъ струя ледяного вѣтра.

Въ маленькихъ городкахъ такая несчастная чувствуетъ себя какъ бы раздѣтой до-нага подъ насмѣшливыми и любопытными взглядами толпы. Въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, васъ никто не знаетъ, и эта неизвѣстность служитъ вамъ охраной. О, какъ она желала возвратиться въ Парижъ! Но это было для нея немыслимо.

Пришлось привыкать къ презрѣнію такъ же, какъ она привыкла къ нищетѣ. Мало-по малу она помирилась съ этимъ. Мѣсяца черезъ два-три она привыкла къ своему позору и выходила, какъ ни въ чемъ не бывало. «Мнѣ все равно», говорила она. И она шла, высоко поднявъ голову, съ горькой улыбкой на губахъ, сама чувствуя, что становится наглой.

M-me Виктюрніенъ видѣла иногда изъ своего окошка проходившую Фантину, замѣчала жалкій видъ «этой твари», которой, благодаря ей, «показали надлежащее мѣсто», и торжествовала. И у злыхъ бываютъ минуты черной радости.

Чрезмѣрная работа утомила Фантину, и у нея появился сухой кашель. Она говорила иногда своей сосѣдкѣ:

— Попробуйте, какія у меня горячія руки

Тѣмъ не менѣе, когда она по утрамъ обломкомъ гребенки расчесывала свои чудные волосы, блестѣвшіе какъ шелкъ, она испытывала приливъ счастливаго кокетства.

X.

Послѣдствіе успѣха.

Ей отказали въ концѣ зимы; прошло лѣто, опять наступила зима. Зимой нѣтъ ни тепла, ни свѣта, ни полдневного жара, вечеръ почти сливается съ утромъ, вѣчный туманъ, вѣчныя сумерки, въ окнѣ сѣро, ничего ясно не видно. Небо цѣлый день виситъ, какъ свинцовый сводъ, цѣлый день сидишь, какъ въ потемкахъ. Солнце кажется нищимъ. Ужасное время года. Зима превращаетъ падающую съ неба воду и сердца людей въ камень. Кредиторы просто терзали Фантину.

Фантина зарабатывала очень мало. Долги все росли. Тенардье, раздосадованные неаккуратной получкой денегъ, осаждали ее письмами, приводившими ее въ отчаяніе и опустошавшими ея карманы.

Однажды они ей написали, что Козетта совсѣмъ обносилась, что къ зимѣ ей необходимо теплую юбку, и чтобы мать прислала на ея покупку по меньшей мѣрѣ франковъ десять. Получивъ это письмо, Фантина цѣлый день не выпускала его изъ рукъ. Вечеромъ она зашла къ одному цырюльнику, жившему на углу улицы, и вынула гребень изъ волосъ. Чудные бѣлокурые волосы разсыпались до колѣнъ.

— Какіе чудные волосы!—воскликнулъ цырюльникъ.

— Сколько вы мнѣ за нихъ дадите?—спросила она.

— Десять франковъ.

— Стригите.

Она купила шерстяную юбку и отослала ее Тенардье.

Эта юбка привела Тенардье въ ярость. Имъ нужны были деньги. Юбку они отдали Эпонинѣ. Бѣдный же жаворонокъ продолжалъ дрогнуть отъ холода.

Фантина думала: «Моя малютка теперь больше не зябнетъ. Я одѣла ее своими волосами». Сама же она надѣла маленькій кругленькій чепчикъ, скрывавшій ея остриженную голову, но и въ этомъ видѣ она была еще красива.

Въ душѣ Фантины происходила мрачная работа. Когда она лишилась радости расчесывать свои волосы, ей вдругъ все сдѣлалось постыло. Она долгое время, какъ и всѣ прочіе, глубоко уважала дядю Мадлена; но, мало-по-малу, повторяя себѣ постоянно, что по его милости ей отказали отъ мѣста, что онъ былъ причиной ея несчастія, она стала его ненавидѣть, и возненавидѣла его больше всѣхъ. Проходя мимо фабрики въ часы, когда рабочіе отдыхали, она нарочно старалась громко смѣяться и пѣть.

Одна старая работница, услыхавъ однажды это пѣніе и этотъ смѣхъ, сказала:

— Ну, эта дѣвушка плохо кончитъ.

Фантина взяла себѣ любовника, перваго встрѣчнаго мужчину. Она его даже совсѣмъ и не любила, а сдѣлала это съ одной досады и съ отчаяніемъ въ душѣ. Онъ былъ странствующій музыкантъ, праздношатающійся лѣнтяй и оказался негодяемъ, колотилъ ее и, наконецъ, бросилъ съ тѣмъ же чувствомъ отвращенія, съ какимъ она взяла его.

Фантина боготворила своего ребенка.

Чѣмъ больше она падала, чѣмъ больше сгущался вокругъ нея мракъ, тѣмъ ярче разгоралась въ ея душѣ любовь къ этому маленькому ангелочку. Она говорила: «Когда я буду богата, Козетта будетъ жить со мною», и она смѣялась. Кашель все продолжался, и спина ея дѣлалась мокрой отъ пота.

Однажды она получила отъ Тенардье письмо слѣдующаго содержанія:

«Козетта больна, болѣзнь эта почти у насъ повальная. Называютъ эту болѣзнь просянкой. Необходимы дорогія лѣкарства. Это насъ разоряетъ, и мы не можемъ больше тратиться. Если вы въ продолженіе недѣли не вышлете сорока франковъ, то ваша дѣвочка умретъ».

Фантина громко расхохоталась и сказала своей старой сосѣдкѣ:

— Ахъ, какъ это хорошо! Сорокъ франковъ! Бездѣлица! Вѣдь это два наполеондора! Откуда же я ихъ возьму? Какъ они глупы, эти крестьяне!

Однако она вышла на лѣстницу и еще разъ перечитала письмо у слухового окна. Потомъ сошла съ лѣстницы, продолжая хохотать и подпрыгивать.

Кто-то изъ прохожихъ спросилъ ее:

— Что это съ вами, вы такая веселая?

— Я получила очень глупое письмо изъ деревни, — отвѣчала она. — Меня просятъ прислать сорокъ франковъ. Этакіе дураки!

Проходя по площади, она замѣтила собравшуюся толпу любопытныхъ, окружавшихъ какую-то странную повозку причудливой формы; на поднятомъ верхѣ этой повозки стоялъ человѣкъ въ красной одеждѣ. Это былъ странствующій шарлатанъ-дантистъ, предлагавшій публикѣ вставныя челюсти, опіанъ, порошки и эликсиры.

Фантина вмѣшалась въ толпу, смѣялась вмѣстѣ съ другими надъ рѣчами этого шарлатана, обращавшагося съ простонароднымъ нарѣчіемъ къ черни и съ изысканными выраженіями къ чистой публикѣ. Зубодеръ замѣтилъ смѣявшуюся хорошенькую дѣвушку и вдругъ воскликнулъ:

— У васъ прекрасные зубы, хохотушка. Если вы согласитесь продать мнѣ ваши два верхніе рѣзца, то я заплачу вамъ за каждый по наполеондору.

— Это что же значитъ—мои два рѣзца?—спросила Фантина.

— Рѣзцами,—началъ дантистъ,—называются два верхнихъ переднихъ зуба.

— Какой ужасъ!—воскликнула Фантина.

— Два наполеондора!—проворчала беззубая старуха, стоявшая поблизости.—Вотъ счастливая-то!

Фантина убѣжала, заткнувъ уши, чтобы не слыхать хриплаго голоса продавца, кричавшаго ей вслѣдъ:

— Подумайте, красавица! Два наполеондора пригодятся. Если надумаетесь, то приходите сегодня вечеромъ въ трактиръ *Серебряная Палуба*, тамъ вы меня найдете.

Фантина вернулась домой въ бѣшенствѣ и разсказала о своемъ приключеніи доброй сосѣдкѣ Маргаритѣ:

— Понимаете, какой скверный человѣкъ! Какъ позволяютъ такимъ людямъ разъѣзжать по городамъ? Вырвать моихъ два переднихъ зуба! Но вѣдь я тогда буду страшилище! Волосы еще отрастутъ, но зубы! О чудовище! Я соглашусь скорѣе выброситься изъ пятаго этажа на мостовую внизъ головою! Онъ мнѣ сказалъ, что сегодня вечеромъ будетъ въ *Серебряной Палубѣ*.

— А сколько онъ вамъ давалъ?—спросила Маргарита.

— Два наполеондора.

— Слѣдовательно сорокъ франковъ.

— Да,—отвѣчала Фантина,—сорокъ франковъ.

Она задумалась и принялась за работу. Черезъ четверть часа

она оставила шитье и вышла на лѣстницу перечитать письмо Тенардье.

Возвратясь въ комнату, она спросила у Маргариты, пришедшей къ ней съ работой:

— Не знаете ли вы, что такое просянка?

— Знаю,—отвѣчала старушка,—это такая болѣзнь.

— А много нужно на нее лѣкарствъ?

— О! ужасно много.

— Ну, а въ чемъ собственно состоитъ эта болѣзнь?

— Да такъ, вообще, всего ломаетъ... ну, и сыпь при этомъ.

— А бываетъ она у дѣтей?

— Да, чаще всего именно у дѣтей.

— И отъ нея умираютъ?

— Очень часто,—отвѣтила Маргарита.

Фантина вышла и еще разъ перечитала письмо на лѣстницѣ.

Вечеромъ она вышла изъ дома, и ее видѣли, какъ она направилась къ Парижской улицѣ, гдѣ находились трактиры.

На другое утро до разсвѣта, когда Маргарита вошла въ каморку Фантины, потому что онѣ работали вмѣстѣ, чтобы не зажигать двухъ свѣчей, она застала Фантину сидящей на постели блѣдной, окоченѣвшей. Она еще не ложилась. Чепецъ свалился у нея на колѣни.

Свѣча горѣла всю ночь и почти вся догорѣла.

Маргарита остановилась на порогѣ, пораженная ужаснымъ безпорядкомъ, и вскрикнула:

— Богъ мой! Свѣча почти догорѣла! Что такое случилось?

Потомъ она взглянула на Фантину, повернувшую къ ней свою остриженную голову.

Фантина въ одну ночь, казалось, состарилась на десять лѣтъ.

— Господи Іисусе! Что съ вами, Фантина, — сказала Маргарита.

— Ничего,—отвѣчала Фантина.—Напротивъ, я очень довольна, мой ребенокъ не умретъ теперь отъ этой страшной болѣзни, потому что у него будутъ лѣкарства.

И съ этими словами она указала старухѣ на два наполеондора, блестѣвшіе на столѣ.

— Ахъ! Господи Іисусе!—сказала Маргарита.—Да вѣдь это цѣлое состояніе! Откуда вы взяли эти золотые?

— Я ихъ добыла,—сказала Фантина и улыбнулась.

Свѣча освѣтила ея лицо. Улыбка была кровавая. Красноватая слюна виднѣлась на углахъ рта, а во рту зіяла черная дыра.

Два зуба были вырваны.

Она послала сорокъ франковъ въ Монфермейль.

Впрочемъ, со стороны Тенардье это была хитрость, чтобы только выманить деньги. Козетта вовсе не была больна.

Фантина выбросила свое зеркало за окно. Уже давно она переѣхала изъ своей комнатки во второмъ этажѣ въ мансарду подъ самой крышей, запиравшуюся на щеколду; это была одна изъ тѣхъ

свѣтелокъ, гдѣ потолокъ спускается угломъ до пола и вы рискуете каждую минуту стукнуться теменемъ. Бѣдняку нельзя дойти до конца своей комнаты, какъ и до конца своей судьбы иначе, какъ все ниже и ниже опуская свою голову. У Фантины уже не было постели, оставалась какая-то рвань, называемая одѣяломъ, на полу лежалъ матрацъ и стоялъ соломенный стулъ. Въ одномъ углу стоялъ маленькій забытый и засохшій розанъ, въ другомъ—жестянка изъ-подъ масла, въ которую наливалась вода; вода въ ней зимой замерзала, и ледяные круги отмѣчали убыль воды. Потерявъ стыдъ, Фантина потеряла потребность въ кокетствѣ. Плохой признакъ. На улицу она выходила въ грязномъ чепчикѣ. Отчасти за недостаткомъ времени, отчасти по неряшеству, она перестала штопать свое бѣлье. По мѣрѣ того, какъ пятки протирались, она втягивала чулки въ башмаки, и это было замѣтно по поперечнымъ складкамъ. Она штопала свой старый, изношенный корсетъ кусками коленкора, расползавшимся при малѣйшемъ движеніи. Кредиторы устраивали ей «сцены» и не давали ей покоя. Они преслѣдовали ее на улицѣ, поджидали на лѣстницѣ. Ночи она проводила въ слезахъ. Глаза ея лихорадочно блестѣли, а въ груди, подъ лѣвой лопаткой, она чувствовала ноющую боль. Кашель все время ее мучилъ. Она глубоко ненавидѣла дядю Мадлена, но не жаловалась никому и шила по семнадцати часовъ въ сутки. Вдругъ одинъ подрядчикъ, поставлявшій арестантамъ бѣлье, роздалъ работу заключеннымъ женщинамъ, чѣмъ понизилъ плату вольной швеи до девяти су въ день. Семнадцать рабочихъ часовъ—и девять су. Кредиторы осаждали ее больше прежняго. Торговецъ мебели, взявшій у нея почти всю мебель обратно, говорилъ ей постоянно: «Да когда же ты мнѣ заплатишь, бездѣльница?» Господи, чего отъ нея хотятъ эти люди! Ее травили со всѣхъ сторонъ, и она чувствовала, что въ ней развиваются инстинкты дикаго звѣря.

Въ то же самое время Тенардье ей написали, что, благодаря своей добротѣ, они слишкомъ долго ждали долгъ и чтобы она выслала немедленно сто франковъ, въ противномъ случаѣ они вытолкаютъ на улицу только что поправившуюся послѣ перенесенной болѣзни маленькую Козетту, не обращая вниманія на холодъ, и пусть она хоть подохнетъ на большой дорогѣ, имъ до этого нѣтъ дѣла. «Сто франковъ!—раздумывала Фантина.—Гдѣ же находится такая страна, въ которой можно было бы заработать хотя бы сто су въ день?»

— Нечего дѣлать,—рѣшила она,—продадимъ послѣднее.

И несчастная сдѣлалась публичной женщиной.

XI.

Christus nos liberavit [1]).

Что, въ сущности, представляетъ собой вся эта исторія съ Фантиной? Сущность ея та, что общество покупаетъ рабыню. У кого? У нищеты.

---

[1]) Христосъ насъ избавилъ.

Оно купило человѣческую душу у голода, у холода, у одиночества, у безпомощности, у бѣдности. Гнусная покупка! Душа продана за кусокъ хлѣба. Нищета предлагаетъ, общество покупаетъ.

Святой законъ Іисуса Христа, хотя и управляетъ нашей цивилизаціей, но она еще не прониклась имъ вполнѣ. Говорятъ, что рабство исчезло изъ европейской цивилизаціи. Это горькое заблужденіе. Рабство продолжаетъ существовать, но всею тяжестью пало только на женщину, и зовется оно проституціей. Оно тяготѣетъ надъ женщиной, т.-е. надъ нѣжной граціей, слабостью, красотой, материнствомъ. Это одинъ изъ величайшихъ позоровъ для мужчины. Въ тотъ моментъ тяжелой драмы, до котораго достигъ нашъ разсказъ, отъ прежней Фантины ничего уже не осталось. Она превратилась въ окаменѣлую грязь. Отъ нея вѣяло холодомъ. Она шла, отдавалась и даже не интересовалась кому. Ея лицо съ печатью позора было до крайности сурово. Жизнь и общественный строй произнесли надъ ней свой послѣдній приговоръ. Она уже испытала все, что можно испытать; она все выстрадала, все перенесла, все перечувствовала, все испытала, все потеряла и все оплакала. Она покорилась той покорностью, которая похожа на равнодушіе, какъ смерть похожа на сонъ. Она больше ничего уже не избѣгала. Пусть надъ ней разразится хоть вся туча цѣликомъ и пусть зальетъ ее хоть весь океанъ! Что ей за дѣло! Она сдѣлалась какъ губка, насыщенная водою.

Она, по крайней мѣрѣ, въ этомъ была увѣрена, но она ошибалась, думая, что чаша страданія выпита ею до дна и что судьба не можетъ нанести ей новаго удара.

XII.

Праздношатаніе господина Баматабуа.

Во всѣхъ провинціальныхъ городишкахъ, а слѣдовательно, и въ Монтрейлѣ, существуетъ извѣстный классъ молодыхъ людей, проживающихъ въ годъ полторы тысячи ливровъ дохода тѣмъ же способомъ, какимъ проживаютъ ихъ собраты въ Парижѣ по двѣсти тысячъ франковъ. Эти люди принадлежатъ къ особенной породѣ: паразиты, ничтожныя существа, нули, у которыхъ есть немножко земли, немножко глупости и чуточку ума, которые въ настоящей гостиной кажутся мужиками, а въ кабакѣ воображаютъ себя аристократами. Они говорятъ: «Мои луга, мои лѣса, мои крестьяне», освистываютъ артистовъ въ театрѣ, чтобы показать, что они люди со вкусомъ; заводятъ ссоры съ гарнизонными офицерами, чтобы показать, что они храбры; охотятся, курятъ, зѣваютъ, пьянствуютъ, прокопчены табачнымъ дымомъ, играютъ на бильярдѣ, разглядываютъ пріѣзжихъ во время прихода дилижанса, живмя живутъ въ кофейнѣ, обѣдаютъ въ трактирѣ; имѣютъ собаку, поѣдающую кости подъ столомъ, и любовницу, подающую на столъ блюда; торгуются за каждое су, преувеличиваютъ моды, восхищаются трагедіей, презираютъ женщинъ, изнашиваютъ сапоги до послѣдней степени, подражаютъ Лондону черезъ посредство Парижа, а Парижу черезъ Понтъ-а-Муссонъ; старѣя, превра-

щаются въ идіотовъ; не работаютъ, ни къ чему не годны, но въ общемъ не приносятъ и особеннаго вреда.

Къ этому разряду людей принадлежалъ бы, навѣрное, и господинъ Феликсъ Толоміесъ, не покинь онъ провинціи и не поживи, хотя временно, въ Парижѣ. Если они богаты, ихъ называютъ франтами; когда же они побѣднѣе, то называютъ дармоѣдами. Это просто-напросто люди не пригодные ни къ какому дѣлу. Между ними встрѣчаются люди скучные, скучающіе, мечтатели и иногда негодяи. Въ то время костюмъ франта состоялъ изъ большущаго воротника, громаднаго галстука, часовъ съ брелоками, трехъ разноцвѣтныхъ жилетовъ, надѣтыхъ одинъ на другой; изъ фрака оливковаго цвѣта, съ короткой таліей и длинными узкоконечными фалдами, украшенными двойнымъ рядомъ тѣсно посаженныхъ серебряныхъ пуговицъ, доходившихъ до плечъ; изъ панталонъ того же цвѣта, какъ и фракъ, но только посвѣтлѣе, съ безконечнымъ количествомъ лампасовъ по швамъ, всегда нечетныхъ, начиная отъ одного до одиннадцати, такъ какъ заходить за эту границу считалось непозволительнымъ. Прибавьте ко всему сказанному низкіе сапожки съ желѣзными подковками на каблукахъ, высокую шляпу съ узкими полями, взбитые волосы, громадную палку, разговоръ, пересыпанный каламбурами Потье, и, въ концѣ-концовъ, усы и шпоры. Въ то время усы были признакомъ городского господина, а шпоры—пѣшехода.

Провинціальный франтъ носилъ шпоры очень длинныя, а усы самые злодѣйскіе.

Въ это время шла борьба южно-американскихъ республикъ съ испанскимъ королемъ: борьба Боливара противъ Морильо. Шляпы съ узкими полями считались роялистскими и назывались морильо; либералы носили шляпы съ широкими полями, называвшіяся боливарами.

Восемь или десять мѣсяцевъ спустя послѣ того, что разсказано нами на предыдущихъ страницахъ, въ первыхъ числахъ января 1823 года выпалъ обильный снѣгъ; вечеромъ этого дня одинъ изъ такихъ франтовъ-праздношатаевъ, одинъ изъ «благонамѣренныхъ», потому что носилъ морильо, закутанный въ теплый широкій плащъ, дополнявшій въ холодъ модный костюмъ, забавлялся преслѣдованіемъ одной несчастной, бродившей на холодѣ передъ окнами офицерскаго кафе въ бальномъ платьѣ съ открытой шеей и съ цвѣтами на головѣ. Франтъ курилъ, что тогда тоже было въ модѣ.

Каждый разъ, какъ эта женщина проходила мимо него, онъ раскуривалъ сигару, пускалъ цѣлое облако дыма ей въ лицо и при этомъ дѣлалъ какое-нибудь замѣчаніе, казавшееся ему необыкновенно остроумнымъ и веселымъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Какая ты безобразная! Шла бы лучше домой! Ты—беззубая» и т. п. Франтъ этотъ былъ господинъ Баматабуа. Женщина, бродившая точно привидѣніе взадъ и впередъ по покрытой снѣгомъ улицѣ, ничего ему не отвѣчала, даже не глядѣла на него и аккуратно черезъ каждыя пять минутъ проходила мимо него, подвергаясь его насмѣшкамъ, подобно солдату, прогоняемому сквозь строй ударами розогъ. Такое невниманіе, повидимому, раздражило

шелопая, потому что въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда женщина повернулась къ нему спиной, онъ потихоньку, еле удерживаясь отъ смѣха, подкрался къ ней сзади, нагнулся, поднялъ съ мостовой пригоршню снѣга и поспѣшно сунулъ ей за спину между лопатокъ. Дѣвушка закричала отъ неожиданности, обернулась и, какъ разъяренная пантера, бросилась на оскорбителя, вцѣпилась ногтями въ его лицо, извергая при этомъ цѣлый потокъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, которыя могли бы прійти въ голову развѣ только пьянымъ солдатамъ. Эти ругательства она выкрикивала охрипшимъ отъ водки голосомъ, при чемъ они, шипя, вылетали изъ ея рта, въ которомъ, въ самомъ дѣлѣ, недоставало двухъ переднихъ зубовъ. Эта несчастная была Фантина. На этотъ шумъ выскочили изъ кафе офицеры, прохожіе останавливались, собралась цѣлая толпа и устроила себѣ изъ этой свалки интересное зрѣлище; всѣ громко смѣялись и аплодировали, радуясь, какъ два существа изворачивались въ бѣшеной борьбѣ, въ которой почти нельзя было отличить мужчину отъ женщины. Франтъ безъ шапки барахтался въ снѣгу, женщина, простоволосая, безъ зубовъ, съ искаженнымъ отъ ярости и посинѣвшимъ отъ холода лицомъ, била его кулаками, толкала ногами; она была ужасна. Вдругъ человѣкъ высокаго роста быстро выступилъ изъ толпы, схватилъ женщину за лифъ атласнаго, покрытаго грязью, платья исказалъ ей:

— За мной!

Женщина подняла голову. Раздраженный голосъ сразу упалъ. Глаза потухли, изъ посинѣвшей она стала мертвенно-блѣдной и дрожала отъ страха. Она узнала Жавера.

Франтъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и улизнулъ.

XIII.

Рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ о правахъ муниципальной полиціи.

Жаверъ раздвинулъ толпу, вышелъ изъ давки и большими шагами направился въ полицейское бюро, находившееся на другой сторонѣ площади, таща за собою несчастную женщину. Она безсознательно повиновалась. Ни онъ ни она не произнесли ни одного слова. Толпа любопытныхъ въ восторгѣ послѣдовала за ними съ веселыми шутками. Зрѣлище наибольшаго униженія человѣческаго достоинства служило предметомъ развлеченія и поводомъ для непристойныхъ выходокъ. Дойдя до полицейскаго бюро, помѣщавшагося въ низенькой комнатѣ, отопляемой одною печью и охраняемой однимъ часовымъ, Жаверъ отворилъ стеклянную дверь, вошелъ вмѣстѣ съ Фантиной и захлопнулъ дверь подъ самымъ носомъ разочарованной толпы; стоявшіе ближе къ двери становились на цыпочки, стараясь черезъ мутное стекло разглядѣть происходившее въ комнатѣ. Любопытство — своего рода лакомство. Глядѣть—значитъ ѣсть глазами.

Войдя въ комнату, Фантина опустилась на полъ въ углу; обезсиленная и неподвижная, она ежилась, какъ трусливая собачонка.

Дежурный солдатъ принесъ зажженную свѣчку и поставилъ ее на столъ. Жаверъ сѣлъ, вынулъ изъ кармана листъ гербовой бумаги и принялся писать.

Этотъ классъ женщинъ, по нашимъ законамъ, отданъ всецѣло во власть полиціи; она поступаетъ съ ними, какъ хочетъ, наказываетъ ихъ, какъ найдетъ нужнымъ, и, по своему усмотрѣнію, лишаетъ этихъ несчастныхъ женщинъ двухъ принадлежащихъ имъ печальныхъ вещей—ремесла и свободы. Жаверъ былъ невозмутимъ; его серьезное лицо не выражало ни малѣйшаго душевнаго волненія. Однако онъ былъ глубоко и серьезно озабоченъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда онъ самостоятельно, но съ полною добросовѣстностью готовился примѣнить свою неограниченную власть. Въ такія минуты онъ чувствовалъ, что его табуретъ полицейскаго агента превращается въ судейское кресло. Онъ судилъ; онъ судилъ и постановлялъ приговоръ; онъ напрягалъ всѣ свои умственныя способности для рѣшенія той важной задачи, которая лежала передъ нимъ. Чѣмъ глубже онъ разбиралъ проступокъ этой дѣвушки, тѣмъ болѣе онъ возмущался. Для него было ясно, что онъ былъ очевидцемъ злодѣянія. Передъ нимъ на улицѣ все порядочное общество было оскорблено и подвергнуто насилію со стороны падшей женщины—существа, стоящаго внѣ закона; женщина эта осмѣлилась броситься на почетнаго обывателя, и онъ, Жаверъ, видѣлъ все это собственными глазами. Онъ молча писалъ. Кончивъ, онъ подписался, сложилъ бумагу и, передавая ее дежурному, сказалъ:

— Возьми трехъ людей и отведи эту дѣвушку въ тюрьму.—Потомъ, обернувшись къ Фантинѣ, онъ прибавилъ:—Ты арестована на шесть мѣсяцевъ.

Несчастная задрожала.

— Шесть мѣсяцевъ! Шесть мѣсяцевъ тюрьмы!—воскликнула она.—Шесть мѣсяцевъ зарабатывать семь су въ день! А что же станется съ моей Козеттой? Съ моей дочуркой, съ моей крошкой? Вѣдь я должна супругамъ Тенардье больше ста франковъ, знаете ли вы объ этомъ, господинъ инспекторъ?

И она, не вставая, ползала на колѣняхъ по полу, загрязненному сапогами тѣхъ людей, которые здѣсь перебывали. Она ломала въ отчаяніи руки и подползала къ Жаверу, широко переступая колѣнами.

— Господинъ Жаверъ,—продолжала она,—умоляю васъ, пощадите меня. Увѣряю васъ, что я не виновата. Если бы вы видѣли начало всей этой исторіи, вы бы сами убѣдились, что я не такъ ужъ виновата. Клянусь Богомъ, я не виновата. Этотъ господинъ, котораго я совсѣмъ не знаю, наложилъ мнѣ снѣгу на спину. Развѣ они смѣютъ класть намъ снѣгъ на спину, когда мы спокойно проходимъ по улицѣ, никого не затрагивая? Это меня вывело изъ себя. Я, видите ли, не совсѣмъ здорова! И къ тому же онъ все время издѣвался надо мною. Ты и безобразная, ты и беззубая! Я это и сама хорошо знаю, что у меня нѣтъ зубовъ! Я все молчала и думала: пусть этотъ господинъ забавляется; я была съ

нимъ вѣжлива и ничего не отвѣчала ему. И вдругъ онъ засунулъ мнѣ снѣгъ за шею. Господинъ Жаверъ, мой добрый господинъ инспекторъ, развѣ не найдется никого, кто могъ бы подтвердить вамъ, что я говорю правду? Можетъ-быть, я виновата въ томъ, что разсердилась. Но вѣдь, знаете, въ первую минуту трудно овладѣть собою. Поневолѣ вспылишь. Притомъ, если такъ неожиданно положатъ вамъ на голое тѣло что-нибудь холодное, когда вовсе этого не предполагаешь... Я, конечно, виновата, что помяла шляпу этого господина. Зачѣмъ онъ ушелъ? Я попросила бы у него прощенія. О, Боже мой! мнѣ ничего не значитъ попросить у него прощенія. Но хоть вы меня простите на этотъ разъ, господинъ Жаверъ. Послушайте, вѣдь вы этого не знаете, что въ тюрьмѣ можно заработать въ день только семь су. Конечно, правительство въ томъ не виновато, что можно заработать только семь су, представьте себѣ, а у меня долга сто франковъ, въ противномъ случаѣ мнѣ пришлютъ мою малютку. О, Боже мой! Я не могу держать ее при себѣ. Я вѣдь занимаюсь такимъ позорнымъ ремесломъ! О, моя Козетта, о мой чистый Божій ангелочекъ, что съ тобою будетъ, моя милая малютка! Я хочу вамъ сказать, вѣдь эти Тенардье—трактирщики, мужики, не примутъ во вниманіе никакихъ доводовъ. Имъ нужны деньги. Не сажайте меня въ тюрьму. Вотъ, видите ли, эту малютку выгонятъ на улицу, ступай себѣ куда хочешь, среди зимы; пожалѣйте ее, добрый господинъ Жаверъ. Если бы она была постарше, она могла бы сама заработать себѣ хлѣбъ, но она совсѣмъ крошка. Въ сущности я не совсѣмъ уже такая дурная женщина. Я вѣдь не изъ жадности и не изъ разврата пошла по этой дорогѣ. Если я и пью водку, то съ отчаянія. Я терпѣть не могу пить, но водка меня одурманиваетъ. Когда я была счастливѣе, можно было по моимъ шкапамъ убѣдиться, что я не безпорядочная какая-нибуть кокетка. У меня было бѣлье, много бѣлья. Сжальтесь надо мною, господинъ Жаверъ!

Говоря такъ, она припадала головой къ полу, надрываясь отъ рыданій, заливаясь слезами, ломая руки и прижимая ихъ къ оголенной шеѣ; сухой, отрывистый кашель прерывалъ ея рѣчь и заставлялъ ее понижать голосъ до тихаго шопота, какимъ говорятъ умирающіе. Сильное горе освѣщаетъ иногда таинственнымъ лучомъ лица несчастныхъ. Въ эту минуту Фантина снова сдѣлалась красивой. Временами она съ жалобной мольбой нѣжно цѣловала у сыщика полы сюртука. Она тронула бы гранитное сердце, но сердце деревянное оставалось непреклоннымъ.

— Ну, довольно,—сказалъ Жаверъ,—я тебя выслушалъ. Все ли ты сказала? Теперь ступай! Ты присуждена къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Самъ Господь Богъ не въ силахъ отмѣнить этого рѣшенія.

При такой торжественной ссылкѣ: *Самъ Господь Богъ не въ силахъ отмѣнить этого рѣшенія*, Фантина поняла, что приговоръ не будетъ отмѣненъ, и, упавъ лицомъ на полъ, пробормотала:

— Пощадите.

Жаверъ отвернулся отъ нея.

Солдаты взяли ее подъ руки.

За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вошелъ въ бюро никѣмъ не замѣченный какой-то человѣкъ; онъ притворилъ за собой дверь, прислонился къ косяку и слышалъ безнадежную мольбу Фантины. Въ то время, какъ солдаты брали подъ руки несчастную женщину, которая не хотѣла вставать, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, вышелъ изъ полумрака и сказалъ:

— Подождите, пожалуйста, одну минуту.

Жаверъ поднялъ глаза и узналъ господина Мадлена. Онъ снялъ шляпу и поклонился ему со сдержанной досадой:

— Извините, господинъ мэръ...

Это слово «господинъ мэръ» произвело странное впечатлѣніе на Фантину. Она сразу выпрямилась во весь ростъ, подобно призраку, вырастающему изъ земли, оттолкнула державшихъ ее подъ руки солдатъ, пошла прямо къ господину Мадлену и, прежде чѣмъ ее успѣли остановить, закричала, пристально вглядываясь въ него своими помутившимися глазами.

— Ахъ, такъ это ты, господинъ мэръ!—и, расхохотавшись, плюнула ему въ лицо.

Господинъ Мадленъ отерся и сказалъ:

— Инспекторъ Жаверъ, освободите эту женщину изъ-подъ ареста.

На минуту Жаверъ почувствовалъ, что близокъ къ умопомѣшательству. Въ эти нѣсколько минутъ онъ пережилъ столько душевныхъ тревогъ, какъ не переживалъ во всю свою жизнь. Видѣть, какъ публичная женщина плюетъ въ лицо мэру! Съ одной стороны, это было такое чудовищное явленіе, которое онъ не посмѣлъ бы даже представить себѣ въ своемъ воображеніи; съ другой стороны, онъ мысленно сопоставилъ эту женщину съ тѣмъ, чѣмъ могъ быть этотъ мэръ, и этотъ возмутительный поступокъ казался ему совершенно естественнымъ. Но когда онъ увидалъ этого мэра, этого судью, спокойно вытирающаго лицо и при этомъ говорящаго: *освободите эту женщину изъ-подъ ареста*, у него почти что сдѣлалось головокруженіе; это превзошло все, что онъ могъ себѣ представить. Онъ онѣмѣлъ.

Слова мэра произвели не менѣе сильное впечатлѣніе и на Фантину. Она подняла свою обнаженную руку и схватилась за ручку душника, какъ человѣкъ, который боится упасть. Между тѣмъ, оглядываясь вокругъ, она заговорила тихимъ голосомъ, какъ бы сама съ собою:

— Изъ-подъ ареста... чтобы меня освободили? Кто это сказалъ? Неужели это было сказано? Я ослышалась. Неужели это сказалъ чудовище-мэръ? Не правда ли, это вѣрно вы, мой добрый господинъ Жаверъ, сказали, чтобы меня освободили? О, выслушайте меня, я вамъ все объясню, и вы меня тогда навѣрное освободите. Это чудовище, этотъ старый негодяй мэръ одинъ во всемъ виноватъ. Представьте себѣ, господинъ Жаверъ, онъ меня выгналъ съ фабрики! Прогнать ни за что, ни про что работницу изъ-за

нѣсколькихъ негодяекъ, которыя распоряжаются всѣмъ у него въ мастерской. Не ужасно ли это? Винить бѣдную дѣвушку, которая добросовѣстно исполняла свою работу. Послѣ того заработокъ мой сталъ слишкомъ ничтоженъ, и я дошла до теперешняго положенія. Прежде всего вы, господа полицейскіе, должны сдѣлать одно очень важное преобразованіе,—это запретить тюремнымъ поставщикамъ портить цѣну бѣднымъ людямъ. Я объясню вамъ, въ чемъ дѣло. Вы зарабатываете двѣнадцать су на шитьѣ рубашекъ, а вдругъ цѣна падаетъ на девять—становится нечѣмъ существовать. Дѣлай, что хочешь. А у меня вѣдь на рукахъ маленькая Козетта, и вотъ мнѣ пришлось поневолѣ сдѣлаться дурной женщиной. Вы понимаете теперь, что причина всего моего несчастія заключается въ этомъ презрѣнномъ мэрѣ. Конечно, я виновата въ томъ, что растоптала шляпу этого господина передъ офицерскимъ собраніемъ. Но вѣдь онъ испортилъ мнѣ снѣгомъ все мое платье. А у нашей сестры зачастую только и бываетъ одно шелковое платье для выходовъ. Увѣряю васъ, господинъ Жаверъ, я никогда не дѣлаю зла нарочно, есть гораздо хуже меня, а между тѣмъ онѣ счастливѣе. О, господинъ Жаверъ, вѣдь это вы приказали меня выпустить? Наведите справки, спросите моего хозяина, я теперь всегда въ срокъ плачу ему за свое помѣщеніе, вамъ всѣ скажутъ, что я честная женщина. Ахъ, Боже мой, извините меня, пожалуйста, я нечаянно повернула ручку душника и надымила.

Господинъ Мадленъ внимательно слушалъ ее. Пока она говорила, онъ порылся въ жилетномъ карманѣ, вынулъ кошелекъ, открылъ его, но кошелекъ оказался пустой,—и, положивъ его обратно въ карманъ, сказалъ Фантинѣ:

— Сколько вы должны?

Фантина, смотрѣвшая на одного только Жавера, обернулась въ сторону мэра.

— Развѣ я съ тобой говорю?

Потомъ, обращаясь къ солдатамъ, прибавила:

— А видѣли вы, какъ я плюнула ему въ лицо? Ахъ, старый негодяй мэръ, ты пришелъ сюда, чтобы напугать меня, но я тебя не боюсь! Я боюсь только Жавера, моего добраго господина Жавера!

Проговоривъ все это, она снова обратилась къ инспектору:

— Нужно же, господинъ инспекторъ, быть справедливымъ. Я понимаю, господинъ инспекторъ, что вы справедливы. Въ сущности, это такъ просто: тотъ господинъ ради забавы набросалъ за шею снѣгу женщинѣ, это насмѣшило всѣхъ офицеровъ,—надо же какъ-нибудь позабавиться, вѣдь наша сестра и существуетъ только для развлеченія! А потомъ подошли вы и, конечно, обязаны были возстановить порядокъ. Вы увели провинившуюся женщину, но, обсудивъ дѣло, вы по добротѣ своей рѣшили отпустить меня на свободу. Все это вы сдѣлали ради моей малютки, потому что если меня посадятъ на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму, я буду не въ состояніи прокормить свою дочку. Только смотри, негодница, не попадайся въ другой разъ! О! будьте увѣрены, господинъ

Жаверъ, что никогда этого больше не случится! Пусть теперь дѣлаютъ со мною, что хотятъ, я не пикну. Это только сегодня я закричала, потому что мнѣ было больно, я никакъ не ожидала, чтобъ этотъ господинъ засунулъ мнѣ за платье снѣгъ и притомъ, какъ я вамъ уже говорила, я не совсѣмъ здорова, я кашляю, въ желудкѣ у меня что-то жжетъ и докторъ сказалъ мнѣ: «Берегитесь!» Вотъ попробуйте рукой, дотроньтесь гдѣ у меня болитъ; не бойтесь, вотъ здѣсь.

Она больше не плакала, голосъ ея звучалъ кротко, и, взявъ грубую руку Жавера, она приложила ее къ своей нѣжной обнаженной груди, съ улыбкой глядя на него. Вдругъ она принялась приводить въ порядокъ свое платье, поднявшееся до колѣнъ, пока она ползала по полу, пошла къ двери и, дружески кивнувъ солдатамъ головой, сказала:

— Дѣти мои, господинъ инспекторъ приказалъ отпустить меня, я ухожу.

Она взялась за ручку двери. Еще одинъ шагъ, и она очутилась бы на улицѣ.

Жаверъ стоялъ все время неподвижно, съ опущенными въ землю глазами и напоминалъ собою статую, сдвинутую съ мѣста и ожидавшую, чтобъ ее опять убрали куда-нибудь. Стукъ щелкнувшаго замка привелъ его въ себя. Онъ поднялъ голову съ сознаніемъ своей неограниченной власти,—выраженіе, которое становится тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ низменнѣе человѣкъ, владѣющій властью; оно ужасно у кровожаднаго и хищнаго звѣря и отвратительно въ человѣкѣ ничтожномъ.

– Сержанты,—крикнулъ Жаверъ,—развѣ вы не видите, что эта негодяйка уходитъ? Кто вамъ позволилъ отпустить ее?

— Я,—сказалъ Мадленъ.

Фантина при звукѣ голоса Жавера задрожала и выпустила ручку двери, какъ воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, бросаетъ украденную вещь. Услыхавъ голосъ мэра, она обернулась въ его сторону, и съ той минуты, не произнося ни слова, не смѣя даже свободно дышать, она поочередно переводила глаза съ Мадлена на Жавера и съ Жавера на Мадлена, смотря по тому, кто изъ нихъ двухъ говорилъ. Было очевидно, что Жаверъ былъ, такъ сказать, «сбитъ съ своей позиціи», чтобы осмѣлиться обратиться съ подобнымъ вопросомъ къ сержанту послѣ приказанія мэра отпустить Фантину на свободу. Неужели онъ совсѣмъ позабылъ о присутствіи мэра? Или онъ мысленно рѣшилъ, что невозможно, чтобы такое авторитетное лицо отдало такой приказъ и что, вѣроятно, господинъ мэръ, помимо своего желанія, хотѣлъ сказать одно, а сказалъ совсѣмъ другое? Или, можетъ-быть, въ виду несообразностей, какихъ ему пришлось быть свидѣтелемъ въ продолженіе двухъ часовъ, онъ сказалъ себѣ, что нужно рѣшиться на крайнія мѣры, что необходимо, чтобы маленькій человѣкъ проявилъ большую власть, изъ сыщика превратился бы въ административную величину, изъ полицейскаго агента возвысился бы до судьи и что въ этомъ исключительномъ случаѣ порядокъ,

законъ, нравственность, правительство и все общество олицетворяются въ немъ, въ Жаверѣ!

Какъ бы тамъ ни было, но когда господинъ Мадленъ произнесъ это *я*, полицейскій инспекторъ Жаверъ, блѣдный, озлобленный, съ посинѣвшими губами, съ отчаяніемъ во взорѣ, обернулся къ мэру, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и—неслыханная вещь—сказалъ ему, опустивъ глаза, но рѣшительнымъ тономъ:

— Господинъ мэръ, этого нельзя исполнить.

— Отчего?—спросилъ Мадленъ.

— Эта негодяйка оскорбила порядочнаго человѣка.

— Послушайте, инспекторъ Жаверъ,—отвѣчалъ господинъ Мадленъ спокойнымъ и примирительнымъ тономъ.—Вы честный человѣкъ, и мнѣ будетъ не трудно столковаться съ вами. Вотъ какъ было дѣло. Я проходилъ по площади, когда вы уводили эту женщину, толпа еще не разошлась, я подробно разспросилъ обо всемъ и узналъ, что виновникомъ всего былъ этотъ порядочный человѣкъ и по полицейскимъ правиламъ арестовать слѣдовало бы его.

— Но эта негодяйка оскорбила и господина мэра,—возразилъ Жаверъ.

— Это ужъ мое дѣло,—сказалъ господинъ Мадленъ.—Оскорбленъ я—я и могу только одинъ рѣшить, какъ мнѣ въ данномъ случаѣ поступить.

— Прошу извиненія у господина мэра. Нанесенное вамъ оскорбленіе касается не васъ лично, оно есть дѣло государственнаго правосудія.

— Инспекторъ Жаверъ,—отвѣчалъ Мадленъ,—высшій судъ это—совѣсть. Я слышалъ то, что говорила эта женщина. Я понимаю, что дѣлаю.

— А я, господинъ мэръ, гляжу, вижу и ничего не понимаю.

— Въ такомъ случаѣ повинуйтесь приказанію, вотъ и все.

— Я повинуюсь своему долгу. Мой долгъ предписываетъ мнѣ заключить эту женщину на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму.

Господинъ Мадленъ кротко отвѣчалъ:

— А я вамъ вотъ что скажу: она не проведетъ тамъ ни одного дня.

При этихъ рѣшительныхъ словахъ Жаверъ осмѣлился въ упоръ взглянуть на мэра и сказалъ ему попрежнему почтительтельнымъ тономъ:

— Я въ отчаяніи, что мнѣ приходится ослушаться господина мэра. Это первый случай въ моей жизни, я только позволю себѣ замѣтить вамъ, что я дѣйствую въ предѣлахъ моей власти. По желанію господина мэра, я ограничусь только случаемъ съ тѣмъ господиномъ. Я самъ былъ при этомъ. Эта дѣвушка первая бросилась на господина Баматабуа, здѣшняго выборщика въ парламентъ и владѣльца прекраснаго дома съ балкономъ, трехъэтажнаго, изъ тесанаго камня,—дома, находящагося на углу площади. Есть вещи, которыхъ нельзя прощать! Во всѣхъ отношеніяхъ, господинъ мэръ, этотъ случай уличнаго безпорядка подлежитъ

вѣдѣнію полиціи, за него я отвѣчаю, и потому женщина, по имени Фантина, останется подъ арестомъ.

Тогда господинъ мэръ скрестилъ руки и произнесъ строгимъ голосомъ, какого еще никто не слыхалъ отъ него въ городѣ:

— Скандалъ, о которомъ вы говорите, подлежитъ вѣдѣнію муниципальной власти. На основаніи статей девятой, одиннадцатой, пятнадцатой и шестьдесятъ шестой свода уголовныхъ законовъ подобные проступки подсудны мнѣ. Я приказываю отпустить эту женщину на свободу.

Жаверъ пытался прибѣгнуть къ послѣднему усилію:

— Но, господинъ мэръ...

— Я вамъ напомню еще статью восемьдесятъ первую отъ 13 декабря 1799 года о самовольномъ арестѣ.

— Позвольте, господинъ мэръ...

— Ни слова больше.

— Однакоже...

— Ступайте вонъ,—сказалъ Мадленъ.

Жаверъ вынесъ, не сморгнувъ, ударъ прямо въ грудь, какъ русскій солдатъ встрѣчаетъ непріятельскій огонь. Онъ поклонился господину мэру низко-низко и вышелъ. Фантина посторонилась отъ двери и съ удивленіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ.

Однако она и сама была глубоко потрясена. Она слышала споръ двухъ вліятельныхъ личностей, предметомъ котораго была она. У нея на глазахъ два человѣка держали въ своихъ рукахъ ея свободу, ея душу, жизнь ея самой и ея ребенка; одинъ изъ нихъ тянулъ ее къ мраку, другой къ свѣту. Въ этой борьбѣ, на которую она смотрѣла съ величайшимъ ужасомъ, эти два человѣка казались ей гигантами—одинъ говорилъ какъ демонъ, другой—какъ ея ангелъ-хранитель. Ангелъ побѣдилъ демона, и дрожь пробѣгала у нея отъ головы до пятъ при сознаніи, что этотъ ангелъ, этотъ спаситель, былъ именно оскорбленный ею человѣкъ, тотъ мэръ, котораго она такъ долго считала причиною всѣхъ своихъ бѣдствій, тотъ самый Мадленъ! И онъ спасъ ее въ тотъ самый моментъ, когда она его такъ гнусно оскорбила! Неужели же она должна пересоздать всю свою душу?.. Она ничего не знала и трепетала. Она слушала, какъ безумная, смотрѣла растерянно и съ каждымъ словомъ господина Мадлена чувствовала, какъ ненависть въ ея сердцѣ мало-по-малу исчезаетъ и въ груди загорается какая-то неизъяснимая теплота, въ которой заключались радость, довѣріе и любовь.

Когда Жаверъ вышелъ, Мадленъ обернулся къ ней и медленнымъ голосомъ, съ трудомъ выговаривая слова, какъ бы удерживая слезы, сказалъ:

— Слышалъ я вашъ разсказъ. Я ничего не зналъ объ этомъ. Я думаю, что вы говорите правду, я даже чувствую, что это правда. Я не зналъ даже, что вы больше не работаете въ моихъ мастерскихъ. Отчего вы не обратились ко мнѣ? Но этого уже не вернешь; я заплачу ваши долги, я велю привезти къ вамъ вашего ребенка, или вы сами за нимъ съѣздите. Вы будете жить здѣсь

или въ Парижѣ, — однимъ словомъ, гдѣ вамъ будетъ угодно. Я позабочусь о вашемъ ребенкѣ и о васъ. Если вы хотите, вы можете даже не работать. Я буду выдавать вамъ столько денегъ, сколько вамъ будетъ нужно. Сдѣлавшись счастливой, вы станете опять честной. И даже, знаете, что я вамъ скажу, если все было такъ, какъ вы разсказывали, а я въ этомъ не сомнѣваюсь, то вы никогда не переставали быть честной и непорочной предъ Богомъ. О, несчастная страдалица!

Это было свыше силъ Фантины. Козетта будетъ съ нею! Она избавится отъ этой позорной жизни, будетъ жить свободно, въ довольствѣ, счастливо, честно вмѣстѣ съ Козеттой! Сразу, послѣ такихъ страданій она очутится въ раю! Она, какъ помѣшанная, смотрѣла на говорившаго съ нею Мадлена и могла только прорыдать: «о! о! о!» Ноги ея подкосились, она опустилась на колѣни предъ господиномъ Мадленомъ и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ помѣшать, онъ почувствовалъ, что Фантина схватила его руку и прильнула къ ней губами.

Вслѣдъ за тѣмъ она упала безъ чувствъ.

Книга шестая.—ЖАВЕРЪ.

I.

Начало успокоенія.

Господинъ Мадленъ распорядился перенести Фантину въ больницу, устроенную имъ въ собственномъ домѣ, и поручилъ ее попеченію сестеръ милосердія, которыя уложили ее въ постель. У Фантины сдѣлалась сильная лихорадка. Большую часть ночи она громко бредила и, наконецъ, заснула. На другой день, около полудня, Фантина проснулась и услыхала у своей постели чье-то дыханіе; отдернувъ пологъ, она увидѣла господина Мадлена, стоявшаго неподвижно и смотрѣвшаго на что-то выше ея головы. Взоръ его былъ полонъ жалости и глубокой душевной скорби и какъ будто кого-то о чемъ-то умолялъ. Прослѣдивъ за направленіемъ этого взгляда, она увидѣла, что онъ устремленъ на Распятіе, висѣвшее на стѣнѣ. Господинъ Мадленъ совершенно преобразился въ глазахъ Фантины. Ей казалось, что онъ окруженъ какимъ-то сіяніемъ. Онъ былъ погруженъ въ молитву. Она долго наблюдала за нимъ, не смѣя его прервать. Наконецъ она робко проговорила:

— Что это вы дѣлаете?

Господинъ Мадленъ стоялъ уже около часа на этомъ мѣстѣ. Онъ ждалъ, когда Фантина проснется. Взявъ ея за руку, онъ пощупалъ пульсъ и сказалъ:

— Какъ вы себя чувствете?

— Хорошо, я спала всю ночь и мнѣ, кажется, стало лучше! Скоро все пройдетъ.

Господинъ Мадленъ, точно не разслышавъ ея послѣднихъ словъ, отвѣтилъ на ея первый вопросъ:

— Я молился Страдальцу, который тамъ, на небѣ,—и мысленно прибавилъ: «за эту страдалицу, которая здѣсь, на землѣ».

Господинъ Мадленъ всю ночь и утро наводилъ справки и узналъ со всѣми подробностями исторію Фантины. Онъ продолжалъ:

— Вы много страдали, бѣдная мать. О! не жалуйтесь на это, на вашу долю выпалъ удѣлъ избранныхъ. Только такимъ путемъ создаются люди-ангелы. Это не ихъ вина, потому что другого способа люди не знаютъ. Видите ли, тотъ адъ, изъ котораго вы вышли, есть преддверіе неба. Нужно было черезъ него пройти.

Господинъ Мадленъ глубоко вздохнулъ. Она улыбалась ему своей кроткой улыбкой, открывавшей ея беззубый ротъ.

Жаверъ въ эту же самую ночь написалъ письмо и на другой день утромъ самъ отнесъ его въ монтрейльское почтовое бюро. Оно было адресовано въ Парижъ по слѣдующему адресу: «Господину Шабулье, секретарю господина префекта полиціи».

Такъ какъ вѣсть о спорѣ инспектора полиціи съ мэромъ быстро разнеслась по всему городу, то завѣдующая почтовымъ отдѣленіемъ и еще нѣсколько другихъ лицъ, видѣвшія письмо передъ отправкой и узнавшія почеркъ Жавера, подумали, что Жаверъ послалъ прошеніе объ отставкѣ.

Господинъ Мадленъ поспѣшилъ написать супругамъ Тенардье. Фантина имъ была должна сто двадцать франковъ. Онъ послалъ имъ триста франковъ съ тѣмъ, чтобы они взяли изъ этой суммы, что имъ слѣдуетъ, а на оставшіяся деньги немедленно доставили бы дѣвочку въ Монтрейль, гдѣ больная мать желаетъ ее немедленно видѣть. Такая сумма поразила супруговъ Тенардье.

— Чортъ возьми, — сказалъ Тенардье своей женѣ, — не надо отпускать ребенка. Пичужка превратилась въ дойную корову. Я догадался. Какой-нибудь фофанъ влюбился въ мать.

Тенардье послалъ очень ловко составленный счетъ въ пять сотъ съ чѣмъ-то франковъ. Въ этотъ счетъ вошли два несомнѣнно подлинныхъ счета болѣе чѣмъ на триста франковъ: одинъ изъ нихъ былъ отъ доктора, другой отъ аптекаря, которые лѣчили и поставляли лѣкарства во время продолжительныхъ болѣзней Эпонины и Азельмы. Козетта, какъ мы уже раньше говорили, не была больна. Все дѣло заключалось въ невинной перестановкѣ именъ. Внизу счета Тенардье подписалъ: «Получилъ сполна триста франковъ». Господинъ Мадленъ послалъ тотчасъ же еще триста франковъ и написалъ: «Поспѣшите скорѣе привезти Козетту».

— Господи Іисусе! — воскликнулъ Тенардье. — Ни за что на свѣтѣ не выпустимъ изъ нашихъ рукъ ребенка.

Фантина между тѣмъ все еще не поправлялась и продолжала лежать въ больницѣ. Сестры сначала съ отвращеніемъ ухаживали за этой «тварью». Кто видѣлъ въ Реймсѣ барельефы, тотъ помнитъ, вѣроятно, презрительное выраженіе искривленныхъ губъ у евангельскихъ мудрыхъ дѣвъ, взирающихъ на неразумныхъ.

Это презрѣніе весталокъ къ блудницамъ, одинъ изъ глубочайшихъ инстинктовъ женскаго достоинства, проявлялся уже съ древнѣйшихъ временъ; сестры еще сильнѣе испытывали это чувство вслѣдствіе своей набожности. Но черезъ нѣсколько дней Фантина ихъ совсѣмъ обезоружила. Слова ея были полны смиренія и нѣжности, а материнскія чувства, жившія въ ней, трогали поневолѣ. Разъ сестры услыхали, какъ она бредила во время лихорадки: «Я была страшная грѣшница, но когда дочь моя будетъ возлѣ меня, то это будетъ означать, что Богъ простилъ меня. Пока я жила во злѣ, я не желала, чтобы Козетта была со мной, я не могла бы вынести удивленнаго и печальнаго взгляда ея глазенокъ. Между тѣмъ вѣдь я ради нея творила это зло, и за это Богъ проститъ меня. Я почувствую благословеніе Бога, когда Козетта будетъ здѣсь. Я взгляну на нее, и ея невинность облегчитъ мою душу. Вѣдь она ничего не знаетъ! Вы знаете, сестры, вѣдь это ангелъ. Въ эти годы крылышки у дѣтей еще не успѣваютъ отпасть.

Господинъ Мадленъ навѣщалъ ее два раза въ день, и каждый разъ она его спрашивала:

— Скоро ли я увижу мою Козетту?

Онъ отвѣчалъ ей:

— Можетъ-быть, завтра утромъ. Я жду ее съ минуты на минуту.

И блѣдное лицо матери сіяло отъ счастья.

— О, какъ я буду счастлива, — говорила она.

А между тѣмъ она не поправлялась; напротивъ, состояніе ея здоровья ухудшалось съ недѣли на недѣлю. Эта пригоршня снѣга, попавшая на голое тѣло между лопатками, страшно двинула впередъ болѣзнь, таившуюся въ ней уже цѣлые годы, и болѣзнь приняла острую форму. Въ то время при лѣченіи грудныхъ болѣзней уже начали слѣдовать прекраснымъ указаніямъ Лэннека. Докторъ выслушалъ грудь Фантины и покачалъ головой.

— Ну, что?—спросилъ господинъ Мадленъ у доктора.

— Нѣтъ ли у нея ребенка, котораго она желаетъ видѣть? — спросилъ докторъ.

— Да, есть.

— Ну, такъ поторопитесь привезти его къ ней.

Господинъ Мадленъ вздрогнулъ.

— Что сказалъ докторъ? — спросила его Фантина.

Господинъ Мадленъ постарался улыбнуться.

— Онъ велѣлъ привезти вашего ребенка и сказалъ, что свиданіе съ нимъ поможетъ вамъ скорѣе выздоровѣть.

— О,—воскликнула она,— онъ правъ! Но почему эти Тенардье такъ долго не везутъ мою Козетту? О, она скоро пріѣдетъ. Наконецъ-то я дождусь счастья видѣть мою дочурку возлѣ себя!

Тенардье между тѣмъ не выпускали изъ своихъ рукъ ребенка и приводили сотни разныхъ предлоговъ: то Козетта не совсѣмъ здорова и отправить ее зимой въ дорогу очень рискованно, то у нихъ въ деревнѣ небольшіе долги, которые надо раньше получить и т. п.

— Я пошлю кого-нибудь за Козеттой, — сказалъ дядя Мадленъ.—А то и самъ съѣзжу.

Онъ подъ диктовку Фантины написалъ слѣдующее письмо, подъ которымъ подписалась Фантина:

«Господинъ Тенардье!

«Вы передадите Козетту подателю сего письма. Вамъ заплатятъ за всѣ мелкіе расходы. Имѣю честь быть вашей покорнѣйшей слугою.

«Фантина».

Въ это время случилось важное происшествіе. Какъ бы мы ни обтесывали таинственную глыбу, изъ которой создана наша жизнь, а черная жилка рока все-таки нѣтъ-нѣтъ, да и выглянетъ наружу.

II.

Какимъ образомъ „Жанъ“ можетъ превратиться въ „Шанъ“.

Однажды утромъ господинъ Мадленъ сидѣлъ въ кабинетѣ и занимался приведеніемъ въ порядокъ нѣкоторыхъ спѣшныхъ дѣлъ о мэріи, на случай, если ему придется поѣхать въ Монфермейль,

когда ему доложили, что инспекторъ полиціи Жаверъ желаетъ съ нимъ говорить. Услыхавъ это имя, господинъ Мадленъ не могъ подавить въ себѣ непріятнаго чувства. Послѣ сцены, происшедшей въ бюро полиціи, Жаверъ все время тщательно избѣгалъ встрѣчи съ г-номъ Мадленомъ, и они еще ни разу не встрѣчались.

— Просите,—приказалъ онъ.

Жаверъ вошелъ.

Господинъ Мадленъ остался сидѣть у камина съ перомъ въ рукѣ, просматривая дѣло, которое онъ перелистывалъ, и дѣлая отмѣтки; въ дѣлѣ разбиралось какое-то столкновеніе полиціи съ городскимъ управленіемъ. Онъ не обернулся, когда вошелъ Жаверъ: образъ Фантины невольно возсталъ передъ нимъ, и онъ рѣшилъ принять съ нимъ холодный тонъ. Жаверъ съ почтеніемъ поклонился господину мэру, сидѣвшему къ нему спиной. Господинъ мэръ даже не оглянулся и продолжалъ дѣлать отмѣтки въ дѣлѣ. Жаверъ сдѣлалъ два-три шага по кабинету и остановился, не нарушая молчанія. Физіономистъ, коротко знакомый съ натурой Жавера, изучавшій въ продолженіе долгаго времени этого дикаря, служащаго цивилизаціи, эту причудливую смѣсь римлянина, спартанца, монаха и солдата, этого неспособнаго ко лжи шпіона,— физіономистъ, знавшій его тайну и его давнишнюю ненависть къ господину Мадлену, его столкновеніе съ мэромъ по поводу Фантины и видѣвшій Жавера въ эту минуту, непремѣнно бы подумалъ: «Что такое случилось?» Для всякаго, кто зналъ его совѣсть, прямую, искреннюю, честную, суровую и жестокую, было несомнѣнно, что Жаверъ переживалъ необыкновенную внутреннюю борьбу. Всякое душевное волненіе Жавера отражалось на его лицѣ. Онъ, подобно всѣмъ вспыльчивымъ людямъ, былъ способенъ на быструю перемѣну настроенія. Никогда физіономія его не имѣла такого страннаго и несвойственнаго ей выраженія. Войдя, онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ позади кресла мэра и поклонился г-ну Мадлену; въ его взглядѣ не было ни злобы, ни недовѣрія, ни желанія мести; и теперь онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ въ почтительной позѣ, съ строгой и холодной наивностью человѣка, никогда не умѣвшаго быть учтивымъ, но всегда очень терпѣливаго. Онъ не проронилъ ни слова и, не двигаясь съ мѣста, съ спокойнымъ смиреніемъ, покорно ждалъ, когда господину мэру угодно будетъ обратиться къ нему; онъ стоялъ, серьезный, держа шляпу въ рукахъ, съ опущенными глазами, съ видомъ, представлявшимъ что-то среднее между позой солдата передъ офицеромъ или позой преступника передъ судьей. Всѣ чувства, равно какъ и воспоминанія о быломъ у него какъ будто исчезли. На этомъ лицѣ, непроницаемомъ и суровомъ, какъ гранитъ, выражалась только унылая печаль. Вся его фигура дышала покорностью, твердостью и какой-то мужественной грустью.

Наконецъ господинъ мэръ положилъ перо и, полуобернувшись къ нему, спросилъ:

— Что такое случилось, Жаверъ?

Жаверъ помолчалъ еще съ минуту, точно собираясь съ мыслями, потомъ произнесъ съ грустной торжественностью, не лишенной однакоже простоты.

— Случилось то, господинъ мэръ, что совершено страшное преступленіе.

— Какое преступленіе?

— Второстепенный агентъ власти самымъ грубымъ образомъ оказалъ непочтеніе высшему должностному лицу. Я по долгу службы пришелъ доложить вамъ объ этомъ.

— Кто же этотъ агентъ?—спросилъ господинъ Мадленъ.

— Я, — отвѣчалъ Жаверъ.

— Вы?

— Я.

— А кто это высшее должностное лицо, которое такъ оскорбилъ агентъ?

— Вы, господинъ мэръ.

Господинъ мэръ приподнялся съ своего кресла. Жаверъ продолжалъ съ строгимъ видомъ, попрежнему не поднимая глазъ:

— Господинъ мэръ, я пришелъ просить васъ, чтобы вы потребовали отъ начальства моего увольненія.

Изумленный господинъ Мадленъ только что хотѣлъ возразить, какъ Жаверъ перебилъ его:

— Вы скажете, что я самъ бы могъ подать въ отставку, но этого не достаточно. Подать въ отставку—это почетно. Но я провинился и потому долженъ быть наказанъ. Нужно, чтобы меня выгнали...—Послѣ небольшой паузы онъ прибавилъ:—Господинъ мэръ, вы поступили со мной несправедливо строго нѣсколько времени тому назадъ. Будьте же теперь строги, но справедливы.

— Но за что же? Зачѣмъ?—воскликнулъ господинъ Мадленъ.— Что это за чепуха? Что это значитъ? Какое такое преступленіе вы совершили противъ меня? Вы обвиняете самого себя, требуете, чтобы васъ смѣстили...

— Выгнали,—поправилъ Жаверъ.

— Ну хорошо, выгнали! Отлично. Но я ничего не понимаю.

— Вы сейчасъ все поймете, господинъ мэръ!

Жаверъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ все тѣмъ же холоднымъ и грустнымъ голосомъ:

— Господинъ мэръ, шесть недѣль тому назадъ, послѣ извѣстной сцены съ этой дѣвкой, я былъ страшно взбѣшенъ и донесъ на васъ...

— Донесли?

— Префекту полиціи въ Парижѣ.

Господинъ Мадленъ, который смѣялся такъ же рѣдко, какъ и Жаверъ, расхохотался.

— Какъ на мэра, превысившаго свою полицейскую власть?

— Нѣтъ, какъ на бывшаго каторжника.

Мэръ страшно поблѣднѣлъ.

Жаверъ продолжалъ, не поднимая глазъ:

— Я былъ убѣжденъ въ этомъ, уже давно явилось у меня это подозрѣніе. Ваше сходство, справки, которыя вы наводили въ Фа-

веролле, сила вашихъ мускуловъ, случай со старикомъ Фошлеваномъ, ваша стрѣльба въ цѣль, нога, которую вы слегка волочите, и мало ли еще какія глупости приходили мнѣ на умъ,—однимъ словомъ, я принималъ васъ за нѣкоего Жана Вальжана.

— Какъ? Какъ вы назвали его?

— Жанъ Вальжанъ. Это каторжникъ, котораго я видѣлъ двадцать лѣтъ назадъ, когда я былъ надсмотрщикомъ на галерахъ въ Тулонѣ. По выходѣ съ каторги этотъ Жанъ Вальжанъ, если я не ошибаюсь, обокралъ одного епископа, потомъ совершилъ новую кражу на большой дорогѣ, но уже съ оружіемъ въ рукахъ, у маленькаго савояра. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ онъ скрывается неизвѣстно гдѣ, его всячески искали. Вотъ я и вообразилъ себѣ... ну, словомъ, я эту штуку выкинулъ!.. Гнѣвъ придалъ мнѣ рѣшимости, и я донесъ на васъ въ префектуру.

Господинъ Мадленъ, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ принялся опять перелистывать свое дѣло, спросилъ совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ тономъ:

— И что же вамъ отвѣтили?

— Что я сошелъ съ ума.

— Ну?

— Ну и они были совершенно правы.

— Хорошо, что вы хоть сами это сознаете.

— Да, поневолѣ, потому что настоящій Жанъ Вальжанъ отыскался.

Листъ, который держалъ господинъ Мадленъ, выпалъ у него изъ рукъ, онъ поднялъ голову, поглядѣлъ пристально на Жавера и произнесъ съ неуловимымъ выраженіемъ:

— А!

Жаверъ продолжалъ:

— Вотъ какъ было дѣло, господинъ мэръ. Кажется, въ этой мѣстности, неподалеку отъ Альи-ле-Го-Клоше, жилъ одинъ старичокъ по имени Шанматье. Онъ былъ нищій, на него никто не обращалъ вниманія. Неизвѣстно чѣмъ только питаются подобные люди. Нынѣшнею осенью дядя Шанматье былъ арестованъ за кражу яблокъ, изъ которыхъ приготовляютъ сидръ и... да это все равно! Онъ совершилъ кражу, перелѣзъ черезъ стѣну и сломалъ сучокъ у яблони. Шанматье поймали съ вѣткой въ рукахъ. Негодяя арестовали. До сихъ поръ дѣло это, конечно, подлежало только исправительной власти. Но само Провидѣніе вмѣшалось въ дѣло. Мѣстный острогъ былъ въ плохомъ состояніи, и господинъ судебный слѣдователь нашелъ нужнымъ перевести Шанматье въ Аррасъ, гдѣ помѣщается департаментская тюрьма. Въ этой тюрьмѣ въ Аррасѣ находился бывшій каторжникъ Бреве, котораго, за его хорошее поведеніе, сдѣлали сторожемъ. Знаете ли, что случилось, господинъ мэръ? Какъ только что привезли туда этого Шанматье, какъ Бреве, увидавъ его, воскликнулъ: «Э, да я его знаю. Это бывшій каторжникъ. Посмотрите-ка на меня, старина? Вѣдь вы Жанъ Вальжанъ?»—«Жанъ Вальжанъ? Кто это Жанъ Вальжанъ?» Шанматье прикидывается удивленнымъ. «Да не представляйся,

пожалуйста,—сказалъ Бреве:—ты Жанъ Вальжанъ, ты былъ на каторгѣ въ Тулонѣ двадцать лѣтъ тому назадъ! Мы вѣдь тамъ вмѣстѣ были». Шанматье отпирался. Чортъ возьми! Вы вѣдь понимаете почему? Начали слѣдствіе и, мало-по-малу, вотъ что оказалось: этотъ Шанматье лѣтъ тридцать тому назадъ занимался подрѣзываніемъ деревьевъ въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно въ Фавероллѣ. Но тутъ его слѣды теряются. Спустя долгое время его видѣли въ Овернѣ, потомъ въ Парижѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ былъ каретникомъ и гдѣ у него была дочь прачка, но это еще не доказано,—наконецъ, онъ появился въ этой мѣстности. Теперь вопросъ, кѣмъ былъ Жанъ Вальжанъ прежде, чѣмъ попалъ на каторгу за воровство? Работникомъ, занимавшимся подрѣзываніемъ деревьевъ. Гдѣ? Въ Фавероллѣ. Другой фактъ: этотъ Вальжанъ при крещеніи названъ былъ Жаномъ, а фамилія его матери была Матье. Естественнѣе всего предположить, что, освободившись отъ каторги, онъ принялъ фамилію матери, чтобы скрыть прошлое, и назвался Жанъ-Матье. Потомъ отправился въ Овернь. Благодаря мѣстному произношенію, *Жанъ* обращается въ *Шанъ*, и его стали звать Шанъ-Матье. Нашъ старикъ не протестуетъ и превращается въ Шанматье. Вы слѣдите за моимъ разсказомъ, не правда ли? Навели справки въ Фавероллѣ; семьи Жана Вальжана тамъ не оказалось. Неизвѣстно куда она дѣвалась. Вы вѣдь знаете, что въ этомъ классѣ общества случается часто, что исчезаетъ цѣлый родъ неизвѣстно куда. Ищутъ и никого не находятъ. Такого сорта люди, если не дѣлаются грязью, то превращаются въ пыль. Итакъ, начало всей этой исторіи происходило лѣтъ тридцать тому назадъ; въ Фавероллѣ никто не помнитъ Жана Вальжана. Справились въ Тулонѣ. Кромѣ Бреве, знали Жана Вальжана только два каторжника. Это неожиданно осужденные—Кошпайль и Шенильдье. Послали за ними и привезли съ каторги. Назначили очную ставку, и они, не задумавшись, признали Шанматье за Жана Вальжана. Тотъ же возрастъ, ему пятьдесятъ четыре года, тотъ же ростъ, тотъ же видъ,—словомъ, тотъ же самый человѣкъ. Въ это время подоспѣлъ я съ моимъ доносомъ въ парижскую префектуру. Мнѣ и отвѣтили, что я сошелъ съ ума, и что настоящій Жанъ Вальжанъ въ Аррасѣ, въ рукахъ правосудія. Можете себѣ представить, какъ это меня удивило,—меня, который былъ увѣренъ, что напалъ на слѣдъ настоящаго Жана Вальжана! Я написалъ судебному слѣдователю, меня вызываютъ и показываютъ мнѣ Шанматье.

— И что же?—прервалъ господинъ Мадленъ.

Жаверъ отвѣчалъ со своимъ неподкупнымъ и грустнымъ видомъ:

— Господинъ мэръ, что правда, то правда. Мнѣ было очень досадно, но этотъ человѣкъ, несомнѣнно, Жанъ Вальжанъ. Я тоже узналъ его.

— Вы въ этомъ увѣрены?—проговорилъ господинъ Мадленъ упавшимъ голосомъ.

Жаверъ началъ смѣяться тѣмъ грустнымъ смѣхомъ, который выражаетъ глубокую увѣренность.

— О! Совершенно увѣренъ.

Онъ съ минуту простоялъ въ задумчивости, взялъ машинально щепотки двѣ древеснаго порошка для посыпки чернилъ, который находился на столѣ рядомъ съ чернильницей, потомъ прибавилъ:

— И теперь, когда я видѣлъ настоящаго Жана Вальжана, я не понимаю даже, какъ это мнѣ пришла въ голову подобная мысль. Простите меня, прошу васъ, господинъ мэръ,—и почтительно обращаясь съ этими умоляющими словами къ тому, который шесть недѣль тому назадъ оскорбилъ его въ присутствіи подчиненныхъ, сказавъ ему: «Ступайте вонъ!»—Жаверъ, этотъ надменный человѣкъ, самъ того не сознавая, былъ въ эту минуту полонъ простоты и достоинства.

Господинъ Мадленъ отвѣтилъ на его просьбу вопросомъ:

— А что говоритъ этотъ человѣкъ?

— Э, да что, господинъ мэръ, его дѣла плохи. Если это Жанъ Вальжанъ, то тутъ рецидивъ. Перелѣзть черезъ стѣну, сломать вѣтку, украсть яблоки, это—шалость для ребенка, для взрослаго—проступокъ, для каторжника—преступленіе. Воровство и покушеніе на грабежъ. Тутъ ужъ дѣло не исправительной полиціи, а суда присяжныхъ. Это не нѣсколько дней ареста, а пожизненная каторга. Къ тому же еще ограбленіе маленькаго савояра, которое, надѣюсь, тоже обнаружится. Чортъ возьми, есть надъ чѣмъ призадуматься, не правда ли? Да, для всякаго другого, а не для Жана Вальжана. Жанъ Вальжанъ продувная бестія, и я здѣсь узнаю его по его замашкамъ. Другой бы, понявъ, что тутъ дѣло не шуточное, смутился бы, началъ бы кричать, протестовать, увѣрять, что онъ не Жанъ Вальжанъ. А этотъ сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ и твердитъ все одно: «Я Шанматье и больше знать ничего не знаю!» У него изумленный видъ, и онъ притворяется идіотомъ, думая, что такъ лучше. О! Мошенникъ ловокъ. Но это все равно — улики налицо. Четыре свидѣтеля узнали его, старый плутъ будетъ осужденъ. Дѣло передано въ аррасскій судъ. Я поѣду туда въ качествѣ свидѣтеля. Меня вызываютъ.

Господинъ Мадленъ придвинулся къ столу и сталъ пересматривать свои дѣла, спокойно перелистывая, дѣлая замѣтки тамъ и сямъ, какъ человѣкъ, совершенно погруженный въ свои занятія. Наконецъ онъ обернулся къ Жаверу:

— Ну, довольно, Жаверъ. Въ сущности, всѣ эти подробности меня мало интересуютъ. Мы теряемъ попусту время, а между тѣмъ у насъ есть спѣшныя дѣла. Жаверъ, сходите немедленно къ теткѣ Бюзанье, которая торгуетъ травами на углу улицы Сенъ-Сольвъ. Скажите ей, чтобы она подала жалобу на возчика Пьера Шенелона. Этотъ скотъ чуть было не задавилъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ; его непремѣнно слѣдуетъ наказать. Потомъ вы отправитесь къ господину Шарселэ на улицу Монтръ-де-Шампиньи. Онъ жалуется, что водосточная труба сосѣдняго дома льетъ всю дождевую воду прямо къ нему и подмываетъ фундаментъ его дома. Потомъ вы составите протоколы о нарушеніи полицейскихъ правилъ

на улицѣ Гибуръ у вдовы Доршъ и на улицѣ Гарро-Бланъ у госпожи Ренеле-Боссе. Но я даю вамъ, кажется, слишкомъ много дѣла. Вѣдь вы уѣзжаете? Вы, кажется, сказали мнѣ, что должны ѣхать въ Аррасъ для этого дѣла черезъ восемь или девять дней?

— О, гораздо раньше, господинъ мэръ.

— Въ какой же день?

— Но я, кажется, докладывалъ господину мэру, что судъ назначенъ на завтра и что я поѣду сегодня же ночью въ дилижансѣ.

Господинъ Мадленъ невольно вздрогнулъ.

— А сколько времени можетъ продлиться дѣло?

— Не болѣе одного дня. Приговоръ будетъ произнесенъ самое позднее завтра ночью. Но я не буду дожидаться приговора, который, безъ сомнѣнія, не можетъ быть оправдательнымъ. Какъ только я дамъ свое показаніе, я сейчасъ же вернусь сюда.

— Это хорошо,—сказалъ господинъ Мадленъ и подалъ знакъ рукою, что Жаверъ можетъ уходить; но тотъ, однако, уходить не собирался.

— Извините, господинъ мэръ,—сказалъ онъ.

— Что вамъ еще надо?—спросилъ господинъ Мадленъ.

— Господинъ мэръ, мнѣ остается еще разъ напомнить вамъ кое-что.

— Что еще?

— То, что меня слѣдуетъ уволить.

Господинъ Мадленъ всталъ.

— Жаверъ, вы человѣкъ честный, и я васъ уважаю. Вы преувеличиваете вашу вину. Къ тому же эта обида касается лично меня. Жаверъ, вы заслуживаете повышенія, а не отставки. Я желаю, чтобы вы остались на своемъ посту.

Жаверъ взглянулъ на господина Мадлена своимъ чистосердечнымъ взоромъ, въ глубинѣ котораго отражалась его совѣсть, мало просвѣщенная, но суровая и цѣломудренная, и сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Господинъ мэръ, я съ вами не согласенъ.

— Повторяю вамъ,—повторилъ господинъ Мадленъ,—что это касается только меня лично.

Но Жаверъ, мучимый исключительно одной преслѣдовавшей его мыслью, продолжалъ:

— Что касается преувеличенія, то я нисколько не преувеличиваю. Вотъ какъ я разсуждаю. Я васъ несправедливо заподозрѣлъ. Это еще ничего не значитъ. Нашъ долгъ всѣхъ подозрѣвать, хотя, собственно говоря, преступно подозрѣвать людей, стоящихъ выше насъ. Но безъ достаточныхъ доказательствъ, въ припадкѣ гнѣва, изъ чувства мести я донесъ на васъ, какъ на каторжника, на васъ—человѣка всѣми уважаемаго, на мэра, на административное лицо! Это серьезно, очень серьезно. Въ вашемъ лицѣ я оскорбилъ авторитетъ власти,—я, агентъ этой власти! Если бы кто-нибудь изъ моихъ подчиненныхъ сдѣлалъ такой проступокъ, я призналъ бы его недостойнымъ оставаться на службѣ и выгналъ бы его.

— И что же?

— Позвольте, господинъ мэръ,—еще одно слово. Я часто былъ суровъ въ моей жизни къ другимъ. Это было справедливо, я поступалъ хорошо. Въ настоящее время, если я не отнесусь сурово къ себѣ, то все, что я сдѣлалъ справедливаго, оказалось бы несправедливымъ. Долженъ ли я щадить себя болѣе, чѣмъ другихъ? Нѣтъ! Какъ! Я былъ бы только годенъ карать другихъ, а не себя! Но тогда бы я былъ самымъ ничтожнымъ человѣкомъ. Тѣ, которые сказали бы: «Этотъ Жаверъ подлецъ», были бы правы. Господинъ мэръ, я не желаю, чтобы вы проявили ко мнѣ свою доброту; ваша доброта испортила мнѣ много крови, когда она была обращена на другихъ. Лично для себя я отъ нея отказываюсь. Доброта, дающая предпочтеніе публичной дѣвкѣ передъ почетнымъ обывателемъ, агенту полиціи передъ мэромъ, стоящимъ внизу передъ стоящими вверху, это, по-моему, доброта дурная. Такая доброта портитъ и развращаетъ общество. Боже мой! Легко быть добрымъ, но трудно быть справедливымъ. Повѣрьте, если бы вы оказались тѣмъ, кѣмъ я васъ предполагалъ, я не былъ бы добръ къ вамъ! Вы бы увидали. Господинъ мэръ, я долженъ поступать съ другими такъ же, какъ и съ собой. Когда я усмирялъ злоумышленниковъ, когда я надзиралъ за негодяями, я часто говорилъ себѣ: «Ну, если ты самъ когда-нибудь свихнешься, если я словлю тебя на подломъ поступкѣ, то берегись! Я свихнулся, я изловилъ себя на проступкѣ: тѣмъ хуже для меня! Меня слѣдуетъ уволить, выгнать,—и подѣломъ. У меня есть руки, я буду обрабатывать землю. Примѣръ необходимъ для пользы службы, господинъ мэръ. Я требую увольненія инспектора Жавера.

Все это было произнесено скромнымъ, гордымъ, отчаяннымъ и убѣжденнымъ тономъ, придававшимъ какое-то непонятное величіе этому странно честному человѣку.

— Ну, это мы еще увидимъ, — сказалъ господинъ Мадленъ, протягивая ему руку.

Жаверъ отступилъ и сказалъ суровымъ голосомъ:

— Извините, господинъ мэръ, но этого не должно быть. Мэръ не подаетъ руки шпику,—и онъ прибавилъ сквозь зубы:—Да, шпику. Разъ я злоупотребилъ полицейской властью, то я не болѣе, какъ шпикъ.

Онъ низко поклонился и направился къ двери. Тамъ онъ обернулся и, не поднимая глазъ, проговорилъ:

— Господинъ мэръ, я буду продолжать службу, пока меня не замѣстятъ кѣмъ-нибудь.

Онъ вышелъ. Господинъ Мадленъ остался въ глубокомъ раздумьѣ, прислушиваясь къ этимъ твердымъ и увѣреннымъ шагамъ, удалявшимся по коридору.

Книга седьмая.—ДѢЛО ШАНМАТЬЕ.

I.

Сестра Симплиція.

Происшествія, о которыхъ читатель прочтетъ ниже, только отчасти были извѣстны жителямъ Монтрейля, но то, что имъ удалось узнать, оставило по себѣ въ городѣ такую память, что было бы большимъ упущеніемъ не сообщить читателю объ этихъ событіяхъ до мельчайшихъ подробностей. Въ этихъ подробностяхъ читатель встрѣтитъ два-три невѣроятныхъ происшествія, которыя, однако, мы сохраняемъ изъ уваженія къ истинѣ.

Около полудня, послѣ посѣщенія Жавера, господинъ Мадленъ отправился по привычкѣ навѣстить Фантину. Но прежде, чѣмъ войти къ Фантинѣ, онъ попросилъ къ себѣ сестру Симплицію. Обѣ монахини, служившія въ больницѣ, были лазаристки, какъ и всѣ сестры милосердія; одну изъ нихъ звали сестра Перпетуя, другую—сестра Симплиція. Сестра Перпетуя была простая крестьянка, поступившая въ сестры милосердія и служившая Богу съ такимъ же усердіемъ, какъ стала бы служить и на другомъ мѣстѣ. Она была монахиней точно такъ же, какъ была бы кухаркой. Такой типъ встрѣчается довольно часто. Монашескіе ордена охотно принимаютъ къ себѣ работниковъ-крестьянъ, которыхъ легко превратить въ капуциновъ и урсулиновъ. Этотъ деревенскій людъ исполняетъ всю черную работу. Преобразованіе мужика въ кармелитскаго монаха не представляетъ ничего особеннаго; первый превращается во второго очень легко; одинаковая степень невѣжества позволяетъ крестьянамъ и монахамъ легко осваиваться другъ съ другомъ.

Сестра Перпетуя была толстая монахиня изъ Марина, близъ Понтуаза, говорила на своемъ нарѣчіи, пѣла псалмы, подслащивала лѣкарства, смотря по набожности или ханжеству хворающаго, грубила больнымъ, сурово обращалась съ умирающими, встрѣчала агонію сердитыми молитвами, тѣмъ не менѣе была смѣлая и честная женщина.

Сестра Симплиція была бѣла, какъ воскъ. Рядомъ съ сестрой Перпетуей она казалась восковой свѣчкой. Венсанъ де-Поль прекрасно охарактеризовалъ образъ сестры милосердія въ чудныхъ словахъ, гдѣ онъ соединяетъ свободу съ рабствомъ:

«Пусть обителью имъ будетъ только домъ для больныхъ, кельей—лишь наемный уголъ, молельной—лишь приходская церковь, монастыремъ—лишь городскія училища или больничныя палаты, оградой—лишь страхъ Божій, одѣяніемъ—только послушаніе, покровомъ—лишь ихъ скромность». Этотъ идеалъ и воплощала въ себѣ сестра Симплиція. Никто не могъ бы опредѣлить ея возраста; она никогда не была молода и, казалось, совсѣмъ не старилась. Это

была особа,—мы не смѣемъ сказать «женщина»—кроткая, строгая, благовоспитанная, холодная и не солгавшая ни разу во всю свою жизнь. Она была до того кротка, что казалась мягкой, но на самомъ дѣлѣ была тверже гранита. Она прикасалась къ больнымъ своими прелестными, тонкими, непорочными и чистыми руками. Въ самыхъ ея словахъ была, такъ сказать, тишина; она говорила ровно столько, сколько нужно, и звукъ ея голоса могъ вызвать раскаяніе у грѣшника и очаровать свѣтскаго человѣка. Это изящество примирялось съ одеждой изъ грубой шерсти, находя въ этомъ жесткомъ соприкосновеніи постоянное напоминаніе о Богѣ. Замѣтимъ одну подробность. Отличительная черта сестры Симплиціи была та, что все, что бы она ни говорила, была святая истина. Она никогда не лгала, не говорила неправды, даже ради защиты когонибудь, и даже въ мелочахъ не позволяла себѣ отступленія отъ того, что считала правдой. Эта черта и была отличительною особенностью ея нравственности. Она почти прославилась своей справедливостью среди своей конгрегаціи. Въ письмѣ къ глухонѣмому Массье аббатъ Сикоръ упоминаетъ о сестрѣ Симплиціи: «Какъ бы искренни и чисты мы ни были, къ нашей правдивости невольно примѣшивается хотя бы небольшая частица лжи,—у нея же никогда. Маленькая ложь, невинная ложь, да развѣ такая существуетъ? Лгать безусловно дурно. Немного лгать нельзя; тотъ, кто лжетъ, лжетъ настоящей, полной ложью: ложь, это—обликъ діавола, у діавола два имени—діаволъ и ложь». Такъ думала Симплиція. И какъ думала, такъ и поступала. Отсюда и проистекала ея прозрачная бѣлизна, лучи которой распространялись даже на ея глаза и уста. Улыбка ея сіяла чистотой такъ же, какъ и взглядъ. На ея совѣсти не было ни малѣйшаго пятнышка, не было даже пылинки. Поступая въ орденъ св. Венсана де-Поль, она, по собственному выбору, приняла имя Симплиціи. Какъ извѣстно, святая Симплиція, родомъ изъ Сициліи, предпочла, чтобъ ей лучше отрѣзали обѣ груди, чѣмъ сказать неправду, что она родилась въ Сиракузахъ, а не въ Селестѣ, тогда какъ ложь спасла бы ее. Такая святая покровительница очень полюбилась сестрѣ Симплиціи. Вступивъ въ орденъ, сестра Семплиція имѣла два недостатка, отъ которыхъ она мало-по-малу исправилась: она любила лакомства и любила получать письма. Теперь она читала только одинъ молитвенникъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ по-латыни; хотя она и не понимала по-латыни, но душой понимала смыслъ книги. Святая дѣвушка особенно привязалась къ Фантинѣ, чувствуя, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ ней скрытую добродѣтель, и съ особеннымъ усердіемъ посвятила себя исключительному за ней уходу. Господинъ Мадленъ поручилъ ей Фантину, при чемъ у него въ это время было на лицѣ странное выраженіе, о которомъ сестра вспомнила впослѣдствіи.

Переговоривъ съ сестрой, онъ подошелъ къ Фантинѣ. Фантина каждый день ждала появленія господина Мадлена, какъ ждутъ луча тепла и радости. Она говорила сестрамъ:

— Я только тогда и живу, когда вижу около себя господина Мадлена.

Въ этотъ день у нея была сильная лихорадка. Но какъ только она увидала мэра, то сейчасъ же обратилась къ нему съ вопросомъ:

— А Козетта?

— Скоро, скоро!—отвѣчалъ онъ улыбаясь.

Господинъ Мадленъ обращался въ этотъ разъ съ Фантиной, какъ обыкновенно. Только онъ пробылъ съ ней часъ вмѣсто получаса, къ величайшей радости Фантины. Онъ тысячу разъ просилъ окружающихъ, чтобы больная ни въ чемъ не нуждалась. Замѣтили, что на минуту лицо его омрачилось. Но это объяснилось, когда узнали, что докторъ, нагнувшись къ нему, сказалъ ему на ухо:

— Она быстро идетъ къ концу.

Потомъ, господинъ Мадленъ вернулся въ мэрію, и конторщикъ видѣлъ, какъ онъ внимательно разсматривалъ дорожную карту Франціи, висѣвшую въ его кабинетѣ. Въ то же время онъ записалъ нѣсколько цифръ на клочкѣ бумаги.

II.

Проницательность Скоффлэра.

Изъ мэріи онъ отправился на конецъ города къ фламандцу Скоффлэру, который отпускалъ внаемъ лошадей съ «кабріолетами по желанію».

Чтобы пройти къ Скоффлэру кратчайшей дорогой, нужно было итти по безлюдной улицѣ, гдѣ стоялъ домъ священника того прихода, къ которому принадлежалъ господинъ Мадленъ. Замѣтимъ, что священникъ этотъ былъ человѣкъ почтенный, всѣми уважаемый и всегда подававшій добрые совѣты.

Въ ту минуту, когда господинъ Мадленъ проходилъ мимо священническаго дома, на улицѣ былъ только одинъ прохожій, который замѣтилъ слѣдующее: господинъ мэръ, пройдя сначала домъ священника, остановился, простоявъ нѣсколько минутъ, опять вернулся назадъ къ дому священника и подошелъ къ калиткѣ.

Калитка была заперта, а рядомъ лежалъ желѣзный молотокъ. Онъ быстро схватилъ молотокъ и приподнялъ его, потомъ снова остановился и послѣ нѣсколькихъ секундъ раздумья тихо положилъ его на прежнее мѣсто, а самъ пошелъ своей дорогой, ускоряя шаги.

Господинъ Мадленъ засталъ Скоффлэра за починкой хомута.

— Дядя Скоффлэръ, есть ли у васъ хорошая лошадь?—спросилъ онъ.

— Господинъ мэръ,—отвѣчалъ фламандецъ,—у меня всѣ лошади хорошія. Что вы подразумѣваете подъ хорошей лошадью?

— Хорошей лошадью я называю такую, которая можетъ пробѣжать двадцать лье въ день.

— Чортъ возьми, двадцать лье!

— Да.

— Запряженная въ кабріолетъ?

— Да.

— А сколько дней она будетъ отдыхать послѣ этого?

— Въ случаѣ надобности она должна пойти обратно на другой день.

— И пробѣжать опять столько же?

— Да.

— Чортъ возьми, вы сказали двадцать лье?

Господинъ Мадленъ вынулъ изъ кармана бумажку, на которой были написаны цифры, и показалъ ее фламандцу. Тамъ были числа 5, 6, $8^1/_2$.

— Видите,—сказалъ онъ,—всего девятнадцать съ половиной, будемъ считать всѣ двадцать.

— Хорошо,—заявилъ фламандецъ,—я согласенъ. Знаете мою бѣлую лошадку? Вы, вѣроятно, ее не разъ видали. Она изъ Булонэ. Лошадка ретивая, можно сказать, полная огня. Сперва ее думали объѣздить подъ сѣдло. Куда! Такъ всѣхъ на землю и валяла! Думали, лошадь никуда не годится, не знали, что съ нею дѣлать. Я ее купилъ, да и запрягъ въ кабріолетъ. Что же бы вы думали? Этого-то ей и нужно было: смирна, какъ овечка, быстра, какъ вѣтеръ. Ей просто было не по нраву ходить подъ сѣдломъ, У каждаго свое честолюбіе: моя лошадь не захотѣла, чтобы на нее садились верхомъ, а въ упряжи ходить пожелала.

— И она въ состояніи сдѣлать этотъ конецъ?

— Двадцать-то миль? Еще бы! И все крупной рысью и меньше, чѣмъ въ восемь часовъ, только при нѣкоторыхъ условіяхъ.

— Говорите.

— Во-первыхъ, вы дадите ей передохнуть часокъ на полдорогѣ; пусть она поѣстъ, но за этимъ надо присмотрѣть, чтобы конюхъ постоялаго двора не отсыпалъ у нея овса, потому что я не разъ замѣчалъ, что на постоялыхъ дворахъ овесъ чаще пропивается конюхами, чѣмъ съѣдается лошадьми.

— Я присмотрю.

— Во-вторыхъ... А кабріолетъ этотъ для васъ самихъ, господинъ мэръ?

— Да.

— А вы умѣете править, господинъ мэръ?

— Да.

— Такъ вотъ, во-вторыхъ, вамъ слѣдуетъ, господинъ мэръ, ѣхать одному и безъ всякаго багажа.

— Согласенъ.

— Но такъ какъ вы будете одни, то вамъ самимъ придется присмотрѣть за лошадью, пока она будетъ ѣсть овесъ.

— Я ужъ сказалъ вамъ, что присмотрю.

— Въ-третьихъ... плата тридцать франковъ поденно, все равно будетъ ли лошадь въ упряжи, или на конюшнѣ, ни однимъ сантимомъ меньше, и прокормъ лошади за счетъ господина мэра.

Господинъ мэръ вынулъ три наполеондора изъ своего кошелька и положилъ ихъ на столъ.

— Вотъ вамъ плата за два дня впередъ.

— Въ-четвертыхъ, для такого путешествія кабріолетъ будетъ слишкомъ тяжелъ и утомилъ бы лошадь. Нужно, чтобы господинъ мэръ согласился ѣхать въ маленькомъ тильбюри—у меня есть такой.

— Согласенъ и на это.

— Этотъ экипажъ легкій, но открытый.

— Это мнѣ все равно.

— Подумалъ ли господинъ мэръ, что у насъ теперь зима?

Господинъ Мадленъ ничего не отвѣчалъ. Фламандецъ продолжалъ:

— И что очень холодно?

Господинъ Мадленъ попрежнему все молчалъ. Скоффлэръ опять началъ:

— И что можетъ пойти дождь?

Господинъ Мадленъ поднялъ голову и сказалъ:

— Тильбюри и лошадь должны быть у дверей моего дома въ четыре съ половиной часа утра.

— Слушаю, господинъ мэръ,—отвѣчалъ Скоффлэръ и, пос обливъ ногтемъ мизинца сальное пятно на деревянной доскѣ стола, онъ продолжалъ тѣмъ безпечнымъ тономъ, который фламандцы такъ хорошо умѣютъ согласовать съ хитростью:—Мнѣ только сейчасъ пришло въ голову—господинъ мэръ не сказалъ мнѣ, куда онъ ѣдетъ. Куда это вы собираетесь, господинъ мэръ?

Въ сущности, онъ съ самаго начала разговора только и думалъ объ этомъ, но почему-то не смѣлъ спросить.

— А хороши ли переднія ноги у вашей лошади?—спросилъ господинъ Мадленъ.

— Да, господинъ мэръ! Вы только немного попридерживайте ее при спускахъ. А много ли спусковъ будетъ у васъ по пути?

— Не забудьте позаботиться, чтобы ровно въ четыре съ половиной часа лошадь съ экипажемъ была у моего дома,—отвѣтилъ господинъ Мадленъ и вышелъ.

Фламандецъ остался «въ дуракахъ», какъ онъ потомъ самъ разсказывалъ.

Прошло не болѣе двухъ или трехъ минутъ, какъ дверь вдругъ отворилась и опять вошелъ мэръ. Видъ у него былъ такой же безстрастный и дѣловой.

— Господинъ Скоффлэръ,—сказалъ онъ,—а во сколько вы цѣните лошадь и тильбюри, которыя вы мнѣ даете внаймы?

— Развѣ господинъ мэръ хочетъ купить ихъ?

— Нѣтъ, но на всякій случай я хочу обезпечить васъ. Когда я вернусь, вы отдадите мнѣ деньги обратно. Во сколько же вы оцѣниваете тильбюри и лошадь?

— Въ пятьсотъ франковъ, господинъ мэръ.

— Получите.

Господинъ Мадленъ положилъ банковый билетъ на столъ, вышелъ и уже больше не возвращался. Дядя Скоффлэръ очень сожалѣлъ, что не назначилъ тысячу франковъ. Впрочемъ, лошадь вмѣстѣ съ тильбюри стоили всего сто экю. Фламандецъ позвалъ свою жену и разсказалъ ей о всемъ случившемся.

— Что за чортъ! Куда это господинъ мэръ собирается ѣхать?
И они вмѣстѣ начали обсуждать этотъ вопросъ.

— Онъ ѣдетъ въ Парижъ,—сказала жена.

— Я не думаю,—отвѣчалъ мужъ.

Господинъ Мадленъ забылъ на столѣ бумажку, на которой были написаны числа. Фламандецъ сталъ внимательно изучать ихъ. «Пять, шесть, восемь съ половиной. Это, вѣрно, почтовыя станціи». Обернувшись къ женѣ, онъ сказалъ:

— Я догадался.

— Какъ такъ?

— Да очень просто: отсюда до Эдена пять лье, отъ Эдена до Сенъ-Поля шесть лье, отъ Сенъ-Поль до Арраса восемь съ половиной верстъ. Онъ ѣдетъ въ Аррасъ.

Между тѣмъ господинъ Мадленъ вернулся къ себѣ. На обратномъ пути онъ сдѣлалъ крюкъ, выбирая самую длинную дорогу, точно дверь дома священника была для него искушеніемъ, котораго онъ желалъ избѣгнуть. Онъ вошелъ въ свою комнату и заперся, что всѣмъ показалось очень естественнымъ, потому что онъ любилъ рано ложиться. Однако фабричная привратница, бывшая одновременно и единственною служанкой господина мэра, замѣтила, что свѣтъ у него потухъ въ половинѣ девятаго, и сказала объ этомъ кассиру, когда тотъ возвратился домой.

— Уже не захворалъ ли господинъ мэръ? У него какой-то странный видъ.

Этотъ кассиръ жилъ въ комнатѣ, находившейся какъ разъ подъ спальней господина мэра. Онъ не обратилъ никакого вниманія на слова привратницы, легъ и уснулъ. Въ полночь онъ внезапно проснулся; сквозь сонъ онъ услыхалъ шумъ надъ своей головой. Онъ прислушался. Наверху раздавались шаги, точно кто-то ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ прислушался внимательнѣе и узналъ шаги господина Мадлена. Это показалось ему страннымъ: обыкновенно до самаго утра, пока совсѣмъ не вставалъ господинъ Мадленъ, въ его комнатѣ было тихо. Минуту спустя кассиръ услыхалъ звукъ, похожій на тотъ, когда открываютъ и закрываютъ шкапъ. Потомъ передвигали какую-то мебель, затѣмъ наступила тишина и раздались снова шаги.

Кассиръ окончательно проснулся, приподнялся на постели, сталъ оглядываться и увидалъ черезъ оконное стекло на стѣнѣ противоположнаго дома красноватое отраженіе освѣщеннаго окна. По направленію свѣта это должно было быть окно спальни господина Мадлена. Отраженіе мерцало, словно оно происходило не отъ свѣчи, а отъ пламени. На тѣни не было видно оконнаго переплета—это указывало на то, что окно было отворено. При такомъ холодѣ отворенное окно производило странное впечатлѣніе. Кассиръ снова уснулъ. Часъ или два спустя онъ опять проснулся.

Тѣ же самые шаги раздавались надъ его головой—спокойные и медленные. На стѣнѣ рисовалось все то же отраженіе, но теперь оно было блѣднѣе и казалось отраженіемъ свѣта лампы или свѣчи. Окно было попрежнему открыто. Вотъ что происходило въ комнатѣ господина Мадлена.

III.

Душевная буря.

Читатель навѣрное догадался, что господинъ Мадленъ былъ не кто иной, какъ Жанъ Вальжанъ. Мы уже разъ заглядывали въ тайники этой совѣсти; насталъ моментъ заглянуть въ нее и еще разъ. Мы приступаемъ къ этому съ чувствомъ волненія и содроганія. Нѣтъ ничего ужаснѣе такого созерцанія.

Нигдѣ умъ не встрѣчаетъ такихъ необычайныхъ проблесковъ, такого таинственнаго мрака, какъ въ человѣческой душѣ; нѣтъ ничего страшнѣе, сложнѣе, таинственнѣе и безконечнѣе. Есть зрѣлище величественнѣе моря, это — небо; есть зрѣлище величественнѣе неба, это — душа человѣческая. Создать поэму человѣческой души хотя бы одного человѣка, хотя бы самаго ничтожнаго изъ людей, значило бы слить всѣ эти эпопеи въ одну наивысшую и окончательную. Совѣсть — это хаосъ химеръ, алчныхъ желаній, искушеній, горнило всевозможныхъ мечтаній, вертепъ помысловъ, которыхъ самъ человѣкъ стыдится; совѣсть, это—сборище демоновъ, изрыгающихъ софизмы, арена страстной битвы. Въ извѣстные часы проникните сквозь багровое лицо размышляющаго человѣка, вникните и загляните въ его душу, въ эти потемки, и вы увидите, что тамъ происходитъ подъ наружнымъ спокойствіемъ: битвы исполиновъ, какъ у Гомера, состязаніе драконовъ и гидръ; скользятъ тѣни призраковъ, какъ у Мильтона, и проносятся страшныя видѣнія, какъ у Данта. Невѣроятно мрачно то неизвѣстное, которое каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ и съ которымъ онъ борется, въ отчаяніи пріурочивая къ этому мраку стремленія своего ума и свои ежедневные поступки. Алигьери встрѣтилъ однажды зловѣщую дверь, передъ которой остановился въ нерѣшительности. Передъ нами теперь такая же дверь, на порогѣ которой и мы тоже остановились въ нерѣшительности. Войдемъ, однако, въ нее. Намъ остается немного добавить къ тому, что уже извѣстно читателю, о дальнѣйшей судьбѣ Жана Вальжана послѣ приключенія съ малюткой Жервэ. Съ этого момента, какъ мы видѣли, онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Совершилось то, чего желалъ отъ него епископъ. Это было болѣе чѣмъ исправленіе, это было перерожденіе. Ему удалось скрыться, продать серебро епископа, оставивъ у себя только, какъ память, одни подсвѣчники.

Прокрадываясь изъ города въ городъ, онъ исходилъ всю Францію и пришелъ въ Монтрейль, гдѣ ему пришла идея, о которой мы уже упоминали; здѣсь онъ выполнилъ свой проектъ, добился того, что сталъ неприкосновеннымъ и неприступнымъ, поселился въ Монтрейлѣ, счастливый тѣмъ, что совѣсть его стала успокаиваться и что первая половина его жизни заглаживалась второю. Онъ зажилъ мирно, спокойно, полный надеждъ, имѣя только два желанія: скрыть свое имя и вернуться къ Богу. Эти двѣ мысли были такъ тѣсно связаны въ его мозгу, что какъ бы соединялись

въ одну: обѣ онѣ были одинаково важны и господствовали надъ всѣми его поступками. Обыкновенно онѣ согласовались между собой; направляя его жизнь, онѣ побуждали его быть въ тѣни, дѣлали его ласковымъ и добрымъ и совѣтовали ему быть справедливымъ. Случалось, впрочемъ, иногда, что между этими двумя мыслями являлся разладъ. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ, котораго весь округъ звалъ господиномъ Мадленомъ, не колеблясь, приносилъ первую мысль въ жертву второй, т.-е. свою безопасность своей добродѣтели. Такъ, напр., вопреки всякому благоразумію и всякой осторожности, онъ сохранялъ подсвѣчники епископа, носилъ по немъ трауръ, зазывалъ и награждалъ всѣхъ проходящихъ маленькихъ савояровъ, наводилъ справки о всѣхъ фамиліяхъ въ Фавроллѣ и спасъ жизнь старику Фошлевану, несмотря на угрожающіе намеки Жавера. Мы уже замѣтили выше, что онъ размышлялъ по примѣру всѣхъ мудрыхъ, справедливыхъ и святыхъ, что его первая обязанность была ставить выше всего благо ближнихъ, а не свое собственное. Однако, надо признаться, что никогда еще ничего подобнаго ему не представлялось. Никогда еще эти двѣ идеи, руководившія несчастнымъ человѣкомъ, страданія котораго мы описываемъ, не вели между собой болѣе серьезной борьбы. Онъ смутно, но глубоко почувствовалъ это съ первыхъ же словъ, сказанныхъ Жаверомъ, когда тотъ вошелъ къ нему въ кабинетъ. Въ моментъ, когда онъ услыхалъ имя, такъ тщательно погребенное имъ самимъ, онъ оцѣпенѣлъ, внутренняя дрожь невольно пробѣжала по нему, онъ почувствовалъ сквозь это оцѣпенѣніе роковую странность своей судьбы и склонился предъ ней, какъ дубъ передъ приближеніемъ грозы, какъ солдатъ передъ приступомъ. Онъ чувствовалъ, что надъ его головой нависли зловѣщія тучи, полныя грома и молніи.

Слушая слова Жавера, первое, что пришло ему на умъ, было—пойти, донести на себя, освободить этого несчастнаго Шанматье изъ темницы и самому сѣсть на его мѣсто. Ощущеніе это было острое, болѣзненное, точно ножъ, всаженный въ живое тѣло; потомъ оно исчезло, и онъ подумалъ: «Увидимъ, увидимъ!» Онъ поборолъ въ себѣ первое великодушное движеніе и отступилъ предъ героизмомъ. Безъ сомнѣнія, было бы прекрасно, если бъ этотъ человѣкъ, послѣ святыхъ словъ епископа, послѣ стольких лѣтъ самоотреченія и раскаянія, среди такого удивительнаго покаянія, даже въ виду самаго ужаснаго стеченія обстоятельствъ, не поколебался бы ни на мгновеніе и продолжалъ бы итти тою же твердою поступью къ пропасти, на днѣ которой было небо; это было бы прекрасно. Однакоже этого не случилось. Мы обязаны дать точный отчетъ о томъ, что происходило въ этой душѣ, и потому должны разсказать все такъ, какъ произошло на самомъ дѣлѣ, ничего не утаивая. Прежде всего пробудился инстинктъ самосохраненія; Мадленъ поспѣшно собрался съ мыслями, поборолъ волненіе, вспомнилъ, что присутствіе Жавера—большая опасность; поспѣшно, съ твердостью, отложилъ всякое рѣшеніе, внушаемое ужасомъ, оттолкнулъ отъ себя то, что долженъ былъ

сдѣлать, и вооружился хладнокровіемъ, какъ боецъ, поднимающій свой щитъ. Остальную часть дня онъ провелъ въ томъ же состояніи; глубоко волнуясь, но съ полнымъ спокойствіемъ по внѣшнему виду. Онъ принялъ, такъ сказать, «предохранительныя мѣры».

Все было еще смутно и неопредѣленно въ его мозгу; смятеніе было такъ сильно, что онъ не могъ ясно различить ни одной мысли; онъ самъ ничего бы не могъ сказать про себя, кромѣ того, что ему нанесенъ былъ жестокій ударъ. По обыкновенію, онъ прежде всего отправился навѣстить Фантину, продолжилъ свой визитъ, по инстинктивному движенію добраго чувства, сказавъ себѣ, что онъ долженъ такъ поступить, и съ особенной заботливостью поручилъ ее сестрамъ на случай, если бы ему пришлось отлучиться. Онъ смутно сознавалъ, что, можетъ-быть, ему придется поѣхать въ Аррасъ, и, не принявъ еще никакого окончательнаго рѣшенія относительно этой поѣздки, онъ сказалъ самъ себѣ, что такъ какъ онъ внѣ всякаго подозрѣнія, то ему не мѣшало бы съѣздить туда, чтобы присутствовать при разборѣ дѣла; поэтому онъ нанялъ тильбюри Скоффлэра, чтобы быть готовымъ на всякій случай. Онъ пообѣдалъ сравнительно съ порядочнымъ аппетитомъ. Войдя въ свою комнату, онъ принялся раздумывать. Вдумавшись въ положеніе дѣла, онъ нашелъ его небывалымъ, до такой степени чудовищнымъ, что среди своей задумчивости, подъ вліяніемъ необъяснимаго побужденія, всталъ со стула и заперъ дверь. Онъ боялся, чтобы къ нему еще что-нибудь не ворвалось. Онъ баррикадировался противъ возможнаго. Минуту спустя онъ задулъ свѣчу. Свѣтъ мѣшалъ ему. Ему казалось, что его могутъ видѣть.

Кто же?

Увы! То, что онъ хотѣлъ изгнать, вошло къ нему. То что онъ хотѣлъ ослѣпить, смотрѣло на него. То была его совѣсть. Да, его совѣсть, т.-е. Богъ.

Однако въ первую минуту онъ поддался обманчивой иллюзіи; онъ почувствовалъ себя въ безопасности и одиночествѣ; дверь заперта—онъ считалъ себя неприступнымъ; свѣча потушена—онъ почувствовалъ себя невидимымъ. Тогда онъ овладѣлъ собою и, облокотившись на столъ и закрывъ лицо руками, началъ размышлять въ темнотѣ:

«Гдѣ я? Не сонъ ли это? Что мнѣ сказали? Правда ли, что я видѣлъ этого Жавера? Правда ли то, что онъ мнѣ говорилъ? Кто можетъ быть этотъ Шанматье? Онъ на меня, однако, похожъ. Возможно ли это? И когда я подумаю, что вчера еще я былъ такъ спокоенъ и далекъ отъ всѣхъ этихъ подозрѣній! Что, однако, я дѣлалъ вчера въ это самое время? Да что такое въ сущности произошло? Чѣмъ все разрѣшится? Что дѣлать?»

Вотъ какія мученія переживалъ онъ. Мозгъ его не могъ удержать мыслей, онѣ бѣжали, какъ волны, и онъ сжалъ себѣ лобъ руками, стараясь ихъ остановить. Изъ всего этого смятенія, возбуждавшаго его волю и разсудокъ, изъ котораго онъ напрасно старался вывести какое-нибудь заключеніе, вытекала одна только мучительная тревога.

Голова его горѣла. Онъ подошелъ къ окну и отворилъ его настежь. На небѣ не было ни звѣздочки. Онъ вернулся и попрежнему сѣлъ около стола. Такъ прошелъ цѣлый часъ. Мало-по-малу, однако, неясныя мысли стали принимать болѣе опредѣленную форму, и онъ могъ, хотя отчасти, разобраться въ нихъ и понять, если не все положеніе, то хотя нѣкоторыя подробности. Прежде всего онъ началъ сознавать, что хотя положеніе его было и исключительное и ужасное, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ полнымъ его господиномъ. Но это сознаніе еще болѣе усилило его ужасъ.

Независимо отъ строгой и религіозной цѣли, къ которой стремились всѣ его поступки, все, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ, было не что иное, какъ яма, которую онъ рылъ, чтобы схоронить въ ней свое имя. Въ часы размышленія, въ безсонныя ночи, онъ больше всего страшился одного—это вновь услыхать свое имя. Онъ говорилъ себѣ, что это будетъ конецъ всему и что въ тотъ день, когда имя это опять всплыветъ, рухнетъ вся его новая жизнь и, кто знаетъ, быть-можетъ, погибнетъ и его новая душа. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ одной этой мысли. Конечно, если бы кто-нибудь сказалъ ему въ этотъ моментъ, что настанетъ часъ, когда его имя снова прозвучитъ, когда это отвратительное имя, Жанъ Вальжанъ, выступитъ вдругъ изъ мрака и встанетъ предъ нимъ, когда этотъ грозный свѣтъ, способный разсѣять мракъ, которымъ онъ себя окуталъ, внезапно блеснетъ надъ его головой, и что это имя не будетъ ему больше угрожать и еще болѣе сгуститъ тьму вокругъ него, что разорванное покрывало только плотнѣе укроетъ тайну его жизни, что подземное сотрясеніе лишь укрѣпитъ фундаментъ воздвигнутаго имъ зданія самозащиты, что этотъ необыкновенный инцидентъ, если онъ того захочетъ, послужитъ лишь къ уясненію его существованія, и что очная ставка призрака Жана Вальжана съ добрымъ и уважаемымъ гражданиномъ господиномъ Мадленомъ, придастъ послѣднему еще болѣе почета и уваженія, какъ никогда,—если бъ кто-нибудь сказалъ ему это, онъ только бы покачалъ головой и счелъ бы эти слова безумными. И, однакоже, все это теперь случилось, всѣ эти невѣроятныя комбинаціи превратились въ фактъ, и Богу угодно было, чтобы эти безумныя фантазіи стали дѣйствительностью. Мысли его прояснились. Онъ все болѣе и болѣе отдавалъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Ему казалось, что онъ только что пробудился отъ какого-то глубокаго сна и очутился на краю пропасти среди ночного мрака, весь дрожащій, тщетно силясь отступить отъ скользкаго края бездны. Онъ ясно различалъ въ темнотѣ какого-то таинственнаго незнакомца, котораго судьба приняла за него и толкала вмѣсто него въ пропасть. Чтобы закрылась эта пропасть, нужно было, чтобы кто-нибудь въ нее упалъ; весь вопросъ заключался только въ томъ, кто изъ нихъ двухъ упадетъ.

Ему оставалось только выждать. Мракъ прояснился, и онъ признался самому себѣ въ слѣдующемъ: мѣсто его на каторгѣ пустовало, и, что бы онъ ни дѣлалъ, оно будетъ ждать его все-

гда. Кража у малютки Жервэ влечетъ его къ этому, это пустое мѣсто будетъ ждать его и притягивать къ себѣ до тѣхъ поръ, покуда онъ тамъ не очутится.

Это неизбѣжно и фатально.

Потомъ онъ сказалъ себѣ, что въ данный моментъ у него явился замѣститель, котораго зовутъ, кажется, Шанматье. Этому замѣстителю выпала на долю горькая участь, и что касается его самого, то онъ отнынѣ будетъ имѣть своего представителя на каторгѣ въ лицѣ Шанматье, представителя же въ обществѣ въ лицѣ господина Мадлена, что ему теперь больше уже нечего опасаться, лишь бы онъ не помѣшалъ людямъ навалить камень позора на голову этого Шанматье. Подобно могильному камню, этотъ камень, разъ опустившись на свое мѣсто, никогда уже болѣе не поднимется. Все это было такъ дико и страшно, что въ немъ произошло то внезапное, невыразимое содроганіе, которое каждый человѣкъ въ своей жизни переживаетъ не болѣе двухъ-трехъ разъ,— родъ потрясенія совѣсти, которое поднимаетъ въ сердце все, что есть сомнительнаго, и состоитъ изъ ироніи, радости и отчаянія, точно взрывъ внутренняго смѣха.

Онъ быстро зажегъ свѣчу.

«Ну что же!—сказалъ онъ себѣ.—Чего же это я боюсь? Чего же мнѣ раздумывать? Я теперь спасенъ. Все кончено. У меня оставалась одна только полуотворенная дверь, черезъ которую прошлое могло ворваться въ мою жизнь; теперь эта дверь замурована навсегда. Этотъ Жаверъ, который такъ долго мучилъ меня, этотъ страшный инстинктъ, который какъ будто угадывалъ меня и угадалъ, чортъ возьми!—эта ужасная охотничья ищейка, постоянно слѣдившая за мной, сбита теперь съ толку, отвлечена въ другую сторону, напала на ложный слѣдъ и не выпуститъ своей добычи. Теперь Жаверъ доволенъ и оставитъ меня въ покоѣ: онъ нашелъ своего Жана Вальжана! Почемъ знать, очень вѣроятно, что онъ даже захочетъ уѣхать изъ города! И все это совершится помимо меня. Я тутъ ни при чемъ. И что же дурного во всемъ этомъ? Люди, увидавъ меня теперь, честное слово, подумали бы, что со мною случилось какое-нибудь несчастіе! Да, наконецъ, если кто-нибудь отъ этого пострадаетъ, то ужъ это будетъ не по моей винѣ. Все это совершилось по волѣ Провидѣнія. Ему было такъ угодно! Имѣю ли я право вмѣшиваться въ дѣйствія Провидѣнія? Чего мнѣ нужно? Зачѣмъ я буду вмѣшиваться? Это вовсе меня не касается! Какъ? Неужели я еще не доволенъ? Чего же мнѣ, наконецъ, нужно? Цѣль, къ которой я стремился столько лѣтъ, о чемъ я мечталъ по ночамъ, о чемъ молился,— теперь это достигнуто: я въ безопасности. Такъ угодно Богу! Я не могу противиться волѣ Божіей. А почему Богу такъ угодно? Для того, чтобы я могъ продолжать начатое, чтобы я дѣлалъ добро, чтобы впослѣдствіи я могъ служить великимъ и ободряющимъ примѣромъ, чтобы нашлись, наконецъ, хоть крупинки счастья въ этомъ искусѣ, вынесенномъ мною, и въ этой добродѣтели, къ которой я вернулся! Право, не понимаю, почему это сегодня я

побоялся зайти къ этому уважаемому священнику, разсказать ему все, какъ на исповѣди, и спросить у него совѣта; онъ, навѣрное, сказалъ бы мнѣ то же самое. Итакъ, рѣшено, пусть дѣло идетъ своимъ чередомъ! Да творитъ Господь Богъ Свою волю!»

Такъ говорилъ онъ себѣ въ глубинѣ совѣсти, наклонившись, если можно такъ выразиться, надъ своей собственной бездной.

Онъ всталъ со стула и началъ ходить по комнатѣ.

— Довольно думать объ этомъ, — сказалъ онъ: — рѣшеніе принято!

Но онъ не чувствовалъ радости. Напротивъ. Нельзя помѣшать мысли возвращаться къ одной и той же идеѣ, какъ нельзя помѣшать морю набѣгать на берегъ. Для моряка это называется приливомъ, а для виновнаго—угрызеніемъ совѣсти. Богъ волнуетъ душу, какъ океанъ.

Спустя нѣсколько минутъ онъ невольно опять вернулся къ этому мрачному діалогу, въ которомъ онъ самъ говорилъ о томъ, о чемъ желалъ бы умолчать, слушалъ то, чего не хотѣлъ бы слышать, поддаваясь той таинственной силѣ, которая говорила ему: «Думай», какъ она говорила двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ другому осужденному: «Иди, иди!»

Прежде чѣмъ продолжать и чтобы насъ вполнѣ поняли, нужно остановиться на одной необходимой подробности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою. Нѣтъ ни одного мыслящаго существа, которое не испытало бы этого въ своей жизни. Можно даже сказать, что слово никогда не имѣетъ столько могущественнаго, таинственнаго смысла, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно обращено внутрь человѣка и переносится отъ мысли къ совѣсти и отъ совѣсти опять къ мысли. Именно въ этомъ только смыслѣ надо понимать выраженіе, часто встрѣчающееся въ этой главѣ: *онъ сказалъ*, *онъ воскликнулъ*. Существуетъ внутренняя бесѣда, происходящая въ молчаніи. Нами овладѣваетъ великое внутреннее волненіе, все говоритъ въ насъ, только уста наши безмолвствуютъ; движенія души неуловимы, невидимы, тѣмъ не менѣе они существуютъ.

Итакъ, онъ спросилъ себя: къ чему, однако, онъ пришелъ? Онъ началъ допрашивать себя, какое это «принятое рѣшеніе»? Онъ признался самому себѣ, что все, что онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, чудовищно, что «предоставить дѣло естественному ходу, предать его на волю Божію»—въ сущности ужасное злодѣяніе. Допустить совершить эту ошибку судьбы и людей, не помѣшать ей, содѣйствовать ей своимъ молчаніемъ, ничего не предпринять,— да вѣдь это значитъ сдѣлать все. Это крайняя степень постыднаго лицемѣрія! это преступленіе низкое, подлое, коварное, отвратительное, мерзкое. Въ первый разъ, въ продолженіе этихъ восьми лѣтъ, несчастный почувствовалъ всю горечь дурного помысла и дурного поступка. Онъ изрыгнулъ ее съ отвращеніемъ. Онъ продолжалъ свой допросъ. Со строгостью спросилъ себя, что подразумѣваетъ онъ подъ словами: «Цѣль моя достигнута». Онъ призналъ, что жизнь его дѣйствительно имѣла цѣль. Но какую?

Скрыть свое имя? Обмануть полицію? Неужели ради такой ничтожной мелочи онъ сдѣлалъ все, что имъ совершено? Развѣ у него не было другой, настоящей, великой цѣли? Спасти не тѣло, а душу. Сдѣлаться честнымъ и добрымъ. Быть праведнымъ! Развѣ не этого одного онъ прежде всего желалъ, добивался, развѣ не къ этому стремился, развѣ не это было то, что приказалъ ему епископъ?

Закрыть навсегда дверь въ прошлое. Но, Боже мой, вѣдь онъ не закрываетъ ея! Напротивъ, онъ отворяетъ ее настежь, совершая гнусный поступокъ! Онъ снова становится воромъ, и самымъ отвратительнымъ воромъ! Онъ крадетъ у другого его существованіе, его жизнь, его спокойствіе, его право на солнце и свободу! Онъ дѣлается убійцей! Онъ убиваетъ, онъ нравственно убиваетъ несчастнаго человѣка; онъ подвергаетъ его этой ужасной смерти заживо, этой смерти среди бѣлаго дня, называемой каторгой. Напротивъ, отдаться въ руки правосудія, спасти этого человѣка, находящагося подъ гнетомъ такой роковой ошибки, снова принять на себя свое имя, стать по чувству долга каторжникомъ Жаномъ Вальжаномъ,—вотъ когда онъ довершитъ свое перерожденіе и навсегда закроетъ двери ада, изъ котораго вышелъ. Попасть въ него по внѣшности—значитъ освободиться изъ него въ дѣйствительности. И это онъ долженъ сдѣлать! Если онъ этого не сдѣлаетъ, то все имъ сдѣланное добро не будетъ значить ровно ничего, какъ если бъ онъ его и не дѣлалъ вовсе. Вся его жизнь окажется безполезной, все его раскаяніе обратится въ ничто, и ему останется сказать только одно: «Къ чему ты все это дѣлалъ?»

Онъ чувствовалъ, что епископъ стоитъ около и смотритъ на него, что отнынѣ мэръ Мадленъ со всѣми его добродѣтелями становится ему отвратительнымъ, а каторжникъ Жанъ Вальжанъ—чистымъ и прекраснымъ. Люди видѣли его ласку, но епископъ видѣлъ его совѣсть. Надо ѣхать въ Аррасъ, освободить мнимаго Жана Вальжана, указать настоящаго. Увы, это было одной изъ самыхъ величайшихъ жертвъ, это было самой мучительной побѣдой, послѣднимъ шагомъ, который ему слѣдовало преодолѣть! Горькая судьба! Онъ обрѣтетъ святость предъ лицомъ Бога только тогда, когда снова очернитъ себя въ глазахъ людей.

— Итакъ,—сказалъ онъ,—рѣшено! Исполнимъ свое назначеніе, спасемъ этого человѣка!

Онъ громко произнесъ эти слова, самъ того не замѣчая. Онъ взялъ свои книги, провѣрилъ ихъ и привелъ въ порядокъ, бросилъ въ огонь пачку векселей на имя нѣсколькихъ мелкихъ торговцевъ, написалъ письмо, запечаталъ его и написалъ на конвертѣ: *господину Лаффиту, банкиру, улица д'Артуа, Парижъ*. Потомъ вынулъ изъ письменнаго стола бумажникъ, въ которомъ лежало нѣсколько банковыхъ билетовъ и паспортъ, съ которымъ онъ еще въ нынѣшнемъ году отправлялся на выборы. Тотъ, кто увидѣлъ бы его, приводившимъ въ порядокъ свои различныя дѣла и сохранявшимъ все время величавое спокойствіе, не могъ бы

догадаться, что въ немъ происходитъ. Только по временамъ губы его шевелились, иногда онъ поднималъ голову и пристально всматривался въ какую-нибудь точку одной изъ стѣнъ, точно эта точка заключала въ себѣ именно то, что онъ желалъ понять или уяснить себѣ. Окончивъ письмо къ Лаффиту, онъ положилъ его въ карманъ вмѣстѣ съ бумажникомъ и началъ снова ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Мысли его не измѣнились. *Онъ ясно продолжалъ видѣть свой долгъ, начертанный лучезарными буквами предъ его умственнымъ взоромъ: «Ступай, объяви свое настоящее имя, отдайся въ руки правосудія!»*

Въ это же время онъ отчетливо видѣлъ предъ собою, точно онѣ проходили предъ нимъ, въ ясныхъ образахъ, тѣ двѣ идеи, которыя служили до сихъ поръ двойнымъ правиломъ его жизни: скрывать свое имя, освящать свою душу. Въ первый разъ ему стало совершенно ясно, что онѣ противорѣчили одна другой. Онъ сознал, что одна изъ этихъ идей была безусловно хороша, тогда какъ другая могла быть и дурной, что первая была самоотверженіемъ, вторая—эгоизмомъ; первая говорила ему: *ближній*, вторая—*я самъ*; первая—источникъ свѣта, вторая—тьмы. Эти двѣ идеи теперь боролись, и онъ видѣлъ ихъ борьбу. По мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ, онѣ выростали предъ его умственными очами и превращались въ колоссальные образы; ему казалось, что внутри его, среди мрака и мерцанія свѣта, борется великанъ съ богиней.

Его охватилъ страхъ, но ему казалось, что честная мысль побѣдила. Онъ чувствовалъ, что насталъ второй рѣшительный моментъ для его совѣсти и для его судьбы; если епископъ намѣтилъ первый фазисъ его новой жизни, то Шанматье намѣчаетъ второй. Послѣ великаго кризиса—великое испытаніе. Между тѣмъ лихорадка, утихшая было на время, мало-по-малу возвращалась. Тысячи мыслей проносились въ его мозгу, но онѣ только укрѣпляли его въ этомъ принятомъ имъ рѣшеніи. Одно мгновеніе онъ сказалъ себѣ: что, можетъ-быть, онъ слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу это дѣло, что Шанматье этого сочувствія вовсе не стоитъ, вѣдь онъ все-таки воръ.

Но онъ тотчасъ же отвѣтилъ себѣ:

— Если этотъ человѣкъ укралъ на самомъ дѣлѣ нѣсколько яблокъ, то его осудятъ на одинъ мѣсяцъ въ тюрьму. Тутъ далеко еще до каторги. А кто знаетъ, еще укралъ ли онъ? Развѣ это доказано? Надъ нимъ тяготѣетъ самое имя Жана Вальжана, такъ что больше не требуется никакихъ уликъ. Развѣ королевскіе прокуроры не всегда такъ дѣйствуютъ? Каторжникъ—стало-быть, онъ и укралъ. Вотъ какъ обыкновенно люди разсуждаютъ.

Вслѣдъ за тѣмъ ему на одно мгновеніе пришла на умъ мысль, что если онъ донесетъ на себя, то, быть-можетъ, судьи примутъ во вниманіе геройство его поступка, его честную жизнь въ продолженіе семи лѣтъ, пользу, принесенную имъ всему округу, и помилуютъ его.

Но это предположеніе быстро исчезло, и онъ горько улыбнулся, припомнивъ, что кража сорока су у маленькаго Жервэ сдѣлала его

рецидивистомъ, что это дѣло всплыветъ непремѣнно наружу и, согласно буквѣ закона, его приговорятъ къ пожизненной каторгѣ. Онъ отогналъ всѣ иллюзіи, отрѣшаясь все болѣе и болѣе отъ земного, онъ сталъ искать поддержки и утѣшенія свыше. Онъ сказалъ себѣ, что обязанъ исполнить свой долгъ, что онъ, очень возможно, будетъ тогда счастливѣе, чѣмъ если не исполнитъ его; *если же онъ предоставитъ дѣлу итти своимъ путемъ* и останется въ Монтрейлѣ, то его добрая слава, общее къ нему уваженіе, его добрыя дѣла, его популярность, милосердіе, богатство, добродѣтель, — все это будетъ загрязнено преступленіемъ, и какую отраду могутъ принести всѣ эти прекрасныя дѣла въ связи съ такимъ гнуснымъ поступкомъ! Если же онъ исполнитъ свой долгъ, принесетъ эту жертву,— самая каторга, позорный столбъ, желѣзный ошейникъ, зеленая шапка, трудъ безъ-устали, безпощадный позоръ—все это будетъ соединено съ божественнымъ утѣшеніемъ. Наконецъ онъ сказалъ себѣ, что такъ нужно, если судьба его такъ сложилась, что не въ его волѣ измѣнить назначенное ему свыше, что во всякомъ случаѣ надо выбрать одно изъ двухъ: или внѣшнюю добродѣтель и внутреннюю порочность, или внутреннюю святость и наружный позоръ. При обсужденіи такихъ печальныхъ мыслей, онъ не потерялъ мужества, но мозгъ его усталъ. Помимо своей воли, онъ сталъ думать о постороннихъ вещахъ.

Въ вискахъ у него стучало. Онъ все продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Пробило полночь сначала въ приходской церкви, потомъ въ городской думѣ. Онъ сосчиталъ всѣ двѣнадцать ударовъ обоихъ часовъ, сравнивая ихъ звуки. При этомъ онъ вспомнилъ, что за нѣсколько дней видѣлъ у одного желѣзнаго торговца старый колоколъ, на которомъ было написано слѣдующее имя: *Антуанъ Альбенъ Ромэнвиль*. Онъ прозябъ и затопилъ каминъ. Ему не пришло даже на умъ закрыть окно. Между тѣмъ онъ опять впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Ему стоило большихъ усилій вспомнить, что онъ думалъ до того, какъ пробило полночь. Наконецъ онъ вспомнилъ.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ себѣ,—я рѣшилъ явиться съ повинной.

И ему вдругъ пришла на умъ Фантина.

— Однако что же станется съ этой несчастной женщиной?

Тутъ наступилъ новый кризисъ. Внезапно, среди его думъ, представился ему образъ Фантины; онъ явился какъ лучъ неожиданнаго свѣта. Ему показалось, что все измѣнилось вокругъ него, и онъ воскликнулъ:

— Что же это я! До сихъ поръ я только исключительно думалъ о себѣ, я все вниманіе обращалъ на то, что будетъ лучше для меня—удобнѣе ли мнѣ молчать или донести на себя, скрыть свое имя или спасти свою душу, быть презрѣннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уважаемымъ должностнымъ лицомъ, или же опозореннымъ, но честнымъ каторжникомъ. Все я, вездѣ все я, только одинъ я! Но, Боже мой, вѣдь это же страшный эгоизмъ! Отчего бы мнѣ хоть немного не подумать о другихъ? Вѣдь это наша первая

святая обязанность. Посмотримъ и сообразимъ. Пусть я исчезну, пропаду, буду забытъ,—что выйдетъ изъ всего этого? Если я донесу на себя — меня схватятъ, а Шанматье освободятъ, меня же сошлютъ на каторгу. Ну, хорошо, а дальше что? Что произойдетъ здѣсь? Ахъ, здѣсь вѣдь цѣлый край, городъ, фабрики, производство, рабочіе, мужчины, женщины, старики, дѣти, бѣдняки! Я создалъ все это, далъ жизнь всему. Благодаря только мнѣ, каждый бѣднякъ имѣетъ возможность класть въ свой горшокъ кусокъ мяса; я создалъ довольство, движеніе, кредитъ, до меня ничего этого не было. Я пробудилъ, оживилъ, одушевилъ, обогатилъ весь край; во все это я вложилъ свою душу. Не станетъ меня—все умретъ. А эта женщина, такъ много выстрадавшая, которая сохранила столько достоинства въ своемъ паденіи и которой я причинилъ помимо моей воли такъ много зла! А этотъ ребенокъ, котораго я хотѣлъ разыскать и обѣщалъ привезти матери! Развѣ я не обязанъ сдѣлать что-нибудь этой женщинѣ за причиненное ей мною зло? Если меня не станетъ, что случится тогда? Мать умретъ. Ребенокъ будетъ брошенъ на произволъ судьбы. Вотъ что будетъ, если я донесу на себя! А если я не донесу? Посмотримъ, что случится, если я не донесу?

Задавъ себѣ этотъ вопросъ, онъ остановился, съ минуту поколебался, но это колебаніе длилось очень недолго, и онъ спокойно отвѣтилъ на заданный себѣ самому вопросъ:

— Ну, такъ что же: правда, этотъ человѣкъ пойдетъ на каторгу, но чортъ съ нимъ—онъ укралъ! Напрасно я убѣждаю себя, что онъ не укралъ,—онъ укралъ! Я же останусь здѣсь и буду продолжать начатое дѣло. Въ десять лѣтъ я заработаю десять милліоновъ, я ихъ раздамъ по всему краю, мнѣ лично ничего не надо, не для себя же я тружусь! Общее благосостояніе возрастетъ, промышленность разовьется. Фабрики и заводы умножатся. Семьи— сто семействъ, тысяча семействъ будутъ счастливы, народонаселеніе увеличится; появятся новыя селенія, фермы; нужда исчезнетъ, а вмѣстѣ съ ней исчезнетъ и распутство, проституція, кража, убійство, всѣ пороки, всѣ преступленія. А эта бѣдная мать воспитаетъ своего ребенка! И вотъ цѣлый округъ богатъ и честенъ! Ахъ, да я былъ просто сумасшедшій, безразсудный человѣкъ, когда хотѣлъ явиться съ повинной! Надо быть осторожнымъ и не спѣшить. Къ чему это? Мнѣ захотѣлось разыграть благородную роль, быть великодушнымъ, но вѣдь это просто-напросто мелодрама—потому что я думалъ только о себѣ, объ одномъ себѣ. Ради чего? Ради того, чтобы спасти отъ наказанія, можетъ-быть, и суроваго, но въ сущности справедливаго, какого-то неизвѣстнаго вора, плута, очевидно, надо погубить цѣлый край! Надо, чтобы несчастная женщина умирала въ больницѣ! Чтобы маленькая бѣдная дѣвочка гибла на улицѣ, какъ собака! Но вѣдь это гнусно! И мать даже не увидитъ своего ребенка. Ребенокъ почти совсѣмъ не будетъ знать своей матери! И все это ради стараго мошенника, укравшаго яблоки, который навѣрное заслужилъ каторгу, если не за этотъ, то за другіе проступки. Прекрасная

логика, спасающая виновнаго и приносящая въ жертву невинныхъ, спасающая стараго бродягу, которому и жить-то остается всего нѣсколько лѣтъ и который, въ сущности, проживетъ на каторгѣ, пожалуй, не хуже, чѣмъ въ своей жалкой лачугѣ, и губящая цѣлое населеніе, матерей, женщинъ и дѣтей! Эта бѣдная маленькая Козетта не имѣетъ кромѣ меня никого на свѣтѣ, и, навѣрное, въ этотъ моментъ она дрожитъ, вся посинѣвшая отъ холода, въ конурѣ этихъ Тенардье! Вотъ тоже мошенники... Я не исполню своего долга по отношенію къ этимъ бѣднымъ существамъ! И я пойду на себя доносить, сдѣлаю такую непростительную глупость? Возьмемъ самое худшее. Предположимъ, что я сдѣлаю дурной поступокъ и что моя совѣсть когда-нибудь будетъ меня упрекать за это. Я вынесу эти упреки, касающіеся меня одного, ради ближнихъ; этотъ плохой поступокъ ляжетъ тяжелымъ гнетомъ на мою душу и будетъ мучить меня,—не въ этомъ ли и заключается настоящее самоотверженіе и настоящая добродѣтель?

Онъ всталъ и снова зашагалъ по комнатѣ. На этотъ разъ ему показалось, что онъ доволенъ.

Брильянты отыскиваютъ въ мрачныхъ нѣдрахъ земли, а истину—въ глубинѣ размышленій. Ему казалось, что, спустившись въ эту глубину и долго проблуждавъ ощупью въ непроницаемомъ мракѣ, онъ, наконецъ, нашелъ одинъ изъ этихъ брильянтовъ, одну изъ этихъ истинъ, и что онъ держитъ ее въ рукахъ, и она ослѣпляетъ его своимъ блескомъ.

«Да, — подумалъ онъ, — вотъ это именно то, что нужно. Я нашелъ истину. Я разрѣшилъ сомнѣнія. Надо же, наконецъ, остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи. Конецъ моему сомнѣнію. Пусть будетъ, что будетъ. Нечего больше колебаться и отступать. Это въ интересѣ всѣхъ, а не въ моемъ только. Я Мадленъ и останусь Мадленомъ. Горе тому, кого считаютъ Жаномъ Вальжаномъ! Это уже не я. Я не знаю этого человѣка, не имѣю даже понятія о немъ, а если и окажется теперь, что есть какой-то Жанъ Вальжанъ, пусть онъ самъ справляется, какъ знаетъ, это меня не касается. Это имя роковое, оно носится во мракѣ ночи, и если оно обрушится на чью-нибудь голову, то горе тому человѣку!

Онъ посмотрѣлъ въ маленькое зеркальце, стоявшее на каминѣ, и сказалъ:

— Какъ хорошо прійти, наконецъ, къ твердому рѣшенію. Теперь у меня совсѣмъ другой видъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ сразу остановился:

— Довольно!—сказалъ онъ.—Теперь не надо отступать ни передъ какими послѣдствіями принятаго рѣшенія. Есть еще нити, связывающія меня съ этимъ Жаномъ Вальжаномъ. Надо ихъ уничтожить. Даже въ этой самой комнатѣ есть вещи, которыя могутъ меня выдать, неодушевленные предметы, которые могутъ быть свидѣтелями; надо, чтобы все это исчезло.

Онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, открылъ его и, доставъ изъ него маленькій ключикъ, сунулъ этотъ ключъ въ замокъ, от-

верстіе котораго было чуть видно, потому что оно терялось въ изгибахъ темнаго рисунка обоевъ, которыми были оклеены стѣны. Открылся потайной шкапчикъ, совершенно незамѣтно вдѣланный между каминомъ и косякомъ двери. Въ этомъ тайникѣ лежали только какія-то жалкіе лохмотья: синяя холщевая блуза, старыя панталоны, старая котомка и толстая терновая палка съ желѣзными наконечниками съ обоихъ концовъ.

Всѣ, кто видѣлъ Жана Вальжана, проходившаго въ октябрѣ 1815 года черезъ городъ Динь, узнали бы всѣ принадлежности его тогдашняго жалкаго костюма. Онъ сохранилъ ихъ, какъ сохранилъ и серебряные подсвѣчники. Съ той только разницей, что онъ пряталъ только то, что напоминало ему каторгу, подсвѣчники же, полученные имъ отъ епископа, онъ выставилъ на показъ. Онъ боязливо оглянулся, точно боясь, что кто-нибудь войдетъ къ нему черезъ запертую дверь. Потомъ рѣзкимъ, внезапнымъ движеніемъ захвативъ въ охапку всѣ эти вещи и не взглянувъ даже на нихъ,—вещи, которыя онъ такъ свято, съ такою опасностью для себя хранилъ въ продолженіе стольскихъ лѣтъ, онъ бросилъ все въ огонь—лохмотья, катомку и палку. Потомъ заперъ потайной шкапъ и, несмотря на то, что тотъ былъ теперь пустъ, изъ предосторожности задвинулъ дверцы какой-то тяжелою мебелью. Черезъ нѣсколько секундъ комната и стѣна противоположнаго дома озарились красноватымъ колеблющимся свѣтомъ пламени. Все горѣло. Терновая палка трещала и отбрасывала искры до половины комнаты. Котомка, набитая разнымъ тряпьемъ, медленно горѣла. Изъ нея вдругъ выскочилъ какой-то предметъ, блестѣвшій въ золѣ. Нагнувшись, легко можно было узнать серебряную монету. Безъ сомнѣнія, это была монета въ сорокъ су, украденная у маленькаго савояра. Мадленъ не глядѣлъ на огонь, а продолжалъ равномѣрно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ увидалъ подсвѣчники, которые какъ-то особенно блестѣли на каминѣ при свѣтѣ пламени.

«Однако,—подумалъ онъ,—вѣдь Жанъ Вальжанъ сидитъ еще въ нихъ. Надо и ихъ уничтожить». Онъ взялъ оба подсвѣчника. Огонь въ каминѣ былъ еще настолько силенъ, что могъ расплавить ихъ и превратить въ безформенную массу. Онъ нагнулся къ огню и погрѣлся съ минуту. Ему стало хорошо.

— Какъ хорошо, тепло!—сказалъ онъ.

Однимъ изъ подсвѣчниковъ онъ поправилъ уголья. Минуту спустя оба они были въ пламени. Въ эту минуту ему показалось, что какой-то голосъ внутри его закричалъ: «Жанъ Вальжанъ! Жанъ Вальжанъ!» Волосы у него встали дыбомъ, онъ сдѣлался похожъ на человѣка, прислушивающагося къ чему-то страшному. «Да! такъ нужно, кончай скорѣй свое дѣло!» говорилъ этотъ голосъ. «Довершай начатое дѣло! Уничтожь эти подсвѣчники! Уничтожь это воспоминаніе! Забудь епископа! Забудь все! Погуби Шанматье! Продолжай! Это хорошо. Утѣшайся! Итакъ, это рѣшено и подписано: старикъ, который даже не зналъ чего, собственно, хотятъ отъ него, человѣкъ, который, быть-можетъ, ничего никогда

дурного не дѣлалъ—этотъ человѣкъ вполнѣ невиненъ, но надъ нимъ тяготѣетъ твое имя, какъ преступленіе; его приняли за тебя и онъ окончитъ дни свои въ позорѣ и ужасѣ! Это хорошо! Ты же останешься честнымъ человѣкомъ. Оставайся господиномъ мэромъ, оставайся уважаемымъ и почитаемымъ гражданиномъ, обогащай городъ, корми бѣдняковъ, воспитывай сиротъ, живи счастливо, добродѣтельно и будь всѣми любимъ и превозносимъ до небесъ. А въ это время, пока ты будешь здѣсь жить въ радости, другой надѣнетъ твою красную куртку, будетъ въ позорѣ называться твоимъ именемъ и влачить цѣпи на каторгѣ! Да, ты прекрасно все это устроилъ! Ахъ, несчастный!» Потъ градомъ катился съ его лба. Господинъ Мадленъ растерянно смотрѣлъ на подсвѣчники. Между тѣмъ внутренній голосъ продолжалъ: «Жанъ Вальжанъ! Вокругъ тебя будетъ раздаваться много шумныхъ голосовъ, будутъ громко говорить, будутъ тебя благословлять, но только одинъ, котораго никто не услышитъ, во мракѣ будетъ проклинать тебя. Такъ слушай же, негодяй, всѣ эти благословенія упадутъ, не дойдя до небесъ, и до Бога дойдетъ только одно проклятіе».

Этотъ голосъ, сперва слабый, поднимавшійся изъ глубины совѣсти, раздавался все громче и грознѣе, и теперь онъ ясно слышалъ его надъ самымъ ухомъ. Послѣдніе слова были произнесены такъ ясно, что онъ оглянулся вокругъ себя съ какимъ-то ужасомъ.

— Кто здѣсь?—спросилъ онъ громко, какъ сумасшедшій. Потомъ онъ проговорилъ почти съ идіотскимъ смѣхомъ:—Какъ я глупъ, вѣдь никого здѣсь не можетъ быть.

Но здѣсь былъ тотъ, кого глазъ человѣческій не можетъ видѣть.

Мадленъ поставилъ подсвѣчникъ на каминъ; потомъ снова принялся ходить по комнатѣ равномѣрнымъ и тяжелымъ шагомъ, разбудившимъ спавшаго внизу человѣка. Хожденіе это облегчало его и вмѣстѣ съ тѣмъ одурманивало. Случается иногда, что при исключительныхъ обстоятельствахъ человѣкъ двигается только для того, чтобы спросить совѣта у всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ, встрѣчающихся на его пути. Черезъ нѣсколько минутъ онъ забылъ на чемъ остановился. Теперь онъ съ одинаковымъ ужасомъ поочередно оттолкнулъ отъ себя оба принятыя имъ рѣшенія. Обѣ мысли показались ему одинаково пагубными. Какое предопредѣленіе судьбы! Надо же было случиться, чтобы этого Шанматье приняли за него! То обстоятельство, которое Провидѣніе, какъ казалось сначала, посылало для окончательнаго его спасенія, въ концѣ-концовъ, должно было его погубить!

Была минута, когда онъ заглянулъ въ свое будущее.

Явиться съ повинной! Великій Боже! Самого себя выдать! Съ безнадежнымъ отчаяніемъ онъ оглянулся на все то, съ чѣмъ долженъ былъ разстаться, къ чему долженъ былъ вернуться. Надо будетъ сказать «прости» этому существованію, такому мирному, чистому, радостному, этому всеобщему почету, проститься съ честью и свободой. Онъ не будетъ больше гулять по полямъ, въ маѣ не

услышитъ пѣнія птицъ, не будетъ больше давать милостыню маленькимъ дѣтишкамъ. Ему уже больше не видать взоровъ, полныхъ признательности и любви! Ему придется оставить этотъ домъ, выстроенный имъ самимъ, эту маленькую комнатку!

Все окружающее казалось ему въ эту минуту восхитительнымъ.

Онъ не будетъ больше читать вотъ этихъ книгъ, писать на этомъ маленькомъ столикѣ изъ бѣлаго дерева. Старая привратница, его единственная прислуга, не будетъ больше приносить ему по утрамъ кофе! Господи! Вмѣсто всего этого—каторга, желѣзный ошейникъ, красная куртка, колодки на ногахъ, усталость, тюрьма, нары, весь этотъ уже извѣданный имъ ужасъ! И въ его годы, послѣ того, кѣмъ онъ былъ! если бы онъ еще былъ молодъ! Но подъ старость выслушивать грубости отъ перваго встрѣчнаго, когда всякій сторожъ въ правѣ его обыскать; выносить палочные удары надсмотрщика; носить на ногахъ подкованные башмаки! Каждое утро и вечеръ подставлять ноги, чтобы ихъ заковывали въ цѣпи! Выносить любопытные взгляды праздныхъ людей, которые будутъ говорить: *Это знаменитый Жанъ Вальжанъ, который былъ мэромъ въ Монтрейлѣ.* А вечеромъ, обливаясь потомъ, изнемогая отъ усталости, въ зеленомъ колпакѣ, подъ градомъ побоевъ сержанта, въ парѣ съ другимъ каторжникомъ взбираться по лѣстницѣ, ведущей въ пловучій острогъ. О, какой ужасъ! Неужели судьба можетъ быть такъ же жестока, какъ мыслящее существо, и сдѣлаться такой же чудовищной, какъ сердце человѣка? Что бы онъ ни думалъ, онъ все возвращался къ той же дилеммѣ, поглощавшей всѣ его мысли: остаться въ раю и сдѣлаться демономъ, или вернуться въ адъ и стать ангеломъ? Что дѣлать? Великій Боже! Что дѣлать?

Буря, отъ которой онъ избавился съ такимъ трудомъ, вновь забушевала въ немъ. Его мысли начали путаться. Онѣ приняли мало-по-малу характеръ неподвижности — черта, свойственная отчаянію. Названіе Ромэнвиль постоянно вертѣлось у него на умѣ, съ двумя стихами пѣсни, слышанной имъ когда-то. Ему вспомнилось, что Ромэнвиль—небольшая рощица около Парижа, куда молодые влюбленные ходятъ рвать сирень въ апрѣлѣ. Онъ упалъ духомъ. Шаги его стали невѣрны, какъ у маленькаго ребенка, котораго пустили ходить одного. Минутами, стараясь побороть свою усталость, онъ пытался собраться съ мыслями и старался въ послѣдній разъ и уже окончательно поставить себѣ ту задачу, разрѣшеніе которой совершенно его обезсиливало. Слѣдуетъ ли объявиться? Или слѣдуетъ смолчать? Онъ ничего не могъ ясно себѣ представить. Всѣ доводы, приводимые имъ за и противъ, путались въ его головѣ и разсѣивались точно дымъ; онъ чувствовалъ только одно: что, на какомъ бы рѣшеніи онъ ни остановился, часть его существа неминуемо должна умереть, что направо и налѣво передъ нимъ зіяетъ могила, что онъ долженъ пережить или агонію своего счастія или агонію своей добродѣтели. Увы! Всѣ колебанія вновь овладѣли имъ. Онъ не подвинулся впередъ ни на

шагъ. Въ такихъ-то мукахъ боролась эта несчастная душа. За тысячу восемьсотъ лѣтъ до этого человѣка Нѣкто другой, въ Которомъ воплощалась вся святость и всѣ страданія человѣчества, такъ же вотъ среди колеблемыхъ вѣтромъ оливъ долго отстранялъ отъ Себя рукою страшную чашу, которая являлась передъ Нимъ, переполненная горечью и страданіями, среди необъятнаго пространства, усѣяннаго звѣздами.

IV.

Форма, въ какую выливаются иногда страданія во время сна.

Пробило три часа утра. Цѣлыхъ пять часовъ подъ рядъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ почти безъ отдыха, когда, наконецъ, въ изнеможеніи упалъ на стулъ. Онъ тотчасъ же заснулъ и увидѣлъ сонъ. Этотъ сонъ, какъ и большинство сновидѣній, не имѣлъ ничего общаго съ его состояніемъ, но въ немъ что-то заключалось роковое и мучительное. Онъ запечатлѣлся въ его умѣ. Этотъ кошмаръ такъ поразилъ его, что потомъ онъ его записалъ. Этотъ разсказъ, записанный имъ самимъ, нашли потомъ въ его бумагахъ. Мы считаемъ своею обязанностью дословно привести его здѣсь. Что бы ни представлялъ изъ себя этотъ сонъ, исторія этой ночи была бы не полна, если бы мы не привели его здѣсь. Это—мрачное похожденіе больной души. На конвертѣ стояла слѣдующая надпись:

Сонъ, который я видѣлъ въ эту ночь.

«Я былъ въ полѣ. Обширное угрюмое поле, на которомъ уже не было травы. Казалось, что это было ни днемъ, ни ночью, и я гулялъ вмѣстѣ съ братомъ, другомъ моего дѣтства. Надо замѣтить, я никогда не думаю объ этомъ братѣ и почти забылъ его. Мы разговаривали, встрѣчали прохожихъ. Мы говорили о своей бывшей сосѣдкѣ, которая переѣхала въ квартиру, выходившую на улицу, и всегда работала у отвореннаго окна. Разговаривая такимъ образомъ, мы почувствовали, что зябнемъ, благодаря этому открытому окну.

«Въ полѣ не было ни одного деревца. Мы увидали человѣка, проѣхавшаго мимо насъ. Онъ былъ совершенно голый, пепельнаго цвѣта, и сидѣлъ верхомъ на лошади землистаго цвѣта. Человѣкъ этотъ былъ безъ волосъ; виденъ былъ его голый черепъ, а на черепѣ—жилы. Въ рукахъ онъ держалъ прутъ, гибкій, какъ виноградная лоза, и тяжелый, какъ желѣзо. Этотъ всадникъ проѣхалъ, не сказавъ намъ ни слова.

«Мой братъ сказалъ мнѣ:

«—Пойдемъ лощиной.

«Въ этой лощинѣ не было видно ни кустика, ни кусочка моха. Все было землистаго цвѣта, даже и небо. Пройдя нѣсколько шаговъ, я замѣтилъ, что мнѣ никто не отвѣчаетъ на мои вопросы: я увидалъ, что брата моего больше со мною нѣтъ. Я увидалъ поселокъ и вошелъ въ него. Я подумалъ, что это, должно-быть, Ромэнвиль (почему Ромэнвиль?) Первая улица, въ которую я во-

шелъ, была совершенно пуста. Я вошелъ въ другую. На углу двухъ пересѣкающихся улицъ стоялъ человѣкъ, прислонившійся къ стѣнѣ. Я сказалъ ему:

«—Что это за мѣстность? Гдѣ это я?

«Человѣкъ ничего не отвѣчалъ. Я увидалъ отворенную дверь и вошелъ въ нее. Первая комната была пуста, я вошелъ въ другую. За дверью этой комнаты стоялъ человѣкъ, прислонившійся къ стѣнѣ. Я спросилъ у этого человѣка:

«—Чей это домъ? Гдѣ я?

«Онъ ничего не отвѣчалъ. Около дома былъ садъ, я вышелъ изъ дома и пошелъ въ садъ. Онъ былъ пустъ. За первымъ деревомъ я замѣтилъ какого-то человѣка и сказалъ ему:

«—Чей это садъ? Гдѣ я?

«Онъ ничего не отвѣчалъ. Я сталъ бродить кругомъ и замѣтилъ, что это былъ городъ. Всѣ улицы были пусты, всѣ двери отворены. Ни одно живое существо не проходило по улицѣ, не ходило по комнатамъ, не гуляло въ садахъ. Но за каждымъ угломъ, за каждой дверью, за каждымъ деревомъ стоялъ человѣкъ и молчалъ. За разъ только нельзя было видѣть больше одного человѣка. Эти люди смотрѣли на меня, когда я проходилъ. Я вышелъ изъ города и началъ ходить по полю.

«Черезъ нѣкоторое время я обернулся и увидалъ громадную толпу, шедшую за мной. Я узналъ всѣхъ людей, которыхъ видѣлъ въ городѣ. У нихъ были странныя головы. Они, казалось, не спѣшили, а между тѣмъ всѣ они шли скорѣе меня. Шли они беззвучно. Черезъ минуту толпа догнала меня и окружила. Лица у этихъ людей были земляного цвѣта. Тогда первый, котораго я увидѣлъ, когда входилъ въ городъ, и котораго я разспрашивалъ, сказалъ мнѣ:

«—Куда вы идете? Развѣ вы не знаете, что вы уже давно умерли?

«Я открылъ ротъ, чтобы отвѣчать и увидалъ, что около меня никого нѣтъ».

Онъ проснулся, продрогшій насквозь. Холодный утренній вѣтеръ вертѣлъ на петляхъ взадъ и впередъ раму окна, которое было открыто. Огонь потухъ, свѣча догорала. Было еще совсѣмъ темно. Онъ всталъ и подошелъ къ окну; на небѣ все еще попрежнему не было звѣздъ. Изъ окна было видно дворъ и улицу; короткій рѣзкій стукъ, раздавшійся по мостовой, заставилъ его нагнуться. Онъ увидалъ внизу двѣ красноватыя звѣздочки, лучи которыхъ какъ-то странно удлинялись и сокращались въ темнотѣ. Такъ какъ онъ находился подъ впечатлѣніемъ видѣннаго сна, то онъ подумалъ: «Какъ странно! Нѣтъ звѣздъ на небѣ—зато есть на землѣ». Между тѣмъ туманъ въ его мозгу разсѣялся: новый звукъ, похожій на первый, разбудилъ его окончательно: онъ посмотрѣлъ и узналъ, что эти двѣ звѣздочки—просто экипажные фонари. При ихъ свѣтѣ онъ могъ даже разглядѣть очертаніе экипажа. Это былъ тильбюри, запряженный бѣлой лошадью. Отрывистые звуки, слышанные имъ, были удары лошадиныхъ копытъ о мостовую.

«Что это за экипажъ?—сказалъ онъ самъ себѣ.—Кто это выѣзжаетъ такъ рано?»

Въ эту минуту въ дверь его комнаты постучались. Онъ весь задрожалъ и крикнулъ ужаснымъ голосомъ:

— Кто тамъ?

— Это я, господинъ мэръ

Онъ узналъ голосъ старухи-привратницы.

— Что вамъ нужно?

— Господинъ мэръ, теперь пять часовъ утра.

— Мнѣ-то что за дѣло до этого?

— Господинъ мэръ, кабріолетъ пріѣхалъ.

— Какой кабріолетъ?

— Тильбюри.

— Какой тильбюри?

— Развѣ господинъ мэръ не заказывалъ тильбюри?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— А кучеръ говоритъ, что онъ пріѣхалъ за господиномъ мэромъ.

— Какой кучеръ?

— Кучеръ господина Скоффлэра.

— Господина Скоффлэра?

Это имя заставило его вздрогнуть и точно молнія сверкнуло у него передъ глазами.

— Ахъ да, Скоффлэра,—проговорилъ онъ.

Если бы старуха могла увидать его въ эту минуту, она бы очень испугалась. Наступило довольно продолжительное молчаніе; онъ безсмысленно разсматривалъ пламя свѣчи и, собирая около свѣтильни горячій воскъ, мялъ его между пальцами. Старуха ждала. Наконецъ она рѣшилась еще разъ спросить его:

— Господинъ мэръ, что же прикажете ему сказать?

— Скажите, что я сейчасъ сойду внизъ.

V.

Палки въ колесахъ.

Почтовое сообщеніе между Аррасомъ и Монтрейлемъ происходило въ то время еще въ маленькихъ экипажахъ временъ Имперіи. То были двуколесные кабріолеты, обитые внутри коричневой кожей, на стоячихъ рессорахъ; они имѣли только по два мѣста,—одно для курьера, другое для путешественника. Оси колесъ были снабжены длинными выдающимися ступицами, которыя удерживали другіе экипажи на извѣстномъ разстояніи; такія колеса встрѣчаются еще и теперь на нѣкоторыхъ почтовыхъ трактахъ въ Германіи. Сзади кабріолета придѣланъ былъ длинный ящикъ для писемъ, плотно прикрѣпленный къ кабріолету и составлявшій съ нимъ одно цѣлое. Ящикъ былъ окрашенъ въ черный цвѣтъ, а кабріолетъ въ желтый. Экипажи эти, совершенно не похожіе на теперешніе, имѣли какой-то очень неуклюжій и безобразный видъ, а издали, при подъемѣ на гору, они напоминали тѣхъ насѣко-

мыхъ, которыя, кажется, называются термитами и при короткой таліи волочатъ за собою длинное туловище. Надо еще прибавить, что кобріолеты эти двигались очень быстро. Почта выѣзжала изъ Арраса въ часъ ночи, т.-е. послѣ прихода парижской почты, и пріѣзжала въ Монтрейль немного раньше пяти часовъ утра.

Въ эту ночь почтовый кабріолетъ, спускаясь по Эденской дорогѣ и въѣзжая въ городъ Монтрейль, на поворотѣ одной улицы задѣлъ осями маленькій тильбюри, запряженный бѣлой лошадкой и быстро ѣхавшій навстрѣчу почтовому экипажу; въ тильбюри сидѣлъ только одинъ человѣкъ, закутанный въ плащъ. Колесо тильбюри получило довольно сильный толчокъ. Курьеръ кричалъ путешественнику остановиться, но тотъ не слушалъ его и продолжалъ ѣхать крупной рысью.

— Вотъ торопится человѣкъ! — сказалъ кучеръ. — Этакъ его разбираетъ!

Человѣкъ, такъ торопившійся, былъ тотъ самый, котораго мы только что видѣли боровшимся съ душевными волненіями и во всякомъ случаѣ заслуживавшій сочувствія. Куда онъ ѣхалъ? Онъ самъ бы не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Почему онъ такъ спѣшилъ? Онъ самъ не зналъ почему и зачѣмъ. Онъ ѣхалъ просто наудачу. Куда? Безъ сомнѣнія, въ Аррасъ; но, быть-можетъ, онъ точно такъ же ѣхалъ бы и въ другое мѣсто. По временамъ онъ чувствовалъ это и содрогался.

Онъ погружался въ этотъ мракъ, какъ въ бездну. Что-то совершенно непонятное одновременно и тянуло его и толкало. Никто не въ силахъ разсказать то, что происходило въ немъ, но всякій пойметъ это. Какой человѣкъ не испыталъ хоть разъ въ жизни таинственнаго гнета неизвѣстнаго будущаго? Впрочемъ, онъ ни на что еще не рѣшился, ни на чемъ не остановился, ничего не сдѣлалъ. Ни одинъ изъ проектовъ его совѣсти еще не былъ окончательно принятъ. Онъ, какъ и въ первую минуту борьбы, все еще не зналъ самъ, какъ сложатся обстоятельства.

Зачѣмъ онъ ѣхалъ въ Аррасъ?

Онъ повторялъ себѣ то же самое, что думалъ, когда нанималъ кабріолетъ, т.-е., что лучше взглянуть на дѣло собственными глазами обсудить и взвѣсить все самому; что это даже разумно и что для него необходимо знать все, что случится; что нельзя принять окончательнаго рѣшенія, не видя всего, что происходитъ; издали все кажется въ преувеличенномъ видѣ; быть-можетъ, увидавъ этого Шанматье, навѣрное, какого-нибудь мерзавца, совѣсть его успокоится и ему будетъ не жаль, если отправятъ вмѣсто него на каторгу этого человѣка; правда, на судѣ будутъ присутствовать и Жаверъ, и Бреве, и Шенильдье, и Кошпайль, старые каторжники, знавшіе его; но, безъ сомнѣнія, они теперь не узнаютъ его; конечно, не узнаютъ! Еще бы, вѣдь Жаверъ находится на сто лье отъ истины: всѣ предположенія, всѣ обвиненія обращены на Шанматье, а вѣдь ничто такъ крѣпко не сидитъ въ головахъ у людей, какъ всевозможные догадки и выводы; опасности, слѣдовательно, не предвидится никакой. Безъ сомнѣнія, онъ переживетъ ужасныя минуты, но это

пройдетъ. Къ тому же, какъ ни тяжела его судьба, она все-таки находится въ его рукахъ, онъ надъ ней полный властелинъ—и онъ упорно цѣплялся за эту мысль.

Въ глубинѣ души онъ предпочелъ бы вовсе не ѣхать въ Аррасъ, но все-таки туда ѣхалъ. Погруженный въ думы, онъ погонялъ лошадь, которая бѣжала ровной, быстрой рысью, пробѣгая по двѣ съ половиной мили въ часъ. По мѣрѣ того, какъ кабріолетъ подвигался, онъ чувствовалъ, что въ немъ самомъ что-то отодвигается назадъ.

На разсвѣтѣ онъ уже былъ въ открытомъ полѣ; городъ Монтрейль остался далеко позади. Онъ смотрѣлъ какъ бѣлѣетъ горизонтъ; смотрѣлъ, ничего не видя, какъ передъ его глазами выростали эти холодныя картины зимняго разсвѣта. Утро, какъ и вечеръ, имѣетъ свои призраки. Онъ не видѣлъ ихъ, но въ то же время совершенно мимолетно, въ силу какого-то чисто физическаго чувства, эти черные силуэты деревьевъ и холмовъ нагоняли на его душу еще болѣе острую и мрачную тоску.

Каждый разъ, какъ онъ проѣзжалъ мимо уединеныхъ домовъ, попадавшихся вдоль дороги, онъ говорилъ себѣ: «Есть, однако, внутри каждаго дома люди, которые еще спятъ!» Стукъ лошадиныхъ копытъ, бряцаніе бубенчиковъ на хомутѣ, стукъ колесъ о мостовую,—все это вмѣстѣ производитъ нѣжный и монотонный звукъ. Но все это прекрасно, когда человѣкъ веселъ, и кажется страшно тоскливымъ, когда онъ грустенъ.

Наступилъ уже день, когда онъ пріѣхалъ въ Эденъ. Онъ остановился у трактира, чтобы накормить лошадь овсомъ и дать ей передохнуть.

Эта лошадь была, по словамъ Скоффлэра, изъ мелкой породы, разводимой въ Булонэ, съ большой головой, съ большимъ животомъ, короткой шеей, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ широкой грудью, съ широкимъ крупомъ, съ тонкими сухими ногами, съ твердою поступью; порода эта некрасива, но зато сильна и вынослива.

Добрый конекъ пробѣжалъ пять лье въ два часа и нисколько не вспотѣлъ.

Самъ онъ не сошелъ съ тильбюри. Конюхъ, принесшій лошади овесъ, вдругъ нагнулся и началъ разсматривать лѣвое колесо.

— Далеко ли вы ѣдете?—спросилъ онъ.

— А что?—отвѣчалъ почти безсознательно Мадленъ, погруженный въ свои мысли.

— Вы издалека ѣдете?—продолжалъ конюхъ.

— Я проѣхалъ пять лье.

— А...

— Почему вы говорите: «а»?

Конюхъ опять нагнулся, помолчалъ съ минуту, снова посмотрѣлъ колесо, потомъ выпрямился и сказалъ:

— А то, что удивительно, какъ это колесо проѣхало пять лье. Теперь оно не выдержитъ и четверти лье.

Мадленъ быстро сошелъ съ тильбюри

— Что такое вы говорите, мой другъ?

— Я говорю, что это чудо, что вы проѣхали пять лье, не свалившись вмѣстѣ съ лошадью въ придорожную канаву. Посмотрите сюда.

Колесо, дѣйствительно, было сильно повреждено: толчокъ мальпоста переломилъ двѣ спицы и ступицу, съ которой соскочила гайка.

— Другъ мой, — сказалъ онъ конюху, — нѣтъ ли здѣсь каретника?

— Конечно, есть, сударь.

— Будьте добры, сходите за нимъ.

— Онъ тутъ, въ двухъ шагахъ. Эй, дядя Бургайяръ!

Каретникъ, дядя Бургайяръ, стоялъ на порогѣ своего дома. Онъ пришелъ, осмотрѣлъ колесо и скорчилъ гримасу, какъ хирургъ, разсматривающій сломанную ногу.

— Можете ли вы сейчасъ починить это колесо?

— Могу, сударь.

— А когда мнѣ можно будетъ выѣхать дальше?

— Завтра.

— Завтра?!

— Да, потому что здѣсь хватитъ работы на цѣлый день. Развѣ вы куда-нибудь спѣшите?

— Очень спѣшу. Мнѣ нужно выѣхать не позднѣе, какъ черезъ часъ.

— Невозможно, сударь.

— Я заплачу, что угодно.

— Невозможно.

— Ну, хорошо! черезъ два часа.

— Сегодня невозможно. Надо сдѣлать двѣ спицы и поправить ступицу. Вамъ можно будетъ выѣхать не раньше завтрашняго дня.

— У меня спѣшное дѣло, я не могу отложить его до завтрашняго дня. А нельзя ли вмѣсто того, чтобы чинить колесо, замѣнить его другимъ?

— Какъ такъ?

— Вы вѣдь каретникъ?

— Такъ точно.

— Развѣ не найдется у васъ на продажу колеса? Тогда я могъ бы сейчасъ же отправиться дальше.

— Перемѣнить колесо?

— Да.

— У меня не найдется готоваго колеса для вашего кабріолета. Два колеса—пара. Очень трудно подобрать одно колесо къ другому, надо пару.

— Въ такомъ случаѣ продайте мнѣ пару колесъ.

— Но, сударь, вѣдь не всѣ колеса приходятся ко всѣмъ осямъ.

— Однако попробуйте.

— Напрасно будетъ. У меня на продажу есть только телѣжныя колеса. Мы вѣдь живемъ здѣсь въ глуши.

— А нѣтъ ли у васъ кабріолета напрокатъ?

Каретникъ съ перваго же взгляда узналъ, что тильбюри—наемный экипажъ. Онъ пожалъ плечами.

— Хорошо, однако, вы отдѣлываете наемные экипажи! Если бы у меня даже и былъ кабріолетъ, то я бы вамъ ни за что его напрокатъ не далъ.

— Ну, хорошо, тогда продайте!

— У меня нѣтъ никакого экипажа.

— Да что вы! неужели даже никакой одноколки нѣтъ? Я не прихотливъ, какъ вы видите.

— Вѣдь у насъ тутъ глушь. Правда,—сказалъ каретникъ,— у меня въ каретномъ сараѣ стоитъ старая коляска, принадлежащая какому-то городскому буржуа; онъ поставилъ ее у меня на храненіе и пользуется ею разъ въ мѣсяцъ. Я охотно отдалъ бы ее вамъ внаймы, мнѣ все равно, да только надо, чтобы буржуа не видалъ васъ; да, кромѣ того, вѣдь это—коляска, слѣдовательно, потребуется пара лошадей.

— Я возьму почтовыхъ.

— Да вы куда ѣдете, сударь?

— Въ Аррасъ.

— И вы хотите добраться туда сегодня?

— Ну, конечно!

— На почтовыхъ лошадяхъ?

— Почему бы нѣтъ?

— А вамъ развѣ не все равно пріѣхать туда нынче ночью часа въ четыре?

— Нѣтъ, не все равно.

— Вотъ видите ли, если вы возьмете почтовыхъ лошадей... Вашъ паспортъ съ вами?

— Да.

— Ну такъ вотъ что, если вы возьмете почтовыхъ лошадей, то вы пріѣдете въ Аррасъ не раньше завтрашняго дня. У насъ вѣдь здѣсь не почтовый трактъ. На станціяхъ васъ будутъ держать подолгу,—всѣ лошади заняты въ полѣ. Теперь такое время года, когда всѣ начали пахать, лошадей берутъ всюду, на почтѣ и у частныхъ лицъ. Вамъ придется, по меньшей мѣрѣ, ждать на каждой станціи часа три-четыре. Да, кромѣ того, васъ повезутъ шагомъ: здѣсь много косогоровъ.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду верхомъ. Отпрягите кабріолетъ. Надѣюсь, я достану здѣсь сѣдло?

— Безъ сомнѣнія. Только ходитъ ли ваша лошадь подъ верхомъ?

— Правда, я упустилъ это изъ вида. Она подъ сѣдломъ не ходитъ.

— Тогда вотъ что...

— Но вѣдь въ вашей деревнѣ, навѣрное, найдется верховая лошадь, которую можно будетъ нанять?

— Лошадь, которая добѣжала бы до Арраса, какъ стрѣла?

— Да.

— Нѣтъ, такихъ лошадей у насъ здѣсь не найти. Во-первыхъ, вамъ придется ее купить, потому что васъ здѣсь никто не знаетъ. Но ни купить, ни нанять такой лошади здѣсь нельзя даже за пятьсотъ франковъ; даже за тысячу.

— Что же дѣлать?

— Самое лучшее, подождите, пока я поправлю колесо, а завтра поѣдете дальше.

— Завтра будетъ уже поздно.

— Вотъ оно что!

— Нѣтъ ли мальпоста, ѣдущаго въ Аррасъ? Когда онъ идетъ?

— Завтра въ ночь. Обѣ почтовыя кареты идутъ ночью, какъ туда, такъ и оттуда.

— Неужели вамъ нуженъ цѣлый день, чтобы починить это колесо?

— Да, цѣлый день усиленной работы.

—. Если даже будете работать вдвоемъ?

— Хотя бы вдесятеромъ!

— Нельзя ли связать спицы веревками?

— Спицы, пожалуй, можно, а ступицу нельзя. Кромѣ того, вѣдь и ободъ у колеса попорченъ.

— Не отдаетъ ли у васъ въ городѣ кто-нибудь экипажей напрокатъ? Нѣтъ ли у васъ другого каретника?

Конюхъ и каретникъ отвѣтили въ одинъ голосъ, покачивая головой:

— Нѣтъ!

Мадленъ почувствовалъ приливъ невыразимой радости. Очевидно, Провидѣніе вмѣшалась въ это дѣло. Оно поломало колеса тильбюри и помѣшало ему ѣхать дальше; онъ же, со своей стороны, употребилъ всѣ усилія, чтобы продолжать путь; онъ честно и добросовѣстно употребилъ всѣ средства, чтобы выполнить свой долгъ; онъ не отступилъ ни предъ зимнимъ холодомъ, ни предъ утомленіемъ, ни предъ издержками; ему не въ чемъ было упрекнуть себя. Если ему нельзя ѣхать дальше, то это уже не по его винѣ. Онъ въ этомъ не виноватъ, совѣсть его можетъ успокоиться, это—воля Провидѣнія.

Онъ вздохнулъ. Вздохнулъ свободно, полною грудью, въ первый разъ послѣ разговора съ Жаверомъ. Ему показалось, что желѣзная рука, сжимавшая его сердце въ теченіе двадцати часовъ, вдругъ разжалась.

Ему казалось, что теперь Богъ за него, что Онъ доказалъ ему Свое участіе. Онъ признался себѣ, что сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, и теперь спокойно можетъ возвратиться назадъ. Если бы его разговоръ съ каретникомъ происходилъ въ комнатѣ постоялаго двора, тогда, конечно, не было бы свидѣтелей, никто не услыхалъ бы его, тѣмъ бы дѣло и кончилось, и намъ не пришлось бы разсказывать того, что читатель прочтетъ ниже, но разговоръ этотъ происходилъ на улицѣ. Всякій уличный разговоръ непремѣнно собираетъ кучку любопытныхъ. Всегда найдутся люди, жаждущіе только зрѣлищъ.

Пока онъ разспрашивалъ каретника, нѣсколько прохожихъ остановились около разговаривавшихъ. Послушавъ нѣсколько минутъ, какой-то мальчишка, на котораго никто не обратилъ вниманія, отдѣлился отъ группы и пустился бѣжать. Въ тотъ моментъ,

когда путешественникъ послѣ той внутренней борьбы, на которую мы указали, рѣшился, наконецъ, вернуться назадъ, ребенокъ возвратился. За нимъ шла старуха.

— Сударь,—сказала женщина,—мой сынъ говоритъ, что вы желаете нанять кабріолетъ?

Эти простыя слова, сказанныя старухой, которую привелъ мальчикъ, обдали его холоднымъ потомъ.

Онъ почувствовалъ, что желѣзная рука, освободившая его на минуту, опять появилась во мракѣ, готовая вновь его схватить.

— Да, добрая женщина, — отвѣчалъ онъ,—я безуспѣшно ищу кабріолета—и прибавилъ торопливо:—Но здѣсь не найти такого.

— Отчего же, можно!—сказала старуха.

— Гдѣ же?—вмѣшался каретникъ.

— У меня,—отвѣчала старуха.

Мадленъ задрожалъ. Роковая рука опять схватила его.

У старухи, дѣйствительно, стояло подъ навѣсомъ что-то въ родѣ плетеной одноколки. Каретникъ и конюхъ, раздосадованные, что путешественникъ ускользаетъ изъ ихъ рукъ, начали его отговаривать: — Вѣдь это ужасная трясучка; кузовъ стоитъ прямо на осяхъ безъ рессоръ. Правда, сидѣніе подвѣшено на кожаныхъ ремняхъ, но сама-то она вся худая, колеса всѣ заржавѣли, на ней немного развѣ дальше уѣдешь, чѣмъ на тильбюри—настоящая развалина! И господинъ проѣзжающій очень плохо сдѣлаетъ, если поѣдетъ въ ней — и такъ далѣе и т. д. На самомъ дѣлѣ все это было сущей правдой, но эта развалина, эта трясучка, или какъ тамъ ее, имѣла все-таки два колеса и на ней можно было ѣхать въ Аррасъ. Онъ заплатилъ столько, сколько съ него потребовали, оставилъ тильбюри въ починкѣ у каретника, чтобы взять его на обратномъ пути, велѣлъ запрячь лошадь въ одноколку, сѣлъ и продолжалъ путь, начатый утромъ. Въ тотъ моментъ, какъ одноколка двинулась съ мѣста, онъ вспомнилъ, какъ за минуту передъ тѣмъ онъ съ радостью мечталъ о томъ, что ему не придется ѣхать дальше. Ему стало досадно на себя за эту радость, и онъ нашелъ ее нелѣпой. Чему было радоваться? Вѣдь какъ-никакъ, онъ по доброй волѣ ѣдетъ туда, никто его не заставляетъ. И, навѣрное, ничего не можетъ случиться съ нимъ противъ его воли.

Выѣзжая изъ Эдена, онъ услыхалъ, что кто-то кричитъ ему: «Постойте! Постойте!» Онъ быстро, почти судорожно остановилъ одноколку, какъ будто въ немъ проснулась неожиданная надежда.

Это кричалъ сынъ старухи.

— Сударь, это я добылъ для васъ кабріолетъ.

— Ну, что же?

— А вы мнѣ ничего не дали.

Онъ, такъ охотно дававшій всѣмъ, нашелъ эту просьбу нахальной и почти ненавистной.

— А! Это ты плутъ?—сказалъ онъ.—Ничего не получишь!

Онъ хлеснулъ лошадь и уѣхалъ крупной рысью. Много времени потерялъ онъ въ Эденѣ и спѣшилъ его теперь наверстать. Маленькая лошадка была бодра, везла за двоихъ, но стоялъ фе-

враль мѣсяцъ, шелъ дождь, и дороги испортились. Къ тому же это ужъ былъ не тильбюри. Двуколеска была неуклюжа, очень тяжела, а дорога все шла въ гору.

Отъ Эдена до Сенъ-Поля онъ ѣхалъ четыре часа. Пять лье—четыре часа. Онъ остановился въ Сенъ-Полѣ у перваго попавшагося трактира, распрягъ лошадь и повелъ ее въ конюшню.

Согласно обѣщанію, которое онъ далъ Скоффлэру, онъ стоялъ у яслей, пока лошадь ѣла. Онъ думалъ о чемъ-то неопредѣленномъ и грустномъ.

Въ конюшню вошла трактирщица.

— Не угодно ли вамъ позавтракать, сударь?

— Да, не худо бы,—сказалъ онъ,—я проголодался.

Онъ пошелъ за женщиной, у которой было свѣжее и веселое лицо. Она ввела его въ большую залу, гдѣ стояло много столовъ, накрытыхъ клеенкой, вмѣсто скатертей.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, поскорѣе, я очень спѣшу!

Служанка, толстая фламандка, наскоро поставила ему приборъ. Онъ глядѣлъ на эту дѣвушку съ чувствомъ удовольствія.

— А, вотъ отчего мнѣ было такъ плохо,—подумалъ онъ.—Я не завтракалъ».

Ему подали завтракъ. Онъ набросился на хлѣбъ, съ жадностью откусилъ кусокъ, потомъ медленно положилъ его на столъ и больше къ нему не притронулся.

За другимъ столомъ завтракалъ ломовой извозчикъ. Мадленъ обратился къ нему и сказалъ:

— Отчего это у нихъ такой горькій хлѣбъ?

Ломовой былъ нѣмецъ и не понялъ вопроса.

Мадленъ вернулся въ конюшню къ лошади.

Черезъ часъ онъ уѣхалъ изъ Сенъ-Поля и взялъ на Тенкъ, отъ котораго до Арраса пять лье. Что дѣлалъ онъ дорогой? О чемъ думалъ? Какъ и поутру, онъ опять наблюдалъ, какъ мелькали деревья, соломенныя крыши, воздѣланныя поля, слѣдилъ, какъ бѣжали мимо пейзажи на каждомъ поворотѣ дороги. Такое наблюденіе дѣйствуетъ иногда на душу и почти отгоняетъ мысли. Видѣть тысячи предметовъ въ послѣдній разъ, что можетъ быть грустнѣе и глубже этого! Путешествовать,—это рождаться и умирать ежеминутно. Можетъ-быть, гдѣ-то въ тайникахъ своей мысли онъ сравнивалъ эти измѣнчивые горизонты съ человѣческой жизнью. Всѣ предметы въ жизни бѣгутъ передъ нами безпрерывно. Тьма и свѣтъ чередуются. Послѣ ослѣпленія наступаетъ омраченіе; смотришь, спѣшишь, протягиваешь руку, чтобы схватить что-нибудь на лету; каждое событіе — это поворотъ дороги, и вдругъ окажешься старикомъ. Почувствуешь какъ бы толчокъ; все вокругъ темно, различаешь только темную дверь: это сумрачный конь жизни,—тотъ, который везъ васъ, — останавливается, и какой-то неясный призракъ отпрягаетъ его среди сгустившагося мрака.

Настали уже сумерки, когда дѣти, выходившія изъ школы, замѣтили путешественника, въѣхавшаго въ Тенкъ. Правда, въ это время года дни очень коротки. Онъ не остановился въ Тенкѣ.

Выѣзжая изъ села, онъ встрѣтилъ рабочаго-мостовщика, чинившаго дорогу; мостовщикъ поднялъ голову и сказалъ:

— Лошадка-то какъ замучилась!

Бѣдное животное, дѣйствительно, еле передвигало ноги.

— Вы въ Аррасъ, что ли, ѣдете?—прибавилъ рабочій.

— Да.

— Если вы поѣдете этой дорогой, то не скоро туда доберетесь.

Онъ остановилъ лошадь и спросилъ у мостовщика:

— Сколько еще осталось отсюда до Арраса?

— Добрыхъ семь лье.

— Какъ же такъ? Въ почтовой книгѣ значится пять лье съ четвертью.

— А! Развѣ вы не знаете, что здѣсь чинятъ дорогу? Черезъ четверть часа пути вы увидите, что она загорожена. Дальше ѣхать нельзя.

— Неужели!

— Вы сверните влѣво, по дорогѣ, которая идетъ въ Каранси, тамъ переѣдете рѣку и, когда пріѣдете въ Камбленъ, сверните направо, это и будетъ дорога на Монъ-Сентъ-Элуа, ведущая въ Аррасъ.

— Но вѣдь ужъ скоро ночь, и я могу заблудиться!

— Вы не здѣшній?

— Нѣтъ.

— Конечно, въ такомъ случаѣ вы легко можете заблудиться. Вотъ что, сударь, — продолжалъ мостовщикъ, — знаете ли, что я вамъ посовѣтую: лошадь ваша устала, вернитесь въ Тенкъ, тамъ есть хорошій трактиръ. Переночуйте, а завтра поѣзжайте въ Аррасъ.

— Мнѣ необходимо быть тамъ сегодня вечеромъ.

— Ну, это другое дѣло. Тогда все-таки заѣзжайте на этотъ постоялый дворъ и возьмите запасную лошадь. Конюхъ, который поѣдетъ съ лошадью, покажетъ вамъ дорогу.

Онъ послѣдовалъ совѣту рабочаго, повернулъ лошадь назадъ, а черезъ полчаса опять ѣхалъ по тому же тракту, но уже рысью и на парѣ лошадей. Конюхъ, именовавшій себя почтальономъ, сидѣлъ на передкѣ одноколки. Между тѣмъ мэръ чувствовалъ, что теряетъ время.

Наступила ночь. Они свернули съ почтовой дороги. Дорога стала ужасна. Одноколку бросало изъ колеи въ колею.

— Поѣзжай скорѣй, получишь вдвое на выпивку,—сказалъ онъ почтальону.

На одномъ изъ толчковъ сломался валекъ.

— Сударь,—сказалъ почтальонъ,—валекъ сломался, я не знаю теперь, какъ пристегнуть мою лошадь, дорога здѣсь ужасная, особенно въ ночное время; не вернетесь ли вы ночевать въ Тенкъ, а завтра чуть свѣтъ мы могли бы быть въ Аррасѣ.

— Нѣтъ ли у тебя хоть обрывка веревки и ножа? — спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Есть, сударь.

Мадленъ срѣзалъ съ дерева сучокъ и сдѣлалъ изъ него валекъ. На это онъ потратилъ минутъ двадцать времени, но зато они поѣхали галопомъ. Равнина была окутана мракомъ. Черный, густой туманъ спускался по холмамъ и отдѣлялся отъ нихъ, какъ дымъ. Въ тучахъ виднѣлись бѣловатые просвѣты. Съ моря дулъ свирѣпый вѣтеръ, производившій такой шумъ, какъ будто невидимая сила передвигала мебель. Все вокругъ носило мрачный, угрожающій видъ. Сколько таинственнаго ощущается въ завываніи ночной бури!

Холодъ пронизывалъ его до костей. Онъ ничего еще не ѣлъ со вчерашняго дня. Ему неясно припомнилось другое ночное путешествіе по большой равнинѣ въ окрестностяхъ Диня; съ того времени прошло уже восемь лѣтъ, но ему казалось, что это было вчера.

Гдѣ-то на отдаленной колокольнѣ пробили часы. Онъ спросилъ почтальона:

— Который теперь часъ?

— Семь часовъ, сударь! Въ восемь мы будемъ въ Аррасѣ. Намъ всего осталось три лье.

Въ эту минуту ему впервые пришла мысль, и онъ удивился, отчего она раньше не пришла ему: что, можетъ-быть, всѣ его хлопоты безполезны, что онъ даже не зналъ, въ которомъ часу начнется процессъ, что слѣдовало раньше объ этомъ справиться; что опрометчиво ѣхать такъ наугадъ, не зная, будетъ ли въ этомъ какая-нибудь польза. Потомъ онъ началъ соображать: обыкновенно засѣданія суда съ присяжными засѣдателями начинаются въ девять часовъ утра, и, навѣрное, разборъ этого дѣла не затянется долго; кража яблокъ не представляетъ сложнаго процесса, а потомъ останется только одинъ вопросъ — удостовѣреніе личности; четыре или пять свидѣтелей, короткая рѣчь адвоката, и, можетъ-быть, онъ пріѣдетъ тогда, когда все уже кончится!

Почтальонъ погналъ лошадей. Они переѣхали рѣку и оставили за собою Монъ-Сентъ-Элуа. А ночь становилась все темнѣе и темнѣе.

VI.

Сестра Симплиціи подвергается испытанію.

Тѣмъ временемъ Фантина въ эту самую минуту чувствовала себя очень счастливой. Передъ этимъ она провела ночь очень дурно—ее мучили сильныя приступы кашля, лихорадка усилилась, ей все представлялись видѣнія. Во время утренней визитаціи доктора она все еще бредила. Докторъ казался очень озабоченнымъ и сказалъ, чтобы его немедленно извѣстили, когда придетъ господинъ Мадленъ. Все утро она была грустна, мало говорила, складывала складки на своихъ простыняхъ, шептала какія-то вычисленія разстояній. Глаза ея ввалились и смотрѣли въ одну и ту же точку; они казались совсѣмъ потухшими, однако по временамъ они загорались и блестѣли какъ звѣзды. Можно было подумать, что съ приближеніемъ рокового часа небесный свѣтъ наполняетъ

взоръ тѣхъ, у которыхъ меркнетъ въ очахъ свѣтъ земной. Каждый разъ, когда сестра Симплиція спрашивала ее, какъ она себя чувствуетъ, она неизмѣнно отвѣчала:

— Хорошо. Мнѣ очень хочется видѣть господина Мадлена.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ тотъ моментъ, когда Фантина потеряла свой послѣдній стыдъ и свою послѣднюю радость, она стала тѣнью прежней Фантины. Теперь она была призракомъ, выходцемъ съ того свѣта. Физическая болѣзнь довершила работу нравственной муки. У этой двадцатипятилѣтней женщины весь лобъ былъ уже въ морщинахъ, щеки ввалились, носъ заострился, зубы расшатались, цвѣтъ лица былъ землистый, шея костлявая съ выступающими ключицами, руки и ноги исхудали и высохли, а пышные бѣлокурые волосы перемѣшивались съ сѣдиной. Увы, какъ часто болѣзнь преждевременно старитъ людей!

Въ полдень докторъ пришелъ еще разъ, далъ нѣсколько предписаній, спросилъ: не былъ ли въ больницѣ господинъ мэръ, и покачалъ головой.

Обыкновенно господинъ Мадленъ приходилъ въ три часа навѣщать больную. Такъ какъ точность составляетъ часть доброты, то онъ былъ очень точенъ. Около половины третьяго Фантина начала волноваться. Въ продолженіе двадцати минутъ она болѣе десяти разъ спросила монахиню:

— Сестра, который часъ?

— Пробило три часа.

При третьемъ ударѣ Фантина быстро приподнялась на постели,—а обыкновенно она едва могла пошевельнуться, — скрестила свои пожелтѣвшія, сухія руки въ судорожное объятіе, и монахиня услыхала, какъ изъ ея груди вырвался тяжелый вздохъ, выражающій сильное отчаяніе. Потомъ Фантина обернулась и посмотрѣла на дверь. Никто не входилъ, дверь не отворялась.

Въ такомъ положеніи она оставалась съ четверть часа, неподвижная, съ устремленнымъ на дверь взоромъ, и какъ бы задерживая дыханіе. Сестра не рѣшалась съ ней заговорить. На колокольнѣ пробило четверть четвертаго. Фантина откинулась на подушку. Она ничего не сказала и принялась снова складывать складки на простынѣ.

Прошло полчаса, потомъ часъ, никто не приходилъ. Каждый разъ, какъ раздавался бой часовъ, Фантина приподнималась и смотрѣла по направленію къ дверямъ, потомъ снова падала на подушки. Можно было ясно прочесть ея мысли, но больная не говорила ни слова, ни на что не жаловалась, никого не осуждала, и только кашель ея все усиливался. На нее какъ будто опускалось что-то ужасное. Она была смертельно блѣдна, губы посинѣли. Иногда она улыбалась. Пробило пять часовъ, и сестра услыхала, какъ больная произнесла медленно и тихо;

— Вѣдь я завтра ухожу, и онъ напрасно сегодня не пришелъ.

Сестра Симплиція и сама удивлялась, почему господинъ Мадленъ такъ запоздалъ. Между тѣмъ Фантина глядѣла вверхъ, на пологъ своей кровати; она какъ-будто старалась что-то припо-

мнить. Вдругъ она запѣла слабымъ голосомъ, похожимъ на дуновеніе. Монахиня прислушалась. Вотъ что пѣла Фантина:

Мнѣ приснилася Дѣва Марія вчера,
Она тихо со мною говорила:
«На молитвѣ стояла ты всѣ вечера,
«Нынче счастье тебя посѣтило.
«Подъ покровомъ Моимъ ты ребенка найдешь,
«Такъ скорѣй же ему ты одежды готовь.
«И не тщетно его ты такъ долго ужъ ждешь:
«Побѣдила святая любовь».
Я купила холста, шила день я и ночь,
Ярко въ сердцѣ любовь пламенѣла,
Я одна и мнѣ некому было помочь,
Но работа такъ быстро кипѣла...
Гдѣ жъ младенецъ? Увы! онъ ужъ мертвый лежитъ.
Голубые закрылися глазки.
Онъ безмолвіе полное, бѣдный, хранитъ
И не чувствуетъ матери ласки...
Такъ зачѣмъ же мнѣ холстъ? Шейте саванъ скорѣй
И меня въ немъ въ могилу заройте
Рядомъ съ милой уснувшей малюткой моей,
Похоронную пѣсню пропойте!..

Это была старинная колыбельная пѣсня, которой когда-то она убаюкивала свою маленькую Козетту, и она ни разу въ продолженіе пяти лѣтъ за время разлуки съ дочерью не вспоминала этой пѣсни. Она пѣла ее такимъ грустнымъ голосомъ и съ такой нѣжностью, что монахиня, слушая ее, едва удерживала слезы. Даже сестра, привыкшая ко всякимъ ужасамъ, почувствовала, что у нея подступаютъ слезы. Пробило пять часовъ. Фантина ничего не слыхала. Казалось, она больше не обращала вниманія на то, что дѣлалось вокругъ нея.

Сестра Симплицiя послала служанку узнать у фабричной привратницы, не вернулся ли господинъ мэръ и скоро ли онъ придетъ въ больницу.

Служанка вернулась черезъ нѣсколько минутъ, Фантина попрежнему оставалась неподвижной и, казалось, вся погрузилась въ свои мысли. Служанка шопотомъ разсказывала сестрѣ Симплиціи, что господинъ мэръ уѣхалъ сегодня утромъ до шести часовъ въ маленькомъ тильбюри, запряженнымъ бѣлою лошадью, уѣхалъ, несмотря на холодъ, одинъ, даже безъ кучера; никто не знаетъ, куда онъ поѣхалъ; нѣкоторые говорятъ, что видѣли, какъ онъ повернулъ по дорогѣ въ Аррасъ, другіе же увѣряютъ, что встрѣтили его по дорогѣ въ Парижъ. Уѣзжая, онъ только сказалъ служанкѣ, чтобы его не ждали нынѣшнюю ночь.

Двѣ женщины, повернувшись спиной къ Фантининой кровати, шептались между собой, при чемъ сестра разспрашивала, а служанка передавала свои предположенія. Въ это время Фантина, съ поразительной быстротой, нерѣдко проявляемой умирающими въ чахоткѣ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ, вдругъ встала на колѣни на своей кровати и, облокотившись на спинку, судорожно сжала кулаки. Просунувъ голову въ отверстіе полога, она стала прислушиваться. Вдругъ она закричала:

— Что вы говорите тамъ о господинѣ Мадленѣ! Зачѣмъ вы шепчетесь? Что съ нимъ? Отчего онъ не идетъ сюда?

Голосъ ея былъ такой грубый и хриплый, что женщинамъ показалось, что онѣ слышатъ мужской голосъ; онѣ въ испугѣ обернулись.

— Отвѣчайте же!—кричала Фантина.

— Привратница мнѣ сказала, что онъ не можетъ прійти сегодня сюда,—пробормотала служанка.

— Дитя мое,—сказала сестра,—успокойтесь, лягте.

Фантина, не мѣняя своего положенія, закричала громкимъ повелительнымъ голосомъ, въ которомъ, однако, слышалось скрытое отчаяніе:

— Онъ не можетъ прійти? Почему? Вы знаете причину! Вы только что шептались между собою объ этомъ! Я хочу все знать!

Служанка поспѣшила шепнуть на ухо монахинѣ:

— Скажите, что онъ занятъ въ городскомъ совѣтѣ.

Сестра Симплиція слегка покраснѣла; служанка совѣтовала ей сказать ложь. Съ другой стороны, ей казалось, что правда могла нанести больной сильный ударъ, а это было опасно въ томъ положеніи, въ которомъ находилась Фантина. Краска быстро сбѣжала съ ея лица; сестра посмотрѣла на Фантину спокойнымъ и грустнымъ взглядомъ и сказала:

— Господинъ мэръ уѣхалъ.

Фантина выпрямилась и присѣла на корточки. Глаза ея заблестѣли. Невыразимая радость озарила ея страдальческое лицо.

— Уѣхалъ!—вскрикнула она.—Онъ уѣхалъ за Козеттой!

Потомъ она протянула руки кверху, и все лицо ея преобразилось. Губы ея шевелились; она тихо молилась. Окончивъ свою молитву, она сказала:

— Сестра, я хочу опять лечь, я буду дѣлать все, что мнѣ прикажутъ: сейчасъ я была зла, простите меня, что я такъ громко говорила; громко говорить нехорошо, я это знаю, милая сестра, но видите ли, я очень рада. Богъ милосердъ, а господинъ Мадленъ такъ добръ; представьте себѣ, онъ поѣхалъ въ Монфермейль, чтобъ привезти мнѣ мою маленькую Козетту!

Она улеглась, помогла сестрѣ привести въ порядокъ подушки и поцѣловала маленькій серебряный крестикъ, висѣвшій у нея на шеѣ и подаренный ей сестрой Симплиціей.

— Теперь постарайтесь успокоиться, дитя мое, и не говорите больше,—сказала сестра.

Фантина взяла руку сестры своими влажными руками; эта влажность очень безпокоила Симплицію.

— Онъ уѣхалъ сегодня утромъ въ Парижъ. Въ сущности ему не зачѣмъ проѣзжать черезъ Парижъ. Монфермейль немного лѣвѣе, не доѣзжая города. Помните, что онъ сказалъ мнѣ вчера, когда я говорила съ нимъ о Козеттѣ: *скоро! скоро!* Онъ хочетъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ. Знаете, онъ далъ мнѣ подписать письмо, чтобы взять мою дочь отъ Тенардье. Не правда ли, вѣдь они ничего не могутъ возразить? Они отдадутъ Козетту. Вѣдь имъ за все заплачено. Начальство не позволитъ задерживать ребенка,

когда за него все уплачено. Не дѣлайте мнѣ знаковъ, сестрица, что я не должна говорить. Я безпредѣльно счастлива, я чувствую себя очень хорошо, я совершенно здорова, я опять увижу Козетту, мнѣ даже ѣсть вдругъ захотѣлось. Скоро пять лѣтъ, какъ я не видала ея. Вы даже себѣ представить не можете, какъ намъ всѣмъ дороги эти малютки! Вы увидите, какая она у меня миленькая! Если бъ вы знали, какія у нея хорошенькіе розовенькіе пальчики!—У нея будетъ очень красивая рука. Когда ей былъ годъ, у нея были такія уморительныя ручки.—Она теперь должна быть большая. Ей скоро минетъ семь лѣтъ. Совсѣмъ уже взрослая. Я ее зову Козеттой, а на самомъ дѣлѣ ее зовутъ Эфразія. Сегодня я смотрѣла на пыль, которая была на каминѣ, и думала о томъ, что скоро увижу Козетту. Боже мой, какое страшное преступленіе не видѣть своихъ дѣтей по цѣлымъ годамъ! Надо только подумать, что жизнь вѣдь не вѣчная. Какой добрый господинъ мэръ, что самъ поѣхалъ привезти ко мнѣ ребенка! Правда ли, что теперь такъ холодно? Взялъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, съ собой плащъ? Вѣдь онъ вернется завтра, не правда ли? Завтра будетъ праздникъ. Завтра утромъ, сестрица, напомните мнѣ надѣть мой чепчикъ, обшитый кружевами. Монфермейль,—это цѣлый округъ. Я когда-то прошла туда пѣшкомъ. Мнѣ показалось, что это очень далеко. Но дилижансы ходятъ очень быстро. Онъ завтра будетъ здѣсь съ Козеттой. Сколько отсюда до Монфермейля?

Сестра, которая не имѣла никакого понятія о разстояніи, отвѣчала:

— О, я вполнѣ увѣрена, что онъ завтра вернется.

— Завтра! завтра!—сказала Фантина.—Я увижу Козетту завтра! Вотъ видите, добрая сестрица, я больше не больна. Я съ ума схожу отъ радости. Я бы стала танцовать, если бъ мнѣ только позволили.

Кто видѣлъ ее четверть часа тому назадъ, ничего бы не могъ понять; теперь Фантина была вся розовая, говорила веселымъ и естественнымъ голосомъ, все лицо ея сіяло улыбкой. Иногда она смѣялась и что-то тихо шептала. Материнская радость, это—почти что дѣтская радость.

— Ну, вы теперь счастливы,—замѣтила монахиня,—такъ будьте же послушны, не говорите больше.

Фантина опустила голову на подушку и сказала вполголоса:

— Да, ложись, будь умницей, тебѣ скоро возвратятъ твоего ребенка. Сестра Симплиція права. Всѣ правы, кто здѣсь находится.

И, не двигаясь, не поворачивая даже головы, она начала оглядывать всю комнату широко раскрытыми глазами, съ веселымъ видомъ, и больше не сказала ни слова. Сестра задернула пологъ, надѣясь, что она задремлетъ.

Между семью и восемью часами пришелъ докторъ. Не слыша ни малѣйшаго звука и думая, что Фантина спитъ, онъ осторожно на цыпочкахъ подошелъ къ ея кровати, отдернулъ занавѣску и при свѣтѣ ночника увидѣлъ устремленные на него большіе глаза Фантины.

— Не правда ли, сударь,—сказала она,—вы позволите положить ее рядомъ со мною въ маленькой кроваткѣ?

Докторъ думалъ, что она бредитъ. Но она продолжала:

— Посмотрите, здѣсь какъ разъ есть мѣсто для кроватки.

Докторъ отозвалъ въ сторону сестру Симплицію, и та объяснила ему, въ чемъ дѣло: господинъ Мадленъ уѣхалъ на день или на два, она не рѣшилась разубѣждать больную, которая увѣрена, что господинъ мэръ уѣхалъ въ Монфермейль; очень можетъ быть, впрочемъ, что она и вѣрно угадала. Докторъ вполнѣ одобрилъ сестру; онъ подошелъ къ кровати Фантины, и та сказала ему:

— Вотъ, видите ли, утромъ, когда она проснется, я сейчасъ же съ ней поздороваюсь, съ моей бѣдной крошечкой, а по ночамъ я вѣдь не сплю, я буду прислушиваться, какъ она спитъ. Ея дыханіе такое тихое и нѣжное, оно будетъ для меня истиннымъ наслажденіемъ.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказалъ докторъ.

Она протянула руку и воскликнула смѣясь:

— Ахъ, да! Вѣдь вы еще, правда, не знаете, что я выздоровѣла... Завтра пріѣдетъ Козетта.

Докторъ былъ пораженъ. Ей было гораздо лучше. Одышка уменьшилась. Пульсъ сталъ полнѣе. Приливъ жизненной энергіи оживилъ это несчастное, истощенное существо.

— Господинъ докторъ,—продолжала она,—сказала ли вамъ сестрица, что господинъ мэръ поѣхалъ за моей дорогой крошкой?

Докторъ приказалъ ей молчать и какъ можно меньше волноваться. Онъ прописалъ ей хинную микстуру и, на случай, если лихорадка возобновится ночью, успокоительныхъ капель. Уходя, онъ сказалъ сестрѣ:

— Ей гораздо лучше. Если, по счастію, господинъ мэръ въ самомъ дѣлѣ привезетъ ей завтра ребенка, кто знаетъ? Бываютъ такіе удивительные кризисы! Случается, что сильная радость останавливаетъ разрушительный процессъ; правда, у нея болѣзнь органическая и сильно развившаяся, но въ жизни бываетъ столько таинственнаго и непонятнаго... Можетъ-быть, мы ее еще и спасемъ.

VII.

Пріѣзжій путешественникъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы уѣхать обратно.

Было около восьми часовъ, когда кабріолетъ, оставленный нами по дорогѣ, въѣхалъ подъ ворота почтовой станціи въ Аррасѣ. Человѣкъ, за которымъ мы до сихъ поръ слѣдили, сошелъ съ кабріолета, разсѣянно отвѣтилъ на услужливые разспросы трактирной прислуги, отпустилъ взятую имъ добавочную лошадь и самъ отвелъ маленькую бѣлую лошадку въ конюшню; потомъ вошелъ въ бильярдную, находившуюся въ нижнемъ этажѣ, сѣлъ за столъ и облокотился на него. Онъ проѣхалъ все это разстояніе въ продолженіе четырнадцати часовъ, а разсчитывалъ совершить его въ шесть. Въ сущности онъ и не сердился на это, сознавая, что это не его вина.

Вышла хозяйка гостиницы.

— Вы ночуете, сударь? Желаете покушать?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Конюхъ говоритъ, что ваша лошадь, сударь, очень устала.

Онъ, наконецъ, нарушилъ молчаніе.

— Развѣ лошадь не можетъ ѣхать завтра обратно?

— О, что вы, сударь! Ей, по крайней мѣрѣ, нужно отдохнуть дня два.

— Не здѣсь ли помѣщается почтовая контора? — спросилъ онъ.

— Да, сударь.

Хозяйка повела его въ контору; онъ предъявилъ свой паспортъ и спросилъ, нельзя ли ему вернуться въ ту же ночь въ Монтрейль, въ почтовой каретѣ. Какъ разъ мѣсто около кучера оказалось не занято; онъ оставилъ его за собой и заплатилъ, что слѣдовало.

— Сударь, — сказалъ конторщикъ, — только вы не опаздывайте, почтовая карета отъѣзжаетъ отсюда ровно въ часъ ночи.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ вышелъ изъ конторы и пошелъ бродить по городу. Онъ совсѣмъ не зналъ Арраса. Улицы были не освѣщены, и онъ шелъ наобумъ. Однако онъ, повидимому, упорно избѣгалъ спрашивать дорогу у прохожихъ. Перейдя черезъ маленькую рѣчонку Креншонъ, онъ очутился въ лабиринтѣ узкихъ улицъ и заблудился. Навстрѣчу ему шелъ какой-то буржуа съ большимъ фонаремъ въ рукахъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, предварительно оглянувшись по сторонамъ, точно боясь, чтобъ кто-нибудь не подслушалъ его, онъ, наконецъ, рѣшился обратиться къ буржуа.

— Сударь, скажите, пожалуйста, гдѣ находится зданіе суда?

— Вы, должно-быть, не изъ здѣшнихъ, сударь, — отвѣтилъ ему буржуа — почтенный старикъ, — ну, хорошо, идите за мною. Я какъ разъ иду въ ту сторону, т.-е. къ префектурѣ. Теперь зданіе суда перестраивается и судебныя засѣданія происходятъ въ префектурѣ.

— Вѣроятно, тамъ засѣдаетъ и судъ присяжныхъ?

— Безъ сомнѣнія, сударь. Видите ли, въ нашей префектурѣ до революціи жили епископы. Господинъ Конзе, который былъ епископомъ, въ 82 году велѣлъ выстроить тамъ большую залу. Въ этой-то залѣ и засѣдаетъ судъ.

Дорогой буржуа сказалъ ему:

— Если вы только желаете присутствовать на процессѣ, то вы опоздали. Обыкновенно засѣданія кончаются въ шесть часовъ.

Между тѣмъ они вышли на большую площадь, буржуа указалъ ему на четыре ярко освѣщенныхъ окна въ фасадѣ громаднаго мрачнаго зданія.

— На ваше счастье, вы, кажется, не опоздали и придете какъ разъ во-время. Видите эти четыре окна? Это — зала засѣданія. Тамъ сейчасъ свѣтъ. Должно-быть, еще не кончилось. Видно дѣло затянулось, и назначили вечернее засѣданіе. А васъ оно очень инте-

ресуетъ? Это, должно-быть, уголовный процессъ? А можетъ-быть, васъ вызвали свидѣтелемъ?

— Я пріѣхалъ не ради этого дѣла, — отвѣчалъ онъ, — мнѣ нужно переговорить здѣсь съ однимъ адвокатомъ.

— А, это другое дѣло, — отвѣчалъ буржуа. — Вотъ, сударь, пройдите въ эту дверь, гдѣ стоитъ часовой, и вамъ придется только подняться по большой лѣстницѣ.

Мадленъ послѣдовалъ указаніямъ буржуа, и нѣсколько минутъ спустя былъ уже въ залѣ, гдѣ было много народу и гдѣ тамъ и сямъ стояли группы адвокатовъ въ мантіяхъ и шептались между собой.

Невольно сердце всегда сжимается при видѣ этихъ людей, одѣтыхъ во все черное и шепчущихся у входа въ залъ суда. Очень рѣдко въ ихъ рѣчахъ слышится жалость или снисхожденіе. Чаще всего это приговоры, составленные уже заранѣе. Всѣ эти группы кажутся постороннему наблюдателю мрачными ульями, въ которыхъ жужжатъ зловѣщія слова и устраиваются сообща разныя темныя дѣла.

Эта просторная зала, освѣщенная только одной лампой, была раньше залой архіерейскаго дома, а теперь служила пріемной. Двустворчатая дверь, запертая въ данный моментъ, отдѣляла ее отъ большой комнаты, гдѣ засѣдалъ ассизный судъ. Въ пріемной было такъ темно, что Мадленъ не побоялся спросить у перваго встрѣчнаго адвоката:

— Въ какомъ положеніи находится дѣло?

— Дѣло кончено, — отвѣтилъ адвокатъ.

— Кончено?

Это слово было произнесено съ такимъ выраженіемъ, что адвокатъ съ живостью обернулся.

— Извините, сударь, вы, можетъ-быть, родственникъ?

— Нѣтъ. Я даже здѣсь никого не знаю. Приговоръ уже объявленъ?

— Безъ сомнѣнія. Какъ же иначе?

— Въ каторжныя работы?..

— Безсрочно.

Мадленъ продолжалъ такимъ слабымъ голосомъ, что его едва можно было разслышать.

— Значитъ тождество личности было доказано?

— Какое тождество? — отвѣчалъ адвокатъ. — Тутъ нечего было и доказывать. Дѣло простое. Эта женщина убила своего ребенка, дѣтоубійство было доказано, судьи признали преднамѣренность преступленія, и ее приговорили къ пожизненной каторгѣ.

— Развѣ это женщина?

— Конечно, безъ сомнѣнія, дѣвица Лимозенъ. О чемъ вы меня, однако, спрашиваете?

— Ни о чемъ. Но разъ все кончено, почему же зала освѣщена до сихъ поръ?

— Теперь слушается другое дѣло, оно началось часа два тому назадъ.

— Какое другое дѣло?

— О, оно также просто и ясно, какъ первое. Какой-то негодяй, рецидивистъ, каторжникъ, совершилъ кражу. Я не знаю въ точности его фамилію. Вотъ, доложу я вамъ, такъ физіономія. Достаточно на него взглянуть, чтобы осудить его на каторгу.

— Сударь,—сказалъ Мадленъ,—можно ли мнѣ попасть въ залу?

— Не думаю. Народу очень много. Впрочемъ, теперь перерывъ, можетъ-быть, нѣкоторые и уйдутъ, тогда вамъ можно будетъ попробовать.

— Гдѣ входъ?

— Черезъ эти большія двери.

Адвокатъ ушелъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Мадленъ почти одновременно пережилъ всевозможныя душевныя ощущенія. Слова этого равнодушнаго человѣка поперемѣнно пронзали его сердце то ледяными иглами, то раскаленнымъ желѣзомъ. Когда онъ узналъ, что ничего еще не кончено, онъ вздохнулъ, но онъ самъ бы не могъ сказать, былъ ли то вздохъ облегченія или страданія. Онъ подходилъ ко многимъ группамъ и прислушивался къ ихъ разговорамъ. Такъ какъ эта сессія была перегружена дѣлами, то предсѣдатель и назначилъ на одинъ этотъ день два несложныхъ и короткихъ дѣла. Начали съ дѣтоубійства, и теперь судили каторжника рецидивиста за повторную кражу. Этотъ человѣкъ укралъ яблоки, но это еще было не вполнѣ доказано. Доказано было только то, что онъ раньше уже побывалъ на каторгѣ въ Тулонѣ. Это-то и испортило ему все дѣло. Впрочемъ, преступникъ уже допрошенъ, свидѣтели также; осталось только прослушать защитительную рѣчь адвоката и обвинительную прокурора; дѣло ни за что не кончится раньше полуночи. Человѣка этого, навѣрное «закатаютъ»; прокуроръ — человѣкъ очень способный и *не упуститъ изъ своихъ рукъ* обвиняемаго; это человѣкъ съ умомъ, даже пишетъ стихи.

У дверей, ведущихъ въ залу засѣданія, стоялъ судебный приставъ.

Мадленъ спросилъ его:

— Сударь, скоро ли отворятъ двери?

— Ихъ не отворятъ,—отвѣчалъ приставъ.

— Какъ, не отворятъ послѣ перерыва? Развѣ теперь не перерывъ?

— Засѣданіе только что началось, но дверей не отворятъ.

— Почему?

— Потому что зала переполнена.

— Какъ? Неужели нѣтъ ни одного мѣста?

— Ни одного. Двери заперты. Больше никого не впустятъ. Послѣ минутнаго молчанія приставъ прибавилъ:—Есть, впрочемъ, два-три мѣста за кресломъ предсѣдателя, но господинъ предсѣдатель не допускаетъ на нихъ никого, кромѣ должностныхъ лицъ.

Съ этими словами приставъ повернулся къ нему спиной.

Мадленъ отошелъ съ поникшей головою, вышелъ въ переднюю и началъ медленно спускаться по лѣстницѣ, какъ бы раздумывая

на каждой ступенькѣ. Очевидно, онъ совѣтовался съ самимъ собою. Ужасная борьба, начавшаяся съ самаго утра, все еще не кончилась; каждую минуту она подвергалась новой внезапной перемѣнѣ. Дойдя до площадки лѣстницы, онъ оперся на перила и скрестилъ руки, потомъ вдругъ разстегнулъ свой сюртукъ, вынулъ бумажникъ, вырвалъ листокъ и быстро написалъ карандашомъ на этомъ листкѣ при свѣтѣ фонаря одну строчку: «Г. Мадленъ, мэръ города Монтрейля». Потомъ быстро взошелъ по лѣстницѣ, раздвинулъ толпу, подошелъ прямо къ приставу, подалъ ему записку и сказалъ съ авторитетомъ:

— Снесите это господину предсѣдателю!

Приставъ взялъ записку, мелькомъ взглянулъ на нее и повиновался.

VIII.

Входъ по особой протекціи.

Самъ того не подозрѣвая, мэръ города Монтрейля былъ своего рода знаменитостью. Уже въ продолженіе семи лѣтъ слава объ его добродѣтеляхъ распространилась по всему Нижнему Булонэ, перешла за границу этого округа и прогремѣла въ двухъ-трехъ сосѣднихъ департаментахъ. Помимо важной услуги, оказанной имъ главному городу, гдѣ онъ устроилъ производство чернаго стекляруса, не было ни одной общины изъ числа ста сорока одной въ округѣ Монтрейля, которая не была бы обязана ему какимъ-нибудь благодѣяніемъ. Онъ даже помогалъ и поощрялъ производство въ другихъ округахъ. Такъ, при случаѣ, онъ поддержалъ своимъ кредитомъ и своими средствами тюлевую фабрику въ Булони, механическую пряжу льна въ Фревенѣ и гидравлическую полотняную мануфактуру въ Буберсѣ-на-Каншѣ. Всюду имя господина Мадлена произносилось съ величайшимъ благоговѣніемъ. Аррасъ и Дуэ завидовали маленькому городку Монтрейлю, что у него такой мэръ.

Членъ королевскаго суда въ Дуэ, который предсѣдательствовалъ въ этой сессіи ассизнаго суда, зналъ, какъ и всѣ прочіе, это глубоко всѣми уважаемое имя. Осторожно отворивъ дверь, ведшую изъ совѣщательной комнаты въ залу засѣданія, приставъ нагнулся къ предсѣдателю и передалъ ему листокъ съ единственной написанной строчкой, прибавивъ при этомъ: *Этотъ господинъ желаетъ присутствовать на засѣданіи.* Предсѣдатель сдѣлалъ быстрое движеніе, схватилъ перо, написалъ внизу нѣсколько словъ на той же бумагѣ и передалъ ее слѣдователю со словами: «Просите войти».

Несчастный человѣкъ, исторію котораго мы разсказываемъ, стоялъ у дверей залы на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ, какъ оставилъ его приставъ. Какъ сквозь сонъ онъ услыхалъ, будто кто-то сказалъ ему: «Милостивый государь, не угодно ли вамъ слѣдовать за мною?» Это былъ тотъ же самый приставъ, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ повернулся къ нему спиной, а теперь кланялся ему чуть не до земли; въ то же время приставъ

передалъ ему записку. Развернувъ ее и вспомнивъ, что онъ стоитъ около лампы, Мадленъ прочелъ: «Предсѣдатель суда свидѣтельствуетъ свое почтеніе господину Мадлену». Онъ скомкалъ бумажку въ рукахъ, точно эти нѣсколько словъ заключали въ себѣ какую-то обидную и горькую иронію.

Мадленъ пошелъ за приставомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился одинъ въ какомъ-то кабинетѣ, со стѣнными украшеніями довольно суроваго типа; кабинетъ былъ освѣщенъ двумя свѣчами, стоявшими на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ. Въ ушахъ его все еще раздавались послѣднія слова, сказанныя приставомъ передъ своимъ уходомъ: «Милостивый государь, вы находитесь теперь въ совѣщательной комнатѣ, вамъ стоитъ только повернуть мѣдную ручку этой двери, и вы окажетесь въ залѣ засѣданія позади предсѣдательскаго кресла». Слова эти какъ-то странно путались у него въ головѣ съ воспоминаніемъ объ узкихъ коридорахъ и темныхъ лѣстницахъ, по которымъ онъ только что проходилъ.

Приставъ оставилъ его одного. Наступилъ рѣшительный моментъ. Онъ старался сосредоточиться, но это ему никакъ не удавалось. Всегда случается, что въ самыя мучительныя минуты жизни, когда всего нужнѣе владѣть собою вполнѣ, всѣ наши мысли вдругъ обрываются въ нашемъ мозгу. Онъ находился въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ судьи совѣщаются и постановляютъ приговоры. Съ какимъ-то тупымъ спокойствіемъ онъ оглядывалъ эту тихую и грозную комнату, гдѣ было такъ много разбито человѣческихъ жизней, гдѣ сейчасъ прозвучитъ его имя и гдѣ рѣшится его судьба. Онъ оглядывалъ стѣны, потомъ оглянулся на самого себя, удивляясь, что находится въ этой комнатѣ.

Онъ ничего не ѣлъ болѣе сутокъ, былъ совсѣмъ разбитъ отъ дорожной тряски въ таратайкѣ, но онъ ничего этого не чувствовалъ; ему казалось даже, что онъ совсѣмъ ничего не чувствуетъ.

Онъ подошелъ къ черной рамкѣ, висѣвшей на стѣнѣ и содержавшей подъ стекломъ старый автографъ Жана-Никола-Паша, парижскаго мэра, помѣченный, вѣроятно, по ошибкѣ 9 іюня 11 года; въ этомъ письмѣ Пашъ сообщалъ мѣстной общинѣ списокъ арестованныхъ министровъ и депутатовъ. Если бы кто-нибудь могъ наблюдать за Мадленомъ въ это время, то подумалъ бы, безъ сомнѣнія, что это письмо его очень интересуетъ, потому что онъ не отрывалъ отъ него глазъ и перечитывалъ два-три раза подъ рядъ. Онъ читалъ разсѣянно, не понимая ни одного слова, и думалъ въ это время о Фантинѣ и о Козеттѣ. Совершенно погруженный въ свои думы, онъ машинально обернулся, и взглядъ его упалъ на мѣдную ручку двери, отдѣлявшую его отъ залы суда присяжныхъ. Онъ почти забылъ объ этой двери. Взглядъ его, сначала спокойный, впился въ эту ручку, выразилъ сперва испугъ, потомъ ужасъ и отчаяніе. Капли пота выступили у него на лбу и потекли по вискамъ.

Была минута, когда онъ сдѣлалъ рѣшительный жестъ, выражавшій протестъ и непокорность, который означалъ, какъ будто

онъ говорилъ самъ себѣ: *Тьфу пропасть, кто же меня можетъ заставить*! Потомъ онъ быстро обернулся, увидалъ дверь, черезъ которую онъ вошелъ въ эту комнату, подошелъ къ ней, отворилъ ее и вышелъ. Онъ больше не былъ въ этой комнатѣ, онъ былъ внѣ ея, въ коридорѣ, въ длинномъ, узкомъ коридорѣ, перерѣзанномъ ступенями и форточками, который шелъ углами, освѣщенный фонарями съ рефлекторами, похожими на больничные ночники; по этому самому коридору онъ пришелъ. Онъ вздрогнулъ, прислушался—кругомъ ни малѣйшаго звука; тогда онъ бросился бѣжать, точно за нимъ гнались. Пробѣжавъ нѣсколько поворотовъ въ коридорѣ, онъ еще разъ прислушался. Все та же тишина, все тотъ же мракъ царили кругомъ. Онъ задыхался, едва держался на ногахъ и прислонился къ стѣнѣ. Каменная стѣна была холодна, ледяной потъ выступилъ у него на лбу, онъ выпрямился и почувствовалъ страшный ознобъ. И вотъ, тамъ, одинокій, стоя въ этомъ мракѣ, дрожа отъ холода, а быть-можетъ, и отъ другихъ ощущеній, онъ принялся размышлять. Онъ размышлялъ уже цѣлую ночь, онъ размышлялъ цѣлый день; теперь онъ слышалъ одинъ только внутренній голосъ, говорившій ему «увы!»

Такъ прошло съ четверть часа. Наконецъ онъ поникъ головою, вздохнулъ съ глубокимъ отчаяніемъ, опустилъ руки и пошелъ обратно. Онъ шелъ медленно, удрученный, точно подавленный тяжестью. Казалось, точно кто-то поймалъ его въ бѣгствѣ и теперь ведетъ его обратно.

Онъ снова вернулся въ совѣщательную комнату. Первое, что ему бросилось въ глаза, была дверная ручка. Эта круглая, полированная мѣдная ручка блестѣла передъ нимъ, какъ страшная звѣзда. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ овца смотритъ въ глаза тигра, и не могъ оторвать отъ нея своего взгляда.

Время отъ времени онъ дѣлалъ шагъ впередъ по направленію къ двери.

Если бы онъ прислушался, то услыхалъ бы доносившійся смутный гулъ изъ сосѣдней залы; но онъ не слушалъ и ничего не слыхалъ. Вдругъ онъ, самъ не зная какъ, безсознательно очутился передъ дверью. Онъ судорожно схватился за ручку—дверь отворилась. Онъ очутился въ залѣ засѣданія.

IX.

Мѣсто, гдѣ слагаются тѣ или другія убѣжденія.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, машинально затворилъ за собою дверь и остановился, разсматривая то, что предстало передъ его глазами.

Передъ нимъ было обширное тускло освѣщенное помѣщеніе, въ которомъ то слышался гулъ, то воцарялась полнѣйшая тишина и гдѣ шелъ уголовный процессъ, развертываясь среди толпы во всѣхъ своихъ мрачныхъ подробностяхъ. Въ одномъ концѣ залы, въ томъ самомъ, гдѣ находился Мадленъ, сидѣли судьи въ поношенныхъ мантіяхъ; у всѣхъ у нихъ былъ разсѣянный, скучающій видъ; одни грызли себѣ ногти. другіе жмурили глаза. На другомъ концѣ—обо-

рванная толпа; адвокаты въ разнообразныхъ позахъ, солдаты съ честными и суровыми лицами. Старыя запятнанныя панели, грязный потолокъ, столы, покрытые выцвѣтшей саржей, которая изъ зеленой сдѣлалась желтой; двери, захватанныя руками. На гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣны, висѣли кенкеты, въ родѣ тѣхъ, которые бываютъ въ кофейняхъ. Эти кенкеты давали больше копоти, чѣмъ свѣта. На столахъ стояли зажженныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. Все было такъ тускло, некрасиво, уныло; и отъ всего вѣяло чѣмъ-то торжественнымъ и величественнымъ, потому что чувствовалась великая человѣческая сила, называемая закономъ, и великая божественная сила, называемая правосудіемъ. Никто въ этой толпѣ не обратилъ вниманія на вошедшаго. Взоры всѣхъ были устремлены на одну точку: на деревянную скамейку, прислоненную къ небольшой двери вдоль стѣны по лѣвую сторону отъ предсѣдателя. На этой скамейкѣ, освѣщенной нѣсколькими свѣчами, сидѣлъ человѣкъ между двумя жандармами.

Человѣкъ этотъ былъ «онъ».

Мадленъ не искалъ его, но увидалъ сразу. Его глаза направились на него естественно, какъ будто онъ заранѣе зналъ, гдѣ найти этого человѣка.

Онъ словно видѣлъ самого себя старикомъ. Конечно, лицо было не совсѣмъ такое, но общій видъ, осанка, растрепанные волосы—все такое же. Тѣ же дикіе и безпокойные глаза, та же блуза, какая была на немъ, когда онъ пришелъ въ Динь, полный ненависти и съ запасомъ самыхъ гнусныхъ мыслей въ душѣ, накопленныхъ за девятнадцать лѣтъ катороги. Мадленъ сказалъ себѣ дрожа отъ ужаса: «Боже мой! Неужели я стану опять такимъ?» На видъ казалось этому человѣку по меньшей мѣрѣ лѣтъ шестьдесятъ. Въ немъ было что-то тупое, грубое и забитое.

Скрипъ отворившейся двери заставилъ стоявшихъ вблизи людей посторониться, чтобы дать мѣсто входившему; предсѣдатель обернулся, и, догадавшись, что вошедшій человѣкъ не кто иной, какъ господинъ мэръ города Монтрейля, поклонился ему. Прокуроръ, не разъ встрѣчавшій господина Мадлена въ Монтрейлѣ, куда ему приходилось ѣздить по дѣламъ службы, узналъ его и тоже поклонился. Онъ же едва все это замѣтилъ; онъ былъ подъ вліяніемъ какой-то галлюцинаціи и все не сводилъ глазъ съ одной точки. Судьи, секретарь, жандармы, толпа безчеловѣчно-любопытныхъ головъ, все это онъ уже видѣлъ однажды, двадцать семь лѣтъ тому назадъ. Эти роковые предметы снова явились передъ нимъ; они были тутъ, они двигались, существовали. Это было уже не страшное воспоминаніе, не миражъ его мысли—это были настоящіе жандармы, настоящіе судьи, настоящая толпа и настоящіе люди изъ плоти и крови. Свершилось! Передъ нимъ воскресли съ ужасающей реальностью чудовищные призраки его прошлаго. Вся эта бездна зіяла передъ нимъ. Онъ ужаснулся, закрылъ глаза и въ глубинѣ души воскликнулъ: «Никогда!»

И въ силу трагическаго стеченія обстоятельствъ, заставлявшаго его мысли путаться и едва не сводившаго его съ ума, передъ нимъ

явился человѣкъ, который казался какъ бы его вторымъ я! Этого человѣка, котораго судили, всѣ называли Жаномъ Вальжаномъ!

Передъ его глазами было грозное видѣніе, разыгрывался самый ужасный трагическій моментъ въ его жизни, при чемъ его роль исполнялась его же собственнымъ призракомъ. Все было какъ прежде; та же обстановка, тотъ же вечерній часъ, почти тѣ же лица судей, солдатъ и зрителей. Только надъ головой предсѣдателя теперь висѣло Распятіе, чего не было въ то время, когда онъ былъ осужденъ. Когда его судили, Богъ отсутствовалъ.

Сзади него стоялъ стулъ; онъ опустился на него, дрожа при одной мысли, что его могутъ увидать. Сѣсть онъ постарался такъ, чтобы лежавшія на судейскомъ столѣ папки съ дѣлами закрыли его лицо отъ публики. Теперь онъ могъ видѣть все, а самъ не былъ виденъ никому. Мало-по-малу онъ пришелъ въ себя и началъ понимать дѣйствительность; онъ настолько успокоился, что могъ слушать. Въ числѣ присяжныхъ засѣдателей былъ г. Баматабуа. Мэръ поискалъ глазами Жавера, но не нашелъ. Скамья, на которой сидѣли свидѣтели, была скрыта отъ него за столомъ регистратора. Кромѣ того, какъ мы уже раньше упомянули, зала была плохо освѣщена.

Въ ту минуту, какъ онъ вошелъ, защитникъ подсудимаго кончалъ свою рѣчь. Общее вниманіе было напряжено въ высшей степени, дѣло разбиралось уже три часа. Въ продолженіе трехъ часовъ толпа видѣла, какъ мало-по-малу погибалъ человѣкъ подъ бременемъ страшной вѣроятности; то было неизвѣстное, жалкое существо, или совсѣмъ тупоумное, или страшно хитрое. Этотъ человѣкъ, какъ извѣстно, былъ бродягой, котораго задержали въ полѣ, когда онъ уносилъ вѣтку со спѣлыми яблоками, сломанную въ сосѣднемъ саду у Пьеррона. Кто былъ этотъ человѣкъ? Произведено было слѣдствіе, вызваны свидѣтели, показанія ихъ были единогласны, пренія пролили свѣтъ на дѣло. Въ обвиненіи говорилось: «Передъ нами не только простой воръ яблокъ или простой мародеръ; передъ нами, въ нашихъ рукахъ разбойникъ, бывшій каторожникъ, опасный злоумышленникъ, злодѣй, по имени Жанъ Вальжанъ, котораго правосудіе давно разыскиваетъ и который восемь лѣтъ тому назадъ, вернувшись съ Тулонскихъ галеръ, совершилъ вооруженное нападеніе на большой дорогѣ на маленькаго савояра по имени Жервэ, преступленіе, предусмотрѣнное въ статьѣ 383 уголовнаго кодекса, за которое мы будемъ судить его, какъ только будетъ законнымъ путемъ установлена его личность. Онъ совершилъ еще новую кражу. Это рецидивъ. Осудите его за это новое дѣяніе, потомъ его будутъ уже судить за прежнее преступленіе». Подсудимый казался удивленнымъ всѣми этими обвиненіями и единогласными свидѣтельскими показаніями. Онъ дѣлалъ отрицательные жесты или разсматривалъ потолокъ. Говорилъ онъ съ трудомъ, отвѣчалъ съ недоумѣніемъ, но съ головы до ногъ вся фигура его выражала отрицаніе. Онъ былъ идіотомъ въ сравненіи съ тѣми интеллигентными людьми, которые ополчились противъ него, и казался чужимъ среди этого общества, собирав-

шагося его уничтожить. Между тѣмъ его ожидало страшное будущее; его тождество съ Жаномъ Вальжаномъ съ каждой минутой устанавливалось все тверже и тверже, и вся толпа, съ еще даже бо̀льшимъ волненіемъ, чѣмъ онъ самъ, слѣдила за всѣми перипетіями ужасной драмы. Можно было ожидать смертнаго приговора и даже предвидѣть не только каторогу, но и смертную казнь, разъ его личность будетъ формально удостовѣрена и если дѣло объ ограбленіи мальчика Жервэ окончится обвинительнымъ приговоромъ. Что это за человѣкъ? Почему онъ такъ апатиченъ? Онъ плутъ или дуракъ? Понимаетъ ли онъ все, или не понимаетъ ровно ничего? Эти вопросы волновали толпу и затрудняли судей. Въ этомъ процессѣ было что-то ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочное; драма была не только мрачна, но и таинственна.

Защитникъ произнесъ довольно хорошую рѣчь тѣмъ особеннымъ языкомъ, который долго составлялъ въ тѣ времена судейское краснорѣчіе, которымъ одинаково злоупотребляли всѣ адвокаты, какъ парижскіе, такъ и провинціальные. Въ настоящее время такое судоговореніе отошло въ область классической древности и его употребляютъ развѣ только офиціальные ораторы судебнаго вѣдомства, для которыхъ онъ удобенъ, благодаря своей напыщенной торжественности; на этомъ языкѣ мужъ называется *супругомъ*, жена—*супругой*, Парижъ—*центромъ искусствъ и цивилизаціи*, король—*монархомъ*, преподобный епископъ—*святымъ отцомъ*, прокуроръ—*краснорѣчивымъ представителемъ обвинительной власти*, защита—*голосомъ милосердія*, вѣкъ Людовика XIV—*великимъ вѣкомъ*, театръ—*храмомъ Мельпомены*, концертъ—*музыкальнымъ торжествомъ*, начальникъ мѣстныхъ войскъ въ департаментѣ—*доблестнымъ воиномъ* и т. д.; семинаристовъ называли *нѣжными левитами*, ошибки прессы—*ядомъ, которымъ пропитаны столбцы этихъ вредныхъ органовъ* и т. д. Адвокатъ началъ съ разъясненія факта кражи яблокъ, что довольно трудно было выразить напыщенной фразировкой; но даже самъ Боссюэтъ въ своей надгробной рѣчи долженъ былъ сдѣлать намекъ на курицу и выпутался изъ этого затрудненія съ помпой. Адвокатъ настаивалъ на томъ, что кража яблокъ не была матеріально доказана. Никто не видалъ, какъ его кліэнтъ, котораго онъ въ качествѣ защитника упорно называлъ Шанматье, перелѣзалъ черезъ заборъ или ломалъ вѣтку (адвокатъ охотнѣе назвалъ бы вѣтвь), а самъ онъ увѣряетъ, что нашелъ ее на дорогѣ и поднялъ. Кто же можетъ доказать противное? Безъ сомнѣнія, эта вѣтка была сломана и переброшена черезъ заборъ испугавшимся мародеромъ, безъ сомнѣнія тутъ былъ воръ. Но кто можетъ доказать, что этотъ воръ былъ именно Шанматье? Только одно обстоятельство противъ него, это—то, что онъ бывшій каторожникъ. Адвокатъ не отрицалъ, что фактъ этотъ, къ несчастью, почти что констатированъ; подсудимый жилъ въ Фавероллѣ, занимался тамъ подрѣзаніемъ деревьевъ, имя Шанматье очень легко могло образоваться изъ Жана Матье, все это возможно; наконецъ четыре свидѣтеля безусловно и безъ малѣйшаго колебанія признавали Шанматье каторжникомъ Жаномъ Вальжаномъ;

противъ этихъ показаній и свидѣтельствъ адвокатъ могъ лишь противопоставить отрицаніе своего кліэнта, основанное, конечно, на желаніи оправдать себя; но, предположивъ даже, что онъ, дѣйствительно, каторожникъ Жанъ Вальжанъ, развѣ это доказываетъ, что именно онъ укралъ эти яблоки? Такая кража предполагается, но не была доказана. Правда, самъ защитникъ сознавался, «по чувству справедливости, что подсудимый держится плохого способа самозащиты». Онъ упорно отрицаетъ все: и кражу и предположеніе, что онъ бывшій каторжникъ. Гораздо благоразумнѣе было бы, съ его стороны, сознаться въ кражѣ и тѣмъ склонить судей къ снисходительности; адвокатъ ему и совѣтовалъ поступить такимъ образомъ, но подсудимый отказался, думая, безъ сомнѣнія, спасти себя, отрицая всѣ обвиненія, взведенныя на него. Эта была ошибка со стороны обвиняемаго, но не слѣдуетъ ли принять во вниманіе всю ограниченность его умственныхъ способностей? Очевидно, человѣкъ этотъ тупоуменъ. Долгое несчастіе на каторгѣ, продолжительное страданіе послѣ каторги превратили его въ малоумнаго и т. д. и т. д. Онъ плохо себя защищалъ, но развѣ это причина, чтобы его осудить? Что касается исторіи съ маленькимъ Жервэ, то адвокатъ не хотѣлъ и касаться ея, такъ какъ объ этомъ случаѣ въ дѣлѣ не было упомянуто. Въ концѣ своей рѣчи адвокатъ просилъ присяжныхъ и судъ, если будетъ признано, что подсудимый, дѣйствительно, Жанъ Вальжанъ, судить его не какъ бывшаго каторжника-рецидивиста, а назначить ему исправительное наказаніе.

Прокуроръ отвѣчалъ защитнику. Онъ говорилъ горячо и витіевато, какъ обыкновенно говорятъ всѣ прокуроры. Онъ похвалилъ защитника за его «прямодушіе» и, какъ всегда, очень ловко воспользовался этимъ прямодушіемъ, обративъ противъ подсудимаго всѣ уступки, сдѣланныя адвокатомъ. Адвокатъ, повидимому, признавалъ, что подсудимый—Жанъ Вальжанъ. Прокуроръ отмѣтилъ это и доказывалъ, что этотъ человѣкъ и есть именно Жанъ Вальжанъ, что слѣдствіемъ это доказано, и судъ долженъ считать, что личность подсудимаго установлена вполнѣ, что никакого сомнѣнія быть не можетъ. Потомъ, при помощи искусной риторической фигуры, коснувшись источниковъ и причинъ преступленія, прокуроръ ловкимъ маневромъ обрушился на безнравственность романтической школы, которую критики «Ежедневника» и «Орифламмы» называли *сатанинской школой:* онъ довольно правдоподобно приписалъ вліянію этой развращенной литературы какъ вообще усиленіе преступности, такъ, въ частности, и преступленіе Шанматье или, правильнѣе, Жана Вальжана. Исчерпавъ всѣ эти доказательства, онъ перешелъ къ самому Жану Вальжану. Что за личность этотъ Жанъ Вальжанъ? Послѣдовала его характеристика: чудовище, изрыгающее всевозможные ужасы и т. д. Образцы такого рода описаній можно найти въ разсказѣ Ѳерамены, непригодномъ для трагедій, но весьма полезномъ для прокурорскаго краснорѣчія. Публика и присяжные были потрясены. Покончивъ съ описательной частью, прокуроръ, въ повышенномъ тонѣ, перешелъ къ части патетической, которая, несомнѣнно,

должна была вызвать усиленныя похвалы на страницахъ завтрашняго нумера «Полицейскихъ Вѣдомостей». Онъ воскликнулъ: «И этотъ-то человѣкъ и пр., пр., бродяга, нищій, безъ средствъ къ существованію и пр. и пр., привыкшій, въ своей прошлой жизни, къ преступной дѣятельности и мало исправленный во время своего пребыванія на каторгѣ, доказательствомъ чего является его поступокъ съ мальчикомъ Жервэ и пр. и пр.—и такой-то человѣкъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ садовой ограды, держа еще въ рукѣ предметъ кражи, отрицаетъ все: кражу и грабежъ, и свою настоящую фамилію, и свое званіе бывшаго каторжника. Не касаясь сотни другихъ уликъ, о которыхъ мы больше не упоминаемъ, его узнали четыре свидѣтеля — Жаверъ, неподкупный и нелицепріятный полицейскій надзиратель, и трое бывшихъ его товарищей по каторгѣ—Бреве, Шенильдье и Кошпайль. Что же говоритъ подсудимый противъ такихъ подавляющихъ уликъ? Онъ только все отрицаетъ. Какая закоснѣлость! Но вы, господа судьи, вы являетесь защитниками правосудія и пр. и пр.

Въ то время, какъ прокуроръ говорилъ, подсудимый слушалъ, разинувъ ротъ, съ нескрываемымъ удивленіемъ, къ которому примѣшивалась извѣстная доля восторга. Повидимому, онъ былъ очень пораженъ, что есть люди, которые могутъ такъ красно говорить. Время отъ времени, въ самыхъ «патетическихъ» мѣстахъ обвинительной рѣчи, когда краснорѣчивый ораторъ безъ удержу изливалъ потокъ уничтожающихъ эпитетовъ, оглушая подсудимаго раскатами громовыхъ изреченій, послѣдній медленно покачивалъ головой справа налѣво и слѣва направо и тѣмъ самымъ какъ бы проявлялъ молчаливый и печальный протестъ противъ взводимыхъ на него обвиненій,—этимъ онъ только и ограничивался съ самаго начала преній. Два или три раза сидѣвшіе къ нему ближе другихъ слышали, какъ онъ пробормоталъ себѣ подъ носъ: «А все потому, что не спросили господина Балу!»

Прокуроръ обратилъ вниманіе судей на это идіотское поведеніе, очевидно, разсчитанное на обманъ судей и доказывавшее не тупоуміе, а хитрость, лукавство, глубокую испорченность, опасную и зловредную, направленную къ тому, чтобы сбить съ толку правосудіе. Въ заключеніе прокуроръ сказалъ, что свое главное обвиненіе онъ откладываетъ до разбирательства дѣла объ ограбленіи мальчика Жервэ, а теперь только предлагаетъ судьямъ вынести строгій приговоръ по поводу кражи яблокъ. Приговоръ этотъ грозилъ, какъ извѣстно, пожизненной каторгой. Защитникъ всталъ, поблагодарилъ «господина прокурора» за его «великолѣпную рѣчь», затѣмъ сталъ возражать, какъ могъ; но возражалъ онъ слабо; почва была подъ нимъ очень шаткая.

X.

Система запирательства.

Наступило время закончить пренія сторонъ. Предсѣдатель велѣлъ подсудимому встать и задалъ ему обычный вопросъ:

— Имѣете ли вы что-нибудь прибавить въ свою защиту?

Подсудимый всталъ, вертя въ рукахъ свой безобразный колпакъ; казалось, онъ ничего не слыхалъ.

Предсѣдатель повторилъ вопросъ.

На этотъ разъ подсудимый услыхалъ. Казалось, онъ понялъ, сдѣлалъ движеніе, какъ будто очнулся отъ сна, обвелъ всѣхъ глазами, посмотрѣлъ на публику, на жандармовъ, на своего адвоката, на судей, поставилъ свой огромный кулачище на перекладину передъ скамьей, еще разъ посмотрѣлъ на всѣхъ и вдругъ, устремивъ пристальный взглядъ на прокурора, началъ говорить. Рѣчь его была похожа на потокъ. Слова вылетали вперемѣшку, безпорядочно, безсвязно, торопливо, точно тѣсня другъ друга, будто онъ хотѣлъ ихъ выговорить сразу. Онъ говорилъ:

— Вотъ что я имѣю сказать. Я былъ каретникомъ въ Парижѣ, можете даже узнать объ этомъ у господина Балу. Ремесло это очень трудное; работать приходится всегда на открытомъ воздухѣ во дворѣ, а у хозяевъ, которые подобрѣе, подъ навѣсомъ въ сараяхъ, потому что, видите ли, работа эта требуетъ много мѣста. Зимой до того прозябнешь, что приходится колотить рука объ руку, чтобы согрѣться; но хозяева не позволяютъ этого, говорятъ, что много теряешь времени. Ковать желѣзо, когда руки закоченѣли, очень трудно. Человѣкъ скоро изнашивается отъ этого ремесла; еще молодой, а ужъ, глядишь, состарѣлся. Въ сорокъ лѣтъ человѣкъ уже никуда не годится. А мнѣ уже было пятьдесятъ три, и охъ какъ тяжело мнѣ жилось. Притомъ рабочіе все народъ жестокій! Какъ увидятъ, что уже не молодъ, такъ и начинаютъ звать старымъ хрычомъ, старой клячей. Я зарабатывалъ не больше тридцати су въ день, хозяева пользовались тѣмъ, что я старъ, и назначали мнѣ самую дешевую плату. Впрочемъ, у меня была дочка въ прачкахъ, на рѣкѣ, она тоже немного зарабатывала. Вдвоемъ мы кое-какъ сводили концы съ концами. Ей тоже было много хлопотъ. Весь день въ водѣ, чуть не по поясъ и въ дождикъ, и въ снѣгъ, и въ вѣтеръ, который продуваетъ васъ со всѣхъ сторонъ; морозитъ ли,—все равно надо стирать; есть люди, у которыхъ мало бѣлья, и они торопятъ со стиркой; если имъ не услужишь, то скоро потеряешь заказчиковъ. Полы въ прачечныхъ очень плохо сколочены и вода просачивается повсюду. Юбки всѣ сверху и снизу мокрыя, поневолѣ продрогнешь. Ей иногда приходилось тоже стирать въ прачечной Красныхъ-Дѣтей, гдѣ вода течетъ изъ крановъ. Тамъ не приходится стоять въ водѣ. Тамъ моютъ передъ собою подъ кранами, а позади полощутъ бѣлье въ бакахъ. Такъ какъ это мѣсто закрытое, то и не такъ зябнешь. Но зато тамъ стоитъ паръ отъ кипятку, паръ этотъ страшно портитъ глаза. Она приходила домой въ семь часовъ вечера и сейчасъ же ложилась спать: она, бѣдняжка, страшно уставала. Мужъ ее билъ. Она умерла. Мы не были счастливы. Хорошая она была дѣвушка, не ходила по баламъ, и нравъ у нея былъ добрый. Я даже помню, какъ во вторникъ на масленой она легла спать въ восемь часовъ. Вотъ. Я говорю правду. Спросите у кого хотите. Ахъ, да что я! Какой я въ самомъ дѣлѣ дуракъ! Парижъ, это—

бездна. Кто тамъ помнитъ старика Шанматье? Все-таки, говорю вамъ, господинъ Балу меня знаетъ, спросите у господина Балу. Послѣ этого я ужъ и не знаю, чего отъ меня хотятъ.

Подсудимый умолкъ и продолжалъ стоять. Онъ проговорилъ все это громкимъ, отрывистымъ, рѣзкимъ и хриплымъ голосомъ, съ какимъ-то простодушнымъ раздраженіемъ. Одинъ разъ онъ остановился и кому-то поклонился въ толпѣ. Отдѣльныя фразы вылетали у него какъ бы невольно, онъ какъ бы наобумъ кидалъ ихъ передъ собою. Онѣ были похожи на икоту и сопровождались жестами, похожими на движенія дровокола, рубящаго дрова. Когда онъ кончилъ, публика разразилась хохотомъ. Онъ посмотрѣлъ на толпу, видя, что она смѣется, ничего не понявши, принялся смѣяться и самъ. Это было что-то ужасное.

Предсѣдатель, человѣкъ доброжелательный и совѣстливый, возвысилъ голосъ. Онъ напомнилъ «гг. судьямъ, что Балу, на котораго указываетъ подсудимый, не могли разыскать въ Парижѣ, онъ обанкротился и бѣжалъ неизвѣстно куда». Потомъ, обратившись къ подсудимому, просилъ его выслушать то, что онъ ему скажетъ, и прибавилъ слѣдующее:

— Вы находитесь въ такомъ положеніи, когда необходимо одуматься. Надъ вами тяготѣютъ очень тяжкія обвиненія и могутъ повлечь за собою чрезвычайно печальныя послѣдствія. Подсудимый, въ вашихъ же интересахъ, въ послѣдній разъ убѣждаю васъ, объясните намъ ясно два факта: во-первыхъ, перелѣзали ли вы черезъ заборъ огорода Пьеррона, сломили ли вѣтку съ яблони и похитили ли вы яблоки, т.-е. совершили вы или нѣтъ преднамѣренную кражу съ попыткой проникнуть въ запертое помѣщеніе? Во-вторыхъ, вы ли бывшій каторжникъ Жанъ Вальжанъ, выпущенный на свободу?

Подсудимый покачалъ головой, какъ человѣкъ, хорошо понимающій то, что у него спрашиваютъ, и знающій, что ему нужно отвѣчать. Онъ раскрылъ ротъ, обернулся къ предсѣдателю и сказалъ:

— Во-первыхъ, вотъ что...

Потомъ посмотрѣлъ на свой колпакъ, затѣмъ на полъ и замолчалъ.

— Подсудимый,—строго проговорилъ прокуроръ,—берегитесь. Вы не отвѣчаете на тѣ вопросы, которые вамъ предлагаютъ. Ваше смущеніе выдаетъ васъ. Ясно, что ваше имя не Шанматье, что вы каторжникъ Жанъ Вальжанъ, скрывавшійся подъ именемъ Жана Матье, т.-е. подъ именемъ вашей матери, что вы были въ Овернѣ, что вы родились въ Фавероллѣ, гдѣ занимались подрѣзаніемъ деревьевъ. Очевидно, это вы перелѣзли черезъ заборъ Пьеррона, сломили вѣтку и украли яблоки. Гг. присяжные оцѣнятъ ваши поступки.

Подсудимый между тѣмъ преспокойно усѣлся на мѣсто; но при послѣднихъ словахъ прокурора онъ быстро вскочилъ и закричалъ:

— Вы очень злы! Вотъ что я хотѣлъ сказать, но не могъ сразу вспомнить. Я ничего не кралъ. Я изъ тѣхъ людей, которые

не каждый день ѣдятъ. Я шелъ изъ Альи, послѣ разлива, отъ котораго вся мѣстность пожелтѣла, только по краямъ дороги изъ-подъ песку вытягивались тоненькія зеленыя травинки; я нашелъ на землѣ сломанную вѣтку, на которой были яблоки, и поднялъ вѣтку, не предполагая, что изъ-за такихъ пустяковъ мнѣ придется вынести такъ много непріятностей. Вотъ уже три мѣсяца, какъ меня держатъ въ тюрьмѣ и мучаютъ меня на всѣ лады. Всѣ возстаютъ на меня, всѣ мнѣ кричатъ: «Отвѣчайте!» Жандармъ, добрый малый, толкаетъ меня локтемъ подъ бокъ и говоритъ потихоньку: «Отвѣчай же!» Я не умѣю объяснять, я не ученый, я человѣкъ бѣдный. Напрасно вы это не хотите видѣть. Я не укралъ, я поднялъ съ земли. Вы говорите: Жанъ Вальжанъ, Жанъ Матье! Я не знаю такихъ людей. Это какіе-нибудь крестьяне. Я работалъ у господина Балу на бульварѣ Опиталь. Меня зовутъ Шанматье. Вы вотъ какіе хитрые, вы даже знаете и говорите мнѣ, гдѣ я родился. А я и самъ этого не знаю. Не у всякаго человѣка есть домъ, гдѣ онъ родился. Это было бы черезчуръ хорошо. Я думаю, что мой отецъ и моя мать скитались по большимъ дорогамъ. Впрочемъ, я не знаю навѣрное. Ребенкомъ меня звали «пострѣломъ», теперь зовутъ «старикомъ»; вотъ какъ меня окрестили. Съ тѣмъ возьмите! Я былъ въ Овернѣ и въ Фавероллѣ, это правда. Ну, что же? Развѣ нельзя быть въ Овернѣ и въ Фавероллѣ, и не быть въ то же время непремѣнно и на каторгѣ? Говорю же вамъ, что я ничего не кралъ и что я дядя Шанматье. Жилъ я у господина Балу и былъ въ полиціи прописанъ на жительствѣ. Вы мнѣ просто надоѣли съ вашими глупостями! И что вы всѣ гоняетесь за мною, точно бѣшеные?

Прокуроръ все время слушалъ его стоя и обратился къ предсѣдателю:

— Господинъ предсѣдатель, въ виду довольно сбивчивыхъ, но весьма искусныхъ отрицаній подсудимаго, который старается разыграть изъ себя идіота, что, впрочемъ, ему плохо удается, я предлагаю, если только будетъ угодно вамъ и судьямъ, еще разъ допросить свидѣтелей, каторжниковъ Бреве, Шенильдье и Кошпайля, а также полицейскаго инспектора Жавера и снять съ нихъ вторичный допросъ относительно тождества подсудимаго съ каторжникомъ Жаномъ Вальжаномъ.

— Я позволю себѣ замѣтить господину прокурору,—сказалъ предсѣдатель,—что полицейскій инспекторъ Жаверъ, по обязанностямъ службы, долженъ былъ возвратиться въ сосѣдній округъ и выѣхать изъ города тотчасъ послѣ дачи свидѣтельскихъ показаній. Мы нашли возможнымъ отпустить его съ согласія господина прокурора и защитника подсудимаго.

— Это совершенно вѣрно, господинъ предсѣдатель,—отвѣчалъ прокуроръ.—Въ виду отсутствія господина Жавера я считаю своимъ долгомъ напомнить гг. судьямъ, что онъ говорилъ здѣсь нѣсколько часовъ тому назадъ. Жаверъ—человѣкъ всѣми уважаемый за его добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, онъ занимаетъ должность невысокую, но очень важную. Вотъ при-

близительно въ нѣсколькихъ словахъ его показанія: «Я не нуждаюсь въ тѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ доказательствахъ, которыя уничтожаютъ всѣ попытки подсудимаго опровергнуть взводимыя на него обвиненія. Я прекрасно его узнаю. Человѣка этого зовутъ не Шанматье; это бывшій каторжникъ, очень злой и опасный, по имени Жанъ Вальжанъ. Его крайне неохотно освободили по окончаніи срока. Онъ находился на каторгѣ въ продолженіе девятнадцати лѣтъ за воровство. Пять или шесть разъ онъ пытался бѣжать. Кромѣ кражи у маленькаго Жервэ и у Пьеррона, я подозрѣваю его еще въ кражѣ у его преосвященства покойнаго епископа города Диня. Я его часто видалъ въ свою бытность помощникомъ смотрителя въ тулонскомъ острогѣ. Я повторяю, что я его прекрасно знаю».

Такое опредѣленное заявленіе, казалось, произвело большое впечатлѣніе на публику и на судей. Прокуроръ въ заключеніе настаивалъ за отсутствіемъ Жавера на повторномъ допросѣ остальныхъ трехъ свидѣтелей, Бреве, Шенильдье и Кошпайля.

Предсѣдатель передалъ распоряженіе приставу, и черезъ нѣсколько минутъ дверь свидѣтельской комнаты отворилась. Приставъ въ сопровожденіи жандарма, готоваго оказать ему содѣйствіе силой, ввелъ бывшаго каторжника Бреве. Волненіе публики было очень сильно, всѣ присутствующіе порывисто дышали, какъ будто у нихъ была одна общая душа.

Бывшій каторжникъ Бреве былъ одѣтъ въ сѣрую съ чернымъ куртку—одежду центральныхъ тюремъ. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти, съ дѣловымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плутовскимъ видомъ. Такое сочетаніе встрѣчается нерѣдко. Въ тюрьму онъ попалъ за новые проступки, но за хорошее поведеніе его сдѣлали тамъ чѣмъ-то въ родѣ старосты. Начальство отзывалось о немъ: «Онъ желаетъ быть полезнымъ». Тюремные священники говорили съ похвалой объ его религіозномъ усердіи. Не надо забывать, что все это происходило во время реставраціи.

— Бреве,—обратился къ нему предсѣдатель,—вы были подвергнуты позорному осужденію и потому лишены права на присягу.

Бреве опустилъ глаза.

— Между тѣмъ,—продолжалъ предсѣдатель,—даже и въ человѣкѣ, осужденномъ закономъ, можетъ остаться, если пожелаетъ того Всевышній, чувство чести и справедливости. Къ этому-то чувству я и обращаюсь въ эту рѣшительную минуту. Если оно еще сохранилось въ васъ, а я въ этомъ не сомнѣваюсь, подумайте хорошенько прежде, чѣмъ мнѣ отвѣчать, всмотритесь, съ одной стороны, въ этого человѣка, котораго одно ваше слово можетъ погубить, съ другой стороны, на правосудіе, которое слово ваше можетъ просвѣтить. Минута торжественная. Вамъ есть еще время взять свое слово назадъ, если вы думаете, что вы ошиблись. Подсудимый, встаньте. Бреве, разсмотрите хорошенько подсудимаго, постарайтесь внимательно провѣрить свои воспоминанія и скажите намъ по душѣ и по совѣсти, остаетесь ли вы при прежнемъ по-

казаніи, что этотъ человѣкъ—вашъ старый товарищъ по каторгѣ Жанъ Вальжанъ.

Бреве поглядѣлъ на подсудимаго и обратился къ суду:

— Да, господинъ предсѣдатель. Я первый его узналъ и подтверждаю, что этотъ человѣкъ—Жанъ Вальжанъ, прибывшій въ Тулонъ въ 1796 году и освобожденный въ 1815 году. Я вышелъ годъ спустя. У него теперь придурковатый видъ, вѣроятно, отъ старости, но на каторгѣ онъ былъ продувной. Я положительно признаю его.

— Садитесь,—сказалъ предсѣдатель.—Подсудимый, оставайтесь стоять на ногахъ.

Ввели Шенильдье, пожизненнаго каторжника, на что указывала его красная куртка и зеленая шапка. Онъ отбывалъ свое наказаніе на каторгѣ въ Тулонѣ, откуда его нарочно привезли по этому дѣлу. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, приблизительно лѣтъ пятидесяти, живой, сморщенный, желтый, наглый, лихорадочный; во всей его фигурѣ виднѣлась болѣзненная слабость, а во взглядѣ—страшная сила. Товарищи его на каторгѣ прозвали Je-nie-Dieu. (отрицаю Бога).

Предсѣдатель обратился къ нему приблизительно съ тѣми же словами, какъ къ Бреве. Въ то время, когда онъ ему напомнилъ, что отбываемое имъ постыдное наказаніе лишаетъ его права дать присягу, Шенильдье поднялъ голову и нахально окинулъ взглядомъ толпу. Предсѣдатель просилъ его поразмыслить и спросилъ у него, какъ и у Бреве, продолжаетъ ли онъ узнавать подсудимаго.

Шенильдье расхохотался.

— Чортъ возьми! Узнаю ли я его! Да мы пять лѣтъ были прикованы къ одной и той же цѣпи. Старикъ, ты что на меня надулся?

— Садитесь,—сказалъ предсѣдатель.

Приставъ ввелъ Кошпайля. Это былъ тоже пожизненный каторжникъ, привезенный съ каторги и одѣтый въ красное, какъ и Шенильдье. Онъ былъ изъ лурдскихъ крестьянъ, полумедвѣдь изъ Пиренеевъ. Раньше онъ былъ горнымъ пастухомъ, а изъ пастуха сдѣлался разбойникомъ. Кошпайль былъ не менѣе дикъ и казался еще придурковатѣе, чѣмъ самъ подсудимый. Это былъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ людей, которыхъ природа создаетъ дикими звѣрями, а общество превращаетъ въ каторжниковъ. Предсѣдатель хотѣлъ расшевелить его чувство нѣсколькими высокопарными и торжественными словами и спросилъ его, какъ и первыхъ свидѣтелей, продолжаетъ ли онъ безъ колебанія и смущенія настаивать на томъ, что онъ знаетъ этого человѣка, стоящаго передъ нимъ.

— Это Жанъ Вальжанъ,—сказалъ Кошпайль,—его еще звали Жанъ-Домкратъ за его силу.

Каждое показаніе этихъ трехъ людей поднимало въ залѣ злобный ропотъ противъ подсудимаго. Ропотъ разрастался и становился злобнѣе послѣ каждаго новаго свидѣтельскаго показанія.

Подсудимый попрежнему выслушивалъ ихъ съ возрастающимъ удивленіемъ, что, по словамъ обвинителя, было его главнымъ средствомъ защиты. При первомъ показаніи жандармы и сосѣди слышали, какъ онъ пробормоталъ сквозь зубы: «Вотъ-те-на», при второмъ онъ сказалъ немного громче съ почти довольнымъ видомъ: «Хорошо», при третьемъ онъ воскликнулъ: «Великолѣпно!»

— Подсудимый,—обратился къ нему предсѣдатель,—вы вѣдь все слышали. Что вы имѣете сказать?

— Я уже сказалъ: великолѣпно,—отвѣчалъ онъ.

Публика вся заволновалась, волненіе охватило даже присяжныхъ. Было очевидно, что человѣкъ этотъ погибъ.

— Приставъ, — сказалъ предсѣдатель, — возстановите тишину въ залѣ. Объявляю пренія законченными.

Въ эту минуту около предсѣдателя произошло движеніе. Раздался голосъ, который кричалъ:

— Бреве, Шенильдье, Кошпайль, взгляните сюда!

Всѣ, слышавшіе этотъ голосъ, почувствовали, какъ у нихъ мурашки пробѣжали по тѣлу, до такой степени онъ былъ жалобенъ и страшенъ. Всѣ взоры обратились въ ту сторону. Человѣкъ, сидѣвшій на привилегированныхъ мѣстахъ, позади предсѣдательскаго кресла, поднялся съ мѣста, отворилъ низенькую дверцу рѣшетки, отдѣлявшую трибуну отъ публики, и очутился посреди залы. Предсѣдатель, прокуроръ, г. Баматабуа, человѣкъ двадцать узнали его и воскликнули въ одинъ голосъ:

— Господинъ Мадленъ!

XI.

Шанматье удивляется все больше и больше.

Это былъ дѣйствительно онъ. Лампа секретаря освѣщала его лицо. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу. Въ его одеждѣ не было замѣтно ни малѣйшаго безпорядка, сюртукъ былъ аккуратно застегнутъ. Онъ былъ страшно блѣденъ и слегка дрожалъ. Волосы его, еще бывшіе только съ просѣдью, когда онъ пріѣхалъ въ Аррасъ, теперь окончательно побѣлѣли. Онъ посѣдѣлъ въ теченіе часа, проведеннаго имъ въ судѣ. Всѣ головы обернулись въ его сторону. Впечатлѣніе, произведенное имъ, на поддается описанію. Сначала всѣми овладѣло замѣшательство. Голосъ былъ до такой степени полонъ страданія, а человѣкъ говорившій казался такимъ спокойнымъ, что въ первую минуту никто ничего не понялъ. Нельзя даже было предположить, чтобы именно этотъ спокойный человѣкъ испустилъ этотъ страшный крикъ. Но это недоумѣніе продолжалось всего нѣсколько секундъ. Прежде даже чѣмъ предсѣдатель и прокуроръ успѣли произнести слово, прежде чѣмъ жандармы и судебные пристава успѣли пошевелиться, человѣкъ, котораго всѣ еще звали въ этотъ моментъ господиномъ Мадленомъ, подошелъ къ свидѣтелямъ Кошпайлю, Бреве и Шенильдье.

— Вы меня не узнаете?—спросилъ онъ.

Всѣ трое съ растеряннымъ видомъ, ошеломленные, отрицательно покачали головами. Кошпайль въ смущеніи сдѣлалъ подъ козырекъ. Господинъ Мадленъ обернулся къ присяжнымъ, къ суду и сказалъ мягкимъ голосомъ:

— Господа присяжные, прикажите освободить подсудимаго. Господинъ предсѣдатель, прикажите меня арестовать. Человѣкъ, котораго вы ищете, не онъ, а я. Я—Жанъ Вальжанъ.

Всѣ затаили дыханіе. Послѣ перваго потрясенія наступила гробовая тишина. Въ залѣ чувствовался тотъ почти религіозный трепетъ, который охватываетъ толпу, когда совершается что-нибудь великое.

Между тѣмъ на лицѣ предсѣдателя выразилось чувство грусти и участливаго соболѣзнованія; онъ обмѣнялся быстрымъ знакомъ съ прокуроромъ и шопотомъ сказалъ нѣсколько словъ членамъ суда. Потомъ, обратившись къ публикѣ, спросилъ съ выраженіемъ, понятнымъ для всѣхъ:

— Нѣтъ ли здѣсь доктора?

— Господа присяжные,—произнесъ прокуроръ,—странный и неожиданный случай, прервавшій засѣданіе, внушаетъ намъ всѣмъ чувство искренней жалости и не требуетъ, конечно, объясненія. Всѣ вы знаете, по слухамъ по крайней мѣрѣ, уважаемаго господина Мадлена, мэра города Монтрейля. Я и господинъ предсѣдатель просимъ, если въ публикѣ есть докторъ, прійти и проводить господина Мадлена до его мѣстожительства.

Господинъ Мадленъ не далъ докончить прокурору. Онъ перебилъ его кроткимъ, но авторитетнымъ тономъ. Вотъ тѣ слова, которыя онъ произнесъ; мы приводимъ ихъ дословно, какъ они были записаны сейчасъ же послѣ засѣданія однимъ изъ свидѣтелей этой сцены; они теперь еще звучатъ въ ушахъ тѣхъ, кто ихъ слышалъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло почти ужъ сорокъ лѣтъ.

— Благодарю васъ, господинъ прокуроръ, но я не сумасшедшій. Вы это увидите. Вы чуть-чуть не совершили ужасной ошибки. Отпустите этого человѣка. Я исполняю свой долгъ,—я самъ и есть этотъ несчастный каторжникъ. Одинъ только я понимаю здѣсь ясно это дѣло и говорю вамъ правду. То, что я дѣлаю въ эту минуту, видитъ Богъ съ небесъ, и этого мнѣ вполнѣ достаточно. Вы можете меня взять—я въ вашихъ рукахъ. Однако я старался избѣжать этого. Я скрывался подъ чужимъ именемъ, разбогатѣлъ, сдѣлался мэромъ; я старался занять мѣсто среди честныхъ людей. Повидимому, это невозможно. Многаго я не могу сказать, я не хочу разсказывать вамъ свою жизнь,—когда-нибудь вы узнаете все. Я обокралъ преосвященнаго епископа — это правда; я обокралъ мальчика Жервэ—это тоже правда. Совершенно справедливо говорили вамъ, что Жанъ Вальжанъ былъ опасный и злой человѣкъ. Но, быть-можетъ, не онъ одинъ виноватъ въ этомъ. Послушайте, гг. судья, человѣкъ такой униженный, какъ я, не въ правѣ упрекать Провидѣніе или давать совѣты обществу, но, видите ли, позоръ, изъ котораго я пробовалъ выпутаться— вещь весьма вредная. Каторга создаетъ каторжниковъ. Запомните

это, пожалуйста. До каторги я былъ бѣднымъ крестьяниномъ, очень мало развитымъ, въ родѣ идіота; каторга меня переродила. Я былъ тупымъ человѣкомъ, а сталъ злымъ; былъ чурбаномъ, а превратился въ горящую головню. Впослѣдствіи меня спасли снисходительность и доброта, подобно тому, какъ раньше погубила строгость. Впрочемъ, виноватъ, вы не можете понять того, что я говорю. Вы найдете у меня въ комнатѣ въ золѣ камина монету въ сорокъ су, которую семь лѣтъ тому назадъ я укралъ у мальчика Жервэ. Больше мнѣ нечего прибавить. Берите меня. Боже мой! Господинъ прокуроръ качаетъ головой и думаетъ: господинъ Мадленъ сошелъ съ ума. Вы мнѣ не вѣрите! Это очень грустно. Не осуждайте, по крайней мѣрѣ, этого человѣка. Какъ! Неужели эти люди не узнаютъ меня? Какъ бы я желалъ, чтобы Жаверъ былъ здѣсь. Онъ бы меня, навѣрное, узналъ!

Невозможно передать, съ какой кроткой и глубокой печалью были сказаны эти слова. Онъ обернулся къ тремъ каторжникамъ:

— А я вотъ васъ узнаю. Бреве, помните ли вы...

Онъ на минуту запнулся, потомъ продолжалъ:

— Помнишь ли ты вязаныя подтяжки шашками, которыя ты носилъ на каторгѣ?

Бреве вздрогнулъ отъ неожиданности и со страхомъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы. Онъ же продолжалъ:

— А ты, Шенильдье, самъ прозвалъ себя Je-nie-Dieu, то-есть безбожникомъ, у тебя все правое плечо глубоко обожжено, потому что ты легъ однажды на жаровню съ горячими углями, чтобы выжечь три буквы T. F. P., но, однако, онѣ и теперь видны. Отвѣчай, правда ли это?

— Правда,—отвѣчалъ Шенильдьё.

— Кошпайль, у тебя на лѣвой рукѣ, гдѣ пульсъ, выжжены порохомъ синія цифры. Эти цифры означаютъ число, когда императоръ высадился въ Каннѣ—1-е марта 1815 года. Подыми-ка рукавъ.

Кошпайль засучилъ рукавъ, и всѣ съ любопытствомъ нагнулись надъ его голой рукой. Жандармъ поднесъ лампу; число ясно обозначалось на его рукѣ.

Несчастный человѣкъ обернулся къ публикѣ и къ судьямъ съ той улыбкой, которой видѣвшіе ее не могутъ и до сихъ поръ вспомнить безъ содроганія. То была улыбка торжества и вмѣстѣ безнадежнаго отчаянія.

— Теперь вы сами видите,—сказалъ онъ,—что я—Жанъ Вальжанъ.

Въ этомъ собраніи не было больше ни судей, ни обвиняемыхъ, ни жандармовъ; были только устремленные на него взоры и растроганныя сердца. Всѣ забыли о той роли, которую каждый изъ нихъ долженъ былъ выполнять; прокуроръ забылъ, что онъ находится тутъ, чтобъ обвинять, предсѣдатель,—что онъ долженъ былъ руководить засѣданіемъ, защитникъ,—что онъ обязанъ защищать. Поразительная вещь: не было предложено ни одного вопроса; никакая власть не вмѣшивалась. Особенность величественныхъ

зрѣлищъ заключается въ томъ, что они захватываютъ всѣ души и превращаютъ всѣхъ свидѣтелей въ зрителей. Быть-можетъ, никто изъ присутствующихъ не могъ бы дать себѣ отчета въ томъ, что онъ испытывалъ; никто, конечно, не сознавалъ, что передъ нимъ засіялъ величественный свѣтъ, но внутри себя каждый былъ ослѣпленъ.

Было очевидно, что у всѣхъ передъ глазами стоялъ Жанъ Вальжанъ. Онъ былъ точно въ сіяніи. Появленіе этого человѣка пролило свѣтъ на это дѣло, бывшее за минуту еще передъ тѣмъ такимъ темнымъ. Безъ всякихъ объясненій толпа, какъ бы подъ вліяніемъ одного общаго электрическаго тока, поняла простую и несложную, но поразительную исторію человѣка, предавшаго себя для того, чтобы спасти другого человѣка, котораго готовились осудить вмѣсто него. Подробности, колебанія, мелочи исчезли передъ этимъ величественнымъ и ослѣпительнымъ зрѣлищемъ. Впечатлѣніе это прошло быстро, но въ ту минуту оно было неотразимо.

— Я не хочу больше мѣшать засѣданію,—сказалъ Жанъ Вальжанъ.—Я ухожу, такъ какъ никто меня не удерживаетъ. У меня еще много дѣла. Господинъ прокуроръ знаетъ, кто я, знаетъ, куда я ѣду, и во всякое время можетъ меня арестовать.

И онъ направился къ выходной двери. Ни одинъ голосъ не раздался ему вслѣдъ, ни одна рука не протянулась, чтобы задержать его. Всѣ разступились. Въ эту минуту человѣкъ былъ до того величественъ, что толпа молча разступилась передъ нимъ и съ благоговѣніемъ на него смотрѣла. Онъ медленно прошелъ сквозь толпу. Неизвѣстно, кто отворилъ ему дверь, но всѣ помнили, что она распахнулась передъ нимъ, когда онъ къ ней подошелъ. Дойдя до двери, онъ обернулся и сказалъ:

— Господинъ прокуроръ, я остаюсь въ вашемъ распоряженіи.

Затѣмъ онъ обратился къ публикѣ:

— Вы всѣ, собравшіеся здѣсь, находите меня достойнымъ сожалѣнія, не такъ ли? Боже мой! Когда я думаю о томъ, что готовъ былъ сдѣлать, то считаю себя достойнымъ не сожалѣнія, а зависти. Однако я бы лучше желалъ, чтобы ничего этого не было.

Онъ вышелъ, и дверь за нимъ затворилась такъ же, какъ и отворилась, потому что люди, совершающіе великіе подвиги, могутъ быть увѣрены, что въ толпѣ всегда найдутся люди, готовые имъ служить.

Меньше чѣмъ черезъ часъ присяжные вынесли старику Шанматье оправдательный приговоръ. Получивъ свободу, онъ ушелъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что всѣ эти люди сошли съ ума, и ровно ничего не понялъ изъ всего происшедшаго.

Книга восьмая.—ВСТРѢЧНЫЙ УДАРЪ

I.

Въ какое зеркало господинъ Мадленъ смотритъ на свои волосы.

Начинало свѣтать. Фантина всю ночь провела въ лихорадкѣ и безсонницѣ; ей представлялись все одни радостныя видѣнія; къ утру она заснула. Сестра Симплиція, не отходившая отъ нея всю ночь, воспользовалась этимъ временемъ, чтобы приготовить ей растворъ хины. Добрая сестра пошла въ больничную аптеку и уже нѣсколько минутъ при слабомъ утреннемъ свѣтѣ занялась разборкой склянокъ и лѣкарствъ, низко нагнувшись надъ ними. Вдругъ она повернула голову и вскрикнула. Передъ ней стоялъ господинъ Мадленъ. Онъ вошелъ незамѣтно.

— Это вы, господинъ мэръ!—воскликнула она.

— Какъ здоровье этой бѣдной женщины?—спросилъ онъ вполголоса.

— Въ настоящую минуту ничего. Но раньше мы страшно за нее тревожились.

Она объяснила ему все, что произошло безъ него, какъ Фантинѣ только-что передъ тѣмъ было очень плохо, но теперь лучше, потому что она вообразила себѣ, что господинъ мэръ уѣхалъ въ Монфермейль за ея ребенкомъ. Сестра не рѣшилась разспрашивать господина мэра, но по его лицу она замѣтила, что онъ тамъ не былъ.

— Вы хорошо сдѣлали,—сказалъ онъ, что не разувѣряли ее въ этомъ.

— Да,—отвѣчала сестра,—но теперь, господинъ мэръ, когда она увидитъ васъ одного, безъ ребенка, что мы ей скажемъ?

Онъ на минуту задумался.

— Богъ вдохновитъ насъ,—сказалъ онъ.

— Нельзя, однако, лгать,—вполголоса пробормотала сестра.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ уже свѣтло, и лицо Мадлена было видно ясно.

Сестра случайно подняла глаза.

— Боже мой, сударь!—вскрикнула она.—Что съ вами случилось? Ваши волосы совсѣмъ побѣлѣли!

— Какъ побѣлѣли?—проговорилъ онъ.

У сестры Симплиціи не было своего зеркала; она поискала въ ящикѣ стола и вынула оттуда маленькое зеркальце, которое докторъ подносилъ ко рту умершихъ, чтобы удостовѣриться, что они совсѣмъ уже перестали дышать. Господинъ Мадленъ взялъ зеркальце, взглянулъ на свои волосы и сказалъ: «Правда!» Онъ произнесъ эти слова совершенно равнодушно и, повидимому, думалъ въ то же время совсѣмъ о другомъ.

У сестры похолодѣло сердце отъ чего-то неизвѣстнаго, но что она смутно угадывала.

— Могу я ее видѣть?—спросилъ онъ.

— Развѣ господинъ мэръ не вернетъ ей ребенка?—спросила сестра съ трудомъ, едва осмѣливаясь обратиться къ нему съ этимъ вопросомъ.

— Безъ сомнѣнія, но для этого нужно, по крайней мѣрѣ, дня два-три.

— Нельзя ли, чтобы она васъ не видала до этого времени,— робко замѣтила сестра,—она не узнала бы, что господинъ мэръ уже вернулся и съ удовольствіемъ бы стала васъ дожидаться, а когда ребенка привезутъ, то подумаетъ, что господинъ мэръ пріѣхалъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тогда не пришлось бы лгать.

Казалось, господинъ Мадленъ задумался на нѣсколько минутъ, потомъ проговорилъ грустно и спокойно:

— Нѣтъ, сестра, я долженъ повидаться съ ней. Не знаю, но кажется, мнѣ слѣдуетъ спѣшить.

Монахиня какъ будто не обратила вмиманія на слова: «не знаю, но кажется», придававшія такой странный и таинственный смыслъ словамъ господина мэра. Опустивъ глаза, она проговорила почтительнымъ тономъ:

— Въ такомъ случаѣ, господинъ мэръ, вы можете войти, но только она спитъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно двери, которая плохо затворялась, такъ что скрипъ ея могъ разбудить больную, потомъ вошелъ въ комнату Фантины, подошелъ къ кровати и раздвинулъ пологъ. Фантина спала. Дыханіе вылетало изъ ея груди съ тяжелымъ хрипомъ, какой всегда бываетъ при болѣзняхъ этого рода и отъ котораго всегда такъ болѣзненно сжимается сердце матери, просиживающей ночи у постели своего ребенка, уже обреченнаго на смерть. Но это затрудненное дыханіе не нарушило тихаго спокойствія, разлитаго по ея лицу, во снѣ совершенно преобразившемуся. Блѣдность превратилась въ бѣлизну; на щекахъ игралъ румянецъ. Длинныя темныя рѣсницы—единственное украшеніе, оставшееся отъ ея прежней невинности и молодости—слегка вздрагивали, но не открывались. Все ея существо трепетало, точно невидимыя крылья собирались унести ее въ невѣдомую даль. Видя ея такою никому бы и въ голову не пришло, что передъ нимъ лежитъ безнадежно больная. Казалось, скорѣе, что она готовилась улетѣть, но вовсе не умирать.

Когда рука протягивается къ вѣткѣ, чтобы сорвать цвѣтокъ, вѣтка слегка трепещетъ и уклоняется, но въ то же время какъ бы покоряется своей участи. Человѣческое тѣло тоже вздрагиваетъ передъ наступленіемъ момента, когда таинственная рука смерти готовится унести душу.

Господинъ Мадленъ простоялъ нѣсколько минутъ неподвижно около ея кровати, глядя то на больную, то на Распятіе, какъ два мѣсяца тому назадъ, когда онъ въ первый разъ пришелъ навѣстить Фантину въ этомъ пріютѣ. И теперь они были опять вмѣстѣ

и опять въ томъ же положеніи: она спала, онъ молился; только теперь, по прошествіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, она посѣдѣла, а его волосы сдѣлались совсѣмъ бѣлыми.

Сестра не вошла съ нимъ. Онъ стоялъ около кровати, приложивъ палецъ къ губамъ какъ будто бы въ комнатѣ былъ кто-нибудь еще и ему нужно было показать, что нельзя шумѣть.

Она открыла глаза, увидала его и съ улыбкой спросила совершенно спокойно:

— А Козетта?

II.

Фантина счастлива.

Она не выразила ни особеннаго удивленія, ни радости: она вся была олицетворенной радостью. Это простой вопросъ: «А Козетта?» выражалъ такую полную увѣренность, такое отсутствіе сомнѣнія и тревоги, что онъ не нашелся, что отвѣтить. Она продолжала:

— Я знала, что вы здѣсь. Я спала, но я васъ видѣла. Давно уже я васъ вижу; я слѣдила за вами глазами всю ночь. Вы окружены были сіяніемъ и вокругъ васъ витали небесные лики.

Онъ поднялъ глаза на Распятіе.

— Но скажите же мнѣ, однако, гдѣ Козетта? Отчего вы не положили ее на мою кровать, чтобы я могла ее видѣть тотчасъ же, какъ проснусь?

Онъ отвѣтилъ ей машинально что-то, чего никогда не могъ припомнить впослѣдствіи.

Къ счастью, вошелъ докторъ, котораго предупредили обо всемъ. Онъ выручилъ Мадлена.

— Дитя мое,—сказалъ докторъ,—успокойтесь. Ваша малютка здѣсь.

Глаза Фантины засверкали отъ восторга и освѣтили свѣтомъ радости все ея лицо. Она сложила руки съ выраженіемъ мольбы самой нѣжной и самой отчаянной.

— О!—воскликнула она.—Принесите мнѣ ее!

Трогательная иллюзія матери! Козетта попрежнему представлялась ей малюткой, которую можно было принести.

— Сейчасъ еще нельзя,—возразилъ докторъ:—у васъ лихорадка. Видъ вашего ребенка взволнуетъ васъ и вредно подѣйствуетъ на ваше здоровье. Вамъ надо сперва поправиться.

Она съ жаромъ перебила его:

— Но вѣдь я выздоровѣла! Увѣряю васъ, что я здорова! Что за оселъ этотъ докторъ! Я хочу видѣть своего ребенка!

— Вотъ видите,—отвѣчалъ докторъ,—какъ вы волнуетесь. Пока вы будете такой, я не могу разрѣшить вамъ свиданія. Недостаточно видѣть ее, надо жить для нея. Когда вы будете благоразумны, я самъ приведу ее къ вамъ.

Бѣдная мать поникла головою.

— Простите меня, господинъ докторъ, умоляю васъ, простите меня! Въ былое время я не стала бы такъ говорить, но я пережила такъ много горя, что иногда не помню, что говорю. Я по-

нимаю, вы боитесь, что я взволнуюсь: я буду ждать столько времени, сколько вы прикажете, но клянусь вамъ, что свиданіе съ моей дочкой мнѣ не повредитъ. Я ее вижу со вчерашняго дня, она у меня все время передъ глазами. Знаете что? Если бы мнѣ принесли ее сейчасъ, я стала бы съ ней разговаривать потихоньку. Вотъ и все. Развѣ это не естественно, что я хочу видѣть своего ребенка, за которымъ нарочно ѣздили въ Монфермейль? Я не сержусь. Я знаю, что буду счастлива. Всю ночь я видѣла свѣтлыя видѣнія и людей, которые мнѣ улыбались. Когда господинъ докторъ захочетъ, онъ принесетъ мнѣ мою Козетту. У меня больше нѣтъ лихорадки, потому что я здорова; я чувствую, что я совершенно здорова, но я буду вести себя, какъ больная, и не буду двигаться, чтобы угодить сестрамъ. Когда всѣ увидятъ, что я совершенно спокойна, то скажутъ: надо принести ей ребенка.

Господинъ Мадленъ сѣлъ на стулъ около ея кровати. Она обернулась къ нему; очевидно она дѣлала надъ собою усиліе, чтобы говорить спокойно и «быть умницей», какъ она выражалась въ своемъ болѣзненномъ дѣтскомъ безсиліи, чтобы окружающіе, видя ея такой спокойной, привели поскорѣе Козетту. Но, сдерживая себя изо всѣхъ силъ, она все-таки не могла удержаться, чтобы не сдѣлать тысячу разнообразныхъ вопросовъ господину Мадлену.

— Хорошо ли вы съѣздили, господинъ мэръ? О, какой вы добрый, что сами съѣздили за нею! Скажите мнѣ только, какова она? Хорошо ли она перенесла дорогу? Увы, она меня и не узнаетъ теперь! Она уже давно позабыла меня, бѣдная крошка! У дѣтей вѣдь память короткая. Они какъ птички: сегодня видятъ одно, завтра—другое, и ни о чемъ не думаютъ. Было ли у нея, по крайней мѣрѣ, чистое бѣлье? Чисто ли ее содержали эти Тенардье? Какъ ее кормили? О, если бы вы знали, какъ я страдала, задавая себѣ всѣ эти вопросы, въ дни моей нищеты! Теперь все это прошло. Я счастлива. О, какъ бы мнѣ хотѣлось, однако, повидать ее! Что, она вамъ понравилась, господинъ мэръ? Не правда ли—она хорошенькая? Вамъ, должно быть, было очень холодно въ дилижансѣ! Нельзя ли ее принести хотя бы на одну минуту? Потомъ ее опять унесутъ. Прикажите, вѣдь вы здѣсь хозяинъ. Если вы прикажете,—все сейчасъ же сдѣлаютъ.

Онъ взялъ ее за руку.

— Козетта красавица,—сказалъ онъ.—Козетта здорова, вы ее скоро увидите, но только успокойтесь, пожалуйста. Вы говорите слишкомъ много и высовываете руки изъ-подъ отдѣла, оттого вы и кашляете.

На самомъ дѣлѣ, Фантина кашляла чуть ли не послѣ каждаго слова. Фантина не роптала, она боялась, не подорвала ли она своими жалобами то довѣріе, которое хотѣла внушить; она заговорила о постороннихъ вещахъ.

— Не правда ли, Монфермейль очень красивое мѣсто? Лѣтомъ туда ѣздятъ для прогулокъ. Хорошо ли идутъ дѣла у Тенардье? Тамъ бываетъ мало народа. Ихъ трактиръ похожъ больше на простую харчевню.

Господинъ Мадленъ продолжалъ держать ее за руку и смотрѣть съ тревогой; было ясно, что онъ пришелъ сюда сказать ей совсѣмъ другое, чего теперь не рѣшался сдѣлать. Докторъ, окончивъ визитацію, ушелъ. Съ ними осталась одна только сестра Симплиція,

Среди наступившаго молчанія Фантина внезапно вскрикнула:

— Боже мой, Боже мой! я слышу ея голосъ!

Она протянула руку, какъ бы упрашивая, чтобы всѣ замолчали, и стала съ восторгомъ прислушиваться.

На дворѣ игралъ какой-то ребенокъ,—дочь привратницы или какой-нибудь работницы. Это была одна изъ тѣхъ случайностей, которыя всегда встрѣчаются при таинственной обстановкѣ трагическихъ происшествій. Маленькая дѣвочка бѣгала, чтобы согрѣться, смѣялась и громко пѣла. Увы, къ чему только не примѣшиваются дѣтскія игры! Фантина прислушивалась къ пѣнію этой маленькой дѣвочки.

— О!—повторяла она.—Это моя Козетта! Я узнаю ея голосъ.

Дѣвочка убѣжала, голосокъ ея замолкъ. Фантина еще прислушивалась нѣкоторое время. Потомъ лицо ея потемнѣло, и господинъ Мадленъ слышалъ, какъ она проговорила вполголоса:

— Какой злой этотъ докторъ, что не позволяетъ мнѣ видѣть мою дочку! У этого человѣка нехорошее лицо!

Впрочемъ, сейчасъ же явились счастливыя мысли и прогнали ея печаль. Она продолжала говорить сама съ собою, лежа головой на подушкѣ:

— Какъ мы будемъ счастливы! Прежде всего у насъ будетъ маленькій садикъ! Господинъ Мадленъ обѣщалъ мнѣ это. Моя дочурка будетъ играть въ саду. Теперь, вѣроятно, она уже знаетъ всѣ буквы. Я заставлю ее читать. Она будетъ бѣгать по травѣ за бабочками. Я буду на нее любоваться. Потомъ она пойдетъ къ первому причастію. Да! Когда же это будетъ?

И она принялась считать по пальцамъ,

— Одинъ, два три, четыре... ей теперь семь лѣтъ. Значитъ черезъ пять лѣтъ. Она надѣнетъ бѣлый вуаль, ажурные чулки и будетъ похожа на маленькую женщину. Ахъ, моя дорогая сестра, не правда ли, какая я глупая—я уже мечтаю о первомъ причастіи для моей дочки.

И она принялась смѣяться.

Мадленъ выпустилъ руку Фантины и прислушивался къ ея словамъ, какъ прислушиваются къ шелесту вѣтра, съ опущенными глазами и весь погруженный въ глубокую думу. Вдругъ она перестала говорить, и онъ невольно приподнялъ голову. Фантина была страшна. Она молчала и едва дышала. Она наполовину приподнялась на кровати. Изъ-подъ рубашки выставлялось худое плечо. Лицо, еще за минуту передъ тѣмъ такое счастливое, вдругъ помертвѣло, и она, повидимому, устремила свой взоръ на что-то ужасное, стоявшее передъ ней въ противоположномъ концѣ комнаты; глаза ея расширились отъ безпредѣльнаго ужаса.

— Боже мой, что съ вами, Фантина?—воскликнулъ Мадленъ.

Она не отвѣчала ничего и не спускала глазъ съ того ужаснаго предмета, который приковывалъ ея вниманіе. Одной рукой она дотронулась до руки мэра, а другой сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ обернулся.

Онъ обернулся и увидалъ Жавера.

III.

Жаверъ доволенъ.

Вотъ что произошло.

Пробило половина двѣнадцатаго ночи, когда господинъ Мадленъ вышелъ изъ залы ассизнаго суда въ Аррасѣ. Онъ вернулся въ трактиръ какъ разъ во-время, чтобы уѣхать обратно въ мальпостѣ, въ которомъ, какъ мы уже знаемъ, онъ взялъ заранѣе мѣсто. Около шести часовъ утра онъ пріѣхалъ въ Монтрейль и первымъ дѣломъ опустилъ письмо къ Лаффиту, а потомъ поспѣшилъ въ больницу навѣстить Фантину.

Между тѣмъ едва онъ успѣлъ оставить залъ засѣданія, какъ прокуроръ, оправившись послѣ перваго смущенія, произнесъ рѣчь, въ которой сожалѣлъ о внезапномъ сумасшествіи уважаемаго мэра города Монтрейля, объяснивъ кстати, что его убѣжденіе у него нисколько не измѣнилось, и настаивалъ на обвиненіи этого Шанматье, очевидно, настоящаго Жана Вальжана. Убѣжденіе прокурора замѣтно шло въ разрѣзъ съ общимъ чувствомъ—публики, суда и присяжныхъ. Защитнику легко было доказать и вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуть рѣчь прокурора, что вслѣдствіе признаній господина Мадлена, т.-е. настоящаго Жана Вальжана, сущность дѣла совершенно измѣняется, и передъ глазами судей стоитъ ни въ чемъ неповинный человѣкъ. Адвокатъ привелъ нѣсколько разсказовъ,—къ сожалѣнію, не новыхъ—о судебныхъ ошибкахъ и т. д. Предсѣдатель въ своемъ резюме присоединился къ защитнику, и присяжные черезъ нѣсколько минутъ, послѣ короткаго совѣщанія, признали Шанматье невиновнымъ. Тѣмъ не менѣе прокурору нуженъ былъ Жанъ Вальжанъ и, не имѣя больше въ своихъ рукахъ Шанматье, онъ принялся за Мадлена.

Вслѣдъ за освобожденіемъ Шанматье прокуроръ немедленно заперся наединѣ съ предсѣдателемъ. Они совѣщались «о необходимости подвергнуть господина мэра города Монтрейля личному задержанію». Эта фраза была цѣликомъ написана самимъ прокуроромъ въ донесеніи на имя генеральнаго прокурора. Предсѣдатель слабо возражалъ; его волненіе совершенно улеглось. Надо же было, въ самомъ дѣлѣ, чтобы правосудіе вступило въ свои права. И къ тому же надо сознаться, что хотя предсѣдатель былъ человѣкъ добрый и довольно умный, но былъ въ то же время и убѣжденнымъ роялистомъ и даже почти изъ крайнихъ, и его сильно покоробило, что монтрейльскій, мэръ говоря о высадкѣ въ Каннѣ, сказалъ *императоръ*, а не Бонапартъ.

Отправили приказъ объ арестѣ; прокуроръ послалъ его въ Монтрейль съ нарочнымъ, который передалъ его полицейскому

надзирателю Жаверу. Какъ извѣстно, Жаверъ уѣхалъ обратно въ Монтрейль тотчасъ же послѣ дачи своего показанія на судѣ.

Приказъ объ арестѣ нарочный подалъ ему какъ разъ въ ту минуту, когда онъ вставалъ съ постели.

Нарочный былъ тоже изъ полицейскихъ, довольно ловкій, и онъ въ двухъ словахъ объяснилъ Жаверу, что произошло въ Аррасѣ. Приказъ объ арестѣ, подписанный прокуроромъ, былъ слѣдующаго содержанія:

«Надзирателю Жаверу предписывается взять подъ стражу господина Мадлена, мэра города Монтрейля, который сегодня въ засѣданіи суда признанъ освобожденнымъ каторжникомъ Жаномъ Вальжаномъ».

Тотъ, кто не зналъ Жавера, увидавъ его въ моментъ появленія въ прихожей больницы, не могъ бы угадать по его лицу, что произошло; у него былъ самый обыкновенный видъ. Онъ былъ холоденъ, спокоенъ, строгъ, и особенно старательно зачесалъ на вискахъ свои сѣдые волосы. Онъ шелъ по лѣстницѣ своею обычной неторопливою походкою. Но всякій, знавшій его близко, внимательно вглядѣвшись въ него, пришелъ бы въ ужасъ. Пряжка его кожанаго воротника вмѣсто того, чтобы быть позади, очутилась около лѣваго уха. Это указывало на крайне возбужденное состояніе.

У Жавера былъ характеръ цѣльный — онъ не допускалъ ни малѣйшаго уклоненія при исполненіи своихъ обязанностей и ни малѣйшей складочки на своемъ мундирѣ; онъ былъ методиченъ съ преступниками и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы пуговицы на его одеждѣ были всегда въ порядкѣ. Поэтому, для того, чтобы онъ застегнулъ криво пряжку воротника, необходимо было случиться въ его душѣ не то что волненію, а цѣлому землетрясенію.

Онъ явился совершенно запросто, захвативъ съ собою капрала и четырехъ солдатъ съ сосѣдней гауптвахты, оставилъ ихъ на на дворѣ и приказалъ привратницѣ указать себѣ комнату Фантины. Привратница не подозрѣвала ничего дурного, такъ какъ привыкла къ тому, что вооруженные люди часто спрашивали господина мэра. Пройдя къ комнатѣ Фантины, Жаверъ повернулъ ручку, отворилъ осторожно дверь, какъ только умѣютъ дѣлать больничныя сидѣлки и шпіоны, и вошелъ. Онъ, собственно говоря, даже не вошелъ въ комнату, а остановился на порогѣ полуоткрытой двери, не снимая шляпы, засунувъ лѣвую руку за бортъ застегнутаго доверху сюртука. Изъ складки рукава высовывался свинцовый набалдашникъ его громадной палки, которая сама была гдѣ-то за его спиной.

Такъ простоялъ онъ около минуты, никѣмъ не замѣченный. Вдругъ Фантина подняла глаза, увидала его и заставила господина Мадлена обернуться.

Въ ту минуту, когда взглядъ Мадлена встрѣтился со взглядомъ Жавера, Жаверъ не двигаясь, не шевелясь, не приближаясь, сталъ вдругъ ужасенъ. Никакое чувство не можетъ быть такъ страшно,

какъ злорадное выраженіе человѣческаго лица. То было лицо демона, нашедшаго погибшую душу. Вслѣдствіе увѣренности въ томъ, что Жанъ Вальжанъ находится, наконецъ, въ его власти, у него на лицѣ выразилось все, что накопилось у него въ душѣ. Взбаламученные подонки всплыли на поверхность. Самолюбіе, оскорбленное тѣмъ, что онъ едва не сбился съ пути, принявъ хотя на нѣкоторое время Шанматье за другого, вполнѣ вознаградилось торжествомъ и горделивой радостью, что онъ вѣрно угадалъ правду по первому разу и что чутье не измѣнило ему до сихъ поръ. Самодовольство Жавера выражалось во всемъ его существѣ. Вся мерзость его торжества отразилась на этомъ узкомъ лбу. То былъ поистинѣ самый отвратительный ужасъ, представлявшійся въ полномъ своемъ безобразіи въ лицѣ этого человѣка.

Жаверъ въ эту минуту былъ на седьмомъ небѣ. Не отдавая себѣ отчета, но все-таки смутно сознавая свою необходимость, свой успѣхъ, онъ, Жаверъ, воплощалъ въ себѣ правосудіе, свѣтъ и правду въ ихъ высокомъ значеніи, и своею особою сокрушалъ зло на землѣ. За нимъ и вокругъ него въ безконечной глубинѣ сіяли всѣ звѣзды: власть, законъ, общественная совѣсть, правомѣрное возмездіе; онъ охранялъ порядокъ, онъ мстилъ за общество, онъ пускалъ въ ходъ свою власть для спасенія абсолютной правды; онъ былъ окруженъ ореоломъ славы; въ его побѣдѣ былъ остатокъ вызова и борьбы; счастливый и негодующій, онъ попиралъ ногой преступленіе, порокъ, мятежъ; грозный призракъ того дѣйствія, которое онъ призванъ былъ исполнить, давалъ предчувствовать въ его судорожно сжатомъ кулакѣ сверкающій мечъ закона; онъ сіялъ, потому что могъ теперь уничтожить то, что ненавидѣлъ; онъ улыбался и, несомнѣнно, было что-то величественное въ этомъ чудовищномъ охранителѣ правды.

Жаверъ былъ ужасенъ, но въ немъ не было ничего низкаго.

Честность, искренность, прямодушіе, глубокое убѣжденіе, сознаніе долга, это—такія вещи, которыя, попадая на ложный путь, могутъ стать отвратительными, оставаясь въ то же время великими; ихъ величіе не теряется и среди ужаса; это добродѣтели, у которыхъ одинъ порокъ—заблужденіе.

Безпощадная искренняя радость убѣжденнаго фанатика, совершающаго жестокость, сохраняетъ въ себѣ какое-то мрачное сіяніе, внушающее къ себѣ уваженіе. Жаверъ, ослѣпленный счастіемъ, самъ того не подозрѣвая, былъ достоинъ только искренняго сожалѣнія, какъ всякій торжествующій невѣжда. Невыносимо противенъ и донельзя ужасенъ былъ видъ этого торжествующаго лица, на которомъ отражалось все, что только можетъ оказаться дурного въ добрѣ.

IV.

Власть вступаетъ въ свои права.

Фантина не видала Жавера съ тѣхъ поръ, какъ господинъ мэръ вырвалъ ее изъ рукъ этого человѣка. Ея больной умъ не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета: она не могла перенести вида

этой ужасной фигуры и чувствовала, что задыхается; закрывъ лицо руками, она закричала въ отчаяніи:

— Господинъ Мадленъ, спасите меня!

Жанъ Вальжанъ,—съ этихъ поръ мы всегда будемъ называть его такъ,—всталъ. Онъ сказалъ Фантинѣ своимъ кроткимъ и спокойнымъ голосомъ:

— Успокойтесь. Онъ пришелъ не за вами.

Потомъ, обернувшись къ Жаверу, онъ прибавилъ:

— Я знаю, чего вы хотите!

Жаверъ отвѣчалъ:

— Ну, живо!

Въ этихъ двухъ словахъ прозвучало что-то дикое и звѣрское. Жаверъ даже не произнесъ ихъ раздѣльно, а какъ-то слилъ ихъ въ одно слово. Никакой транскрипціей не передать того тона, которымъ они были произнесены; ихъ скорѣе прорычали, а не сказали.

Жаверъ поступилъ не такъ, какъ поступалъ обыкновенно. Онъ ничего не объяснилъ, не предъявилъ даже приказа объ арестѣ. Для него Жанъ Вальжанъ былъ неуловимымъ таинственнымъ бойцомъ, котораго онъ никакъ не могъ поймать въ теченіе пяти лѣтъ. Этотъ арестъ являлся не началомъ, а концомъ. Потому-то онъ и сказалъ только:

— Ну, живо!

Произнеся эти слова, онъ самъ не двинулся ни на шагъ впередъ; онъ только бросилъ на Жана Вальжана взглядъ, который, какъ и его крюкъ, притягивалъ къ себѣ несчастныхъ отверженцевъ.

Этотъ самый взглядъ пронзилъ Фантину до мозга костей два мѣсяца тому назадъ. На крикъ Жавера Фантина открыла глаза. Но господинъ мэръ былъ здѣсь. Чего же ей было бояться? Жаверъ вышелъ на средину комнаты и закричалъ.

— Пойдешь ты, наконецъ, или нѣтъ?

Несчастная женщина оглянулась кругомъ. Здѣсь находился только господинъ мэръ и сестра милосердія. Къ кому же могло относиться это оскорбительное «ты»? Конечно, къ ней одной. Она задрожала. Вдругъ она увидала чудовищную вещь, до такой степени невѣроятную, что даже въ минуту самаго сильнаго лихорадочнаго бреда ея воображеніе не могло бы нарисовать ей подобной картины. Она увидала, какъ сыщикъ Жаверъ схватилъ господина мэра за воротъ; она видѣла, какъ господинъ мэръ поникъ головой. Ей казалось, что наступило свѣтопреставленіе. Жаверъ, дѣйствительно, схватилъ Жана Вальжана за шиворотъ.

— Господинъ мэръ!—закричала Фантина.

Жаверъ разразился смѣхомъ, тѣмъ ужаснымъ смѣхомъ, который обнажилъ всѣ его зубы.

— Здѣсь больше нѣтъ господина мэра.

Жанъ Вальжанъ не пытался даже освободиться отъ руки, зажавшей его за воротъ сюртука. Онъ сказалъ:

— Жаверъ...

Жаверъ прервалъ его:

— Зови меня господиномъ надзирателемъ.

— Сударь, — возразилъ Жанъ Вальжанъ, — мнѣ нужно вамъ сказать нѣсколько словъ наединѣ.

— Вслухъ! Вслухъ говори!—отвѣчалъ Жаверъ.—Со мною всегда говорятъ вслухъ.

Жанъ Вальжанъ продолжалъ, понизивъ голосъ:

— У меня есть до васъ просьба!..

— Говорятъ тебѣ, говори вслухъ!

— Никто не долженъ этого слышать, кромѣ насъ однихъ...

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ! Я все равно слушать не буду!

Жанъ Вальжанъ нагнулся и сказалъ быстро и тихо:

— Дайте мнѣ три дня сроку! Три дня, чтобы съѣздить и привезти ребенка этой несчастной женщины! Я заплачу, сколько слѣдуетъ. Если хотите, то можете ѣхать съ мною.

— Что ты смѣешься, что ли, надо мной?—закричалъ Жаверъ.— Ну, не думалъ я, что ты такой дуракъ! Ты просишь три дня сроку, чтобы сбѣжать! И увѣряешь, что поѣдешь за ребенкомъ этой дѣвки! Ахъ! ахъ! какъ хорошо! вотъ это отлично!

Фантина вся задрожала.

— Мой ребенокъ!—закричала она.—Ѣхать за моимъ ребенкомъ! Значитъ, ея здѣсь нѣтъ! Сестра, скажите мнѣ, гдѣ Козетта? Я хочу ее видѣть! Господинъ Мадленъ, господинъ мэръ!

Жаверъ топнулъ ногой.

— Теперь другая. Замолчишь ли ты, проклятая! Вотъ такъ страна, гдѣ каторжники занимаютъ высшія должности, а за публичными дѣвушками ухаживаютъ, какъ за графинями. Но зато теперь всему этому конецъ. Давно пора!

Онъ пристально посмотрѣлъ на Фантину и, зажавъ еще крѣпче въ кулакъ воротъ сюртука, галстукъ и воротникъ сорочки Жана Вальжана, прибавилъ:

— Говорятъ тебѣ, здѣсь нѣтъ никакого господина Мадлена и никакого господина мэра, а есть только воръ, разбойникъ, каторжникъ по имени Жанъ Вальжанъ! Его я поймалъ и держу, вотъ и все!

Фантина вскочила съ кровати, оперлась на свои закоченѣвшія руки, посмотрѣла на Жана Вальжана, на монахиню, раскрыла ротъ, какъ бы желая что-то сказать, но только страшный хрипъ вырвался изъ ея груди; зубы застучали; она въ страшной тоскѣ протянула впередъ руки, конвульсивно растопыривъ пальцы, въ какомъ-то дикомъ ужасѣ хватая воздухъ, какъ утопающая, и вдругъ внезапно опрокинулась на подушку. Голова ея ударилась о спинку кровати и опустилась на грудь, съ разинутымъ ртомъ, съ широко раскрытыми потухшими глазами.

Она умерла.

Жанъ Вальжанъ положилъ свою руку на руку державшаго его за воротъ Жавера, разжалъ ее такъ же легко, какъ руку ребенка и сказалъ ему:

— Вы убили эту женщину!

— Пора, однако, кончать!—закричалъ Жаверъ въ бѣшенствѣ.— Я здѣсь не затѣмъ, чтобы выслушивать разсужденія. Оставимъ все это. Стража стоитъ внизу; ступай сейчасъ же, а не то ручные кандалы!

Въ углу комнаты стояла старая желѣзная кровать, довольно расшатанная, служившая постелью для сестеръ, дежурившихъ ночью. Жанъ Вальжанъ подошелъ къ этой кровати, въ мгновеніе ока оторвалъ желѣзный прутъ отъ ея изголовья, — дѣло не трудное для такихъ крѣпкихъ мускуловъ, какіе были у него, — схватилъ этотъ прутъ и взглянулъ на Жавера. Жаверъ невольно попятился къ двери. Жанъ Вальжанъ съ желѣзнымъ прутомъ въ рукахъ медленно пошелъ къ кровати Фантины; подойдя къ кровати, онъ обернулся и сказалъ Жаверу едва слышно:

— Не совѣтую вамъ мѣшать мнѣ въ эту минуту.

Жаверъ задрожалъ. Это всѣ видѣли, кто тутъ былъ.

У него мелькнула мысль позвать стражу, но Жанъ Вальжанъ могъ воспользоваться этой минутой и скрыться. Поэтому Жаверъ остался. Схвативъ крѣпко свою палку за тонкій конецъ, онъ прислонился къ дверному косяку, не сводя глазъ съ Жана Вальжана. Жанъ Вальжанъ облокотился локтемъ на спинку кровати, опустилъ голову на руку и устремилъ свой взглядъ на неподвижную и безмолвную Фантину. Онъ долго оставался въ такомъ положеніи, безмолвный, неподвижный, позабывшій, вѣроятно, обо всемъ на свѣтѣ. Лицо его и вся фигура выражали безконечную жалость. Послѣ нѣсколькихъ минутъ созерцанія, онъ нагнулся къ Фантинѣ и сталъ ей что-то тихимъ голосомъ говорить. Что онъ ей говорилъ? Что могъ сказать изстрадавшійся человѣкъ покинувшей міръ женщинѣ? Какія это были слова? Никто на этомъ свѣтѣ ихъ не слыхалъ. Слышала ли ихъ покойница? Бываютъ трогательныя иллюзіи, которыя, быть-можетъ, иногда переходятъ въ дѣйствительность. Несомнѣнно только то, что сестра Симплиція, единственная свидѣтельница всей этой сцены, часто разсказывала впослѣдствіи, что въ ту минуту, когда Жанъ Вальжанъ шепталъ на ухо Фантинѣ, она ясно видѣла, какъ блаженная улыбка озарила эти блѣдныя губы, эти потухшіе зрачки, полные могильной неподвижности.

Жанъ Вальжанъ взялъ обѣими руками голову Фантины и нѣжно уложилъ ее на подушку, какъ мать укладываетъ своего ребенка; потомъ завязалъ ей воротъ рубашки и спряталъ волосы подъ чепчикъ. Сдѣлавъ все это, онъ закрылъ ей глаза.

Въ эту минуту лицо Фантины, казалось, озарилъ странный свѣтъ. Смерть—это переходъ къ свѣту. Рука Фантины свѣсилась съ кровати. Жанъ Вальжанъ опустился на колѣни, тихо приподнялъ эту руку и поцѣловалъ. Потомъ онъ всталъ, и обернувшись къ Жаверу, проговорилъ:

— Теперь я къ вашимъ услугамъ.

V.

Приличная могила.

Жаверъ отвелъ Жана Вальжана въ городскую тюрьму.

Арестъ господина Мадлена произвелъ въ городѣ Монтрейлѣ громадное впечатлѣніе или, вѣрнѣе говоря, настоящее потрясеніе.

Грустно признаться, но это фактъ, что по одному только слову: *бывшій каторжникъ*, почти всѣ отъ него отвернулись. Не прошло и двухъ часовъ, какъ все добро, сдѣланное имъ для города, было позабыто, онъ сталъ «каторжникомъ» и ничѣмъ болѣе. Правда, надо сознаться, что никто не зналъ еще подробностей событія, происшедшаго въ Аррасѣ. Въ продолженіе цѣлаго дня въ городѣ только и слышны были разговоры въ родѣ слѣдующаго:

«Вы слышали? Онъ бывшій каторжникъ! — Кто такой? — Да мэръ.—Какъ, господинъ Мадленъ?—Да.—Неужели?—Ему фамилія вовсе не Мадленъ, а какая-то ужасная: Бежанъ, Божанъ, Буженъ. — Ахъ, Боже мой!—Его арестовали? — Арестовали.— Онъ въ тюрьмѣ, въ городской тюрьмѣ, покуда его не переведутъ въ другое мѣсто.—Покуда не переведутъ? Такъ его будутъ переводить? Куда же его переведутъ? — Сначала его еще будутъ судить въ судѣ съ присяжными засѣдателями за грабежъ на большой дорогѣ, который онъ когда-то совершилъ.—А знаете что, я такъ и зналъ,—человѣкъ этотъ былъ слишкомъ ужъ что-то добръ, слишкомъ справедливъ, слишкомъ набоженъ. Онъ отказался отъ ордена и раздавалъ милостыню всѣмъ маленькимъ лѣнтяямъ, которыхъ встрѣчалъ. Я всегда думалъ, что здѣсь дѣло не чисто».

Особенно строго отнеслись къ нему въ «салонахъ».

Одна старая дама, подписчица «*Бѣлаго Знамени*», высказала слѣдующую мысль, глубину которой трудно постигнуть умомъ человѣческимъ:

— Я очень рада. Это урокъ бонапартистамъ.

Такимъ образомъ мало-по-малу призракъ, носившій имя Мадлена, разсѣялся въ городѣ Монтрейлѣ. Только три-четыре человѣка во всемъ городѣ остались вѣрны его памяти; въ ихъ числѣ была и старуха-привратница, которая была у него прислугой.

Вечеромъ того же дня добрая старушка сидѣла въ своей сторожкѣ грустная, задумчивая, взволнованная. Фабрика была заперта съ самаго утра, ворота также были заперты, на улицѣ не было ни души. Въ домѣ только находились двѣ монахини, сестра Перпетуя и сестра Симплиція, сидѣвшія у тѣла Фантины.

Около того времени, когда господинъ Мадленъ обыкновенно возвращался домой, добрая женщина машинально встала, достала изъ ящика ключъ отъ комнаты господина Мадлена и подсвѣчникъ, съ которымъ онъ поднимался по лѣстницѣ, поставила ключъ на обычный гвоздь, а подсвѣчникъ поставила на его обычное мѣсто, какъ будто ждала, что онъ и сегодня вернется въ свой обычный часъ. Затѣмъ она вернулась опять на свое мѣсто и задумалась. Бѣдная добрая старушка все это сдѣлала совершенно безсознательно. Прошло часа два, когда она вдругъ сразу опомнилась и воскликнула:

— Господи Іисусе, а я-то повѣсила ключъ на гвоздикъ!

Въ эту минуту окошко ея сторожки отворилось, въ него просунулась рука, сняла ключъ, взяла подсвѣчникъ и зажгла свѣчку о другую, горѣвшую въ сторожкѣ. Привратница подняла глаза и замерла на мѣстѣ. Крикъ остановился у нея въ горлѣ. Она хорошо знала эту руку и этотъ сюртучный рукавъ.

То былъ господинъ Мадленъ.

Нѣсколько секундъ она не могла выговорить ни одного слова. Она «остолбенѣла», какъ сама впослѣдствіи разсказывала объ этомъ.

— Боже мой, господинъ мэръ,—воскликнула она, наконецъ,— а я думала, что вы... Она остановилась, потому что конецъ фразы не соотвѣтствовалъ бы почтительному смыслу первыхъ словъ. Жанъ Вальжанъ попрежнему оставался для нея господиномъ мэромъ.

Онъ договорилъ за нее:

— Что я въ тюрьмѣ!—сказалъ онъ.—Я и былъ тамъ, но разломалъ рѣшетку у окна, спустился на крышу и явился сюда. Я иду въ свою комнату. Позовите ко мнѣ сестру Симплицію. Она, навѣрно, около той бѣдной женщины.

Старушка торопливо повиновалась.

Онъ не далъ никакихъ наставленій, онъ былъ увѣренъ, что она сумѣетъ лучше уберечь его, нежели онъ самъ.

Никто никогда не узналъ, какимъ образомъ онъ очутился у себя въ домѣ, не отпирая воротъ. Правда, онъ всегда носилъ съ собою отмычку, отворявшую маленькую боковую калитку, но вѣдь при обыскѣ ее должны были у него взять. Это обстоятельство такъ и осталось неразъясненнымъ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ, ведшей въ его комнату. Дойдя до самаго верха, онъ поставилъ подсвѣчникъ на верхнія ступени, тихо отворилъ дверь, ощупью добрался до окна и закрылъ внутренніе ставни, потомъ вернулся за свѣчкой и внесъ ее въ комнату.

Такая предосторожность была не лишняя. Какъ извѣстно, окно его комнаты выходило на улицу.

Онъ окинулъ взглядомъ всю комнату, взглянулъ на столъ, на стулъ, на свою кровать, которая три ночи подъ рядъ не была помята, и не нашелъ ни малѣйшаго слѣда того безпорядка, который онъ оставилъ здѣсь третьяго дня. Привратница прибрала комнату; Она вынула изъ золы камина и положила на столъ желѣзные наконечники сгорѣвшей палки и почернѣвшую монету въ сорокъ су.

Онъ взялъ листъ бумаги и написалъ на немъ слѣдующее: *Вотъ оба наконечника моей палки и монета въ сорокъ су, украденная мною у мальчика Жервэ, о чемъ я говорилъ суду*, и положилъ куски желѣза и монету на этотъ листъ бумаги такъ, чтобы они бросились въ глаза всякому, кто взошелъ бы въ комнату; затѣмъ вынулъ изъ шкапа старую рубашку, разорвалъ ее и въ эти тряпки завернулъ два серебряныхъ подсвѣчника. Все это онъ дѣлалъ не спѣша и не волнуясь. Укладывая подсвѣчники епископа, онъ въ то же время откусывалъ куски чернаго хлѣба. Очень вѣроятно, что этотъ хлѣбъ онъ унесъ съ собою, убѣгая изъ тюрьмы. Впослѣдствіи это было установлено судебнымъ слѣдователемъ, нашедшимъ крошки тюремнаго хлѣба на подоконникѣ.

Въ дверь осторожно постучались два раза.

— Войдите,—сказалъ онъ.

То была сестра Симплиція.

Она была блѣдна, глаза ея были красны, свѣча, которую она держала въ рукахъ, дрожала. Жестокіе удары судьбы имѣютъ ту особенность, что какъ бы мы ни были приготовлены ко всякимъ случайностямъ, какъ бы мы ни зачерствѣли, они всегда поднимаютъ изъ глубины нашего существа всѣ гуманныя человѣческія чувства. Среди волненій этого дня монахиня снова стала женщиной. Она плакала, она дрожала. Жанъ Вальжанъ написалъ на листѣ бумаги нѣсколько строкъ и подалъ его монахинѣ со словами:

— Сестра, передайте эту записку здѣшнему кюрэ.

Листокъ былъ раскрытъ, она взглянула на него.

— Можете прочесть,—сказалъ онъ.

Она прочла: «Я прошу господина кюрэ наблюсти за всѣмъ, что я оставляю здѣсь. Пусть онъ заплатитъ судебныя издержки по моему дѣлу и похоронитъ умершую сегодня женщину. Остальное все—бѣднымъ».

Сестра хотѣла что-то сказать, но едва могла произнести нѣсколько безсвязныхъ звуковъ. Наконецъ она поборола себя и сказала:

— Развѣ господинъ мэръ не желаетъ еще разъ взглянуть на несчастную страдалицу?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—за мной уже гонятся и могутъ арестовать въ ея комнатѣ: это нарушитъ ея покой.

Едва онъ успѣлъ проговорить эти слова, какъ на лѣстницѣ раздался страшный шумъ. Послышались тяжелые шаги и голосъ привратницы, говорившій громко и пронзительно:

— Мой добрый господинъ, клянусь Богомъ, что никто не заходилъ сюда во весь день и во весь вечеръ, а вѣдь я все время дежурила у двери.

Мужской голосъ отвѣчалъ:

— Однако въ этой комнатѣ горитъ свѣтъ.

Они узнали голосъ Жавера.

Комната была такъ устроена, что дверь, когда открывалась, закрывала собой весь правый уголъ комнаты. Жанъ Вальжанъ задулъ свою свѣчку и сталъ въ этотъ уголъ.

Сестра Симплиція упала на колѣни около стола.

Дверь отворилась.

Въ коридорѣ слышенъ былъ шопотъ многихъ голосовъ и усиленные протесты привратницы.

Монахиня не поднимала глазъ. Она молилась.

Свѣча, съ которой она пришла, стояла на каминѣ и слабо освѣщала комнату.

Жаверъ увидѣлъ сестру и остановился въ нерѣшимости.

Читатель помнитъ, что по своему характеру и по внутреннему убѣжденію Жаверъ глубоко уважалъ всякую власть. Для него авторитетъ церкви стоялъ, конечно, выше всего, онъ былъ религіозенъ, педантиченъ и строгъ по этому пункту, какъ и по всѣмъ остальнымъ. Въ его глазахъ священникъ былъ духъ, никогда не

заблуждающійся, монахиня—существо, никогда не грѣшащее. Это были души, хотя и прикованныя къ здѣшнему міру, но уста ихъ открывались только затѣмъ, чтобы изъ нихъ исходила только одна истина.

При видѣ сестры первымъ его побужденіемъ было удалиться. Однако у него былъ еще другой долгъ, который побуждалъ его поступить совершенно обратно. Вторымъ его движеніемъ было остаться и осмѣлиться сдѣлать сестрѣ одинъ только вопросъ.

Передъ нимъ была сестра Симплиція, не лгавшая никогда во всю свою жизнь. Жаверъ это зналъ и чувствовалъ поэтому къ ней особенное уваженіе.

— Сестра,—сказалъ онъ,—вы однѣ въ этой комнатѣ?

Наступила страшная минута, въ продолженіе которой привратница чуть не лишилась чувствъ.

Сестра подняла глаза и сказала:

— Да.

— Въ такомъ случаѣ,— продолжалъ Жаверъ,— извините меня за мою настойчивость, но это мой долгъ; не видали ли вы сегодня вечеромъ одного человѣка. Онъ убѣжалъ изъ-подъ ареста и мы разыскиваемъ его. Его зовутъ Жанъ Вальжанъ. Вы не видали его?

Сестра отвѣчала:

— Нѣтъ.

Она солгала. Она солгала два раза подъ рядъ, разъ за разомъ, не колеблясь, быстро, какъ человѣкъ, дѣлающій самоотверженный поступокъ.

— Извините,—сказалъ Жаверъ и съ низкимъ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

О, святая дѣвушка! много уже лѣтъ тебя нѣтъ на этомъ свѣтѣ; ты давно уже ушла на небо и витаешь тамъ съ твоими сестрами-дѣвственницами и твоими братьями-ангелами; пусть эта ложь зачтется тебѣ на небесахъ!

Отвѣты сестры были настолько убѣдительны для Жавера, что онъ даже не замѣтилъ одной странности — дымившейся на столѣ свѣчки, которую только что задули.

Часъ спустя, во время вечерняго тумана, какой-то человѣкъ осторожно пробирался между деревьями. Онъ покинулъ Монтрейль и шелъ по дорогѣ въ Парижъ. Человѣкъ этотъ былъ Жанъ Вальжанъ. На основаніи свидѣтельства двухъ или трехъ извозчиковъ, повстрѣчавшихъ его на пути, было дознано, что онъ несъ въ рукахъ свертокъ и былъ одѣтъ въ блузу. Гдѣ взялъ онъ эту блузу? Этого никто не могъ узнать. Между тѣмъ нѣсколько дней тому назадъ въ фабричной больницѣ умеръ старый рабочій и оставилъ послѣ себя одну только блузу. Быть-можетъ, это и была та самая блуза.

Послѣднее слово о Фантинѣ. У всѣхъ у насъ есть одна общая мать—земля. Фантину отдали этой матери.

Священникъ полагалъ, что поступаетъ хорошо, а можетъ-быть, его поступокъ былъ и вправду хорошъ, но только онъ изъ денегъ, оставленныхъ Жаномъ Вальжаномъ, рѣшилъ утянуть какъ

можно больше для бѣдныхъ. Къ тому же, въ сущности, о комъ тутъ шла рѣчь, если сказать поправдѣ? О каторжникѣ и о публичной женщинѣ. Поэтому онъ упростилъ похороны Фантины до послѣдней степени и ограничилъ ихъ только самымъ необходимымъ, то-есть, другими словами, похоронилъ ее преспокойно въ общей могилѣ.

Фантину закопали въ дальнемъ углу кладбища, гдѣ хоронятъ безплатно. Этотъ уголъ принадлежитъ всѣмъ и никому. Тамъ бѣдняки затериваются безвозвратно и навсегда. Къ счастію, Господь знаетъ, гдѣ найти каждую душу. Фантину положили въ темнотѣ, гдѣ попало, въ повалку съ первыми попавшимися костями. Ее бросили въ общую могилу. Какъ она спала живая, такъ спитъ и мертвая.

КОНЕЦЪ 1 ЧАСТИ.

Часть вторая.—КОЗЕТТА.

Книга первая.—ВАТЕРЛОО.

I.

Что можно встрѣтить на пути изъ Нивелля.

Въ прошломъ году (1861), прекраснымъ майскимъ утромъ, прохожій, ведущій весь этотъ разсказъ, шелъ изъ Нивелля по направленію къ Ля-Гюльпу. Онъ шелъ пѣшкомъ по широкому шоссе, обсаженному по обѣ стороны деревьями и пролегающему по цѣпи холмовъ, которые, подобно огромнымъ волнамъ, безпрестанно поднимали и опускали дорогу. Онъ миновалъ Лиллуа и Буа-Сеньеръ-Исаакъ. На западѣ показалась аспидная колокольня селенія Бренъ-л'Алле, имѣющая форму опрокинутой вазы. Онъ оставилъ позади себя лѣсъ на холмѣ, а на перекресткѣ, рядомъ съ похожимъ на висѣлицу полусгнившимъ столбомъ съ надписью: «прежняя застава № 4», миновалъ кабачокъ, на фасадѣ котораго была вывѣска: «Au quatre vents. Echabeau, café de particulier»[1]).

Пройдя съ четверть мили отъ этого кабачка, онъ достигъ маленькой долины, орошаемой ручейкомъ, протекавшимъ подъ аркой, продѣланной въ насыпи дороги. Группа еще не совсѣмъ распустившихся, но уже ярко зеленыхъ деревьевъ покрывала долину по одну сторону шоссе, а по другую сторону они разбѣгались по лугамъ и въ изящномъ безпорядкѣ тянулись въ направленіи Бренъ-л'Алле.

Направо, у самой дороги, находился постоялый дворъ, у воротъ котораго стояли: четырехколесная телѣга, большая связка жердей для хмеля, плугъ; далѣе, около живой изгороди, валялась куча сухого хвороста, дымилась известка въ четырехугольной ямѣ, и виднѣлась лѣстница, прислоненная къ старому сараю съ соломенными перегородками. Молоденькая дѣвушка полола въ полѣ, гдѣ летала по вѣтру большая желтая афиша, объявлявшая, вѣроятно, о какомъ-нибудь представленіи заѣзжихъ актеровъ въ храмовой праздникъ. За угломъ постоялаго двора, рядомъ съ лужей, въ которой плескалась цѣлая стая утокъ, плохо вымощенная дорожка вела въ глубь кустарника. Туда и направился прохожій.

Пройдя около сотни шаговъ вдоль стѣны въ стилѣ пятнадцатаго вѣка, увѣнчанной острымъ кирпичнымъ шпицемъ, онъ очутился передъ большими каменными воротами съ прямоугольнымъ импостомъ въ величественномъ стилѣ Людовика XIV и съ двумя плоскими медальонами по бокамъ. Надъ воротами возвышался

---

[1]) Четыре вѣтра. Частный ресторанъ Эшабо.

строгій фасадъ. Перпендикулярная фасаду стѣна почти касалась воротъ и круто дѣлала съ ними прямой уголъ.

На лугу, передъ воротами, валялись три рѣшетки, сквозь которыя пробивались майскіе цвѣты. Ворота были закрыты. Они были въ два раствора, и тутъ же висѣлъ старый заржавленный молотокъ. Солнце ласково свѣтило, вѣтви деревьевъ шелестѣли нѣжнымъ майскимъ шелестомъ, который какъ будто выходилъ изъ птичьихъ гнѣздъ, а не производился вѣтромъ. Какая-то пичужка,—влюбленная, по всей вѣроятности,—прегромко распѣвала на вѣткѣ большого дерева.

Прохожій нагнулся и сталъ разсматривать налѣво въ камнѣ, внизу устоя воротъ, довольно большое круглое отверстіе, похожее на ячейку. Въ это время ворота растворились и появилась крестьянка.

Она увидала прохожаго и замѣтила, что онъ разсматривалъ.

— Это сдѣлало французское ядро,—сказала она.

Потомъ прибавила:

— А то, что вы видите тамъ выше, въ двери, около гвоздя, это—углубленіе отъ картечной пули. Картечь не могла пробить дерева.

— Какъ эта мѣстность называется?—спросилъ прохожій.

— Гугомонъ,—отвѣчала крестьянка.

Прохожій выпрямился, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сталъ смотрѣть черезъ изгородь. Онъ увидалъ сквозь деревья на горизонтѣ родъ холма, а на этомъ холмѣ нѣчто, похожее издали на льва.

Онъ находился на полѣ сраженія при Ватерлоо.

II.

Гугомонъ.

Гугомонъ—вотъ то мрачное мѣсто, гдѣ великій европейскій дровосѣкъ Наполеонъ встрѣтилъ при Ватерлоо первое препятствіе, первое сопротивленіе; то былъ первый узелъ подъ ударомъ топора.

Прежде это былъ замокъ, а теперь простая ферма. Этотъ замокъ былъ построенъ Гугономъ, владѣтелемъ Сомерельскимъ, тѣмъ самымъ, который обогатилъ своими вкладами доходы аббатства Вилье.

Прохожій толкнулъ ворота, задѣвъ локтемъ какую-то старую коляску, стоявшую подъ навѣсомъ, и вошелъ во дворъ.

Первое, что бросилось ему въ глаза на этомъ дворѣ, были ворота въ стилѣ шестнадцатаго вѣка, имѣвшія видъ арки, такъ какъ все вокругъ нихъ обрушилось. Развалины часто принимаютъ грандіозный видъ.

Около арки въ стѣнѣ находились другія ворота со сводами временъ Генриха IV, сквозь которыя виднѣлись деревья фруктоваго сада. Рядомъ съ этими воротами—навозная яма, кирки и лопаты, нѣсколько тележекъ, старый колодецъ, съ каменной пли-

той и желѣзнымъ вертящимся крестомъ, индюкъ, распускающій свой хвостъ, рѣзвящійся жеребенокъ, часовенка, съ маленькой колокольней, шпалерное грушевое дерево въ цвѣту, раскинувшее свои вѣтви по стѣнѣ часовни,—вотъ дворъ, завоеваніе котораго было мечтой Наполеона. Если бы онъ овладѣлъ имъ, то этотъ клочокъ земли, быть-можетъ, далъ бы ему вселенную. Въ пыли рылись куры. Слышалось рычаніе большой собаки, которая скалила зубы и замѣняла теперь англичанъ.

Англичане здѣсь были достойны удивленія. Четыре гвардейскія роты Кука держались здѣсь въ продолженіе семи часовъ противъ натиска цѣлой арміи. Гугомонъ на картѣ, въ геометрическомъ чертежѣ, включая строенія и дворы, имѣетъ видъ неправильнаго прямоугольника, одинъ уголъ котораго срѣзанъ. На этомъ углу находятся южныя ворота, защищаемыя стѣной, съ которой имъ можно было обстрѣливать въ упоръ. У Гугомона двое воротъ; южныя—ворота замка и сѣверныя—ворота фермы. Наполеонъ отправилъ противъ Гугомона своего брата Жерома; здѣсь встрѣтились дивизіи Гильемино, Фуа и Башлю, тутъ дѣйствовалъ и погибъ почти весь корпусъ Рейля. Ядра Келлермана оказались безсильными противъ этой героической стѣны. Бригада Бодуэна едва могла овладѣть Гугомономъ съ сѣвера, а бригадѣ Суа удалось лишь поколебать его съ юга, но не овладѣть имъ.

Постройки фермы окружаютъ дворъ съ южной стороны. Обломки сѣверныхъ воротъ, разбитыхъ французами, висятъ на стѣнѣ. Это четыре доски, скрѣпленныя двумя перекладинами, на которыхъ ясно видны слѣды атаки. Въ глубинѣ двора виднѣются полуоткрытыя сѣверныя ворота, выломанныя французами; они продѣланы въ стѣнѣ, каменной внизу и кирпичной вверху, замыкающей дворъ съ сѣверной стороны. Это простыя ворота, какія бываютъ обыкновенно на каждой фермѣ, въ два широкихъ раствора, сдѣланныхъ изъ грубыхъ досокъ; за ними открываются луга. Борьба за этотъ входъ была ужасна. На косякахъ воротъ долгое время были видны слѣды окровавленныхъ рукъ. Здѣсь былъ убитъ Бодуэнъ.

Въ этомъ дворѣ все еще чувствуется гроза сраженія; ясно виденъ весь ужасъ. Слѣды рукопашнаго боя сохранились вполнѣ, присутствіе жизни и смерти ощущается такъ ясно, какъ будто бы все это происходило вчера. Стѣны борются со смертью, камни падаютъ, бреши стонутъ; трещины похожи на раны; наклоненныя и колеблющіяся деревья, кажется, дѣлаютъ усилія, чтобы обратиться въ бѣгство.

Этотъ дворъ въ 1815 году былъ больше застроенъ, чѣмъ теперь. Постройки, которыя теперь снесены, образовывали тогда уступы, углы и прямоугольные повороты. Англичане засѣли здѣсь за баррикадами; французы проникли сюда, но не могли удержаться. Рядомъ съ часовней возвышается совершенно развалившійся флигель—единственный остатокъ Гугомонскаго замка. Замокъ служилъ крѣпостью, часовня замѣняла блокгаузъ. Здѣсь происходила страшная рѣзня. Французы, обстрѣливаемые со всѣхъ

сторонъ, изъ-за стѣнъ, съ крышъ житницъ, изъ глубины погребовъ, изо всѣхъ оконъ, отдушинъ и разсѣлинъ, принесли фашины и подожгли стѣны; пожаръ былъ отвѣтомъ на картечь.

Въ разрушенномъ флигелѣ, сквозь желѣзныя рѣшетчатыя окна, видны остатки прежнихъ комнатъ главнаго кирпичнаго зданія, гдѣ англійская гвардія устроила засаду; винтовая лѣстница, растрескавшаяся отъ нижняго этажа до самой крыши, напоминаетъ внутренность разбитой раковины. Лѣстница эта была въ два этажа; англичане, осаждаемые на ней, собрались на верхнихъ ступенькахъ и разрушили нижнія. Эти широкія плиты сизаго камня свалены теперь въ кучу въ крапивѣ. Около десяти ступеней еще держатся въ стѣнѣ; на первой изъ нихъ высѣчено изображеніе трезубца. Эти неприступныя ступени крѣпко держатся у своего основанія. Все остальное похоже на челюсть, лишенную зубовъ. Тутъ же растутъ два дерева; одно засохло, другое повреждено у корня, но все-таки покрывается листвой въ апрѣлѣ. Съ 1815 года оно начало расти сквозь лѣстницу.

Въ часовнѣ происходила ужасная рѣзня. Внутренность ея теперь представляетъ странный видъ. Со времени этой рѣзни въ ней не совершалось болѣе богослуженія, хотя престолъ изъ грубаго дерева, прислоненный къ основанію необтесаннаго камня, и сохранился. Четыре стѣны, выбѣленныя известкой, дверь противъ престола, два маленькія полукруглыя окна, большое деревянное Распятіе надъ дверью, надъ нимъ четырехугольная отдушина, заткнутая пучкомъ сѣна, въ углу, на полу, старая оконная рама съ разбитыми стеклами,—вотъ каковъ видъ этой часовни. Около престола прибита деревянная статуя святой Анны, работы пятнадцатаго вѣка; голова младенца Іисуса оторвана картечью. Французы, овладѣвшіе на минуту часовней и снова вытѣсненные оттуда, подожгли ее. Пламя наполнило эту развалину, превратившуюся въ настоящее горнило, дверь и полъ сгорѣли, но деревянное Распятіе уцѣлѣло. Огонь охватилъ только ноги Христа, отъ которыхъ виднѣются одни обуглившіеся остатки, и дальше не пошелъ. По мѣстному преданію это было чудо.

Стѣны покрыты надписями. У ногъ Распятія написаны различныя имена: Henquinez, Conde de Rio Maior, Marques y Marquesa de Almagro (Habana). Попадаются и французскія фамиліи съ восклицательными знаками, поставленными для выраженія гнѣва. Въ 1849 году стѣну выбѣлили вновь: здѣсь націи оскорбляли другъ друга.

У двери этой часовни былъ найденъ трупъ, державшій въ рукѣ сѣкиру. Это былъ трупъ подпоручика Легро.

Налѣво отъ часовни находится колодецъ. На этомъ дворѣ ихъ два. Невольно спрашиваешь, почему нѣтъ ведра и блока на этомъ колодцѣ? Потому что изъ него не черпаютъ больше воды. А почему не черпаютъ? Потому что онъ весь наполненъ человѣческими костями.

Послѣдній, достававшій воду изъ этого колодца, былъ Гильомъ-ванъ-Кильсомъ. Это былъ крестьянинъ, жившій садовникомъ въ

замкѣ Гугомонъ. 18 іюня 1815 года его семейство бѣжало и укрылось въ лѣсу.

Лѣсъ въ окрестностяхъ аббатства Вилье служилъ убѣжищемъ въ продолженіе многихъ дней и ночей несчастному разбѣжавшемуся населенію. До сихъ поръ еще замѣтны слѣды, въ видѣ старыхъ обуглившихся пней, указывающихъ мѣста ихъ жалкихъ бивуаковъ, пріютившихся въ чащѣ кустарника.

Гильомъ-ванъ-Кильсомъ остался въ Гугомонѣ «стеречь замокъ» и забился въ погребъ. Англичане нашли его, вытащили изъ засады и съ помощью ударовъ саблями плашмя заставили обезумѣвшаго отъ страха Гильома служить имъ. Ихъ мучила жажда, и онъ приносилъ имъ пить, черпая воду изъ этого колодца. Многіе сдѣлали тутъ свой послѣдній глотокъ. Этотъ колодецъ, изъ котораго пило столько обреченныхъ на смерть, долженъ былъ самъ погибнуть.

Послѣ битвы очень спѣшили похоронить трупы. Смерть имѣетъ своеобразное обыкновеніе тревожить побѣду и посылаетъ вслѣдъ за славой заразу. Тифъ является непремѣннымъ спутникомъ побѣды. Этотъ колодецъ былъ глубокъ и его обратили въ могилу, бросивъ туда триста мертвецовъ. Можетъ-быть, это сдѣлали слишкомъ поспѣшно: всѣ ли они были мертвы? Преданіе гласитъ, что нѣтъ. Говорятъ, что въ ночь, слѣдовавшую за погребеніемъ, изъ колодца слышались слабые голоса, взывавшіе о помощи.

Колодецъ стоитъ уединенно, по серединѣ двора. Три стѣны, наполовину каменныя, наполовину кирпичныя, расположены въ видѣ ширмъ и окружаютъ его съ трехъ сторонъ, изображая какъ бы часть четырехугольной башни. Четвертая сторона открытая; отсюда доставали воду. Въ задней стѣнѣ находится нѣчто въ родѣ неправильнаго круглаго окна, вѣроятно, пробитаго гранатой. У этой башенки прежде была крыша, отъ которой уцѣлѣли однѣ балки. Желѣзныя подпорки правой стѣны изображаютъ крестъ. Наклонишься, и глазъ тонетъ въ глубокомъ кирпичномъ цилиндрѣ, наполненномъ мглой. Все вокругъ колодца поросло крапивой.

У передней стѣнки этого колодца не было той широкой сизой каменной плиты, которая составляетъ необходимую принадлежность всѣхъ колодцевъ въ Бельгіи. Эта плита замѣнена перекладиной, на которую опираются пять или шесть сучковатыхъ и безобразныхъ деревянныхъ обрубковъ, похожихъ на огромныя кости. Нѣтъ болѣе ни ведра, ни цѣпи, ни блока, но сохранился каменный резервуаръ, служившій мѣстомъ стока. Въ немъ скопляется дождевая вода, и отъ времени до времени изъ сосѣднихъ лѣсовъ прилетаютъ сюда птицы, чтобы напиться и летѣть далѣе.

Единственный обитаемый домъ въ этихъ развалинахъ — это ферма, дверь которой выходитъ во дворъ. На этой двери, рядомъ съ красивымъ замкомъ въ готическомъ стилѣ, находится желѣзная ручка, въ формѣ трилистника, прибитая наискось. Въ тотъ моментъ, когда ганноверскій поручикъ Вильда схватился за эту ручку, намѣреваясь спрятаться въ фермѣ, французскій саперъ отсѣкъ ему руку топоромъ.

Семейство, живущее въ этомъ домѣ, происходитъ отъ давно умершаго садовника ванъ-Кильсома.

Сѣдая женщина разсказывала мнѣ: «Я была при этой битвѣ, мнѣ было тогда три года. Моя старшая сестра плакала отъ страха; насъ унесли въ лѣсъ, я сидѣла на рукахъ у матери. Всѣ прикладывали ухо къ землѣ, чтобы лучше слышать, а я представляла пушку, повторяя: «бумъ, бумъ».

Лѣвая дверь со двора, какъ мы уже сказали, выходитъ въ фруктовый садъ.

Видъ этого сада ужасенъ.

Онъ состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть представляетъ изъ себя цвѣтникъ, вторая—фруктовый садъ, третья—паркъ. Всѣ три части были сплошь огорожены: со стороны входа находились строенія замка и фермы, съ лѣвой стороны—плетень, съ правой—кирпичная стѣна, съ задней—каменная стѣна.

Прежде всего попадаешь въ цвѣтникъ. Онъ лежитъ ниже другихъ частей, обсаженъ кустами смородины, заросъ дикими растеніями и оканчивается громадной каменной террасой, украшенной перилами съ двояко-выпуклыми балясинами. Это былъ барскій садъ въ старомъ французскомъ вкусѣ; теперь все въ развалинахъ и заросло терніями. Пилястры оканчиваются шарами, похожими на большія каменныя ядра. До сихъ поръ еще цѣлы сорокъ три балясины; остальныя валяются въ травѣ; почти на всѣхъ видны слѣды картечи. Одна разбитая балясина держится на своемъ стержнѣ, точно сломанная нога.

Въ этотъ-то садъ, лежащій ниже фруктоваго, попали шесть стрѣлковъ и, не имѣя возможности оттуда выбраться, настигнутые и затравленные, какъ медвѣди въ берлогѣ, вступили въ бой съ двумя ганноверскими ротами, одна изъ которыхъ была вооружена карабинами. Ганноверцы расположились за этой балюстрадой и стрѣляли сверху. Отважные стрѣлки, въ количествѣ шести человѣкъ противъ двухсотъ, отвѣчали имъ снизу, защищаемые одними кустами смородины, и сумѣли продержаться четверть часа, прежде чѣмъ всѣ пали.

Поднявшись на нѣсколько ступеней, переходишь изъ цвѣтника въ самый фруктовый садъ. Здѣсь, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ, было убито въ продолженіе какого-нибудь часа времени тысяча пятьсотъ человѣкъ. Стѣны какъ будто и сейчасъ готовы къ бою. Еще до сихъ поръ уцѣлѣли тридцать восемь бойницъ, пробитыхъ англичанами въ стѣнѣ на различной высотѣ; передъ шестнадцатой бойницей находятся два англійскихъ надгробныхъ памятника. Бойницы существуютъ только въ южной стѣнѣ, куда была направлена главная атака. Эта стѣна закрыта снаружи высокой живой изгородью. Прибывшіе сюда французы думали, что имѣютъ дѣло только съ этой изгородью, но, перелѣзши черезъ нее, они наткнулись на стѣну, за которой скрылась въ засадѣ англійская гвардія. Всѣ тридцать восемь бойницъ сразу открыли огонь, выбрасывая цѣлыя тучи картечи и пуль. Здѣсь была разбита бригада Суа. Такъ началась битва при Ватерлоо.

Однако фруктовый садъ былъ взятъ; за неимѣніемъ лѣстницъ французы карабкались, цѣпляясь ногтями; подъ деревьями завязался рукопашный бой; вся трава была обагрена кровью. Здѣсь погибъ весь нассаускій батальонъ въ семьсотъ человѣкъ. Снаружи стѣна, противъ которой были направлены двѣ батареи Келлермана, была изрыта картечью.

Но даже и въ этомъ саду, какъ во всякомъ другомъ, чувствуется вѣяніе весны. Въ его высокой травѣ цвѣтутъ маргаритки и лютикъ, пасутся рабочія лошади; протянуты между деревьями веревки, на которыхъ сушится бѣлье, такъ что тѣмъ, кто тутъ ходитъ, приходится нагибаться. При ходьбѣ по рыхлой землѣ, нога то и дѣло попадаетъ въ кротовыя норы. Въ травѣ лежитъ вывороченный, зеленѣющій пень, къ которому прислонился, умирая, майоръ Блакманъ. Подъ сосѣднимъ большимъ деревомъ былъ убитъ нѣмецкій генералъ Дюпла, потомокъ французской семьи, эмигрировавшей въ Пруссію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Невдалекѣ стоитъ, сгибаясь, старая, больная яблоня, обвязанная соломой съ глиной. Почти всѣ яблони еле держатся отъ старости, и въ каждой изъ нихъ засѣла пуля или картечь; вообще въ этомъ саду много сухихъ деревьевъ. Въ вѣтвяхъ ютятся вороны, а вдали виднѣется роща, въ которой множество фіалокъ.

Здѣсь былъ убитъ Бодуэнъ и раненъ Фуа; здѣсь были пожаръ и рѣзня, здѣсь текли, смѣшиваясь между собою, цѣлые потоки англійской, нѣмецкой и французской крови; тутъ же находится колодецъ, наполненный трупами; здѣсь погибли нассаускій и брауншвейгскій полки, убиты Дюпла и Блакманъ, здѣсь были изувѣчены англійскіе гвардейцы, истреблены двадцать французскихъ батальоновъ изъ сорока, составлявшихъ отрядъ Рейля; здѣсь было изрублено саблями, изранено, задушено, перестрѣлено, сожжено почти три тысячи человѣкъ—и все это только для того, чтобы въ настоящее время какой-нибудь крестьянинъ говорилъ путешественнику: «Господинъ, дайте мнѣ три франка, и, если вы желаете, я сообщу вамъ всѣ подробности битвы при Ватерлоо».

III.

18 іюня 1815 года.

Возвратимся назадъ—это одно изъ правъ разсказчика—и перенесемся къ 1815 году, и даже немного ранѣе того времени, когда начинается дѣйствіе, разсказанное въ первой части этой книги.

Если бы не шелъ дождь въ ночь съ 17-го на 18-е іюня, будущность Европы была бы иная. Нѣсколько лишнихъ капель дождя сломили Наполеона. Для того, чтобы Ватерлоо сдѣлалось концомъ Аустерлица, понадобилось немного дождя; какой-нибудь тучи, пронесшейся по небу въ неуказанное время, было достаточно для того, чтобы измѣнить цѣлый міръ.

Битва при Ватерлоо могла начаться только въ половинѣ двѣнадцатаго, что дало возможность Блюхеру прибыть вовремя. Почему? Потому что земля была сыра, и надо было обождать, пока

она немного обсохнетъ, для того, чтобы дать артиллеріи возможность двигаться.

Наполеонъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ, и это всюду давало себя чувствовать. Этотъ необыкновенный полководецъ весь сказался въ одной фразѣ своего доклада Директоріи по поводу Абукира: «Такое-то изъ нашихъ ядеръ убило шесть человѣкъ». Всѣ его планы сраженій были составлены преимущественно для артиллеріи. Стянуть артиллерію къ назначенному пункту—вотъ что было для него ключемъ побѣды. Онъ смотрѣлъ на стратегію непріятельскаго полководца, какъ на цитадель, и пробивалъ въ ней брешь. Онъ осыпалъ слабый пунктъ картечью, завязывалъ и оканчивалъ сраженіе пушкой. Артиллерійская стрѣльба была его страстью. Опрокидывать карре, истреблять полки, прорывать ряды, сокрушать и разсѣивать массы—все для него заключалось въ томъ, чтобы поражать, поражать и поражать безъ конца—и все это онъ поручалъ ядру,—ужасная система, которая, въ соединеніи съ геніемъ, въ продолженіе 15 лѣтъ, дѣлала непобѣдимымъ этого мрачнаго атлета войны.

18 іюня 1815 года онъ тѣмъ болѣе разсчитывалъ на артиллерію, что на его сторонѣ было численное превосходство: у Веллингтона было только сто пятьдесятъ девять орудій, у Наполеона же—двѣсти сорокъ.

Предположите, что земля была бы суха и артиллерія могла бы двигаться, тогда сраженіе началось бы въ шесть часовъ утра и было бы окончено и выиграно въ два часа, то-есть за три часа до прибытія пруссаковъ. Насколько виноватъ Наполеонъ въ томъ, что проигралъ эту битву? Можно ли вообще обвинять въ кораблекрушеніи кормчаго?

Неужели замѣтный физическій упадокъ Наполеона осложнился въ эту эпоху нѣкоторымъ внутреннимъ ослабленіемъ? Неужели двадцать лѣтъ войны испортили лезвее и ножны, утомили душу и тѣло? Неужели въ полководцѣ сталъ пагубнымъ образомъ сказываться ветеранъ? Однимъ словомъ, неужели уже тогда, какъ думали многіе извѣстные историки, началъ меркнуть его геній? Неужели онъ предался бѣшенству, чтобы скрыть отъ самого себя свое безсиліе? Неужели онъ началъ колебаться при первой неудачѣ? Неужели онъ пересталъ сознавать опасность, что такъ важно для генерала? Неужели у этихъ гигантовъ-матеріалистовъ, которыхъ можно назвать исполинами дѣйствія, существуетъ предѣльный возрастъ, за которымъ начинается близорукость генія? Старость не имѣетъ власти надъ геніями идеала; для Данта и Микеля Анджело старѣть значило развиваться. Неужели для Аннибала и Наполеона старость означала паденіе? Неужели Наполеонъ утратилъ вѣрное чутье побѣды? Неужели онъ потерялъ способность замѣчать подводные камни, угадывать западни и различать обрушивающійся край пропасти? Неужели ему измѣнило предчувствіе пораженія? Неужели этотъ человѣкъ, знавшій прежде всѣ пути къ славѣ и съ высоты своей молніеносной колесницы указывавшій на нихъ властною рукой, теперь, въ зловѣщемъ ослѣ-

пленіи, велъ къ безднѣ свои бурные легіоны? Неужели въ сорокъ шесть лѣтъ имъ овладѣло полное безуміе? Неужели этотъ гигантъ-возница судьбы превратился въ отчаяннаго головорѣза? Мы этого не думаемъ.

Его планъ битвы, по общему мнѣнію, представлялъ собою чудо военнаго искусства. Итти прямо на центръ фронта союзныхъ войскъ и прорвать его, разрѣзать непріятельскія войска на двѣ половины, оттѣснить британцевъ къ Галю, а пруссаковъ къ Тангру, разъединить Веллингтона и Блюхера, овладѣть Монъ-сенъ-Жаномъ, захватить Брюссель, отбросить нѣмцевъ къ Рейну, а англичанъ къ морю,—все это для Наполеона сосредоточилось въ одной битвѣ. А тамъ видно будетъ, думалъ онъ. Само собой разумѣется, что мы не собираемся давать здѣсь полнаго военно-историческаго описанія битвы при Ватерлоо, хотя одна изъ главныхъ сценъ драмы, которую мы разсказываемъ, и связана съ этой битвой; эта исторія не входитъ въ планъ нашего разсказа, тѣмъ болѣе, что она уже написана, и написана мастерски, съ одной точки зрѣнія Наполеономъ, а съ другой—цѣлой плеядой историковъ (Вальтеръ Скоттъ, Ламартинъ, Волабель, Шаррасъ, Кине, Тьеръ). Что же касается насъ, то мы предоставляемъ историкамъ спорить между собой; мы являемся постороннимъ зрителемъ, проходящимъ по долинѣ, искателемъ, нагибающимся къ этой землѣ, покрытой человѣческими тѣлами и, быть-можетъ, принимающимъ кажущееся за дѣйствительность; мы не имѣемъ права во имя науки не считаться съ сцѣпленіемъ фактовъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, есть нѣчто чудесное; у насъ нѣтъ ни военной практики, ни стратегической опытности, чтобы держаться какой-нибудь системы; по нашему мнѣнію, при Ватерлоо обоими полководцами руководилъ цѣлый рядъ случайностей, а когда дѣло коснется судьбы—этого загадочнаго обвиняемаго, то мы разсуждаемъ какъ народъ, а народъ—весьма наивный судья.

IV.

А.

Тому, кто хочетъ ясно представить себѣ сраженіе при Ватерлоо, стоитъ только мысленно вообразить на землѣ громадную букву А. Лѣвая палочка буквы А—дорога въ Нивель, правая—дорога въ Женапъ; поперечная черта—прорытая дорога изъ Оэна въ Брэнъ-л'Алле. Вершина буквы—Монъ-Сенъ-Жанъ, тамъ находился Веллингтонъ; лѣвая нижняя оконечность—Гугомонъ, тамъ были Рейль и Жеромъ Бонапартъ; правая нижняя оконечность—Бель-Альянсъ, здѣсь стоялъ Наполеонъ. Немного ниже той точки, гдѣ поперечная черта пересѣкаетъ правую палочку буквы А, находится Гэ-Сентъ. Въ срединѣ поперечной черты находится пунктъ, гдѣ окончательно опредѣлился исходъ битвы. На этомъ-то мѣстѣ и поставили льва,—вѣрный символъ высокаго героизма императорской гвардіи.

Треугольникъ, заключенный въ вершинѣ буквы, между двумя палочками и перекладиной, представляетъ плато Монъ-Сенъ-Жанъ.

Борьба изъ-за этого плато и составляла главный интересъ всей битвы.

Фланги обѣихъ армій простирались вправо и влѣво отъ Женапской и Нивельской дорогъ. Д'Эрлонъ стоялъ противъ Пиктона, а Рейль—противъ Гилля.

За вершиной буквы А, позади плато Монъ-Сенъ-Жанъ, находится Суаньскій лѣсъ.

Что же касается самой долины, то представьте себѣ обширную волнообразную плоскость; каждая отдѣльная волна превышаетъ слѣдующую; такимъ образомъ онѣ постепенно возвышаются по направленію къ Монъ-Сенъ-Жану и заканчиваются лѣса.

Два непріятельскія войска на полѣ битвы—это два борца. Они схватываются другъ съ другомъ. Одинъ старается повалить другого, при чемъ они цѣпляются за все; всякій кустъ служитъ точкой опоры, уголъ стѣны—поддержкой; за неимѣніемъ какого-нибудь домишки, могущаго служить прикрытіемъ, цѣлый полкъ долженъ отступать; всякое углубленіе въ равнинѣ, всякая неровность почвы, даже поперечная тропинка, всякій лѣсъ и оврагъ могутъ остановить исполина, называемаго арміей, и помѣшать его отступленію. Кто сошелъ съ поля битвы, тотъ побѣжденъ. Отсюда для отвѣтственнаго вождя вытекаетъ необходимость разглядѣть каждую группу деревьевъ, изслѣдовать малѣйшее возвышеніе.

Оба генерала внимательно изучили равнину Монъ-Сенъ-Жанъ, называемую теперь равниной Ватерлоо.

Еще въ предыдущемъ году Веллингтонъ съ замѣчательной прозорливостью занялся ея изслѣдованіемъ, на случай большого сраженія. 18 іюня на этомъ пространствѣ и въ этомъ единоборствѣ преимущество было на сторонѣ Веллингтона. Англійская армія находилась наверху, а французская—внизу.

Совершенно излишне набрасывать здѣсь обликъ Наполеона на конѣ, съ подзорной трубой въ рукахъ, на Россомской возвышенности на зарѣ 18 іюня 1815 года—до того онъ каждому знакомъ. Спокойный профиль подъ маленькой шляпой Бріенской школы, зеленый мундиръ, бѣлые отвороты, закрывающіе орденскій знакъ, сюртукъ, скрывающій эполеты, уголъ красной ленты, виднѣющейся изъ-подъ жилета, кожаныя рейтузы, бѣлая лошадь въ красномъ бархатномъ чепракѣ, украшенномъ по угламъ орломъ и буквой Н съ короной, ботфорты на шелковыхъ чулкахъ, серебряныя шпоры, шпага Маренго—вся эта фигура послѣдняго изъ цезарей еще стоитъ у всѣхъ въ воображеніи, вызывая радостные крики у однихъ, строгое порицаніе у другихъ.

Эта фигура долгое время была озарена свѣтомъ; до нѣкоторой степени это зависѣло отъ легендарнаго ореола, которымъ обыкновенно бываетъ окружена большая часть героевъ и который болѣе или менѣе надолго затмеваетъ истину; но въ настоящее время исторія разсѣяла затменіе.

Проливаемый ею свѣтъ безпощаденъ. Она обладаетъ дивнымъ, божественнымъ свойствомъ: несмотря на то, что она—свѣтъ, и именно потому, что она свѣтъ, она часто бросаетъ тѣнь туда, гдѣ

видѣли раньше одни лучи; изъ одного и того же человѣка она дѣлаетъ двухъ различныхъ призраковъ, одинъ нападаетъ на другого и расправляется съ нимъ: мрачныя стороны деспота борются съ обаяніемъ полководца. Отсюда народы почерпаютъ болѣе правильное мѣрило для оцѣнки.

Разрушенный Вавилонъ умаляетъ славу Александра, порабощенный Римъ затемняетъ славу Цезаря, разоренный Іерусалимъ уменьшаетъ славу Тита. Тиранія переживаетъ тирана. Высшее несчастіе для человѣка, это оставить за собой мракъ, принимающій его обликъ.

V.

Quid obscurum [1]) сраженія.

Всѣмъ хорошо извѣстенъ первый фазисъ этого сраженія; смутное, неясное, колеблющееся начало, грозное для обѣихъ армій, но для англичанъ въ большей степени, чѣмъ для французовъ.

Всю ночь шелъ дождь, земля была изрыта; вода собралась коегдѣ въ углубленіяхъ равнины, какъ въ бассейнахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода доходила до осей обозныхъ повозокъ,; упряжь лошадей была пропитана жидкой грязью; если бы рожь, смятая массой двигающихся повозокъ, не заполнила въ поляхъ всѣхъ выбоинъ и не образовала бы подстилки для колесъ, то всякое движеніе, особенно по долинамъ со стороны Папелота, оказалось бы невозможнымъ.

Битва началась поздно. Наполеонъ, какъ мы уже говорили, имѣлъ обыкновеніе держать всю артиллерію въ рукахъ, какъ пистолетъ, прицѣливаясь то въ одинъ, то въ другой пунктъ битвы; и теперь ему хотѣлось дождаться, пока конныя батареи будутъ въ состояніи свободно двигаться; для этого надо было, чтобы взошло солнце и обсушило почву. Но солнце не показывалось. Это было уже не то, что при Аустерлицѣ. Когда раздался первый пушечный выстрѣлъ, англійскій генералъ Кольвилль посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ, что было 35 минутъ двѣнадцатаго. Бой былъ начатъ съ большею яростью, нежели этого желалъ самъ императоръ, лѣвымъ французскимъ флангомъ, атаковавшимъ Гугомонъ. Въ то же время Наполеонъ напалъ на центръ, направивъ бригаду Кіо на Гэ-Сентъ; а Ней двинулъ правое французское крыло на лѣвое англійское, находившееся у Папелота.

Атака на Гугомонъ была въ нѣкоторомъ родѣ военной хитростью; заманить туда Веллингтона и заставить его отодвинуться влѣво— вотъ въ чемъ состоялъ планъ. Онъ и удался бы, если бы четыре роты англійскихъ гвардейцевъ и смѣлые бельгійцы дивизіи Перпонхера не защищали своей позиціи такъ упорно, что Веллингтонъ, вмѣсто того, чтобы стянуть всѣ свои силы, могъ ограничиться отправкой туда въ видѣ подкрѣпленія четырехъ другихъ гвардейскихъ ротъ и брауншвейгскаго батальона.

---

[1]) Неясная сторона.

Стремительная атака праваго французскаго крыла на Гугомонъ имѣла цѣлью опрокинуть лѣвое англійское крыло, отрѣзать путь отступленія на Брюссель, загородить проходъ пруссакамъ, взять Монъ-Сенъ-Жанъ, оттѣснить Веллингтона къ Гугомону, оттуда въ Брэнъ-л'Аллё, оттуда къ Галю. Ничего не могло быть проще этого. За исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей эта атака удалась. Папелотъ и Гэ-Сентъ были взяты.

Нужно обратить вниманіе на слѣдующую подробность. Въ англійской пѣхотѣ, преимущественно въ бригадѣ Кемпта, было много новобранцевъ. Эти молодые солдаты храбро сражались съ грозными французскими пѣхотинцами; самая ихъ неопытность иногда давала имъ возможность выказывать чудеса храбрости; въ особенности хорошо исполняли они обязанность застрѣльщиковъ: солдатъ-застрѣльщикъ, предоставленный, до нѣкоторой степени, самому себѣ, становится, такъ сказать, самъ себѣ генераломъ. Эти рекруты проявили здѣсь чисто французскую находчивость и пылкость. Эти солдаты-новички были черезчуръ пылки, что очень не нравилось Веллингтону.

Послѣ взятія Гэ-Сента исходъ битвы сдѣлался сомнительнымъ.

Въ этотъ день отъ полудня до четырехъ часовъ наступилъ неясный промежутокъ; средина этого сраженія почти неуловима и представляетъ собой мрачную свалку.

Наступили сумерки.

Въ колебаніи тумана представляется головокружительный миражъ, въ глазахъ мелькаютъ всѣ тогдашніе атрибуты войны, почти совершенно не встрѣчающіеся теперь: мохнатыя шапки съ языками, развѣвающіяся портупеи, кожаная солдатская амуниція, лядунки для гранатъ, гусарскіе доломаны, красные сапоги съ наборомъ, тяжелые, обвитые шнуркомъ, кивера, почти черная пѣхота Брауншвейга, перемѣшанная съ ярко-красной пѣхотой Англіи, у солдатъ которой вокругъ проймы большой круглый бѣлый валикъ вмѣсто эполетъ, легкая ганноверская кавалерія въ продолговатыхъ кожаныхъ каскахъ, съ мѣдными бляхами и красными конскими гривами, шотландцы съ обнаженными колѣнами и клѣтчатыми пледами, высокіе гетры французскихъ гренадеръ —все это представляетъ изъ себя скорѣе картины, чѣмъ стратегическіе ряды, все это интереснѣе для Сальватора Розы, чѣмъ для Грибоваля.

Сраженіе всегда имѣетъ нѣчто общее съ бурей. Quid obscurum, quid divinum![1]). Почти каждый историкъ даетъ этой сумятицѣ тѣ очертанія, какія ему больше нравятся. Каковъ бы ни былъ расчетъ генераловъ, столкновеніе вооруженныхъ массъ всегда имѣетъ непредвидѣнныя уклоненія; во время сраженія планы обоихъ главнокомандующихъ сталкиваются другъ съ другомъ и видоизмѣняютъ одинъ другой. Иной пунктъ сраженія пожираетъ бòльшее количество солдатъ, чѣмъ другой, подобно рыхлому грунту, который

---

[1]) Нѣчто темное, нѣчто божественное.

быстрѣе другого поглощаетъ протекающую по немъ воду. Часто приходится стягивать большее количество солдатъ туда, куда это вовсе нежелательно. Это составляетъ непредвидѣнные расходы.

Боевая линія колеблется и извивается, какъ нить, потоки крови проливаются безъ-толку, фронтъ арміи колеблется, вступающіе и уходящіе съ поля битвы полки образуютъ мысы и заливы; цѣлыя массы безпрерывно перемѣщаются; гдѣ только что была пѣхота, появляется артиллерія, гдѣ находилась артиллерія, туда поспѣваетъ кавалерія. Батальоны похожи на дымъ: здѣсь было что-то; теперь ищите, оно уже исчезло; просвѣты перемѣщаются, тѣни приближаются и удаляются; какой-то могильный вѣтеръ толкаетъ, гонитъ, собираетъ и разсѣиваетъ эти мрачныя массы. Что такое битва? Это колебаніе. Неподвижность математическаго плана выражаетъ только одинъ моментъ, а не цѣлый день. Для того, чтобы описать битву, требуется могучій художникъ, способный своей кистью изобразить хаосъ. Рембрандтъ способенъ къ этому болѣе Вандермюлена. Вандермюленъ, точный въ полдень, лжетъ въ три часа дня.

Геометрія обманываетъ; точенъ только одинъ ураганъ. Это самое и даетъ Фолару право противорѣчить Полибію. Прибавимъ, что обыкновенно наступаетъ извѣстный моментъ, когда общее сраженіе переходитъ въ отдѣльныя стычки, разсѣивается и разбивается на множество мелкихъ подробностей, которыя, по выраженію самого Наполеона, принадлежатъ скорѣе біографіи полковъ, чѣмъ исторіи цѣлой арміи. Въ подобномъ случаѣ историкъ, очевидно, имѣетъ право быть очень краткимъ. Онъ можетъ схватить только главные контуры борьбы, и ни одному повѣствователю, какъ бы ни былъ онъ добросовѣстенъ, не удается точно опредѣлить форму этой ужасной тучи, называемой сраженіемъ. Эта черта, справедливая по отношенію къ большинству великихъ вооруженныхъ столкновеній, особенно примѣнима къ Ватерлоо.

Однако послѣ полудня, въ извѣстный моментъ, сраженіе стало нѣсколько опредѣляться.

VI.

Четыре часа пополудни.

Къ четыремъ часамъ положеніе англійской арміи сдѣлалось серьезнымъ. Принцъ Оранскій командовалъ центромъ, Гилль—правымъ крыломъ, а Пиктонъ—лѣвымъ. Неустрашимый принцъ Оранскій кричалъ внѣ себя голландцамъ и бельгійцамъ: «Нассау! Брауншвейгъ! Ни въ какомъ случаѣ не отступать!» Обезсиленный Гилль присоединился къ Веллингтону, Пиктонъ былъ убитъ. Въ тотъ моментъ, когда англичане отбили у французовъ знамя 105-го линейнаго полка, французы убили у англичанъ генерала Пиктона, прострѣливъ ему навылетъ голову пулей. Для Веллингтона въ этомъ сраженіи существовали двѣ точки опоры: Гугомонъ и Гэ-Сентъ; Гугомонъ еще держался, но уже былъ подожженъ; Гэ-Сентъ былъ взятъ. Отъ защищавшаго его нѣмецкаго батальона осталось въ живыхъ только сорокъ два человѣка; всѣ офицеры, за исклю-

ченіемъ пятерыхъ, были убиты или взяты въ плѣнъ. Въ этой деревнѣ рѣзалось три тысячи сражающихся. Одинъ сержантъ англійской гвардіи, первый боксеръ въ Англіи, слывшій среди товарищей неуязвимымъ, былъ убитъ тщедушнымъ французскимъ барабанщикомъ. Бэрингъ былъ сбитъ съ позиціи, Альтенъ убитъ ударомъ сабли. Нѣсколько знаменъ было потеряно, въ томъ числѣ знамя дивизіи Альтена и знамя люнебурскаго батальона, которое несъ принцъ изъ Цвейбрюкkенской фамиліи. Сѣрые шотландцы всѣ погибли, исполинскіе драгуны Понсомби были изрублены. Эта храбрая кавалерія была смята уланами Бро и кирасирами Травера; отъ тысячи двухсотъ лошадей уцѣлѣло шестьсотъ; изъ трехъ подполковниковъ двое пали на мѣстѣ. Гамильтонъ былъ раненъ, Мэтеръ убитъ, Понсомби палъ, пораженный семью ударами копья. Гордонъ убитъ. Маршъ убитъ. Двѣ дивизіи, пятая и шестая, разбиты на-голову.

Гугомонъ былъ разрушенъ, Гэ-Сентъ взятъ; оставался всего одинъ оплотъ, это—центръ; онъ все еще крѣпко держался. Веллингтонъ подкрѣпилъ его, вызвавъ туда Гилля, стоявшаго въ Мербъ-Брэнѣ, и Шассе, находившагося въ Брэнъ-л'Аллё.

Центръ англійской арміи, нѣсколько вогнутый, очень плотный и сомкнутый, былъ сильно укрѣпленъ. Онъ занималъ плато Монъ-Сенъ-Жанъ, имѣя сзади себя деревню, а впереди себя—склонъ, въ то время довольно крутой. Онъ примыкалъ къ массивному каменному зданію, стоявшему на перекресткѣ дорогъ и бывшему въ то время удѣльнымъ имѣніемъ Нивель; сооруженное въ шестнадцатомъ вѣкѣ, оно было до того крѣпко, что пушечныя ядра отскакивали отъ него, не причиняя вреда. Вокругъ плато англичане въ разныхъ мѣстахъ подрѣзали изгороди, устроили бойницы въ кустахъ боярышника и установили между вѣтвями пушки.

Ихъ артиллерія устроила засаду въ чащѣ кустарника,—эта вѣроломная работа, безспорно дозволяемая войной, допускающей и западню,—была такъ хорошо выполнена, что Гаксо, посланный императоромъ въ девять часовъ утра для рекогносцировки непріятельскихъ батарей, ничего не замѣтилъ и, возвратившись, донесъ Наполеону, что нѣтъ никакихъ препятствій, за исключеніемъ двухъ баррикадъ, преграждавшихъ Нивельскую и Женапскую дороги. Въ это время года хлѣба въ поляхъ бываютъ уже высоки; на окраинѣ плато, въ высокой ржи, залегъ 25-ый батальонъ бригады Кемпта, вооруженный карабинами.

Укрѣпленный и защищенный такимъ образомъ, центръ англоголландской арміи находился въ выгодномъ положеніи.

Опаснымъ мѣстомъ этой позиціи былъ Суаньскій лѣсъ, смежный съ полемъ сраженія и перерѣзанный прудами Грёнендаля и Бойтефорта. Армія не могла бы отступить въ этотъ лѣсъ, не раздѣлившись; полки тотчасъ разстроились бы; артиллерія погибла бы въ болотахъ. Отступленіе, по мнѣнію многихъ спеціалистовъ, правда, опровергаемому другими, обратилось бы въ безпорядочное бѣгство.

Веллингтонъ стянулъ къ этому центру бригаду Шассе, взятую съ праваго крыла, бригаду Винка, взятую съ лѣваго крыла, и ди-

визію Клинтона. Своимъ англичанамъ, полкамъ Хакетта, бригадѣ Митчелля и гвардіи Мэтлэнда онъ далъ въ подкрѣпленіе брауншвейгскую пѣхоту, нассаускій отрядъ, ганноверскій корпусъ Кильмансегге и нѣмцевъ Омптеды. Такимъ образомъ въ распоряженіи Веллингтона было двадцать шесть батальоновъ. Правое крыло, какъ говоритъ Шаррасъ, было отведено за центръ. Громадная батарея была скрыта мѣшками съ землей на мѣстѣ, гдѣ находится въ настоящее время такъ называемый «музей Ватерлоо». Кромѣ того, у Веллингтона было еще тысяча четыреста гвардейскихъ драгунъ Сомерсета, скрытыхъ въ небольшой лощинѣ. Это была другая половина такъ справедливо прославляемой англійской кавалеріи. Понсомби былъ уничтоженъ. Оставался Сомерсетъ. Если бы эта батарея была окончена, она представляла бы изъ себя почти редутъ: она была расположена позади очень низкой садовой ограды, защищенной на скорую руку мѣшками съ пескомъ и широкимъ землянымъ валомъ, но работа не была окончена, такъ какъ не хватило времени обнести ее палисадами.

Веллингтонъ, встревоженный, хотя съ виду и спокойный, цѣлый день находился верхомъ на лошади, нѣсколько впереди старой мельницы въ Монъ-Сенъ-Жанѣ, существующей еще и теперь; онъ стоялъ подъ вязомъ, который былъ впослѣдствіи купленъ энтузіастомъ-вандаломъ-англичаниномъ за двѣсти франковъ, спиленъ и увезенъ. Веллингтонъ былъ все время хладнокровенъ до героизма. Ядра такъ и сыпались вокругъ него. Адъютантъ Гордонъ былъ убитъ рядомъ съ нимъ. Лордъ Гилль, указывая ему на разорвавшуюся гранату, сказалъ: «Милордъ, какія инструкціи и приказанія оставляете вы намъ, если васъ убьютъ?»—«Поступайте по-моему», отвѣчалъ Веллингтонъ. Клинтону онъ лаконически сказалъ: «Держаться здѣсь до послѣдняго человѣка». День, видимо, долженъ былъ плохо кончиться. Веллингтонъ кричалъ своимъ прежнимъ товарищамъ по Талаверѣ, Викторіи и Саламанкѣ: «Ребята, развѣ можно думать объ отступленіи? Помните о старой Англіи!»

Около четырехъ часовъ англійскія войска подались назадъ. На гребнѣ плато сразу остались только артиллерія и застрѣльщики, все остальное исчезло; полки, гонимые французскими гранатами и ядрами, отступили до того мѣста, гдѣ еще до сихъ поръ пролегаетъ тропинка къ фермѣ Монъ-Сенъ-Жанъ; произошло обратное движеніе: фронтъ англійской арміи скрылся, Веллингтонъ подался назадъ.

— Начало отступленія!—вскричалъ Наполеонъ.

VII.

Наполеонъ въ духѣ.

Императоръ, несмотря на то, что онъ былъ боленъ и ему трудно было держаться въ сѣдлѣ, никогда не былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, какъ въ этотъ день. Съ самаго утра этотъ непроницаемый человѣкъ улыбался. 18 іюня 1815 года эта мрачная душа подъ мраморной маской безпечно сіяла. Человѣкъ,

бывшій пасмурнымъ при Аустерлицѣ, былъ веселъ при Ватерлоо. У самыхъ великихъ избранниковъ судьбы часто бываютъ подобныя противорѣчія. Наши радости бываютъ ошибочны.

«Ridet Caesar, Pompeius flebit» [1]), говорили воины легіона Fulminatrix [2]). На этотъ разъ Помпею не пришлось плакать, но несомнѣнно одно, что Цезарь смѣялся.

Еще наканунѣ въ часъ ночи, подъ грозой и дождемъ, осматривая верхомъ, вмѣстѣ съ Бертраномъ, холмы, примыкающіе къ Россому, довольный видомъ длинной линіи англійскихъ огней, освѣщавшихъ весь горизонтъ отъ Фришмона до Брэнъ-л'Аллё, онъ былъ увѣренъ, что судьба, которую онъ предусматривалъ на поляхъ Ватерлоо, была ему вѣрна; онъ остановилъ своего коня и, оставаясь неподвижнымъ нѣкоторое время, смотрѣлъ на молнію и прислушивался къ грому; окружающіе услыхали, какъ этотъ фаталистъ бросилъ въ ночную темноту загадочныя слова: «Мы съ тобой согласны». Но Наполеонъ ошибался, между ними не было больше согласія.

Онъ не заснулъ ни на одну минуту; вся эта ночь была для него сплошной радостью. Онъ объѣхалъ конные форпосты, останавливаясь отъ времени до времени, чтобы поговорить съ часовыми. Въ половинѣ третьяго около Гугомонскаго лѣса онъ услыхалъ шаги двигавшейся колонны; одну минуту онъ подумалъ, что это отступаетъ Веллингтонъ. «Это англійскій арьергардъ начинаетъ сниматься съ лагеря,—сказалъ онъ.—Я возьму въ плѣнъ шесть тысячъ англичанъ, которые только что высадились въ Остэндэ». Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, къ нему снова вернулся тотъ юморъ, которымъ онъ, между прочимъ, блеснулъ при высадкѣ на берегъ перваго марта, когда, указывая великому маршалу на восторженнаго крестьянина у Жуанскаго залива, онъ воскликнулъ: «Ну, Бертранъ, вотъ уже и подкрѣпленіе!» Въ ночь съ 17 на 18 іюня онъ смѣялся надъ Веллингтономъ: «Этому маленькому англичанину необходимъ урокъ»,—говорилъ Наполеонъ. Дождь возобновился съ новой силой: громъ гремѣлъ все время, пока говорилъ императоръ.

Въ половинѣ четвертаго утра онъ лишился одной изъ своихъ иллюзій; офицеры, посланные на развѣдки, сообщили ему, что въ непріятельскомъ лагерѣ незамѣтно никакого движенія. Ничто не шевелилось; ни одинъ сторожевой огонь не погасъ. Англійская армія спала. На землѣ, въ противоположность небу, царила глубокая тишина. Въ четыре часа развѣдчики привели ему крестьянина, служившаго проводникомъ бригадѣ англійской кавалеріи‘ вѣроятно, бригадѣ Вивіана, шедшей занять позицію въ деревнѣ Оэнъ, на самый конецъ лѣваго крыла. Въ пять часовъ два бельгійскихъ дезертира передали ему, что они только что покинули свой полкъ и что англійская армія ожидаетъ сраженія. «Тѣмъ лучше!—вскричалъ Наполеонъ.—Мнѣ больше нравится опрокинуть ихъ, чѣмъ просто отбросить».

---

[1]) Смѣется Цезарь, придется Помпею плакать.

[2]) Молніеносный—названіе одного изъ легіоновъ Цезаря. *Прим. ред*.

Утромъ, на склонѣ, образующемъ поворотъ дороги въ Плансенуа, онъ сошелъ съ лошади прямо въ грязь, велѣлъ принести себѣ съ фермы Россомъ кухонный столъ и простой крестьянскій стулъ, усѣлся, подостлавъ вмѣсто ковра охапку соломы, и разложилъ на столѣ карту поля сраженія, сказавъ Сульту: «Сегодня шахматная доска очень хороша.

Вслѣдствіе ночного дождя обозы съ провіантомъ, застрявшіе въ размытыхъ дорогахъ, не могли прибыть утромъ; солдаты не спали, промокли и были голодны; это не помѣшало, однако, Наполеону весело крикнуть Нею: «У насъ девяносто шансовъ изъ ста». Въ восемь часовъ императору принесли завтракъ. Онъ пригласилъ нѣкоторыхъ генераловъ. Во время завтрака разсказывали, что Веллингтонъ былъ третьяго дня въ Брюсселѣ, на балѣ у герцогини Ричмондъ, и Сультъ, этотъ суровый воинъ съ лицомъ архіепископа, сказалъ: «У насъ сегодня балъ». Императоръ подсмѣивался надъ Неемъ, который говорилъ: «Веллингтонъ не будетъ такъ глупъ, чтобы дожидаться вашего величества». Впрочемъ, у Наполеона всегда была такая манера. «Онъ очень охотно шутилъ», говоритъ о немъ Флери де-Шабулонъ. «Въ основаніи его характера лежала веселость», говоритъ Гурго. «Онъ сыпалъ шутками, скорѣе оригинальными, чѣмъ остроумными», говоритъ Бенжамэнъ Констанъ. Эти шутки исполина стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться. Онъ прозвалъ своихъ гренадеръ «grognards» (ворчуны); онъ щипалъ ихъ за уши, дергалъ за усы. «Императоръ только и занимался тѣмъ, что продѣлывалъ надъ нами разныя штуки», сказалъ про него одинъ изъ гренадеръ. Во время таинственнаго переѣзда съ острова Эльбы во Францію, 27 февраля, въ открытомъ морѣ, когда французскій военный бригъ «Зефиръ», встрѣтившись съ бригомъ «Непостоянный», на которомъ скрывался Бонапартъ, освѣдомился о Наполеонѣ, императоръ, на шляпѣ у котораго въ то время все еще красовалась бѣлая съ малиновымъ, усѣянная пчелами, кокарда, которую онъ носилъ на островѣ Эльбѣ, смѣясь, взялъ рупоръ и самъ отвѣтилъ: «Императоръ здоровъ!» Кто способенъ такъ шутить, тотъ не страшится судьбы. Въ продолженіе завтрака на ватерлооскомъ полѣ у Наполеона было нѣсколько приступовъ смѣха. Послѣ завтрака онъ около четверти часа собирался съ мыслями; затѣмъ два генерала усѣлись на соломенной подстилкѣ, съ перьями въ рукахъ и листами бумаги на колѣняхъ, и императоръ продиктовалъ имъ диспозицію.

Въ девять часовъ французская армія, построенная эшелонами и двинувшаяся пятью колоннами съ барабаннымъ боемъ и подъ звуки трубъ, развернулась, имѣя дивизіи по бокамъ, артиллерію между бригадами и музыкантовъ во главѣ; могущественная, громадная и радостная она представляла собой цѣлое море касокъ, сабель и штыковъ на горизонтѣ. При видѣ ея растроганный императоръ воскликнулъ: «Великолѣпно, великолѣпно!»

Съ девяти часовъ до половины одиннадцатаго всѣ войска—что кажется даже невѣроятнымъ—успѣли занять свои позиціи и расположились въ шесть линій, образуя, по выраженію самого

императора, «фигуру шести римскихъ цифръ V». Нѣсколько мгновеній спустя послѣ образованія боевого фронта, среди глубокой тишины, которая обыкновенно наступаетъ передъ началомъ бури или сраженія, замѣтивъ три проѣзжавшихъ батареи изъ двѣнадцатифунтовыхъ орудій, которыя по его приказу были выдѣлены изъ трехъ корпусовъ—д'Эрлона, Рейля и Лобо и должны были начать битву, открывъ огонь противъ Монъ-Сенъ-Жана, въ то мѣсто, гдѣ пересѣкаются нивельская и женапская дороги, императоръ ударилъ по плечу Гаксо, говоря: «Вотъ двадцать четыре красивыхъ дѣвушки, генералъ».

Увѣренный въ благополучномъ исходѣ, онъ поощрялъ улыбкой проходившую мимо него роту саперъ перваго корпуса, которой онъ отдалъ приказъ окопаться на Монъ-Сенъ-Жанѣ, какъ только будетъ взята деревня. Это веселое настроеніе только одинъ разъ было нарушено словомъ надменнаго состраданія: увидавъ, какъ влѣво отъ него, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится огромная могила, скучиваются на своихъ превосходныхъ лошадяхъ знаменитые сѣрые шотландцы, Наполеонъ промолвилъ: «Это жаль».

Потомъ онъ сѣлъ на лошадь двинулся къ Россому и выбралъ себѣ наблюдательнымъ пунктомъ узкій, покрытый травою бугорокъ, направо отъ дороги изъ Женапа въ Брюссель—это вторая его стоянка во время сраженія. Третья стоянка—въ семь часовъ вечера,—между Бель-Альянсомъ и Гэ-Сентомъ была ужасна; это былъ довольно высокій курганъ, существующій еще и теперь; сзади него, въ углубленіи равнины была сосредоточена гвардія. Вокругъ этого кургана ядра, ударяясь о камни шоссе, отскакивали рикошетомъ почти до самого Наполеона. Какъ и при Бріеннѣ, вокругъ его головы свистали пули и картечь. Почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли ноги его лошади, были найдены осколки ядеръ, старые сабельные клинки и безобразныя, покрытыя ржавчиной гранаты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на этомъ мѣстѣ вырыли гранату, еще заряженную, но трубка ея была сломана у самаго основанія. На этой послѣдней стоянкѣ императоръ говорилъ своему проводнику Лакосту, запуганному, враждебно настроенному крестьянину, привязанному къ сѣдлу гусара и вертѣвшемуся при каждомъ залпѣ картечи, стараясь спрятаться за него: «Глупецъ, какъ тебѣ не стыдно; вѣдь такъ ты дашь убить себя въ спину». Пишущій эти строки самъ нашелъ въ рыхломъ склонѣ кургана, разрывая песокъ, остатки бомбы, успѣвшей проржавѣть за сорокъ шесть лѣтъ, и старые обломки желѣза, которые ломались между пальцами, какъ палочки бузины.

Волнообразные холмы, шедшіе въ разныхъ направленіяхъ по равнинѣ, гдѣ произошла битва Наполеона съ Веллингтономъ, не существуютъ болѣе, но всѣ знаютъ, каковы они были 18 іюня 1815 года. Взявъ у этого печальнаго поля матеріалъ для сооруженія памятника ему самому, у него измѣнили его природный видъ, и озадаченный историкъ не можетъ тамъ уже оріентироваться. Для того, чтобы прославить это поле, его видоизмѣнили. Веллингтонъ, увидавъ черезъ два года поле Ватерлоо, воскликнулъ:

«Какъ исказили мнѣ мое поле сраженія!» Тамъ, гдѣ теперь возвышается громадная земляная пирамида, увѣнчанная львомъ, находился гребень холмовъ, отлого спускавшійся по направленію къ Нивельской дорогѣ, но круто обрывавшійся со стороны Женапскаго шоссе. Высоту этого откоса можно опредѣлить еще и теперь высотой двухъ могильныхъ кургановъ, стоящихъ по обѣ стороны дороги изъ Женапа въ Брюссель; налѣво могила англичанъ, направо—нѣмцевъ; могилы французовъ нѣтъ вовсе. Для Франціи вся эта равнина представляетъ гробницу. Благодаря многимъ тысячамъ возовъ земли, употребленнымъ на сооруженіе насыпи въ сто пятьдесятъ футовъ высоты и около полумили въ окружности, плато Монъ-Сенъ-Жанъ обратилось въ отлогую покатость; въ день сраженія, особенно со стороны Гэ-Сента, оно представляло неровный и обрывистый склонъ; онъ былъ такъ крутъ, что англійскія пушки не видѣли подъ собой фермы, расположенной въ глубинѣ долины, въ центрѣ сраженія. 18 іюня 1815 года дожди изрыли еще болѣе эту крутизну, грязь еще болѣе затрудняла подъемъ; приходилось не только карабкаться, но и вязнуть въ грязи. Вдоль плато тянулся родъ рва, о существованіи котораго издали нельзя было предполагать.

Что же это за ровъ? Объяснимъ. Брэнъ л'Аллё и Оэнъ—двѣ небольшія деревни; обѣ скрытыя въ низинахъ; онѣ соединяются дорогой длиною мили въ полторы, пересѣкающей холмистую равнину; дорога эта часто прорѣзываетъ холмы, подобно бороздѣ, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ образуются овраги. Въ 1815 году, какъ и въ настоящее время, эта дорога перерѣзывала плато Монъ-Сенъ-Жанъ между женапскимъ и нивельскимъ шоссе; только теперь она на одномъ уровнѣ съ долиной, а тогда она шла почти сплошнымъ углубленіемъ. Оба ея откоса срыли для сооруженія памятника. Эта дорога представляла и представляетъ еще и теперь на бо̀льшей части своего протяженія траншею, достигающую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двѣнадцати футовъ глубины; слишкомъ крутые склоны ея обваливались въ разныхъ мѣстахъ, особенно зимой во время ливней. Тамъ иногда происходили несчастные случаи. У самаго Брэнъ л'Аллё дорога была такъ узка, что одинъ прохожій былъ раздавленъ телѣгой, о чемъ свидѣтельствуетъ каменный крестъ, стоящій около кладбища; на немъ указано имя покойнаго: «Господинъ Бернаръ Дебрю, брюссельскій купецъ», и день несчастнаго случая: «февраль 1637 года». Дорога такъ глубоко прорѣзывала плато Монъ-Сенъ-Жанъ, что одинъ крестьянинъ, Матье Никазъ, былъ раздавленъ обвалившимся откосомъ въ 1783 году, на что указываетъ другой каменный крестъ, верхушка котораго исчезла подъ разрыхлившейся землей, но опрокинутый пьедесталъ виденъ еще и теперь на лужайкѣ, по лѣвую сторону шоссе между Гэ-Сентомъ и фермой Монъ-Сенъ-Жанъ.

Въ день битвы эта дорога, проходившая по плато Монъ-Сенъ-Жанъ, представляла собой нѣчто въ родѣ оврага на верху откоса или выбоины, скрытой въ землѣ; однимъ словомъ, она была невидима и, слѣдовательно, страшно опасна.

VIII.

Императоръ предлагаетъ вопросъ проводнику Лакосту.

Итакъ, утромъ 18 іюня 1815 года Наполеонъ былъ въ духѣ.

И это вполнѣ понятно: составленный имъ планъ сраженія, какъ мы уже говорили, былъ въ самомъ дѣлѣ замѣчателенъ.

Разъ уже сраженіе началось, его различныя, внезапныя перемѣны нисколько не тревожили Наполеона. Гугомонъ и Гэ-Сентъ не сдавались, Бодуэнъ былъ убитъ, Фуа выбылъ изъ строя, бригада Суа разбилась, неожиданно наткнувшись на стѣну, Гильемино сдѣлался жертвой роковой опрометчивости, не запасшись ни петардами ни пороховницами, батареи вязли въ грязи, пятнадцать орудій безъ прикрытія были опрокинуты Уксбриджемъ на прорытой дорогѣ, снаряды производили слабое дѣйствіе въ рядахъ англичанъ: падая, они зарывались въ землю, размокшую отъ дождей, и поднимали только цѣлые вулканы грязи, такъ что картечь превращалась въ грязныя брызги; демонстрація Пире противъ Брэнъ л'Аллё оказалась безполезною: почти вся его кавалерія, въ пятнадцать эскадроновъ, была уничтожена; нападеніе на правое англійское крыло было неудачно, обстрѣливаніе лѣваго крыла—безуспѣшно; Ней допустилъ странную ошибку: скучилъ четыре дивизіи перваго корпуса, вмѣсто того, чтобы построить ихъ эшелонами, вслѣдствіе чего вся масса въ двадцать семь рядовъ, по двѣсти человѣкъ въ каждомъ, была подставлена подъ картечь. Ядра пробивали въ ней ужасныя бреши. Штурмовыя колонны были разъединены. Батарея, находившаяся на флангѣ, осталась безъ прикрытія. Буржуа, Донзело и Дюрютъ были смяты, Кіо былъ отбитъ, лейтенантъ Вьё, этотъ геркулесъ, вышедшій изъ политехнической школы, былъ раненъ въ ту минуту, когда онъ ударами топора выламывалъ ворота Гэ-Сента подъ англійскимъ огнемъ, направленнымъ съ баррикады, находившейся на поворотѣ дороги изъ Женапа въ Брюссель; дивизія Марконье, попавшая въ хлѣбномъ полѣ между пѣхотой и кавалеріей, была обстрѣливаема въ упоръ Бестомъ и Пакомъ; батарея Марконье была заклепана, а ея прикрытіе изрублено драгунами Понсомби; принцъ Саксенъ-Веймарскій еще удерживалъ за собой Фришмонъ и Смоэнъ, несмотря на усилія графа д'Эрлона; знамена 105-го и 45-го полковъ были взяты; прусскій черный гусаръ, захваченный конными развѣдчиками летучей стрѣлковой колонны, дѣлавшей разъѣзды между Ваврomъ и Плансенуа, сообщилъ весьма неутѣшительныя вѣсти; Груши опаздывалъ, тысяча пятьсотъ человѣкъ въ какой-нибудь часъ были убиты въ гугомонскомъ фруктовомъ саду, тысяча восемьсотъ человѣкъ еще быстрѣе были перебиты подъ Гэ-Сентомъ—всѣ эти бурныя событія, проходившія, подобно тучамъ, передъ Наполеономъ, едва омрачили его взоръ и ни разу не нарушили его царственнаго спокойствія. Наполеонъ привыкъ смотрѣть войнѣ прямо въ глаза; онъ никогда не складывалъ подробностей цифра за цифрой; цифры мало касались его, лишь

бы онѣ давали въ итогѣ побѣду; онъ, считавшій себя господиномъ и властелиномъ результата, нисколько не тревожился, если вначалѣ сраженіе уклонялось отъ намѣченнаго плана; онъ умѣлъ ждать, полагая, что побѣда за нимъ обезпечена, онъ обращался съ судьбой за панибрата и какъ-будто говорилъ ей: «Ты не посмѣешь!»

Представляя собой поразительное соединеніе мрачныхъ и свѣтлыхъ сторонъ, Наполеонъ чувствовалъ, что рокъ покровительствуетъ ему въ добрѣ и терпитъ въ немъ зло. Онъ пользовался или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что пользуется потворствомъ или даже сообщничествомъ обстоятельствъ, чѣмъ-то въ родѣ древней неуязвимости.

А между тѣмъ, кто перенесъ Березину, Лейпцигъ и Фонтенбло, тому можно было бы сомнѣваться въ Ватерлоо. Въ первый разъ небо таинственно нахмурилось.

Въ ту минуту, когда Веллингтонъ двинулся назадъ, Наполеонъ вздрогнулъ. Внезапно онъ увидѣлъ, что плато Монъ-Сенъ-Жанъ пустѣетъ, и фронтъ англійской арміи исчезаетъ. Стягиваясь, она скрывалась. Императоръ приподнялся на стременахъ. Молнія побѣды сверкнула у него въ глазахъ.

Истребить Веллингтона, загнавъ его въ Суаньскій лѣсъ, это было бы полнымъ пораженіемъ Англіи французами; это было бы мщеніемъ за Кресси, Пуатье, Мальплаке и Рамильи. Герой Маренго уничтожалъ Азенкуръ.

Императоръ, обдумывая эту страшную развязку, въ послѣдній разъ оглядѣлъ въ подзорную трубку всѣ пункты поля сраженія. Его гвардія, находившаяся позади него, держала оружіе на караулъ и смотрѣла на него снизу вверхъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Онъ соображалъ, изслѣдовалъ склоны, отмѣчалъ откосы, разсматривалъ группы деревьевъ, поля ржи и тропинки; казалось, онъ считалъ каждый кустъ. Онъ пристально разглядывалъ англійскія баррикады на обоихъ шоссе, сооруженныя на мѣстѣ двухъ большихъ лѣсныхъ порубокъ; одна изъ нихъ, находившаяся на Женапскомъ шоссе повыше Гэ-Сента, была вооружена двумя пушками, единственными во всей англійской артиллеріи, хватавшими въ глубь поля сраженія; другая баррикада находилась на Нивельскомъ шоссе; тамъ сверкали голландскіе штыки бригады Шассе. За этой второй баррикадой на углу поперечной дороги, шедшей въ Брэнъ-д'Аллё, онъ замѣтилъ старую часовню святого Николая, выкрашенную бѣлой краской. Онъ наклонился и сказалъ что-то вполголоса проводнику Лакосту. Послѣдній, вѣроятно, съ умысломъ, сдѣлалъ отрицательный жестъ головой.

Императоръ выпрямился и задумался.

Веллингтонъ отступалъ; оставалось только завершить это отступленіе полнымъ пораженіемъ.

Неожиданно обернувшись, Наполеонъ отправилъ во весь духъ нарочнаго въ Парижъ съ извѣстіемъ, что сраженіе выиграно.

Наполеонъ былъ однимъ изъ тѣхъ геніевъ, которые мечутъ громы.

И вотъ его самого ожидалъ громовый ударъ.

Онъ отдалъ приказъ кирасирамъ Мильо взять плато Монъ-Сенъ-Жанъ.

IX.

Неожиданность.

Ихъ было три тысячи пятьсотъ человѣкъ. Фронтъ ихъ тянулся на четверть мили. Это были люди-гиганты на исполинскихъ лошадяхъ. Ихъ было двадцать шесть эскадроновъ; сзади нихъ находилась, въ видѣ подкрѣпленія, дивизія Лефевра-Денуетта, сто шесть отборныхъ жандармовъ, тысяча сто девяносто семь гвардейскихъ стрѣлковъ, восемьсотъ восемьдесятъ гвардейскихъ уланъ. У нихъ были каски безъ конскихъ хвостовъ, желѣзныя латы, сѣдѣльные пистолеты въ кабурахъ и длинныя сабли-шпаги. Утромъ вся армія любовалась ими, когда въ девять часовъ подъ звуки рожковъ и оркестра музыки, игравшей «Veillons au salut de l'empire» [1]), они явились сплошной колонной, съ одной батареей на флангѣ, съ другой—въ центрѣ, развернулись фронтомъ въ двѣ линіи между женапскимъ и фришмонскимъ шоссе и заняли свое мѣсто на полѣ сраженія; они составляли часть могучей и столь мудро построенной Наполеономъ второй линіи, которая благодаря находившимся на лѣвомъ ея концѣ кирасирамъ Келлермана, а на правомъ кирасирамъ Мильо, обладала, такъ сказать, двумя желѣзными крыльями.

Адъютантъ Бернаръ передалъ имъ приказъ императора. Ней вынулъ шпагу и сталъ во главѣ.

Громадные эскадроны двинулись.

Тогда глазамъ представилось грозное зрѣлище.

Вся эта кавалерія съ обнаженными саблями и съ развѣвающимися знаменами, построенная въ колонны по дивизіямъ, однообразнымъ движеніемъ, какъ одинъ человѣкъ, съ правильностью бронзоваго тарана, пробивающаго брешь, спустилась съ холма Бель-Альянсъ, врѣзалась въ страшную глубь, гдѣ погибло уже столько людей, и исчезла тамъ въ дыму; потомъ, выступивъ изъ тумана, она появилась на другой сторонѣ долины, такая же плотная и сжатая, и начала взбираться крупной рысью среди осыпавшей ее тучи картечи по страшному, покрытому грязью склону плоскогорія Монъ-Сенъ-Жанъ.

Они взбирались наверхъ, величественные, грозные, непоколебимые; въ промежуткахъ между ружейными и пушечными залпами слышался ихъ исполинскій топотъ. Состоя изъ двухъ дивизій, они образовали двѣ колонны: правая—дивизія Ватье, а лѣвая—дивизія Делора. Издали казалось, что на гребень плато ползутъ двѣ огромныхъ стальныхъ змѣи. Подобно чудовищу, онѣ пересѣкли все поле битвы.

Ничего подобнаго не было видно со времени взятія тяжелой кавалеріей большого редута при Бородинѣ. Здѣсь недоставало Мюрата, но зато былъ Ней. Казалось, вся эта масса превратилась въ

---

[1]) Французскій гимнъ временъ Наполеона I.

одно чудовище и пріобрѣла одну душу. Каждый эскадронъ извивался и надувался, какъ кольцо полипа. Они мелькали сквозь облака густого дыма. Все смѣшалось: каски, крики, сабли, порывистыя движенія лошадиныхъ круповъ при пушечныхъ залпахъ и звукахъ трубъ—ужасная, хотя и дисциплинированная, сумятица и надъ всѣмъ этимъ кирасы, подобно чешуѣ гидры.

Эти разсказы кажутся взятыми изъ другого вѣка. Нѣчто похожее на эти видѣнія являлось, безъ сомнѣнія, въ древнихъ миѳологическихъ эпопеяхъ, повѣствовавшихъ о людяхъ-лошадяхъ, о древнихъ гиппантропахъ, этихъ исполинахъ съ головой человѣка и туловищемъ лошади, которые взяли приступомъ Олимпъ, ужасные, неуязвимые, величественные: боги и въ то же время звѣри.

Замѣчательно совпаденіе чиселъ: двадцать шесть батальоновъ должны были встрѣтить эти двадцать шесть эскадроновъ. За гребнемъ плоскогорія, подъ защитой замаскированной батареи, англійская пѣхота, построенная въ тринадцать карре, по два батальона въ каждомъ, и въ двѣ линіи, семь карре въ первой и шесть во второй, съ ружьями наготовѣ, прицѣлившись въ ожидаемаго непріятеля, стояла спокойная, неподвижная, безмолвная. Она не видѣла кирасиръ и кирасиры не видѣли ея. Она слышала приближеніе этого моря людей. Она слышала усиливающійся шумъ отъ трехъ тысячъ лошадей, симметрично перемежающійся топотъ копытъ крупной рыси, звонъ кирасъ, бряцаніе сабель и зловѣщее дыханіе. Наступилъ моментъ страшной тишины; потомъ вдругъ надъ гребнемъ появился длинный рядъ поднятыхъ рукъ, потрясающихъ саблями, цѣлая масса касокъ, трубъ и знаменъ и три тысячи головъ съ сѣдыми усами, кричавшихъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Появленіе всей этой кавалеріи на плато было подобно началу землетрясенія.

Вдругъ—о ужасъ!—налѣво отъ англичанъ, направо отъ французовъ, голова кирасирской колонны поднялась на дыбы съ ужасающимъ воплемъ. Достигнувъ высшей точки гребня, кирасиры, стремительные, необузданные, разъяренные, въ пылу увлеченія своей всесокрушающей атаки на карре и батареи, внезапно замѣтили между собой и англичанами ровъ. То была прорытая въ оврагѣ дорога въ Оэнъ.

Этотъ моментъ былъ ужасенъ. Передъ ними, подъ самыми ногами лошадей, неожиданно появился зіяющій оврагъ съ отвѣсными откосами глубиной въ двѣ сажени; второй рядъ столкнулъ туда первый, а третій столкнулъ второй; лошади поднимались на дыбы, бросались назадъ, падали на крупъ, скатывались на спинѣ, придавливая и опрокидывая всадниковъ; не было никакой возможности отступить; вся колонна получила движеніе одного ядра; сила, направленная противъ англичанъ, обратилась противъ самихъ французовъ; неумолимый оврагъ можно было перейти лишь наполнивъ его доверху. И вотъ всадники и лошади скатывались туда въ безпорядкѣ, давя другъ друга и образуя сплошную массу тѣлъ въ этой пропасти, и когда этотъ ровъ наполнился живыми людьми, по нимъ перешли остальные. Почти треть бригады Дюбуа погибла въ этой пропасти.

Это было началомъ потери сраженія.

Мѣстное преданіе, очевидно, преувеличивающее, гласитъ, что здѣсь погибло двѣ тысячи лошадей и полторы тысячи людей. Эта цифра заключаетъ въ себѣ, вѣроятно, и другіе трупы, брошенные въ этотъ оврагъ на другой день битвы.

Замѣтимъ мимоходомъ, что эта же самая, такъ сильно пострадавшая бригада Дюбуа, часъ тому назадъ, во время атаки, овладѣла знаменемъ люнебургскаго батальона.

Прежде чѣмъ отдать приказъ кирасирамъ Мильо къ этой атакѣ, Наполеонъ изслѣдовалъ мѣстность, но не могъ видѣть этой прорытой дороги, не оставлявшей ни малѣйшаго слѣда на поверхности плато. Однако, приведенный въ сомнѣніе и встревоженный видомъ маленькой бѣлой часовни, стоявшей на перекресткѣ этой прорытой дороги съ Нивельскимъ шоссе, онъ задалъ проводнику Лакосту какой-то вопросъ, — вѣроятно, относительно возможности наткнуться тамъ на какое-нибудь препятствіе. Тотъ отрицательно покачалъ головой. Можно почти сказать, что отъ этого жеста крестьянина-проводника произошла гибель Наполеона.

Вслѣдъ за этимъ должны были возникнуть другія несчастія.

Была ли возможность для Наполеона выиграть это сраженіе? Мы отвѣчаемъ—нѣтъ. Почему? Благодаря Веллингтону? Благодаря Блюхеру? Нѣтъ. Такъ было предопредѣлено свыше.

Если бы Бонапартъ побѣдилъ при Ватерлоо, это было бы внѣ законовъ девятнадцатаго столѣтія. Приготовлялась другая серія событій, гдѣ не было мѣста Наполеону. Воля судьбы сказывалась заранѣе.

Для этого великаго человѣка наступило время паденія.

Чрезмѣрное значеніе его въ судьбѣ человѣчества нарушило равновѣсіе. Онъ одинъ значилъ больше, чѣмъ весь міръ. Жизненная сила всего человѣчества сосредоточивалась въ одной головѣ, въ мозгу одного человѣка; если бы это продолжалось далѣе, то сдѣлалось бы равносильнымъ гибели цивилизаціи. Наступилъ рѣшительный моментъ для высшаго неподкупнаго правосудія. Вѣроятно, этого требовали законы и основные элементы, отъ которыхъ зависитъ правильная сила тяготѣнія нравственнаго и матеріальнаго строя. Дымящаяся кровь, переполненныя кладбища и слезы матерей сдѣлались грозными обвинителями. Когда земля страдаетъ отъ чрезмѣрнаго бремени, поднимаются таинственные стоны тѣней, которые слышитъ бездна. Наполеонъ былъ обвиненъ на небесахъ, и его паденіе было рѣшено. Онъ былъ уже ненуженъ Богу.

Ватерлоо—это не битва, это просто поворотъ въ судьбѣ вселенной.

X.

Плато Монъ-Сенъ-Жанъ.

Въ ту же минуту, когда передъ французами открылся оврагъ, англійская батарея открыла огонь. Шестьдесятъ пушекъ и тринадцать карре стали въ упоръ обстрѣливать кирасиръ. Отважный генералъ Делоръ отдалъ салютъ англійской батареѣ.

Вся англійская летучая кавалерія вернулась галопомъ въ карре. Кирасиры не успѣли даже остановиться. Несчастіе на прорытой дорогѣ похитило многихъ изъ нихъ, но не обезкуражило остальныхъ. Они принадлежали къ тѣмъ людямъ, которые, уменьшаясь численностью, пріобрѣтаютъ еще большее мужество.

Отъ несчастья пострадала только колонна Ватье, а колонна Делора пришла въ цѣлости: Ней, словно предчувствуя засаду, приказалъ ей взять лѣвѣе.

Кирасиры ринулись на англійскія карре.

Они неслись во весь карьеръ, пустивъ поводья, съ саблями въ зубахъ и пистолетами въ рукахъ—вотъ какова была эта атака.

Въ сраженіяхъ наступаютъ иногда моменты, когда духъ дѣлается до того твердымъ, что превращаетъ солдата въ статую, а тѣло его—въ гранитъ. Англійскіе батальоны не дрогнули даже подъ такой атакой.

Тогда началось нѣчто ужасное.

На всѣ англійскія карре атака была произведена разомъ. Бѣшеный вихрь подхватилъ ихъ. Эта безстрастная пѣхота сохранила свое хладнокровіе. Первый рядъ, стоя на одномъ колѣнѣ, встрѣчалъ кирасиръ штыками, второй рядъ обстрѣливалъ ихъ; позади второго ряда канониры заряжали орудія, фронтъ карре раздвигался, пропускалъ залпъ картечи и снова смыкался. Кирасиры старались смять ихъ. Ихъ огромныя лошади поднимались на дыбы, перескакивали черезъ ряды и штыки и падали, подобно колоссамъ, среди этихъ четырехъ живыхъ стѣнъ.

Ядра пробивали бреши въ рядахъ кирасиръ, кирасиры старались разстроить карре. Цѣлые ряды людей исчезали, смятые подъ лошадьми. Штыки пронзали лошадей вмѣстѣ со всадниками. Это являлось причиной уродливости ранъ, невиданной, можетъ-быть, при другихъ сраженіяхъ. Карре, смятыя этой неистовой кавалеріей, смыкались, не подаваясь. Они безпрерывно стрѣляли картечью въ самую средину нападающихъ. Видъ этого сраженія былъ ужасенъ. Карре были похожи скорѣе на кратеры, чѣмъ на баталіоны, а кирасиры казались ураганомъ, а не кавалеріей. Каждое карре походило на вулканъ, осаждаемый тучей; лава боролась съ молніей.

Крайнее правое карре, наиболѣе подвергавшееся опасности, было почти уничтожено съ первыхъ натисковъ. Оно было образовано изъ 75-го полка шотландскихъ горцевъ. Въ самомъ центрѣ карре, въ то время, какъ люди истребляли другъ друга, волынщикъ, опустивъ въ глубокой задумчивости свой меланхолическій взоръ, полный отраженія лѣсовъ и озеръ, сидя на барабанѣ съ волынкою въ рукахъ, игралъ пѣсни своихъ родныхъ горъ. Эти шотландцы умирали, думая о Бенъ-Лотіанѣ, подобно грекамъ, вспоминавшимъ объ Аргосѣ. Сабля кирасира, отрубивъ руку вмѣстѣ съ волынкой, прекратила пѣсню, убивъ пѣвца.

Сравнительно немногочисленные, да еще ослабленные катастрофой въ оврагѣ, кирасиры имѣли такимъ образомъ противъ се-

бя почти всю англійскую армію, но они увеличивали свое число тѣмъ, что каждый дрался за десятерыхъ. Однако, нѣкоторые ганноверскіе батальоны подались. Веллингтонъ увидалъ это и вспомнилъ о своей кавалеріи. Если бы Наполеонъ въ этотъ же самый моментъ подумалъ о своей пѣхотѣ, онъ выигралъ бы сраженіе. Эта забывчивость была его великой, роковой ошибкой.

Вдругъ нападающіе кирасиры почувствовали, что ихъ самихъ атакуютъ. Англійская кавалерія зашла имъ въ тылъ. Впереди нихъ были карре, сзади Сомерсетъ, т.-е. тысяча четыреста гвардейскихъ драгунъ. На правомъ флангѣ у Сомерсета находилась нѣмецкая легкая кавалерія Дорнберга, на лѣвомъ Трипъ съ бельгійскими карабинерами; кирасиры, атакуемые съ фронта и съ фланговъ, спереди и съ тыла, пѣхотой и кавалеріей, должны были отражать нападеніе со всѣхъ сторонъ. Но все это было имъ нипочемъ. Они были похожи на ураганъ. Храбрость ихъ достигла высшихъ предѣловъ.

Кромѣ того, въ тылу у нихъ находилась безпрерывно стрѣлявшая батарея. Только благодаря этому можно было ранить ихъ въ спину. Одна изъ ихъ кирасъ, пробитая картечной пулей въ лѣвую лопатку, находится въ коллекціи музея Ватерлоо.

Для подобныхъ французовъ нужны были такіе же англичане.

Это былъ уже не бой въ рукопашную, это былъ мракъ, ярость, головокружительный порывъ доблестныхъ душъ, ураганъ сверкающихъ шпагъ. Въ одинъ мигъ отъ тысячи четырехсотъ гвардейскихъ драгунъ осталось только восемьсотъ. Ихъ подполковникъ Фюллеръ былъ убитъ. Ней прибылъ съ уланами и стрѣлками Лефевра-Денуэтта. Плато Монъ-Сенъ-Жанъ было взято, затѣмъ уступлено и снова взято. Кирасиры попеременно дрались съ кавалеріей и пѣхотой или, чтобы лучше выразиться, вся эта страшная масса людей боролась, не выпуская другъ друга изъ рукъ. Карре все еще держались; они выдержали двѣнадцать приступовъ. Подъ Неемъ были убиты четыре лошади. Половина кирасировъ осталась на плато. Эта борьба продолжалась два часа.

Англійскія войска были сильно поколеблены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если бы кирасиры не были ослаблены при первой атакѣ катастрофой въ злополучномъ оврагѣ, то они опрокинули бы центръ и рѣшили бы побѣду. Эта необыкновенная кавалерія изумила Клинтона, видѣвшаго Талаверу и Бадахосъ. Веллингтонъ, почти побѣжденный, любовался ею и повторялъ вполголоса: «Изумительно!»

Кирасиры уничтожили семь карре изъ тринадцати, захватили или заклепали шестьдесятъ пушекъ, отняли у англійскихъ полковъ шесть знаменъ, которыя были отнесены тремя кирасирами и тремя гвардейскими стрѣлками императору на ферму Бель-Альянсъ.

Положеніе Веллингтона ухудшилось. Эта странная битва походила на поединокъ между двумя ожесточенными ранеными, изъ которыхъ каждый нападая и сопротивляясь въ одно и то же время, истекаетъ кровью. Который изъ двухъ падетъ первымъ?

Борьба за плато продолжалась.

До какихъ поръ доходили кирасиры? Никто не могъ бы этого сказать. Извѣстно только, что на другой день послѣ сраженія одинъ кирасиръ вмѣстѣ съ лошадью былъ найденъ мертвымъ въ срубѣ машины для взвѣшиванія клади въ деревнѣ Монъ-Сенъ-Жанъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкаются нивельская, женапская, гюльпская и брюссельская дороги. Этотъ кирасиръ пробился сквозь ряды англичанъ. Одинъ изъ людей, нашедшихъ этотъ трупъ, живетъ до сихъ поръ еще въ Монъ-Сенъ-Жанѣ. Его зовутъ Дегазъ; ему было тогда восемнадцать лѣтъ.

Веллингтонъ чувствовалъ, что начинаетъ подаваться. Кризисъ приближался.

Кирасиры не достигли своей цѣли, такъ какъ центръ не былъ прорванъ. Плато принадлежало обѣимъ сторонамъ и въ то же время ни одной, хотя, въ общемъ, большая его часть оставалась за англичанами. Веллингтонъ удерживалъ за собой деревню и верхнюю равнину; а Ней—только гребень и склонъ плато. Обѣ стороны, казалось, приросли къ этой зловѣщей почвѣ.

Но пораженіе англичанъ казалось неизбѣжнымъ. Потери арміи были ужасны. На лѣвомъ флангѣ Кемптъ требовалъ подкрѣпленій. «Подкрѣпленій нѣтъ,—отвѣчалъ Веллингтонъ,—пусть умираетъ». Почти въ тотъ же моментъ — странное сходство, показывающее истощеніе обѣихъ армій—Ней требовалъ у Наполеона пѣхоты. Наполеонъ отвѣчалъ: «Пѣхоты! Откуда я достану ее? Не могу же я ее создать!»

Однако англійская армія была болѣе истощена. Яростныя атаки этихъ исполинскихъ эскадроновъ съ желѣзными латами и стальною грудью смяли пѣхоту. Нѣсколько человѣкъ вокругъ знамени указывали мѣсто полка, нѣкоторыми батальонами командовали уже капитаны или поручики; дивизія Альтена, уже сильно пострадавшая при Гэ-Сентѣ, была почти истреблена, отважные бельгійцы бригады Ванъ-Клузе покрывали своими тѣлами поля ржи вдоль Нивельской дороги; не осталось почти никого изъ тѣхъ голландскихъ гренадеръ, которые въ 1811 году въ Италіи, въ союзѣ съ французами, сражались противъ Веллингтона, а въ 1815 году, въ союзѣ съ англичанами, бились противъ Наполеона. Потеря офицерами была очень значительна. У лорда Уксбриджа, который велѣлъ на слѣдующій день похоронить свою ногу, было раздроблено колѣно. Если со стороны французовъ во время этой кирасирской атаки выбыли изъ строя Делоръ, Леритье, Кольберъ, Днопъ, Траверъ и Бланкаръ, то со стороны англичанъ были ранены Альтенъ и Бэрнъ и убиты Делानси, Ванъ-Мееренъ и Омптеда; весь штабъ Веллингтона пострадалъ. Въ этомъ кровавомъ равновѣсіи Англіи выпала худшая доля. Второй гвардейскій полкъ потерялъ пять подполковниковъ, четырехъ капитановъ и трехъ прапорщиковъ; первый батальонъ 30-го пѣхотнаго полка лишился двадцати четырехъ офицеровъ и ста двѣнадцати солдатъ. У 79-го полка горцевъ было ранено двадцать четыре офицера и убито восемнадцать офицеровъ и четыреста пятьдесятъ рядовыхъ. Цѣлый полкъ ганноверскихъ гусаръ Кумберлэнда, подъ предводительствомъ полковника Гаке,

который впослѣдствіи былъ судимъ и разжалованъ, повернулъ назадъ немного не доѣхавъ до самаго сраженія, и бросился въ Суаньскій лѣсъ, распространивши панику до самаго Брюсселя. Обозъ, повозки, багажъ, фургоны, наполненные ранеными, увидавъ, что французы подвигаются впередъ и приближаются къ лѣсу, бросились туда; голландцы, преслѣдуемые французской кавалеріей, пришли въ смятеніе. Отъ Веръ-Куку до Грёнендаля, на протяженіи болѣе двухъ миль по направленію къ Брюсселю, по словамъ очевидцевъ, которые еще живы и теперь, образовалось страшное скопленіе бѣглецовъ. Эта паника была такъ сильна, что охватила принца Конде въ Мехельнѣ и Людовика XVIII въ Гентѣ. У Веллингтона не было больше кавалеріи, за исключеніемъ слабаго резерва, построеннаго эшелонами позади походнаго лазарета, устроеннаго на фермѣ Монъ-Сенъ-Жанъ, и бригадъ Вивіана и Ванделера, находившихся на лѣвомъ крылѣ. Множество пушекъ валялось сбитыми съ лафетовъ. Эти факты признаются Сиборномъ; а Принглъ, преувеличивая бѣдствіе, доходитъ до того, что говоритъ, будто англо-голландская армія уменьшилась до тридцати четырехъ тысячъ человѣкъ. Желѣзный герцогъ оставался наружно спокойнымъ, но губы у него побѣлѣли. Австрійскій комиссаръ Винцентъ и испанскій комиссаръ Алава, находившіеся во время сраженія при англійскомъ штабѣ, думали, что герцогъ погибъ. Въ пять часовъ Веллингтонъ вынулъ часы и прошепталъ извѣстныя мрачныя слова: «Блюхеръ или ночь».

Въ этотъ самый моментъ вдали, на возвышенности со стороны Фришмона, блеснулъ рядъ штыковъ. Тогда въ этой исполинской драмѣ наступила перемѣна.

XI.

Плохой проводникъ у Наполеона и хорошій у Бюлова.

Вамъ извѣстно роковое заблужденіе Наполеона; онъ ждалъ Груши, а вмѣсто него явился Блюхеръ: смерть вмѣсто жизни.

У судьбы часто бываютъ подобные повороты; ждали всемірнаго трона, а увидали Святую-Елену.

Если бы маленькій пастухъ, служившій проводникомъ Бюлову, помощнику Блюхера, посовѣтовалъ ему выйти изъ лѣса выше Фришмона, а не ниже Плансенуа, судьба девятнадцатаго вѣка была бы иная. Наполеонъ выигралъ бы сраженіе при Ватерлоо. На всякой другой дорогѣ, кромѣ пролегающей ниже Плансенуа, пруссаки наткнулись бы на оврагъ, недоступный для артиллеріи, и Бюловъ не явился бы во-время. Если бы онъ опоздалъ на часъ, то, по увѣренію прусскаго генерала Мюфлинга, Блюхеръ не засталъ бы больше Веллингтона, сраженіе было бы проиграно.

Какъ видно, Блюхеру была самая пора явиться. Впрочемъ, онъ все-таки сильно опоздалъ. Онъ стоялъ на бивуакахъ въ Діонъ-ле-Монѣ и выступилъ въ путь съ зарею. Но дороги были непроходимы, и его дивизіи завязли въ грязи. Колеса пушекъ вязли въ колеяхъ по самыя ступицы. Кромѣ того, надо было переходить рѣку Диль по узкому Ваврскому мосту; улица, ведущая къ мосту, была по-

дожжена французами; такъ какъ муниціонныя повозки и артиллерійскіе фургоны не могли пройти между двумя рядами горящихъ домовъ, то пришлось ждать, пока пожаръ будетъ потушенъ. Авангардъ Бюлова могъ только къ полудню достигнуть Шапель-Сенъ-Ламбера.

Если бы битва началась двумя часами раньше, она была бы окончена къ четыремъ часамъ, и Блюхеръ засталъ бы битву, уже выигранной Наполеономъ. Таковы эти великія случайности, пріуроченныя къ ускользающей отъ насъ безконечности.

Еще въ полдень императоръ, съ помощью зрительной трубы, первый замѣтилъ на краю горизонта нѣчто, приковавшее его вниманіе. Онъ сказалъ: «Я вижу тамъ облако, которое мнѣ кажется войскомъ». Потомъ онъ спросилъ герцога Далматскаго:

— Сультъ, что вы видите по направленію Шапель-Сенъ-Ламбера?

Маршалъ, направивъ свою подзорную трубу, отвѣчалъ:

— Четыре или пять тысячъ человѣкъ, государь. Это, вѣроятно, Груши.

Однако это облако оставалось неподвижнымъ въ туманѣ. Всѣ подзорныя трубы штаба начали изучать «облако», указанное императоромъ. Нѣкоторые говорили: «Это расположившіяся на отдыхъ колонны». Большая часть находила, что это деревья. Справедливо было то, что облако не двигалось. Императоръ отправилъ на развѣдки къ этому неизвѣстному пункту отрядъ легкой кавалеріи Домона. Бюловъ, въ самомъ дѣлѣ, не двигался. Его авангардъ былъ очень слабъ и ни на что не способенъ. Онъ долженъ былъ ждать главныхъ силъ арміи, и у него былъ приказъ сначала стянуться, а потомъ уже вступить въ бой; но въ пять часовъ, видя опасное положеніе Веллингтона, Блюхеръ приказалъ Бюлову итти въ атаку и сказалъ знаменитую фразу: «Надо дать вздохнуть англійской арміи».

Немного спустя дивизіи Лостина, Гиллера, Гакке и Рисселя развернулись передъ корпусомъ Лобо, кавалерія принца Вильгельма прусскаго вышла изъ Парижскаго лѣса, Плансенуа охватилъ пожаръ, и прусскія ядра начали сыпаться даже въ ряды гвардіи, стоявшей въ резервѣ позади Наполеона.

XII.

Гвардія.

Остальное извѣстно. Явилась третья армія, сраженіе раздробилось, внезапно раздался залпъ восьмидесяти шести пушекъ, вмѣстѣ съ Бюловымъ появился Пирхъ I, во главѣ кавалеріи Цитена сталъ самъ Блюхеръ; французы были оттѣснены назадъ, Марконье вытѣсненъ съ Оэнскаго плато, Дюрютъ выбитъ изъ Папелота, Донзело и Кіо отступили, Лобо былъ окруженъ; французскимъ разрозненнымъ полкамъ въ сумеркахъ пришлось выдержать новое сраженіе; вся англійская передовая линія двинулась впередъ и перешла въ наступленіе; во французской арміи было произведено громадное опустошеніе; англійская и прусская картечь дѣйствовали заодно, производя опустошеніе съ фронта и съ фланговъ. Среди такого ужаснаго разрушенія вступаетъ въ бой гвардія.

Предчувствуя свою гибель, гвардія кричала: «Да здравствуетъ императоръ!» Въ исторіи нѣтъ ничего трогательнѣе этой агоніи, выразившейся радостными криками.

Цѣлый день небо было покрыто тучами. Вдругъ, въ этотъ самый моментъ—было семь часовъ вечера—тучи на горизонтѣ разорвались, и сквозь вязы, растущіе вдоль нивельской дороги, проглянулъ огромный красный зловѣщій дискъ заходящаго солнца. При Аустерлицѣ оно восходило. Каждый гвардейскій батальонъ былъ подъ командой генерала. Здѣсь были: Фріанъ, Мишель, Роге, Гарле, Малле, де-Морванъ. Когда въ туманѣ этого боя появились высокія шапки съ орлами гвардейскихъ гренадеръ, симметрично выстроенныхъ, спокойныхъ, великолѣпныхъ, непріятель почувствовалъ уваженіе къ Франціи; можно было подумать, что на полѣ битвы появилось двадцать побѣдъ съ распростертыми крыльями, и побѣдители, считая себя побѣжденными, подались назадъ; но Веллингтонъ вскричалъ: «Впередъ, гвардейцы, и цѣльте вѣрнѣе!» Полкъ красныхъ англійскихъ гвардейцевъ, залегшій позади изгороди, поднялся, и цѣлая туча картечи пробила трехцвѣтное знамя, развѣвавшееся среди французскихъ орловъ; всѣ ринулись впередъ, и началась страшная рѣзня. Императорская гвардія почувствовала во мракѣ, что армія вокругъ нея начинаетъ отступать и готова обратиться въ безпорядочное бѣгство, она услыхала крикъ: «Спасайся, кто можетъ!», вмѣсто: «Да здравствуетъ императоръ!» и, когда позади нея все бѣжало, она продолжала подвигаться впередъ, съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе теряя силы и людей. Здѣсь не было ни нерѣшительныхъ, ни робкихъ. Каждый солдатъ въ этомъ отрядѣ былъ такимъ же героемъ, какъ и генералъ. Каждый изъ нихъ шелъ на вѣрную смерть.

Ней, внѣ себя, великій сознаніемъ близкой смерти, подставлялъ себя подъ всѣ удары этой бури. Подъ нимъ убили пятую лошадь. Весь въ поту, съ горящими глазами и пѣной у рта, въ разстегнутомъ мундирѣ, съ эполетой, наполовину отрубленной ударомъ сабли, съ орденскимъ знакомъ первой степени, погнутымъ пулей, окровавленный, покрытый грязью, и въ то же время прекрасный, со сломанной шпагой въ рукѣ, онъ восклицалъ: «Смотрите, какъ умираетъ маршалъ Франціи на полѣ сраженія!» Но напрасно: онъ не умеръ. Онъ сдѣлался угрюмъ и золъ. Друэ д'Эрлона онъ спросилъ: «Неужели у тебя нѣтъ желанія умереть?» Подъ залпами артиллеріи, громившей эту горсть людей, онъ кричалъ: «Неужели ничего не найдется для меня? О, я желалъ бы, чтобы всѣ эти англійскія ядра поразили мое тѣло!» Несчастный, ты остался живъ для того, чтобы погибнуть отъ французскихъ пуль!

XIII.

Гибель.

Бѣгство позади гвардіи было плачевно. Армія внезапно подалась по всей линіи сразу: у Гугомона, Гэ-Сента, Папелота и Плансенуа. За крикомъ «Измѣна!» послѣдовалъ крикъ «Спасайся, кто

можетъ!» Обращенное въ бѣгство войско похоже на весеннюю оттепель. Все подается, трещитъ, скрипитъ, колеблется, рушится, падаетъ, сталкивается, спѣшитъ, стремится. Невообразимое раздробленіе! Ней достаетъ себѣ лошадь, вскакиваетъ на нее и, безъ шляпы, безъ галстука, безъ шпаги, становится поперекъ брюссельскаго шоссе, останавливая заодно англичанъ и французовъ. Онъ старается удержать войска, зоветъ ихъ, осыпаетъ ихъ бранью, цѣпляется за бѣгущихъ. Онъ выходитъ изъ себя. Солдаты бѣгутъ отъ него съ крикомъ: «Да здравствуетъ маршалъ Ней!» Два полка Дюрюта въ страхѣ мечутся между саблями улановъ и ружейными залпами бригадъ Кемпта, Беста, Пака и Риландта. Самое ужасное въ сраженіи, это—бѣгство: друзья убиваютъ другъ друга, чтобы бѣжать; эскадроны и батальоны разбиваются другъ о друга и разбѣгаются. Это—пѣна битвы. Лобо на одномъ концѣ, а Рейль на другомъ были также захвачены этимъ потокомъ. Напрасно Наполеонъ устраивалъ преграды изъ остатковъ гвардіи, напрасно онъ въ послѣднемъ усиліи тратитъ свои запасные эскадроны. Кіо отступаетъ передъ Вивіаномъ, Келлерманъ передъ Ванделеромъ, Лобо передъ Бюловымъ, Моранъ передъ Пирхомъ, Домонъ и Сюбервикъ передъ принцемъ Вильгельмомъ прусскимъ. Гюйо, ведшій въ атаку императорскіе эскадроны, упалъ подъ ноги англійскихъ драгунъ. Наполеонъ галопомъ преслѣдуетъ бѣглецовъ, бранитъ ихъ, убѣждаетъ, грозитъ, умоляетъ. Всѣ уста, кричавшія утромъ: «Да здравствуетъ императоръ!», теперь безмолвствуютъ; его едва узнаютъ. Вновь прибывшая прусская кавалерія бросается на нихъ, летитъ, колетъ, рубитъ саблями, убиваетъ, уничтожаетъ. Упряжныя лошади бѣсятся, артиллерія обращена въ бѣгство, солдаты обоза выпрягаютъ лошадей изъ фургоновъ и верхомъ на нихъ спасаются; опрокинутые фургоны лежатъ колесами кверху, затрудняютъ путь и способствуютъ рѣзнѣ. Сражающіеся давятъ и топчутъ другъ друга, наступаютъ на мертвыхъ и живыхъ. Руки рубятъ куда попало. Огромная толпа наводняетъ дороги, тропинки, мосты, долины, холмы, равнины, лѣса,—все переполнено обращенной въ бѣгство сорокатысячной толпой. Крики, отчаяніе, солдаты бросаютъ ранцы и ружья въ рожь и прочищаютъ путь саблями; нѣтъ больше ни товарищей, ни офицеровъ, ни генераловъ—царитъ одинъ невыразимый ужасъ. Цитенъ рубитъ саблей французовъ въ свое удовольствіе. Львы превращаются въ ланей. Таково было это бѣгство. Въ Женапѣ старались остановиться и построиться. Лобо собралъ триста человѣкъ и устроилъ баррикаду у входа въ деревню, но при первомъ залпѣ прусской картечи, всѣ снова бросились бѣжать, и Лобо былъ взятъ въ плѣнъ. Еще до сихъ поръ слѣды этого залпа картечи видны на выступѣ старой кирпичной лачуги, стоящей направо отъ дороги въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ Женапа. Пруссаки бросились въ Женапъ, раздраженные, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что побѣда далась имъ такъ легко. Преслѣдованіе было чудовищно. Блюхеръ отдалъ приказъ истреблять всѣхъ. Роге подалъ печальный примѣръ, пригрозивъ смертью всякому французскому гренадеру, который приведетъ ему прусскаго плѣн-

ника. Блюхеръ превзошелъ Роге. Генералъ «молодой гвардіи» Дюгемъ, прижатый въ воротахъ Женапской гостиницы, отдалъ свою шпагу гусару, послѣдній взялъ ее и убилъ плѣнника. Побѣда окончилась избіеніемъ побѣжденныхъ. Въ качествѣ историка мы должны это осудить: старый Блюхеръ обезчестилъ себя. Это звѣрство довершило катастрофу. Бѣглецы въ отчаяніи миновали Женапъ, Катръ-Бра, Госсли, Францъ, Шарльруа, Туинъ и остановились только на границѣ. Увы, кто же это бѣжалъ такимъ образомъ? Великая армія.

Неужели это смятеніе, эта паника, эта гибель величайшей храбрости, когда-либо изумлявшей исторію, были безъ причины? Нѣтъ. Тѣнь великой Десницы опустилась надъ Ватерлоо. Это роковой день. Сверхчеловѣческая сила создала его. Потому-то въ ужасѣ склонились всѣ головы, и эти великія души сложили оружіе. Побѣдители Европы пали побѣжденные, не имѣя больше ничего ни сказать, ни сдѣлать, чувствуя во мракѣ чье-то страшное присутствіе.

Hoc erat in fatis [1]). Въ этотъ день будущность человѣческаго рода измѣнилась. Ва́терлоо—это основаніе девятнадцатаго столѣтія. Исчезновеніе великаго человѣка было необходимо для наступленія великаго вѣка. Тотъ, Кому нельзя возражать, взялъ это на Себя. Паника героевъ легко объясняется. Въ сраженіи при Ватерлоо явилось не облако, а метеоръ. Это былъ перстъ Божій.

Съ наступленіемъ ночи, въ полѣ, недалеко отъ Женапа, Бернаръ и Бертранъ поймали за полу сюртука и остановили угрюмаго, задумчиваго, мрачнаго человѣка; увлеченный потокомъ бѣглецовъ, онъ слѣзъ съ лошади, надѣлъ на руку узду и съ блуждающимъ взоромъ возвращался въ Ватерлоо. Это былъ Наполеонъ, все еще пытавшійся итти впередъ. Великій лунатикъ этого разсѣявшагося сна.

XIV.

Послѣднее карре.

Нѣсколько карре гвардіи, неподвижныя въ общемъ потокѣ бѣгства, подобно утесамъ среди водоворота, держались до ночи. Наступила ночь, а съ нею смерть; безъ малѣйшаго колебанія ожидали они этого двойного мрака и дали ему себя окутать. Каждый полкъ, отдѣленный отъ другихъ и не имѣя болѣе связи съ совершенно разбитой арміей, умиралъ одинаково. Для этого послѣдняго дѣла одни расположились на возвышенностяхъ Россома, другіе на равнинѣ Монъ-Сенъ-Жанъ. Тамъ, покинутыя, побѣжденныя, грозныя, эти мрачныя карре боролись со страшною смертью. Съ ними умирали: Ульмъ, Ваграмъ, Іена и Фридландъ.

Въ сумерки, около девяти часовъ вечера, у подошвы плато Монъ-Сенъ-Жанъ оставалось только одно карре. Въ этой мрачной долинѣ, у подножія склона, на который взбирались кирасиры, покрытаго теперь массой англичанъ подъ перекрестнымъ огнемъ побѣдоносной непріятельской артиллеріи, подъ страшной массой

---

[1]) Такъ было назначено рокомъ.

гранатъ, это карре продолжало бороться. Имъ командовалъ неизвѣстный офицеръ, по имени Камброннъ. При каждомъ залпѣ карре уменьшалось, но отбивалось. Оно отвѣчало ружейной пальбой на картечь, постепенно стягивая свои четыре стороны. Запыхавшіеся бѣглецы, останавливаясь иногда, слышали издали, во мракѣ, этотъ мрачный затихающій громъ.

Когда этотъ легіонъ превратился въ горсть людей, когда ихъ знамя обратилось въ лохмотья, когда ихъ ружья, за неимѣніемъ пуль, стали простыми палками, когда куча труповъ сдѣлалась больше группы живыхъ людей,—побѣдителей охватилъ какой-то священный ужасъ предъ этими великими умирающими воинами, и англійская артиллерія, какъ бы переводя духъ, перестала стрѣлять. Это было нѣчто въ родѣ отсрочки. Вокругъ этихъ сражающихся носились какъ бы призраки, силуэты людей на лошадяхъ, черные профили пушекъ; бѣлесоватое небо просвѣчивало сквозь колеса и лафеты; огромная голова смерти, которую всегда смутно видятъ герои въ дыму на полѣ сраженія, приближалась къ нимъ и глядѣла на нихъ. Они могли слышать въ вечернемъ мракѣ, какъ заряжали пушки; зажженные фитили, подобно глазамъ тигра въ темнотѣ, образовывали цѣпь вокругъ ихъ головъ; всѣ фейерверкеры англійскихъ батарей приблизились къ пушкамъ; и тогда, растроганный мыслью, что для этихъ людей настала послѣдняя минута, англійскій генералъ Кольвиль, по словамъ однихъ, или Мэтлэндъ, по словамъ другихъ, закричалъ имъ: «Храбрые французы, сдавайтесь!» Камброннъ отвѣчалъ: «Merde!» [1]).

XV.

Камброннъ.

Изъ уваженія къ французскому читателю, это слово, быть-можетъ, самое прекрасное, которое когда-либо было произнесено французомъ, не можетъ быть повторено. Такой элементъ, хотя онъ и возвышенный, запрещено вносить въ исторію.

Нарушимъ этотъ запретъ на свой страхъ.

Итакъ, среди этихъ великановъ нашелся титанъ Камброннъ. Сказать такое слово и потомъ умереть, что можетъ быть выше? Потому, что хотѣть умереть—все равно, что въ самомъ дѣлѣ умереть; и этотъ человѣкъ не виноватъ, если, сраженный картечью, онъ пережилъ самъ себя.

Сраженіе при Ватерлоо выигралъ не разбитый Наполеонъ, не Веллингтонъ, отступавшій въ четыре часа и пришедшій въ отчаяніе въ пять часовъ, не Блюхеръ, который совсѣмъ не сражался; человѣкъ, выигравшій сраженіе при Ватерлоо, это—Камброннъ.

Поразить такимъ словомъ громъ, убивающій васъ, это значитъ побѣдить.

Дать такой отвѣтъ катастрофѣ, сказать это судьбѣ, положить такое основаніе будущему льву, бросить подобное возраженіе ноч-

---

[1]) Мусоръ, отбросъ...

ному дождю, предательской стѣнѣ Гугомона, прорытой Оэнской дорогѣ, опозданію Груши, прибытію Блюхера, явиться воплощенной ироніей въ виду открытой могилы, остаться стоять, послѣ того, какъ упадешь, утопить въ двухъ слогахъ европейскую коалицію, сдѣлать изъ послѣдняго слова первое, придавъ ему блескъ, свойственный Франціи, дерзко закончить Ватерлоо карнаваломъ, совмѣстить въ себѣ Леонида и Раблэ, резюмировать эту побѣду однимъ великимъ, но неудобопроизносимымъ словомъ, потерять подъ собой почву и попасть въ исторію, послѣ такой рѣзни имѣть на своей сторонѣ всѣхъ насмѣшниковъ — это недостижимо.

Это оскорбленіе грому. Это достигаетъ Эсхилловскаго величія.

Слово Камбронна производитъ впечатлѣніе удара, разбившаго грудь, полную негодованія. Это избытокъ агоніи, произведшій взрывъ. Кто побѣдилъ? Веллингтонъ? Нѣтъ. Безъ Блюхера онъ погибъ бы. Блюхеръ? Нѣтъ. Если бы Веллингтонъ не началъ сраженія, Блюхеръ не могъ бы его окончить. Камброннъ,—этотъ герой послѣдняго часа, этотъ неизвѣстный солдатъ, эта безконечно малая единица войны, чувствуетъ, что здѣсь скрывается ложь, ложь въ самомъ бѣдствіи. Это было уже слишкомъ; и вотъ, въ тотъ моментъ, когда онъ приходитъ отъ этого въ бѣшенство, ему предлагаютъ, какъ бы въ насмѣшку, жизнь! Какъ могъ онъ не возмутиться? Вотъ они всѣ—короли Европы, счастливые генералы, Юпитеры-громовержцы; у нихъ сто тысячъ побѣдоноснаго войска, а за этими ста тысячами еще милліонъ; ихъ пушки, съ зажженными фитилями наготовѣ, раскрыли свои пасти; они только что сокрушили императорскую гвардію и великую армію и сломили Наполеона; остается одинъ Камброннъ; для выраженія протеста остается одинъ этотъ червь. И онъ будетъ протестовать. Онъ ищетъ подходящаго слова, какъ ищутъ шпагу. Въ немъ поднялась злоба, и эта злоба вылилась въ одномъ словѣ. Онъ въ отчаяніи выпрямляется предъ этой странной битвой, предъ этимъ сраженіемъ безъ побѣдителей: онъ выдерживаетъ на себѣ всю чудовищность этой побѣды, но указываетъ на ея ничтожество; онъ больше чѣмъ плюетъ на нее; и вотъ, подъ гнетомъ численности, силы и матеріи онъ находитъ въ душѣ подходящее выраженіе, которымъ отводитъ душу. Повторяемъ, сказать, сдѣлать, придумать такую вещь — это значитъ выйти побѣдителемъ.

Духъ великихъ дней вошелъ въ этого неизвѣстнаго человѣка: въ роковую минуту Камброннъ нашелъ подходящее слово для битвы при Ватерлоо, точно такъ же, какъ Руже де-Лиль нашелъ «Марсельезу» по вдохновенію свыше. Порывъ божественной бури налетѣлъ и охватилъ этихъ людей; они дрогнули, и у одного вылилась великая пѣснь, у другого вырвалось ужасное выраженіе. Выраженіе исполинскаго презрѣнія. Камброннъ бросаетъ его не только Европѣ отъ имени имперіи—этого было бы мало—онъ бросаетъ его прошлому отъ имени революціи. Въ Камброннѣ слышится и снова узнается душа прежнихъ великановъ. Кажется, что это Дантонъ разговариваетъ съ рычащимъ Клеберомъ.

Въ отвѣтъ на слово Камбронна англійскій голосъ скомандовалъ: пли! Батареи сверкнули, холмъ задрожалъ, изо всѣхъ пушекъ сразу раздался страшный залпъ картечи; появился густой дымъ, слегка посеребренный восходящей луной, и когда онъ разсѣялся, все исчезло. Эта грозная кучка людей была уничтожена, гвардія погибла. Четыре стѣны живого редута лежали на землѣ, среди труповъ едва можно было различить содроганіе. Такимъ образомъ погибли французскіе легіоны, еще болѣе великіе, чѣмъ римскіе; они полегли на поверхности Монъ-Сенъ-Жана, измокшей отъ дождя и крови, на мрачныхъ хлѣбныхъ нивахъ, на мѣстѣ, гдѣ теперь каждое утро, въ четыре часа, весело посвистывая и погоняя свою лошадь, проѣзжаетъ Жозефъ, исполняющій обязанности нивельской легкой почты.

XVI.

Quot libras in duce? [1]

Сраженіе при Ватерлоо представляетъ загадку, одинаково темную для тѣхъ, кто его выигралъ, какъ и для тѣхъ, кто его проигралъ. Для Наполеона — это паническій страхъ [2]); Блюхеръ видитъ въ немъ одну стрѣльбу; Веллингтонъ не понимаетъ въ немъ ничего. Посмотримъ рапорты. Свѣдѣнія сбивчивы, комментаріи запутаны. Одни сбиваются, другіе запинаются. Жомини раздѣляетъ сраженіе при Ватерлоо на четыре момента; Мюфлингъ дѣлитъ его на три фазиса; одинъ Шаррасъ, хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ у насъ другая оцѣнка, чѣмъ у него, схватилъ своимъ вѣрнымъ взглядомъ характерныя черты этой гибели человѣческаго генія въ борьбѣ съ божественнымъ рокомъ. Всѣ другіе историки находятся въ нѣкотораго рода ослѣпленіи и ходятъ ощупью. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ грозный день, разрушеніе военной монархіи, которое, къ великому изумленію королей, увлекло за собой всѣ королевства, паденіе силы, прекращеніе войны.

Въ этомъ событіи, отмѣченномъ сверхъестественной необходимостью, ничего не зависѣло отъ людей.

Отнять Ватерлоо у Веллингтона и Блюхера, развѣ это значитъ лишить чего-нибудь Англію и Германію? Нѣтъ. Ни о славной Англіи, ни о величественной Германіи не можетъ быть и рѣчи въ вопросѣ о Ватерлоо. Благодареніе небу, величіе народовъ не завививситъ отъ случайныхъ приключеній меча. Германія, Англія, Францція помѣщаются не въ ножнахъ. Въ ту эпоху, когда Ватерлоо было не чѣмъ инымъ, какъ бряцаніемъ сабель, у Германіи былъ Гёте, который выше Блюхера, а у Англіи—Байронъ, который выше Веллингтона. Широкое развитіе идей присуще нашему вѣку, и въ этой зарѣ Англіи и Германіи принадлежатъ прекрасные лучи. Эти

---

[1]) Чего стоитъ вождь?

[2]) Оконченное сраженіе, истекшій день, исправленныя ложныя мѣры, величайшій успѣхъ, обезпеченный на слѣдующій день — все погибло, благодаря одному моменту паническаго страха.

(Наполеонъ, «Мемуары, диктованные на св. Еленѣ».)

государства величественны потому, что они мыслятъ. Поднятіе уровня цивилизаціи лежитъ въ нихъ самихъ: оно происходитъ отъ нихъ, а не отъ случая. Источникомъ того величія, которое они пріобрѣли въ девятнадцатомъ вѣкѣ, служило совсѣмъ не Ватерлоо. Только варварскіе народы внезапно вырастаютъ послѣ побѣды. Это временное величіе потоковъ, разлившихся послѣ бури. Цивилизованные народы, особенно въ наше время, не возвышаются и не падаютъ отъ удачи или неудачи полководца. Принадлежащее имъ значеніе въ человѣческомъ родѣ зависитъ отъ чего-то болѣе важнаго, чѣмъ сраженіе. Слава Богу, ихъ честь, достоинство, геній и просвѣщеніе не представляютъ изъ себя номеровъ, на которые герои и завеватели — эти игроки — могутъ ставить въ лотереѣ сраженій. Часто проигранная битва ведетъ за собой прогрессъ. Меньше славы, но больше свободы. Барабанъ умолкаетъ, и разумъ начинаетъ говорить. Это игра, гдѣ проигрывающій—выигрываетъ. Обсудимъ же хладнокровно Ватерлоо съ двухъ сторонъ. Отдѣлимъ то, что принадлежитъ случаю, отъ того, что зависитъ отъ Бога. Что такое Ватерлоо? Побѣда? Нѣтъ. Игра въ кости.

Ставка, выигранная Европой, уплаченная Франціей.

Не стоило труда ставить тамъ льва.

Впрочемъ, Ватерлоо — это наиболѣе странное столкновеніе въ исторіи. Наполеонъ и Веллингтонъ. Это не враги, а контрасты. Никогда Богъ, любящій антитезы, не создавалъ болѣе поразительнаго контраста и болѣе странной очной ставки. Съ одной стороны, точность, осмотрительность, математическій расчетъ, осторожность, обезпеченное отступленіе, заготовленные запасы, упорное хладнокровіе, непоколебимая система, стратегія, пользующаяся почвой, тактика, уравновѣшивающая баталіоны, рѣзня, сдержанная дисциплиной, война, веденная съ часами въ рукахъ, безусловная предусмотрительность, старинная классическая храбрость, абсолютная правильность; съ другой стороны,—вдохновеніе, даръ предвидѣнія, военная оригинальность, сверхчеловѣческій инстинктъ, блистающій взоръ, въ которомъ что-то орлиное и молніеносное, удивительное искусство въ соединеніи съ презрительной пылкостью, всѣ тайны глубокой души, сообщество судьбы, рѣки, долины, лѣса и холмы, призванные и какъ бы принужденные повиноваться, деспотъ, доходящій до стремленія подчинить своей тираніи даже поле сраженія, вѣра въ свою звѣзду, соединенная съ стратегическимъ искусствомъ, возвеличивающая его, но въ то же время иногда мѣшающая ему. Веллингтонъ былъ Баремомъ войны, Наполеонъ—ея Микель-Анджело, и на этотъ разъ геній былъ побѣжденъ расчетомъ.

Съ обѣихъ сторонъ ждали подкрѣпленій. Успѣхъ остался за тѣмъ, кто вѣрнѣе расчиталъ. Наполеонъ ждалъ Груши, — онъ не явился. Веллингтонъ ждалъ Блюхера,—тотъ прибылъ.

Веллингтонъ — это отмщающая за себя классическая война. Бонапартъ, на зарѣ своей славы, встрѣтилъ его въ Италіи и жестоко разбилъ. Старая сова бѣжала отъ молодого ястреба. Старинная тактика была не только поражена, но и оскорблена. Что та-

кое этотъ двадцатишестилѣтній корсиканецъ? Что значитъ этотъ великолѣпный невѣжда, который, имѣя все противъ себя и ничего за себя, безъ провіанта, безъ боевыхъ запасовъ, безъ пушекъ, безъ обуви, почти безъ арміи, съ горстью людей противъ цѣлыхъ массъ ринулся на соединившуюся Европу и нелѣпо одерживалъ невозможныя побѣды? Откуда появился этотъ грозный безумецъ, который, почти не переводя духа, съ одними и тѣми же силами уничтожилъ одну за другой пять армій германскаго императора, опрокинувъ Больё на Альвица, Вурмзера на Больё, Меласа на Вурмзера, Мака на Меласа? Кто этотъ новичокъ войны, обладающій дерзостью героя? Военная академія отлучила его, отступившись отъ него. Отсюда непримиримая вражда стараго цезаризма съ новымъ, вымуштрованной сабли съ сверкающей шпагой, шахматной доски съ геніемъ. 18 іюня 1815 года эта вражда сказала свое послѣднее слово и подъ Лоди, Монтебелло, Монтенотте, Мантуей, Маренго и Арколой начертала *Ватерлоо*. Торжество посредственности, пріятное для большинства. Судьба допустила эту иронію. На закатѣ своей славы Наполеонъ встрѣтилъ помолодѣвшаго Вурмзера.

Дѣйствительно, чтобы получить Вурмзера, достаточно выбѣлить волосы Веллингтону.

Ватерлоо — это великая битва, выигранная посредственнымъ полководцемъ. Чему надо удивляться въ сраженіи при Ватерлоо, такъ это Англіи, англійской твердости, рѣшительности и темперамента; самое прекрасное, что было въ этой войнѣ, это не во гнѣвъ ей будь сказано, сама Англія. Не ея полководецъ, а ея войска.

Веллингтонъ съ изумительной неблагодарностью высказываетъ въ письмѣ къ лорду Батгёрсту, что его армія, сражавшаяся 18 іюня 1815 года, была «отвратительная армія». Что думаетъ о такомъ отзывѣ мрачное скопище костей, зарытыхъ на поляхъ Ватерлоо?

Англія выказала слишкомъ много скромности по отношенію къ Веллингтону. Возвеличить такимъ образомъ Веллингтона, значитъ умалить Англію. Веллингтонъ такой же герой, какъ и всякій другой. Достойны удивленія сѣрые шотландцы, конная гвардія, полки Мэтлэнда, Митчелля, пѣхота Пака и Кемпта, кавалерія Понсомби и Сомерсета, горцы, играющіе на волынкѣ подъ картечью, баталіоны Риландта, только что навербованные рекруты, едва умѣющіе владѣть ружьемъ, но устоявшіе противъ старыхъ воиновъ Эсслингена и Риволи. Веллингтонъ былъ стоекъ, въ этомъ его заслуга, и мы не оспариваемъ ее у него, но самый послѣдній изъ его пѣхотинцевъ и кавалеристовъ былъ такъ же твердъ, какъ и онъ самъ. Желѣзные солдаты стоили желѣзнаго герцога. Что касается насъ, то все наше восхваленіе относится къ англійскому солдату, англійской арміи и англійскому народу. Если есть побѣда, то она принадлежитъ Англіи. Памятникъ Ватерлоо былъ бы болѣе вѣренъ, если бы вмѣсто фигуры одного человѣка онъ вознесъ къ облакамъ статую народа.

Но великая Англія придетъ въ гнѣвъ отъ того, что мы говоримъ здѣсь. Послѣ 1688 и 1789 годовъ она сохранила еще феодальныя иллюзіи. Она вѣритъ въ наслѣдственность и іерархію. Этотъ народъ, котораго никто не превосходитъ въ могуществѣ и славѣ, уважаетъ себя какъ націю, а не какъ народъ. Какъ народъ, онъ охотно подчиняется владычеству лорда. Какъ рабочій, онъ позволяетъ презирать себя; какъ солдатъ, позволяетъ бить себя палкой. Припомнимъ, что послѣ сраженія при Инкерманѣ, унтеръ-офицеръ, спасшій, повидимому, всю армію, не могъ быть упомянутъ въ реляціи лордомъ Рагланомъ, такъ какъ англійская военная іерархія не позволяетъ вносить въ рапортъ героевъ ниже оберъ-офицерскаго чина [1]).

Но болѣе всего въ сраженіи при Ватерлоо мы удивляемся замѣчательному искусству случая. Ночной дождь, гугомонская стѣна, прорытая въ оврагѣ оэнская дорога, Груши, не слыхавшій пушечныхъ выстрѣловъ, проводникъ, обманувшій Наполеона, другой проводникъ, показавшій вѣрный путь Бюлову,—вся эта цѣпь событій проведена чудесно.

Въ общемъ нужно сказать, что Ватерлоо походитъ больше на рѣзню, чѣмъ на сраженіе.

Изъ всѣхъ генеральныхъ сраженій битва при Ватерлоо имѣла наименьшій фронтъ, сравнительно съ числомъ сражающихся. Наполеонъ растянулъ свой фронтъ на три четверти мили, Веллингтонъ на полмили; по семьдесятъ двѣ тысячи сражающихся съ каждой стороны. Слѣдствіемъ этой тѣсноты и была рѣзня.

Сдѣлали вычисленія и установили слѣдующую пропорцію. Потеря людьми при Аустерлицѣ: у французовъ четырнадцать процентовъ; у русскихъ тридцать процентовъ; у австрійцевъ сорокъ четыре процента. При Ваграмѣ: у французовъ тринадцать процентовъ, у австрійцевъ четырнадцать. При Бородинѣ: у французовъ тридцать семь процентовъ, у русскихъ сорокъ четыре. При Бауценѣ: у французовъ тринадцать процентовъ; у русскихъ и пруссаковъ четырнадцать. При Ватерлоо: у французовъ пятьдесятъ шесть процентовъ, у союзниковъ тридцать одинъ. Въ среднемъ при Ватерлоо сорокъ одинъ процентъ. Сто сорокъ четыре тысячи сражающихся; шестьдесятъ тысячъ убитыхъ.

Въ настоящее время поле Ватерлоо обладаетъ спокойствіемъ, свойственнымъ землѣ,—безстрастной опорѣ человѣка; оно походитъ на самую обыкновенную равнину.

Однако ночью на немъ появляется что-то въ родѣ призрачнаго тумана, и, если какой-нибудь путешественникъ, бродя по немъ, начнетъ прислушиваться и вглядываться и замечтается, подобно Виргилію на мрачныхъ поляхъ сраженія при Филиппахъ, его охватитъ галлюцинація этой битвы. Ему представится, что снова настаетъ страшное 18-ое іюня; искусственный курганъ-памятникъ пропадаетъ, левъ исчезаетъ, поле сраженія снова принимаетъ свой настоящій видъ; ряды пѣхоты волнуются по равнинѣ, бѣшеный галопъ пере-

---

[1]) Теперь этого въ англійской арміи давно нѣтъ. *Прим. ред.*

сѣкаетъ горизонтъ; испуганный мечтатель видитъ блескъ сабель, сверканіе штыковъ, пламя разрывающихся гранатъ, чудовищно перекрещивающіяся молніи; онъ слышитъ какъ бы хрипѣніе въ глубинѣ могилы, отдаленный шумъ призрачной битвы; вонъ тѣ тѣни — гренадеры; эти отблески — кирасиры; этотъ скелетъ — Наполеонъ, другой скелетъ — Веллингтонъ; все это уже не существуетъ, но все еще сталкивается и борется; овраги обагряются кровью, деревья трепещутъ, яростный бой поднимается къ самымъ облакамъ и во мракѣ всѣ эти зловѣщія возвышенности, Монъ-Сенъ-Жанъ, Гугомонъ, Фришмонъ, Папелотъ и Плансенуа, смутно кажутся увѣнчанными вихремъ убивающихъ другъ друга привидѣній

XVII.

Что такое Ватерлоо?

Существуетъ очень почтенная либеральная школа, которая совсѣмъ не осуждаетъ Ватерлоо. Мы не принадлежимъ къ ней. Для насъ Ватерлоо только неожиданное нарожденіе свободы. Что изъ подобнаго яйца вылупится подобный орелъ, это, конечно, было неожиданностью.

Если встать на высшую точку зрѣнія вопроса, то Ватерлоо есть не болѣе, какъ предначертанная заранѣе побѣда контръ-революціи. Это Европа противъ Франціи, Петербургъ, Берлинъ и Вѣна противъ Парижа, это status quo противъ инициативы, это атака на 14 іюля 1789 г. посредствомъ 20 марта 1815 года, это тревога, поднятая монархіями противъ необузданнаго возстанія французовъ. Унять, наконецъ, этотъ великій народъ, находившійся въ вулканическомъ состояніи въ продолженіе двадцати шести лѣтъ, такова была общая мечта. Солидарность Брауншвейговъ, Нассау, Романовыхъ, Гогенцоллерновъ, Габсбурговъ съ Бурбонами.

Ватерлоо ведетъ за собой священное право. Правда, что, такъ какъ имперія была деспотической, то королевская власть, въ силу естественной реакціи вещей должна была поневолѣ быть либеральной, и конституціонный порядокъ явился нежелательнымъ слѣдствіемъ Ватерлоо, къ великому огорченію побѣдителей. Дѣйствительно, революція не можетъ быть побѣждена, она постоянно появляется снова, до Ватерлоо — въ лицѣ Бонапарта, разрушившаго старые троны, послѣ Ватерлоо — въ лицѣ Людовика XVIII, даровавшаго хартію и подчинившагося ей. Бонапартъ возводитъ почтальона на неаполитанскій престолъ и унтеръ-офицера на шведскій, пользуясь этимъ неравенствомъ для доказательства равенства; Людовикъ XVIII въ Сентъ-Уэнѣ подписываетъ декларацію человѣческихъ правъ. Если вы хотите дать себѣ отчетъ въ томъ, что такое революція, назовите ее завтрашнимъ днемъ. Это «завтра» непрерывно совершаетъ свое дѣло и начинаетъ его съ «сегодня». Страннымъ образомъ оно достигаетъ всегда своей цѣли. Черезъ посредство Веллингтона оно дѣлаетъ изъ Фуа, бывшаго только солдатомъ, оратора. Фуа падаетъ при Гугомонѣ и поднимается снова на трибунѣ. Такъ дѣйствуетъ завтра, такъ дѣйству-

етъ прогрессъ. Для этого работника все служитъ орудіемъ. Онъ приспособляетъ, не смущаясь, къ своей работѣ и человѣка, перешедшаго черезъ Альпы, и бѣднаго больного старика, плетущагося, шатаясь, къ могилѣ. Онъ пользуется и подагрикомъ и завоевателемъ; завоевателемъ для внѣшняго, подагрикомъ для внутренняго прогресса. Ватерлоо, положивъ внезапно конецъ разрушенію мечомъ троновъ, не имѣло другого дѣйствія, кромѣ продолженія революціонной работы съ другой стороны. Воины кончили свое дѣло, наступила очередь мыслителей. Ватерлоо хотѣло остановить вѣкъ, но тотъ перешагнулъ черезъ него и продолжалъ свою дорогу. Эта мрачная побѣда была побѣждена свободой. Въ сущности, безспорно, что при Ватерлоо торжествовала только одна контръ-революція; она улыбалась позади Веллингтона, несла ему всѣ европейскіе маршальскіе жезлы, включая, какъ говорятъ, и жезлъ Франціи, весело катила земляныя тачки, полныя костей, чтобы создать курганъ для льва, торжественно написала на пьедесталѣ число: «18 іюня 1815 года», поощряла Блюхера рубить саблями бѣглецовъ, наклонялась съ высоты плато Монъ-Сенъ-Жанъ надъ Франціей, какъ надъ добычей—все это дѣлала контръ-революція. Она шептала гнусное слово — «расчлененіе». Прибывъ въ Парижъ, она увидала кратеръ вблизи, почувствовала, что этотъ пепелъ жжетъ ей ноги, одумалась и снова возвратилась къ мысли о хартіи.

Будемъ правильно смотрѣть на Ватерлоо. Въ немъ нѣтъ совсѣмъ преднамѣренной свободы. Контръ-революція помимо своей воли была либеральной, точно такъ же, какъ Наполеонъ, благодаря сходнымъ обстоятельствамъ, былъ помимо своей воли революціонеромъ: 18 іюня 1815 года Ребеспьеръ былъ выбитъ изъ сѣдла.

XVIII.

Возстановленіе священныхъ правъ.

Пришелъ конецъ диктатурѣ. Цѣлая система Европы рушилась. Имперія погрузилась во мракъ, походившій на мракъ умирающаго римскаго міра. Произошло возрожденіе въ безднѣ, какъ во времена варваровъ. Только у варварства 1815 года, которое надо назвать его уменьшительнымъ именемъ, контръ-революціей, не хватило дыханія; оно скоро запыхалось и остановилось. Имперія, надо признаться, была оплакиваема, оплакиваема глазами героевъ. Если слава заключается въ мечѣ, превратившемся въ скипетръ, то имперія была сама слава. Она распространила по землѣ весь свѣтъ, который способна дать киранія; это былъ темный или, скажемъ болѣе, мрачный свѣтъ. Въ сравненіи съ истиннымъ свѣтомъ, это—ночь. Исчезновеніе этого мрака произвело впечатлѣніе затменія.

Людовикъ XVIII вернулся въ Парижъ. Круговые танцы 8 іюля изгладили восторги 20 марта. Корсиканецъ сталъ противоположностью беарнца. На Тюильри взвился бѣлый флагъ. Воцарились изгнанники. Еловый столъ Гартвеля помѣстился передъ укра-

шеннымъ лиліями кресломъ Людовика XIV. О Бувинѣ и Фонтенуа говорили, какъ о вчерашнемъ днѣ, тогда какъ Аустерлицъ устарѣлъ. Алтарь и престолъ величественно побратались. Одна изъ самыхъ несомнѣнныхъ формъ общественнаго блага въ девятнадцатомъ вѣкѣ водворилась во Франціи и на континентѣ. Европа приняла бѣлую кокарду. Трестальонъ сдѣлался знаменитостью. Девизъ non pluribus impar [1]) снова появился въ лучахъ каменнаго изображенія солнца на фасадѣ казармъ Орсейской набережной. Гдѣ прежде помѣщалась императорская гвардія, теперь находился красный домъ. Карусельная арка, вся убранная трофеями, чувствуя себя неловко среди этихъ новостей, быть-можетъ, даже немного стыдясь Маренго и Арколы, выпуталась изъ затрудненія съ помощью статуи герцога Ангулемскаго.

Мадленское кладбище, страшная общая могила 93 года, покрылось мраморомъ и яшмой, такъ какъ тамъ находились останки Людовика XVI и Маріи Антуанетты. Въ Венсенскомъ рву появилась надгробная колонна, напоминающая о томъ, что герцогъ Ангіенскій умеръ въ томъ самомъ мѣсяцѣ, въ которомъ былъ коронованъ Наполеонъ. Папа Пій VII, совершавшій это коронованіе тотчасъ же послѣ этой смерти, точно такъ же спокойно благословилъ паденіе, какъ и возвышеніе. Въ Шенбруннѣ появилась маленькая четырехлѣтняя тѣнь, которую возбранялось называть римскимъ королемъ. Все это совершилось, короли снова заняли свои троны, властелинъ Европы былъ посаженъ въ тюрьму, старинный порядокъ возобновился; мракъ и свѣтъ перемѣнили свои мѣста на землѣ, и все это потому, что однажды, въ лѣтній день, въ послѣобѣденное время пастухъ сказалъ въ лѣсу пруссаку: «Пройдите здѣсь, а не тамъ».

1815 годъ былъ похожъ на печальный апрѣль. Старая, нездоровая, ядовитая дѣйствительность приняла новый наружный видъ. Ложь примѣшалась къ 1789 году. Священныя права замаскировались хартіей. Фикціи выдавали себя за конституцію. Предразсудки, суевѣріе и заднія мысли, съ 14 статьей на сердцѣ, навели на себя лакъ либерализма. Змѣи также мѣняютъ шкуру.

Человѣкъ былъ въ одно и то же время возвеличенъ и униженъ Наполеономъ. Идеалъ во время этого великолѣпнаго матеріалистическаго царствованія получилъ странное названіе идеологіи. Крупная неосторожность великаго человѣка—превратить въ насмѣшку будущее. Однако народъ, это пушечное мясо, сильно привязанное къ канониру, искалъ его глазами. Гдѣ онъ? Что онъ дѣлаетъ? «Наполеонъ умеръ», сказалъ одинъ прохожій инвалиду, участвовавшему при Маренго и Ватерлоо. «Онъ-то умеръ!»—воскликнулъ солдатъ. — «Хорошо же вы его знаете!» Народное воображеніе боготворило этого свергнутаго героя. Общій фонъ Европы «послѣ Ватерлоо» сдѣлался мрачнымъ. Какая-то огромная пустота образовалась съ исчезновеніемъ Наполеона.

---

[1]) Не многимъ не равенъ.

Короли заняли собой эту пустоту. Старая Европа воспользовалась ею для своего преобразованія. Возникъ священный союзъ. Бель-Альянсъ заранѣе предсказалъ, что поле сраженія при Ватерлоо окажется роковымъ.

Передъ лицомъ этой преобразованной старой Европы обрисовалось очертаніе новой Франціи. Будущее, осмѣянное императоромъ, вступило въ свои права. На челѣ его красовалась звѣзда свободы. Молодое поколѣніе обратило къ нему свой восторженный взоръ. Странное дѣло, въ одно и то же время увлеклись будущимъ—свободой и прошедшимъ—Наполеономъ. Пораженіе возвеличило пораженнаго. Наполеонъ въ паденіи казался выше Наполеона въ славѣ. Побѣдившіе почувствовали страхъ. Англія приказала Гудзону Лоу, а Франція—Моншеню сторожить Наполеона. Его скрещенныя на груди руки доставляли безпокойство тронамъ. Александръ I называлъ его: моя безсонница. Этотъ страхъ происходилъ отъ количества скрытой въ Наполеонѣ революціи, чѣмъ объясняется и оправдывается либерализмъ бонапартистовъ. Этотъ призракъ заставлялъ трепетать Старый свѣтъ. Монархи царствовали съ тревогой, видя на горизонтѣ скалу Святой Елены.

Въ то время, какъ Наполеонъ томился въ Лонгвудѣ, шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, павшихъ на полѣ Ватерлоо, спокойно тлѣли, и частица ихъ покоя распространилась по вселенной. Вѣнскій конгрессъ создалъ изъ него трактаты 1815 года, а Европа назвала это реставраціей.

Вотъ что такое Ватерлоо.

Но какое до него дѣло вѣчности? Вся эта буря, эта туча, война, затѣмъ миръ, весь этотъ мракъ ни на одинъ моментъ не затемнили свѣта тому огромному оку, предъ которымъ мошка, скачущая со стебелька травы на другой, равна орлу, перелетающему съ одной вершины башни собора Богоматери на другую.

XIX.

Поле сраженія ночью.

Вернемся, какъ этого требуетъ нашъ разсказъ, на роковое поле сраженія.

18 іюня 1815 года было полнолуніе. Этотъ лунный свѣтъ помогъ Блюхеру въ его яростномъ преслѣдованіи, выдалъ слѣды бѣглецовъ, предалъ эту несчастную массу въ руки ожесточенной прусской конницы и способствовалъ рѣзнѣ. Въ несчастныхъ событіяхъ иногда встрѣчается подобное трагическое сообщничество ночи.

Съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ равнина Монъ-Сенъ-Жанъ совершенно опустѣла.

Англичане заняли лагерь французовъ; это обычное явленіе побѣды: ночевать въ лагерѣ побѣжденнаго. Они расположили свои бивуаки по ту сторону Россома. Пруссаки, увлекшись побѣдой, продвинулись еще дальше. Веллингтонъ отправился въ деревню Ватерлоо составлять рапортъ лорду Батгёрсту.

Если когда-либо можно было примѣнить изреченіе sic vos non vobis[1]), то именно къ этой деревнѣ. Деревня Ватерлоо не принимала никакого участія въ сраженіи, находясь на разстояніи полумили отъ него. Монъ-Сенъ-Жанъ былъ разгромленъ, Гугомонъ и Папелотъ были сожжены, Ге-Сентъ взятъ приступомъ, Бель-Альянсъ былъ свидѣтелемъ объятій двухъ побѣдителей; всѣ эти имена остались неизвѣстными, а Ватерлоо, совсѣмъ не принимавшему участія въ движеніи, досталась вся честь.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя льстятъ войнѣ, и, когда представляется случай, мы говоримъ про нее правду. Война имѣетъ свою ужасающую красоту, которой мы не скрываемъ, но, надо согласиться, что у нея есть и свои безобразія. Однимъ изъ наиболѣе поражающихъ безобразій является быстрое ограбленіе мертвыхъ послѣ побѣды. Заря, поднимающаяся послѣ битвы, всегда освѣщаетъ обнаженные трупы.

Кто это дѣлаетъ? Кто оскверняетъ подобнымъ образомъ побѣду? Чья гнусная, воровская рука проскальзываетъ въ ея карманъ? Кто эти мошенники, совершающіе преступленія за спиной славы? Нѣкоторые философы, между прочимъ, Вольтеръ, утверждаютъ, что это именно тѣ, которые создали славу. Тѣ, говорятъ они, которые побѣдили, грабятъ побѣжденныхъ. Герой днемъ превращается въ вампира ночью. Впрочемъ, имѣютъ же они право немножко обобрать трупы людей, которыхъ они сами поразили. Что касается насъ, то мы съ этимъ не согласны. Намъ кажется невозможнымъ, чтобы одна и та же рука могла пожинать лавры и тащить сапоги съ мертваго. Достовѣрно, однако, что вслѣдъ за побѣдителями появляются воры. Но оставимъ внѣ подозрѣній солдата, и особенно современнаго.

За всякой арміей слѣдуетъ хвостъ, и его-то и надо въ этомъ винить. Существа въ родѣ летучихъ мышей, полуразбойники, полулакеи, всѣ эти vespertilio, порождаемые мракомъ, называемымъ войной, люди, носящіе мундиры, но не участвующіе въ сраженіи, притворные больные, злобные уроды, маркитанты, занимающіеся контрабандной торговлей, разъѣзжающіе, иногда даже со своими женами, на маленькихъ телѣжкахъ, ворующіе то, что сами раньше продали, нищіе, предлагающіе себя въ проводники офицерамъ, обозные слуги, мародеры; всѣ эти паразиты тащились во время похода за арміей прежняго времени—мы не говоримъ о современной—и даже на спеціальномъ языкѣ называлось «отсталыми». Ни одна армія и ни одна нація не могла быть за нихъ отвѣтственной; они говорили по-итальянски и слѣдовали за нѣмцами; говорили по-французски и слѣдовали за англичанами.

Одинъ изъ такихъ отсталыхъ негодяевъ, испанецъ, говорившій по-французски, обманулъ своимъ пикардійскимъ нарѣчіемъ маркиза де-Фервака, принявшаго его за одного изъ своихъ; онъ убилъ маркиза и ограбилъ его на самомъ полѣ сраженія, въ ночь, послѣдовавшую за побѣдой при Серизалѣ. Мародерство породило

---

[1]) Такъ васъ, но не вамъ.

мошенниковъ. Отвратительное правило «жить на счетъ непріятеля» произвело эту язву, которую излѣчить могла бы только строгая дисциплина. Слава нѣкоторыхъ людей бываетъ обманчива; не всегда извѣстно, отчего нѣкоторые генералы,—великіе, впрочемъ,—были такъ популярны. Тюреннъ былъ боготворимъ своими солдатами, потому что онъ допускалъ грабежъ; дозволенное зло составляетъ часть доброты. Тюреннъ былъ такъ добръ, что позволилъ предать огню и мечу Палатинатъ. За арміями обыкновенно слѣдовало болѣе или менѣе мародеровъ, смотря по тому, насколько строгъ былъ полководецъ. У Гоша и Марсо не было совсѣмъ «отсталыхъ»; у Веллингтона—мы охотно отдаемъ ему справедливость въ этомъ—ихъ было мало.

Однако въ ночь съ 18 на 19 іюня мертвыхъ грабили. Веллингтонъ былъ суровъ: онъ отдалъ приказъ разстрѣливать каждаго, кто будетъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, но грабительство упорно продолжалось. Мародеры воровали въ одномъ концѣ поля сраженія, въ то время, какъ ихъ разстрѣливали въ другомъ.

Луна зловѣще освѣщала эту равнину.

Около полуночи какой-то человѣкъ бродилъ или, вѣрнѣе, ползалъ около Оэнскаго оврага. Это былъ, повидимому, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы только что охарактеризовали, ни англичанинъ, ни французъ, ни поселянинъ, ни солдатъ, ни человѣкъ, а скорѣе вѣдьма, которая, почуявъ мертвецовъ, считая воровство за побѣду, явилась грабить Ватерлоо. Онъ былъ одѣтъ въ блузу, походившую на шинель; онъ былъ и трусливъ и дерзокъ, подвигался впередъ и оглядывался назадъ. Что это былъ за человѣкъ? Ночь, вѣроятно, знала о немъ больше, чѣмъ день. У него не было мѣшка, но были, очевидно, большіе карманы подъ шинелью. Отъ времени до времени онъ останавливался, оглядывалъ равнину вокругъ себя, какъ будто для того, чтобы посмотрѣть, не наблюдаютъ ли за нимъ, внезапно нагибался, копался на землѣ въ чемъ-то безмолвномъ и неподвижномъ, потомъ выпрямлялся и крался далѣе. Его скользящая походка, быстрые и таинственные жесты дѣлали его похожимъ на тѣхъ ночныхъ нетопырей, которые гнѣздятся въ развалинахъ и которыхъ старинныя нормандскія легенды называютъ les Alleurs. Нѣкоторыя ночныя голенастыя птицы даютъ подобные силуэты въ болотахъ.

Вглядѣвшись внимательно въ этотъ туманъ, можно было замѣтить на нѣкоторомъ разстояніи остановившуюся и какъ бы спрятанную позади развалины, находившейся на Нивельскомъ шоссѣ, при поворотѣ дороги изъ Монъ-сенъ-Жана въ Бренъ-л'Алле, маленькую маркитантскую повозку съ навѣсомъ изъ просмоленнаго ивняка, запряженную голодной клячей, щипавшей крапиву черезъ удила; въ повозкѣ какая-то женщина сидѣла на ящикахъ и узлахъ. Быть-можетъ, существовала какая-нибудь связь между этой повозкой и этимъ бродягой.

Ночь была ясная. На небѣ не было ни одного облачка. Несмотря на то, что земля была обагрена кровью, луна сохранила свой бѣлый свѣтъ. Въ этомъ выражается равнодушіе неба.

Въ лугахъ, вѣтви деревьевъ, надломанныя картечью, но еще не упавшія и поддерживаемыя корой, тихо колебались отъ ночного вѣтра. Дуновеніе, почти такое же тихое, какъ дыханіе, шевелило кустарникъ. Тихій шелестъ травы походилъ на вздохъ отлетающихъ душъ.

Вдали смутно слышались шаги приближавшихся и удалявшихся патрулей и дозорныхъ въ англійскомъ лагерѣ.

Гугомонъ и Гэ-Сентъ продолжали пылать, образуя, одинъ на западѣ, другой на востокѣ, два огромныхъ факела, къ которымъ присоединялась, подобно растянутому рубиновому ожерелью съ двумя карбункулами на концахъ, цѣпь огней англійскаго бивуака, развернувшагося огромнымъ полукругомъ по холмамъ на горизонтѣ

Мы уже описали бѣдствіе при Оэнскомъ оврагѣ. При одной мысли о томъ, сколько несчастныхъ нашло здѣсь свою смерть, сердце содрогается отъ ужаса. Если есть что-нибудь ужасное, если существуетъ дѣйствительность, превосходящая самый страшный сонъ, такъ это вотъ что: жить, видѣть солнце, быть въ полномъ расцвѣтѣ силъ, обладать здоровьемъ, радостью, весело смѣяться, спѣшить навстрѣчу обольстительной славѣ, которую видишь предъ собой, чувствовать у себя въ груди легкія, которыя дышатъ, сердце, которое бьется, разумную волю, говорить, думать, надѣяться, любить, имѣть мать, жену, дѣтей, видѣть свѣтъ, и вдругъ, въ мгновенье ока, менѣе чѣмъ въ одну минуту, свалиться въ бездну, упасть, покатиться, давить и быть раздавленнымъ, видѣть хлѣбные колосья, цвѣты, листья, вѣтви, не имѣя возможности ни за что удержаться, сознавать безполезность своей сабли, чувствовать подъ собой людей, а на себѣ лошадей, тщетно стараться выбиться, чувствовать, что кости ломаются отъ ударовъ копытъ, а шпоры выкалываютъ вамъ глаза, грызть въ бѣшенствѣ лошадиныя подковы, задыхаться, кричать, извиваться, находиться подъ всѣмъ этимъ и говорить себѣ: еще сейчасъ я былъ живъ!

Тамъ, гдѣ происходило это печальное бѣдствіе, теперь было все тихо. Оврагъ былъ полонъ нагроможденныхъ въ кучу лошадей и людей. Ужасающая картина! Насыпь больше не существовала, трупы сравняли дорогу съ равниной, наполнивъ ее до краевъ, подобно хорошо насыпанному четверику. Куча мертвыхъ въ болѣе возвышенной части, рѣка крови въ низменной части, вотъ что представляла изъ себя эта дорога вечеромъ 18 іюня 1815 года. Кровь текла до самаго нивельскаго шоссе и разливалась здѣсь широкой лужей передъ баррикадой, заграждавшей шоссе въ томъ мѣстѣ, которое показываютъ еще и сейчасъ. Какъ мы уже сказали, кирасиры обрушились въ пропасть съ противоположной стороны по направленію къ женапскому шоссе. Высота груды труповъ равнялась глубинѣ оврага. Около его середины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ становился плоскимъ и гдѣ прошла дивизія Делора, слой труповъ становился тоньше.

Ночной бродяга, на котораго мы только что указали читателю, шелъ въ эту сторону. Онъ рылся въ этой огромной могилѣ. Онъ

разглядывалъ ее, какъ будто дѣлалъ страшный смотръ мертвецамъ. Его ноги ступали по крови.

Вдругъ онъ остановился.

Передъ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ, въ оврагѣ, гдѣ кончалась куча труповъ, поверхъ этого скопища людей и лошадей, виднѣлась разжатая рука, освѣщенная луной.

На пальцѣ этой руки было что-то блестящее; это было золотое кольцо. Человѣкъ наклонился, присѣлъ на минуту на корточки, а когда онъ поднялся, на пальцѣ уже не было больше кольца.

Онъ, собственно, не поднялся, а остался въ неловкой, встревоженной позѣ, повернувшись спиной къ трупамъ и вглядываясь въ горизонтъ; онъ стоялъ на колѣняхъ, поддерживая верхнюю часть тѣла указательными пальцами, упиравшимися въ землю, и выставивъ голову надъ краемъ оврага. Четыре лапы шакала, полезныя для извѣстныхъ дѣйствій. Потомъ онъ рѣшительно выпрямился; но въ ту же минуту онъ страшно вздрогнулъ. Онъ почувствовалъ, что сзади кто-то его держитъ.

Онъ обернулся; это была рука, которая теперь сжалась и схватила его за конецъ шинели.

Честный человѣкъ испугался бы. Этотъ же разсмѣялся.

— Ну, это мертвый,—сказалъ онъ.—Для меня лучше привидѣніе, чѣмъ жандармъ.

Между тѣмъ рука ослабла и выпустила его. Напряженіе быстро исчезаетъ въ могилѣ.

— Однако,—продолжалъ бродяга,—ужъ не живъ ли тотъ мертвецъ, посмотримъ-ка.

Онъ снова наклонился, разрылъ кучу, отстранилъ то, что мѣшало, вытащилъ всю руку, высвободилъ голову, потомъ туловище и черезъ нѣсколько минутъ уже тащилъ во мракѣ оврага безжизненное тѣло потерявшаго сознаніе человѣка. Это былъ кирасирскій офицеръ, и офицеръ не маленькаго чина; густая золотая эполета виднѣлась изъ-подъ кирасы; на немъ не было каски. Жестокій ударъ сабли разсѣкъ ему лицо, которое было теперь все залито кровью. Однако казалось, что ни одинъ членъ у него не былъ сломанъ, и по какой-то счастливой случайности, если можно такъ выразиться, трупы расположились надъ нимъ такъ, что онъ не былъ окончательно раздавленъ. Глаза его были закрыты.

На кирасѣ у него былъ серебряный крестъ Почетнаго Легіона. Бродяга сорвалъ этотъ крестъ, исчезнувшій тотчасъ же въ одной изъ пропастей, находившихся у него подъ шинелью.

Затѣмъ онъ ощупалъ часовой карманъ офицера, почувствовалъ тамъ часы и взялъ ихъ. Потомъ онъ обшарилъ жилетъ, нашелъ въ немъ кошелекъ и спряталъ его въ карманъ.

Когда онъ дошелъ до этой стадіи попеченій, оказанныхъ имъ умирающему, офицеръ открылъ глаза.

— Благодарю,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ

Рѣзкость движеній человѣка, державшаго его въ рукахъ, свѣжесть ночи, свободно вдыхаемый воздухъ вывели его изъ

летаргіи. Бродяга не отвѣчалъ ничего. Онъ поднялъ голову. Послышался шумъ шаговъ въ долинѣ. Вѣроятно, приближался какой-нибудь патруль.

— Кто выигралъ сраженіе? — чуть слышно прошепталъ офицеръ; въ голосѣ его еще слышалась агонія.

— Англичане,—отвѣчалъ бродяга.

Офицеръ продолжалъ:

— Поищите въ моихъ карманахъ. Вы найдете тамъ кошелекъ и часы. Возьмите ихъ.

Это было уже сдѣлано.

Бродяга сдѣлалъ видъ, что исполняетъ требуемое, и сказалъ:

— Ничего нѣтъ.

— Меня обокрали,—сказалъ офицеръ,—очень жаль. Они были бы ваши.

Шаги патруля дѣлались все слышнѣе и слышнѣе.

— Кто-то идетъ, — сказалъ бродяга, дѣлая движеніе, чтобы уйти.

Офицеръ съ трудомъ приподнялъ руку и удержалъ его.

— Вы спасли мнѣ жизнь. Кто вы такой?

— Я принадлежалъ, какъ и вы, къ французской арміи,—тихо и быстро отвѣчалъ бродяга.—Я долженъ оставить васъ. Если меня схватятъ, то я буду разстрѣлянъ. Я спасъ вамъ жизнь. Теперь сами выпутывайтесь, какъ знаете.

— Въ какомъ вы чинѣ?

— Унтеръ-офицеръ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Тенардье.

— Я не забуду вашей фамиліи,—сказалъ офицеръ.—А вы запомните мою. Моя фамилія Понмерси.

Книга вторая.—КОРАБЛЬ ОРІОНЪ.

I.

Номеръ 24601 становится номеромъ 9430.

Жана Вальжана опять схватили.

Пусть читатели на насъ не посѣтуютъ, если мы только слегка коснемся этихъ печальныхъ событій. Мы ограничимся приведеніемъ двухъ замѣтокъ, появившихся въ газетахъ того времени, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ удивительнаго происшествія, случившагося въ Монтрейлѣ-на-морѣ.

Эти замѣтки довольно кратки. Но вспомнимъ, что въ то время у насъ еще не существовало «Судебнаго Вѣстника».

Первую замѣтку мы заимствуемъ изъ газеты «Бѣлое Знамя». Она помѣчена 25 іюля 1823 года.

«Одинъ изъ округовъ Па-де-Кале служилъ недавно ареной необыкновеннаго происшествія. Нѣкто по имени Мадленъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поднялъ, благодаря новымъ пріемамъ, старинное мѣстное ремесло—фабрикацію чернаго стекляруса и мелкаго стекляннаго товара. Онъ нажилъ себѣ этимъ состояніе, а также способствовалъ и обогащенію округа. Въ благодарность за его заслуги его сдѣлали мэромъ. Полиція открыла, что г. Мадленъ былъ не кто иной, какъ бывшій каторжникъ, освобожденный отъ ссылки, осужденный въ 1796 году за кражу, по имени Жанъ Вальжанъ. Жанъ Вальжанъ снова былъ посаженъ въ тюрьму. Повидимому, онъ успѣлъ до своего ареста взять у г-на Лафитта сумму болѣе чѣмъ въ полмилліона, которую онъ раньше помѣстилъ къ нему, но которую, какъ говорятъ, онъ вполнѣ законно заработалъ своей торговлей. Такъ и осталось неузнаннымъ, куда спряталъ Жанъ Вальжанъ эти деньги, послѣ того, какъ онъ попалъ въ Тулонскій острогъ».

Вторая замѣтка, нѣсколько болѣе подробная, взята изъ «Парижской Газеты» того же числа:

«Прежній, теперь выпущенный на свободу, каторжникъ, по имени Жанъ Вальжанъ, появился недавно предъ судомъ присяжныхъ въ Варѣ при обстоятельствахъ, заслуживающихъ вниманія. Этому злодѣю удалось обмануть бдительность полиціи; онъ перемѣнилъ имя и достигъ того, что его назначили мэромъ одного изъ маленькихъ сѣверныхъ городовъ. Онъ завелъ въ этомъ городѣ довольно значительную торговлю. Но, наконецъ, онъ былъ открытъ и арестованъ, благодаря неустанному рвенію государственнаго прокурора. Онъ имѣлъ сожительницей публичную женщину, которая умерла отъ потрясенія въ моментъ его ареста. Этотъ негодяй, одаренный геркулесовской силой, нашелъ способъ бѣжать; но черезъ три или четыре дня послѣ его побѣга, полиція. уже въ Парижѣ,

снова схватила его въ то время, когда онъ садился въ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ дилижансовъ, которые ежедневно дѣлаютъ переѣзды изъ столицы въ деревню Монфермейль (Сена и Уаза). Говорятъ, что онъ воспользовался этими тремя или четырьмя днями свободы, чтобы достать значительную сумму денегъ, положенную имъ у одного изъ нашихъ крупныхъ банкировъ. Эту сумму считаютъ въ шестьсотъ или семьсотъ тысячъ франковъ. По словамъ обвинительнаго акта, онъ закопалъ ее въ одномъ ему извѣстномъ мѣстѣ и ее не могли конфисковать. Какъ бы тамъ ни было, но захваченный Жанъ Вальжанъ былъ препровожденъ на сессію уголовнаго суда Варскаго департамента, по обвиненію въ совершеніи вооруженнаго нападенія на большой дорогѣ, около восьми лѣтъ тому назадъ, на одного изъ тѣхъ честныхъ малыхъ, которые, по словамъ безсмертныхъ стиховъ Фернейскаго патріарха

«...De Savoie arrivent tous les ans
Et dont la main légèrement essuie
Ces longs canaux engorgés par la suie» [1]).

«Этотъ разбойникъ отказался защищаться. Благодаря искусству и краснорѣчію государственнаго прокурора было установлено, что кража была совершена въ сообщничествѣ съ другими лицами, и что Жанъ Вальжанъ принадлежалъ къ цѣлой шайкѣ воровъ на югѣ. Вслѣдствіе этого Жанъ Вальжанъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни. Преступникъ отказался подать аппеляціонную жалобу. Король, по своему неизреченному милосердію, соизволилъ смягчить наказаніе, замѣнивъ его безсрочной каторгой. Жанъ Вальжанъ тотчасъ же былъ отправленъ въ Тулонскую тюрьму».

Навѣрное, читатели не забыли еще, что у Жана Вальжана были въ Монтрейлѣ-на-морѣ знакомства въ средѣ духовныхъ лицъ. Нѣкоторые журналы, между прочимъ «Конституціоналистъ», представили это смягченіе наказанія торжествомъ партіи духовенства.

Жанъ Вальжанъ перемѣнилъ номеръ въ острогѣ и сталъ называться № 9430.

Впрочемъ, скажемъ теперь, чтобы ужъ больше не возвращаться, что вмѣстѣ съ г-номъ Мадленомъ изъ Монтрейля-на-морѣ исчезло и все благосостояніе; все то, что онъ предвидѣлъ однажды въ ночь безсонницы и сомнѣній, сбылось; съ его арестомъ все предпріятіе погибло. Послѣ его паденія въ Монтрейлѣ наступилъ тотъ эгоистичный раздѣлъ, который всегда бываетъ послѣ паденія великихъ людей, совершился тотъ роковой упадокъ, который, хотя незамѣтно, но постоянно совершается въ человѣческомъ обществѣ и которое исторія отмѣтила всего одинъ разъ и то потому, что онъ наступилъ послѣ смерти Александра. Намѣстники понадѣлали изъ себя королей, подмастерья превратились въ хозяевъ фабрикъ. Возникли зависть и соперничество. Обширныя мастерскія г. Мадлена были закрыты, строенія пришли въ ветхость, рабочіе раз-

---

[1]) Изъ Савойи пріѣзжаютъ каждый годъ и чистятъ легкой рукой длинныя трубы, засоренныя сажей.

сѣялись. Одни покинули страну, другіе бросили это ремесло. Съ тѣхъ поръ все стало производиться въ маленькихъ, а не въ крупныхъ размѣрахъ, только для одной наживы, объ общей же пользѣ никто не думалъ. Не стало больше центра; повсюду явилась конкуренція и ожесточеніе. Г. Мадленъ господствовалъ надо всѣмъ и управлялъ всѣмъ. Послѣ его паденія каждый началъ тянуть въ свою сторону; появился духъ борьбы вмѣсто духа организаціи; непріязнь замѣнила радушіе, ненависть одного къ другому смѣнила доброжелательство организатора ко всѣмъ; нити, завязанныя г. Мадленомъ, запутались и оборвались; начали поддѣлывать товаръ, уронили цѣну производства, убили кредитъ; сбытъ уменьшился вслѣдствіе уменьшенія спроса; заработная плата понизилась, мастерскія остановились; наступило разореніе. Пожертвованія на бѣдныхъ совершенно прекратились. Все уничтожилось. Само государство замѣтило, что гдѣ-то кого-то не стало. Менѣе чѣмъ черезъ четыре года послѣ приговора уголовнаго суда, удостовѣрившаго тождество г. Мадлена съ Жаномъ Вальжаномъ, издержки по взиманію налоговъ въ округѣ Монтрейлѣ-на-морѣ увеличились вдвое, и г. Виллель сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе съ трибуны въ февралѣ 1827 года.

II.

Гдѣ читатель прочтетъ двустишіе, которое, быть-можетъ, сочинилъ самъ дьяволъ.

Прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, считаемъ умѣстнымъ передать съ нѣкоторыми подробностями одинъ странный фактъ, который совершился около того же времени въ Монфермейлѣ и который совпадаетъ, можетъ-быть, съ нѣкоторыми предположеніями государственнаго прокурора.

Въ деревнѣ Монфермейль существуетъ одно очень старинное повѣрье, тѣмъ болѣе любопытное и драгоцѣнное, что народное повѣрье въ сосѣдствѣ Парижа такая же невозможная вещь, какъ алоэ въ Сибири. Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, которые чтутъ всякую рѣдкость. Монфермейльское повѣрье состоитъ въ слѣдующемъ. Считаютъ, что чортъ съ незапамятныхъ временъ избралъ лѣсъ для того, чтобы прятать тамъ свои сокровища. Деревенскія кумушки увѣряютъ, что нерѣдко можно встрѣтить въ сумеркахъ на лѣсныхъ прогалинахъ чернаго человѣка, похожаго на возчика или на дровосѣка, обутаго въ деревянные башмаки и одѣтаго въ панталоны и въ полотняный балахонъ; его можно узнать только по тому, что вмѣсто колпака или шляпы у него на головѣ находятся огромные рога. По этому его и узнаютъ. Этотъ человѣкъ занятъ обыкновенно тѣмъ, что копаетъ яму. Существуетъ три способа использовать эту встрѣчу. Первый—подойти къ этому человѣку и заговорить съ нимъ. Тогда замѣчаешь, что этотъ человѣкъ просто крестьянинъ, что онъ кажется чернымъ, вслѣдствіе сумерекъ, что онъ не копаетъ никакой ямы, а коситъ траву для своихъ коровъ, и что то, что вы принимали за рога, не что иное. какъ навозныя вилы-двой-

чатки которыя торчатъ у него за спиной и зубья которыхъ, благодаря вечерней перспективѣ, казались выходящими у него изъ головы. Возвращаешься домой и умираешь въ теченіе той же недѣли. Второй способъ, — это наблюдать за нимъ, дождаться, пока онъ выроетъ яму, снова закопать ее и удалиться; потомъ быстро подбѣжать къ ямѣ, разрыть ее и взять кладъ, который, безъ сомнѣнія, положилъ туда черный человѣкъ. Въ такомъ случаѣ умрешь въ теченіе слѣдующаго мѣсяца. Наконецъ третій способъ — не разговаривать съ чернымъ человѣкомъ, совсѣмъ даже не глядѣть на него и убѣжать со всѣхъ ногъ. Тогда умрешь въ томъ же году.

Такъ какъ всѣ три способа имѣютъ свои неудобства, то люди обыкновенно избираютъ второй, представляющій, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя преимущества, между прочимъ, обладаніе кладомъ хотя бы даже только въ теченіе одного мѣсяца. Смѣльчаки, испытывавшіе всѣ шансы, довольно часто, по увѣренію людей, разрывали ямы, выкопанныя чернымъ человѣкомъ, и пробовали обокрасть дьявола. По крайней мѣрѣ, это такъ бывало, если вѣрить преданію и особенно двумъ загадочнымъ стихамъ, на варварскомъ латинскомъ языкѣ, написаннымъ по этому поводу бродячимъ нормандскимъ монахомъ; онъ слылъ за колдуна, а звали его Трифономъ. Этотъ Трифонъ погребенъ въ аббатствѣ Сенъ-Жоржъ въ Бошервилѣ, близъ Руана; на его могилѣ родятся жабы.

Итакъ, приходится дѣлать громадныя усилія. Эти ямы обыкновенно очень глубоки. Потѣешь, копаешь, работаешь всю ночь напролетъ, потому что это дѣлается обыкновенно ночью; вся рубашка становится мокрой отъ пота, свѣча сгораетъ, лопата зазубривается, а когда, наконецъ, доберешься до дна ямы и достанешь «кладъ»,—что находишь тогда? Что такое вообще кладъ чорта? Копейка, иногда экю, камень, скелетъ, окровавленный трупъ, иногда привидѣніе, сложенное вчетверо, подобно листку бумаги въ портфелѣ, иногда ничего. О чемъ, повидимому, и сообщаютъ нескромнымъ любопытнымъ стихи Трифона:

> Fodit, et in fossa thesauros condit opaca:
> As, nummos, lapides, cadaver, simulacra nihilque [1]).

Кажется, и въ наше время тамъ также находятъ то пороховницу съ пулями, то старую полинявшую засаленную колоду картъ, въ которыя игралъ, вѣроятно, чортъ. Трифонъ не упоминаетъ совсѣмъ объ этихъ двухъ находкахъ, потому что онъ жилъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и, повидимому, чортъ совсѣмъ не обладалъ такимъ умомъ, чтобы изобрѣсти порохъ прежде Рожера Бэкона и карты прежде Карла VI.

Впрочемъ, кто будетъ играть въ эти карты, тотъ можетъ быть увѣренъ, что проиграетъ все, что имѣетъ; а что касается пороха, находящагося въ пороховницѣ, то онъ легко можетъ разорвать ваше ружье прямо вамъ въ лицо.

---

[1]) Роетъ и въ темную яму кладъ зарываетъ:
Монету, деньги, камни, трупъ, призраки, пустое мѣсто.

Однако очень немного спустя послѣ того времени, какъ государственному прокурору показалось, что освобожденный каторжникъ Жанъ Вальжанъ во время своего кратковременнаго бѣгства бродилъ вокругъ Монфермейля, было замѣчено въ той же самой деревнѣ, что нѣкій старый шоссейный рабочій Булатрюель безпрестанно рыщетъ по лѣсу. Въ той мѣстности предполагали, что этотъ Булатрюель побывалъ въ острогѣ; онъ находился подъ надзоромъ полиціи и, такъ какъ онъ нигдѣ не находилъ работы, то мѣстныя власти пользовались его трудомъ за пониженную плату, заставляя его чинить проселочную дорогу изъ Ганьи въ Ланьи.

На этого Булатрюеля смотрѣли косо всѣ мѣстные жители; до крайности почтительный, до приторности льстивый, онъ предъ всѣми предупредительно раскланивался, а передъ жандармами дрожалъ и улыбался; говорили, что, по всей вѣроятности, онъ принадлежалъ къ шайкѣ разбойниковъ, и подозрѣвали, что онъ по ночамъ устраиваетъ засады на опушкѣ лѣса. За него говорило только одно, что онъ былъ пьяница.

Вотъ что замѣтили.

Съ нѣкотораго времени Булатрюель очень рано кончалъ свои работы по замощенію и починкѣ дороги и уходилъ въ лѣсъ со своей лопатой. Подъ вечеръ его встрѣчали на наиболѣе пустынныхъ лужайкахъ, въ дикихъ чащахъ; онъ какъ будто искалъ чего-то, иногда копалъ ямы. Проходящія старушки принимали его сначала за Вельзевула, потомъ узнавали Булатрюеля, но нисколько этимъ не утѣшались. Эти встрѣчи, казалось, раздражали Булатрюеля. Было замѣтно, что онъ старался скрыться и что въ томъ, что онъ дѣлалъ, было что-то таинственное.

Въ деревнѣ говорили: «Ясное дѣло, гдѣ-нибудь объявился чортъ. Булатрюель видѣлъ его и ищетъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, у него хватитъ нахальства украсть кладъ у самого Люцифера». Вольтерьянцы прибавляли: «Кто кого схватитъ: Булатрюель чорта или чортъ Булатрюеля?» Старушки то и дѣло крестились.

Но вотъ продѣлки Булатрюеля въ лѣсу окончились, и онъ началъ снова регулярно исполнять свою работу шоссейнаго рабочаго. Заговорили о другомъ.

Однако нѣкоторые не успокоились, потому что не удовлетворили своего любопытства. Они думали, что, вѣроятно, здѣсь дѣло идетъ не о баснословныхъ сокровищахъ, о которыхъ разсказывается въ сказкахъ, но о какой-нибудь болѣе серьезной и болѣе осязательной неожиданной находкѣ, чѣмъ банковые билеты чорта, и что тайну этой находки рабочій, безъ сомнѣнія, постигъ только наполовину. Наиболѣе заинтересованными оказались школьный учитель и трактирщикъ Тенардье, водившій дружбу со всѣмъ свѣтомъ и не погнушавшійся заключить ее и съ Булатрюелемъ.

— Это правда, что онъ былъ на каторгѣ,—говорилъ Тенардье. — Но, Богъ ты мой, еще неизвѣстно, кто тамъ находится и кто тамъ будетъ.

Однажды вечеромъ школьный учитель началъ утверждать, что въ прежнее время судебная власть непремѣнно разузнала бы, что

дѣлаетъ Булатрюель въ лѣсу, и ему пришлось бы тогда заговорить; его подвергли бы пыткѣ, если бы это понадобилось, и Булатрюель не устоялъ бы, напримѣръ, передъ пыткой водой.

— Подвергнемъ его пыткѣ водкой,—сказалъ Тенардье.

Собрались вчетверомъ и заставили пить стараго рабочаго. Булатрюель пилъ страшно много, но говорилъ очень мало. Онъ соединялъ удивительнымъ образомъ жажду пьяницы со сдержанностью судьи. Однако, благодаря частымъ возвращеніямъ къ своей цѣли, сопоставляя и соединяя нѣсколько загадочныхъ словъ, вырвавшихся у него, Тенардье и школьный учитель представили себѣ слѣдующую картину.

Однажды утромъ Булатрюель, отправляясь на разсвѣтѣ на работу, неожиданно увидалъ въ лѣсу подъ кустарникомъ лопату и заступъ, «какъ будто ихъ кто-нибудь тамъ нарочно спряталъ... Однако онъ, вѣроятно, подумалъ, что это были лопата и заступъ водовоза, дяди Си-Фура, и успокоился. Но вечеромъ того же дня, не бывъ замѣченъ самъ, такъ какъ онъ спрятался за большимъ деревомъ, онъ увидалъ направлявшагося отъ дороги въ самую чащу лѣса человѣка, который былъ не изъ здѣшнихъ, но котораго Булатрюель зналъ очень хорошо. Тенардье про себя объяснилъ, что это «товарищъ по каторгѣ». Булатрюель отказался наотрѣзъ назвать его имя. Этотъ человѣкъ несъ свертокъ, что-то четырехугольное, похожее на большую коробку или на маленькій сундучокъ. Булатрюель удивился. Однако мысль послѣдовать за «человѣкомъ» пришла ему только по прошествіи семи или восьми минутъ. Но было уже поздно, человѣкъ достигъ уже чащи лѣса, становилось темно, и Булатрюель не могъ его догнать. Тогда онъ рѣшилъ наблюдать за опушкой лѣса. Свѣтила луна. Черезъ два или три часа онъ снова увидалъ этого человѣка; онъ выходилъ изъ кустарника и несъ теперь не маленькій сундукъ, а лопату и заступъ. Булатрюель пропустилъ мимо себя незнакомца и не подумалъ остановить его, потому что онъ сказалъ себѣ, что этотъ человѣкъ въ три раза сильнѣе его, притомъ вооруженъ лопатой, и, если узнаетъ его и убѣдится, что онъ и самъ узнанъ, то, по всей вѣроятности, убьетъ его. Трогательная встрѣча двухъ старыхъ встрѣтившихся товарищей! Но лопата и заступъ послужили лучомъ свѣта для Булатрюеля; онъ побѣжалъ къ кустарнику, у котораго былъ утромъ, и не нашелъ тамъ больше ни лопаты, ни заступа. Изъ этого онъ заключилъ, что человѣкъ, войдя въ лѣсъ, вырылъ тамъ заступомъ яму, опустилъ въ нее ящикъ и закопалъ ее лопатой. Такъ какъ ящикъ былъ слишкомъ малъ для того, чтобы въ немъ могъ помѣститься трупъ, то значитъ въ немъ находились деньги. Отсюда вытекаютъ его поиски. Булатрюель осмотрѣлъ, обшарилъ, ощупалъ весь лѣсъ, принимался рыть вездѣ, гдѣ земля казалась ему недавно вскопанной. Все напрасно.

Онъ ничего не «откопалъ». Скоро всѣ перестали объ этомъ думать въ Монфермейлѣ. Только нѣкоторыя кумушки говорили: «Будьте увѣрены, что дорожный рабочій изъ Ганьи не даромъ поднималъ всю эту возню; навѣрное, приходилъ самъ дьяволъ».

III.

Изъ которой видно, что кольцо цѣпи должно было подвергнуться извѣстнымъ подготовительнымъ дѣйствіямъ для того, чтобы разбиться отъ удара молоткомъ.

Въ концѣ октября того же 1823 года жители Тулона видѣли, какъ входилъ въ ихъ гавань, послѣ сильной бури, для исправленія нѣкоторыхъ поврежденій, корабль «Оріонъ», который впослѣдствіи былъ употребляемъ въ Брестѣ въ качествѣ учебнаго судна, а въ то время принадлежалъ къ эскадрѣ Средиземнаго моря.

Это судно, хотя и было сильно разбито, потому что море порядкомъ потрепало его, произвело эффектъ, входя въ рейдъ. На немъ развѣвался—не помню какой—флагъ, въ честь котораго былъ установленъ салютъ въ одиннадцать пушечныхъ выстрѣловъ. На эти салюты онъ отвѣчалъ выстрѣломъ на выстрѣлъ; въ общемъ двадцать два выстрѣла. Высчитано, что на привѣтствія, на королевскія и военныя почести, на обмѣнъ учтивыхъ любезностей, на соблюденіе этикета, на сигналы рейдовъ и цитаделей, на ежедневные салюты при восходѣ и закатѣ солнца всѣми крѣпостями и военными судами, на сигналы при открытіи и закрытіи воротъ и т. д. цивилизованный міръ на всей поверхности земного шара каждые двадцать четыре часа тратитъ сто пятьдесятъ тысячъ безполезныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Считая по шести франковъ каждый пушечный выстрѣлъ, это составляетъ девятьсотъ тысячъ франковъ въ день, или триста милліоновъ въ годъ, превращаемыхъ въ дымъ.

1823 годъ былъ, какъ называла его реставрація, «эпохой Испанской войны». Эта война обнимала собой много отдѣльныхъ событій и представляла множество странностей. Тутъ было важное семейное дѣло для дома Бурбоновъ: французская вѣтвь поддерживала и защищала мадридскую вѣтвь, то-есть исполняла долгъ старшинства; кажущееся возвращеніе къ французскимъ традиціямъ осложнялось зависимостью отъ сѣверныхъ кабинетовъ; герцогъ Ангулемскій, прозванный либеральными газетами «героемъ Андухара», въ торжественной позѣ, нѣсколько мѣшавшей его спокойному виду, какъ бы усмирялъ старый реальный терроризмъ инквизиціонного суда, боровшійся съ призрачнымъ либеральнымъ терроризмомъ санкюлоты, къ великому страху всѣхъ вдовъ, воскресли подъ именемъ descamisados; монархія препятствовала прогрессу, величаемому анархіей; Европа ставила преграды французской идеѣ, совершающей свое кругосвѣтное путешествіе; рядомъ съ престолонаслѣдникомъ Франціи генералиссимусъ принцъ кариньянскій, впослѣдствіи сардинскій король Карлъ-Альбертъ, поступившій волонтеромъ въ этотъ крестовый походъ королей противъ народа — носилъ гренадерскія эполеты изъ красной шерсти; солдаты имперіи вновь выступили въ походъ, послѣ восьмилѣтняго отдыха, постарѣвшіе, грустные, подъ бѣлой кокардой; трехцвѣтное знамя развѣвалось на чужой землѣ надъ горстью героевъ-францу-

зовъ, какъ развѣвалось бѣлое знамя при Кобленцѣ тридцать лѣтъ тому назадъ; монахи перемѣшались со старыми французскими солдатами; духъ свободы и нововведенiй усмирялся посредствомъ штыковъ; принципы побѣждались пушечными выстрѣлами; Францiя разрушала своимъ собственнымъ оружiемъ то, что она создала своимъ умомъ; непрiятельскiе вожди, которыхъ предаютъ колеблющiеся солдаты, города, осаждаемые цѣлыми миллiонами; отсутствiе военной опасности, но въ то же время постоянная возможность взрыва, подобно во-время захваченной, но не уничтоженной минѣ; мало пролитой крови, мало чести для завоевателей; позоръ для нѣкоторыхъ, слава—ни для кого; такова была эта война, созданная принцами, потомками Людовика XIV, и ведшаяся генералами, ставленниками Наполеона. Весьма печальная была война, не похожая ни на великую войну, ни на великую политику.

Нѣсколько отдѣльныхъ дѣйствiй были серьезны; между прочимъ, взятiе Трокадеро представляетъ собою славный военный подвигъ; но въ общемъ, повторяемъ, трубы этой войны издаютъ надтреснутый звукъ, все въ ней было какъ-то сомнительно. Исторiя одобряетъ Францiю за то, что она затруднилась принять этотъ ложный трiумфъ. Казалось очевиднымъ, что нѣкоторые испанскiе офицеры, обязанные сопротивляться, сдавались слишкомъ легко; мысль о подкупѣ примѣшивалась къ побѣдѣ: всѣ видѣли, что легче удавалось склонить на свою сторону генераловъ, чѣмъ выиграть сраженiе; побѣдившiе солдаты возвращались съ поля сраженiя униженными. Безславная война, въ которой между складками знамени можно было прочесть: «Французскiй банкъ».

Солдаты войны 1808 года, на которыхъ ужаснымъ образомъ обрушилась Сарагосса, хмурили брови въ 1823 году, когда предъ ними слишкомъ быстро раскрывались ворота крѣпостей, и принимались сожалѣть о Палафоксѣ. Таковъ ужъ нравъ французовъ, предпочитающихъ имѣть дѣло съ Растопчинымъ, а не съ Баллестеросомъ.

Съ болѣе важной точки зрѣнiя, которую слѣдуетъ отмѣтить, эта война, оскорблявшая военный духъ во Францiи, приводила въ негодованiе демократовъ. Это было предпрiятiе съ поработительной цѣлью. Въ этомъ походѣ цѣлью французскихъ солдатъ, сыновъ демократiи, было завоеванiе рабства для другихъ. Гнусное противорѣчiе. Францiя создана для того, чтобы будить духъ народовъ, а не подавлять его. Съ извѣстнаго времени въ Европѣ все свѣтлое исходитъ изъ Францiи. Это солнечное явленiе. Слѣпъ тотъ, кто его не видитъ, сказалъ Бонапартъ.

Война 1823 года, будучи покушенiемъ на великодушную испанскую нацiю, была въ то же время покушенiемъ заднимъ числомъ на французскую революцiю. И это чудовищное насилiе совершала Францiя, хотя и по принужденiю, потому что, за исключенiемъ освободительныхъ войнъ, все, что совершаютъ армiи, онѣ дѣлаютъ по принужденiю. На это указываетъ выраженiе «пассивное послушанiе». Армiя представляетъ изъ себя странную комбинацiю, гдѣ сила проистекаетъ изъ огромной суммы безсилiя. Такимъ образомъ

объясняется война, совершаемая человѣчествомъ противъ человѣчества, вопреки человѣчности.

Что касается Бурбоновъ, то война 1823 года была для нихъ пагубна. Они приняли ее за успѣхъ. Они не видали, какая страшная опасность заключается въ томъ, когда подавляютъ идею насиліемъ. Они заблуждались въ своей наивности до того, что ввели въ свое управленіе, въ качествѣ элемента могущества, преступленіе, дѣйствующее разслабляющимъ образомъ. Духъ злоумышленія вошелъ въ ихъ политику. 1830 годъ зародился въ 1823 году. Испанскій походъ служилъ въ ихъ совѣщаніяхъ доводомъ въ пользу насилій.

Франція, возстановивъ el rey neto[1]) въ Испаніи, легко могла возстановить неограниченную королевскую власть у себя. Бурбоны впали въ странное заблужденіе, принявъ послушаніе солдатъ за согласіе націи. Подобная самонадѣянность губитъ троны. Не слѣдуетъ дремать ни подъ тѣнью манцениловаго дерева, ни подъ защитой арміи.

Возвратимся къ кораблю «Оріонъ».

Во время военныхъ маневровъ, производимыхъ принцемъ-генералиссимусомъ, въ Средиземномъ морѣ крейсеровала эскадра. Мы только что сказали, что «Оріонъ» принадлежалъ къ этой эскадрѣ, и что онъ былъ принужденъ зайти въ Тулонскій портъ, вслѣдствіе поврежденій во время бури.

Присутствіе военнаго суда въ гавани имѣетъ какую-то притягательную силу для толпы. Это—величественное зрѣлище, а толпа любитъ все величественное.

Линейный корабль, это—одна изъ великолѣпныхъ формъ борьбы человѣческаго генія съ могуществомъ природы.

Военное судно состоитъ въ одно и то же время изъ самаго тяжелаго и самаго легкаго матеріала, потому что ему приходится сталкиваться съ тремя формами вещества, твердой, жидкой и газообразной, и бороться со всѣми тремя. У него одиннадцать желѣзныхъ когтей для того, чтобы схватывать гранитъ на днѣ моря, и болѣе крыльевъ и рожковъ, чѣмъ у летучихъ насѣкомыхъ, чтобы захватывать вѣтеръ въ облакахъ. Его дыханіе выходитъ черезъ сто двадцать пушекъ, точно черезъ огромные горны, и гордо отвѣчаетъ грому. Океанъ старается сбить его съ пути ужасающимъ однообразіемъ своихъ волнъ, но у корабля есть своя душа — компасъ, который даетъ ему совѣты и постоянно указываетъ ему сѣверъ. Въ темныя ночи его фонари замѣняютъ звѣзды. Итакъ, противъ вѣтра у него есть канатъ и парусъ, противъ воды—дерево, противъ скалъ—желѣзо, мѣдь и свинецъ, противъ мрака—свѣтъ, противъ безпредѣльнаго пространства — магнитная стрѣлка.

Чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ гигантскихъ пропорціяхъ, которыя въ цѣломъ составляютъ военное судно, стоитъ только войти въ одно изъ крытыхъ шестиэтажныхъ зданій въ гаваняхъ

---

[1]) Королевское самодержавіе.

Бреста или Тулона. Строящіяся суда находятся тамъ, какъ бы подъ колпакомъ. Эта колоссальная балка—рея; эта огромная деревянная колонна, лежащая на землѣ, насколько можетъ видѣть глазъ, — гротъ-мачта. Ея длина, если взять ее отъ основанія въ трюмѣ до верхушки въ облакахъ, равняется шестидесяти саженямъ, а діаметръ у основанія равняется тремъ футамъ. Англійская гротъ-мачта возвышается на двѣсти семнадцать футовъ надъ грузовой ватерлиніей. Во флотѣ нашихъ отцовъ употреблялись канаты, у насъ—цѣпи. Обыкновенная груда цѣпей съ одного стапушечнаго корабля имѣетъ четыре фута въ высоту, двадцать футовъ въ ширину и восемь футовъ въ глубину. А сколько надо дерева, чтобы построить подобное судно? Три тысячи кубическихъ метровъ. Это цѣлый пловучій лѣсъ. Кромѣ того, надо еще замѣтить, что дѣло идетъ здѣсь о военномъ суднѣ, которое было построено сорокъ лѣтъ тому назадъ, о простомъ парусномъ суднѣ; паръ, который въ то время только что стали примѣнять, прибавилъ съ тѣхъ поръ новыя чудеса къ этому чудовищу, называемому военнымъ судномъ. Въ настоящее время, напримѣръ, разнородныя винтовыя суда представляютъ удивительную машину, приводимую въ движеніе парусами, поверхность которыхъ равняется тремъ тысячамъ квадратныхъ метровъ, и паровикомъ въ двѣ тысячи пятьсотъ лошадиныхъ силъ.

Не говоря уже объ этихъ чудесныхъ новыхъ судахъ, даже старинный корабль Христофора Колумба и Рюйтера является образцомъ человѣческаго искусства. Его силы такъ же неистощимы, какъ неистощима сила вѣтра, онъ захватываетъ вѣтеръ въ свои паруса, онъ точенъ въ необъятномъ пространствѣ волнъ, онъ плыветъ, онъ царствуетъ.

Однако наступаетъ часъ, когда шквалъ разбиваетъ, подобно соломинкѣ, рею длиной въ шестьдесятъ футовъ, когда вѣтеръ сгибаетъ, подобно тростнику, мачту вышиной въ четыреста футовъ, когда этотъ якорь, вѣсящій десять тысячъ фунтовъ, ломается въ пасти волнъ, подобно крючку удочки рыболова во рту у щуки, когда чудовищныя пушки издаютъ жалобный и безполезный ревъ, уносимый вѣтромъ въ пространство и мракъ, когда все это могущество и величіе исчезаетъ въ высшемъ могуществѣ и высшемъ величіи.

Всякій разъ, какъ громадная сила обнаруживается для того, чтобы примкнуть къ безконечной слабости, люди принуждены задуматься. Поэтому-то въ гаваняхъ вокругъ этихъ чудовищныхъ орудій войны и мореходства постоянно толчется множество любопытныхъ, которые даже не могутъ хорошенько объяснить себѣ, зачѣмъ они это дѣлаютъ.

Итакъ, каждый день, съ утра и до вечера, набережная, молы и насыпи Тулонскаго порта были усѣяны множествомъ праздношатающихся, «зѣвакъ», какъ говорятъ въ Парижѣ, у которыхъ только и было дѣла, что глазѣть на «Оріонъ». «Оріонъ» было судно, уже давно поврежденное. Во время его предшествовавшихъ плаваній къ его подводной части присталъ такой плотный слой

раковинъ, что скорость его хода уменьшилась почти наполовину. Въ прошломъ году его вытаскивали на берегъ, чтобы отскоблить эти раковины, и затѣмъ онъ опять пустился въ море. Но это соскабливаніе повредило скрѣпленія килевой части. Около Балеарскихъ острововъ обшивка попортилась, и, такъ какъ въ то время внутреннія обшивки дѣлались не изъ листового желѣза, то въ кораблѣ образовалась течь. Налетѣлъ равноденственный шквалъ, который снесъ рѣшетчатый помостъ на гальюнѣ и пушечный портъ и повредилъ руслени фокъ-мачты. Вслѣдствіе этихъ поврежденій «Оріонъ» возвратился въ Тулонъ. Онъ стоялъ на якорѣ близъ арсенала. Его чинили. Кузовъ не былъ поврежденъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обшивныя доски были, по обыкновенію, отбиты, для того, чтобы дать возможность воздуху проникнуть въ трюмъ.

Однажды утромъ толпа, глазѣвшая на него, сдѣлалась свидѣтельницей несчастнаго случая.

Экипажъ былъ занятъ привязываніемъ парусовъ къ реямъ. Марсовый матросъ, который долженъ былъ поднять верхній конецъ паруса, потерялъ равновѣсіе. Онъ покачнулся, толпа, собравшаяся на набережной арсенала, испустила крикъ, голова перетянула туловище, человѣкъ повернулся кругомъ реи, съ распростертыми въ пространство руками; падая, онъ ухватился сперва одной рукой, а потомъ другой за порты фальшфейера, и повисъ на нихъ. Море находилось подъ нимъ на головокружительномъ разстояніи. Толчокъ отъ его паденія привелъ фальшфейеръ въ сильное движеніе, похожее на движеніе качелей. Человѣкъ качался на концѣ этой веревки, подобно камню въ пращѣ.

Итти ему на помощь — значило подвергаться страшной опасности. Ни одинъ изъ матросовъ, недавно набранныхъ изъ прибрежныхъ рыбаковъ, не отваживался на это. Между тѣмъ несчастный матросъ утомился; нельзя было видѣть страха на его лицѣ, но во всѣхъ его членахъ было замѣтно страшное изнеможеніе. Его руки содрогались въ ужасныхъ судорогахъ. Каждое усиліе, которое онъ дѣлалъ для того, чтобы снова подняться, лишь увеличивало колебаніе фальшфейера. Онъ не кричалъ, изъ боязни потерять силы.

Ожидали только минуты, когда онъ выпуститъ веревку, и порой всѣ головы отворачивались, чтобы не видать, какъ онъ будетъ падать. Бываютъ мгновенія, когда конецъ веревки, жердь, вѣтка дерева, олицетворяютъ собой жизнь, и ужасно видѣть, какъ живое существо отрывается отъ нихъ и падаетъ, подобно спѣлому плоду.

Вдругъ окружающіе замѣтили человѣка, который взбирался по такелажу съ ловкостью тигровой кошки. Этотъ человѣкъ былъ одѣтъ въ красное — значитъ это былъ каторжникъ; на немъ была зеленая шапка — значитъ онъ былъ осужденъ на всю жизнь. Въ то время, когда онъ достигъ верхушки марса, порывъ вѣтра сорвалъ съ него шапку и обнажилъ совершенно сѣдую голову; это былъ человѣкъ немолодой.

Дѣйствительно, одинъ изъ каторжниковъ партіи, работавшей на суднѣ, въ первый же моментъ подбѣжалъ къ вахтенному офицеру и, среди смятенія и тревоги экипажа, въ то время, когда всѣ матросы дрожали и отступали, онъ попросилъ у офицера позволенія рискнуть своей жизнью для спасенія матроса. По утвердительному знаку офицера, онъ разбилъ ударомъ молотка цѣпь, прикованную къ кольцу на его ногѣ, взялъ веревку и бросился на ванты. Никто не замѣтилъ въ то время, съ какой легкостью разбилась эта цѣпь. Ужъ только впослѣдствіи вспомнили объ этомъ

Въ одно мгновеніе ока онъ былъ уже на реѣ. Онъ остановился на нѣсколько секундъ и, казалось, измѣрялъ ее глазами. Эти секунды, во время которыхъ вѣтеръ качалъ матроса на концѣ веревки, показались вѣчностью для тѣхъ, которые смотрѣли. Наконецъ каторжникъ поднялъ глаза къ небу и сдѣлалъ шагъ впередъ. Толпа вздохнула. Онъ бѣгомъ пробѣжалъ по реѣ. Достигнувъ ея конца, онъ привязалъ къ нему одинъ конецъ принесенной имъ веревки, а другой бросилъ внизъ, затѣмъ онъ принялся спускаться на рукахъ по этой веревкѣ, и тогда наступилъ страшный моментъ: вмѣсто одного человѣка надъ бездной висѣли двое.

Это были—ни дать, ни взять—паукъ и муха. Только здѣсь паукъ, пытаясь поймать муху, приносилъ ей жизнь, а не смерть. Десять тысячъ глазъ устремились на эту группу. Ни одного крика, ни одного слова; одна и та же судорога сдвигала брови всѣхъ. Вся толпа затаила дыханіе, какъ будто боясь прибавить малѣйшее дуновеніе къ порывамъ вѣтра, колебавшимъ обоихъ несчастныхъ.

Однако каторжнику удалось спуститься къ матросу. И какъ разъ во-время: еще одна минута, истощенный и потерявшій надежду человѣкъ упалъ бы въ пучину. Каторжникъ крѣпко привязалъ его къ веревкѣ, за которую онъ держался одной рукой, работая другой. Наконецъ онъ опять взобрался на рею и притянулъ туда матроса. Онъ съ минуту поддерживалъ его, чтобы дать ему собраться съ силами, потомъ взялъ его на руки и понесъ, пройдя по реѣ до эзельгофта, оттуда на марсъ, гдѣ и сдалъ его на руки товарищей

Въ этотъ моментъ толпа зааплодировала; нѣкоторые старые галерные смотрители плакали, женщины на набережной обнимались, всѣ голоса кричали съ какой-то трогательной яростью: «Этого человѣка слѣдуетъ помиловать!»

Между тѣмъ каторжникъ сейчасъ же началъ спускаться, чтобы присоединиться къ своей партіи. Для того, чтобы скорѣе прибыть на мѣсто, онъ спустился по такелажу и побѣжалъ по нижней реѣ. Всѣ слѣдили за нимъ глазами. Одинъ моментъ всѣмъ стало страшно; отъ усталости или отъ того, что у него закружилась голова, всѣмъ показалось, что онъ запнулся и покачнулся. Вдругъ толпа испустила страшный крикъ — каторжникъ упалъ въ море.

Паденіе было гибельно. Фрегатъ «Альгезирасъ» стоялъ на якорѣ около «Оріона», и несчастный каторжникъ упалъ между двумя кораблями. Можно было опасаться, что онъ попадетъ подъ одно

изъ нихъ. Четверо матросовъ бросились поспѣшно въ лодку. Толпа поощряла ихъ; страхъ снова овладѣлъ всѣми. Человѣкъ не появлялся на поверхности. Онъ исчезъ въ морѣ, не возмутивъ совсѣмъ его поверхности, какъ будто онъ упалъ въ бочку съ масломъ. Погружали лотъ, ныряли. Все было напрасно. Поиски продолжались до самаго вечера; не нашли даже и тѣла.

На другой день въ «Тулонской газетѣ» появились слѣдующія строки: «17 ноября 1823 г.—Вчера одинъ каторжникъ изъ партіи, работавшей на суднѣ «Оріонъ», спасая матроса, упалъ въ море и утонулъ. Тѣло не найдено. Предполагаютъ, что онъ попалъ подъ сваи набережной Арсенала. Этотъ человѣкъ былъ записанъ подъ № 9430 и звали его Жанъ Вальжанъ».

Книга третья.—ИСПОЛНЕНІЕ ОБѢЩАНІЯ, ДАННАГО УМЕРШЕЙ.

I

Вопросъ о водоснабженіи въ Монфермейлѣ.

Монфермейль лежитъ между Ливри и Шеллемъ, на южной окраинѣ возвышеннаго плато, отдѣляющаго Уркъ отъ Марны. Въ настоящее время это довольно большой пригородъ, украшенный въ теченіе всего года бѣлыми дачами, а каждое воскресенье—жизнерадостными буржуа. Въ 1823 году въ Монфермейлѣ не было ни такого количества бѣлыхъ домиковъ ни такого множества довольныхъ буржуа. Это была простая деревушка среди лѣса. Правда, тамъ и сямъ можно было встрѣтить нѣсколько дачъ минувшаго столѣтія, которыхъ легко можно было узнать по ихъ чопорному виду, витымъ желѣзнымъ балконамъ и по тѣмъ продолговатымъ окнамъ, маленькія стекла которыхъ образуютъ на бѣломъ фонѣ закрытыхъ ставней всевозможные зеленые оттѣнки. Но Монфермейль, несмотря на это, все-таки оставался деревней. Удалившіеся на покой торговцы сукномъ и живущіе на дачѣ адвокаты еще не знали объ его существованіи. Это былъ прелестный, спокойный уголокъ, которому не предстояло никакой блестящей будущности; въ немъ жилось той дешевой деревенской жизнью, которая такъ привольна и удобна. Только въ водѣ былъ недостатокъ, по причинѣ возвышенности плато.

Приходилось путешествовать за ней довольно далеко. Тотъ конецъ деревни, который лежалъ ближе къ Ганьи, черпалъ воду изъ великолѣпныхъ лѣсныхъ прудовъ; другой конецъ, гдѣ была церковь, лежавшій ближе къ Шеллю, могъ доставать годную для питья воду только въ маленькомъ источникѣ на косогорѣ, близъ Шельской дороги, на разстояніи четверти часа отъ Монфермейля.

Много хлопотъ доставляло каждому семейству это добываніе воды. Богатые дома, аристократія, къ которымъ принадлежалъ и трактиръ Тенардье, платили ліардъ за ведро воды одному старичку, который спеціально занимался доставкой воды въ Монфермейль и зарабатывалъ около восьми су въ день; но этотъ старичокъ работалъ только до семи часовъ вечера лѣтомъ и до пяти часовъ зимой, а какъ только наступала ночь, какъ только закрывались ставни нижнихъ этажей, тотъ, у кого не было воды для питья, шелъ за ней самъ или обходился безъ нея.

Это было настоящимъ ужасомъ для одного несчастнаго существа, котораго читатель, можетъ-быть, не забылъ,—для маленькой Козетты. Читатель помнитъ, что Козетта была полезна для Тенардье въ двухъ отношеніяхъ: они брали деньги съ ея матери и

заставляли ее самоё служить себѣ. Поэтому, когда мать перестала совсѣмъ платить, по причинѣ, о которой читатель уже знаетъ изъ предыдущихъ главъ, Тенардье все-таки оставили у себя Козетту. Она замѣняла имъ служанку и бѣгала за водой, когда это было нужно. Ребенокъ, приходившій въ ужасъ при одной мысли итти къ источнику ночью, всегда страшно заботился, чтобы въ домѣ не было недостатка въ водѣ.

Рождество 1823 года было особенно блестяще. Въ Монфермейлѣ зима вначалѣ была мягкая; еще до сихъ поръ не было морозовъ и снѣга. Пріѣхавшіе изъ Парижа фокусники добились у г-на мэра позволенія разбить свои палатки на главной улицѣ селенія, а странствующіе торговцы, воспользовавшись этимъ позволеніемъ, построили свои лавочки на церковной площади вплоть до улицы Буланже, гдѣ находился, если помнитъ читатель, трактиръ Тенардье. Всѣ эти новоприбывшіе наполняли трактиры и постоялые дворы и придавали этому спокойному мѣстечку шумную и веселую жизнь. Мы должны даже сказать, во имя исторической правды, что въ числѣ достопримѣчательностей, выставленныхъ на площади, находился звѣринецъ, въ которомъ страшные паяцы, одѣтые въ лохмотья и прибывшіе неизвѣстно откуда, показывали въ 1823 году монфермейльскимъ поселянамъ одного изъ тѣхъ ужасныхъ бразильскихъ ястребовъ, экземпляръ котораго французскій королевскій музей пріобрѣлъ только въ 1845 году. Глаза этихъ ястребовъ похожи на трехцвѣтную кокарду. Естествоиспытатели называютъ эту птицу, кажется, Caracara Polyborus; она принадлежитъ къ породѣ хищниковъ и къ семейству ястребовъ. Нѣкоторые старые солдаты-бонапартисты, жившіе на покоѣ въ деревнѣ, съ благоговѣніемъ приходили посмотрѣть эту птицу. Фокусники выдавали эту трехцвѣтную кокарду за единственное явленіе, созданное Господомъ Богомъ нарочно для ихъ звѣринца.

Въ рождественскій сочельникъ вечеромъ нѣсколько человѣкъ, извозчиковъ и торговцевъ, сидѣли за столомъ и пили при свѣтѣ четырехъ или пяти свѣчей въ общей комнатѣ трактира Тенардье. Эта комната представляла собой самую обыкновенную трактирную комнату: столы, оловянныя кружки, бутылки, пьяницы и курильщики; мало свѣта, много шуму. Однако на 1823 годъ указывали два предмета, находившіеся на столѣ и бывшіе въ то время въ большой модѣ въ мѣщанскомъ обществѣ, а именно: калейдоскопъ и жестяная лампа. Жена Тенардье наблюдала за ужиномъ, который жарился на яркомъ огнѣ; самъ Тенардье пилъ со своими гостями и разговаривалъ о политикѣ.

Кромѣ политическихъ разговоровъ, вертѣвшихся по большей части около испанской войны и герцога Ангулемскаго, среди крика и шума слышались мѣстные разговоры въ родѣ слѣдующихъ: «Въ окрестностяхъ Нантера и Сюренна очень много вина. Гдѣ разсчитывали получить десять, получили двѣнадцать бочекъ. Виноградъ далъ много сока въ тискахъ. Но въ такомъ случаѣ виноградъ, значитъ, не былъ зрѣлымъ? Въ тѣхъ краяхъ его не собираютъ зрѣлымъ. Если собирать зрѣлый виноградъ, то вино киснетъ съ наступленіемъ весны.

Такъ, значитъ, это совсѣмъ плохое вино? Еще хуже, чѣмъ здѣсь. Надо собирать незрѣлый виноградъ» и т. д.

Далѣе говорилъ мельникъ:

— Развѣ мы можемъ отвѣчать за то, что находится въ мѣшкахъ? Мы находимъ въ нихъ цѣлую кучу негодныхъ зеренъ, которыя не можемъ же мы выбирать и которыя приходится пропускать сквозь жернова: пшенецъ, медунка, спорынья, журавлиный горохъ, конопляное сѣмя, хвостатый амарантъ и еще множество всякой дряни, не считая булыжниковъ, попадающихся въ изобиліи въ нѣкоторыхъ хлѣбахъ, особенно въ бретонскихъ. Я не очень-то люблю молоть бретонское зерно, не больше чѣмъ пильщики любятъ распиливать бревна, въ которыхъ есть гвозди. Судите, какая скверная пыль получается изъ всего этого. Послѣ этого жалуются на муку. Совершенно несправедливо. Мы совсѣмъ не виноваты, если мука плоха.

Въ простѣнкѣ, между окнами, косарь сидѣлъ за столомъ съ землевладѣльцемъ и торговался съ нимъ по поводу луговыхъ работъ, которыя надо было сдѣлать весной.

— Нѣтъ никакого вреда,—говорилъ онъ,—отъ того, что трава мокрая. Ее легче косить. Роса очень полезна, сударь. Все равно эта трава, ваша трава, еще молода и ее трудно косить. Она еще очень нѣжна, она ложится подъ косой и т. д.

Козетта сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ на перекладинѣ кухоннаго стола возлѣ печки. Она была одѣта въ лохмотья, на голыя ноги были надѣты деревянные башмаки; она вязала при свѣтѣ огня шерстяные чулки для маленькихъ Тенардье. Подъ стульями игралъ котенокъ. Въ сосѣдней комнатѣ слышались смѣхъ и болтовня двухъ звонкихъ дѣтскихъ голосовъ; это были Эпонина и Азельма.

Въ углу у печки висѣла на гвоздѣ плеть.

По временамъ среди трактирнаго гула слышался крикъ маленькаго ребенка, находившагося гдѣ-то въ домѣ. Это былъ маленькій сынъ Тенардье, родившійся въ одну изъ предыдущихъ зимъ. «Неизвѣстно отчего,—говорила она,—вѣроятно, вслѣдствіе холода». Ему было немного болѣе трехъ лѣтъ. Мать сама кормила его, но не любила. Когда ожесточенные крики мальчика дѣлались слишкомъ надоѣдливыми, Тенардье говорилъ:

— Твой сынъ оретъ, поди же посмотри, чего ему нужно.

— Ну вотъ еще,—отвѣчала мать,—онъ мнѣ надоѣлъ.

И покинутый ребенокъ продолжалъ кричать впотьмахъ.

II.

Два законченныхъ портрета.

До сихъ поръ въ этой книгѣ мы видѣли обоихъ Тенардье только въ профиль; наступаетъ время повернуть эту чету и осмотрѣть со всѣхъ сторонъ.

Мужу недавно минуло пятьдесятъ лѣтъ, а жена приближалась къ сорока годамъ; такимъ образомъ они по своему возрасту какъ

разъ подходили одинъ къ другому. Мужъ на десять лѣтъ старше своей жены—это настоящее возрастное равновѣсіе между супругами.

Читатели, можетъ-быть, со времени ея перваго появленія, еще сохранили нѣкоторое воспоминаніе объ этой Тенардьерихѣ—высокой, бѣлокурой, красной, толстой, мясистой, квадратной, огромной и проворной бабѣ; она принадлежала, какъ мы сказали, къ породѣ дикихъ великаншъ, которыхъ показываютъ на ярмаркахъ съ булыжниками, привязанными къ волосамъ. Она дѣлала все въ домѣ, стлала постели, убирала комнаты, стирала бѣлье, стряпала. Вмѣсто прислуги у нея была Козетта; мышь въ услуженіи у слона. Все дрожало при звуки ея голоса, — стекла, мебель и люди. Ея широкое лицо, усѣянное веснушками, было похоже на кухонную шумовку. У нея росла борода. Это былъ идеалъ рыночнаго носильщика, одѣтаго въ женское платье. Она мастерски ругалась и хвасталась, что разбиваетъ орѣхъ ударомъ кулака. Если бы не романы, которыхъ она начиталась и благодаря которымъ, по временамъ, страннымъ образомъ изъ-за людоѣдки просвѣчивала жеманница, никому не пришло бы въ голову назвать ее женщиной. Эта Тенардьериха представляла странную смѣсь жеманницы съ рыночной торговкой. Когда слышали, какъ она разговариваетъ, про нее говорили: «Это жандармъ». Когда смотрѣли, какъ она пьетъ, говорили: «Это извозчикъ». Когда видѣли, какъ она обращается съ Козеттой, говорили: «Это палачъ». Когда она находилась въ спокойномъ состояніи, то у нея изо рта торчалъ одинъ зубъ.

Самъ Тенардье былъ маленькій, худой, блѣдный, угловатый, костлявый, тщедушный человѣкъ, у котораго былъ больной видъ, но который обладалъ замѣчательнымъ здоровьемъ; уже тутъ начиналось его плутовство. Онъ обыкновенно улыбался изъ предосторожности и былъ вѣжливъ почти со всѣми, даже съ нищимъ, которому онъ отказывался подать ліардъ. У него былъ взглядъ куницы и наружность писателя. Онъ былъ очень похожъ на портретъ аббата Делилля. Его гордость состояла въ томъ, что онъ пилъ вмѣстѣ съ извозчиками, но никто никогда не могъ его подпоить. Онъ курилъ большую трубку и носилъ блузу, а подъ ней—черный старый сюртукъ. У него были претензіи на знаніе литературы и на увлеченіе матеріализмомъ. Онъ часто, для подкрѣпленія того, что говорилъ, произносилъ имена Вольтера, Рэналя, Парни и—странное дѣло!—святого Августина. Онъ утверждалъ, что у него есть «система», впрочемъ довольно плутовская. Онъ былъ, такъ сказать, плутъ-философъ. Такая разновидность, несомнѣнно, существуетъ. Вѣроятно, читатели помнятъ его утвержденія о томъ, что онъ служилъ въ военной службѣ, и его преувеличенные разсказы о томъ, что при Ватерлоо, онъ, будучи унтеръ-офицеромъ какого-то шестого или девятаго полка, одинъ противъ эскадрона гусаръ защитилъ своимъ тѣломъ и спасъ отъ картечи «опасно раненаго генерала». Это обстоятельство послужило поводомъ для его блистательной вывѣски и доставило его трактиру прозвище «кабака унтеръ-офицера изъ-подъ Ватерлоо». Онъ былъ либералъ, классикъ и бонапартистъ. Онъ подписалъ что-то на Пріютъ.

Въ деревнѣ ходили слухи, что онъ «учился на священника». Мы думаемъ, что онъ просто-напросто изучалъ въ Голландіи трактирное ремесло. Этотъ негодяй высшей школы былъ, по всей вѣроятности, фламандцемъ изъ Лилля во Фландріи, французомъ въ Парижѣ, бельгійцемъ въ Брюсселѣ и одинаково удобно чувствовалъ себя на обѣихъ границахъ. Его подвигъ при Ватерлоо извѣстенъ. Какъ видно, онъ нѣсколько преувеличивалъ его. Постоянное передвиженіе и всевозможныя приключенія составляли главный элементъ его существованія; нечистая совѣсть влечетъ за собой безпорядочную жизнь; весьма вѣроятно, что въ бурный день 18 іюня 1815 года Тенардье принадлежалъ къ той разновидности маркитантовъ-мародеровъ, о которыхъ мы уже говорили и которые всюду шныряютъ, продаютъ однимъ, обкрадываютъ другихъ, и ѣздятъ цѣлымъ семействомъ, мужъ, жена и дѣти, въ какой-нибудь хромоногой телѣжкѣ, слѣдомъ за движущимися арміями, всегда съ намѣреніемъ пристать къ побѣдившей сторонѣ. Окончивъ этотъ походъ и заработавъ, какъ онъ выражался, «деньжатъ», онъ явился въ Монфермейль и открылъ тамъ трактиръ. Капиталъ его, состоявшій изъ кошельковъ и часовъ, золотыхъ колецъ и серебряныхъ крестовъ, собранныхъ имъ во время жатвы на бороздахъ, усѣянныхъ трупами, не составилъ большой суммы и не слишкомъ выдвинулъ впередъ бывшаго маркитанта, ставшаго теперь трактирщикомъ.

У Тенардье въ движеніяхъ было что-то прямолинейное, что въ соединеніи съ ругательствами напоминало казармы, а въ соединеніи съ крестнымъ знаменіемъ—семинарію. Онъ былъ краснобай и выдавалъ себя за ученаго. Однако школьный учитель замѣчалъ, что онъ не особенно твердъ въ грамматикѣ. Тенардье съ замѣчательнымъ мастерствомъ составлялъ счета путешественникамъ, но опытный глазъ находилъ въ нихъ иногда орѳографическія ошибки. Тенардье былъ жаденъ, лѣнивъ и ловокъ. Онъ не пренебрегалъ своими служанками, вслѣдствіе чего его жена перестала ихъ держать. Эта великанша была ревнива. Ей казалось, что этотъ маленькій, худой и желтый человѣкъ долженъ былъ служить предметомъ всеобщаго соблазна.

Тенардье былъ коварнымъ человѣкомъ и осторожнымъ плутомъ. Этотъ родъ самый опасный: къ нему примѣшивается лицемѣріе. Это не означало, чтобъ Тенардье не былъ способенъ при случаѣ воспылать гнѣвомъ не хуже своей жены; но такіе случаи бывали очень рѣдки, и тогда онъ сердился на весь человѣческій родъ и питалъ въ себѣ цѣлое горнило ненависти. Онъ принадлежалъ къ людямъ, которые постоянно мстятъ, обвиняютъ въ своихъ несчастіяхъ все окружающее и всегда готовы свалить на перваго встрѣчнаго всю вину за разочарованія, потери и бѣдствія своей жизни. Вслѣдствіе этого, когда всѣ эти дрожди поднимались въ немъ и клокотали у него въ устахъ и въ глазахъ, онъ становился ужасенъ. И горе тому, кто попадался ему тогда подъ руку.

Помимо всѣхъ другихъ качествъ, Тенардье былъ наблюдателенъ прозорливъ и по большей части молчаливъ, но при случаѣ говор-

ливъ и притомъ всегда обнаруживалъ замѣчательную смекалку. У него во взглядѣ было нѣчто похожее на взглядъ моряковъ, привыкшихъ щурить глаза въ зрительную трубку. Тенардье былъ государственный человѣкъ. Всякій, вновь прибывшій, входя въ трактиръ, говорилъ, глядя на жену Тенардье: «Вотъ кто хозяинъ въ домѣ». Онъ заблуждался. Она не была даже хозяйкой. Хозяиномъ и хозяйкой былъ мужъ. Она исполняла, онъ изобрѣталъ. Онъ управлялъ всѣмъ съ помощью какого-то магнетическаго, невидимаго, но постояннаго воздѣйствія. Ему было достаточно одного слова, иногда даже одного знака, и великанша повиновалась. Тенардье былъ для своей жены, не отдававшей себѣ въ этомъ даже отчета, какимъ-то особеннымъ, высшимъ существомъ. У нея были свои особенныя добродѣтели; она никогда, даже въ мелочахъ, не расходилась во мнѣніи съ «господиномъ Тенардье», а если бы даже и случилось такъ (предположеніе врядъ ли допустимое), она никогда бы не осудила публично своего мужа. Никогда бы она не сдѣлала такой ошибки въ «присутствіи постороннихъ»,—ошибки, которую такъ часто дѣлаютъ женщины и которая на парламентскомъ языкѣ называется развѣнчиваніемъ.

Хотя ихъ единодушіе въ результатѣ давало одно зло, но въ подчиненіи г-жи Тенардье своему мужу проглядывало какое-то поклоненіе. Эта огромная и крикливая женщина повиновалась мановенію пальца своего тщедушнаго деспота. Въ этомъ проявлялась съ мелочной и карикатурной стороны великая и всемірная истина: преклоненіе матеріи передъ духомъ, такъ какъ извѣстная доля безобразія имѣетъ право на существованіе даже въ самыхъ нѣдрахъ вѣчной красоты.

Въ Тенардье было нѣчто загадочное, откуда и происходила его неограниченная власть надъ этой женщиной. Въ нѣкоторые моменты она смотрѣла на него, какъ на горящій свѣточъ, въ другіе—она чувствовала на себѣ его когти.

Эта женщина была ужаснымъ созданіемъ, любившимъ только своихъ дѣтей и боявшимся только своего мужа. Она была матерью только потому, что принадлежала къ млекопитающимъ. Впрочемъ, ея материнскія чувства сосредоточивались, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, только на дѣвочкахъ и не простирались на мальчика. Мужъ думалъ только объ одномъ: какъ бы разбогатѣть.

Но ему это не удавалось. Для великаго таланта недоставало подходящей арены. Тенардье разорялся въ Монфермейлѣ,—если разореніе вообще возможно при нулѣ; въ Швейцаріи или въ Пиренеяхъ этотъ нищій сдѣлался бы милліонеромъ. Но трактирщикъ долженъ жить тамъ, куда его закинетъ судьба.

Понятно, что слово трактирщикъ употреблено здѣсь въ ограниченномъ смыслѣ, не простирающемся на цѣлое сословіе.

Въ 1823 году у Тенардье было около тысячи пятисотъ франковъ неотложныхъ платежей, что не мало заботило его.

Какова бы ни была по отношенію къ нему упорная несправедливость судьбы, Тенардье принадлежалъ къ людямъ, которые самымъ глубокимъ и современнымъ образомъ понимаютъ то, что на-

зывается добродѣтелью у варваровъ и торговлей у народовъ цивилизованныхъ, а именно—гостепріимство. Кромѣ того, онъ былъ замѣчательнымъ браконьеромъ, славившимся мѣткостью выстрѣла.

У него былъ холодный и спокойный смѣхъ, который былъ особенно опасенъ.

Онъ проводилъ иногда самымъ блестящимъ образомъ свои собственныя теоріи по части трактирнаго промысла. У него были профессіональные афоризмы, которые онъ старался вбить въ голову своей женѣ. «Обязанность трактирщика,—говорилъ онъ ей однажды яростнымъ шопотомъ,—продавать каждому встрѣчному ѣду, покой, свѣтъ, тепло, грязныя простыни, услуги, блохъ и улыбки; останавливать проѣзжихъ, опустошать тощіе кошельки и честно облегчать туго набитые; почтительно пріютить семейство въ дорогѣ, драть съ мужчины, обирать женщину, лупить съ ребенка; брать плату за открытое и закрытое окно, за мѣсто у печки, за кресло, стулъ, табуретку, скамейку, перину, матрацъ, охапку соломы; высчитать насколько отраженіе портитъ зеркало и оцѣнить это; надо, чортъ возьми, заставлять путешественника платить за все, включительно до мухъ, которыхъ поѣдаетъ его собака!»

Эта супружеская чета представляла изъ себя смѣсь хитрости и злости,—гнусный, ужасный, союзъ.

Въ то время, какъ мужъ размышлялъ и комбинировалъ, жена не думала объ отсутствующихъ кредиторахъ, не заботилась ни о вчерашнемъ, ни о завтрашнемъ днѣ и жила порывами, вся отдаваясь минутѣ.

Таковы были эти два существа. Козетта жила между ними, подвергаясь ихъ двойному гнету, подобно существу, которое въ одно и то же время давятъ жерновами и терзаютъ клещами. У каждаго изъ супруговъ была своя особенная манера: Козетту нещадно били, этимъ она была обязана женѣ; она ходила босая зимой, въ этомъ былъ виноватъ мужъ.

Козетта бѣгала внизъ и вверхъ по лѣсницѣ, мыла, чистила, скребла, мела, бѣгала на побѣгушкахъ, запыхавшись передвигала тяжести и, несмотря на свою тщедушность, исполняла всю черную работу. Ни капли жалости! Жестокая хозяйка и язвительный хозяинъ. Трактиръ Тенардье оказывался паутиной, въ которую попала и въ которой безсильно билась Козетта.

Идеалъ угнетенія осуществился въ этомъ злополучномъ подчиненіи. Это было похоже на муху, прислуживающую паукамъ. Бѣдное угнетенное дитя оставалось безотвѣтнымъ.

Что же должно происходить въ душахъ, забывшихъ Бога, когда между ними съ ранняго утра находится подобное маленькое полуодѣтое существо?

III.

Вина людямъ и воды лошадямъ.

Пріѣхали еще четыре новыхъ путешественника.

Козетта сидѣла, печально задумавшись: хотя ей было всего только восемь лѣтъ, но она уже такъ много страдала, что ей часто

приходили на умъ мрачныя мысли, свойственныя пожилой женщинѣ.

Одинъ глазъ у нея почернѣлъ отъ тумака, которымъ только-что наградила ее Тенардьериха, что давало послѣдней возможность говорить отъ времени до времени: «Какъ она безобразна съ синякомъ подъ глазомъ!»

Козетта думала о томъ, что наступила ночь, очень темная ночь, что надо было бы на всякій случай наполнить кувшины и графины въ комнатахъ пріѣхавшихъ гостей, и о томъ, что не было больше воды въ водоемѣ.

Ее утѣшало немного то, что въ домѣ Тенардье мало пили воду. Не то чтобы тамъ былъ недостатокъ въ людяхъ, чувствовавшихъ жажду, но они охотнѣе утоляли ее виномъ, чѣмъ водой. Того кто спросилъ бы стаканъ воды среди этихъ стакановъ вина, здѣсь приняли бы за дикаря. Однако наступила минута, когда бѣдная дѣвочка содрогнулась: Тенардьериха подняла крышку одной изъ кастрюлекъ, кипѣвшихъ на очагѣ, потомъ схватила стаканъ и быстро приблизилась къ водоему. Она повернула кранъ, дѣвочка подняла голову и слѣдила за ея движеніями. Тоненькая струйка воды потекла изъ крана и наполнила стаканъ до половины.

— Ну,—сказала Тенардьериха,—нѣтъ больше воды.—Потомъ съ минуту помолчала.

Малютка затаила дыханіе.

— Ба,—продолжала Тенардьериха, разсматривая стаканъ, наполненный до половины,—пожалуй, хватитъ.

Козетта снова принялась за работу, но въ продолженіе четверти часа она чувствовала, что сердце бьется у нея въ груди, точно большой комокъ.

Она считала пробѣгавшія минуты, и ей хотѣлось, чтобы поскорѣе наступило завтрашнее утро.

Отъ времени до времени кто-нибудь изъ пьющихъ посматривалъ на улицу и восклицалъ: «Темно хоть глазъ выколи!» или: «Надо быть кошкой, чтобы ходить по улицѣ въ такую пору безъ фонаря!»

И всякій разъ Козетта вздрагивала.

Вдругъ одинъ изъ разносчиковъ, остановившихся въ трактирѣ, вошелъ и сказалъ грубымъ голосомъ:

— А мою лошадь еще не поили.

— Какъ не поили? Поили,—сказала Тенардьериха.

— Я говорю вамъ, что нѣтъ, хозяйка,—продолжалъ торговецъ.

Козетта вылѣзла изъ-подъ стола.

— Ахъ, право же, сударь, лошадь пила,—сказала дѣвочка,—она выпила цѣлое ведро, и я сама носила ей пить и разговаривала съ ней.

Это была неправда. Козетта лгала.

— Ишь какая! Еле видно отъ земли, а уже здорово умѣетъ врать!—вскричалъ разносчикъ.—Я говорю тебѣ, что она не пила, мерзкая дѣвчонка! У нея особенная манера сопѣть, когда ее не напоили, и я отлично это знаю.

Козетта настаивала голосомъ, до того охрипшимъ отъ страха, что ее было еле слышно:

— А все-таки она пила!

— Ну,—гнѣвно возразилъ разносчикъ,—сейчасъ же напоить мою лошадь, и дѣлу конецъ!

Козетта опять залѣзла подъ столъ.

— И то правда,—сказала Тенардьериха,—если лошадь еще не напоили, надо ее напоить.

Потомъ, оглянувшись вокругъ себя, прибавила:

— Куда же запропастилась эта дѣвчонка?

Она наклонилась и увидала Козетту, забившуюся подъ столъ съ другого конца, почти подъ ногами у посѣтителей.

— Вылѣзай!—крикнула Тенардьериха.

Козетта вылѣзла изъ убѣжища, въ которомъ она спряталась. Тенардьериха продолжала:

— Ну, собачонка, ступай напой лошадь.

— Но, сударыня, — робко возразила Козетта, — вѣдь въ домѣ воды больше нѣтъ.

Тенардьериха широко распахнула дверь на улицу.

— Ну, а ты вотъ поди и принеси.

Козетта опустила голову и взяла пустое ведро, стоявшее въ углу, около печки.

Ведро это было больше ея самой, и дѣвочка свободно могла бы усѣсться въ него.

Тенардьериха снова вернулась къ очагу и стала пробовать деревянной ложкой изъ кастрюли, ворча себѣ подъ носъ.

— Вода есть въ ручьѣ. Дѣло не мудреное. Я думаю, что мнѣ лучше откинуть лукъ на рѣшето.

Потомъ она порылась въ ящикѣ, гдѣ лежали мѣдныя деньги перецъ и чеснокъ.

— На вотъ, жаба,—прибавила она,—на обратномъ пути ты еще возьмешь у булочника большой хлѣбъ. Здѣсь пятнадцать су.

У Козетты былъ въ фартукѣ маленькій карманъ; она, не говоря ни слова, взяла монету и опустила ее туда.

Потомъ она остановилась съ ведромъ въ рукѣ передъ раскрытой дверью. Казалось, она ждала, что кто-нибудь придетъ ей на помощь.

— Пойдешь ли ты!—закричала Тенардьериха.

Козетта вышла. Дверь затворилась за ней.

IV.

Появленіе на сценѣ куклы.

Рядъ палатокъ на открытомъ воздухѣ, начинаясь у церкви, доходилъ, какъ извѣстно, до самаго трактира Тенардье. Эти палатки, по случаю того, что мимо нихъ должны были проходить богомольцы, отправляясь на полуночную службу, были ярко иллюминованы свѣчами въ бумажныхъ воронкахъ, что, по выраженію школьнаго учителя, сидѣвшаго въ это время въ трактирѣ Тенардье,

производило «волшебный эффектъ». Зато на небѣ не было видно ни звѣздочки.

Въ послѣдней изъ этихъ палатокъ, находившейся какъ разъ напротивъ двери трактира, была игрушечная лавка, такъ и сверкавшая мишурой, стекляшками и разными великолѣпными издѣліями изъ бѣлой жести. На первомъ планѣ, впереди всего, купецъ поставилъ на фонѣ бѣлыхъ скатертей огромную куклу, вышиной фута въ два, одѣтую въ розовое креповое платье, съ золотыми колосьями на головѣ, съ настоящими волосами и глазами изъ эмали. Весь день эта прелесть была выставлена на удивленіе прохожимъ моложе десяти лѣтъ, но въ Монфермейлѣ не нашлось ни одной настолько богатой или настолько расточительной матери, чтобы купить такую куклу своему ребенку.

Эпонина и Азельма цѣлые часы любовались ею, и даже Козетта,—правда, украдкой,—осмѣлилась разокъ-другой поглядѣть на нее.

Въ ту минуту, когда Козетта вышла съ ведромъ въ рукѣ, угрюмая и удрученная, она не могла удержаться, чтобы не поднять глазъ на эту чудесную куклу, на эту «барыню», какъ она ее называла. Бѣдная дѣвочка остановилась пораженная. Она еще не видала вблизи этой куклы. Вся лавка казалась ей дворцомъ, а кукла—видѣніемъ. Это была радость, великолѣпіе, богатство, счастье, казавшееся какимъ-то призрачнымъ сіяніемъ этому несчастному ребенку, такъ глубоко погрязшему въ безпросвѣтной, холодной нищетѣ. Козетта съ печальной и наивной проницательностью ребенка измѣряла пропасть, которая отдѣляла ее отъ этой куклы. Она говорила себѣ, что надо быть королевой или, по крайней мѣрѣ, принцессой, чтобы обладать такой «вещью», какъ эта. Она разсматривала красивое розовое платье и прекрасные мягкіе волосы куклы и думала: «Какъ она должна быть счастлива!» Козетта не могла оторвать глазъ отъ этой фантастической лавки. Чѣмъ больше она смотрѣла, тѣмъ больше поражалась. Она думала, что видитъ рай. Позади большой куклы были еще другія куклы, казавшіяся ей феями и геніями. Купецъ, ходившій взадъ и впередъ по лавкѣ, производилъ на нее впечатлѣніе божества.

Отъ восторга она забыла все, даже порученіе, которое должна была исполнить. Вдругъ рѣзкій голосъ Тенардьерихи снова вернулъ ее къ дѣйствительности. «Какъ, негодница, ты еще не ушла? Подожди, я доберусь до тебя! Скажите, пожалуйста, чѣмъ она здѣсь занимается. Пошла, маленькая уродина!»

Тенардьериха выглянула на улицу и увидала засмотрѣвшуюся Козетту. Послѣдняя убѣжала, унося ведро и дѣлая самые большія шаги, какіе только могла.

V.

Малютка одна.

Такъ какъ трактиръ Тенардье находился въ той части деревни, гдѣ была церковь, то Козеттѣ нужно было итти за водой къ источнику, находившемуся въ лѣсу по дорогѣ къ Шеллю.

Она не смотрѣла больше ни на какія выставки въ окнахъ лавокъ. Пока она шла по переулку Буланже и около церкви, ей освѣщали дорогу ярко освѣщенныя лавки, но вскорѣ исчезъ послѣдній свѣтъ крайняго магазина. Бѣдная малютка очутилась въ темнотѣ и потонула въ ней. Чувствуя, что ею начинаетъ овладѣвать тревога, Козетта, на ходу, изо всей силы стала трясти ручку ведра. Это производило шумъ, который ее подбодрялъ. Чѣмъ дальше она подвигалась, тѣмъ гуще становился мракъ. На улицахъ не было больше никого. Но все же ей встрѣтилась какая-то женщина; увидавъ дѣвочку, она обернулась, остановилась и пробормотала:

— Куда это идетъ такая крошка? Ужъ не оборотень ли это?

Наконецъ женщина узнала Козетту.

— Ба,—сказала она,—да вѣдь это Жаворонокъ.

Такимъ образомъ Козетта прошла лабиринтъ извилистыхъ и пустынныхъ улицъ, которыми кончается со стороны Шелля селеніе Монфермейль. Все время, пока были дома или даже только заборы по обѣимъ сторонамъ дороги, она шла довольно смѣло. Изрѣдка она видѣла лучъ свѣта черезъ щели ставней—тамъ, значитъ, были свѣтъ и жизнь—тамъ были люди, и это утѣшало ее. Однако по мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, ея шаги какъ бы машинально замедлялись. Миновавъ уголъ послѣдняго дома, Козетта остановилась. Пройти мимо послѣдней лавки было трудно, итти дальше послѣдняго дома становилось невозможно. Она поставила ведро на землю, запустила руку въ волосы и принялась медленно почесывать голову—жестъ, свойственный дѣтямъ, находящимся въ страхѣ или нерѣшительности. Вокругъ ея былъ уже не Монфермейль, а поля. Темнымъ пустыннымъ пространствомъ разстилались они передъ нею. Съ отчаяніемъ глядѣла она въ эту темноту, гдѣ не было больше людей, но были звѣри, а, можетъ-быть, даже и привидѣнія. Козетта начала всматриваться: ей послышались шаги звѣрей по травѣ и ясно представились привидѣнія, движущіяся между деревьями. Она снова схватила ведро; страхъ придалъ ей мужества: «Ба!—воскликнула она.—Я скажу ей, что воды больше не было». И Козетта рѣшительно повернула въ Монфермейль. Но едва сдѣлавъ сто шаговъ, она остановилась снова и принялась опять почесывать себѣ голову. Теперь ей представилась ужасная госпожа Тенардье, съ пастью гіэны и сверкающими отъ злости глазами. Дѣвочка бросила жалобный взглядъ впередъ и назадъ. Что дѣлать? какъ быть? Куда итти? Передъ ней призракъ Тенардьерихи; позади нея всѣ привидѣнія ночи и лѣса. Она отступила передъ Тенардьерихой. Быстро повернувшись, она пустилась бѣжать къ источнику, оставила за собой деревню и добѣжала до лѣса, ни на что больше не глядя и ничего не слыша. Она бѣжала до тѣхъ поръ, пока у нея не захватило дыханія, но и тогда не остановилась, а продолжала итти впередъ внѣ себя.

Всю дорогу ей хотѣлось плакать. Ночной трепетъ лѣса окутывалъ ее со всѣхъ сторонъ. Она ни о чемъ не думала и ничего не видѣла. Необъятная мгла смотрѣла въ глаза этому маленькому

существу. Съ одной стороны, безпредѣльный мракъ, съ другой—атомъ.

Отъ опушки лѣса до источника было не болѣе семи-восьми минутъ ходьбы. Козетта знала дорогу, такъ какъ ходила по ней нѣсколько разъ въ день. Странное дѣло, она не заблудилась. Остатокъ инстинкта смутно указывалъ ей путь. Однако она не смотрѣла ни направо, ни налѣво, боясь что-нибудь увидать въ вѣтвяхъ деревьевъ и въ кустарникѣ. Такимъ образомъ она добралась до источника. Это былъ естественный узкій бассейнъ, прорытый водой въ глинистой почвѣ, около двухъ футовъ глубины, обросшій мохомъ и высокой гофрированной травой, называемой «воротникомъ Генриха IV», и выложенный нѣсколькими большими камнями. Изъ него съ тихимъ, спокойнымъ журчаніемъ вытекалъ ручеекъ. Козетта не дала себѣ даже времени отдышаться. Было очень темно, но она привыкла приходить къ этому источнику. Въ темнотѣ она поискала лѣвой рукой молодой дубокъ, росшій надъ источникомъ и служившій ей обыкновенно точкой опоры, схватилась за вѣтку, повисла на ней и, наклонившись, опустила ведро въ воду. Она находилась въ такомъ ужасномъ состояніи, что силы ея утроились. Наклоняясь, она не замѣтила, что карманъ ея фартука опустошился: монета въ пятнадцать су упала въ воду. Козетта не видала и не слыхала, какъ она падала. Она вытащила почти полное ведро и поставила его на траву.

Сдѣлавъ это, она почувствовала, что изнемогаетъ отъ усталости. Она охотно сейчасъ же отправилась бы въ обратный путь, но усиліе, которое она должна была употребить, чтобы наполнить ведро, было такъ велико, что она не могла сдѣлать ни шагу. Она должна была присѣсть и опустилась на траву.

Козетта закрыла глаза, потомъ снова открыла ихъ, сама не зная почему, но не будучи въ состояніи сдѣлать иначе.

Рядомъ съ ней вода, колебавшаяся въ ведрѣ, образовывала круги, похожіе на бѣлыхъ блестящихъ змѣй.

Надъ ея головой небо было покрыто черными огромными тучами, похожими на клубы дыма.

Грозная маска мрака смутно нависла надъ этимъ ребенкомъ.

Вдали закатывался Юпитеръ. Дѣвочка блуждающимъ взоромъ смотрѣла на эту большую звѣзду, которой она не знала и боялась. Планета, въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ моментъ находилась очень близко къ горизонту и пробивалась сквозь густое облако тумана, сообщавшаго ей страшный, красноватый оттѣнокъ. Туманъ, зловѣще окрашенный пурпуромъ, увеличивалъ размѣръ звѣзды и придавалъ ей видъ огненной раны.

Съ равнины дулъ холодный вѣтеръ. Лѣсъ былъ мраченъ: не было ни шороха листьевъ, ни тѣхъ неопредѣленныхъ отблесковъ, которые характеризуютъ собой лѣто. Дико торчали огромные сучья. Тощіе, безобразные кусты колебались въ прогалинахъ. Высокія травы, точно угри, извивались отъ сѣвернаго вѣтра. Терніи вытягивались, точно огромныя руки, вооруженныя когтями, норовящими схватить добычу. Вѣтви сухого вереска отъ порывовъ вѣт-

ра склонялись въ сторону, какъ будто съ ужасомъ убѣгая отъ чего-то. Со всѣхъ сторонъ разстилались унылыя пространства.

Отъ темноты кружится голова. Человѣку необходимъ свѣтъ. Тотъ, кто погружается во мракъ, всегда чувствуетъ, какъ сжимается его сердце. Когда глаза бываютъ устремлены во мракъ, тогда помрачается умъ. Въ затменіи, во мракѣ, въ непроницаемой мглѣ есть что-то страшное даже для самыхъ сильныхъ. Всякій, находящійся одинъ въ лѣсу ночью, испытываетъ трепетъ. Тѣни и деревья, это—двѣ страшныя бездны. Призрачная дѣйствительность представляется въ неясной глубинѣ. Непостижимое обрисовывается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ съ ужасающей ясностью. Передъ вами въ пространствѣ или въ собственномъ мозгу проносится нѣчто неопредѣленное и неуловимое, похожее на видѣнія уснувшихъ цвѣтовъ. На горизонтѣ являются какія-то дикія очертанія. Вы вдыхаете испаренія необъятной черной бездны. Страшно, но въ то же время хочется оглянуться назадъ. Безпредѣльная пустота мрака, страшныя очертанія окружающихъ предметовъ, безмолвныя тѣни, исчезающія при приближеніи къ нимъ, сумрачные, косматые призраки, колеблющіяся вѣтви, синеватыя лужи, зловѣщія отраженія мглы, могильная тишина, кажущееся присутствіе невѣдомыхъ существъ, таинственное колебаніе вѣтвей, страшные стволы деревьевъ, длинныя, развѣвающіяся космы травъ—чувствуешь себя беззащитнымъ противъ всего этого. Нѣтъ такого смѣльчака, который бы не содрогнулся и не почувствовалъ какого-то томленія. Испытываешь нѣчто ужасное, какъ будто душа сливается съ мракомъ. Это ощущеніе мрака особенно тягостно для ребенка.

Лѣсъ, это—неизвѣстность: трепетаніе крыльевъ младенческой души производитъ тоскливый шумъ подъ ихъ чудовищнымъ сводомъ.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она испытываетъ, Козетта почувствовала себя охваченной этой мрачной безпредѣльностью природы. Ею овладѣло нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ страхъ. Она дрожала. Нѣтъ словъ для описанія этого страннаго содроганія, ледянившаго ее до глубины сердца. Ея взглядъ сдѣлался дикимъ. Ей казалось, что у нея не хватитъ силы воли, чтобы не прійти сюда въ это же время на другой день.

Тогда, какъ бы инстинктивно, чтобы выйти изъ этого ужаснаго состоянія, котораго она не понимала, но которое пугало ее, Козетта начала громко считать: «Разъ, два, три, четыре...» до шести, потомъ опять сначала. Это возвратило ее къ сознанію. Она почувствовала, что ея руки окоченѣли, такъ какъ она намочила ихъ, черпая воду. Она поднялась. Къ ней снова вернулся естественный, непреодолимый страхъ. У нея была одна мысль—бѣжать, бѣжать со всѣхъ ногъ, черезъ лѣса и поля, добраться до домовъ, до оконъ, до зажженныхъ свѣчей. Ея взглядъ упалъ на ведро, стоявшее передъ ней. Страхъ, внушаемый ей Тенардьерихой, былъ такъ великъ, что она не осмѣлилась убѣжать безъ ведра. Она схватилась обѣими руками за ручку и съ трудомъ приподняла ведро.

Такимъ образомъ она сдѣлала шаговъ двѣнадцать, но ведро было полно и тяжело, и Козетта была принуждена опять поста-

вить его на землю. Съ минуту она отдохнула, затѣмъ снова взялась за ручку и прошла на этотъ разъ немного больше. Но ей пришлось снова остановиться. Послѣ нѣсколькихъ секундъ отдыха дѣвочка опять двинулась въ путь. Она шла согнувшись и опустивъ голову, какъ старуха; тяжесть ведра напрягала и деревянила ея худенькія мокрыя ручонки, которыя окончательно оледянѣли и онѣмѣли отъ желѣзной ручки; отъ времени до времени она должна была останавливаться, и каждый разъ холодная вода, расплескиваясь изъ ведра, попадала на ея голыя ноги. Это происходило въ чащѣ лѣса, ночью, зимою, вдали отъ людей; а дѣвочкѣ было только восемь лѣтъ. Одинъ только Богъ видѣлъ эту печальную картину. Видѣла, безъ сомнѣнія—увы!—и ея мать, потому что есть вещи, отъ которыхъ даже у мертвыхъ въ могилахъ открываются въ ужасѣ глаза.

Козетта дышала съ какимъ-то болѣзненнымъ хрипомъ, рыданія сжимали ей горло, но она не смѣла плакать: такъ сильно боялась она Тенардьерихи даже издали. Они привыкла представлять себѣ, что Тенардьериха постоянно находится около нея.

Однако, идя очень медленно, Козетта мало подвигалась впередъ. Напрасно она старалась сокращать продолжительность роздыховъ и пройти за разъ возможно большее пространство. Она съ ужасомъ думала, что ей понадобится больше часа времени, чтобы дойти такимъ образомъ до Монфермейля, и что Тенардьериха непремѣнно прибьетъ ее.

Эта боязнь примѣшивалась къ ужасу, который она испытывала, находясь одна въ лѣсу ночью. Она изнемогала отъ усталости, а все еще не вышла изъ лѣса. Дойдя до стараго, знакомаго ей каштановаго дерева, Козетта сдѣлала послѣднюю, болѣе продолжительную остановку для того, чтобы хорошенько отдохнуть, потомъ собрала всѣ свои силы, взяла ведро и храбро пустилась въ путь. Но при этомъ бѣдное дитя не могло удержаться, чтобы не воскликнуть: «О Боже мой! Боже мой!»

Въ ту же минуту она почувствовала вдругъ, что ведро сдѣлалось легкимъ. Рука, показавшаяся ей огромной, схватилась за ручку и съ силой приподняла ведро. Козета подняла голову. Въ темнотѣ рядомъ съ ней шла темная прямая фигура. Это былъ какой-то человѣкъ, который безшумно догналъ ее и, не говоря ни слова, взялся за ручку ведра, которое она несла.

Во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ нами руководитъ какой-то инстинктъ.

Малютка нисколько не испугалась.

VI.

Которая, быть-можетъ, доказываетъ, смѣтливость Булатрюэля.

Въ послѣобѣденное время этого же самаго Рождественскаго сочельника 1823 года какой-то человѣкъ довольно долго бродилъ въ самой пустынной части бульвара Опиталь въ Парижѣ. У этого человѣка былъ такой видъ, какъ будто онъ искалъ квартиру и, ка-

залось, предпочиталъ останавливаться передъ самыми скромными домами убогой окраины предмѣстья Сенъ-Марсо̀.

Впослѣдствіи будетъ видно, что этотъ человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, снялъ комнату въ этомъ уединенномъ кварталѣ.

По своей одеждѣ и по всей своей наружности онъ представлялъ типъ, если можно такъ выразиться, благороднаго нищаго; крайняя нищета соединялась у него съ крайней чистотой. Довольно рѣдкое сочетаніе, внушающее сердцу двойное уваженіе къ тому, кто очень бѣденъ, но благороденъ. На немъ была очень старая, тщательно вычищенная шляпа, сильно потертый, изъ грубаго сукна, сюртукъ темно-желтаго цвѣта, въ то время не представлявшаго рѣдкости; высокій старомодный жилетъ съ карманами, черные, побѣлѣвшіе на колѣнкахъ, штаны, черные шерстяные чулки и толстые кожаные башмаки съ мѣдными пряжками. Онъ былъ похожъ на бывшаго гувернера изъ аристократическаго дома, возвратившагося изъ эмиграціи.

По его совершенно сѣдымъ волосамъ, морщинамъ на лбу, блѣднымъ губамъ, по всему его лицу, на которомъ ясно выражалось уныніе и утомленіе жизнью, можно было предположить, что ему уже за шестьдесятъ лѣтъ. Но по твердой, хотя и медленной походкѣ, по необыкновенной силѣ, выражавшейся во всѣхъ его движеніяхъ, ему едва ли можно было дать и пятьдесятъ. Морщины у него на лбу были расположены такимъ образомъ, что располагали въ его пользу всякаго, кто сталъ бы внимательно всматриваться въ его лицо. Губы его складывались въ странную складку, казавшуюся строгой, но въ то же время выражавшую и кротость. Въ глубинѣ его взгляда была какая-то печальная ясность. Въ лѣвой рукѣ онъ несъ маленькій свертокъ, завязанный въ платокъ; правой рукой онъ опирался на палку, вытащенную гдѣ-нибудь изъ плетня. Эта палка была тщательно отдѣлана и имѣла красивый видъ; сучки были подчищены, а набалдашникъ сдѣланъ изъ краснаго сургуча, наподобіе коралла; это была дубинка, имѣвшая видъ тросточки.

На этомъ бульварѣ мало прохожихъ, особенно зимою. Этотъ человѣкъ, безъ всякой, впрочемъ, аффектаціи, казалось, скорѣе избѣгалъ людей, чѣмъ искалъ съ ними встрѣчи.

Въ то время король Людовикъ XVIII почти каждый день отправлялся въ Шуази-ле-Руа. Это была одна изъ его любимыхъ прогулокъ. Почти неизмѣнно около двухъ часовъ жители видѣли, какъ королевская карета въ сопровожденіи свиты мчалась во весь духъ мимо бульвара Опиталь. Это замѣняло часы бѣднымъ жителямъ квартала, которые говорили: «Уже два часа; вотъ онъ возвращается въ Тюильри».

Одни выбѣгали навстрѣчу, другіе прятались; всегда вѣдь при проѣздѣ короля происходитъ суматоха. Впрочемъ, появленіе и исчезновеніе Людовика XVIII вообще производило извѣстную сенсацію на улицахъ Парижа. Это было быстрое, но въ то же время и величественное появленіе. Этотъ король-калѣка любилъ бѣшеную скачку; не будучи въ состояніи ходить, онъ хотѣлъ мчаться и

охотно понесся бы съ быстротой молніи. Король проѣзжалъ спокойный и строгій, посреди обнаженныхъ сабель. Его массивная, вся вызолоченная карета, съ большими вѣтками лилій, нарисованными на дверцахъ, катилась съ грохотомъ. Едва можно было успѣть заглянуть въ нее. Внутри, направо въ углу, на шелковыхъ бѣлыхъ подушкахъ виднѣлось широкое, увѣренное и румяное лицо, напудренная голова, гордый, жесткій и проницательный взглядъ, умная улыбка, двѣ густыхъ эполеты, съ развѣвающимися шнурами на штатскомъ платьѣ, орденъ Золотого Руна, крестъ Святого Людовика, крестъ Почетнаго Легіона, серебряная звѣзда Святого Духа, большой животъ и широкая голубая лента: это былъ король. За чертой Парижа онъ держалъ свою шляпу съ бѣлымъ плюмажемъ на колѣняхъ, обтянутыхъ высокими англійскими гетрами; но, въѣзжая въ столицу, онъ надѣвалъ шляпу на голову и изрѣдка кланялся.

Король холодно смотрѣлъ на народъ, который платилъ ему тѣмъ же. Когда онъ появился въ первый разъ въ кварталѣ Сенъ-Марсо̀, весь его успѣхъ заключался въ томъ, что одинъ житель предмѣстья сказалъ своему товарищу: «Этотъ толстякъ представляетъ собой правительство». Это неизбѣжное появленіе короля въ одинъ и тотъ же часъ было ежедневнымъ событіемъ бульвара Опиталь.

Прохожій въ желтомъ сюртукѣ былъ, очевидно, не изъ этого квартала и, вѣроятно, даже не изъ Парижа, такъ какъ онъ не зналъ этой подробности. Когда въ два часа королевская карета, окруженная эскадрономъ конвойныхъ гвардейцевъ, блестѣвшихъ серебряными галунами, въѣхала на бульваръ и повернула мимо Сальпетріера, то онъ, казалось, удивился и даже почти испугался. Въ боковой аллеѣ, кромѣ него, не было никого, онъ быстро отодвинулся за уголъ ограды, что не помѣшало, однако, герцогу д'Аврэ замѣтить его. Герцогъ, въ качествѣ дежурнаго гвардейскаго офицера, сидѣлъ въ каретѣ противъ короля. Онъ сказалъ его величеству: «Вотъ человѣкъ подозрительнаго вида». Полицейскіе также замѣтили его, и одному изъ нихъ было приказано за нимъ слѣдить. Но прохожій углубился въ маленькія, пустынныя улицы предмѣстья, и, благодаря наступавшей темнотѣ, полицейскій потерялъ его изъ виду, о чемъ и было донесено въ тотъ же вечеръ въ рапортѣ, поданномъ государственному министру и префекту полиціи, графу д'Англэ. Отдѣлавшись отъ полицейскаго, человѣкъ въ желтомъ сюртукѣ ускорилъ шаги, но все еще нѣсколько разъ обертывался, чтобы удостовѣриться, что никто за нимъ не слѣдитъ.

Въ четверть пятаго, то-есть когда было уже совершенно темно, онъ проходилъ мимо театра Сенъ-Мартенъ, гдѣ давали въ этотъ день пьесу «Два каторжника».

Освѣщенная театральными фонарями афиша, вѣроятно, поразила его, потому что, несмотря на быструю ходьбу, онъ остановился и сталъ ее читать. Минуту спустя онъ былъ въ глухомъ переулкѣ Планшеттъ и входилъ въ «Оловянное блюдо», гдѣ по-

мѣщалось въ то время бюро омнибусовъ, ходившихъ въ Ланьи. Омнибусъ отходилъ въ половинѣ пятаго. Лошади были уже запряжены, и путешественники, по знаку кучера, поспѣшно взбирались по высокой желѣзной лѣстницѣ.

Прохожій спросилъ:

— Есть у васъ мѣсто?

— Только одно, рядомъ со мной на козлахъ,—отвѣчалъ кучеръ.

— Я беру его.

— Садитесь.

Однако, прежде чѣмъ тронуться въ путь, кучеръ бросилъ взглядъ на бѣдную одежду путешественника, на его маленькій свертокъ и потребовалъ себѣ плату впередъ.

— Вы ѣдете до Ланьи?—спросилъ кучеръ.

— Да,—отвѣчалъ человѣкъ.

Путешественникъ заплатилъ до Ланьи.

Омнибусъ пустился въ путь. Миновавъ заставу, кучеръ попробовалъ завязать разговоръ, но путешественникъ отвѣчалъ односложно, и кучеръ принялся посвистывать и бранить своихъ лошадей.

Отъ холода онъ завернулся въ свой плащъ; путешественникъ, казалось, не замѣчалъ холода. Такимъ образомъ проѣхали Гурней и Нёльи на Марнѣ.

Около шести часовъ вечера прибыли въ Шелль. Кучеръ остановился, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, передъ трактиромъ для извозчиковъ, помѣщавшемся въ старомъ зданіи королевскаго аббатства.

Путникъ взялъ свой свертокъ и палку и спрыгнулъ съ дилижанса.

Черезъ минуту онъ исчезъ.

Но въ трактиръ онъ не входилъ.

Когда черезъ нѣкоторое время омнибусъ двинулся по направленію къ Ланьи, онъ не встрѣтилъ его на большой дорогѣ.

Кучеръ обернулся къ путешественникамъ, сидѣвшимъ внутри омнибуса:

— Это не здѣшній,—сказалъ онъ,—потому что я не знаю его. У него такой видъ, какъ будто у него нѣтъ ни гроша за душой, а между тѣмъ онъ не дорожитъ деньгами: заплатилъ до Ланьи, а слѣзъ въ Шеллѣ. Ночь, всѣ дома заперты, въ трактиръ онъ не входилъ, и мы его не встрѣтили. Не могъ же онъ провалиться сквозь землю.

Путешественникъ, дѣйствительно, не провалился сквозь землю, но поспѣшно шагалъ въ темнотѣ по большой дорогѣ по направленію къ Шеллю, затѣмъ, не доходя до церкви, онъ свернулъ на проселочную дорогу, ведшую въ Монфермейль, съ видомъ человѣка, знакомаго съ мѣстностью и находящагося здѣсь не въ первый разъ.

Онъ быстро пошелъ по этой дорогѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ старая окаймленная деревьями дорога, ведущая изъ

Ганьи въ Ланьи, путешественникъ услыхалъ шаги прохожихъ. Онъ быстро спрятался въ ровъ и подождалъ тамъ, пока прохожіе удалились. Впрочемъ, эта предосторожность была почти излишней, потому что, какъ мы уже сказали, стояла очень темная декабрьская ночь. На небѣ едва виднѣлись только двѣ, три звѣздочки.

Въ этомъ мѣстѣ начинается подъемъ въ гору. Человѣкъ не пошелъ по дорогѣ въ Монфермейль; онъ повернулъ направо, чечезъ поле и большими шагами направился къ лѣсу. Войдя въ лѣсъ, онъ замедлилъ шаги и принялся внимательно осматривать деревья, подвигаясь шагъ за шагомъ, какъ будто отыскивая что-то и слѣдуя по таинственной дорогѣ, извѣстной только ему одному. Одну минуту ему какъ будто показалось, что онъ заблудился, и онъ остановился въ нерѣшительности. Но затѣмъ онъ ощупью добрался до лужайки, гдѣ находилась куча большихъ бѣловатыхъ камней. Онъ поспѣшно направился къ этимъ камнямъ и началъ внимательно разглядывать ихъ сквозь ночную мглу, какъ будто дѣлая имъ смотръ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ находилось больное дерево, покрытое наростами, въ видѣ бородавокъ. Онъ приблизился къ этому дереву и провелъ рукой по корѣ ствола, какъ будто желая найти и сосчитать всѣ наросты. Противъ этого большого ясеня находилось каштановое дерево съ облупившейся корой, къ которому, въ видѣ повязки, прибили цинковую пластинку. Онъ поднялся на цыпочки и дотронулся до этой пластинки.

Затѣмъ онъ нѣсколько минутъ топталъ ногами землю на пространствѣ между деревомъ и камнями, какъ человѣкъ, желающій убѣдиться въ томъ, что земля уже давно не была здѣсь вскопана.

Сдѣлавъ все это, онъ осмотрѣлся и продолжалъ свой путь черезъ лѣсъ. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который только что встрѣтился съ Козеттой.

Шагая по откосу въ направленіи къ Монфермейлю, онъ увидалъ маленькую тѣнь, двигавшуюся со стономъ, которая то отпускала свою ношу на землю, то снова поднимала ее и пускалась въ путь. Человѣкъ приблизился и увидалъ, что это былъ маленькій ребенокъ, тащившій огромное ведро воды. Тогда онъ подошелъ къ этому ребенку и молча взялся за ручку ведра.

VII.

Козетта въ темнотѣ рядомъ съ незнакомцемъ.

Козетта, какъ мы сказали, не испугалась.

Человѣкъ заговорилъ съ ней тихимъ серьезнымъ голосомъ:

— Дитя мое, для тебя слишкомъ тяжело то, что ты тащишь.

Козетта подняла голову и отвѣчала:

— Да, сударь.

— Дай мнѣ,—продолжалъ человѣкъ,—я понесу твое ведро.

Козетта выпустила ручку. Прохожій пошелъ рядомъ съ ней.

— Ведро, въ самомъ дѣлѣ, очень тяжело, — произнесъ онъ сквозь зубы. Потомъ онъ прибавилъ: — Крошка, сколько тебѣ лѣтъ?

— Восемь лѣтъ, сударь

— Издалека ли ты идешь?

— Съ источника, который въ лѣсу.

— Далеко еще итти тебѣ?

— Съ добрую четверть часа.

Прохожій помолчалъ немного, потомъ вдругъ сказалъ:

— У тебя, значитъ, нѣтъ матери?

— Я не знаю,—отвѣчалъ ребенокъ.

Прежде чѣмъ незнакомецъ успѣлъ снова заговорить, она прибавила:

— Я не думаю, чтобы была. У другихъ есть матери. А у меня нѣтъ.—Помолчавъ немного, она продолжала:—Мнѣ кажется, что у меня ея никогда не было.

Незнакомецъ остановился, поставилъ ведро на землю, наклонился и положилъ руки на плечи ребенка, стараясь въ темнотѣ разглядѣть его лицо.

Худенькая, тщедушная фигурка Козетты неопредѣленно вырисовывалась при блѣдномъ свѣтѣ неба.

— Какъ тебя зовутъ?—сказалъ прохожій.

— Козетта.

Незнакомецъ вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго тока. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на дѣвочку, снялъ руки съ ея плечъ, схватилъ ведро и двинулся впередъ.

Черезъ минуту онъ спросилъ:

— Малютка, гдѣ ты живешь?

— Въ Монфермейлѣ, если вы знаете гдѣ это.

— Мы идемъ туда?

— Да, сударь.

Онъ опять помолчалъ, затѣмъ снова началъ свои разспросы:

— Кто же послалъ тебя въ эту пору за водой въ лѣсъ!

— Госпожа Тенардье.

Незнакомецъ продолжалъ голосомъ, которому старался придать равнодушный тонъ, но въ которомъ все-таки слышалась странная дрожь:

— Чѣмъ она занимается, твоя г-жа Тенардье?

— Это моя хозяйка,—отвѣчалъ ребенокъ.—Она содержитъ постоялый дворъ.

— Постоялый дворъ?—спросилъ прохожій.—Ну, такъ я остановлюсь тамъ на эту ночь. Веди меня туда.

— Мы туда и идемъ,—сказала дѣвочка.

Незнакомецъ шелъ довольно быстро. Козетта безъ труда поспѣвала за нимъ. Она не чувствовала больше усталости. Отъ времени до времени она поднимала глаза на этого человѣка съ какимъ-то необъяснимымъ спокойствіемъ и довѣрчивостью. Никогда никто не училъ ее обращаться къ Провидѣнію и молиться. Однако она чувствовала въ себѣ что-то, очень похожее на надежду и ра-

дость, стремившееся къ небесамъ. Прошло нѣсколько минутъ. Незнакомецъ заговорилъ снова:

— Развѣ у госпожи Тенардье нѣтъ служанокъ?

— Нѣтъ, сударь.

— Развѣ ты у нея только одна?

— Да, сударь.

Опять наступило молчаніе. Потомъ Козетта сказала:

— То-есть, у нея еще двѣ маленькія дѣвочки.

— Какія маленькія дѣвочки?

— Понина и Зельма.

Такъ упрощалъ ребенокъ романтическія имена, столь дорогія для Тенардье.

— Кто это Понина и Зельма?

— Это барышни госпожи Тенардье, — такъ сказать, ея дочери.

— А что же дѣлаютъ онѣ, эти барышни?

— О,—воскликнула дѣвочка,—у нихъ прекрасныя куклы, позолоченныя вещицы и разныя игрушки. Онѣ играютъ, забавляются.

— Цѣлый день?

— Да, сударь.

— А ты?

— Я? Я работаю.

— Цѣлый день?

Ребенокъ поднялъ свои большіе глаза, полные слезъ, которыхъ не было видно въ темнотѣ, и тихо отвѣтилъ:

— Да, сударь.

Послѣ минутнаго молчанія она продолжала:

— Иногда, послѣ работы и, если позволятъ, я тоже играю.

— Какъ же ты играешь?

— Какъ могу. Мнѣ позволяютъ. Но у меня очень мало игрушекъ. Понина и Зельма не хотятъ, чтобы я играла ихъ куклами. У меня есть только маленькая свинцовая сабля, не длиннѣе вотъ этого.

Дѣвочка показала свой мизинецъ.

— Она не рѣжетъ?

— Нѣтъ, рѣжетъ, сударь,—сказалъ ребенокъ,—она рѣжетъ салатъ и головки мухъ.

Они дошли до деревни; Козетта вела незнакомца по улицамъ. Они прошли мимо булочной, но Козетта не вспомнила о хлѣбѣ, который ей нужно было принести. Прохожій пересталъ разспрашивать ее и хранилъ теперь угрюмое молчаніе. Когда они миновали церковь, незнакомецъ, увидавъ палатки на открытомъ воздухѣ, спросилъ Козетту:

— Здѣсь у васъ ярмарка?

— Нѣтъ, сударь, это только по случаю Рождества.

Когда они были уже недалеко отъ постоялаго двора, Козетта робко дотронулась до руки незнакомца.

— Сударь!

— Что, дитя мое?
— Вотъ мы уже подходимъ къ дому.
— Ну, и что же?
— Позвольте мнѣ взять теперь ведро.
— Зачѣмъ?
— Потому что, если хозяйка увидитъ, что вы несли мнѣ ведро, она меня прибьетъ.

Незнакомецъ отдалъ ей ведро. Минуту спустя они стояли у дверей трактира.

VIII.

Непріятность принимать у себя бѣдняка, который, можетъ-быть, богатъ.

Козетта не могла удержаться, чтобы не взглянуть на большую куклу, все еще стоявшую въ окнѣ игрушечной лавки, потомъ она постучала въ дверь. Тенардьериха появилась со свѣчей въ рукѣ.

— А! Это ты бездѣльница! Ты что это такъ долго шаталась! Навѣрно, баловалась, негодная!

— Сударыня,—сказала, вся задрожавъ, Козетта,—вотъ этотъ господинъ хочетъ у насъ переночевать.

Тенардьериха быстро перемѣнила свою угрюмую мину на любезную улыбку—перемѣна, повидимому, свойственная всѣмъ трактирщикамъ,—и жадно устремила глаза на вновь пришедшаго.

— Этотъ господинъ?—сказала она.

— Да, сударыня,—отвѣчалъ человѣкъ, дотрогиваясь рукой до шляпы.

Богатые путешественники никогда не бываютъ такъ вѣжливы. Этотъ жестъ и внимательный осмотръ костюма и багажа иностранца, который Тенардьериха произвела однимъ взглядомъ, заставили исчезнуть любезную улыбку и снова вызвали угрюмую мину. Она сухо продолжала:

— Войдите, старичокъ.

«Старичокъ» вошелъ. Тенардьериха снова бросила на него взглядъ, внимательно осмотрѣвъ его сильно потертый сюртукъ и немного помятую шляпу; затѣмъ, наморщивъ носъ и прищуривъ глаза, она однимъ кивкомъ головы посовѣтовалась со своимъ мужемъ, все еще продолжавшимъ пить съ извозчиками. Трактирщикъ отвѣчалъ тѣмъ незамѣтнымъ движеніемъ указательнаго пальца, сопровождаемаго оттопыриваніемъ губъ, которое означало у него въ подобныхъ случаяхъ: «голь-перекатная». Послѣ этого г-жа Тенардье воскликнула:

— Ахъ, любезный, мнѣ очень жаль, но у меня нѣтъ больше мѣста.

— Положите меня, гдѣ хотите,—отвѣчалъ незнакомецъ,—на чердакѣ, въ конюшнѣ. Я заплачу какъ за комнату.

— Сорокъ су.
— Сорокъ су? Хорошо.
— Въ добрый часъ!
— Сорокъ су,—прошепталъ одинъ изъ извозчиковъ.—Но вѣдь мы платимъ только двадцать су.

— А для него сорокъ,—вставила г-жа Тенардье тѣмъ же тономъ.—Я не принимаю бѣдныхъ за меньшую плату.

— Это правда,—прибавилъ мужъ съ кротостью,—держать такой народъ, только портить репутацію своего дома.

Между тѣмъ человѣкъ, положивъ на лавку свой свертокъ и палку, сѣлъ къ столу, на который Козетта поспѣшила поставить бутылку вина и стаканъ. Торговецъ, потребовавшій ведро воды, отправился самъ отнести его своей лошади. Козетта снова усѣлась на свое мѣсто подъ столомъ и взяла свое вязанье.

Незнакомецъ, едва помочивъ губы въ стаканѣ вина, который онъ налилъ себѣ, со страннымъ вниманіемъ разсматривалъ Козетту.

Дѣвочка была некрасива. Если бы она была счастлива, то, можетъ-быть, была бы мила. Мы уже описывали эту маленькую фигурку Козетта была худа и блѣдна; ей было около восьми лѣтъ, но на видъ можно было дать не болѣе шести. Ея большіе глаза, окаймленные темными кругами, почти потухли оттого, что она такъ много плакала. Углы ея рта тоскливо опустились, какъ у приговоренныхъ къ смерти и безнадежно больныхъ. Ея руки, какъ предугадала ея мать, «потрескались отъ холода». Огонь, освѣщавшій ее въ ту минуту, еще яснѣе заставлялъ выступать ея кости и страшно обнаруживалъ ея худобу. Такъ какъ ей приходилось постоянно дрожать отъ холода, то она пріобрѣла привычку прижимать колѣнки одна къ другой. Вся ея одежда состояла изъ лохмотьевъ, возбуждавшихъ жалость лѣтомъ и ужасъ зимой. На ней была только дырявая холстина, и ни одной шерстяной тряпочки. Мѣстами виднѣлось ея тѣло, на которомъ можно было различить синія и черныя пятна, означавшія тѣ мѣста, гдѣ до нея дотрогивалась Тенардьериха. Ея босыя ноги были красны и худы. При видѣ впадинъ около ея ключицъ становилось жаль ее до слезъ. Весь видъ этой малютки, ея походка, движенія, звукъ голоса, прерывающаяся рѣчь, ея взглядъ, молчаливость, каждый малѣйшій ея жестъ выражали одно ощущеніе—страхъ.

Этотъ страхъ проникъ все ея существо; она была, такъ сказать, покрыта имъ; страхъ заставлялъ ее прижимать локти къ бедрамъ, прятать пятки подъ юбку, стараться занять какъ можно меньше мѣста и насколько возможно удерживать дыханіе; страхъ сдѣлался привычкой ея тѣла, если и способной измѣняться, то только увеличиваясь. Въ самой глубинѣ ея зрачка былъ какой-то уголокъ, въ которомъ отражался ужасъ. Этотъ страхъ былъ такъ великъ, что, придя домой вся мокрая, Козетта не осмѣлилась пойти посушиться у огня, а молча усѣлась за свою работу.

Выраженіе глазъ у этой дѣвочки было обыкновенно такъ угрюмо, а иногда такъ ненормально, что иногда казалось, что она готова превратиться въ идіотку или въ бѣсенка.

Никогда, какъ мы уже говорили, не знала она, что значитъ молиться, никогда она не переступала порога храма. «Развѣ у меня есть на это время?» говорила Тенардьериха.

Человѣкъ въ желтомъ сюртукѣ не спускалъ глазъ съ Козетты. Вдругъ Тенардьериха закричала:

— Кстати, а гдѣ же хлѣбъ?

Козетта, по привычкѣ, всякій разъ какъ Тенардьериха возвышала голосъ, поспѣшно вылѣзала изъ-подъ стола.

Она совершенно забыла про этотъ хлѣбъ и прибѣгла къ уловкѣ, свойственной запуганнымъ дѣтямъ,—она солгала.

— Сударыня, булочная была заперта.

— Надо было постучаться.

— Я стучалась, сударыня.

— И что же?

— Булочникъ не отперъ.

— Завтра я узнаю, правда ли это,—сказала Тенардьериха, и если ты врешь, то тебѣ здорово влетитъ. А покуда подавай мои пятнадцать су.

Козетта опустила руку въ карманъ передника и страшно поблѣднѣла. Монеты тамъ не было.

— Ну, что же,—сказала Тенардьериха,—слышишь ты?

Козетта вывернула карманъ—въ немъ не было ничего. Куда могли дѣваться эти деньги. Несчастная малютка не находила словъ. Она окаменѣла.

— Ты навѣрно потеряла монету,—закричала Тенардьериха,—или ты хочешь обокрасть меня?

Въ то же время она протянула руку къ плеткѣ, висѣвшей на гвоздѣ въ углу у печки.

Этотъ грозный жестъ далъ Козеттѣ силу закричать:

— Простите, сударыня, простите, я больше не буду!

Тенардьериха сняла съ гвоздя плетку.

Между тѣмъ человѣкъ въ желтомъ сюртукѣ пошарилъ въ жилетномъ карманѣ, незамѣтно ни для кого изъ присутствующихъ. Впрочемъ, остальные посѣтители пили или играли въ карты и не обращали на него никакого вниманія.

Козетта съ ужасомъ прижалась въ уголкѣ къ печкѣ, стараясь спрятать и подобрать свои несчастные полуобнаженные члены. Тенардьериха подняла руку.

— Виноватъ, сударыня,—сказалъ человѣкъ,—я сейчасъ видѣлъ, какъ что-то упало изъ кармана фартука этой дѣвочки и покатилось. Можетъ-быть, вотъ это?

Въ то же время онъ наклонился и, казалось, одно мгновеніе искалъ чего-то.

— Вотъ именно это,—сказалъ онъ, приподнимаясь.

И онъ протянулъ монету Тенардьерихѣ.

— Да, это самое,—отвѣчала она.

Это было совсѣмъ не то, такъ какъ это была монета въ двадцать су, но Тенардье получала при этомъ барышъ. Она положила монету въ карманъ и удовольствовалась тѣмъ, что бросила суровый взглядъ на ребенка, сказавъ:

— Смотри, чтобы этого съ тобой больше никогда не случалось!

Козетта снова заняла свое мѣсто подъ столомъ, которое Тенардьериха называла «ея конурой», и ея большіе глаза, устремленные на незнакомаго путешественника, начали принимать вы-

раженіе, котораго въ нихъ прежде не было. Это было пока еще только наивное удивленіе, къ которому, однако, примѣшивалась какая-то безсознательная довѣрчивость.

— Кстати, хотите вы ужинать?—спросила Тенардьериха у путешественника.

Онъ не отвѣчалъ. Казалось, онъ глубоко задумался.

— Что это за человѣкъ?—процѣдила Тенардьериха сквозь зубы.—Это какой-нибудь страшный бѣднякъ. У него нѣтъ ни одного су, чтобы поужинать. Заплатитъ ли онъ за ночлегъ? Впрочемъ, онъ хорошо сдѣлалъ, что не вздумалъ украсть деньги, которыя были на полу.

Между тѣмъ отворилась дверь и вошли Эпонина и Азельма.

Это были двѣ, дѣйствительно, хорошенькія дѣвочки, скорѣе похожія на мѣщаночекъ, чѣмъ на крестьянокъ, очень миленькія, одна съ блестящими каштановыми косами, другая съ длинными черными локонами, падавшими ей на спину; обѣ живыя, чистенькія, полненькія, свѣженькія и здоровыя, такъ что на нихъ пріятно было смотрѣть. Онѣ были одѣты тепло, но съ такимъ материнскимъ искусствомъ, что толщина матеріи нисколько не уменьшала кокетливаго вида наряда. Ихъ зимніе туалеты сохраняли весенній видъ.

Эти двѣ дѣвочки все освѣщали вокругъ себя и надо всѣмъ царили. Въ ихъ костюмѣ, въ ихъ веселости и шумѣ, который онѣ производили, чувствовалась властность. Когда онѣ вошли, г-жа Тенардье сказала имъ ворчливымъ, но исполненнымъ обожанія тономъ: «А! вотъ, наконецъ, и вы явились!» Потомъ, притянувъ ихъ къ себѣ, каждую по очереди, пригладивъ имъ волосы и перевязавъ ленты, она оттолкнула ихъ отъ себя съ той нѣжностью, которая такъ свойственна матерямъ, и воскликнула: «Вотъ растрепались-то!» Онѣ усѣлись у огня. У нихъ была кукла, которую онѣ съ веселымъ щебетаньемъ вертѣли на всѣ лады у себя на колѣняхъ. Отъ времени до времени Козетта поднимала глаза отъ своего вязанья и печально смотрѣла на ихъ игры. Эпонина и Азельма не смотрѣли на Козетту. Она была для нихъ чѣмъ-то въ родѣ собачонки. Эти три маленькія дѣвочки, которымъ всѣмъ вмѣстѣ не было и двадцати четырехъ лѣтъ, были уже воплощеніемъ цѣлаго общества: зависть съ одной стороны, презрѣніе — съ другой.

Кукла сестеръ Тенардье была сильно полинявшая, старая и разбитая, но не теряла отъ этого своей привлекательности въ глазахъ Козетты, которая во всю свою жизнь не имѣла куклы, «настоящей куклы»—употребимъ выраженіе, понятное для всѣхъ дѣтей.

Вдругъ Тенардьериха, продолжавшая ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, замѣтила, что Козетта развлекается и что вмѣсто того, чтобы работать, она смотритъ на играющихъ дѣвочекъ.

— А! я тебя поймала!—вскричала она.—Такъ-то ты работаешь? Постой, я вотъ плеткой заставлю тебя работать!

Незнакомецъ, не вставая со стула, повернулся къ Тенардьерихѣ.

— Сударыня,—сказалъ онъ, улыбаясь почти робкой улыбкой,—позвольте ей поиграть!

Со стороны всякаго путешественника, который съѣлъ бы за ужиномъ кусокъ жареной баранины, выпилъ бутылки двѣ вина и у котораго не было бы вида «страшнаго бѣдняка», подобное желаніе равнялось бы приказанію. Но, чтобы человѣкъ въ такой шляпѣ позволялъ себѣ имѣть желанія, чтобы человѣкъ, у котораго былъ подобный сюртукъ, позволялъ себѣ выражать свою волю, этого Тенардьериха не могла стерпѣть. Она сердито возразила:

— Дѣвчонка должна работать, потому что она ѣстъ хлѣбъ. Я кормлю ее не для того, чтобы она ничего не дѣлала.

— Что же такое она работаетъ у васъ?—продолжалъ незнакомецъ кроткимъ голосомъ, который такъ странно противорѣчилъ его нищенской одеждѣ и его плечамъ носильщика.

Тенардьериха соблаговолила отвѣтить:

— Чулки вяжетъ, если вамъ угодно знать. Чулки для моихъ дѣвочекъ, у которыхъ ихъ нѣтъ и которыя ходятъ въ настоящее время босыми.

Незнакомецъ посмотрѣлъ на красныя ноги несчастной Козетты и продолжалъ:

— Когда же она окончитъ эту пару чулокъ?

— Этой лѣнтяйкѣ хватитъ работы, по крайней мѣрѣ, еще на цѣлыхъ три или четыре дня.

— А сколько можетъ стоить такая пара чулокъ, когда она будетъ окончена?

Тенардьериха презрительно посмотрѣла на него.

— По крайней мѣрѣ тридцать су.

— Не продадите ли вы мнѣ ее за пять франковъ?—продолжалъ незнакомецъ.

— Чортъ возьми,—закричалъ съ грубымъ смѣхомъ одинъ изъ извозчиковъ, слышавшій этотъ разговоръ,—пять франковъ! Я думаю, еще бы! Цѣлыхъ пять кругляковъ!

Тутъ счелъ нужнымъ вмѣшаться самъ Тенардье:

— Да, сударь, если таково ваше желаніе, мы уступимъ вамъ эту пару чулокъ за пять франковъ. Мы не умѣемъ ни въ чемъ отказывать путешественникамъ.

— Надо сейчасъ же заплатить деньги,—объявила Тенардьериха съ своей порывистой рѣшительной манерой.

— Я покупаю эту пару чулокъ,—отвѣчалъ незнакомецъ,—и плачу за нее, — прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана пятифранковую монету и кладя ее на столъ.

Потомъ онъ обернулся къ Козеттѣ:

— Теперь твоя работа принадлежитъ мнѣ. Можешь играть, дитя мое.

Извозчикъ такъ растрогался видомъ пятифранковой монеты, что оставилъ свой стаканъ съ виномъ и прибѣжалъ съ своего мѣста.

— Въ самомъ дѣлѣ,—воскликнулъ онъ, разсматривая ее,—настоящее заднее колесо, и не фальшивое.

Тенардье приблизился и молча положилъ монету въ жилетный карманъ.

Женѣ Тенардье нечего было возражать. Она кусала себѣ губы, и ея лицо приняло выраженіе ненависти.

Между тѣмъ Козетта вся дрожала. Наконецъ она осмѣлилась спросить:

— Сударыня, это правда, что я могу играть?

— Играй,—сердито отвѣчала Тенардьериха.

— Благодарю васъ, сударыня,—сказала Козетта.

И въ то время, какъ ея уста благодарили Тенардьериху, вся ея маленькая душа возносила благодарность путешественнику.

Мужъ Тенардье снова усѣлся пить. Его жена сказала ему на ухо:

— Кто бы могъ быть этотъ желтый человѣкъ?

— Я видалъ милліонеровъ, носившихъ подобные сюртуки,—отвѣтилъ онъ съ важностью.

Козетта оставила свое вязанье, но не сошла съ своего мѣста. Она всегда старалась двигаться какъ можно меньше. Она достала изъ ящика позади себя какія-то старыя тряпки и свою маленькую свинцовую саблю.

Эпонина и Азельма не обращали никакого вниманія на то, что происходило вокругъ нихъ. Онѣ только что совершили очень важный подвигъ, овладѣвъ кошкой. Онѣ бросили куклу на полъ, и Эпонина, которая была старше, стала пеленать котенка, несмотря на его мяуканье и сопротивленіе, въ цѣлый ворохъ красныхъ и синихъ тряпокъ. Исполняя это важное и трудное дѣло, она говорила своей сестрѣ на томъ нѣжномъ и прелестномъ дѣтскомъ языкѣ, вся грація котораго, похожая на великолѣпіе крыльевъ бабочки, пропадаетъ, когда хочешь ее передать:

— Видишь ли, сестрица, эта кукла гораздо забавнѣе той. Она двигается, она кричитъ, она теплая. Давай играть въ нее, сестрица. Это будетъ моя маленькая дочь. Я буду дама. Я приду къ тебѣ въ гости, ты будешь смотрѣть на нее; немного погодя ты увидишь у нея усы, это удивитъ тебя. Потомъ ты увидишь ея уши и хвостъ, и также удивишься. Ты мнѣ скажешь: «Ахъ! Боже мой», а я тебѣ скажу: «Да, сударыня, это у меня такая маленькая дочка. Теперь всѣ маленькія дѣвочки такія».

Азельма съ восторгомъ слушала Эпонину.

Между тѣмъ пившіе вино принялись пѣть какую-то непристойную пѣсню, отъ которой они хохотали такъ, что дрожалъ потолокъ. Тенардье поощрялъ ихъ и подпѣвалъ имъ.

Подобно тому, какъ птицы изъ всего строятъ гнѣзда, такъ дѣти дѣлаютъ себѣ куклу изъ чего угодно. Въ то время, какъ Эпонина и Азельма пеленали котенка, Козетта, съ своей стороны, пеленала свою саблю. Сдѣлавъ это, она положила ее себѣ на руки и начала тихо напѣвать, укачивая ее. Кукла, это—одна изъ самыхъ необходимыхъ потребностей и въ то же время одинъ изъ прелестнѣйшихъ женскихъ инстинктовъ въ дѣвочкѣ. Няньчить, одѣвать, наряжать, раздѣвать, переодѣвать, учить, слегка бранить, убаюкивать, ласкать, баловать, укладывать спать, воображать, что вещь—живое существо,—вся будущность женщины

выражается въ этомъ. Мечтая и болтая, приготовляя приданое и пеленки, нашивая маленькія платьица, маленькіе лифчики и кофточки, ребенокъ становится дѣвочкой, дѣвочка—дѣвушкой, дѣвушка превращается въ женщину. Первый ребенокъ продолжаетъ роль послѣдней куклы. Маленькая дѣвочка безъ куклы почти такъ же несчастлива и совершенно такъ же немыслима, какъ и женщина, у которой нѣтъ дѣтей.

Итакъ, Козетта создала себѣ куклу изъ сабли.

Тенардьериха приблизилась къ «желтому человѣку».

«Мой мужъ правъ,—думала она,—это, можетъ-быть, самъ господинъ Лафитъ. Эти богачи—такіе чудаки!»

— Сударь,—начала она, облокотившись на столъ.

При словѣ «сударь» незнакомецъ обернулся. До сихъ поръ Тенардьериха называла его «старичкомъ» или «любезнымъ»

— Видите ли, сударь,—продолжала она съ какою-то слащавой кротостью, которая была въ ней еще противнѣе ея свирѣпаго вида,—я и сама желала бы, чтобы ребенокъ игралъ; я ничего не имѣю противъ этого; но это хорошо одинъ разъ, потому что вы такъ великодушны. Вѣдь у нея нѣтъ ничего, и ей надо работать.

— Такъ, значитъ, эта дѣвочка не ваша?—спросилъ незнакомецъ

— О Господи! Нѣтъ, сударь, не моя. Эта бѣдная дѣвочка, которую мы пріютили, такъ, изъ милости. Это какой-то глупый ребенокъ. У нея, должно-быть, водянка въ головѣ. Видите, какая у нея большая голова. Мы дѣлаемъ для нея, что можемъ, но вѣдь мы сами люди небогатые. Мы напрасно пишемъ на ея родину, вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ намъ не отвѣчаютъ. Надо полагать, что ея мать умерла.

— А!—произнесъ человѣкъ и снова задумался

— Не многаго она стоила,—прибавила Тенардьериха,—если бросила свое дитя.

Въ продолженіе всего этого разговора Козетта, какъ бы инстинктивно угадавъ, что рѣчь идетъ о ней, не спускала глазъ съ Тенардьерихи. Она смутно прислушивалась, до нея долетали отрывки фразъ.

Между тѣмъ посѣтители, почти совершенно пьяные, повторяли свою скверную пѣсню съ удвоеннымъ весельемъ.

Это было какое-то кощунственное веселье. Тенардьериха принялась хохотать вмѣстѣ съ ними. Козетта, сидя подъ столомъ, смотрѣла на огонь, отражавшійся въ ея неподвижномъ взглядѣ; она снова начала убаюкивать подобіе куклы, которое она устроила себѣ, тихо напѣвая: «Моя мать умерла! Моя мать умерла! Моя мать умерла!»

По новому настойчивому приглашенію хозяйки, желтый человѣкъ, или «милліонеръ», согласился, наконецъ, поужинать.

— Что прикажете вамъ подать, сударь?

— Хлѣба и сыру,—сказалъ незнакомецъ.

«Рѣшительно, это нищій», подумала Тенардьериха.

Пьяницы все продолжали свою пѣсню, а ребенокъ подъ столомъ пѣлъ свою.

Вдругъ Козетта остановилась. Случайно обернувшись, она замѣтила куклу маленькихъ Тенардье, которую тѣ промѣняли на кошку и бросили на полу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кухоннаго стола.

Тогда она уронила запеленатую саблю, которая удовлетворяла ее только наполовину, потомъ медленно обвела глазами комнату. Тенардьериха шопотомъ разговаривала съ мужемъ и считала деньги, Понина и Зельма играли съ кошкой, путешественники ѣли, пили или пѣли; ни одинъ взглядъ не былъ устремленъ на нее. Нельзя было терять ни минуты. Она вылѣзла изъ-подъ стола на четвереранькахъ и, увѣрившись еще разъ, что никто не слѣдитъ за нею, быстро подползла къ куклѣ и схватила ее. Минуту спустя она была опять на своемъ мѣстѣ и сидѣла неподвижно, повернувшись только такимъ образомъ, чтобы заслонить отъ свѣта куклу, которую она держала на рукахъ. Счастье поиграть куклой выпадало на ея долю до того рѣдко, что имѣло для нея какое-то острое наслажденіе.

Никто не видалъ ее, кромѣ путешественника, который медленно ѣлъ свой скудный ужинъ.

Ея радость продолжалась около четверти часа.

Но какія предосторожности ни принимала Козетта, она все-таки не замѣтила, что одна нога куклы выставлялась и что огонь ярко освѣщалъ ее. Эта розовая нога, рѣзко выступавшая изъ тѣни, неожиданно бросилась въ глаза Азельмѣ, которая сказала Эпонинѣ:

— Посмотри-ка, сестрица!

Обѣ дѣвочки были поражены: Козетта осмѣлилась взять ихъ куклу.

Эпонина встала и, не выпуская кошки, подошла къ матери и принялась дергать ее за юбку.

— Оставь меня!—сказала мать.—Что ты меня теребишь?

— Мама,—сказала дѣвочка,—ты погляди!

И она указала пальцемъ на Козетту.

Козетта, вся отдавшись восторгу обладанія своимъ сокровищемъ, ничего больше не видала и не слыхала.

Лицо Тенардьерихи приняло то особенное выраженіе гнѣва, которое, проявляясь при жизненныхъ мелочахъ, доставляетъ подобнаго рода женщинамъ прозвище «мегеръ».

На этотъ разъ оскорбленное самолюбіе еще больше разжигало ея злость. Козетта переступила всѣ границы! Козетта посягнула на куклу «этихъ барышень».

Она закричала охрипшимъ отъ негодованія голосомъ:

— Козетта!

Козетта такъ задрожала, какъ будто земля затряслась подъ ней. Она обернулась.

— Козетта!—повторила Тенардьериха.

Козетта взяла куклу и тихо положила ее на полъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, смѣшаннымъ съ отчаяніемъ. Затѣмъ, не спуская съ куклы глазъ, она всплеснула руками, и—что было ужас-

но видѣть въ ребенкѣ ея лѣтъ—она заломила ихъ и только тогда заплакала, хотя раньше къ этому не могли принудить ее ни всѣ другія волненія этого дня, ни путешествіе по лѣсу, ни тяжесть ведра, ни потеря денегъ, ни видъ плетки, ни мрачныя слова. которыя она слышала отъ хозяйки. Итакъ, она разразилась рыданіями.

Между тѣмъ путешественникъ всталъ.

— Что случилось?—спросилъ онъ г-жу Тенардье.

— Развѣ вы не видите?—сказала она, указывая пальцемъ на куклу, лежавшую у ногъ Козетты.

— Ну, такъ что же?—продолжалъ онъ.

— Эта негодница,—отвѣчала Тенардьериха,—позволила себѣ дотронуться до куклы моихъ дѣтей!

— Сколько шума изъ-за такихъ пустяковъ! — сказалъ незнакомецъ.—Ну, что же тутъ такого, что она поиграла этой куклой?

— Она дотрогивалась до нея своими грязными, мерзкими руками!—продолжала Тенардьериха.

При этихъ словахъ рыданія Козетты усилились.

— Замолчишь ли ты!—закричала Тенардьериха.

Незнакомецъ направился къ выходной двери, открылъ ее и вышелъ.

Какъ только онъ ушелъ, Тенардьериха воспользовалась его отсутствіемъ, для того, чтобы наградить подъ столомъ Козетту пинкомъ ноги, заставившимъ ребенка громко закричать.

Дверь отворилась снова и появился незнакомецъ; онъ несъ въ рукахъ сказочную куклу, о которой мы говорили и на которую всѣ ребятишки деревни любовались цѣлый день; поставивъ ее передъ Козеттой, незнакомецъ сказалъ:

— На, это тебѣ.

Надо полагать, что въ продолженіе часа, который онъ пробылъ здѣсь, погруженный въ задумчивость, онъ смутно разглядѣлъ эту игрушечную лавку, такъ ярко освѣщенную шкаликами и свѣчами, что ее было видно черезъ окна трактира.

Козетта подняла глаза; она смотрѣла на этого человѣка, приближавшагося къ ней съ куклой, точно такъ, какъ она стала бы смотрѣть на приближающееся къ ней солнце; въ ея ушахъ слышались невѣроятныя слова: «это тебѣ». Она взглянула на старика, взглянула на куклу, потомъ медленно отодвинулась и спряталась въ самый дальній уголъ подъ столомъ, у стѣны.

Она не плакала и не кричала; казалось, она не смѣла даже дышать!

Тенардье—мужъ и жена, Эпонина и Азельма также превратились въ статуи. Даже пьяницы и тѣ прервали свою пѣсню. Во всемъ трактирѣ наступила торжественная тишина.

Тенардьериха, безмолвная и пораженная, снова начала свои догадки:

— Кто же этотъ старикъ? Нищій? Милліонеръ? Можетъ-быть, онъ и то и другое, то-есть воръ?

На лицѣ ея мужа появилась та выразительная складка, которая прорѣзываетъ лицо человѣка всякій разъ, какъ господствующій инстинктъ выказывается въ немъ со всей своей животной силой. Трактирщикъ по очереди посмотрѣлъ на путешественника и на куклу; онъ, казалось, изслѣдовалъ этого человѣка, точно тотъ былъ мѣшокъ съ деньгами. Но это продолжалось одно мгновеніе. Онъ подошелъ къ женѣ и сказалъ ей шопотомъ:

— Эта штука стоитъ, по крайней мѣрѣ, тридцать франковъ. Не надѣлай глупостей! На колѣни передъ этимъ человѣкомъ!

Грубыя натуры имѣютъ одну общую черту съ натурами наивными: онѣ не знаютъ середины между двумя крайностями.

— Ну, Козетта,—заговорила Тенардьериха голосомъ, которому она хотѣла придать ласковость, но который весь былъ пропитанъ горькимъ медомъ, характернымъ для всѣхъ злыхъ женщинъ,—что же ты не берешь своей куклы?

Козетта осмѣлилась вылѣзти изъ своего убѣжища.

— Ну что же, Козетточка,—ласково сказалъ Тенардье,—господинъ гость даритъ тебѣ куклу. Возьми ее. Она твоя.

Козетта смотрѣла на чудесную куклу съ какимъ-то страхомъ. Слезы еще текли у нея по лицу, но въ глазахъ появились, подобно солнцу на утренней зарѣ, лучи радости. Вѣроятно, она почти то же почувствовала бы въ тотъ моментъ, когда бы ей неожиданно сказали: «Крошка, вы—королева Франціи». Ей казалось, что если она дотронется до этой куклы, то раздастся ударъ грома. Это было справедливо до нѣкоторой степени, такъ какъ она мысленно говорила себѣ, что Тенардьериха разбранитъ ее и прибьетъ.

Однако магнитъ пересилилъ. Она подошла и робко прошептала, обращаясь къ Тенардьерихѣ:

— Можно, сударыня?

Никакими словами нельзя передать ея отчаянно-испуганнаго и вмѣстѣ восхищеннаго вида.

— Конечно, она твоя,—отвѣчала Тенардьериха.—Господинъ гость даритъ ее тебѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сударь,—продолжала Козетта,—эта дама моя?

У незнакомца глаза были полны слезъ. Казалось, онъ достигъ той степени волненія, когда человѣку приходится молчать, чтобы не расплакаться. Онъ кивнулъ головой Козеттѣ и вложилъ руку «барыни» въ ея маленькую ручонку.

Козетта быстро отдернула свою руку, какъ будто рука «барыни» ее обожгла, и принялась смотрѣть въ полъ. Мы принуждены прибавить, что въ эту минуту она далеко высунула языкъ. Вдругъ она обернулась и съ восторгомъ схватила куклу.

— Я буду звать ее Катериной,—сказала она.

Странное зрѣлище представилось въ тотъ моментъ, когда лохмотья Козетты прикоснулись и перемѣшались съ лентами и пышной розовой кисеей куклы.

— Сударыня,—продолжала она,—можно мнѣ посадить ее на стулъ?

— Можно, дѣточка,—отвѣчала Тенардьериха.

Теперь Эпонина и Азельма смотрѣли съ завистью на Козетту.

Козетта посадила Катерину на стулъ, потомъ сѣла передъ ней на полъ и молча замерла въ созерцательной позѣ.

— Играй же, Козетта,—сказалъ незнакомецъ.

— О, я играю!—отвѣчалъ ребенокъ.

Этотъ таинственный незнакомецъ, котораго, подъ видомъ посѣтителя, Провидѣніе посылало Козеттѣ, представлялся въ этотъ моментъ г-жѣ Тенардье самымъ ненавистнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Однако надо было съ нимъ принуждать себя. Какъ ни была она пріучена къ притворству, стараясь во всемъ подражать своему мужу, все же это было для нея черезчуръ сильнымъ испытаніемъ. Она не могла долго этого вынести. Она поспѣшила отправить спать своихъ дѣвочекъ, затѣмъ попросила позволенія у желтаго человѣка отослать также и Козетту. «Она очень устала сегодня», прибавила она съ заботливымъ видомъ. Козетта отправилась спать, унося въ рукахъ Катерину. Отъ времени до времени г-жа Тенардье подходила къ тому углу комнаты, гдѣ сидѣлъ ея мужъ, чтобы, по ея собственному выраженію, «облегчить себѣ душу». Она обмѣнивалась съ нимъ нѣсколькими словами, въ которыхъ было тѣмъ больше злобы, что она не осмѣливалась произнести ихъ громко.

— Старая бестія! Какой дьяволъ сидитъ въ немъ? Явился сюда безпокоить насъ! Выдумалъ, чтобы эта маленькая уродина играла! Дарить ей куклы! Дарить куклы въ сорокъ франковъ собачонкѣ, которую я сама отдала бы за сорокъ су! Недостаетъ только, чтобы онъ началъ говорить ей ваше величество, какъ герцогинѣ Беррійской. Есть ли въ этомъ какой-нибудь смыслъ? Взбѣсился онъ, что ли, этотъ старый сумасбродъ?

— А что же? Это очень просто,—возражалъ Тенардье.—Это его забавляетъ. Тебѣ нравится, чтобы дѣвочка работала, а ему нравится, когда она играетъ. Онъ вполнѣ правъ. Путешественникъ можетъ дѣлать, что хочетъ, если онъ платитъ. Если этотъ старикъ филантропъ, что тебѣ за дѣло? Если онъ глупъ, это тебя не касается. Чего ты суешься, разъ у него есть деньги?

Таковы были разсужденія хозяина-трактирщика, не допускавшія никакихъ возраженій. Неизвѣстный облокотился на столъ и снова погрузился въ задумчивость. Всѣ остальные посѣтители, торговцы и извозчики, перестали пѣть. Они смотрѣли на него издали съ какой-то робкой почтительностью. Этотъ чудакъ, такъ бѣдно одѣтый, но такъ свободно вынимавшій изъ кармана деньги и дарившій огромныя куклы маленькимъ замарашкамъ въ деревянныхъ башмакахъ, былъ, конечно, удивительный, странный старикъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Ночное богослуженіе въ церкви отошло, ужинъ рождественскаго сочельника кончился, пьяницы разошлись, трактиръ заперли, комната опустѣла, огонь потухъ, а неизвѣстный все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, въ той же позѣ. Отъ времени до времени онъ перемѣнялъ локоть, на который опирал-

ся, и только. Но онъ не сказалъ ни одного слова съ тѣхъ поръ, какъ удалилась Козетта.

Одни Тенардье изъ приличія и изъ любопытства оставались въ залѣ.

— Неужели онъ просидитъ здѣсь всю ночь?—ворчала Тенардьериха.

Когда пробило два часа утра, она объявила, что изнемогаетъ, и сказала своему мужу:

— Я иду спать. Дѣлай съ нимъ, что хочешь.

Мужъ усѣлся къ столу въ углу, зажегъ свѣчу и принялся читать газету «Французскій Курьеръ». Такъ прошло около часа. Достойный трактирщикъ прочелъ, по крайней мѣрѣ, три раза всю газету, начиная съ номера и до подписи издателя включительно. Неизвѣстный не шевелился. Тенардье началъ двигаться, кашлять, плеваться, сморкаться и двигать своимъ стуломъ. Человѣкъ все не двигался. «Ужъ не спитъ ли онъ», подумалъ Тенардье. Неизвѣстный не спалъ, но ничто не могло вывести его изъ задумчивости.

Наконецъ Тенардье снялъ свой колпакъ, тихонько подошелъ къ нему и рѣшился сказать:

— Не угодно ли вамъ, сударь, итти почивать?

Сказать «итти спать» казалось ему оскорбительнымъ и фамильярнымъ. Слово «почивать» отзывалось комфортомъ и выражало почтительность. Эти слова обладали чудеснымъ и удивительнымъ свойствомъ увеличивать на другой день цифру счета. Комната, гдѣ спятъ, стоитъ двадцать су; комната, гдѣ почиваютъ, стоитъ двадцать франковъ.

— Ба! — отвѣтилъ незнакомецъ.— Вы правы. Гдѣ ваша конюшня?

— Пожалуйте, сударь,—отвѣчалъ Тенардье съ улыбкой,—я провожу васъ.

Онъ взялъ свѣчу, незнакомецъ взялъ свой свертокъ и палку, и Тенардье повелъ его въ комнату перваго этажа, отличавшуюся необыкновенной роскошью, съ мебелью краснаго дерева и постелью съ пологомъ изъ краснаго коленкора.

— Что это за комната?—спросилъ путешественникъ.

— Это наша свадебная комната,—сказалъ трактирщикъ.—Мы съ супругой живемъ въ другой. Сюда входятъ не больше двухъ-трехъ разъ въ годъ.

— Я предпочелъ бы конюшню, — рѣзко объявилъ незнакомецъ.

Тенардье сдѣлалъ видъ, что не слышалъ этого малолюбезнаго замѣчанія. Онъ зажегъ двѣ новыя восковыя свѣчки, стоявшія на каминѣ, въ которомъ горѣлъ довольно сильный огонь. На этомъ каминѣ подъ стекляннымъ колпакомъ находился женскій головной уборъ изъ серебряныхъ нитокъ и цвѣтовъ флёръ-д'оранжа.

— А это что?—продолжалъ незнакомецъ.

— Это, сударь, вѣнчальный уборъ моей жены,—отвѣчалъ Тенардье.

Путешественникъ окинулъ этотъ предметъ взглядомъ, который, казалось, выражалъ: «Было, значитъ, все же такое время, когда это чудовище было невинной дѣвушкой?»

Впрочемъ, Тенардье лгалъ. Когда онъ снялъ внаймы этотъ домишко, чтобы открыть въ немъ трактиръ, онъ нашелъ эту комнату уже такою; купилъ мебель и сторговалъ цвѣты, разсуждая, что это будетъ бросать красивую тѣнь на «его супругу», а его домъ получитъ отъ этого то, что англичане называютъ «респектабельностью».

Когда путешественникъ обернулся, хозяинъ уже исчезъ. Онъ удалился незамѣтно, не осмѣлившись пожелать покойной ночи и не желая обращаться съ фамильярнымъ радушіемъ съ человѣкомъ, котораго онъ собирался порядкомъ обобрать на другой день утромъ.

Трактирщикъ удалился въ свою комнату. Его жена уже легла, но еще не спала. Услыхавъ шаги мужа, она обернулась и сказала ему:

— Знаешь, я завтра вытолкаю Козетту за дверь.

— Ишь какая прыткая!

Они не обмѣнялись больше ни однимъ словомъ, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ свѣча погасла. Между тѣмъ путешественникъ положилъ въ уголъ свою палку и свертокъ. Послѣ ухода хозяина онъ сѣлъ въ кресло и погрузился на нѣсколько минутъ въ задумчивость. Потомъ онъ снялъ башмаки, взялъ одну изъ свѣчей, затушилъ другую, толкнулъ дверь и вышелъ изъ комнаты, оглядываясь кругомъ, какъ будто отыскивая что-то.

Онъ прошелъ коридоръ и достигъ лѣстницы. Тамъ онъ услыхалъ какой-то слабый звукъ, походившій на дыханіе ребенка. Путешественникъ пошелъ на этотъ звукъ и очутился около треугольнаго углубленія, устроеннаго подъ лѣстницей или, вѣрнѣе сказать, происходившаго отъ самой лѣстницы. Это углубленіе было не что иное, какъ обратная сторона ступеней. Тамъ, между всевозможными корзинами и черепками, въ пыли и паутинѣ находилась постель, если можно назвать постелью соломенный тюфякъ, изодранный до того, что изъ него вылѣзала солома, и одѣяло, до того худое, что сквозь него былъ виденъ тюфякъ. Простынь не было. Все это валялось прямо на полу. На этой постели спала Козетта. Незнакомецъ подошелъ и сталъ смотрѣть на нее.

Козетта крѣпко спала одѣтая. Зимой она никогда не раздѣвалась, для того, чтобы ей было не такъ холодно. Она прижимала къ себѣ куклу, большіе открытые глаза которой блестѣли впотьмахъ. Отъ времени до времени она глубоко вздыхала, какъ бы собираясь проснуться, и почти конвульсивно сжимала куклу въ своихъ объятіяхъ. Рядомъ съ ея постелью стоялъ одинъ только деревянный башмакъ.

Черезъ открытую дверь рядомъ съ каморкой Козетты виднѣлась довольно большая темная комната. Незнакомецъ вошелъ туда. Въ глубинѣ, сквозь стеклянную дверь было видно двѣ одинаковыхъ маленькихъ бѣленькихъ кроватки. Это были постели Эпонины и

Азельмы. Позади этихъ постелей, наполовину закрытая ими, находилась колыбель безъ полога, гдѣ спалъ мальчикъ, кричавшій въ продолженіе всего вечера.

Незнакомецъ предположилъ, что эта комната сообщалась со спальней Тенардье. Онъ хотѣлъ уже удалиться, когда его взглядъ упалъ на каминъ, одинъ изъ тѣхъ огромныхъ трактирныхъ каминовъ, въ которыхъ если и горитъ огонь, то очень слабый и какъ бы холодный. Въ этомъ каминѣ не было огня, не было даже золы; но все же что-то привлекло въ немъ вниманіе путешественника. Это были два маленькихъ дѣтскихъ башмачка кокетливой формы, но разной величины; путешественникъ вспомнилъ милый старинный обычай дѣтей ставить наканунѣ Рождества свою обувь въ каминъ, ожидая, что ночью ихъ добрая фея положитъ туда какой-нибудь блестящій подарокъ. Эпонина и Азельма не преминули воспользоваться этимъ обычаемъ и поставили каждая одинъ изъ своихъ башмачковъ въ каминъ.

Путешественникъ наклонился.

Фея, то-есть мать, уже сдѣлала свой визитъ, и въ каждомъ изъ башмаковъ уже блестѣла совершенно новенькая монета въ десять су.

Незнакомецъ выпрямился и уже собирался уйти, какъ вдругъ замѣтилъ въ сторонѣ, въ самомъ темномъ углу камина какой-то предметъ. Онъ присмотрѣлся и увидалъ ужасный грубый деревянный башмакъ, наполовину разбитый и покрытый золой и засохшей грязью. Это былъ башмакъ Козетты. Козетта съ той трогательной дѣтской довѣрчивостью, которая можетъ постоянно обманываться, все-таки никогда не приходя въ отчаяніе, также положила свой башмакъ въ каминъ.

Такъ высока и мила надежда въ ребенкѣ, никогда не знавшаго ничего, кромѣ скорби.

Въ этомъ башмакѣ не было ничего

Незнакомецъ пошарилъ въ своемъ жилетѣ, наклонился и положилъ въ башмакъ Козетты луидоръ.

Потомъ онъ на цыпочкахъ вернулся въ свою комнату.

IX.

Тенардье за дѣломъ.

На другое утро, по крайней мѣрѣ, за два часа до разсвѣта, г-нъ Тенардье, сидя у стола около свѣчи въ общей комнатѣ трактира, съ перомъ въ рукѣ, составлялъ счетъ путешественника въ желтомъ сюртукѣ.

Жена стояла, наклонившись надъ нимъ, и слѣдила за нимъ глазами. Они не обмѣнивались ни словомъ. Это было, съ одной стороны, глубокое размышленіе, съ другой — то благоговѣйное удивленіе, съ которымъ смотрятъ, какъ зарождается и развивается какое-нибудь чудо человѣческаго ума. Въ домѣ было слышно движеніе; это Жаворонокъ подметалъ лѣстницу.

Черезъ добрыхъ четверть часа и послѣ нѣсколькихъ помарокъ Тенардье создалъ слѣдующій шедевръ:

Счетъ господину изъ № 1.

Ужинъ	фран.	3
Комната	»	10
Свѣчи	»	5
Огонь	»	4
Услуги	»	1
	Итого фран.	23

— Двадцать три франка!—воскликнула жена съ энтузіазмомъ, къ которому примѣшивалось нѣкоторое сомнѣніе.

Какъ всѣ артисты, Тенардье не былъ доволенъ собою.

— Пфа!—сказалъ онъ.

Это было восклицаніе Кестльри, составлявшаго на Вѣнскомъ конгрессѣ счетъ, по которому должна была заплатить Франція.

— Господинъ Тенардье, ты правъ; онъ долженъ это заплатить,—прошептала жена, вспомнивъ о куклѣ, подаренной Козеттѣ въ присутствіи ея дѣвочекъ.—Это справедливо, но это слишкомъ много. Онъ не захочетъ платить.

Тенардье засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ и сказалъ:

— Заплатитъ.

Этотъ смѣхъ былъ выраженіемъ высшей увѣренности и авторитета. То, что было сказано такимъ тономъ, должно было сбыться. Жена не настаивала. Она принялась накрывать столы; мужъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Минуту спустя онъ прибавилъ:

— Я же вѣдь долженъ полторы тысячи франковъ!

Онъ усѣлся около камина и, поставивъ ноги на теплую золу, углубился въ размышленія.

— Ахъ, да,— продолжала жена,— ты не забылъ, что сегодня я выброшу Козетту за дверь? Этакое чудовище! Она терзаетъ мнѣ сердце своей куклой! Я лучше соглашусь выйти замужъ за Людовика XVIII, чѣмъ хоть на одинъ день оставить ее у себя.

Тенардье закурилъ трубку и отвѣчалъ въ промежуткѣ между двумя затяжками:

— Ты подашь счетъ этому господину.

Затѣмъ онъ вышелъ.

Онъ едва успѣлъ уйти изъ залы, какъ въ нее вошелъ путешественникъ.

Тенардье тотчасъ же появился сзади него и остановился въ полуоткрытой двери, видимый только одной своей женѣ.

Желтый человѣкъ держалъ въ рукахъ свою палку и свертокъ.

— Уже такъ рано встали?—сказала Тенардьериха.—Развѣ, сударь, вы уже покидаете насъ?

Говоря такимъ образомъ, она съ замѣшательствомъ вертѣла и мяла въ рукахъ счетъ. На ея грубомъ лицѣ появился необычайный для нея оттѣнокъ застѣнчивости и сомнѣнія. Подать подобный счетъ человѣку, имѣвшему видъ такого «нищаго», это казалось ей неудобнымъ.

Путешественникъ казался озабоченнымъ и разсѣяннымъ. Онъ отвѣчалъ:

— Да, сударыня, я ухожу.

— Сударь,—продолжала она,—у васъ, значитъ, не было никакихъ дѣлъ въ Монфермейлѣ?

— Нѣтъ. Я былъ здѣсь мимоходомъ. Вотъ и все.—Сударыня,—прибавилъ онъ,—сколько я вамъ долженъ?

Тенардьериха, не отвѣчая, протянула ему сложенный счетъ.

Человѣкъ развернулъ бумажку и посмотрѣлъ на нее, но, повидимому, его вниманіе привлекало что-то другое.

— Сударыня,—сказалъ онъ,— хорошо ли идутъ ваши дѣла въ Монфермейлѣ?

— Такъ себѣ, сударь,—отвѣчала Тенардьериха, удивленная тѣмъ, что не видитъ съ его стороны возраженія.

Она продолжала жалобнымъ и плачевнымъ тономъ:

— Ахъ, сударь, времена теперь очень тяжелыя! Кромѣ того, у насъ очень мало порядочныхъ гостей въ нашей окрестности. Все мелкота, какъ видите. Изрѣдка только встрѣчаются такіе великодушные и щедрые господа, какъ вы! У насъ столько повинностей. Одна эта дѣвчонка стоитъ намъ не мало.

— Какая дѣвчонка?

— Ну, знаете, маленькая Козетта! Жаворонокъ, какъ ее называютъ въ окрестности.

— А!—сказалъ человѣкъ.

Она продолжала:

— Какъ глупы эти крестьяне со своими прозвищами! Она скорѣе похожа на летучую мышь, чѣмъ на жаворонка. Видите ли, сударь, мы не просимъ милостыни, но и не можемъ заниматься благотворительностью. Мы ничего не зарабатываемъ, а намъ приходится такъ много платить. Торговый патентъ, подати, налогъ на двери и окна, кромѣ того, процентный налогъ. Вы сами знаете, казна съ насъ деретъ страшныя деньги. Къ тому же у меня есть свои дочери. Какая же мнѣ нужда кормить постороннихъ дѣтей?

Неизвѣстный прервалъ ее голосомъ, которому старался придать равнодушіе, но который сильно дрожалъ:

— А что если бы васъ освободили отъ нея?

— Отъ кого? Отъ Козетты?

— Да.

Красная и сердитая физіономія трактирщицы отвратительно просіяла.

— Ахъ, господинъ, добрый господинъ, возьмите ее, уведите, унесите, осыпьте сахаромъ, начините трюфелями, выпейте или скушайте, и да благословитъ васъ Пресвятая Дѣва и всѣ святые рая!

— Это рѣшено!

— Неужто вы возьмете ее?

— Я увожу ее.

— Сейчасъ?

— Сейчасъ. Позовите дѣвочку.

— Козетта!—крикнула Тенардье.

— А пока,—продолжалъ незнакомецъ,—я хочу заплатить вамъ, что долженъ. Сколько же это составляетъ?

Онъ бросилъ взглядъ на счетъ и не могъ удержаться — выразилъ свое удивленіе:

— Двадцать три франка!

Онъ поглядѣлъ на трактирщицу и повторилъ:

— Двадцать три франка?!

Въ тонѣ, которымъ были произнесены эти двѣ фразы, слышалось нѣчто среднее между знакомъ восклицательнымъ и вопросительнымъ. У Тенардьерихи было время приготовиться къ удару. Она отвѣчала съ увѣренностью:

— Совершенно вѣрно, сударь, двадцать три франка!

Незнакомецъ положилъ на столъ пять монетъ по пяти франковъ.

— Подите, приведите дѣвочку,—сказалъ онъ.

Въ эту минуту на срединѣ залы появился Тенардье и сказалъ:

— Господинъ путешественникъ долженъ двадцать шесть су.

— Какъ двадцать шесть су?—воскликнула жена.

— Двадцать су за комнату,—холодно продолжалъ Тенардье,— и шесть су за ужинъ. Что же касается дѣвочки, то мнѣ надо объ этомъ поговорить немного съ господиномъ гостемъ. Оставь насъ, жена.

Тенардьериха почувствовала нѣчто въ родѣ ослѣпленія, бывающаго обыкновенно съ людьми при неожиданномъ проявленіи таланта. Она почувствовала, что на сцену выходитъ великій актеръ, ни слова не возразила и вышла.

Какъ только они остались одни, Тенардье предложилъ путешественнику стулъ.

Послѣдній сѣлъ; Тенардье остался стоять, и его лицо приняло странное выраженіе добродушія и простосердечія.

— Видите ли, сударь, я долженъ сказать вамъ, что я ее боготворю, эту дѣвочку.

Незнакомецъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Какую дѣвочку?

Тенардье продолжалъ:

— Какъ это ни странно, а все же невольно привязываешься! Что это за деньги? Возьмите же обратно ваши сто су. Я обожаю этого ребенка.

— Да кого же?—спросилъ незнакомецъ.

— А нашу маленькую Козетту! Вѣдь вы хотите взять ее отъ насъ. Ну, я и говорю откровенно и вѣрно, какъ то, что вы честный человѣкъ, я не могу согласиться на это. Эта дѣвочка будетъ послѣ обвинять меня. Я видѣлъ ее совсѣмъ маленькой. Правда, она стоитъ намъ денегъ; правда, у нея есть недостатки, правда, мы небогаты, а я заплатилъ болѣе четырехъ сотъ франковъ за одни лѣкарства во время ея болѣзни. Но надо же дѣлать что-нибудь для Бога! У нея нѣтъ ни отца, ни матери; я вырастилъ ее. У меня хватитъ хлѣба и на нее и на себя. Въ сущности я привыкъ къ этому ребенку. Вы понимаете, легко можно привязаться; у меня добрая душа; я не разсуждаю, а просто люблю эту

дѣвочку; моя жена вспыльчива, но тоже любитъ ее. Видите ли, она для насъ все равно, что своя. Я привыкъ слышать ея болтовню въ домѣ.

Незнакомецъ все время пристально смотрѣлъ на него. Тенардье продолжалъ:

— Извините, сударь, нельзя же отдать своего ребенка, такъ, первому встрѣчному. Развѣ я не справедливъ? Впрочемъ, я ничего не говорю, вы богаты, у васъ видъ честнаго человѣка, если это необходимо для ея счастья, но сперва надо было бы узнать это навѣрное. Вы меня понимаете? Предположимъ, что я отпустилъ бы ее и пожертвовалъ бы собой, но мнѣ хотѣлось бы знать, куда она идетъ, я не желалъ бы терять ее изъ вида, хотѣлъ бы знать у кого она, чтобы кое-когда ее навѣщать; она же, съ своей стороны, знала бы, что ея добрый пріемный отецъ близко и что онъ заботится о ней. Наконецъ это вообще невозможно: я даже не знаю вашего имени. Вы уведете ее, а я буду думать: «Ну, а гдѣ же Жаворонокъ, куда онъ дѣвался?“ Надо бы, по крайней мѣрѣ, увидать какой-нибудь клочокъ бумажонки, хоть кусочекъ паспорта, какъ вы думаете?

Неизвѣстный, не переставая смотрѣть на него тѣмъ взглядомъ, который, такъ сказать, проникаетъ до глубины совѣсти, отвѣчалъ ему серьезнымъ и твердымъ голосомъ:

— Господинъ Тенардье, никто не беретъ съ собой паспорта, уѣзжая за пять лье отъ Парижа. Если я увезу Козетту, я увезу ее просто такъ. Вы не узнаете ни моего имени, ни моего мѣстожительства; вы не будете знать, гдѣ находится Козетта, а мое намѣреніе таково, чтобы она никогда въ жизни не видала васъ больше. Я разорву путы, связывающія ея ноги, и она уйдетъ. Согласны вы на это? Да или нѣтъ?

Подобно тому, какъ демоны и геніи по извѣстнымъ признакамъ узнавали присутствіе высшаго божества, Тенардье понялъ, что имѣетъ дѣло съ кѣмъ-то очень сильнымъ.

Онъ, какъ бы по наитію, понялъ это съ своей обычной быстрой и безошибочной прозорливостью. Наканунѣ онъ пилъ съ извозчиками, курилъ и пѣлъ непристойныя пѣсни, но въ то же время наблюдалъ весь вечеръ за незнакомцемъ, подстерегая его, подобно кошкѣ, и изучая его, подобно математику. Онъ слѣдилъ за нимъ для своей выгоды, изъ удовольствія и по какому-то инстинкту, и выслѣживалъ его, какъ будто ему за это платили. Ни одинъ жестъ, ни одно движеніе человѣка въ желтомъ сюртукѣ не ускользнуло отъ него. Прежде, чѣмъ неизвѣстный выразилъ такъ ясно свое участіе къ Козеттѣ, Тенардье уже угадалъ его. Онъ подмѣтилъ задумчивый взглядъ этого старика, обращенный на ребенка. «Откуда такое участіе? Кто былъ этотъ человѣкъ? Почему, несмотря на такое количество денегъ въ кошелькѣ, у него такое нищенское одѣяніе?» Вотъ вопросы, которые онъ задавалъ себѣ, не будучи въ состояніи разрѣшить ихъ, и это его раздражало. Онъ думалъ всю ночь. Это не могъ быть отецъ Козетты. Можетъ-быть, это какой-нибудь ея дѣдъ. Тогда отчего же онъ не объя-

вилъ объ этомъ сейчасъ же? Когда есть какое-нибудь право, о немъ заявляютъ. Очевидно, у этого человѣка не было никакого права на Козетту. Тогда кто же онъ? Тенардье терялся въ догадкахъ. Онъ дѣлалъ всевозможныя предположенія и все-таки ничего не могъ понять. Какъ бы то ни было, начиная разговоръ съ этимъ человѣкомъ и будучи увѣренъ, что во всемъ этомъ есть тайна, и этому человѣку интересно остаться въ тѣни, онъ чувствовалъ себя сильнымъ; но послѣ яснаго и твердаго отвѣта незнакомца, когда онъ увидалъ, что этотъ таинственный старикъ былъ такъ простъ при всей своей таинственности, онъ почувствовалъ себя слабымъ. Онъ не ожидалъ ничего подобнаго. Это было разрушеніе всѣхъ его предположеній. Онъ собралъ свои мысли. Онъ взвѣсилъ все это въ одну секунду. Тенардье принадлежалъ къ людямъ, которые съ одного взгляда судятъ о положеніи. Онъ нашелъ, что наступаетъ моментъ дѣйствовать быстро и напроломъ. Онъ поступилъ, подобно великимъ полководцамъ въ рѣшительную минуту, которую они одни только умѣютъ распознать, — онъ неожиданно открылъ свою батарею.

— Сударь, сказалъ онъ,—мнѣ нужно полторы тысячи франковъ!

Незнакомецъ вынулъ изъ своего бокового кармана старый черный кожаный бумажникъ, открылъ его и досталъ три банковыхъ билета, которые и положилъ на столъ. Затѣмъ онъ прижалъ эти билеты своимъ широкимъ большимъ пальцемъ и сказалъ трактирщику:

— Приведите Козетту.

Что же дѣлала Козетта въ то время, какъ все это происходило?

Проснувшись, она побѣжала къ своему башмаку и нашла въ немъ золотую монету. Это былъ не наполеондоръ, а одна изъ новенькихъ двадцати франковыхъ монетъ временъ реставраціи, на лицевой сторонѣ которыхъ прусскій хвостикъ замѣнялъ лавровый вѣнокъ. Козетта была поражена. Ея судьба начинала опьянять ее.

Она не знала, что такое золотая монета; она никогда не видала такой и быстро спрятала ее въ карманъ, какъ будто украла ее. Однако она чувствовала, что монета принадлежитъ ей; она догадывалась, откуда этотъ подарокъ, но испытывала какое-то смѣшанное чувство радости и страха. Козетта была довольна, но больше всего изумлена. Эти великолѣпныя красивыя вещи казались ей не настоящими. Кукла внушала ей страхъ, золотая монета ее пугала. Она безотчетно дрожала передъ всѣмъ этимъ великолѣпіемъ. Одинъ только незнакомецъ не внушалъ ей страха, напротивъ, онъ ободрялъ ее. Со вчерашняго дня, несмотря на все свое удивленіе, и сквозь сонъ, она думала своимъ маленькимъ дѣтскимъ умомъ объ этомъ человѣкѣ, который казался такимъ бѣднымъ и печальнымъ старикомъ, но который былъ такъ богатъ и добръ. Съ тѣхъ поръ, какъ она встрѣтилась съ этимъ старикомъ въ лѣсу, все какъ будто перемѣнилось для нея. Козетта, видавшая меньше счастья, чѣмъ самая послѣдняя ласточка въ небѣ, никогда не

знала, что такое значитъ прибѣгнуть къ матери или укрыться подъ чьимъ-либо крыломъ. Съ пяти лѣтъ, то-есть съ тѣхъ поръ, какъ она помнила себя, бѣдное дитя дрожало отъ страха и холода. Козетта всегда была беззащитна противъ суроваго дуновенія несчастья; теперь ей казалось, что она нашла прибѣжище. Прежде въ ея душѣ былъ холодъ, теперь—тепло. Она теперь даже ужъ не такъ сильно боялась Тенардье. Теперь она была уже не одна; около нея кто-то былъ.

Она быстро принялась за свою утреннюю работу, но ее отвлекалъ этотъ луидоръ, находившійся при ней и лежавшій въ томъ самомъ карманѣ фартука, изъ котораго наканунѣ выпала монета въ пятнадцать су. Она не осмѣливалась дотронуться до него, но смотрѣла на него минутъ до пяти,—надо сказать, высунувъ языкъ. Подметая лѣстницу, она останавливалась и какъ бы застывала, забывъ свою метлу и весь міръ, занятая созерцаніемъ этой звѣздочки, блиставшей въ глубинѣ ея кармана.

Въ такомъ видѣ застала ее Тенардьериха.

По приказанію своего мужа, она пошла за ней. Неслыханное дѣло! Она не отвѣсила ей ни одной колотушки и не обругала ее.

— Козетта,—сказала она почти кротко,—иди скорѣй.

Минуту спустя Козетта входила въ общую комнату.

Незнакомецъ взялъ свертокъ, который онъ съ собой принесъ, и развязалъ его. Въ немъ оказалось маленькое шерстяное платье, фартукъ, бумазейная кофточка, юбка, косынка, шерстяные чулки и башмаки, т.-е. полное одѣянье для семилѣтней дѣвочки. Все это было чернаго цвѣта.

— Дитя мое,—сказалъ незнакомецъ,—возьми это и пойди поскорѣе переодѣнься.

Уже разсвѣтало, когда тѣ изъ жителей Монфермейля, которые начали открывать свои двери, видѣли, какъ по дорогѣ въ Парижъ шелъ бѣдно одѣтый старикъ, ведя за руку маленькую дѣвочку въ траурѣ, которая несла въ рукахъ розовую куклу. Они шли по направленію къ Ливри.

Это были нашъ незнакомецъ и Козетта

Никто не зналъ этого человѣка, а такъ какъ Козетта была уже не въ лохмотьяхъ, то многіе не узнавали ее.

Козетта уходила. Съ кѣмъ? Она не знала этого. Куда? Она тоже не знала. Она понимала только одно—что покидаетъ трактиръ Тенардье. Никто не подумалъ проститься съ ней, точно такъ же какъ и она не простилась ни съ кѣмъ. Она уходила изъ этого дома ненавидимая и ненавидящая. Бѣдное кроткое существо, сердце котораго до сихъ поръ находилось подъ гнетомъ!.

Козетта шла степенно, широко открывъ свои большіе глаза и глядя на небо. Она положила свой луидоръ въ карманъ новаго передника. Отъ времени до времени она наклонялась и взглядывала на него, потомъ переводила взглядъ на старика. Она испытывала такое чувство, какъ будто бы она находилась около Бога.

X.

Кто малымъ недоволенъ, тотъ большого недостоинъ.

Тенардьериха, по своему обыкновенію, предоставила своему мужу дѣйствовать. Она ожидала важныхъ событій. Когда незнакомецъ съ Козеттой ушелъ, Тенардье подождалъ съ четверть часа, потомъ отвелъ жену въ сторону и показалъ ей полторы тысячи франковъ.

— Только-то!—сказала она.

Въ первый разъ съ самаго начала ихъ супружеской жизни она осмѣлилась отнестись критически къ поступку своего властелина.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты права,—сказалъ онъ,—я страшный дуракъ. Дай-ка мнѣ шляпу.

Онъ сложилъ три банковыхъ билета, положилъ ихъ въ карманъ и поспѣшно вышелъ, но ошибся и повернулъ сначала направо. Нѣкоторые сосѣди, къ которымъ онъ обращался, указали ему настоящій путь. Жаворонка и незнакомца видѣли идущими по направленію къ Ливри. Онъ послѣдовалъ этимъ указаніямъ и быстро зашагалъ, разсуждая самъ съ собой.

«Этотъ человѣкъ, очевидно, милліонъ, одѣтый въ желтый сюртукъ, а я глупое животное. Сначала онъ далъ двадцать су, потомъ пять франковъ, потомъ пятьдесятъ франковъ, наконецъ, полторы тысячи франковъ, и все время съ одинаковой готовностью. Онъ заплатилъ бы и пятнадцать тысячъ франковъ. Но я догоню его. И потомъ этотъ узелокъ съ платьемъ, заранѣе приготовленнымъ для дѣвочки; все это было странно, подъ всѣмъ этимъ скрывается какая-то тайна. А тайны не слѣдуетъ выпускать изъ рукъ. Тайны богатыхъ—все равно что губки, полныя золота, надо только умѣть выжимать ихъ. «Всѣ эти мысли вихремъ проносились у него въ мозгу. «Я глупое животное», повторялъ онъ.

Выйдя изъ Монфермейля и дойдя до поворота, который образуетъ здѣсь дорога, ведущая въ Ливри, на далекое пространство можно видѣть, какъ эта дорога тянется по плато. Дойдя до этого мѣста, Тенардье разсчитывалъ, что увидитъ старика и дѣвочку. Онъ смотрѣлъ вдаль, насколько хваталъ его глазъ, но ничего не увидалъ. Онъ снова началъ справляться. Однако онъ потерялъ время. Прохожіе сообщили ему, что старикъ и дѣвочка, которыхъ онъ ищетъ, направились къ лѣсу по направленію къ Ганьи. Онъ поспѣшилъ туда.

Они, правда, ушли далеко впередъ, но ребенокъ долженъ итти медленно, а Тенардье шелъ очень быстро. Кромѣ того, онъ хорошо зналъ мѣстность.

Вдругъ онъ остановился и ударилъ себя по лбу, какъ человѣкъ, который забылъ самое главное и который готовъ возвратиться назадъ.

— Мнѣ надо было захватить ружье!—сказалъ онъ себѣ.

Тенардье принадлежалъ къ числу тѣхъ двойственныхъ натуръ, которыя изрѣдка появляются незамѣтно среди насъ и исчезаютъ

непонятыми, потому что судьба показала ихъ съ одной только стороны. Жить наполовину,—участь многихъ людей. При спокойномъ и ровномъ положеніи у Тенардье было все, что надо для того, чтобы казаться,—мы не говоримъ быть,—такъ называемымъ честнымъ торговцемъ или добрымъ гражданиномъ. Въ то же время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, при извѣстныхъ толчкахъ, поднявшихъ всѣ низменныя стороны его натуры, у него было все, что требуется для того, чтобы сдѣлаться негодяемъ. Это былъ лавочникъ, въ которомъ скрывалось чудовище. Вѣроятно, сатана прятался временами въ какомъ-нибудь углу той трущобы, гдѣ жилъ Тенардье, и радовался, глядя на это гнусное чудо своего искусства.

Послѣ минутнаго колебанія онъ подумалъ:

«Вѣдь у нихъ было много времени для того, чтобы скрыться».

И онъ продолжалъ свой путь, быстро подвигаясь впередъ съ увѣреннымъ видомъ и проницательностью лисицы, выслѣживающей выводокъ куропатокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ миновалъ пруды и, перерѣзавъ наискось большую лужайку, лежавшую направо отъ аллеи Бельвю, достигъ этой заросшей травою аллеи, идущей почти вокругъ всего холма и закрывающей своды прежняго воднаго канала аббатства Шелля, то увидалъ надъ кустарникомъ шляпу, по поводу которой нагромоздилъ массу предположеній.

Это была шляпа незнакомца. Кустарникъ былъ низкій. Тенардье догадался, что неизвѣстный и Козетта присѣли подъ нимъ. Ребенка не было видно, потому что онъ былъ малъ, зато виднѣлась голова куклы.

Тенардье не ошибся. Незнакомецъ присѣлъ для того, чтобы дать Козеттѣ немного отдохнуть. Трактирщикъ обогнулъ кустарникъ и неожиданно появился предъ тѣми, кого онъ искалъ.

— Извините, сударь,—проговорилъ онъ запыхавшись,—но вотъ ваши тысяча пятьсотъ франковъ.

Съ этими словами онъ протянулъ незнакомцу три банковыхъ билета.

Человѣкъ поднялъ глаза.

— Что это значитъ?

Тенардье почтительно отвѣчалъ:

— Это означаетъ, сударь, что я беру Козетту назадъ.

Козетта вздрогнула и прижалась къ старику.

Тотъ отвѣчалъ, глядя прямо въ глаза Тенардье и раздѣляя каждый слогъ:

— Вы бе-ре-те на-задъ Козетту?

— Да, сударь, я беру ее, и сейчасъ объясню вамъ все. Я раздумалъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не имѣю права отдавать ее вамъ. Я честный человѣкъ, какъ видите. Эта дѣвочка не моя, она принадлежитъ своей матери. Ея мать довѣрила ее мнѣ, и только матери я могу отдать эту дѣвочку. Вы мнѣ скажете: «Но вѣдь мать умерла». Хорошо. Въ такомъ случаѣ я могу отдать ребенка только тому, кто принесетъ мнѣ письмо, подписанное матерью. Это ясно.

Незнакомецъ, не отвѣчая, порылся у себя въ карманѣ, и Тенардье снова увидѣлъ бумажникъ съ банковыми билетами.

Трактирщика охватила радостная дрожь.

«Хорошо,—подумалъ онъ,—будемъ держать ухо востро. Онъ хочетъ подкупить меня».

Прежде чѣмъ развернуть бумажникъ, путешественникъ оглянулся вокругъ себя.

Мѣсто было совершенно пустынное. Не было ни одной души ни въ лѣсу, ни въ долинѣ. Незнакомецъ открылъ бумажникъ и вынулъ изъ него не пачку банковыхъ билетовъ, какъ ожидалъ Тенардье, а простую маленькую бумажку, которую онъ развернулъ и подалъ трактирщику, говоря:

— Вы правы. Прочтите.

Тенардье взялъ бумажку и прочелъ:

«Монтрейль, 25 марта 1823 года.

«Господинъ Тенардье!

«Вы отдадите Козетту подателю этого письма. Вамъ заплатятъ всѣ мелкіе расходы.

«Имѣю честь быть вашей покорной слугой

«Фантина».

— Вамъ знакома эта подпись?—продолжалъ незнакомецъ.

Трактирщику нечего было возражать. Онъ почувствовалъ двойную досаду: за то, что онъ долженъ былъ отказаться отъ денегъ, на которыя надѣялся, и за то, что онъ былъ побѣжденъ. Незнакомецъ прибавилъ:

— Вы можете сохранить это письмо вмѣсто расписки.

— Подпись довольно ловко поддѣлана,—пробормоталъ Тенардье сквозь зубы. Ну, да ладно, пусть ужъ будетъ такъ! Потомъ онъ попробовалъ послѣднее отчаянное усиліе.

— Хорошо, сударь,—сказалъ онъ,—ужъ если вы податель письма. Но вѣдь мнѣ слѣдуетъ получить съ васъ за «всѣ мелкіе расходы», а ихъ было много.

Незнакомецъ всталъ и сказалъ, выбивая щелчками пыль изъ своего потертаго рукава.

— Господинъ Тенардье, въ январѣ мать считала, что она должна вамъ сто двадцать франковъ: въ февралѣ вы прислали ей счетъ въ пятьсотъ франковъ; въ концѣ февраля вы получили триста франковъ и триста франковъ въ началѣ марта. Съ тѣхъ поръ прошло девять мѣсяцевъ. Считая по условленной платѣ, т.-е. по пятнадцати франковъ, это составляетъ сто тридцать франковъ. Вы получили противъ вашего счета лишнихъ сто франковъ. Остается, стало-быть, тридцать пять франковъ, которые вамъ должны. Я только что далъ вамъ полторы тысячи франковъ.

Тенардье почувствовалъ то же, что чувствуетъ волкъ въ тотъ моментъ, когда его схватываютъ стальныя челюсти капкана. «Какой чортъ сидитъ въ этомъ человѣкѣ?» подумалъ онъ. Онъ поступилъ, какъ поступаетъ въ такихъ случаяхъ волкъ, т.-е. рванулся. Дерзость удалась уже ему одинъ разъ.

— Сударь,— виноватъ, имени вашего я не знаю,— рѣшительно заявилъ онъ, оставляя на этотъ разъ всю свою почтительность,— я или возьму Козетту или вы мнѣ заплатите тысячу экю!

Незнакомецъ спокойно сказалъ:

— Идемъ, Козетта.

Онъ протянулъ лѣвую руку Козеттѣ, а правой поднялъ свою палку, которая лежала на землѣ.

Тенардье обратилъ вниманіе на толщину дубинки и на пустынность мѣстности.

Незнакомецъ углубился съ ребенкомъ въ лѣсъ, оставивъ трактирщика неподвижнымъ и смущеннымъ.

Въ то время, какъ они удалялись, Тенардье разсматривалъ широкія, немного сутуловатыя плечи неизвѣстнаго и его большіе кулаки.

Потомъ онъ перевелъ глаза на самого себя, на свои слабыя, тощія руки. «Я, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ, страшно глупъ,— подумалъ онъ,—что не захватилъ съ собой ружья, вѣдь я шелъ на охоту».

Однако трактирщикъ все еще не желалъ уступать.

— Я хочу знать, куда онъ пойдетъ,—сказалъ онъ и началъ слѣдить за ними издали.

У него въ рукахъ остались двѣ вещи: насмѣшка—клочокъ бумаги, подписанный Фантиной, и утѣшеніе — полторы тысячи франковъ.

Незнакомецъ уводилъ Козетту по направленію къ Ливри и Бонди. Онъ шелъ медленно, опустивъ голову, грустный, задумчивый. Зимой лѣсъ прозраченъ, и Тенардье не терялъ ихъ изъ вида, оставаясь довольно далеко позади нихъ. Отъ времени до времени человѣкъ оборачивался и смотрѣлъ, не слѣдятъ ли за нимъ. Вдругъ онъ увидалъ Тенардье и неожиданно повернулъ съ Козеттой въ чащу, гдѣ они оба и скрылись.

— Чортъ возьми,—сказалъ Тенардье и ускорилъ шаги.

Густота кустарника заставила его приблизиться къ нимъ. Когда незнакомецъ достигъ самой чащи, онъ обернулся. Напрасно Тенардье поспѣшилъ спрятаться за вѣтвями, ему не удалось укрыться отъ незнакомца. Тотъ бросилъ на него безпокойный взглядъ, покачалъ головой и продолжалъ путь. Трактирщикъ снова началъ преслѣдовать ихъ. Они сдѣлали такимъ образомъ двѣсти или триста шаговъ. Вдругъ незнакомецъ обернулся еще разъ и снова замѣтилъ трактирщика. На этотъ разъ онъ поглядѣлъ на него съ такимъ грознымъ видомъ, что Тенардье счелъ безполезнымъ итти дальше. Онъ вернулся назадъ.

XI.

Нумеръ 9430 появляется снова, и Козетта выигрываетъ его въ лотерею.

Жанъ Вальжанъ не умеръ.

Падая въ море или, вѣрнѣе, бросаясь въ море, онъ былъ, какъ извѣстно, безъ цѣпей. Онъ проплылъ подъ водой до одного сто-

явшаго на якорѣ корабля, къ которому была прицѣплена барка, и ему удалось спрятаться въ этой баркѣ до вечера. Ночью онъ снова бросился вплавь и достигъ берега недалеко отъ мыса Брюна. Тамъ, не имѣя недостатка въ деньгахъ, онъ могъ достать себѣ одежду. Одинъ загородный кабачокъ въ окрестностяхъ Баролье занимался доходной спеціальностью, снабжая гардеробомъ бѣглыхъ каторжниковъ.

Послѣ этого Жанъ Вальжанъ, подобно всѣмъ жалкимъ бѣглецамъ, старающимся обмануть бдительность закона и избѣжать общественной кары, сталъ держаться неяснаго и запутаннаго маршрута. Онъ остановился въ первый разъ въ Прадо, близъ Боссе. Затѣмъ онъ направился къ Гранъ-Виллару, около Бріансона, въ верхнихъ Альпахъ. Это было безпокойное бѣгство ощупью, путь крота, извилины котораго неизвѣстны. Впослѣдствіи смогли найти нѣкоторые слѣды его путешествія въ Энѣ, въ области Сивріе, въ Пиренеяхъ, въ Аконѣ, въ мѣстности, называемой Гранжъ-де-Думекъ, близъ деревушки Шаваль, въ окрестностяхъ Периге въ Брюни, въ Кантонѣ Шапель-Гонаге.

Наконецъ онъ добрался до Парижа. Читатели только что видѣли его въ Монфермейлѣ.

Первой его заботой, по прибытіи въ Парижъ, было купить траурный костюмъ для маленькой дѣвочки лѣтъ семи или восьми, затѣмъ найти себѣ помѣщеніе. Исполнивъ все это, онъ отправился въ Монфермейль.

Читатель помнитъ, вѣроятно, что во время своего предыдущаго бѣгства онъ уже предпринималъ въ Монфермейлѣ или въ окрестности его таинственное путешествіе, по поводу котораго правосудіе получило нѣкоторыя свѣдѣнія.

Впрочемъ, его считали умершимъ, что еще болѣе сгущало мракъ, образовавшійся вокругъ него. Въ Парижѣ ему попала въ руки газета, сообщавшая объ его смерти. Онъ почувствовалъ себя ободреннымъ и почти успокоившимся, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ.

Вечеромъ того дня, когда Жанъ Вальжанъ вырвалъ Козетту изъ когтей супруговъ Тенардье, онъ возвращался въ Парижъ. Онъ входилъ туда въ сумерки, черезъ заставу Монсо. Тамъ онъ сѣлъ въ кабріолетъ, который отвезъ его на площадь Обсерваторіи. Онъ сошелъ здѣсь, заплатилъ извозчику, взялъ Козетту за руку, и оба, темной ночью, по пустыннымъ улицамъ, прилегающимъ къ Урсину и Гласьеру, направились къ бульвару Опиталь.

Для Козетты весь этотъ день былъ полонъ впечатлѣній и прошелъ необыкновеннымъ образомъ.

Присѣвъ у забора, они ѣли хлѣбъ съ сыромъ, который покупали въ уединенныхъ трактирахъ, часто перемѣняли экипажи, сдѣлали часть дороги пѣшкомъ; она не жаловалась, но устала; Жанъ Вальжанъ чувствовалъ это по своей рукѣ, которую она стала сильнѣе тянуть на-ходу. Онъ посадилъ ее себѣ на спину; Козетта, не выпуская Катерины, положила голову на плечо Жана Вальжана и уснула.

Книга четвертая.—ЛАЧУГА ГОРБО.

I.

Мэтръ Горбо.

Если бы сорокъ лѣтъ тому назадъ одинокому прохожему вздумалось попасть въ отдаленную мѣстность Сальпетріеръ и подняться по бульвару до Италіанской заставы, то онъ очутился бы въ той мѣстности, гдѣ, казалось, исчезалъ Парижъ. Ее нельзя было назвать пустыней, такъ какъ встрѣчались прохожіе,—ни деревней, такъ какъ были дома и улицы,—ни городомъ, потому что на улицахъ, какъ на большихъ дорогахъ, были колеи, заросшія травой. Что же это было? Эта была мѣстность обитаемая, гдѣ никого не было, это была пустынная мѣстность, гдѣ кто-то былъ. Это былъ бульваръ большого города, парижская улица, болѣе дикая ночью, чѣмъ даже лѣсъ, болѣе мрачная днемъ, чѣмъ кладбище. Я говорю о старомъ кварталѣ Коннаго рынка.

Если прохожій обойдетъ ветхія стѣны этого Коннаго рынка и, оставивъ направо дворъ, обнесенный высокими стѣнами, пройдетъ улицу Пти-Банкье, потомъ поле съ копнами, напоминающими постройки бобровъ, и огороженное мѣсто, заваленное строевымъ лѣсомъ, бревнами, кучами пней, стружекъ и щепокъ, на которыхъ сидитъ лающая собака, пройдетъ еще низкую развалившуюся стѣну съ черной траурной калиткой, покрытой мохомъ, гдѣ весной появляются цвѣты, и, наконецъ, безобразную ветхую постройку, на которой красуется вывѣска: «Запрещено вывѣшивать объявленія», то этотъ прохожій дойдетъ до угла улицы Винь-Сенъ-Марсель. Тамъ, около завода и между двумя оградами сада, находилась въ то время лачуга, на первый взглядъ казавшаяся маленькой, какъ хижина, но въ дѣйствительности обширная, какъ соборъ. Она выходила боковой стороной на дорогу, вслѣдствіе чего и казалась маленькой; остальная часть была какъ бы скрыта.

Лачуга была одноэтажная. Бросалась въ глаза слѣдующая подробность: жалкая дверь лачуги была похожа на дверь чулана, а ея окно, если бы оно было вдѣлано въ тесаный камень, а не въ песчаникъ, могло бы быть украшеніемъ большого дома. Дверь представляла изъ себя собраніе досокъ, изъѣденныхъ червями и соединенныхъ перекладинами, напоминающими необтесанныя полѣнья. Она выходила на лѣстницу съ высокими ступенями, грязными, покрытыми густымъ слоемъ пыли. Лѣстница была одинаковой ширины съ дверью и съ улицы казалась приставной, исчезающей между двумя стѣнами. Верхъ безобразнаго просвѣта, который закрывался дверью, былъ задѣланъ узкой доской, въ срединѣ которой было вырѣзано нѣчто въ родѣ треугольнаго слухового окна

и форточки. На внутренней сторонѣ двери красовалась цифра 52, нарисованная кистью, обмокнутой въ чернила, а надъ дверью тою же кистью была намазана цифра 50; невольно всякій приходилъ въ недоумѣніе, гдѣ же, наконецъ, онъ находится. Надъ дверью сказано нумеръ 50, а внутри 52. Треугольная форточка была завѣшена грязными тряпками, замѣнявшими занавѣски. Широкое, довольно высокое окно, съ многочисленными поврежденіями большихъ стеколъ, задѣланными бумагой, закрывалось рѣшетчатыми расшатанными ставнями, которыя больше угрожали прохожимъ, чѣмъ защищали жителей. Въ нихъ недоставало горизонтальныхъ абажуровъ, которые замѣнялись вертикально прикрѣпленными досками, что придавало имъ странный видъ. Безобразная дверь и довольно благопристойное окно напоминали двухъ нищихъ, идущихъ рядомъ, одѣтыхъ въ одинаковые лохмотья, но въ ихъ наружности была видна какая-то разница: одинъ, какъ казалось, всегда былъ нищимъ, другой когда-то былъ дворяниномъ. Лѣстница вела къ обширному зданію, похожему на сарай, но превращенному въ домъ. Внутри лачуги проходилъ коридоръ, похожій на трубу, направо и налѣво отъ него шли каморки различной величины, скорѣе напоминающія лавки, чѣмъ комнатки. Окно выходило на пустыри. Все въ лачугѣ было темно, грустно, мрачно; черезъ многочисленныя щели проникали холодные лучи и сѣверный вѣтеръ. Интересную и живописную подробность этого жилища составляли громадные пауки. Налѣво отъ входной двери слуховое окно, выходившее на бульваръ, было задѣлано и образовало квадратную каменную нишу, въ которую проходившія дѣти бросали каменья. Часть зданія недавно сломана, но другая, уцѣлѣвшая, можетъ дать представленіе объ его прежнемъ видѣ. Всему зданію не больше ста лѣтъ. Сто лѣтъ — это молодость для церкви и старость для дома. Какъ будто жилищу человѣка свойственна его недолговѣчность, а обители Божіей—Его безконечность.

Почтальоны называли эту лачугу номеромъ 50—52, но въ кварталѣ она получила названіе дома Горбо.

Объяснимъ происхожденіе этого названія;

Любители подробностей, собиратели мелкихъ фактовъ, имѣющіе въ запасѣ цѣлый гербарій анекдотовъ, знаютъ, что въ прошломъ столѣтіи въ 1770 г. въ Парижѣ въ Шатле находились два прокурора, одного звали Корбо, другого—Ренаръ,—два прозвища, воспѣтыя въ баснѣ Лафонтеномъ [1]). Случай былъ слишкомъ хорошъ, чтобы имъ не воспользовались судебные писцы. Сейчасъ же появилась пародія на басню, плохіе стихи, распѣвавшіеся въ коридорахъ суда:

Maître Corbeau, sur un dossier perché,
Tenait dans son bec une saisie exécutoire;
Maître Renard par l'odeur alléché,
Lui fit à peu pres cette histoire:
Hé bonjour! etc.

---

[1]) Le Corbeau et le Renard: Ворона и Лисица.

Прокуроры, сконфуженные этой глупой шуткой, оскорбленные громкимъ смѣхомъ, раздававшимся часто при ихъ появленіи, рѣшили обратиться къ королю съ просьбой перемѣнить имъ фамиліи. Прошеніе удачно подали Людовику XV въ тотъ самый день, когда нунцій папы и кардиналъ Ларошъ Эмонъ въ присутствіи его величества, съ благоговѣніемъ стоя на колѣняхъ, надѣвали туфли на ножки г-жи Дю-Бари, встававшей съ постели. Король и такъ уже смѣялся, а подача прошенія его еще больше разсмѣшила, и онъ охотно позволилъ просителямъ измѣнить фамиліи. Корбо разрѣшено было прибавить хвостикъ къ заглавной буквѣ и называться Горбо; Ренару, который былъ менѣе счастливъ,—приставить букву П и называться Пренаромъ.

Если вѣрить мѣстному преданію, Горбо былъ владѣльцемъ строенія за номерами 50—52 на бульварѣ Опиталь. Онъ, кажется, и соорудилъ монументальное окно. Вотъ почему лачуга и получила названіе дома Горбо.

Напротивъ номера 50—52 между деревьями бульвара возвышался высокій вязъ, на три четверти засохшій, и находилась улица Гобеленовской заставы, безъ домовъ, немощеная, обсаженная чахлыми деревьями, зеленѣющая или грязная, въ зависимости отъ времени года, и кончавшаяся у Парижской стѣны. Черезъ крыши сосѣдней фабрики распространялся запахъ купороса.

Вблизи была застава. Въ 1823 г. существовала еще вокругъ города стѣна. Застава вызывала въ памяти мрачные образы. Здѣсь во времена имперіи и реставраціи входили въ Парижъ приговоренные къ смерти, такъ какъ эта дорога вела въ Бисетръ. Въ 1829 г. здѣсь было совершено таинственное убійство, называемое убійствомъ у заставы Фонтенбло; правосудіе не могло найти убійцъ, не удалось пролить свѣтъ на эту мрачную загадку. Если вы сдѣлаете еще нѣсколько шаговъ, то очутитесь въ роковой улицѣ Крульбарбъ, гдѣ Ульбахъ при раскатахъ грома закололъ кинжаломъ козью пастушку, какъ въ мелодрамѣ.

Черезъ нѣсколько шаговъ вы придете къ отвратительнымъ обезглавленнымъ вязамъ заставы Сенъ-Жакъ—къ этому средству филантроповъ скрывать эшафотъ, къ недостойной и позорной Гревской площади, обязанной своимъ существованіемъ обществу лавочниковъ и буржуа, которое не знало на что рѣшиться, боясь уничтожить смертную казнь и боясь ее поддерживать съ авторитетомъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, если обойти молчаніемъ площадь Сенъ-Жакъ, какъ бы предназначенную для ужасовъ, самымъ мрачнымъ пунктомъ этого мрачнаго бульвара было мѣсто, гдѣ находился домъ № 50—52. Только спустя двадцать пять лѣтъ стали появляться здѣсь дома буржуазіи. Мѣсто отличалось угрюмостью. Похоронныя мысли овладѣвали вами, вы невольно чувствовали, что находитесь около Сальпетріера, куполъ котораго виденъ за Бисетромъ, а до того тоже рукой подать, т.-е. между безуміемъ женщины и сумасшествіемъ мужчины. Отсюда видны были только бойни, стѣны ограды и изрѣдка фасады фабрикъ, похожіе на казармы или на мона-

стыри, бараки, куски штукатурки и ветхія стѣны, черныя, какъ саванъ, бѣлыя, какъ снѣгъ. Всюду виднѣлись параллельные ряды деревьевъ, прямой рядъ построекъ, плоскія строенія, безконечные холодные ряды и наводящіе грусть прямые углы. Не замѣчалось ни измѣненій почвы, ни разнообразія архитектуры, все поражало однообразіемъ и имѣло до ужаса правильный видъ. Ничто такъ не надоѣдаетъ, какъ симметрія. Симметрія—это скука, а скука является основой грусти. Отчаяніе легко поддается зѣвотѣ. Если можно вообразить себѣ что-нибудь ужаснѣе того ада, въ которомъ терпятъ муки, то это будетъ адъ, въ которомъ скучаютъ. Если бы существовалъ такой адъ, то эта часть бульвара Опиталь могла бы быть аллеей, ведущей къ нему. При наступленіи ночи, особенно зимой, въ часъ, когда ночной вѣтеръ срываетъ съ тополей пожелтѣвшіе листья, когда царитъ глубокій мракъ, когда не видно звѣздъ и когда только изрѣдка появляется луна изъ-за тучъ, этотъ бульваръ прямо ужасенъ. Черныя линіи теряются во мракѣ, какъ части безконечности. Прохожему невольно припоминаются безчисленныя преданія, въ которыхъ дѣло идетъ о висѣлицѣ.

Пустынность этого мѣста, гдѣ совершено было столько преступленій, внушала ужасъ. Невольно представлялось, что кругомъ засады, что всѣ неясныя очертанія кажутся подозрительными, а длинные просвѣты между деревьями принимаютъ видъ рвовъ. Днемъ все было безобразно, вечеромъ мрачно, ночью ужасно.

Лѣтомъ въ сумерки можно было встрѣтить старухъ, сидящихъ подъ вязами на скамейкахъ и собирающихъ милостыню.

Этотъ кварталъ, имѣвшій скорѣе даже ветхій, чѣмъ просто старинный видъ, начиналъ понемногу застраиваться. Такъ что тотъ, кто хочетъ застать его въ прежнемъ видѣ, долженъ поспѣшить. Каждый день исчезаетъ какая-нибудь мелочь. Вокзалъ Орлеанской желѣзной дороги, выстроенный двадцать лѣтъ тому назадъ около стараго предмѣстья, сильно его измѣнилъ. Появленіе вокзала желѣзной дороги всегда является смертью предмѣстья и началомъ города. Кажется, что вокругъ этихъ центровъ движенія народовъ, при пыхтѣніи этихъ могучихъ машинъ, чудовищныхъ коней цивилизаціи, питающихся углемъ и извергающихъ огонь, земля, полная зародышей, готова задрожать и разверзнуться, чтобы поглотить прежнія людскія постройки и замѣнить ихъ новыми.

Когда вокзалъ Орлеанской желѣзной дороги занялъ часть мѣстности Сальпетріера, старыя узкія улицы, примыкающія ко рвамъ св. Виктора и къ Ботаническому саду, зашатались; дилижансы, проходившіе по нимъ три или четыре раза въ день, фіакры, омнибусы какъ бы заставили дома раздвинуться.

Есть вещи очень странныя, но которыя оказываются вполнѣ вѣрными, напр., въ большихъ городахъ подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей выростаютъ дома съ фасадами на югъ, а частый проѣздъ экипажей, какъ бы расширяетъ улицы. Появляются симптомы новой жизни. Въ самыхъ дикихъ закоулкахъ этого стараго провинціальнаго квартала замощаются улицы, появляются тротуары, даже тамъ, гдѣ еще нѣтъ прохожихъ. Въ памятное іюльское утро

1845 г. задымились черные котлы асфальта; можно сказать, что въ этотъ день цивилизація достигла Орлеанской улицы, и Парижъ вступилъ въ предмѣстье Сенъ-Марсо.

II.

Гнѣздо для филина съ малиновкой.

Передъ этой лачугой остановился Жанъ-Вальжанъ. Подобно дикой птицѣ, онъ выбралъ это пустынное мѣсто, чтобы тамъ устроить свое гнѣздо.

Онъ вынулъ изъ жилета отмычку, при помощи которой открылъ дверь, вошелъ, тщательно заперъ ее и затѣмъ поднялся на лѣстницу, съ Козеттой на рукахъ.

На верху лѣстницы онъ досталъ изъ кармана другой ключъ и имъ отворилъ слѣдующую дверь, наконецъ, вошелъ въ комнату, напоминающую своимъ видомъ довольно просторную каморку. Онъ поспѣшилъ ее запереть. Обстановка была самая бѣдная, состояла изъ матраца, лежавшаго прямо на полу, стола и нѣсколькихъ стульевъ. Топившаяся печка съ горящими угольями стояла въ углу. Бульварный фонарь слабо освѣщалъ всю бѣдную обстановку. Въ глубинѣ находилась постель. Жанъ Вальжанъ бережно уложилъ на нее Козетту. Онъ зажегъ свѣчу и принялся любоваться Козеттой. Его взглядъ былъ полонъ экстаза и доброты. Маленькая дѣвочка заснула, не зная, съ кѣмъ она и гдѣ; такое полное довѣріе является выраженіемъ или чрезмѣрной силы или же, наоборотъ, чрезмѣрной слабости.

Жанъ Вальжанъ нагнулся и поцѣловалъ ручку дѣвочки, причемъ испыталъ то же мучительно-острое, почти религіозное чувство, которое онъ ощущалъ девять мѣсяцевъ тому назадъ, цѣлуя руку ея навѣки заснувшей матери.

Онъ опустился на колѣни около постели Козетты. День уже наступилъ, а дѣвочка все еще спала.

Блѣдный лучъ декабрьскаго солнца проникалъ въ каморку и бросалъ на потолокъ полосы свѣта и тѣни. Тяжело нагруженная телѣжка каменщика, проѣзжая по шоссе бульвара, заставила задрожать всю эту лачугу.

— Да, сударыня!—закричала Козетта, внезапно просыпаясь.

Она соскочила съ постели съ полузакрытыми глазами и протянула руки.

— О Господи! гдѣ же моя метла?—воскликнула она.

Раскрывъ глаза, она увидала улыбающееся лицо Жана Вальжана.

— Такъ это правда?—проговорила дѣвочка.—Здравствуйте!

Дѣти быстро свыкаются съ радостью и счастьемъ, такъ какъ сами являются ихъ олицетвореніемъ.

Замѣтивъ куклу Катерину у себя на постели, Козетта принялась съ нею играть, закидывая Жана Вальжана вопросами: гдѣ она, великъ ли Парижъ, гдѣ же Тенардьериха, далеко ли отсюда, не пріѣдетъ ли она? и т. д. и, наконецъ, воскликнула:

— Какъ здѣсь хорошо!

Она чувствовала себя прекрасно, несмотря на то, что находилась въ отвратительной лачугѣ.

— Не нужно ли здѣсь помести?—спросила она.

— Играй,—отвѣчалъ Жанъ Вальжанъ.

Такъ прошелъ день; присутствіе куклы и этого человѣка доставляло Козеттѣ невыразимое счастіе.

III.

Два несчастья, соединяясь, даютъ счастье.

Когда на слѣдующее утро Жанъ Вальжанъ стоялъ около постели Козетты и наблюдалъ, какъ она просыпается, онъ чувствовалъ, что его душа какъ бы обновляется.

Жанъ Вальжанъ никогда никого не любилъ. Послѣднія двадцать пять лѣтъ онъ прожилъ совершенно одинокимъ, не былъ ни отцомъ, ни любовникомъ, ни мужемъ, ни другомъ. Каторга ожесточила его, онъ сдѣлался тамъ дурнымъ, мрачнымъ и жестокимъ, а между тѣмъ въ его сердцѣ было что-то дѣвственное. Его усилія найти свою сестру и ея дѣтей, о которыхъ у него сохранилось смутное воспоминаніе, не увѣнчались успѣхомъ, и онъ ихъ окончательно забылъ. Таково свойство человѣческой природы. Если же во время его молодости встрѣчались и другія мимолетныя привязанности, то о нихъ и не стоитъ говорить, такъ какъ онѣ прошли безслѣдно.

Когда Жанъ Вальжанъ встрѣтилъ Козетту, освободилъ ее и взялъ съ собой, онъ испыталъ такой приливъ нѣжности, что дрожалъ отъ радости, подходя къ постели, на которой она спала. Онъ самъ не зналъ, какъ объяснить свое волненіе. Движенія сердца, начинающаго любить, полны таинственности.

Бѣдное старое сердце, еще совсѣмъ юное!

Но такъ какъ ему было пятьдесятъ пять лѣтъ, а Козеттѣ восемь, то вся его любовь, сосредоточенная на ней, напоминала какъ бы тихое мерцаніе.

Въ его жизни это было второе свѣтлое видѣніе. Епископъ показалъ ему разсвѣтъ добродѣтели, а Козетта — разсвѣтъ любви.

Такъ прошли первые дни въ какомъ-то ослѣпленіи. Козетта также безъ своего вѣдома становилась другою. Мать оставила ее совсѣмъ маленькой; какъ всѣ дѣти, она хотѣла хоть кого-нибудь любить, напоминая молодые ростки виноградной лозы, цѣпляющіеся рѣшительно за все, но всѣ ея попытки оставались безъ результата. Тенардье, ихъ дѣти, а также и другія дѣти оттолкнули ее. Послѣ смерти любимой собаки Козетта была совсѣмъ одинока, никому и ничему не было до нея дѣла. Страшно сказать, но въ восемь лѣтъ ея сердце было холодно, въ чемъ, однако, нельзя ее обвинять: не способности любить ей недоставало, а прямо—возможности. Вотъ почему съ перваго же дня все ея сознательное *я* стало любить этого старика. Она испытывала что-то новое, какое-то просвѣтлѣніе.

Жанъ Вальжанъ не казался ей ни старымъ, ни бѣднымъ, она даже находила его красивымъ, такъ же какъ и его каморку.

Въ этомъ сказалось дѣйствіе зари, молодости, радости; новизна жизни имѣла здѣсь не малое значеніе. Нѣтъ ничего прекраснѣе прикрашеннаго отраженія счастья на чердакѣ. Почти у всѣхъ насъ въ прошломъ есть такой свѣтлый чердакъ. Природа воздвигла огромную преграду между Жаномъ Вальжаномъ и Козеттой, отдѣливъ ихъ пятьюдесятью годами, но судьба уничтожила эту преграду. Съ непреодолимой силой судьба вдругъ соединила эти двѣ безпочвенныя жизни, совершенно различныя по возрасту, но чрезвычайно похожія одна на другую своей печальной участью. И дѣйствительно, жизнь одного какъ бы дополняла жизнь другого. Инстинктъ Козетты искалъ отца, такъ же, какъ инстинктъ Жана Вальжана искалъ ребенка, и потому встрѣтиться значило сойтись. Въ ту таинственную минуту, когда ихъ руки соприкоснулись, они соединились. Встрѣтившись, эти двѣ души поняли, что каждой изъ нихъ недостаетъ другой, и тѣсно сплотились.

Можно такъ выразиться, придавая словамъ общій и вполнѣ понятный смыслъ, что будучи оба отдѣлены отъ всѣхъ могильными стѣнами, Жанъ Вальжанъ былъ вдовцомъ, а Козетта сиротой. Жанъ Вальжанъ сдѣлался отцомъ Козетты, какъ бы по желанію Неба.

Таинственное ощущеніе, испытанное Козеттой въ Шельскомъ лѣсу, когда въ темнотѣ рука Жана схватила ея руку, не являлось иллюзіей, а реальностью. Вмѣшательство этого человѣка въ судьбу ребенка какъ бы предопредѣлено было свыше.

Жанъ Вальжанъ хорошо выбралъ свое убѣжище, ему казалось, что онъ тамъ въ полной безопасности. Комнатка, которую онъ занималъ съ Козеттой, выходила окномъ на бульваръ, а это было единственное окно въ лачугѣ, слѣдовательно, нечего было опасаться нескромнаго взгляда.

Нижній этажъ номера 50—52, нѣчто въ родѣ разрушенной пристройки, служилъ сараемъ для огородниковъ и не имѣлъ никакого сообщенія съ первымъ этажомъ, отдѣляясь отъ него поломъ, въ которомъ не было ни опускной двери, ни лѣстницы, и представлялъ изъ себя какъ бы діафрагму дома. Въ первомъ этажѣ, какъ мы уже сказали, находилось нѣсколько комнатъ и чердаковъ, изъ которыхъ только одинъ былъ занятъ старухой, ведшей хозяйство Жана Вальжана, всѣ же остальныя были нежилыя. Старуха называлась главной жилицей, въ дѣйствительности же исполняла обязанности привратницы; она наняла на Рождествѣ это помѣщеніе для Жана Вальжана, который выдавалъ себя за рантье, разорившагося на испанскихъ бумагахъ, а Козетту за свою внучку. Онъ заплатилъ впередъ за шесть мѣсяцевъ и попросилъ старуху обставить комнату, какъ мы это и видѣли. Эта же старуха затопила печку и все приготовила въ день ихъ прихода.

Недѣля проходила за недѣлей, а эти два существа вели въ жалкой лачугѣ счастливое существованіе. Съ самаго утра Козетта смѣялась, болтала, пѣла. Дѣти, такъ же какъ и птицы, поютъ утреннія пѣсни. Часто Жанъ Вальжанъ бралъ ея красноватую,

опухшую руку и начиналъ цѣловать. Бѣдный ребенокъ, привыкшій къ побоямъ, не понималъ, что это значило, и уходилъ въ смущеніи. Временами дѣвочка становилась серьезной и любовалась своимъ платьемъ. Козетта уже не ходила въ лохмотьяхъ, а въ траурѣ, она вышла изъ нищеты и входила въ жизнь. Жанъ Вальжанъ началъ ее учить читать. Заставляя ее читать по складамъ, онъ думалъ о томъ, что на каторгѣ научился читать изъ желанія дѣлать зло. Теперь эта идея измѣнилась и привела къ тому, что онъ сталъ учить ребенка грамотѣ. При этой мысли старый каторжникъ улыбался задумчиво, какъ ангелъ. Онъ чувствовалъ, что здѣсь было предопредѣленіе свыше, сказывалась воля Кого-то высшаго, чѣмъ человѣкъ, и онъ впадалъ въ мечтательность. Хорошія мысли, какъ и дурныя, имѣютъ свои бездны. Учить читать Козетту и смотрѣть, какъ она играетъ, вотъ въ чемъ заключалась вся жизнь Жана Вальжана. Онъ говорилъ ей объ ея матери и заставлялъ за нее молиться. Козетта называла его отцомъ, не зная какъ назвать его иначе. Цѣлыми часами она одѣвала и раздѣвала куклу и весело лепетала. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ ребенокъ сталъ его любить, ему хотѣлось дожить до глубокой старости, жизнь казалась ему полной интереса, а люди добрыми и справедливыми: мысленно онъ никого ни въ чемъ не упрекалъ. Вся будущность представлялась ему освѣщенной Козеттой, какъ чуднымъ свѣтомъ. У самыхъ хорошихъ людей являются эгоистическія мысли. Иногда Жанъ Вальжанъ думалъ съ нѣкоторою радостью, что Козетта будетъ дурна собою.

Конечно, это наше личное мнѣніе, но намъ кажется, что въ то время, когда Жанъ Вальжанъ полюбилъ Козетту, эта любовь поддерживала въ немъ стремленіе къ добру. Онъ только что видѣлъ въ новомъ освѣщеніи злобу людей и ничтожество общества, которое показало ему роковымъ образомъ, какъ судьба женщины олицетворилась въ Фантинѣ, а власть общества въ Жаверѣ. Онъ вернулся на каторгу на этотъ разъ потому, что поступилъ хорошо. Онъ опять преисполнился горечью, почувствовалъ отвращеніе и усталость; воспоминаніе объ епископѣ временами какъ бы сглаживалось, чтобы потомъ появиться еще болѣе свѣтлымъ и торжествующимъ. Можетъ-быть, Жанъ Вальжанъ былъ близокъ къ разочарованію и паденію, но онъ полюбилъ и вновь сдѣлался сильнымъ. Увы, онъ былъ такой же колеблющійся, какъ Козетта, онъ ей покровительствовалъ, а она вселяла въ него бодрость. Благодаря ему она могла жить, благодаря ей онъ могъ стать добродѣтельнымъ. Онъ сдѣлался поддержкой этого ребенка, а ребенокъ сталъ его точкой опоры. О неисповѣдимая и божественная тайна равновѣсій судьбы!

IV.

Наблюденія главной жилицы.

Жанъ Вальжанъ былъ настолько остороженъ, что никогда не выходилъ днемъ. Для своихъ вечернихъ прогулокъ съ Козеттой онъ выбиралъ боковыя аллеи самыхъ уединенныхъ бульваровъ.

Иногда при наступленіи ночи онъ заходилъ въ церкви. Онъ охотно заглядывалъ въ ближайшую церковь св. Медарда. Козетта очень любила эти прогулки; когда же Жану Вальжану случалось уходить одному, она оставалась со старухой. Но можно смѣло сказать, что она предпочитала часъ, проведенный въ его обществѣ, очаровательнымъ бесѣдамъ съ Катериной. Гуляя, онъ держалъ дѣвочку за руку и говорилъ ей пріятныя вещи. Оказалось, что Козетта по природѣ была веселымъ ребенкомъ.

Старушка вела хозяйство и ходила за провизіей. Они жили очень бѣдно, какъ люди, находящіеся въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Жанъ Вальжанъ ничего не измѣнилъ, обстановка осталась прежняя, только въ комнатѣ Козетты онъ замѣнилъ стекольную дверь сплошною. Онъ всегда носилъ желтый сюртукъ, черныя панталоны и старую шляпу. На улицѣ его принимали за бѣдняка. Часто случалось, что добрыя женщины подавали ему су; онъ бралъ деньги и низко кланялся. Когда же онъ встрѣчалъ какого-нибудь несчастнаго, просящаго милостыню, то украдкой подходилъ къ нему, клалъ ему въ руку монету, иногда серебряную, и затѣмъ быстро удалялся. Но это имѣло свои неудобства: онъ сталъ извѣстенъ въ кварталѣ какъ нищій, подающій другимъ милостыню. Онъ и не подозрѣвалъ, что старуха, главная жилица, существо довольно угрюмое и завистливое, слѣдила за нимъ. Она была немного глуха, вслѣдствіе чего становилась болтливой. Во рту у нея сохранилось только два зуба, одинъ наверху, другой внизу, и они постоянно сталкивались. Она разспрашивала Козетту, но послѣдняя ничего не могла ей сообщить, кромѣ того, что они пришли изъ Монфермейля. Однажды утромъ старуха увидала, что Жанъ Вальжанъ входитъ въ нежилое помѣщеніе лачуги и ей показалось, что у него странный видъ. Она прокралась за нимъ, какъ старая кошка, и стала потихоньку наблюдать сквозь скважину двери. Жанъ Вальжанъ изъ осторожности, конечно, повернулся спиной къ этой двери. Старуха увидала, что онъ что-то долго искалъ въ карманѣ, наконецъ, вытащилъ оттуда игольникъ, ножницы и нитки и принялся распарывать подкладку одной полы сюртука, а потомъ изъ образовавшагося разрѣза вынулъ желтоватую бумагу, которую и развернулъ. Старуха со страхомъ увидала, что это былъ банковый билетъ въ тысячу франковъ. Это былъ второй или третій билетъ, который ей пришлось увидать въ продолженіе всей ея жизни. Она убѣжала въ испугѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Жанъ Вальжанъ подошелъ къ ней съ этимъ билетомъ въ тысячу франковъ и попросилъ пойти его размѣнять, говоря, что наканунѣ получилъ свою ренту за полгода.

«Гдѣ же онъ могъ ее получить?—подумала старуха.—Онъ вышелъ только въ 6 часовъ вечера, а государственная касса въ это время не бываетъ открыта».

Старуха пошла мѣнять деньги, строя свои предположенія. Этотъ билетъ въ тысячу франковъ произвелъ большой перепо-

лохъ среди кумушекъ улицы Винь-Сенъ-Марсель; онѣ обсуждали это событіе и, конечно, преувеличили стоимость билета.

На слѣдующее утро Жанъ Вальжанъ пилилъ въ коридорѣ дрова въ одномъ жилетѣ. Старуха была одна въ комнатѣ и занималась хозяйствомъ, Козетта смотрѣла, какъ пилятъ дрова. Увидавъ, что сюртукъ виситъ на гвоздѣ, старуха стала его осматривать, при чемъ замѣтила, что подкладка зашита. Когда она потрогала сюртукъ, ей показалось на ощупь, что у него въ полахъ зашиты бумаги. Вѣроятно, другіе билеты въ тысячу франковъ.

Кромѣ того она нашла въ карманахъ разныя вещи, не только иголки, ножницы, нитки, что она уже видѣла, но толстый портфель, большой ножъ и, что было подозрительно, нѣсколько разноцвѣтныхъ париковъ. Каждый карманъ сюртука казался складочнымъ мѣстомъ для разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Такъ прошли для жильцовъ лачуги послѣдніе дни зимы.

V.

Монета въ пять франковъ, падая на полъ, производитъ шумъ.

Около церкви св. Медарда Жанъ Вальжанъ встрѣчалъ нищаго, сидѣвшаго обыкновенно у заброшеннаго колодца. Онъ рѣдко проходилъ мимо безъ того, чтобы не подать ему хоть нѣсколько су, иногда даже заговаривалъ съ нимъ. Люди, завидовавшіе этому нищему, увѣряли, что онъ изъ полиціи. Это былъ старый церковный сторожъ, 75 лѣтъ отроду, постоянно напѣвавшій молитвы.

Однажды, проходя мимо церкви, на этотъ разъ безъ Козетты, Жанъ Вальжанъ увидалъ нищаго на его обычномъ мѣстѣ подъ фонаремъ, который только что зажгли. Онъ, по обыкновенію, казался молящимся и совсѣмъ сгорбленнымъ. Жанъ Вальжанъ подошелъ къ нему и сунулъ ему въ руку обычную милостыню. Нищій вдругъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на Жана Вальжана, потомъ тутъ же опустилъ ее. Это движеніе было быстро, какъ молнія, но Жанъ Вальжанъ содрогнулся: ему показалось, что онъ увидалъ при свѣтѣ фонаря не спокойное и набожное лицо стараго церковнаго сторожа, а знакомое страшное лицо. Онъ испыталъ то же чувство, если бы передъ нимъ очутился тигръ. Онъ попятился назадъ, испуганный, оцѣпенѣлый, не смѣя ни дышать, ни говорить, ни оставаться здѣсь, ни бѣжать, смотря на нищаго, который опять опустилъ голову, покрытую какою-то тряпкою, и не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Въ эту страшную минуту, вѣроятно, въ силу инстинкта самосохраненія, Жанъ Вальжанъ не произнесъ ни слова. Нищій былъ того же роста, имѣлъ тѣ же лохмотья, ту же наружность, какъ и всегда.

— Ба! — сказалъ Жанъ Вальжанъ. — Я сумасшедшій, мнѣ это показалось во снѣ! Вѣдь это невозможно.

Онъ вернулся домой, потрясенный. Едва ли самому себѣ онъ осмѣливался, сознаться, что ему показалось, что онъ видѣлъ

лицо Жавера. Размышляя объ этомъ ночью, онъ жалѣлъ, что не спросилъ о чемъ-нибудь нищаго и не заставилъ вторично поднять голову. На слѣдующій день въ сумерки онъ пошелъ опять туда же. Нищій находился на своемъ обычномъ мѣстѣ.

— Здравствуй, старикъ, — рѣшительно сказалъ Жанъ Вальжанъ, подавая ему су.

Нищій поднялъ голову и отвѣтилъ жалобнымъ голосомъ:

— Благодарю, добрый господинъ.

Это былъ старый церковный сторожъ.

Жанъ Вальжанъ почувствовалъ себя успокоеннымъ, онъ сталъ смѣяться:

«Гдѣ же это я видѣлъ Жавера, — подумалъ онъ. — Неужели у меня помрачилось зрѣніе?» Онъ пересталъ думать объ этомъ.

Нѣсколько дней спустя, когда вечеромъ онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и училъ читать Козетту, онъ услыхалъ, какъ отворили, потомъ затворили дверь лачуги. Это показалось ему страннымъ. Старуха, жившая въ этой лачугѣ, ложилась рано, чтобы долго не жечь свѣчку. Жанъ Вальжанъ сдѣлалъ знакъ Козеттѣ молчать. Онъ слышалъ, какъ кто-то подымается по лѣстницѣ. Конечно, это могла быть старуха, она могла почувствовать нездоровье и пойти къ аптекарю. Жанъ Вальжанъ прислушивался. Шаги были тяжелые, но старуха носила толстые башмаки, а старушечьи шаги чрезвычайно похожи на мужскіе. Все-таки Жанъ Вальжанъ потушилъ свѣчу. Онъ отправилъ Козетту спать, прося ее ложиться, какъ можно тише. Когда онъ цѣловалъ ее въ лобъ, ему показалось, что шаги остановились. Жанъ Вальжанъ сидѣлъ, не двигаясь, на стулѣ, спиной къ двери, затаивъ дыханіе. Черезъ нѣкоторое время, не слыша ничего болѣе, онъ тихонько повернулся и вдругъ увидалъ свѣтъ сквозь замочную скважину. Этотъ свѣтъ былъ похожъ на мрачную звѣзду на черномъ фонѣ двери и стѣны; очевидно, тамъ кто-то былъ и держалъ въ рукѣ свѣчку. Такъ прошло нѣсколько минутъ, наконецъ, свѣтъ исчезъ, но не было слышно шума шаговъ, что, вѣроятно указывало на то, что подслушивающій у дверей снялъ сапоги.

Жанъ Вальжанъ бросился одѣтый на постель и всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. На разсвѣтѣ, задремавъ отъ усталости, онъ былъ разбуженъ скрипомъ отворявшейся двери и мужскими шагами, повидимому, приближавшимися. Онъ соскочилъ съ постели и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ, въ надеждѣ увидать человѣка, вошедшаго ночью въ лачугу и подслушивавшаго у двери. И дѣйствительно, это былъ мужчина, на этотъ разъ онъ прошелъ не останавливаясь около комнаты Жана Вальжана. Коридоръ былъ слишкомъ теменъ, чтобы можно было разобрать его лицо, но когда незнакомецъ спустился по лѣстницѣ, его освѣтилъ лучъ солнца, и Жанъ Вальжанъ хорошо разсмотрѣлъ его сзади. Онъ былъ высокаго роста, на немъ былъ длинный сюртукъ и дубинка подъ мышкой. Это была грозная наружность Жавера.

Жанъ Вальжанъ могъ бы его снова увидать на бульварѣ, но нужно было открыть окно, а онъ не рѣшился. Очевидно, этотъ

человѣкъ вошелъ съ ключомъ, какъ къ себѣ домой, но кто далъ ему ключъ и что все это значило?

Когда въ семь часовъ утра старуха пришла убирать его комнату, Жанъ Вальжанъ пристально посмотрѣлъ на нее, но ничего не спросилъ; перемѣны въ ней онъ никакой не замѣтилъ.

— Вы не слыхали, какъ кто-то входилъ сегодня ночью?—спросила она, подметая полъ.

Въ то время 8 часовъ вечера здѣсь считалось уже ночью.

— Ахъ, да, — сказалъ Жанъ Вальжанъ самымъ натуральнымъ голосомъ, — кто же это былъ?

— Это новый жилецъ, — отвѣтила старуха.

— Какъ его зовутъ?

— Я навѣрно не знаю, Димономъ или Домономъ, что-то въ этомъ родѣ.

— Кто же онъ такой, этотъ г. Домонъ?

Старуха посмотрѣла на него своими хитрыми глазками и сказала:

— Такой же рантье, какъ и вы.

У нея, можетъ-быть, не было никакой задней мысли, но Жанъ Вальжанъ все-таки что-то заподозрилъ. Когда старуха ушла, онъ досталъ сотню франковъ изъ шкапа и сунулъ ихъ въ карманъ. Несмотря на всю осторожность, съ которой это было сдѣлано, у него изъ рукъ выскользнула пятифранковая монета и покатилась на полъ.

Когда стемнѣло, онъ вышелъ на бульваръ и внимательно оглядѣлся кругомъ. На бульварѣ не было ни души, — правда, что за деревьями легко было спрятаться. Жанъ Вальжанъ вернулся.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ Козеттѣ и, взявъ ее за руку, вышелъ вмѣстѣ съ нею.

Книга пятая.—ОХОТА БЕЗЪ ЛАЮЩЕЙ СТАИ.

I.

Стратегическіе извороты.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію разсказа, здѣсь необходимо дать нѣкоторое поясненіе. Вотъ уже много лѣтъ, какъ авторъ этой книги не былъ въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ многое въ Парижѣ измѣнилось. Возникъ новый городъ, незнакомый ему во многихъ отношеніяхъ. Ему нечего распространяться о своей любви къ Парижу. Парижъ его духовная родина. Съ тѣхъ поръ физіономія города измѣнилась, и прежняго Парижа, дорогого сердцу автора, теперь уже нѣтъ. Такъ пусть же ему простятъ, если онъ будетъ говорить объ этомъ прежнемъ Парижѣ, какъ будто онъ еще существуетъ. Возможно, что въ описаніяхъ его будутъ ошибки, но автору не извѣстенъ новый Парижъ, онъ можетъ описывать только старый Парижъ, отдаваясь дорогой ему иллюзіи. Ему пріятно мечтать о томъ, что еще хоть что-нибудь сохранилось въ томъ видѣ, какъ было прежде. Когда живешь въ своемъ родномъ городѣ, не замѣчаешь ни улицъ, ни домовъ, ни деревьевъ, ни мостовыхъ. Они представляются намъ чуждыми и безразличными. Только потомъ, когда мы покидаемъ родныя мѣста, мы замѣчаемъ, что все намъ дорого, что эти крыши, двери, стѣны намъ необходимы, что мы любили эти деревья и дома, что мы неразрывно связаны съ ними тѣснѣйшими узами крови и сердца. Всѣ эти мѣста, которыя мы покинули, и, можетъ-быть, навсегда, имѣютъ для насъ особую грустную прелесть и обаяніе обѣтованной земли, являясь олицетвореніемъ самой Франціи. Мы любимъ ихъ и вызываемъ въ памяти ихъ образъ, столь же дорогой намъ, какъ образъ матери.

Итакъ, авторъ будетъ говорить о прошломъ, какъ о настоящемъ и, предупредивъ объ этомъ читателя, приступаетъ къ дальнѣйшему разсказу.

Жанъ Вальжанъ тотчасъ же свернулъ съ бульвара и пошелъ по улицамъ, стараясь дѣлать какъ можно больше обходовъ, возвращаясь иногда назадъ, чтобы убѣдиться, что за нимъ не слѣдятъ. Такъ травленый олень старается обмануть охотника и собакъ, запутывая свои слѣды. Ночь была лунная, и Жанъ Вальжанъ былъ этому радъ. Полная луна стояла еще невысоко надъ горизонтомъ и рѣзко раздѣляла улицу на двѣ части, свѣтовую и тѣневую. Такимъ образомъ Жанъ Вальжанъ могъ красться въ тѣни вдоль стѣнъ и домовъ и въ то же время наблюдать освѣщенную сторону. Правда, онъ не могъ слѣдить за тѣмъ, что происходило въ тѣни, но все же онъ былъ убѣжденъ, что по пустыннымъ улицамъ, примыкающимъ къ улицѣ Поливо, за нимъ никто не идетъ. Козетта шла молча рядомъ съ нимъ. Въ ея натурѣ было

что-то пассивное, быть-можетъ, благодаря страданіямъ, перенесеннымъ ею за шесть лѣтъ своей жизни, къ тому же она привыкла къ странностямъ этого человѣка и къ разнымъ житейскимъ неожиданностямъ. Кромѣ того, съ нимъ она чувствовала себя въ безопасности.

Жанъ Вальжанъ зналъ не больше Козетты, куда онъ шелъ. Онъ поручилъ себя Богу, и ему казалось, что кто-то другой, сильный и невидимый, ведетъ его за руку. У него не было никакого плана, никакой опредѣленной идеи. Онъ начиналъ даже сомнѣваться, былъ ли то Жаверъ. Если это и былъ Жаверъ, то онъ могъ не узнать Жана Вальжана: онъ былъ переодѣтъ и его считали умершимъ. Но все-таки въ послѣдніе дни происходили вещи, которыя его безпокоили, и онъ рѣшилъ больше не возвращаться въ домъ Горбо. Какъ затравленный звѣрь, онъ старался спрятаться, пока не найдетъ себѣ пристанища. Жанъ Вальжанъ исходилъ въ разныхъ направленіяхъ кварталъ Муфтаръ, погруженный въ сонъ, какъ въ средніе вѣка послѣ ночного обхода. Онъ прибѣгалъ къ разнымъ стратегическимъ ухищреніямъ, проходя по улицамъ Сансье, Копо, Батуаръ-Сенъ-Викторъ и Пюи-Лермитъ. Тамъ были ночлежные дома, но онъ въ нихъ не заходилъ, зная заранѣе, что не найдетъ того, что ему было нужно. Онъ былъ увѣренъ, что если случайно напали на его слѣдъ, то теперь его потеряли. 11 часовъ пробило на церкви Сентъ-Етьенъ-дю-Монъ, когда онъ пересѣкалъ улицу Понтуазъ противъ бюро полицейскаго комиссара, помѣщавшагося въ домѣ № 14. Спустя нѣсколько минутъ онъ инстинктивно оглянулся и ясно увидалъ при свѣтѣ комиссаровскаго фонаря трехъ людей, шедшихъ за нимъ слѣдомъ. Одинъ изъ нихъ углубился въ аллею, ведшую къ дому комиссара. Шедшій впереди показался Жану Вальжану подозрительнымъ.

— Пойдемъ, дитя, — сказалъ онъ Козеттѣ и поспѣшилъ свернуть съ улицы Понтуазъ.

Онъ обошелъ пассажъ Патріарховъ, запертый по случаю поздняго часа, быстро миновалъ улицу Эпе-де-Буи, улицу Арбалетъ и и вышелъ на Почтовую улицу. Тамъ есть переулокъ, въ которомъ теперь помѣщается коллежъ [1]) Роланъ и гдѣ начинается довольно старинная улица Невъ-Сентъ-Женевьевъ. Въ XIII вѣкѣ Почтовая улица была заселена гончарами и ея настоящее названіе было—«Гончарная».

Не прошло и трехъ минутъ, какъ опять появились тѣ же люди. Ихъ было уже четверо, всѣ они были высокаго роста, въ длинныхъ сюртукахъ коричневаго цвѣта, въ круглыхъ шляпахъ и съ палками въ рукахъ. Ихъ высокій ростъ, широкіе кулаки, такъ же какъ и мрачное шествіе въ темнотѣ невольно вселяли опасенія. Можно было сказать, что они напоминали призраковъ, переодѣтыхъ горожанами. Посрединѣ переулка они остановились, какъ бы для совѣщанія; видъ у нихъ былъ нерѣшительный. Одинъ изъ нихъ, повидимому, начальникъ, обернулся и правой рукой указалъ на-

[1]) Гимназія.

правленіе, по которому скрылся Жанъ Вальжанъ, другой же съ нѣкоторымъ упрямствомъ настаивалъ на противоположномъ направленіи. Въ тотъ моментъ, когда первый обернулся, луна освѣтила его лицо, и Жанъ Вальжанъ узналъ Жавера.

II.

Хорошо, что по Аустерлицкому мосту ѣздятъ экипажи.

Неизвѣстность кончилась для Жана Вальжана; къ счастью, она еще продолжалась для этихъ людей. Онъ могъ воспользоваться ихъ нерѣшительностью. Что было для нихъ потеряннымъ временемъ, то для него было выигрышемъ. Онъ вышелъ изъ-за воротъ, подъ которыми притаился, и пошелъ по Почтовой улицѣ по направленію къ Ботаническому саду. Козетта устала, онъ взялъ ее на руки и понесъ. Прохожихъ не было, и фонари не были зажжены, такъ какъ свѣтила луна. Жанъ Вальжанъ ускорилъ шаги и дошелъ до гончарной мастерской Гоблэ, на фасадѣ которой при свѣтѣ луны можно было очень хорошо прочитать старинную вывѣску:

Гобле-сынъ здѣсь фабрикуетъ
Чашекъ, кружекъ образцы,
Онъ и трубами торгуетъ,
Продаетъ и изразцы.

Онъ оставилъ позади себя улицу Ла-Кле, фонтанъ св. Виктора и вдоль Ботаническаго сада добрался до набережной. Здѣсь онъ остановился. Набережная и улицы были пустынны. Никто не шелъ за нимъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе.

Жанъ Вальжанъ достигъ Аустерлицкаго моста. Тамъ еще существовалъ въ то время шлагбаумъ и взимался мостовой сборъ. Онъ вошелъ въ контору сборщика и уплатилъ одинъ су.

— Съ васъ слѣдуетъ два су,—замѣтилъ сборщикъ,—у васъ на рукахъ ребенокъ, который въ состояніи самъ итти, поэтому заплатите за двоихъ.

Онъ заплатилъ, недовольный, что на него обратили вниманіе. Убѣгать нужно такъ, чтобы бѣгства не замѣчали.

Въ одно время съ нимъ проѣзжала черезъ Сену большая повозка. Проходя черезъ мость, онъ старался укрыться въ ея тѣни. У Козетты онѣмѣли ноги, и она пожелала итти. Жанъ Вальжанъ спустилъ ее на землю и взялъ за руку. Перебравшись черезъ мостъ, онъ замѣтилъ вправо отъ себя дровяные склады и поспѣшилъ туда, но для этого нужно было пройти по довольно обширному пространству, открытому и освѣщенному. Онъ не колебался, повидимому, люди, преслѣдовавшіе его, потеряли слѣдъ. Жанъ Вальжанъ считалъ себя въ полной безопасности. Онъ зналъ, что его ищутъ, но думалъ, что за нимъ никто не идетъ. Между двумя дровяными дворами, обнесенными стѣной, тянулась улица Шменъ-Веръ-Сентъ-Антуанъ. Она была узкая, темная и какъ будто нарочно для него создана. Передъ тѣмъ, какъ войти на нее, онъ оглянулся и увидалъ Аустерлицкій мостъ во всю его длину. На мосту только что появились четыре тѣни. Эти тѣни повернулись спиной къ Ботаническому саду и направились къ правому берегу. То были

тѣ же самые четыре человѣка. Жанъ Вальжанъ испытывалъ ужасъ пойманнаго звѣря. Оставалась одна надежда: можетъ-быть, эти люди не взошли еще на мостъ въ то время, когда онъ проходилъ черезъ освѣщенное пространство, держа за руку Козетту, и, слѣдовательно, не видали его. Въ такомъ случаѣ, если ему удастся пройти маленькую улицу и достигнуть дровяныхъ дворовъ, болота, вспаханныхъ и не застроенныхъ мѣстъ, то онъ можетъ спастись. Онъ рѣшился довѣриться этой маленькой безмолвной улицѣ и пошелъ по ней.

III.

Смотри планъ Парижа за 1727 г.

Шаговъ черезъ триста онъ дошелъ до пункта, гдѣ улица раздваивалась, образуя двѣ другихъ: одна шла налѣво, другая направо. Передъ Жаномъ Вальжаномъ были какъ бы двѣ вѣтви Y; которую изъ нихъ выбрать?

Не колеблясь, онъ избралъ правую. Почему? Потому что лѣвая вела къ предмѣстью, а правая въ поле, т.-е. къ пустыннымъ мѣстамъ. Они шли не очень скоро: усталость Козетты заставляла Жана Вальжана замедлять шаги. Онъ взялъ ее опять на руки. Козетта прижалась головой къ его плечу и не промолвила ни слова. Время отъ времени онъ оборачивался и оглядывался. Онъ шелъ, придерживаясь темной стороны. Улица тянулась прямо передъ нимъ. Оглядываясь, онъ ничего не увидалъ, царило полное молчаніе. Онъ продолжалъ свой путь, успокоенный тишиной. Но вдругъ показались какія-то движущіяся тѣни. Жанъ Вальжанъ бросился впередъ въ надеждѣ найти боковой переулокъ, разсчитывая спрятаться и еще разъ сбить ихъ со слѣда. Онъ достигъ стѣны. Эта стѣна не составляла непреодолимаго препятствія для дальнѣйшаго пути. Она окаймляла поперечный переулокъ, къ которому примыкала улица, избранная Жаномъ Вальжаномъ. Опять нужно было рѣшить, куда итти — направо или налѣво. Онъ посмотрѣлъ направо. Улица тянулась между постройками, которыя были не что иное, какъ сараи, амбары, и заканчивалась глухимъ переулкомъ. Основаніе глухого переулка — высокая бѣлая стѣна рѣзко выдѣлялась. Онъ посмотрѣлъ налѣво. Съ этой стороны переулокъ былъ открытъ и приблизительно шаговъ черезъ двѣсти переходилъ въ улицу, вѣтвь которой онъ составлялъ. Вотъ гдѣ было спасеніе! Въ ту минуту, когда Жанъ Вальжанъ хотѣлъ повернуть налѣво, чтобы пробраться на улицу, онъ увидалъ на углу переулка и этой улицы что-то въ родѣ неподвижной черной статуи. Это былъ человѣкъ, который съ намѣреніемъ всталъ тамъ и, загораживая дорогу, ждалъ. Жанъ Вальжанъ попятился назадъ. Та часть Парижа, гдѣ онъ находился, расположенная между предмѣстьями Сентъ-Антуанъ и Рапэ, теперь совершенно преобразована разными новѣйшими постройками; по мнѣнію однихъ, она обезображена, по мнѣнію другихъ, украшена. Обработанныя поля, дровяные склады и старыя постройки исчезли. Появились большія новыя улицы, площади, цирки, ипподромы, вокзалы желѣзныхъ

дорогъ, тюрьма Мазасъ. Какъ мы видимъ, прогрессъ и его исправительное средство. Полвѣка тому назадъ на народномъ языкѣ, вѣрномъ преданіямъ и называвшемъ институтъ «Четырьмя Націями», а Комическую Оперу—«Фейдо», мѣсто, гдѣ теперь находился Жанъ Вальжанъ, называлось «Малый Пикпюсъ». Многіе старые имена, какъ, напр., ворота Сенъ-Жакъ, Парижскія ворота, застава Сержантовъ и т. д. всплываютъ и теперь. Въ памяти народа сохранились всѣ эти остатки прошлаго.

Малый Пикпюсъ, который существовалъ недолго и составлялъ только начало квартала, имѣлъ монастырскій видъ испанскаго города. Проѣзды были плохо замощены, улицы почти что не застроены, за исключеніемъ двухъ или трехъ улицъ, о которыхъ мы будемъ говорить. Не было ни лавокъ, ни экипажей и только коегдѣ въ окнахъ виднѣлись горѣвшія свѣчи. Въ десять часовъ тушились всѣ огни. Встрѣчались сады, монастыри, дровяные дворы, болота, изрѣдка низкіе домики и стѣны, такія же высокія, какъ дома. Вотъ каковъ былъ кварталъ въ прошломъ вѣкѣ [1]). Революція сильно его измѣнила. Республиканское городское управленіе разрушило его, разломало и устроило тамъ складъ для всякаго мусора. Тридцать лѣтъ тому назадъ новыя постройки почти совсѣмъ измѣнили этотъ кварталъ, теперь же отъ него не осталось и слѣда. На новыхъ планахъ Парижа нѣтъ Малаго Пикпюса, но онъ ясно обозначенъ на планѣ 1727 г., изданномъ въ Парижѣ у Дени-Тьери на улицѣ Сенъ-Жакъ, напротивъ улицы Платръ, и въ Ліонѣ у Жана Жирена въ улицѣ Мерсіеръ, Малый Пикпюсъ состоялъ изъ улицъ, напоминавшихъ Y, изъ Шменъ-Веръ-Сентъ-Антуанъ, раздѣленной на двѣ вѣтви. Лѣвая называлась Малой улицей Пикпюса, а правая Полонсо. Обѣ вѣтви V соединялись въ своей вершинѣ, какъ бы перегородкой, улицей Друа-Мюръ. Улица Полонсо тамъ кончалась, а улица Малый Пикпюсъ продолжалась дальше по направленію къ рынку Ленуаръ. Если итти отъ Сены и до конца улицы Полонсо, то налѣво была улица Друа-Мюръ, поворачивавшая подъ уклонъ направо впереди стѣны этой улицы, а налѣво шло продолженіе улицы Друа-Мюръ, безъ выхода, называвшееся Жанротскимъ тупикомъ.

Вотъ гдѣ находился Жанъ Вальжанъ. Какъ мы уже сказали, онъ испугался, увидавъ черный силуэтъ, повидимому, карауливщій на углу улицы Друа-Мюръ и Малаго Пикпюсъ. Больше не оставалось сомнѣнія, этотъ человѣкъ подстерегалъ его.

Что дѣлать?

Нельзя было вернуться назадъ. Вѣроятно, двигавшіеся предметы и были Жаверъ и его спутники. Теперь Жаверъ, навѣрно, находился въ началѣ той улицы, въ концѣ которой былъ Жанъ Вальжанъ. Жаверъ, повидимому, хорошо зналъ мѣстность, поэтому и послалъ впередъ человѣка стеречь выходъ. Эти предположенія, очень близкія къ дѣйствительности, возникли въ измученномъ мозгу Жана Вальжана подобно пыли, подымаемой вѣтромъ. Онъ

---

[1]) То-есть, въ XVIII-мъ. *Прим. ред.*

оглянулся: со стороны тупика Жанро была преграда, а со стороны Малаго Пикпюса стоялъ караулъ. Ясно обрисовывалась эта мрачная черная фигура на бѣлой мостовой, залитой луннымъ свѣтомъ. Итти впередъ значило натолкнуться на этого человѣка, итти назадъ значило встрѣтиться съ Жаверомъ. Жанъ Вальжанъ почувствовалъ себя какъ бы въ сѣтяхъ, которыя медленно стягивались. Онъ посмотрѣлъ на небо въ глубокомъ отчаяніи.

IV.

Побѣгъ ощупью.

Чтобы лучше понять дальнѣйшій ходъ разсказа, надобно какъ можно точнѣе представить себѣ переулокъ Друа-Мюръ и въ особенности тотъ уголъ, который при выходѣ изъ улицы Полонсо и входѣ въ этотъ переулокъ оставался съ лѣвой стороны. Справа переулка Друа-Мюръ вплоть до Малаго Пикпюса шли жалкіе домики, а слѣва тянулось одно только зданіе, состоящее изъ многихъ домиковъ, постепенно повышавшихся на одинъ или на два этажа по мѣрѣ своего приближенія къ Малому Пикпюсу; такимъ образомъ это зданіе было высоко со стороны Малаго Пикюса и довольно низко со стороны улицы Полонсо. У угла, о которомъ мы уже говорили, оно понижалось настолько, что образовало только одну стѣну.

Эта стѣна не примыкала къ улицѣ подъ прямымъ угломъ, а обрисовывала какъ бы срѣзанную часть, скрытую своими двумя углами отъ двухъ наблюдателей, если одинъ находился на улицѣ Полонсо, а другой на улицѣ Друа-Мюръ. Начиная отъ двухъ угловъ срѣзанной части, стѣна тянулась вдоль улицы Полонсо до дома № 49 и вдоль переулка Друа-Мюръ, гдѣ она была гораздо короче, до темнаго зданія, о которомъ мы уже говорили, образуя въ улицѣ входящій уголъ. Это зданіе было довольно мрачнаго вида, имѣло только одно окно или, вѣрнѣе, два ставня, обшитые цинковымъ листомъ и почти всегда закрытые.

Описаніе мѣстности здѣсь очень точное, оно можетъ вызвать въ памяти прежнихъ обитателей квартала ясное представленіе.

Срѣзанная часть была почти вся заполнена чѣмъ-то въ родѣ колоссальныхъ воротъ жалкаго вида. Это было не что иное, какъ безобразное соединеніе перпендикулярныхъ досокъ, при чемъ верхнія были шире нижнихъ, соединенныхъ длинными поперечными желѣзными связками. Рядомъ находились ворота обыкновенныхъ размѣровъ, существовавшія не болѣе пятидесяти лѣтъ. Росшая тутъ липа покрывала своими вѣтвями срѣзанную часть стѣны, обвитой плющомъ со стороны улицы Полонсо.

Подъ вліяніемъ опасности Жанъ Вальжанъ чувствовалъ, что необитаемость и пустынность этого мрачнаго зданія ему нравятся. Онъ быстро окинулъ взглядомъ все окружающее. Ему казалось, что если онъ сумѣетъ проникнуть туда, то будетъ спасенъ. У него появилась надежда.

Въ средней части фасада этого зданія, выходившаго на улицу Друа-Мюръ, почти у всѣхъ оконъ во всѣхъ этажахъ были свинцо-

выя воронки. Разнообразныя развѣтвленія водосточныхъ трубъ, выходящія изъ центральной трубы, шли къ этимъ воронкамъ и напоминали тѣ старинныя виноградныя лозы, которыя обвивали фасады старыхъ фермъ.

Прежде всего Жану Вальжану бросилось въ глаза это странное шпалерное дерево, вѣтви котораго состояли изъ листового желѣза. Онъ посадилъ Козетту на землю около трубы, а самъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ труба достигала мостовой. Можетъ-быть, можно пробраться по ней и проникнуть въ домъ. Но труба была испорчена и едва держалась, кромѣ того, во всѣхъ окнахъ, даже въ мансардѣ крыши, были желѣзныя рѣшетки. Луна освѣщала этотъ фасадъ, такъ что человѣкъ, находившійся въ концѣ этой улицы могъ увидать бѣгство Жана Вальжана. А что дѣлать съ Козеттой, какъ поднять ее на высоту трехъэтажнаго зданія? Онъ оставилъ мысль влѣзть по трубѣ и поползъ вдоль стѣны до ея срѣзанной части, т.-е. до того мѣста, гдѣ онъ оставилъ Козетту. Отсюда его нельзя было видѣть: находясь въ тѣни, онъ былъ хорошо скрытъ. Предъ нимъ было двое воротъ, ихъ, вѣроятно, можно было взломать. Стѣна, надъ которой виднѣлась липа и плющъ, выходила въ садъ; онъ могъ бы тамъ спрятаться и провести ночь.

Время шло, надо было дѣйствовать скорѣй.

Ощупавъ ворота и замѣтивъ, что они заперты, Жанъ Вальжанъ подошелъ къ другимъ воротамъ. Ему казалось возможнымъ пройти черезъ нихъ.

При внимательномъ осмотрѣ онъ замѣтилъ, что это, собственно, были не ворота, такъ какъ у нихъ не было ни петель, ни замковъ, ни скважины посреди. Ихъ поддерживали непрерывныя желѣзныя скрѣпы. Черезъ трещины онъ увидалъ грубо замазанные камни. Онъ съ ужасомъ пришелъ къ заключенію, что эти ворота были не что иное, какъ лицевая сторона строенія. Конечно, можно было оторвать доску, но за ней оказалась бы стѣна.

V.

Что было бы невозможно при газовомъ освѣщеніи.

Вблизи послышался глухой и мѣрный шумъ. Жанъ Вальжанъ рѣшился поглядѣть за уголъ. На улицу Полонсо входилъ взводъ солдатъ изъ 7 или 8 человѣкъ. Виднѣлись штыки, которые приближались.

Солдаты съ Жаверомъ во главѣ подвигались впередъ медленно, съ большой осторожностью, часто останавливаясь. Очевидно, они осматривали всѣ закоулки.

По всѣмъ вѣроятіямъ, это былъ встрѣченный Жаверомъ патруль.

Оба спутника Жавера также находились въ ихъ рядахъ.

Такъ какъ они шли медленно, то имъ нужно было, по крайней мѣрѣ, четверть часа, чтобы дойти до того мѣста, гдѣ находился Жанъ Вальжанъ.

Это была ужасная минута, Жанъ Вальжанъ видѣлъ, что предъ нимъ въ третій разъ раскрывается пропасть. Попасть на каторгу,

значило для него потерять Козетту, слѣдовательно, въ будущемъ его ожидала жизнь, похожая на могилу.

Представлялась только одна возможность спасенія.

Жанъ Вальжанъ отличался особеннымъ свойствомъ; выражаясь образно, у него были какъ бы двѣ сумки; въ одной заключались мысли святого, въ другой—грозныя способности преступника, и онъ, смотря по надобности, пользовался то одной, то другой сумкой.

Онъ пріобрѣлъ удивительную способность подыматься, не пользуясь лѣстницей, а только съ помощью своей мускульной силы, упираясь въ выгибахъ стѣны затылкомъ, плечами, колѣнами. Двадцать лѣтъ тому назадъ изъ Консьержери въ Парижѣ, при помощи такого искусства, бѣжалъ осужденный Баттмоль, чѣмъ доставилъ тюрьмѣ извѣстность.

Жанъ Вальжанъ смѣрилъ глазами вышину стѣны; въ ней было около 18 футовъ. Внутри угла, образуемаго этой стѣной и главнымъ зданіемъ, были сложены камни въ видѣ треугольника. Въ Парижѣ существуетъ обычай такъ заполнять углы. Этотъ каменный треугольникъ имѣлъ 5 футовъ вышины, такъ что разстояніе между нимъ и стѣной было не болѣе 14 футовъ. Наверху стѣна заканчивалась плоскимъ камнемъ. Но какъ поступить съ Козеттой? Козетта не умѣла карабкаться на стѣну. Оставить ее? Объ этомъ Жанъ Вальжанъ и не думалъ. Чтобы подняться на такую вышину, ему нужна была вся его сила. Лишняя ноша помѣшала бы ему. Перемѣстивъ центръ тяжести, она способствовала бы его паденію. Нужна веревка, а у Жана Вальжана ея не было. Гдѣ же найти въ полночь на улицѣ Полонсо веревку? Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ, будь у Жана Вальжана царство, онъ отдалъ бы его за веревку. Въ такихъ крайнихъ положеніяхъ являются часто проблески, которые иногда ведутъ за собой просвѣтлѣніе, иногда же, наоборотъ, затемняютъ умъ. Въ отчаяніи Жанъ Вальжанъ остановилъ свой взглядъ на столбѣ фонаря глухого переулка. Въ то время въ Парижѣ не было газовыхъ рожковъ. Съ наступленіемъ ночи зажигались фонари при помощи веревки, прилаженной къ выемкѣ фонаря. Рогатка, на которую наматывалась веревка, прикрѣплялась подъ фонаремъ въ маленькомъ желѣзномъ шкапу. Ключъ находился у зажигальщика фонаря, сама же веревка помѣщалась въ металлическомъ футлярѣ. Жанъ Вальжанъ съ энергіей крайняго отчаянія быстро прокрался къ фонарю, остреемъ ножа разбилъ замокъ маленькаго шкапа и вернулся къ Козеттѣ съ веревкой. Въ борьбѣ съ рокомъ является на подмогу изобрѣтательность.

Мы уже говорили, что въ эту ночь фонари не были зажжены, въ томъ числѣ и фонарь глухого переулка. Смѣло можно было пройти мимо и его не замѣтить. Поздній часъ, темнота, озабоченность Жана Вальжана, все вмѣстѣ взятое, начинало безпокоить Козетту; всякій другой ребенокъ на ея мѣстѣ давно бы сталъ плакать, она же ограничилась только тѣмъ, что схватила Жана Вальжана за полу сюртука. Все яснѣе и яснѣе раздавался шумъ приближавшагося патруля.

— Отецъ, мнѣ страшно, — тихо промолвила она. — Кто это идетъ?

— Тише,—отвѣтилъ несчастный человѣкъ,—это Тенардьериха.

Козетта испугалась.

— Молчи, я знаю что сдѣлать; если же ты будешь плакать, то Тенардьериха возьметъ тебя; она за нами гонится.

Не спѣша, сохраняя присутствіе духа, несмотря на близость патруля, Жанъ Вальжанъ снялъ галстукъ, обернулъ его вокругъ Козетты, прикрѣпилъ одинъ конецъ при помощи узла, который моряки называютъ ласточкинымъ узломъ, къ веревкѣ, другой же конецъ взялъ въ зубы, снялъ сапоги и чулки, перекинулъ ихъ черезъ стѣну, затѣмъ влѣзъ на каменный треугольникъ и сталъ карабкаться вдоль угла стѣны съ такою увѣренностью, какъ если бы подъ нимъ была лѣстница. Минуты не прошло, какъ онъ уже находился на стѣнѣ.

Козетта, изумленная, не произнесла ни слова. Просьба Жана Вальжана и имя Тенардье подѣйствовали на нее.

Вдругъ она услыхала голосъ Жана Вальжана:

— Прислонись къ стѣнѣ.

Она послушалась.

— Не говори и не бойся,—повторилъ Жанъ Вальжанъ.

Она почувствовала, что ее подымаютъ.

Она не успѣла опомниться, какъ уже находилась на стѣнѣ. Жанъ Вальжанъ схватилъ Козетту и положилъ къ себѣ на спину, лѣвой рукой взялъ ея обѣ руки, легъ ничкомъ и поползъ вдоль стѣны до ея срѣзанной части. Онъ отгадалъ: тамъ находилась постройка, крыша которой, начинаясь у деревяннаго забора, спускалась по наклонной плоскости къ землѣ, слегка задѣвая липу.

Счастливое обстоятельство — съ этой стороны стѣна была гораздо выше, чѣмъ со стороны улицы. Жанъ Вальжанъ увидалъ, что находится высоко надъ землей. Онъ достигъ наклонной плоскости крыши и не покинулъ еще гребня стѣны, какъ услыхалъ шумъ приблизившагося патруля. Слышенъ былъ громкій голосъ Жавера:

— Обыщите тупой переулокъ. Улицу Друа-Мюръ караулятъ такъ же, какъ и улицу Малый Пикпюсъ. Я увѣренъ, что онъ забѣжалъ въ тупикъ.

Жанъ Вальжанъ съ Козеттой по крышѣ добрался до липы и спрыгнулъ на землю. Дѣвочка все время молчала, что объяснялось или страхомъ или же, наоборотъ, храбростью. На рукахъ у нея была содрана кожа.

VI.

Начало загадки.

Жанъ Вальжанъ очутился въ довольно большомъ саду страннаго вида. Это былъ одинъ изъ тѣхъ печальныхъ садовъ, на которые, кажется, можно смотрѣть только зимой и ночью. Садъ имѣлъ продолговатую форму, въ глубинѣ находилась аллея тополей, по угламъ—группы высокоствольныхъ деревьевъ, посреди же совсѣмъ

не было тѣни: стояло одинокое высокое дерево и нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, кривыхъ и колючихъ, какъ хворостъ; тамъ же помѣщались грядки овощей съ дыннымъ парникомъ, стеклянныя рамы котораго сверкали при лунномъ свѣтѣ, и старая сточная яма. Попадались каменныя скамейки, покрытыя мхомъ и казавшіяся черными. Аллеи окаймлялись небольшими кустарниками, прямыми и мрачными. Одна часть была покрыта травой, другая же часть— зеленой плѣсенью. Здѣсь находилось то строеніе, черезъ крышу котораго Жанъ Вальжанъ перелѣзъ, и куча хвороста, за которой помѣщалась статуя съ изувѣченнымъ лицомъ, напоминавшимъ безобразную маску. Строеніе было не что иное, какъ развалины, гдѣ можно было различить разрушенныя комнаты, изъ которыхъ одна, вся заставленная, казалось, служила сараемъ. Главное зданіе переулка Друа-Мюръ, выходившее на улицу Пикпюсъ, развертывало у сада два прямоугольныхъ фасада и съ внутренней стороны имѣло еще болѣе мрачный видъ, чѣмъ съ внѣшней. Всѣ окна, какъ въ тюрьмахъ, были задѣланы рѣшетками. Не видно было свѣта. Тѣнь отъ одного фасада падала на другой, а также и на садъ, наподобіе чернаго покрывала. Не было видно другого дома. Глубина сада скрывалась во мракѣ. Чуть-чуть виднѣлись пересѣкавшіяся стѣны и низкія крыши улицы Полонсо.

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе дикое и пустынное, чѣмъ этотъ садъ. Тамъ никого не было, что, конечно, не казалось страннымъ, такъ какъ часъ былъ поздній. Но даже днемъ, какъ-то не вѣрилось, чтобы въ саду могъ бы кто-нибудь гулять.

Прежде всего Жанъ Вальжанъ отыскалъ сапоги и надѣлъ ихъ, затѣмъ вошелъ съ Козеттой въ сарай. Тому, кто спасается бѣгствомъ, всегда кажется, что онъ недостаточно хорошо спрятался. Ребенокъ, думавшій о Тенардье, раздѣлялъ опасеніе Жана Вальжана и дрожа прижимался къ нему. До нихъ доносился шумъ патруля, обыскивающаго глухой переулокъ, удары ружейныхъ прикладовъ о камни, возгласы Жавера, отдававшаго приказанія. Черезъ четверть часа имъ показалось, что шумъ удаляется. Жанъ Вальжанъ, затаивъ дыханіе, приложилъ руку къ губамъ Козетты. Ихъ окружала такая полная тишина, что даже доносившійся шумъ мало нарушалъ ее. Казалось, что эти стѣны были выстроены изъ тѣхъ нѣмыхъ камней, о которыхъ говорится въ Писаніи. Но вотъ опять среди тишины раздались звуки, на этотъ разъ небесные, невыразимые, полные очарованія. Это былъ гимнъ плѣнительный и гармоническій, нарушившій спокойствіе ночи; раздавались чистые голоса дѣвушекъ и наивные голоса дѣтей; въ нихъ слышалось что-то небесное, они походили на тѣ звуки, которые слышатся новорожденнымъ и умирающимъ. Это пѣніе неслось со стороны мрачнаго зданія. Казалось, что хоръ удалявшихся демоновъ смѣнялся хоромъ приближавшихся ангеловъ.

Козетта и Жанъ Вальжанъ упали на колѣни.

Они забыли, гдѣ они находятся, не понимали, что это такое, но знали оба, и кающійся грѣшникъ и невинный ребенокъ, что должны стоять на колѣняхъ.

Странно было, что, несмотря на эти голоса, зданіе казалось мрачнымъ и пустыннымъ. Казалось, что раздается сверхъестественное пѣніе въ необитаемомъ жилищѣ.

Прислушиваясь къ пѣнію, Жанъ Вальжанъ ни о чемъ не думалъ. Ужъ не ночь его окружала, а голубое небо. Ему мерещилось, что у него появились крылья,—ощущеніе, знакомое каждому изъ насъ. Пѣніе прекратилось. Жанъ Вальжанъ не могъ сказать, долго ли оно продолжалось. Часы экстаза кажутся мгновеніемъ.

Снова все погрузилось во мракъ. Ничего не было видно ни въ саду, ни на улицѣ. Исчезли и угрожавшіе звуки и ободрявшіе, и только вѣтеръ колыхалъ на гребнѣ стѣны сухую траву.

VII.

Продолженіе загадки.

Поднявшійся ночной вѣтерокъ указывалъ на то, что было уже поздно: часъ или два утра. Бѣдная Козетта молча сидѣла рядомъ съ Жанъ Вальжаномъ и, склонивъ къ нему голову, казалось, заснула. Онъ наклонился и пристально посмотрѣлъ на нее. Она не спала; ея широко раскрытые глаза и задумчивый видъ пугали Жана Вальжана.

Козетта все еще дрожала.

— Хочешь спать?—спросилъ Жанъ Вальжанъ.

— Мнѣ очень холодно,—отвѣтила она.

Минуту спустя она продолжала:

— Развѣ она тамъ еще?

— Кто?—спросилъ Жанъ Вальжанъ.

— Госпожа Тенардье.

Жанъ Вальжанъ успѣлъ забыть при помощи какого средства ему удалось заставить молчать Козетту.

— Ахъ,—сказалъ онъ,—она ушла, не бойся ничего.

Ребенокъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Земля была сыра, сарай былъ открытъ со всѣхъ сторонъ, вѣтеръ усиливался.

Старикъ снялъ сюртукъ и закуталъ Козетту.

— И теперь тебѣ холодно?

— Да, отецъ.

— Подожди минуту, я сейчасъ вернусь.

Онъ вышелъ изъ сарая и пошелъ вдоль зданія, отыскивая лучшее убѣжище. Онъ находилъ двери, но онѣ были заперты. Во всѣхъ окнахъ нижняго этажа были рѣшетки.

Когда Жанъ Вальжанъ обошелъ внутренній уголъ зданія, онъ замѣтилъ, что подошелъ къ дугообразнымъ окнамъ, откуда лился свѣтъ. Онъ приподнялся на цыпочкахъ и посмотрѣлъ въ окно. Всѣ окна выходили въ довольно обширную залу, замощенную плитами, пересѣченную аркадами и столбами; въ ней трудно было что-нибудь различить, кромѣ слабаго свѣта и тѣней. Свѣтъ исходилъ отъ ночника, горѣвшаго въ углу. Зала была пустынна, ничто въ ней не двигалось. Вглядываясь пристально, онъ увидалъ на полу что-то, какъ бы покрытое саваномъ и похожее на человѣческую фигуру. Это «что-то» лежало ничкомъ, лицомъ къ камню, руки были

скрещены, весь видъ выражалъ неподвижность смерти. Казалось, что у этой мрачной фигуры была веревка на шеѣ. Полумракъ залы придавалъ еще больше ужаса.

Жанъ Вальжанъ потомъ часто повторялъ, что хотя въ его жизни было много страшныхъ зрѣлищъ, но никогда онъ не встрѣчалъ ничего болѣе леденящаго и мрачнаго, чѣмъ загадочная фигура, связанная неизвѣстно какой тайной съ этой мрачной мѣстностью. Страшно было подумать, что эта фигура была мертва, а еще страшнѣе, что она была жива.

У него хватило храбрости приложиться къ стеклу и наблюдать, двигается ли она. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ довольно долгое время, но распростертая фигура не двигалась.

Кончилось тѣмъ, что Жана Вальжана охватилъ невыразимый ужасъ, и онъ убѣжалъ. Онъ побѣжалъ къ сараю, не смѣя оглянуться; ему казалось, что если онъ обернется, то увидитъ, что за нимъ гонится фигура. Онъ прибѣжалъ къ развалинамъ, задыхаясь, колѣни у него подгибались и выступалъ холодный потъ.

Гдѣ онъ находится? Кто бы могъ себѣ представить, что въ Парижѣ встрѣтится нѣчто подобное, похожее на могилу? Что это за зданіе, полное ночной тайны, гдѣ во мракѣ слышались голоса ангеловъ, призывавшіе души, а потомъ, когда послѣднія шли на призывъ, вдругъ имъ являлось это страшное видѣніе. Сначала какъ бы раскрывалось лучезарное небо, а затѣмъ могила. Но это зданіе имѣло свой нумеръ на улицѣ; слѣдовательно, это не былъ сонъ. Чтобы удостовѣриться, что это дѣйствительность, Жанъ Вальжанъ долженъ былъ потрогать камни.

Холодъ, страхъ, безпокойство, пережитое за этотъ вечеръ волненіе,—все вызывало въ немъ лихорадку, мысли безпорядочно роились въ его мозгу. Онъ подошелъ къ Козеттѣ. Она спала.

VIII.

Загадка усложняется.

Ребенокъ заснулъ, положивъ голову на камень.

Жанъ Вальжанъ сѣлъ рядомъ и сталъ смотрѣть на него. Любуясь дѣвочкой, онъ чувствовалъ, что успокаивается и что опять у него является прежняя ясность ума.

Онъ вполнѣ сознавалъ, что весь смыслъ его жизни въ ней, что для себя лично ему ничего не нужно. Онъ не ощущалъ даже особаго холода, хотя сидѣлъ безъ сюртука, которымъ покрылъ ее.

Изъ мечтательнаго настроенія онъ былъ выведенъ какимъ-то шумомъ, доносившимся изъ сада. Прислушиваясь, Жанъ Вальжанъ нашелъ, что шумъ напоминаетъ неясные звуки колокольчиковъ, которые привѣшиваются къ коровамъ на пастбищѣ.

Онъ оглянулся и увидалъ, что въ саду кто-то есть. Существо, похожее на человѣка, ходило между стеклянными колпаками дынной гряды, нагибалось, вставало, останавливалось, производя правильныя движенія, какъ будто оно что-то тащило и протягивало по землѣ, притомъ оно хромало.

Жанъ Вальжанъ содрогнулся. Несчастнымъ все кажется враждебнымъ и подозрительнымъ. Днемъ они дрожатъ, что ихъ могутъ легко увидать, а ночью, что ихъ могутъ захватить. Вначалѣ Жана Вальжана страшила пустынность, теперь же—присутствіе человѣка.

Онъ перешелъ отъ химерическихъ опасеній къ дѣйствительнымъ. Жаверъ и полицейскіе, вѣроятно, не удалились, они могли разставить на улицѣ людей для наблюденія. Если этотъ человѣкъ его увидитъ, очень возможно, что онъ закричитъ «караулъ» и такимъ образомъ предастъ его. Жанъ Вальжанъ взялъ на руки Козетту и принесъ ее къ грудѣ старой мебели, вышедшей изъ употребленія, находившейся въ самомъ отдаленномъ углу сарая. Козетта не шевельнулась. Оттуда онъ сталъ слѣдить за страннымъ существомъ. Каждое движеніе этого человѣка сопровождалось звукомъ бубенчиковъ: когда онъ приближался, и звукъ приближался, когда онъ удалялся, и звукъ удалялся, и каждый быстрый жестъ сопровождался тремоло, когда же человѣкъ останавливался, звукъ прекращался. Очевидно, бубенчикъ былъ привязанъ къ человѣку. Но что это могло значить? Что это былъ за человѣкъ, которому привѣсили бубенчикъ, какъ барану или быку?

Задавая мысленно эти вопросы, Жанъ Вальжанъ потрогалъ руки Козетты. Онѣ были ледяныя.

— О Боже!—воскликнулъ онъ.

Онъ тихо позвалъ:

— Козетта!

Она не раскрывала глазъ. Онъ сталъ ее трясти. Она не просыпалась. «Не умерла ли она?»—подумалъ онъ. Онъ вскочилъ, дрожа отъ испуга. Въ его мозгу безпорядочно возникали самыя страшныя мысли. Бываютъ моменты, когда самыя ужасныя предположенія, какъ собраніе фурій, овладѣваютъ нашимъ воображеніемъ. Если дѣло идетъ о тѣхъ, кого мы любимъ, то нѣтъ предѣла безумствамъ. Жанъ Вальжанъ вспомнилъ, что сонъ въ холодную ночь на открытомъ воздухѣ можетъ перейти въ смерть.

Козетта лежала у его ногъ, блѣдная, безъ движенія. Онъ прислушивался къ ея дыханію, оно было слабо и, казалось, останавливалось. Что сдѣлать, чтобы согрѣть ее? Какъ ее разбудить? Только объ этомъ онъ думалъ, все остальное для него исчезло. Онъ выбѣжалъ изъ развалинъ внѣ себя.

Во что бы то ни стало нужно было, чтобы менѣе, чѣмъ черезъ четверть часа, Козетта лежала въ постели у огня.

IX.

Человѣкъ съ бубенчикомъ.

Жанъ Вальжанъ вынулъ изъ кармана деньги и пошелъ къ человѣку, котораго видѣлъ въ саду.

Этотъ человѣкъ не замѣтилъ приближенія Жана Вальжана, такъ какъ былъ въ это время съ наклоненной головой. Въ нѣсколько прыжковъ Жанъ Вальжанъ очутился около него и закричалъ:

— Сто франковъ.

Человѣкъ вскочилъ и поднялъ глаза.

— Вы получите сто франковъ, если пріютите меня на эту ночь.

Луна освѣтила испуганное лицо Жана Вальжана.

— Это вы, дядя Мадленъ,—сказалъ человѣкъ.

Жанъ Вальжанъ, удивленный, что услышалъ это имя въ незнакомой мѣстности, ночью, отступилъ назадъ.

Онъ всего ожидалъ, только не этого. Передъ нимъ стоялъ сгорбленный старикъ, одѣтый по-крестьянски. Къ лѣвому колѣну у него былъ привѣшанъ довольно большой бубенчикъ. Лица не было видно, оно было въ тѣни. Старикъ снялъ шапку и закричалъ, дрожа отъ неожиданности:

— Ахъ, Господи! Какъ вы сюда попали? Откуда вы пришли? О Боже! Не упали ли вы съ неба? Это не удивительно, если вы оттуда упали — и въ какомъ вы видѣ? На васъ нѣтъ галстука, нѣтъ шляпы, нѣтъ сюртука. Вы легко могли испугать того, кто васъ не знаетъ. Безъ сюртука! О Боже! Неужели святые становятся теперь сумасшедшими. Но какъ вы вошли сюда?!

Вопросы такъ и сыпались, въ нихъ проглядывала смѣсь наивности, добродушія и изумленія и ничего не было угрожающаго.

— Кто вы, и что это за домъ?—спросилъ Жанъ Вальжанъ.

— Вотъ такъ хорошо!—воскликнулъ старикъ.—Развѣ я не тотъ, котораго вы же помѣстили сюда, а этотъ домъ—развѣ не тотъ, куда вы меня помѣстили? Какъ, вы меня даже не узнаете!

— Нѣтъ,—сказалъ Жанъ Вальжанъ.—А почему вы меня знаете?

— Вы мнѣ спасли жизнь,—сказалъ старикъ.

Онъ повернулся, свѣтъ луны освѣтилъ его профиль, и Жанъ Вальжанъ узналъ стараго Фошлевана.

— А, это вы?! Я васъ только теперь узналъ.

— Какое счастіе!—воскликнулъ старикъ съ упрекомъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Вотъ вопросъ! Я покрываю дыни.

Дѣйствительно, старикъ держалъ въ рукахъ рогожку, которой собирался покрыть дынную грядку. Онъ успѣлъ въ продолженіе часа положить нѣсколько рогожекъ; это занятіе и заставляло его дѣлать тѣ странныя движенія, которыя удивляли Жана Вальжана.

Онъ продолжалъ:

— Я замѣтилъ, что луна ясна, значитъ будетъ морозъ, нужно покрыть дыни. А вотъ вамъ,—прибавилъ онъ со смѣхомъ,—тоже бы слѣдовало чѣмъ-нибудь покрыться. Но какъ вы сюда попали?

Увидавъ, что старикъ знаетъ его, хотя и подъ именемъ Мадлена, Жанъ Вальжанъ осторожно приблизился къ нему и въ свою очередь сталъ задавать вопросы. Роли какъ бы перемѣнились.

— Что это у васъ за бубенчикъ?

— Это,—отвѣтилъ Фошлеванъ,—сдѣлано для того, чтобы меня избѣгали.

— Какъ, чтобы васъ избѣгали?!

Старикъ Фошлеванъ подмигнулъ глазомъ со страннымъ выраженіемъ.

— Въ этомъ домѣ только однѣ женщины, много молодыхъ дѣвушекъ. Должно-быть, опасно меня встрѣчать. Бубенчикъ предупреждаетъ ихъ о моемъ появленіи: когда я подхожу, онѣ уходятъ

— Что это за домъ?

— Вы, навѣрно, знаете.

— Нѣтъ, я не знаю.

— Вѣдь вы же меня сюда помѣстили.

— Отвѣчайте мнѣ, предположите, что я ничего не знаю.

— Хорошо, это Мало-Пикпюсскій монастырь.

Наконецъ Жанъ Вальжанъ сталъ припоминать. Случай, т.-е. Провидѣніе привело его въ монастырь Сентъ-Антуанскаго квартала, куда два года тому назадъ по его рекомендаціи приняли старика Фошлевана, изувѣченнаго паденіемъ телѣги.

— Монастырь!

— Перейдемъ, однако, къ дѣлу,—возразилъ Фошлеванъ.—Какъ вы сюда вошли, дядя Мадленъ? Очень вѣроятно, что вы святой, но все же вы мужчина, а ихъ сюда не пускаютъ.

— Однако вы же сами здѣсь.

— Здѣсь только я одинъ мужчина.

— Между тѣмъ мнѣ необходимо здѣсь остаться.

— О Господи!—воскликнулъ Фошлеванъ.

Жанъ Вальжанъ подошелъ къ старику и сказалъ ему серьезно:

— Дядя Фошлеванъ, я вамъ спасъ жизнь.

— Я первый вспомнилъ объ этомъ,—отвѣтилъ старикъ.

— Хорошо же, теперь вы можете отплатить мнѣ тѣмъ же.

Фошлеванъ схватилъ своими старческими сморщенными руками сильныя руки Жана Вальжана и нѣсколько минутъ не въ силахъ былъ произнести ни слова. Наконецъ онъ воскликнулъ:

— О, это было бы благословеніе Господа Бога, если бы я могъ что-нибудь сдѣлать для васъ, спасти вамъ жизнь. Господинъ мэръ, располагайте мной!

Искренняя радость преобразила старика. Лицо его засіяло.

— Что мнѣ нужно дѣлать?—спросилъ онъ.

— Я вамъ объясню. Есть ли у васъ комната?

— У меня есть уединенный баракъ за развалинами стараго монастыря, въ такомъ закоулкѣ, гдѣ его не видно. Въ немъ три комнаты.

Дѣйствительно, баракъ былъ такъ хорошо спрятанъ за развалинами, что Жанъ Вальжанъ его не замѣтилъ.

— Хорошо,—сказалъ Жанъ Вальжанъ,—теперь я васъ попрошу о двухъ вещахъ.

— О какихъ, господинъ мэръ?

— Во-первыхъ, вы не будете разсказывать обо мнѣ, во-вторыхъ, не будете разспрашивать меня.

— Какъ вамъ угодно. Я знаю, что всѣ ваши поступки честны и что вы святой человѣкъ. Къ тому же вы меня сюда помѣстили. Я весь вашъ.

— Хорошо, теперь пойдемте со мною. Надо взять ребенка.

— А!—сказалъ Фошлеванъ,—съ вами ребенокъ?

Онъ ничего больше не прибавилъ и пошелъ за Жаномъ Вальжаномъ, какъ собака идетъ за хозяиномъ.

Черезъ полчаса Козетта спала въ постели стараго садовника. Огонь согрѣлъ ее и вызвалъ румянецъ на ея щечкахъ.

Жанъ Вальжанъ надѣлъ сюртукъ и галстукъ. Шляпа, переброшенная черезъ стѣну, была найдена и поднята; пока Жанъ Вальжанъ надѣвалъ сюртукъ, Фошлеванъ снялъ бубенчикъ и повѣсилъ его на гвоздь, вбитый въ стѣну около колпака надъ очагомъ. Они грѣлись у огня, облокотясь на столъ. Фошлеванъ принесъ кусокъ сыра, ситный хлѣбъ, бутылку вина и два стакана. Старикъ обратился къ Жану Вальжану и положилъ руки на его колѣна:

— Ахъ, дядя Мадленъ! Вы меня даже не сразу узнали. Вы спасаете жизнь людямъ, а потомъ ихъ забываете,—это нехорошо. А они вотъ васъ помнятъ. Нѣтъ, вы—неблагодарный.

X.

Какимъ образомъ Жаверъ остался съ носомъ.

Событія, обратную сторону которыхъ мы видѣли, произошли при самыхъ простыхъ условіяхъ.

Когда Жанъ Вальжанъ, арестованный Жаверомъ въ день смерти Фантины, убѣжалъ изъ монтрёйльской тюрьмы, то полиція такъ и думала, что онъ направился въ Парижъ. Парижъ—водоворотъ, въ которомъ все теряется. Все исчезаетъ въ этомъ міровомъ фокусѣ, какъ въ фокусѣ морскомъ. Ни одинъ лѣсъ не спрячетъ такъ хорошо человѣка, какъ толпа. Бѣглецы всѣхъ сортовъ знаютъ это. Они стремятся въ Парижъ, такъ какъ онъ ихъ поглощаетъ,—въ этомъ и заключается ихъ спасеніе. Полиція тоже знаетъ это и поэтому ищетъ въ Парижѣ то, что потеряла въ другомъ мѣстѣ. Такъ она искала въ Парижѣ бывшаго мэра города Монтрейля.

Жавера вызвали въ Парижъ, чтобы ускорить розыскъ бѣглеца. Дѣйствительно, онъ помогъ поймать Жана Вальжана. Рвеніе, сообразительность Жавера были замѣчены г. Шабулье, секретаремъ префектуры при графѣ д'Англэ. Шабулье, который и прежде протежировалъ Жаверу, перевелъ его въ штатъ парижской полиціи. Тамъ во многихъ отношеніяхъ Жаверъ могъ сдѣлаться полезнымъ.

Онъ уже больше не думалъ о Жанѣ Вальжанѣ. Ищейки, находящіяся всегда въ погонѣ, забываютъ вчерашняго волка изъ-за сегодняшняго. Въ декабрѣ 1823 г. Жаверъ просматривалъ газеты; обыкновенно онъ ихъ никогда не читалъ, но на этотъ разъ онъ, какъ монархистъ, захотѣлъ узнать всѣ подробности торжественнаго въѣзда принца-генералиссимуса въ Байонну. Вдругъ въ концѣ страницы ему бросилось въ глаза имя Жана Вальжана. Газета сообщала, что умеръ преступникъ Жанъ Вальжанъ; объ этомъ сообщалось до такой степени офиціально, что Жаверъ уже болѣе не сомнѣвался. Сказавъ: «Изъ этого острога ужъ не убѣжишь», онъ оставилъ газету и пересталъ думать о прочитанномъ.

Спустя нѣкоторое время префектурой Сены и Уазы была переслана въ Парижскую полицейскую префектуру выписка о похищеніи ребенка, происшедшемъ въ Монфермейльской общинѣ при особенныхъ обстоятельствахъ. Въ ней сообщалось, что дѣвочка семи или восьми лѣтъ, порученная матерью содержателю гостиницы, была похищена неизвѣстнымъ человѣкомъ. Дѣвочка называлась Козеттой и была дочерью одной незамужней, умершей въ какой-то больницѣ, неизвѣстно гдѣ и когда. Эту незамужнюю звали Фантиной. Прочитавъ выписку, Жаверъ задумался.

Имя Фантины ему было хорошо знакомо. Онъ помнилъ, какъ одинъ разъ насмѣшилъ его Жанъ Вальжанъ, когда попросилъ у него трехдневной отсрочки для розыска ребенка этой твари. Жанъ Вальжанъ былъ арестованъ въ Парижѣ во время своей поѣздки въ Монфермейль. Былъ поводъ думать, что онъ ѣздилъ туда уже во второй разъ; вѣроятно, наканунѣ онъ также былъ въ окрестностяхъ этой деревни, такъ какъ въ самой деревнѣ его не видали. Что онъ дѣлалъ въ Монфермейлѣ? Это трудно было отгадать. Теперь Жаверъ понялъ. Тамъ находилась дочь Фантины, Жанъ Вальжанъ ѣздилъ за ней. Эта дѣвочка похищена какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ. Не былъ ли имъ Жанъ Вальжанъ? Но Жанъ Вальжанъ умеръ. Не говоря никому ни слова, Жаверъ сѣлъ въ повозку въ глухомъ переулкѣ Планшетъ и поѣхалъ въ Монфермейль.

Тамъ онъ разсчитывалъ найти разъясненіе загадки, но нашелъ еще бо̀льшую путаницу.

Первые дни Тенардье, раздраженные, разсказывали всѣмъ о похищеніи. Исчезновеніе Жаворонка надѣлало въ деревнѣ шума. Сейчасъ же появились различныя версіи исторіи, закончившейся похищеніемъ ребенка. Вотъ на основаніи чего появилась полицейская выписка. Но когда волненіе улеглось, Тенардье со своимъ удивительнымъ инстинктомъ скоро понялъ, что небезопасно тревожить господина королевскаго прокурора и лучше прекратить разговоры о похищеніи, такъ какъ они могутъ обратить вниманіе полиціи на него, на его темныя дѣла. Совы больше всего боятся свѣта и поэтому не хотятъ, чтобы приносили свѣчу. Напримѣръ, какъ онъ объяснитъ полученіе 1500 франковъ? Онъ быстро перемѣнилъ тактику и велѣлъ женѣ слѣдовать своему примѣру: когда его разспрашивали о похищеніи ребенка, онъ притворялся удивленнымъ и ничего не понимающимъ. Очень можетъ быть, что въ первую минуту онъ жаловался, что такъ скоро увезли дѣвочку, онъ такъ ее любилъ, что желалъ бы еще хоть три дня имѣть ее у себя, но нечего было дѣлать, вѣдь за нею пріѣзжалъ ея дѣдушка. Онъ выдумалъ дѣдушку, что внушало довѣріе. Когда Жаверъ пріѣхалъ въ Монфермейль, онъ услыхалъ именно эту версію. Дѣдушка устранялъ Жана Вальжана.

Жаверъ задалъ нѣсколько вопросовъ, зондируя почву: какъ зовутъ дѣдушку, кто онъ такой?—Тенардье просто отвѣчалъ:—Это богатый земледѣлецъ, я видѣлъ его паспортъ. Кажется, его зовутъ Вильямъ Ламберъ.

Ламберъ почтенное имя, вселяющее довѣріе. Жаверъ вернулся въ Парижъ.

«Жанъ Вальжанъ, несомнѣнно, умеръ. Я глупецъ».

Онъ сталъ понемногу забывать эту исторію, какъ вдругъ въ мартѣ 1824 г. онъ услыхалъ разсказы о какомъ-то странномъ субъектѣ, живущемъ въ кварталѣ Сенъ-Медаръ. Его называли нищимъ, подающимъ другимъ милостыню, и считали рантье, но никто не зналъ его имени. Знали только, что онъ живетъ съ восьмилѣтней дѣвочкой, которая помнитъ только, что они пришли изъ Монфермейля. Опять это названіе: оно заставило Жавера насторожиться. Старый нищій, бывшій церковный сторожъ, получавшій милостыню отъ Жана Вальжана, далъ Жаверу болѣе подробныя свѣдѣнія.

— Этотъ рантье довольно угрюмъ, выходитъ изъ дома только вечеромъ, ни съ кѣмъ не говоритъ, за исключеніемъ бѣдныхъ, и не любитъ, чтобы къ нему приходили. Онъ носитъ безобразный желтый сюртукъ, стоимостью, вѣроятно, въ нѣсколько милліоновъ, такъ какъ онъ весь состоитъ изъ банковыхъ билетовъ, зашитыхъ въ немъ.

Это сообщеніе еще болѣе затронуло любопытство Жавера. Чтобы имѣть возможность близко видѣть фантастическаго рантье, не пугая его, Жаверъ взялъ у церковнаго сторожа старое платье и, переодѣвшись, занялъ его мѣсто. Подражая ему, онъ напѣвалъ молитвы и въ то же время зорко слѣдилъ за всѣми.

Наконецъ подозрительный индивидуумъ подошелъ къ переодѣтому Жаверу и подалъ ему милостыню. Въ этотъ моментъ Жаверъ поднялъ голову и, какъ ему показалось, узналъ Жана Вальжана. Но вѣдь онъ могъ и ошибиться, развѣ не было офиціальнаго сообщенія о смерти Жана Вальжана? Сомнѣнія опять овладѣли Жаверомъ, а въ такихъ случаяхъ онъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, никогда никого не арестовывалъ.

Жаверъ послѣдовалъ за Жаномъ Вальжаномъ до дома Горбо. Тамъ ему удалось разспросить старуху. Она подтвердила слухъ о сюртукѣ съ зашитыми банковыми билетами, разсказавъ о видѣнномъ ею билетѣ въ тысячу франковъ. Вѣдь она сама видѣла, даже трогала его. Жаверъ нанялъ комнату и въ тотъ же вечеръ переѣхалъ. Онъ подкрался къ двери таинственнаго жильца, но Жанъ Вальжанъ сквозь замочную скважину замѣтилъ свѣчу и обманулъ ожиданія шпіона, не произнеся ни слова.

На слѣдующее утро Жанъ Вальжанъ, собираясь покинуть свое жилище, уронилъ пятифранковую монету, что привлекло вниманіе старухи. Она разсказала объ этомъ Жаверу. Послѣдній съ двумя помощниками ждалъ ночью Жана Вальжана, спрятавшись за деревьями бульвара.

Жаверъ попросилъ въ префектурѣ дать ему вооруженную помощь, но не назвалъ имени субъекта, котораго намѣревался схватить. Это была его тайна, которой онъ не открывалъ по тремъ причинамъ: во-первыхъ, потому что малѣйшая болтливость могла заставить Жана Вальжана насторожиться; во-вторыхъ, Жавръ боялся, что у него отнимутъ его каторжника, такъ какъ арестъ

стараго бѣглаго преступника, считавшагося умершимъ и классифицированнаго среди самыхъ опасныхъ злодѣевъ, былъ бы блестящимъ успѣхомъ, и старые служаки парижской полиціи едва ли согласились бы уступить его Жаверу; въ-третьихъ, Жаверъ, какъ артистъ, ненавидѣлъ успѣхи предсказанные, о которыхъ заранѣе много говорится: это отнимало у нихъ прелесть новизны. Онъ тихонько обрабатывалъ свои великія дѣла, чтобы потомъ неожиданно объявить о нихъ.

Жаверъ ни на минуту не терялъ Жана Вальжана изъ вида, онъ все время слѣдилъ за нимъ, даже и тогда, когда Жанъ Вальжанъ думалъ, что онъ въ безопасности.

Но почему Жаверъ не арестовалъ Жана Вальжана? Потому что онъ все еще сомнѣвался.

Какъ разъ въ эту эпоху полиція чувствовала себя стѣсненной,—ее припугнула независимая печать. Было разоблачено нѣсколько произвольныхъ арестовъ и доведено до свѣдѣнія палатъ, что не нравилось префектурѣ. Посягать на свободу личности считалось опаснымъ дѣломъ. Агенты боялись ошибиться, префектъ съ нихъ взыскивалъ, заблужденіе могло вызвать отрѣшеніе отъ должности. Какой шумъ поднялся бы въ Парижѣ изъ-за слѣдующей замѣтки, которую перепечатали бы многія газеты: «Вчера былъ арестованъ, какъ бѣглый каторжникъ, и привезенъ въ депо префектуры старый дѣдушка, убѣленный сѣдинами, почтенный рантье, гулявшій съ восьмилѣтней внучкой».

Кромѣ того, Жаверъ отличался большой щепетильностью, требованія его совѣсти согласовались съ наставленіями префекта. Онъ, дѣйствительно, сомнѣвался.

Жанъ Вальжанъ шелъ, повернувъ къ нему спину. Печаль, безпокойство, боязнь, усталость, это новое несчастіе, заставившее его бѣжать ночью и искать въ Парижѣ убѣжище для себя и для Козетты, необходимость соразмѣрять свои шаги съ шагами ребенка,—все это вмѣстѣ взятое до такой степени измѣнило его походку и придало ему такой дряхлый видъ, что даже полиція, олицетворенная Жаверомъ, ошиблась, не тутъ же узнала его. Невозможность подойти ближе, костюмъ стараго эмигранта-наставника, объясненія Тенардье, превратившія Жана Вальжана въ дѣдушку, наконецъ, удостовѣреніе объ его смерти еще болѣе усиливали сомнѣнія Жавера. У него явилось желаніе потребовать у Жана Вальжана бумаги. Но если этотъ субъектъ не Жанъ Вальжанъ и не старый почтенный рантье, то весьма вѣроятно, что это глава опасной банды, замѣшанной во многихъ парижскихъ преступленіяхъ. Онъ подавалъ милостыню, чтобы скрыть свои другіе таланты.

«Старая уловка. У него, навѣрно, есть соучастники, заранѣе приготовленныя квартиры на случай надобности, гдѣ онъ всегда могъ бы укрыться. Обходы, дѣлаемые имъ на улицахъ, указываютъ, что это не простой старичокъ. Слишкомъ скоро арестовать его, не значило ли бы «убить курицу, несущую золотыя яйца». Почему не подождать? Жаверъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Жанъ Вальжанъ отъ него не ускользнетъ.

Жаверъ шелъ смущенный, задавая себѣ рядъ вопросовъ относительно этого загадочнаго субъекта. И только уже потомъ, на улицѣ Полонсо, при яркомъ освѣщеніи кабака онъ окончательно узналъ Жана Вальжана.

На этомъ свѣтѣ только два существа испытываютъ одинаково сильное потрясеніе: мать, нашедшая своего ребенка, и тигръ, поймавшій добычу. Жаверъ испытывалъ это чувство.

Когда онъ окончательно убѣдился, что передъ нимъ Жанъ Вальжанъ, опасный преступникъ, онъ отправился къ полицейскому комиссару улицы Полонсо за подкрѣпленіемъ. Прежде чѣмъ дотронуться до вѣтви терновника, надѣваютъ перчатки.

Это промедленіе и остановка въ переулкѣ Роланъ для совѣщанія съ агентами едва не заставили Жавера потерять слѣдъ. Онъ живо сообразилъ, что Жанъ Вальжанъ, вѣроятно, пожелаетъ перейти черезъ рѣку. Жаверъ глубоко задумался и наклонилъ голову, какъ ищейка, которая нюхаетъ землю, чтобы направиться по вѣрному слѣду. Подъ вліяніемъ вѣрнаго инстинкта Жаверъ отправился къ Аустерлицкому мосту и спросилъ сборщика мостовой пошлины:

— Не видали ли вы господина съ дѣвочкой?

— Да, я заставилъ его заплатить два су,—отвѣчалъ сборщикъ.

Жаверъ подошелъ къ мосту во-время, ему удалось увидать, какъ Жанъ Вальжанъ и Козетта шли черезъ освѣщенное луной пространство. Онъ видѣлъ, что они вошли въ улицу Шеменъ-Веръ-Сентъ-Антуанъ и тутъ же подумалъ, что тупикъ Жанро можетъ служить западней, такъ какъ существуетъ только одинъ выходъ изъ улицы Друа-Мюръ на улицу Малый Пикпюсъ. Онъ забѣжалъ впередъ, выражаясь языкомъ охотниковъ, пославъ окольной дорогой агента сторожить этотъ выходъ. На свой постъ въ арсеналъ возвращался въ это время патруль, Жаверъ подозвалъ его и попросилъ слѣдовать за собой. При такой игрѣ солдаты являются козырями. Существуетъ правило, что для того, чтобы убить кабана, надо обладать искусствомъ охотника и силой собаки. Принявъ всѣ эти предосторожности, Жаверъ успокоился и понюхалъ табаку. Онъ считалъ, что Жанъ Вальжанъ со всѣхъ сторонъ окруженъ, такъ какъ справа находится тупой переулокъ Жанро, слѣва—агентъ, а сзади—онъ самъ. Жаверъ принялся за слѣдующую игру, при чемъ испытывалъ адскую радость: онъ предоставлялъ Жану Вальжану временную свободу итти впередъ, зная, что онъ у него въ рукахъ, отодвигая по возможности моментъ ареста. Ему доставляло удовольствіе видѣть, что Жанъ Вальжанъ свободенъ, и въ то же время знать, что онъ въ его власти. Онъ напоминалъ паука, который, окидывая муху сладострастнымъ взглядомъ, позволяетъ ей летать, и кошку, которая играетъ съ мышью, заставляя ее бѣгать. Когти ощущаютъ чудовищную радость, чувствуя трепетаніе животнаго. Какое наслажденіе душить! Жаверъ радовался. Его сѣть, кажется, затягивалась; онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, ему оставалось только сдѣлать последнее усиліе.

Какъ бы ни былъ силенъ и энергиченъ Жанъ Вальжанъ, какъ бы ни было велико его отчаяніе, онъ не могъ сопротивляться, такъ какъ сила была на сторонѣ Жавера. Послѣдній подвигался впередъ медленно, обыскивая всѣ закоулки улицы, словно карманы у вора. Но когда онъ подошелъ къ самому центру паутины,—мухи тамъ не оказалось. Легко вообразить его раздраженіе. Жаверъ спросилъ агента, наблюдавшаго за улицами Друа-Мюръ и Пикпюсъ, не видалъ ли онъ Жана Вальжана. Иногда случается, что загнанный олень, преслѣдуемый цѣлой сворой собакъ, вдругъ убѣгаетъ, и тогда охотники не знаютъ, что сказать. Дювивье, Лильивиль, Депре не знаютъ, что отвѣтить. При подобной неудачѣ Артонжъ воскликнулъ: «Это не олень, а колдунъ!»

Жаверъ охотно бы повторилъ этотъ возгласъ. Въ его разочарованіи ярость смѣшивалась съ отчаяніемъ. Несомнѣнно, что Наполеонъ дѣлалъ ошибки въ русскую войну, Александръ—въ индійскую, Цезарь — въ африканскую, Киръ — въ скиѳскую войну, а Жаверъ дѣлалъ ошибки, преслѣдуя Жана Вальжана. Напрасно онъ поколебался признать бывшаго каторжника, одного взгляда было бы достаточно; напрасно не арестовалъ онъ его въ домѣ или позже на улицѣ Понтуазъ, когда окончательно узналъ его, напрасно совѣщался со своими агентами въ переулкѣ Роланъ при лунномъ свѣтѣ. Обмѣнъ мнѣній, конечно, полезенъ и было бы полезно узнать мнѣніе хорошо обученныхъ ищеекъ, но охотнику надо быть крайне осторожнымъ, когда онъ преслѣдуетъ такихъ безпокойныхъ животныхъ, какъ волкъ и каторжникъ. Жаверъ заботился слишкомъ усердно о томъ, чтобы его ищейки шли по вѣрному слѣду, онъ испугалъ звѣря, который, почуя за собой свору собакъ, убѣжалъ. Но еще больше ошибся Жаверъ, когда, найдя слѣдъ на Аустерлицкомъ мосту, сталъ играть въ опасную игру, желая удержать такого человѣка, какъ Жанъ Вальжанъ, на концѣ нитки. Онъ считалъ себя сильнѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, когда, думая играть съ мышью, игралъ со львомъ и, наоборотъ, слабѣе, когда ему показалось нужнымъ взять подкрѣпленіе. Хотя Жаверъ совершилъ всѣ эти ошибки, онъ все же считался однимъ изъ самыхъ знающихъ и самыхъ исполнительныхъ сыщиковъ. Онъ былъ, выражаясь словами охотника, «умной собакой». Но развѣ есть совершенство на свѣтѣ? Великіе стратеги часто дѣлаютъ промахи—и пребольшіе.

Большія глупости часто получаются изъ соединенія разныхъ мелочей. Возьмите въ канатѣ нить за нитью, вы ихъ легко разорвете и скажете: «Только-то всего», соедините ихъ и свейте,—это сила, это Аттила, колеблющійся между Марціаломъ на востокѣ и Валентиніаномъ на западѣ, это Аннибалъ, застрявшій въ Капуѣ; это Дантонъ, засыпающій въ Арсисѣ-сюръ-Объ.

Какъ бы то ни было, но въ тотъ моментъ, когда Жаверъ увидалъ, что Жанъ Вальжанъ убѣжалъ, онъ не растерялся. Увѣренный, что бѣжавшій каторжникъ не могъ уйти далеко, онъ разставилъ стражу, устроилъ западни и засады и всю ночь сторожилъ кварталъ. Прежде всего онъ замѣтилъ безпорядокъ: у фо-

наря была разрѣзана веревка—драгоцѣнное указаніе, приведшее его, однако, въ заблужденіе и заставившее его направить всѣ поиски на Жанротскій тупикъ. Въ этомъ глухомъ переулкѣ довольно низкія стѣны выходятъ въ садъ, ограда котораго примыкаетъ къ обширнымъ пространствамъ подъ паромъ. Вѣроятно, Жанъ Вальжанъ скрылся тамъ; если бы сыщикъ проникъ туда немного раньше, преступникъ былъ бы схваченъ. Жаверъ тщательно обыскалъ все это мѣсто, какъ будто искалъ иголку. На разсвѣтѣ онъ поставилъ тамъ двухъ смѣтливыхъ агентовъ, а самъ пошелъ въ полицейскую префектуру, смущенный, какъ сыщикъ, котораго сумѣлъ провести воръ.

Книга шестая.—МАЛЫЙ ПИКПЮСЪ.

I.

Улица Малый Пикпюсъ, № 62.

Полвѣка тому назадъ ворота № 62 улицы Малой Пикпюсъ были похожи на обыкновенныя ворота. Эти ворота по большей части были гостепріимно растворены, за ними виднѣлись дворъ, окруженный стѣнами, обвитыми виноградомъ, и физіономія празднаго привратника. Когда лучъ солнца освѣщалъ дворъ, а стаканъ вина развеселялъ привратника, трудно было пройти мимо № 62 на Маломъ Пикпюсѣ и не унести съ собой веселаго впечатлѣнія. Между тѣмъ это было мрачное мѣсто. Порогъ улыбался, а въ домѣ молились и плакали. Если вамъ удавалось пройти мимо привратника, что было трудно, почти невозможно, такъ какъ здѣсь существовалъ настоящій *Сезамъ раскройся*, то, идя направо, вы попадали въ сѣни съ лѣстницей, сдавленной между двумя стѣнами и до того узкой, что по ней могъ подняться только одинъ человѣкъ. Если лѣстница, окрашенная желтой краской съ шоколаднымъ плинтусомъ, васъ не пугала и вы рѣшались подняться по ней, то, пройдя первую площадку, затѣмъ вторую, вы попадали въ коридоръ перваго этажа. Коридоръ и лѣстница освѣщались двумя большими окнами. Коридоръ дѣлалъ поворотъ и становился темнымъ. Черезъ нѣсколько шаговъ вы подходили къ незапертой и отъ этого еще болѣе таинственной двери; толкнувъ ее, вы вступали въ маленькую комнату въ шесть квадратныхъ футовъ, выстланную плитами, вымытую, чистую, холодную, оклеенную бумажными обоями съ зелеными цвѣточками (15 су кусокъ). Блѣдный матовый свѣтъ проникалъ черезъ большое окно, занимавшее почти всю ширину комнаты. Сколько бы вы ни смотрѣли, вы бы никого не увидали, и сколько бы ни прислушивались, вы бы никого не услыхали. Стѣны были голы, въ комнатѣ никакой мебели, ни одного стула. При болѣе внимательномъ осмотрѣ въ стѣнѣ напротивъ двери можно было замѣтить четырехугольное отверстіе въ квадратный футъ, задѣланное желѣзной рѣшеткой съ пересѣкающимися черными крѣпкими перекладинами, образующими квадраты, вѣрнѣе—петли, діагональ которыхъ равняется $1^1/_2$ дюймамъ. Маленькіе зеленые цвѣточки обоевъ спокойно и въ порядкѣ достигали этихъ перекладинъ, не смущаясь такимъ мрачнымъ сосѣдствомъ. Если возможно предположить, что найдется живое существо, столь идеально тонкое, что оно могло бы пролѣзть и выйти изъ этого квадратнаго отверстія, то рѣшетка помѣшала бы ему, она не позволила бы пройти тѣлу, а только духу. Кажется, это предвидѣли и за рѣшеткой помѣстили жестяную пластинку, вдѣланную въ стѣну и испещренную микроскопическими отверстіями

мельче тѣхъ, какія бываютъ въ шумовкѣ. Внизу имѣлось отверстіе, какъ у почтоваго ящика. Шнурокъ, прикрѣпленный къ звонку, висѣлъ направо отъ рѣшетчатаго отверстія. Если бы вы дернули за шнурокъ, то раздался бы звонокъ и близко послышался бы голосъ, что невольно заставило бы васъ вздрогнуть.

— Кто тамъ?—говорилъ голосъ.

Это женскій голосъ, нѣжный, до такой степени нѣжный, что казался печальнымъ. Здѣсь также надо было знать магическое слово. Если вы его не знали, то голосъ умолкалъ и опять все погружалось въ безмолвіе, напоминавшее мракъ могилы. Если же вы знали слово—голосъ говорилъ:

— Войдите направо.

Направо, противъ окна находилась стеклянная дверь, окрашенная въ сѣрую краску. Отворивъ ее, вамъ казалось, что вы очутились въ театрѣ въ ложѣ бенуара, въ то время, когда рѣшетка еще не опущена и люстра еще не зажжена. И дѣйствительно, это было нѣчто, похожее на ложу, едва освѣщенную свѣтомъ, проходившимъ черезъ узкую стекольную дверь. Обставлена она была плохо, въ ней было всего два стула и старая цыновка; на барьеръ ложи было удобно облокачиваться. Рѣшетка ея не напоминала позолоченной рѣшетки оперной ложи, а скорѣй соединеніе желѣзныхъ перекладинъ, вдѣланныхъ въ стѣну. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ ложѣ, привыкнувъ къ ея полумраку, вы старались разглядѣть, что находится за рѣшеткой, но это было возможно только на разстояніи шести дюймовъ, не больше. Тамъ вы видѣли преграду, состоявшую изъ черныхъ ставней, скрѣпленныхъ деревянными перекладинами желтаго цвѣта. Эти ставни были складные, дѣлились на тонкія пластинки и маскировали всю длину рѣшетки. Они всегда бывали закрыты. Вскорѣ изъ-за этихъ ставней раздавался голосъ, который вамъ говорилъ:

— Я здѣсь. Что вамъ угодно?

Это былъ голосъ любимый, часто боготворимый. Никого не было видно. Едва можно было уловить дыханіе. Вамъ казалось, что изъ глубины могилы съ вами говоритъ вызванный вами духъ. Если же все соотвѣтствовало требуемымъ условіямъ, что, конечно, случалось рѣдко, то одна изъ пластинокъ ставней открывалась и передъ вами являлся какъ бы призракъ. Вы видѣли за рѣшеткой, за ставнями голову или, вѣрнѣе, только ротъ и подбородокъ, такъ какъ все остальное было покрыто чернымъ покрываломъ. Вы видѣли черный апостольникъ и неясную фигуру, покрытую чернымъ саваномъ. Свѣтъ падалъ такимъ образомъ, что вамъ она казалась бѣлой, а вы ей чернымъ. Этотъ свѣтъ являлся символомъ. Вы стараетесь проникнуть взглядомъ въ это отверстіе, закрытое для всѣхъ. Глубокій туманъ окутываетъ эту траурную фигуру. Вы хотите разобрать, что находится около видѣнія, и черезъ нѣсколько минутъ убѣждаетесь, что ничего не видно. Видна ночь, пустота, мракъ, какъ бы соединеніе зимняго тумана съ испареніями могилы. Кругомъ царитъ нѣчто въ родѣ ужасающаго мира, царитъ тишина, въ которой ничего не слышно, царитъ мракъ, гдѣ ничего не

но, даже призраковъ. Передъ вами внутренность монастыря. Это и есть внутренность мрачной и строгой обители, которая называется монастыремъ бернардинокъ «непрестаннаго поклоненія». Ложа, въ которой вы находились,—пріемная. Голосъ, который съ вами говорилъ, былъ голосъ привратницы. Она всегда находится по ту сторону стѣны, около квадратнаго окна, защищеннаго, точно двойнымъ забраломъ, желѣзной рѣшеткой и пластинкой съ тысячью отверстій. Мракъ, окутывающій ложу, происходитъ отъ того, что пріемная имѣетъ окно не со стороны внѣшняго міра, а со стороны монастыря. Непосвященный взглядъ не долженъ проникать въ это святое мѣсто. Но вѣдь есть же что-нибудь по ту сторону мрака, есть же свѣтъ, должна же быть жизнь въ этой могилѣ? Хотя этотъ монастырь самый уединенный, мы постараемся въ него проникнуть и покажемъ читателю вещи, о которыхъ посѣтители никогда не разсказывали, такъ какъ никогда ихъ не видали.

II.

Уставъ Мартина Верги.

Этотъ монастырь, который задолго до 1824 г. существовалъ на улицѣ Малой Пикпюсъ, былъ общиной бернардинокъ по уставу Мартини Верги. Слѣдовательно, эти бернардинки принадлежали не къ ордену Клерво, какъ бернардинцы, а къ ордену Сито, какъ бенедиктинцы. Словомъ, онѣ были подчинены не святому Бернарду, а святому Бенедикту. Тотъ, кто рылся въ фоліантахъ, знаетъ, что Мартинъ Верга основалъ въ 1425 г. конгрегацію бернардинокъ-бенедиктинокъ. Главнымъ мѣстопребываніемъ ордена была Саламанка, а второстепеннымъ—Алкала. Эта конгрегація распространила свои вѣтви по всѣмъ католическимъ странамъ Европы. Подобное сближеніе одного ордена съ другимъ ничего не представляло необыкновеннаго въ латинской церкви. Если говорить только объ одномъ орденѣ св. Бенедикта, то къ этому ордену принадлежали, не считая устава Мартина Верги, 4 конгрегаціи: двѣ въ Италіи, Монте-Калино и св. Юстины Падуанской, двѣ во Франціи, Клюни и Сентъ-Моръ, и девять другихъ орденовъ: Валломброза, Граммонъ, целестинцы, камальдульцы, картезіанцы, оливаторы, сильвестринцы и, наконецъ, Сито. Сито, являясь основнымъ стволомъ для другихъ орденовъ, самъ не болѣе какъ отпрыскъ ордена св. Бенедикта. Сито основанъ св. Робертомъ, молемскимъ аббатомъ въ лангрской епархіи въ 1098 г. Послѣ устава кармелитокъ, которыя ходятъ босыя, носятъ власяницу и никогда не садятся, самый строгій уставъ бернардинокъ-бенедиктинокъ Мартина Верги. Онѣ носятъ одежду изъ саржи съ широкими рукавами, большое черное шерстяное покрывало, апостольникъ, доходящій, по особому предписанію св. Бенедикта, до подбородка и имѣющій на груди квадратный вырѣзъ, и повязку, доходящую до глазъ. Все чернаго цвѣта, за исключеніемъ повязки, которая бѣлая. Послушницы носятъ ту же одежду, но только бѣлую; постриженныя монахини, кромѣ того, имѣютъ сбоку четки. Бернардинки-бенедиктинки Мартина Верги практику-

ютъ «непрестанное поклоненіе», какъ бенедиктинки, называемыя сестрами св. Причастія. Въ началѣ этого столѣтія у послѣднихъ было въ Парижѣ двѣ обители: одна въ Тамплѣ, а другая на улицѣ Невъ-Сентъ-Женевьевъ. Къ тому же орденъ бернардинокъ-бенедиктинокъ Малаго Пикпюса, о которомъ мы говоримъ, былъ совсѣмъ другой, чѣмъ орденъ сестеръ св. Причастія, помѣщавшійся на улицѣ Невъ-Сентъ-Женевьевъ и въ Тамплѣ. Въ уставѣ, такъ же какъ и въ одеждѣ, замѣчалось большое различіе. Бернардинки-бенедиктинки Малаго Пикпюса носили черный апостольникъ, тогда какъ бенедиктинки св. Причастія и улицы Невъ-Сентъ-Женевьевъ носили бѣлый апостольникъ и, кромѣ того, на груди имѣли изображеніе чаши со св. Дарами, изъ позолоченнаго серебра или позолоченной мѣди, величиной въ три дюйма. Монахини Малаго Пикпюса не имѣли изображенія чаши. Непрестанное поклоненіе—общее правило обители Малаго Пикпюса и обители Тампля, все же остальное различно. Между сестрами св. Причастія и бернардинками Мартина Верги только въ этомъ правилѣ замѣчалось сходство, такъ же какъ между двумя другими орденами заключалось сходство только въ изученіи и прославленіи всѣхъ тайнъ, относящихся къ дѣтству, къ жизни и смерти Іисуса Христа. Эти два ордена были совершенно различны и даже враждебны; одинъ изъ нихъ—итальянская ораторія, основанная во Флоренціи Филиппомъ Нерійскимъ, а другой—французская ораторія, основанная въ Парижѣ Петромъ Берульскимъ. Парижская ораторія хотѣла первенствовать, потому что Филиппъ Нерійскій былъ только святымъ, тогда какъ Петръ Берульскій былъ еще и кардиналомъ.

Вернемся къ строгому испанскому уставу Мартина Верги. Бернардинки-бенедиктинки этого устава постятся весь годъ, воздерживаются совсѣмъ отъ пищи въ посты и другіе установленные дни, ночью встаютъ, чтобы читать отъ часа до трехъ требникъ и пѣть утреню, во всякое время года спятъ на простыняхъ изъ саржи и на соломѣ, никогда не моютъ тѣла, не разводятъ огня, подвергаютъ себя бичеванію каждую пятницу, соблюдаютъ уставъ молчанія, говорятъ только во время рекреацій, которыя очень коротки, и носятъ власяницу въ теченіе шести мѣсяцевъ отъ 14 сентября до Пасхи. Эти шесть мѣсяцевъ—снисхожденіе; уставъ велитъ носить цѣлый годъ, но во время лѣтняго жара эти власяницы становятся невыносимы и вызываютъ лихорадки и нервные спазмы. Пришлось ограничить ихъ употребленіе. Когда 14 сентября монахини надѣваютъ эти власяницы, у нихъ всегда появляется лихорадка, которая продолжается три или четыре дня. Послушаніе, бѣдность, цѣломудріе, постоянное пребываніе въ монастырѣ—вотъ ихъ обѣты, усиленные уставомъ. Настоятельница избирается на три года матерями, которыя называются матерями-гласными, потому что онѣ имѣютъ голосъ въ капитулѣ. Время управленія настоятельницы ограничивается девятью годами, такъ какъ она можетъ быть вновь избрана не болѣе двухъ разъ.

Онѣ никогда не видятъ священника, совершающаго богослуженіе; онъ бываетъ скрытъ отъ нихъ завѣсою изъ саржи.

Во время проповѣди, когда онъ находится въ часовнѣ, онѣ опускаютъ покрывало. Онѣ всегда говорятъ тихо, ходятъ съ поникшей головой и съ опущенными глазами. Одинъ только мужчина можетъ войти въ монастырь, это—епархіальный архіепископъ.

Впрочемъ, есть еще и другой мужчина, это—садовникъ. Только старики принимаются на эту должность. Монахини могутъ избѣгать садовника, такъ какъ у него къ колѣну привязанъ бубенчикъ.

Онѣ подчинены настоятельницѣ. Ихъ послушаніе абсолютное, пассивное. Это каноническое подчиненіе со всей силой самоотреченія. Какъ голосу Христа, ut voci Christi, онѣ должны немедленно подчиняться малѣйшему жесту, ad nutum, ad primum signum [1]), исполнять приказанія съ радостью, съ постоянной готовностью, prompte, hilariter, perseverenter et coeca quadam oboedientia [2]),—однимъ словомъ, быть такими же послушными орудіями, какъ подпилокъ въ рукахъ работника, quasi limam in manibus fabri.

Онѣ не смѣютъ ни читать, ни писать безъ разрѣшенія, legere vel scribere non addiscerit sine expressa superioris licentia.

По очереди каждая монахиня совершаетъ такъ называемое искупленіе. Искупленіе, это—молитва за всѣ грѣхи, за всѣ провинности, за всѣ насилія, за всѣ несправедливости и за всѣ преступленія, совершаемыя на землѣ.

Послѣдовательно въ продолженіе 12-ти часовъ, начиная съ 4 час. вечера и кончая 4 час. утра, или наоборотъ,—молящаяся сестра, совершающая искупленіе, стоитъ на колѣняхъ на камнѣ передъ св. Дарами, со скрещенными руками, съ веревкой на шеѣ.

Если она слишкомъ устанетъ, она ложится ничкомъ, лицомъ къ землѣ: это—единственное отдохновеніе. Въ такомъ положеніи она молится за всѣхъ грѣшниковъ міра. Это почти величественно.

Такъ какъ монахиня находится у столба, на верху котораго горитъ свѣча, то говорится «совершать искупленіе» или же «стоять у столба». Монахини по своему смиренію, предпочитаютъ второе выраженіе, въ которомъ заключается идея наказанія и уничиженія.

Совершать искупленіе является дѣломъ, завладѣвающимъ всей душой. Сестра у столба не обернется, если даже около нея упадетъ молнія.

Передъ св. Дарами всегда стоитъ на колѣняхъ монахиня. Это стояніе длится часъ. Онѣ смѣняются, какъ солдаты на часахъ. Это и есть «непрестанное поклоненіе».

Настоятельницы и матери почти всегда имѣютъ имена, съ особымъ значеніемъ, которыя напоминаютъ не святыхъ и мучениковъ, но моменты изъ жизни Іисуса Христа, какъ, напр., мать-Рождество, мать-Зачатіе, мать-Введеніе, мать-Страсти Христовы, мать-Вознесеніе, мать-Успеніе и т. д. Можно также брать имена святыхъ.

---

[1]) По кивку, по первому знаку.

[2]) Быстро, весело, настойчиво и со слѣпымъ повиновеніемъ.

У монахинь виденъ только ротъ съ желтыми зубами, потому что онѣ никогда не употребляютъ зубныхъ щетокъ. Чистить зубы, значитъ находиться на верху лѣстницы, внизу которой сказано: погубить свою душу.

Онѣ не смѣютъ говорить «моя» или «мой». Онѣ ничего не имѣютъ и ни къ чему не должны привязываться. Каждую вещь онѣ называютъ нашей, напр.: наше покрывало, наши четки; даже говоря о рубашкѣ, онѣ должны сказать наша рубашка. Какъ только монахиня замѣтитъ, что привязалась къ какой-нибудь вещи, напр., къ молитвеннику, къ образку, она должна его отдать. Монахини помнятъ отвѣтъ св. Терезы знатной дамѣ, хотѣвшей поступить въ монастырь и пожелавшей послать за своей любимой библіей.— «Есть вещь, которую вы любите; въ такомъ случаѣ вы не достойны поступить къ намъ», отвѣтила ей св. Тереза.

Монахинямъ запрещается имѣть свой уголъ, свою келью. Ихъ кельи не запираются. Когда одна монахиня подходитъ къ другой, то первая говоритъ: «Слава и поклоненіе пресвятымъ Дарамъ престола», а другая отвѣчаетъ: «Аминь». Та же самая церемонія происходитъ, когда одна монахиня стучится къ другой въ келью. Едва только она дотронулась до двери, какъ уже слышенъ слабый голосъ: «Аминь!»

Какъ и всѣ обряды, это часто, по привычкѣ, исполняется машинально. Иногда случается, что монахиня скажетъ «Аминь» прежде, чѣмъ другая произнесетъ: «Слава и поклоненіе пресвятымъ Дарамъ престола», что къ тому же довольно длинно. У монахинь ордена Посѣщенія, та, которая входитъ, говоритъ: Ave-Maria [1]), а другая отвѣчаетъ: Gratia plena [2]). Это ихъ «здравствуйте», полное особой прелести.

Каждый часъ въ монастырской церкви раздаются три дополнительныхъ удара колокола.

По этому сигналу настоятельница, матери-гласныя, постриженныя монахини и послушницы прерываютъ свои занятія и всѣ говорятъ хоромъ, напр., если ударило 5 часовъ: «Въ 5 часовъ, такъ же какъ и во всякій часъ, да будетъ слава и поклоненіе пресвятымъ Дарамъ престола», если же било 8 часовъ, то «слава и поклоненіе пресвятымъ Дарамъ престола въ 8 ч.» и т. д., смотря по тому, который часъ билъ.

Этотъ обычай, имѣющій цѣлью прерывать мысль и направлять ее всегда къ Богу, существуетъ во многихъ общинахъ, только видоизмѣняется формула. Такъ, напр., въ общинѣ «Младенца Іисуса» говорится: «Да воспламенится сердце мое любовью къ Іисусу въ этотъ часъ и во всякій другой».

Въ Мало-Пикпюсскомъ монастырѣ бенедиктинокъ-бернардинокъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ принятъ торжественный строгій напѣвъ; поютъ ясно и громко, во весь голосъ, въ продолженіе всего богослуженія. При каждой звѣздочкѣ въ требникѣ монахини дѣла-

---

[1]) Радуйся, Марія.
[2]) Благодатная.

ютъ паузу и тихо говорятъ «Іисусъ—Марія—Іосифъ». При панихидѣ монахини поютъ самымъ низкимъ голосомъ, какой только доступенъ женщинамъ. Получается поразительное впечатлѣніе, почти трагическое.

Монахини Малаго Пикпюса устроили склепъ подъ главнымъ алтаремъ для погребенія сестеръ своей общины. Правительство, какъ онѣ говорятъ, не позволило ставить гроба въ этотъ склепъ. Такимъ образомъ монахини послѣ своей смерти должны были покидать монастырь; это ихъ огорчало и пугало, какъ нарушеніе устава. Въ видѣ утѣшенія имъ разрѣшили совершать погребеніе въ особенный часъ и въ спеціально для нихъ отведенномъ мѣстѣ кладбища Вожираръ, на землѣ, нѣкогда принадлежавшей общинѣ.

По четвергамъ у монахинь происходитъ то же богослуженіе, какъ и въ воскресенье, идетъ обѣдня, вечерня и другія воскресныя службы. Онѣ добросовѣстно соблюдаютъ всѣ мелкіе праздники, когда-то установленные церковью во Франціи и теперь соблюдаемые въ Испаніи и Италіи. Стояніе монахинь въ церкви безконечно. Что касается числа и продолжительности ихъ молитвъ, то объ этомъ мы будемъ имѣть понятіе, если приведемъ наивныя слова одной монахини: «Молитвы послушницъ ужасны, молитвы постриженныхъ монахинь еще ужаснѣе».

Разъ въ недѣлю собирается капитулъ; предсѣдательствуетъ настоятельница, присутствуютъ матери - гласныя. По очереди каждая сестра становится на колѣни и громко передъ всѣми кается въ своихъ грѣхахъ и провинностяхъ, совершенныхъ ею за недѣлю. Матери-гласныя совѣщаются послѣ каждой исповѣди и потомъ налагаютъ епитимію.

Кромѣ исповѣди вслухъ, когда онѣ каются въ болѣе важныхъ прегрѣшеніяхъ, у нихъ существуетъ для небольшихъ грѣховъ такъ называемое покаяніе.

Каяться, значитъ повергнуться ницъ передъ настоятельницей во время богослуженія и въ такомъ положеніи пробыть до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не покажетъ кающейся знакомъ, что можно встать. Каются въ пустякахъ, напр., если монахиня разбила стаканъ, опоздала на нѣсколько секундъ въ церковь, взяла во время пѣнія невѣрную ноту и т. д. Раскаяніе вполнѣ добровольное; сама виновная обвиняетъ себя и налагаетъ на себя наказаніе. Въ праздники и въ воскресные дни во время богослуженія четыре матери-пѣвчія поютъ псалмы передъ большимъ аналоемъ.

Разъ одна пѣвчая-мать при пѣніи псалма, начинавшагося со словъ Ecce, вмѣсто Ecce взяла громко три ноты: ut, si, sol; въ продолженіе всей службы она должна была каяться въ своей разсѣянности. Она вызвала смѣхъ у капитула и это усилило ея провинность. Когда монахиню зовутъ въ пріемную, будь то сама настоятельница, она опускаетъ покрывало, такъ что виденъ только ротъ.

Одна настоятельница имѣетъ право вступать въ сношеніе съ посторонними. Остальныя могутъ видѣть только самыхъ близкихъ родственниковъ и то изрѣдка. Если же случайно явится въ мо-

настырь кто-нибудь свѣтскій и изъявитъ желаніе видѣть монахиню, которую въ мірѣ когда-то зналъ и любилъ, то требуются безконечные переговоры. Если эта женщина, то иногда разрѣшеніе дается; монахиня приходитъ и съ ней говорятъ черезъ ставни, открываемые только для матери или для сестры. Само собой разумѣется, что это разрѣшеніе никогда не дается мужчинамъ.

Вотъ каковъ уставъ св. Бенедикта, усиленный Мартиномъ Вергой.

Эти монахини не веселы, не свѣжи и не румяны, какъ монахини другихъ орденовъ. Онѣ блѣдны и суровы. Между 1825 г. и 1830 г. три изъ этихъ монахинь сошли съ ума.

III.

Строгости.

Надо пробыть, по крайней мѣрѣ, два года, иногда же четыре, на испытаніи въ монастырѣ, потомъ четыре года послушницей. Рѣдко окончательное постриженіе принимается раньше 23 или 25 лѣтъ. Бернардинки-бенедиктинки Мартина Верги не допускаютъ въ свой орденъ вдовъ.

Въ своихъ кельяхъ онѣ различнымъ образомъ умерщвляютъ плоть и не смѣютъ объ этомъ говорить.

Послушницу въ день ея постриженія одѣваютъ въ лучшее платье, убираютъ ей голову бѣлыми розами, завиваютъ ей волосы, затѣмъ она падаетъ ницъ, надъ ней протягиваютъ черное покрывало и служатъ панихиду. Монахини раздѣляются на два ряда. Первый проходитъ мимо и грустно говоритъ: «Наша сестра умерла», другой же рядъ отвѣчаетъ громко: «Жива во Іисусѣ Христѣ». Въ ту эпоху, когда происходили разсказываемыя нами событія, при монастырѣ былъ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, по большей части богатыхъ. Между ними обращали на себя вниманіе дѣвицы Сентъ-Олеръ и Белиссенъ, а также англичанка, носившая знаменитое католическое имя Тальботъ. Эти молодыя дѣвушки воспитывались монахинями въ четырехъ стѣнахъ и имъ внушалось отвращеніе къ міру. Одна изъ воспитанницъ сказала однажды: «При видѣ мостовой я содрогаюсь отъ головы до ногъ». Одѣвались онѣ въ голубое, на нихъ бѣлые чепчики. Онѣ носили на груди изображеніе Св. Духа изъ позолоченнаго серебра. Въ нѣкоторые праздничные дни, особенно въ день св. Марты, онѣ получали въ видѣ высшей милости позволеніе одѣваться монахинями и совершать обряды св. Бенедикта въ теченіе цѣлаго дня. Вначалѣ монахини давали имъ свою черную одежду. Но это показалось профанаціей, и настоятельница запретила: монашеская одежда давалась только послушницамъ. Замѣчательно то, что эти представленія, допускаемыя въ монастырѣ изъ-за тайнаго духа прозелитизма, изъ-за желанія пріучить воспитанницъ къ монашеской одеждѣ, доставляли имъ дѣйствительную радость. Ихъ это просто веселило. Это было ново и имѣло другой видъ. Несмотря на такіе искренніе доводы дѣтства, мы не можемъ согласиться, что

можно испытывать блаженство, держа въ рукахъ кропильницу и стоя въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ передъ алтаремъ и распѣвая псалмы.

Пансіонерки соблюдали всѣ монастырскія правила, за исключеніемъ разныхъ строгостей. Часто молодыя женщины, по выходѣ изъ монастыря, будучи уже нѣсколько лѣтъ замужемъ, съ трудомъ отвыкали отъ привычки говорить «Аминь», каждый разъ, какъ къ нимъ стучали въ дверь. Какъ и монахини, воспитанницы видѣлись съ родителями только въ пріемной. Матери не смѣли ихъ цѣловать. Вотъ образецъ этой строгости. Однажды молодую дѣвушку посѣтила мать и ея маленькая трехлѣтняя сестра. Пансіонерка плакала, такъ какъ ей не позволяли цѣловать сестру. Она просила, чтобы дѣвочкѣ позволили протянуть руку черезъ рѣшетку, намѣреваясь поцѣловать хоть руку. Но и это было строго воспрещено.

IV.

Увеселенія.

Тѣмъ не менѣе пансіонерки вносили много радости въ монастырь. Когда наступала рекреація, эти дѣти оживляли монастырь. Птицы пѣли: вотъ дѣти. Вторженіемъ молодости озаряло веселіемъ садъ, перерѣзанный крестомъ, какъ саваномъ. Веселыя личики, бѣлые лобики, невинные глазки, искрящіеся радостью, подобно зарѣ освѣщали мракъ. Вдругъ, послѣ всѣхъ этихъ псалмопѣній, всѣхъ звонковъ, послѣ погребальнаго звона, послѣ службъ раздавались возгласы маленькихъ дѣвочекъ, напоминавшихъ пчелъ. Улей радости раскрывался, каждая дѣвочка приносила свой медъ. Дѣти играли, кликали другъ друга, собирались группами, бѣгали, болтали. Монахини издали наблюдали за ними, «тѣни стерегли лучи свѣта», но что за дѣло, онѣ не мѣшали дѣтскому веселью. У этихъ мрачныхъ стѣнъ была минута расцвѣта, на нихъ какъ бы отражалась вся эта радость. Казалось, что дождь розъ скрашивалъ этотъ мракъ. Дѣвочки играли, не стѣсняясь присутствіемъ монахинь: праведность не смущаетъ невинности. Благодаря этимъ дѣтямъ мрачные часы смѣнялись веселыми. Маленькія пансіонерки прыгали, большія танцовали. Въ играхъ замѣчалось что-то небесное. Эти чистыя души полны очарованія. Гомеръ, такъ же какъ Перро, посмѣялся бы здѣсь. Въ этомъ мрачномъ саду было столько молодости, здоровья, радости, счастія, что легко разгладились бы морщины всѣхъ прабабушекъ и бабушекъ, какъ изъ эпопеи, такъ и изъ сказки, начиная съ дворца и кончая хижиной. Въ дѣтскихъ разговорахъ заключалось столько наивной прелести, что невольно приходилось смѣяться. Однажды въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ пятилѣтній ребенокъ воскликнулъ:

— Матушки! большая мнѣ только что объявила, что я останусь здѣсь только еще девять лѣтъ и десять мѣсяцевъ. Какое счастье!

Здѣсь же велся слѣдующій діалогъ:

Пѣвчая-мать.—О чемъ вы плачете, дитя мое?

Ребенокъ (шести лѣтъ), рыдая.—Я сказала Алисѣ, что знаю исторію Франціи. Она же говоритъ, что я ее не знаю, а я знаю.

Алиса (большая, девяти лѣтъ).—Нѣтъ, она не знаетъ.

Мать.—Какъ же это такъ, дитя мое?

Алиса.—Она меня попросила открыть наугадъ книгу и задать ей оттуда вопросъ, на который хотѣла отвѣтить.

— Ну, что же?

— Она не отвѣтила.

— Посмотримъ. О чемъ же вы спросили?

— Я наугадъ раскрыла книгу и задала ей первый вопросъ, который тамъ нашла.

— Какой же это былъ вопросъ?

— Вотъ какой: что же случилось послѣ?

Тамъ же было сдѣлано одно глубокое замѣчаніе относительно нѣсколько жаднаго попугая, принадлежавшаго одной дамѣ:

— Какъ онъ милъ! Онъ облизываетъ тартинку, точно человѣкъ!

На монастырскихъ плитахъ была найдена слѣдующая исповѣдь, заранѣе записанная семилѣтней грѣшницей изъ боязни забыть:

— Отецъ мой, я грѣшна въ скупости. Отецъ мой, я повинна въ прелюбодѣяніи. Отецъ мой, я смотрѣла на мужчинъ.

Въ саду, на скамейкѣ, шестилѣтняя дѣвочка разсказывала импровизированную сказку пятилѣтнему голубоглазому ребенку:

— Жили-были три пѣтушка въ нѣкоторомъ царствѣ, гдѣ было много цвѣтовъ. Они нарвали цвѣтовъ и положили ихъ въ карманъ, послѣ чего оборвали листья и положили ихъ въ игрушки. Жилъ-былъ въ этой странѣ волкъ, тамъ было много лѣса, волкъ былъ въ лѣсу и съѣлъ пѣтушковъ.

Вотъ еще поэма:

— Послышался ударъ палки. Это полишинель ударилъ кошку. Это ей не было пріятно, а было больно. Тогда дама посадила полишинеля въ тюрьму.

Въ монастырѣ воспитывалась изъ состраданія одна сирота, найденышъ. Однажды, когда она слышала, какъ другія дѣти говорили о своихъ матеряхъ, она трогательно пробормотала:

— Когда я родилась, моей матери со мной не было.

Въ монастырѣ жила толстая привратница, вѣчно куда-то спѣшившая со связкой ключей. Звали ее сестрой Агатой. Большія пансіонерки, т.-е. тѣ, которымъ было больше десяти лѣтъ, называли ее Агаѳоклеей. Въ трапезной, большой продолговатой комнатѣ, въ которую едва проникалъ свѣтъ, было темно и сыро и, по словамъ дѣтей, въ ней было много насѣкомыхъ. Всѣ сосѣднія мѣста, напримѣръ, кухня, снабжали ее своимъ контингентомъ насѣкомыхъ. Пансіонерки каждому углу дали особенное названіе. Былъ уголъ пауковъ, уголъ гусеницъ, уголъ мокрицъ и, наконецъ, уголъ сверчковъ. Особенно уважался уголъ сверчковъ, тамъ было теплѣе, такъ какъ онъ былъ рядомъ съ кухней. Отъ трапезной эти названія передались пансіону и, такъ же какъ въ

коллежѣ Мазарини, служили для опредѣленія четырехъ націй. Каждая воспитанница принадлежала къ одной изъ этихъ націй. Это зависѣло оттого, въ какомъ она углу сидѣла во время трапезы. Однажды пріѣхалъ въ монастырь архіепископъ. Онъ замѣтилъ въ классѣ красивую маленькую дѣвочку съ прекрасными бѣлокурыми волосами и спросилъ у другой пансіонерки, очаровательной брюнетки со свѣжими щечками:

— Кто эта дѣвочка?

— Это паукъ, ваше преосвященство.

— А вотъ эта?

— Это сверчокъ.

— А та?

— Это гусеница.

— Въ самомъ дѣлѣ! а вы сами?

— Я мокрица, ваше преосвященство.

Каждый подобный пансіонъ имѣлъ свои особенности. Въ началѣ этого столѣтія Экуанъ считался строгимъ мѣстомъ, гдѣ въ уединеніи почти торжественно проходило дѣтство молодыхъ дѣвушекъ. Въ Экуанѣ во время процессіи св. Даровъ различали дѣвицъ отъ цвѣточницъ. Четыре дѣвы шли впереди. Утромъ въ этотъ торжественный день въ дортуарѣ часто раздавались подобные вопросы:

— Кто у насъ дѣва?

Госпожа Кампанъ передаетъ слова семилѣтней дѣвочки, обращенныя къ большой дѣвочкѣ шестнадцати лѣтъ, шедшей впереди процессіи, тогда какъ маленькая шла позади:

— Ты дѣва, а я нѣтъ.

V.

Развлеченія.

На двери трапезной большими черными буквами была написана молитва, называемая «la Patenôtre» [1]). Она вела прямо въ рай: «Petite patenôtre blanche, que Dieu fit, que Dieu dit, que Dieu mit en paradis». Вечеромъ, ложась спать, я увидѣла, что три ангела лежатъ на моей постели, одинъ въ ногахъ, два въ изголовьѣ, Св. Дѣва Марія посреди. Она мнѣ сказала, чтобы я ложилась и ничего бы не боялась. Господь Богъ мой отецъ, Пресвятая Дѣва моя мать, три апостола мои братья, три дѣвы мои сестры. Мое тѣло обернуто сорочкой, въ которой родился Іисусъ Христосъ; на моей груди изображеніе креста св. Маргариты; Пресвятая Дѣва Марія уходитъ въ поле, плача объ Іисусѣ Христѣ, встрѣчаетъ св. Іоанна. Откуда ты св. Іоаннъ? Я иду отъ «Ave Salus». Видѣлъ ли ты Господа, тамъ ли Онъ? Онъ на крестѣ, ноги свѣсились, руки пригвождены, маленькій бѣлый терновый вѣнокъ на головѣ. Тотъ, кто будетъ читать эту молитву три раза вечеромъ, три раза утромъ, въ концѣ-концовъ, попадетъ въ рай».

Въ 1827 году эта характерная молитва исчезла подъ тройнымъ слоемъ краски, а теперь, надо полагать, и изъ памяти

---

[1]) Отче нашъ.

нѣкоторыхъ молодыхъ дѣвушекъ того времени, нынѣшнихъ старухъ.

Большое Распятіе на стѣнѣ дополняло украшеніе трапезной. Мы, кажется, уже говорили, что въ ней была только одна дверь и что она вела въ садъ. Въ трапезной стояли параллельно разставленные столы. Вдоль каждаго стола стояло по двѣ длинныхъ скамейки. Стѣны были бѣлыя, столы черные,—только эти окраски допускались въ монастырѣ. Трапеза была скудная, даже пища для дѣтей была суровая. Допускалось одно блюдо: мясо съ овощами или соленая рыба, и это считалось роскошью и подавалось исключительно однѣмъ пансіонеркамъ. Дѣти ѣли молча, дежурная мать слѣдила за ними, а также и за тѣмъ, чтобы все совершалось по уставу. Если, напримѣръ, муха летала не по правиламъ, монахиня съ шумомъ открывала и закрывала книгу въ деревянномъ переплетѣ. Это молчаніе смягчалось чтеніемъ вслухъ житій святыхъ. Читали съ каѳедры, помѣщенной подъ Распятіемъ. Чтицей выбиралась старшая дежурная воспитанница. На столѣ стояли чаши, въ которыхъ пансіонерки сами мыли свои приборы и стаканы; иногда онѣ бросали туда испорченные куски, жесткое мясо, тухлую рыбу, но за это ихъ наказывали. Чаши назывались ronds d'eau. Ребенка, нарушившаго молчаніе, заставляли языкомъ дѣлать крестъ. Гдѣ? на полу. Онъ лизалъ полъ. Прахъ, считавшійся концомъ всѣхъ радостей, служилъ наказаніемъ этимъ бѣднымъ розовымъ лепесткамъ, виновнымъ въ лепетѣ. Въ монастырѣ находилась книга, изданная въ одномъ экземплярѣ; читать ее запрещалось. Это былъ уставъ св. Бенедикта. Непосвященный глазъ не смѣлъ туда проникнуть. Nemo regulas, seu constitutiones nostras, externis communicabit[1]). Однажды пансіонеркамъ удалось достать эту книгу, онѣ жадно принялись за чтеніе, но изъ боязни быть пойманными часто захлопывали ее. Онѣ вынесли мало удовольствія. Нѣсколько непонятныхъ страницъ, касавшихся грѣховъ молодыхъ людей, показались имъ самыми интересными. Играли онѣ въ аллеѣ сада, состоявшаго изъ нѣсколькихъ жалкихъ фруктовыхъ деревьевъ. Несмотря на строгость наказаній и на всю бдительность, воспитанницамъ удавалось иногда украдкой поднять сброшенные вѣтромъ плоды, напримѣръ, зеленое яблоко, испорченный абрикосъ или грушу. Для примѣра я приведу письмо, написанное двадцать пять лѣтъ тому назадъ бывшей воспитанницей, теперь герцогиней, одной изъ самыхъ элегантныхъ женщинъ Парижа. Вотъ буквальная передача: «Стараешься спрятать грушу или яблоко, какъ можно лучше. Передъ ужиномъ запрячешь ихъ подъ подушку постели, а потомъ, ложась спать, съѣдаешь; если это не удастся, то съѣшь ихъ гдѣ-нибудь «въ другомъ укромномъ мѣстечкѣ». Вотъ самыя большія радости пансіонерокъ.

Въ одно изъ посѣщеній архіепископа дѣвица Бушаръ держала пари, что она выпроситъ себѣ отпускъ на одинъ день; это считалось

---

[1]) Никто да не сообщаетъ постороннимъ нашихъ правилъ, то-есть уставовъ.

прямо невозможнымъ. Пари было принято, но никто не думалъ, чтобъ ей удалось его выиграть. Въ тотъ моментъ, когда архіепископъ проходилъ мимо пансіонерокъ, къ нему, къ ужасу всѣхъ окружающихъ, подошла дѣвица Бушаръ и попросила дать ей на одинъ день отпускъ. Дѣвица Бушаръ была свѣжая, хорошенькая дѣвушка, высокаго роста. Преосвященный улыбнулся и сказалъ: «Вы говорите—на одинъ день? Я вамъ даю на три дня». Настоятельница ничего не могла сдѣлать: архіепископъ позволилъ. Трудно вообразить эффектъ.

Въ угрюмый монастырь, несмотря на строгости, проникали извнѣ драмы, даже романы. Для доказательства мы приведемъ одно дѣйствительное происшествіе, которое къ нашему разсказу не относится. Мы хотимъ только лучше обрисовать физіономію монастыря. Въ то время жила въ монастырѣ таинственная личность, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ. Она не была монахиней. Звали ее г-жей Альбертиной. О ней знали только одно, что она сумасшедшая и что свѣтъ считалъ ее умершей. Въ этой исторіи, какъ говорятъ, дѣло шло о пріобрѣтеніи состоянія, необходимаго для выгодной партіи. Г-жа Альбертина была довольно красивая брюнетка, моложе тридцати лѣтъ, съ большими черными глазами, странно смотрѣвшими. Она скорѣе скользила, чѣмъ ходила, и никогда не говорила; не знали даже, дышитъ ли она. Ея ноздри были сжаты, какъ у мертвой. Когда дотрогивались до ея руки, то получалось ощущеніе холода. У нея была грація призрака. При ея появленіи чувствовался холодъ. Однажды, когда она проходила, одна сестра замѣтила другой: «Ее считаютъ мертвой». «Можетъ-быть, оно такъ и есть», отвѣтила та. О г-жѣ Альбертинѣ ходили сотни разсказовъ. Она постояно возбуждала любопытство пансіонерокъ. Въ церкви находилась трибуна, называвшаяся l'Oeil de Boeuf; въ ней былъ круглый просвѣтъ. Г-жа Альбертина во время богослуженія занимала эту трибуну, всегда одна, сестры не имѣли туда доступа, такъ какъ оттуда былъ виденъ проповѣдникъ или священникъ, служившій обѣдню. Однажды на каѳедрѣ появился молодой священникъ знатнаго рода, герцогъ де-Роганъ, пэръ Франціи. Въ 1815 г. онъ былъ офицеромъ красныхъ мушкетеровъ и назывался тогда просто княземъ Леонскимъ — онъ умеръ въ 1830 г. кардиналомъ и безансонскимъ архіепископомъ. Въ этотъ день герцогъ де-Роганъ проповѣдывалъ въ первый разъ въ Мало-Пикпюсскомъ монастырѣ. Обыкновено во время богослуженія и проповѣди г-жа Альбертина сохраняла полное спокойствіе и неподвижность. Но при видѣ герцога де-Рогана она привстала и громко закричала: «Каково! Огюстъ!» Вся община въ удивленіи обернулась къ ней, проповѣдникъ поднялъ глаза, но г-жа Альбертина опять впала въ полную неподвижность. Дуновеніе внѣшняго міра, коснувшись ея, вызвало въ ней проблескъ жизни, который тутъ же погасъ, и она опять уже сдѣлалась похожа на трупъ.

Между тѣмъ эти два слова заинтересовали монастырь. Сколько таинственности въ этомъ восклицаніи: «Каково! Огюстъ!» Дѣйствительно, имя герцога де-Рогана было Огюстъ. Очевидно, г-жа Альбертина сама принадлежала когда-то къ высшему обществу,

такъ какъ знала герцога де-Рогана, и вѣроятно сама занимала высокое положеніе, потому что обратилась къ нему съ такой фамильярностью. Можетъ-быть, она даже была его близкой родственницей, такъ какъ она знала его имя.

Двѣ строгія герцогини, герцогиня Шаузель и де-Серанъ часто посѣщали общину, куда имѣли свободный доступъ, вѣроятно, въ силу привилегіи Magnates mulieres [1]) и пугали своей неприступностью пансіонерокъ. Когда онѣ проходили, бѣдныя воспитанницы дрожали и опускали глаза.

На герцогѣ де-Роганѣ, безъ его, впрочемъ, вѣдома, сосредоточился интересъ пансіонерокъ. Когда онъ уже архіепископомъ являлся во время богослуженія въ часовню Мало-Пикпюсскаго монастыря, никто изъ молодыхъ затворницъ не могъ его видѣть,—онъ былъ скрытъ саржевой занавѣсью, но онѣ легко узнавали его мягкій, немного тонкій голосъ. Пансіонерки знали, что онъ былъ прежде мушкетеромъ, знали, что онъ очень заботится о своей наружности, что у него прекрасные каштановые волосы, которые онъ красиво убираетъ вокругъ головы, знали, что онъ носитъ поясъ изъ великолѣпнаго муара и самую элегантную рясу. Всѣ эти подробности ихъ очень занимали.

Изъ внѣшняго міра ни одинъ звукъ не проникалъ въ монастырь. Впрочемъ, годъ тому назадъ дошли до него звуки флейты. Это было событіе, о которомъ пансіонерки долго помнили.

Кто-то по сосѣдству съ монастыремъ игралъ на флейтѣ и всегда одну и ту же мелодію: «Ma Zetulbé, viens regner sur mon âme» [2]) Молодыя дѣвушки цѣлыми часами слушали, пѣвчія-матери были этимъ сильно смущены, наказанія такъ и сыпались. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Почти всѣ пансіонерки влюбились въ незнакомаго музыканта. Каждая воображала себя Зетюльбэ. Звуки флейты доносились съ улицы Друа-Мюръ. Пансіонерки были готовы на все рѣшиться, лишь бы только хоть на минуту увидать интереснаго молодого человѣка, такъ чудно игравшаго на флейтѣ и такъ сильно затронувшаго ихъ воображеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ пробрались на третій этажъ, думая увидать музыканта черезъ рѣшетчатое окно, но это имъ не удалось. Одна пансіонерка просунула руку черезъ рѣшетку и помахала бѣлымъ платкомъ, а двѣ другія оказались еще болѣе смѣлыми и влѣзли на крышу, откуда, наконецъ, увидали «молодого человѣка». Имъ оказался старый, слѣпой, разорившійся дворянинъ; онъ игралъ на флейтѣ на своемъ чердакѣ.

VI.

Малый монастырь.

За оградой Малаго Пикпюса находились три зданія, совершенно различныя: главный монастырь, гдѣ жили монахини, пансіонъ для воспитанницъ и, наконецъ, такъ называемый Малый монастырь.

---

[1]) Знатныхъ дамъ.
[2]) Приходи царствовать надъ моей душой, моя Зетюльбэ.

Это былъ развалившійся корпусъ, нѣчто въ родѣ строенія съ садомъ, тамъ жили старыя монахини разныхъ орденовъ, пришедшія сюда изъ монастырей, разрушенныхъ революціей. Между ними были монахини всевозможныхъ орденовъ, всевозможныхъ общинъ, въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, въ бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ,—однимъ словомъ, если можно такъ выразиться, это былъ пестрый монастырь.

Со временъ имперіи было позволено всѣмъ этимъ бѣднымъ монахинямъ пріютиться здѣсь подъ крылышкомъ бенедиктинокъ-бернардинокъ. Правительство выдавало имъ маленькую пенсію. Монахини Малаго Пикпюса охотно ихъ приняли. Это было странное смѣшеніе: каждая монахиня исполняла свой уставъ. Иногда позволялось воспитанницамъ, въ видѣ развлеченія, ихъ посѣщать. Онѣ производили большое впечатлѣніе на пансіонерокъ, которыя въ особенности запомнили: матушку Василію, матушку Схоластику и матушку Якобію.

Одна изъ пріютившихся монахинь обители Сентъ-Оръ, единственная представительница своего ордена, очутилась почти что у себя дома. Прежній монастырь сестеръ Сентъ-Оръ въ началѣ XVIII столѣтія помѣщался какъ разъ въ домѣ Малаго Пикпюса, перешедшемъ позже во владѣніе бенедиктинокъ Мартина Верги. Эта монахиня будучи слишкомъ бѣдной, чтобы носить великолѣпную бѣлую одежду своего ордена съ краснымъ наплечникомъ, набожно надѣла его на манекенъ, который она охотно показывала, а послѣ смерти оставила монастырю. Въ 1824 г. отъ этого ордена оставалась только одна монахиня, а теперь остался только манекенъ.

Настоятельница позволила въ Маломъ монастырѣ поселиться нѣсколькимъ свѣтскимъ женщинамъ. Въ числѣ ихъ находились г-жа де-Бофоръ и маркиза Дюфренъ. Была еще одна, которая пріобрѣла извѣстность громкимъ сморканіемъ. Воспитанницы прозвали ее госпожей Шумилини.

Въ 1820 г. или 1821 г. г-жа де-Жанлисъ, издававшая маленькій періодическій сборникъ подъ названіемъ «Неустрашимый», пожелала поселиться въ Мало-Пикпюсскомъ монастырѣ. Ее рекомендовалъ герцогъ Орлеанскій. Въ ульѣ поднялось волненіе, пѣвчія-матери испугались. Г-жа де-Жанлисъ когда-то писала романы, но теперь она заявила, что ненавидитъ ихъ, къ тому же она вся ушла въ благочестіе. Съ Божіей помощью и съ помощью герцога она поселилась въ монастырѣ, но пробыла тамъ недолго, черезъ 6 или 8 мѣсяцевъ она удалилась на томъ основаніи, что въ саду слишкомъ мало тѣни. Монахини были ей рады, она хорошо играла на арфѣ, несмотря на свою старость. Въ кельѣ осталось о ней воспоминаніе—стихи, написанные ея рукой; ихъ можно было видѣть по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Г-жа де-Жанлисъ была суевѣрна и латинистка. Эти два эпитета вполнѣ ее характеризуютъ. Она написала красными чернилами на желтой бумагѣ слѣдующіе стихи и наклеила ихъ внутри маленькаго шкапчика, гдѣ она прятала деньги и драгоцѣнности. Она думала, что они обладаютъ способностью пугать воровъ.

Вотъ эти стихи:

> Imparibus meritis pendent tria corpora ramis:
> Dismas et Gesmas, media est divina potestas;
> Alta petit Dismas, infelix infima Gesmas.
> Nos et res nostras conservet summa potestas.
> Hos versus dicas, ne tu furto tua perdas [1]).

Эти стихи, написанные латынью VI вѣка, возбуждаютъ вопросъ, какъ назывались разбойники, распятые на Голгоѳѣ? Dimas и Gestas, какъ принято думать или же, какъ здѣсь сказано, Dismas и Gesmas? Если послѣднее предположеніе вѣрно, то въ прошломъ столѣтіи виконтъ Gestas совершенно напрасно, стало-быть, предъявлялъ ложную претензію на происхожденіе отъ нераскаявшагося разбойника.

Орденъ сестеръ милосердія признаетъ достовѣрность этихъ стиховъ.

Монастырская церковь, общая для пансіона, для большого и малаго монастырей, построена такъ, что отдѣляетъ какъ бы перегородкой большой монастырь отъ пансіона. Въ церковь допускалась даже публика, черезъ особый входъ лазарета, выходившаго на улицу. Но все было такъ устроено, что никто изъ обитательницъ не могъ видѣть постороннихъ лицъ. Предположите, что въ церкви клиросъ какъ бы схваченъ гигантской рукой и сложенъ такъ, что образуетъ не продолженіе алтаря, какъ въ обыкновенныхъ церквахъ, но нѣчто въ родѣ залы или темной пещеры направо отъ священника; предположите, что въ этой залѣ спущена семифутовая занавѣсь, о чемъ мы уже говорили, и что за занавѣсью съ правой стороны помѣщаются на деревянныхъ сидѣньяхъ монахини хора, съ лѣвой—пансіонерки, а въ центрѣ—послушницы, и вы получите представленіе о монахиняхъ Малаго Пикпюса, присутствовавшихъ при богослуженіи. Эта пещера, называвшаяся хорами, соединялась коридоромъ съ монастыремъ. Свѣтъ проникалъ туда со стороны сада.

Такъ какъ монахинямъ уставъ предписывалъ молчаніе, то публика узнавала объ ихъ присутствіи только по стуку палочекъ у сидѣній, которыя подымались и опускались съ большимъ шумомъ.

VII.

Нѣсколько силуэтовъ въ этомъ мракѣ.

Съ 1819 г. до 1825 г. въ продолженіе шести лѣтъ настоятельницей Малаго Пикпюса была дѣвица Блемеръ, въ монашествѣ мать Иннокентія. Она происходила изъ семьи Маргариты Блемеръ, автора «Житія святыхъ ордена св. Бенедикта». Она была избрана вторично. Мать Иннокентія была женщина небольшого роста,

---

[1]) Висятъ на деревѣ три тѣла неодинаковаго достоинства:
Дисмасъ и Гесмасъ, а въ серединѣ—Божественная сила.
Дисмасъ несется въ горняя, несчастный Гесмасъ сходитъ въ нижняя.
Да сохранитъ насъ и достояніе наше Высшая сила.
Говори эти стихи, чтобы не лишиться своего достоянія черезъ воровъ.

лѣтъ 60-ти, тучная, добрая и веселая. Послѣднія два качества снискали ей общую любовь въ монастырѣ. Она во многомъ была похожа на свою родственницу Маргариту, учредительницу ордена. Была прекрасно разносторонне образована, начитана, обладала большой эрудиціей, прекрасно знала исторію, а также языки: латинскій, греческій и еврейскій,—однимъ словомъ, скорѣе была похожа на бенедиктинца, чѣмъ на бенедиктинку.

Ея помощница, старая испанская монахиня, матушка Синересъ, была почти слѣпая.

Между матерями-гласными наибольшимъ уваженіемъ пользовались: мать св. Гонорія, казначея, мать св. Гертруда, главная начальница послушницъ; мать св. Ангела, ея помощница; мать Благовѣщеніе, завѣдовавшая ризницей; мать св. Августина, завѣдовавшая лазаретомъ, единственная злая во всемъ монастырѣ; мать св. Мехтильда (дѣвица Говэнъ) молодая, съ чуднымъ голосомъ; мать Анна (дѣвица Друа), бывшая въ монастырѣ des Filles-Dieu и въ монастырѣ Trésor; мать св. Іосифа (дѣвица Коголлуда); мать св. Адеалаида (дѣвица д'Овернэ), мать Милосердія (дѣвица де-Сифуентесъ), не выносившая строгости монастырскихъ правилъ; мать Состраданіе (дѣвица де-Мильтіеръ), очень богатая, принятая въ монастырь 60-ти лѣтъ, вопреки уставу; мать Провидѣніе (дѣвица Лодиніеръ); мать Введеніе (дѣвица Сигуенца), бывшая въ 1847 г. настоятельницей; и, наконецъ, двѣ монахини, сошедшія съ ума, мать св. Селина (сестра скульптора Серакки) и мать Октоихъ (дѣвица Сизонъ). Въ числѣ самыхъ красивыхъ монахинь была прелестная 23-лѣтняя дѣвушка съ острова Бурбона, потомокъ кавалера Розъ; въ мірѣ она называлась бы m-lle Розъ, а въ монашествѣ мать Успеніе. Мать св. Мехтильда, завѣдывавшая пѣніемъ и хоромъ, часто заставляла пансіонерокъ участвовать въ хорѣ. Изъ нихъ она составляла полную гамму, т.-е. брала семь пансіонерокъ отъ 10 лѣтъ до 16 л., при чемъ подбирала по голосу и росту. Заставляя пѣть, она разставляла ихъ въ рядъ, начиная съ самой маленькой и кончая самой большой. Получалось впечатлѣніе, напоминавшее какъ бы свирѣль изъ молодыхъ дѣвушекъ, родъ живой флейты Пана, состоявшей изъ ангеловъ.

Изъ послушницъ пансіонерки больше всего любили сестру Эфразію, сестру Маргариту, сестру Маѳу, впавшую въ дѣтство и сестру Михаилу; длинный носъ послѣдней ихъ очень смѣшилъ.

Всѣ эти монахини относились къ дѣтямъ хорошо, онѣ были строги только къ себѣ. Топились печи въ одномъ только пансіонѣ, гдѣ пища по сравненію съ монастырской отличалась изысканностью. Несмотря на всю заботливость о пансіонеркахъ, монахини строго придерживались монастырскихъ правилъ и не отвѣчали воспитанницѣ, если послѣдняя заговаривала съ ними.

Уставъ молчанія привелъ къ тому, что казалось, что у монахинь отнятъ даръ слова и переданъ неодушевленнымъ предметамъ: вмѣсто человѣческаго голоса слышался то ударъ колокола, то звонъ бубенчика. Колоколъ, помѣщенный около привратницы,

громкими, звонкими ударами, подобно акустическому телеграфу, давалъ знать о разныхъ отправленіяхъ монастырской жизни, напр., призывалъ въ пріемную то ту, то другую монахиню. Каждому человѣку и каждой вещи соотвѣтствовали особые удары колокола. Настоятельницу вызывалъ одинъ ударъ, помощницу настоятельницы вызывали два удара. Шесть и вслѣдъ за тѣмъ пять ударовъ означали время итти въ классъ.

На языкѣ воспитанницъ не говорилось итти въ классъ, а итти въ шесть-пять. Четыре и четыре удара былъ сигналъ для г-жи де-Жанлисъ. Онъ раздавался часто. «C'est le diable à quatre», говорилось въ насмѣшку. Девятнадцать ударовъ служили указаніемъ важнаго событія: они означали раскрытіе тяжелыхъ монастырскихъ воротъ по случаю пріѣзда архіепископа, такъ какъ ворота раскрывались только для него. За исключеніемъ его и садовника ни одинъ мужчина не имѣлъ входа въ монастырь. Впрочемъ, пансіонерки видали еще двухъ мужчинъ; священника аббата Банеса, довольно безобразнаго старика, котораго онѣ могли созерцать сквозь рѣшетку, и учителя рисованія г. Ансіо,—о немъ упоминалось въ вышеприведенномъ письмѣ, гдѣ онъ названъ старымъ отвратительнымъ горбуномъ.

Подборъ мужчинъ былъ сдѣланъ тщательно.

Вотъ каковъ былъ этотъ монастырь.

VIII.

Post corda lapides [1].

Обрисовавъ нравственную сторону монастыря, опишемъ и его внѣшній видъ.

Читатель уже имѣетъ объ этомъ нѣкоторое понятіе. Монастырь св. Антонія что на Маломъ Пикпюсѣ заполнялъ почти всю трапецію, окруженную улицами Полонсо, Друа-Мюръ, Малый Пикпюсъ и улицей, называвшейся на старыхъ планахъ Омаре. Всѣ эти улицы окружали трапецію какъ бы рвомъ.

Монастырь состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій и сада. Зданія, взятыя въ цѣломъ и разсматриваемыя съ птичьяго полета, напоминали лежавшую на землѣ висѣлицу. Длинный рукавъ ея занималъ всю улицу Друа-Мюръ, заключенную между Малымъ Пикпюсомъ и улицей Полонсо; короткій рукавъ состоялъ изъ высокаго строгаго сѣраго фасада, выходившаго на Малый Пикпюсъ, ворота № 62 помѣщались на концѣ этого рукава. Въ срединѣ фасада находились низкія старыя ворота, покрытыя густымъ слоемъ пыли и паутины, они отворялись только на часъ или на два въ воскресенье или когда выносили гробъ монахини. Это былъ общій входъ въ церковь. Уголъ висѣлицы составляла квадратная зала, называвшаяся кладовой.

Въ длинномъ рукавѣ находились кельи матерей, сестеръ и послушницъ, въ короткомъ—кухни, столовая и церковь. Между во-

[1]) Послѣ сердецъ—о камняхъ.

ротами № 62 и глухимъ переулкомъ Омаре помѣщался пансіонъ; извнѣ онъ не былъ виденъ. Остальную часть трапеціи образовалъ садъ, расположенный значительно ниже уровня улицы Полонсо, благодаря чему внутреннія стѣны были выше внѣшнихъ. Посреди сада находился холмикъ, на которомъ росла остроконечная конусообразная ель; отъ нея шли, какъ отъ центра щита, четыре большихъ аллеи и восемь маленькихъ. Если бы садъ представлялъ кругъ, то геометрическій планъ аллей походилъ бы на крестъ, положенный на колесо. Аллеи были разной длины, такъ какъ оканчивались у крайне неправильныхъ стѣнъ. Въ глубинѣ сада шла аллея высокихъ тополей отъ развалинъ стараго монастыря, находившихся на углу улицы Друа-Мюръ, до зданія малаго монастыря на углу переулка Омаре. Передъ малымъ монастыремъ находился такъ называемый малый садъ. Мы получимъ полное представленіе о томъ, каковъ былъ внѣшній видъ монастыря Малаго Пикпюса 45 лѣтъ тому назадъ, если прибавимъ ко всему описанному дворъ, углы, образуемые внутренними постройками, тюремныя стѣны и вмѣсто всякой перспективы длинную линію крышъ, окаймлявшихъ противоположную сторону улицы Полонсо. Этотъ святой монастырь былъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ XIV и XVI вѣкахъ происходила знаменитая игра въ мячъ, называвшаяся «вертепомъ одиннадцати тысячъ дьяволовъ».

Эти улицы были одними изъ самыхъ древнихъ въ Парижѣ. Названія Друа-Мюръ и Омаре старыя, а улицы, носящія ихъ, еще старше. Переулокъ Омаре прежде называли переулкомъ Могу, улица Друа-Мюръ — Эглантье.

IX.

Цѣлый вѣкъ подъ апостольникомъ.

Такъ какъ мы во всѣхъ подробностяхъ обрисовали Пикпюсскій монастырь и осмѣлились открыть окно въ это таинственное убѣжище, то мы позволимъ себѣ еще маленькое отступленіе, характерное и полезное въ томъ отношеніи, что оно познакомитъ насъ съ оригинальными фигурами, встрѣчавшимися тамъ.

Въ маломъ монастырѣ жила столѣтняя старуха, пришедшая изъ аббатства Фонтевро. До революціи она жила въ міру. Она часто говорила о г. де-Мироменилѣ, министрѣ юстиціи Людовикѣ XVI, и о президентшѣ Дюпла, которыхъ хорошо знала. При всякомъ удобномъ случаѣ она упоминала о нихъ. Она разсказывала чудеса объ аббатствѣ Фонтевро; по ея словамъ, это былъ цѣлый городъ, а около монастыря были улицы. Она говорила на пикардійскомъ нарѣчіи, что смѣшило пансіонерокъ. Каждый годъ она торжественно возобновляла свои обѣты. Когда она давала клятву, пансіонерки едва сдерживали смѣхъ, что заставляло матушекъ-гласныхъ хмурить брови.

Случалось, что столѣтняя старуха разсказывала цѣлыя исторіи. Во времена ея юности бернардинцы не уступали мушкетерамъ. Въ ней воплощался весь XVIII вѣкъ и этотъ вѣкъ говорилъ.

Она разсказывала объ обычаѣ, существовавшемъ до революціи въ Бургундіи и Шампани. Когда знатное лицо, напр., маршалъ Франціи, принцъ, герцогъ или пэръ, черезъ какой-нибудь городъ проѣзжало, то совѣтъ города выходилъ его привѣтствовать и подносилъ ему четыре серебряныхъ кубка съ различнымъ виномъ. На первомъ кубкѣ была надпись «обезьянье вино», на второмъ «львиное вино», на третьемъ «баранье вино» и на четвертомъ «свиное вино». Это означало четыре степени опьянѣнія: первая степень веселитъ, вторая раздражаетъ, третья притупляетъ, а послѣдняя превращаетъ въ скота

У старухи въ запертомъ шкапу находился таинственный предметъ, повидимому, очень любимый ею. Это не запрещалось уставомъ Фонтевро. Каждый разъ, когда она любовалась имъ, она запиралась. Если же при этомъ она слышала шаги по коридору, она быстро запирала шкапъ. Ее часто спрашивали объ этомъ, но она упорно молчала, несмотря на свою обычную болтливость. Любопытство окружающихъ разбивалось объ ея упрямство. Это обстоятельство коментировалось въ монастырѣ на разные лады. Что это было за сокровище? Вѣроятно, священная книга или рѣдкія четки или св. мощи,—терялись въ догадкахъ. Послѣ смерти старухи всѣ кинулись къ шкапу, можетъ-быть, раньше, чѣмъ бы слѣдовало, и открыли его. Тамъ нашли драгоцѣнный предметъ, тщательно завернутый въ полотно, какъ священный дискосъ. Это было фаянсовое блюдо съ изображеніемъ амуровъ, улетавшихъ отъ преслѣдованій аптекарскихъ учениковъ, вооруженныхъ громадными клистирными трубками. Здѣсь было много комичнаго: одинъ пойманный прелестный амуръ старался вырваться, но безуспѣшно, при сатанинскомъ смѣхѣ ученика. Мораль: любовь, побѣжденная рѣзью въ желудкѣ. Это крайне интересное блюдо, можетъ-быть, вдохновлявшее Мольера, существовало еще въ сентябрѣ 1845 г. Оно продавалось у одного старьевщика на бульварѣ Бомарше. Эта старуха не допускала, чтобы ее посѣщали міряне, потому что, по ея мнѣнію, монастырская пріемная была слишкомъ мрачна.

X.

Происхожденіе „непрестаннаго поклоненія“.

Слишкомъ мрачная пріемная — явленіе мѣстное, другіе монастыри не отличаются такими строгими правилами. Въ монастырѣ на улицѣ Тампль, принадлежавшемъ другому ордену, черные ставни замѣнялись коричневыми занавѣсками, а пріемною служила зала съ паркетнымъ поломъ, на окнахъ были кисейныя занавѣски, а на стѣнахъ допускались украшенія: висѣлъ портретъ бенедиктинки съ открытымъ лицомъ, висѣли картины съ букетами и голова турка.

Въ саду монастыря на улицѣ Тампль находилось каштановое дерево, привезенное изъ Индіи, считавшееся во Франціи однимъ изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ большихъ каштановыхъ деревьевъ. Народъ въ XVIII столѣтіи называлъ его отцомъ всѣхъ каштановъ въ государствѣ.

Мы уже говорили, что въ Тампльскомъ монастырѣ жили бенедиктинки «непрестаннаго поклоненія»; бенедиктинки, ведшія начало отъ Сито, сильно отличались отъ нихъ. Этотъ орденъ «непрестаннаго поклоненія» не очень древній, ему нѣтъ и 200 лѣтъ. Въ 1649 г. св. Дары были дважды осквернены въ двухъ парижскихъ церквахъ, въ церкви Сенъ-Сюльписъ и въ церкви Сенъ-Жанъ. Это было ужасное и рѣдкое святотатство, взволновавшее весь городъ.

Настоятель церкви Сенъ-Жерменъ де-Пре устроилъ торжественную процессію всего духовенства. Служилъ при этомъ папскій нунцій. Но двухъ достойныхъ женщинъ, госпожу Куртенъ, она же маркиза де-Букъ, и графиню Шатовье, это не удовлетворило. Оскорбленіе святыни алтаря ихъ страшно взволновало, и онѣ нашли нужнымъ искупить этотъ грѣхъ учрежденіемъ монастыря «Непрестаннаго поклоненія». Обѣ пожертвовали на это значительныя суммы, одна въ 1652 г., другая въ 1653, и передали ихъ матери Екатеринѣ де-Баръ, монахинѣ-бенедиктинкѣ, для основанія монастыря ордена св. Бенедикта. Первое разрѣшеніе на учрежденіе монастыря было дано матери Екатеринѣ де-Баръ г. де-Мецомъ, аббатомъ сенъ-жерменскимъ, но только съ условіемъ, чтобы каждая дѣвушка принималась со взносомъ 300 ливровъ дохода въ годъ, что составляло въ общемъ вкладъ шесть тысячъ ливровъ. Послѣ сенъ-жерменскаго аббата монастырю далъ жалованную грамоту король; все вмѣстѣ, хартія аббата и королевская грамота были въ 1654 г. утверждены контрольной палатой и парламентомъ.

Вотъ происхожденіе и законное освященіе учрежденія бенедиктинокъ «непрестаннаго поклоненія». Ихъ первый монастырь былъ заново выстроенъ въ улицѣ Кассетъ на средства г-жъ де-Букъ и де-Шатовье.

Этотъ орденъ, какъ мы видѣли, имѣлъ мало общаго съ орденомъ бенедиктинокъ изъ Сито. Онъ зависѣлъ отъ аббата Сенъ-Жерменъ де-Пре, такъ же какъ монахини Сердца Іисусова зависѣли отъ генерала ордена іезуитовъ, а сестры милосердія — отъ генерала лазаристовъ.

Онъ сильно отличался отъ ордена Малаго Пикпюса, о которомъ мы только что говорили. Въ 1657 г. папа Александръ VII спеціальнымъ указомъ разрѣшилъ бернардинкамъ Малаго Пикпюса практиковать непрестанное поклоненіе по примѣру бенедиктинокъ св. Причастія. Но, тѣмъ не менѣе, эти ордена сильно различались между собою.

XI.

Конецъ Малаго Пикпюса.

Съ началомъ реставраціи монастырь Малаго Пиксюса сталъ приходить въ упадокъ. Послѣ XVIII столѣтія онъ, подобно другимъ орденамъ, погибалъ. Созерцаніе, такъ же какъ и молитва, является потребностью человѣчества, но подобно всему другому, къ чему только ни прикасалась революція, оно должно было преобразо-

ваться и изъ враждебнаго человѣческому прогрессу сдѣлаться ему благопріятнымъ.

Число обитательницъ Мало-Пикпюсскаго монастыря быстро уменьшалось. Въ 1840 г. исчезъ малый монастырь и пансіонъ. Не было больше ни старыхъ женщинъ ни молодыхъ дѣвушекъ,— однѣ умерли, другія удалились. Volaverunt [1]).

Уставъ «непрестаннаго поклоненія» пугалъ своей строгостью и не было больше желающихъ поступать въ этотъ монастырь. Еще въ 1845 г. изрѣдка появлялись послушницы, но ужъ не было постриженій. 40 лѣтъ тому назадъ насчитывалось около ста монахинь, а 15 лѣтъ тому назадъ не было двадцати восьми. Сколько ихъ теперь? Въ 1847 г. въ монастырѣ была молодая настоятельница, ей не было еще 40 лѣтъ, — вѣрный признакъ ограниченности выбора. По мѣрѣ того, какъ уменьшалось число, увеличивалось утомленіе, обязанности каждой монахини становились тяжелѣе и предчувствовался тотъ моментъ, когда останется не болѣе двѣнадцати измученныхъ монахинь, чтобы нести на себѣ тяжелый уставъ св. Бенедикта. Его строгость неумолимость одинаковы какъ для меньшинства, такъ и для большинства. Уставъ прямо давилъ своею тяжестью. Монахини часто умирали. Когда авторъ этой книги былъ въ Парижѣ, умерли двѣ монахини, одна 25 лѣтъ, другая 23. Послѣдняя можетъ сказать, какъ Юлія Альпинула: Hic jaceo. Vixi annos viginti et tres [2]). Въ силу такого упадка монастырь отказался отъ воспитанія дѣвицъ.

Мы не могли пройти мимо такого страннаго и мрачнаго монастыря и не заглянуть туда вмѣстѣ съ читателемъ, для пользы котораго, можетъ-быть, мы разсказываемъ грустную исторію Жана Вальжана. Мы ознакомились съ общиной, со старыми обрядами, которые теперь кажутся новизной. Это замкнутый садъ—Hortus conclusus. Мы разсмотрѣли это странное мѣсто во всѣхъ подробностяхъ, относясь къ нему съ уваженіемъ, насколько уваженіе согласимо съ подробностями. Мы многаго не понимаемъ, но ни надъ чѣмъ не смѣемся. Мы одинаково далеки какъ отъ восхваленій Жозефа до Местра, который прославлялъ палача, такъ и отъ насмѣшекъ Вольтера, который позволялъ себѣ издѣваться надъ Распятіемъ.

Мимоходомъ сказать, Вольтеръ въ данномъ случаѣ показалъ себя совершенно нелогичнымъ и непослѣдовательнымъ. Живи онъ самъ при Пилатѣ Понтійскомъ, онъ бы непремѣнно защищалъ Іисуса Христа, какъ защищалъ Каласа. Да и что такое распятый Христосъ хотя бы съ точки зрѣнія тѣхъ самыхъ людей, которые не вѣрятъ въ возможность земныхъ воплощеній Божества? Безвинно казненный великій мудрецъ. Надъ чѣмъ тутъ смѣяться?

Въ XIX вѣкѣ религіозная идея переживаетъ кризисъ. Отъ многаго отвыкаютъ, и это отчасти хорошо, но, отвыкая отъ одного, надо научиться чему-нибудь другому. Сердце человѣческое не

---

[1]) Улетѣли.
[2]) Здѣсь я лежу. Жила на свѣтѣ двадцать три года.

терпитъ пустоты. Разрушеніе должно сопровождаться новыми созиданіями.

Займемся изученіемъ вещей, которыхъ уже нѣтъ. Ихъ необходимо знать, хоть бы для того, чтобы ихъ избѣгнуть. Эти подделки прошлаго принимаютъ ложныя имена и любятъ называть себя будущимъ. Являясь привидѣніемъ съ того свѣта, прошлое ловко поддѣлываетъ свой паспортъ. Это нужно принять во вниманіе. Перестанемъ довѣрять. У прошлаго есть лицо — суевѣріе и есть маска—лицемѣріе. Укажемъ лицо и сорвемъ маску.

Относительно монастырей возникаетъ сложный вопросъ: цивилизація ихъ осуждаетъ, свобода — защищаетъ.

Книга седьмая.—ВВОДНОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ.

I.

Монастырь — идея отвлеченная.

Эта книга — драма, въ которой главное дѣйствующее лицо — безконечность.

Человѣкъ въ ней лицо второстепенное.

На нашемъ пути мы встрѣтили монастырь и были вынуждены проникнуть туда. Почему? Потому что монастырь — достояніе древняго и новаго времени, язычества, буддизма, магометанства и христіанства, — представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ оптическихъ инструментовъ, которые люди наводятъ на безконечность.

Здѣсь не мѣсто развивать черезчуръ пространно нѣкоторыя идеи; но, не поступаясь нашими оговорками, нашими ограниченіями и даже нашимъ негодованіемъ, мы, тѣмъ не менѣе, проникаемся уваженіемъ всякій разъ, когда встрѣчаемъ въ человѣкѣ стремленіе къ безконечности, хотя бы и плохо понятой. Въ синагогѣ, въ мечети, въ пагодѣ, въ вигвамѣ есть сторона отвратительная, которая отталкиваетъ насъ, и сторона величественная, предъ которой мы преклоняемся. Какая созерцательность ума, какая глубокая мечтательность! Это отраженіе Божіе на стѣнѣ человѣческой.

II.

Монастырь — историческій фактъ.

Монашество осуждено съ точки зрѣнія исторіи, разума и истины.

Когда у народа слишкомъ много монастырей, они тормозятъ движеніе, загромождаютъ путь и являются средоточіями лѣни тамъ, гдѣ требуется сосредоточеніе труда. По отношенію къ великой человѣческой общинѣ монастыри играютъ ту же роль, какую играетъ омела по отношенію къ дубу или бородавка по отношенію къ человѣческому тѣлу. Ихъ процвѣтаніе и утолщеніе истощаютъ государство. Монастырскій режимъ, полезный при зачаткѣ цивилизаціи, въ смыслѣ ограниченія животнаго элемента духовнымъ, вредитъ возмужалости народа. Помимо того, когда этотъ режимъ ослабѣваетъ и вступаетъ въ періодъ разнузданности, продолжая служить примѣромъ, онъ наноситъ вредъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ былъ полезенъ въ періодѣ своей чистоты.

Времена затворничества миновали. Полезные для первоначальнаго насажденія современной цивилизаціи, католическіе монастыри позднѣе стѣсняли ея ростъ и вредили ея развитію. Въ качествѣ учрежденій и способа для развитія человѣка, монастыри, по-

лезныe въ десятомъ вѣкѣ, подлежащіе обсужденію въ пятнадцатомъ, зловредны въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Монастырская проказа сглодала почти до самыхъ костей двѣ прелестныхъ націи—Италію и Испанію, изъ которыхъ первая была свѣточемъ, а вторая—красой Европы въ теченіе многихъ вѣковъ; въ нашу эпоху оба знаменитыхъ народа начинаютъ излѣчиваться, только благодаря цѣлебной и сильной гигіенѣ 1789 года.

Старинный монастырь и въ особенности монастырь женскій, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Италіи, въ Австріи, въ Испаніи, сосредоточиваетъ въ себѣ средневѣковый мракъ. Такой монастырь—точка преломленія ужасовъ. Католическій монастырь въ тѣсномъ значеніи слова весь наполненъ мрачнымъ отблескомъ смерти.

Особенно зловѣщъ испанскій монастырь. Тамъ, во тьмѣ, подъ туманными сводами, подъ куполами съ неопредѣленными, благодаря мраку, очертаніями, высятся громоздкіе алтари, величиною съ соборы; тамъ, во тьмѣ, висятъ на цѣпяхъ громадныя бѣлыя Распятія; на черномъ деревѣ выдѣляются обнаженныя изображенія Христа изъ слоновой кости, не только окровавленныя, но истекающія кровью, внушающія ужасъ и восхищеніе,—съ локтями, обнаженными до костей, съ колѣнными чашками безъ покрововъ, съ зіяющими ранами, увѣнчанныя серебряными терніями, пригвожденныя золотыми гвоздями, съ рубинами, изображающими капли крови на лбу, и съ брильянтами, сверкающими на глазахъ въ видѣ слезъ. Рубины и брильянты кажутся влажными и заставляютъ плакать тамъ внизу, во мракѣ, закутанныя въ покрывала существа, тѣла которыхъ истерзаны власяницами и бичами съ желѣзными наконечниками, груди сдавлены рѣшетками изъ прутьевъ, колѣни содраны отъ стояній на молитвѣ,—женщинъ, считающихъ себя духами, привидѣнія, мнящія себя серафимами. Размышляютъ ли эти женщины? Нѣтъ. Желаютъ ли онѣ чего? Нѣтъ. Любятъ ли онѣ кого? Нѣтъ. Ихъ нервы превратились въ кости, а кости—въ камни. Ихъ покрывала—ткань ночи. Ихъ дыханіе подъ покрываломъ походитъ на какое-то трагическое дыханіе смерти. Настоятельница, страшилище, освящаетъ и терроризируетъ ихъ. Таковы старинные монастыри въ Испаніи. Это убѣжища религіозности, возбуждающей ужасъ, норы дѣвственницъ, зловѣщія мѣста.

Католическая Испанія была болѣе римской, чѣмъ самый Римъ. Испанскій монастырь былъ по преимуществу монастыремъ католическимъ. Въ немъ сказывался востокъ. Архіепископъ, Кизляръ-ага неба, содержалъ подъ замкомъ и строгимъ надзоромъ сераль изъ душъ, посвященныхъ Богу. Монахиня была одалиской, священникъ—евнухомъ. Каждый брошенный наружу взглядъ почитался измѣной. Заточеніе замѣняло собою кожаный мѣшокъ. То, что на востокѣ бросали въ море, на западѣ бросали подъ землю. И тамъ и здѣсь женщины ломали себѣ руки; однѣхъ ожидала волна, другихъ—яма; тамъ топили, здѣсь погребали. Чудовищное сопоставленіе!

Въ настоящее время поклонники старины, поставленные въ невозможность отрицать эти факты, рѣшились отдѣлываться улыб-

ками. Они ввели въ моду удобный и оригинальный способъ уничтожать разоблаченія исторіи, обезсиливать философскія толкованія и опускать всѣ стѣснительные факты и всѣ мрачные вопросы. *Эта тема для декламацій*, говорятъ ловкіе люди. Это декламаціи, повторяютъ за ними глупцы. Жанъ-Жакъ—декламаторъ, Дидро—декламаторъ, Вольтеръ по поводу Каласа—sur Calas, Лабаръ и Сирвенъ—декламаторы. Кто-то недавно находилъ, что Тацитъ декламаторъ, а Неронъ—жертва, и что слѣдовало сожалѣть «этого бѣднаго Олоферна».

Факты, однако, смутить нельзя: они держатся упорно. Авторъ этой книги видѣлъ собственными глазами, на разстояніи восьми льё отъ Брюсселя,—гдѣ всякій можетъ созерцать средніе вѣка, въ аббатствѣ Виллье, посреди луга, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде монастырскій дворъ, яму подземной темницы (тайники), а на берегу рѣки Диля четыре каменныхъ тюрьмы, которыя наполовину въ землѣ, наполовину подъ водой. Это — монастырскія тюрьмы. Въ каждой изъ тюремъ уцѣлѣли остатки желѣзной двери, отхожаго мѣста и слухового окна съ рѣшеткой, которое снаружи приходилось на разстояніи двухъ футовъ надъ рѣкою, а внутри—на разстояніи двухъ футовъ подъ землею. Уровень рѣки, протекающей вдоль наружныхъ стѣнъ, равняется четыремъ футамъ. Почва всегда влажная. Эта мокрая земля служила постелью. Въ одной изъ темницъ можно видѣть обрывокъ желѣзнаго ошейника, ввинченнаго въ стѣну, въ другой—подобіе четырехугольнаго ящика изъ четырехъ кусковъ гранита; этотъ ящикъ черезчуръ коротокъ для лежанья и черезчуръ низокъ для стоянія. Въ него клали человѣка и закрывали каменной крышкой. Это видишь, это осязаешь. Не правда ли, каковы декламаторы! Всѣ эти темницы, желѣзные запоры, ошейники, высокое слуховое окно на одномъ уровнѣ съ рѣкою, каменный ящикъ съ гранитною крышкой, похожій на могилу, съ тою лишь разницею, что вмѣсто мертвеца лежалъ живой человѣкъ, а подъ нимъ пропитанная грязью почва, дыра отхожаго мѣста, мокрыя стѣны! Все это — неужели декламація?

III.

При какихъ условіяхъ можно относиться съ уваженіемъ къ прошлому.

Монашество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ Испаніи и въ какомъ существуетъ въ Тибетѣ, своего рода чахотка для цивилизаціи. Оно пресѣкаетъ жизнь. Оно обезлюживаетъ. Затворничество — кастрація. Оно было моровой язвой Европы. Прибавьте къ тому частыя насилія надъ совѣстью, вступленія въ монашество по принужденію, опиравшійся на монастырь феодализмъ, старшихъ въ родѣ, обрекавшихъ на монашество остальныхъ членовъ многочисленной семьи, жестокости, о которыхъ я только что упоминалъ, темницы, замкнутыя уста, секвестрованные мозги, множество злополучныхъ даровитыхъ людей, запря-

танныхъ въ темницы вѣчныхъ обѣтовъ, постриги, похороны живыхъ душъ. Прибавьте еще къ тому мученія, присущія національной деградаціи, и всякій изъ насъ затрепещетъ при видѣ монашескаго клобука и покрывала, этихъ двухъ савановъ, изобрѣтенныхъ человѣкомъ.

Тѣмъ не менѣе, вопреки философіи, вопреки прогрессу, затворничество даже еще въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ продолжаетъ существовать на нѣкоторыхъ пунктахъ и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, а странное усиленіе аскетизма изумляетъ въ данную минуту весь цивилизованный міръ. Упорное стремленіе отжившихъ учрежденій къ увѣковѣченію себя напоминаетъ упорство испорченныхъ прокислыхъ духовъ умащать наши волосы, или домогательство гнилой рыбы служить кушаньемъ, или претензію дѣтскаго платья служить одеждой взрослому. Это трупъ, воспылавшій нѣжностью къ живымъ организмамъ и пытающійся ихъ цѣловать.

— Неблагодарные!—говоритъ платье.—Я защищаю васъ въ непогоду, почему же вы не хотите меня дольше носить?—Я плавала въ морѣ,—говоритъ рыба.—Мы были розами,—говорятъ духи.—Я васъ любилъ,—говоритъ трупъ.—Я васъ цивилизовалъ,—говоритъ монастырь.

На все это существуетъ только одинъ отвѣтъ: да, въ былое время.

Весьма странно мечтать о безпредѣльномъ продолженіи вещей мертвыхъ и объ управленіи людьми посредствомъ бальзамированія, о реставрированіи обветшалыхъ догматовъ, наводить позолоту, перештукатуривать монастыри, сызнова освящать ихъ, возобновлять суевѣрія, давать новую пищу фанатизму, придѣлывать рукоятки къ кропиламъ и шпагамъ, возстановлять монашество и милитаризмъ, вѣровать въ то, что размноженіе паразитовъ спасетъ общество, и навязывать прошедшее настоящему. Тѣмъ не менѣе эти теоріи имѣютъ своихъ послѣдователей.

Что до насъ, то мы кое за что уважаемъ прошлое и вездѣ щадимъ его, если только оно соглашается считать себя умершимъ. Если же оно хочетъ считаться живымъ, мы ополчаемся на него и стараемся его убить.

Хотя суевѣріе, лицемѣріе, ханжество, предразсудки не болѣе какъ личинки, но личинки эти весьма живучи, у нихъ есть зубы и когти; съ ними нужно вступать въ единоборство и воевать непрестанно, ибо человѣчество осуждено на вѣчную борьбу съ призраками. Тѣнь трудно схватить за горло и уничтожить.

Монастырь во Франціи, при полуденномъ освѣщеніи девятнадцатаго вѣка, являетъ собою сборище совъ при дневномъ свѣтѣ. Монастырь съ истиннымъ отшельничествомъ среди города, пережившаго такіе года, какъ 89-ый, 1830 и 1848, представляетъ собою анахронизмъ. Въ Парижѣ прошлаго и нынѣшняго вѣка не можетъ процвѣтать Римъ. Въ обыкновенную эпоху для удаленія анахронизма и его полнаго уничтоженія стоитъ только заставить его назвать по порядку вѣкъ, но мы живемъ не въ обыкновенную эпоху.

Итакъ, будемъ сражаться, но сражаться съ разборомъ. Истина отличается тѣмъ, что ее никогда нельзя преувеличить. Къ чему ей преувеличеніе? Есть то, что должно быть уничтожено, и есть то, что требуетъ только разъясненія и разсмотрѣнія. Какая сила заключается въ доброжелательномъ и серьезномъ анализѣ! Не будемъ же вносить пламени туда, гдѣ достаточно одного свѣта.

Такъ какъ теперь девятнадцатый вѣкъ, то мы, въ общемъ, не допускаемъ аскетическихъ затворничествъ ни у европейскихъ, ни у азіатскихъ народовъ, ни въ Индіи, ни въ Турціи. Монастыри— тѣ же болота. Ихъ плѣсень очевидна, застой вредоносенъ, броженіе заражаетъ лихорадками и изнуряетъ людей, ихъ размноженіе становится египетскою казнью. Мы съ ужасомъ думаемъ о тѣхъ странахъ, гдѣ факиры, бонзы, сантоны, калуэры, марабуты, талапуэны и дервиши кишатъ какъ заразныя инфузоріи. Но существуетъ вопросъ религіозный. Этотъ вопросъ имѣетъ извѣстныя таинственныя, почти страшныя стороны. Позволимъ же себѣ пристально вглядѣться въ него.

IV.

Монастырь съ точки зрѣнія принциповъ.

Люди соединяются для совмѣстной жизни. Въ силу какого права? Въ силу права ассоціаціи. Они запираются у себя. Въ силу какого права? Въ силу права каждаго человѣка отворять и запирать свои двери. Они никуда не выходятъ. Въ силу какого права? Въ силу права на свободное передвиженіе, заключающаго въ себѣ право оставаться у себя дома. Что же дѣлаютъ они у себя? Они говорятъ шопотомъ; они опускаютъ глаза; они трудятся. Они отрекаются отъ свѣта, отъ городовъ, отъ чувственности, отъ удовольствій, суетности, тщеславія, гордости, выгодъ. Они одѣваются въ грубую шерсть или толстый холстъ. Ни у одного нѣтъ никакой собственности. Вступая въ монастырь, богачъ становится бѣднякомъ. То, что онъ имѣетъ, онъ отдаетъ всѣмъ. Тотъ, кто былъ такъ называемымъ благороднымъ человѣкомъ, дворининомъ, бариномъ, становится равнымъ тому, кто былъ крестьяниномъ. Келья равняетъ всѣхъ. У всѣхъ одинаковая тонзура, всѣ носятъ одинаковую рясу, одинаково ѣдятъ черный хлѣбъ, одинаково спятъ на соломѣ, одинаково умираютъ на золѣ. У всѣхъ на плечахъ мѣшокъ, у всѣхъ чресла препоясаны веревкой. Они всѣ ходятъ босикомъ, если того требуетъ уставъ. Тамъ князь—такая же тѣнь, какъ все остальное. Титуловъ больше нѣтъ, даже фамиліи исчезли. У нихъ только одни имена. Всѣ склонились подъ равенствомъ именъ, полученныхъ при крещеніи. Они уничтожили тѣлесную семью и учредили въ своей общинѣ семью духовную. У нихъ одна родня,— все человѣчество. Они помогаютъ бѣднымъ, они ходятъ за больными. Они избираютъ тѣхъ, кому повинуются. Они зовутъ другъ друга братьями. Вы останавливаете меня восклицаніемъ: это идеализація монастыря! Такихъ монстырей не бываетъ! Но если такой монастырь возможенъ, то я обязанъ принимать его въ расчетъ.

Вотъ почему я отнесся съ уваженіемъ къ монастырю въ предыдущей книгѣ. Устранивъ средніе вѣка и Азію, оставляя въ сторонѣ исторію и политику, я съ точки зрѣнія чистой философіи, а не воинствующей политики буду всегда относиться къ монастырской общинѣ съ серьезнымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже съ почтительнымъ вниманіемъ. Тамъ, гдѣ община, тамъ право. Монастырь — продуктъ формулы: равенство, братство. О, какъ могуча свобода! Какое величественное преображеніе! Одной свободы достаточно для преобразованія монастыря въ республику.

Пойдемъ далѣе.

Заключенные въ четырехъ стѣнахъ мужчины или женщины носятъ грубую одежду, равны между собою, зовутъ другъ друга братьями или сестрами,—все это прекрасно, но не дѣлаютъ ли они еще чего другого? Да, дѣлаютъ. Что же именно? Они глядятъ въ пространство, становятся на колѣни, складываютъ руки.

Что это означаетъ?

V.

Молитва.

Они молятся. Кому? Богу. Что значитъ молиться Богу? Существуетъ ли внѣ насъ безконечность?

Безконечна ли, продолжительна ли, постоянна ли, неизмѣнна ли, существенна ли эта безконечность въ силу самой своей безконечности? Можетъ ли недостатокъ матеріала положить ей предѣлъ? Разумна ли она въ силу того, что безконечна, и если у ней поизсякнетъ разумъ, то придетъ ли ей конецъ? Возбуждаетъ ли въ насъ эта безконечность идею сущности, тогда какъ въ насъ самихъ идея только существованія? Другими словами: не есть ли она абсолютное, а мы ея относительное? Если есть безконечность внѣ насъ, то нѣтъ ли ея и внутри насъ? Не наложены ли обѣ безконечности (какое страшное множественное число!) одна на другую? Не упраздняетъ ли одна безконечность другую? Не служитъ ли она ей зеркаломъ, отраженіемъ, эхомъ, концентрической бездной другой бездны? Разумна ли и эта вторая безконечность? Размышляетъ ли, любитъ ли, желаетъ ли она? Если обѣ безконечности разумны, то у каждой изъ нихъ воля, и мое я существуетъ какъ въ верхней, такъ и въ нижней безконечности. Мое нижнее я—душа, мое верхнее я—Богъ. Ставить безконечность нижнюю въ мысленное соприкосновеніе съ безконечностью верхнею—это и значитъ молиться, это и называется молитвой.

Не будемъ ничего отнимать у человѣческаго ума. Уничтожать— не хорошо. Нужно преобразовывать и передѣлывать. *Нѣкоторыя способности или свойства человѣка, какъ мысль, мечта, молитва тяготѣютъ къ неизвѣстному*. Неизвѣстное — океанъ. Что такое совѣсть? Компасъ неизвѣстнаго. Мысль, мечта, молитва — великіе таинственные свѣточи. Куда направлены эти величественныя сіянія души? Къ тѣни, то-есть къ свѣту. Величіе демократіи состоитъ въ томъ, что она у человѣчества ничего не отрицаетъ и не

отвергаетъ. На ряду съ правомъ человѣческой личности или, по меньшей мѣрѣ, поблизости отъ него существуетъ еще и право человѣческой души. Уничтожить фанатизмъ и благоговѣть передъ безконечностью,—вотъ въ чемъ законъ. Не будемъ ограничиваться однимъ преклоненіемъ передъ деревомъ мірозданія и созерцаніемъ его многочисленныхъ вѣтвей, наполненныхъ свѣтилами. На насъ лежитъ долгъ: мы должны работать надъ человѣческой душой, охранять тайное отъ чудеснаго, преклоняться передъ непонятнымъ и отвергать нелѣпое, изъ необъяснимаго признавать только необходимое, дѣлать вѣрованіе здравымъ, освобождать вѣру отъ суевѣрій.

VI.

Непреложная польза молитвы.

Всякій способъ молитвы хорошъ, если онъ искрененъ. Переверните книгу наизнанку и слейтесь съ безконечностью. Мы знаемъ, что существуетъ философія, отрицающая безконечность. Существуетъ также философія, отрицающая солнце: патологія называетъ ее слѣпотой. Возводить недостающее намъ чувство въ источникъ истины — апломбъ слѣпца. Любопытно то высокомѣріе, та надменность и то состраданіе, съ какими эта бредущая ощупью философія относится къ той философіи, которая лицезритъ Бога. Какъ будто слышишь восклицаніе крота: «Они мнѣ жалки съ своимъ солнцемъ!» Мы знаемъ, что есть атеисты знаменитые и могущественные. Въ сущности самое ихъ могущество ведетъ къ познанію истины; они не убѣжденные атеисты: у нихъ все сводится къ классификаціи (опредѣленіямъ); если же они и не вѣруютъ въ Бога, то во всякомъ случаѣ подтверждаютъ Его существованіе великостью и обширностью своего разума. Мы привѣтствуемъ ихъ какъ философовъ, но неумолимо осуждаемъ ихъ философію. Восхитителенъ также поверхностный способъ удовлетворяться словами. Одна сѣверная—нѣсколько туманная—метафизическая школа вообразила себѣ, что произвела переворотъ въ человѣческомъ мышленіи тѣмъ, что замѣнила слово Сила словомъ Воля. Если бы, говоря: растеніе хочетъ, вмѣсто того, чтобы говорить: растеніе растетъ, добавляли: вселенная хочетъ, то это, дѣйствительно, повело бы къ большимъ результатамъ. А почему? Потому что получился бы слѣдующій выводъ: Растеніе хочетъ,—значитъ, оно имѣетъ собственное я; вселенная хочетъ,—значитъ, есть Богъ. Хотя мы, въ противность этой школѣ, не отвергаемъ ничего a priori, но намъ труднѣе признать волю въ растеніи, которую признаетъ эта школа, чѣмъ волю во вселенной, которую она отрицаетъ. Отрицать волю безконечности, то-есть Бога, возможно только при отрицаніи безконечности. Мы доказали это. Отрицаніе безконечности ведетъ непосредственно къ нигилизму. Все становится «измышленіемъ разума» Съ нигилизмомъ спорить нельзя. Логичный нигилистъ сомнѣвается въ существованіи своего собесѣдника; онъ не вполнѣ увѣренъ и въ собственномъ существованіи. Возможно, что со своей точки зрѣнія онъ смотритъ на самого себя, какъ на «измышленіе

своего ума». Не замѣчаетъ онъ только, что произнесеніемъ слова: умъ, разумъ, онъ признаетъ огульно все то, что отрицаетъ. Вообще всякій путь для мысли закрытъ той философіей, которая сводитъ все къ слову «нѣтъ». На «нѣтъ» одинъ только отвѣтъ: «да». Нигилизмъ не имѣетъ никакого значенія. «Ничто» не существуетъ. Нуля нѣтъ. Во всемъ что-нибудь да есть. Ничто есть ничто. Человѣкъ живъ болѣе увѣренностью, чѣмъ хлѣбомъ. Недостаточно видѣть и показывать. Философія должна быть энергіей: ея результатомъ и усиліемъ должно быть улучшеніе человѣка. Сократъ долженъ войти въ Адама и воспроизвести Марка Аврелія; другими словами, изъ человѣка наслаждающагося долженъ выйти человѣкъ мудрый. Наука должна служить лѣкарствомъ. Наслажденіе—какая печальная цѣль и какое жалкое честолюбіе! И скотина наслаждается. Мышленіе—истинное торжество души. Предлагать мышленіе жаждущему человѣчеству, давать всѣмъ людямъ въ видѣ эликсира познаніе Бога, сливать въ нихъ воедино совѣсть и знаніе и развивать въ нихъ справедливость этимъ таинственнымъ сліяніемъ—вотъ въ чемъ задача истинной философіи. Нравственность расцвѣтаетъ въ истинѣ. Созерцаніе ведетъ къ дѣйствію. Абсолютное должно примѣняться на практикѣ. Умъ человѣческій долженъ вдыхать, воспринимать идеалъ и питаться имъ. Только идеалъ имѣетъ право сказать: «Пріимите, сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя». Мудрость есть священное пріобщеніе. Только при этомъ условіи она перестаетъ быть безплодной любовью къ наукѣ, становится единымъ универсальнымъ способомъ человѣческаго единенія и изъ философіи возводится въ религію. Философія не должна быть выступомъ, возведеннымъ на тайнѣ ради удобства жителей и имѣть своею конечною цѣлью удовлетвореніе любопытства. Откладывая развитіе нашей мысли до другого раза, мы ограничиваемся заявленіемъ, что не допускаемъ, чтобы человѣкъ былъ точкой отправленія, а прогрессъ—конечною цѣлью, если при этомъ отсутствуютъ двѣ силы, два двигателя: вѣра и любовь. Прогрессъ есть цѣль, идеалъ и типъ.

Что такое идеалъ? Богъ.

Идеалъ, абсолютъ, совершенство, безконечность,—слова однозначащія.

VII.

Порицать слѣдуетъ съ осторожностью.

У философіи и исторіи есть обязанности вѣчныя и вмѣстѣ съ тѣмъ простыя: бороться съ первосвященникомъ Каіафой, судьею Дракономъ, законодателемъ Примальціономъ, императоромъ Тиверіемъ. Это ясно, прямолинейно, прозрачно; тутъ нѣтъ ничего темнаго. Но право жить обособленною жизнью, даже со всѣми ея неудобствами и злоупотребленіями, требуетъ признанія осторожнаго къ нему отношенія. Отшельничество,—загадка для человѣчества. О монастыряхъ, мѣстахъ ошибокъ и невинности, заблужденія и доброй воли, невѣжества и самоотверженія, мученій и мученичества почти всегда слѣдуетъ говорить и одобрительно и не-

одобрительно. Монастырь—противорѣчіе. Его цѣль—спасеніе, его средство—самопожертвованіе. Монастырь—высшій эгоизмъ, имѣющій своимъ результатомъ высшее самоотреченіе. Повидимому, девизъ монастыря—отреченіе ради господства. Въ монастырѣ страдаютъ для того, чтобы наслаждаться. Со смерти берутъ вексель. Земною тьмой учитываютъ небесный свѣтъ. Въ монастырѣ адъ заранѣе берутъ какъ залогъ въ обезпеченіе полученія наслѣдства въ раю. Постриженіе мужчинъ и женщинъ—самоубійство, оплачиваемое вѣчностью. По-нашему, насмѣхаться надъ этимъ нельзя. Тутъ серьезно все, и добро и зло. Справедливый человѣкъ хмурится, но никогда не улыбается недоброю усмѣшкой. Намъ понятенъ гнѣвъ, но непонятна злоба.

VIII.

Вѣра, законъ.

Еще нѣсколько словъ.

Мы порицаемъ Церковь, насыщенную интригами, презираемъ духовное начало, гоняющееся за временными благами, но вездѣ уважаемъ человѣка мыслящаго.

Мы привѣтствуемъ того, кто преклоняетъ колѣна.

Вѣра необходима человѣку. Горе тому, кто ни во что не вѣритъ!

Человѣкъ, погруженный въ себя, не праздный человѣкъ. Трудъ бываетъ видимымъ и невидимымъ. Созерцать,—то же, что пахать. Мыслить, — то же, что дѣйствовать. Скрещенныя руки трудятся; сложенныя руки работаютъ. Взоръ, обращенный къ небу,—дѣло. Ѳалесъ не двигался съ мѣста въ теченіе четырехъ лѣтъ. Онъ положилъ основаніе философіи. Мы не считаемъ отшельниковъ праздными людьми и пустынниковъ лѣнтяями. Размышлять о Тѣни—дѣло серьезное.

Не отмѣняя ничего изъ того, что мы сказали, мы полагаемъ, что живымъ слѣдуетъ непрестанно памятовать о могилѣ. Священники объ этомъ одного мнѣнія съ философами. *Смерть неизбѣжна*. Настоятель траппистовъ подаетъ реплику Горацію. Сливать съ жизнью нѣкоторое присутствіе могилы служитъ равно закономъ для мудреца и для аскета. На этомъ пунктѣ аскетъ и мудрецъ сходятся между собою. Мы хотимъ роста матеріальнаго, но мы также стоимъ и за нравственную высоту.

Поверхностные, торопливые умы говорятъ:

— На что пригодны неподвижныя фигуры, обращенные къ тайнѣ? Къ чему онѣ? Что онѣ дѣлаютъ?

Увы! въ виду окружающей и ожидающей насъ тьмы, въ виду неизвѣстности того, какъ поступитъ съ нами великое разсѣяніе, отвѣчаемъ: «Быть-можетъ, эти души совершаютъ самое великое дѣло». И мы прибавимъ: «Быть-можетъ, ихъ трудъ полезнѣе всякого другого».

Необходимо, чтобы были постоянные молитвенники за тѣхъ, кто никогда не молится. По-нашему мнѣнію, весь вопросъ сводится лишь къ тому, насколько мысль участвуетъ въ молитвѣ.

Молящійся Лейбницъ — какое величіе! Колѣнопреклоненный Вольтеръ—какая красота! Deo erexit Voltaire[1]). Мы стоимъ за *религію* противъ *религій*.

Мы принадлежимъ къ числу людей, вѣрующихъ въ ничтожество молитвословія и въ величіе молитвы.

Впрочемъ, въ переживаемыя нами минуты, которыя, по счастію, не придадутъ девятнадцатому вѣку своего отпечатка, въ эти часы, когда у людей низко склоняется голова и мало возвышается душа, въ средѣ людей, вся нравственность которыхъ сводится къ наслажденію и которые поглощены быстро проходящимъ, уродливымъ матеріализмомъ,—всякій уединяющійся человѣкъ внушаетъ намъ уваженіе. Монастырь — отреченіе. Самопожертвованіе, хотя бы и ложное, все-таки самопожертвованіе. Вмѣнить себѣ въ обязанность суровое заблужденіе—своего рода величіе.

При разностороннемъ разсмотрѣніи истины и при безпристрастной оцѣнкѣ, монастырь самъ по себѣ, съ точки зрѣнія идеальной, и особенно монастырь женскій, такъ какъ въ нашемъ обществѣ женщина страдаетъ больше другихъ, выражая свой протестъ удаленіемъ въ монастырь,—несомнѣнно, является нѣкотораго рода величіемъ.

Суровое и слегка очерченное нами унылое монастырское затворничество,—не жизнь, ибо оно лишено свободы, и не могила, такъ какъ оно не полно, это—странное мѣсто, откуда, какъ съ вершины высокой горы, виднѣется съ одной стороны та бездна, въ которой мы находимся, а съ другой—та бездна, въ которой мы будемъ находиться; это узкая, туманная граница между двумя мирами, одновременно заимствующая у обоихъ свой свѣтъ и свой мракъ; тамъ слабый лучъ жизни сливается съ неопредѣленнымъ лучомъ смерти: это могильныя сумерки.

Не вѣруя именно въ то, во что вѣруютъ эти женщины, но живя, какъ и онѣ, вѣрою, мы всегда относились съ извѣстнаго рода нѣжнымъ и священнымъ трепетомъ, съ нѣкоторымъ состраданіемъ, смѣшаннымъ съ завистью, къ этимъ самоотверженнымъ, трепещущимъ, довѣрчивымъ созданіямъ, къ этимъ уничиженнымъ и въ то же время величественнымъ душамъ, которыя осмѣливаются жить на самомъ краю тайны, жить въ постоянномъ ожиданіи, между закрытымъ для нихъ міромъ и не отверстымъ небомъ. Эти смиренныя души все время обращены къ невидимому свѣту, для нихъ единственное счастье заключается въ мысли о томъ, что онѣ знаютъ, гдѣ этотъ свѣтъ. Онѣ чаютъ бездны и неизвѣстности со взорами, устремленными на неподвижный мракъ, колѣнопреклоненныя, растерянныя, изумленныя, трепещущія, порою наполовину вознесенныя, приподнятыя глубокими вѣяніями вѣчности.

---

[1]) Вольтеръ возникъ отъ Бога.

Книга восьмая.—КЛАДБИЩА БЕРУТЪ ТО, ЧТО ИМЪ ДАЮТЪ.

I.

Гдѣ говорится о способѣ войти въ монастырь.

Въ такое-то зданіе Жанъ-Вальжанъ «свалился съ неба», какъ выразился Фошлеванъ.

Онъ перелѣзъ черезъ садовую стѣну, огибающую улицу Полонсо. Слышанные имъ ночью ангельскіе голоса были голоса монахинь, пѣвшіе утреню; видѣнная имъ во мракѣ зала была часовня; распростертый на землѣ призракъ—сестра-искупительница; бубенчикъ, звонъ котораго такъ поразилъ его, былъ бубенчикъ садовника, привязанный къ колѣну дяди Фошлевана.

Когда Козетта улеглась, Жанъ Вальжанъ и Фошлеванъ, какъ мы уже говорили, поужинавъ передъ пылающимъ очагомъ хлѣбомъ съ сыромъ и стаканомъ вина, повалились на охапку соломы, такъ какъ единственная постель въ сторожкѣ была занята Козеттой. Жанъ Вальжанъ сказалъ, отходя ко сну: «Я долженъ остаться здѣсь навсегда». Слова эти всю ночь не выходили изъ головы Фошлевана.

Собственно говоря, они оба не спали ни одной минуты.

Убѣдившись въ томъ, что Жаверъ его узналъ и слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, Жанъ Вальжанъ вполнѣ сознанъ, что и онъ и Козетта погибнутъ, если вернутся въ Парижъ. Такъ какъ новое дуновеніе судьбы занесло его въ монастырь, то Жанъ Вальжанъ только и думалъ о томъ, какъ бы въ немъ остаться. Въ его бѣдственномъ положеніи монастырь являлся и самымъ опаснымъ и самымъ безопаснымъ пристанищемъ; опаснымъ потому, что входъ туда былъ воспрещенъ мужчинамъ, и если бъ Жана Вальжана поймали на мѣстѣ преступленія, то его препроводили бы прямо въ тюрьму,— безопаснымъ же потому, что если бъ ему удалось остаться въ монастырѣ, то никто не осмѣлился бы явиться туда за нимъ. Пребываніе въ такомъ недоступномъ мѣстѣ было для него спасеніемъ.

Фошлеванъ, въ свою очередь, ломалъ себѣ голову. Онъ прежде всего пришелъ къ убѣжденію, что ровно ничего не понимаетъ. Какъ могъ г. Мадленъ очутиться тутъ, когда кругомъ были стѣны? Черезъ монастырскія стѣны перешагнуть нельзя. Какъ попалъ онъ сюда съ ребенкомъ? Немыслимо вскарабкаться по отвѣсной стѣнѣ, держа на рукахъ ребенка! Чей это ребенокъ? Откуда они оба явились? Съ тѣхъ поръ, какъ Фошлеванъ поступилъ въ монастырь, онъ ничего не слыхалъ о Монтрейлѣ и ничего не зналъ о тамошнихъ происшествіяхъ. Дядя Мадленъ держалъ себя такъ, что ему нельзя было предлагать

вопросовъ, да и Фошлеванъ думалъ про себя: святыхъ людей не разспрашиваютъ. Г. Мадленъ сохранялъ въ его глазахъ свое прежнее обаяніе. Изъ немногихъ словъ Жана Вальжана садовникъ вывелъ заключеніе, что г. Мадленъ или обанкротился въ эти тяжелыя времена и скрывается отъ кредиторовъ, или что онъ скрывается потому, что замѣшанъ въ какомъ-нибудь политическомъ дѣлѣ. Послѣднее предположеніе нравилось Фошлевану, онъ былъ въ душѣ бонапартистъ, какъ многіе изъ нашихъ сѣверныхъ крестьянъ. Скрываясь отъ преслѣдованій, г. Мадленъ избралъ убѣжищемъ монастырь, и желаніе его остаться въ немъ было вполнѣ естественно. Но загадочно и непонятно для Фошлевана было появленіе г. Мадлена съ малюткой, и онъ все время объ этомъ думалъ. Фошлеванъ видѣлъ обоихъ, дотрогивался до нихъ, разговаривалъ съ ними, но не вѣрилъ себѣ. Что-то непонятное вошло въ его сторожку. Онъ путался въ догадкахъ, и ясно ему было только одно, «г. Мадленъ спасъ мнѣ жизнь». И увѣренность въ этомъ повліяла на его рѣшеніе. Онъ сказалъ себѣ: «Теперь пришла моя очередь», а совѣсть подсказала ему: «Г. Мадленъ безъ всякаго раздумья кинулся подъ повозку, чтобъ вытащить меня». Онъ порѣшилъ спасти г. Мадлена. Но онъ все-таки задалъ себѣ нѣсколько вопросовъ: «А что, если бъ онъ оказался воромъ, спасъ ли бы я его, имѣя въ виду то, что онъ для меня сдѣлалъ?—Спасъ бы.— А если бъ онъ оказался убійцей? Спасъ бы и тогда.—А разъ онъ святой, спасу ли я его?—Спасу».

Но какая трудная задача оставить его въ монастырѣ! Фошлеванъ не уклонился отъ этой почти неосуществимой попытки: у бѣднаго пикардійскаго крестьянина была только лѣстница, состоящая изъ преданности, доброй воли и небольшой дозы крестьянской сметки, на этотъ разъ направленной на великодушный поступокъ, и онъ при помощи ея рѣшился перелѣзть черезъ монастырскіе запреты и крутизны суроваго устава святого Бенедикта. Старикъ Фошлеванъ былъ всю жизнь эгоистомъ, и вотъ на склонѣ лѣтъ хромой калѣка, не имѣющій въ жизни никакихъ интересовъ, нашелъ отраду въ чувствѣ благодарности и, увидавъ возможность совершить доброе дѣло, кинулся на него съ такою же жадностью, съ какою кинулся бы умирающій человѣкъ на стаканъ хорошаго вина, котораго никогда не пробовалъ. Добавимъ при этомъ, что монастырскій воздухъ, которымъ онъ дышалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, уничтожилъ въ немъ собственное «я» и вызвалъ въ немъ потребность совершить доброе дѣло. Итакъ, онъ рѣшился пожертвовать собой для г. Мадлена.

Мы его назвали *бѣднымъ пикардійскимъ крестьяниномъ*. Это названіе точно, но не полно. Дойдя до этой страницы нашего повѣствованія, мы должны ознакомиться поближе съ личностью дяди Фошлевана. Онъ былъ изъ крестьянъ, но занималъ когда-то мѣсто деревенскаго нотаріуса; эта должность прибавила къ его сметливости придирчивость; къ его наивности—проницательность. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ дѣла его приняли дурной оборотъ, и изъ нотаріуса онъ превратился въ возчика и рабочаго.

Но въ немъ еще былъ живъ духъ нотаріуса, невзирая на бранныя слова и удары кнута, которыми онъ награждалъ лошадей. Онъ обладалъ извѣстнымъ природнымъ умомъ; онъ не употреблялъ нелѣпыхъ выраженій; онъ умѣлъ вести бесѣды, что въ деревняхъ очень рѣдко; крестьяне говорили про него: онъ разговариваетъ, точно господинъ въ шляпѣ. Дѣйствительно, Фошлеванъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которые на дерзкомъ, легкомысленномъ языкѣ прошлаго столѣтія назывались: demi-bourgeois, demi-manant; на метафорномъ же языкѣ, употребляемомъ въ замкахъ при разговорѣ о хижинахъ, они подъ рубрикою разночинцевъ именовались полу-мужиками, полу-горожанами, ни рыбою ни мясомъ. Фошлеванъ много пострадалъ отъ ударовъ судьбы, но хотя его бѣдная душа и была истаскана донельзя, онъ всегда поступалъ самопроизвольно, повинуясь первому побужденію; это драгоцѣнное свойство человѣка не допускаетъ его сдѣлаться дурнымъ. Присущіе Фошлевану недостатки и пороки были поверхностны, его обликъ выигрывалъ при ближайшемъ изученіи. На его старомъ лбу не было непріятныхъ морщинъ, обозначающихъ злобу или глупость.

Много передумавшій дядя Фошлеванъ, открывъ глаза на разсвѣтѣ, увидалъ, что г. Мадленъ сидитъ на охапкѣ соломы и смотритъ на спящую Козетту. Фошлеванъ приподнялся и сказалъ:

— Сюда-то вы вошли, но что вы будете дѣлать дальше?

Слова эти опредѣлили положеніе дѣлъ и вывели Жана Вальжана изъ задумчивости.

Старики принялись совѣщаться.

— Прежде всего,—сказалъ Фошлеванъ,—вы съ малюткой должны сидѣть тутъ безвыходно. Мы погибли, если вы выйдете въ садъ.

— Правда?

— Господинъ Мадленъ,—продолжалъ Фошлеванъ,—вы попали сюда въ очень хорошую, — я хотѣлъ сказать, — въ очень дурную минуту. Одна изъ монахинь сильно больна. Поэтому много смотрѣть въ нашу сторону не будутъ. Она, кажется, умираетъ. За нее читаютъ сорокочасовыя молитвы. Вся община въ переполохѣ. Всѣ онѣ озабочены. Умирающая—святая. Въ сущности мы здѣсь всѣ святые. Разница между ними и мной состоитъ лишь въ томъ, что онѣ говорятъ: «наша келья», а я говорю: «моя каморка». Будутъ читать отходную, потомъ заупокойныя молитвы. Сегодня мы можемъ быть спокойны, но за завтрашній день я не ручаюсь.

— Однако,—замѣтилъ Жанъ Вальжанъ,—ваша сторожка стоитъ въ углубленіи стѣны и прикрыта какой-то развалиной. Она окружена деревьями и ея не видно изъ монастыря.

— Прибавлю еще, что монахини къ ней никогда не подходятъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—воскликнулъ Жанъ Вальжанъ.

Восклицаніе это означало: «кажется, здѣсь можно скрываться». На этотъ вопросъ Фошлеванъ отвѣтилъ другимъ:

— А дѣвочки?

— Какія дѣвочки?—спросилъ Жанъ Вальжанъ.

Фошлеванъ открылъ было ротъ, чтобъ объяснить свои слова, но въ это время прозвучалъ ударъ колокола.

— Монахиня скончалась,— сказалъ онъ.— Это звонъ по усопшимъ.

Онъ сдѣлалъ Жану Вальжану знакъ, чтобы тотъ прислушался. Колоколъ прозвучалъ еще разъ.

— Это звонъ по усопшимъ, господинъ Мадленъ. — Колоколъ будетъ ударять ежеминутно въ теченіе сутокъ, вплоть до выноса тѣла изъ церкви. Онѣ вѣдь играютъ. Если у нихъ во время рекреаціи закатится мячикъ, онѣ, несмотря на запретъ, прибѣгутъ сюда и начнутъ шарить повсюду. Эти херувимчики—настоящіе бѣсенята.

— Да кто? Про кого вы говорите?—спросилъ Жанъ Вальжанъ.

— Про дѣвочекъ. Про воспитанницъ. Онѣ васъ скорехонько найдутъ. Онѣ крикнутъ: «А, мужчина!» Сегодня безопасно: рекреаціи не будетъ. Весь день пройдетъ въ молитвѣ. Вотъ опять ударили въ колоколъ. Я говорилъ вамъ, что это будетъ повторяться каждую минуту. Это звонъ по усопшимъ.

— Понимаю, дядя Фошлеванъ. Здѣсь пансіонъ.

И Жанъ Вальжанъ подумалъ про себя: «Воспитаніе Козетты было бы обезпечено».

Фошлеванъ воскликнулъ:

— Еще бы! Конечно, тутъ есть дѣвочки! Онѣ-то и щебечутъ, онѣ-то и убѣгаютъ отъ васъ! Здѣсь вѣдь мужчина все равно, что зачумленный. Сами видите, что къ моей лапѣ привязанъ бубенчикъ, какъ къ лапѣ дикаго звѣря.

Жанъ Вальжанъ погрузился въ глубокое раздумье. «Монастырь можетъ спасти насъ», шепталъ онъ про себя и, наконецъ, проговорилъ вслухъ:

— Вся трудность заключается въ томъ, чтобы тутъ остаться.

— Нѣтъ, не въ этомъ, — возразилъ Фошлеванъ, — а въ томъ, чтобъ отсюда выйти.

Жанъ Вальжанъ почувствовалъ, какъ кровь прилила ему къ сердцу

— Выйти!

— Да, господинъ Мадленъ. Для того, чтобы вернуться сюда, вамъ нужно отсюда хорошенько выйти.

Послѣ новаго удара въ похоронный колоколъ Фошлеванъ продолжалъ:

— Неудобно, если васъ тутъ найдутъ. Какъ вы сюда попали? Я думаю, что вы упали съ неба, такъ какъ я знаю васъ, но ради монахинь вамъ нужно войти въ дверь.

Къ звону похороннаго колокола присоединился вдругъ довольно сложный трезвонъ другого колокола.

— Ага!—промолвилъ Фошлеванъ.—Созываютъ монахинь-гласныхъ. Собирается капитулъ. Капитулъ всегда собирается, когда кто-нибудь умираетъ. Она умерла на разсвѣтѣ. Всѣ обыкновенно умираютъ на разсвѣтѣ. Но развѣ вамъ нельзя выйти отсюда тѣмъ

путемъ, какимъ вы вошли? Я васъ не допрашиваю, но скажите, какъ вы сюда вошли?

Жанъ Вальжанъ поблѣднѣлъ. Онъ задрожалъ при одной мысли о томъ, что ему снова придется спуститься въ ужасную улицу. Вы вышли изъ лѣса, наполненнаго тиграми, и вдругъ вамъ подаютъ дружескій совѣтъ опять туда вернуться. Жану Вальжану представился кварталъ, кишащій полиціей, выслѣживающіе агенты, караульные, страшные кулаки, протянутые къ его вороту, и даже, пожалуй, самъ Жаверъ, стоящій на углу перекрестка.

— Невозможно,—сказалъ онъ.—Предположите, что я свалился съ неба, дядя Фошлеванъ.

— Вѣрю вамъ, вѣрю,—отвѣчалъ Фошлеванъ.—Вамъ не зачѣмъ говорить мнѣ объ этомъ. Господь Богъ взялъ васъ въ руку, чтобы разсмотрѣть поближе, и потомъ выпустилъ. Онъ хотѣлъ опустить васъ въ мужской монастырь, но ошибся. Опять зазвонили. Этимъ звономъ увѣдомляютъ привратника, который отправится съ докладомъ въ городское управленіе, а тотъ пришлетъ врача для освидѣтельствованія умершей. Это обычный церемоніалъ, безъ него у насъ не помрешь. Наши монахини не долюбливаютъ этихъ посѣщеній. Докторъ—человѣкъ невѣрующій. Онъ приподнимаетъ покрывало. Иногда онъ приподнимаетъ и кое-что другое. Какъ онѣ поторопились сегодня извѣстить врача! Что такое случилось? Ваша малютка все еще спитъ. Какъ ее зовутъ?

— Козетта.

— Это ваша дочка или, вѣрнѣе сказать, внучка?

— Да.

— Ей-то легко отсюда выйти. Я пройду въ дверь, ведущую на дворъ. Постучу. Привратникъ отворитъ. У меня на спинѣ будетъ корзина, а въ ней малютка. Я выйду. Дядя Фошлеванъ вышелъ съ корзиной,—это вполнѣ естественно. Вы прикажете дѣвочкѣ сидѣть смирно. Она будетъ прикрыта чехломъ. Я ее помѣщу на время у своей старинной пріятельницы, торговки фруктами, которая живетъ на улицѣ Шменъ-Веръ; она глухая, и у нея имѣется кроватка. Я крикну ей въ ухо, что это моя племянница, и что я оставлю ее у нея до завтра. Потомъ малютка вернется сюда вмѣстѣ съ вами. Я устрою такъ, что вы вернетесь: это необходимо. Но какъ вамъ отсюда выйти?

Жанъ Вальжанъ покачалъ головой.

— Все дѣло въ томъ, чтобы меня не увидали. Дядя Фошлеванъ, придумайте способъ вынести меня отсюда, какъ Козетту, въ плетушкѣ и подъ чехломъ.

Фошлеванъ началъ чесать у себя за ухомъ среднимъ пальцемъ лѣвой руки, что служило у него признакомъ крайняго замѣшательства.

Третій звонъ произвелъ диверсію.

— Докторъ уходитъ,—сказалъ Фошлеванъ.—Онъ взглянулъ и сказалъ: она умерла, это вѣрно. Послѣ того, какъ докторъ наложитъ визу на паспортъ въ рай, бюро похоронныхъ процессій присылаетъ гробъ. Если покойница была матушкой, ее кладутъ въ

гробъ для матушки, если сестрой—для сестры. Потомъ я заколачиваю гробъ. Это входитъ въ кругъ моихъ обязанностей. Садовникъ отчасти могильщикъ. Гробъ ставятъ въ нижнюю церковную залу, сообщающуюся съ улицей, куда не имѣетъ права входить ни одинъ мужчина, кромѣ доктора. Факельщиковъ и себя я за мужчинъ не считаю. Я заколачиваю гробъ въ этой залѣ. Факельщики приходятъ за нимъ, а лошади его увозятъ! Вотъ какъ у насъ отправляются на небо. Приносятъ пустой ящикъ, а выносятъ его съ поклажей. Вотъ въ чемъ состоятъ похороны. De profundis [1]).

Отвѣсный лучъ солнца освѣщалъ личико спящей Козетты, которая съ полуоткрытымъ ротикомъ была похожа на ангела, упивающагося свѣтомъ. Жанъ Вальжанъ заглядѣлся на нее. Онъ пересталъ слушать Фошлевана. То, что васъ не слушаютъ, не мѣшаетъ вамъ говорить. Добрякъ-садовникъ спокойно продолжалъ свою болтовню.

— Могилу роютъ на кладбищѣ Вожираръ. Говорятъ, что собираются его упразднить. Это кладбище старинное, оно не подчинено уставамъ, не носитъ мундира, и ему скоро дадутъ отставку. Жаль, оно очень удобно. Тамъ у меня есть пріятель, могильщикъ, дядя Метьеннъ. Здѣшнія монахини пользуются привилегіей: ихъ возятъ на кладбище въ сумерки. Префектура издала для нихъ особый наказъ. Но сколько событій со вчерашняго дня! Мать умерла, а дядя Мадленъ...

— Похороненъ, — промолвилъ Жанъ Вальжанъ съ грустной улыбкой.

Фошлеванъ подхватилъ это слово.

— Правда, если вы тутъ останетесь, это будетъ настоящимъ погребеніемъ.

Раздался четвертый звонъ. Фошлеванъ проворно снялъ съ гвоздя наколѣнникъ съ бубенчикомъ и надѣлъ его на колѣно.

— На этотъ разъ зовутъ меня. Матушка-настоятельница требуетъ меня къ себѣ. Ну, вотъ я и укололся шпенькомъ пряжки. Господинъ Мадленъ, не трогайтесь съ мѣста и ждите меня. Есть какія-то новости. Если вы проголодались, тутъ хлѣбъ, вино и сыръ.

Онъ вышелъ изъ сторожки со словами: «Иду, иду!»

Жанъ Вальжанъ видѣлъ, какъ онъ поспѣшно, насколько позволяла ему хромая нога, проходилъ черезъ садъ, оглядывая мимоходомъ свои дынныя грядки.

Не прошло и десяти минутъ, какъ дядя Фошлеванъ, бубенчикъ котораго заставлялъ разбѣгаться монахинь, уже стучался потихоньку въ дверь, и мягкій голосъ отвѣтилъ ему: «Аминь, аминь», что значило: «Войдите».

Эта дверь вела въ пріемную, отведенную для разговоровъ съ садовникомъ по дѣламъ службы. Эта комната была рядомъ съ залой, гдѣ собирался капитулъ. Настоятельница сидѣла на единственномъ въ пріемной стулѣ въ ожиданіи Фошлевана.

---

[1]) Одинъ изъ возгласовъ при католическихъ похоронахъ. Собственно: «изъ глубины» или «изъ нѣдръ глубокихъ».

II.

Фошлеванъ въ затруднительномъ положеніи.

Взволнованное и торжественное выраженіе лица въ критическихъ обстоятельствахъ жизни присуще людямъ извѣстнаго характера и извѣстной профессіи, именно священникамъ и монахамъ. Когда Фошлеванъ вошелъ, на озабоченномъ лицѣ настоятельницы виднѣлись эти оба выраженія,—настоятельница была чаровательная, ученая, обыкновенно очень веселая, m-lle де-Блемеръ, мать Иннокентія.

Садовникъ робко поклонился и остановился на порогѣ кельи. Перебиравшая четки настоятельница подняла глаза и сказала:

— А, это вы, дядя Фованъ!

Въ монастырѣ было принято называть его этимъ сокращеннымъ именемъ.

Фошлеванъ поклонился опять.

— Я позвала васъ, дядя Фованъ.

— Вотъ я и пришелъ, честная мать.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить.

— И мнѣ надо тоже кое-что сказать вамъ, честная мать,—проговорилъ Фошлеванъ съ рѣшимостью, удивившей его самого.

Настоятельница взглянула на него.

— Вы желаете мнѣ что-то сообщить?

— Попросить васъ.

— Хорошо; говорите.

Бывшій нотаріусъ, старикъ Фошлеванъ, принадлежалъ къ разряду крестьянъ, владѣющихъ апломбомъ. Ловкая плутоватая невѣжественность — это большая сила, ея не остерегаются и на нее ловятся. Въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ своего пребыванія въ монастырѣ Фошлеванъ добился успѣха въ общинѣ. Вѣчно одинъ, онъ среди своихъ занятій садоводствомъ исключительно предался любопытству. Держась на извѣстномъ разстояніи отъ закутанныхъ въ покрывала женщинъ, снующихъ взадъ и впередъ, онъ видѣлъ въ нихъ сначала только мельканіе тѣней. Потомъ, при помощи вниманія и проницательности, ему удалось облечь призраки въ плоть, и эти мертвыя женщины стали для него живыми. Онъ былъ глухимъ, у котораго постепенно развивается зрѣніе, слѣпымъ, у котораго постепенно изощряется слухъ. Онъ изучилъ и постигъ значеніе различныхъ ударовъ колокола, такъ что загадочная, мрачная обитель не имѣла для него никакихъ тайнъ: этотъ сфинксъ разбалтывалъ ему на ухо всѣ свои тайны. Фошлеванъ, зная все, дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ. Въ томъ-то и состояло его искусство. Всѣ въ монастырѣ считали его придурковатымъ. Въ дѣлѣ религіи это громадное достоинство. Матери-гласныя дорожили Фошлеваномъ. Онъ былъ любопытенъ, но нѣмъ. Онъ внушалъ довѣріе. Помимо того, онъ былъ очень аккуратенъ и выходилъ изъ сторожки только для занятій садомъ или огородомъ. Такое скромное поведеніе вмѣнялось ему въ заслугу. Тѣмъ не менѣе, онъ

заставилъ проболтаться двухъ людей: въ монастырѣ—привратника, у котораго все разузналъ о пріемной, и на кладбищѣ—могильщика, у котораго вывѣдалъ все, что касалось погребенія. Такимъ путемъ онъ получилъ двойныя свѣдѣнія о монахиняхъ: одни—объ ихъ жизни, другія—объ ихъ смерти. Но онъ ничѣмъ не злоупотреблялъ. Община очень дорожила имъ. У него было столько достоинствъ: онъ былъ хромой, недальновидный, даже, быть-можетъ, туговатый на ухо старикъ. Замѣнить его было трудно.

Со смѣлостью человѣка, знающаго себѣ цѣну, добрякъ обратился къ честной настоятельницѣ съ рѣчью деревенской, многословной, но очень глубокомысленной. Онъ долго толковалъ о своихъ преклонныхъ лѣтахъ, немощахъ, переутомленіи отъ постоянно увеличивающейся работы, объ обширности сада, о безсонныхъ ночахъ въ родѣ послѣдней, когда ему пришлось прикрывать дыни соломенными щитами, потому что свѣтила луна, и, въ концѣ-концовъ, вывелъ слѣдующее заключеніе: у него есть братъ — (настоятельница сдѣлала движеніе),—человѣкъ пожилой (настоятельница сдѣлала еще движеніе, но уже успокоенное),—который, если позволятъ, можетъ поселиться у него и подсоблять ему: онъ отличный садовникъ и будетъ очень полезенъ общинѣ, полезнѣе его самого; если брата его не возьмутъ, то онъ, старшій братъ, чувствуя себя совершенно разбитымъ и непригоднымъ къ исполненію своихъ обязанностей, долженъ будетъ, къ сожалѣнію своему, уйти; у брата его есть внучка, которую онъ приведетъ съ собою, она воспитается въ монастырѣ въ страхѣ Божіемъ и, какъ знать, пожалуй, сдѣлается монахиней.

Когда онъ кончилъ, настоятельница перестала перебирать четки и сказала:

— Можете ли вы до наступленія вечера достать крѣпкій желѣзный шестъ?

— Для какого употребленія?

— Онъ долженъ служить рычагомъ.

— Могу, честная мать,—отвѣтилъ Фошлеванъ.

Не проронивъ болѣе ни слова, настоятельница встала и перешла въ сосѣднюю комнату, гдѣ засѣдалъ капитулъ, и куда, вѣроятно, собрались монахини-гласныя. Фошлеванъ остался одинъ.

III.

Мать Иннокентія.

Прошло около четверти часа. Настоятельница вернулась и опять сѣла.

Оба собесѣдника имѣли озабоченный видъ.

Передаемъ ихъ разговоръ съ стенографической точностью.

— Дядя Фованъ!

— Честная мать!

— Вы знаете нашу монастырскую церковь?

— Мнѣ тамъ отведено мѣстечко, откуда я слушаю обѣдню и другія службы.

— Приходилось вамъ заходить на клиросъ по дѣлу?
— Раза два или три.
— Надо приподнять каменную плиту.
— Тяжела она?
— Плиту возлѣ престола.
— Ту, которая закрываетъ склепъ?
— Да.
— На это понадобилось бы двое мужчинъ.
— Вамъ поможетъ мать Вознесеніе; она сильна, какъ мужчина.
— Женщина не можетъ быть мужчиной.
— Мы можемъ дать вамъ въ помощь только женщину. Каждый дѣлаетъ только то, что можетъ. Я не могу презирать Мерлонуса Горстіуса за то, что онъ даетъ только триста шестьдесятъ семь посланій святого Бернара, тогда какъ отецъ Мабиллонъ даетъ ихъ четыреста семнадцать.
— Не могу и я.
— Заслуга состоитъ въ работѣ сообразно силамъ. Монастырь не дровяной дворъ.
— А женщина не мужчина. Братъ мой зато силачъ!
— У васъ будетъ рычагъ.
— Это единственный ключъ, подходящій къ такимъ дверямъ.
— Въ плитѣ есть кольцо.
— Я продѣну въ него рычагъ.
— Плита устроена такъ, что повернется на оси.
— Хорошо, честная мать, я открою склепъ.
— Четыре матери-пѣвчія будутъ вамъ помогать.
— А послѣ того, какъ склепъ будетъ открытъ?
— Надо будетъ его опять закрыть.
— И это все?
— Нѣтъ.
— Приказывайте, честная мать.
— Фованъ, мы вамъ довѣряемъ.
— Я обязанъ исполнить все.
— И молчать обо всемъ.
— Такъ точно, честная мать.
— Послѣ того, какъ склепъ будетъ открытъ...
— Я его закрою.
— Но передъ тѣмъ...
— Что, честная мать?
— Надо будетъ опустить въ него кое-что.

Наступило молчаніе. На нижней губѣ настоятельницы появилась гримаска, выражающая колебаніе, потомъ она заговорила опять:

— Дядя Фованъ!
— Честная мать!
— Вы знаете, что сегодня утромъ скончалась одна матушка?
— Нѣтъ, не знаю.
— Развѣ вы не слыхали колокола?
— Въ глубинѣ сада ничего не слышно.

— Развѣ?

— До меня едва долетаетъ мой звонокъ.

— Она скончалась на разсвѣтѣ.

— Да къ тому же вѣтеръ сегодня дулъ не въ мою сторону.

— Эта мать былая праведница.

Настоятельница замолчала, она пошевелила губами, какъ бы творя молитву, потомъ продолжала:

— Три года тому назадъ г-жа де-Бетюнъ, янсенистка, перешла въ правую вѣру, потому только, что видѣла, какъ молится эта мать.

— Ахъ, да! Я слышу теперь звонъ по усопшимъ, честная мать.

— Матери вынесли ее въ покойницкую, которая выходитъ въ церковь. Кромѣ васъ, ни одинъ мужчина не можетъ и не долженъ входить въ эту комнату. Наблюдайте за этимъ хорошенько. Что же бы это было, если бы въ покойницкую вошелъ мужчина!

— Ну вотъ еще!

— Что?

— Ну вотъ еще!

— Что вы сказали?

— Ну вотъ еще!

— Что такое—ну вотъ еще?

— Честная мать, я не говорю: что такое — ну вотъ еще? а говорю просто: ну вотъ еще!

— Я васъ не понимаю. Зачѣмъ вы говорите: ну вотъ еще?

— Я хотѣлъ вамъ поддакнуть, честная мать.

— Да вѣдь я не говорила: ну вотъ еще!

— Вы-то не говорили, да я-то сказалъ, чтобы вамъ поддакнуть.

Пробило девять часовъ.

— Въ девять часовъ утра и во всякій часъ да воздастся хвала и поклоненіе всечестнымъ Дарамъ престола,—произнесла мать настоятельница.

— Аминь,—сказалъ Фошлеванъ.

Часы пробили кстати. Они прервали безконечное: «Ну вотъ еще». Не пробей они, настоятельница и Фошлеванъ никогда бы не выпутались изъ этого дѣла. Фошлеванъ вытеръ себѣ лобъ. Настоятельница опять прошептала что-то божественное и потомъ произнесла вслухъ:

— При жизни усопшая мать Распятіе творила обращенія, послѣ смерти она будетъ творить чудеса.

— Будетъ творить!—отвѣтилъ Фошлеванъ, повторяя слова и стараясь не уклоняться болѣе въ сторону.

— Дядя Фованъ, усопшая мать Распятіе была благословеніемъ для общины конечно, не всѣмъ дано умереть такъ, какъ кардиналу де-Берюлю, который скончался во время совершенія литургіи и душа котораго вознеслась къ Богу со словами: «Hanc igitur oblationem»[1]). Хотя мать Распятіе и не удостоилась такого

[1]) Прими убо сіе приношеніе.

счастья, но все же кончина ея была блаженная. До послѣдней минуты она пребывала въ полномъ сознаніи. Она бесѣдовала то съ нами, то съ ангелами. Она выразила свою послѣднюю волю. Если бъ ваша вѣра была посильнѣе и если бъ вы могли находиться въ ея кельѣ, она исцѣлила бы вашу ногу своимъ прикосновеніемъ. Она улыбалась; чувствовалось, что она воскресаетъ во Христѣ. Въ ея кончинѣ было нѣчто райское.

Фошлеванъ подумалъ, что настоятельница прочитала молитву.

— Аминь,—закончилъ онъ.

— Дядя Фованъ, надо исполнять волю усопшихъ,

Настоятельница принялась перебирать четки. Фошлеванъ молчалъ. Она заговорила снова:

— По этому вопросу я наводила справки у многихъ духовныхъ лицъ, которыя трудятся во имя Господа надъ разработкой вопросовъ о монашеской жизни; плоды ихъ трудовъ удивительны.

— Честная мать, звонъ слышнѣе отсюда, чѣмъ изъ сада.

— Она не простая покойница: она святая.

— Какъ и вы, честная мать.

— Она спала въ гробу въ теченіе двадцати лѣтъ съ разрѣшенія святого отца, папы Пія VII.

— Того самаго, что короновалъ имп... Буонпарта.

Это воспоминаніе было промахомъ со стороны такого смѣтливаго человѣка, какъ Фошлеванъ. По счастію, всецѣло поглощенная своей мыслью настоятельница не разслыхала его словъ. Она продолжала:

— Дядя Фованъ!

— Честная мать!

— Святой Діодоръ, архіепископъ каппадокійскій, пожелалъ, чтобы на его могилѣ написали одно только слово: Acarus, что значитъ земляной червь; это было исполнено. Не такъ ли?

— Точно такъ, честная мать.

— Блаженный Меццокане, аббатъ аквилинскій, пожелалъ быть погребеннымъ подъ висѣлицей; это было исполнено.

— Было.

— Святой Теренцій, епископъ приморской гавани, находящейся при впаденіи Тибра въ море, просилъ, чтобы на его надгробномъ камнѣ сдѣлали такую же отмѣтку, какую дѣлаютъ на могилахъ отцеубійцъ, для того, чтобы прохожіе плевали на его могилу. Это было исполнено. Надо повиноваться волѣ усопшихъ.

— Аминь.

— Тѣло Бернарда Гвидониса, родившагося во Франціи близъ Рошъ-Абейля, по его волѣ и вопреки запрещенію кастильскаго короля, было перевезено въ доминиканскую церковь города Лиможа, несмотря на то, что Бернардъ Гвидонисъ былъ епископомъ испанскаго города Туи. Кто скажетъ, что это было не такъ?

— Никто, честная мать.

— Плантавитъ де-ла Фоссъ удостовѣряетъ этотъ фактъ.

Настоятельница стала молча перебирать четки, потомъ продолжала:

— Дядя Фованъ, усопшая мать Распятіе будетъ похоронена въ томъ самомъ гробу, въ которомъ спала въ теченіе двадцати лѣтъ.

— Это справедливо.

— Это будетъ продолженіемъ ея сна.

— Мнѣ, значитъ, придется заколотить ея въ этомъ гробу?

— Да.

— А доставленный погребальнымъ бюро гробъ не будетъ употребленъ?

— Не будетъ.

— Я готовъ повиноваться досточтимой общинѣ.

— Четыре монахини-пѣвчія помогутъ вамъ.

— Мнѣ не нужна ихъ помощь для того, чтобы заколотить гробъ.

— Не для того, чтобы заколотить гробъ, а для того, чтобы его опустить.

— Куда?

— Въ склепъ.

— Въ какой склепъ?

— Подъ алтаремъ.

Фошлеванъ подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Въ склепъ подъ алтаремъ!

— Да, подъ алтаремъ.

— Но...

— У васъ будетъ желѣзный шестъ.

— Да, но...

— Вы приподнимете шестомъ плиту за кольцо.

— Но...

— Надо повиноваться волѣ усопшихъ. Быть похороненной въ склепѣ подъ алтаремъ часовни, не лежать въ неосвященной землѣ, остаться послѣ смерти тамъ, гдѣ она молилась при жизни,— такова была послѣдняя воля покойницы. Она объ этомъ насъ просила, то-есть приказала намъ.

— Да вѣдь это запрещено.

— Запрещено людьми, повелѣно Богомъ.

— Но если объ этомъ узнаютъ?

— Мы довѣряемъ вамъ.

— О, я нѣмъ, какъ камень вашей стѣны.

— Я созвала капитулъ. Матери-гласныя, съ которыми я совѣтовалась, продолжаютъ еще засѣдать, но онѣ уже рѣшили, что покойница будетъ, согласно ея волѣ, погребена въ своемъ гробу подъ нашимъ алтаремъ. Подумайте только, дядя Фованъ, вдругъ начнутъ твориться чудеса! Какъ прославится Господь черезъ нашу общину! Чудеса исходятъ изъ могилъ.

— Но, честная мать, а что если агентъ санитарной комиссіи...

— Святой Бенедиктъ II не соглашался съ Константиномъ Погонатомъ по вопросу о погребеніи.

— Однако, полицейскій комиссаръ...

— Хонодмеръ, одинъ изъ семи германскихъ королей, вступившихъ въ Галлію при императорѣ Констанціи, призналъ за мона-

шествующими неотъемлемое право погребать своихъ усопшихъ въ лонѣ религіи, то-есть подъ алтаремъ.

— Но полицейскій надзиратель...

— Міръ передъ крестомъ — ничто. Мартинъ, одиннадцатый генералъ картезіанскаго ордена, сдѣлалъ девизомъ своего ордена слова: «Stat crux dum volvitur orbis» [1]).

— Аминь,—произнесъ Фошлеванъ, неизмѣнно отвѣчавшій такъ всегда, когда слышалъ латынь.

Для человѣка, молчавшаго долго, безразлично, кто его слушаетъ. Когда риторъ Гимнасторасъ вышелъ изъ тюрьмы, весь переполненный невысказанными дилеммами и силлогизмами, онъ остановился у перваго дерева, произнесъ передъ нимъ рѣчь и старался изо всѣхъ силъ убѣдить его. Такъ было и съ настоятельницей, уста которой были заграждены молчаніемъ; ея резервуаръ переполнился, она встала, и рѣчь ея полилась какъ потокъ сквозь открытую шлюзу.

— Направо отъ меня Бенедиктъ, налѣво—Бернаръ. Кто такой Бернаръ? Первый клервосскій епископъ. Фонтенъ въ Бургундіи—мѣсто благословенное, благодаря тому, что онъ въ немъ родился. Его отца звали Теселиномъ, мать—Алетой. Онъ началъ въ Сито и кончилъ въ Клерво; онъ былъ посвященъ въ аббаты епископомъ Шалона-на-Сонѣ Вильгельмомъ де-Шампо; у него было семьсотъ послушниковъ, онъ основалъ сто шестьдесятъ монастырей. Въ 1140 году, на соборѣ въ Сансѣ, онъ одержалъ верхъ надъ Абеляромъ, Петромъ де-Брюи и его ученикомъ Генрихомъ и другими заблуждавшимися людьми, которыхъ называли «апостолическими»; онъ опровергъ Арнольда Бресчіанскаго, побѣдилъ монаха Рауля, избивателя евреевъ; въ 1148 году первенствовалъ на Реймскомъ соборѣ, подвергъ осужденію Жильбера де-ла Поре, епископа города Пуатье, и Эона де-Летуаль; онъ улаживалъ несогласія между владѣтельными князьями, просвѣтилъ короля Людовика Юнаго, давалъ совѣты папѣ Евгенію III, руководилъ церковью, проповѣдывалъ крестовые походы, сотворилъ въ теченіе своей жизни двѣсти пятьдесятъ чудесъ и творилъ по тридцати девяти чудесъ въ день. Кто такой Бенедиктъ? Патріархъ монте-кассинскій, второй столпъ монашества, Василій Великій Запада. Основанный имъ орденъ существуетъ тысячу четыреста лѣтъ и далъ намъ сорокъ папъ, двѣсти кардиналовъ, пятьдесятъ патріарховъ, тысячу шестьсотъ архіепископовъ, четыре тысячи шестьсотъ епископовъ, четырехъ императоровъ, двѣнадцать императрицъ, сорокъ шесть королей, сорокъ одну королеву и три тысячи шестьсотъ святыхъ, канонизированныхъ церковью. Съ одной стороны святой Бернаръ, съ другой—санитарный агентъ! Съ одной стороны святой Бенедиктъ, съ другой — полицейскій надзиратель! Какое намъ дѣло до государства, до полиціи, до бюро погребальныхъ процессій, до уставовъ, до администраціи? Всякій, кого ни взять, возмутится тѣмъ, какъ съ нами обращаются. Насъ даже лишаютъ права предать нашъ прахъ

---

[1]) Крестъ стоитъ, пока будетъ вращаться міръ.

Іисусу Христу! Ваше санитарное вѣдомство — революціонная выдумка. Богъ подчиненъ полицейскому комиссару, вотъ каковъ теперь вѣкъ. Замолчи, Фованъ!

Фованъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ подъ этимъ потокомъ словъ. Настоятельница перевела духъ и обратилась къ Фошлевану:

— Итакъ, рѣшено, дядя Фованъ?

— Рѣшено, честная мать.

— Можно разсчитывать на васъ?

— Я буду повиноваться.

— Хорошо.

— Я всей душой преданъ монастырю.

— Рѣшено. Вы заколотите гробъ. Сестры вынесутъ его въ церковь. Будетъ совершена заупокойная служба. Всѣ уйдутъ въ монастырь. Между одиннадцатью и двѣнадцатью часами вы придете съ желѣзнымъ шестомъ. Все произойдетъ въ величайшей тайнѣ. Въ часовнѣ не будетъ никого, кромѣ васъ, четырехъ монахиньпѣвчихъ и матери Вознесеніе.

— А сестра, которая будетъ стоять у столба?

— Она не обернется.

— Но она услышитъ.

— Она не будетъ слушать. Притомъ міру невѣдомо то, что извѣстно монастырю.

Настоятельница помолчала, потомъ продолжала опять:

— Вы снимете бубенчикъ. Сестра, которая будетъ стоять у столба, не должна знать, что вы тутъ.

— Честная мать!

— Что, дядя Фованъ?

— А докторъ былъ?

— Онъ придетъ въ четыре часа. Уже былъ звонъ, призывающій доктора. Но вы, кажется, не слышите никакихъ звоновъ?

— Я обращаю вниманіе только на свой.

— Это хорошо, дядя Фованъ.

— Честная мать, шестъ долженъ быть, по меньшей мѣрѣ длиною въ шесть футовъ.

— Гдѣ вы добудете его?

— Тамъ, гдѣ есть желѣзныя рѣшетки, есть и желѣзные прутья. У меня свалено много желѣза въ глубинѣ сада.

— Безъ четверти въ двѣнадцать. Не забудьте же.

— Честная мать!

— Что вамъ?

— Если у васъ будетъ еще работа въ томъ же родѣ, то мой братъ силачъ. Настоящій турокъ!

— Дѣлайте все какъ можно проворнѣе.

— Я не очень проворенъ. Я калѣка. Потому-то мнѣ и нуженъ помощникъ. Я хромаю.

— Хромота не только не порокъ, но можетъ быть и благословеніемъ. Императоръ Генрихъ II, который низвергъ ложнаго

папу Григорія и возстановилъ Бенедикта VIII, имѣетъ два прозвища: Святого и Хромого.

— Хорошо имѣть два сюртука, — пробормоталъ Фошлеванъ, который, дѣйствительно, былъ немного тугъ на ухо.

— Дядя Фованъ, я думаю, что не мѣшаетъ имѣть часъ въ запасѣ. Придите съ желѣзнымъ шестомъ къ главному алтарю въ одиннадцать часовъ. Служба начинается въ полночь. Надо, чтобы все было кончено, по меньшей мѣрѣ, за четверть часа.

— Я всячески постараюсь доказать общинѣ мое усердіе. Я сдѣлаю такъ. Я заколочу гробъ. Ровно въ одиннадцать часовъ я приду въ церковь. Тамъ будутъ монахини-пѣвчія и мать Вознесеніе. Было бы лучше, если бъ насъ было двое мужчинъ. Ну, да дѣлать нечего! Со мною будетъ рычагъ. Мы откроемъ склепъ, опустимъ гробъ и опять закроемъ склепъ. Всѣ слѣды исчезнутъ. Правительство ни о чемъ не догадается. Ладно ли такъ будетъ, честная мать?

— Нѣтъ.

— Что же еще требуется?

— А какъ же быть съ пустымъ гробомъ?

Наступило молчаніе. Настоятельница раздумывала о чемъ-то, размышлялъ и Фошлеванъ.

— Дядя Фованъ, что сдѣлаютъ съ гробомъ?

— Его опустятъ въ землю.

— Пустымъ?

Опять наступило молчаніе. Фошлеванъ сдѣлалъ рукою жестъ, которымъ отгоняютъ отъ себя тревожный вопросъ.

— Честная мать, я заколочу гробъ въ комнатѣ подъ церковью, туда никто не входитъ, кромѣ меня, я накрою гробъ покровомъ.

— Хорошо, но когда носильщики будутъ ставить гробъ на колесницу и опускать его въ землю, они догадаются, что онъ пустой.

— Ахъ, дья..! — вскричалъ Фошлеванъ.

Настоятельница занесла руку для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ и поглядѣла въ упоръ на садовника. Окончаніе *волъ* застряло у него въ горлѣ.

Онъ поторопился заставить позабыть о своемъ восклицаніи.

— Честная мать, я наложу въ гробъ земли. Она замѣнитъ человѣка.

— Правда. Земля то же, что человѣкъ. Итакъ, вы устроитесь съ пустымъ гробомъ?

— Устроюсь.

Смущенное и мрачное лицо настоятельницы прояснилось. Она сдѣлала жестъ начальника, отпускающаго подчиненнаго. Фошлеванъ направился къ двери. Онъ собирался уходить, но настоятельница слегка возвысила голосъ:

— Я вами довольна, дядя Фованъ; завтра, послѣ похоронъ, приведите ко мнѣ брата и велите ему взять съ собою дочь.

IV.

Жанъ Вальжанъ какъ будто читалъ Остина Кастильехо.

Шаги хромыхъ похожи на подмигиванія кривыхъ: они нескоро достигаютъ цѣли. Притомъ Фошлеванъ волновался. Онъ употребилъ около четверти часа на возвращеніе въ садовую сторожку. Козетта проснулась. Жанъ Вальжанъ усадилъ ее у огня. Когда Фошлеванъ входилъ, Жанъ Вальжанъ говорилъ ей, указывая на корзину садовника, висѣвшую на стѣнѣ:

— Выслушай меня внимательно, малютка. Мы должны отсюда уйти, но мы вернемся, и намъ будетъ очень хорошо. Здѣшній хозяинъ вынесетъ тебя на спинѣ въ этой корзинѣ. Ты подождешь меня у одной женщины. Я приду за тобой. Если не хочешь очутиться у Тенардье, будь послушна и молчи.

Козетта серьезно кивнула головой. Скрипъ затворяемой Фошлеваномъ двери заставилъ Жана Вальжана обернуться.

— Ну, что?

— Все устроено, и ничего не устроено,—сказалъ Фошлеванъ.— Мнѣ позволили привести васъ, но прежде, чѣмъ привести, васъ нужно отсюда вывести. Вотъ въ чемъ затрудненіе. Съ малюткой легко.

— Вы унесете ее?

— А будетъ она молчать?

— Ручаюсь.

— Ну, а какъ же вы-то, дядя Мадленъ?

Озабоченно помолчавъ нѣсколько времени Фошлеванъ вскричалъ:

— Да выходите вы той же дорогой, какой пришли.

Какъ и въ первый разъ, Жанъ Вальжанъ ограничился отвѣтомъ:—невозможно.

Фошлеванъ пробормоталъ скорѣе про себя, чѣмъ обращаясь къ Жану Вальжану:

— Меня тревожитъ еще кое-что другое. Я сказалъ, что наложу туда земли. Думаю, что земля не будетъ похожа на тѣло; ничего изъ этого не выйдетъ: она будетъ сыпаться, болтаться. Носильщики это почувствуютъ. Поймите, дядя Мадленъ, полиція обратитъ на это вниманіе.

Жанъ Вальжанъ пристально поглядѣлъ на него, думая, что онъ бредитъ.

Фошлеванъ продолжалъ:

— Ну, чор... ну, какъ же вы выйдете? Вѣдь все нужно сдѣлать завтра. Я долженъ васъ завтра привести. Настоятельница будетъ васъ ждать.

Онъ объяснилъ Жану Вальжану, что это было вознагражденіемъ за услугу, оказанную общинѣ имъ, Фошлеваномъ. Въ кругъ его обязанностей входило принимать участіе въ похоронахъ, заколачивать гробы и помогать на кладбищѣ могильщику. Скончавшаяся утромъ монахиня попросила, чтобъ ее положили въ гробъ, служившій ей постелью, и похоронили въ склепѣ подъ алтаремъ

часовни. Это воспрещено полицейскимъ уставомъ, но настоятельница и сестры рѣшили исполнить волю усопшей. Богъ съ ней, съ полиціей. Онъ, Фошлеванъ, заколотитъ гробъ въ кельѣ, подниметъ камень въ часовнѣ и опуститъ покойницу въ склепъ. Въ благодарность за это настоятельница возьметъ его брата въ садовники, а его племянницу—въ пансіонерки. Братъ его—господинъ Мадленъ, племянница — Козетта. Настоятельница велѣла привести брата завтра вечеромъ, послѣ мнимыхъ похоронъ на кладбищѣ. Но онъ не можетъ привести господина Мадлена, если тотъ не выйдетъ изъ монастыря. Это первое затрудненіе, но есть еще и второе — пустой гробъ.

— Какой пустой гробъ?—спросилъ Жанъ Вальжанъ.

— Гробъ отъ полиціи.

— Какая полиція? Какой гробъ?

— Монахиня умираетъ. Муниципальный врачъ приходитъ и говоритъ: въ монастырѣ покойница. Полиція присылаетъ гробъ. На слѣдующій день оно присылаетъ похоронную колесницу и факельщиковъ для того, чтобъ взять гробъ и отвезти его на кладбище. Факельщики придутъ, поднимутъ гробъ, а въ немъ не будетъ ничего.

— Положите туда кого-нибудь.

— Покойника? У меня его не имѣется.

— Ну, такъ живого человѣка.

— Кого же?

— Да вотъ хоть меня, — сказалъ Жанъ Вальжанъ.

Фошлеванъ такъ стремительно вскочилъ съ мѣста, какъ будто подъ нимъ лопнула бомба.

— Васъ!

Жанъ Вальжанъ улыбнулся одной изъ своихъ рѣдкихъ улыбокъ, напоминавшихъ лучъ солнца на зимнемъ небѣ.

— Фошлеванъ, когда вы сказали: монахиня умерла, я прибавилъ: а дядя Мадленъ похороненъ. Такъ оно и будетъ.

— Вы шутите; вы говорите не серьезно.

— Очень серьезно. Нужно мнѣ выйти отсюда или нѣтъ?

— Нужно.

— Я просилъ васъ найти и для меня корзину съ покрышкой. Корзина будетъ изъ сосны, покрышка изъ чернаго сукна.

— Во-первыхъ, бѣлаго. Монахинь хоронятъ въ бѣломъ.

— Согласенъ и на бѣлое.

— Дядя Мадленъ, вы не похожи на другихъ людей.

Жанъ Вальжанъ продолжалъ:

— Нужно выйти отсюда тайкомъ. Это хорошій способъ. Но прежде всего сообщите мнѣ всѣ свѣдѣнія. Какъ это дѣлается? Гдѣ гробъ?

- Внизу, въ такъ называемой покойницкой. Онъ стоитъ на двухъ подставкахъ, подъ покровомъ.

— Какова длина гроба?

— Шесть футовъ.

— Что это за покойницкая?

— Комната въ нижнемъ этажѣ съ рѣшетчатымъ окномъ, выходящимъ въ садъ и закрытымъ снаружи ставнемъ, и съ двумя дверьми, изъ которыхъ одна ведетъ въ садъ, другая—въ церковь.

— Какую церковь?

— Ту, что на улицѣ, куда ходятъ всѣ.

— Ключи отъ этихъ дверей у васъ?

— Нѣтъ. У меня только ключъ отъ двери, выходящей въ монастырь,—ключъ же отъ церковной двери у сторожа.

— Когда отпираетъ сторожъ эту дверь?

— Тогда, когда впускаетъ факельщиковъ, которые приходятъ за гробомъ. Когда гробъ вынесутъ, дверь запирается.

— Кто заколачиваетъ гробъ?

— Я.

— Кто накрываетъ гробъ покровомъ?

— Тоже я.

— Вы одни?

— Въ покойницкую не входитъ ни одинъ мужчина, кромѣ полицейскаго врача. Это даже написано на стѣнѣ.

— Можете вы спрятать меня въ покойницкой ночью, когда въ монастырѣ всѣ будутъ спать?

— Нѣтъ, но я могу васъ спрятать въ смежной съ покойницкой темной каморкѣ, гдѣ я держу свои погребальныя принадлежности; я хозяинъ этой каморки, и ключъ отъ нея у меня.

— Въ которомъ часу прiѣдетъ завтра колесница за гробомъ?

— Въ три часа пополудни. Хоронить будутъ на кладбищѣ Вожираръ, незадолго до наступленiя ночи. Это не очень близко отсюда.

— Я спрячусь въ вашей каморкѣ на всю ночь и на все утро. Но какъ же быть съ ѣдой? Я проголодаюсь.

— Я вамъ принесу ѣсть.

— Вы можете прiйти заколотить меня въ гробъ въ два часа.

Фошлеванъ отшатнулся и хрустнулъ пальцами.

— Да вѣдь это же невозможно!

— Вотъ еще! вы возьмете молотокъ и вобьете въ доску гвозди!

То, что казалось Фошлевану невѣроятнымъ, было для Жана Вальжана дѣломъ обыкновеннымъ. Онъ бывалъ еще и не въ такихъ передѣлкахъ. Тотъ, кто сидѣлъ въ тюрьмѣ, изучилъ искусство сокращать себя соотвѣтственно условiямъ бѣгства. Плѣнникъ подвергается бѣгству, какъ больной спасительному или губительному кризису. Бѣгство—выздоровленiе. На что не пойдешь ради выздоровленiя? Велѣть заколотить и вынести себя въ ящикѣ какъ тюкъ, пробыть въ немъ долго, ловить воздухъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, цѣлыми часами сберегать дыханiе, умѣть задыхаться, не умирая,—было однимъ изъ мрачныхъ талантовъ Жана Вальжана. Помимо того, выдумка каторжника—гробъ съ живымъ человѣкомъ—былъ также выдумкой императора. Если вѣрить монаху Остину Кастильехо, Карлъ V, послѣ своего отреченiя отъ престола, желая въ послѣднiй разъ повидать Ла-Пломбу, прибѣгнулъ къ этому способу для

того, чтобы ввести ее въ монастырь св. Юста и вывести оттуда.

Фошлеванъ понемногу пришелъ въ себя и воскликнулъ:

— Но чѣмъ же вы будете дышать?

— Продышу.

— Въ ящикѣ! Да я задыхаюсь при одной мысли объ этомъ.

— У васъ есть, конечно, буравчикъ, вы провернете имъ нѣсколько дырочекъ около моего рта и приколотите верхнюю доску не слишкомъ плотно.

— Хорошо! Ну, а если вы кашлянете или чихнете?

— Тотъ, кто спасается бѣгствомъ, никогда не кашляетъ и не чихаетъ.—И Жанъ Вальжанъ добавилъ:—Дядя Фошлеванъ, нужно рѣшиться на одно изъ двухъ: или быть схваченнымъ здѣсь или выѣхать отсюда на погребальной колесницѣ.

Всѣ знаютъ привычку кошекъ останавливаться и прохаживаться между двумя половинками полуотворенной двери. Каждый изъ насъ говаривалъ кошкѣ: «Да войди же!» Точно такъ же бываютъ люди, которые, въ виду предстоящаго рѣшенія, не рѣшаются ни на то, ни на другое, рискуя тѣмъ, что судьба раздавитъ ихъ, если быстро прихлынутъ событія. Фошлеванъ принадлежалъ къ породѣ людей нерѣшительныхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ невольно мало-по-малу подчинился хладнокровію Жана Вальжана. Онъ пробормоталъ:

— Правда, другого способа нѣтъ.

Жанъ Вальжанъ продолжалъ:

— Меня тревожитъ только то, что произойдетъ на кладбищѣ.

— А меня именно это-то нисколько и не смущаетъ!—вскричалъ Фошлеванъ.—Если вы увѣрены въ томъ, что справитесь съ гробомъ, то я увѣренъ въ томъ, что вытащу васъ изъ ямы. Могильщикъ, дядя Метьеннъ, пьяница. Онъ уже старикъ и пилъ всю свою жизнь. Могильщикъ кладетъ покойниковъ въ яму, а я кладу его себѣ въ карманъ. Я разскажу вамъ, какъ все будетъ. На кладбище пріѣдутъ до сумерекъ, за три четверти часа до того, какъ запирается ограда. Колесница доѣдетъ до ямы. Я буду итти за ней; это входитъ въ кругъ моихъ обязанностей. Я захвачу съ собою молотокъ, долото, клещи. Колесница останавливается; люди обвязываютъ вашъ гробъ веревкой и спускаютъ васъ. Священникъ произноситъ молитву, осѣняетъ крестомъ, кропитъ святою водой и уходитъ прочь. Мы съ дядей Метьенномъ остаемся одни. Повторяю, онъ мой пріятель. Одно изъ двухъ: онъ или будетъ пьянъ или не будетъ. Если онъ не будетъ пьянъ, я ему скажу: «Пойдемъ, выпьемъ стаканчикъ вина, пока еще не заперли сосѣдній кабачокъ «Вкусную Айву». Я его увожу и напаиваю; онъ напьется быстро, я укладываю его подъ столъ, отбираю у него пропускной билетъ на кладбище и возвращаюсь туда одинъ. Если же онъ пьянъ, я говорю ему: «Убирайся, я сдѣлаю твое дѣло». Онъ уходитъ, а я вытаскиваю васъ изъ ямы.

Жанъ Вальжанъ протянулъ Фошлевану руку, которую тотъ схватилъ съ трогательною сердечностью крестьянина.

— Рѣшено, дядя Фошлеванъ. Все пойдетъ хорошо.

«Только не вышло бы какого разстройства,—подумалъ Фошлеванъ.—А вдругъ произойдетъ что-нибудь ужасное!»

V.

Пьяницы отъ смерти не застрахованы.

На слѣдующій день, передъ закатомъ солнца, немногочисленные прохожіе по Мэнскому бульвару снимали шляпы при проѣздѣ колесницы стариннаго образца, изукрашенной мертвыми головами, костями и слезами. На этой колесницѣ стоялъ гробъ, покрытый бѣлымъ сукномъ съ изображеніемъ громаднаго чернаго креста, напоминавшаго рослую покойницу съ распростертыми руками. За колесницей ѣхала задрапированная чернымъ сукномъ карета, въ которой сидѣли священникъ въ облаченіи и мальчикъ-пѣвчій въ красной шапочкѣ. По обѣимъ сторонамъ колесницы шли два факельщика въ сѣрыхъ одеждахъ съ черной отдѣлкой. Сзади колесницы плелся хромой старикъ въ одеждѣ рабочаго. Шествіе направлялось къ кладбищу Вожираръ.

Кладбище Вожираръ занимало исключительное положеніе между кладбищами Парижа. У него были свои особыя правила, были ворота и калитка, которыя мѣстные старожилы, придерживавшіеся старинныхъ выраженій, называли воротами для экипажей и воротами для пѣшеходовъ. Бернардинки-бенедиктинки Мало-Пикпюсскаго монастыря получили разрѣшеніе хоронить своихъ покойницъ въ отдѣльномъ уголкѣ и по вечерамъ, такъ какъ эта земля прежде принадлежала ихъ общинѣ. Могильщики, которымъ поэтому приходилось работать лѣтомъ по вечерамъ, а зимою по ночамъ, были подчинены особымъ правиламъ. Въ тѣ времена ворота парижскихъ кладбищъ запирались при захожденіи солнца, и такъ какъ это распоряженіе исходило отъ муниципалитета, то и на кладбищѣ Вожираръ соблюдались тѣ же самыя правила. Ворота для экипажей и ворота для пѣшеходовъ представляли собою двѣ смежныя рѣшетки, возлѣ которыхъ помѣщался выстроенный архитекторомъ Перре павильонъ, гдѣ жилъ кладбищенскій сторожъ. Рѣшетки неизмѣнно запирались въ ту минуту, какъ солнце скрывалось за куполъ Инвалидовъ. Если могильщикъ запаздывалъ на кладбищѣ, то могъ выйти оттуда только съ помощью билета, выданнаго ему изъ бюро погребальныхъ процессій. Въ ставнѣ окна сторожки было устроено нѣчто въ родѣ почтоваго ящика. Могильщикъ бросалъ билетъ въ ящикъ; при звукѣ его паденія сторожъ дергалъ за шнурокъ и калитка для пѣшеходовъ отворялась. Если же у могильщика не случалось съ собою билета, сторожъ, который въ это время иногда уже спалъ, поднимался съ постели, опознавалъ могильщика и отпиралъ дверь ключомъ. Могильщикъ выходилъ, но платилъ пятнадцать франковъ штрафа.

Это кладбище, не подходившее подъ общія правила, нарушало административную симметрію. Его уничтожили вскорѣ послѣ 1830 года. На его мѣстѣ возникло кладбище Монпарнассъ и уна-

слѣдовало отъ него сосѣдній съ Вожираромъ знаменитый кабакъ, съ доской, на которой была изображена айва; доска эта была обращена одной стороной на столики для потребителей, а другой—на могилы. На вывѣскѣ значилось: «Вкусная Айва».

Кладбище Вожираръ было, что называется, кладбищемъ отцвѣтающимъ. Плѣсень заполняла его; цвѣты его покидали. Буржуазія не любила ложиться на кладбищѣ Вожираръ: оно отзывалось бѣднотой. Другое дѣло Пэръ-Лашезъ. Быть похороненнымъ на Пэръ-Лашезъ, это—то же, что имѣть въ домѣ мебель краснаго дерева. По этому признаку распознаются люди элегантные. Кладбище Вожираръ было почтеннымъ огороженнымъ мѣстомъ, расположеннымъ по образцу старинныхъ французскихъ садовъ. Тамъ были прямыя аллеи изъ буксовъ, туй, остролистника, древнія могилы подъ старыми тисами, очень высокая трава. Вечеромъ тамъ вѣяло чѣмъ-то трагическимъ. Очертанія кладбища казались зловѣщими.

Солнце еще не зашло, когда колесница съ бѣлымъ покровомъ въѣхала въ аллею, ведшую къ Вожирару. Шедшій за нею человѣкъ былъ не кто иной какъ Фошлеванъ. Погребеніе монахини въ склепѣ подъ алтаремъ, выходъ Козетты, входъ Жана Вальжана въ покойницкую совершились безпрепятственно; все сошло гладко.

Замѣтимъ мимоходомъ, что погребеніе монахини подъ алтаремъ кажется намъ лично самымъ извинительнымъ поступкомъ. Это одно изъ тѣхъ прегрѣшеній, которыя похожи на долгъ. Монахини совершили его не только спокойно, но даже повинуясь внушенію совѣсти. Въ монастырѣ на полицію смотрятъ, какъ на непрошенное вмѣшательство, и это вмѣшательство всегда оспаривалось. Впереди всего—монастырскій уставъ, а законъ—дѣло второстепенное. Пускай свѣтскіе люди издаютъ сколько угодно законовъ, но пусть они берегутъ ихъ для себя.

Фошлеванъ шелъ за колесницей, прихрамывая, очень довольный. Оба его заговора, одинъ въ пользу монастыря, другой противъ него, удались за разъ. Фошлеванъ больше уже не сомнѣвался въ успѣхѣ. То, что ему оставалось сдѣлать, было бездѣлицей. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ разъ десять напаивалъ добродушнаго толстяка, дядю Метьенна. Тотъ былъ игрушкой въ его рукахъ. Онъ дѣлалъ изъ него все, что хотѣлъ.

Когда колесница въѣхала въ кладбищенскую аллею, Фошлеванъ съ довольнымъ видомъ взглянулъ на нее и, потирая свои закорузлыя руки, проговорилъ вполголоса:

— Ловкая штука.

Колесница вдругъ остановилась. Подъѣхали къ рѣшеткѣ. Нужно было предъявить разрѣшеніе на похороны. Служитель похороннаго бюро вошелъ въ переговоры со сторожемъ. Во время этихъ переговоровъ, вызвавшихъ обычную двухминутную остановку, какой-то незнакомецъ сталъ за колесницей, рядомъ съ Фошлеваномъ. Фошлеванъ взглянулъ на него.

— Кто вы такой?—спросилъ онъ.

Незнакомецъ отвѣтилъ:

— Здѣшній могильщикъ.

Если бъ человѣкъ могъ пережить ударъ въ грудь пушечнымъ ядромъ, то у него было бы точно такое же выраженіе, какое появилось на лицѣ Фошлевана.

— Могильщикъ! Вы?

— Я.

— Могильщикъ здѣсь дядя Метьеннъ.

— Былъ.

— Какъ такъ—былъ?

— Онъ умеръ.

Фошлеванъ приготовился ко всему, только не къ смерти могильщика. Но вѣдь и могильщики умираютъ. Роя могилы для другихъ, они роютъ и свою собственную. Фошлеванъ былъ ошеломленъ. Онъ насилу проговорилъ:

— Невозможно!

— Но это такъ.

— Однако, — возразилъ онъ слабымъ голосомъ, — могильщикъ дядя Метьеннъ.

— Послѣ Наполеона—Людовикъ XVIII, послѣ Метьенна—Грибье. Меня зовутъ Грибье, деревенскій вы человѣкъ

Фошлеванъ, весь блѣдный, сталъ разглядывать Грибье.

То былъ человѣкъ длинный, худой, съ землистымъ цвѣтомъ лица и съ самой похоронной наружностью. Онъ былъ похожъ на неудавшагося медика, превратившагося въ могильщика. Фошлеванъ захохоталъ.

— Ахъ! Какія бываютъ смѣшныя вещи! Дядя Метьеннъ умеръ! Дядюшка Метьеннъ умеръ, но да здравствуетъ дядюшка Ленуаръ! Вы знаете дядюшку Ленуара? Это бутылка запечатаннаго краснаго вина въ шесть су. Бутылка сюрэнскаго, клянусь, настоящаго парижскаго сюрэнскаго! Ага! Старикъ Метьеннъ умеръ! Меня это очень огорчаетъ, онъ былъ теплый малый. Но вѣдь и вы, конечно, тоже теплый малый. Не такъ ли, товарищъ?

Грибье отвѣчалъ:

— Я получилъ образованіе, вышелъ изъ четвертаго класса. Я не пью.

Колесница двинулась и покатилась по главной аллеѣ кладбища. Фошлеванъ замедлилъ свой шагъ. Онъ отъ волненія хромалъ сильнѣе. Могильщикъ опередилъ его. Фошлеванъ началъ опять приглядываться къ Грибье, котораго не ожидалъ видѣть. Грибье принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, будучи молодыми, кажутся стариками и, несмотря на худобу, обладаютъ большою силой.

— Товарищъ!—крикнулъ Фошлеванъ.

Грибье обернулся.

— Я—монастырскій могильщикъ.

— Коллега,—отвѣтилъ Грибье.—Хотя и необразованный, но очень проницательный.

Фошлеванъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ краснобаемъ, человѣкомъ самой опасной породы. Онъ пробурчалъ:

— Итакъ, дядя Метьеннъ умеръ.

Грибье отвѣчалъ:

— Окончательно. Господь Богъ справился въ записи о срокахъ. Очередь оказалась за дядею Метьенномъ. Дядя Метьеннъ умеръ.

Фошлеванъ повторилъ машинально:

— Господь Богъ...

— Господь Богъ,—произнесъ авторитетно Грибье.—Философы называютъ его Предвѣчнымъ Отцомъ, якобинцы—Высшимъ Существомъ.

— Неужели мы не сведемъ съ вами знакомства?—пробормоталъ Фошлеванъ.

— Мы познакомились. Вы деревенщина, я—парижанинъ.

— Нельзя свести знакомства безъ того, чтобы не выпить вмѣстѣ. Опоражнивая стаканъ, опоражниваешь душу. Пойдемъ выпьемъ. Отъ этого не отказываются.

— Дѣло прежде всего.

Въ головѣ Фошлевана мелькнуло: «Я пропалъ».

Колесница была всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ маленькой аллеи, которая вела къ уголку монахинь.

Могильщикъ продолжалъ:

— Я долженъ кормить семь малышей, провинціалъ. Такъ какъ они должны ѣсть, то я не долженъ пить.

И онъ добавилъ съ самодовольствомъ серьезнаго человѣка, придумавшаго удачное выраженіе:

— Ихъ голодъ врагъ моей жажды.

Колесница обогнула купу кипарисовъ и, повернувъ изъ большой аллеи въ маленькую, поѣхала по землѣ въ чащу. Это значило, что погребеніе состоится немедленно. Фошлеванъ замедлялъ свой шагъ, но не могъ замедлить движенія колесницы. По счастью, разрыхленная дождями земля налипала на колеса и затрудняла процессію. Онъ подошелъ къ могильщику.

— Есть славное аржантёйльское винцо,—пробормоталъ Фошлеванъ.

— Мнѣ бы не могильщикомъ быть, любезнѣйшій,—возразилъ Грибье.—Отецъ мой служилъ швейцаромъ въ министерствѣ. Онъ предназначалъ меня къ литературному поприщу. Но его постигли неудачи. Онъ проигрался на биржѣ. Я былъ вынужденъ отказаться отъ авторства. Но все-таки я, кромѣ-того, еще и публичный писецъ.

— Такъ вы не могильщикъ?—проговорилъ Фошлеванъ, цѣпляясь за эту, хотя и очень слабую соломинку.

— Одно другому не мѣшаетъ. У меня совмѣстительство.

Фошлеванъ не понялъ, что значитъ совмѣстительство.

— Пойдемъ, выпьемъ,—сказалъ онъ.

Тутъ необходимо замѣтить, что Фошлеванъ, несмотря на все свое отчаяніе, предлагая выпить, не обмолвился о томъ, кто будетъ платить. Обыкновенно предлагалъ Фошлеванъ, а платилъ дядя Метьеннъ. Предложеніе выпить вытекало изъ новаго положенія, созданнаго новымъ могильщикомъ, но старый садовникъ

преднамѣренно не выяснялъ вопроса о томъ, кому платить. Хотя Фошлеванъ и былъ сильно взволнованъ, но вовсе не желалъ платить. Могильщикъ продолжалъ съ высокомѣрной улыбкой:

— Ѣсть нужно. Я замѣстилъ дядю Метьенна. Человѣкъ, почти окончившій полный курсъ наукъ, становится философомъ. Къ работѣ рукъ я прибавилъ работу пальцевъ. Моя лавочка писца помѣщается на рынкѣ, близъ улицы Севръ. Знаете? На Зонточномъ рынкѣ. Всѣ кухарки изъ Круа-Ружа обращаются ко мнѣ. Я пишу записки ихъ любезнымъ. Утромъ я сочиняю любовныя посланія, а вечеромъ копаю могилы. Такова жизнь, деревенскій вы мой человѣкъ.

Колесница подвигалась впередъ. Фошлеванъ, тревога котораго дошла до крайняго предѣла, озирался кругомъ. Со лба у него катились крупныя капли пота.

— Нельзя, впрочемъ, служить двумъ господамъ за разъ,—продолжалъ могильщикъ.—Мнѣ придется выбирать между перомъ и заступомъ. Заступъ портитъ мой почеркъ.

Колесница остановилась. Изъ задрапированной кареты вылѣзъ сначала мальчикъ-пѣвчій, потомъ священникъ. Одно изъ переднихъ колесъ поднялось на небольшой земляной бугорокъ, за которымъ виднѣлась зіяющая яма.

— Вотъ такъ штука!—повторилъ озадаченный Фошлеванъ.

VI.

Межъ четырехъ досокъ.

Мы знаемъ, что въ гробу лежалъ Жанъ Вальжанъ. Жанъ Вальжанъ устроился такъ, чтобы имѣть возможность жить. Онъ дышалъ, какъ могъ. Спокойствіе совѣсти вліяетъ удивительнымъ образомъ на увѣренность въ безопасности. Придуманная Жаномъ Вальжаномъ комбинація удавалась и удавалась превосходно со вчерашняго дня. Онъ, какъ и Фошлеванъ, разсчитывалъ на дядю Метьенна. Онъ не сомнѣвался въ удачномъ исходѣ. Положеніе было самое критическое и спокойствіе самое полное.

Отъ четырехъ гробовыхъ досокъ исходитъ какой-то страшный миръ. Казалось, что покой мертвецовъ отчасти способствовалъ спокойствію Жана Вальжана. Изъ гроба онъ былъ въ состояніи слѣдить и слѣдилъ за всѣми фазисами той страшной драмы, которую онъ разыгрывалъ со смертью.

Вскорѣ послѣ того, какъ Фошлеванъ приколотилъ верхнюю доску, Жанъ Вальжанъ сначала почувствовалъ, что его несутъ, а потомъ везутъ. Ослабѣвшіе толчки дали ему знать, что мостовая смѣнилась утоптанною землей, то-есть что съ улицъ переѣхали на бульвары. По глухому стуку онъ догадался, что переѣзжаютъ черезъ Аустерлицкій мостъ. При первой остановкѣ онъ понялъ, что въѣзжаютъ на кладбище, при второй сказалъ себѣ: «Вотъ могила». Потомъ онъ вдругъ почувствовалъ, что гробъ подхваченъ руками и что о доски трется что-то грубое; онъ сообразилъ тогда, что гробъ обвязываютъ веревкой для того, чтобы спустить его въ яму. Потомъ у него закружилась голова. Вѣроятно,

факельщикъ и могильщикъ покачнули гробъ и опустили прежде голову, а потомъ ноги. Онъ пришелъ совершенно въ себя, когда почувствовалъ, что лежитъ прямо и недвижимо. Онъ достигъ дна. Онъ ощутилъ холодъ. Надъ нимъ раздался леденящій, торжественный голосъ, и онъ услыхалъ непонятныя ему латинскія слова, произносимыя такъ протяжно, что онъ улавливалъ ихъ одно за другимъ:

— Qui dormiunt in terrae pulvere, evigilabunt; alii in vitam aeternam, et alii in opprobrium, ut videant semper [1]).

Дѣтскій голосъ произнесъ:

— De profundis [2]).

Торжественный голосъ продолжалъ:

— Requiem aeternam dona ei, Domine [3])

Дѣтскій голосъ отвѣтилъ:

— Et lux perpetua luceat ei [4]).

Жанъ Вальжанъ услыхалъ, какъ по крышѣ гроба забарабанили какъ будто дождевыя капли. То была, вѣроятно, святая вода. Онъ подумалъ: «Сейчасъ кончится. Еще немного терпѣнія. Священникъ уйдетъ. Фошлеванъ уведетъ Метьенна для выпивки. Меня оставятъ. Фошлеванъ вернется одинъ и я выйду. На это понадобится добрый часъ».

Торжественный голосъ продолжалъ:

— Requiescat in pace [5]).

Дѣтскій голосъ отвѣтилъ:

— Amen [6]).

Напрягая слухъ, Жанъ Вальжанъ уловилъ что-то въ родѣ звука удалявшихся шаговъ.

«Уходятъ,—подумалъ онъ.—Я теперь одинъ».

Вдругъ надъ его головой раздался шумъ, показавшійся ему раскатомъ грома. На гробъ упалъ комъ земли. Потомъ упалъ второй комъ. Одна изъ дырочекъ, черезъ которыя онъ дышалъ, закрылась. Упалъ третій комъ земли. Упалъ четвертый. Есть вещи сильнѣе самаго сильнаго человѣка. Жанъ Вальжанъ лишился чувствъ.

VII.

Заключающая въ себѣ объясненіе выраженія „не терять билета“.

Вотъ что происходило надъ гробомъ, гдѣ лежалъ Жанъ Вальжанъ.

Когда колесница удалилась и священникъ съ пѣвчимъ уѣхали въ каретѣ, Фошлеванъ, не спускавшій глазъ съ могильщика, уви-

---

[1]) Почивающіе во прахѣ земномъ пробудятся—одни въ жизнь вѣчную, другіе въ осужденіе, да видятъ вѣчно.

[2]) Изъ нѣдръ глубокихъ.

[3]) Вѣчный покой подай ему, Господи!

[4]) И да свѣтитъ ему вѣчный свѣтъ.

[5]) Да покоится въ мирѣ.

[6]) Аминь.

далъ, что тотъ наклонился и взялъ лопату, воткнутую въ кучу земли. Тогда онъ принялъ отчаянное рѣшеніе. Онъ сталъ между ямой и могильщикомъ, скрестилъ руки и сказалъ:

— Плачу я!

Могильщикъ отвѣтилъ, взглянувъ на него съ удивленіемъ:

— Въ чемъ дѣло, деревенскій человѣкъ?

Фошлеванъ повторилъ:

— Плачу я!

— За что?

— За вино.

— Какое вино?

— Аржантёйльское.

— Гдѣ оно?

— Во «Вкусной Айвѣ».

— Ну тебя къ чорту!—сказалъ могильщикъ.

И онъ бросилъ комъ земли на гробъ.

Гробъ издалъ глухой звукъ. Фошлеванъ пошатнулся и чуть было не упалъ въ яму. Онъ крикнулъ задыхающимся, хриплымъ голосомъ:

— Товарищъ, пойдемъ, пока не заперли «Вкусную Айву».

Могильщикъ набралъ на лопату земли. Фошлеванъ продолжалъ.

— Я плачу!

И онъ схватилъ могильщика за руку.

— Слушайте, товарищъ. Я монастырскій могильщикъ, я пришелъ помогать вамъ. Все можно сдѣлать ночью. Начнемъ же съ выпивки.

Говоря такъ и цѣпляясь за свою отчаянную настойчивость, онъ въ то же время думалъ: «А что, если онъ будетъ пить, да не напьется?»

— Если вы настаиваете такъ, любезнѣйшій, то я согласенъ,—сказалъ могильщикъ.—Мы выпьемъ съ вами. Но кончимъ прежде работу. Раньше ни за что.

Онъ поднялъ лопату. Фошлеванъ удержалъ его.

— Это аржантёйльское вино стоитъ шесть...

— Да вы звонарь,—сказалъ могильщикъ.—Динъ-донъ, динъ-донъ, заладили одно и то же. Идите трезвонить.

И онъ бросилъ вторую лопату. Фошлеванъ дошелъ до состоянія, когда уже не сознаютъ того, что говорятъ.

— Да пойдемъ же выпьемъ,—крикнулъ онъ,—плачу я!

— Послѣ того, какъ уложимъ спать ребенка,—сказалъ могильщикъ.

И онъ бросилъ третій комъ. Потомъ, воткнувъ лопату въ землю, добавилъ:

— Видите ли, ночью будетъ холодно и покойница завопитъ, если мы бросимъ ее такъ, безъ одѣяла.

Когда могильщикъ набиралъ землю на лопату, онъ наклонялся и карманъ его куртки раскрывался. Безумный взглядъ Фошлевана машинально упалъ на этотъ карманъ и остановился на немъ. Солнце еще не скрылось за небосклономъ, было настолько свѣт-

ло, что можно было разглядѣть въ этомъ карманѣ что-то бѣлое. Въ глазахъ Фошлевана сосредоточился весь блескъ, который можетъ появиться во взглядѣ пикардійскаго крестьянина. Его осѣнила одна мысль. Онъ запустилъ руку въ заднiй карманъ могильщика, который такъ углубился въ свое дѣло, что ничего не замѣтилъ, и вытащилъ изъ кармана какую-то бѣлую вещь. Могильщикъ бросилъ въ яму четвертую лопату земли. Онъ обернулся, чтобъ снова набрать земли; въ эту минуту Фошлеванъ, взглянувъ на него очень спокойно, сказалъ:

— А кстати, новичокъ, билетъ при васъ?

Могильщикъ прiостановился.

— Какой билетъ?

— Солнце сейчасъ сядетъ.

— Отлично; пускай оно нахлобучиваетъ на себя ночной колпакъ.

— Запрутъ кладбищенскую ограду.

— Ну, такъ что жъ?

— Билетъ при васъ?

— Ахъ, да, билетъ!—сказалъ могильщикъ.

Онъ началъ обшаривать карманъ.

Обыскавъ одинъ карманъ, онъ принялся за другой. Потомъ сталъ шарить во внутреннихъ карманахъ, вывернулъ одинъ изъ нихъ.

— Билета нѣтъ,—сказалъ онъ.—Я, вѣрно, забылъ его дома.

— Пятнадцать франковъ штрафа,—воскликнулъ Фошлеванъ.

Могильщикъ позеленѣлъ. Зеленый цвѣтъ замѣняетъ блѣдность у людей съ землистымъ цвѣтомъ лица.

— Ахъ, Господи Iисусе Христе!—вскричалъ онъ.—Пятнадцать франковъ штрафа!

— Три монеты по сто су,—сказалъ Фошлеванъ.

Могильщикъ выронилъ лопату изъ рукъ. Настала очередь Фошлевана.

— Не отчаивайтесь, новобранецъ,—сказалъ Фошлеванъ.—Не убивать же вамъ себя изъ-за этого и не ложиться же въ эту яму. Пятнадцать франковъ не болѣе, какъ пятнадцать франковъ, да вы можете и не заплатить ихъ. Я старый воробей, а вы новичокъ. Я знаю всѣ уловки. Я дамъ вамъ дружескiй совѣтъ. Солнце заходитъ; это несомнѣнно; оно уже коснулось купола, черезъ пять минутъ кладбище запрутъ.

— Правда,—отвѣтилъ могильщикъ.

— Въ эти пять минутъ вы не успѣете засыпать яму, которая дьявольски глубока, и выйти, пока не заперли рѣшетку.

— Вѣрно.

— Придется заплатить пятнадцать франковъ штрафа.

— Да, пятнадцать франковъ.

— Но вы поспѣете... Гдѣ вы живете?

— Въ двухъ шагахъ отъ заставы. Ходьбы отсюда четверть часа. Улица Вожираръ, нумеръ 87.

— Вы успѣете выйти, если побѣжите со всѣхъ ногъ?

— Успѣю.

— Выйдя изъ ограды, вы летите домой, берете билетъ, возвращаетесь, сторожъ отворяетъ вамъ. Съ билетомъ платить не придется. Вы похороните покойницу. А пока я постерегу ее, чтобъ она не сбѣжала.

— Я вамъ обязанъ жизнью, деревенскій человѣкъ!

— Да ужъ идите вы!—сказалъ Фошлеванъ.

Внѣ себя отъ радости, могильщикъ потрясъ ему руку и бро сился бѣжать. Могильщикъ исчезъ въ чащѣ; Фошлеванъ прислушивался къ его шагамъ, пока они не замерли въ отдаленіи; потомъ онъ наклонился надъ могилой и сказалъ вполголоса:

— Дядя Мадленъ!

Отвѣта не было. Фошлеванъ вздрогнулъ. Онъ не слѣзъ, а скатился въ яму, бросился къ изголовью гроба и крикнулъ:

— Тутъ ли вы?

Въ гробу царило молчаніе.

Фошлеванъ трясся такъ, что у него занялся духъ; онъ взялъ долото, молотокъ и отбилъ доску. Въ полусвѣтѣ сумерекъ онъ увидалъ лицо Жана Вальжана, блѣдное, съ закрытыми глазами. У Фошлевана волосы встали дыбомъ. Онъ всталъ на ноги, потомъ прислонился къ стѣнѣ, чтобъ не упасть на гробъ. Онъ взглянулъ на Жана Вальжана. Жанъ Вальжанъ лежалъ недвижимый и блѣдный.

Фошлеванъ прошепталъ голосомъ тихимъ, какъ вздохъ:

— Онъ умеръ!

Онъ выпрямился и съ такою яростью скрестилъ руки, что сжатыми кулаками ударилъ себя по плечамъ. Онъ крикнулъ:

— Вотъ какъ я спасъ его!

Бѣдняга зарыдалъ и началъ разговаривать самъ съ собою. Ошибочно думаютъ, что монологи не въ природѣ человѣка. Сильное волненіе часто выражается вслухъ.

— Виноватъ дядя Метьеннъ. Зачѣмъ было умирать этому болвану нежданно, негаданно? Онъ уморилъ господина Мадлена. Дядя Мадленъ! Онъ въ гробу. Онъ готовъ. Кончено.—И то сказать, развѣ есть смыслъ въ такихъ вещахъ? Ахъ, Богъ мой! онъ умеръ! Что же я буду дѣлать съ его малюткой? что скажетъ торговка фруктами? Неужели Богъ попуститъ, чтобъ такой человѣкъ умеръ такимъ образомъ! Подумать только, что онъ подлѣзъ подъ мою телѣгу! Дядя Мадленъ! Дядя Мадленъ! Онъ задохся! вѣдь я ему говорилъ. Онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить. Онъ умеръ, этотъ славный человѣкъ, самый лучшій изъ лучшихъ Божьихъ людей! А его малютка! Ага! я къ себѣ не вернусь; я останусь здѣсь. Отколоть такую штуку! Стоило дожить намъ обоимъ до старости, чтобъ оказаться такими глупцами. Какъ попалъ онъ въ монастырь? Съ этого-то все и началось. Не слѣдуетъ дѣлать такихъ вещей. Дядя Мадленъ! дядя Мадленъ! дядя Мадленъ! Мадленъ! господинъ Мадленъ! господинъ мэръ! Онъ меня не слышитъ! Попробуйте-ка вотъ теперь расхлебать эту кашу!

Онъ сталъ рвать на себѣ волосы.

Вдали послышался громкій скрипъ. Запирали кладбищенскую рѣшетку.

Фошлеванъ наклонился къ Жану Вальжану и вдругъ отпрянулъ прочь настолько, насколько позволяла яма. Жанъ Вальжанъ глядѣлъ на него открытыми глазами. Видѣть смерть страшно, но почти такъ же страшно видѣть воскресеніе. Окаменѣвшій, блѣдный, растерянный, сбитый съ толку пережитыми волненіями, не знавшій съ кѣмъ имѣетъ дѣло—съ живымъ или съ мертвецомъ—Фошлеванъ смотрѣлъ на Жана Вальжана, а тотъ глядѣлъ на него.

— Я заснулъ,—сказалъ Жанъ Вальжанъ.

И онъ сѣлъ въ гробу. Фошлеванъ упалъ на колѣни.

— Пресвятая Богородица! Какъ вы меня напугали!

Потомъ онъ вскочилъ и крикнулъ.

— Спасибо, дядя Мадленъ!

Жанъ Вальжанъ былъ только въ обморокѣ. Свѣжій воздухъ привелъ его въ чувство. Радость—отливъ ужаса. Фошлевану было почти такъ же трудно очнуться, какъ и Жану Вальжану.

— Такъ вы не умерли! Ахъ, какой вы умникъ! Я такъ громко звалъ васъ, что вы вернулись къ жизни. Когда я увидалъ ваши за крытые глаза, я сказалъ: вотъ онъ и задохся. Я бы сошелъ съ ума, дошелъ бы до буйнаго помѣшательства. Меня отправили бы въ Бисетръ. Что сталъ бы я дѣлать, если бъ вы умерли? А ваша малютка! торговка фруктами не могла бы ничего взять въ толкъ! Ей прикидываютъ ребенка, а дѣдушка его умеръ. Вотъ такъ исторія, святые угодники, вотъ такъ исторія! Ахъ, вы живы. Конецъ всему дѣлу вѣнецъ!

— Мнѣ холодно,—сказалъ Жанъ Вальжанъ.

Это слово вернуло Фошлевана къ настоятельной дѣйствительности. Оба они хотя и пришли въ себя, но испытывали безотчетное душевное смятеніе и внутри себя нѣчто странное, навѣянное зловѣщей мѣстностью.

— Уйдемъ поскорѣе отсюда!—крикнулъ Фошлеванъ.

Онъ досталъ изъ кармана фляжку, которой запасся на всякій случай.

— Выпейте сначала вотъ этого,—сказалъ онъ.

Фляжка довершила то, что началъ воздухъ. Жанъ Вальжанъ отхлебнулъ глотокъ водки и совершенно пришелъ въ себя. Онъ вышелъ изъ гроба и помогъ Фошлевану заколотить крышку. Черезъ три минуты они вышли изъ ямы.

Впрочемъ, Фошлеванъ былъ спокоенъ. Онъ не торопился. Кладбище было заперто. Нечего было опасаться возвращенія могильщика Грибье. «Новобранецъ» былъ дома и искалъ билетъ, котораго ему невозможно было найти, такъ какъ онъ лежалъ въ карманѣ Фошлевана. Безъ билета онъ вернуться на кладбище не могъ. Фошлеванъ взялъ лопату, Жанъ Вальжанъ—заступъ, и они зарыли пустой гробъ. Когда яма была засыпана, Фошлеванъ сказалъ Жану Вальжану:

— Пойдемте. Я понесу лопату, вы—заступъ.

Наступала ночь. Жану Вальжану было нѣсколько затруднительно двигаться и ходить. Онъ закоченѣлъ въ гробу и сдѣлался

немного похожъ на трупъ. Онъ былъ охваченъ между четырьмя досками неподвижностью смерти. Ему приходилось какъ бы оттаивать отъ могилы.

— Вы окоченѣли,—сказалъ Фошлеванъ.—Досадно, что я хромаю,—а то я бы помогъ вамъ.

— Ба!—отвѣчалъ Жанъ Вальжанъ.—Мнѣ стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, и мои ноги пойдутъ, какъ слѣдуетъ.

Они шли по тѣмъ самымъ аллеямъ, по которымъ проѣзжала колесница. Когда они подошли къ запертой рѣшеткѣ и къ сторожкѣ, Фошлеванъ, державшій въ рукѣ билетъ могильщика, бросилъ его въ ящикъ; сторожъ дернулъ за шнурокъ, калитка отворилась, и они вышли.

— Какъ все идетъ хорошо!—сказалъ Фошлеванъ.—Какъ хорошо вы все придумали, дядя Мадленъ!

Они прошли черезъ заставу Вожираръ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ окрестностяхъ кладбища лопата и заступъ служатъ паспортами.

Улица Вожираръ была безлюдна.

— Дядя Мадленъ,—сказалъ Фошлеванъ, осматривавшій по дорогѣ дома,—ваше зрѣніе лучше моего. Гдѣ 87 нумеръ?

— Да вотъ онъ,—отвѣчалъ Жанъ Вальжанъ.

— На улицѣ никого нѣтъ,—продолжалъ Фошлеванъ.—Дайте мнѣ заступъ и подождите меня минутки двѣ.

Фошлеванъ вошелъ въ 87 нумеръ, поднялся на самый верхъ, повинуясь инстинктивному влеченію бѣдняка къ чердаку, и впотьмахъ постучался въ дверь мансарды.

— Войдите,—отвѣтилъ голосъ Грибье.

Фошлеванъ отворилъ дверь. Какъ и всѣ бѣдныя жилища, лачуга была хоть и безъ мебели, но вся заставлена. Какой-то ящикъ, а, быть-можетъ, и гробъ служилъ комодомъ, горшокъ для масла—умывальникомъ, соломенный тюфякъ—постелью, полъ—стульями и столами. Въ углу, на обрывкѣ стараго ковра, копошилась худая женщина съ кучею дѣтей. Въ этомъ бѣдномъ жилищѣ все было перевернуто вверхъ дномъ. Казалось, что тутъ только что произошло землетрясеніе. Крышки были сняты, лохмотья разбросаны, горшокъ разбитъ; у матери были заплаканные глаза, дѣти были, повидимому, побиты,—все носило слѣды упорныхъ, ожесточенныхъ, грубыхъ поисковъ. Видно было, что могильщикъ искалъ съ остервенѣніемъ билетъ и заставилъ поплатиться за его потерю всѣхъ, начиная съ кружки и кончая женой. Его лицо выражало отчаяніе.

Фошлеванъ такъ торопился къ развязкѣ начатаго предпріятія, что не обратилъ вниманія на печальную сторону своего успѣха. Онъ вошелъ со словами:

— Я вамъ принесъ лопату и заступъ.

Грибье взглянулъ на него съ изумленіемъ.

— Это вы, деревенскій человѣкъ?

— А завтра утромъ вы найдете вашъ билетъ у кладбищенскаго сторожа.

Онъ положилъ на полъ лопату и заступъ.

— Что все это значитъ?—спросилъ Грибье.

— Значитъ то, что билетъ выпалъ у васъ изъ кармана, что я его нашелъ на землѣ послѣ того, какъ вы ушли, что я похоронилъ покойницу, засыпалъ яму, исполнилъ вашу работу, что сторожъ отдастъ вамъ билетъ, и что вы не заплатите пятнадцати франковъ штрафа.

— Спасибо, деревенскій человѣкъ! — вскричалъ восхищенный Грибье.—Въ слѣдующій разъ за выпивку плачу я.

VIII.

Удачный допросъ.

Черезъ часъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, двое мужчинъ съ ребенкомъ подошли къ 62 нумеру на улицѣ Малый Пикпюсъ. Старшій изъ нихъ поднялъ молотокъ и постучалъ.

То были Фошлеванъ, Жанъ Вальжанъ и Козетта.

Они заходили за Козеттой на улицу Шменъ-Веръ, къ торговкѣ фруктами, куда Фошлеванъ отнесъ ее наканунѣ. Цѣлыя сутки не понимавшая ничего Козетта молча дрожала. Она дрожала такъ, что не могла плакать. Она не спала, не ѣла. Добрая торговка засыпала ее вопросами, но она отвѣчала на нихъ неизмѣнно тупымъ взглядомъ. Козетта не выдала ничего изъ того, что видѣла и слышала въ послѣдніе два дня. Она догадывалась, что совершается кризисъ. Она глубоко сознавала, что ей надо «быть умницей». Кто изъ насъ не убѣждался въ всемогущей силѣ произнесенныхъ съ извѣстнымъ удареніемъ на ухо маленькаго испуганнаго существа трехъ словъ: *Не говори ничего.* Страхъ нѣмъ. Притомъ никто такъ не хранитъ тайну, какъ дѣти.

Но когда, по истеченіи этихъ унылыхъ сутокъ, она увидала Жана Вальжана, въ ея крикѣ зазвучала такая радость, что услыхавшій его вдумчивый человѣкъ догадался бы, что крикъ этотъ— спасеніе изъ бездны.

Фошлеванъ, принадлежа къ монастырю, зналъ его пароль. Всѣ двери предъ нимъ раскрылись. Такимъ образомъ была разрѣшена двойная страшная задача выхода и входа.

Получившій инструкціи привратникъ отворилъ калитку, которая вела со двора въ садъ, и впустилъ ихъ; они прошли во внутреннюю пріемную, гдѣ Фошлеванъ выслушивалъ наканунѣ приказанія настоятельницы.

Настоятельница ожидала ихъ съ четками въ рукахъ. Одна изъ монахинь-гласныхъ стояла возлѣ нея съ опущеннымъ покрываломъ. Пріемная была освѣщена или, лучше сказать, едва-едва освѣщена одной свѣчей.

Настоятельница оглядѣла Жана Вальжана. Опущенные глаза отлично разсматриваютъ. Потомъ она начала спрашивать:

— Вы его братъ?

— Да, честная мать,—отвѣчалъ Фошлеванъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Фошлеванъ отвѣчалъ:

— Ультимъ Фошлеванъ.

У него, дѣйствительно, былъ братъ Ультимъ, уже умершій.

— Откуда вы родомъ?

— Изъ Пикиньи, возлѣ Амьена

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Пятьдесятъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Садовничествомъ.

— Хорошій ли вы христіанинъ?

— У насъ въ семьѣ всѣ хорошіе христіане.

— Это ваша малютка?

— Такъ точно, честная мать.

— Вы ей отецъ?

— Онъ ей дѣдушка.

Матушка-гласная сказала вполголоса настоятельницѣ:

— Онъ отвѣчаетъ хорошо.

Жанъ Вальжанъ не произнесъ ни одного слова. Все время говорилъ Фошлеванъ.

Настоятельница внимательно осмотрѣла Козетту и шепнула гласной-матери:

— Она будетъ дурнушка.

Матушки пошептались между собой нѣсколько минутъ въ углу пріемной, потомъ настоятельница обернулась и сказала:

— Дядя Фованъ, вамъ дадутъ еще наколѣнникъ съ бубенчикомъ. Ихъ теперь понадобится два.

Дѣйствительно, на слѣдующій день въ саду раздавался звонъ двухъ бубенчиковъ, и монахини, поддаваясь искушенію, слегка приподнимали вуали. Два человѣка—Фошлеванъ и кто-то другой—копали рядомъ землю въ глубинѣ сада, подъ деревьями. Событіе необычайное. Молчаніе было почти нарушено словами, съ которыми монахини обращались другъ къ другу: «Это помощникъ садовника». А монахини-гласныя добавляли: «Онъ братъ Фошлевана».

Жанъ Вальжанъ, дѣйствительно, устроился прочно на мѣстѣ: у него былъ кожаный наколѣнникъ съ бубенчикомъ; онъ сталъ лицомъ офиціальнымъ. Его звали Ультимъ Фошлеванъ. Главной рѣшающей причиной его принятія на службу было замѣчаніе настоятельницы о Козеттѣ: *она будетъ дурнушка*. Сдѣлавъ это предсказаніе, настоятельница полюбила Козетту и зачислила ее даровой пансіонеркой. Это вполнѣ логично. Хотя въ монастырѣ не полагается зеркалъ, но женщины и безъ нихъ всегда знаютъ, каковы онѣ собой; дѣвушки, сознающія свою красоту, неохотно идутъ въ монахини, и такъ какъ красота часто идетъ въ разрѣзъ съ монашескимъ званіемъ, то на дурнушекъ разсчитываютъ больше, чѣмъ на красавицъ. Дурнушекъ очень любятъ.

Это происшествіе возвеличило стараго добряка Фошлевана: онъ достигъ тройного успѣха. У Жана Вальжана, котораго онъ спасъ и пріютилъ, у могильщика Грибье, который говорилъ себѣ: «Онъ избавилъ меня отъ штрафа», и у монастыря, который, благодаря

ему, сохранялъ подъ алтаремъ гробъ уважаемой монахини, увернулся отъ Кесаря и сдѣлалъ угодное Богу. Въ Маломъ Пикпюсѣ имѣлся гробъ съ тѣломъ, а на кладбищѣ Вожираръ—гробъ безъ тѣла; конечно, общественный строй былъ сильно этимъ расшатанъ, но никто этого не замѣтилъ. Монастырь же былъ весьма признателенъ Фошлевану. Фошлеванъ сталъ считаться самымъ лучшимъ служителемъ и самымъ драгоцѣннымъ садовникомъ. Когда архіепископъ посѣтилъ монастырь, настоятельница разсказала ему обо всемъ, слегка каясь и въ то же время хвастаясь. Архіепископъ шепнулъ объ этомъ съ похвалой придворному духовнику, который впослѣдствіи былъ сдѣланъ реймскимъ архіепископомъ и кардиналомъ. Восхищеніе Фошлеваномъ дошло даже до Рима. У насъ въ рукахъ было письмо тогдашняго папы Льва XII, адресованное его родственнику и однофамильцу Делла-Дженга, парижскому нунцію, гдѣ стоитъ слѣдующее: «Я слышалъ, что въ одномъ изъ парижскихъ монастырей имѣется превосходный садовникъ и святой человѣкъ, по имени Фованъ». Слава Фошлевана не достигла до его сторожки, онъ продолжалъ копать, дѣлать прививки, прикрывать дынныя грядки, не подозрѣвая того, что онъ превосходный, святой человѣкъ. О своей славѣ онъ зналъ столько же, сколько знаетъ о своей дургэмскій или сёррейскій быкъ, изображеніе котораго помѣщено въ Illustrated London News съ слѣдующей надписью: *Быкъ, получившій первый призъ на конкурсѣ рогатаго скота.*

IX.

Заключеніе въ монастырѣ.

Козетта продолжала молчать и въ монастырѣ.

Козетта считала себя дочерью Жана Вальжана. Такъ какъ она ничего не знала, то и не могла ничего сказать, да во всякомъ случаѣ ничего бы и не сказала. Мы уже говорили, что жизнь въ горѣ лучше всего научаетъ дѣтей молчанію. Козетта такъ настрадалась, что боялась всего, боялась даже дышать. Изъ-за одного слова на нее часто обрушивалась цѣлая лавина! Она начала немного успокаиваться только съ тѣхъ поръ, какъ попала къ Жану Вальжану. Она довольно скоро привыкла къ монастырю. Скучала она только по Катеринѣ, но не смѣла объ этомъ говорить. Однако, она какъ-то сказала Жану Вальжану:

— Когда бъ я знала, отецъ, я бы взяла ее съ собою.

Козетта должна была носить форменное платье, какъ монастырская пансіонерка. Жанъ Вальжанъ попросилъ, чтобъ ему отдали снятое съ нея платье. То было траурное платьице, въ которое онъ ее одѣлъ, когда увелъ изъ кабака Тенардье. Она его еще не совсѣмъ износила. Жанъ Вальжанъ заперъ его вмѣстѣ съ шерстяными чулками и башмаками въ маленькій раздобытый имъ чемоданъ, переложивъ камфарой и другими пахучими веществами, которыми изобилуютъ монастыри. Онъ поставилъ этотъ чемоданъ на стулъ возлѣ своей кровати и ключъ отъ него всегда носилъ съ собою. Козетта какъ-то спросила его:

— Отецъ, что это за ящикъ, отъ котораго такъ славно пахнетъ?

Помимо выпавшей на долю Фошлевана славы, о которой мы говорили и о которой онъ ничего не зналъ, онъ былъ вознагражденъ за свое доброе дѣло: оно, во-первыхъ, сдѣлало его счастливымъ и, во-вторыхъ, убавило ему работы наполовину. Наконецъ его пристрастіе къ табаку было вполнѣ удовлетворено тѣмъ, что онъ нюхалъ его втрое больше, такъ какъ за табакъ платилъ г. Мадленъ. Имя Ультимъ не привилось: монахини стали звать Жана Вальжана *другимъ Фованомъ*.

Если бы святыя дѣвы обладали хотя нѣкоторой долей проницательности Жавера, онѣ бы примѣтили, что когда представлялась надобность выходить изъ монастыря для закупокъ по содержанію сада, то всегда выходилъ одинъ только старый хромой калѣка; но потому ли, что глаза, обращенные къ Богу, не способны шпіонить, или потому, что монахини были всецѣло поглощены наблюденіемъ другъ за другомъ, онѣ не обращали на это вниманія.

Да и хорошо, что Жанъ Вальжанъ притаился и не двигался съ мѣста: Жаверъ больше мѣсяца наблюдалъ за этимъ кварталомъ. Для Жана Вальжана монастырь былъ островомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ пропастями. Въ четырехъ стѣнахъ заключался для него весь міръ. Небо онъ видѣлъ настолько, чтобы чувствовать себя безмятежнымъ, и Козетту настолько, чтобы чувствовать себя счастливымъ. Для него снова началась отрадная жизнь.

Онъ жилъ съ Фошлеваномъ въ сторожкѣ, стоявшей въ глубинѣ сада. Эта оштукатуренная сторожка, еще существовавшая въ 1845 году, состояла, какъ мы знаемъ, изъ трехъ комнатъ съ совершенно голыми стѣнами. Самую лучшую изъ нихъ Фошлеванъ отдалъ господину Мадлену, несмотря на его возраженія. Стѣну этой комнаты, кромѣ двухъ гвоздей, предназначенныхъ для наколѣнника и корзины, украшала еще прибитая надъ каминомъ королевская вандейская ассигнація 93 года, которую прибилъ на стѣну предшественникъ Фошлевана, бывшій шуанъ, умершій на службѣ въ монастырѣ.

Жанъ Вальжанъ каждый день работалъ въ саду и приносилъ тамъ большую пользу. Въ былое время онъ занимался прививкой деревьевъ, и ремесло садовника пришлось ему по душѣ. У него, какъ вы помните, были всевозможные рецепты и способы ухода за деревьями. Онъ ихъ примѣнилъ къ дѣлу. Въ фруктовомъ саду были почти только одни дички. Онъ ихъ привилъ, и они стали приносить превосходные плоды.

Козеттѣ позволяли ежедневно приходить къ нему на цѣлый часъ. Такъ какъ сестры были такія печальныя, а онъ такой добрый, то она, сравнивая ихъ съ нимъ, положительно его боготворила. Она прибѣгала въ сторожку въ опредѣленный часъ. Своимъ приходомъ она превращала сторожку въ рай. Жанъ Вальжанъ расцвѣталъ и чувствовалъ, что становится счастливѣе отъ того счастія, которое давалъ Козеттѣ. Радость, доставляемая нами другимъ, очаровательна тѣмъ, что она не блѣднѣетъ, какъ всякое другое отраженіе, но возвращается къ намъ еще болѣе яркой. Въ рекреаціонные

часы Жанъ Вальжанъ издали смотрѣлъ на игры и бѣготню Козетты, отличая ея смѣхъ отъ смѣха другихъ дѣтей. Теперь Козетта смѣялась. Даже личико ея нѣсколько измѣнилось. Мрачное выраженіе исчезло. Смѣхъ—солнце; онъ сгоняетъ зиму съ человѣческаго лица. Когда Козетта уходила по окончаніи рекреаціи, Жанъ Вальжанъ шелъ смотрѣть на окна ея класса и вставалъ по ночамъ, чтобы взглянуть на окна ея спальни.

У Господа Бога свои пути: монастырь и Козетта способствовали продолженію и завершенію въ Жанѣ Вальжанѣ дѣла, начатаго архіепископомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что одною изъ своихъ сторонъ добродѣтель соприкасается съ гордостью. Ихъ соединяетъ мостъ, построенный дьяволомъ. Жанъ Вальжанъ, хотя, пожалуй, и безсознательно, приближался къ этой сторонѣ и къ этому мосту, когда Провидѣніе бросило его въ монастырь. Пока онъ сравнивалъ себя съ архіепископомъ, онъ, чувствуя свое недостоинство, былъ скроменъ, но съ нѣкоторыхъ поръ онъ началъ сравнивать себя съ другими, и въ немъ стала пробуждаться гордость. Почемъ знать? Онъ, быть-можетъ, мало-по-малу вернулся бы къ ненависти. Монастырь задержалъ его на этомъ спускѣ.

Это было второе мѣсто заключенія, которое онъ видѣлъ. Первое онъ увидалъ въ молодости; тамъ началась его жизнь,—впослѣдствіи, не такъ еще давно, онъ видѣлъ другое мѣсто,—мѣсто страшное, ужасное, которое онъ всегда считалъ злодѣяніемъ правосудія, преступленіемъ закона. Теперь, послѣ каторги, онъ увидалъ монастырь и, раздумывая о томъ, что онъ былъ членомъ каторги, а теперь, такъ сказать, зрителемъ монастыря, онъ съ тревогой мысленно сравнивалъ ихъ между собою.

Порою, облокотившись на заступъ, онъ медленно опускался въ бездонные изгибы размышленія. Онъ вспоминалъ о своихъ бывшихъ товарищахъ, объ ихъ жалкой судьбѣ: они вставали на разсвѣтѣ и работали до поздней ночи; имъ почти не дозволялось спать; спали они на походныхъ кроватяхъ съ тюфяками толщиною въ два пальца, въ помѣщеніяхъ, отапливаемыхъ только въ большіе холода; одѣты они были въ ужасныя красныя куртки; имъ изъ милости разрѣшали носить холстинныя панталоны въ сильную жару и суконные свертки на спинѣ въ сильную стужу; они пили вино и ѣли мясо только тогда, когда шли «уставать». У нихъ не было именъ; они значились подъ нумерами и какъ бы превращались въ цифры; они ходили съ опущенными глазами, говорили шопотомъ; волосы ихъ были острижены; они жили подъ палкой, въ позорѣ.

Потомъ онъ переносился мысленно къ существамъ, которыя были у него передъ глазами. Эти существа жили тоже со стрижеными волосами, съ опущенными глазами, не въ позорѣ, но подъ насмѣшками свѣта; ихъ спины не были избиты палкой, но плечи были истерзаны плетью. У нихъ тоже не было мірскихъ именъ. Онѣ никогда не ѣли мяса, не пили вина; одѣвались онѣ въ черный шерстяной саванъ, слишкомъ тяжелый для лѣта, слишкомъ легкій для зимы, не имѣя права ни снять его, ни прикрыться чѣмъ-либо; полгода онѣ носили саржевыя рубашки, отъ которыхъ

все время ихъ била лихорадка. Жили онѣ въ кельяхъ, гдѣ никогда не разводилось огня, спали на соломѣ. Имъ даже вовсе не давали спать; каждую ночь—даже послѣ трудового дня, онѣ были обязаны, прервавъ первый сонъ и еле успѣвъ задремать и согрѣться, вставать и итти молиться въ мрачную, холодную монастырскую церковь, стоя на колѣняхъ на каменномъ полу. Въ опредѣленные дни эти существа должны были поочередно, по двѣнадцати часовъ сряду, стоять на колѣняхъ на голомъ полу или лежать ницъ на землѣ съ руками, распростертыми въ видѣ креста.

Тѣ существа были мужчины; эти существа—женщины.

Что сдѣлали мужчины? Они крали, убивали, рѣзали. То были разбойники, поддѣлыватели, отравители, поджигатели, убійцы, отцеубійцы. Что сдѣлали женщины? Ровно ничего. Съ одной стороны разбой, мошенничество, воровство, насиліе, страсти, человѣкоубійство,—всевозможные виды клятвопреступничества и покушенія на чужую личность, съ другой—одна только невинность. Невинность полная, почти вознесенная до неба таинственнымъ восхожденіемъ, соприкасающаяся съ землей своею добродѣтелью, съ небомъ—своею святостію. Съ одной стороны, повѣряемыя другъ другу на ухо признанія въ преступленіяхъ, съ другой—громкое исповѣданіе грѣховъ. И какія преступленія! И какіе грѣхи! Съ одной стороны міазмы, съ другой—дивное благоуханіе. Съ одной стороны нравственная чума, которую стерегутъ подъ жерломъ пушки и которая медленно пожираетъ зачумленныхъ, съ другой—цѣломудренное горѣніе всѣхъ душъ на единомъ очагѣ. Тамъ тьма, здѣсь тѣнь, но тѣнь, полная свѣта, и свѣта, полнаго лучезарности.

И то и другое мѣсто—обители рабства; но въ первомъ изъ нихъ существуетъ возможность освобожденія: положенный закономъ предѣлъ, на который всегда разсчитываютъ и, наконецъ, бѣгство. Во второмъ же—вѣчное рабство; вся надежда въ далекомъ будущемъ на лучъ свободы, который люди называютъ смертью. Къ первому мѣсту прикованы только цѣпями, ко второму—надеждой.

Что исходило изъ перваго мѣста? Проклятіе, скрежетъ зубовный, ненависть, отчаянная злоба, крики ярости противъ людского общества, насмѣшки надъ небомъ. Что исходило изъ второго? Благословеніе и любовь. Въ обоихъ столь схожихъ и столь различныхъ мѣстахъ такъ сильно разнящіяся другъ отъ друга существа совершали одинаковое дѣло—дѣло искупленія.

Жанъ Вальжанъ вполнѣ понималъ искупленіе первыхъ—искупленіе личное, искупленіе самого себя. Но онъ не понималъ искупленія вторыхъ, существъ безупречныхъ, незапятнанныхъ, и спрашивалъ себя съ содроганіемъ: «Искупленіе чего? Что за искупленіе?» Голосъ совѣсти отвѣчалъ ему. «Самое священное человѣческое великодушіе—искупленіе ради другихъ».

Мы не излагаемъ никакой личной теоріи и только передаемъ впечатлѣнія Жана Вальжана, становясь на его точку зрѣнія.

Передъ его глазами проходили: величественная высота самоотреченія, высшая ступень досягаемой добродѣтели, невинность, прощающая и искупающая людскія прегрѣшенія, добровольное раб-

ство, принятое на себя мученичество, страданія, которыхъ безгрѣшныя души требуютъ для себя, чтобъ избавить отъ нихъ души падшія; любовь къ человѣчеству, поглощенная любовью къ Богу, но не сливающаяся съ ней, любовь умоляющая; кроткія слабыя существа, страдающія какъ существа наказанныя и улыбающіяся такъ, какъ улыбаются существа награжденныя. И онъ вспоминалъ, что осмѣливался жаловаться!

Онъ часто вставалъ по ночамъ, прислушиваясь къ благодарственному пѣснопѣнію невинныхъ, подчиненныхъ строгой дисциплинѣ существъ, и по жиламъ его пробѣгалъ холодъ при мысли о томъ, что тѣ, кто былъ наказанъ по заслугамъ, возвышали голосъ къ небу только для богохульства, и что онъ, несчастный, тоже нѣкогда возмущался противъ Бога.

Карабканье по стѣнѣ, перелѣзанье черезъ заборъ, приключеніе, доведенное до смерти,—всѣ эти усилія, употребленныя имъ для бѣгства изъ перваго мѣста, были совершенно тождественны съ тѣми, которыя онъ употребилъ для входа во второе; это заставляло его глубоко задумываться, считать это тайнымъ предостереженіемъ Провидѣнія. Не символъ ли это его судьбы?

Это помѣщеніе было тоже тюрьмой и имѣло мрачное сходство съ жилищемъ, изъ котораго онъ бѣжалъ; однакожъ онъ никогда не могъ себѣ представить ничего подобнаго. Онъ опять увидалъ рѣшетки, запоры, желѣзныя перекладины, но кого они запирали? Ангеловъ. Онъ снова видѣлъ вокругъ овечекъ тѣ же высокія стѣны, которыя видѣлъ вокругъ тигровъ. То было мѣсто искупленія, а не наказанія, но оно было унылѣе, мрачнѣе, безпощаднѣе перваго. Дѣвственницы были согнуты больше, чѣмъ каторжники. Холодный, сильный вѣтеръ, оледянившій его юность, пронизывалъ огороженную и запертую на замокъ яму ястребовъ. Еще болѣе сильный, причиняющій страданія, сѣверный вѣтеръ дулъ въ клѣткѣ голубицъ. Почему? Когда онъ объ этомъ думалъ, все его существо повергалось во прахъ предъ величественной тайной.

При размышленіяхъ такого рода гордость исчезаетъ. Онъ разбиралъ себя со всѣхъ сторонъ, сознавалъ свое ничтожество и много разъ плакалъ. Все, что вошло въ его жизнь въ теченіе послѣдняго полугодія, возвращало его къ святымъ увѣщаніямъ епископа. Козетта—посредствомъ любви, монастырь—посредствомъ уничиженія. Порою, по вечерамъ, въ сумерки, въ то время, когда въ саду никого не было, онъ становился на колѣни въ аллеѣ, примыкающей къ часовнѣ, передъ окномъ, на которое смотрѣлъ въ ночь своего прихода, повернувшись къ тому мѣсту, гдѣ, какъ онъ зналъ, лежала распростертая сестра, молящаяся объ искупленіи. Онъ молился колѣнопреклоненный предъ сестрой. Онъ какъ будто не осмѣливался преклонять колѣни предъ Богомъ. Имъ постепенно овладѣвало все то, что его окружало: тихій садъ, благоухающіе цвѣты, веселые крики дѣтей, простыя, сосредоточенныя женщины, молчаливый монастырь, и его душа мало-по-малу проникалась молчаніемъ монастыря, благоуханіемъ цвѣтовъ, миромъ сада, простотою женщинъ, радостью дѣтей. Онъ размышлялъ о томъ, что два Божьихъ

дома послѣдовательно пріютили его въ два критическихъ момента его жизни, первый—тогда, когда предъ нимъ были закрыты всѣ двери, и когда его оттолкнуло общество людей, второй—тогда, когда общество снова начало преслѣдовать его, и когда ему предстояло вернуться на каторгу; не будь перваго дома, онъ бы впалъ въ новыя преступленія, не будь второго—онъ опять попалъ бы въ пытку. Его душа изливалась въ благодарности, и онъ все больше и больше любилъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Козетта подрастала.

КОНЕЦЪ 2 ЧАСТИ.

Часть третья.—МАРІУСЪ.

Книга первая.—ИЗУЧЕНІЕ ПАРИЖА ПО ЕГО АТОМУ.

I.

Parvulus.

У Парижа есть дитя, а у лѣса есть птичка. Птичка называется воробьемъ, дитя—гаменомъ.

Соедините эти двѣ идеи—пылающую печь и утреннюю зарю; отъ столкновенія этихъ двухъ искръ — Парижа и дѣтства — появляется маленькое существо, «Homuncio», сказалъ бы Плавтъ.

Это маленькое существо весело. Оно ѣстъ не каждый день, а отправляется въ театръ, если ему заблагоразсудится, каждый вечеръ. У него нѣтъ рубашки на тѣлѣ, башмаковъ на ногахъ, кровли надъ головой; оно, какъ птица небесная, не знаетъ ничего подобнаго.

Гамену отъ семи до тринадцати лѣтъ. Онъ живетъ шайками, гранитъ мостовую, спитъ на открытомъ воздухѣ, носитъ старыя отцовскія панталоны, которыя спускаются ему ниже пятъ, старую шляпу какого-нибудь другого отца, которая нахлобучивается ему ниже ушей, и одну единственную подтяжку съ желтой каемкой. Онъ бѣгаетъ, ищетъ, подстерегаетъ, теряетъ даромъ время, куритъ трубку, бранится, какъ извозчикъ, шляется по кабакамъ, знается съ ворами, сходится на «ты» съ потерянными женщинами, говоритъ на воровскомъ нарѣчіи, поетъ непристойныя пѣсни, но въ сердцѣ у него нѣтъ ничего дурного. Дѣло въ томъ, что у него въ душѣ жемчужина—невинность, а жемчугъ не растворяется въ грязи. Пока человѣкъ ребенокъ, Богу угодно, чтобы онъ былъ невиненъ.

Если бы у огромнаго города спросили: «Кто это?» Онъ отвѣтилъ бы: «Это мое дитя».

II.

Нѣкоторые отличительные его признаки.

Парижскій гаменъ, это—карликъ великанши.

Не будемъ преувеличивать. У этого уличнаго херувима иногда бываетъ рубашка, но во всякомъ случаѣ только одна; бываютъ изрѣдка башмаки, но безъ подошвъ; бываетъ иногда и жилище, которое онъ любитъ, потому что видитъ въ немъ свою мать, но которому все-таки предпочитаетъ улицу, такъ какъ находитъ тамъ свободу. У него свои собственные игры, свои шалости, основаніемъ которыхъ служитъ чаще всего ненависть къ буржуа; свои метафоры—умереть значитъ на его языкѣ «ѣсть одуванчики съ

корня», свои промыслы—приводить фіакры, опускать подножки каретъ, устраивать переправу черезъ улицы во время сильныхъ дождей—«faire der ponts des arts» по его выраженію—и выкрикивать рѣчи, произнесенныя властями на пользу французскаго народа; у него имѣются свои собственныя деньги, состоящія изъ маленькихъ кусочковъ мѣди, которые онъ подбираетъ на улицахъ. Эти курсовыя монеты называются «loques» и имѣютъ точно опредѣленную цѣнность. Они находятся въ постоянномъ обращеніи среди парижской дѣтской богемы.

Есть у него и своя фауна, которую онъ внимательно наблюдаетъ гдѣ-нибудь въ уголкахъ: божья коровка, тля—мертвая голова, паукъ-сѣнокосецъ, «чортъ»—черное насѣкомое, поднимающее въ видѣ угрозы хвостъ, вооруженный двумя рожками. Наконецъ есть у него и свое баснословное чудовище съ покрытымъ чешуей брюхомъ, но не ящерица, съ бородавками на спинѣ, но не жаба, которая живетъ въ старыхъ ямахъ для обжиганія извести и въ высохшихъ сточныхъ колодцахъ. Это—такое черное, волосатое, липкое пресмыкающееся, то медленное, то быстрое; оно не издаетъ никакого звука, но только глядитъ и такъ ужасно, что его никто никогда не видитъ. Таинственное существо это называется «глухаремъ». Отыскивать глухарей между камнями—большое, но нѣсколько опасное удовольствіе. Другое удовольствіе—быстро поднять будыжникъ и полюбоваться на мокрицъ.

Каждая мѣстность Парижа славится какими-нибудь интересными находками по этой части. На дровяныхъ дворахъ Урсулинокъ водятся уховертки; въ Пантеонѣ—тысяченожки, а во рвахъ Марсова поля—головастики.

У гамена, какъ у Талейрана, никогда нѣтъ недостатка въ остротахъ. Онъ одинаково циниченъ, но гораздо честнѣе. Веселость его вспыхиваетъ неожиданно какими-то порывами. Онъ озадачиваетъ лавочника своимъ безумнымъ хохотомъ и смѣло переходитъ отъ высокой комедіи къ фарсу.

Идетъ похоронная процессія. Среди провожающихъ покойника—докторъ.

— Каково!—кричитъ гаменъ,—съ какихъ это поръ доктора сами относятъ свою работу?

Другой гаменъ попалъ въ толпу. Солидный господинъ въ очкахъ, украшенный брелоками, вдругъ съ негодованіемъ оборачивается и говоритъ:

— Негодяй, ты взялъ за талію мою жену!

— Ничего я у васъ не бралъ, хоть обыщите!

III.

Онъ можетъ быть пріятнымъ.

Вечеромъ, благодаря нѣсколькимъ су, которыя гаменъ всегда сумѣетъ добыть, онъ идетъ въ театръ. Переступивъ за этотъ магическій порогъ, онъ сразу преображается. Онъ былъ гаменомъ—онъ становится жаворонкомъ. Театры—тѣ же корабли, но только

перевернутые трюмомъ вверхъ. Въ этотъ трюмъ и набиваются жаворонки. Гаменъ относится къ жаворонку, какъ личинка къ бабочкѣ; то же самое существо, но сначало ползающее, а потомъ летающее. Достаточно одного его присутствія, его сіяющаго счастьемъ лица, его способности радоваться и восторгаться, его аплодисментовъ, похожихъ на хлопанье крыльевъ, чтобы этотъ тѣсный, смрадный, темный, нездоровый, ужасный, отвратительный трюмъ дѣйствительно превратился въ «раекъ».

Дайте какому-нибудь существу безполезное и отнимите у него все необходимое, и вы получите гамена.

Гаменъ не совсѣмъ невѣжда по части литературы. Но направленіе, котораго онъ придерживается—говоримъ это съ крайнимъ сожалѣніемъ,—совсѣмъ не въ духѣ классицизма. Онъ по самой природѣ своей не имѣетъ ничего общаго съ академіей. Такъ, напримѣръ, популярность, которой пользовалась среди этой буйной дѣтской публики m-lle Марсъ, была приправлена оттѣнкомъ ироніи. Гаменъ прозвалъ артистку «m-lle Muche».

Этотъ странный ребенокъ кричитъ, насмѣхается, издѣвается, споритъ; одѣтый въ тряпки, какъ младенецъ, и въ рубище, какъ философъ, онъ удитъ въ сточныхъ трубахъ, охотится въ клоакахъ, умѣетъ сохранять веселость даже среди нечистотъ, оглашаетъ своими остротами перекрестки, зубоскалитъ и кусается, свиститъ и поетъ, восторженно привѣтствуетъ и бранится, распѣваетъ все, начиная съ молитвы за усопшихъ и кончая куплетами, находитъ, не отыскивая, и знаетъ, не изучая. Онъ спартанецъ до плутовства, безуменъ до мудрости, лириченъ до грязи; онъ готовъ бы взобраться на Олимпъ, а валяется въ грязи и выходитъ оттуда чистый и сіяющій, какъ звѣзда. Парижскій гаменъ, это Раблэ въ миніатюрѣ.

Онъ недоволенъ своими панталонами, если въ нихъ нѣтъ кармашка для часовъ.

Онъ удивляется рѣдко, пугается еще рѣже, сочиняетъ пѣсенки, въ которыхъ осмѣиваетъ суевѣрія, уменьшаетъ до надлежащихъ размѣровъ преувеличенія, подшучиваетъ надъ тайнами, высовываетъ языкъ привидѣніямъ, обличаетъ ходульность и зло, смѣется надъ эпической напыщенностью. Не потому, что онъ прозаиченъ. Нѣтъ, далеко не то. Онъ только замѣняетъ торжественное видѣніе шуточной фантасмагоріей. Если бы передъ нимъ появился Адамасторъ, онъ, навѣрное, воскликнулъ бы: «Вотъ такъ пугало!».

IV.

Онъ можетъ быть и полезнымъ.

Парижъ начинается зѣвакой и кончается гаменомъ; этихъ двухъ типовъ не можетъ произвести никакой другой городъ. Пассивная безучастность, довольствующаяся лишь тѣмъ, на что смотритъ, и неистощимая иниціатива. Прюдомъ и Фульу. У одного только Парижа есть такіе типы въ его естественной исторіи.

Этотъ блѣдный ребенокъ парижскихъ предмѣстій живетъ и развивается, «завязывается и расцвѣтаетъ» въ страданіи, наблюдаетъ

соціальную дѣйствительность и дѣла человѣческія и задумывается надъ ними. Онъ самъ считаетъ себя беззаботнымъ, но это невѣрно. Онъ смотритъ, готовый смѣяться, но готовый и на кое-что другое. Кто бы вы ни были, какъ бы вы ни назывались—предразсудкомъ, злоупотребленіемъ, притѣсненіемъ, беззаконіемъ, деспотизмомъ, несправедливостью, фанатизмомъ, тираніей—бойтесь гамена.

Этотъ ребенокъ выростетъ.

Изъ какой глины онъ вылѣпленъ? Изъ первой попавшейся грязи. Пригоршня земли, дуновеніе—и Адамъ готовъ. Теперь нужно только прикосновеніе Бога. А Богъ всегда касается гамена. Судьба принимаетъ на себя заботу объ этомъ маленькомъ существѣ. Подъ словомъ «судьба» мы отчасти подразумѣваемъ случай. Этотъ пигмей, кое-какъ вылѣпленный изъ простой, грубой глины, невѣжественный, необразованный, вульгарный, вышедшій изъ черни—чѣмъ будетъ онъ, іоняниномъ или беотійцемъ? Подождемъ. Currit rota [1]). Парижскій духъ, этотъ демонъ, создающій людей случая и людей рока, не слѣдуя примѣру латинскаго горшечника, сдѣлаетъ изъ кружки амфору.

V.

Границы его владѣній.

Гаменъ любитъ городъ; но такъ какъ онъ отчасти мудрецъ, то любитъ и уединеніе. Urbis amator [2]), какъ Фускъ, ruris amator [3]), какъ Флаккъ.

Бродить и думать, т.-е. фланировать—самое подходящее времяпрепровожденіе для философа, а въ особенности за городомъ, въ мѣстности, представляющей изъ себя что-то въ родѣ деревни, нѣсколько искусственной, довольно некрасивой, но причудливой и какой-то двойственной. Таковъ характеръ всѣхъ окрестностей большихъ городовъ, въ томъ числѣ и Парижа. Наблюдать эти окрестности все равно, что наблюдать амфибію. Тутъ кончаются деревья и начинаются крыши; кончается трава и начинается мостовая; кончаются поля и начинаются лавки; кончаются привычки и начинаются страсти; умолкаетъ говоръ природы и раздается людской шумъ. Все это придаетъ городскимъ окрестностямъ необыкновенный интересъ.

И эти-то малопривлекательныя и по общепринятому мнѣнію, «скучныя» мѣстности нравятся мечтателю, и онъ совершаетъ тамъ свои, повидимому, безцѣльныя прогулки.

Пищущій эти строки любилъ бродить за парижскими заставами, и эти прогулки служатъ для него источникомъ глубокихъ воспоминаній. Этотъ подстриженный дернъ, эти каменистыя тропинки, мѣловая или мергелевая почва, суровое однообразіе нивъ и паровыхъ полей, молоденькіе ростки на огородахъ, неожиданно появляю-

---

[1]) Колесница мчится.
[2]) Любитель города.
[3]) Любитель деревни.

щихся на заднемъ планѣ, эта смѣсь дикой запущенности и буржуазнаго благоустройства, уединенные закоулки, гдѣ идетъ военное ученье и откуда несется громкій, напоминающій сраженіе, барабанный бой, пустыри днемъ и разбойничьи притоны ночью, какая-нибудь нескладная мельница, крылья которой вертятся по вѣтру, колеса машинъ въ каменоломняхъ, кабачки около кладбищъ, таинственное очарованіе высокихъ, мрачныхъ стѣнъ, прорѣзывающихъ подъ прямымъ угломъ громадныя пространства земли, залитыя солнцемъ и полныя бабочекъ — все это привлекало меня.

Мало кто знаетъ эти странныя мѣстности—Гласьеръ, Кюнетъ, ужасную, испещренную пулями стѣну Гренелля, Монъ-Парнасъ, ла-Фоссъ о-Лу, Обье, на высокомъ берегу Марны, Монъ-Сури, Томбъ-Иссуаръ, Пьеръ-Платъ въ Шатильонѣ, гдѣ есть старая, уже истощенная каменоломня; въ ней теперь растутъ грибы и она закрывается вровень съ землею опускной дверью изъ сгнившихъ досокъ. Въ римской Кампаньи есть идея; есть она и въ окрестностяхъ Парижа. Видѣть только поля, дома и деревья въ открывающейся передъ нами картинѣ природы—еще недостаточно. Это значитъ оставаться на поверхности. Всѣ видимыя вещи—мысли Божіи. Мѣсто, гдѣ поля сливаются съ городомъ, всегда проникнуто какой-то глубокой меланхоліей. Здѣсь слышатся въ одно и то же время голоса природы и голоса человѣчества. Здѣсь рѣзче выступаютъ всѣ мѣстныя особенности.

Тому, кто, подобно намъ, бродилъ по этимъ пустыннымъ, смежнымъ съ предмѣстьями окрестностямъ Парижа—его преддверіямъ—навѣрно, случалось видѣть въ самыхъ уединенныхъ мѣстечкахъ и въ самую неожиданную минуту за какимъ-нибудь плохонькимъ заборомъ или въ уголкѣ около мрачной стѣны шумныя толпы грязныхъ, запыленныхъ, оборванныхъ ребятишекъ, которые, украсивъ свои всклоченные волосы васильками, играютъ въ мельницу. Все это маленькіе бѣглецы изъ бѣдныхъ семей.

За городомъ имъ легче дышится; окрестности Парижа принадлежатъ имъ. Они постоянно болтаются безъ дѣла и наивно распѣваютъ весь свой репертуаръ непристойныхъ пѣсенъ. Они сходятся сюда или, вѣрнѣе, живутъ здѣсь, вдали отъ всѣхъ взоровъ, въ мягкомъ сіяніи майскаго или іюньскаго дня и, вырвавшись на волю, свободные, счастливые, то нагибаются, стоя на колѣняхъ, надъ какой-нибудь ямкой въ землѣ, то подбрасываютъ ногами и катаютъ шары, то поднимаютъ ссоры изъ-за грошей.

Увидавъ васъ, они сейчасъ же вспоминаютъ, что имъ нужно зарабатывать деньги, и предлагаютъ вамъ купить старый шерстяной чулокъ, доверху набитый майскими жуками, или букетикъ сирени. Эти встрѣчи съ дѣтьми придаютъ особую, мучительную прелесть прогулкамъ по парижскимъ окрестностямъ.

Иногда въ толпѣ мальчиковъ попадаются и дѣвочки—сестры ихъ, что ли?—довольно большія дѣвочки, худыя, порывистыя, съ загорѣлыми руками и лицами въ веснушкахъ, босыя, веселыя, въ вѣнкахъ изъ ржаныхъ колосьевъ и мака на головахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ ѣдятъ вишни, сидя во ржи. Вечеромъ слышно, какъ

онѣ хохочутъ. Эти группы, залитыя горячимъ полуденнымъ солнцемъ или смутно выдѣляющіяся въ сумеркахъ, надолго овладѣваютъ вниманіемъ вдумчиваго мечтателя, и странные видѣнные имъ образы примѣшиваются къ его снамъ.

Парижъ—центръ: его окрестности—периферія. Вотъ и весь дѣтскій мірокъ. Никогда не рѣшаются они выйти за его предѣлы: имъ такъ же невозможно существовать безъ парижскаго воздуха, какъ рыбѣ безъ воды. Для нихъ на разстояніи двухъ лье отъ заставы уже кончается свѣтъ. Иври, Жантильи, Аркейль, Бельвиль, Обервилье, Менильмонтанъ, Шуази-ле-Руа, Билланкуръ, Медонъ, Исси, Ванвръ, Севръ, Пюто, Нейльи-сюръ-Сенъ, Женвилье, Коломбъ, Ромэнвиль, Шату, Аньеръ, Буживаль, Нантеръ, Ангіенъ, Нуази-ле-Секъ, Ножанъ, Гурнэ, Дранси, Гонессъ—вотъ и вся для нихъ вселенная.

VI.

Немножко исторіи.

Во времена, къ которымъ относится дѣйствіе этого романа—впрочемъ, эти времена отъ насъ недалеки—городовые не стояли, какъ теперь, на углу каждой улицы (благодѣяніе, о которомъ здѣсь не время разсуждать) и уличныхъ, безпріютныхъ дѣтей было очень много въ Парижѣ. По статистическимъ свѣдѣніямъ видно, что въ среднемъ число дѣтей, которыхъ забирала полиція въ разныхъ неогороженныхъ мѣстахъ, строящихся домахъ и подъ арками мостовъ, доходило до двухсотъ шестидесяти въ годъ. Въ одномъ изъ этихъ гнѣздышекъ, получившемъ извѣстность, вывелись «ласточки Аркольскаго моста». Безпріютныя дѣти—одно изъ самыхъ ужасныхъ общественныхъ золъ. Всѣ преступленія взрослаго зарождаются въ бродяжничествѣ ребенка.

Впрочемъ, исключимъ Парижъ. Несмотря на выше приведенныя цифры, Парижъ,—конечно, лишь относительно,—можетъ по всей справедливости считаться исключеніемъ. Тогда какъ во всякомъ другомъ большомъ городѣ ребенокъ-бродяга уже заранѣе можетъ считаться погибшимъ человѣкомъ; тогда какъ почти всюду предоставленный самому себѣ ребенокъ роковымъ образомъ обрекается на погибель и погружается въ бездну общественныхъ пороковъ, заглушающихъ въ немъ честь и совѣсть,—парижскій гаменъ—мы настаиваемъ на этомъ—остается почти нетронутымъ внутри, хоть и кажется испорченнымъ снаружи. Чудное явленіе, выступающее такъ ярко на фонѣ удивительной честности нашихъ народныхъ революцій. Что-то чистое, не поддающееся порчѣ, является слѣдствіемъ идеи, которая заключается въ воздухѣ Парижа, какъ соль въ океанѣ. Дышать Парижемъ—сохраняетъ душу.

Но, несмотря на все, что мы говорили выше, сердце все такъ же болѣзненно сжимается каждый разъ, когда видишь этихъ оторванныхъ отъ семьи дѣтей. При настоящей, далеко еще несовершенной цивилизаціи, такія распадающіяся во мракѣ семьи,

бросающія своихъ дѣтей на улицу и не знающія, что сталось съ ними, не считаются особенно ненормальнымъ явленіемъ. И несчастныя дѣти вырастаютъ, не зная своего происхожденія. Это стало такимъ обыденнымъ явленіемъ, что сложилось даже особое выраженіе: «быть выброшеннымъ на парижскую мостовую».

Кстати сказать, старинная монархія не принимала никакихъ мѣръ противъ такого бросанія дѣтей на произволъ судьбы. Немножко цыганскіе нравы въ низшихъ слояхъ общества представляли извѣстное удобство для высшихъ сферъ и были на руку власть имущимъ.

Къ тому же въ то время относились съ большимъ предубѣжденіемъ къ распространенію образованія въ народной средѣ. «Что хорошаго въ полуобразованіи?» Таковъ былъ пароль. А безпріютный ребенокъ всегда почти останется невѣжественнымъ—это ужъ несомнѣнно

Кромѣ того, монархіи иногда бывали нужны дѣти, и тогда она пользовалась улицами.

Не будемъ углубляться слишкомъ далеко въ сторону: Людовикъ XIV желалъ, и очень разумно, создать флотъ. Мысль была хорошая. Посмотримъ на средство. Флотъ немыслимъ, если, кромѣ парусныхъ кораблей, плавающихъ только по вѣтру, нѣтъ такихъ судовъ, которыя могутъ итти, куда хотятъ, при помощи веселъ или пара. Въ то время мѣсто теперешнихъ пароходовъ занимали галеры. Итакъ, нужно было построить побольше галеръ; но галеры не могутъ двигаться безъ галерника, значитъ, нужны галерники. Кольберъ распорядился, чтобы парламенты и высшія власти въ провинціяхъ ссылали на галеры какъ можно больше народа. Магистратура очень любезно содѣйствовала этому. Кто-нибудь не снималъ шляпы въ то время, какъ мимо проходилъ крестный ходъ—его отправляли на галеры, какъ гугенота. На улицѣ попадался мальчикъ, если ему было не меньше пятнадцати лѣтъ и онъ не имѣлъ пріюта на ночь—его тоже ссылали на галеры. Великое царствованіе; великій вѣкъ.

При Людовикѣ XV въ Парижѣ одно время начали пропадать дѣти; ихъ похищала полиція для какихъ-то таинственныхъ цѣлей. Народъ съ ужасомъ перешептывался, дѣлая чудовищныя предположенія. Иногда случалось, что полицейскіе, охотясь на дѣтей, захватывали такихъ, у которыхъ были семьи. Тогда отцы въ отчаяніи бросались по горячимъ слѣдамъ за полицейскими. Въ такихъ случаяхъ вступался парламентъ и отдавалъ приказъ повѣсить—кого? полицейскихъ?—Нѣтъ, отцовъ.

VII.

Гаменъ могъ бы занять мѣсто въ индійскихъ кастахъ.

Парижскіе гамены какъ бы совсѣмъ отдѣльная каста. И нужно прибавить: не всякій желающій можетъ въ нее попасть.

Слово «гаменъ» перешло изъ народнаго языка въ литературный и попало въ первый разъ въ печать въ 1834 году. Оно

появилось въ небольшомъ разсказѣ «Клодъ Гё.» [1]) Скандалъ вышелъ на славу. Но слово осталось и привилось.

Причины, вызывающія уваженіе гаменовъ другъ къ другу, очень разнообразны. Мы близко знали одного гамена, пользовавшагося большимъ почетомъ въ своей средѣ и возбуждавшаго всеобщій восторгъ, благодаря тому, что онъ видѣлъ, какъ какой-то человѣкъ упалъ съ колокольни Собора Богоматери; другой добился такого же уваженія потому, что ему удалось пробраться на задній дворъ, куда на время поставили статуи съ купола Дома Инвалидовъ, и «подтибрить» съ нихъ немножко свинцу; третій—потому, что видѣлъ, какъ опрокинулся дилижансъ; четвертый—потому, что зналъ солдата, который чуть не выкололъ глаза какому-то буржуа.

Такимъ образомъ становится вполнѣ понятнымъ восклицаніе одного парижскаго гамена—полное глубокаго смысла восклицаніе, надъ которымъ глумятся невѣжды, не понимая его: «Господи, Боже мой! Какой же я несчастный! До сихъ поръ я ни разу не видалъ, чтобы кто-нибудь упалъ съ пятаго этажа!»

Не дурно выразился разъ и одинъ крестьянинъ. «Ваша жена заболѣла и умерла отъ своей болѣзни,—сказали ему.—Почему вы не пригласили доктора?» — «Что же дѣлать, сударь, — отвѣчалъ онъ.—Мы люди бѣдные и умираемъ сами».

Но если въ этомъ отвѣтѣ выразилась вся пассивная покорность крестьянина, то въ словахъ, которыя мы приводимъ ниже, высказалась вполнѣ вся свободомыслящая анархія гамена. Приговоренный къ смерти преступникъ, ѣдущій къ мѣсту казни, слушаетъ своего духовника. «Онъ разговариваетъ съ своимъ попомъ!—кричитъ парижскій гаменъ.—Этакій трусъ!»

Нѣкоторая смѣлость въ дѣлѣ религіи возвышаетъ гамена въ глазахъ товарищей. Вольнодумство придаетъ ему большой вѣсъ.

Присутствовать при казняхъ считается непремѣнной обязанностью. Показываютъ другъ другу на гильотину и смѣются. Ей даютъ разныя шутливыя прозвища: «Конецъ супа, Ворчунья, Мамаша на лазурномъ фонѣ (подразумѣвается небо), Послѣдній глотокъ» и т. д. Чтобы не упустить ничего изъ предстоящаго зрѣлища, взлѣзаютъ на стѣны, взбираются на балконы, карабкаются на деревья, виснутъ на рѣшеткахъ, цѣпляются за трубы. Гаменъ родится кровельщикомъ такъ же, какъ и морякомъ. Крыша ему не страшна, какъ не страшна мачта.

Никакое празднество не можетъ сравниться для гамена съ Гревской площадью. Самсонъ [2]) и аббатъ Монтесъ [3])—самыя популярныя имена. Осужденному на смерть преступнику шикаютъ, чтобы его ободрить. Иногда имъ восхищаются. Ласенеръ, будучи гаменомъ, смотрѣлъ на казнь ужаснаго Дотэна и, видя, какъ мужественно онъ умираетъ, сказалъ фразу, въ которой выразилась цѣлая будущность: «Мнѣ было на него завидно».

---

[1]) Этотъ разсказъ принадлежитъ перу В. Гюго.
[2]) Палачъ того времени.
[3]) Тюремный духовникъ того времени. *Прим. ред.*

Въ средѣ гаменовъ не имѣютъ никакого понятія о Вольтерѣ, но хорошо знаютъ Папавуана. Въ одномъ и томъ же перечнѣ смѣшиваютъ политическихъ преступниковъ и убійцъ. Сохраняются преданія насчетъ послѣдней одежды каждаго изъ нихъ. Извѣстно, что Таллеронъ былъ въ шапкѣ кочегара, Авриль—въ фетровой фуражкѣ, Лувель—въ круглой шляпѣ; что старикъ Делапортъ былъ съ непокрытой лысой головой, Кастенъ—румянъ и красивъ, что у Баріеса была преромантическая эспаньолка, на Жанѣ Мартенѣ были подтяжки, а Лекуфэ и его мать ссорились между собою. «Смотрите, не подеритесь въ корзинкѣ», сострилъ одинъ гаменъ.

Другой гаменъ, желая разсмотрѣть Дебакера, но не видя ничего изъ-за головъ толпы, лѣзетъ на фонарный столбъ на набережной. Стоящій на посту жандармъ хмуритъ брови.

— Пожалуйста, г. жандармъ, позвольте мнѣ влѣзть на него,— проситъ гаменъ и, чтобы смягчить власть предержащую, прибавляетъ:—Я не упаду.

— А очень мнѣ нужно, упадешь ты или нѣтъ,—ворчитъ жандармъ.

Въ средѣ гаменовъ всякій несчастный случай придаетъ большое значеніе пострадавшему. Уваженіе къ товарищу достигаетъ высшей точки, если онъ обрѣжется очень сильно, «до кости».

Кулакъ тоже пользуется не малымъ уваженіемъ. Гаменъ очень любитъ похвалиться имъ: «Смотри, какой я сильный—видишь? Лѣвша возбуждаетъ зависть. Косые глаза считаются большимъ преимуществомъ.

VIII.

Здѣсь читатель найдетъ прелестную остроту послѣдняго короля.

Лѣтомъ гаменъ превращается въ лягушку; по вечерамъ, когда темнѣетъ, онъ съ высоты угольной барки или лодки прачекъ, около Аустерлицкаго или Іенскаго моста, бросается внизъ головой въ Сену, нарушая всѣ законы стыдливости и полицейскія правила. Но такъ какъ городовые бодрствуютъ, то положеніе становится въ высшей степени драматическимъ и не мудрено, что оно какъ-то разъ вызвало достопамятный братскій возгласъ. Этотъ возгласъ, получившій извѣстность въ 1830 году, не что иное, какъ стратегическое предостереженіе одного гамену другому. Его скандируютъ, какъ стихи Гомера, съ удареніемъ, которое такъ же трудно объяснить, какъ мелопею элевзинскихъ таинствъ. Въ немъ слышится древнее «Эвое». Вотъ этотъ возгласъ: «Огэ! эй! Тити! Плохо дѣло—берегись! Забирай свои пожитки и удирай черезъ сточную трубу!»

Иногда эта мошка—такъ онъ самъ себя называетъ—умѣетъ читать, иногда даже пишетъ и всегда умѣетъ кое-какъ рисовать. При помощи какого-то таинственнаго взаимнаго обученія гаменъ пріобрѣтаетъ всѣ таланты, могущіе принести пользу общественному дѣлу. Съ 1815 по 1830 годъ гаменъ подражалъ крику ин-

дюка; съ 1830 по 1848 годъ онъ малевалъ груши на стѣнахъ. Разъ лѣтнимъ вечеромъ Луи-Филиппъ, возвращаясь во дворецъ пѣшкомъ, увидалъ совсѣмъ крошечнаго мальчугана, который поднимался на цыпочки и потѣлъ, стараясь нарисовать углемъ гигантскую грушу на одномъ изъ столбовъ рѣшетки въ Нёйльи. Король съ тѣмъ добродушіемъ, которое перешло къ нему по наслѣдству отъ Генриха IV, помогъ гамену дорисовать грушу, а потомъ далъ ему луидоръ и сказалъ. «Видишь, и наверху есть груша».

Гаменъ любитъ шумъ. Всякая неурядица нравится ему вотъ до чего. Онъ ненавидитъ «поповъ». Разъ, на Университетской улицѣ одинъ изъ этихъ плутишекъ рисовалъ огромный носъ на воротахъ дома № 69.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?—спросилъ его какой-то прохожій.

— Тутъ живетъ попъ,—отвѣчалъ гаменъ.

Въ этомъ домѣ, дѣйствительно, жилъ папскій нунцій.

Но какимъ бы вольтеріанцемъ ни былъ гаменъ, онъ, если представится случай, охотно поступитъ въ церковный хоръ и въ такомъ случаѣ будетъ держать себя прилично во время службы. Есть двѣ вещи, къ которымъ онъ, какъ Танталъ, страстно стремится, но которыхъ никогда не достигаетъ: низвергнуть существующее правительство и отдать въ починку свои панталоны.

Гаменъ знаетъ до тонкости всѣхъ парижскихъ городовыхъ и, встрѣтившись съ каждымъ изъ нихъ, сумѣетъ назвать его по имени. Онъ пересчитываетъ ихъ по пальцамъ. Онъ изучаетъ ихъ характеры и можетъ дать о каждомъ самую точную справку. Онъ читаетъ въ душѣ полицейскихъ, какъ въ открытой книгѣ, и объявитъ вамъ быстро, безъ запинки: «Вотъ этотъ —предатель, этотъ—злючка, этотъ—добрякъ», а этотъ—«преуморительный». (Всѣ эти слова имѣютъ въ его устахъ какое-то особое значеніе). Вотъ этотъ воображаетъ, что Новый мостъ принадлежитъ ему, и запрещаетъ *публикѣ* ходить по карнизу, съ наружной стороны перилъ, а у этого скверная привычка драть *людей* за *уши* и т. д. и т. д.»

IX.

Духъ древней Галліи.

У Мольера, сына рынка, было кое-что родственное съ гаменомъ; было оно и у Бомарше. Гаменство—оттѣнокъ галльскаго духа. Примѣшанное къ здравому смыслу, оно иногда придаетъ ему крѣпость, какъ алкоголь вину. Иногда оно бываетъ недостаткомъ. Гомеръ пустословитъ—пусть такъ; но зато про Вольтера можно сказать, что онъ смѣлъ, какъ гаменъ. Камиллъ Демуленъ жилъ въ предмѣстьѣ. Шампіонэ выросъ на парижской мостовой.

Парижскій гаменъ почтителенъ, насмѣшливъ, дерзокъ. У него скверные зубы, потому что онъ плохо питается и желудокъ его не въ порядкѣ, и красивые глаза, потому что онъ уменъ. Даже въ присутствіи Самого Іеговы, подпрыгивая на одной ножкѣ, онъ взобрался бы на ступени, ведущія въ рай. Ему доступны всевоз-

можныя превращенія. Сегодня онъ играетъ въ канавѣ, завтра начинается возстаніе, и онъ сразу выростаетъ. Его дерзость не отступаетъ передъ картечью. Это—повѣса. Это—герой. Какъ маленькій ѳивянинъ, потрясаетъ онъ львиной шкурой. Барабанщикъ Бара̀ былъ парижскимъ гаменомъ. Онъ кричитъ: «Впередъ!» и въ одно мгновеніе превращается изъ мальчика въ богатыря.

Это дитя улицы—въ то же время дитя идеала. Измѣрьте разстояніе между Мольеромъ и Бара̀.

Словомъ, резюмируя вкратцѣ, гаменъ забавляется, потому что несчастенъ.

X.

Ecce Paris, ecce homo [1]).

Резюмируемъ еще разъ: парижскій гаменъ въ настоящее время то же, чѣмъ былъ когда-то римскій graeculus [2]). Это народъ-дитя, у котораго на лбу морщина міра. Гаменъ прелесть націи и въ то же время ея недугъ. И недугъ, который нужно лѣчить. А чѣмъ? Образованіемъ. Образованіе оздоровляетъ. Образованіе просвѣщаетъ. Всѣ великодушныя, всѣ свѣтлыя соціальныя явленія—результатъ науки, литературы, искусства, образованія. Воспитывайте людей, образовывайте ихъ. Дайте имъ свѣта, чтобы они согрѣвали васъ. Рано или поздно великій вопросъ всеобщаго обученія заявитъ себя съ непреодолимымъ авторитетомъ абсолютной истины. И тогда тѣмъ, кто будетъ управлять, придется выбирать одно изъ двухъ: или сыновъ Франціи или парижскихъ гаменовъ—яркіе лучи свѣта или блуждающіе во мракѣ огоньки.

Гаменъ—олицетвореніе Парижа; Парижъ—олицетвореніе всего міра. Потому-то Парижъ—итогъ всего. Парижъ—потолокъ надъ всѣмъ человѣчествомъ. Этотъ удивительный городъ заключаетъ въ себѣ въ миніатюрѣ все старинное и все современное. Тотъ, кто видитъ Парижъ,—видитъ какъ будто изнанку всей исторіи, съ небомъ и созвѣздіями въ промежуткахъ.

Въ Парижѣ есть свой Капитолій—городская ратуша, свой Парѳенонъ—Соборъ Богоматери, свой Авентинскій холмъ—Сентъ-Антуанское предмѣстье, свой Азинаріумъ [3])—Сорбонна, свой Пантеонъ—тоже Пантеонъ, свой Священный путь—бульваръ Итальянцевъ, своя Башня вѣтровъ—общественное мнѣніе. Его «махо» называется хлыстомъ, его транстеверинецъ—жителемъ предмѣстья, его хаммалъ—рыночнымъ носильщикомъ, его лаццарони—шайкой воровъ, его кокней,—зѣвакой.

Все, находящееся гдѣ бы то ни было, есть и въ Парижѣ. Торговка рыбой Дюмарсо не уступитъ торговкѣ травами у Эврипида; метатель диска Веянусъ возрождается въ канатномъ плясунѣ Форіозо, терапонтигонецъ Милесъ не отказался бы пройтись подъ ручку съ гренадеромъ Вадебонкёромъ, старьевщикъ Дамазиппъ

---

[1]) Вотъ Парижъ, вотъ человѣкъ.

[2]) Гречишка—такъ римляне презрительно называли грековъ.

[3]) Собственно—«осларня». *Прим. ред.*

почувствовалъ бы себя вполнѣ счастливымъ въ теперешнихъ магазинахъ старинныхъ вещей; Венсенъ арестовалъ бы Сократа, а Агора засадилъ бы въ тюрьму Дидро. Гримо де-ла Реньеръ изобрѣлъ ростбифъ на салѣ, а Куртиллъ—жаренаго ежа. Подъ шаромъ Звѣздной Арки мы видимъ вновь трапецію Плавта; глотавшій шпаги Песиль, котораго встрѣтилъ Апулей, глотаетъ шпаги и теперь на Новомъ мосту; племянникъ Рамо и паразитъ Куркуліонъ какъ нельзя болѣе подходящая пара; Эргазилъ попросилъ бы Эгрфейля представить его Камбасересу; четыре римскіе щеголя: Альцезимархъ, Федромъ, Дьяболусъ и Агриппа какъ-будто все еще живы, и мы видимъ, какъ они спускаются съ Куртиля въ коляскѣ отъ Лабатю; Авлъ-Геллій стоялъ бы передъ Конгріо не дольше, чѣмъ Шарль Нодье передъ полишинелемъ; Мартонъ—не тигрица, но и Пардалиска не была дракономъ, шутъ Панталобусъ высмѣиваетъ и теперь въ англійскомъ кафе жуира Номентануса; Гермогенъ—теноръ на Елисейскихъ поляхъ, а около него нищій Ѳразей, одѣтый паяцемъ, собираетъ деньги; надоѣдливый господинъ въ Тюильери, схватывающій васъ запуговицу, заставляетъ васъ повторить черезъ двѣ тысячи лѣтъ изреченіе Ѳеспріона: «quis properantem me prehendit pallio» [1]). Сюренское вино очень похоже на альбанское; полный стаканъ вина Делансіе соотвѣтствуетъ большой чашѣ Балатрона; на кладбищѣ Перъ-Лашезъ мерцаютъ послѣ ночныхъ дождей такіе же огоньки, какъ и на римскомъ кладбищѣ, а могила бѣдняка, купленная на пять лѣтъ, стоитъ взятаго на прокатъ гроба для раба.

Найдите хоть что-нибудь, чего бы не было въ Парижѣ. Все, что было въ чанѣ Трофонія, есть и въ сосудѣ Месмера. Эграфилъ воскресаетъ въ Каліостро; браминъ Вазафанта воплощается въ графѣ Сенъ-Жерменѣ, на кладбищѣ Сенъ-Медаръ совершается столько же чудесъ, какъ и въ мечети Умуміэ въ Дамаскѣ.

У Парижа есть свой Эзопъ—Майё, своя Канидія—дѣвица Ленорманъ; Парижъ вызываетъ духовъ, какъ Дельфы, и такъ же пугается, когда они являются; онъ вертитъ столы, какъ Додонъ треножники. Онъ сажаетъ на тронъ гризетку, какъ Римъ—куртизанку и, если Людовикъ XV хуже Клавдія, то госпожа Дюбарри лучше Мессалины. Парижъ создаетъ небывалый типъ,—этотъ типъ существовалъ, и мы съ нимъ сталкивались—въ которомъ совмѣщается греческая нагота, еврейская скорбь и гасконская шутка. Онъ сливаетъ въ одно Діогена, Іова и Пальяса, одѣваетъ призракъ въ старые нумера газеты «Конституціоналистъ» и создаетъ Шодрюка Дюкло.

Хотя Плутархъ и говоритъ, что покорность не смягчитъ тирана, но Римъ при Суллѣ и при Домиціанѣ все-таки терпѣлъ и разбавлялъ водою вино. Тибръ былъ Летой, если можно вѣрить нѣсколько доктринерской похвалѣ Вара Вибиска: Contra Gracchos Tiberim habemus. Bibere Tiberim, id est seditionem oblivisci [2]).

---

[1]) Кто это хватаетъ меня за плащъ, когда я спѣшу?

[2]) Противъ Гракховъ у насъ есть Тибръ. Выпить Тибръ, значитъ забыть мятежъ.

Парижъ выпиваетъ милліонъ литровъ воды въ день, но это не мѣшаетъ ему бить при случаѣ въ набатъ и поднимать тревогу.

Но, вообще говоря, Парижъ добрый малый и легко мирится со всѣмъ. Онъ не предъявляетъ большихъ требованій къ Венерѣ; его Каллипигія—готтентотка. Если ему смѣшно, онъ готовъ простить все. Безобразіе его забавляетъ, уродливость—смѣшитъ, порокъ—развлекаетъ: если вы забавны—вамъ позволяется быть хоть негодяемъ. Даже лицемѣріе, этотъ верхъ цинизма, не возмущаетъ Парижа. Онъ настолько образованъ, что не зажимаетъ носа отъ Базиля, и молитва Тартюфа такъ же мало оскорбляетъ его, какъ Горація «икота» Пріапа. Каждая черта всемірной физіономіи повторяется въ профилѣ Парижа. Хоть Bal Mabile[1]) и не похожъ на пляски на холмѣ Яникульскомъ, но тамъ торговка старымъ платьемъ такъ же жадно слѣдитъ за лореткой, какъ сводня Стафина слѣдила за дѣвственницей Планезіумъ. Кулачные бои, конечно, не Колизей, но и тамъ свирѣпствуютъ, какъ бы въ присутствіи Цезаря. Сирійская трактирщица привлекательнѣе тетки Сагэ, но если Виргилій былъ завсегдатаемъ римскаго кабачка, то Давидъ Анжерскій, Бальзакъ и Шарнэ такъ же часто посѣщали кабачокъ парижскій.

Парижъ царитъ, и въ немъ сверкаютъ геніи. Адонаи проносится тамъ на своей молніеносной колесницѣ о двѣнадцати колесахъ. Силенъ появляется на своемъ ослѣ.

Силенъ—читайте Рампонно.

Парижъ — синонимъ космоса. Въ немъ совмѣщаются Аѳины, Римъ, Сибарисъ и Іерусалимъ. Всѣ цивилизаціи находятся здѣсь въ миніатюрѣ, а также и всѣ варварства. Парижъ былъ бы очень недоволенъ, если бы у него отняли гильотину.

Кусочекъ Гревской площади—вещь недурная. Чего стоилъ бы этотъ вѣчный праздникъ безъ такой приправы? Законы наши очень точно принимаютъ это во вниманіе и, благодаря имъ, кровь съ ножа гильотины падаетъ капля по каплѣ на веселый парижскій карнавалъ.

XI.

Глумится и царствуетъ.

У Парижа нѣтъ границъ. Ни одинъ городъ не обладалъ такой властью, часто осмѣивающею тѣхъ, кого она порабощаетъ. «Только бы угодить вамъ, о, аѳиняне!» восклицалъ Александръ. Парижъ издаетъ законы, но этого еще мало; онъ предписываетъ моду и, что еще важнѣе, вводитъ рутину. Парижъ можетъ быть глупымъ, если ему заблагоразсудится, и онъ иногда позволяетъ себѣ эту роскошь. Тогда и весь міръ глупѣетъ вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ Парижъ вдругъ просыпается, протираетъ глаза, говоритъ: «До чего я глупъ!» и разражается громкимъ хохотомъ въ лицо человѣчеству.

Что за чудо такой городъ! И странно, что грандіозное и шутовское такъ мирно уживаются въ немъ, что величію не мѣшаетъ

---

[1]) Такъ назывались въ Парижѣ публичные балы.

породія и что однѣ и тѣ же уста могутъ сегодня трубить въ трубу архангельскую, а завтра дудѣть въ дудку! Парижъ обладаетъ державной веселостью. Его веселье сверкаетъ, какъ молнія, его фарсъ держитъ скипетръ. Его буря иногда начинается гримасой. Его взрывы, битвы, шедёвры, чудеса, эпопеи разносятся по всей вселенной вмѣстѣ съ его остротами. Его смѣхъ — жерло вулкана, обрызгивающее всю землю; его шутки—искры. Его карикатуры и его идеалы становятся достояніемъ всѣхъ народовъ, самые высокіе памятники человѣческой цивилизаціи выносятъ его иронію и отдаютъ свою вѣчность на жертвы его проказамъ.

Парижъ великолѣпенъ. У него есть чудесное 14 іюля, давшее свободу всему міру: присягу въ же-де-помѣ вмѣстѣ съ нимъ принесли всѣ народы; ночь на 4 августа уничтожила въ три часа тысячелѣтній феодализмъ. Онъ дѣлаетъ свою логику мускуломъ единодушной воли. Въ немъ совмѣщаются виды величія; его отблескъ лежитъ на Вашингтонѣ, Боливарѣ, Костюшко, Боцарисѣ, Ріего, Бемѣ, Маненѣ, Лопецѣ, Джонѣ Браунѣ, Гарибальди. Онъ всюду, гдѣ загорается надежда на лучшее будущее,—въ Бостонѣ въ 1779 году, на островѣ Леонѣ въ 1820 г., въ Пештѣ въ 1848 году, въ Палермо въ 1860 году. Онъ шепчетъ могучій пароль «Свобода» на ухо американскимъ аболиціонистамъ, толпящимся на паромѣ Гарпера, и патріотамъ Анконы, собирающимся на морскомъ берегу, около таверны Гоцци; онъ создаетъ Канариса, онъ создаетъ Квирогу; онъ создаетъ Пизакану. Ему обязано своимъ происхожденіемъ все великое на землѣ. Увлеченный его идеями, Байронъ умираетъ въ Миссолонги, а Мазэ—въ Барселонѣ. Онъ становится трибуной подъ ногами Мирабо и кратеромъ подъ ногами Робеспьера; его книги, его театръ, его искусство, его наука, его литература, его философія руководятъ всѣмъ человѣчествомъ. У него есть Паскаль, Ренье, Корнель, Декартъ, Жанъ-Жакъ, Вольтеръ на всѣ минуты, Мольеръ на всѣ вѣка. Онъ заставляетъ говорить на своемъ языкѣ всѣ народы, и этотъ языкъ становится всемірнымъ языкомъ; онъ пробуждаетъ во всѣхъ умахъ идею прогресса; освободительные догматы, которые онъ куетъ, становятся достояніемъ цѣлыхъ поколѣній; духъ его мыслителей и поэтовъ создалъ всѣхъ народныхъ героевъ, начиная съ 1789 года. Но все это не мѣшаетъ ему дурачиться. И этотъ великій геній, который называется Парижемъ, видоизмѣняя весь міръ своимъ свѣтомъ, въ то же время рисуетъ углемъ носъ Буживье на стѣнѣ Тезеева храма и пишетъ «Кредевиль — воръ» на пирамидахъ. Парижъ всегда скалитъ свои зубы: когда онъ не ворчитъ, то смѣется.

Таковъ Парижъ. Дымъ его трубъ разноситъ идеи по всей вселенной. Парижъ не только великъ — онъ необъятенъ. А почему? Потому что онъ дерзаетъ.

Дерзать—этой цѣной покупается прогрессъ.

Всѣ великія побѣды болѣе или менѣе награда за смѣлость.

Возгласъ: «Смѣлѣе!»—это fiat lux. Для движенія впередъ человѣчеству нужно, чтобы оно постоянно видѣло передъ собой на вершинахъ великіе уроки мужества. Смѣлость придаетъ блескъ

исторіи и является однимъ изъ самыхъ яркихъ лучей, просвѣщающихъ человѣка. Заря дерзаетъ, когда загорается. Пробовать, осмѣливаться, настаивать, упорствовать, быть вѣрнымъ самому себѣ, бороться съ судьбою, не испытывать страха передъ катастрофой и удивлять ее этимъ, смѣло нападать на несправедливость, издѣваться надъ опьянѣвшей побѣдой, твердо стоять на своемъ— вотъ примѣры, которые нужны для человѣчества, вотъ свѣтъ, воодушевляющій его. Та же самая грозная молнія исходитъ отъ факела Прометея и отъ носогрѣйки Камбронна.

XII.

Будущность, таящаяся въ народѣ.

Что касается парижскаго народа, то онъ и въ образѣ взрослаго человѣка остается все тѣмъ же гаменомъ. Обрисовывая ребенка, мы тѣмъ самымъ обрисовываемъ городъ. Вотъ почему мы изучали этого орла подъ видомъ простодушнаго воробышка.

Парижская раса—повторяемъ это еще разъ—проявляется больше всего въ предмѣстьяхъ. Тамъ—ея настоящая физіономія, тамъ—самая чистая кровь. Тамъ народъ работаетъ и страдаетъ, а страданіе и трудъ, это весь человѣкъ.

Въ предмѣстьяхъ великое множество невѣдомыхъ закоулковъ, гдѣ кишатъ разные странные типы, начиная съ грузчика въ Рапэ и кончая живодеромъ въ Монфоконѣ. «Fex urbis!» [1]) восклицаетъ Цицеронъ; «mob», [2]) добавляетъ возмущенный Бёркъ. Чернь, шумная толпа, сбродъ — все это очень легко сказать. Но если даже и такъ, то что же изъ этого? Что изъ того, что они ходятъ босые? Они неграмотны — очень жаль. Неужели вы изъ-за этого покинете ихъ? Обратите въ проклятіе ихъ страданія? Развѣ не можетъ свѣтъ проникнуть сквозь эти массы? Повторимъ снова нашъ возгласъ: «Свѣта!» Будемъ упорно стоять на этомъ: Свѣта! Свѣта! Кто осмѣлится утверждать, что эта темнота не разсѣется? Ступайте, философы, учите, просвѣщайте, думайте громко, говорите громко, выходите на солнечный свѣтъ, братайтесь съ народомъ, возвѣщайте добрыя вѣсти, щедро раздавайте буквари, провозглашайте права, пойте марсельезу, сѣйте одушевленіе, срывайте зеленыя вѣтки съ дубовъ. Превратите идею въ вихрь. Народъ можно возвысить. Сумѣйте только пользоваться этими вспышками принциповъ и добродѣтелей, этимъ пожаромъ, который трещитъ и пылаетъ въ иныя минуты. Эти босыя ноги, голыя руки, эти лохмотья, это невѣжество, униженіе, темнота — все это можетъ быть употреблено на достиженіе идеала. Присмотритесь внимательно къ народу, и вы увидите истину. Бросьте въ горнило этотъ презрѣнный песокъ, который вы попираете ногами. Онъ расплавится, перекипитъ и превратится въ чудный кристаллъ, благодаря которому Галилей и Ньютонъ будутъ открывать свѣтила небесныя.

---

[1]) Подонки города.
[2]) Чернь.

XIII.

Маленькій Гаврошъ.

Восемь или девять лѣтъ спустя послѣ событій, описанныхъ во второй части этого романа, на Тампльскомъ бульварѣ и въ Шато д'О можно было часто встрѣтить мальчика одиннадцати-двѣнадцати лѣтъ. Онъ какъ разъ подходилъ бы подъ сдѣланное нами выше описаніе гамена, если бы сердце его не было такъ пусто и мрачно, несмотря на то, что онъ не прочь былъ посмѣяться, какъ и всякій ребенокъ. Онъ носилъ мужскіе панталоны, но не отцовскіе, и женскую кофту, но не материнскую. Чужіе люди нарядили его изъ милости въ эти лохмотья. А между тѣмъ у него были отецъ и мать. Но отецъ совсѣмъ не думалъ о немъ, а мать его не любила. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ дѣтей, больше всѣхъ остальныхъ заслуживающихъ состраданія, у которыхъ есть и отецъ и мать, но которые все-таки остаются сиротами.

Этотъ мальчикъ чувствовалъ себя лучше всего на улицѣ. Мостовая была для него не такъ жестка, какъ сердце его матери.

Родители вытолкнули его въ жизнь пинкомъ.

И онъ полетѣлъ.

Это былъ шумливый, блѣдный, веселый, проворный, насмѣшливый мальчикъ, съ живымъ, но блѣднымъ лицомъ. Онъ бѣгалъ то туда, то сюда, пѣлъ, игралъ въ бобы, рылся въ канавахъ, слегка поворовывалъ, но весело, какъ кошки или воробьи, смѣялся, когда его называли мальчишкой, и сердился, когда его называли негодяемъ. У него не было ни крова, ни хлѣба, ни тепла, ни любви; но онъ былъ веселъ, потому что чувствовалъ себя свободнымъ.

Когда эти несчастныя созданія вырастаютъ, жерновъ соціальнаго строя почти всегда захватываетъ и перемалываетъ ихъ; но въ дѣтствѣ они спасаются отъ него. Они еще такъ малы, что могутъ ускользнуть черезъ каждую дырочку.

Однако, какъ ни покинутъ былъ этотъ ребенокъ, онъ все-таки изрѣдка, въ два или три мѣсяца разъ, говорилъ себѣ: «Пойду-ка я къ своей мамѣ!» Тогда онъ покидалъ бульваръ, проходилъ мимо цирка и воротъ Сенъ-Мартенъ, спускался на набережную, шелъ по мостамъ, доходилъ до предмѣстій, добирался до больницы Сальпетріеръ и подходилъ—куда? Да къ тому самому дому съ двойнымъ нумеромъ 50—52, который уже знакомъ читателю,—къ дому Горбо.

Въ это время въ домѣ подъ № 50—52, всегда пустомъ и вѣчно украшенномъ билетикомъ: «Отдаются комнаты», было, противъ обыкновенія, довольно много жильцовъ, которые, какъ это всегда бываетъ въ Парижѣ, не имѣли другъ съ другомъ никакихъ сношеній и связей. Всѣ они принадлежали къ тому бѣдному классу, который начинается мелкимъ, стѣсненнымъ въ средствахъ буржуа, постепенно спускается все ниже и ниже, къ самымъ подонкамъ общества, и кончается двумя существами, къ которымъ сводится вся матеріальная сторона цивилизаціи: чистильщикомъ, вывозящимъ нечистоты, и тряпичникомъ, подбирающимъ лохмотья.

«Главная жилица» временъ Жана Вальжана умерла и ее замѣнила другая, совершенное подобіе первой. Не знаю, какой философъ сказалъ: «Въ старухахъ никогда не бываетъ недостатка».

Эта новая старуха называлась госпожей Бюрганъ; въ ея жизни не было ничего замѣчательнаго, кромѣ династіи изъ трехъ попугаевъ, которые одинъ за другимъ царили въ ея сердцѣ.

Изъ всѣхъ жильцовъ дома въ самомъ жалкомъ положеніи была семья, состоявшая изъ четырехъ лицъ: отца, матери и двухъ почти взрослыхъ дочерей. Они всѣ четверо помѣщались на чердакѣ, въ одной изъ тѣхъ каморокъ, которыя мы уже описывали раньше. Эта семья не представляла на первый взглядъ ничего особеннаго, кромѣ своей крайней бѣдности. Отецъ, нанимая комнату, назвалъ себя Жондретомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ своего переѣзда, удивительно напоминавшаго, по выраженію главной жилицы, «переѣздъ пустого мѣста», Жондретъ сказалъ этой женщинѣ, которая, какъ и ея предшественница, исполняла должность привратницы и мела лѣстницу:

— Вотъ что, матушка: если кто-нибудь будетъ спрашивать поляка или итальянца, а можетъ-быть, и испанца, то знайте, что это я.

Къ семьѣ Жондретовъ принадлежалъ и веселый босоножка.

Онъ приходилъ сюда, видѣлъ здѣсь бѣдность и отчаяніе, но, что еще грустнѣе, не видалъ ни одной улыбки; холодный очагъ и холодныя сердца.

Когда онъ входилъ, его спрашивали:

— Откуда ты?

— Съ улицы,—отвѣчалъ онъ.

Когда онъ уходилъ, его снова спрашивали:

— Куда ты идешь?

И онъ снова отвѣчалъ:

— На улицу.

— Зачѣмъ ты приходишь сюда?—не разъ спрашивала его мать.

Этотъ ребенокъ жилъ, лишенный любви, какъ та блѣдная травка, которая растетъ въ погребахъ. Онъ не страдалъ отъ этого и не обвинялъ никого. Онъ и самъ не зналъ хорошенько какими должны быть отецъ и мать.

Впрочемъ, его мать любила его сестеръ.

Мы забыли сказать, что на Тампльскомъ бульварѣ этотъ мальчикъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Гавроша. Почему назывался онъ Гаврошемъ? Да, должно-быть, по такой же причинѣ, по которой отецъ его назывался Жондретомъ.

Нѣкоторыя бѣдныя семьи какъ бы по инстинкту разрываютъ связывающія ихъ нити.

Комната, которую занимала семья Жондретовъ въ лачугѣ Горбо, была крайняя, въ концѣ коридора. Въ комнатѣ рядомъ съ ними жилъ очень бѣдный молодой человѣкъ, котораго всѣ звали г-номъ Маріусомъ.

Объяснимъ, кто такой былъ этотъ г. Маріусъ.

Книга вторая.—ВЕЛИКІЙ БУРЖУА.

I.

Девяносто лѣтъ и тридцать два зуба.

Между обывателями улицъ Бушера̀, Нормандской и Сенто̀нжъ еще и теперь можно найти нѣсколько человѣкъ, которые сохранили воспоминаніе о старикѣ Жильнорманѣ и отзываются о немъ благосклонно. Жильнорманъ былъ уже старикомъ въ то время, какъ сами они были молоды. Для тѣхъ, кто грустно вглядывается въ тотъ смутный рой тѣней, который называется «прошлымъ», этотъ образъ еще не совсѣмъ исчезъ изъ лабиринта улицъ, сосѣднихъ съ Тамплемъ. При Людовикѣ XVI этимъ улицамъ давали названія французскихъ провинцій, подобно тому, какъ теперь улицамъ новаго квартала Тиволи даютъ названія европейскихъ столицъ. Шагъ впередъ — кстати сказать — въ которомъ виденъ прогрессъ.

Жильнорманъ, еще совсѣмъ бодрый въ 1831 году, принадлежалъ къ числу людей, возбуждающихъ любопытство только благодаря тому, что они слишкомъ долго жили на свѣтѣ и которые кажутся странными, потому что въ свое время были похожи на всѣхъ, а теперь не похожи ни на кого. Это былъ своеобразный старикъ, человѣкъ прошлаго вѣка, типичный представитель нѣсколько надменныхъ буржуа XVIII столѣтія, носившій свое званіе буржуа съ такимъ же видомъ, съ какимъ маркизъ носитъ свой титулъ.

Жильнорману перевалило уже за девяносто лѣтъ, но онъ держался прямо, говорилъ громко, видѣлъ хорошо, пилъ много, ѣлъ, спалъ и храпѣлъ. У него были цѣлы всѣ тридцать два зуба. Онъ надѣвалъ очки только тогда, когда читалъ. Онъ былъ очень влюбчивъ, но говорилъ, что десять лѣтъ тому назадъ совершенно и рѣшительно отказался отъ женщинъ. «Я уже не могу нравиться,—говорилъ онъ:—я слишкомъ бѣденъ». Но никогда не замѣнялъ онъ послѣдней фразы словами: «Я слишкомъ старъ». Напротивъ, онъ не разъ прибавлялъ: «Вотъ если бы я не разорился, то... хе, хе, хе!..»

На самомъ дѣлѣ его годовой доходъ равнялся пятнадцати тысячамъ ливровъ. Онъ мечталъ получить наслѣдство и имѣть сто тысячъ франковъ ренты, чтобы завести любовницъ. Все это доказываетъ, что Жильнорманъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ хилыхъ стариковъ, которые, какъ Вольтеръ, умираютъ всю жизнь. И это была не живучесть надтреснутаго горшка — нѣтъ, этотъ крѣпкій старикъ всегда отличался прекраснымъ здоровьемъ. Онъ былъ человѣкъ легкомысленный, живой, вспыльчивый. Изъ-за всякаго вздора поднималъ онъ бурю и чаще всего вопреки здравому

смыслу. Если ему противорѣчили, онъ замахивался тростью; онъ билъ своихъ людей, какъ въ старину, въ великій вѣкъ. У него была незамужняя дочь лѣтъ пятидесяти съ лишкомъ, которую онъ, разсердившись, очень больно колотилъ и съ удовольствіемъ бы иной разъ высѣкъ. Она казалась ему и теперь восьмилѣтней дѣвочкой. Онъ раздавалъ здоровыя оплеухи своимъ слугамъ, приговаривая: «Ахъ, вы твари!» Любимой его бранью было: «Par la pantoufloche de la pantouflochade!»

Временами онъ какъ-то странно успокаивался. Его каждый день брилъ цырюльникъ, который одно время сходилъ съ ума и ненавидѣлъ его, потому что ревновалъ къ нему свою хорошенькую, кокетливую жену. Жильнорманъ ставилъ необыкновенно высоко свое собственное сужденіе о всемъ на свѣтѣ и хвалился своей проницательностью. Вотъ одна изъ его остротъ: «Я, въ самомъ дѣлѣ, очень догадливъ. Если меня укуситъ блоха, то я могу узнать, отъ какой женщины она ко мнѣ попала».

Чаще всего онъ произносилъ слова: «чувствительный человѣкъ» и «природа». Этому послѣднему слову онъ не придавалъ такого широкаго значенія, какое оно получило въ наше время. Но онъ любилъ потолковать о природѣ на свой ладъ и включать ее въ свои шуточки у камина.

— Природа, — говорилъ онъ,—заботясь о томъ, чтобы у цивилизаціи было немножко всего, даетъ ей довольно забавные образчики дикихъ странъ. У Европы есть образцы Азіи и Африки, но въ миніатюрѣ. Кошка — домашній тигръ, ящерица — карманный крокодилъ. Оперныя танцовщицы — тѣ же людоѣдки. Только онѣ не сразу съѣдаютъ людей, а грызутъ ихъ понемножку. Или же онѣ волшебницы. Онѣ превращаютъ людей въ устрицъ и глотаютъ ихъ. Людоѣды оставляютъ только кости, онѣ — только раковины. Таковы наши нравы. Мы не ѣдимъ, а грыземъ, не истребляемъ, а впускаемъ когти и царапаемъ».

II.

Каковъ хозяинъ, таковъ и домъ.

Онъ жилъ въ Марэ, на улицѣ Филь-де-Кальверъ, въ своемъ собственномъ домѣ, подъ № 6. Теперь этого дома не существуетъ. Его уже давно сломали, вмѣсто него выстроили другой, а такъ какъ номера домовъ на парижскихъ улицахъ постоянно мѣняются, то и его номеръ теперь уже, навѣрное, не тотъ.

Жильнорманъ занималъ большую старинную квартиру въ первомъ этажѣ, окна которой выходили съ одной стороны на улицу, а съ другой—въ садъ. Стѣны ея были увѣшаны до самаго потолка гобеленами, изображавшими пастушескія сцены. Сюжеты потолковъ и панно повторялись въ миніатюрѣ на обивкѣ креселъ. Кровать была заставлена большими девятистворчатыми ширмами изъ коромандельскаго лака. Съ оконъ ниспадали длинные, пышные занавѣсы, образуя роскошныя складки. Разбитый около самаго дома садъ, сообщался съ угловыми окнами посредствомъ лѣстни-

цы въ двѣнадцать-пятнадцать ступенекъ, по которымъ старикъ очень проворно взбирался наверхъ и спускался внизъ. Кромѣ библіотеки, смежной съ спальней, въ квартирѣ былъ будуаръ, которымъ Жильнорманъ очень дорожилъ. Это былъ прелестный уголокъ, обтянутый соломенными обоями, усѣянными лиліями и другими цвѣтами. Эти обои были сработаны еще на галерахъ Людовика XIV; де-Вивоннъ заказалъ ихъ каторжникамъ для своей любовницы. Жильнорману досталась эта рѣдкость по наслѣдству послѣ двоюродной бабушки съ материнской стороны, суровой старухи, дожившей до ста лѣтъ.

Онъ былъ женатъ два раза. Его манеры напоминали отчасти придворнаго, чѣмъ онъ никогда не былъ, отчасти важнаго судейскаго чиновника, чѣмъ онъ легко могъ бы быть. Онъ былъ веселъ и привѣтливъ, когда хотѣлъ. Въ молодости онъ принадлежалъ къ числу мужчинъ, которыхъ всегда обманываютъ жены и никогда — любовницы, потому что они преотвратительные мужья и въ то же время премилые любовники.

Онъ былъ знатокъ въ живописи. Въ его спальнѣ висѣлъ великолѣпный портретъ какого-то неизвѣстнаго лица, кисти Іорданса, написанный широкими мазками, повидимому, небрежно, но со множествомъ деталей. Одѣвался Жильнорманъ не по модѣ, бывшей во времена Людовика XV или Людовика XVI. Нѣтъ, онъ придерживался костюма щеголей Директоріи. До той эпохи онъ считалъ себя молодымъ и слѣдовалъ модѣ. Онъ носилъ фракъ изъ легкаго сукна, съ широкими отворотами, узенькими фалдочками въ видѣ хвостика и огромными стальными пуговицами, короткіе штаны и башмаки съ пряжками. Пальцы его были вѣчно засунуты за проймы жилета. И онъ говорилъ: «Французскіе революціонеры, это — шайка прохвостовъ».

III.

Luc-Esprit.

Разъ вечеромъ, когда Жильнорманъ, тогда еще шестнадцатилѣтній юноша, былъ въ оперѣ, двѣ довольно зрѣлыя, но знаменитыя, воспѣтыя Вольтеромъ, красавицы Камарго и Саллэ сдѣлали ему честь — направили на него свои лорнеты. Попавъ, такимъ образомъ, между двухъ огней, онъ смѣло ретировался къ молоденькой, темнаго происхожденія, танцовщицѣ Наанри, которой, какъ и ему, было шестнадцать лѣтъ. Онъ былъ въ нее влюбленъ. У него была бездна воспоминаній.

— Ахъ, какъ была мила Гимаръ-Гимардини-Гимардинетта,— восклицалъ онъ, — когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ Лоншанѣ! Она была въ локонахъ en sentiments soutenus, съ бирюзовыми venez-y-voir, въ платьѣ цвѣта des gens nouvellement arrivés и съ муфтой d'agitation!

Въ юности Жильнорманъ носилъ камзолъ «Нэнъ-Лондренъ», который описывалъ очень охотно и съ большимъ увлеченіемъ.

— Я былъ одѣтъ левантинскимъ туркомъ, — говорилъ онъ.

Г-жа де-Буффлеръ, увидавъ его случайно, когда ему было двадцать лѣтъ, прозвала его «очаровательнымъ безумцемъ». Его приводили въ негодованіе имена современныхъ государственныхъ дѣятелей и людей, стоящихъ у власти: они казались ему пошлыми и буржуазными. Читая журналы и газеты, онъ едва удерживался отъ смѣха.

— Господи, что это за люди! — восклицалъ онъ. — Корбьеръ! Гюманнъ! Казиміръ Перье! И это министры! Воображаю, какъ бы это вышло въ газетѣ: «Г. Жильнорманъ министръ». Вотъ была бы потѣха. Ну, что же? Они такіе ослы, что и это могло бы сойти.

Онъ безъ церемоніи называлъ всѣ вещи ихъ именами, не обращая вниманія на то, прилично или неприлично слово, и нисколько не стѣснялся при женщинахъ. Но онъ говорилъ непристойности такъ просто и спокойно, что это придавало его тону своего рода изящество. Такъ откровенно выражались всѣ въ его время. Эпоха иносказаній въ стихахъ была вѣкомъ неблагопристойности въ прозѣ. Крестный отецъ Жильнормана предсказалъ, что онъ будетъ геніальнымъ человѣкомъ, и далъ ему два знаменательныхъ имени: Luc-Esprit.

IV.

Кандидатъ въ столѣтніе старики.

Въ дѣтствѣ онъ получалъ награды въ школѣ своего родного города Мулена, а разъ ему даже возложилъ на голову вѣнокъ самъ герцогъ Ниверпэ, котораго онъ называлъ герцогомъ Неверомъ. Ни Конвентъ, ни смерть Людовика XVI, ни Наполеонъ, ни возстановленіе Бурбоновъ — ничто не могло изгладить изъ его памяти это достопамятное событіе. Герцогъ *Неверъ* былъ въ его глазахъ однимъ изъ самыхъ великихъ представителей вѣка. «Какой это былъ очаровательный вельможа!—говорилъ онъ.—И какъ къ нему шла его голубая орденская лента!»

По мнѣнію Жильнормана, Екатерина II искупила многое, купивъ у Бестужева за три тысячи рублей секретъ приготовленія золотого эликсира. Вспоминая объ этомъ, Жильнорманъ воодушевлялся.

— Золотой эликсиръ!—восклицалъ онъ.—Тинктура Бестужева и капли генерала Ламотта продавались въ XVIII вѣкѣ по луидору за полунціи. Это было чудесное лѣкарство противъ несчастной любви, великое цѣлебное средство противъ Венеры. Людовикъ XV послалъ двѣсти флаконовъ этого эликсира папѣ.

Онъ страшно разсердился бы и вышелъ бы изъ себя, если бы кто сталъ увѣрять, что золотой эликсиръ не что иное, какъ хлористое желѣзо.

Жильнорманъ боготворилъ Бурбоновъ; 1789 годъ внушалъ ему ужасъ и отвращеніе. Онъ очень любилъ разсказывать, какъ ему удалось спастись во время террора и сколько ума и присутствія духа нужно было ему, чтобы избѣжать казни. Если какой-нибудь

молодой человѣкъ осмѣливался хвалить при нёмъ республику, онъ приходилъ въ такую ярость, что чуть не терялъ сознанія. Иной разъ, намекая на свои девяносто лѣтъ, онъ говорилъ: «Я льщу себя надеждой, что мнѣ не придется дважды пережить девяносто третій годъ». А иной разъ признавался домашнимъ, что разсчитываетъ прожить до ста лѣтъ.

V.
Баскъ и Николетта

У него были свои теоріи. Вотъ одно изъ его разсужденій: «Если мужчина питаетъ большую слабость къ прекрасному полу, а самъ имѣетъ жену, къ которой равнодушенъ, безобразную, угрюмую, преисполненную сознанія своихъ правъ, возсѣдающую на кодексѣ законовъ, какъ на насѣстѣ, и при всёмъ томъ еще ревнивую, у него остается только одинъ способъ развязать себѣ руки и обрѣсти покой: отдать женѣ на растерзаніе кошелекъ. Такая добровольная отставка возвратитъ ему свободу. Теперь женѣ будетъ чѣмъ заняться. Она скоро войдетъ во вкусъ начнетъ ворочать деньгами, марать пальцы о мѣдяки, школить арендаторовъ, муштровать фермеровъ, теребить повѣренныхъ, вертѣть нотаріусами, отчитывать письмоводителей, водиться съ разными канцелярскими крысами, сутяжничать, сочинять контракты, диктовать договоры, чувствовать себя полновластной хозяйкой, продавать, покупать, вершить дѣлами, командовать, обѣщать и надувать, сходиться и расходиться, уступать, отступать и переуступать, налаживать, разлаживать, экономить гроши, проматывать сотни; она совершаетъ – это составляетъ особое и главное ея счастье – глупость за глупостью и такимъ образомъ развлекается. Супругъ пренебрегаетъ ею, а она находитъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что разоряетъ его». Жильнорманъ испыталъ эту теорію на себѣ, и съ нимъ произошло всё какъ по-писаному. Вторая его жена столь усердно вела его дѣла, что когда въ одинъ прекрасный день онъ оказался вдовцомъ, у него едва набралось около пятнадцати тысячъ ливровъ въ годъ, да и то лишь при помѣщеніи почти всего капитала въ пожизненную ренту, на три четверти не подлежавшую выплатѣ послѣ его смерти. Онъ, не задумываясь, пошелъ на эти условія, относясь безразлично къ тому, останется ли послѣ него наслѣдство. Впрочемъ, онъ имѣлъ возможность убѣдиться, что и съ родовымъ имуществомъ случаются всякіе исторіи. Оно можетъ, напримѣръ, сдѣлаться національнымъ имуществомъ; онъ былъ свидѣтелемъ нѣкоего чудеснаго превращенія французскаго государственнаго долга, вдругъ уменьшившагося на цѣлую треть, и не слишкомъ довѣрялъ книгѣ росписей государственныхъ долговъ. «Всё это – лавочка», – говорилъ онъ. Какъ мы уже указывали, домъ на улицѣ Сестеръ страстей

Христовыхъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ его собственнымъ. Онъ всегда держалъ двухъ слугъ: «человѣка» и «дѣвушку». Когда къ Жильнорману нанимался новый слуга, онъ считалъ необходимымъ окрестить его заново. Мужчинамъ онъ давалъ имена, соотвѣтствующія названіямъ провинцій, изъ которыхъ они были родомъ: Нимъ, Контуа, Пуатевенъ, Пикаръ. Его послѣдній лакей, страдавшій одышкой, толстякъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ больными ногами, не могъ пробѣжать и двадцати шаговъ, но, поскольку онъ былъ уроженцемъ Байоны, Жильнорманъ именовалъ его Баскомъ. Всѣ служанки именовались у него Николеттами (даже Маньонъ, о которой рѣчь будетъ впереди). Какъ-то разъ къ нему пришла наниматься знатная стряпуха, мастерица своего дѣла, изъ славной породы поварихъ. «Сколько вамъ угодно получать въ мѣсяцъ?» – спросилъ её Жильнорманъ. «Тридцать франковъ». – «А какъ васъ зовутъ?» – «Олимпія». – «Ну такъ вотъ, ты будешь получать пятьдесятъ франковъ, а зваться будешь Николеттой».

VI.

въ которой промелькнетъ Маньонъ съ двумя своими малютками

У Жильнормана горе выражалось въ гнѣвѣ: огорченія приводили его въ бѣшенство. Онъ былъ полонъ предразсудковъ, въ поведеніи позволялъ себѣ любыя вольности. Какъ мы уже отмѣчали, больше всего старался онъ показать всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ, черпая въ этомъ глубокое внутреннее удовлетвореніе, что продолжаетъ оставаться усерднымъ поклонникомъ женщинъ и прочно пользуется репутаціей таковаго. Онъ говорилъ, что это дѣлаетъ ему «великую честь». Но эта «великая честь» преподносила ему подчасъ самые неожиданные сюрпризы. Однажды ему въ продолговатой корзинѣ, напоминавшей корзину для устрицъ, принесли запеленатаго по всѣмъ правиламъ искусства и оравшаго благимъ матомъ пухленькаго, недавно появившагося на свѣтъ божій мальчугана, котораго служанка, прогнанная полгода назадъ, объявляла его сыномъ. Жильнорману было въ ту пору, ни много ни мало, восемьдесятъ четыре года. Это вызвало взрывъ возмущенія у окружающихъ: «Кого эта безстыжая тварь думала обмануть? Кто ей повѣритъ? Какая наглость! Какая гнусная клевета!» Но самъ Жильнорманъ не разсердился. Онъ поглядѣлъ на младенца съ ласковой улыбкой старичка, польщеннаго подобнаго рода клеветой, и сказалъ, какъ бы въ сторону: «Ну что? Что тутъ такого? Что тутъ такого особеннаго? Вы рѣхнулись, мелете вздоръ, вы невѣжды! Герцогъ Ангулемскій, побочный сынъ короля Карла Девятаго, женился восьмидесяти пяти лѣтъ на пятнадцатилѣтней пустельгѣ; Виржиналю, маркизу д'Алюи, брату кардинала Сурди, архіепископа Бордоскаго, было восемьдесятъ три года, когда у него родился отъ стар-

шиной горничной Жакенъ сынъ, настоящее дитя любви, который былъ впослѣдствіи мальтійскимъ рыцаремъ и государственнымъ совѣтникомъ; одинъ изъ величайшихъ людей нашего вѣка, аббатъ Табаро—сынъ восьмидесятилѣтняго старика. Это случается сплошь и рядомъ. А Библія-то! Въ заключеніе объявляю, что этотъ молодчикъ не мой. Но пусть о немъ позаботятся. Это не его вина.

Поступокъ добродушный. Та же самая женщина, которую звали Маньонъ, черезъ годъ прислала ему другого младенца, тоже мальчика. На этотъ разъ Жильнорманъ сдался на капитуляцію. Онъ возвратилъ матери обоихъ мальчиковъ и обязался платить за ихъ содержаніе по восьмидесяти франковъ въ мѣсяцъ, но съ условіемъ, чтобы она не дѣлала ему больше подобныхъ сюрпризовъ. «Надѣюсь, что мать будетъ хорошо обращаться съ ними,—прибавилъ онъ.—Я стану ихъ время отъ времени навѣщать». И онъ сдержалъ свое слово.

У него былъ братъ священникъ, занимавшій въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ должность ректора академіи въ Пуатье и умершій семидесяти девяти лѣтъ. «Онъ умеръ молодымъ», говорилъ Жильнорманъ. Этотъ братъ, котораго онъ мало помнилъ, велъ тихую жизнь и былъ страшно скупъ. Какъ священникъ, онъ считалъ своей обязанностью подавать милостыню встрѣчавшимся ему нищимъ, но обыкновенно давалъ имъ совсѣмъ стертыя монеты, которыя уже потеряли цѣнность. Такимъ образомъ онъ нашелъ средство отправиться въ адъ, идя по дорогѣ въ рай

Что касается Жильнормана старшаго, то онъ не скупился на милостыню и давалъ охотно и щедро. Онъ былъ добродушный, рѣзкій, сострадательный человѣкъ и, будь онъ богатъ, его слабостью была бы роскошь. Онъ желалъ, чтобы все, касающееся его, дѣлалось въ широкихъ размѣрахъ, даже мошенничество. Разъ ему пришлось получить наслѣдство, и повѣренный обобралъ его самымъ грубымъ и явнымъ образомъ.

— Фи, какъ это неопрятно сдѣлано!—торжественно воскликнулъ Жильнорманъ.—Мнѣ, право, стыдно за такіе пріемы! Все измельчало въ этомъ вѣкѣ, даже мошенники. Чортъ возьми! Не такъ слѣдуетъ обкрадывать человѣка такого сорта, какъ я. Меня ограбили, какъ въ лѣсу, но скверно ограбили. Sylvae sint consule dignae! [1])

Мы уже говорили, что онъ былъ женатъ два раза. Отъ первой жены у него осталась дочь, не вышедшая замужъ; отъ второй—тоже дочь, умершая, когда ей было около тридцати лѣтъ. По любви или по какой другой причинѣ она вышла замужъ за выслужившагося изъ рядовыхъ офицера, участвовавшаго въ войнахъ республики и имперіи, получившаго крестъ за Аустерлицъ и чинъ полковника за Ватерло. «Это мой семейный позоръ», говорилъ старикъ Жильнорманъ. Онъ очень усердно нюхалъ табакъ и какъ-то особенно граціозно приминалъ рукою свое кружевное жабо. Въ Бога онъ мало вѣрилъ.

---

[1]) Лѣса да будутъ достойны консула.

VII.

Правило: не принимать у себя никого, иначе какъ вечеромъ.

Таковъ былъ Люкъ-Эспри Жильнорманъ. Волосы его сохранились до сихъ поръ и были даже не совсѣмъ сѣдые, а скорѣе съ просѣдью; онъ носилъ какую-то странную прическу въ родѣ собачьихъ ушей. Но въ общемъ, несмотря на все, старикъ имѣлъ очень почтенный видъ. Онъ олицетворялъ собою XVIII вѣкъ—легкомысленный и величавый.

Въ первые годы реставраціи Жильнорманъ, еще молодой,—въ 1814 году ему было только семьдесятъ четыре года—жилъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, на улицѣ Сервандони, около церкви св. Сульпиція. Онъ переѣхалъ въ Марэ только послѣ того, какъ покинулъ свѣтъ, то-есть, когда ему перевалило уже за восемьдесятъ лѣтъ.

И, отказавшись отъ свѣта, онъ замкнулся въ своихъ привычкахъ. Главная изъ нихъ, которой онъ никогда не измѣнялъ, состояла въ томъ, чтобы держать свою дверь на запорѣ днемъ и не принимать никого, кто бы это ни былъ и по какому бы дѣлу ни пришелъ, иначе какъ вечеромъ. Онъ обѣдалъ въ пять часовъ и затѣмъ двери его отворялись. Таковъ былъ обычай въ его время и онъ не хотѣлъ отъ него отступить.

— День—это такъ тривіально,—говорилъ онъ,—и не заслуживаетъ ничего, кромѣ запертой двери. У порядочныхъ людей воспламеняется умъ, когда на зенитѣ загораются звѣзды.

И онъ запирался днемъ ото всѣхъ и не принялъ бы никого, даже если бы къ нему пришелъ самъ король. Старинная элегантность его времени.

VIII.

Двое—не всегда пара.

Мы уже упоминали, что у Жильнормана было двѣ дочери. Между ними было десять лѣтъ разницы. Въ молодости онѣ такъ были мало похожи одна на другую и характеромъ и лицомъ, что никто не принялъ бы ихъ за сестеръ. Младшая обладала чудной душой, стремившейся ко всему свѣтлому. Она любила цвѣты, поэзію, музыку, уносилась въ какой-то лучезарный міръ, была восторженной энтузіасткой и съ дѣтства мечтала о героѣ, образъ котораго смутно рисовался передъ ней. У старшей тоже была своя мечта: ей видѣлся поставщикъ, какой-нибудь очень богатый, добродушный, толстый поставщикъ провіанта, мужъ очаровательно глупый, милліонъ въ человѣческомъ образѣ. Или же префектъ. Пріемы въ префектурѣ, швейцаръ съ цѣпью на шеѣ въ передней, офиціальные балы, рѣчи въ мэріи. Быть «женой префекта»,—вотъ что носилось вихремъ въ ея воображеніи. Итакъ, каждая изъ этихъ двухъ сестеръ, въ то время какъ онѣ были молодыми дѣвушками, погружалась въ свои думы и забывалась въ своихъ собственныхъ

мечтахъ. У обѣихъ были крылья; у одной—ангельскія, у другой—гусиныя.

Никакое желаніе не осуществляется вполнѣ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ мірѣ. Никакой рай невозможенъ на землѣ въ наше время. Младшая сестра вышла замужъ за героя своихъ грезъ, но умерла; старшая совсѣмъ не вышла замужъ. Она появляется въ нашемъ романѣ уже старухой. Въ то время она была добродѣтельной, страшно чопорной дѣвой и обладала необыкновенно острымъ носомъ и замѣчательно тупой головой. Характерная особенность: за исключеніемъ ея тѣсной семьи никто не зналъ ея христіанскаго имени. Всѣ обыкновенно называли ее m-lle Жильнорманъ старшая. По части чопорности m-lle Жильнорманъ старшая могла бы дать нѣсколько очковъ впередъ любой англійской миссъ. Чопорность доходила у нея до крайности. Въ ея жизни было одно ужасное воспоминаніе: разъ какой-то мужчина увидалъ ея подвязку! Эта неприступная добродѣтель еще увеличилась съ годами. Матерія шемизетки никогда не казалась ей достаточно плотной, а сама шемизетка, по ея мнѣнію, никогда не закрывала шею достаточно высоко. Она увеличивала число крючковъ и булавокъ тамъ, куда никто и не воображалъ смотрѣть. Подобныя особы обыкновенно ставятъ тѣмъ больше часовыхъ, чѣмъ меньшей опасности подвергается крѣпость.

И между тѣмъ—пусть объяснитъ, кто можетъ, эту тайну—она охотно позволяла себя цѣловать одному уланскому офицеру, своему внучатному племяннику, котораго звали Теодюлемъ. Но, несмотря на этого счастливца-улана, къ ней необыкновенно подходилъ эпитетъ «чопорная». У m-lle Жильнорманъ была какая-то сумеречная душа. Чопорность—полудобродѣтель, полупорокъ.

Эта неприступность соединялась у нея съ ханжествомъ—самая подходящая подкладка. Она принадлежала къ братству Пресвятой Дѣвы, надѣвала въ извѣстные праздники бѣлое покрывало, бормотала какія-то особыя молитвы, почитала «святую кровь» и «святое сердце Іисусово», проводила цѣлые часы въ созерцаніи передъ іезуитскимъ алтаремъ въ стилѣ рококо, въ капеллѣ вѣрныхъ, и уносилась душою къ маленькимъ мраморнымъ облачкамъ и длиннымъ лучамъ изъ золоченаго дерева. У нея была подруга по церкви, m-lle Вобуа, такая же старая дѣва, какъ она, но совершенно тупоумная, въ сравненіи съ которой m-lle Жильнорманъ могла съ удовольствіемъ чувствовать себя орломъ. Внѣ сферы Agnus dei и Ave Maria m-lle Вобуа не имѣла понятія ни о чемъ, кромѣ различныхъ способовъ варить варенье. И, дойдя въ этомъ до совершенства, она во всемъ остальномъ была, если можно такъ выразиться, бѣлымъ горностаемъ тупоумія безъ единаго чернаго пятнышка ума.

Нужно замѣтить, что состарившись, m-lle Жильнорманъ скорѣе выиграла, чѣмъ потеряла. Такъ всегда бываетъ съ пассивными натурами. Она никогда не была зла, а это можно считать относительной добротой; къ тому же годы сглаживаютъ угловатости, и время мало-по-малу смягчило ее. Она была грустна какой-то

неясной грустью, причины которой не понимала сама. Но на ней лежалъ отпечатокъ оцѣпенѣнія уже кончавшейся, но такъ и не начавшейся жизни.

Она вела хозяйство въ домѣ отца. Жильнорманъ жилъ съ дочерью, какъ монсеньоръ Біенвеню—съ сестрою. Такія семьи, состоящія изъ старика и старой дѣвы, встрѣчаются не особенно рѣдко и всегда производятъ трогательное впечатлѣніе двухъ слабыхъ существъ, опирающихся другъ на друга.

Кромѣ того, въ домѣ, между старикомъ и старой дѣвой жилъ еще ребенокъ, маленькій мальчикъ, всегда дрожавшій и молчавшій въ присутствіи Жильнормана. Старикъ говорилъ съ нимъ не иначе, какъ строгимъ голосомъ, а иногда и поднявъ трость. «Пожалуйте сюда, сударь!», «Поди-ка, поди-ка сюда, бездѣльникъ!», «Ну, отвѣчай, негодяй!», «Стой такъ, чтобы я тебя видѣлъ, сорванецъ!» и т. д. и т. д. Онъ страстно любилъ мальчика. Просто боготворилъ его.

Это былъ его внукъ. Мы еще вернемся къ этому ребенку.

Книга третья.—ДѢДУШКА И ВНУЧЕКЪ.

I.

Старомодный салонъ.

Когда Жильнорманъ жилъ на улицѣ Сервандони, онъ былъ почетнымъ посѣтителемъ нѣсколькихъ вліятельныхъ аристократическихъ салоновъ. Несмотря на то, что онъ былъ буржуа, а не дворянинъ, его принимали вездѣ. Его знакомства даже искали и онъ былъ всюду почетнымъ гостемъ, какъ человѣкъ умный вдвойнѣ—умомъ, который былъ у него на самомъ дѣлѣ, и тѣмъ, который ему приписывали. Но онъ бывалъ только тамъ, гдѣ могъ играть главную роль. Есть люди, которые желаютъ во что бы то ни стало подчинять всѣхъ своему вліянію и быть предметомъ общаго вниманія; тамъ, гдѣ они не могутъ быть оракулами, они превращаются въ шутовъ. Жильнорманъ не принадлежалъ къ числу такихъ людей. Онъ пріобрѣлъ вліяніе въ роялистскихъ салонахъ, которые посѣщалъ, не поступаясь собственнымъ достоинствомъ. Онъ былъ оракуломъ всюду. Ему случалось состязаться съ де-Бональдомъ и даже съ Банжи-Пюи-Валлэ, и онъ не уступалъ ни тому ни другому.

Около 1817 года онъ проводилъ неизмѣнно два вечера въ недѣлю у жившей съ нимъ по сосѣдству на улицѣ Феру баронессы Т., достойной и уважаемой женщины, мужъ которой занималъ при Людовикѣ XVI постъ французскаго посланника въ Берлинѣ. Баронъ Т., страшно увлекавшійся магнетическими видѣніями и экстазами, умеръ разоренный эмиграціей. Единственное оставшееся послѣ него наслѣдство заключалось въ десяти рукописныхъ томахъ, золотообрѣзныхъ и переплетенныхъ въ красный сафьянъ. Это были весьма интересные мемуары о Месмерѣ и его сосудѣ. По чувству собственнаго достоинства баронесса Т. не напечатала этихъ мемуаровъ и жила на крошечную ренту, уцѣлѣвшую какимъ-то чудомъ. Она держалась вдали отъ двора: «тамъ слишкомъ смѣшанное общество», говорила она и жила въ бѣдномъ и благородномъ уединеніи. Нѣсколько друзей собиралось два раза въ недѣлю около ея вдовьяго комелька и, благодаря этому, въ ея домѣ открылся самый настоящій роялистскій салонъ. У баронессы пили чай и, смотря по тому, откуда дулъ вѣтеръ—со стороны элегіи или дифирамба—сокрушенно вздыхали или приходили въ ужасъ отъ нынѣшняго вѣка, отъ хартіи, отъ бонапартистовъ, отъ слишкомъ щедрыхъ пожалованій голубыхъ орденскихъ лентъ людямъ буржуазнаго происхожденія, отъ якобинства Людовика XVIII. И затѣмъ начинались тихіе разговоры о надеждахъ, которыя подавалъ братъ короля, впослѣдствіи Карлъ X.

Въ этомъ салонѣ восторгались рыночными пѣсенками, въ которыхъ Наполеона называли Николаемъ. Герцогини, самыя изящ-

ныя и прелестныя свѣтскія женщины, восхищались глупыми и неприличными куплетами по адресу «федератовъ». Тамъ забавлялась каламбурами, которые считались необыкновенно грозными, невинной игрой словъ, казавшейся язвительной, четверостишіями и даже двустишіями, сочиняемыми на министерство и на сторонниковъ умѣренной партіи.

Или же принимались за палату пэровъ, «палату отвратительно якобинскую», и на спискѣ ея членовъ комбинировали имена такъ, что выходили насмѣшливыя фразы.

Въ этомъ обществѣ парадировали революцію и старались подражать ей, но обращали гнѣвъ въ противоположную сторону. Здѣсь распѣвали свое маленькое: «Ça ira».

Ah! ça ira! ça ira! ça ira!
Les buonapartistes à la lanterne!

Пѣсня похожа на гильотину; она также равнодушно рубитъ сегодня одну голову, а завтру другую. Это только новый варіантъ.

Въ дѣлѣ Фуальдеса, которое разбиралось въ это время, въ 1816 году, роялисты держали сторону Бастида и Жозіона, потому что Фуальдесъ былъ «бонапартистъ». Либераловъ называли «братьями и друзьями», выше чего уже не могло итти оскорбленіе.

Изъ всѣхъ посѣтителей салона баронессы двое стояли на первомъ планѣ: Жильнорманъ и графъ Ламотъ-Валуа, о которомъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ шептали другъ другу: «Знаете? Это тотъ самый Ламотъ, который былъ замѣшанъ въ дѣлѣ объ ожерельѣ». Политическія партіи охотно отпускаютъ грѣхи своимъ сторонникамъ.

Добавимъ еще, что почетное положеніе среди буржуазіи страдаетъ отъ того, что отношенія завязываются слишкомъ легко. Нужно осторожнѣе сходиться съ людьми. Подобно тому, какъ мы теряемъ теплоту отъ сосѣдства съ тѣми, кому холодно, такъ теряемъ мы и уваженіе въ глазахъ другихъ отъ близости съ людьми, достойными презрѣнія. Старинный высшій свѣтъ считалъ себя выше этого, какъ и выше всѣхъ другихъ законовъ. Мариньи, братъ г-жи Помпадуръ, бывалъ на пріемахъ у принца Субиза. Несмотря? Нѣтъ, потому что Дю-Барри, крестный отецъ Вобернье, былъ желаннымъ гостемъ у маршала Ришелье. Высшій свѣтъ— тотъ же Олимпъ. Меркурій и князь Гемензэ чувствуютъ себя тамъ, какъ дома. Туда примутъ и вора, лишь бы онъ былъ богатъ.

Графъ де-Ламотъ, который въ 1815 году былъ уже семидесятипятилѣтнимъ старикомъ, не отличался ничѣмъ особеннымъ, кромѣ молчаливости, довольно наставительнаго тона, угловатой фигуры, холоднаго лица, необыкновенно учтивыхъ манеръ, наглухо застегнутаго, до самаго галстука, сюртука и длинныхъ, всегда скрещенныхъ ногъ въ обвислыхъ панталонахъ цвѣта жженой глины. Лицо его было такого же цвѣта, какъ и панталоны.

---

[1]) На фонарь всѣхъ бонапартистовъ!

Графъ Ламотъ занималъ почетное положеніе въ этомъ салонѣ по случаю своей «знаменитости» и, какъ это ни странно, потому что его звали Валуа.

Что касается Жильнормана, то то уваженіе, которымъ онъ пользовался, было, дѣйствительно, самой высокой пробы. На него смотрѣли, какъ на авторитетъ. Несмотря на все свое легкомысліе, онъ обладалъ какой-то особой манерой держать себя—величаво-благородной, въ высшей степени порядочной и буржуазно-гордой. А къ тому же оказывалъ вліяніе и его преклонный возрастъ. Не шутка прожить цѣлое столѣтіе. Годы, въ концѣ-концовъ, образуютъ вокругъ головы старца какой-то внушающій уваженіе ореолъ.

Кромѣ того, у Жильнормана бывали остроты, искрившіяся блестящимъ остроуміемъ стариннаго дворянства. Такъ, когда король прусскій, посадившій на престолъ Людовика XVIII, посѣтилъ его подъ именемъ графа фонъ-Руппина, потомокъ Людовика XIV принялъ его, какъ маркграфа бранденбургскаго, съ самой утонченной и оскорбительной надменностью. Жильнорманъ одобрилъ это: «Всѣ короли, кромѣ французскаго—провинціальные короли», сказалъ онъ.

Разъ, во время благодарственнаго молебствія по случаю годовщины реставраціи Бурбоновъ, Жильнорманъ, увидавъ проходившаго мимо Талейрана, замѣтилъ: «Вотъ его превосходительство Зло».

Жильнорманъ являлся обыкновенно въ сопровожденіи дочери, долговязой барышни, которой было въ то время сорокъ лѣтъ съ лишкомъ, а на видъ казалось пятьдесятъ, и хорошенькаго мальчика лѣтъ семи, бѣленькаго, розовенькаго, свѣженькаго, съ счастливыми довѣрчивыми глазками. И каждый разъ, какъ этотъ мальчикъ входилъ въ гостиную, со всѣхъ сторонъ раздавался шопотъ: «Какой онъ хорошенькій! Какая жалость! Бѣдный ребенокъ!»

Это былъ внукъ Жильнормана—мы уже говорили о немъ. Его называли «бѣднымъ», потому что онъ былъ сынъ «луарскаго разбойника».

А луарскій разбойникъ былъ тотъ самый зять Жильнормана, о которомъ мы тоже упоминали и котораго Жильнорманъ называлъ «своимъ семейнымъ позоромъ».

II.

Одинъ изъ кровавыхъ призраковъ того времени.

Всякій, кому случалось быть въ то время въ маленькомъ городкѣ Вернонѣ и проходить по прекрасному монументальному мосту, который, можетъ-быть, скоро замѣнятъ какимъ-нибудь ужаснымъ желѣзнымъ сооруженіемъ, навѣрное, обратилъ бы вниманіе, если бы взглянулъ внизъ, на человѣка лѣтъ пятидесяти, съ кожаной фуражкой на головѣ, въ панталонахъ и курткѣ изъ грубаго сѣраго сукна, къ которой было пришито что-то желтое, быв-

шее когда-то красной орденской ленточкой, въ деревянныхъ башмакахъ, съ загорѣвшимъ отъ солнца, почти чернымъ лицомъ, почти бѣлыми волосами и широкимъ рубцомъ, пересѣкавшимъ лобъ и щеку.

Сгорбленный, состарѣвшійся раньше времени, онъ почти каждый день ходилъ съ садовымъ ножомъ и заступомъ въ рукахъ по одному изъ огороженныхъ участковъ около моста, которые цѣпью террасъ окаймляютъ лѣвый берегъ Сены. Это прелестные уголки, полные цвѣтовъ; ихъ можно было бы назвать садами, если бы они были побольше, и букетами, будь они поменьше. Всѣ они прилегаютъ однимъ концомъ къ рѣкѣ, а другимъ—къ домамъ. Человѣкъ въ курткѣ и деревянныхъ башмакахъ жилъ около 1817 года въ самомъ скромномъ изъ этихъ домиковъ съ самымъ маленькимъ огороженнымъ кусочкомъ земли. Онъ жилъ тутъ одинъ тихо и бѣдно, съ служанкой ни старой, ни молодой, ни красивой, ни безобразной, не то крестьянкой, не то горожанкой. Маленькій четырехугольникъ, который онъ называлъ садомъ, славился въ городѣ своими чудными цвѣтами. Уходъ за ними былъ его занятіемъ. При помощи труда, настойчивости, внимательности и щедрой поливки ему удалось сдѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ творцомъ и создать нѣсколько сортовъ тюльпановъ и георгинъ, какъ бы забытыхъ природой. Онъ былъ изобрѣтателенъ и еще раньше Суланжа Бодена занялся культурой рѣдкихъ американскихъ и китайскихъ кустарниковъ. Съ ранняго утра лѣтомъ онъ ходилъ по своимъ аллеямъ, обчищалъ, подрѣзывалъ, пололъ, поливалъ, прохаживаясь среди цвѣтовъ съ добродушнымъ, печальнымъ и кроткимъ видомъ. Иногда онъ задумывался и цѣлыми часами стоялъ неподвижно, слушая пѣніе сидящей на деревѣ птички или лепетъ ребенка въ сосѣднемъ домѣ, а не то смотря на какую-нибудь былинку, на которой капля росы сверкала на солнцѣ, какъ драгоцѣнный камень.

Онъ питался плохо, пилъ больше молока, чѣмъ вина, готовъ былъ уступить каждому ребенку, а служанка нерѣдко бранила его. Робкій до того, что казался угрюмымъ, онъ выходилъ рѣдко и не видалъ никого, кромѣ нищихъ, стучавшихся къ нему въ окно, и своего приходскаго священника, добраго старика аббата Мабёфъ. Впрочемъ, если кто-нибудь изъ городскихъ жителей или пріѣзжихъ, желая полюбоваться его тюльпанами и розами, звонилъ въ его маленькій домикъ, онъ съ улыбкой отворялъ дверь. Это былъ «луарскій разбойникъ».

Всякому, кто читалъ въ свое время военные мемуары, біографіи, «Правительственный Указатель» и извѣстія изъ великой дѣйствующей арміи, навѣрное не разъ попадалось имя Жоржа Понмерси. Еще совсѣмъ юношей этотъ Жоржъ Понмерси былъ рядовымъ въ Сентонжскомъ полку. Вспыхнула революція. Сентонжскій полкъ присоединился къ рейнской арміи. Старинные полки монархіи даже и послѣ ея паденія сохранили названія провинцій и были сведены въ бригады лишь въ 1794 году. Понмерси участвовалъ въ битвахъ при Шпейерѣ, Вормсѣ, Нейштадтѣ, Туркгеймѣ и

Альцеѣ – въ отрядѣ изъ двухсотъ человѣкъ, составлявшемъ арьергардъ Гушара. Онъ былъ въ числѣ двѣнадцати храбрецовъ, которые стойко держались за старымъ Андернахскимъ крѣпостнымъ валомъ, сражаясь съ корпусомъ принца Гессенскаго, и отступили, присоединившись къ основнымъ силамъ, лишь послѣ того какъ непріятельскія пушки разворотили брустверъ отъ гребня до основанія, въ войскахъ Клебера онъ сражался при Маршьенне и у Монъ – Палиселя, гдѣ былъ раненъ въ руку картечью. Затѣмъ онъ отправляется на итальянскую границу; здѣсь мы находимъ его среди тридцати гренадеровъ, защищавшихъ подъ командоръ»! Жубера Тендское ущелье. Жуберъ былъ произведенъ за это дѣло въ генералъ-адъютанты, а Пончерси – въ подпоручики. Осыпаемый картечью въ битвѣ при Лоди, онъ стоялъ подлѣ Бертье и заслужилъ отзывъ Бонапарта: «Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ: онъ и въ артиллеріи, онъ и въ кавалеріи, онъ и въ инфантеріи». Понмерси видѣлъ, какъ съ поднятой саблей и съ крикомъ: «Впередъ!» палъ въ сраженіи при Нови его бывшій командиръ генералъ Жуберъ. Выполняя боевое порученіе, онъ со своей ротой отплылъ на легкомъ парусникѣ, шедшемъ изъ Генуи, въ одинъ изъ маленькихъ портовъ побережья, – куда именно, не помню, – и попалъ въ пренепріятное положеніе, очутившись между семью и восемью англійскими кораблями. Капитанъ, родомъ генуэзецъ, хотѣлъ сбросить пушки въ море, спрятать солдатъ въ межпалубномъ пространствѣ и проскользнуть въ темнотѣ подъ видомъ торговаго судна. Но Понмерси велѣлъ поднять на флагштокѣ національный флагъ и смѣло прошелъ подъ пушками англійскихъ фрегатовъ. Это придало ему отваги, и въ двадцати миляхъ оттуда онъ на своемъ парусникѣ рѣшился напасть на большой англійскій транспортъ съ войсками и захватилъ его. Транспортъ шелъ въ Сицилію и былъ до такой степени перегруженъ людьми и лошадьми, что сидѣлъ въ водѣ по самыя палубныя крѣпленія.

Въ 1805 году Понмерси служилъ въ дивизіи Малера, отбившей Гюнцбургъ у эрцгерцога Фердинанда. При Вельтингене подъ градомъ пуль онъ вынесъ на рукахъ смертельно раненнаго въ сраженіи полковника Мопети, командира 9-го драгунскаго полка. Онъ отличился подъ Аустерлицемъ во время прославленнаго перехода колоннъ подъ непріятельскимъ огнемъ. Когда отрядъ русскихъ конногвардейцевъ разбилъ батальонъ 4-го пѣхотнаго полка, Понмерси былъ въ числѣ добившихся реванша. Императоръ пожаловалъ его крестомъ. Понмерси былъ свидѣтелемъ плѣненія Вурмсера въ Мантуе, Меласа въ Александріи, Макка подъ Ульмомъ. Его часть входила въ 8-й корпусъ доблестной арміи Мортье, взявшей Гамбургъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ 55-й пѣхотный полкъ, преобразованный изъ прежняго Фландрского полка. Подъ Эйлау онъ находился на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ безстрашный капитанъ Луи Гюго, дядя автора этой книги, со своей ротой изъ восьмидесяти трехъ человѣкъ въ теченіе двухъ часовъ сдерживалъ натискъ непріятельской арміи. Понмерси былъ однимъ изъ трехъ ушедшихъ живыми съ этого

кладбища. Онъ принималъ участіе въ сраженіи подъ Фридландомъ. Видѣлъ Москву, Березину, Люценъ, Бауценъ, Дрезденъ, Вахау, Лейпцигъ и Гельнгаузенское ущелье; затѣмъ Монмирайль, Шато-Тьери, Краонъ, берега Марны, берега Эны и страшные лаонскіе позиціи. Подъ Арне-ле-Дюке, будучи въ чинѣ капитана, онъ зарубилъ десять казаковъ и спасъ, впрочемъ, не своего генерала, а своего капрала. Онъ вышелъ изъ этого дѣла израненнымъ: у него извлекли изъ одной только лѣвой руки двадцать семь осколковъ кости. За недѣлю до капитуляціи Парижа онъ помѣнялся мѣстомъ съ товарищемъ и перешелъ въ кавалерію. Онъ былъ человѣкомъ, какъ говорили при старомъ режимѣ, двойной сноровки, то есть умѣлъ въ качествѣ солдата одинаково хорошо управляться какъ съ саблей, такъ и съ ружьемъ, а въ качествѣ офицера – какъ съ эскадрономъ, такъ и съ батальономъ. Благодаря этому качеству, усовершенствованному выучкой, и возникли такіе особые виды войскъ, какъ, напримѣръ, драгуны, являющіеся одновременно и кавалеристами и пѣхотинцами.

Онъ послѣдовалъ за Наполеономъ на островъ Эльбу. Подъ Ватерлоо онъ командовалъ эскадрономъ кирасиръ, входившимъ въ бригаду Дюбуа. Это онъ отнялъ знамя у Люненбургского батальона. Онъ бросилъ знамя къ ногамъ императора. Онъ былъ весь залитъ кровью. Когда онъ вырывалъ знамя, его ударили саблей и разсѣкли ему лицо. Императоръ, довольный, крикнулъ ему: «Поздравляю тебя полковникомъ, барономъ и кавалеромъ ордена Почетнаго легіона!» – «Благодарю васъ, ваше величество, за мою вдову», – отвѣтилъ Понмерси. Часъ спустя онъ упалъ въ оврагъ на Оэнскую дорогу. А теперь скажите – кто же этотъ Жоржъ Понмерси? Да всё тотъ же луарскій разбойникъ.

Читатель кое-что о нёмъ знаетъ. Послѣ Ватерлоо, какъ вы помните, Понмерси вытащили изъ оврага на Оэнской дорогѣ, ему удалось присоединиться къ арміи, а затѣмъ въ лазаретномъ фургонѣ онъ добрался до луарскаго лагеря.

Въ годы Реставраціи онъ былъ переведенъ на половинный окладъ, а затѣмъ отправленъ на жительство – другими словами подъ надзоръ – въ Вернонъ. Людовикъ XVIII, сочтя всё, имѣвшее мѣсто въ теченіе Ста дней, недѣйствительнымъ, не призналъ ни его званія кавалера ордена Почетнаго легіона, ни его чина полковника, ни его баронскаго титула. А Понмерси не упускалъ случая подписаться: «Полковникъ баронъ Понмерси». Выходя изъ дому, онъ прикрѣплялъ къ своему старому синему, и къ тому же единственному, сюртуку ленточку ордена Почетнаго легіона. Королевскій прокуроръ велѣлъ предупредить его, что возбудитъ противъ него судебное преслѣдованіе за «незаконное ношеніе этого знака отличія». Выслушавъ предупрежденіе, переданное ему черезъ чиновника, Понмерси отвѣтилъ съ горькой усмѣшкой: «Не знаю, я ли пересталъ понимать по-французски, вы ли разучились говорить на французскомъ языкѣ, но я рѣшительно ничего не понялъ».

И послѣ этого онъ восемь дней подъ рядъ выходилъ съ своей орденской ленточкой.

Его не смѣли больше тревожить.

Раза два или три военный министръ и начальникъ военнаго округа писали ему, адресуя: «Господину майору Понмерси». Онъ отсылалъ письма обратно нераспечатанными. Въ это время и Наполеонъ на островѣ св. Елены поступалъ совершенно такъ же съ письмами сэра Гудзона Лау, адресованными «Генералу Бонапарту». Понмерси поступалъ совершенно такъ же, какъ и его императоръ.

Таковы были плѣнные карѳагенскіе солдаты въ Римѣ, отказывавшіеся кланяться Фламинію. Въ нихъ какъ бы перешла частичка души Ганнибала.

Какъ-то разъ Понмерси, встрѣтившись на улицѣ Вернона съ прокуроромъ, спросилъ его:

— Разрѣшается ли мнѣ носить вотъ этотъ рубецъ на лицѣ, г. королевскій прокуроръ?

У него не было ничего, кромѣ жалкой пенсіи эскадроннаго командира. Онъ нанялъ въ Вернонѣ самый маленькій домикъ, какой только могъ найти, и жилъ одинъ, мы уже знаемъ какъ. Во время Имперіи онъ между двумя войнами нашелъ время жениться на м-ль Жильнорманъ. Возмущенный въ душѣ старый буржуа со вздохомъ согласился на этотъ бракъ, сказавъ: «Самыя знатныя семьи принуждены снисходить до этого».

Въ 1815 году г-жа Понмерси, женщина во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная, образованная, рѣдкая и достойная своего мужа, умерла, оставивъ ему ребенка. Этотъ ребенокъ былъ бы радостью полковника въ его уединеніи; но дѣдъ повелительно потребовалъ своего внука къ себѣ, объявивъ, что въ случаѣ отказа лишитъ его наслѣдства. Отецъ согласился въ интересахъ сына, а такъ какъ онъ теперь уже не могъ видѣть своего мальчика, то пристрастился къ цвѣтамъ.

Онъ отказался отъ политики, не составлялъ заговоровъ, не пытался поднять возстанія; мысли его были заняты невинными предметами, которыми онъ теперь занимался, и великими событіями, въ которыхъ принималъ участіе раньше. Онъ проводилъ время, то надѣясь вырастить какую-нибудь новую гвоздику, то вспоминая Аустерлицъ.

Жильнорманъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ своимъ зятемъ. Полковникъ былъ для него «бандитомъ», а самъ онъ былъ для полковника «глупцомъ». Жильнорманъ никогда не говорилъ о Понмерси, только изрѣдка дѣлалъ ироническіе намеки на его «баронство». Между ними было условлено, что полковникъ никогда не будетъ стараться видѣться съ своимъ сыномъ или говорить съ нимъ, въ противномъ случаѣ дѣдъ выгонитъ мальчика и лишитъ наслѣдства. Для Жильнормановъ Понмерси былъ какой-то зачумленный. Они желали воспитать ребенка на свой ладъ.

Понмерси, можетъ-быть, не слѣдовало бы принимать этихъ условій, но, разъ давши свое согласіе, онъ исполнялъ ихъ, думая, что поступаетъ хорошо и приноситъ въ жертву только одного себя.

Наслѣдство старика Жильнормана было невелико, но зато наслѣдство м-ль Жильнорманъ старшей было очень значительно. Эта тетка, оставшаяся въ дѣвушкахъ, была очень богата со стороны матери, и сынъ ея сестры былъ ея прямымъ наслѣдникомъ.

Мальчикъ, котораго звали Маріусомъ, зналъ, что у него есть отецъ, но и только. Никто никогда не говорилъ ему о немъ. Но перешептыванія, намеки и переглядыванія въ томъ обществѣ, куда водилъ его дѣдъ, мало-по-малу проникли въ умъ мальчика и у него явились кое-какія догадки. А такъ какъ онъ, въ силу медленнаго проиканія и просасыванія, вполнѣ естественно воспринималъ мысли и взгляды, бывшіе, такъ сказать, средой, которою онъ дышалъ, то онъ постепенно привыкъ думать о своемъ отцѣ не иначе, какъ со стыдомъ и стѣсненнымъ сердцемъ.

Въ то время, какъ мальчикъ росъ, полковникъ разъ въ два или три мѣсяца украдкой, какъ преступникъ, опасающійся, что его схватятъ, пріѣзжалъ въ Парижъ и шелъ въ церковь св. Сульпиція къ тому часу, какъ тетушка Жильнорманъ приводила Маріуса къ обѣднѣ. Тамъ, дрожа отъ страха, что тетка вотъ-вотъ обернется, полковникъ, прячась за колонну и не смѣя дышать, смотрѣлъ на своего ребенка. Этотъ воинъ со шрамомъ на лицѣ боялся старой дѣвы.

Поѣздки полковника въ Парижъ послужили причиной его дружбы съ вернонскимъ кюрэ, аббатомъ Мабёфемъ.

Братъ этого достойнаго священника былъ церковнымъ старостой церкви св. Сульпиція и не разъ видалъ полковника, смотрѣвшаго на своего ребенка, видѣлъ рубецъ у него на щекѣ и крупныя слезы на глазахъ. Этотъ ветеранъ, такого мужественнаго вида и въ то же время плачущій, какъ женщина, поразилъ церковнаго старосту, и его лицо осталось у него въ памяти.

Разъ онъ пріѣхалъ въ Вернонъ повидаться съ братомъ и, встрѣтившись на мосту съ полковникомъ Понмерси, узналъ въ немъ незнакомца, котораго видалъ въ церкви. Онъ разсказалъ о немъ брату, и оба они подъ какимъ-то предлогомъ отправились съ визитомъ къ полковнику. За этимъ визитомъ послѣдовали другіе. Полковникъ, вначалѣ очень сдержанный, кончилъ тѣмъ, что разсказалъ все и такимъ образомъ кюрэ и староста узнали его исторію, узнали, что онъ пожертвовалъ своимъ счастьемъ для будущности ребенка. Послѣ этого кюрэ почувствовалъ глубокое уваженіе и нѣжность къ полковнику, а тотъ, съ своей стороны, полюбилъ кюрэ. Никто не сближается такъ легко, какъ старый священникъ и старый солдатъ, если оба они добрые и искренніе люди. Въ сущности это одно и то же. Одинъ посвящаетъ себя земной отчизнѣ, другой—небесной. Вотъ и вся разница.

Два раза въ годъ, перваго января и въ день св. Георгія, Маріусъ присылалъ своему отцу чисто офиціальныя письма, которыя диктовала ему тетка и которыя были, казалось, списаны съ какого-нибудь письмовника. Это все, что допускалъ Жильнорманъ. Отецъ, съ своей стороны, отвѣчалъ полными глубокой нѣжности посланіями, которыя, впрочемъ, дѣдъ, не читая, преспокойно клалъ себѣ въ карманъ.

III.

Requiescant[1]).

Въ салонѣ г-жи Т. заключался для Маріуса весь свѣтъ. Это было единственное отверстіе, черезъ которое онъ могъ видѣть жизнь. Но это отверстіе было темно и чрезъ него проникало больше холода, чѣмъ тепла, виднѣлась чаще ночь, чѣмъ день. Этотъ ребенокъ, полный радости и свѣта при вступленіи въ міръ, скоро сдѣлался печаленъ, и что еще менѣе подходило къ его возрасту, серьезенъ. Окруженный всѣми этими величественными, странными фигурами, онъ съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ себя. Все какъ бы соединилось, чтобъ усилить въ немъ это изумленіе. Въ салонѣ г-жи Т. бывали старыя, знатныя, очень почтенныя дамы, называвшіяся разными библейскими именами. Эти старыя лица и библейскія имена смѣшивались въ умѣ мальчика съ исторіей ветхаго завѣта, которую онъ училъ наизусть. Когда эти дамы собирались всѣ и сидѣли кругомъ потухающаго камина, слабо освѣщенныя лампой подъ зеленымъ абажуромъ, съ своими строгими профилями, сѣдѣющими или совсѣмъ сѣдыми волосами, въ длинныхъ платьяхъ самыхъ мрачныхъ цвѣтовъ, сшитыхъ по модѣ прошлаго вѣка, когда онѣ произносили время отъ времени торжественныя и суровыя слова, маленькій Маріусъ испуганно смотрѣлъ на нихъ, думая, что видитъ не женщинъ, а патріарховъ и волхвовъ, не живыя существа, а призраки.

Къ этимъ призракамъ примѣшивалось довольно много духовныхъ лицъ, постоянныхъ посѣтителей этого стариннаго салона, и нѣсколько знатныхъ дворянъ: маркизъ де-Сассанэ, личный секретарь г-жи ди-Барри, виконтъ де-Валори, печатавшій оды подъ псевдонимомъ Шарля-Антуана, князь Бофремонъ, человѣкъ еще довольно молодой, но уже съ просѣдью, пріѣзжавшій съ хорошенькой, остроумной женой, сильно декольтированные туалеты которой изъ алаго бархата съ золотыми витыми шнурами разгоняли мракъ салона, маркизъ Коріоли д'Эспинузъ, въ совершенствѣ изучившій тайну «учтивости въ мѣру», графъ д'Амандръ, старичокъ съ добродушнымъ подбородкомъ, и шевалье де-Поръ-де-Гюи, столпъ Луврской библіотеки, называвшейся кабинетомъ короля. Шевалье де-Поръ-де-Гюи, лысый и прежде времени состарившійся, любилъ разсказывать, какъ въ 1793 году, когда онъ былъ шестнадцатилѣтнимъ юношей, его сослали на галеры за то, что онъ не хотѣлъ дать присягу, и сковали съ восьмидесятилѣтнимъ епископомъ Мирпуа, тоже не пожелавшимъ присягать. Это было въ Тулонѣ. На ихъ обязанности лежало подбирать по ночамъ около эшафота головы и тѣла гильотированныхъ днемъ; они уносили на спинѣ эти трупы, изъ которыхъ лилась кровь, и на ихъ красныхъ арестантскихъ курткахъ образовалась сзади на воротѣ запекшаяся корочка крови, сухая утромъ и влажная вечеромъ. Такіе трагическіе разсказы изобиловали въ

[1]) Миръ ихъ праху.

салонѣ г-жи Т. и, проклиная Марата, гости ея доходили до того, что начинали восхвалять Трестальона. Нѣсколько какихъ-то допотопныхъ депутатовъ играли здѣсь въ вистъ—Тиборъ-де-Шаларъ, Лемаршанъ-де-Гомикуръ и знаменитый шутникъ парламентской правой, Корнэ Денкуръ. Бальи де-Ферретъ съ своими тощими ногами и короткими штанами заходилъ иногда сюда, отправляясь къ Талейрану Онъ былъ товарищемъ графа д'Артуа по части разныхъ удовольствій; въ противоположность Аристотелю, ползавшему передъ Кампаспой, онъ заставилъ ползать на четвереренькахъ Гимару и такимъ образомъ явилъ вѣкамъ примѣръ бальи, отомстившаго за философа.

Что касается духовныхъ лицъ, то салонъ г-жи Т. посѣщали: аббатъ Гальма, тотъ самый, которому Ларозъ, его сотрудникъ въ «Грозѣ», говорилъ: «Ба! Кому же теперь нѣтъ пятидесяти лѣтъ? Развѣ только какимъ-нибудь молокососамъ»; аббатъ Латурнеръ, придворный проповѣдникъ; аббатъ Фрейсину, который тогда еще не былъ ни графомъ, ни епископомъ, ни министромъ, ни пэромъ, и ходилъ въ старой сутанѣ, у которой не хватало пуговицъ; аббатъ Керавенанъ, кюрэ прихода Сенъ-Жерменъ де-Прэ; папскій нунцій, монсиньоръ Макки, архіепископъ низибійскій, впослѣдствіи кардиналъ, замѣчательный своимъ длиннымъ меланхолическимъ носомъ; другой монсиньоръ, по званію прелата, аббатъ Пальмьери, одинъ изъ семи протонотаріевъ святѣйшаго престола и, наконецъ, два кардинала: кардиналъ де-ла-Люзенри и кардиналъ де-Клермонъ-Тоннеръ. Первый изъ нихъ былъ писатель, и ему спустя нѣсколько лѣтъ выпала на долю честь помѣщать свои статьи въ «Консерваторѣ» рядомъ съ Шатобріаномъ. Кардиналъ Клермонъ де-Тоннеръ былъ тулузскимъ архіепископомъ и часто пріѣзжалъ въ Парижъ къ своему племяннику, маркизу де-Тоннеръ, занимавшему постъ морского и военнаго министра. Кардиналъ былъ маленькій, веселый старичокъ, показывавшій изъ-подъ подвернутой сутаны красные чулки. Его спеціальностью была ненависть къ энциклопедіи и страстная любовь къ бильярдной игрѣ. Люди, которымъ въ то время случалось проходить лѣтними вечерами мимо его отеля, останавливались и прислушивались къ стуку шаровъ и рѣзкому голосу кардинала, кричавшаго своему конклависту монсиньору Котрету, епископу in partibus критскому: «Отмѣчай, аббатъ, я дѣлаю карамболь!»

Кардинала Клермона-Тоннера ввелъ къ г-жѣ Т. его задушевный другъ, де-Роклоръ, бывшій епископъ санлисскій и одинъ изъ сорока безсмертныхъ. Де-Роклоръ отличался своимъ высокимъ ростомъ и усерднымъ посѣщеніемъ академіи. Черезъ стеклянную дверь залы, смежной съ библіотекой, гдѣ въ то время происходили засѣданія членовъ французской академіи, любопытные могли каждый четвергъ созерцать бывшаго епископа санслисскаго, напудреннаго, въ фіолетовыхъ чулкахъ, обыкновенно стоявшаго спиной къ двери, должно-быть, для того, чтобы дать возможность получше расмотрѣть его узенькій воротникъ.

Всѣ эти духовныя лица, несмотря на то, что они по большей части были не только служителями церкви, но и вполнѣ свѣт-

скими людьми, придавали салону г-жи Т. еще больше серьезности, а пять пэровъ Франціи: маркизъ де-Вирбэ, маркизъ де-Таларю, маркизъ д'Эрбувилль, виконтъ Дамбрэ и герцогъ Валентинуа, еще болѣе подчеркивали его строго аристократическій тонъ. Герцогъ Валентинуа, хоть и владѣтельный князь Монако, слѣдовательно иностранный государь, ставилъ такъ высоко Францію и пэрство, что подчинялъ имъ все. Онъ говорилъ: «Кардиналы—пэры Франціи въ Римѣ; лорды—французскіе пэры въ Англіи». Впрочемъ, въ тогдашній вѣкъ революція проникала всюду—первую роль въ этомъ феодальномъ салонѣ игралъ представитель «третьяго сословія». Въ немъ царилъ Жильнорманъ.

Тутъ была эссенція и квинтъ-эссенція высшаго парижскаго общества. Тутъ подвергались карантину громкія репутаціи, даже роялистскія. Слава — своего рода анархія. Шатобріанъ, если бы попалъ сюда, произвелъ бы впечатлѣніе отца Дюшена. Впрочемъ, нѣсколько вновь присоединившихся допускались въ этотъ ортодоксальный мірокъ. Графъ Беньо былъ взятъ въ него на исправленіе.

Теперешніе аристократическіе салоны совсѣмъ не похожи на прежніе. Современное Сенъ-Жерменское предмѣстье уже далеко не то. Нынѣшніе роялисты—демагоги, говоримъ это въ похвалу имъ.

Салонъ г-жи Т., въ которомъ собиралось самое избранное общество, отличался необыкновенно изящнымъ и высокомѣрнымъ тономъ, приправленнымъ самой изысканной учтивостью. Здѣсь невольно поддавались разнымъ утонченнымъ привычкамъ настоящаго стариннаго режима, погребеннаго, но еще живого. Нѣкоторыя изъ этихъ привычекъ, въ особенности относящіяся до манеры выражаться, казались странными. Люди поверхностные приняли бы, пожалуй, за провинціализмы лишь нѣкоторые обветшалые обороты рѣчи. Такъ, вдову или жену генерала тамъ называли «генеральшей»; въ ходу была и «полковница». Прелестная г-жа де-Леонъ, вѣроятно, въ память герцогинь Лонгвиль и де-Шеврёзъ, предпочитала это названіе титулу княгини. Маркиза де-Крэки тоже любила, чтобы ее называли «полковницей».

Этотъ маленькій аристократическій кружокъ придумалъ, какъ нѣчто особенно утонченное, во время интимнаго разговора съ королемъ называть его «король» въ третьемъ лицѣ и никогда не употреблять выраженія «ваше величество», такъ какъ оно «осквернено узурпаторомъ».

Въ этомъ салонѣ судили о событіяхъ и людяхъ. Здѣсь подсмѣивались надъ вѣкомъ, что избавляло отъ труда его понимать. Помогали другъ другу удивляться и каждый спѣшилъ подѣлиться съ сосѣдомъ тѣмъ, что понималъ самъ. Маѳусаилъ разъяснялъ дѣло Эпимениду. Глухой училъ слѣпого. Здѣсь признавали недѣйствительнымъ время, протекшее съ Кобленца. Подобно тому, какъ Людовикъ XVIII былъ, Божіей милостью, на двадцать пятомъ году своего царствованія, эмигранты были, по праву, на двадцать пятомъ году своей юности.

Все въ этомъ кружкѣ было въ полной гармоніи, ничто не заживалось здѣсь слишкомъ долго; слава была дуновеніемъ; газета, вполнѣ

подходящая къ салону, казалась папирусомъ. Въ передней ливреи приходили въ ветхость. Всѣмъ этимъ уже давно состарившимся господамъ прислуживали такіе же старые слуги. Здѣсь пахло склепомъ. Охранять, охраненіе, охранитель—вотъ и весь ихъ словарь. Это былъ міръ мумій. Господа были набальзамированы, слуги набиты соломой.

Почтенная старая маркиза, разорившаяся эмигрантка, державшая только одну служанку, все еще продолжала говорить: «Мои слуги».

Что же дѣлали въ салонѣ г-жи Т.? Тамъ всѣ были «ультра»-крайніе роялисты.

Хотя понятіе, связанное со словомъ «ультра», можетъ-быть, существуетъ и до сихъ поръ, самое слово потеряло въ настоящее время всякій смыслъ. Объяснимъ его.

Быть «ультра» значитъ переходить всѣ границы. Это значитъ нападать на скипетръ во имя престола, на митру во имя алтаря, обвинять костеръ за то, что онъ мало поджариваетъ еретиковъ; упрекать идола за то, что въ немъ мало идольскаго; оскорблять отъ избытка уваженія; находить недостаточно папизма у папы, роялизма у короля, мрака у ночи, быть недовольнымъ алебастромъ, снѣгомъ, лебедемъ и лиліей въ смыслѣ бѣлизны; быть горячимъ сторонникомъ чего-нибудь до превращенія его во врага, такъ упорно стоять «за», что получается «противъ».

Духъ «ультра» особенно характеренъ для перваго фазиса реставраціи.

Въ исторіи нѣтъ ничего похожаго на этотъ періодъ, начавшійся въ 1814 году и закончившійся около 1820 года, съ присоединеніемъ къ правой практичнаго де-Виллеля. Эти шесть лѣтъ представляютъ изъ себя замѣчательный историческій моментъ, въ одно и то же время блестящій и тусклый, веселый и мрачный, освѣщенный какъ бы загорающейся зарею и одновременно окутанный мракомъ великихъ катастрофъ, которыя еще заволакивали горизонтъ и медленно погружались въ прошлое. И тамъ, среди этого свѣта и мрака, существовалъ маленькій мірокъ, новый и старый, шутовской и грустный, юный и древній, протиравшій себѣ глаза. Ничто такъ не похоже на пробужденіе, какъ возвращеніе къ старому.

Эта группа смотрѣла на Францію съ досадой, а та, съ своей стороны, отвѣчала ей ироническимъ взглядомъ. Всюду на улицахъ попадались въ то время старыя совы—маркизы, вернувшіеся назадъ, точно выходцы съ того свѣта, разные бывшіе аристократы, удивлявшіеся всему, честные и достойные люди, которые радовались, что вернулись во Францію и въ то же время грустили; были въ восторгѣ, что видятъ свою родину, и въ отчаяніи, что не находятъ своей монархіи. Дворянство крестовыхъ походовъ, то-есть дворянство историческое, относилось съ презрѣніемъ къ дворянству имперіи, т.-е. къ дворянству военному; историческія расы перестали понимать смыслъ исторіи; потомки сподвижниковъ Карла Великаго презирали сподвижниковъ Наполеона. Мечи, какъ мы

уже говорили, оскорбляли другъ друга: мечъ Фонтенуа казался смѣшнымъ и ржавымъ; мечъ Маренго возбуждалъ ужасъ. «Прошлое» не признавало «вчерашняго». Чувство великаго было утрачено, какъ и чувство смѣшного. Кто-то назвалъ Бонапарта Скапеномъ.

Теперь этого міра уже нѣтъ. Ничего, повторяемъ еще разъ, не осталось отъ него въ настоящее время. Когда мы выхватываемъ изъ него наудачу какую-нибудь фигуру и стараемся оживить ее въ воображеніи, она кажется намъ странной, какъ бы принадлежащей къ допотопному міру. Да и на самомъ дѣлѣ этотъ міръ былъ поглощенъ потопомъ. Онъ исчезъ подъ двумя революціями. Какія могучія волны — идеи! Какъ быстро покрываютъ онѣ все, что имъ предназначено истребить и похоронить, и какъ скоро вырываютъ онѣ пропасти страшной глубины!

Такова была физіономія салоновъ той старинной и простодушной эпохи, когда Мартенвиль считался умнѣе Вольтера. У этихъ салоновъ была своя политика и своя литература. Они вѣрили въ Фьевэ. Ажье предписывалъ имъ законы. Тамъ коментировали Кольнэ, публициста-букиниста съ набережной Малакэ. Наполеонъ считался тамъ настоящимъ корсиканскимъ чудовищемъ. Позднѣе, чтобы сдѣлать уступку духу времени, въ исторію былъ введенъ маркизъ де-Буонапарте, генералъ-лейтенантъ королевской арміи.

Чистота этихъ салоновъ была недолговѣчна. Съ 1818 года тамъ начали появляться доктринеры — признакъ опасный. Особенность доктринеровъ состояла въ томъ, что они были роялистами и извинялись въ этомъ. Тамъ, гдѣ ультро-роялисты чувствовали гордость, доктринеры испытывали нѣкоторый стыдъ. Они были умны и умѣли молчать; ихъ политическій догматъ былъ въ надлежащей степени приправленъ спесью; ихъ успѣхъ былъ обезпеченъ. Они черезчуръ злоупотребляли — и, кстати сказать, не безъ пользы — бѣлыми галстуками и застегнутыми доверху сюртуками. Ошибка или несчастье партіи доктринеровъ заключалась въ томъ, что они создали старую юность. Они принимали позы мудрецовъ, мечтали привить къ абсолютному принципу ограниченную власть. Они противополагали—и нерѣдко весьма остроумно—либерализму разрушающему либерализмъ охранительный. «Пощадите роялизмъ,— говорили они.—Онъ оказалъ не одну услугу. Онъ возстановилъ традиціи, культъ, религію, уваженіе. Въ немъ много вѣрности, храбрости, рыцарства, любви и преданности. Онъ примѣшалъ, хоть и противъ воли, къ новому величію націи вѣковое величіе монархіи. Его ошибка въ томъ, что онъ не понимаетъ революціи, имперіи, славы, свободы, новыхъ идей, новыхъ поколѣній, теперешняго вѣка. Но если онъ виноватъ въ этомъ передъ нами, то не бываемъ ли и мы иногда виноваты передъ нимъ? Революція, которую мы наслѣдовали, должна понимать все. Нападать на роялизмъ, значитъ грѣшить противъ либерализма. Какая ошибка! И какое ослѣпленіе! Франція революціонная оказываетъ неуваженіе Франціи исторической, т.-е. своей матери, иначе сказать, са-

мой себѣ. Послѣ пятаго сентября съ дворянствомъ королевства обращаются совершенно такъ же, какъ обращались послѣ восьмого іюля съ дворянствомъ имперіи. Они были несправедливы къ орлу, мы несправедливы къ лиліи. Неужели же нужно всегда что-нибудь преслѣдовать? Счищать позолоту съ короны Людовика XIV, выскабливать гербъ Генриха IV—развѣ въ этомъ есть хоть какая-нибудь польза? Мы смѣемся надъ Вобланкомъ, стиравшимъ буквы «Н» съ Іенскаго моста. А что онъ дѣлалъ? Да то же самое, что и мы. Бувинъ принадлежитъ намъ, такъ же, какъ и Маренго. Лиліи наши, какъ и буквы «Н». Это наше родовое наслѣдіе. Къ чему же его уменьшать? Не слѣдуетъ отрекаться отъ своего отечества не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ. Почему не признавать всей исторіи? Почему не любить всей Франціи?»

Вотъ какъ доктринеры критиковали и защищали роялизмъ, который былъ недоволенъ, что его критикуютъ, и приходилъ въ ярость, что ему оказываютъ покровительство.

Ультра-роялисты ознаменовали первый періодъ роялизма; доктринеры охарактеризовали второй. За горячимъ порывомъ послѣдовали умѣнье и ловкость.

На этомъ мы и закончимъ нашъ очеркъ.

Въ постепенномъ ходѣ этого романа автору попался на пути интересный моментъ современной исторіи; онъ долженъ былъ мимоходомъ бросить на него взглядъ и изобразить нѣкоторыя странныя черты теперь уже забытаго общества. Но онъ недолго останавливался на этомъ и безъ всякой горечи или насмѣшки. Дорогія и священныя воспоминанія, такъ какъ они касаются его матери, привязываютъ его къ этому прошлому. Кромѣ того, нужно сознаться, что въ этомъ маленькомъ мірке было своего рода величіе. Можно улыбнуться, вспоминая о немъ, но нельзя его ни презирать ни ненавидѣть. Это та же Франція, но Франція прошлаго.

Маріусъ Понмерси учился такъ же, какъ и всѣ дѣти. Когда онъ вышелъ изъ рукъ тетушки Жильнорманъ, дѣдъ поручилъ его достойному ментору самой чистой классической невинности. Такимъ образомъ юная, только что открывавшаяся душа перешла отъ чопорной дѣвы къ педанту. Маріусъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ коллежѣ, а потомъ поступилъ въ школу правовѣдѣнія. Онъ былъ роялистъ, фанатикъ и аскетъ. Къ своему дѣду онъ не чувствовалъ большой привязанности: веселость и цинизмъ старика его шокировали; относительно отца онъ былъ мраченъ и сдержанъ.

Въ общемъ Маріусъ былъ юноша пылкій и въ то же время холодный, благородный, великодушный, гордый, религіозный, экзальтированный, честный до суровости, чистый до дикости.

IV.

Смерть разбойника.

Маріусъ закончилъ свое ученье какъ разъ въ то самое время, какъ Жильнорманъ отказался отъ общества. Старикъ распростился съ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ и салономъ г-жи Т. и пере-

брался въ Марэ, въ свой домъ на улицѣ Филь-ди-Кальверъ. Кромѣ портье, у него было двѣ прислуги: кухарка Николетта, поступившая послѣ Маньонъ, и замученный одышкою толстякъ Баскъ, о которомъ мы уже упоминали выше.

Въ 1827 году Маріусу исполнилось семнадцать лѣтъ. Разъ, вернувшись вечеромъ домой, онъ увидалъ, что его дѣдъ держитъ въ рукѣ какое-то письмо.

— Маріусъ, — сказалъ старикъ, — тебѣ нужно завтра ѣхать въ Вернонъ.

— Зачѣмъ? — спросилъ Маріусъ.

— Чтобы повидаться съ отцомъ.

Маріусъ вздрогнулъ. Ему никогда не приходило въ голову, что наступитъ день, когда ему придется видѣться съ отцомъ. Ничто не могло бы такъ поразить его, показаться ему такимъ неожиданнымъ и, нужно добавить, такимъ непріятнымъ. Онъ былъ такъ далекъ отъ отца, что невольно уклонялся отъ сближенія. Онъ чувствовалъ не досаду, а стѣсненіе.

Не только политическіе взгляды полковника были антипатичны Маріусу; онъ, кромѣ того, былъ убѣжденъ, что отецъ, этотъ «рубака», какъ называлъ его въ хорошія минуты Жильнорманъ, не любитъ его. Да, это очевидно—иначе онъ не бросилъ бы своего сына, не отдалъ бы его дѣду. Вполнѣ увѣренный, что его не любятъ, онъ не любилъ и самъ. «Какъ же иначе?» думалъ онъ.

Маріусъ былъ такъ пораженъ, что не сталъ разспрашивать Жильнормана.

— Онъ, повидимому, боленъ и зоветъ тебя,—продолжалъ старикъ и прибавилъ послѣ небольшой паузы: — Поѣзжай завтра утромъ. Кажется, дилижансъ отходитъ со двора Фонтенъ въ шесть часовъ утра и пріѣзжаетъ въ Вернонъ вечеромъ. Отправляйся съ нимъ. Отецъ пишетъ, что нельзя терять времени.

Старикъ смялъ письмо и сунулъ его въ карманъ

Маріусъ могъ бы уѣхать въ тотъ же вечеръ и быть у отца на другой день утромъ. Дилижансъ съ улицы Булуа ѣздилъ въ то время въ Руанъ ночью и проѣзжалъ черезъ Вернонъ. Но ни Жильнорману, ни Маріусу не пришло въ голову навести справки.

На другой день Маріусъ уже въ сумеркахъ пріѣхалъ въ Вернонъ. Въ городѣ начали зажигаться огни. Обратившись къ первому встрѣтившемуся прохожему, онъ спросилъ у него, гдѣ живетъ г. Понмерси. Въ душѣ Маріусъ придерживался взгляда реставраціи и не признавалъ своего отца ни полковникомъ, ни барономъ.

Ему указали домъ. Онъ позвонилъ. Какая-то женщина съ лампой въ рукѣ отворила ему дверь.

— Г. Понмерси? — спросилъ Маріусъ.

Женщина не отвѣчала.

— Онъ здѣсь живетъ? — снова спросилъ Маріусъ.

Женщина кивнула головой.

— Могу я говорить съ нимъ?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Но я его сынъ,—настаивалъ Маріусъ.—Онъ меня ждетъ.

— Онъ уже васъ не ждетъ, — сказала женщина.

Тутъ только замѣтилъ Маріусъ, что она плачетъ.

Она показала ему на дверь низкой залы. Онъ вошелъ.

Въ этой залѣ, освѣщенной одной сальной свѣчой, стоявшей на каминѣ, было трое мужчинъ. Одинъ стоялъ, другой былъ на колѣняхъ, третій въ одной рубашкѣ лежалъ во весь ростъ на полу. Этотъ лежавшій на полу человѣкъ былъ полковникъ. Двое другихъ были докторъ и молившійся на колѣняхъ священникъ.

Три дня тому назадъ полковникъ заболѣлъ воспаленіемъ мозга. Въ самомъ началѣ болѣзни онъ, какъ бы предчувствуя свою смерть, написалъ Жильнорману, прося прислать къ нему сына. Болѣзнь усилилась. Въ тотъ самый день, какъ Маріусъ пріѣхалъ въ Вернонъ, съ полковникомъ былъ припадокъ бреда. Несмотря на усиліе служанки удержать его онъ, вскочилъ съ постели, крича: «Мой сынъ не ѣдетъ! Я самъ поѣду къ нему!» Потомъ онъ бросился изъ своей комнаты и упалъ на полъ въ передней. Онъ умеръ.

Позвали доктора и священника. Докторъ пришелъ слишкомъ поздно, священникъ пришелъ слишкомъ поздно. И сынъ пріѣхалъ слишкомъ поздно.

При тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи на блѣдной щекѣ лежащаго полковника видна была крупная слеза, выкатившаяся изъ его мертваго глаза. Глазъ потухъ, но слеза не высохла. Эту слезу вызвало напрасное ожиданіе сына.

Маріусъ смотрѣлъ на умершаго, котораго видѣлъ въ первый и послѣдній разъ, смотрѣлъ на это почтенное, мужественное лицо, на эти открытые, но ничего не видящіе глаза, на эти сѣдые волосы, на могучіе члены, на которыхъ мѣстами виднѣлись темныя полосы—слѣды сабельныхъ ударовъ и какія-то красноватыя звѣздочки — зажившія раны отъ пуль. Онъ смотрѣлъ на страшный шрамъ, наложившій печать героизма на это лицо, на которое Богъ наложилъ печать доброты.

Онъ подумалъ, что этотъ человѣкъ—его отецъ и что онъ умеръ, и остался холоденъ. Ему было только немного грустно, но эта грусть была совершенно такая же, какую онъ почувствовалъ бы при видѣ всякаго другого умершаго человѣка.

А между тѣмъ посторонніе, бывшіе въ этой комнатѣ, очевидно, испытывали горе, глубокое горе. Служанка плакала въ уголкѣ, молитва священника прерывалась рыданіями, докторъ вытиралъ глаза, даже самый трупъ плакалъ. Этотъ докторъ, этотъ священникъ и эта служанка, несмотря на свое горе, изрѣдка молча взглядывали на Маріуса. Не они, а онъ былъ здѣсь чужой. Маріусъ, котораго такъ мало тронула смерть отца, чувствовалъ нѣкоторый стыдъ и смущеніе отъ своего неловкаго положенія. У него въ рукѣ была шляпа. Онъ нарочно уронилъ ее на полъ, чтобы подумали, что горе лишило его силъ. Въ то же время онъ чувствовалъ какъ бы угрызеніе совѣсти и презрѣніе къ себѣ за такой поступокъ. Но развѣ это его вина? Онъ просто не любилъ отца.

Послѣ полковника не осталось никакого имущества. Денегъ, вырученныхъ отъ продажи мебели и домашней утвари, едва хва-

тило на похороны. Служанка нашла клочокъ исписанной бумаги и отдала его Маріусу.

На немъ рукой полковника было написано:

«*Моему сыну*. Императоръ сдѣлалъ меня барономъ на полѣ битвы при Ватерлоо. Такъ какъ реставрація не признаетъ моего титула, за который я заплатилъ кровью, то сынъ мой приметъ его и будетъ носить. Само собою разумѣется, что онъ будетъ его достоинъ».

На оборотѣ полковникъ прибавилъ:

«Во время этого самаго сраженія при Ватерлоо одинъ сержантъ спасъ мнѣ жизнь. Его звали Тенардье. Онъ въ послѣднее время держалъ, какъ кажется, маленькій трактиръ въ окрестностяхъ Парижа, въ Шеллѣ или Монфермейлѣ. Если сынъ мой встрѣтится съ Тенардье, онъ сдѣлаетъ ему столько добра, сколько будетъ въ силахъ».

Не изъ уваженія къ памяти отца, а просто вслѣдствіе смутнаго почтенія къ смерти, которое такъ могущественно въ душѣ человѣка, Маріусъ взялъ эту бумагу и спряталъ ее.

Ничего не осталось послѣ полковника. Жильнорманъ велѣлъ продать старьевщику его шпагу и мундиръ. Сосѣди разграбили его садъ и обобрали рѣдкіе цвѣты. А остальныя растенія заглохли и умерли.

Маріусъ пробылъ въ Вернонѣ только двое сутокъ. Послѣ похоронъ онъ вернулся въ Парижъ и принялся за свою юриспруденцію, совсѣмъ не думая объ отцѣ, какъ будто тотъ никогда и не жилъ на свѣтѣ. Черезъ два дня полковникъ былъ похороненъ, черезъ три — забытъ.

У Маріуса появился на шляпѣ крепъ. Вотъ и все.

V.

Можно сходить къ обѣднѣ и сдѣлаться черезъ это революціонеромъ.

Маріусъ хранилъ религіозныя привычки дѣтства. Какъ-то разъ, въ воскресеніе, онъ отправился къ обѣднѣ въ церковь св. Сюльпиція, въ тотъ самый придѣлъ Пресвятой Дѣвы, куда его водила тетка, когда онъ былъ ребенкомъ. Въ этотъ день онъ былъ какъ-то больше обыкновеннаго задумчивъ и разсѣянъ. Подойдя къ стоявшему за колонной креслу, обитому утрехтскимъ бархатомъ и съ надписью на спинкѣ: «Господинъ Мабёфъ, церковный староста», Маріусъ машинально на него опустился. Когда началась служба, какой-то старикъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Извините, это мое мѣсто.

Маріусъ торопливо всталъ и уступилъ кресло старику.

По окончаніи обѣдни Маріусъ продолжалъ стоять задумавшись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старика.

Тотъ снова подошелъ къ нему.

— Прошу васъ меня извинить, — сказалъ онъ, — нѣсколько времени тому назадъ я потревожилъ васъ, а теперь опять без-

покою. Но вы, навѣрное, сочли меня очень неделикатнымъ, и я долженъ объясниться съ вами.

— Это совершенно лишнее, — отвѣтилъ Маріусъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ старикъ. — Я не хочу, чтобы вы дурно думали обо мнѣ. Дѣло въ томъ, что я очень дорожу этимъ мѣстомъ. Мнѣ съ него и служба кажется лучше. Почему? Я сейчасъ объясню вамъ. На этомъ самомъ мѣстѣ видалъ я въ теченіе десяти лѣтъ аккуратно приходившаго сюда черезъ каждые два-три мѣсяца несчастнаго, любящаго отца, который, по семейнымъ обстоятельствамъ, только здѣсь имѣлъ возможность видѣть своего ребенка. Онъ приходилъ къ тому часу, когда, какъ онъ зналъ, его сына приводили къ обѣднѣ. Можетъ-быть, тотъ даже не зналъ, что у него есть отецъ, бѣдняжка! А отецъ прятался за колонну, чтобы его не увидали. Онъ смотрѣлъ на ребенка и плакалъ. Этотъ человѣкъ обожалъ своего мальчика — я видѣлъ это. Вотъ почему это мѣсто стало для меня священнымъ, и я привыкъ занимать его во время службы. Тутъ я чувствую себя лучше, чѣмъ на приходской скамьѣ, на которой я могъ бы сидѣть, какъ церковный староста. Я даже немножко зналъ этого несчастнаго человѣка. У него былъ тесть, богатая свояченица, какіе-то родные, грозившіе лишить ребенка наслѣдства, если отецъ хоть разъ увидится съ нимъ. И онъ пожертвовалъ собою, чтобы его сынъ былъ впослѣдствіи богатъ и счастливъ. Его разлучили съ ребенкомъ изъ-за политическихъ взглядовъ. Я, конечно, одобряю политическіе взгляды, но есть люди, не знающіе мѣры ни въ чемъ. Господи, помилуй! Нельзя же считать человѣка чудовищемъ только изъ-за того, что онъ бился при Ватерлоо. Нельзя же изъ-за этого разлучить отца съ сыномъ. Онъ былъ полковникомъ Бонапарта и теперь, кажется, ужъ умеръ. Жилъ онъ въ Вернонѣ, гдѣ живетъ мой братъ, кюрэ, и звали его какъ-то въ родѣ Понмари или Монперси. Лицо его было прорѣзано глубокимъ шрамомъ отъ сабельнаго удара.

— Понмерси? — спросилъ Маріусъ, блѣднѣя.

— Совершенно вѣрно — Понмерси. Развѣ вы знали его?

— Это мой отецъ.

— А! Такъ это вы тотъ мальчикъ! — воскликнулъ старикъ, всплеснувъ руками. — Да, да, теперь ребенокъ уже долженъ былъ превратиться въ мужчину. Ну, бѣдное дитя мое, вы можете сказать, что вашъ отецъ горячо любилъ васъ.

Маріусъ подалъ старику руку и проводилъ его до самаго дома.

На другой день утромъ онъ сказалъ Жильнорману:

— У насъ устраивается поѣздка на охоту съ нѣсколькими товарищами. Позволите вы мнѣ уѣхать на три дня?

— Хоть на четыре, — отвѣчалъ дѣдъ. — Поѣзжай, повеселись.

И, подмигнувъ дочери, онъ шепнулъ ей:

— Навѣрно, какая-нибудь интрижка!

VI.

Что можетъ выйти изъ встрѣчи съ церковнымъ старостой.

Читатель узнàетъ впослѣдствіи, куда ѣздилъ Маріусъ.

Онъ пропадалъ три дня; вернувшись въ Парижъ, онъ отправился прежде всего въ библіотеку школы правовѣдѣнія и спросилъ старыя нумера «Правительственнаго Указателя». Онъ прочиталъ ихъ, прочиталъ все, относящееся до республики и имперіи, мемуары Наполеона на островѣ св. Елены, извѣстія съ театра войны, прокламаціи, дневники. Цѣлую недѣлю ходилъ онъ, какъ въ лихорадкѣ, послѣ того какъ встрѣтилъ первый разъ имя отца въ сообщеніяхъ изъ великой арміи. Онъ посѣтилъ генераловъ, подъ начальствомъ которыхъ служилъ его отецъ, между прочимъ, графа Г. Церковный староста Мабёфъ, у котораго онъ тоже побывалъ, разсказалъ ему объ отставкѣ полковника, объ его жизни въ Вернонѣ, объ его цвѣтахъ и одиночествѣ. И Маріусъ узналъ вполнѣ этого рѣдкаго человѣка, великаго и кроткаго, этого львагненка, который былъ его отцомъ.

Занятый этимъ изученіемъ, которое отнимало у него все время и поглощало всѣ его мысли, Маріусъ теперь рѣдко видалъ дѣда и тетку. Онъ появлялся въ часы завтрака и обѣда, а потомъ исчезалъ. Его искали и не находили. Тетка ворчала; дѣдъ подсмѣивался.

— Ба! Наступила пора дѣвчонокъ!—говорилъ онъ и иногда прибавлялъ:—Чортъ возьми, я, кажется, ошибся. Это, повидимому, уже не интрижка, а страсть.

И это была, на самомъ дѣлѣ, страсть. Маріусъ начиналъ боготворить своего отца.

Въ то же время изумительный переворотъ совершался въ его взглядахъ. Фазы этого переворота были многочисленны и постепенно слѣдовали одна за другой. Такъ какъ то же самое переживаютъ многіе умы и въ наше время, то мы считаемъ полезнымъ прослѣдить шагъ за шагомъ за этими фазами и обозначить ихъ.

Страница исторіи, прочитанная Маріусомъ, смутила его.

Первымъ впечатлѣніемъ было ослѣпленіе.

Республика, имперія были для него до сихъ поръ только чудовищными словами. Республика—гильотиной въ сумеркахъ; имперія—мечомъ во мракѣ ночи. Онъ заглянулъ туда, и тамъ, гдѣ не ожидалъ увидать ничего, кромѣ хаоса и мрака, съ необыкновеннымъ изумленіемъ, къ которому примѣшивались страхъ и радость, увидалъ сверкающія звѣзды Мирабо, Сенъ-Жюста, Робеспьера, Камилла Дюмулена, Дантона и восходящее солнце Наполеона. Онъ не понималъ, что съ нимъ происходитъ. Онъ отступалъ, ослѣпленный блескомъ. Мало-по-малу, когда прошло первое изумленіе, онъ привыкъ къ сіянію, сталъ разсматривать событія безъ головокруженія, людей безъ ужаса. Революція и имперія обрисовались въ лучезарной перспективѣ передъ его мысленнымъ взоромъ. Обѣ эти группы событій и людей резюмировались въ его глазахъ въ двухъ

величайшихъ фактахъ: республика—въ верховности гражданскихъ правъ, возвращенныхъ массамъ, имперія — въ верховенствѣ французской идеи, предписанной Европѣ. Онъ увидалъ выступившій изъ революціи великій образъ народа, изъ имперіи—великій образъ Франціи. И въ глубинѣ души онъ нашелъ все это прекраснымъ.

Мы не считаемъ нужнымъ указывать здѣсь на пропуски, которые сдѣлалъ Маріусъ въ своемъ ослѣпленіи при этой первой, слишкомъ синтетической оцѣнкѣ. Мы описываемъ лишь ходъ его мысли.

Маріусъ увидалъ, что до этой минуты онъ не понималъ ни своей родины ни своего отца. Онъ не зналъ ни того ни другого, глаза его окутывалъ какой-то добровольный мракъ. Теперь онъ видѣлъ. Съ одной стороны онъ восхищался, съ другой—боготворилъ.

Его мучили сожалѣнія и угрызенія и онъ съ отчаяніемъ говорилъ себѣ, что о всемъ, чѣмъ теперь полна душа его, онъ можетъ сказать только могилѣ. Ахъ, если бы его отецъ не умеръ, если бы онъ еще былъ у него, если бы Богъ въ Своемъ милосердіи и состраданіи позволилъ, чтобы отецъ его жилъ,—какъ бы онъ побѣжалъ, какъ бы бросился онъ къ нему, какъ бы закричалъ своему отцу: «Отецъ, я пришелъ къ тебѣ! Это я! У меня одно сердце съ тобой! Я твой сынъ!» Какъ бы онъ обнялъ его сѣдую голову, облилъ бы слезами его волосы, смотрѣлъ бы на его шрамъ, жалъ бы ему руки, боготворилъ бы даже его одежду, цѣловалъ бы его ноги! О зачѣмъ отецъ его умеръ такъ рано, умеръ преждевременно, не дождавшись справедливости, не дождавшись любви своего сына! Маріусъ постоянно чувствовалъ какъ бы рыданіе у себя въ сердцѣ. Въ то же время онъ становился—теперь уже гораздо сознательнѣе, еще серьезнѣе, суровѣе и увѣреннѣе въ своихъ убѣжденіяхъ и мысляхъ. Съ каждой минутой свѣтъ истины озарялъ его разумъ. Онъ чувствовалъ, что растетъ нравственно, благодаря своему отцу и родинѣ—благодаря тому, чего до сихъ поръ еще не зналъ.

Теперь у него былъ какъ будто ключъ, отпиравшій все. Онъ уяснилъ себѣ то, что ненавидѣлъ, проникъ въ то, къ чему относился съ презрѣніемъ. Теперь онъ видѣлъ ясно роковой, божественный и человѣческій смыслъ тѣхъ великихъ событій, которыя его пріучили ненавидѣть, и тѣхъ великихъ людей, которыхъ его научили проклинать. И когда онъ думалъ о своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, только еще вчерашнихъ, но казавшихся ему такими давнишними, онъ и негодовалъ и улыбался.

Оправдавъ своего отца, онъ естественно перешелъ къ реабилитаціи Наполеона.

Однако это послѣднее обошлось ему не безъ труда.

Съ самаго дѣтства онъ проникся тѣми взглядами на Наполеона, которыхъ придерживалась партія 1814 года. А всѣ предубѣжденія реставраціи, всѣ ея интересы, всѣ ея инстинкты клонились къ тому, чтобы представить Наполеона въ самомъ ужасномъ видѣ. Она ненавидѣла его еще больше, чѣмъ Робеспьера, и очень ловко воспользовалась утомленіемъ націи и ненавистью матерей.

Бонапартъ превратился въ какое-то баснословное чудовище. Чтобы сильнѣе поразить имъ ребяческое воображеніе народа, партія 1814 года показывала его подъ самыми страшными масками, начиная съ ужасныхъ, величественныхъ и кончая ужасными и грубо-комичными, отъ Тиверія до кикиморы. Такимъ образомъ, говоря о Бонапартѣ, всякій могъ, по своему усмотрѣнію, или рыдать, или хохотать до упаду, лишь бы въ томъ и другомъ случаѣ основаніемъ была ненависть. Такихъ взглядовъ придерживался и Маріусъ относительно «этого человѣка», какъ его называли. И онъ придерживался ихъ съ упорствомъ, свойственнымъ его натурѣ. Въ немъ сидѣлъ маленькій человѣчекъ, ненавидѣвшій Наполеона.

По мѣрѣ того, какъ Маріусъ читалъ исторію, а въ особенности изучалъ ее по документамъ и матеріаламъ, завѣса, скрывавшая отъ него Наполеона, мало-по-малу разорвалась. Передъ нимъ мелькнулъ какой-то исполинскій образъ, и у него явилось подозрѣніе, что онъ до сихъ поръ ошибался въ Наполеонѣ, какъ и во всемъ остальномъ. Съ каждымъ днемъ взглядъ его прояснялся. И медленно, шагъ за шагомъ, сначала чуть не съ сожалѣніемъ, потомъ съ восторгомъ, повинуясь неодолимому очарованію, онъ началъ всходить сперва по темнымъ, затѣмъ по слабо освѣщеннымъ и, наконецъ, по сверкающимъ ступенямъ энтузіазма.

Разъ ночью онъ былъ одинъ въ своей маленькой комнаткѣ подъ крышей. Онъ читалъ при зажженной свѣчѣ, облокотившись на столъ, около открытаго окна. Разныя грезы прилетали къ нему извнѣ и примѣшивались къ его мыслямъ. Что за чудное зрѣлище—ночь! Слышатся какіе-то смутные, неизвѣстно откуда идущіе звуки, Юпитеръ, въ двѣнадцать разъ превосходящій землю, горитъ, какъ пылающій уголь, лазурь темна, звѣзды сверкаютъ—какая грозная картина!

Маріусъ читалъ бюллетени великой арміи, эти героическія строфы, написанныя на полѣ битвы. Онъ встрѣчалъ тамъ имя отца иногда, имя императора — всегда. И вся великая имперія предстала передъ нимъ. Онъ чувствовалъ, что въ немъ какъ будто поднимается приливъ. Минутами ему казалось, что отецъ проносится около него, какъ дуновеніе, шепчетъ ему на ухо. Съ нимъ происходило что-то странное: ему слышался барабанный бой, громъ пушекъ, звуки трубъ, мѣрный шагъ батальоновъ, глухой, отдаленный галопъ конницы. Время отъ времени онъ поднималъ глаза къ небу и смотрѣлъ на сверкающія въ бездонной глубинѣ громадныя свѣтила, потомъ опускалъ ихъ на книгу и видѣлъ, какъ смутно движутся тоже исполинскіе образы. Сердце его сжималось. Онъ былъ въ изступленіи, онъ дрожалъ и задыхался. Вдругъ, не сознавая, что съ нимъ и чему онъ повинуется, Маріусъ всталъ, протянулъ руки изъ окна, устремилъ глаза во мракъ, въ безмолвіе, въ темную безконечность, въ вѣчную безпредѣльность и воскликнулъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Съ этой минуты все было кончено: корсиканское чудовище, узурпаторъ, тиранъ, комедіантъ, бравшій уроки у Тальмы, яффскій

отравитель, тигръ Буонапарте — все это исчезло и смѣнилось въ его умѣ ослѣпительнымъ сіяніемъ, въ которомъ на недостижимой высотѣ сверкалъ блѣдный мраморный призракъ Цезаря. Для отца Маріуса императоръ былъ только любимымъ полководцемъ, которымъ восхищаются и которому предаются всей душой; для самого Маріуса Наполеонъ былъ нѣчто бо̀льшее. Онъ былъ предназначеннымъ судьбою строителемъ французскаго народа, къ которому перешло послѣ римлянъ владычество надъ міромъ. Онъ былъ преемникомъ и продолжателемъ Карла Великаго, Людовика XI, Ришелье, Людовика XIV и комитета общественной безопасности. Конечно, и у него были свои недостатки, свои ошибки и даже свое преступленіе — иначе сказать, онъ былъ человѣкъ. Но онъ былъ великъ въ своихъ ошибкахъ, блестящъ въ своихъ недостаткахъ, могучъ въ своемъ преступленіи. Онъ былъ избранникъ судьбы, заставившей сказать всѣ народы: «великая нація». Но этого еще мало. Онъ былъ олицетвореніемъ самой Франціи, онъ покорилъ Европу шпагой, а весь міръ — исходящимъ отъ него свѣтомъ. Для Маріуса Бонапартъ былъ сверкающимъ призракомъ, который будетъ всегда стоять на границѣ и охранять будущее. Деспотъ, но диктаторъ, деспотъ, вышедшій изъ республики и повлекшій за собой революцію, Наполеонъ сталъ въ глазахъ Маріуса народочеловѣкомъ, подобно тому, какъ Іисусъ былъ Богочеловѣкомъ.

Его, какъ это всегда бываетъ съ новообращенными въ какую-нибудь религію, опьяняло его обращеніе, онъ жадно стремился къ присоединенію и заходилъ слишкомъ далеко. Такова была его натура. Разъ попавъ на наклонную плоскость, онъ уже не могъ остановиться. Фанатизмъ къ мечу овладѣлъ имъ и усложнилъ въ его умѣ энтузіазмъ къ идеѣ. Онъ не замѣчалъ, что восхищается не только геніемъ, но и силой, т.-е. поклоняется съ одной стороны божественному, съ другой — звѣрскому. Во многихъ отношеніяхъ онъ впадалъ въ другую ошибку. Онъ признавалъ все. Можно впасть въ заблужденіе, идя къ истинѣ. Онъ былъ до того прямодушенъ, что бралъ все, безъ исключенія. На новомъ пути, на который онъ вступилъ, обсуждая недостатки стараго режима и измѣряя славу Наполеона, онъ не признавалъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Какъ бы то ни было, важный шагъ былъ сдѣланъ. Тамъ, гдѣ онъ видѣлъ раньше паденіе монархіи, онъ видѣлъ теперь величіе Франціи. Онъ перемѣнилъ положеніе, и на мѣстѣ прежняго запада очутился востокъ.

Семья его не подозрѣвала, что въ немъ совершаются всѣ эти перевороты.

Когда въ немъ происходила эта таинственная работа, когда онъ сбросилъ съ себя старую оболочку приверженца бурбоновъ и «ультра», когда онъ освободился отъ аристократизма и роялизма и превратился въ настоящаго революціонера, онъ отправился къ граверу на набережную des Orfèvres и заказалъ сотню карточекъ: «Баронъ Маріусъ Понмерси».

Это было лишь логическимъ послѣдствіемъ происшедшей въ немъ перемѣны, въ которой все тяготѣло къ его отцу. Но такъ какъ у него совсѣмъ не было знакомыхъ, а раздавать свои карточки швейцарамъ не стоило, то онъ положилъ ихъ въ карманъ.

По мѣрѣ того, какъ Маріусъ становился ближе къ своему отцу, къ его памяти и къ тому, за что полковникъ бился въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, онъ отдалялся отъ дѣда. Это было другимъ логическимъ послѣдствіемъ совершившейся въ немъ перемѣны. Мы уже говорили, что характеръ Жильнормана былъ Маріусу всегда не по душѣ. Между дѣдомъ и внукомъ уже происходили диссонансы, какіе бываютъ всегда между серьезнымъ молодымъ человѣкомъ и легкомысленнымъ старикомъ.

Веселость Жеронта оскорбляетъ и раздражаетъ Вертера.

Пока они придерживались однихъ политическихъ взглядовъ и идей, они хоть въ этомъ сходились между собою. Между ними былъ мостъ. А когда этотъ мостъ рухнулъ, между ними разверзлась пропасть. Къ тому же Маріусъ испытывалъ страшное возмущеніе при мысли, что не кто другой, какъ Жильнорманъ, изъ-за какихъ-то нелѣпыхъ побужденій, безжалостно отнялъ его у полковника, лишилъ отца сына и сына—отца.

Изъ-за глубокой жалости къ отцу Маріусъ дошелъ почти до ненависти къ дѣду.

Все это, однако, Маріусъ хранилъ про себя и не выдавалъ ничѣмъ. Онъ только дѣлался все холоднѣе и холоднѣе, все молчаливѣе за столомъ и рѣже бывалъ дома. Когда тетка начинала бранить его за это, онъ кротко выслушивалъ ее и ссылался на свои занятія, лекціи, экзамены и т. п. А дѣдъ все еще считалъ непогрѣшимымъ свой діагнозъ: «Влюбленъ! Я ужъ знаю и вижу!»

Время отъ времени Маріусъ отлучался изъ дома.

— Куда же это онъ уѣзжаетъ? — удивлялась тетка.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, всегда очень короткихъ, Маріусъ, повинуясь указаніямъ отца, отправился въ Монфермейль и принялся разыскивать бывшаго ватерлооскаго сержанта, трактирщика Тенардье. Оказалось, что трактиръ закрытъ, а Тенардье разорился и никто не знаетъ, что съ нимъ сталось. Изъ-за этихъ розысковъ Маріусъ четыре дня не былъ дома.

— Онъ, какъ кажется, совсѣмъ свихнулся,—сказалъ дѣдъ.

Замѣтимъ, что у Маріуса появилась на шеѣ черная ленточка и что онъ сталъ прятать на груди, подъ рубашкой что-то, надѣтое на этой ленточкѣ.

VII.

Какая-нибудь юбка.

Мы уже упоминали объ одномъ уланѣ.

Это былъ внучатный племянникъ Жильнормана съ отцовской стороны, проводившій жизнь въ гарнизонѣ, вдали отъ родныхъ и семейныхъ очаговъ. Поручикъ Теодюль Жильнорманъ обладалъ всѣмъ, что требуется для такъ называемаго красиваго офицера.

У него была талія, какъ у барышни, умѣнье какъ-то особенно побѣдоносно волочить за собой саблю, и длинные, лихо закрученные усы. Онъ очень рѣдко пріѣзжалъ въ Парижъ, такъ рѣдко, что Маріусъ даже не видалъ его. Двоюродные братья знали другъ друга только по имени. Теодюль—мы, кажется, уже говорили это—былъ любимцемъ тетушки Жильнорманъ, которой онъ очень нравился потому, что она рѣдко видала его. Не видя людей, легко надѣлять ихъ всевозможными совершенствами.

Разъ утромъ m-lle Жильнорманъ старшая пришла къ себѣ настолько взволнованная, насколько это было возможно при ея невозмутимости. Маріусъ опять попросилъ у дѣда позволенія сдѣлать небольшую поѣздку и разсчитывалъ ѣхать въ тотъ же день вечеромъ.

— Поѣзжай,—сказалъ дѣдъ и пробормоталъ про себя, поднявъ брови: «Онъ все чаще и чаще не ночуетъ дома».

M-lle Жильнорманъ пошла въ свою комнату сильно заинтригованная. Когда она входила по лѣстницѣ, у нея вырвалось восклицаніе: «Это ужъ слишкомъ!» и затѣмъ вопросъ: «Но куда же, наконецъ, онъ ѣздитъ?»

У нея явилось смутное предчувствіе какой-нибудь сердечной исторіи, болѣе или менѣе предосудительной, она видѣла женщину въ тѣни, свиданіе, тайну и охотно сунула бы туда свой носъ съ напяленными на него очками. Смакуя чужую тайну, какъ будто самъ участвуешь въ романическомъ приключеніи, а благочестивыя души не прочь отъ этого. Въ глубокихъ тайникахъ ханжества скрывается любопытство къ скандаламъ.

Итакъ, тетушка умирала отъ желанія узнать исторію племянника.

Чтобы немножко разсѣяться отъ этого любопытства, которое такъ непривычно волновало ее, m-lle Жильнорманъ прибѣгла къ своимъ талантамъ и начала обметывать бумагой фестоны на одномъ изъ тѣхъ бывшихъ въ модѣ во времена имперіи и реставраціи вышиваній, гдѣ такъ много дырочекъ съ паутинками, похожихъ на колесики.

Работа была скучна, а работница угрюма. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сидѣла она на своемъ стулѣ, какъ вдругъ отворилась дверь. M-lle Жильнорманъ подняла носъ—предъ ней стоялъ поручикъ Теодюль и привѣтствовалъ ее по-военному, приложивъ пальцы ко лбу. Она вскрикнула отъ радости. Можно быть старухой, чопорной, ханжой, теткой—и все-таки испытывать удовольствіе, видя въ своей комнатѣ улана.

— Ты здѣсь, Теодюль!—воскликнула она.

— Проѣздомъ, тетушка.

— Поцѣлуй же меня.

— Извольте.

И Теодюль поцѣловалъ ее.

M-lle Жильнорманъ подошла къ своему письменному столу и отворила его.

— Но ты пробудешь у насъ хоть недѣлю?—спросила она.

— Нѣтъ, тетенька, я уѣзжаю сегодня же вечеромъ.

— Не можетъ быть!

— Математически вѣрно.

— Останься, дружокъ, ну я тебя прошу.

— Сердце говоритъ «да», а служба «нѣтъ»,—возразилъ Теодюль.—Дѣло вотъ въ чемъ. Насъ переводятъ въ другой городъ. Мы стояли въ Мелёнѣ, а теперь переходимъ въ Гальонъ. Парижъ пришелся какъ разъ по пути. И я сказалъ себѣ: «заѣду повидаться съ тетенькой».

— Вотъ тебѣ за труды.

И m-lle Жильнорманъ сунула ему въ руку десять луидоровъ.

— Вы хотите сказать за удовольствіе, милая тетя.

Теодюль поцѣловалъ ее еще разъ, и она съ наслажденіемъ почувствовала, какъ галуны его мундира царапнули ей шею.

— Ты ѣдешь верхомъ со своимъ полкомъ?—спросила она.

— Нѣтъ, тетя, мнѣ хотѣлось повидаться и я выпросилъ позволенія ѣхать отдѣльно. Мою лошадь ведетъ денщикъ. А я поѣду въ дилижансѣ. Кстати, я хочу кое о чемъ спросить васъ.

— Что такое?

— Развѣ мой кузенъ, Маріусъ Понмерси, тоже уѣзжаетъ куданибудь?

— Почему ты знаешь?—воскликнула тетка, вновь загораясь любопытствомъ.

— Пріѣхавъ въ городъ, я пошелъ въ контору дилижансовъ, чтобы заранѣе взять себѣ мѣсто

— Ну?

— Одно мѣсто на имперіалѣ было ужъ занято. Я прочелъ въ спискѣ имя путешественника.

— Какое имя?

— Маріусъ Понмерси.

— Ахъ, повѣса!—воскликнула тетушка.—Да, твой двоюродный братъ ведетъ себя далеко не такъ хорошо, какъ ты. Скажите, пожалуйста—онъ ѣздитъ по ночамъ въ дилижансѣ!

— Какъ и я.

— Ты — дѣло другое; ты ѣдешь по службѣ, а онъ по испорченности.

— Чортъ возьми!

Тутъ съ m-lle Жильнорманъ случилось нѣчто необыкновенное: у нея въ умѣ сверкнула блестящая мысль. Будь она мужчиной, она непремѣнно хлопнула бы себя по лбу.

— А вѣдь твой двоюродный братъ, кажется, ни разу тебя не видалъ?—спросила она.

— Ни разу. Я какъ-то видѣлъ его; но онъ не удостоилъ обратить на меня свое вниманіе.

— Значитъ вы поѣдете вмѣстѣ?

— Онъ—на имперіалѣ, я—внутри.

— Куда идетъ этотъ дилижансъ?

— Въ Анделисъ.

— Такъ Маріусъ ѣдетъ туда?

— Да, если только не выйдетъ гдѣ-нибудь по дорогѣ. Я съ своей стороны остановлюсь въ Вернонѣ, чтобы захватить корреспонденцію въ Гальонъ. О маршрутѣ Маріуса я не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Маріусъ! Какое отвратительное имя! И пришло же въ голову назвать его Маріусомъ. Какъ хорошо, что тебя зовутъ Теодюль.

— Мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобы меня звали Альфредомъ,— сказалъ уланъ.

— Послушай, Теодюль.

— Слушаю, тетенька.

— Какъ можно внимательнѣе.

— Очень внимательно.

— Готовъ ты?

— Вполнѣ.

— Ну, такъ знай же, что Маріусъ сталъ часто отлучаться изъ дома.

— Эге!

— Онъ уѣзжаетъ куда-то.

— Ага!

— Онъ не ночуетъ дома.

— Ого!

— Намъ хотѣлось бы знать причину этого.

— Какая-нибудь юбка,—равнодушно проговорилъ Теодюль и, усмѣхнувшись про себя, прибавилъ увѣренно: — Какая-нибудь дѣвчонка!

— Навѣрное, такъ!—воскликнула тетка, которой показалось, что она слышитъ самого Жильнормана. Слово «дѣвчонка», произнесенное внучатнымъ племянникомъ почти такимъ же тономъ, какимъ говорилъ его двоюродный дѣдъ, вполнѣ убѣдило ее.

— Сдѣлай намъ одолженіе,—продолжала она.—Послѣди немножко за Маріусомъ. Тебѣ это будетъ не трудно—онъ тебя не знаетъ. Такъ какъ тутъ замѣшана женщина, то постарайся увидать ее. Ты намъ напишешь объ всемъ. Это позабавитъ дѣдушку.

Теодюля нисколько не привлекало такого рода шпіонство; но десять луидоровъ глубоко тронули его—къ тому же весьма возможно, что послѣдуетъ и продолженіе. Въ виду этого онъ рѣшился взять на себя порученіе.

— Я готовъ исполнить ваше желаніе, тетушка,—сказалъ онъ и прибавилъ про себя: «Такъ, значитъ, я попалъ въ дуэньи!»

М-lle Жильнорманъ поцѣловала его.

— Вотъ ты, мой другъ, неспособенъ на такія шалости. Ты повинуешься дисциплинѣ, свято исполняешь приказанія начальства, ты человѣкъ совѣсти и долга и не бросилъ бы семью изъ-за какой-нибудь дрянной дѣвчонки!

Уланъ состроилъ довольную гримасу, гримасу Картуша, котораго похвалили за честность.

Вечеромъ, въ тотъ самый день, какъ происходилъ этотъ разговоръ, Маріусъ взобрался на имперіалъ дилижанса, нимало не подозрѣвая, что за нимъ слѣдятъ. Что же касается самого шпіона,

то онъ первымъ дѣломъ заснулъ. Сонъ его былъ крѣпкій и вполнѣ добросовѣстный. Аргусъ преспокойно прохрапѣлъ всю ночь.

На разсвѣтѣ кучеръ закричалъ:

— Вернонъ! Остановка въ Вернонѣ! Кто выходитъ въ Вернонѣ?

И поручикъ проснулся.

— Хорошо,—пробормоталъ онъ, еще не совсѣмъ опомнившись,—я выхожу здѣсь.

Потомъ, по мѣрѣ того, какъ прояснялась его память, онъ вспомнилъ о теткѣ, объ ея десяти луидорахъ и о своемъ обѣщаніи прислать ей подробный отчетъ о похожденіяхъ Маріуса. Это разсмѣшило его.

«Можетъ-быть, Маріусъ ужъ давно сошелъ съ дилижанса,—подумалъ онъ, застегивая мундиръ.—Онъ могъ остановиться въ Пуасси, могъ выйти въ Тріелѣ, Меланѣ, Мантѣ, если только не сошелъ въ Рольбуазѣ или Пасси и не свернулъ налѣво въ Эврё или направо въ Ларошъ-Гюйонъ. Попробуй-ка сама побѣгать за нимъ, любезная тетушка! Что же, однако, чортъ возьми, напишу я этой доброй старухѣ?»

Въ эту минуту въ окнѣ кареты показались черные брюки спускавшагося съ имперіала пассажира.

«Ужъ не Маріусъ ли это?» подумалъ поручикъ.

Это былъ, дѣйствительно, Маріусъ.

Около дилижанса молодая крестьянка, пробравшись между кучерами и лошадьми, предлагала путешественникамъ цвѣты.

— Купите цвѣтовъ для вашихъ дамъ!—кричала она.

Маріусъ подошелъ къ ней и выбралъ самые лучшіе цвѣты съ ея лотка.

«Однако, это становится интересно,—подумалъ, выскакивая изъ кареты поручикъ.—Кому, чортъ возьми, преподнесетъ онъ эти цвѣты? Для такого чудного букета нужна очень хорошенькая женщина. Я хочу на нее взглянуть».

И теперь уже не по порученію тетушки, а изъ желанія удовлетворить свое собственное любопытство, поручикъ послѣдовалъ за Маріусомъ. Такъ иногда охотничьи собаки охотятся не для хозяина, а для себя лично.

Маріусъ не обращалъ никакого вниманія на Теодюля. Красивыя женщины выходили изъ дилижанса—онъ не смотрѣлъ и на нихъ. Казалось, онъ не видалъ ничего окружающаго.

«Ну, и влюбленъ же онъ!» подумалъ поручикъ.

Маріусъ направился къ церкви.

«Отлично!—пробормоталъ поручикъ.—Церковь! Лучшіе этого и не придумаешь. Свиданія, немножко приправленныя обѣдней, самыя лучшія. Перемигиваться изъ-за молитвенника—какая прелесть!»

Подойдя къ церкви, Маріусъ не вошелъ въ нее, а свернулъ въ проходъ около хоръ и исчезъ за угломъ одного изъ контрфорсовъ.

Значитъ, свиданіе будетъ подъ открытымъ небомъ,—подумалъ поручикъ.—Ну, поглядимъ, какова дѣвчонка».

И онъ на цыпочкахъ пошелъ къ углу, за которымъ скрылся Маріусъ.

Дойдя до него, онъ остолбенѣлъ.

Маріусъ, закрывъ лицо руками, стоялъ на колѣняхъ на заросшей травой могилѣ. Онъ осыпалъ ее цвѣтами изъ своего букета. На одномъ концѣ могильной насыпи, около небольшого возвышенія, обозначавшаго изголовье, стоялъ черный крестъ, на которомъ была надпись бѣлыми буквами: «Полковникъ баронъ Понмерси».

Слышно было, какъ Маріусъ плачетъ навзрыдъ.

Дѣвчонка оказалась могилой.

VIII.

Нашла коса на камень.

На эту могилу приходилъ Маріусъ въ первую свою поѣздку изъ Парижа; сюда же приходилъ онъ каждый разъ, какъ Жильнорманъ говорилъ: «Онъ не ночуетъ дома».

Поручикъ Теодюль совсѣмъ растерялся, такъ неожиданно очутившись около могилы. Онъ почувствовалъ какое-то странное и непріятное ощущеніе, котораго не могъ опредѣлить и въ которомъ уваженіе къ смерти соединилось съ уваженіемъ къ чину полковника. Онъ отступилъ, оставивъ Маріуса одного на кладбищѣ и въ этомъ отступленіи повиновался своего рода дисциплинѣ. Смерть предстала передъ нимъ въ густыхъ полковничьихъ эполетахъ, и онъ чуть-чуть не сдѣлалъ ей подъ козырекъ. Не зная, что написать теткѣ, онъ рѣшилъ совсѣмъ не писать. И, по всей вѣроятности, ничего бы не вышло изъ открытія, сдѣланнаго поручикомъ насчетъ любовныхъ похожденій Маріуса, если бы по одной изъ странныхъ и далеко не рѣдкихъ случайностей сцена въ Вернонѣ не отразилась, такъ сказать, почти сейчасъ же въ Парижѣ.

Маріусъ вернулся изъ Вернона на третій день и рано утромъ пріѣхалъ домой. Утомленный двумя проведенными въ дорогѣ ночами, онъ почувствовалъ желаніе освѣжиться и, поспѣшно снявъ дорожный сюртукъ и черную ленточку, которую носилъ на шеѣ, отправился купаться.

Жильнорманъ, проснувшись очень рано, какъ просыпаются всѣ обладающіе хорошимъ здоровьемъ старики, услыхалъ, какъ пріѣхалъ Маріусъ, и торопливо, насколько позволяли ему старыя ноги, сталъ взбираться по лѣстницѣ, ведшей подъ самую крышу, гдѣ жилъ Маріусъ. Жильнорману хотѣлось расцѣловать его и кстати разспросить, чтобы узнать, откуда онъ пріѣхалъ.

Но юноша сошелъ внизъ быстрѣе, чѣмъ старикъ поднялся наверхъ и, когда Жильнорманъ вошелъ въ мансарду, Маріуса уже не было тамъ.

Постель была не смята и на ней довѣрчиво лежали сюртукъ и черная ленточка.

— Такъ будетъ, пожалуй, еще лучше,—сказалъ старикъ.

Черезъ минуту онъ вошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла m-lle Жильнорманъ старшая, вышивая свои колесики.

Входъ былъ необыкновенно торжественный.

Старикъ держалъ въ одной рукѣ сюртукъ, въ другой черную ленточку.

— Побѣда!—воскликнулъ онъ.—Мы сейчасъ откроемъ его тайну! Мы узнаемъ все, разберемъ по косточкамъ любовныя похожденія нашего скрытнаго молодца! Вотъ тутъ весь его романъ. Я принесъ портретъ!

На ленточкѣ висѣлъ, на самомъ дѣлѣ, маленькій футляръ изъ черной шагреневой кожи, похожій на медальонъ.

Старикъ взялъ этотъ футляръ и нѣсколько времени, не открывая смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ и гнѣвомъ голоднаго бѣдняка, который видитъ, какъ у него подъ носомъ проносятъ великолѣпный обѣдъ, предназначенный не для него.

— Да, это, очевидно, портретъ. Меня не проведешь. Къ такимъ вещамъ обыкновенно относятся очень нѣжно, носятъ ихъ около сердца. Вѣдь этакіе олухи! Какая-нибудь уродина, а они трепещутъ, глядя на нее! У нынѣшнихъ молодыхъ людей преотвратительный вкусъ.

— Поглядимъ на портретъ,—сказала старая дѣва.

Жильнорманъ нажалъ пружинку, и футляръ открылся. Въ немъ не оказалось ничего, кромѣ старательно сложенной бумажки.

— Отъ той же къ тому же!—сказалъ, разразившись хохотомъ, Жильнорманъ.—Я знаю, что это такое. Это любовное письмо.

— Ахъ! Такъ прочитаемъ его!—сказала тетка.

И она надѣла очки. Они развернули бумажку и прочли нѣсколько написанныхъ на ней строкъ.

«*Моему сыну*. Императоръ сдѣлалъ меня барономъ на полѣ битвы при Ватерлоо. Такъ какъ реставрація не признаетъ моего титула, за который я заплатилъ кровью, то сынъ мой приметъ его и будетъ носить. Само собою разумѣется, что онъ будетъ его достоинъ».

Невозможно передать, что почувствовали при этомъ отецъ и дочь. На нихъ какъ будто повѣяло леденящимъ дыханіемъ смерти. Они не обмѣнялись ни словомъ. Только Жильнорманъ прошепталъ, какъ бы говоря самъ съ собою:

— Это почеркъ стараго рубаки.

Тетка осмотрѣла бумагу, повернула ее во всѣ стороны и положила назадъ въ футляръ.

Въ это время изъ кармана сюртука выпалъ длинный четырехугольный сверточекъ въ голубой бумагѣ. М-lle Жильнорманъ подняла его и развернула голубую бумажку. Это была сотня визитныхъ карточекъ Маріуса. Она передала одну изъ нихъ отцу, и онъ прочиталъ: «Баронъ Маріусъ Понмерси».

Старикъ позвонилъ. Пришла Николетта. Онъ взялъ ленточку, футляръ и сюртукъ, бросилъ все это на полъ, посреди гостиной, и сказалъ:

— Унесите отсюда этотъ хламъ!

Цѣлый часъ медленно протянулся въ глубокомъ молчаніи. Старикъ и его дочь сидѣли, отвернувшись другъ отъ друга, и

каждый изъ нихъ думалъ, по всей вѣроятности, одну и ту же думу. Наконецъ m-lle Жильнорманъ сказала:

— Да, очень мило!

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого явился Маріусъ. Онъ только что вернулся домой.

Еще не входя въ гостиную, онъ замѣтилъ, что дѣдъ держитъ въ рукѣ одну изъ его карточекъ. Увидавъ Маріуса, старикъ крикнулъ своимъ всегдашнимъ тономъ буржуазнаго насмѣшливаго превосходства, въ которомъ было что-то подавляющее:

— Каково! Каково! Каково! Такъ ты теперь ужъ баронъ? Поздравляю тебя. Что это значитъ?

Маріусъ слегка покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Это значитъ, что я сынъ моего отца.

Жильнорманъ пересталъ усмѣхаться и рѣзко проговорилъ:

— Твой отецъ—я.

— Мой отецъ,—продолжалъ Маріусъ сурово, опустивъ глаза,— былъ человѣкъ скромный, но герой, который со славою служилъ республикѣ и Франціи, который былъ великъ среди самыхъ великихъ подвиговъ, когда-либо совершонныхъ людьми, который жилъ въ продолженіе четверти столѣтія на бивуакѣ, днемъ подъ картечью и пулями, ночью въ снѣгу, въ грязи, подъ дождемъ, который взялъ два непріятельскихъ знамени, получилъ двадцать ранъ, умеръ забытый, покинутый, виновный лишь въ томъ, что слишкомъ горячо любилъ двухъ неблагодарныхъ — свою родину и меня.

Маріусъ сказалъ больше, чѣмъ могъ вынести Жильнорманъ. При словѣ «республика» старикъ всталъ или лучше сказать, вскочилъ и выпрямился во весь ростъ. Каждое слово, которое произносилъ Маріусъ, дѣйствовало на него, какъ кузнечные мѣхи на горящій уголь. Темное лицо его сдѣлалось краснымъ, изъ краснаго—пунцовымъ, изъ пунцоваго—багровымъ.

— Маріусъ! — воскликнулъ онъ. — Отвратительный мальчишка! Я не знаю, каковъ былъ твой отецъ! И не хочу знать! Я ничего не знаю о немъ—не знаю его! Я знаю только, что между всѣми этими людьми не было никогда ни одного порядочнаго человѣка! Всѣ они были негодяи, убійцы, красные колпаки, воры! Всѣ, рѣшительно всѣ! Я не зналъ ни одного порядочнаго! Всѣ безъ исключенія! Слышишь, Маріусъ? Ты такой же баронъ, какъ моя туфля! Только одни бандиты служили Робеспьеру! Только разбойники служили Бу-о-на-парте! Измѣнники, которые предали, предали, предали своего законнаго короля! Трусы, бѣжавшіе передъ пруссаками и англичанами при Ватерлоо! Вотъ что я знаю! Если вашъ любезный родитель принадлежалъ къ ихъ числу — очень жаль, но только я прошу меня извинить: слуга покорный!

Теперь Маріусъ, въ свою очередь, запылалъ, какъ уголь, подъ дѣйствіемъ кузнечныхъ мѣховъ Жильнормана. Юноша дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не зналъ, что дѣлать; голова его горѣла. Онъ чувствовалъ то же, что почувствовалъ бы священникъ, видя, какъ оскорбляютъ его святыню, или факиръ, видя, какъ оплевываютъ

его божество. Онъ не могъ допустить, чтобы подобныя вещи безнаказанно говорили ему въ лицо. Но что же сдѣлать? Его отца оскорбляли, топтали ногами въ его присутствіи и кто же? Его дѣдъ. Какъ отомстить за одного, не обидѣвъ другого? Онъ не могъ оскорбить дѣда, но не могъ не отомстить и за своего отца. Съ одной стороны, священная могила, съ другой — сѣдые волосы. Нѣсколько мгновеній какой-то вихрь кружился у него въ головѣ, и онъ стоялъ ошеломленный, не зная, на что рѣшиться. Но вдругъ онъ поднялъ глаза, устремилъ ихъ на дѣда и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Долой Бурбоновъ и эту толстую свинью,—Людовика XVIII!

Людовикъ умеръ четыре года тому назадъ, но это было безразлично для Маріуса.

Лицо старика изъ багроваго сдѣлалось вдругъ бѣло, какъ его волосы. Онъ повернулся къ бюсту герцога Беррійскаго, стоявшему на каминѣ и съ какою-то странною величавостью низко поклонился ему. Потомъ онъ медленно и молча прошелся два раза отъ камина къ окну и отъ окна къ камину, поперекъ всей гостиной; онъ былъ похожъ въ это время на каменную статую, и паркетъ трещалъ у него подъ ногами. Пройдя два раза по гостиной, онъ нагнулся къ дочери, которая присутствовала при этой ссорѣ съ видомъ оторопѣвшей отъ испуга старой овцы, и сказалъ улыбаясь, почти спокойно:

— Такой баронъ, какъ этотъ господинъ, и такой буржуа, какъ я, не могутъ оставаться подъ одной кровлей.

Потомъ онъ выпрямился и, блѣдный, дрожащій, грозный, гнѣвный, протянулъ руку къ Маріусу и крикнулъ ему:

— Вонъ!

Маріусъ ушелъ изъ дома.

На другой день Жильнорманъ сказалъ дочери:

— Вы будете каждые полгода посылать этому кровопійцѣ по шестидесяти пистолей. И прошу васъ никогда не упоминать его имени.

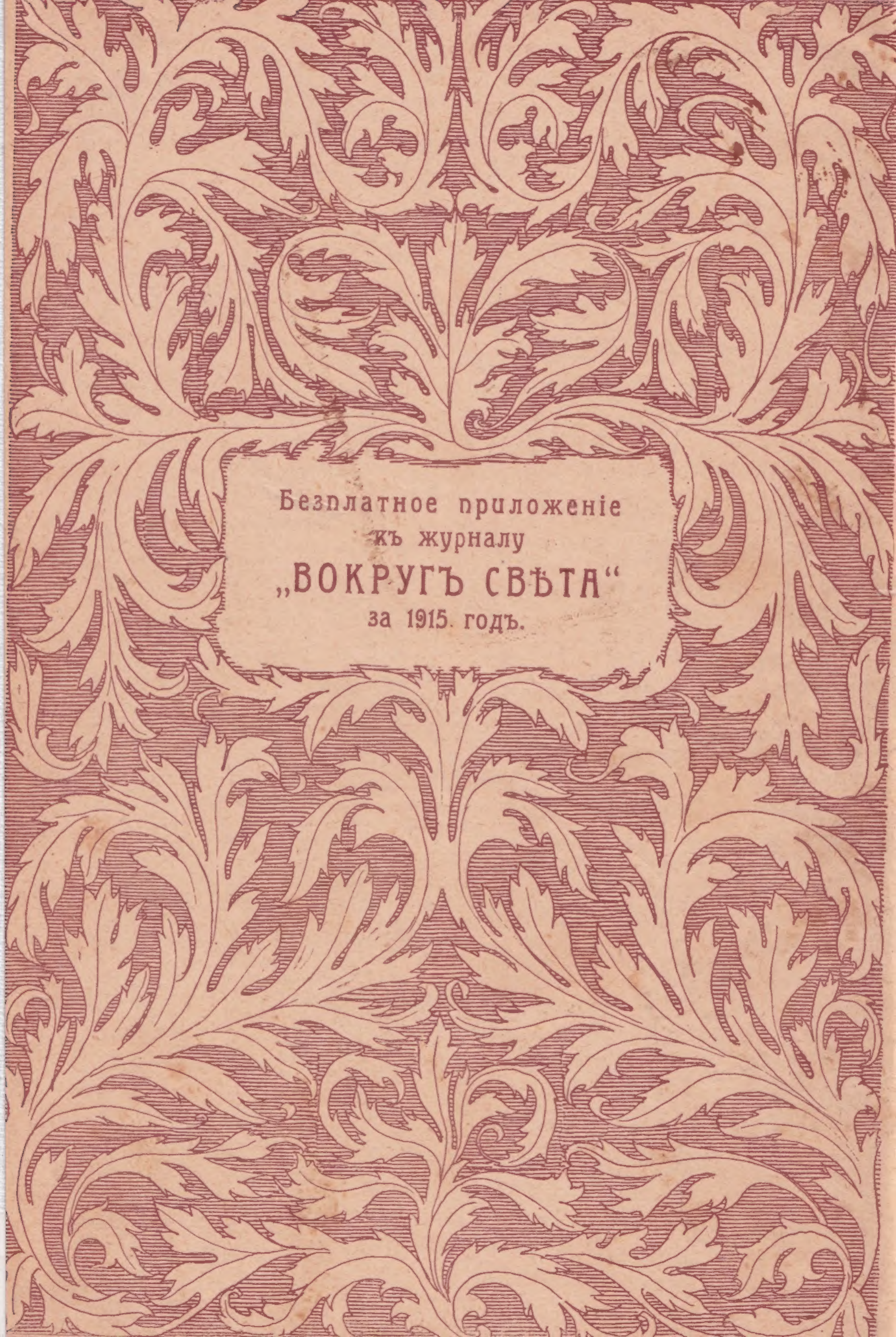
Такъ какъ въ душѣ старика еще кипѣлъ громадный запасъ гнѣва, который ему не на кого было излить, то онъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ говорилъ своей дочери «вы».

Маріусъ съ своей стороны удалился возмущенный. Одно обстоятельство еще усилило его раздраженіе. Маленькія роковыя случайности часто усложняютъ семейныя драмы. Раздраженіе усиливается, хоть сумма обидъ въ сущности не увеличилась. Николетта, которой Жильнорманъ велѣлъ убрать изъ гостиной «хламъ», спѣша поскорѣе унести его въ комнату Маріуса, нечаянно выронила, должно-быть, на темной лѣстницѣ, ведущей наверхъ, черный шагреневый медальонъ, въ которомъ хранилась записка полковника. Ни этой записки, ни медальона не могли найти. Маріусъ былъ увѣренъ, что «г. Жильнорманъ»—съ этого дня онъ не называлъ его иначе—бросилъ въ огонь завѣщаніе его отца. Онъ зналъ наизусть всѣ эти немногія строки, написанныя полковникомъ такъ что потери въ сущности не было никакой; но бумага, по-

черкъ были ему дороги, какъ священная реликвія. Что съ ними сдѣлали?

Маріусъ ушелъ, не сказавъ, куда уходитъ и самъ не зная этого, съ тридцатью франками въ карманѣ, часами и кое-какими пожитками въ дорожномъ мѣшкѣ. Онъ взялъ на биржѣ кабріолетъ, нанялъ его по часамъ и отправился наугадъ въ Латинскій кварталъ.

Что будетъ съ Маріусомъ?

Безплатное приложенiе
къ журналу
„ВОКРУГЪ СВѢТА“
за 1915. годъ.